

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

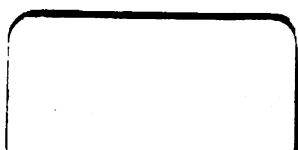
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856145 7

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ XLIII. — ТОМЪ CCLIV. — 1/18 НОЯБРЯ, 1879.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЫ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-я.

НОЯБРЬ, 1879.

ПЕТЕРБУРГЪ.

НГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1879.

Стр.

ОНЪ. — Очерки столицы и правительства Соединенныхъ-Штатовъ. — Изъ наблюденій русскаго путешественника въ 1878 г. — VI—XI. — Мировопольскаго.	58
ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. — Историческій очеркъ проектовъ до окончательнаго утвержденія. — скій.	58
ДОМАШНИЙ ОЧАГЪ. — Повѣсть. — XIX—XXIII. — Д. Н. Стахѣва.	98
ЕМЕЛЬНЫЕ БАНКИ И ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ. — Н. Г. Приица.	141
ВАРЕНЬКА УЛЬМИНА. — Повѣсть. — Прологъ и часть первая. — Л. Н. С.	163
МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ. — Л. А.	247
БѢЛЫЯ НОЧИ. — Стих. Н. Минскаго.	272
ХРОНИКА. — ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Новая книга русскою и ино- странныхъ литературы.	282
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1877 г. — Университеты и гимназій. — <i>Desiderata</i> современнаго гимназическаго устройства. — Прочія училища. — Защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, и бро- шюра г. фонъ-деръ-Ховена. — Новый мостъ черезъ Неву. — Событіе въ ревель- ской думѣ.	316
X. — РАЗЪЯСНЕНІЕ. — По требованію министерства народнаго просвѣщенія.	311
XI. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА. — Возстаніе въ Кабулѣ, и аграрное положеніе въ Ирландіи. — R.	355
XII. — ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. — За кулисами. — Глава изъ новаго романа "Нана". — Эм. Зола.	371
XIII. — ЮБИЛЕЙ КРАШЕВСКАГО. — Письмо изъ Кракова. — К. Д.	401
XIV. — ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА. — Наши недоразумѣнія съ Германіею и лордъ Сольсберіи.	428
XV. — НЕКРОЛОГЪ. — Сергей Михайловичъ Соловьевъ. — С.	437
XVI. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ. — Записки Охотника, И. Тургенева. 1-ое стереотипное изданіе. — Живописная Россія, т. I, вып. 3 и 4. — Годная Старина, В. Д. Сивовскаго. — Русская начальная школа, бар. Н. А. Корфа. — Руководство къ Токсикологіи, п. р. Е. Полкина.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

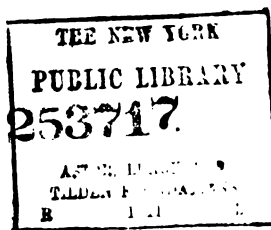
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 7.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1879

ВАШИНГТОНЪ

О Ч Е Р К И

СТОЛИЦЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВА Соединенныхъ Штатовъ Америки.

VI *).

Перейдемъ теперь отъ сената къ палатѣ представителей. Члены ея представляютъ именно *народъ*, его интересы, желанія, нужды,—а не государство. Депутатъ долженъ имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и быть гражданиномъ Союза; иностранцы, по натурализаціи ихъ черезъ пять лѣтъ, должны быть еще гражданами 7 лѣтъ, т.-е. они могутъ быть депутатами послѣ 12-лѣтняго пребыванія въ Союзѣ. Число депутатовъ зависитъ отъ числа жителей; въ настоящее время ихъ—292: по одному на каждые 135,000 жителей ¹⁾. Избирателями ихъ могутъ и должны быть лица, которыя имѣютъ право голоса при выборахъ въ своемъ штатѣ ²⁾. Срокъ депутатскихъ полномочій двухгодичный; выборы

*) См. выше: октябрь, 514 стр.

¹⁾ При первой организаціи Союза одинъ депутатъ возлагался на каждые 30,000 жителей. Но съ увеличеніемъ народонаселенія это правило сдѣлалось практически-неудобнымъ, потому что въ такомъ случаѣ въ настоящее время, при 46-милліонномъ населеніи Союза, число представителей возросло бы до 1500 членовъ, что могло мѣшать правильному и быстрому ходу дѣлъ. Поэтому конгрессъ постановилъ еще въ 1787 году дѣлать каждыя 10 лѣтъ народную перепись и сообразовать число представителей согласно приросту народонаселенія. Первая перепись (census) была сдѣлана въ 1790 г., затѣмъ, черезъ каждыя 10 лѣтъ, она повторилась, т.-е. 1800, 1810, 1820 и т. п. Въ настоящее время дѣлаются внутреннія приготовленія для переписи 1880 года.

²⁾ Этотъ пунктъ конституціи имѣлъ сильныхъ противниковъ; многіе опасались прямого народнаго представительства на томъ основаніи, что это могло бы дать не-

новыхъ депутатовъ происходятъ теперь въ ноябрѣ черезъ каждые два года. Въ ноябрѣ 1878 года выборы на два года, т.-е. до ноября 1880 года.

Главная власть и обязанность депутатовъ—составлять новые, дополнять или измѣнять старые законы, т.-е. законодательствовать вмѣстѣ съ сенатомъ и при его содѣйствіи и согласіи. При этомъ палата депутатовъ, какъ непосредственная представительница народа, облечена властью исключительною, относительно законовъ о налогахъ, таксахъ и ихъ взиманіяхъ. Сенатъ, не имѣя права почина въ этомъ дѣлѣ, по обсужденіи такихъ законовъ депутатами, разсматриваетъ ихъ снова, и затѣмъ, или даетъ свое согласіе или отказывается, съ изложеніемъ своихъ мотивовъ отказа. Въ такомъ случаѣ, билль вторично идетъ въ палату депутатовъ для разсмотрѣнія его поправокъ, дополненій или измѣненій къ нему.

Кромѣ этого, только палата депутатовъ можетъ подвергать суду официальныхъ лицъ въ случаѣ ихъ незаконныхъ дѣйствій; но право суда надъ обвиненными имѣетъ только сенатъ. Палатѣ же депутатовъ предоставляется право избирать президента Соед.-Штатовъ въ случаѣ, если голоса народа раздѣлятся между нѣсколькими кандидатами на президентство.

Прекрасная комфортабельная зала палаты дѣлаетъ очень пріятное впечатлѣніе и достойна своего назначенія—быть мѣстомъ обсужденія высшихъ интересовъ страны. Наружность представителей также поддерживаетъ это впечатлѣніе. Физіономіи большинства выражаютъ умъ, сметливость, энергію, живость; правда, въ ихъ манерахъ вы не найдете той выдержки и элегантности, которыя цѣлыми поколѣніями вырабатываются въ европейскихъ аристократическихъ фамиліяхъ; но, во-первыхъ, эта выдержка для законодательства не имѣетъ значенія, а во-вторыхъ, американскіе депутаты въ своихъ манерахъ и движеніяхъ просты, но

желательную силу народныхъ массамъ. Но противное мнѣніе восторжествовало, главнымъ образомъ потому, что было опасеніе у самихъ противниковъ демократіи, что народъ, лишенный прямого представительства, отвергнетъ конституцію. По настоящему же закону, если, напр., нѣкоторые граждане штата Флориды имѣютъ право избирать членомъ своей мѣстной легислатуры и администраціи, то они же избираютъ своихъ депутатовъ въ конгрессъ. Поэтому, напр., штатъ Орегонъ далъ избирательныя права женщинамъ. Получивъ это право для своихъ мѣстныхъ выборовъ, онѣ получили вмѣстѣ съ тѣмъ право избирать своихъ депутатовъ и въ конгрессъ. И если они достаточно сильны политически, то могутъ послать въ конгрессъ своими депутатами женщинъ. Негры провели этимъ способомъ своихъ представителей, негрѣ же, въ общ. вѣтъ конгресса, т.-е. имѣютъ въ немъ своихъ и сенаторовъ, и депутатовъ.

не грубы. Есть между ними нѣсколько членовъ, которыхъ и европейская аристократія признала бы за своихъ собратьевъ; но такихъ не много. Въ числѣ депутатовъ находятся и два негра. Конечно, если они избраны въ депутаты, то это непременно люди не безъ ума и таланта; дѣйствительно, держать они себя скромно, но съ достоинствомъ, какъ и слѣдуетъ представителю народа. При всемъ томъ, съ непривычки, присутствіе ихъ здѣсь кажется страннымъ; они какъ будто здѣсь не на мѣстѣ. Тѣмъ болѣе, что, какъ на зло, эти депутаты представляютъ чистый типъ негра: черныи цвѣтъ кожи, ни мало не смягченный переменною климата; черныи курчавыи волосы, выдавшіися скулы, отвислыи толстыи губы и великолѣпныи бѣлыи зубы. Одѣты они элегантно, какъ настоящіи джентльмены, и при этомъ чистое бѣлое бѣлье дѣлаетъ ихъ черноту еще болѣе рельефною. Но за всемъ тѣмъ—они народные депутаты, законодатели, и ихъ бѣлыи сочлены должны спрашивать ихъ мнѣнія, выслушивать ихъ рѣчи и замѣчанія и принимать ихъ голосъ по всемъ дѣламъ наравнѣ съ прочими бѣлыми депутатами. И бѣлыи депутаты относятся къ нимъ какъ къ равнымъ, дружески пожимаютъ руки, разговариваютъ, шутятъ и т. п. Но это только официально; внѣ официальныхъ сношеній, между бѣлыми и черными людьми еще такая бездна, что нужна смѣна нѣсколькихъ поколѣній, чтобы сблизить эти двѣ расы до признанія полнаго равенства. Но объ этомъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

Просматривая біографическіе очерки депутатовъ, мы видимъ, что и здѣсь, какъ и въ сенатѣ, большая часть ихъ начала свою карьеру въ званіи учителей народныхъ школъ; меньшая часть въ званіи приказчиковъ, подмастерьевъ и т. п. Затѣмъ, съ лѣтами, профессія учительская, приказничья и прочія мѣнялись не разъ въ періодъ до депутатства; и потому вы здѣсь находите и фермеровъ, и адвокатовъ, и врачей, и фабрикантовъ, и купцовъ, и банкировъ, и бывшихъ чиновниковъ, и полковниковъ и генераловъ союзной арміи. Народъ этотъ болѣею частью среднихъ лѣтъ, между 35 и 50; очень молодыхъ и очень старыхъ немного.

Зала депутатовъ по объему почти одинакова съ сенатскою; но сенаторовъ, съ делегатами отъ территорій и чиновниками, всего человѣкъ около 90; въ палатѣ же однихъ депутатовъ 292; прибавивъ къ этому 9 делегатовъ, чиновниковъ, пажей и почетныхъ посѣтителей (официальныхъ, такъ какъ частныи не имѣютъ права входа), мы найдемъ, что въ этой залѣ находится народу далеко за 300 душъ. Такое количество разнообразнаго народа должно производить значительный шумъ, уже

только механической. Но этотъ шумъ усиливается, если нѣтъ для него регулятора, какъ въ палатѣ. Тутъ къ механическому шуму присоединяется громкій разговоръ и смѣхъ депутатовъ, раздающіеся по всей залѣ, ихъ переходы другъ къ другу и къ столу спикера ¹⁾, ихъ входы и выходы изъ залы. Кроме этого, многіе члены пишутъ, причемъ шелестъ бумаги, посыпаніе пескомъ незасохшихъ чернилъ и ссыпаніе, отпираніе и запираніе ящиковъ въ ихъ письменныхъ столахъ, увеличиваютъ шумъ еще больше; переворачиваніе огромныхъ газетныхъ листовъ читающими также не обходится безъ шума. Затѣмъ, около каждаго депутата ворохъ книгъ и разныхъ документовъ въ столѣ, на немъ и подъ нимъ, и подъ кресломъ; когда хозяинъ розыскиваетъ нужный документъ, то часть этого печатнаго матеріала сваливается, и пажи подбираютъ не безъ шума. Далѣе, депутаты во время засѣданій отправляютъ въ свой штатъ къ избирателямъ массу циркуляровъ, газетъ, парламентскихъ рѣчей, брошюръ, писемъ. Поэтому свертки, приготовленные для почты, летятъ, если близко, изъ рукъ депутата въ уголъ, гдѣ такихъ свертковъ уже лежатъ сотни, или же, если швырканіе не удобно, — раздается громкое рукоплесканіе (принимаемое обыкновенно новыми посетителями за аплодисментъ), и по этому знаку является пажъ, который, получивъ порученіе, летитъ его исполнить. Эти маленькіе Меркуріи, очень мило дополняющіе картину, сплываютъ то-и-дѣло по всѣмъ направленіямъ и уже, конечно, не прибавляютъ тишины. Всѣ корридоры около залы полны народомъ; это главнымъ образомъ люди дѣловые, имѣющіе надобность въ своихъ депутатахъ; тутъ вы видите представителей всего Союза: мужчинъ, лэди и миссъ; они или онѣ пишутъ свои адреса на карточкахъ и передаютъ ихъ «хранителю дверей» ²⁾, который

¹⁾ Титулъ „спикера“ получаетъ каждый предсѣдатель палаты депутатовъ; спикеръ англійское слово: speaker—говоритель, ораторъ, отъ speak—говорить (англо-саксонское слово, соответствующее нѣмецкому sprechen). Спикеръ избирается депутатами изъ своей среды, т.-е. онъ и самъ депутатъ, тогда какъ прочіе чиновники палаты избираются не изъ депутатовъ, какъ-то: секретарь, sergeant-at-arm, почтмейстеръ и хранитель дверей. Званіе спикера не только почтенно, но имѣетъ важное политическое значеніе. Президентъ палаты общинъ въ англійскомъ парламентѣ называется также speaker, и въ Англии это названіе перешло въ Америку. Спикеръ предсѣдательствуетъ въ палатѣ, поддерживаетъ въ ней порядокъ, и назначаетъ постоянные комитеты палаты.

²⁾ Хранители дверей (Door-keeper) въ сенатѣ и палатѣ депутатовъ, несмотря на кажущуюся маловажность ихъ службъ, такъ какъ door-keeper въ сущности „сторожъ при дверяхъ“, — на дѣлѣ лица не только важныя, но и вліятельныя, и обыкновенно избираются изъ полковниковъ или генераловъ сенатомъ и палатою особо. Въ сенатѣ,

ни самъ относить ихъ въ депутату, или же поручаетъ маленькому Меркурію. Депутатъ волей-неволей является на вызовъ. А такъ какъ Союзъ великъ, народу много,—то и нуждающихся въ конгрессѣ много; поэтому здѣсь говоръ и шумъ доходятъ до очень почтенныхъ размѣровъ. Двери въ палату со всѣхъ сторонъ то-и-дѣло отворяются, и этотъ ви́шній шумъ неизбежно врывается въ палату и подливаетъ масла въ огонь.

Галереи для публики могутъ вмѣстить до 1,200 человѣкъ. Такъ какъ дѣлами конгресса интересуются многіе, да и просто изъ любопытства являются тоже многіе,—то на галереѣ всегда не менѣе 300—500 человѣкъ. И хотя публикѣ здѣсь обязательно молчаніе, но человѣкъ слабъ, особенно если онъ вмѣстѣ съ лѣди: и ей и ему хочется подѣлиться наблюденіями, замѣчаніями, сказать остроту; такимъ образомъ, публика на галереѣ съ своей стороны добавляетъ не мало шума.

И среди этого шума, движенія, разговоровъ, смѣха, рукоплесканій для призыва пашей-меркуріевъ, читаются секретаремъ палаты отчеты и доклады, произносятся рѣчи, идетъ подача голосовъ и все прочее.

Если вы теперь сообразите всѣ сорта шума вольнаго и невольнаго, внизу и сверху палаты, внутри и снаружы ея,—то вы получите въ результатъ уже не шумъ, а какой-то прерывистый, разнотонный постоянный стонъ и гулъ въ этомъ законодательномъ собраніи. На первый разъ—вы просто ошеломлены тѣмъ, что вы видите передъ собою; вамъ представляется все это такимъ хаосомъ, что вы никакъ не можете связать этого величайшаго, повидимому, безпорядка съ идеею законодательнаго собранія, имѣющаго цѣлью именно вводить въ общество порядокъ. При этомъ многихъ изумляетъ и то, что нѣкоторые депутаты, читая газету, кладутъ свои ноги или на сосѣднее кресло, если оно пусто, или же на свой письменный столикъ; нѣкоторые лежатъ на диванахъ и дремлютъ; многіе сидятъ, разговаривая задомъ къ председателю; очень многіе не слѣдятъ за ходомъ дѣла,—все это вмѣстѣ взятое представляетъ собою нѣчто слишкомъ ненормальное, роняющее достоинство палаты, какъ собранія законодательнаго.

Сколько мнѣ приходилось читать объ этомъ предметѣ, это почти общій отзывъ всѣхъ иностранцевъ и многихъ американ-

гдѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, бывають секретныя засѣданія, door-keeper имѣетъ право присутствовать. Они имѣютъ помѣщеніе въ Капитоліи и получаютъ хорошее содержаніе.

цевъ. Такое же впечатлѣніе я и самъ испыталъ въ началѣ, когда еще недостаточно ознакомился съ дѣломъ. А послѣ я увидѣлъ, что ничего здѣсь въ собственномъ смыслѣ нѣтъ вреднаго для законодательства, а слѣдовательно и для страны, и ровно ничего роняющаго самихъ депутатовъ. Предметъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться, а потому и остановимся.

Конечно, весь этотъ шумъ уничтожить если не совсѣмъ, то довести его до минимума — дѣло не трудное, особенно въ Америкѣ. Нѣтъ народа болѣе уважающаго законъ и правила касательно порядка и вѣшнихъ приличій; достаточно вывѣсить извѣстныя инструкціи для поведенія публики, чтобы достигнуть желательныхъ результатовъ. Здѣсь же, въ Капитоліѣ, въ библіотекѣ конгресса, напр., требуется молчаніе, и это правило всѣми строго выполняется. Слѣдовательно и около палаты и вверху ея можно было бы предписать тишину. Но лучше ли она будетъ отъ этого?—это сомнительно, а что она при этомъ потеряетъ свою живость, оригинальность и превратится въ безжизненное, безцвѣтное собраніе законодательствующихъ мумій — это неизбѣжно.

Зачѣмъ депутаты такъ часто выходятъ изъ залы засѣданія? А зачѣмъ, что ихъ вызываютъ люди по важнымъ личнымъ или общественнымъ дѣламъ; люди притомъ, которые и послали своего депутата, какъ представителя своихъ интересовъ; онъ, принимая полномочія депутатскія, и самъ считаетъ себя и избиратели, общественнымъ слугою. Было бы весьма дико, если бы онъ отказался отъ свиданія съ своими избирателями, которые пріѣхали за тысячи миль изъ Калифорніи, Колорадо или Тексаса по общественнымъ дѣламъ. Нѣтъ, онъ не отказывается, и въ 5—10 минутъ рѣшается дѣло, которое при иныхъ порядкахъ могло бы тянуться недѣли, мѣсяцы. Критикуя американцевъ, не надо упускать изъ виду того, что здѣсь хозяинъ помѣщается внизу, и устраниваетъ верхъ для своихъ нуждъ и пользы. Депутатъ не можетъ держать себя баринишъ, недоступнымъ полубогомъ. И при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что публика не злоупотребляетъ этимъ правомъ, зная, что у каждаго депутата во время сессіи дѣла по горло и досуга почти нѣтъ.

Относительно поведенія депутатовъ въ палатѣ, надо помнить, что такое депутатъ въ конгрессѣ? Это одинъ изъ членовъ даннаго округа въ штатѣ, оторванный ради интересовъ округа и всего Союза на непродолжительное время (т.-е. на нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ двухлѣтній срокъ) и отъ своей семьи, и отъ общины и штата. Но и оторванный, онъ въ постоянной связи съ посланными

его; онъ весь подъ вліяніемъ своей мѣстной жизни; его, привычки, образъ жизни, его рѣчь, движенія, ухватки, приемы остались такими же и въ конгрессѣ, какія привились ему дома въ качествѣ фермера, купца, учителя, врача, адвоката. Онъ въ конгрессѣ, какъ у себя дома, и потому не понимаетъ, для чего и во имя чего онъ станетъ себя ломать и переименовывать? Онъ — живой представитель народа, а не мумія или статуя, назначенная для украшенія или наполненія пустого пространства. Онъ не обязанъ выслушивать приказанія и отчетливо ихъ выполнять; нѣтъ, онъ самъ посланъ сюда именно *приказывать* волею народа.

Далѣе, члены конгресса всѣ въ цвѣтѣ силъ и энергіи; большая часть изъ нихъ ведутъ огромныя коммерческія дѣла, имѣютъ фабрики, заводы, обширныя связи въ странѣ; всѣми своими интересами экономическими, нравственными, патріотическими тѣсно они связаны съ дѣлами страны и ея процвѣтаніемъ; при этомъ все это люди умные, образованные, энергичные. Понятно, что они не всегда могутъ выдержать желанное хладнокровіе, что они возбуждаются, говорятъ громко, съ жестами, и въ конгрессѣ ведутъ себя, такъ-сказать, слишкомъ свободно. Они и держатъ и ведутъ себя такъ именно потому, что каждый изъ нихъ сзади себя имѣетъ 135,000 гражданъ, интересы которыхъ онъ представляетъ и которымъ обязанъ дать *отчетъ*.

Равнодушно-ли относятся они къ дѣламъ палаты? Къ нѣкоторымъ — да, а вообще нѣтъ. Есть дѣла очень нужныя и важныя, но, такъ-сказать, покойнаго характера, каковы, напр., техническія. Положимъ, нужно очистить извѣстную гавань, устроить малакъ, построить зданіе для солдатъ, прорыть каналъ, установить новый почтовый трактъ и т. п. Понятно, что такіе предметы не могутъ вызвать ни волненій, ни возбужденій; въ палатѣ дѣла такого рода разсматриваются въ специальной комиссіи, въ палату вносятся ради формы, для ея одобренія, потому что иначе рѣшенія комиссій не имѣютъ законной силы и не могутъ быть внесены въ сенатъ. При разсмотрѣніи такихъ вопросовъ (а ихъ всегда большинство во время сессіи) депутаты мало обращаютъ вниманія на чтеніе секретаря, и заняты или разговорами, или своими дѣлами. Но и при этомъ всегда найдется человѣкъ 10—15, которые относятся съ интересомъ и къ такимъ специальнымъ дѣламъ, дѣлаютъ свои замѣчанія, дополненія и измѣненія къ докладу специального комитета, такъ что самыя дѣла отъ равнодушія большинства нисколько не страдаютъ.

Что же касается до того, что нѣкоторые изъ нихъ лежатъ на диванахъ, или владутъ ноги на столъ, то, во-первыхъ — это дѣ-

лаютъ очень немногіе, а во-вторыхъ, засѣданія продолжаются часовъ 5—6 безъ перерыва, а иногда и два раза въ день; при этомъ естественно, что нѣкоторые изъ членовъ серьезно устаютъ, а такъ какъ они здѣсь хозяева, то и позволяютъ себѣ эти маленькія вольности; но отъ этого опять не страдаютъ ни законодательство, ни общественная нравственность.

При этомъ не надобно забывать, что у каждаго народа свои обычаи, свои привычки. Посѣтите парижскую биржу,—Боже! что за страшный шумъ, гамъ, пронзительный крикъ, толкотня, возня, страшнѣйшій беспорядокъ; а между тѣмъ въ этомъ, повидимому, хаосѣ дѣлаются милліонныя дѣла, ведется всемірная торговля, и состояніе французскихъ финансовъ такое, что почти всѣ народы ставятъ ихъ себѣ въ образецъ, не исключая и американцевъ. Послѣ парижской—посѣтите лондонскую биржу—и вы изумитесь контрасту: полная тишина, благоговѣйный порядокъ, ни толкотни, ни давки. Вы думаете, что ошиблись, что это не биржа, а храмъ какой-либо секты. Нѣтъ, вы не ошиблись; это дѣйствительно биржа, но только въ ней производство дѣлъ похоже на священнодѣйствіе, причемъ банкиры представляютъ жрецовъ, приносящихъ жертвы золотому тельцу. То же и въ государственныхъ дѣлахъ.

При такомъ шумномъ веденіи дѣла труднѣе всѣхъ приходится предсѣдателью палаты, спикеру. Весь ходъ дѣла, порядокъ и главная отвѣтственность лежатъ на немъ. Обыкновенно въ спикеры избирается наиболѣе почтенное и уважаемое лицо въ палатѣ, и его нравственное вліяніе на членовъ очень велико, а политическое значеніе—еще болѣе.

Сидя на возвышеніи, онъ видитъ всѣхъ членовъ, руководить дебатами, считаетъ голоса, предлагаетъ собранію резолюціи. Повидимому, занятый разговоромъ съ кѣмъ-либо изъ депутатовъ, онъ ни на минуту не забываетъ своей обязанности, и внимательно слѣдитъ за палатою; когда нужно, мгновенно прерываетъ разговоръ и руководитъ ходомъ дѣлъ. Для выполненія своихъ обязанностей онъ вооруженъ деревяннымъ молоткомъ, которымъ онъ стучитъ по мраморной доскѣ, призывая палату въ порядокъ.

Если гдѣ можно научиться великой добродѣтели *терпѣнія*, то это именно въ должности спикера. Депутаты его слушаются и подчиняются его рѣшеніямъ безпрекословно; но это послушаніе и повиновеніе очень похоже на послушаніе и повиновеніе воспитанниковъ или воспитанницъ въ классѣ у хорошаго и любимаго учителя. Дѣти вообще и любятъ учиться, и слушаются его, но, какъ дѣти, пользуются его добротою и испытываютъ терпѣніе учителя, иногда непозволительно долго. Но это къ сло-

ву; во всякомъ случаѣ, конгрессъ—не школа. Но аналогія есть. Посудите сами. Сдѣлано очередное предложеніе палатѣ, положимъ, объ устройствѣ маяковъ на Аляскѣ и улучшеніи почтовыхъ сообщений съ нею и берегового плаванія; въ палатѣ шумъ и невниманіе; далѣе, секретарь прочиталъ докладъ по этому предмету специальной комиссіи и ея резолюціи; въ палатѣ тотъ же шумъ и невниманіе; слѣдившіе за дѣломъ депутаты сказали по этому поводу двѣ-три рѣчи, сдѣлали нѣсколько замѣчаній и поправокъ къ докладу комиссіи; въ палатѣ тотъ же шумъ и индифферентизмъ. Спикеръ послѣ всего этого резюмируетъ дѣло и предлагаетъ голосованіе; но палата такъ занята разговорами, углублена въ чтеніе или писаніе, что ничего этого не видитъ и не слышитъ; въ палатѣ шумъ такой, что и голоса спикера почти не слышно; члены болѣею частью стоятъ. Спикеръ восклицаетъ: «Джентльмены должны занять свои мѣста и прекратить свои разговоры въ залѣ». Но разговаривающіе и стоящіе депутаты ничего этого не слышатъ и продолжаютъ жаркую бесѣду. Послѣ этого спикеръ прибѣгаетъ къ своему оружію: стукъ, стукъ, стукъ!—раздается подъ молоткомъ спикера. Обыкновенно это производитъ ожидаемое дѣйствіе, депутаты прекращаютъ разговоры и расходятся по своимъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе, что спикеръ, послѣ удара молоткомъ, повторяетъ приказаніе съ внушительнымъ удареніемъ надъ словомъ должны: «Джентльмены *должны* занять свои мѣста и *прекратить* разговоры».

Но иногда, хотя рѣдко, случается, что депутаты до того увлекутся, и шумъ въ палатѣ такъ великъ, что ни молотокъ, ни вторичное приглашеніе не производятъ желаннаго эффекта. Тогда спикеръ бьетъ молоткомъ посильнѣе и обращается къ палатѣ съ заявленіемъ: «Если джентльмены не исполняютъ того, о чемъ ихъ просятъ, то предсѣдатель вынужденъ будетъ обратиться къ каждому лично». Когда эта угроза остается незамѣченной, то спикеръ приводитъ ее въ исполненіе. Тогда онъ начинаетъ громко произносить: «Не угодно ли джентльмену отъ Нью-Йорка занять свое мѣсто и перестать говорить! Не угодно ли джентльмену отъ Массачузеты сѣсть! Не угодно ли джентльмену за Миннесоту перестать говорить и сѣсть на свое мѣсто! Не угодно ли господину за Огайо сѣсть и прервать разговоръ» и т. д. и т. д. Эти рѣзкія опредѣленные поименовыванія лицъ привлекаютъ, наконецъ, общее вниманіе, и виновные начинаютъ понимать, что зашли слишкомъ далеко, порядокъ водворяется и спикеръ успокаивается; но это спокойствіе и вниманіе продолжаются только пока окончится вопросъ, ради котораго тре-

бовалось вниманіе палаты. Затѣмъ, какъ только секретарь начнетъ читать монотонно слѣдующій трактатъ, шумъ начинается снова увеличиваться мало-по-малу.

За исключеніемъ закона о налогахъ, пошлинахъ и прочихъ финансовыхъ законовъ, по которымъ починъ предоставленъ палатѣ депутатовъ, всѣ прочіе проекты новыхъ законовъ безразлично могутъ исходить и отъ сената, и отъ палаты депутатовъ. Обыкновенно проекты новыхъ законовъ предлагаются специальными парламентскими комитетами обѣихъ палатъ; но не воспрещено и каждому члену конгресса предлагать проекты законовъ. Каждый билль можетъ сдѣлаться закономъ посредствомъ одного изъ слѣдующихъ трехъ процессовъ.

Первый процессъ: 1) билль, т.-е. проектъ новаго закона, долженъ пройти обѣ палаты конгресса; 2) долженъ быть затѣмъ представленъ президенту, и 3) если онъ одобритъ, то долженъ скрѣпить своею подписью, и билль становится закономъ.

Второй процессъ: 1) билль долженъ пройти обѣ палаты конгресса; 2) долженъ быть представленъ президенту; 3) если президентъ не одобритъ его, то билль возвращается съ возраженіями президента въ ту палату, въ которой билль получилъ свое начало; 4) палата, получивъ обратно билль, должна внести возраженія противъ него вполнѣ въ свой журналъ; 5) затѣмъ должна пересмотрѣть его весь снова, и если послѣ такого пересмотра двѣ трети палаты согласны пропустить его, то билль посылается съ возраженіями президента въ другую палату; 6) другая палата должна рассмотреть снова билль, и если двѣ трети одобритъ его, то онъ становится закономъ; 7) голосованіе обѣихъ палатъ должно быть выражаемо во всѣхъ такихъ случаяхъ чрезъ *да и нѣтъ* (yeas and nays); 8) имена членовъ, вотировавшихъ за или противъ билля, должны быть внесены въ журналъ каждой палаты.

Третій процессъ: 1) билль долженъ пройти обѣ палаты конгресса; 2) долженъ быть посланъ къ президенту; 3) президентъ оставляетъ его безъ вниманія, т.-е. ни одобряетъ, ни возвращаетъ, а держитъ, такъ-сказать, подъ сукномъ; 4) въ такомъ случаѣ билль становится закономъ по истеченіи 10-ти дней (исключая воскресенье).

Каждый билль можетъ подвергаться измѣненіямъ въ каждой палатѣ, но если онъ измѣненъ не въ той палатѣ, гдѣ получилъ свое начало, а въ другой, то, въ такомъ случаѣ, измѣненный билль возвращается съ поправками снова въ палату, его породившую, для рассмотрѣнія поправокъ и согласія на нихъ. Пре-

зидентъ также имѣеть право дѣлать поправки и возвращать съ ними въ палату почта билля; но этимъ правомъ онъ можетъ пользоваться, пока билль не прошелъ обѣихъ палатъ.

Каждый билль долженъ быть прочитанъ передъ палатою три раза прежде, чѣмъ по немъ принято будетъ окончательное рѣшеніе. При этомъ три чтенія билля не должны быть въ одинъ и тотъ же день, а въ три разные дня. Вотированіе билля происходитъ послѣ третьяго чтенія. Возраженія и поправки дѣлаются или передъ третьимъ чтеніемъ, или же между третьимъ чтеніемъ и вотомъ.

Veto президента имѣеть цѣлю не останавливать законодательства, а дать возможность образоваться болѣе зрѣлому сужденію законовъ. Поэтому veto его теряетъ силу, если двѣ трети членовъ обѣихъ палатъ идутъ противъ veto ¹⁾.

VI.

Одни только строго-научныя истины, доведенныя до математической ясности и очевидности, имѣють въ себѣ то качество, что онѣ признаются за истины всѣми, кто понялъ и усвоилъ ихъ, несмотря на національность, ни на цвѣтъ кожи, ни на историческія преданія. Но и въ наукѣ самой, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя объясняются при помощи гипотезы, является разногласіе между самими учеными; притомъ, наука въ настоящее время составляетъ въ человѣчествѣ достояніе крошечнаго меньшинства. Народы же состоятъ не изъ ученыхъ, и живутъ и управляются не подъ вліяніемъ истинъ научныхъ. Поэтому согласія между людьми нѣтъ ни по одному вопросу ни въ области религіи, нравственности, ни тѣмъ менѣе по вопросамъ общественнымъ и политическимъ. Сколько головъ, столько умовъ. А умы формируются и развиваются подъ различными условіями жизни и быта; отсюда различіе въ понятіяхъ, взглядахъ на вещи и ихъ пониманіи, и различныя міровоззрѣнія. Поэтому, если люди имѣють возможность думать самостоятельно и выражать свои мысли свободно, то естественно и неизбѣжно формируются груп-

¹⁾ Въ 1878 году конгрессъ постановилъ допустить въ обращеніе серебряные доллары, какъ законную государственную монету, наравнѣ съ золотомъ и буланжными деньгами. Президентъ Гейсъ наложилъ свое veto въ посланіи къ конгрессу съ своими возраженіями. Несмотря на это veto, законъ о серебряной монетѣ прошелъ, потому что въ конгрессѣ оказалось сторонниковъ закона даже болѣе двухъ третей.

пы людей, которыхъ взгляды на вещи и ихъ пониманіе очень близко подходят другъ къ другу; это образуетъ симпатическія отношенія ихъ другъ къ другу; симпатія же помогаетъ сглаживанію разногласій по предметамъ въ глазахъ группы менѣе важнымъ, и такимъ образомъ достигается то, что всѣ члены группы принимаютъ нѣкоторыя общія положенія, какъ истинныя, и эти положенія считаются и признаками единомыслія и руководящими принципами. Такимъ образомъ сложились многочисленныя религіозныя секты, и такимъ же образомъ формируются партіи политическія.

Но политическія партіи развиваются, крѣпнута и проявляютъ свою жизненную дѣятельность тамъ, гдѣ широко развита политическая жизнь. Тамъ партіи, ихъ сила, ихъ борьба составляютъ признакъ болѣе или менѣе зрѣлости страны, развитія народа; тамъ партіи — одинъ изъ двигателей прогресса. Правда, есть нѣкоторыя и невыгодныя стороны существованія партій, особенно въ періодъ ихъ борьбы за преобладающее значеніе въ управленіи дѣлами страны; но, несмотря на все зло, соединенное съ существованіемъ партій, сумма добра отъ нихъ для развитія и процвѣтанія страны гораздо болѣе кажущагося зла.

Первые колонисты Америки были, какъ извѣстно, выходцы Англіи, и съ собой принесли духъ и убѣжденія партій, господствовавшихъ въ Англіи. Въ Англіи они были вигами или торіями, они остались и въ Новомъ Свѣтѣ вигами или торіями ¹⁾. Но это продолжалось до независимости Америки. Съ прекращеніемъ политической зависимости отъ Англіи, эти партіи естественно утратили свой смыслъ и значеніе. Настала новая жизнь для колоній, независимое политическое существованіе. Настала пора организоваться въ самостоятельное политическое тѣло. Этотъ моментъ организаціи былъ вмѣстѣ моментомъ рожденія новыхъ политическихъ партій, и притомъ настолько сильныхъ, что онѣ продолжаютъ свое существованіе понынѣ.

Что же это за партіи? въ чемъ ихъ сила и значеніе? Чѣмъ

¹⁾ Вигъ (Whig произносится гунгъ или унгъ). Это названіе усвоено политической партіи, которая защищала права народа при Карлѣ I-мъ. Имя Whig произошло отъ звука, употребляемаго въ южномъ Уэльсѣ при гониміи лошадей; дано же оно партіи потому, что большая часть партіи была отсюда. — Названіе Торъ (Tory) произошло отъ *torre*, что значитъ „дай мнѣ“. Это выраженіе тогее, „дай мнѣ“, употреблялось ирландскими бандитами при ихъ грабежахъ, и затѣмъ въ 1679 г. усвоено противникамъ были относительно исключенія іоркскаго герцога отъ престолонаслѣдія. Торъ значитъ въ буквальный смыслъ грабитель (agrobber). Въ настоящее время торы — консерваторы, а виги — либералы.

онѣ отличаются другъ отъ друга? Партіи эти носятъ названія очень странныя и непонятныя для европейца; въ республиканской, демократической странѣ вдругъ мы встрѣчаемъ партіи, изъ которыхъ одна называетъ себя республиканской, а другая—демократической. Эти названія могутъ подать поводъ къ очень невѣрному пониманію дѣла, такъ какъ именно въ данномъ случаѣ имена партій не даютъ никакого понятія объ ихъ различіи и смыслѣ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся охарактеризовать ихъ, насколько возможно, коротко и ясно. Для этого слѣдуетъ обратиться къ первому моменту государственной жизни штатовъ.

Какъ извѣстно, для борьбы съ Англіей колоніи образовали между собою сначала временный союзъ, для поддержанія котораго не существовало ни твердаго союзнаго правительства, ни строго обдуманнаго плана, ни конституціи. Общая опасность ихъ сблизила, она же и поддерживала эту связь; это была, такъ сказать, временная конвенція, причемъ всѣ спорные пункты обходились, чтобы не нарушать общаго мира и согласія и не раздѣлять силъ, нужныхъ для борьбы съ общимъ врагомъ.

Когда же настало время учредить прочное правительство, опредѣлить отношеніе союзнаго правительства къ штатамъ и штатовъ между собою, то здѣсь обнаружились между представителями народа взгляды на дѣло не только различные, а даже противоположныя, и притомъ по вопросамъ первостепенной важности для того времени. Именно—одни желали устроить національное правительство по образцу европейскихъ монархій съ почти полнымъ подчиненіемъ ему всѣхъ штатовъ, которыя такимъ образомъ представляли бы собою нѣчто въ родѣ французскихъ департаментовъ или нашихъ губерній. Другіе же, напротивъ, желали предоставить отдѣльнымъ штатамъ полную автономію, а союзному правительству предоставить наименьшую долю власти и значенія, низведя его на степень, такъ сказать, общаго комитета штатовъ для сношеній съ иностранными державами и штатовъ между собою.

Александръ Гамильтонъ, вождь крайней національной партіи, предлагалъ учредить сильное національное правительство; для этого—избирать президента пожизненно, сенаторовъ—тоже пожизненно; депутатовъ—на возможно долгій срокъ; при этомъ предполагалось, что не народъ, а президентъ долженъ назначать правителей штатовъ, т.-е. *governors*, которые тогда были бы въ родѣ французскихъ префектовъ или нашихъ губернаторовъ, и сверхъ того, чтобы всѣ постановленія легислатуръ отдѣльныхъ

штатовъ имѣли бы силу только по одобреніи ихъ союзнымъ правительствомъ.

Этотъ взглядъ Гампильтона имѣлъ многихъ сторонниковъ между представителями штатовъ. Но сторонники противнаго мнѣнія, т.-е. возможно полной автономіи штатовъ, были почти равносильны. Поэтому пришлось уступить другъ другу, идти на компромиссъ. Результатомъ этого компромисса между партіями явилась конституція Соединенныхъ-Штатовъ, которая съ нѣкоторыми дополненіями существуетъ и понынѣ, какъ органическій законъ для всего Союза.

Партія, стоявшая за сильную центральную власть въ ущербъ автономіи штатовъ, называлась тогда *національною*, или *антифедеральною*, а противная ей называлась партіею *федералистовъ*.

Но компромиссъ, какъ всякій компромиссъ, сдѣлалъ только возможнымъ совмѣстную политическую жизнь; принципы же, раздѣлявшіе партіи, и сами партіи остались; приверженцы обѣихъ партій находились во всемъ Союзѣ, раздѣляя всѣхъ гражданъ на два политически-враждебныхъ лагеря. Естественно, что каждая партія, считая свой образъ мыслей болѣе вѣрнымъ и благодѣтельнымъ для страны, желала имѣть болѣе послѣдователей, чтобы приобрести власть и вести дѣла въ духъ своей партіи. Отсюда постоянная борьба этихъ двухъ токовъ политической вѣры. Вашингтонъ стоялъ нейтрально въ этой борьбѣ, но болѣе склонялся къ централистамъ.

Такимъ образомъ, вопросы, раздѣлявшіе весь народъ на два лагеря, были очень не маловажные и очень трудные даже для теоретическаго ихъ рѣшенія. Но къ этому впослѣдствіи примѣшались вопросы экономическаго характера,—и жгучій вопросъ о рабствѣ и рабовладѣніи. Защитники рабовладѣнія сначала стояли изъ принципа за автономію штатовъ, равно какъ и централисты, тоже изъ-за принципа—старались усиливать союзное правительство. Но когда квекеры Пенсильваніи, жители Новой-Англіи и прочихъ сѣверныхъ штатовъ, враждебные рабству, стали доказывать право центрального правительства на уничтоженіе рабства во всей территоріи Союза, въ силу конституціи, то федералисты, уже не ради принципа, а для спасенія дорогаго для нихъ учрежденія, всѣми силами стали защищать мѣстную автономію штатовъ, только для отвода глазъ онирались на принципъ, но отнюдь не ради его,—а для удержанія рабства.

Насколько велико было взаимное раздраженіе партій уже въ самомъ началѣ, можно судить уже потому, что безукоризненно-свѣтлая личность Вашингтона, послѣ всѣхъ его доказательствъ

патріотизма и великихъ услугъ народу, въ послѣдніе годы президентства стала подвергаться ожесточеннымъ нападкамъ партій.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду излагать исторію партій, потому что это значило бы изложить всю исторію Соединенныхъ-Штатовъ. Наша цѣль — указать ихъ принципиальное разлічіе и политическое значеніе.

Эта борьба партій проходитъ чрезъ всю исторію Соединенныхъ-Штатовъ, такъ что, не понимая партій, нельзя понять смысла и хода событій американской жизни. Въ разное время эти партіи принимали различныя названія, не измѣняя принциповъ. Въ настоящее время республиканскою партіею называется та, которая стоитъ за сильную центральную власть. Эта партія именно уничтожила рабство и рабовладѣніе, дала неграмъ полныя гражданскія права и въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, управляя страной, постоянно защищала ихъ жизнь, права и собственность бывшихъ ихъ бѣлыхъ хозяевъ.

Республиканская партія есть такимъ образомъ *центростремительная* политическая сила. Она во власти и понынь.

Демократическая партія это именно та, которая постоянно отстаивала автономію штатовъ сначала во имя принципа, а потомъ ради удержанія рабовладѣнія, тѣмъ она поворно заклеяла себя; пораженная во время междоусобной войны республиканскою партіею, она не можетъ возвратитъ себѣ прежняго значенія и до сихъ поръ, хотя послѣдователи этой партіи до 1878 года были почти равны республиканцамъ.

Демократическая партія представляетъ собою въ Союзѣ *центроблажную* политическую силу.

Въ обѣихъ партіяхъ были люди высокихъ нравственныхъ качествъ, превосходнаго ума и политической мудрости, равно какъ въ обѣихъ партіяхъ были и есть люди очень низкой пробы во всѣхъ отношеніяхъ.

Съ уничтоженіемъ рабства обѣ партіи утратили главную причину раздѣленія; прежніе принципы примирились жизнью настолько, что о нихъ теперь почти и не говорятъ, и сами эти партіи — обѣ, республиканская и демократическая, доживаютъ свои послѣдніе годы, и не позже какъ черезъ два года, а именно въ 1880 году, судя по ходу событій, замѣнятся новыми партіями, которыя народились недавно, всего два года, но растутъ не по днямъ, а по часамъ. Эти новыя партіи — порожденіе времени, продуктъ народнаго роста. Тѣ вопросы, которые волновали отцовъ и дѣдовъ, отжили свое время и не имѣютъ смысла для дѣтей и внуковъ. Жизнь быстро идетъ впередъ, вызываетъ новыя

потребности, вырабатываетъ новыя понятія, возвращенія, болѣе полное и солидное пониманіе вопросовъ политическихъ, общественныхъ, экономическихъ и другихъ. Но такъ какъ новыя партіи находятся еще въ процессѣ организаціи и не проявили своей жизни исторически, то было бы неумѣстно толковать о нихъ въ данномъ случаѣ.

Такъ какъ до сихъ поръ вся страна дѣлилась на республиканцевъ и демократовъ, то это же раздѣленіе существуетъ естественно и въ легислатурахъ и администраціи штатовъ, и это же раздѣленіе существуетъ и въ конгрессѣ и администраціи Соединенныхъ-Штатовъ, и кладетъ свой отпечатокъ на всей дѣятельности конгресса и администраціи.

Дисциплина партій поддерживается въ конгрессѣ очень точно и дѣлательно. Каждая партія въ обѣихъ палатахъ имѣетъ признаннаго вождя, который управляетъ ея движеніями, и который умѣетъ не только искусно уклоняться отъ нападеній противной партіи, но и нападать. Вожди партіи постоянно на сторожѣ. Они считаютъ своимъ долгомъ примирять и прекращать раздоры и несогласія между членами своей партіи. Ради этого они готовы на всякія жертвы съ своей стороны, и ихъ усилія въ этомъ отношеніи обыкновенно вѣнчаются успѣхомъ, и иногда, хотя наружно, поддерживаютъ гармонію въ своей партіи.

Въ обѣихъ палатахъ конгресса интересы партіи и ея воззвѣщеніе стоятъ на первомъ планѣ, и всѣ усилія направлены къ тому, чтобы продлить возможно долѣе власть партіи. Понятно, что отъ этого часто и въ значительной степени страдаютъ интересы законодательства, а слѣдовательно, и всей страны. Члены конгресса поддерживаютъ такихъ лицъ и такія мѣры, которыя они никогда бы не позволили себѣ защищать въ качествѣ кандидатовъ предъ своими избирателями; но, занявъ мѣсто въ конгрессѣ, они проникаются здѣсь духомъ и интересами своей партіи и забываютъ свои убѣжденія, планы и обѣщанія, краснорѣчиво изложенныя предъ избирателями, и все это дѣлается ради интересовъ партіи, а интересы эти очень часто прямо вредны интересамъ народа en masse. Тутъ уже рѣчь не о томъ, насколько полезенъ или вреденъ для страны предлагаемый законъ или мѣра, а о томъ, насколько онъ отвѣчаетъ видамъ и интересамъ партіи; и если нужно для партіи, чтобы законъ прошелъ, то всѣ члены одной партіи будутъ *за*, а члены противной партіи *противъ*.

Республиканцы и демократы повинны одинаково въ этомъ отношеніи. Конечно, по вопросамъ нейтральнымъ, дѣло дѣлается въ интересахъ самаго дѣла, но такіе вопросы не существенны.

И притомъ иногда, повидимому нейтральный, техническій вопросъ имѣеть такую связь съ другими вопросами, что терять свою нейтральность.

Случается, что совершенно правильно избранный въ конгрессъ, но опасный для властвующей партіи, членъ вынужденъ защищаться и доказывать законность своего избранія, потому что побитый при выборахъ соперникъ вдругъ является съ заявленіемъ своихъ правъ на занятое мѣсто, и это дѣлается по предварительному соглашенію съ вождемъ господствующей партіи ¹⁾. Въ этомъ случаѣ начинается изслѣдованіе, найдутъ неправильности при выборахъ, пошлютъ избраннаго обратно въ округъ, гдѣ устроиваются махинаціи, чтобы не пропустить противника, и нерѣдко эти маневры удавались. Очевидно, властвующая партія при этомъ имѣеть въ виду не желаніе имѣть наиболѣе вѣрнаго представителя народа, а лишній голосъ на своей сторонѣ. При этомъ со стороны партіи употребляются всевозможныя мѣры не только не привлекательнаго, а низкаго характера—подкупы, обманъ, клятвопреступленія и т. п.

Обыкновенно главную роль играютъ при этомъ такъ-называемые *politicians*, *политиканы* — язва Америки и одно изъ весьма вредныхъ явленій ея политической жизни. Эти политиканы въ члены конгресса попадаютъ рѣдко, но хлопочутъ при выборахъ для другихъ и за другихъ, чтобы впослѣдствіи получить вознагражденіе въ формѣ какой-нибудь хлѣбной должности въ администраціи.

Такіе политиканы собственно не имѣютъ своего образа мыслей и не держатся никакихъ принциповъ. Ихъ можно назвать людьми, которые знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Всѣ они получили обыкновенно образованіе въ среднемъ или высшемъ заведеніи, но, вкусивъ науки *американской*, они вдругъ начинаютъ себя чувствовать *по-европейски*. Америка, какъ извѣстно, страна очень грубая, и по грубости своей требуетъ, чтобы всякій человѣкъ непременно былъ занятъ и жилъ бы своимъ трудомъ; и эта американская грубость доходитъ до такихъ размѣровъ, что серьезнаго труда и самопомощи требуетъ и отъ облагороженныхъ наукою, изящныхъ юношей. Но юноша въ колледжѣ узналъ, что въ Европѣ образованному человѣку не только не прилично, а даже не позволительно, напр., шить сапоги, обрабатывать землю, ходить

¹⁾ Каждая палата сама судить, законно или нѣтъ было избраніе того или другого депутата; слѣдовательно, господствующая партія, будучи въ большинствѣ, если захочетъ, можетъ кассировать всякое избраніе своего члена, отсылая его обратно къ избирателямъ.

за скотомъ и т. п. Онъ проникнулъ, что образованному человѣку нужно хорошо танцовать, приобрести расположеніе женщинъ, а чрезъ нихъ и нужныхъ мужчинъ, достать мѣсто, гдѣ за minimum труда даютъ maximum награжденія, и вѣдь жить въ свое удовольствіе. Смейнувъ это, онъ начинаетъ заниматься политикою, т. е. онъ выбираетъ лицо побогаче, которое желаетъ попасть въ конгрессъ, начинаетъ его славить на всѣхъ перекресткахъ, писать о немъ въ мѣстныхъ газетахъ и т. д. Патронъ такимъ образомъ отыскивается, а молодой человѣкъ избавленъ отъ плуга и ухода за скотомъ на фермѣ, и дѣлается потомъ чиновникомъ.

Въ настоящее время недовольство народа управленіемъ обѣихъ партій достигло если не крайней, то очень высокой степени, а на «политикановъ» смотреть, какъ на бичъ божій, считают ихъ хуже желтой лихорадки, которая бываетъ только лѣтомъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ, а politicians—вездѣ и во всякое время года.

Въ 1878 году, 45-й конгрессъ состоялъ въ сенатѣ изъ республиканскаго большинства, а въ палатѣ—изъ демократическаго. Понятно, что гармоніи не могло быть: что предложить палата, сенатъ не одобряетъ, и обратно; только сошлись относительно серебряной монеты, которая теперь ходитъ въ Союзѣ наравнѣ съ золотомъ. Демократическое большинство палаты, вмѣсто чего-либо солиднаго и дѣльнаго, назначило позаднюю, бесполезную скандальную комиссію для изслѣдованія вопроса, правильны ли были выборы настоящаго президента Гейса. Что выборы были неправильны—это и безъ комиссіи извѣстно было, и здѣсь плутовали обѣ партіи; но что Гейсъ человѣкъ честный и умный, и не принималъ никакого участія въ подлогахъ своей партіи, это признаютъ даже враги. Такого рода дѣятельность убиваетъ въ глазахъ народа кредитъ обѣихъ партій, и онѣ роютъ себѣ могилу усердно сами. Для блага народа желательно, чтобы онѣ были похоронены скорѣе.

Но было бы несправедливо думать, что члены конгресса мало работаютъ. Нѣтъ, напротивъ, они работаютъ неутомимо и чрезвычайно много, почти не имѣютъ отдыха. Работы главныя производятся въ специальныхъ парламентскихъ комитетахъ, въ которые обыкновенно отсылается каждое предложеніе, каждый билль закона. Здѣсь онъ разсматривается самымъ тщательнымъ и многостороннимъ образомъ, такъ что каждый вопросъ здѣсь изучается съ не меньшимъ вниманіемъ и основательностью, съ какими ученый разсматриваетъ какой-нибудь научный вопросъ въ своемъ кабинетѣ. Почти всѣ работы конгресса имѣютъ поэтому капитальное значеніе по добросовѣстности и разносторонности обработки. И если

хорошіе законы не тотчасъ проходятъ, отъ вліянія и борьбы партій, то обыкновенно они проходятъ позже, черезъ годъ, черезъ два, и такимъ образомъ труды конгресса не пропадаютъ даромъ. Кромѣ того, каждый членъ конгресса — представитель известнаго округа въ Союзѣ; по окончаніи своей миссіи онъ долженъ явиться къ своимъ избирателямъ, которые обыкновенно интересуются по отчетамъ газетъ дѣятельностью своихъ представителей въ конгрессѣ. Естественно, что каждый депутатъ, по чувству самоуваженія, не захочетъ явиться въ свой округъ ни съ чѣмъ, тѣмъ болѣе, что каждый депутатъ желаетъ настолько поправиться своимъ избирателямъ, чтобы имѣть нравственное право явиться кандидатомъ въ конгрессъ на вторичные и даже третичные выборы. Все это, если бы даже не было внутреннихъ побужденій, заставляетъ депутатовъ работать въ теченіи сессіи конгресса очень неутомимо.

Кромѣ этого, каждый депутатъ ищетъ случая сказать *списчъ* въ палатѣ, такъ какъ эти списчи печатаются и депутаты немедленно рассылаютъ ихъ своимъ избирателямъ. Между этими списчами иногда встрѣчаются, конечно, и пустыя, такъ что ихъ въ самой палатѣ рѣдко кто изъ членовъ слушаетъ, зная, что это дѣлается для избирателей. Между каррикатурами на членовъ конгресса, мнѣ пришлось встрѣтить одну въ этомъ отношеніи очень характерную. Представлена сцена изъ засѣданій палаты депутатовъ. Одинъ депутатъ стоитъ въ трагической позѣ съ взъерошенными волосами, жестикулирующій и, судя по выраженію лица, пришедшій въ азартъ въ своей рѣчи. Рядомъ съ нимъ представленъ его сосѣдъ, который, сидя вовлѣ его, положилъ ноги на столъ и сладко спитъ. Это — карриатура, но смыслъ ея тотъ, что не всякую рѣчь пріятно слушать и не всякую слушаютъ. Но и между рѣчами въ каждую сессію конгресса всегда найдется по важнымъ вопросамъ десятокъ два-три рѣчей, въ которыхъ дажныя предметы рассмотрѣны и добросовѣстно, и тщательно, и наложены краснорѣчиво. Понятно, что такія рѣчи слушаются всѣми и въ экстрактахъ печатаются въ газетахъ и расходятся по всей странѣ.

VII.

Исполнительная власть, по закону, вѣрена президенту Соединенныхъ-Штатовъ. Понятно поэтому, что роль президента имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ извѣстно, что законы — святы, да исполнители лихіе супостаты. Какъ бы ни были

законы хороши, но если они не исполняются, или криво толкуются, то они лишаются своей благотворительной силы. Поэтому строгая честность и непоколебимая энергія исполнительной власти служить однимъ изъ признаковъ хорошаго правленія. Она, исполнительная власть, должна употребить всѣ свои силы и мѣры, чтобы законы исполнялись добросовѣстно. Иначе правительство, хотя бы въ теоріи было и очень хорошимъ, на практикѣ окажется дурнымъ. Поэтому выборъ президента въ Америкѣ обыкновенно считается дѣломъ великой важности, и каждая партія представляетъ въ кандидаты лицъ, заслуживающихъ уваженія и довѣріе большинства страны, и притомъ лицъ завѣдомо честныхъ.

Президентъ избирается на 4 года; онъ долженъ быть *природнымъ* гражданиномъ въ Америкѣ; имѣть не менѣе 35 лѣтъ, и находиться въ Соединенныхъ-Штатахъ не менѣе 14 лѣтъ.

Избирается президентъ въ ноябрѣ, а вступаетъ въ должность 4-го марта слѣдующаго года; въ этотъ день онъ даетъ торжественную клятву передъ народомъ въ томъ, что будетъ исполнять свои обязанности добросовѣстно; что въ предѣлахъ своихъ силъ и способностей будетъ поддерживать, охранять и защищать конституцію.

Обыкновенно день инаугураціи президента бываетъ самымъ торжественнымъ въ Вашингтонѣ; тысячи народа, члены конгресса, чины военные и гражданскіе, дипломатическій корпусъ присутствуютъ при этомъ торжествѣ. Президентъ находится во время церемоніи передъ тысячами народа въ Капитоліѣ, имѣя сзади себя вышеописанную Бронзовую дверь, а впереди передъ собою величавую статую Вашингтона. Церемоніей управляетъ въ это время глава верховнаго суда. Наиболѣе торжественныя церемоніи были при инаугураціи Гранта.

Жалованья получаетъ президентъ 50,000 долларовъ въ годъ и имѣетъ для жительства особое помѣщеніе, которое официально называется Executive mansion, но и въ Америкѣ, и во всемъ мірѣ извѣстно подъ именемъ «Бѣлаго Дома». При этомъ всѣ принадлежности хозяйства, отопленіе, освѣщеніе, прислуга, теплицы для снабженія президентскаго стола фруктами, цвѣтами (цвѣты—страсть американцевъ) и овощами, лошади, жалованье его писарямъ, секретарямъ—все это также оплачивается изъ государственнаго казначейства.

До 1873 г. президенты получали по 25,000 въ годъ. Это было очень скудное жалованье, потому что президентъ обязанъ принимать у себя почти ежедневно множество лицъ оффиціального міра, какъ-то: посланниковъ, членовъ конгресса, чиновни-

новъ гражданскихъ и военныхъ и многое множество другихъ лицъ; дѣлать вспомошествованія нуждающимся, а такихъ у него бывають тысячи; и по требованію общественнаго мнѣнія, и по духу учреждений, и по своему положенію онъ обязанъ *нравственно* не гонять просителей чрезъ лавеевъ отъ параднаго крыльца. Поэтому какъ конгрессъ ни скупился, но общественное мнѣіе и печать громко требовали отъ конгресса щедрости относительно жалованья президента, и конгрессъ, наконецъ, внявъ этому общему желанію, удвоивъ его содержаніе. Но если принять всѣ расходы президента, его официально-обязательныя траты и нравственно-обязательныя издержки, то 50 тысячъ для него еще не много. 100,000 было бы наиболѣе цѣлесообразною цифрою для такого богатаго 46-милліоннаго народа, какъ Соединенные-Штаты ¹⁾.

Доступъ къ президенту по дѣламъ, или просто ради засвидѣтельствованія почтенія главѣ Союза, не представляетъ затрудненія; но такъ какъ время его очень дорого, то аудіенціи ограничиваются самымъ короткимъ временемъ. Посѣтители въ такихъ случаяхъ приглашаются въ пріемную комнату, которая находится подлѣ частнаго кабинета президента, посылають свои визитныя карточки и затѣмъ ждутъ его превосходительства.

Сверхъ этихъ частныхъ аудіенцій президентъ даетъ особые публичные пріемы посѣтителей въ опредѣленное время въ теченіи сессій конгресса.

Официальный его титулъ: Господинъ президентъ (М-г President), но изъ вѣжливости дають ему титулъ His Excellency (Его Превосходительство). Этотъ же титулъ имѣють и всѣ правители отдѣльныхъ штатовъ (governors); но ни президентъ, ни правители штатовъ не требуютъ этого величанія; и въ разговорѣ обыкновенно употребляется: М-г President или М-г Governor, и иногда Your Excellency (Ваше превосходительство).

Всякаго сорта народъ приходитъ видѣть президента, по всевозможнымъ дѣламъ; его покровительство ищется не рѣдко людьми весьма невысокаго нравственнаго уровня; иногда являются лица очень беззащитныя въ своихъ просьбахъ и требованіяхъ. Столѣтній опытъ показалъ, что всѣ президенты, покидая свой постъ, оставались людьми бѣдными; это — общее сознаніе всего народа, что въ денежномъ отношеніи президенты люди очень

¹⁾ Это жалованье президенту въ 50 т. долл. особенно представляется мизернымъ при сравненіи съ европейскими listes civiles; напр., въ 1876 г. въ Пруссіи содержаніе королевскаго двора было 4.500,000 марокъ; австрійскаго императорскаго двора 4.666,000 гульденовъ; англійскаго королевскаго двора 406,518 фунтовъ стерлинговъ.

честные, и что должность президента есть въ сущности только высокочтимая, но отнюдь не обоганающая.

Несмотря на высокое положеніе, жизнь президента далеко не на розахъ, потому что онъ не можетъ быть по душѣ обѣимъ партіямъ, да и въ своей партіи онъ не можетъ тоже всѣмъ быть по душѣ. При этомъ друзья преувеличиваютъ его добрыя качества, доводя это преувеличеніе иногда до того, что дѣлаютъ его смѣшнымъ; враги же съ своей стороны ставятъ ему, какъ говорится, всякое лыко въ строку, преувеличиваютъ его промахи и ошибки, и преслѣдуютъ его неутомимо вездѣ и на каждомъ шагу—на митингахъ и главнымъ образомъ путемъ печати. И если иностранецъ не знаетъ, читая газету, какой она партіи принадлежитъ, и въ какомъ положеніи находятся партіи между собою, то очень можетъ, смотря по газетѣ, придти къ убѣжденію, что президентъ или самый лучший человѣкъ въ странѣ, или же что онъ самый низкій и дурной человѣкъ въ Союзѣ; что онъ занимаетъ мѣсто президента съ цѣлью разорить страну и всѣхъ гражданъ пустить нищими по міру.

Нерѣдко нападенія газетъ бывають пошлы до нелѣпости. Понятно, что на народонаселеніе нападки печати не оказываютъ никакого впечатлѣнія. Къ этому порядку вещей всѣ привыкли и напередъ извѣстно, что если президентъ изъ республиканской партіи, то ему не будетъ пощады отъ демократовъ и обратно. Напр., настоящий президентъ Гейсъ (Haуs) подвергается самымъ ожесточеннымъ нападкамъ демократическихъ газетъ. Нѣкоторыя газеты, даже въ самомъ Вашингтонѣ, не хотятъ признавать его президентомъ (хотя народъ и конгрессъ признали) и не называютъ его въ своихъ отчетахъ «президентъ» Гейсъ, а просто m-r Haуs, и вмѣсто His Excellency называютъ His Fraudulency (отъ fraud—обманъ, мошенничество) и всю его администрацію величаютъ fraudulent. И что же? Вотъ уже два года, какъ онъ президентъ, и вездѣ и всегда, куда бы онъ ни появился, народъ встрѣчаетъ его самымъ радушнымъ образомъ; устрояють для его приѣма праздники, убирають дома флагами, иллюминуютъ улицы, дѣлають фейерверки, и всѣ, безъ различія партій, мужчины и дамы, молодежь обоого пола и дѣти относятся къ президенту и его женѣ и дѣтамъ, какъ къ близкимъ и дорогимъ людямъ. Во всемъ Союзѣ онъ—желанный гость. И такія встрѣчи дѣлають не только въ тѣхъ штатахъ, гдѣ онъ имѣлъ наибольшее число голосовъ при избраніи, а и въ тѣхъ, гдѣ онъ встрѣтилъ враждебное настроеніе. И забавно притомъ читать во враждеб-

ныхъ газетахъ описанія этихъ встрѣчъ. Газета сначала считаетъ долгомъ сказать нѣсколько хорошихъ фразъ на-счетъ президента и его свиты, а затѣмъ начинается: «но, несмотря на это, приемъ президента былъ полонъ энтузіазма; радостныя восклицанія народа наполняли и оглашали окрестность» и т. д. При фактическихъ описаніяхъ газеты здѣсь вообще бывають правдивы. Всѣ рѣчи президента обыкновенно публикуются во всѣхъ большихъ газетахъ обѣихъ партій съ различными, конечно, комментаріями.

Обязанности президента очень различны и сложны: сверхъ власти исполнительной по всѣмъ частямъ управленія, онъ главнокомандующій постоянною арміею и флотомъ Союза, а въ военное время становится главнокомандующимъ милиціи отдѣльныхъ штатовъ. Онъ назначаетъ, съ согласія и одобренія сената, посланниковъ, консуловъ, министровъ, судей въ верховный судъ и всѣхъ чиновниковъ въ Союзѣ—гражданскихъ и военныхъ.

Предъ началомъ работъ конгресса онъ долженъ доставить конгрессу свое *посланіе*, въ которомъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ по всѣмъ частямъ управленія и рекомендуетъ конгрессу разныя мѣры, которыя, по его мнѣнію, могли бы быть полезны для страны.

Онъ имѣетъ право въ важныхъ случаяхъ созвать конгрессъ для экстраординарной сессіи или какую-либо его палату.

Онъ имѣетъ право отсрочить засѣданія конгресса въ случаѣ, если между палатами нѣтъ согласія. Въ правѣ созывать конгрессъ и отсрочивать онъ уравниваетъ, слѣдовательно, съ англійскою короною.

Онъ долженъ принимать посланниковъ и всѣхъ должностныхъ лицъ.

Въ выполненіи столь важныхъ и сложныхъ обязанностей, ему содѣйствуетъ избранный имъ самимъ кабинетъ; лица кабинета, какъ прочіе чиновники, допускаются къ этимъ важнымъ обязанностямъ съ согласія и одобренія сената. Но члены кабинета предъ конгрессомъ не отвѣтственны, а отвѣтственъ за все одинъ президентъ. Члены кабинета по своимъ обязанностямъ то же что министры въ Европѣ; здѣсь же они названы секретарями, частію, вѣроятно, потому, чтобы избѣжать пышныхъ европейскихъ титуловъ, а частію, чтобы показать, что они, какъ не отвѣтственные, играютъ въ нѣкоторомъ родѣ роль секретарей при отвѣтственной исполнительной власти. Всѣхъ членовъ кабинета семь: государственный секретарь, государственный казначей, военный секретарь, секретарь флота, секретарь внутреннихъ дѣлъ,

генераль-почтъ-директоръ, генераль-атторни ¹⁾). Но всѣ эти лица въ кабинетѣ имѣютъ только совѣщательный голосъ, и президентъ можетъ поступать по своему усмотрѣнію, вопреки мнѣнію кабинета. Обыкновенно же всѣ президенты предпочитаютъ дѣйствовать согласно мнѣнію большинства членовъ кабинета, тѣмъ болѣе, что между президентомъ и членами кабинета существуютъ дружескія отношенія, такъ какъ президенты обыкновенно выбираютъ въ кабинетъ лицъ симпатизирующихъ и друзей своихъ. Положеніе членовъ кабинета, какъ министровъ главныхъ частей управленія, играетъ видную роль въ администраціи и служитъ для талантливыхъ и честныхъ людей средствомъ заявить себя съ этой стороны передъ страной и занять президентское мѣсто впоследствии, какъ это было не разъ въ прошлой исторіи Союза.

Послѣ Капитолія, безъ сомнѣнія, для всякаго посѣтителя Вашингтона самый интересный предметъ «Бѣлый-Домъ», жилище президента, или Executive mansion, какъ называется на официальномъ языкѣ. Домъ этотъ находится среди небольшого, но изящнаго парка съ прелестною зеленью, на разстояніи около двухъ верстъ отъ Капитолія. Отъ Капитолія до Бѣлаго-Дома идетъ самая оживленная, изящная и веселая часть города, расположенная на Пенсильванскомъ бульварѣ. Вокругъ Бѣлаго-Дома расположены прекрасныя правительственныя зданія: государственный домъ (State house), въ которомъ принимаются посланники, государственное казначейство, дома военнаго и морскаго департаментовъ и богатые дома частныхъ лицъ.

По наружности — домъ глядитъ просто, но очень пріятно; дома нашихъ многихъ помѣщиковъ, бывшихъ откупщиковъ, богатыхъ купцовъ будутъ и больше, и красивѣе, и гораздо богаче. Домъ въ три этажа; онъ построенъ изъ желтоватаго камня, но оштукатуренъ бѣлымъ цвѣтомъ, отъ чего получилъ имя «Бѣлаго Дома»: въ то время, когда онъ строился, это былъ единственный бѣлый домъ, а прочіе или краснаго или сѣро-дѣлаго. Длина его 170 футовъ, а ширина 86 футовъ. Онъ устроенъ по плану дома герцога Лейстера въ Дублинѣ.

Во второмъ этажѣ Бѣлаго-Дома замѣчательна большая приѣмная зала (80 ф. длины, 40 ширины и 22 вышины), украшен-

¹⁾ Attorney, отъ латинскаго *attor* — поворачивать, означаетъ собственно лицо, которое дѣйствуетъ вмѣсто другого, преимущественно въ дѣлахъ юридическихъ, т.-е. attorney значить: ходатай по дѣламъ, адвокатъ. Но съ присоединеніемъ опредѣленія *General* слово Attorney утрачиваетъ этотъ смыслъ, такъ что титулъ Attorney-general означаетъ въ Англіи главу судебной власти. То же значеніе Attorney-general имѣетъ и въ Америкѣ.

ная фресковою живописью, зеркалами, картинами, драпри и, конечно, коврами. Она употребляется для официальных парадных собраний и въ особенно важныхъ случаяхъ. Въ этой же залѣ совершается утратившій свой смыслъ, мучительный для президента, извѣстный «обрядъ пожиманія руки». Въ теченіи двухъ-трехъ часовъ президентъ стоитъ и пожимаетъ руки народа, который гуськомъ, въ линію, одинъ за другимъ подходитъ къ нему. Бывали случаи, что у президентовъ распухали руки до плечъ послѣ этихъ пылкихъ дружескихъ пожатій 5—10 тысячъ согражданъ.

Кромѣ этой залы, находятся и другія—Зеленая, Голубая и Красная, въ которой президентъ принимаетъ посланниковъ и высшихъ чиновниковъ; огромная столовая для официальныхъ обѣдовъ и прелестная дамская гостиная (Ladies' parlor). Въ верхнемъ этажѣ—комната для президента и его семейства; нижній занятъ хозяйственными службами.

Заложеніе «Бѣлаго Дома» произошло въ октябрѣ 1792 г. Въ 1800 онъ былъ впервые занятъ президентомъ Джономъ Адамсомъ, но домъ въ это время былъ еще не оконченъ. Постройка его обошлась свыше 300,000 долларовъ. Въ 1814 г. онъ былъ сожженъ англичанами, и въ слѣдующемъ году конгрессъ опредѣлилъ выстроить новый. Новое зданіе также обошлось свыше 300,000 долларовъ, и впервые было занято президентомъ Монро (Monroe).

Вмѣстѣ съ мужемъ явилась въ 1800 г. госпожа Адамсъ въ Бѣломъ-Домѣ и приняла въ немъ бразды правленія. Что это былъ за домъ и какое онъ на нее произвелъ впечатлѣніе—видно изъ слѣдующаго характернаго письма, которое сама г-жа Адамсъ писала своей дочери, немедленно послѣ своего водворенія въ Бѣломъ-Домѣ. Она такъ описываетъ свое новоселье:

«Домъ построенъ на широкую ногу и рассчитанъ по большому масштабу такъ, чтобы поддержать въ немъ порядокъ и поставить его прилично, потребуется не менѣе 30 человекъ прислуги, помимо того, что прислуга нужна для конюшни и прочихъ надобностей хозяйства и экстраординарныхъ случаевъ; вообще это учрежденіе рассчитано на то, чтобы президентскаго жалованья только хватилъ. Освѣщеніе апартаментовъ, начиная съ кухни до парлоровъ и комнатъ, также своего рода налогъ, тѣмъ болѣе, что мы по-неволѣ должны поддерживать во всемъ домѣ постоянный огонь, чтобы въ комнатахъ было сухо, и чрезъ это избѣжать здѣшнихъ болотныхъ острыхъ лихорадокъ; это другой, тоже утѣшительный комфортъ.

«Чтобы позвать прислугу и сдѣлать ей присутствіе менѣе необходимымъ, нужны звонки, а между тѣмъ ихъ нѣтъ ни одного въ цѣломъ домѣ, и мы вмѣсто звонковъ получаемъ одни только обѣщанія. Это до того большое неудобство, что я не знаю, что и какъ дѣлать. Многія леди изъ Джорджтауна ¹⁾ и изъ города сдѣлали мнѣ визиты. Вчера я отдала пятнадцать визитовъ. Но что это за мѣсто Джорджтаунъ! Ну, какое же сравненіе съ нашимъ прелестнымъ Мильтономъ. Но оставимъ сравненія; если мнѣ повѣсятъ звонки и дадутъ вдоволь дровъ, чтобы поддерживать огонь, то постараюсь быть *приятною* (to be pleased). Но ты, быть можетъ, не понимаешь, какъ это мы, живя въ лѣсу, нуждаемся въ дровахъ. Дѣло въ томъ, что трудно отвлекать кого-нибудь, чтобы ихъ нарубить и привезти... Мы на самомъ дѣлѣ пришли сюда, какъ въ новую страну.

«Домъ приготовленъ для жилья, а между тѣмъ въ немъ нѣтъ ни одной готовой комнаты и все, что сдѣлано внутри, за исключеніемъ штукатурки, сдѣлано уже при насъ. Вокругъ дома нѣтъ даже и признака ни оградъ, ни двора, ни другихъ необходимыхъ удобствъ, и я превращаю неоконченную большую аудіенцъ-залу въ гостиную, вѣшаю въ ней занавѣсы.

«Если бы въ теченіи 12 лѣтъ, то-есть съ тѣхъ поръ, какъ это мѣсто назначено мѣстопробываніемъ правительства, имъ хоть сколько-нибудь занялись, какъ это, безъ сомнѣнія, было бы сдѣлано у насъ, въ Новой-Англіи, то очень легко было бы избѣжать многихъ неудобствъ. Но во всякомъ случаѣ мѣсто это прелестное, и чѣмъ болѣе я смотрю на него, тѣмъ болѣе оно становится для меня привлекательнымъ».

Изъ этого откровеннаго письма видно, что объ удобствахъ жилища президента никто не позаботился, и что первой хозяйкѣ пришлось трудненько сначала; въ самомъ дѣлѣ, большой домъ безъ мебели, кругомъ лѣсъ и болото съ источникомъ лихорадокъ; дровъ нѣтъ и ни одного звонка, и никакого пріюта кругомъ дома. Судя по письму, г-жа Адамсъ, живя въ Новой-Англіи, привыкла въ простой, но удобной жизни, а тутъ вдругъ — мужъ во главѣ государства, а она, бѣдная, должна сидѣть безъ дровъ и ходить сама за прислугой, чтобы позвать ее, такъ какъ, по ея понятіямъ, не хорошо держать ее постоянно при себѣ.

¹⁾ Джорджтаунъ — небольшой городъ, но старинный; онъ отдѣленъ отъ Вашингтона небольшимъ протокомъ и въ настоящее время составляетъ какъ бы часть Вашингтона, какъ обыкновенно иностранцы и понимаютъ его; — Мильтонъ, родина миссисъ Адамсъ, небольшой городъ въ Новой Англіи.

Куперъ описываетъ обѣдъ въ Бѣломъ-Домѣ, въ которому онъ былъ приглашенъ президентомъ Мѣбро, такимъ образомъ:

«По этому случаю, мы имѣли честь находиться въ присутствіи г-жи Мѣбро и двухъ или трехъ ея родственницъ. Пройдя залу, мы были допущены въ гостиную, гдѣ уже собралась большая часть общества. Было шесть часовъ. Наибольшая часть гостей были мужчины, а между ними, вѣроятно, двѣ трети были члены конгресса... Физіономіи большей части собранія выражали великую серьезность и солидность, и при этомъ нельзя было замѣтить ни желанія выставить себя на показъ, ни какаго-либо положительнаго недостатка въ граціозности обращенія. Разговоръ состоялъ изъ общихъ мѣстъ и былъ немного вялъ и скучноватъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ свѣтскихъ господъ, которые, усѣвшись около лѣди, поддерживали съ достаточнымъ жаромъ словесную баталію... Для меня все это развлеченіе отзывалось холодомъ даже болѣе, чѣмъ официальные приемы. Когда было доложено, что обѣдъ готовъ, то старшій сенаторъ (ихъ здѣсь было два, и я разумѣю подъ словомъ старшій—служебное старшинство) взялъ миссисъ Мѣбро и повелъ ее къ столу. Остальная компанія послѣдовала за ними безъ особеннаго порядка. Президентъ тоже предложилъ руку лѣди, какъ водится, и шелъ впереди остальныхъ гостей.

«Гостинная была хорошаго размѣра и достаточной пропорціональности. По величинѣ, она подходитъ къ лучшимъ парижскимъ салонамъ въ частныхъ отеляхъ. Меблирована она смѣшанно, частію въ англійскомъ, частію во французскомъ вкусѣ... Она была опрятна, достаточно богата, и, не будучи великолѣпною въ цѣломъ, походила на подобныя апартаменты въ домахъ лицъ извѣстнаго ранга и состоянія въ Европѣ. Столовая зала была въ лучшемъ вкусѣ, чѣмъ это вообще здѣсь, потому что она совершенно проста, и очень мало меблирована. Столъ въ ней большой и очень красивый. Посуда была фарфоровая, какъ это повсюду, тарелокъ было немного. Но во всякомъ случаѣ здѣсь было богатое блюдо и множество маленькихъ блюдецъ. Скатерть, салфетки и проч. и проч. были нѣжны и изящны.

«Обѣдъ былъ сервированъ во французскомъ стилѣ, немного обшаренившемся. Блюда были разноситы вкругъ, хотя нѣкоторые изъ гостей, предпочитая, повидимому, свои собственные обычаи, спокойно прислуживали сами себѣ относительно тѣхъ блюдъ, которые они находили подъ рукою. Прислуги здѣсь было достаточно; она была одѣта чисто и опрятно, но безъ ливрен. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что угощеніе было хорошо, какъ

то бываетъ на лучшихъ европейскихъ обѣдахъ, за которыми сидитъ многочисленное общество людей мало или вовсе незнакомыхъ между собой, вслѣдствіе чего не можетъ быть оживленнаго разговора. Миссисъ Мѣбро встала въ концѣ десерта и удалилась, сопровождаемая двумя или тремя наиболѣе галантными изъ общества. Какъ только жена повернулась спиной, президентъ снова сѣлъ, приглашая гостей сдѣлать то же самое. Давши гостямъ достаточно времени возобновить въ памяти, при пособіи немногихъ стакановъ, воспоминанія о своихъ собственныхъ угощеніяхъ, президентъ всталъ, давая намекъ компаніи, что время присоединиться къ обществу леди. Въ гостиной былъ поданъ кофе, и послѣ него всѣ оставили домъ передъ 9 часами¹⁾.

Описаніе этого официальнаго президентскаго обѣда, очерчивая обычай того времени, вмѣстѣ указываетъ, какъ сильно было въ то время вліяніе Франціи и Англіи на вкусъ и нравы того времени; ясно видно, что американцы въ это время еще недостаточно обамериканились.

«Въ слѣдующую среду, — продолжаетъ Куперъ, — миссисъ Мѣбро открыла двери своихъ апартаментовъ для приема званныхъ и незванныхъ гостей. Особыхъ приглашеній не было, потому что уже вошло въ обычай, что жена президента въ теченіи сессіи конгресса принимаетъ общество разъ въ двѣ недѣли, безъ различенія гостей по ихъ общественному положенію.

«Мы прибыли въ Бѣлый-Домъ въ 9 часовъ. Дворъ или, вѣрнѣе, пространство около дома было наполнено экипажами, и общество собралось очень многочисленное. По этому случаю были открыты для гостей двѣ или три добавочныя залы, хотя онѣ, по скупости конгресса, были въ неоконченномъ видѣ. Я долженъ признаться, что я былъ очень удивленъ, найдя здѣсь общество и по наружности, и по одеждѣ, и по выдержкѣ, ничѣмъ не уступающее обществу на празднествахъ въ Кестль-Гарденѣ¹⁾).

«Вечеръ въ Бѣломъ-Домѣ или «собраніе», какъ его здѣсь иногда любятъ называть, есть въ сущности сборъ *всѣхъ классовъ* народа, которыя, несмотря на хлопоты и издержки, появляются сюда въ костюмахъ, приличныхъ для обыкновеннаго вечерняго собранія. Я даже думаю, что на одежду не особенно много обращается вниманія; потому что я самъ видѣлъ здѣсь многихъ въ простыхъ сапогахъ. Женщины были всѣ чисто и со вкусомъ одѣты, но только очень немногія изъ нихъ имѣли ювелирные украшенія. Бѣдные и рабочіе классы общины нашли бы здѣсь

¹⁾ Castle Garden—мѣсто фешенебельныхъ собраний въ Лондонѣ того времени.

маю или никакого удовольствія. Поэтому они стоятъ въ сторонѣ. Люди безчестные или опозоренные, если это извѣстно, не допускаются сюда. И это въ характерѣ высокаго нравственнаго тона страны, что люди зазорнаго поведенія, или безчестные, и сами рѣдко позволяютъ себѣ оскорблять общественное чувство своимъ появленіемъ въ публичныхъ мѣстахъ.

«Протѣснившись сквозь толпу, мы пришли въ тому мѣсту комнаты, гдѣ стояла миссисъ Мѳро, окруженная толпою ея друзей—женщинъ. Засвидѣтельствовалъ ей почтеніе, мы искали президента. Онъ помѣстился на видномъ мѣстѣ залы, гдѣ и оставался почти цѣлый вечеръ, пожимая руки всѣмъ, кто къ нему подходилъ. Близъ него находились всѣ министры (secretaries), и большое число наиболее извѣстныхъ лицъ въ народѣ. Важныя лица со всего Союза также находились здѣсь.

«Сверху такихъ лицъ, здѣсь можно встрѣтить большое разнообразіе народа различныхъ общественныхъ положеній и матеріальныхъ средствъ. Я видѣлъ извозчика, который оставилъ свою лошадь на улицѣ и вошелъ въ приемную залу, чтобы позвать руку президента. Онъ оскорбилъ изящный вкусъ всего общества, потому что всѣ находили неприличнымъ, что рабочій можетъ войти въ такихъ случаяхъ, не одѣвшись прилично, а въ грязномъ платьѣ; но хотя извозчикъ и сдѣлалъ эту маленькую неловкость и ошибку, тѣмъ не менѣе онъ однако хорошо показалъ, какъ правильно понимаетъ разницу между правительствомъ и обществомъ. Онъ (извозчикъ) понялъ, слѣдовательно, что общіе приемные вечера въ сущности не что иное, какъ способъ выраженія политическаго равенства гражданъ въ лицѣ президента, главы государства. Но, конечно, онъ не вошелъ бы въ этотъ же самый домъ въ другое, неофициальное время, въ качествѣ не гражданина, а частнаго лица, или если бы и вошелъ, то не иначе, какъ по серьезному дѣлу.

«Безъ сомнѣнія, здѣсь есть лица, которые не понимаютъ смысла и характера этихъ собраний, но большинство понимаетъ очень хорошо. Вечера эти просто служатъ къ тому, чтобы периодически показывать и признавать, что нѣтъ ни для кого неопреодолимыхъ преградъ идти впередъ и быть членомъ высшей ассоціаціи въ союзѣ. Мы замѣчаемъ далѣе, что при этихъ церемоніяхъ нѣтъ церемоніймейстеровъ, нѣтъ придверниковъ, нѣтъ лицъ, докладывающихъ о прибытіи гостей, словомъ, нѣтъ никакихъ препятствій или стѣсненій для входа, а всякій входитъ, кому угодно; и однако какъ немного здѣсь присутствующихъ въ сравненіи съ цѣлою массою, которая имѣла право войти, если бы

заходилъ. Если бы въ Вашингтонѣ нашелся такой тупоумный господинъ, который, пользуясь этимъ правомъ входа, совался бы сюда чрезъ каждыя двѣ недѣли, то онъ вѣрно былъ бы удовлетворенъ возможностью хвастать, что онъ ходитъ въ Бѣлый-Домъ каждыя двѣ недѣли, какъ правитель штата или важное государственное лицо».

Общественныя приличія, которыхъ должны держаться хозяева Бѣлаго-Дома, были предписаны со всевозможною точностью. Въ началѣ, во время управленія страню Вашингтономъ, вопросъ о томъ, какія установить правила по этому, въ сущности пустому, но въ практикѣ немаловажному предмету, былъ рассмотрѣнъ весьма серьезно. Общее убѣжденіе было, что тѣ правила и формы, которыя выработались при европейскихъ дворахъ, не могутъ идти къ правительству новой республики, такъ какъ въ Америкѣ нѣтъ титулованныхъ особъ и титулы воспрещены закономъ и на будущее время, да и въ краеугольный камень новой организаціи страны положено всеобщее равенство.

Вашингтонъ самъ предложилъ слѣдующія правила въ этомъ отношеніи, которыя и были приняты:

«Для первоначальнаго знакомства установленъ былъ обычай, чтобы *мѣстные* жители дѣлали визиты иностранцамъ и вообще новымъ лицамъ *первыми*; и между новыми лицами и иностранцами тѣ, кто ранѣе прибылъ въ городъ, должны дѣлать визиты первыми тѣмъ, кто прибылъ позже. Послѣ этого визита иностранецъ или вообще новый человекъ становится своимъ. Изъ этого правила сдѣлано одно исключеніе относительно представителей иностранныхъ державъ. Посланники должны представляться первыми кабинету министровъ, чтобы сдѣлать себя извѣстными; этотъ визитъ долженъ быть своевременно отданъ имъ министрами». Это правило соблюдается и въ частной жизни американцевъ. Если вы поселились гдѣ-либо въ городѣ или деревнѣ, то должны ждать визита мѣстныхъ жителей, который вы должны имъ скорѣе отдать. Если же вы визита не получили, это значитъ—съ вами не хотятъ знакомиться. Конечно, это правило касается главнымъ образомъ семейныхъ лицъ.

«Какъ скоро люди сошлись вмѣстѣ въ обществѣ, то всѣ здѣсь равны, лица титулованныя или нетитулованныя, иностранцы или туземцы, официальные и неофициальные — все равно».

Всѣ остальные правила этикета уже представляютъ только развитіе и приложеніе этихъ основныхъ двухъ правилъ.

«Семьи посланниковъ (а не посланники сами), прибывая въ

столицу, получаютъ первый визитъ со стороны министровъ ва-
шингтонскихъ и прочихъ мѣстныхъ резидентовъ.

«Члены легислатуръ отдѣльныхъ штатовъ и судебныя власти
имѣютъ право также на получение перваго визита въ качествѣ
иностранцевъ въ городѣ.

«При недопущеніи титуловъ въ странѣ, титулы иностранцевъ
не должны имѣть никакого значенія.

«Различію между разными степенями дипломатовъ также не
придавать значенія.

«При общественныхъ церемоніяхъ, на которыя правительство
приглашаетъ иностранныхъ представителей съ ихъ семействами,
должны быть приготовлены приличныя мѣста или сидѣнія, выѣстъ
со всѣми прочими приглашенными и семействами министровъ,
но не распредѣляя мѣстъ между ними, а такъ, что каждый зани-
маетъ любое свободное мѣсто, смотря по времени своего при-
бытія.

«Чтобы поддержать принципъ равенства, общественное *rele-
vé*, и предотвратить прецеденты, противорѣчащіе этому прин-
ципу, члены правительства должны практиковать въ своихъ до-
махъ и рекомендовать вездѣ, чтобы мужчины *en masse* дѣлали
все въ интересахъ *l'humanité*».

Многіе пункты этихъ правилъ на практикѣ встрѣтили оппо-
зицію, особенно общество было недовольно полнымъ принципомъ
равенства въ собраніяхъ официальныхъ и частныхъ. Вслѣдствіе
этого не разъ возникали горячіе споры, ссоры и непріятности
по поводу вопросовъ этикета. Такъ, напр., въ 1819 году, сена-
торы, по согласію между собою, заявили, что они не хотятъ
дѣлать визиты *первымъ* никому, за исключеніемъ президента.
Президентъ Адамсъ жестоко порицалъ ихъ за эти аристократи-
ческіе взгляды, и разногласіе по этому поводу сдѣлалось еще
горячѣе. Результатомъ этого было то, что кодексъ этикета былъ
снова пересмотрѣтъ, и выработаны были новыя правила. Огно-
сительно этикета въ Бѣломъ-Домѣ въ этихъ правилахъ, остаю-
щихся въ силѣ и по настоящее время, заключается слѣдующее:

Титулъ исполнителей власти «M-r President». Не этикетно въ
разговорѣ съ нимъ адресоваться «Your Excellency» (ваше пре-
восходительство).

Президентъ принимаетъ визиты по дѣламъ во всякое время,
если онъ не занятъ. Но такіе визиты должны дѣлаться преим-
ущественно утромъ. Назначено определенное время для приѣма
лицъ, которыя являются къ нему для засвидѣтельствованія по-
чтенія. Для этого обыкновенно назначаются одно утро и одинъ

вечеръ въ недѣлю. Во время зимняго сезона назначенъ одинъ разъ въ недѣлю общій пріемный день, но гости должны являться въ парадномъ платьѣ. О прибытіи ихъ въ такихъ случаяхъ дѣлается докладъ придверниками, и посѣтителы затѣмъ имѣютъ честь пожать руку президента. Эти пріемные вечера продолжаются отъ 8 до 10 часовъ обыкновенно.

1-го января и 4-го іюля бываетъ публичный пріемный день, причемъ посланники и прочія дипломатическія лица, если они находятся въ столицѣ, должны являться въ полной парадной формѣ, а офицеры арміи и флота въ униформѣ. Сначала президентъ принимаетъ министровъ и начальниковъ департаментовъ, правителей штатовъ, членовъ конгресса; затѣмъ дипломатовъ, далѣе офицеровъ арміи и флота, и, наконецъ, открываются двери для пріема народа, массы котораго подходятъ по-очереди къ президенту, пожимаютъ ему руку и уходятъ, оставляя мѣсто другимъ посѣтителямъ. Эта церемонія продолжается обыкновенно два часа.

Президентъ, *какъ президентъ, не долженъ* быть никѣмъ приглашаемъ на обѣды, не долженъ принимать такихъ приглашеній, и не обязанъ ни дѣлать визитовъ, ни отдавать ихъ. Но въ качествѣ частнаго лица онъ можетъ посѣщать кого угодно, по своему желанію.

Приглашенія на обѣдъ въ Бѣлый-Домъ не могутъ быть отклоняемы подъ предлогомъ ранѣе полученнаго приглашенія въ другое мѣсто. Всякое такое приглашеніе изъ Бѣлаго-Дома должно приниматься немедленно, и отвѣтъ долженъ быть письменный на такія приглашенія.

Сверхъ пріемныхъ дней были въ обычаѣ такъ-называемые «государственные обѣды» (state dinner), на которые приглашались только высшія лица свои и иностранныя. Обѣды эти обходились обыкновенно очень дорого, были скучны и натынуты. Супруга Линкольна рѣшила покончить съ ними. Ея пріятель такъ описываетъ ея маневръ при этомъ:

«Въ 1862 г., въ январѣ, я пришелъ въ Бѣлый-Домъ. Миссисъ Линкольнъ сказала мнѣ: «я занята одною мыслью. Теперь время военное, и мы должны быть экономны, насколько это возможно. Вы знаете, что всѣ ожидаютъ теперь ряда государственныхъ обѣдовъ, которые обыкновенно президентъ даетъ зимою, и эти обѣды очень дороги. Я хочу избѣжать этихъ издержекъ, и думаю, что если дамъ три большихъ пріемныхъ вечера, то государственные обѣды можно будетъ вычеркнуть изъ программы. Что вы думаете по этому поводу? (А нужно припомнить, что

въ это время жалованье президента было всего 25,000 долларовъ).

— Я думаю, что вы правы, миссисъ Линкольнъ, — сказалъ я.

— Очень рада слышать это. Если я сумѣю убѣдить въ этомъ г. Линкольна, то я непременно выполню мою мысль.

Прежде чѣмъ я оставилъ комнату, вошелъ самъ Линкольнъ. Она объяснила ему, въ чемъ дѣло. Не давая отвѣта, онъ нѣсколько минутъ взвѣшивалъ предложеніе, и, наконецъ, сказалъ:

— Матушка, я боюсь, что твой планъ невыполнимъ!

— Онъ будетъ выполненъ, если только ты рѣшишься на это, — возразила она.

— Это было бы нарушеніемъ вѣковѣвнаго обычая, — отвѣтилъ онъ крѣпко.

— Но ты забываешь, батюшка, что теперь времена военныя, и старыя обычая могутъ быть и оставлены хоть на этотъ разъ. Что мой планъ экономенъ, ты долженъ это допустить.

— Да, матушка, но мы должны думать кое-о-чемъ сверхъ экономіи.

— Я не думаю ни о чемъ другомъ. Публичные пріемные вечера гораздо демократичнѣе, чѣмъ глухие государственныя обѣды, и болѣе согласны съ духомъ учреждений нашей страны, какъ ты самъ сказалъ бы, если бы тебѣ пришлось держать свѣчъ. Въ городѣ теперь много посѣтителей, иностранцевъ и другихъ, которыхъ мы можемъ пригласить на наши пріемные вечера, но которыхъ мы не можемъ пригласить на наши обѣды.

— Я думаю, ты права. Ты выбрала удачную аргументацію. Я думаю, что мы съ тобой согласимся, насчетъ общихъ пріемныхъ вечеровъ.

Побѣдъ г-жи Линкольнъ помогло тяжелое обстоятельство: смерть ея сына, прекраснаго, многообщавшаго мальчика, повергла Бѣлый-Домъ въ грусть и скорбь. Пріемные дни и празднества были при этомъ законно прекращены.

Естественно и законно, что официальная дѣятельность президента подвергается оцѣнкѣ и критикѣ друзей и враждебной партіи. Это — въ интересахъ дѣла и страны; и если здѣсь нѣредко бывають излишества со стороны враждебной партіи, — во всякомъ случаѣ оцѣнка и критика президентскаго управленія производится на основаніи извѣстныхъ принциповъ, извѣстныхъ общихъ положеній и требованій, которыя иногда признаются общими партіями. Но этой критикѣ на практикѣ оказывается мало; онъ и его семья подвержены другому рода критикѣ, кото-

рую русскій характерно называетъ «зубоскальствомъ» и «чесаніемъ языка».

Конечно, это зубоскальство и чесаніе языка глѣбится главнымъ образомъ въ Вашингтонѣ, гдѣ президентъ и его семейство, такъ-сказать, свои люди. Это чесаніе языка дѣлается безъ злобы или ненависти, безъ желанія вредить, а просто, какъ говорится, по слабости человѣческой натуры.

Здѣсь, въ Вашингтонѣ, есть нѣсколько десятковъ лицъ, которые, отъ бездѣлья-ли или по тупоумію, съ жадностью слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается въ Бѣломъ-Домѣ, и безпереромно выкладываютъ добытыя свѣдѣнія передъ публикою; конечно, при этомъ передача свѣдѣній дѣлается не безъ прикрасъ. Всякій мелкій, ничтожный случай въ Бѣломъ-Домѣ становится извѣстнымъ, и по всему городу звонятъ по этому поводу, этотъ звонъ переходитъ въ газеты и такимъ образомъ дѣлается извѣстнымъ во всей странѣ.

Въ Вашингтонѣ есть люди, которые могутъ вамъ сказать, какъ президентъ встаетъ утромъ съ постели, какъ онъ одѣвается, завтракаетъ, чиститъ зубы; о чемъ былъ въ семействѣ разговоръ, и такъ далѣе, тысячи мелкихъ, ни до чего не касающихся подробностей. Въ снабженіи такого рода свѣдѣніями играетъ главную роль прислуга, какъ это водится во всемъ бѣломъ свѣтѣ, которая желаетъ этимъ, быть можетъ, придать себѣ болѣе значенія: «Вотъ, молъ, мы какіе здѣсь, мы все знаемъ, мы, такъ-сказать, странюу управляемъ вмѣстѣ съ г. президентомъ».

Но если мы можемъ только пожимать плечами, слушая весь этотъ вздоръ,—то иначе это дѣйствуетъ на жертвы. Вѣдь весьма непріятно жить и знать, что за вами слѣдятъ, что все, что вы дѣлаете и говорите среди близкихъ вамъ людей, такъ или иначе будетъ извѣстно всему свѣту, и нерѣдко въ искаженномъ видѣ, и вы тутъ ничего не можете подѣлать. Въ Европѣ придворныя новости такого же мелочнаго характера тоже составляютъ нестоимый предметъ болтовни въ публикѣ, особенно въ аристократической; но тамъ обыкновенно это не переходитъ въ газеты. Но въ Вашингтонѣ печати никто не можетъ зажать рта; поэтому президенту съ семействомъ приходится жить чрезвычайно осмотрительно и осторожно и выносить терпѣливо этотъ досужный и непріятный процессъ чесанія языка. И пусть бы президенты и ихъ семьи хоть сколько-нибудь по образу жизни, воззрѣніямъ, наклонностямъ походили на французскій, напр., дворъ, гдѣ скандальная хроника имѣла нестоимый матеріалъ для всей Европы и дала содержаніе сотнямъ романовъ? Ничуть не

бывало. Скандальная хроника немислима въ Вѣломъ - Домѣ. Президенты люди не молодые, высокой нравственности и строгой жизни; да и американское общество въ этомъ отношеніи болѣе строго и требовательно, чѣмъ какое-либо общество въ мірѣ. Тутъ чesанье языка происходитъ, очевидно, ради чesанія.

Особенно эти сплетни дошли до широкихъ размѣровъ и серьезно беззаконили жертвы въ президентство Авраама Линкольна. Положеніе его, какъ перваго противника рабовладѣнія, создало ему множество враговъ. Жена его была тоже съ сильнымъ, независимымъ характеромъ, поэтому кумушны не жалѣли языка и фантазій. За ними обонимъ устроено было нѣчто въ родѣ систематическаго надзора. Не успѣють онъ или она рта раскрыть, какъ уже звонъ идетъ по всему городу. На саму миссисъ Линкольнъ было соткано даже много грубыхъ сплетенъ, въ которыхъ все перетолковывалось съ цѣлью опорочить ея доброе имя, сдѣлать ее предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ въ обществѣ, причеиъ ея привязанность къ мужу и горячая любовь къ сыну были представлены какъ маска дурнаго поведенія. Ея швейи и модистки сообщали публикѣ всѣ тонкости ея туалета съ приличными комментаріями. И эти сплетни занимали всѣ слои вашиигтонскаго общества, и притомъ не только женщинъ, а и мужчинъ.

VIII.

До учрежденія между штатами прочнаго союза, каждый штатъ дѣйствовалъ самостоятельно, какъ отдѣльное государство. Штаты въ то время могли вступать въ союзъ другъ съ другомъ и заключать трактаты, сносятся съ иностранными державами, объявлять войну, заключать миръ, чesанить монету, выпускать кредитные билеты и проч. Въмѣстѣ съ этимъ они имѣли и свой судъ. Но когда, въ силу взаимнаго договора, штаты рѣшились отказаться отъ своихъ верховныхъ правъ для учрежденія общаго союзнаго правительства, то въмѣстѣ съ законодательною и исполнительной властью найдено было не только полезнымъ, а необходимымъ образовать и военную судебную власть, общую для всего Союза, чтобы утвердить въ немъ справедливость. Эта власть нужна была не только для прочности и солидности новаго правительства, но и вслѣдствіе нерѣдко вопиющей неправды, которую допускали и позволяли суды нѣкоторыхъ штатовъ. Легислатуры штатовъ пропускали законы слишкомъ благопріятные

для своихъ мѣстностей въ ущербъ другимъ; суды же штатовъ, вмѣсто протеста противъ такихъ законовъ, поддерживали ихъ и не обращали вниманія на заявленія и протесты другихъ штатовъ. Трактаты, заключавшіеся съ иностранными державами по имя *всѣхъ* штатовъ, пренебрегались, какъ легислатурами, такъ и судами отдѣльныхъ штатовъ. Такъ что это пренебреженіе къ трактатамъ могло послужить не разъ поводомъ къ войнѣ.

Сверхъ этого, нѣкоторые легислатуры учреждали законы прямо вредные для большинства гражданъ въ интересахъ только однихъ богатыхъ людей, законы противъ правъ иностранцевъ и даже гражданъ другихъ штатовъ. И вообще въ законодательствѣ различныхъ штатовъ была такая путаница, неурядица и произволъ, что законодательство американскихъ республикъ сдѣлалось, наконецъ, предметомъ презрѣнія дома и предметомъ насмѣшекъ въ Европѣ.

Для удаленія этихъ золъ и рѣшено было законодателями Союза, не трогая мѣстныхъ судебныхъ учреждений каждаго штата, а только ограничивъ ихъ юрисдикцію, учредить верховный судъ Соединенныхъ-Штатовъ.

Верховный судъ состоитъ въ настоящее время изъ главнаго судьи (Chief Justice) и 9 судей, его товарищей. Засѣданія суда въ Вашингтонѣ начинаются ежегодно съ перваго понедѣльника въ декабрѣ.

Такъ какъ по обширности территоріи для множества дѣлъ гражданамъ не было бы возможности пользоваться благами правосудія въ виду издержекъ и отдаленности столицы, то въ судебномъ отношеніи Союзъ раздѣленъ на 10 большихъ округовъ, въ которыхъ творится судъ, по окончаніи дѣлъ въ верховномъ судѣ въ Вашингтонѣ, тѣми же десятью судьями, въ каждомъ округѣ по одному, который предсѣдательствуетъ въ этихъ окружныхъ судахъ. Эти большіе судебные округа подраздѣляются на меньшіе, подъ-округи, и затѣмъ особый судебный округъ составляетъ округъ Колумбія. Такъ что судебная власть Соединенныхъ-Штатовъ является въ четырехъ формахъ или классахъ, а именно:

- 1) Верховный судъ Соединенныхъ-Штатовъ (supreme court), учрежденный конституціею, но организуемый конгрессомъ.
- 2) Окружные суды Соединенныхъ-Штатовъ (circuit courts), устанавливаемые и организуемые конгрессомъ.
- 3) Дистриктные суды Соединенныхъ-Штатовъ (district courts), устанавливаемые и организуемые конгрессомъ.

4) Высшій судъ для округа Колумбін, также учреждаемый и организуемый конгрессомъ.

Такимъ образомъ, и въ устройствѣ судебной власти есть полная аналогія съ устройствомъ ея въ каждомъ штатѣ, потому что каждый штатъ имѣетъ также свой верховный судъ, окружной (изъ нѣсколькихъ графствъ) и дистриктный.

Всѣ судьи союзнаго правительства назначаются президентомъ съ согласія и одобренія сената. Чтобы они были болѣе независимы, должность ихъ въ этомъ званіи пожизненная, если они, конечно, не совершаютъ какого-либо преступленія. Жалованье получаютъ: верховный судья 10,500 долларовъ, а прочіе девять по 10,000 долларовъ, при этомъ во время службы жалованье ихъ не можетъ быть уменьшено по закону.

Какъ всѣ члены правительства, судьи, при вступленіи на должность, даютъ торжественную присягу — поддерживать конституцію и исполнять свои обязанности добросовѣстно.

Вѣдѣнію этого суда подлежатъ: всѣ случаи, касающіеся посольствъ, министровъ и консуловъ; случаи, гдѣ одна тяжущаяся сторона есть какой-либо изъ штатовъ; въ этихъ случаяхъ судъ вѣдаетъ несогласія между двумя или болѣе штатами; тяжбы между штатомъ, или его гражданами, и иностранными государствами, гражданами или подданными. Сверхъ сего, этому же суду подлежатъ дѣла по апелляциямъ: сюда относятся всѣ случаи по морскому вѣдомству; случаи, когда одну изъ сторонъ представляютъ Соедин.-Штаты; тяжбы дѣла между гражданами различныхъ штатовъ и между гражданами одного и того же штата, если тяжба касается земель, подаренныхъ Соединенными Штатами тому или другому штату.

Верховный судъ Соединенныхъ-Штатовъ поставленъ весьма высоко, и постоянно, неуклонно стоитъ на высотѣ своего призванія со дня учрежденія, а потому его окончательныя и безповоротныя рѣшенія чтутъ и уважаютъ во всемъ Союзѣ. Члены его обыкновенно бываютъ не только люди даровитые и опытные спеціалисты, но и люди высокой, безупрочной нравственности. Они обыкновенно въ рѣшеніяхъ не держатся партій и руководятся только одною конституціею. Поэтому здѣсь нерѣдко бываетъ, что республиканецъ, во имя правды, рѣшаетъ дѣло въ пользу демократической партіи, если она права, и обратно, демократъ дѣйствуетъ такимъ же образомъ въ пользу республиканцевъ, несмотря при этомъ на негодованіе своей партіи.

Для помѣщенія верховнаго суда отведено нѣсколько залъ въ Капитолѣ, изъ которыхъ зала засѣданій суда отдѣлана не только

со вкусомъ и комфортомъ, но съ роскошью, и представляетъ собою одно изъ самыхъ изящныхъ мѣстъ въ Капитолій. Судьи въ засѣданіе являются въ длинныхъ, черныхъ мантияхъ, засѣданіе происходитъ съ достоинствомъ, солидно и исполнѣ спокойно. Здѣсь все такъ тихо и мирно, что, придя сюда изъ палаты депутатовъ, чувствуешь себя какъ-будто въ другомъ мірѣ.

Передъ входомъ судей въ залу является маршалъ суда, становится среди залы и громко возглашаетъ: «The Honorable, the judges of the Supreme Court of the United States!» (т.-е. «Почтенные или досточтимые судьи Верховнаго Суда Соединенныхъ-Штатовъ!») Послѣ этого возгласа всѣ присутствующіе встанутъ, и стоя ожидаютъ входа досточтимыхъ. Тогда, въ отворенныя двери, входитъ первымъ главный судья, а за нимъ и прочіе члены суда, одинъ по одному, въ своихъ длинныхъ, волочущихся по полу, какъ у нѣкоторыхъ нанихъ высшихъ монаховъ, черныхъ шелковыхъ мантияхъ. Всѣ судьи обыкновенно очень преклонныхъ лѣтъ, и потому вся эта обстановка, несмотря на ея средне-вѣковое англійское происхожденіе, какъ-то идетъ въ нимъ и въ цѣломъ производитъ очень серьезное впечатлѣніе въ пользу суда и судей.

Когда они усядутся по своимъ мѣстамъ, то главный судья дѣлаетъ знакъ глашатаю (crier), который немедленно во всеуслышаніе провозглашаетъ:

«Oyez! Oyez! Oyez! Всѣ лица, имѣющія дѣло впрѣдъ досточтимыми судьями верховнаго суда Соединенныхъ-Штатовъ приглашаются приблизиться и внимать, потому-что судъ теперь въ засѣданіи. Боже, спаси Соединенные-Штаты и этотъ досточтимый судъ!»

Послѣ этого всѣ садятся, и начинается судебное дѣлопроизводство.

Главные судьи пользуются во всемъ Совѣзъ великимъ почетомъ и уваженіемъ и притомъ исполнѣ заслуженнымъ. Такъ какъ они въ этой должности находятся, смотря по ихъ желанію, пожизненно, то ихъ всего-то въ теченіи ста лѣтъ было 5—6 чловѣкъ, и имена ихъ извѣстны каждому образованному американицу, не говоря уже о законовѣдахъ. Просматривая ихъ біографіи, дѣйствительно, нельзя не порадоваться, что такимъ хоронимъ людямъ приходится занимать такіе важныя посты въ государствѣ. Между всѣми ими особенно типична личность судьи, по имени Маршалъ, изъ Виргиніи. Онъ назначенъ былъ на эту должность въ 1801 г. президентомъ Адамомъ и вполнѣ одобренъ сенатомъ. Вотъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, рисующихъ лич-

ность судьи Маршала. Прежде своего назначенія на должность главнаго судьи, онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (state secretary). Современники смотрѣли на него съ любовью и уваженіемъ. Онъ особенно выдавался ровностію въ поведеніи и обращеніи, и дѣтскою простотою и свѣжестію характера. Его беззаботность относительно одежды доходила до того, что разъ, когда онъ вошелъ въ ресторанъ закусить, хозяинъ отказалъ ему, полагая, что онъ не въ состояніи заплатить счета. Когда онъ былъ молодъ и началъ карьеру адвоката самымъ блестящимъ образомъ, то имя и способности его сдѣлались извѣстными между законниками. Но его небрежность и простота въ одеждѣ были причиною, что многіе кліенты, которымъ Маршалъ былъ рекомендованъ, какъ способный адвокатъ, придя къ нему и посмотрѣвъ на него, отказывались вѣрить рекомендаціи и уходили отъ него прочь къ другимъ адвокатамъ. Конечно, увидавши его послѣ въ дѣлѣ, они сознавали свою ошибку и снова обращались къ нему. Одинъ такой случай отказа поручить ему дѣло произошелъ оттого, что, когда хозяинъ дома рекомендовалъ Маршала своему гостю, Маршалъ въ это время проходилъ мимо окна въ льняномъ костюмѣ, со шляпою въ рукахъ, изъ которой онъ вытаскивалъ винныя и куналъ ихъ на улицѣ.

Въ борьбѣ за независимость Америки Маршалъ отличался между соратниками замѣчательною воздержностію. Его ничто не возмущало и необезкураживало; къ пищѣ онъ былъ равнодушенъ, такъ что его расположеніе духа нисколько не мѣнялось, ѣлъ-ли одинъ только хлѣбъ или одно мясо. И когда другіе офицеры ворчали по случаю этихъ лишеній, то онъ шутками своими пристыживалъ недовольныхъ и возбуждалъ въ нихъ бодрость. Онъ считался добрымъ товарищемъ, а солдаты были отъ него въ восторгѣ.

Честность его была постоянно самой высочайшей пробы. Не было случая въ его жизни, чтобы онъ сталъ защищать дѣло несправое, по его мнѣнію; такъ же онъ дѣйствовалъ и по отношенію къ себѣ: платилъ различные штрафы, когда легко бы ихъ могъ избѣгнуть.

Уже будучи главнымъ судьей, онъ былъ въ Ричмондѣ и случайно стоялъ на рынкѣ, держа въ рукѣ корзинку съ своими покупками. Тутъ же, вблизи, молодой человекъ, одѣтый по модѣ, купилъ индѣйку. Но такъ какъ модный, изящный костюмъ и несеніе домой индѣйки по улицамъ не гармонировали, то онъ подошелъ къ Маршалу, полагая, что это кто-либо изъ фермеровъ, и попросилъ его довести домой индѣйку. Верховный судья

спокойно ввѣлъ индѣйку, чтобы избавить молодого франта отъ стыда нести ее самому. Индѣйка принесена; молодой человѣкъ поблагодарилъ его за услугу и предложилъ ему монету. Но мнимый фермеръ отказался; тогда молодой человѣкъ попросилъ его назвать себя, чтобы знать, кому онъ обязанъ такою любезностью. Нужно представить себѣ смущеніе, замѣнательство и извиненія молодого человѣка, когда онъ узналъ въ лицѣ мнимаго фермера одно изъ первыхъ и самыхъ почетныхъ лицъ въ странѣ.

Небрежность Маршала въ одеждѣ давала поводъ ко многимъ шуткамъ со стороны его друзей. Однажды они стали ему доказывать, что онъ не можетъ одѣться соотвѣтственно общепринятымъ правиламъ. Маршалъ отказывался согласиться съ этимъ. Тѣ предложили пари, которое имъ было принято. Назначенъ былъ день, когда всѣ должны были явиться къ обѣду въ парадныхъ платьяхъ, причемъ проигравшая сторона должна была платить за обѣдъ. Маршалъ употребилъ всѣ силы, чтобы не упустить изъ вниманія какой-либо мелочи въ костюмѣ. Въ назначенный день всѣ явились къ обѣду; сдѣланъ былъ осмотръ, оказалось, что маршалъ одѣтъ безукоризненно. Сѣли за столъ. Верховный судья торжествуетъ: онъ выигралъ пари. Въ это время случилось, что его сосѣдъ уронилъ подъ столъ салфетку, и чтобы достать ее, онъ нагнулся подъ столъ, причемъ замѣтилъ, что верховный судья надѣлъ чулокъ наизнанку. Громкій смѣхъ друзей привѣтствовалъ это открытіе, и верховный судья долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ.

И много подобныхъ анекдотовъ сохранилось объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Но за то, когда онъ начиналъ рѣчь, то ее ясность, многосторонность, сила доказательствъ, сообразительность, сопровождаемая чувствомъ убѣжденія, увлекали и приводили въ восторгъ слушателей.

Американская высшая судебная трибуна вообще въ этомъ отношеніи весьма счастлива; въ ней принимали и принимаютъ участіе многіе не только талантливые, но и честные люди. Конечно, говоря это, мы не имѣемъ здѣсь въ виду «аблокатовъ», имъ же нѣсть числа въ Америкѣ, какъ и во всей Европѣ. То—особы статья, люди продажные и безсовѣстные. Имъ мѣсто не въ судѣ, по настоящему, а *подъ судомъ*.

А ужъ и куда какъ много въ Америкѣ адвокатовъ (Lawyer, отъ Law—законъ): въ памятной книгѣ г. Нью-Йорка на 1878 г. помѣщено до 4,500 человѣкъ; по ревизіи 1870 г., во всемъ Союзѣ ихъ было 40,736 человѣкъ — вѣдь это цѣлая армія. И

они до того здѣсь насолнили народу, что одна изъ новыхъ партій, чтобы избавиться отъ этихъ общественныхъ паразитовъ, въ своей программѣ предложила пунеть, чтобы суды не вмѣшивались въ дѣла между кредиторами, а чтобы всякій, кто даетъ въ долгъ, смотрѣлъ бы въ оба самъ, кому онъ даетъ, надежному человѣку или нѣтъ.

Особенно въ Нью-Йоркѣ есть между ними великіе негодяи, которые умѣютъ обокрасть и правого, и виноватаго, которые берутся за всякое грязное дѣло, а нѣкоторые сами рѣшаются на воровство, мошенничества и подлоги. Между ними же обыкновенно главный контингентъ «политикановъ», которые научились вмѣстѣ съ банкирами дурачить народъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, есть между ними и люди очень хорошіе, но такъ какъ это дѣло нормальное, то оно и не замѣчается; подлые же поступки, въ силу своей подлости, бьются въ глаза, дѣлаются гласными и владутъ поворное клеймо на цѣлый классъ общества.

IX.

Зданіе государственнаго казначейства находится также возлѣ Бѣлаго-Дома,—но съ другой стороны. Зданіе очень просторное, содержится, какъ и всѣ правительственныя зданія, чрезвычайно чисто, опрятно и изящно. Постройка его обоилась въ около 7 м. долл. Въ немъ болѣе 200 комнатъ для многочисленныхъ вѣтвей этого департамента. Департаментомъ заведуетъ государственный казначей (Secretary of the treasury—то же, что министръ финансовъ). При немъ находится многое множество чиновниковъ, для движенія денегъ по странѣ, потому что, какъ извѣстно, деньги въ государствѣ то же, что кровь въ организмѣ. Значеніе этого департамента для страны, безъ сомнѣнія, очень велико, а потому на него и вниманія много обращается. Состояніе финансовъ и ихъ система есть въ Америкѣ проба и партія, и способности ея къ управленію страной. Въ настоящее время старія партіи разлагаются и возникаютъ новыя, главнымъ образомъ, на финансовой почвѣ. Финансы — злоба дня и девизъ нашего коммерческаго вѣка, вѣка буржуазіи, торговыхъ интересовъ и предпріятій.

До великой междоусобной войны въ Соединенныхъ-Штатахъ ходячею монетою было только золото, серебро и мѣдная монета, выпускаемая союзнымъ правительствомъ. Бумажныхъ денегъ не было. Банки различныхъ штатовъ выпускали большое количество

своихъ векселей, но они были надежны, потому что немедленно, по предъявленіи, выкупались законною монетою. Векселя эти обыкновенно имѣли полную цѣну въ своемъ штатѣ, и подвергались дисконту въ другихъ штатахъ, смотря по обстоятельствамъ.

Въ то время металлической правительственной монеты было достаточно для веденія дѣлъ во всей странѣ, и такъ какъ было извѣстно, что банки снабжены вполне монетою, то очень немногіе отказывались принимать векселя по ихъ номинальной стоимости. Но въ началѣ войны деньги мало-по-малу стали выходить изъ обращенія, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ. Частныя предпріятія и гарантіи встрѣчались съ недовѣріемъ и подозрительностью, потому что неизвѣстное будущее пугало всѣхъ, и тѣ, кто имѣлъ золотую и серебряную монету, извлекали ее изъ обращенія и откладывали на черный день въ виду предстоящихъ волненій. Отсутствие монеты на денежномъ рынкѣ скоро почувствовалось всѣми. Волненіе еще болѣе увеличилось, когда правительство потребовало въ самое короткое время огромныхъ суммъ для вооруженія и запасовъ разнаго рода, а въ странѣ не оказалось достаточно готовой монеты, чтобы удовлетворить требованіямъ правительства. Въ виду этой необходимости конгрессъ разрѣшилъ государственному казначейству выпустить бумажныя деньги, или ассигнаціи. Бумажки эти получили названіе Greenbacks, т.-е. зеленыхъ боковъ, потому что обѣ стороны имѣли зеленый цвѣтъ. Эти бумажки оказались единственною монетою въ странѣ, такъ какъ золото и серебро скрылись изъ обращенія, т.-е. здѣсь случилось то же, что и у насъ послѣ крымской войны.

Послѣ войны дѣла стали поправляться; въ 1865 г. было долгу государственнаго, сдѣланнаго во время войны, 3 миллиарда; въ теченіи 13 лѣтъ около миллиарда уплачено, такъ что въ настоящее время осталось два миллиарда съ небольшимъ, да изъ этой суммы приходится платить проценты за границу только на одну пятую долга, такъ какъ остальные кредиторы—свои, слѣдовательно проценты, уплачиваемые по этимъ долгамъ, остаются дома, въ своей странѣ. Въ 1873 г. конгрессъ рѣшилъ признать законною монетою одну только золотую, оставивъ серебряную внѣ законаго существованія. Но недостаточное количество золотой монеты для веденія дѣлъ въ странѣ вынудило конгрессъ возвратить размонеченной монетѣ ея прежнюю стоимость наравнѣ съ золотомъ, въ 1878 году. Въ 1875 году конгрессъ постановилъ изъять изъ обращенія такое количество бумажекъ, чтобы оставшаяся въ обращеніи ихъ часть (положено оставить 360.000.000)

была бы наравнѣ съ золотомъ въ январю 1879 года. Умноое управленіе финансами привело къ тому, что уже въ настоящее время золото стоить почти наравнѣ съ бумажными знаками, превосходи ихъ менѣе, чѣмъ на полъ-процента. Министръ финансовъ, Джонъ Шерманъ, не только обѣщаетъ законъ этотъ выполнить, а уже началъ выплачивать звонкою монетою долги государственныхъ обязательства. Это казалось бы хорошо; но на дѣлѣ выходитъ иначе. Въ 1876 г. возникла партія, требующая признать закономъ *бумажные знаки* денегъ не знаками золотой или серебряной монеты, а именно законною монетою Соединенныхъ Штатовъ, наравнѣ съ золотомъ и серебромъ, оставляя золото и серебро только для международныхъ сношеній и не считая ихъ нужными для страны. Въ 1876 г. партія эта была очень слаба и во время президентскаго выбора не имѣла успѣха. Но въ два года она успѣла вырасти до серьезныхъ размѣровъ и въ настоящее время начинаетъ обнаруживать свою жизнь и силу тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ее ожидать, т.-е. въ штатахъ Новой-Англии, Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи, Калифорніи. Эта партія требуетъ отмѣненія закона о сокращеніи ассигнацій и изъятіи ихъ изъ обращенія, и, напротивъ, требуетъ ихъ выпуска въ такомъ размѣрѣ, чтобы приходилось на каждаго жителя Соединенныхъ Штатовъ не менѣе 50 долларовъ, т.-е. около двухъ миллярдовъ. Партія эта приняла названіе Greenback labor party, т.-е. партія труда и бумажныхъ денегъ. Что выйдетъ изъ этого новаго движенія въ политическомъ и финансовомъ мірѣ — дѣло будущаго.

Президентъ Гейсъ въ сентябрѣ 1878 года, въ одной изъ своихъ рѣчей, сообщилъ слѣдующія данныя о положеніи финансовъ въ Соезѣ:

Долгъ національный съ трехъ миллярдовъ 1865 года сокращенъ до 2,035 милліоновъ долларовъ, т.-е. уплачена въ 13 лѣтъ почти треть.

Процентный долгъ (4% фонды) сокращенъ съ 2,381 мил. до 1.809 милліоновъ долларовъ.

Всѣ эти громадные долги — результатъ страшной гражданской войны. Дорого стоила свобода негровъ. Думается, что гораздо было бы выгодно выкупить ихъ всѣхъ; какъ бы рабовладѣльцы ни оцѣнили свою *собственность*, во всякомъ случаѣ государству выкупъ обошелся бы навѣрно дешевле.

Такъ какъ золотая, серебряная и никкельная монета чеканится въ Филадельфіи, а кредитные билеты въ Вашингтонѣ, то мы ограничимся здѣсь только послѣдними.

Процессъ приготовленія и производства кредитныхъ билетовъ въ Вашингтонѣ заключается въ слѣдующемъ:

Сначала придумывается рисунокъ и обыкновенно избирается министромъ финансовъ. По избраніи рисунка, готовится доска самымъ тщательнымъ образомъ, какъ по чистотѣ отдѣлки и работы, такъ и по матеріалу. Здѣсь преслѣдуется главная цѣль та, чтобы на ней были оттиснуты знаки такъ, чтобы поддѣлка была невозможно затруднена.

Рисунокъ, выбранный для новыхъ билетовъ, гораздо болѣе по объему, чѣмъ самый билетъ, и готовится съ величайшимъ стараніемъ, самыми лучшими мастерами. Его затѣмъ фотографируютъ на стальной доскѣ въ точно томъ объемѣ, какой предложенъ для билета; посредствомъ этого — пропорціи рисунка сокращаются пропорціонально. Общій очеркъ рисунка тогда врызывается слегка въ сталь, и доска отсылается къ граверу, чтобы онъ докончилъ дѣло фотографа. Процессъ гравированія идетъ очень медленно. Часть работы здѣсь дѣлается рукою, но тонкія, деликатныя, спутанныя части рисунка, которыя именно рассчитаны на чрезвычайную трудность контрафакціи, дѣлаются машиною; для этого машина должна быть въ рукахъ очень искуснаго мастера-работника. Со стороны граверовъ прилагается величайшее стараніе — сдѣлать свою работу наисовершеннѣйшимъ образомъ. Каждая линія врызывается отдѣльно, и часто человекъ шесть участвуютъ въ приготовленіи одной доски. Одинъ — мастеръ въ отдѣлкѣ ландшафтовъ, другой — портретистъ, третій хорошо отдѣлываетъ животныхъ, фигуры, и т. д., поэтому каждый получаетъ на свою долю отдѣлку той части, въ которой онъ силенъ. Проходитъ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ въ постоянной, тщательной, усидчивой работѣ, пока эти доски сдѣлаются готовы для употребленія.

Когда доска, наконецъ, готова, съ нея дѣлаютъ копіи. Эта доска называется въ Вашингтонѣ *die*, т. е. *штампъ*, а процессъ сниманія копій называется переводомъ или переносомъ. Первоначальный штампъ выгравированъ на мягкой стали и по отдѣлкѣ помѣщается въ тигль, наполненный животнымъ углемъ, и герметически закупоривается. Тигель затѣмъ ставится въ горнъ и подвергается дѣйствию сильнаго, но ровнаго жара, отчего происходитъ соединеніе угля со сталью, что дѣлаетъ сталь чрезвычайно твердою, насколько она можетъ быть тверда. Послѣ этого штампъ берется для передаточнаго пресса, т. е. для копій съ него. Этотъ прессъ представляетъ могучую машину, способную произвести давленіе, равное 35 тоннамъ, и сообщаетъ это давленіе отъ простаго нажиманія ногою рабочимъ. Штампъ кладется подъ

прессъ, и катокъ изъ мягкой стали проходитъ сверхъ его; могучій прессъ вдавлиываетъ металлъ въ каждую линію твердаго штампа. Этотъ процессъ повторяется до тѣхъ поръ, пока получится полная точность, такъ какъ прессъ работаетъ съ математическою точностью. Полученный такимъ образомъ оттискъ первоначальнаго штампа на каткѣ подвергается въ свою очередь вмѣстѣ съ углемъ для затвердѣнія, такъ какъ катокъ первоначально дѣлается изъ мягкой стали. Приготовленные такимъ образомъ новые штампы, копіи первоначальнаго, сохраняются подъ сводомъ казначейства и оберегаются всѣми возможными способами отъ лицъ, любящихъ легкой способъ наживы. Когда нужна доска для печатанія, то эти катки-штампы проходятъ по мягко-стальной доскѣ, и даютъ требуемый оттискъ. Эта плита въ свою очередь подвергается процессу закалыванія и употребляется для печатанія.

Билеты государственнаго казначейства печатаются двумя досками соотвѣственно двумъ цвѣтамъ; лицевая сторона билета вмѣстѣ черный и зеленый цвѣта, а задняя только зеленый; картинка въ центрѣ бумажки на черномъ фонѣ, а бордюра на зеленомъ. Для обоихъ этихъ цвѣтовъ, чтобы получились отдѣльные оттиски, необходимы двѣ отдѣльныя доски. Это значительно усложняетъ процессъ приготовленія и стоимость бумажекъ, но въ концѣ-концовъ обходится дешевле, такъ какъ затрудняетъ ихъ контрафакцію. Этимъ достигнуто, что совершенной копіи, т.-е. линія въ линію, тѣнь въ тѣнь, буква въ букву, рукою сдѣлать нельзя. Контрафакторы прибѣгли къ фотографіи, но она не могла воспроизвести цвѣтовъ; продолжая настойчиво поддѣлку, они нашли процессъ, посредствомъ котораго цвѣтныя чернила могли быть удалены, не трогая черныхъ чернилъ бумажки; удаливши же цвѣтныя чернила, они фотографировали остальное содержаніе бумажки, и воспроизводили цвѣтныя части въ подражаніе оригиналу. Чтобы остановить поддѣлку, правительство стало употреблять нововозобрѣтенныя зеленныя чернила, которые почти и остановили поддѣлку, такъ какъ секретъ этихъ чернилъ извѣстенъ только правительству и американской компаніи банковыхъ билетовъ. Фальшивыя бумажки отличаются легко, при небольшомъ вниманіи.

Матеріалъ для бумажекъ выбирается тщательно, такъ какъ его качество и отдѣлка весьма важны противъ поддѣлки, и бережется въ надежномъ мѣстѣ, откуда выдается, по мѣрѣ требованія, по счету и по извѣстнымъ правиламъ.

Въ настоящее время въ обращеніи находится кредитныхъ билетовъ въ странѣ 600 милліоновъ долларовъ. Но, несмотря на то,

что эти бумажки приготовляются изъ наилучшаго матеріала, самыми искусными мастерами и со всѣми предосторожностями, тѣмъ не менѣ фальшивыхъ бумажекъ находится въ обращеніи не мало, преимущественно вдали отъ промышленно-торговыхъ центровъ, въ земледѣльческихъ штатахъ и округахъ. Но фальшивыя бумажки находятся главнымъ образомъ между мелкими, такъ какъ крупныя обыкновенно рассматриваются съ большимъ вниманіемъ, а потому и сбытъ ихъ очень затруднителенъ, тогда какъ мелкія бумажки берутся почти безъ вниманія. Въ числѣ контрафакторовъ иногда находили граверовъ, уволенныхъ почему-либо отъ службы въ госуд. казначействѣ, и даже чиновниковъ казначейства, которые давали казенные штампы на вечеръ или на два контрафакторамъ, конечно, не безъ вознагражденія за это. Но, благодаря дѣйствию образцовой американской сыскной полиціи, контрафакторы вскорѣ были открываемы. Главный контингентъ контрафакторовъ доставляли до сихъ поръ Соединеннымъ-Штатамъ Англія, Франція и Германія, какъ это видно изъ судебныхъ процессовъ.

Х.

Такъ какъ военное искусство не особенно чтится въ Америкѣ, а только терпится какъ необходимое зло, то и зданіе военного департамента смотритъ какъ-будто заброшенное, почти безъ украшеній, хотя внутри въ немъ все цѣлесообразно.

Этимъ департаментомъ завѣдуетъ военный министръ (Secretary of the Department of War), членъ кабинета. Его подчиненные — генералъ командующій арміею, генералъ-адъютантъ, генералъ-квартирмейстеръ, генералъ-пеймастеръ (т.-е. генералъ-казначей, отъ рау — платить), генералъ-коммиссаръ, генералъ-хирургъ, главный инженеръ и Chief of Ordnance, полковники, подполковники, майоры, капитаны, лейтенанты 1-й степени, лейтенанты 2-й степени.

Великая армія (ее такъ называютъ американцы) состоитъ въ настоящее время изъ 25,000 человекъ, которые разбросаны по всему Союзу, преимущественно на мексиканской границѣ, около границъ, занимаемыхъ не-мирными индійскими племенами, въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ, при входѣ въ гавани и порты Соединенныхъ-Штатовъ. Въ самомъ Вашингтонѣ ихъ человекъ 200 — не болѣе, да въ окрестностяхъ его тоже человекъ 200. Солдаты эти смотрятъ молодцами, народъ бравый, одѣты въ униформы изъ тонкаго сукна; всѣ они въ бѣлыхъ сорочкахъ съ вы-

нужными воротничками и рукавами безукоризненной бѣлизны. Такъ какъ нить дѣла не очень много, а между тѣмъ они хорошо помѣщены, сытно накормлены, одѣты и обуты, да еще получаютъ въ день жалованья около доллара, то служатъ они очень охотно, и желающихъ идти въ солдаты всегда много. Есть между солдатами нѣсколько негровъ. Въмѣсто увеличенія этой арміи, можно ожидать теперь ея сокращенія. Уже въ настоящемъ году палата депутатовъ хотѣла ее сократить до 20,000, но сенатъ не согласился. Въ слѣдующую сессію конгресса вопросъ опять будетъ поднятъ, и армія навѣрно будетъ сокращена до минимума. Сокращеніе ея основано на ея ненужности для охраны страны, которой никто не угрожаетъ, а между тѣмъ ея содержаніе обходится въ годъ до 30 милліоновъ долларовъ, включая сюда и военную академію въ Вестъ-Пойнтѣ и всѣ прочіе расходы. Да она и дѣйствительно не нужна въ такихъ размѣрахъ, потому что въ каждомъ штатѣ, на случай войны, есть вполне организованная мѣстная милиція изъ гражданъ; содержаніе ея не стѣбитъ странѣ ни гроша, а между тѣмъ, какъ показала междоусобная война, эти милиціонеры умѣютъ прекрасно драться и отлично умирать за дѣло, которое они считаютъ правымъ. А вѣдь умѣнье хорошо драться и смѣло умирать—главные качества хорошаго солдата. Во время междоусобной войны, когда страна нашла то нужнымъ, организовалась армія сѣверянъ 2.700,000 (въ томъ числѣ представшихъ къ сѣверянамъ южанъ 400,000), и 600,000 южанъ. Имѣя этотъ опытъ, американцы, понятно, не желаютъ увеличенія постоянной арміи.

Военный флотъ Соединенныхъ-Штатовъ состоитъ изъ 206 кораблей съ 1750 орудіями, въ томъ числѣ 52 броненосца, 95 винтовыхъ пароходовъ, 28 колесныхъ. Флотскіе офицеры получаютъ образованіе въ морской академіи. Департаментомъ заведуетъ морской министръ (Secretary of the Navy), членъ кабинета; его подчиненные—помощники, начальники доковъ и корабельныхъ дворовъ, мореплаванія, построенія и поправокъ, морскихъ инженеровъ, обмундированія, медицины и хирургіи и пр.

Особый интересъ для посѣтителя Вашингтона въ этомъ департаментѣ представляетъ докъ и машинное отдѣленіе. Здѣсь строятся суда огромныхъ размѣровъ для плаванія по океану. Понятно, что построеніе такихъ кораблей и пароходовъ стягиваетъ къ себѣ, какъ къ центру, все, что придумано въ области науки, техники и промышленности. Вѣдь современные пароходы представляютъ собою плавающія крѣпости или городки съ населеніемъ иногда болѣе 1000 человѣкъ. Да и съ океаномъ нельзя

шутить, а надо относиться къ нему серьезно. Описать все производство кораблестроенія и оснащиваніе и меблированіе парохода значило бы описать почти всѣ машинныя производства, на что мы не рѣшаемся; замѣтимъ только, что посѣщеніе морского отдѣла составляетъ и для жителей Вашингтона и для его посѣтителей одну изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ. Здѣсь, помимо литейнаго, кузнечнаго, слесарнаго, столярнаго, плотничьяго, лѣсопильного производствъ, много удовольствія въ спускъ кораблей, въ ихъ постройки, причѣмъ въ знойное время тѣнистыя деревья, зелень и одѣтые въ гранитъ берега Потомака даютъ пріятное мѣсто для отдыха и пріятный, разнообразный видъ. Входъ для публики открытъ всегда, безъ спроса и доклада, хотя въ важныхъ мѣстахъ есть и часовые.

. XI.

Внутреннія дѣла въ собственномъ смыслѣ вѣдаются каждымъ штатомъ самостоятельно. Поэтому департаментъ внутреннихъ дѣлъ и организованъ только въ 1849 г., когда почувствовалась нужда въ его учрежденіи. Во главѣ его находится министръ внутреннихъ дѣлъ (Secretary of the Interior), членъ кабинета. Департаментъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій, управляемыхъ особыми начальниками: отдѣленіе общественныхъ земель, — патентовъ, — индійскихъ дѣлъ; пенсіоновъ и народной переписи (census).

Отдѣленіе *общественныхъ земель* завѣдуетъ такими землями, которыя принадлежатъ не одному какому-либо штату, а составляютъ собственность всѣхъ Соединенныхъ-Штатовъ. Такія земли находятся почти во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ. Это тѣ земли, которыя никѣмъ не заселены и не составляютъ ничьей собственности. Чтобы было болѣе единства въ ихъ продажѣ эмигрантамъ и правильности при межеваніи и геодезическихъ съемкахъ, найдено цѣлесообразнымъ вручить управление ихъ конгрессу. Законная цѣна этихъ земель обыкновенно *одинъ долларъ и двадцать пять центовъ за акръ*; но какъ скоро селтеръ купилъ эту землю, она переходитъ изъ вѣдѣнія конгресса въ вѣдѣніе штата. Кромѣ того, конгрессъ даетъ всякому желающему поселиться на такихъ земляхъ съ семьею 160 акровъ за 14 долларовъ, но съ тѣмъ, что селтеръ получаетъ эту землю въ собственность по истеченіи пяти лѣтъ и съ условіемъ, чтобы онъ жилъ на этой землѣ, построилъ жилище и обработалъ не менѣе трехъ акровъ —

условія очень льготныя для бѣдныхъ переселенцевъ. Законъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ закона о гомстедахъ (Homesteadlaw).

Отдѣленіе по дѣламъ съ индійцами завѣдуетъ всѣми дѣлами съ пограничными индійцами. Правительство въ разные времена покупало землю у индійцевъ на востокъ отъ Миссиссипи, а ихъ самихъ поселяло на свободныхъ земляхъ дальняго Запада. За нѣкоторыя изъ этихъ земель была гарантирована ежегодная плата индійскимъ племенамъ, за другія въ теченіи только нѣсколькихъ лѣтъ, а за нѣкоторыя только временное вознагражденіе, по усмотрѣнію президента или конгресса. Общая сумма, требуемая индійскими племенами, доходитъ до 22 милліоновъ долларовъ. Правительство, согласно условію съ индійцами, обязано платить только проценты по этому долгу, въ размѣрѣ 5%. Этихъ процентовъ ежегодно уплачивается болѣе 200,000 долларовъ,— деньгами, съѣстными припасами и одеждою. Обязанность отдѣленія по индійскимъ дѣламъ заключается въ правильномъ распредѣленіи этого долга между индійцами. Чиновники правительства очень опозорили себя въ глазахъ всего народа своими мошенническими продѣлками съ индійцами и подлогами, такъ что большая часть денегъ, назначаемыхъ конгрессомъ, шла не индійцамъ, а въ карманъ чиновниковъ. Это вызвало войну съ индійцами въ 1876 г., которая продолжается и донинѣ.

Такъ-называемое «патентное отдѣленіе» есть чисто-американское учрежденіе; ему нѣтъ равнаго во всемъ свѣтѣ; это самая лучшая и могучая часть цивилизаціи американской. Здѣсь каждый можетъ на фактахъ, собранныхъ въ одномъ зданіи, увидѣть своими глазами и убѣдиться лично, какую могучую творческую силу раскрылъ народъ въ своихъ многообразныхъ изобрѣтеніяхъ, усовершенствованіяхъ, примѣненіяхъ въ области науки, техники, промышленности, искусства, домашняго комфорта. Чтобы правильно оцѣнить собранныя здѣсь сокровища изобрѣтательности американскаго гения, надо владѣть специальными и вмѣстѣ энциклопедическими знаніями и посвятить изученію всѣхъ моделей разныхъ изобрѣтеній не мѣсяцы, а годы. Каждый специалистъ, изъ какой бы отрасли знанія, искусства, промышленности ни принадлежалъ, найдетъ здѣсь для себя что-либо новое и поучительное.

Въ теченіи мѣсяца тамъ ста лѣтъ выдано патентовъ изъ этой Patent Office до 205,000! Цифра чрезвычайная. Не забудьте при этомъ, что каждое открытіе, изобрѣтеніе, усовершенствованіе, сопровождаются обязательно подробнымъ описаніемъ, рисунками

и моделью. Гдѣ вы найдете такую библіотеку изъ манускриптовъ по изобрѣтеніямъ и такую коллекцію моделей?

Начальникъ патентнаго отдѣленія назначается президентомъ, по одобренію и согласію сената. Ему вѣрено право — выдавать изобрѣтателямъ патенты на ихъ изобрѣтенія какъ награду за трудъ и услугу цивилизации. Полученіе патента стбѣтъ обыкновенно около 50 долларовъ, берется плата только за изслѣдованіе изобрѣтенія, его регистровку; такъ что сумма можетъ быть и въ 5 долларовъ, если изобрѣтеніе очень легко изслѣдовать. Патентовъ ежегодно выдается такъ много, что все учрежденіе, во всѣхъ своихъ частяхъ обходится безъ государственнаго казначейства и одержится на свой счетъ, причемъ ежегодно бываютъ остатки.

Большая библіотека при патентномъ отдѣленіи содержитъ многіе чрезвычайно цѣнные въ научномъ отношеніи томы. Томы эти распределены по научнымъ отдѣламъ, что значительно облегчаетъ доступъ въ нихъ специалистовъ. Кроме того, ежемѣсячный журналъ изобрѣтеній можетъ также всегда сообщить много новаго и интереснаго.

Здѣсь же въ библіотеку можно отыскать всѣ патенты, выданные въ Англіи и Франціи, и другихъ странахъ, насколько они были сообщены сюда. Для обмѣна свѣдѣній о патентахъ съ другими странами существуютъ три особыхъ агента; сверхъ того, библіотекарь ежегодно разсылаетъ нѣсколько сотъ рапортовъ въ равныя страны.

Зданіе, занимаемое патентнымъ отдѣленіемъ, огромныхъ размѣровъ, построено изъ гранита и мериландскаго мрамора, содержитъ до 200 комнатъ и стбѣтъ болѣе 2.700,000 долларовъ, улачиваемыхъ только доходами съ патентовъ.

Огромныя залы назначены для сбереженія моделей; модели рассортированы по родамъ и находятся въ стекляннымъ шкапахъ и витринахъ — въ два ряда, одинъ надъ другимъ.

Всего, что здѣсь помѣщается, мы, конечно, перечислять не будемъ, но только напомнимъ въ главныхъ чертахъ его содержаніе. Первыми при входѣ въ этотъ *Музей изобрѣтеній* мы встрѣчаемся съ разными формами *остерг-кловетто*; предметъ этотъ не изъ поэтическихъ, тѣмъ не менѣе въ домашнемъ комфортѣ и гигиенѣ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Далѣе, слѣдуютъ модели «спасательныхъ снарядовъ»: во время пожара; патроны и ружья; табако-рѣзательныя машины, коньки, бильярдные столы, ледорѣзы, бильярдные счетчики (мѣсто вѣльнера), пожарныя рукава, модели дѣтскихъ игрушекъ, между которыми замѣчательная автоматическая лошадь. Модели стойлъ для овецъ и

рогатаго скота, западни, ловушки, канканы разныхъ сортовъ; модели машинъ для дѣланія чемодановъ, сбури, газовыхъ, керосиновыхъ аппаратовъ, дистилляторовъ разныхъ жидкостей; машины для дѣланія конфетъ, испытанія сала и жира, сохраненія рыбы и мяса отъ порчи, балзамированія умершихъ. Модели мостовъ, часовъ, телеграфовъ, пожарныхъ знаменъ, маяковъ, омнибусовъ, конно-железно-дорожныхъ и железно-дорожныхъ вагоновъ и великаго множества разныхъ железно-дорожныхъ принадлежностей; лампы, печей, рѣшотекъ, горновъ, торфяныхъ машинъ; кирпиче- и черепице-дѣлательныхъ машинъ; швейныхъ, ткацкихъ, бумаго-дѣлательныхъ; вязальныхъ; машинъ для произведенія сукна, шляпъ, обработки хлопчатой бумаги, пеньки; очистки гаваней; для дѣланія пуговицъ, зонтиковъ; ручекъ для тростей; модели всевозможныхъ медико-хирургическихъ инструментовъ; модели для военно-медицинскихъ приспособленій; для удаленія пыли на железныхъ дорогахъ; паромныя машины; земледѣльческія машины, для домашняго обихода, и т. д. и т. д. А теперь къ этому собранію присоединяются телефонъ Беля, фонографъ, мегафонъ и микрофонъ Эдиссона—величайшія изобрѣтенія настоящаго вѣка...

Въ этомъ огромномъ «Музеѣ американской изобрѣтательности» встрѣчаются иногда, и нерѣдко, вещи ничтожныя, по своей цѣлѣ, хотя и изобрѣтенныя, и тоже патентованныя. Причина этому въ томъ, что патентное отдѣленіе держится правила: лучше пусть изъ десяти патентовъ девять не пойдутъ въ ходъ, да одно найдетъ себѣ дорогу, чѣмъ погубить невниманіемъ хотя одно изобрѣтеніе. Благодаря этому, ни одно полезное изобрѣтеніе въ странѣ не можетъ загдохнуть или пронастъ безъ слѣда. Понятно, что изъ 205,000 получившихъ патенты, не очень многіе обогатились, но для изобрѣтателя уже отрада и въ томъ, что его трудъ признавъ компетентными людьми за оригинальный, самостоятельный; а это для многихъ дороже денегъ.

Въ числѣ обще-интересныхъ предметовъ здѣсь отмѣтимъ слѣдующіе.

Прессъ Беніамина Франклина, на которомъ онъ работалъ, будучи наборщикомъ въ Лондонѣ. Прессъ старъ и извѣстенъ чертами, и держится только болтами и железными листами, но хранится какъ святыня, и какъ живой свидѣтель прогресса въ типографскомъ искусствѣ въ теченіи ста лѣтъ. Какая разница между этимъ печатнымъ станкомъ и современными типографскими машинами, при пособіи которыхъ печатаются миллионы газетныхъ листовъ ежедневно!

Модель Авраама Линкольна для погруженія и подъема ло-

докъ; на это изобрѣтеніе онъ получилъ патентъ въ 1849 году, когда онъ еще и не мечталъ о президентствѣ.

Вещи Вашингтона, употреблявшіяся имъ во время борьбы за независимость. Вещи эти съ какимъ-то благоговѣніемъ осматриваются каждымъ гражданиномъ Соед.-Штатовъ, которые съ дѣтства привыкли чтить въ немъ основателя Союза и отца отечества.

Между собраніемъ трактатовъ здѣсь встрѣчается первый трактатъ американской республики съ россійской имперіей, подписанный императоромъ Александромъ I; трактатъ съ Франціею за подписью Наполеона-Бонапарта; трактаты съ Турціею, Бразиліею и т. п.

Здѣсь же находится американское сокровище, извѣстное подъ именемъ: «Объявленіе независимости» (The Declaration of Independence) съ подписями членовъ континентальнаго конгресса. Документъ старъ и пожелтѣлъ, чернила поблекли; но онъ хранится въ милліонахъ копій, а главное—въ учрежденіяхъ страны; поэтому нѣтъ опасности съ его утратою — утратить его смыслъ и историческое значеніе.

Въ 1836 году пожаръ истребилъ зданіе патентнаго отдѣленія вмѣстѣ съ 10,300 моделями, собранными въ теченіи первыхъ 46 лѣтъ. Отъ 4-го іюля 1836 года по 4-е іюля 1876 г. было выдано около 180,000 патентовъ. Въ 1878 году пожаръ снова уже въ новомъ зданіи истребилъ нѣсколько моделей, которыя теперь тщательно реставрируются.

Разсматривая такое огромное количество изобрѣтеній, невольно спрашиваешь себя, чему приписать такую силу теоретическаго гения—народу-ли самому, то-есть его натурѣ, или внѣшнимъ обстоятельствамъ, строю политической и общественной жизни.

Въ англійской и американской печати на этотъ счетъ существуетъ общераспространенное мнѣніе, что американецъ изобрѣтаетъ такъ же, какъ итальянецъ поетъ, т.-е. слѣдовательно, эта изобрѣтательность лежитъ въ натурѣ американскаго народа. По нашему мнѣнію, причина американской изобрѣтательности заключается въ слѣдующемъ:

1) Весь народъ приходитъ къ обязанностямъ жизни и практической дѣятельности путемъ школы, которая будитъ способности, даетъ толчокъ всѣмъ умственнымъ силамъ, возбуждаетъ массу интересовъ, а безъ школы они могли бы и не пробудиться. Тутъ не то важно, сколько лѣтъ провелъ человѣкъ въ школѣ, два ли года или десять лѣтъ, а то, что онъ былъ въ ней, и его

способности получили пробужденіе, извѣстное направленіе и кусъ къ умственной работѣ.

2) Великое уваженіе американцевъ къ математическимъ и механическимъ и вообще точнымъ отраслямъ знанія. Математика преподается во всѣхъ школахъ и изучается наиболѣе внимательно и усердно; и нѣтъ страны, гдѣ бы было болѣе математиковъ и механиковъ, какъ въ Соедин.-Штатахъ.

3) Удобство и легкость получить патентъ на всякое изобрѣтеніе, будетъ-ли это сложная машина или какое-либо усовершенствованіе въ топорѣ или молотѣ. Патенты же имѣютъ значеніе въ глазахъ общества, потому что они выдаются по изслѣдованіи специалистовъ. Этимъ достигается то, что ни одно изобрѣтеніе не пропадаетъ.

4) Легкость и безусловная свобода въ образованіи компаній и товариществъ для эксплуатаціи новаго изобрѣтенія. Изобрѣтающій знаетъ, что если его изобрѣтеніе сколько-нибудь полезно для общества, то онъ найдетъ и капиталъ, и сбытъ, — если не обогащеніе, то обезпеченіе своей жизни.

5) Дороговизна рабочихъ рукъ. Въ Соединенныхъ-Штатахъ каждый желаетъ быть хозяиномъ и жить независимо; поэтому, желая скорѣе достигнуть такого положенія, онъ цѣнитъ свой трудъ высоко, сравнительно съ Европою. Владѣльцы большихъ фермъ, фабриканты, заводчики напрягаютъ всѣ свои умственные способности на то, чтобы произвести наибольшее количество продуктовъ при наимвозможно меньшемъ количествѣ рабочихъ рукъ, что достигается посредствомъ замѣны рукъ машинами.

Возв. Митропольскій.

ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

I.

Въ виду окончательнаго утвержденія перваго сибирскаго университета въ Томскѣ, состоявшагося 1-го мая 1878 г., и нетерпѣливыхъ ожиданій его открытія, мы желали бы представить краткій очеркъ исторіи возникновенія и развитія идеи о сибирскомъ университетѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Мысль объ основаніи сибирскаго университета явилась весьма давно. Еще въ высочайше-утвержденныхъ императоромъ Александромъ I предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія, опубликованныхъ при указѣ правительствующаго сената 24-го января 1803 года, постановлялось, между прочимъ (пун. 14), что въ учебныхъ округахъ учреждаются университеты «для преподаванія наукъ въ высшей степени», коихъ въ то время назначалось 6, а именно, кромѣ существовавшихъ уже въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ,—въ округѣ с.-петербургскомъ, въ Казани и Харьковѣ, и затѣмъ предназначаются для университетовъ города: *Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе*, «по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Вслѣдствіе таковаго заявленія правительства о намѣреніи учредить, когда окажется возможнымъ, университеты въ Кіевѣ и Тобольскѣ, извѣстный П. Г. Демидовъ, дѣлая свои знаменитыя пожертвованія на пользу отечественнаго просвѣщенія, между прочимъ, пожертвовалъ въ томъ же году 100,000 рублей для предназначенныхъ къ открытію кіевскаго и тобольскаго университетовъ. Въ письмѣ министра на-

роднаго просвѣщенія графа Завадовскаго къ Демидову, отъ 6-го юня 1803 года, относительно этого капитала говорилось: «что касается до суммъ, которыя вы располагаете за благодарныя мои ученищамъ, то къ тому ближайшее средство положить оныя въ воспитательный домъ вѣчнымъ капиталомъ, назнача доходъ отъ процентовъ, по мѣрѣ капитала, каждому мѣсту опредѣленнаго; а доволѣ приспѣвать время къ открытію университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ, то капиталы, симъ ученищамъ отъ васъ опредѣленные, росли бы обращеніемъ своимъ, безъ прикосновенія къ онымъ».

Итакъ, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ правительственныхныхъ сферахъ и въ кругу образованныхъ людей ясно создалась мысль о необходимости учрежденія въ Сибири университета. Не приводилась она въ исполненіе цѣлыхъ 75 лѣтъ, по многимъ причинамъ: отчасти въ виду болѣе близкихъ заботъ о просвѣщеніи въ Европейской Россіи и о созданіи здѣсь университетовъ, отчасти потому, что самое осуществленіе сибирскаго университета казалось многимъ преждевременнымъ, по имѣвшемуся незначительному числу среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ и по незначительности населенія въ Сибири вообще, а также вслѣдствіе возникавшихъ опасеній, что въ университетѣ будетъ слишкомъ малое число слушателей, что трудно будетъ привлечь достаточное число хорошо подготовленныхъ преподавателей, и, наконецъ, что такимъ образомъ значительные расходы, потребныя отъ казны на содержаніе университета и на возведеніе нужныхъ ему зданій, не вознаграждаются въ достаточной мѣрѣ и не дадутъ желаемыхъ результатовъ.

Дѣйствительно, просвѣщеніе въ Сибири развивалось весьма медленно. Изъ исторіи учебнаго дѣла въ Сибири видно, что число учебныхъ заведеній было крайне ограничено. Просвѣщеніе въ Сибирь начало проникать только въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1781 году въ Иркутскѣ была открыта первая городская школа, а въ 1789 году она преобразована въ главное народное училище. Училища эти открывались и въ другихъ городахъ, но, говоря вообще, дѣло шло туто. Нѣкоторыя изъ школъ, открытыя въ прежнее время, до пріѣзда Сперанскаго, были или закрываемы или преобразованы; такъ, напримѣръ, закрылся классъ монгольскаго языка въ Иркутскѣ, приготовлявшій переводчиковъ. Самыми крупными учебными заведеніями въ Сибири были въ то время двѣ семинаріи въ Тобольскѣ и Иркутскѣ; при тобольской семинаріи сохранились нѣкоторыя сибирскія лѣтописи о покореніи Сибири. Воспитаніе въ этихъ семинаріяхъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличалось схоластикомъ, отъ были раз-

садницами не столько просвѣщенія, сколько семинарскаго педантизма; на своихъ экзаменахъ и актахъ семинаристы выгружали цѣлую массу хриі, одѣ и напыщенныхъ сочиненій, но тѣмъ не менѣе они весьма мало вносили истиннаго просвѣщенія, и наука ихъ нитѣмъ не была связана не только съ сибирскою, но и вообще ни съ какою жизнью. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, были основаны двѣ гимназіи: тобольская и иркутская, въ 1806 году. Въ тобольской до 1823 года число учениковъ не превышало 27; увеличенію числа ихъ препятствовала тѣснота училищныхъ помѣщеній. Въ иркутской гимназіи при основаніи было 35 учениковъ, а въ 1825 году—47. Около этого же времени открыты уѣздныя и приходскія училища: въ Тобольскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ. Въ Томскѣ продолжало существовать простое народное училище. Кромѣ того, въ 1821 году, учреждено было въ Тобольскѣ училище для дѣтей почтовыхъ служителей, на 40 воспитанниковъ, которые должны были, окончивъ курсъ, поступать въ почтовое вѣдомство. Около 1816 года, въ Омскѣ учреждено омское казачье училище, закрытое учебное заведеніе, собственно для дѣтей казачьяго сословія, съ среднимъ гимназическимъ курсомъ, впоследствии преобразованное въ сибирскій кадетскій корпусъ. Первые изслѣдованія и морскія экспедиціи близъ сѣверныхъ и восточныхъ береговъ Сибири вызвали потребность въ образованныхъ морякахъ. По проекту Беринга, первая навигаціонная школа была основана въ Якутскѣ въ 1736 году, затѣмъ въ Охотскѣ (1740 г.), въ Нерчинскѣ въ 1755, а въ Иркутскѣ въ 1753. При отдаленности края и недостаткѣ учителей для обученія назначались ссыльные. Такъ, въ Охотскую школу Берингъ опредѣлилъ ссыльнаго протоиерея Гедерейха; въ Охотскѣ школа была поручена ссыльному Скорнякову-Писареву, который предавался въ ссылкѣ только пьянству и разврату; потомъ эта же школа была вѣрена ссыльному бывшему обер-полиціе-майстеру Девиеру, который назначилъ для обученія пестрастригу Якова Силлина. Школы эти плохо принимались, учителя въ первое время были безъ жалованья, а учениковъ собирали по-неволѣ; нѣкоторые изъ этихъ школъ совершенно прекращались на время за недостаткомъ средствъ, несмотря на то, что потребность въ образованіи росла. Бензингъ насчиталъ въ Охотскѣ до 123 дѣтей необучающихся и основалъ общенародную школу. У администраціи явился запросъ на геодезистовъ, которыхъ начали брать изъ тѣхъ же навигаціонныхъ школъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія навигаціонныя школы, вмѣсто специально

морского воспитанія, начали поставлять воспитанниковъ для канцелярій и въ землемѣры. Сами руководители специальныхъ школъ, какъ капитанъ Балкъ въ Охотскѣ, выражалъ мысль: «сколько ни полезно образованіе пшурмановъ, но нельзя не пожелать, взаимно специальной школы, учрежденія въ Амурскомъ краѣ училища, въ коемъ бы лица всѣхъ сословій получали необходимое для каждаго человѣка обще-научное образованіе» ¹⁾. Въ Тобольскѣ и Томскѣ возникли геодезическія школы, удовлетворяя вновь возникшей административной потребности межеванія. Наконецъ, для специальныхъ цѣлей горнаго дѣла, существовали горныя училища въ Барнаулѣ и Нерчинскѣ. Эти специальные училища, съ обязательнымъ обученіемъ и обязательной службой, содержали иногда учениковъ до глубокой старости, какъ въ одной изъ навигаціонныхъ школъ, и все-таки оказывали весьма слабое влияние въ дѣлѣ развитія страны. Въ этотъ темный періодъ, когда общія школы были недоступны Сибири, нельзя было не быть призвательными людямъ, явившимся на помощь сибирскому просвѣщенію совершенно добровольно: такими были плѣнные шведы, заводившіе школы въ Сибири. Общее обученіе и образованіе въ Сибири получило право гражданства только въ концѣ прошлаго вѣка. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири были открыты военно-сиротскія отдѣленія, преобразованныя впоследствии въ полубаталіоны военныхъ кантонистовъ. Сперанскій застаётъ Сибирь съ этими обрывками специальныхъ учреждений, висящихъ въ краѣ безъ всякой системы, какъ когда-то навигаціонныя школы безъ мореплаванія. Онъ увидѣлъ эту обширную страну странною «невѣжественной черни и отверженныхъ преступниковъ», хотя она представляла «всѣ удобства для гражданскаго развитія», какъ выражался онъ, и при умѣньи пользоваться своею природою и богатствами могла стать величественною колоніею Россіи.

Сдѣлавшись генераль-губернаторомъ и распорядителемъ судебъ Сибири, Сперанскій не могъ не обратить вниманія на жалкое и безпомощное положеніе учебной части въ этомъ краѣ; дѣтельнымъ помощникомъ ему явился Словцовъ, образованный сибирякъ, преданный душой и тѣломъ родинѣ. Какъ образованный человѣкъ своего времени, Сперанскій не могъ не поразиться невѣжествомъ сибирскаго населенія, точно также не приять во вниманіе его гражданскія потребности, наконецъ будущее политическое значеніе края. Въ изданныхъ Сперанскимъ

¹⁾ О навигаціонныхъ школахъ въ Сибири существуетъ обстоятельная статья г. Зибаса въ «Морскомъ Сборникѣ».

сибирскихъ учрежденіяхъ и уставахъ постановлено было завести школы не только у казаковъ и кочевыхъ инородцевъ, но и въ полудинкой киргизской степи, только-что присоединенной къ Сибири. Сперанскій былъ намѣренъ также возстановить упраздненное въ Иркутскѣ училище для изученія языковъ: китайскаго, манджурскаго, монгольскаго, тибетскаго и японскаго. Онъ вступилъ въ переписку съ княземъ Голицынымъ объ учрежденіи «Училища высшихъ наукъ» и поручалъ Томковскому, отправлявшемуся въ Пекинъ, закупить книги на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ; къ образованію училища, однако же, встрѣчается непредвидѣнное препятствіе—трудность набрать для него учениковъ; Цейдлеръ предлагаетъ пригласить ихъ изъ воспитательнаго дома, на что Сперанскій соглашается. На долю Сперанскаго выпадало поднимать вопросы, приводить же въ исполненіе свои планы онъ поручалъ другимъ. Такъ и при основаніи высшей школы онъ просилъ губернатора Лавинскаго выработать соображенія. Лавинскій сдѣлалъ распоряженіе о составленіи подробнаго проекта объ училищѣ, но потомъ дѣло это было забыто; проектъ пролежалъ у Лавинскаго ровно 10 лѣтъ послѣ Сперанскаго. Самъ Сперанскій дѣятельно старался покровительствовать просвѣщенію, отрывалъ въ Сибири отдѣлы библейскаго общества, развивалъ духъ филантропіи и покровительствовалъ ученымъ путешественникамъ по Сибири: онъ отдавалъ предписанія содѣйствовать имъ всѣми средствами. Въ 1820 году московское общество испытателей природы избрало его своимъ почетнымъ членомъ и предложило ему озаботиться устройствомъ въ Сибири ботаническаго сада. Сперанскій горячо принялся за осуществленіе этого предложенія; для устройства сада онъ выбралъ мѣсто въ 27-ми верстахъ выше Семипалатинска; докторъ Беблеръ уже присылалъ ему образцы сибирскихъ растений; но планъ ботаническаго сада, какъ и многіе другіе планы Сперанскаго, не осуществился, потому что Сперанскій оставилъ Сибирь. Своими заботами и хлопотами о развитіи просвѣщенія въ Сибири, Сперанскій привлекъ къ этому дѣлу генералъ-губернатора западной Сибири Капцевича и вызвалъ сочувствіе даже попечителя казанскаго учебнаго округа Магницкаго. Сибирскій комитетъ согласился съ предложеніями Сперанскаго, Капцевича и Магницкаго, находя, что выработанные учебные проекты и высшее образованіе для Сибири «полезно и согласно съ принятыми для управленія Сибирью правилами». Такимъ образомъ мысль о сибирскомъ университетѣ снова возникаетъ.

Генералъ-губернаторъ Капцевичъ, во всеподданнѣйшемъ рапор-

тѣ 20-го марта 1823 года, указывалъ на недостатокъ нравствен-
 ныхъ началъ въ сибирскомъ населеніи, на недостатокъ въ край
 просвѣщенныхъ чиновниковъ и на невозможность сибирякамъ,
 по бѣдности, получать образованіе въ университетахъ Европей-
 ской Россіи. Онъ докладывалъ о необходимости учрежденія въ
 Сибири высшаго учебнаго заведенія. Тогда же Магницкій пред-
 ставилъ проектъ объ учрежденіи въ Барнаулѣ высшаго училища,
 въ видѣ отдѣленія казанскаго университета, съ цѣлью пригото-
 влять въ немъ учителей для сибирскихъ гимназій и училищъ,
 студентовъ для пеннинской миссіи, дѣтей сибирскихъ чиновни-
 ковъ въ гражданской службѣ, а купеческихъ дѣтей—къ торговлѣ
 съ Китаемъ. На содержаніе училища Магницкій исчислилъ
 66,750 рублей въ годъ, кромѣ постройки зданія и содержанія
 пансіонеровъ. При осуществленіи своего проекта онъ, между
 прочимъ, имѣлъ въ виду употребить пожертвованный Деми-
 довымъ капиталъ въ 50,000 рублей на учрежденіе универси-
 тета въ Тобольскѣ, который чрезъ приращеніе процентами, въ
 1822 году, представлялъ сумму въ 121,301 руб. 75 коп.
 и давалъ 6,000 дохода. Изыскивая новыя средства, Капце-
 вичъ проектировалъ отдавать въ оброчное содержаніе рыболов-
 ния овера Западной Сибири, Чаны, и оброчную плату обращать на
 содержаніе высшаго училища. Предполагалось на сибирскій уни-
 верситетъ употребить также доходы съ имѣнія бывшей виленской
 іезуитской коллегіи. Но Демидовское пожертвованіе было пере-
 дано въ московскій университетъ, и мысль о высшемъ учебномъ
 заведеніи въ Сибири, возбужденная Капцевичемъ и одобренная
 сибирскимъ комитетомъ, осталась, къ сожалѣнію, безъ исполненія
 надолго. Въ замѣнъ университета, въ 1835 году повелѣно было
 содержать въ сибирскихъ гимназіяхъ и въ казанскомъ универ-
 ситетѣ казенныхъ воспитанниковъ изъ сибирскихъ уроженцевъ,
 число которыхъ было ограничено. Въ представленіи Капцевича
 мы находимъ всѣ тѣ мотивы необходимости высшаго учебнаго
 заведенія для такого отдаленнаго и богатаго края, какъ Сибирь,
 которые вошли въ позднѣйшія представленія. Всякій сколько-ни-
 будь дальновидный государственный человѣкъ не могъ не предви-
 дѣть, что громадный край, изобилующій въ большей его части раз-
 ными естественными произведеніями, обладающій несмѣтными мине-
 ральными богатствами, долженъ былъ привлечь населеніе, кото-
 рое будетъ нуждаться въ средствахъ образованія для подро-
 стающихъ поколѣній, не говоря уже о значительномъ числѣ лю-
 дей, живущихъ въ Сибири вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, и
 дѣти которыхъ также нуждаются въ образованіи. Невозможность

удовлетворенія такой потребности въ самомъ край неминучемо должна была производить постоянный отливъ молодого повола- нія изъ Сибири въ Европейскую Россію, гдѣ представлялись всѣ средства для полученія образованія, и эта часть сибирскаго населенія въ большей части случаевъ для Сибири была потеряна навсегда, такъ какъ, свынувшись съ большими удобствами жизни, лишь немногіе изъ уѣхавшихъ рѣшались возвращаться въ тотъ край, лишая его тѣмъ самымъ совершенно естественнаго и надежнаго элемента для занятія должностей по всѣмъ частямъ мѣстной администраціи и на всѣхъ поприщахъ разнородной частной дѣятельности.

Несмотря на сознанную потребность и постоянно ощущаемый недостатокъ въ Сибири въ образованныхъ людяхъ, дѣло университета съ 1835 года умокло лѣтъ на 20. Въ это время на Сибирь всего менѣе обращалось вниманія, она стала страной забытой, и даже періодъ золотопромышленности въ 40-хъ годахъ не привлечъ заботъ о просвѣщеніи края. Это былъ весьма темный періодъ въ жизни сибирскаго общества. Число учащихся въ гимназіяхъ тобольской и томской сначала не превосходило 27 — 35 человекъ. Въ 1838 году число учениковъ поднялось до 117 въ первой, и 156 во второй; въ 40-хъ годахъ совершается весьма медленный ростъ томской гимназіи, и къ 1853 году число учениковъ въ ней доходитъ до 95. Надо замѣтить, что эти двѣ гимназіи существовали на протяженіи 6,000 верстъ, съ раскиданнымъ русскимъ населеніемъ въ 3.000,000 по крайней мѣрѣ. Нечего говорить, что двѣ гимназіи могли дать самый ничтожный контингентъ людей средняго образованія, даже если бы они стояли на уровнѣ своего призванія. Къ сожалѣнію, эти гимназіи, отдаленныя, не снабженныя достаточно учебными средствами и преподавателями, представляли очень долго картину убогаго существованія. Въ сибирскія гимназіи неохотно являлись преподаватели, а потому множество кафедръ оставалось вакантными, остальные замѣщались людьми, случайно на нихъ попавшими или разными авантюристами, наполнявшими Сибирь. Среди нихъ встрѣчались слѣпые, хромыя, полусумасшедшіе, спившіеся съ круга люди жестокаго нрава и крайне скудныхъ познаній. «Я помню свою гимназію,—пишетъ одинъ сибирякъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—какъ собраніе мовстровъ-преподавателей, которые ежедневно предъ нами не столько налагали познанія, сколько давали разныя комическія и эквилибристическія представленія: одинъ рассказывалъ избитыя анекдоты, надъ другимъ, нѣмцемъ, глумились и хохотали до упаду, третій гонялся за нами съ костью-

жизн; въ корридорахъ и на окнахъ артель учениковъ ставила часовыхъ, чтобы предупреждать пьющихъ въ корридорѣ водку учителей о позвоненіи инспектора. Тутъ было не до науки! Гимназій въ такомъ видѣ существовали до 60-хъ годовъ. Кто же выполнялъ роль образователей въ нѣсколькихъ губерніяхъ и областяхъ Сибири за отсутствіемъ просвѣщенія? Составъ мѣстныхъ канцелярій снабжали семинаріи, бursы, наконецъ полубаталіоны военныхъ кантонистовъ. Понятно, какихъ дѣателей изъ нихъ получала сибирская администрація. Если изъ низшихъ школъ выходили иногда люди способные и съ дарованіями, какъ сообщается г. Вагинъ, то не нужно забывать, что изъ тѣхъ же бурсъ и кантонистовъ выдвигались забытые розгами идиоты, ворюшки казеннаго имущества, безграмотные писаря, выслуживавшіеся иногда до высшихъ должностей холопствомъ и пронырствами. Другую часть сибирскаго общества воспитывали ссыльные преступники или завѣжіе спекулянты, которые вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ развивали у дѣтей пороки. Иные глумились надъ претензіей сибирскихъ жителей «обучаться», и какой-то ссыльный иностранецъ-филологъ обучилъ сына купца въ насмѣшку татарскому языку, вмѣсто французскаго. Такова была судьба края, гдѣ не было правильной системы воспитанія, гдѣ не было представителей настоящей науки, не было здороваго воздуха умственной жизни. Въ такой средѣ настоящій просвѣщенный человѣкъ рисковалъ или задохнуться или спѣшилъ бѣжать, бѣжать изъ нея,—и изъ Сибири бѣжали.

Университетскій вопросъ между тѣмъ находился какъ-бы подъ спудомъ. Это происходило оттого, что Сперанскій и другіе администраторы, мечтая о привитіи просвѣщенія, а также поднимая вопросъ о высшемъ учебномъ заведеніи для края, въ сожалѣнію, слишкомъ понадѣялись на обыкновенный административный пріемъ поднятія этихъ вопросовъ, путемъ канцелярской переписки, забывая одно, что въ такомъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе, должно быть привлечено и общество своимъ участіемъ, что въ немъ самомъ должна быть затронута потребность жизни—искра сознанія, и что только на этомъ фундаментѣ прочны и осуществимы подобныя учрежденія. Мысль о высшемъ образованіи въ Сибири не могла однако совершенно заглухнуть, она появляется снова въ половинѣ 50-хъ годовъ. Это совпало уже съ нынѣшнимъ царствованіемъ.

Что мысль о сибирскомъ университетѣ не была совершенно забыта въ официальныхъ сферахъ, свидѣтельствомъ служить всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія Но-

рова, по нѣкоторымъ вопросамъ народнаго образованія, представленный имъ Государю Императору 5-го марта 1856 года; изъ доклада видно, между прочимъ, что правительство въ то время уже признало полезнымъ учрежденіе въ Сибири университета. Заявляя объ этомъ, Норовъ присовокупилъ, что «эта благотѣльная мѣра, если признана будетъ возможною, общаетъ великія послѣдствія краю, котораго природныя богатства и мѣстныя обстоятельства ожидаютъ также животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды». Но предположеніе Норова осталось невыполненнымъ, отчасти по причинамъ, приведеннымъ выше, отчасти же вслѣдствіе того, что въ теченіи 20 лѣтъ, протекавшихъ со времени его заявленія, министерство было озабочено различными работами по устройству другихъ училищъ, преобразованіями ихъ и учрежденіемъ новыхъ учебныхъ заведеній въ европейской Россіи.

Такимъ образомъ, вопросу о сибирскомъ университетѣ суждено было возникать періодически. Пожертвованіе Демидовымъ было въ 1803 году; представленіе Канцевича въ 1823; докладъ министра Норова въ 1856 году, а послѣднее представленіе генералъ-губернатора западной Сибири, предшествовавшее открытію особой комиссіи, было въ 1875 году. Съ 1856 года настоятельную необходимость открыть высшее учебное заведеніе въ Сибири начали заявлять весьма часто какъ лучшіе администраторы, такъ и лица, заинтересованныя просвѣщеніемъ края. Въ тобольской губерніи сторонникомъ этой мысли явился бывшій тобольскій губернаторъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ; въ восточной Сибири особенно сочувственно отнеслось въ этой мысли учебное вѣдомство. Шестидесятые года, столь богатые надеждами на будущее и ознаменованные реформами, не могли не вызвать ожиданій и въ отдаленной Сибири, сосредоточившейся на завѣтной идеѣ объ университетѣ. Въ это время Иркутскъ, получившій значеніе наиболѣе интеллигентнаго и первостепеннаго центра Сибири, принялъ подъ свое покровительство и дѣлательно разрабатывалъ ту же идею. Въ Иркутскѣ объ этомъ шли учебные совѣты и были дѣлаемы неоднократныя представленія. Въ это время вся Сибирь была убѣждена, что университетъ долженъ быть основанъ въ Иркутскѣ. Нѣкоторые частныя лица также пробовали поднять этотъ вопросъ. Покойный профессоръ Эйхвальдъ въ это время велъ переписку по поводу сибирскаго университета съ однимъ золотопромышленникомъ. Г-нъ Сидоровъ предложилъ пожертвованіе 20 площадей приисковъ, а также до 10,000 руб. въ годъ на разработку этихъ площадей, но пожертвованіе это, о которомъ

говорилось уже и въ печати, почему-то было отклонено. Въ тѣхъ же 60-хъ годахъ мысль объ университетѣ явилась любимой мыслью молодыхъ выступавшихъ сибирскихъ писателей. Объ этомъ писались статьи, читались публичные лекціи въ Красноярскѣ, Томскѣ и Омскѣ, проектировалось цѣлое общество для собранія пожертвованій. Однимъ словомъ, университетскій вопросъ сосредоточилъ надежды и идеалы будущаго, онъ отождествился вообще съ лучшемъ будущностью края, на немъ повонялась вся сила убѣжденія и жаръ молодого сердца. Въ 60-хъ годахъ создавалась цѣлая литература о сибирскомъ университетѣ. Онъ сдѣлался не чуждъ и массѣ населенія. Послѣдній горожанинъ, послѣдній мѣщанинъ въ глухомъ уединенномъ городѣ говорилъ о немъ. Бѣдные городскіе классы въ Сибири и мелкое чиновничество было заинтересовано въ немъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Такъ какъ въ Сибири нѣтъ крупнаго и богатаго дворянства, то контингентъ гимназій наполняется въ большинствѣ бѣдняками. Оканчивая курсъ средне-учебныхъ заведеній, эти бѣдныя не могли получить дальнѣйшаго образованія, такъ какъ проѣздъ до университетовъ обходится дорого. Въ то время, когда только нѣкоторые счастливыцы, благодаря средствамъ или казеннымъ стипендіямъ, пробирались въ университетъ, люди способные, съ жаждой знанія, талантомъ и опредѣлившимися часто призваніемъ тонули въ безвѣстныхъ сферахъ мѣстныхъ канцелярій или ѣхали въ глухую сибирскую тайгу на присылъ, уходили въ приказчики и цѣлую жизнь чувствовали горечь неудовлетворенныхъ желаній знанія. Нѣкоторые изъ сибирской молодежи, безъ всякихъ средствъ, путешествовали чуть не пѣшкомъ, съ обозами, въ дальніе университеты; это было своего рода пилигримство ¹⁾. Отцы, разстававшіеся на-долго съ дѣтьми, глубоко чувствовали разлуку, нѣкоторымъ уже никогда не было суждено увидѣть дѣтей своихъ. Лучшія силы изъ Сибири исчезали навсегда, чего бы не было, если бы высшее учебное заведеніе было на мѣстѣ. Это не могли не сознавать самые простые люди. Отъ этого въ вопросѣ о просвѣщеніи звучали давно наболѣвшія жалобы и семейныя слезы; но университетъ создавался въ смыслѣ и общихъ потребностей. Часто, при недостаткѣ знающихъ людей, специалистовъ, инженеровъ, химиковъ (золотопромышленники для анализа какого-

¹⁾ До послѣдняго времени видно, какимъ испытаніемъ подвергается сибирское общество въ погонѣ за просвѣщеніемъ. Въ отчетахъ тобольскаго и томскаго обществъ вспоможенія студентамъ и бѣднымъ учащимся приводятся примѣры, какъ бѣднѣютъ дѣти бѣдныхъ чиновницъ-вдовъ, причетниковъ, дѣти городскихъ ремесленниковъ, ищущихъ просвѣщенія (см. газета „Сибирь“, 23 и 24 № 1879 года).

либудь камня или руды возили ихъ въ Петербургъ, отыскивая специалиста и т. д.), самъ собою рождался вопросъ: вотъ былъ-бы университетъ, не то бы было!...

Но вопросъ, столь понятный даже для простыхъ людей, не всегда былъ доступенъ для людей, считавшихъ себя авторитетными, но не раздѣлявшихъ интересовъ края. Нѣкоторые умудрялись даже выставять какіе-то политическіе мотивы препятствіемъ къ обыкновенному общечеловѣческому образованію. Такъ, одинъ изъ видныхъ администраторовъ восточной Сибири, приобрѣтшій громкое имя въ 60-хъ годахъ, по поводу вопроса объ университетѣ въ Сибири, выразилъ слѣдующую парадоксальную мысль: «сибирякамъ опасно давать высшее университетское образованіе, гораздо болѣе благонадежными могутъ быть здѣсь вызванные на службу изъ Европейской Россіи чиновники». Такое странное заключеніе, не говоря уже о томъ, что оно совершенно неумѣстно, выставило сибиряковъ, такихъ же русскихъ подданныхъ, какою-то враждебной народностью и вдобавокъ отличалось свѣтобоязностью. Нѣкоторые опять находили, что университетъ для Сибири преждевремененъ, потому что она еще мало населена, что ей недостаетъ гимназій; третьи же относились къ вопросу совершенно равнодушно, такъ какъ были въ Сибири людьми временными — заѣзжими и, стремясь управлять судьбами края, не заботились узнать объ его нуждахъ. Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ сквозила та грустная черта нашего характера, которая дѣлаетъ насъ непростительно невѣжественными въ разрѣшеніи нашихъ народныхъ и внутреннихъ вопросовъ. Изрекая свои приговоры, мы не заботились узнать нашихъ окраинъ, и въ провинціяхъ, связанныхъ тѣсными узами съ остальною Россіею, не хотѣли признать правъ на человѣческое развитіе и образованіе, доступное каждому человѣческому обществу. Кромѣ консервативныхъ и реакціонныхъ аргументовъ, слышались верѣдко мнѣнія о рановременности университета для Сибири и изъ другого, болѣе либеральнаго лагеря. Такъ, однимъ изъ серьезныхъ и заслуживавшихъ вниманіе выставлялся тотъ доводъ, что, при малочисленности слушателей, университетъ для Сибири будетъ слишкомъ дорогою роскошью, что средства, предполагаемыя на него, лучше употребить на стипендіи въ другихъ университетахъ или на народное образованіе, въ которомъ масса населенія болѣе нуждается. Опытъ Россіи доказываетъ, говорили по этому поводу, что одно высшее образованіе не составляетъ полного развитія страны, что университетская наука часто даетъ одностороннее развитіе, и университеты воспитывали «баричей»; въ Сибири

университетъ также будетъ достояніемъ богатыхъ классовъ, а не народа. Самыя учрежденія приносятъ пользу только при подготовкѣ народа, доказательствомъ чего приводили неудачи земскаго, сельскаго самоуправленія, за недостаткомъ народнаго развитія и воспитанія. Преувеличенныя надежды сибиряковъ на университетъ, поэтому, люди такого сорта старались охладить. Напротивъ, какъ молодой колоніи и юному обществу, начинающему свое развитіе, ей предлагали сдѣлать *опытъ развитія* на нѣкихъ началахъ. Ей предлагали всѣ средства сосредоточить на первоначальныя школы, предпочтя ихъ всѣмъ реформамъ земской, судебной и самому университету; подобно Американскимъ Штатамъ, ей совѣтовали широко раскинуть сѣть первоначальнаго народнаго воспитанія, а потомъ на этомъ фундаментѣ устроить дальнѣйшую судьбу свою и строить другія учрежденія.

Какъ ни были серьезны и доброжелательны подобныя доводы, но они не могли перемѣнить сложившагося убѣжденія и не всегда выдерживали критику. Мѣстные жители, правда, возлагали черезчуръ большія надежды на университетъ и выставляли его пионеромъ реформъ, но нельзя сказать, чтобы образованные сибиряки упустили изъ виду и другія реформы. Напротивъ, они смотрѣли на университетъ какъ на могучій рычагъ, который дастъ средства создать и другія учрежденія. Сравненіе отдаленной Сибири съ Америкой и рекомендація слѣдовать ей въ дѣлѣ подготовительнаго народнаго воспитанія какъ ни были лестны для мѣстнаго патріотическаго чувства, но они слишкомъ расходились съ грустной дѣйствительностью и положеніемъ края, чтобы быть принятыми. Кто могъ явиться творцомъ народной школы въ широкомъ смыслѣ и какія для того существовали средства въ Сибири? Заботы о сельской школѣ здѣсь должны были выпасть на долю тѣхъ же засѣдателей и земской полиціи. Насколько-бы подобныя школы удовлетворяли своему назначенію—это вопросъ. Большинство сельскихъ школъ въ Сибири существуетъ номинально, крайне искусственно, и не достигаетъ цѣли при крайне неудовлетворительномъ составѣ преподавателей. Творцомъ настоящей народной школы могло явиться только земство, котораго въ Сибири еще нѣтъ. Поэтому совѣтъ сосредоточить все вниманіе на народной школѣ, обойдя всѣ реформы, безъ средствъ и учрежденій, которые должны были руководить ею, явился весьма мало практичнымъ. Въ отвѣтъ — не обольщаться реформами земской, судебной и другихъ, также какъ ролью русскихъ университетовъ, сибиряки съ полною справедливостью могли отвѣтить своимъ

противникамъ: «вамъ хорошо говорить о недостаткахъ этихъ учреждений и относиться къ нимъ критически, когда вы ихъ достигли и ваши идеалы и требованія расширились, позвольте же намъ самимъ достигнуть тѣхъ же учреждений, которымъ вы обязаны своимъ болѣе широкимъ міросозерцаніемъ». Говоря о народной школѣ, не нужно забывать, что земство, гласные суды — такая же школа въ народномъ воспитаніи и что первая безъ послѣднихъ точно также будетъ весьма мало дѣйствительна. Недостатокъ средне-учебныхъ заведеній и гимназій хорошо ощущался сибиряками, но самое увеличеніе гимназій, а стало быть и контингента лицъ для будущаго университета зависѣло не отъ нихъ, оно было немислимо безъ учрежденія высшаго учебнаго заведенія, такъ какъ созданіе гимназій не подвигалось за недостаткомъ въ существующихъ гимназіяхъ преподавателей. Такимъ образомъ, устраненіе университета и недостатокъ гимназій ставилъ Сибирь въ безвыходный *casus vicieux* прежняго существованія. Вотъ почему сибирское общество и мѣстные сторонники университета не могли удовлетвориться представляемыми имъ возраженіями, а самыя идеальныя обещанія заставляли ихъ только горячѣе желать, вмѣсто заоблачныхъ лебедей, получить реальную синицу въ руки. Желаніе и стремленіе мѣстнаго общества стояли на болѣе дѣйствительной почвѣ мѣстныхъ нуждъ и формулировались въ опредѣленные тезисы. Вотъ нѣсколько точекъ зрѣнія, съ которыхъ этотъ вопросъ разсматривался въ мѣстной и столичной печати въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ:

1) Потребность высшаго учебнаго заведенія въ Сибири обусловливается отдаленностью страны и затрудненіемъ для туземцевъ отправляться за 3—6 тысячъ верстъ для обученія въ русскихъ университетахъ.

2) Необходимость высшаго образованія для приобрѣтенія техническихъ и естественно-историческихъ знаній, безъ которыхъ богатства страны оставались и остаются мертвымъ капиталомъ, а уровень матеріальнаго благосостоянія населенія былъ крайне низокъ.

3) Необходимость высшаго образованія вслѣдствіе недостатка медиковъ и учителей.

4) Въ видахъ доставленія лучшихъ силъ администраціи.

5) Въ видахъ учрежденія и поддержанія такихъ ученыхъ и общественныхъ учреждений, которые теперь падаютъ за недостаткомъ образованныхъ людей.

6) Въ видахъ вообще воспитанія общества, созданія въ немъ

образованнаго класса и лучшихъ умственныхъ силъ, поднятія уровня нравственности и созданія гражданской чести.

7) Въ видахъ разработкіи науки на Востоѣ и открытій въ области знаній географическихъ, историческихъ, филологическихъ и проч., которыми должна обогатиться наука, принимая во вниманіе обширность непочатаго для науки азіатскаго материка.

8) Въ видахъ общечеловѣческихъ цѣлей цивилизаціи и распространенія ея въ Азіи.

9) Въ виду воспитанія инородцевъ и дипломатическихъ сношеній нашихъ съ сосѣдними странами Востока.

10) Для усиленія и сохраненія русской національности въ виду новыхъ приобретеній и присоединеній на Востоѣ.

11) Въ виду ожидаемыхъ реформъ въ Сибири, которыя безъ этого являются немислимыми.

Во многихъ статьяхъ, посвященныхъ этому предмету, выражались слѣдующія мысли, рисовавшія въ то же время настоятельныя нужды края:

«Число средне-учебныхъ заведеній въ Сибири—говоритъ г. Вагинъ¹⁾—до послѣдняго времени было очень не велико, они страдали болѣе или менѣе серьезными недостатками. Это по необходимости сдерживало стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ оно было-бы велико при другихъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ, можно судить также, какую огромную пользу принесло-бы здѣсь общаанное уже съ 1825 года высшее учебное заведеніе, особенно если учрежденію его будетъ предшествовать увеличеніе числа и улучшеніе качества средне-учебныхъ заведеній. Можно судить и о томъ, какъ много потеряла Сибирь оттого, что мысль о высшемъ заведеніи въ теченіи почти пятидесяти лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ»... «Потребность и жажда учиться у сибиряковъ въ послѣднее время достигла весьма высокихъ размѣровъ,—пишетъ тотъ же авторъ:—одни изъ сибиряковъ пользуются казенными стипендіями, другіе, иногда безъ всякихъ средствъ, пѣшкомъ идутъ въ Казань, Москву, Петербургъ и тамъ слушаютъ университетскій курсъ, пробываясь частью уроками и литературными трудами, частью пособіемъ болѣе зажиточныхъ своихъ земляковъ-товарищей. Любовь къ наукѣ доходитъ у нихъ иногда до самопожертвованія»... «Просвѣщеніемъ Сибири должна была доселѣ пользоваться только отъ лицъ за-ѣзжихъ, но большинство всегда увлекали въ Сибирь слухи—что «Сибирь, золотое дно», что въ Сибири можно *нажиться*

¹⁾ Историческія свѣдѣнія о гр. Сперанскомъ въ Сибири, т. II, стр. 389 и слѣд.

службою скорѣе и лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговли. Еще Сперанскій замѣтилъ, что въ Сибирь ѣдутъ одни «титულариные совѣтники, то-есть люди, которымъ за недостаткомъ образованія была закрыта дальнѣйшая дорога».

Мы предоставляемъ судить, говорить по этому поводу другой авторъ, — насколько подобный случайный заѣзжій контингентъ, часто съ не совсѣмъ безупречною репутаціей и воззрѣніями, могъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ края; наконецъ, насколько онъ окажется пригоднымъ при введеніи новыхъ учреждений въ Сибирь. Признавая важное значеніе университета на Востокахъ въ связи съ введеніемъ реформъ, безъ которыхъ онѣ не достигнуть своей цѣли, — говорить та же статья, — мы должны придти къ тому заключенію, что этимъ учрежденіемъ должна начаться самая реформа. Созданіе высшаго образованія въ Сибирь будетъ имѣть столь важное значеніе, что одно уже оно повліяетъ на измѣненіе всего склада сибирской жизни. Отъ университета создастся цѣлая умственная атмосфера. Можно сказать, что только съ нимъ наступитъ сознательная жизнь мѣстнаго общества, а самый край вступитъ въ новую эру исторической жизни. Тѣ же статьи, представляя ненормальное положеніе общества, изъ котораго лучшія интеллигентныя силы уходятъ, избирая ученую, литературную и гражданскую карьеру внѣ родины, гдѣ они не находятъ дѣятельности, указываютъ на недостатокъ гражданскихъ чувствъ, безкорыстныхъ стремленій и идеаловъ въ край, безъ которыхъ жизнь становилась эгоистическою, сухою, черствою и грубо-животною.

Историческую грубость и неразвитость сибирскаго общества при отсутствіи просвѣтительныхъ и смягчающихъ нравы учреждений, особенно рѣзко и безпощадно характеризовалъ покойный профессоръ Шаповъ въ статьѣ: «Отсутствіе или недостатокъ высшихъ нравственныхъ чувствъ у сибиряковъ». Несмотря на нѣкоторые преувеличенія и страстность обличенія, статья покойнаго профессора выражала дѣйствительную характеристику общества, преданнаго одной наживѣ, безъ всякаго интеллигентнаго интереса. Ненормальный складъ этой жизни даетъ себя чувствовать особыми явленіями въ родѣ набалы въ экономической сферѣ, угнетенія инородца, рабствомъ ссыльнаго, грубостью и деспотизмомъ въ семьѣ, жестокостью въ преступленіяхъ и т. п.

Наконецъ, по поводу будущаго значенія университета на Востокахъ въ печати указывалась ему слѣдующая роль: «Оставляя въ сторонѣ тѣ благодѣтельные послѣдствія, которыя можетъ имѣть это учрежденіе для края, мы хотимъ опредѣлить, какое онъ будетъ имѣть значеніе для цивилизаціи въ міровомъ значеніи въ смыслѣ про-

сѣщенія и изученія Азии. Извѣстно, что материкъ Азии остается отчужденнымъ отъ европейской жизни, европейская цивилизація имѣетъ весьма мало путей проникнуть сюда. Не говоря о племенахъ инородцевъ, цѣлые миллионы азіатскихъ народностей населяютъ сосѣднія русскимъ азіатскія страны. Открыть эти народности для европейской науки и призвать ихъ къ жизни можетъ составить эпоху въ исторіи человѣчества. Единственное европейское населеніе, примыкающее съ сѣвера къ Азии,—населеніе русское,—черезъ него долженъ, между прочимъ, пролагаться путь просвѣщенія. Посмотрите же, какими средствами обладаетъ это русское населеніе для своей великой миссіи. Населеніе этого края невѣжественнѣе многихъ глухихъ провинцій Европейской Россіи, оно не обладаетъ никакими культурными средствами, не снабжено никакою умственною силою. Русское населеніе среди могучей дѣйственной природы часто дичаетъ и стоитъ безпомощнымъ, окруженное инородческими племенами, вліяющими на него болѣе, чѣмъ оно на нихъ. Понятно, что отсюда является постоянное отступленіе отъ культуры русскаго населенія, пониженіе расы вслѣдствіе метисаціи, а также обинородченіе русскаго элемента». Приводя многочисленные примѣры этого поглощенія русскихъ инородцами, мѣстный публицистъ заключаетъ: «Если Сибирь еще на 50-ть лѣтъ останется въ замкнутомъ состояніи и безъ образованія, можно речуться, что мы увидимъ вырожденіе и преобразеніе здѣсь русскихъ въ самоѣдовъ, якутовъ, бурятъ и киргизъ»... «Единственное спасеніе сохранить намъ свою національность, укрѣпить ее, и, усвоивъ цивилизацію, вѣдрить ее къ другимъ народностямъ, это—образованіе. Ненужно забывать, что просвѣдательная миссія на Востокъ должна имѣть въ виду, кромѣ свѣта знанія, внесеніе гуманныхъ христіанскихъ началъ въ жизнь азіатскихъ народовъ, привитіе идей человѣчности и равноправія. Сослужа подобную службу дѣлу цивилизаціи и просвѣщенія на Востокъ, Россія окажетъ услугу не одной себѣ, но и всему человѣчеству».

Вслѣдъ за этимъ въ печати указывались и примѣры, какъ давно уже заботится о развитіи просвѣщенія европейскіе народы въ своихъ колоніяхъ, дѣлались ссылки на примѣры англійскихъ университетовъ въ Индіи, Новой Голландіи, въ Капской колоніи. Со взглядами нашихъ противниковъ просвѣщенія на окраинахъ могли быть сопоставлены разнѣ взгляды полуварварской Испаніи, когда въ прошломъ столѣтіи явилось запрещеніе училища въ Ламѣ для благородныхъ индійцевъ, когда основаніе училища въ Буэнос-Айресѣ было отвергнуто, испанскимъ колоніямъ запрещено

было мечтать объ университетѣ, а епископъ Санта-фе настаивалъ на томъ, что креолы для того, чтобы остаться вѣрнопопаданными, не должны учиться ничему, кромѣ закона Божія.

Истощивъ массу аргументаціи, литература объ университетѣ испытывала крайнее напряженіе, и ея ноты начинали уже звучать грустной безнадежностью: «Довольно къ вопросу объ университетѣ, — говоритъ авторъ статьи: «Сочувствіе къ наукѣ на востокѣ»; — выражая наши желанія, мы, жители востока Имперіи, можемъ утѣшиться однимъ, что среди нашего поколѣнія есть души, которыя стремятся къ просвѣщенію. Можетъ быть, намъ не удастся дожить до основанія великаго образовательнаго учрежденія на востокѣ. Пусть глаза наши будутъ засыпаны пескомъ, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвиняютъ все поколѣніе, что оно не имѣло возвышенныхъ стремленій. Родина вспомнить всѣхъ, кто ратовалъ за ея просвѣщеніе и идею науки на Востокѣ, она вспомнить добрыя ей пожеланія въ день своихъ радостей, какъ они помнятъ ея въ дни ея скорби».

Такою скорбью отзывались всѣ эти долги ожиданія, и при такихъ условіяхъ идея сибирскаго университета дождала до половины семидесятыхъ годовъ; въ ней все болѣе примыкали чувства мѣстныхъ писателей, образованныхъ людей и мѣстнаго общества, она становилась излюбленною мечтою и явилась потому не случайно, не плодомъ одной административной фантазіи безъ всякаго отношенія къ жизни края, какъ думалось людямъ, въ первый разъ узнавшимъ о существованіи этой идеи и незнакомыхъ съ жизнью края; напротивъ, вполне созрѣвшая, она ждала благоприятной минуты для своего осуществленія.

II.

Въ 1875 году появилось радостное для сибиряковъ извѣстіе въ газетахъ о томъ, что новый генералъ-губернаторъ западной Сибири Н. Г. Казнаковъ, ознакомившись съ нуждами и потребностями края при вступленіи въ управленіе, рѣшился сдѣлать представленіе о необходимости высшего образованія въ Сибири. 25 апрѣля 1875 г. состоялось, при назначеніи г.-ад. Казнакова, исключительное повелѣніе: *«поднять уровень общаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ подготовиться изъ среды своей людей сподручныхъ и образованныхъ, въ числѣ, пр менѣйшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія, и по ближайшему и всестороннему обсужденію этого пред-*

мета, повергнуть чрезъ министерство народнаго просвѣщенія на высочайшее воверѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета».

Начались подготовленія, которыя состояли въ томъ, что генералъ-губернаторъ предположилъ открыть новыя гимназіи для усиленія средняго образованія, какъ подготовительнаго средства для образованія. Съ этою цѣлью положено было открыть гимназіи въ Омскѣ и въ Тюмени. Но при этомъ новая администрація Сибири пришла къ убѣжденію, что учрежденіе новыхъ заведеній этого разряда въ числѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительнымъ потребностямъ края, представляется въ послѣднее время почти невозможнымъ вслѣдствіе недостатка преподавателей. Безъ мѣстнаго въ Сибири университета вновь учреждаемыя въ ней, хотя бы въ самомъ маломъ числѣ, гимназіи, подобно тобольской и томской, будутъ затруднены въ привлеченіи необходимыхъ для нихъ учебныхъ силъ, и по прежнему лучшіе воспитанники гимназій съ выѣздомъ для полученія высшаго образованія въ Европейскую Россію, въ большинствѣ случаевъ, будутъ исчезать безслѣдно для Сибири. По прежнему выписанные за тысячи верстъ и съ значительными для казны издержками преподаватели, равно юристы, врачи, даже на половину образованные чиновники, будутъ проживать въ Сибири, тяготясь своимъ положеніемъ и помняши; послѣ трехлѣтняго обязательнаго служенія, возвратиться обратно на родину. Сибирь же все будетъ продолжать испытывать недостатокъ въ образованныхъ дѣтеляхъ.

Въ новомъ представленіи по поводу сибирскаго университета всѣ эти затрудненія были предвидѣны, и потому въ немъ говорилось, что къ осуществленію сибирскаго университета приступить является вполне своевременнымъ; въ этомъ убѣждаютъ все чаще повторяющіяся заявленія мѣстныхъ начальниковъ и генералъ-губернаторовъ о крайнемъ недостаткѣ въ Сибири дѣтелей на всѣхъ поприщахъ государственной службы и въ особенности о крайней затруднительности замѣщенія вакансій медиковъ и учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о весьма ощутительномъ неудобствѣ замѣщенія всѣхъ этихъ вакансій исключительно принятыми силами, которыя въ большей части случаевъ оказываются не вполне соотвѣтствующими занимаемымъ ими мѣстамъ, и, наконецъ, о безвыходномъ положеніи родителей, вынужденныхъ для предоставленія дѣтямъ ихъ высшаго образованія посылать ихъ въ Европейскую Россію, гдѣ они вполне отчуждаются отъ семействъ и ихъ родныхъ обычаевъ. Сверхъ сего, Сибирь страна еще почти не початая въ научномъ отношеніи: ученые экспеди-

ціи, отправлявшіяся туда для изслѣдованія края, успѣли разработать только весьма незначительную часть имѣющагося въ немъ научнаго матеріала; борясь съ затрудненіями, сопряженными съ огромными переѣздами, экспедиціи эти могли заниматься своимъ дѣломъ лишь урывками, извлекать научныя свѣдѣнія только частями. Научный центръ въ самой Сибири далъ-бы возможность сосредоточеннымъ въ немъ ученымъ силамъ изслѣдовать край съ бѣльшимъ удобствомъ, и съ необходимыми для успѣшности работъ послѣдовательностью и постоянствомъ. Обиліе подлежащаго научному изслѣдованію матеріала въ Сибири доказывается уже тѣмъ, что она съиздавна привлекала и привлекаетъ въ послѣднее время изслѣдователей не только изъ Европейской Россіи, но и изъ нѣкоторыхъ странъ западной Европы. Съ начала прошлаго столѣтія начали посѣщать Сибирь знаменитые путешественники. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія посѣтили для изученія богатствъ ея Гумбольдтъ, Розе, Эренбергъ, Ледебурь, наконецъ, въ послѣдніе годы Миддендорфъ, Котта, Бремъ и другіе.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ, — заключаетъ представленіе, — съ тѣхъ поръ, какъ дарованы преимущества пріѣзжающимъ на службу изъ Европейской Россіи въ Сибирь, и тѣмъ не менѣе прискорбная дѣйствительность показываетъ, что ни администрація, ни суды, ни народное здоровье, ни учебное дѣло въ этомъ краѣ не обезпечено достаточнымъ числомъ свѣдущихъ, образованныхъ и преданныхъ своему дѣлу лицъ. Въ подтвержденіе этого достаточно сказать, что въ двухъ только гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, существующихъ въ Западной Сибири, недостаетъ въ настоящее время *шести штатныхъ преподавателей* по важнѣйшимъ предметамъ гимназическаго курса, древнимъ языкамъ и русскому языку съ словесностью, одного по исторіи съ географіей и двухъ по новымъ иностраннымъ языкамъ, и что *недостатокъ врачей превышаетъ 31%* штатнаго числа сихъ должностныхъ лицъ при разныхъ учрежденіяхъ этого края, а именно врачей положено штатами 122, *недостаетъ же 39 человекъ*. Независимо отъ сего, Сибирь и внѣ служебнаго поприща не менѣе, если не болѣе нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ, безъ которыхъ ея производительныя средства, связанныя съ естественными богатствами, остаются малоизслѣдованными. Примѣры такого явленія очевидны; не имѣя университета, Сибирь изъ своихъ уроженцевъ не могла воспитать ни одного вполне образованнаго поколѣнія, которое бы всецѣло посвящало ей, какъ родному мѣсту, свои полезныя силы. Мало того, въ ней постоянно повторяется слѣдующее неутѣши-

мыльное явленіе, общее для обѣихъ половинъ ея: лучшіе воспитанники, окончившіе курсъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ и поступившіе въ университеты имперіи, но пріобрѣтеніи тамъ высшаго образованія, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возвращаются въ Сибирь, но несравнимые въ преимуществахъ службы съ уроженцами не-сибирскими и увлекаемые либо служебными выгодами, либо невѣдомыми дотогѣ удобствами жизни въ столичныхъ и большихъ городахъ, избираютъ мѣстомъ своей дѣятельности Европейскую Россію. Такимъ образомъ, Сибирь представляетъ то рѣдкое и въ высшей степени прискорбное зрѣлище, что учрежденныя въ ней средне-образовательныя заведенія, вмѣсто того, чтобы обогащать ее достаточно образованными людьми, служатъ какъ-бы средствомъ для отвлеченія изъ нея свѣжихъ живительныхъ умственныхъ силъ въ Европейскую Россію, изъ которой, ваявъ ихъ, нерѣдко являются на службу, не безъ значительныхъ для государства денежныхъ затратъ, искатели счастья, не усидѣвшіе въ ней пристроиться по недостатку свѣдѣній, а иногда и сомнительной нравственности, въ большинствѣ случаевъ люди, смотрящіе на службу въ Сибири, какъ на дѣло временное, и пытающіеся при первой возможности оставить ее и возвратиться въ Европейскую Россію. Со времени перваго заявленія мысли объ учрежденіи университета, — говоритъ представленіе, — народонаселеніе въ Сибири возросло до 5.000,000, открытыхъ въ ней ~~четыре~~ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія оказывается недостаточно для удовлетворенія потребностей края, а учрежденіе новыхъ средне-образовательныхъ заведеній встрѣчаетъ затрудненіе въ недостаткѣ подготовленныхъ преподавателей. Сибирь вообще крайне нуждается въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, и удовлетворить этой нуждѣ не могутъ высшія учебныя заведенія имперіи, куда учащіеся должны слѣдовать за четырьмя, а иногда и болѣе тысячъ верстъ; словомъ, представляется ~~нѣтъ~~ настоятельная необходимость возвысить уровень образованія въ Сибири, дать мѣстнымъ ея уроженцамъ средства развивать и оберегать свои умственные силы на пользу самой Сибири, что можетъ быть достигнуто только учрежденіемъ университета въ этомъ край.

По вопросу о томъ, найдется ли достаточное число слушателей для сибирскаго университета, вопросу, служившему аргументомъ для многихъ противниковъ университета въ Сибири, выяснилось слѣдующее: 1) въ гимназіяхъ Западной и Восточной Сибири въ 1875 году выдержали испытаніе зрѣлости 38 молодыхъ людей (въ томъ числѣ въ Тобольскѣ 9, Томскѣ 14, Ир-

кутовъ 10 и Красноярскъ 5); и 2) въ 1875 — 1876 учебномъ году въ четвертыхъ классахъ духовныхъ семинарій (гдѣ оканчивается общій курсъ и изъ коихъ дозволено поступить въ университетъ) тобольской и Иркутской числится 31 ученикъ и въ среднемъ отдѣленіи томской духовной семинаріи, соответствующемъ 4-му классу преобразованныхъ по новому уставу семинарій, 34, всего въ трехъ семинаріяхъ (изъ четвертой Благовѣщенской свѣдѣній не имѣется) 65 учениковъ. Имѣя въ виду эти данныя, какъ болѣе или менѣе постоянныя, а также принимая во вниманіе стремленіе молодыхъ людей къ высшему образованію, что подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что изъ 23-хъ выдержавшихъ въ минувшемъ году въ гимназіяхъ тобольской и томской испытаніе зрѣлости, — 20 заявили желаніе поступить въ университеты и въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, можно допустить, что и при нынѣшнемъ числѣ средне-образовательныхъ учебныхъ заведеній университетъ въ Сибири имѣлъ бы ежегодно отъ 60 до 70 новыхъ слушателей, считая въ томъ числѣ и воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Такое число слушателей, въ началѣ безспорно не большое по сравненію съ другими университетами, вполнѣ, по мѣрѣ открытія новыхъ гимназій и выпуска изъ нихъ воспитанниковъ, возрасло бы, и во всякомъ случаѣ университетъ въ Сибири, въ самомъ началѣ своего открытія, не остался бы безъ такого контингента учащихся, при которомъ возможна его дѣятельность съ довольно значительными результатами для края. Поставивъ такимъ образомъ вопросъ объ университетѣ, и при объясненномъ выше небольшомъ составѣ слушателей, на почву практической возможности его осуществленія, представленіе полагаетъ, что отсрочивать учрежденіе сего заведенія, до времени подготовки большаго числа слушателей, значило бы замедлить открытіе новыхъ средне-образовательныхъ учебныхъ заведеній и оставлять на долгое, если не на опредѣленное время, неудовлетворенными потребности края въ образованіи достойныхъ для него дѣятелей. Вотъ данныя, которые приведены были въ проектѣ 1875 года ¹⁾.

Затѣмъ были выражены слѣдующія предположенія: а) Университетъ полезно бы было учредить изъ 4-хъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. б) Число кафедръ во каждомъ факультетѣ можно было бы, на первое время, ограничить наиболѣе необходимыми

¹⁾ Три года спустя представились уже новыя данныя объ учебномъ дѣлѣ въ Сибири, которыя мы приведемъ ниже.

и основными, съ тѣмъ, чтобы, со временемъ, по мѣрѣ пріисканія достойныхъ профессоровъ и увеличенія числа студентовъ, число ихъ постепенно пополнялось до нормы, положенной общимъ уставомъ университета. в) Сообразно ограниченію числа кафедръ предполагалось уменьшить число преподавателей, а слѣдовательно и сумму падающихъ на государственное казначейство расходовъ, произведя также возможные сокращенія издержекъ и по нѣкоторымъ другимъ статьямъ, опредѣленнымъ дѣйствующими штатами университета. г) За необходимыми изытіями, проектируемый университетъ подчинить дѣйствию общаго устава университетовъ въ имперіи.

Вообще по составленному въ Западной Сибири проекту штата университета предполагались значительныя сокращенія расходовъ сравнительно со штатами 1863 года, напримѣръ: сокращеніе 63,000 руб. вслѣдствіе уменьшенія числа профессоровъ и доцентовъ; 12,985 руб. отъ предположенія не учреждать на первое время факультетскихъ клиникъ; на стипендіи студентамъ назначалась сравнительно небольшая сумма 10 т. рублей. Всего относительно штата средняго по стоимости содержанія университета (Харьковскаго) расходъ сокращенъ на 126,609 руб. Такимъ образомъ, сумма, необходимая для содержанія университета въ Сибири, исчислена первоначально въ проектѣ въ 212,220 руб. Сумма эта, по мнѣнію генераль-губернатора Западной Сибири, можетъ быть еще сокращена на 6,000 руб., отпускаемыхъ нынѣ на 20 сибирскихъ стипендіатовъ въ университетахъ по мѣрѣ окончанія курса или вообще выбытія этихъ стипендіатовъ.

Кромѣ того, въ виду экономической и финансовой стороны дѣла обращено было вниманіе на слишкомъ крупныя издержки, которыя въ настоящее время несетъ государство вслѣдствіе преимуществъ, предоставленныхъ пріѣзжающимъ изъ Европейской Россіи на службу въ Сибирь. Собранныя по этому предмету свѣдѣнія показываютъ, что въ одной Западной Сибири на прибавочное за сибирскую службу жалованье ассигновано къ расходу въ 1875 году 67,032 руб. 81½ коп., и что въ 1874 году выдано пособій (окладовъ годового жалованья) вновь опредѣленнымъ на службу въ этотъ край 12,804 руб. 80 коп. По полученнымъ же отъ генераль-губернатора Восточной Сибири свѣдѣніямъ назначено въ этой части Сибири на 1875 годъ, на прибавочное жалованье за сибирскую службу, 65,430 руб. 86 коп., а на выдачу годовыхъ окладовъ жалованья вновь опредѣленнымъ на службу въ Восточную Сибирь чиновникамъ употреблено въ 1874 году 21,687 руб. 73 коп. Такимъ образомъ, въ совокупности, на-

держки эти простираются для обѣихъ частей Сибири до 167,000 руб. въ годъ. Необходимо допустить, что, съ учрежденіемъ сибирскаго университета и по мѣрѣ приготовленія въ немъ дѣателей изъ уроженцевъ Сибири, потребность въ пришломъ элементѣ служащихъ постепенно падала бы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и расходъ на означенные предметы значительно бы сократился.

Сумма на постройку университета къ представленію сибирскаго начальства была исчислена въ 500,000 рублей; причемъ первоначально университетъ долженъ былъ быть безъ клиникъ съ замѣною ихъ мѣстными госпиталиями. Сумма эта была слишкомъ ничтожна даже по мѣстнымъ средствамъ, принимая во вниманіе, что въ то же время на постройку флигелей сибирской военной гимназіи было ассигновано 425,000 рублей ¹⁾. Сверхъ того, было указано, что часть необходимыхъ для постройки денегъ находится уже въ пожертвованіи Демидова, и капиталъ этотъ достигаетъ 151,000 рублей; затѣмъ на этотъ предметъ можетъ быть еще обращено пожертвованіе г. Цибульскаго въ 100,000 руб., а слѣдовательно, въ 1875 году отъ казны понадобилось бы не болѣе 350,000 рублей. Наконецъ, въ изысканіи средствъ къ сокращенію издержекъ казны на этотъ предметъ генералъ-губернаторъ Казнаковъ указывалъ на могущую произойти экономію для казны 200,000 р. при введеніи вольныхъ почтъ. Хотя соображенія относительно вольныхъ почтъ не оправдались ²⁾, по они служили свидѣтельствомъ всей напряженности въ изысканіи средствъ къ облегченію казны въ этомъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, требованія по расходамъ на созданіе сибирскаго университета были доведены, какъ указываютъ документы, до послѣдняго минимума. Относительно предоставленія правъ и преимуществъ для привлеченія профессоровъ и доцентовъ въ новый университетъ не испрашивалось ничего, какъ только тѣ преимущества, которыя установлены вообще для служащихъ въ Сибири; затѣмъ предполагалось открытіе на первое время лишь самыхъ необходимыхъ кафедръ ³⁾. Сумма на личный

¹⁾ Постройка другихъ учреждений, какъ, напримѣръ, харьковскаго технологическаго института обошлась въ 2.000,000 руб., и сумма эта не была найдена обременительной. Штиглицъ на сооруженіе рисовальной школы пожертвовалъ 1.000,000 р. Казалось, для сибирскаго университета на постройку скорѣе необходимо было бы 500,000 р. казенныхъ приложить къ частнымъ пожертвованіямъ.

²⁾ Вольныя почты въ рукахъ монополистовъ были бы только бременемъ для Западной Сибири, какъ доказало обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса.

³⁾ Въ историко-филологическомъ факультетѣ, по проекту генералъ-губернатора, предполагалось только 6 кафедръ при 8 профессорахъ и 8 доцентахъ, вмѣсто положенныхъ по уставу 1863 года 11 кафедръ при 12 профессорахъ и 7 доцентахъ.

составъ должна была по смѣтѣ не превышать 212,220 рублей. Основаніе отдѣленія *восточныхъ языковъ*, столь необходимаго для Сибири, отлагалось на неопредѣленное время.

Предположенія и требованія эти были до того умалены, ограничены, и составъ университета могъ явиться столь неполнымъ, что министерство народнаго просвѣщенія, въ своихъ замѣчаніяхъ, сочло нужнымъ указать, что, при недостаточныхъ штатахъ, едва ли можно рассчитывать на привлеченіе достойныхъ профессоровъ и доцентовъ, безъ чего самый университетъ не станетъ на подобающую высоту, почему необходимо, для привлеченія профессоровъ и доцентовъ, увеличить оклады въ полтора раза болѣе, чѣмъ въ другихъ университетахъ. Относительно состава и числа кафедръ, министерство, соглашаясь въ общемъ, нашло нужнымъ сдѣлать только нѣкоторые измѣненія, такъ: на филологическомъ факультетѣ, вмѣсто 6 кафедръ и 8 профессоровъ, назначить до 7 кафедръ и 9 профессоровъ; на юридическомъ факультетѣ прибавить также по кафедрѣ и по профессору. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высказано было желаніе не устранять для сибирскаго университета кафедру исторіи иностранныхъ законодательствъ, а включить ее въ составъ энциклопедіи права; нельзя также исключить международное право, такъ какъ оно имѣетъ не одинъ историческій интересъ, а потому, чтобы дать хотя общее понятіе о немъ, положено соединить въ одинъ предметъ «государственное право» и «общую теорію международнаго права». Сочтено нужнымъ прибавить также нѣсколько профессоровъ и доцентовъ на медицинскомъ факультетѣ. Въ общемъ же, увеличеніе противъ представленнаго проекта генералъ-губернатора предполагалось только до 4 профессоровъ, 2 доцентовъ и 1 помощника прозектора. Относительно постройки университета безъ клиникъ, министерство народнаго просвѣщенія также не нашло удобнымъ согласиться, и въ общей смѣтѣ полагало бы на постройку университета опредѣлить не менѣе 600,000 рублей. Размѣръ статей расходовъ на лабораторію и кабинетъ до 1000 руб., на

Въ физико-математическомъ факультетѣ полагалось въ проектѣ 8 кафедръ при 12 профессорахъ и 4 доцентахъ, вмѣсто положенныхъ 12 кафедръ при 16 профессорахъ и 3 доцентахъ. Въ юридическомъ факультетѣ предполагалось, вмѣсто 13 кафедръ при 18 профессорахъ и 6 доцентахъ, имѣть 8 кафедръ при 8 профессорахъ и 8 доцентахъ, причемъ политическая экономія и статистика соединялись въ одномъ лицѣ. Исторія важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, международное право и исторія славянскихъ законодательствъ совсѣмъ опускались. Медицинскій факультетъ предполагалось сократить до 11 профессоровъ и 9 доцентовъ. По штату сибирскаго университета, полагалось только 2 лектора иностранныхъ языковъ (а по общему уставу ихъ полагается 4).

ботаническій кабинетъ 400 руб. и выписку журналовъ 750 р. найденъ уменьшеннымъ, такъ какъ, по отдаленности сибирскаго университета и затруднительности высылки и получения необходимыхъ предметовъ, расходы эти должны бы были увеличены. Вообще, министерство нашло нужнымъ на постройку университета увеличить расходъ до 600,000 руб., а на личный составъ и на учебныя принадлежности просить 307,820 рублей ¹⁾. Министръ финансовъ, съ своей стороны, не встрѣтилъ препятствій къ внесенію въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія 1878 и 1879 г. потребныхъ на постройку университета суммъ, но съ тѣмъ, чтобы въ число ихъ были зачитаемы не только суммы, уже пожертвованныя на сибирскій университетъ, но и тѣ, которыя, въ виду окончательнаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи университета, вновь поступить могутъ. По мнѣнію министра народнаго просвѣщенія предполагалось открытіе сибирскаго университета съ 1 іюля 1879 года въ составѣ 4 факультетовъ. Министръ же финансовъ находилъ, что отпускъ денегъ слѣдуетъ назначить съ іюля 1880 г., съ ассигнованіемъ 100,000 руб. на предварительные расходы. Окончить постройку университета предполагалось къ 1880 году. Мѣстомъ основанія университета по первоначальному проекту былъ избранъ Омскъ. Въ такомъ видѣ, согласно высочайшему повелѣнію 24 апрѣля 1876 г., вопросъ о сибирскомъ университетѣ внесенъ былъ въ министерство народнаго просвѣщенія, а послѣднимъ въ государственный совѣтъ.

Проектъ сибирскаго университета при такихъ условіяхъ не встрѣчалъ, повидимому, особыхъ препятствій къ своему осуществленію. Можно было ожидать, что открытіе университета, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, осуществится, и надежды Сибири сбудутся; но и на этотъ разъ ожиданіямъ сибирскаго края суждено было исполниться не столь скоро, какъ ожидалось. Славянское движеніе и война съ Турціей, какъ и финансовыя обстоятельства Россіи еще разъ отодвинули этотъ вопросъ, почти рѣшенный, на второй планъ и пріостановили практическое осуществленіе начатаго дѣла. Самый проектъ учрежденія университета, къ сожалѣнію, далеко не привлекая должнаго вниманія столичной печати и общества, и не вызывая всесторонняго обсуждения,

¹⁾ По штатамъ 1863 года, съ присоединеніемъ другихъ сверхштатныхъ суммъ, другіе университеты получаютъ:

С.-Петербургскій	375,586 руб.
Московскій	488,950 „
Харьвовскій	857,978 „
Казанскій	876,872 „
Кіевскій	378,160 „

можетъ быть, благодаря тому, что самый проектъ не былъ опубликованъ. Одинъ только пунктъ этого проекта вызвалъ вниманіе общества и печати, напомнивъ, что проектъ этотъ разсматривается. Пунктъ этотъ касался избранія города для сибирскаго университета и, играя, повидимому, второстепенную роль, получалъ тѣмъ не менѣе первоепенное значеніе для края. При этомъ нужно имѣть въ виду обстоятельства, которыми избраніе мѣста для университета сопровождалось.

Когда-то, по мысли жертвователя Демидова, предполагался мѣстомъ для резиденціи университета Тобольскъ, но городъ этотъ давно потерялъ свое значеніе центра и метрополіи Сибири. Въ 60-хъ годахъ предполагалось основаніе университета въ Иркутскѣ, какъ пунктъ, получившемъ особенное развитіе въ край, но впоследствии не разъ высказывались преимущества Томска, какъ центральнаго пункта для обѣихъ частей Сибири. При поднятій вопроса объ университетѣ въ 1875 г. большинство полагало, что выборъ падетъ на Томскъ, какъ на самый видный городъ Западной Сибири, обладающій всѣми необходимыми для университетскаго города условіями. Таково же было ожиданіе жертвователя, даваго въ числѣ первыхъ 100,000 рублей на основаніе томскаго университета. Но административныя соображенія заставляли проектъ высказаться за Омскъ, городъ находящійся на окраинѣ, а не въ центрѣ Сибири. Несмотря на всѣ аргументы въ пользу Омска, какъ города будущаго, и его административныя преимущества, мысль избранія его резиденціей университета, противорѣчащая вообще интересамъ сибирскаго края и общества, явилась вдобавокъ неожиданностью для сибиряковъ и, понятно, вызвала самые горячіе протесты. Омскъ представляеть въ Западной Сибири довольно большой, но преимущественно чиновничій городъ, имѣвшій когда-то военное и административное значеніе при завоеваніи киргизской степи; но и это значеніе съ покореніемъ степей въ значительной степени утратилось. Находясь въ сторонѣ отъ главнаго сибирскаго тракта и центра населенія, онъ угрожалъ сдѣлать университетъ пустымъ. Наконецъ, городъ Омскъ переполненъ исключительно элементомъ ваѣзнымъ, временнымъ и никакой связи съ страной неимѣющимъ; для самихъ прѣѣзжающихъ онъ играетъ роль только временной станціи ¹⁾. Вотъ почему общественное мнѣніе Сибири

¹⁾ Изъ извѣстныхъ и разсмотрѣнныхъ доводовъ и числовыхъ данныхъ, разсмотрѣнныхъ въ особой комиссіи при государственномъ совѣтѣ, оказалось, что Омскъ не обладаетъ ни однимъ изъ преимуществъ для университетскаго города по сравненію его съ Томскомъ.

весьма рѣшительно выступило противъ Омска, а мѣстная и столичная печать рѣшительно отдавали преимущество городу Томску.

Исторія этой борьбы и соперничества городовъ за университетъ составляетъ яркій эпизодъ и живую страницу общественной сибирской жизни. Сибирскія городскія общества по этому поводу составляли многочисленные адреса и представленія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, томскій городской голова: «Послѣднія петербургскія газеты и телеграфъ принесли въ Томскъ давно ожидаемую съ нетерпѣніемъ вѣсть о блискомъ окончательномъ рѣшеніи вопроса относительно дарованія Сибири перваго университета. Такое важное, можно сказать, историческое событіе для Сибири побудило нѣсколькихъ гласныхъ, какъ представителей всѣхъ слоевъ общества, обратиться ко мнѣ съ заявленіемъ, назначить въ одно изъ засѣданій думы вопросъ объ обсужденіи обстоятельствъ, относящихся къ этому дѣлу. Разрѣшая учрежденіе въ Сибири университета, правительство, въ благомъ попеченіи о нуждахъ края, имѣло несомнѣнно цѣлью предоставить жителямъ Сибири дать дѣтямъ своимъ высшее образованіе безъ излишнихъ затратъ, неизбежно сопряженныхъ съ отправкою для обученія въ университетскіе города Европейской Россіи. Для достиженія этой цѣли, мѣстопребываніе университета, конечно, должно быть избрано въ томъ изъ городовъ, который не только находился бы въ центрѣ Сибири по своему географическому положенію, но въ то же время былъ бы въ тѣсной связи со всѣми городами не одной только Западной Сибири, но и всей Восточной. Такимъ центральнымъ пунктомъ является городъ Томскъ».

Разобравъ всѣ аргументы за Томскъ и Омскъ, а также указавъ значеніе этихъ городовъ вообще для края, представитель томскаго городского сословія говоритъ въ заключеніе: «Всѣ эти доводы и факты приводятъ, съ одной стороны, въ несомнѣнному убѣжденію, что учрежденіе университета въ гор. Томскѣ было бы далеко полезнѣе для обѣихъ частей Сибири и указываетъ съ другой стороны, что университетъ г. Омска рискуетъ остаться вовсе безъ слушателей и быть закрытымъ или переведеннымъ въ тотъ же Томскъ. Но газеты сообщаютъ за положительное, что университетъ учреждается въ Омскѣ. По предложенію генералъ-губернатора Западной Сибири, послѣдовавшему въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года, объ уступкѣ въ гор. Томскѣ мѣста подъ университетъ, граждане этого города, съ глубокою признательностью и готовностью, въ 19 день января, единогласнымъ рѣшеніемъ думы, сдѣлали уступку 35,000 квадр. саженъ лучшаго мѣста

воду университетъ, и въ тотъ же день гражданинъ города Томска Цибульскій пожертвовалъ 100,000 рублей на устройство предполагаемаго въ гор. Томскѣ университета. Если бы даже отдаленное мѣсто, по какимъ-либо причинамъ, было признано неудобнымъ, то граждане Томска, въ виду того громаднаго значенія, какое имѣетъ университетъ для Сибири, не затруднятся отвести другое мѣсто, которое будетъ избрано, лишь бы только учреждаемый университетъ, по своему мѣсторожденію, удовлетворялъ удобствамъ жителей всей Сибири; причемъ можно надѣяться, что въ такомъ случаѣ мѣстное купечество не затруднится на пожертвованія, и примѣръ г. Цибульскаго найдетъ многихъ подражателей. Извѣстіе о предполагаемомъ открытіи въ городѣ Томскѣ университета было встрѣчено сочувственно всѣми жителями Восточной Сибири, какъ это было видно изъ личныхъ заявленій и отзывать въ газетахъ. Зная убѣжденіе всѣхъ сибиряковъ, что г. Томскъ есть центральный городъ Сибири, граждане города Томска не сомнѣвались, что университетъ будетъ учрежденъ здѣсь, и потому не принимали никакихъ ходатайствъ и имъ, до сихъ поръ, неизвѣстны причины перемѣны первоначальнаго взгляда правительства, если таковая дѣйствительно состоялась, какъ видно изъ газетъ. Если принять за основаніе учрежденіе университета въ Омскѣ болѣшую возможность надзора за учащимися высшаго центрального управленія, находящагося въ томъ городѣ, то граждане города Томска полагаютъ, что было бы удобнѣе перевести высшую учебную администрацію въ городъ Томскъ, чѣмъ рисковать университету остаться безъ студентовъ.

Точно также характеристиченъ и другой документъ, адресованный министру народнаго просвѣщенія отъ имени жертвователя на сибирскій университетъ, Захара Михайловича Цибульскаго:

«Ни въ одной части Россіи общество не почувствовало такъ глубоко недостатокъ высшаго образованія, какъ въ отдаленной отъ умственныхъ центровъ Сибири. Поэтому извѣстіе о намѣреніи правительства учредить въ Томскѣ университетъ было встрѣчено сибиряками съ невыразимымъ восторгомъ. Наши начинанія, касались ли они науки и воспитанія, городского хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными, вслѣдствіе недостатка знанія: мы желаемъ изслѣдовать Сибирь для себя, а между тѣмъ въ намъ пріѣзжаютъ Норденшельды, Бремы, представители чужихъ интересовъ. Мы жертвуемъ деньги на пріюты, городскія и сельскія школы, но заведенія эти не приносятъ всей ожидаемой отъ нихъ пользы, по немнѣжью хоро-

шихъ преподавателей. Намъ должно заботиться о городскомъ благоустройствѣ, ассенизаціи нашихъ жилищъ и улицъ, но гдѣ взять исполнителей? Неисчерпаемыя естественныя богатства Сибири лежать нетронутыми, ожидая умѣлыхъ руки для ихъ разработки. Приведенныя и другія подобныя задачи не вымышленныя, а дѣйствительныя и насущныя, — разрѣшатся въ благопріятномъ смыслѣ, когда въ Сибири будетъ рассадникъ высшаго образованія. Вотъ почему вѣсть объ университетѣ была встрѣчена единодушнымъ сочувствіемъ, которому въ особенности содѣйствовало удачное избраніе Томска университетскимъ городомъ... «Не буду повторять доводы за Томскъ, — говоритъ жертвователь, — изложенные въ представленномъ ходатайствѣ томской городской думы. Взгляды томской думы раздѣляютъ другіе города Сибири, изъ которыхъ нѣкоторые присоединились къ ходатайству за Томскъ. Услышавъ о намѣреніи избрать Омскъ университетскимъ городомъ, енисейская дума, по постановленію 15 іюня 1877 года, ходатайствовала чрезъ мѣстнаго губернатора и посылала телеграмму вашему сіятельству, доказывая преимущества Томска. То же самое сдѣлала верхнеудинская дума, по постановленію своему 12 іюля. Красноярскій городской голова, въ письмѣ отъ 5 іюля за № 1169, выражалъ томскому головѣ, что его общество сочувствуетъ устройству университета въ Томскѣ, но что, къ сожалѣнію, время для ходатайства о томъ, по мнѣнію этого общества, упущено. Барнаульскій городской староста писалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, что тамошнее общество, безусловно, раздѣляетъ воззрѣніе томской думы, но оно не можетъ официально высказаться, потому что тамъ не введено городское положеніе. Это ясно доказываетъ, что сочувствіе къ Томску не вытекаетъ изъ эгоистической заботы однихъ лишь его гражданъ о выгодахъ своего города; такое узкое воззрѣніе не заслуживало бы поощренія. Пусть откроютъ въ Сибири двѣ подписки на университетъ въ Омскѣ и на университетъ въ Томскѣ, тогда увидать нагляднымъ образомъ, что первому нѣтъ не сочувствуетъ, на второй же сильныя приношенія деньгами, учрежденіемъ стипендій и т. п. потекутъ широкой рѣкой. Ошибаться въ выборѣ пункта для университета — значило бы дискредитировать здѣсь самую идею высшаго образованія, отдалить ожидаемые для Сибири отъ университета благіе результаты, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе».

Такимъ образомъ, въ Томскѣ сосредоточивались сочувствующія ему заявленія со всѣхъ городовъ Сибири. Иркутская дума сдѣлала въ полномъ собраніи открытое заявленіе и представила министру народнаго просвѣщенія слѣдующій адресъ: «Учрежденіе

университета въ Сибири будетъ, безъ сомнѣнія, признано третьей эпохой въ исторической жизни этой страны... Университетъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, былъ завѣтнымъ желаніемъ Сибири, и городъ Иркутскъ можетъ съ увѣренностью сказать, что въ немъ и зародилась, и долгое время зрѣла мысль объ университетѣ. Но когда эта мысль вполнѣ соврѣла и стала близка къ осуществленію, когда возникъ практическій вопросъ: гдѣ быть университету?—городъ Иркутскъ, движимый чувствомъ справедливости и интересами не одной восточной, но и всей Сибири, уступилъ свое право Томску. Никто въ восточной Сибири не возражалъ противъ преимуществъ географическаго положенія Томска. Не то произошло, когда прошла вѣсть, что мѣстомъ основанія сибирскаго университета предполагается Омскъ. Если намъ придется посылать своихъ дѣтей за три тысячи верстъ, то не лучше ли, по-прежнему, отправлять ихъ въ Казань или въ столицы, гдѣ болѣе и образовательныхъ средствъ, и самая жизнь удобнѣе и поучительнѣе. Таково общее мнѣніе восточной Сибири. Иркутская городская дума, вслѣдствіе сношенія томской думы, уполномочила меня почтительнѣйше заявить вашему сіятельству, что основаніемъ университета въ Омскѣ только въ половину будетъ исполнено желаніе Сибири, жаждущей высшаго образованія; что университетъ въ Омскѣ далеко не будетъ имѣть того значенія, какое имѣлъ бы, находясь въ центрѣ и на великомъ пути отъ Атлантическаго къ Тихому океану, и что, наконецъ, если Иркутскъ охотно уступилъ Томску великое право имѣть въ своихъ стѣнахъ расадникъ высшаго образованія, то уступить это право отдаленному и малозвѣстному Омску для него больно и прискорбно. Исполняя порученіе иркутской городской думы, имѣю честь заявить вашему сіятельству о желаніи моихъ согражданъ, чтобы дѣло о дарованіи университета Сибири завершено было въ духѣ общихъ желаній сибиряковъ, которые питаютъ надежду, что въ дѣлѣ такой важности голосъ ихъ будетъ выслушанъ и ихъ соображенія приняты во вниманіе при указаніи мѣста, гдѣ быть сибирскому университету.—Заступающій мѣсто иркутскаго городского головы Николай Лаврентьевъ».

Значительная часть городовъ Сибири и обществъ сгруппировались такимъ образомъ около Томска, города Восточной Сибири, всѣ высказывались за него; изъ городовъ Западной Сибири только Тобольскъ и Тюмень заявили нѣкоторый партикуляризмъ. Тобольскъ, по традиціи, рѣшилъ самъ заявить себя въ кандидаты, а Тюмень высказался за Омскъ, какъ ближайшій къ нему городъ. Коммиссія, учрежденная для разсмотрѣнія вопроса о

выборѣ города для университета, взвѣсила всѣ аргументы, высказанные за тотъ и другой городъ, оцѣнила ихъ вполне безпристрастно и отдала предпочтеніе центральному пункту Сибири — Томску. Вопросъ, такимъ образомъ, счастливо миновалъ роковую ошибку, которая могла бы отразиться фатально на судьбѣ университета.

Вслѣдъ за результатами сужденій комиссіи и окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса государственнымъ совѣтомъ въ пользу Томска ¹⁾ мѣстныя симпатіи общества къ сибирскому университету выразились новыми пожертвованіями. Томское общество внесло 25,000 руб. на клинники и 5,000 руб. на покупку книгъ для библіотеки. На приглашеніе генералъ-губернатора Западной Сибири, А. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 100,000 руб. на устройство кабинетовъ, онъ же внесъ на покупку библіотеки 10,000 рублей. Изъ другихъ жертвователей Трапезниковъ внесъ 10,000 руб., Пермивинъ 1,000 руб., Богдановичъ ассигновалъ сумму на стипендію; наконецъ, нѣсколько лицъ заявили желаніе пожертвовать библіотеки, вмѣстѣ съ тѣмъ начали стекаться приношенія для музеевъ. Вопросъ такимъ образомъ снова приобрѣлъ прежнія симпатіи и сочувствіе сибирскаго общества. Нельзя было упрекнуть въ этомъ случаѣ сибирское общество въ равнодушіе. Вѣсть объ утвержденіи университета въ Томскѣ принята сибирскимъ обществомъ съ живою радостью и восторгомъ. «Да будетъ эта радостная вѣсть для Сибири дѣйствительной радостью», писала одна мѣстная газета. При всякомъ благопріятномъ извѣстіи объ университетѣ телеграфныя депешы въ Томскѣ печатались золотымъ шрифтомъ, выставлялись въ лавкахъ и расходились по рукамъ. Частныя пожертвованія производились безъ всякаго вынужденія, добровольно и съ сознаніемъ важности дѣла.

Въ настоящую минуту вопросъ о сибирскомъ университетѣ остановился за рассмотрѣніемъ проектированнаго плана аданія (рассмотрѣніе это, къ сожалѣнію, продолжается весьма долго — болѣе года). Наконецъ, какъ заявляется въ печати, встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія въ отпускѣ суммъ.

Финансовая сторона университетскаго вопроса между тѣмъ находится, какъ извѣстно изъ опубликованныхъ данныхъ, въ слѣдующемъ положеніи:

¹⁾ 1-го мая 1878 года вопросъ о сибирскомъ университетѣ окончательно рѣшенъ въ государственномъ совѣтѣ въ пользу Томска и состоялось затѣмъ высочайшее повелѣніе.

Демидовскій капиталъ составляетъ нынѣ . . .	150,000 руб. съ проц. ¹⁾ .
Пожертвованіе коммерціи совѣтника Цибульскаго . . .	100,000 „
Пожертвованіе А. М. Сибирикава	100,000 „
Итъ же пожертвовано на библіотеку	10,000 „
Томскимъ обществомъ на устройство клиникъ по- жертвовано	25,000 „
Томскими жителями на покупку книгъ для уни- верситета	5,000 „
Трапезниковымъ пожертвовано	10,000 „
Перишкинымъ	1,000 „
Красноярскимъ почетн. граждан. Кузнецовымъ . .	500 „

Пожертвованія эти, не считая стипендій, какъ Богдановича и томскаго общества, а также жертвуемыхъ библіотекъ, простираются одними деньгами болѣе 400,000 руб. Такимъ образомъ, правительству придется добавить только по смѣтѣ 100,000 руб.; а если вычесть деньги, жертвуемыя на библіотеку 15,000 руб. и условное пожертвованіе Сибирикава, то суммъ, готовыхъ уже на постройку, находится около 300,000 руб., остается добавить 200 тыс. руб. ²⁾.

Какъ бы въ отвѣтъ, однако, на выраженные опасенія и высказываемыя затрудненія, неистощимый жертвователь на университетъ З. М. Цибульскій внесъ въ нынѣшнемъ 1879 году вновь 40,000 руб., для осуществленія скорѣйшей закладки университета. Эта новая жертва прибавила частный капиталъ, достигающій до 350 тыс. рублей. Правда, нѣкоторые находятъ, что предполагаемая сумма по смѣтѣ 500,000 руб. на постройку слишкомъ ограничена даже для Сибири, принимая во вниманіе постройку клиникъ, кабинетовъ, музеевъ и т. д., но на это отвѣчаютъ: «Пусть будутъ заложены первые камни на университетъ, въ крайнемъ случаѣ у Сибири найдутся средства окончить дѣло, — этому ручательство уже существующія пожертвованія. Пусть университетъ нашъ не будетъ отличаться пышностью, — говорятъ мѣстные патриоты, — пусть это учрежденіе

¹⁾ Демидовскій капиталъ, какъ извѣстно, въ 1803 году состоялъ изъ 50,000 рублей ассигнаціями, съ процентами онъ долженъ былъ составить гораздо болѣе 150,000 руб. сер., но, по какой-то случайности, онъ, какъ говорятъ, нѣсколько лѣтъ находился безъ всякаго приращенія.

²⁾ Мы слышали, что, кромѣ крупныхъ пожертвованій, въ Сибири образуются и мелкіе подписки въ пользу нуждъ сибирскаго университета. Нечего говорить, что изъ подобныхъ частныхъ подписокъ могла бы составиться сумма весьма пригодная при первомъ основаніи. Многие убѣждены, и совершенно справедливо, что пожертвованія дѣлались бы охотѣе и получили бы болѣе широкое распространеніе, если бы сибиряки увидѣли университетъ уже заложенимъ и дѣло начатымъ. Нельзя не пожелать поэтому скорѣйшей закладки университета въ Томскѣ!

будетъ на первое время скромнымъ и не богатымъ, какъ домъ пионера-колониста. Высшее учебное заведеніе должно блистать не внѣшностью,—пусть оно блистаетъ яркимъ лучомъ знанія и истины».

Дѣйствительно, слишкомъ много пропущено времени, чтобы не желать самаго скората осуществленія этого учрежденія. Открыть его предполагено было по внесенному проекту въ 1880 году. Откроется-ли онъ въ этотъ годъ, Богъ знаетъ! Какъ видимъ, университетскій вопросъ въ Сибири пережилъ много перипетій, черезъ-чуръ долго ждалъ своей очереди и какъ бы ни было неразвито и незрѣло сибирское населеніе, едвали на немъ одномъ лежить за это отвѣтственность. Причина,—почему университетскій вопросъ въ Сибири, выступая не разъ, не могъ получить надлежащаго направленія и разрѣшенія, заключалась не въ томъ, что вопросъ этотъ являлся преждевременнымъ и недостаточно выясненнымъ, но въ томъ, что на него не было обращено достаточно вниманія, и что стремленіе сибиряковъ и ожиданіе ими реформъ не всегда совпадало съ ходомъ и настроеніемъ общественной жизни въ Европейской Россіи. Это объясняется отдаленностью сибирскихъ провинцій, гдѣ жизнь нѣсколько отстаётъ, а требованія ея опаздываютъ. Точно также уложеніе и реформы Сперанскаго для Сибири явились въ концѣ царствованія Александра I, когда взгляды администраціи сильно измѣнились противъ первой эпохи, и самыя сибирскія реформы Сперанскаго не могли уже быть встрѣчены сочувственно. Помимо того, насущные вопросы сибирской жизни отодвигаются постоянно другими вопросами внутренней и политической жизни Россіи. Такъ, напримѣръ, послѣ поднятаго вопроса о сибирскомъ просвѣщеніи, явился другой вопросъ о сѣверныхъ торговыхъ путяхъ въ Сибирь, совершенно заслонившій первый, несравненно болѣе важный вопросъ. Затѣмъ вниманіе русскаго общества было отвлечено славянскимъ вопросомъ; затѣмъ войной съ Турціей. Событія эти сами собою отодвинули внутренніе вопросы и реформы на второй планъ. Послѣ войны явился вопросъ финансовый, борьба съ внутреннимъ врагомъ и такъ далѣе. Положеніе окраинъ между тѣмъ нѣсколько не улучшилось, и нужды просвѣщенія даютъ себя по прежнему чувствовать.

Вотъ что говорить по этому поводу одинъ изъ официальныхъ отчетовъ Сибири за 1878 годъ: «Народное образованіе въ Западной Сибири далеко не находится на надлежащемъ уровнѣ. Стремленіе къ образованію проявляется во всѣхъ слояхъ общества, но желающіе учиться поставлены въ весьма неблагоприят-

ныя условія, по недостаточному числу учебныхъ заведеній. Большинство населенія, особенно женщины, до сихъ поръ еще остаются безграмотными. Въ развитіи общественной жизни явно сказывается недостаточность мѣстныхъ средствъ высшаго образованія. Хотя правительство постоянно старается привлечь на службу въ Сибирь образованныхъ лицъ, предоставляя имъ разныя льготы; но эти усилія не достигаютъ цѣли. Если въ Сибирь и попадаютъ вполне достойныя лица, то они скоро до такой степени начинаютъ тяготиться суровыми, непривычными для нихъ условіями ея быта и отдаленностью отъ центра имперіи, что при первомъ удобномъ случаѣ покидаютъ Сибирь. Даже уроженцы ея, болѣе способные изъ учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, уѣзжая для своего образованія въ Европейскую Россію, свыкаются тамъ съ лучшею обстановкою жизни и рѣдко возвращаются на родину. Вслѣдствіе этого населеніе остается безъ врачей; сельскія и городскія училища нуждаются въ учителяхъ, судебныя мѣста — въ лицахъ, имѣющихъ юридическое образованіе, а административныя — вообще въ образованныхъ и знающихъ чиновникахъ».

Но въ такомъ случаѣ учрежденіе въ предѣлахъ Сибири высшаго образовательнаго заведенія есть дѣло первостепенной важности и дѣло самое неотложное.

Для усиленія средняго образованія, въ послѣднее время были открыты: классическая гимназія въ Омскѣ, реальное училище въ Томскѣ и женскія прогимназіи въ Омскѣ и Барнаулѣ. Въ 1879 году открывается реальная гимназія въ Тюмени.

«Общее число среднихъ учебныхъ заведеній въ Западной Сибири достигало къ началу прошлаго 1878 года 22-хъ съ общимъ числомъ учащихся до 3,200 человекъ. Что это число учебныхъ заведеній недостаточно, доказывается ходатайствами мѣстныхъ городскихъ обществъ объ открытіи мужскихъ прогимназій въ Семипалатинскѣ, Петропавловскѣ и Каинскѣ, и реальнаго училища въ Барнаулѣ. Низшихъ учебныхъ заведеній къ началу 1878 года было въ западной Сибири до 635, а число учащихся до 20,000 слишкомъ, изъ нихъ до 15,000 мальчиковъ и до 4,500 дѣвочекъ» ¹⁾. Такимъ образомъ, несмотря на прибыль учащихся, Сибирь все еще остается безъ высшаго учебнаго заведенія. Сторонники сибирскаго университета, истощивъ

¹⁾ Число учебныхъ заведеній въ Западной Сибири въ 1878 году было 493 съ 17,007 учащими (14,046 мальч. и 2,981 дѣвоч.). Въ 1877 г. учебныхъ заведеній 635, учащихся 20,460 (15,772 мальч., 4,688 дѣвоч.). Но такое же число учащихся должно быть принято въ Восточной Сибири.

всевозможные аргументы передъ сознательнымъ упорствомъ противниковъ просвѣщенія, указываютъ въ послѣднее время на весьма видный государственный фактъ. Событія, совершающіяся въ сосѣднихъ съ нами владѣніяхъ въ Азіи, въ Японіи и въ Китаѣ, заставляютъ въ настоящее время задуматься надъ средствами нашей культуры въ Азіи. Многомилліонныя государства, какъ Японія, такъ и Китай, вышли изъ періода застоя, продолжавшагося много вѣковъ и, при помощи европейскихъ учителей, стараются приблизиться къ уровню европейскихъ государствъ, въ нихъ проводятся желѣзныя дороги, создаются университеты. Въ какомъ же положеніи очутятся наши окранны къ этимъ странамъ? Не придется-ли намъ стать тогда въ оборонительное положеніе, а отсутствіе умственного и нравственного преимущества не отразится-ли невыгодно на нашемъ положеніи и потерѣ всякаго вліянія въ Азіи?

— скіѣ.

ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ

ПОВѢСТЬ.

XIX *).

— Гдѣ Маша?—былъ первый вопросъ Семена Игнатьевича, когда онъ, возвратившись съ праздника, вошелъ въ залу своего дома.

Мальчикъ, отворившій ему дверь, протираетъ съ просонковъ глаза и не понимаетъ, о чемъ его спрашиваютъ. Семенъ Игнатьевичъ, недождавшись отвѣта, пошелъ скорыми шагами чрезъ залу и корридоръ прямо въ комнату Маши. Дверь была не заперта, и онъ сильно распахнулъ ее. Окинувъ быстрымъ взглядомъ комнату, онъ изумился: все было на своемъ мѣстѣ и въ порядкѣ, и ничто не указывало на то, что Маша совсѣмъ оставила эту комнату. Кровать была приготовлена для сна, подушки взбиты и одѣяло съ простыней нѣсколько загнуто около подушекъ, а у изголовья стоялъ ночной столикъ съ подсвѣчникомъ и спичками. Все указывало на то, что вотъ-вотъ Маша возвратится откуда-нибудь съ прогулки, на которую нарочно вышла пѣшкомъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, и гдѣ-нибудь пережидаетъ дождь. Сумерки уже въ значительной степени сгустились надъ городомъ, но все же—еще представлялась полная возможность различать въ комнатѣ всѣ предметы, и Семенъ Игнатьевичъ ясно видѣлъ, что въ обстановкѣ его дочери все было попрежнему: комоды, гардеробъ, сундуки—все стоитъ въ томъ же видѣ, какъ всегда; на туалетномъ зеркалѣ въ обыкновенномъ порядкѣ лежатъ

*) См. выш.: окт., 449 стр.

разныя туалетныя вещицы и бездѣлушки, имъ же подаренныя Машѣ. Одно изъ оконъ было немножко притворено, и въ тотъ моментъ, когда Семенъ Игнатьевичъ распахнулъ дверь комнаты, оно растворилось, и вѣтеръ высоко отбросилъ бѣлую занавѣску. При входѣ онъ этого совсѣмъ не замѣтилъ, но спустя двѣ-три минуты, эта бѣлая занавѣска, раздувавшаяся у открытаго окна, смутила его: подѣ влияніемъ тишины и полного покоя, царившихъ въ комнатѣ, онъ по крайней мѣрѣ хотя на нѣсколько мгновеній задумался, не ушла ли въ самомъ дѣлѣ Маша гулять, и вдругъ, въ самый моментъ этого колебанія мысли, взвилась внутрь комнаты бѣлая занавѣска, запумѣла и заиграла съ вѣтромъ. Ничего въ этомъ движеніи не было ни таинственнаго, ни знаменательнаго, но оно пло въ разрѣзъ съ мрачнымъ настроеніемъ духа Семена Игнатьевича, остановившагося въ недоумѣніи посрединѣ комнаты Маши со шляпой въ рукѣ и пятнами грязи на лицѣ и на платьѣ. Онъ гнѣвно взглянулъ на окно, точно досадуя, какъ смѣетъ занавѣска такъ играть, и быстро вышелъ изъ комнаты. Весь осмотръ ея, продолжавшійся не болѣе двухъ-трехъ минутъ, отнял у Семена Игнатьевича только напрасно время, такъ какъ не разрѣшилъ его сомнѣній.

Комната снова опустѣла, дверь сильно захлопнулась, и опять занавѣска заиграла съ вѣтромъ, кружась и колебалась подѣ его дуновеніемъ.

Въ этой комнатѣ часъ или полтора тому назадъ, Маша плакала надѣ однимъ изъ открытыхъ ящичковъ коммоды. Слезы катились по ея смуглому лицу, и она поспѣшно, почти судорожно отирала ихъ и торопливо перекладывала изъ стороны въ сторону какія-то мелкія вещицы. Она искала чего-то, какую-то ленточку, дорогую ей по воспоминаніямъ дѣтства, теперь такъ вдругъ нахлынувшимъ въ ея память съ необычайною силой. Потомъ она снова привела все въ порядокъ въ ящикѣ, отерла еще разъ-другой непрошенныя слезы, и, уложивъ въ карманы, что ей было нужно, видимо собралась совсѣмъ уходить. Остановившись у дверей, запертыхъ ею же на ключъ, она, прежде чѣмъ ихъ отпереть, окинула опять свою комнату долгимъ и грустнымъ взглядомъ, точно прощалась съ нею навсегда, и старалась внимательнѣе запечатлѣть въ памяти всѣ ея подробности. Потомъ, вдругъ пугливо схватила за карманы, ощупывая ихъ руками—въ заботѣ о томъ, не забыла ли что нужно; оглянула цѣпочку и часы, надѣтые на ея черномъ шерстяномъ платьѣ и опять окинула заботливымъ взглядомъ комнату, желая почему-то оставить ее послѣ себя въ

порядкѣ и чистотѣ. Постыбно отеревъ слезы, она оставила въ дверяхъ ключъ и вышла. Мальчикъ, сидѣвшій въ передней, подалъ ей верхнее платье, валопи и зонтикъ; но Маша захватила еще и плащъ отцовскій, чему мальчикъ, можетъ быть, и удивился-бы, если-бы не былъ занятъ какими-то своими личными соображеніями на счетъ товарища, обѣщавшаго придти къ нему въ конторы посидѣть, чтобы вдвоемъ скоротать скучное время въ передней.

Выйдя на лѣстницу, Маша тревожно посмотрѣла на часы и вздохнула свободнѣе: до отхода парохода оставалось еще около двухъ часовъ.

Никакихъ другихъ вещей Маша съ собой не вѣла: все было въ свое время и уже давнымъ-давно снесено понемногу къ петербургской пріятельницѣ, и бѣлье, и нѣсколько платьевъ и книги; Маша ждала только удобнаго времени, чтобы самой уѣхать, такъ какъ и всѣ бумаги были тоже переданы петербургской пріятельницѣ. Удобное время представлялось часто, потому что Семенъ Игнатьевичъ былъ не изъ тѣхъ отцовъ, которые держатъ своихъ дѣтей взаперти, но до настоящаго дня оказывались все еще кое-какія задержки—то со стороны самой пріятельницы, то со стороны Маши; наконецъ, сегодня, съ утра, когда разнеслась вѣсть объ устраиваемомъ въ лѣсу отцомъ Маши праздникѣ, она рѣшилась уѣхать. И только сегодня она въ первый разъ въ жизни узнала, какъ легко готовится къ рѣшительному шагу, и какъ тяжелъ онъ въ тотъ моментъ, когда наступаетъ время его выполненія. Но легко-ли, трудно-ли, Маша этотъ шагъ сдѣлала, и теперь сидитъ на скамеечкѣ пароходной палубы, и съ каждой минутой все дальше и дальше уѣзжаетъ отъ Малиновска. Смотритъ она, какъ катятся мимо нея мутно-зеленныя волны рѣки, и мысли ея бѣгутъ одна за одной, то туда, въ свѣтлую заманчивую даль, къ которой давно рвется она всей душой, то обратно, въ ту мирную тихую комнату, съ которою она только-что рассталась.

— Гдѣ Маша? — сердито спрашивалъ Семенъ Игнатьевичъ, выйдя чрезъ корридоръ въ кухню.

Въ кухнѣ нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ пугливо переглянулись между собой, не понимая, къ чему такой строгій вопросъ въ такомъ, по ихъ мнѣнію, обыкновенномъ дѣлѣ.

— Да въ комнатѣ была, — робко отвѣтила одна изъ горничныхъ.

— Ну, что ты, въ комнатѣ—я ей сейчасъ постель дѣлала,

ея тамъ не было. Она ушла давеча гулять. Я сама видѣла, и подъ зонтикомъ, и еще не возвращалась.

— Съ кѣмъ она ушла, съ кѣмъ?

— Однѣ ушли... Можетъ, теперь ужъ воротились — можетъ, ужъ и тамъ, въ комнатѣ у себя...

— Да что же, родной, — спросила которая-то изъ женщинъ, старушка сморщенная и уже начинающая горбиться, — развѣ какая бѣда приключилась?

Семенъ Игнатьевичъ отмахнулся рукой и пошелъ черезъ корридоръ назадъ. Идя мимо комнаты дочери, онъ опять рванулъ за ручку дверь, опять занавѣска взвилась ему на встрѣчу, и онъ, сердито захлопнувъ дверь, пошелъ скорыми шагами въ залу. Шляпа полетѣла по паркету, громкій голосъ загремѣлъ въ залѣ, и мальчикъ, тревожно жавшійся въ прихожей, пугливо выбѣжалъ на зовъ Семена Игнатьевича.

— Видѣлъ Машу? а? Видѣлъ?

— Ви-ви-дѣлъ, — путаясь, отвѣчалъ мальчикъ, — ви-ви-дѣлъ, гу-гу-лять пошли... съ зонтикомъ... въ ка-калонахъ... — Онъ едва договорилъ свой отвѣтъ и, замѣтивъ лежавшую на полу шляпу, бросился ее поднять.

— Позови Спиридона... гдѣ Спиридонъ? Позови... Ахъ! — тяжело вздохнулъ Семенъ Игнатьевичъ, смотря въ слѣдъ бѣгущему съ его шляпой мальчику, которую онъ съ испугу утащилъ съ собой.

Семенъ Игнатьевичъ прошелъ къ балкону, порывисто распахнулъ его дверь и оглянулъ улицу въ ту и другую сторону. Онъ все еще жилъ надеждой, что Маша не уѣхала, и все еще ждалъ, что вотъ-вотъ покажется съ той или другой стороны улицы ея такъ знакомая ему фигура — низенькая, тоненькая, напоминающая издали скорѣе подростокъ дѣвочку, чѣмъ взрослую, достигшую совершеннолѣтія дѣвицу.

— Спиридона Федоровича нѣтъ! — съ тою же пугливостію отвѣтилъ возвратившійся мальчикъ, держа попрежнему въ рукахъ шляпу Семена Игнатьевича.

— Гдѣ же онъ? гдѣ?

— Они... гулять ушли и еще... не возвратились...

— Ну что-жъ, ну что-жъ... — вдругъ замѣтно успокоиваясь отъ этихъ простыхъ словъ, сказалъ усталымъ голосомъ Семенъ Игнатьевичъ, — ну что-жъ, оно и понятно: ушла гулять, ну, еще и не возвратилась... Еще не поздно... Дождь пересталъ и такъ въ воздухѣ теперь — хорошо...

Онъ задумчиво потеръ себѣ рукою лобъ и, замѣтивъ, что

мальчикъ стоитъ передъ нимъ со шляпой въ рукахъ, грустно покачалъ головой, глядя на него.

— Ну, что ты, глупый, торчишь тутъ? Ну, что ты шляпу-то мою съ собой таскаешь! — сказалъ онъ жалобнымъ тономъ, и только-что мальчикъ поспѣшно направился отъ него въ переднюю, онъ тоже поспѣшно и вдругъ какъ-то спохватился, точно вспомнилъ о чемъ. Онъ быстро прошагалъ къ себѣ въ кабинетъ, прямо къ письменному столу и сразу замѣтилъ на письменномъ столѣ, на зеленомъ его сукнѣ — письмо, очевидно съ намѣреніемъ положенное на самой срединѣ стола.

— Ушла! Бросила отца! — рѣшилъ онъ, судорожно разрывая конвертъ.

Письмо было коротко и ясно. Въ двухъ-трехъ строкахъ Маша извѣщала, что она уѣхала учиться, что всѣ бумаги ея въ надлежащемъ порядкѣ, и просить больше о ней не заботиться. Никакихъ жалобъ, никакихъ оправданій и никакихъ объясненій въ письмѣ не было.

— Только-то? — съ досадой прошепталъ Семенъ Игнатьевичъ, вырнувъ письмо въ сторону, — вотъ оно, какія нынѣ времена! Бумаги въ порядкѣ — и просить не беспокоиться!.. а!..

Онъ опустился было въ кресло, хватаясь за голову, но тутъ же опять поднялся на ноги, сдѣлавъ два-три шага по комнатѣ и опять схватилъ письмо Машы; съ такимъ негодованіемъ отброшенное имъ въ сторону.

— Просить не беспокоиться, — иронически повторилъ онъ, опять отбрасывая письмо: — нѣтъ, гдѣ стыдъ-то, гдѣ онъ? Благодарность, почтеніе, заботливость о пожѣ старшихъ... гдѣ, гдѣ все это? Пятая заповѣдь — чти отца твоего... Куда, куда все это дѣвалось? А вѣдь скромная, тихая, трудолюбивая... «Бумаги въ порядкѣ» — вдругъ опять вспомнилъ онъ и грустно улыбнулся: неужели она думаетъ я за ней погоню сдѣлаю, срамиться буду... а?...

Спустя нѣсколько минутъ, онъ снова сидѣлъ въ креслѣ, болѣзненно склонивъ голову на руки, и по временамъ тоже вздыхалъ. Въ комнатѣ дѣлалось съ каждой минутой темнѣе и уже всѣ предметы стали исчезать въ этой темнотѣ, окутываемые наступившимъ мракомъ. Сгорбленная и склонившаяся къ столу фигура Семена Игнатьевича еще нѣкоторое время выдѣлялась изъ этого мрака, освѣщаемая слабыми остатками свѣта, едва-едва проникавшими въ окно, у котораго помѣщался его письменный столъ. Онъ оставался въ такомъ положеніи, пока ночь совсѣмъ не окутала его своимъ темнымъ покровомъ, превративъ

и его, и весь его кабинетъ въ одну сплошную черную массу. Онъ не спалъ, но и не былъ въ полномъ бодрственномъ состояніи, глаза его были закрыты, и мысли какъ-то странно, бессвязными обрывками смѣняла одна другую. Масса тревогъ и заботъ и разнообразныхъ хлопотъ, постоянно сопутствующихъ ему въ другое время, теперь въ эти тяжелыя минуты уступила мѣсто только одному чувству, которое не имѣло съ нимъ ничего общаго. Чувство это было уже знакомо Семену Игнатьевичу: онъ испытывалъ его когда-то давно, именно, въ послѣдніе дни жизни жены и послѣ ея смерти. Теперь это чувство вновь посѣтило его и напомнило то, давно-пронедшее время душевныхъ страданій, которое онъ, среди безконечной, постоянной суety, хлопотъ и заботъ уже совсѣмъ позабылъ. Вспоминалась теперь покойная жена и вспомнились именно тѣ моменты изъ ея жизни, на которыхъ когда-то держалось ихъ взаимное счастье, именно моменты мирной, семейной жизни; вспоминалась затѣя Маня, женихъ, за котораго она не захотѣла идти замужъ, ея бѣгство; и снова являлся образъ жены, какъ-бы въ подтвержденіе той мысли, что все не прочно, все держится на какой-то случайности — и семейная жизнь, и счастье, и любовь и даже самая смерть. Всѣ эти воспоминанія, мысли и рассужденія не были продолжительны, онъ тѣснился одинъ за другимъ и въ общемъ получалось впечатлѣніе чего-то тяжелаго, напавшаго давящаго сердца.

Семень Игнатьевичъ присидѣлъ съ наклоненной на столъ головой до наступленія жолтаго утра въ его комнатѣ. Потомъ онъ тихо поднялся, зажегъ свѣчи и поспѣшно, точно самъ отъ себя скрываясь, отеръ глаза платкомъ.

Прошло очень немного времени послѣ того, какъ въ его комнатѣ появился огонь, Лимона Карповна возвратилась изъ лѣса съ своими хозяйственными вещами, и не успѣла она появиться въ столовой, какъ ей уже передали извѣстіе объ исчезновеніи Маши изъ дому. Лимона Карповна ахнула, сунула на столъ свои стаканы и банки и поспѣла въ кабинетъ къ Семену Игнатьевичу.

— Да что это, батюшки мои, да что это такое дѣлается? Да родной ты мой, Семень Игнатьевичъ, да гдѣ же это Машенька-то наша? — вдругъ заливала она въ кабинетъ.

Семень Игнатьевичъ быстро преобразился при звукахъ этого раздирающаго голоса. Онъ дрогнувъ, потомъ выпрямился во весь свой высокій ростъ и врикнувъ на Лимону Карповну такъ, что она мгновенно замолкла.

— Молчи, Карповна! молчи!

Лимона Барповна растерялась, ошелочилась и хотѣла уже уйти изъ кабинета, какъ Семенъ Игнатьевичъ остановилъ ее повелительно:

— Погоди! Слушай, что я тебѣ скажу?..—Я, я самъ разрѣшилъ Машѣ вѣхать въ Питеръ учиться, понимаешь?.. Я самъ и всѣ нужныя бумаги ей выдалъ, понимаешь?.. И если кто тебя спроситъ, и если гдѣ ты что услышишь — помни: вездѣ одно слово — я ее самъ, самъ отпустилъ учиться.

Явился вскорѣ затѣмъ и Петръ Семеновичъ. Онъ былъ неизменно на-веселѣ, но имѣлъ видъ еще почти совсѣмъ приличный. Войдя въ кабинетъ и остановившись у самаго входа около дверей, Петръ Семеновичъ робко спросилъ:

— Папенька, правда это, да?

Семенъ Игнатьевичъ сразу замѣтилъ, что Петръ Семеновичъ что-то подозрительно опирается спиной о косякъ двери и что-то странно поводитъ глазами, строго сказалъ ему:

— Пойди, спи: уже поздно. Машу я самъ отпустилъ въ Петербургъ учиться. Слышишь?

— А-а! — протянулъ Петръ Семеновичъ, и, сильно нахмурилъ брови, ушелъ въ свою комнату.

Всѣхъ больше перепугался Спиридонъ Федоровичъ, когда услышалъ объ исчезновеніи Машы, и въ особенности, когда Семенъ Игнатьевичъ потребовалъ его въ себѣ. Ему вдругъ представилось, что Марья Семеновна непременно нажаловалась отду на него за его предложеніе.

— Глупо! глупо! — твердилъ онъ самъ себѣ, идя въ кабинетъ Семена Игнатьевича: глупо!.. Теперь вотъ расхлебывай кашу... Самъ виноватъ!

Онъ вошелъ въ кабинетъ и тоже остановился у дверей, тараща глаза впередъ. Въ кабинетѣ горѣли только двѣ свѣчи на письменномъ столѣ, и Спиридонъ Федоровичъ, по своей близости, совсѣмъ не видалъ Семена Игнатьевича, сидѣвшаго въ это время въ дальнемъ углу комнаты.

— Спиридонъ Федоровичъ, пойдн сюда поближе...

Спиридонъ Федоровичъ тотчасъ оправился, замѣтивъ въ томъ голосѣ Семена Игнатьевича совсѣмъ не тѣ ноты, которыхъ ожидалъ. Онъ скорыми шагами прошелъ впередъ, подозрительно оглянувшись сзади оченъ письменный столъ, видимо опасаясь, какъ бы на него не вѣткнулся, и предсталъ предъ Семеномъ Игнатьевичемъ, угадывая его присутствіе въ этомъ углу: собственно только по звукѣ голоса.

— Вотъ что!.. Отправь завтра утромъ письмо къ нашему довѣренному въ Питеръ, чтобы нанять по адресному столу или

тамъ какъ знаешь. Ну, тамъ знаешь самъ, какъ написать... чтобы нашелъ мѣсто жительства Марьи Семеновны... Самое лучшее будетъ справиться на женскихъ педагогическихъ курсахъ... Она, видишь-ли, съ моего разрѣшенія уѣхала учиться...

— Съ вашего?—удивленно спросилъ Спиридонъ Федоровичъ.

— Да, я ей самъ позволилъ,—рѣзко сказалъ Семенъ Игнатьевичъ, ударяя на каждое слово,—я самъ позволилъ... Напиши, чтобы выдалъ денегъ... Сколько тамъ понадобится... пятьсотъ-ли, тысячу-ли, понялъ? И пусть немедленно отвѣчаетъ телеграммой объ исполненіи дѣла.

Спиридонъ Федоровичъ выслушалъ приказаніе, молча кивнулъ головой и вышелъ изъ кабинета.

«Самъ позволилъ, самъ позволилъ»,—пошло по всему дому шушуканье, и долго-долго за полночь шли пересуды между служащими въ домѣ Семена Игнатьевича. Всѣ догадывались, что дѣло было не такъ, но никто громко не возражалъ, пошептали, повздыхали и отошли ко сну, обвиняя во всемъ «тяжкія времена нонѣшнія»...

XX.

Задумчивъ и молчаливъ былъ Семенъ Игнатьевичъ утромъ слѣдующаго дня. Сидя въ столовой за чаемъ, онъ не сказалъ ни одного слова Лимонѣ Карповнѣ и молча пилъ стаканъ за стаканомъ. Карповна сидѣла на своемъ мѣстѣ около самовара въ такомъ плачевномъ видѣ, какъ-будто въ этотъ день, и именно тотчасъ же послѣ утренняго чаю, ее будутъ казнить.

Выпивъ нѣсколько стакановъ, Семенъ Игнатьевичъ не такъ сердито сталъ отодвигать отъ себя опоражниваемый стаканъ и менѣе мрачно восился въ ту сторону, гдѣ по обыкновенію сидѣла за столомъ Мама. Въ комнатѣ царилъ полная тишина, Карповна сдерживала свои вздохи, и только по временамъ слышалось, какъ самоваръ пробовалъ затягивать свою старинную пѣсенку, обыкновенно исполняемую имъ тончайшимъ фальцетомъ, но и эта пѣсня самовара была какая-то робкая, часто прерывалась и скоро совсѣмъ замолкла.

— Ну-ка, еще налей,—проговорилъ, наконецъ, Семенъ Игнатьевичъ, отодвигая отъ себя въ шестой или седьмой разъ стаканъ и почти переставая хмуриться.

Карповна услужливо подхватила опять стаканъ, немедленно наполнила его чаемъ и пододвинула потомъ съ тою же услужливостью къ Семену Игнатьевичу.

Окна въ столовой выходили на солнечную сторону, — и теперь жаркіе лучи солнца били прямо въ окна и ложились по паркетному полу и по бѣлой скатерти стола широкой, свѣтлой полосой. Внизу, подъ окномъ, былъ небольшой садикъ съ кустами смородины, крыжовнику, акацій и сирени. Въѣстъ съ яркимъ свѣтомъ и тепломъ лился въ комнату ароматъ изъ садика — и все это въѣстъ, и лѣто съ его благодатью, и чай, и тишина, кругомъ царившая, успокоительно дѣйствовали на встревоженное сердце Семена Игнатьевича. Что оно было встревожено и что Семену Игнатьевичу не легко было пережить вчерашній вечеръ и прошлую ночь — на это указывало его лицо, на которомъ, несмотря на вліяніе благотворнаго утра, видны были слѣды испытанныхъ мукъ. Худоба этого лица, еще не окончательно исчезнувшая послѣ недавней трудной болѣзни, теперь опять вдругъ, въ одну ночь снова появилась въ немъ; но замѣтить этого было некому: Карповна смотрѣла къ себѣ на колѣни, и ея глаза дагѣе самовара, стоявшаго передъ ней, не смѣли двинуться, а въ столовой больше никого не было. Впрочемъ, если бы и былъ кто-нибудь еще въ этой комнатѣ, то ничуть бы не обратилъ вниманія, похудѣлъ или поблѣднѣлъ Семенъ Игнатьевичъ, а слѣдилъ бы только за тѣмъ — сердитъ онъ или нѣтъ.

Семенъ Игнатьевичъ допилъ послѣдній стаканъ чаю и не отодвигалъ его отъ себя по направленію въ самовару, а придвинулъ еще поближе и перебиралъ пальцами края блюдечка. Глаза его въ то время безцѣльно блуждали по стѣнамъ и угламъ комнаты, изрѣдка переходя на полъ; такъ, всматриваясь въ нихъ, онъ продолжалъ перебирать пальцами по краямъ блюдечка и затѣмъ, вставая, дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Вели, когда я уѣду, выбѣлить здѣсь потолоки, да пусть поправятъ полъ — испортился паркетъ.

Онъ вышелъ изъ столовой въ залу. Дверь въ корридоръ теперь была отъ него въ правой сторонѣ; при взглядѣ на нее у него сердце вдругъ болѣзненно сжалось: онъ вспомнилъ со всѣми мельчайшими подробностями вчерашній день, приходъ, фигуру дочери, имъ увидѣнной въ зрительную трубу, комнату ея и бѣлую занавѣску, такъ нецеловительно игравшую вчера съ вѣтромъ — и ему страстно захотѣлось зайти въ эту комнату, но на мгновеніе отдавшись овладѣвшему имъ чувству и остановившись въ залѣ около корридора, онъ вдругъ круто повернулъ въ другую отъ него сторону и, нахмурившись, быстрыми шагами прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Жила въ немъ мысль о дочери, и ни сложныя дѣла, ни масса хлопотъ и заботъ объ ихъ устрой-

ствѣ, не могли заковать этой мысли, пришедшей надъ всѣмъ, хотя и въ рѣзкой, грубой формѣ.

«Ушла! убѣжала!» — мысленно ворчалъ онъ, начиная пересматривать свои дѣловые бумаги: — гм! гм! дѣна на хлѣбъ остановилась на прежней нормѣ и не идетъ ни туда ни сюда... Гм! гм! — думаетъ онъ, прочитавъ изъ Рыбникова телеграмму. — Ну, что-жъ дѣлать? какъ быть? Предавать-ли, подождать-ли... Ушла... «Бумаги всѣ въ порядкѣ»... Охъ, времена, времена!».

Въ передней звонокъ. Семенъ Игнатьевичъ удивился, услышавъ его: «кого это принесло въ такую рану» подумалъ онъ. Въ поминатахъ, вѣроятно, еще не было дежурнаго мальчика изъ конторы, и звонокъ монотонился. Оставивъ свои бумаги, Семенъ Игнатьевичъ поднялся изъ-за стола и выйдя въ залу, крикнулъ, смотря въ столовую:

— Эй, кто тамъ! Звонятъ!

Въ отвѣтъ на этотъ крикъ пролетѣла стрѣлой въ прихожую сама Карповна и отперла двери.

Семенъ Игнатьевичъ все еще стоялъ у дверей кабинета и ждалъ, удивляясь, кто бы это могъ быть въ такой ранній часъ. Гость что-то долго возился въ передней, напалъ, сморчался, сопѣлъ и, наконецъ, появился въ залѣ. Войдя въ залу, онъ вскалъ глазами передняго угла, въ которомъ, на его соображеніи, долженъ быть образъ, и, найдя, перекрестился, опять начавшая каплять въ руку.

«А, Устиновъ. Экъ принесло въ такую рану» подумалъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Добраго здоровья, Григорій Егоричъ! — сказалъ онъ вслухъ, идя навстрѣчу гостю.

— Имѣю честь засвидѣтельствовать... И моя жена тоже имѣетъ честь чрезъ меня засвидѣтельствовать... Извините, не могли къ вамъ быть раньше, былъ въ командировкѣ по службѣ и вчера только, изволите видѣть, возвратился, да!

Гость уставилъ свои огромные, выпуклые глаза на Семена Игнатьевича и съ какою-то странною пугливостію всматривался въ его лицо, не говоря при этомъ ни слова.

— Садитесь, Григорій Егоричъ, — предложилъ Семенъ Игнатьевичъ, однако, не приглашая гостя въ кабинетъ, а предлагая ему стулъ около дверей балкона, гдѣ еще такъ недавно было объясненіе въ любви Спиридона Федоровича Машѣ.

Григорій Егоричъ Устиновъ былъ уже глѣзъ подъ сорокъ, туговать на ухо, туповать на соображеніе, весь какъ-будто расклевывшійся, кашляющій, покрывающій — и вѣчно съ испуган-

ими глазами. Бюо вычиталъ въ двадцать тысячъ рублей нахо-
дился въ настоящее время въ рукахъ Семена Игнатьевича, и
онъ, оставившій Машиневскъ въ трудные дни болѣзни Семена
Игнатьевича, теперь, возвратившись изъ командировки, первымъ
долгомъ своимъ считъ сдѣлать визитъ своему должнику. Креди-
торы, какъ извѣстно, искреннѣе всѣхъ заботятся о состояніи здо-
ровья своихъ должниковъ.

— Убѣхалъ я, достопочтеннѣйшій Семенъ Игнатьевичъ, тогда,
изволите вспомнить, когда вы очень были, можно сказать, того...

Гость сдѣлалъ руками въ воздухѣ нѣсколько какихъ-то стран-
ныхъ движеній, которыя собственно предназначены были для опре-
дѣленія степени опасности болѣзни Семена Игнатьевича.

— Очень, изволите знать, того... — повторилъ гость, продол-
жая дѣлать въ воздухѣ круги руками, — и мы, смѣю вамъ при-
знаться, — продолжалъ онъ, — мы съ женой очень... очень были
освобождены и выжидалились изъ вами въ самый день моего отъ-
ѣзда...

— Да, имѣ передавали, — сухо отвѣтилъ Семенъ Игнатьевичъ,
занятый своими соображеніями.

Въ то время, когда Устиновъ надменно вралъ по воздуху
нальцетъ, изображая въ немъ какіе-то круги, Семенъ Игнатье-
вичъ припоминалъ: дѣйствительно-ли Устинову платилъ въ сен-
тябрѣ, не въ августѣ ли — и, чортъ его возьми, если въ августѣ,
никоимъ образомъ онъ, — да не можетъ быть, не можетъ быть,
знаю, что не можетъ быть...

— И очень, изволите видѣть, Семенъ Игнатьевичъ, заботи-
лись я, признаться, я поѣхалъ и довольно продолжительное время
поплахалъ...

— Ну-съ, Григорій, свѣтъ, Егорычъ, что же скажете по-
новенькаго? — спросилъ Семенъ Игнатьевичъ, желая навести гостя
на другую тему разговора.

— Новенькаго, достопочтеннѣйшій Семенъ Игнатьевичъ,
много, и даже, можно сказать, очень, и вотъ, изволите видѣть,
это новенькое главнѣйшимъ образомъ теперь для меня сводится
все въ вашему долгу. Долгъ вашъ, признаюсь вамъ откровенно
сказать, очень для насъ важное дѣло, можно сказать предметъ
нервозлепешной важности.

— Когда срокъ платежа по вашему долгу?

— Срокъ, признаюсь вамъ сказать, достопочтеннѣйшій Се-
менъ Игнатьевичъ, я не могу съ надлежащей точностью опре-
дѣлить. Знаю, что теперь уже скоро, прошлымъ лѣтомъ занимали,
и имѣніе я продалъ тоже прошлымъ лѣтомъ, ну, а какъ продалъ

имѣніе, такъ весь капиталъ, всѣ двадцать тысячъ, тогда вы у меня и взяли... Значить, теперь ужъ скоро и платежъ...

«Чортъ бы тебя, прости Господи, побралъ», подумалъ Семенъ Игнатьевичъ, и, поспѣшно сдѣлавъ два-три шага впередъ, крикнулъ мальчижа, дежурившаго въ столовой.

— Поди, позови Спиридона сюда...

Григорій Егорычъ, не замѣчая, какое впечатлѣніе производитъ его медленная, безстрастная рѣчь на Семена Игнатьевича, продолжалъ по-прежнему тянуть слово за словомъ, и какъ дятло въколачивалъ себѣ все по одному и тому же мѣсту.

Спиридонъ Ѳеодоровичъ не замедлилъ явиться.

— Когда платежъ господину Устинову? — спросилъ Семенъ Игнатьевичъ, кивая головой на поклонъ Спиридона Ѳеодоровича.

— Пятнадцатаго сентября, — коротко отвѣтилъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ, внимательно всматриваясь въ Григорія Егорыча, медленно въ это время вытягивавшаго изъ кармана куртки свой цвѣтной фуляръ.

— Такъ вотъ слышите, Григорій Егорычъ, платежъ въ сентябрѣ — объяснилъ ему Семенъ Игнатьевичъ.

Григорій Егорычъ омончилъ въ это время укладываніе платка въ карманъ и потирая руки, точно отъ удовольствія, что ему удалось, наконецъ, удачно устроить свои дѣлишки по отношенію къ собственному носу, медленно проговорилъ:

— Можетъ быть, и въ сентябрѣ, достопочтеннѣйшій Семенъ Игнатьевичъ, насчетъ этого обстоятельства, я, признаюсь вамъ, не могу съ полною точностью вамъ сказать, тамъ у меня въ бумагахъ все записано...

— Ну-съ, такъ, значить, позвольте мнѣ теперь раскланяться, — сказалъ, вставая съ своего стула Семенъ Игнатьевичъ, — дѣла мои не ждутъ... Если нужны какія объясненія — вотъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ вамъ дастъ...

Семенъ Игнатьевичъ протянулъ руку, Григорій Егорычъ взялъ ее, и, не выпуская изъ своей, устоялъ на Семена Игнатьевича глаза.

— Мнѣ бы, изволите видѣть, достопочтеннѣйшій Семенъ Игнатьевичъ, — началъ онъ, плотно держа въ то же время его руку, — мнѣ бы хотѣлось обстоятельнѣе съ вами объ этомъ дѣлѣ потолковать.

— Съ удовольствіемъ, Григорій Егорычъ, но только не теперь, въ другое время... Очень буду радъ!

Говоря это, Семенъ Игнатьевичъ сильно трясъ руку Григорія Егорыча, съ коварнымъ, однако, намѣреніемъ освободить при

помощи этого маневра свою руку изъ его руки и такимъ образомъ окончить съ нимъ всякіе разговоры; но Григорій Егорычъ, какъ видно, уже не разъ попадался на эту удочку, и потому теперь плотно держалъ руку Семена Игнатьевича.

— Теперь вы меня освободите, въ другое время я охотно, — настойчиво, наконецъ, сказалъ Семенъ Игнатьевичъ и, уже не церемонясь съ гостемъ, ушелъ въ кабинетъ, оставивъ ему въ жертву Спиридона Федоровича.

Видя, что нѣтъ уже никакой надежды на продолженіе обстоятельнаго разговора съ Семеномъ Игнатьевичемъ, Григорій Егорычъ протянулъ руку Спиридону Федоровичу и, кивая головой на стулья, предложилъ сѣсть, чтобы новести, какъ онъ говорилъ, обстоятельный разговоръ о дѣлѣ. Спиридонъ Федоровичъ, тоже въ достаточной степени уже знакомый съ Григоріемъ Егорычемъ, вздохнулъ глубокимъ вздохомъ, какъ человѣкъ, обреченный на несомнѣнную муку.

— Извольте видѣть, достопочтеннѣйшій... какъ васъ звать, все забываю...

— Спиридонъ Федоровичъ.

— Гм... Спиридонъ Федоровичъ... Гм... Да, это, разумѣется, все-равно и къ дѣлу отношенія имѣетъ весьма незначительное. Согласны со мною, Спиридонъ Федоровичъ?

Соловьевъ кивнулъ головой и поникъ ею, уставивъ очи въ полъ.

Началось, наконецъ, обстоятельное объясненіе по дѣлу. Оно заключалось въ томъ, что Григорій Егорычъ, рассказавъ предварительно о своей командировкѣ по дѣламъ службы и упомянувъ кстати о томъ, что за эту командировку предстоитъ ему получить по меньшей мѣрѣ Stanislasa съ короной, объяснилъ, наконецъ, что билеты свои, данные Семену Игнатьевичу для представленія залогомъ по его подрядамъ, онъ желаетъ теперь же получить обратно, потому что находить выгоднымъ купить имѣніе, назначенное въ продажу съ публичнаго торга.

— Дѣло такого, извольте видѣть, сорта, что ежели теперь не воспользоваться, то послѣ, въ сентябрѣ, будетъ уже поздно. И я долженъ вамъ притомъ замѣтить, что согласенъ и на значительную уступку за преждевременную уплату денегъ, потому что, извольте видѣть, мнѣ при такой счастливой огазін выгодыѣ уступить тысячу рублей, тѣмъ лишиться счастливаго случая, да!

— Гм... гм... — крикнулъ Спиридонъ Федоровичъ и многозначительно покосился на кабинетъ Семена Игнатьевича. Онъ совнавалъ, что предложеніе Устинова является въ такое неудоб-

ное время, когда свободныхъ суммъ по каассѣ почти нѣтъ, время тѣхъ, которыя требуются на удовлетвореніе текущихъ незначительныхъ платежей, но въ то же время предугадывать, что отказъ Устинову можетъ оказать дурное вліяніе на дѣла Семена Игнатьевича и, пожалуй, даже поколебать то мнѣніе о состояніи его дѣлъ, которое въ особенности распространилось послѣ составленія духовнаго завѣщанія съ вымысленными двумя-стами тысячъ свободнаго капитала. Спиридонъ Федоровичъ теперь уже не тяготился тѣмъ, что Григорій Егорычъ продолжаетъ себя по-прежнему что-то такое говорить, дѣлаетъ по временамъ различныя движенія руками, то пальцемъ грозитъ, то складываетъ руку въ руку, то разводитъ ихъ объ по сторонамъ... Всѣ эти движенія для Спиридона Федоровича остались незамѣченными: онъ думалъ о томъ, какъ теперь вывернуться изъ такого неловкаго положенія.

Спиридонъ Федоровичъ силился не слушать того, что наговаривалъ ему Григорій Егорычъ и мысленно отмакивался отъ его словъ, какъ отъ докучливаго жужжанія мухъ. Онъ напелся въ то же время въ нерѣшительности, можно-ли войти къ Семену Игнатьевичу теперь, въ особенности въ виду присутствія въ залѣ Устинова, который можетъ при своей простотѣ обратиться въ кабинетъ, откуда его, какъ говорится, нибанскими ладанями не выкурить.

— Вы бы зашли... часа черезъ два,—предложилъ Спиридонъ Федоровичъ...—Наведемъ по каассѣ справки и дадимъ отвѣтъ...

— Нѣтъ, изволите видѣть, мнѣ это будетъ очень неудобно. Я, какъ вамъ не безызвѣстно, состою на государственной службѣ...

— Ну, такъ пожалуйста за мной въ контору: я вамъ точно объясню и рѣшительно дамъ отвѣтъ.

— Да мнѣ отвѣтъ-то отъ Семена Игнатьевича нужно услышать и отвѣтъ именно такой, каковой я желаю, потому что, изволите видѣть...

— Да, да, мы такой и дадимъ. Пожалуйста!

Спиридонъ Федоровичъ бойко предложилъ Устинову руку, которую тотъ было не хотѣлъ и давать, колеблясь въ нерѣшительности, но быстрота и энергія, съ какою потянулъ его Спиридонъ Федоровичъ, прекратили всякія колебанія.

— Эй, мальчики!—крикнулъ Спиридонъ Федоровичъ,—платежъ господина Устинова принеси въ контору сейчасъ же.

— Но какъ же Семенъ Игнатьевичъ-то?—заулыбнулся было Устиновъ.

— Семенъ Игнатьевичъ сейчасъ же, вслѣдъ за нами, долженъ прибыть въ контору; тамъ все и рѣшимъ...

Такъ сказавъ Спиридонъ Федоровичъ Устинова въ контору и немедленно же, придя туда, настроилъ записку къ Семену Игнатьевичу, выяснивъ предложеніе Устинова.

Семенъ Игнатьевичъ прочиталъ записку и нервно её разорвалъ, швырнувъ обрывки въ корзину. Онъ сердито потому что отодвинулъ стулъ отъ письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ, перечитывая письма и телеграммы, и мрачно сказалъ мальчику, ожидавшемуся отвѣта:

— Позови Спиридона.

Минуту-другую спустя, Спиридонъ Федоровичъ вошелъ въ кабинетъ.

— Гдѣ Устиновъ?—былъ первый вопросъ Семена Игнатьевича.

— Въ конторѣ... Порывался опять сюда...

— Гм! гм! Сколько свободныхъ денегъ по насѣ?

Спиридонъ Федоровичъ вынулъ изъ кармана какую-то маленькую книжечку, очевидно справочную, и, пробѣжавъ ее глазами, отвѣтилъ. Отвѣтъ этотъ вызвалъ со стороны Семена Игнатьевича ироническую улыбку, послѣ которой онъ задалъ вопросъ о томъ, сколько предстоитъ полученій въ эти послѣдніе дни іюля. Спиридонъ Федоровичъ опять побѣгалъ глазами по страничкамъ книжки и отвѣтилъ.

— Гм! гм!—задумчиво промывчавъ на этотъ отвѣтъ Семенъ Игнатьевичъ и оба замолчали.

— Онъ говорилъ мнѣ еще о двухъ-стахъ тысячахъ, записанныхъ въ духовномъ завѣщаніи?—робко замѣтилъ Спиридонъ Федоровичъ.

— О, чтобъ чортъ его взялъ и съ завѣщаніемъ-то этимъ выѣхалъ. Усмикался тупоголовый отъ кого-то...

— Отъ Полозова Кузьмы Ильича... Вчера вечеромъ...

— Гм! гм! Какъ же, пріятель! Этотъ толстоножій слонъ вѣчно стоитъ у меня на дорогѣ...

«Какъ теперь быть, думалъ Семенъ Игнатьевичъ. Сдѣлать заемъ для погашенія долга Устинову. Но теперь, когда прошесть по городу слухъ о наличныхъ двухъ-стахъ тысячахъ, неловко искать займа: всякому придетъ въ голову сомнѣніе, да куда же дѣлались двѣсти-то тысячъ? Положимъ»,—думалъ Семенъ Игнатьевичъ, «—дѣла мои сложныя, мало-ли куда я могу употребить такую сумму; но вѣдь такъ рассказывать можно только людямъ, неопытнымъ въ торговыхъ дѣлахъ, а нашего брата, какъ стараго воробья, на мякинь не проведешь. Нашъ братъ купецъ тогчасъ

же начнеть смекать, какъ и что, и куда такая сумма вдругъ дѣвалась, какое такое дѣло затѣяно, что двѣсти тысячъ въ три недѣли на него убухали... Нѣтъ, теперь о займѣ пока и думать нечего; вотъ пройдетъ ярмарка, тогда другой разговоръ... Гм! гм! Но какъ же быть?» думалъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Иди, Спиридонъ, — сказалъ онъ, морщась точно послѣ принятаго непріятнаго лекарства, — иди и сплавь его куда, скажи завтра, ну, послѣ завтра, или просто черезъ часъ, два... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ вдругъ вотъ сейчасъ все и рѣшить... Замѣть ему однако, что срокъ-то вѣдь въ сентябрѣ, и ранѣ этого срока мы платить не обязаны; признаемъ выгоднымъ — заплатимъ; не признаемъ — и такъ уйдетъ съ носомъ...

Спиридонъ Федоровичъ молча кивнулъ головой и пошелъ къ себѣ въ контору. Какъ онъ сплавилъ потомъ Григорія Егорыча — Богъ его знаетъ, но только ушелъ отъ него Устиновъ разгнѣванный и долго ворчалъ себѣ подъ носъ, одѣваясь въ передней конторы, съ неизмѣннымъ своимъ сопѣньемъ и неповаголивостію.

Семенъ Игнатьевичъ въ это время задумчиво ходилъ по залѣ, воясь на столовую, гдѣ уже распивалъ чай Петръ Семеновичъ, приглашенный и прилизанный, съ завитыми кончиками усиковъ и съ туго накрахмаленнымъ воротничкомъ сорочки. Въ одной рукѣ Семенъ Игнатьевичъ держалъ письмо Маши, второе онъ, считая со вчерашняго вечера, едва ли уже не десятый разъ мялъ въ рукахъ, швырялъ въ корзину подъ письменный столъ и опять расправлялъ, перечитывая знакомыя ему строки. Теперь письмо это, оставаясь скомканнымъ въ рукѣ Семена Игнатьевича, уступало свое мѣсто въ думахъ его другимъ заботамъ. Онъ думалъ объ Устиновѣ и о послѣдствіяхъ отказа его предложенію.

«— Если ему отказать, начнеть вездѣ таскаться да жаловаться... Можно бы», думалъ Семенъ Игнатьевичъ, «это дѣло хорошо устроить, мало ли способовъ! Можно оттянуть производство торговъ, вѣдь всѣ власти мои близкіе знакомые; можно бы, купивъ это имѣніе для Устинова, уплатить пока задатокъ, а остальную сумму оттянуть до сентября... Мало ли что можно... Да вѣдь человѣкъ-то онъ такой непокладистый, наладилъ одно — заплатите деньги раньше срока — и хотъ волъ ему на головѣ тепи. А впрочемъ, что-жъ: устроится — хорошо; не устроится — чортъ съ нимъ! Очень мнѣ нужно думать о какомъ-то Устиновѣ! Да развѣ я обязанъ ему ранѣ срока платить!» — Петръ! — крикнулъ онъ вдругъ, круто повернувшись лицомъ къ дверямъ столовой.

Петръ Семеновичъ торопливо поднялся изъ-за стола и понелъ

на зовъ отца, оправляя на ходу свои воротнички и рукавчики и замѣтно любуясь ихъ бѣлизной.

— На, читай!—сухо сказала ему Семенъ Игнатьевичъ, предлагая ему записку Маши.

Сынъ быстро пробѣжалъ записку, робко подаль ее обратно и молчалъ.

— Хорошо?—пытливо глядя на него, спросилъ Семенъ Игнатьевичъ.

Петръ Семеновичъ вздрогнулъ и почти шопотомъ отвѣтилъ:

— Конечно, батюшка, очень дурно, но...

— То-то и есть «но»... Какъ теперь быть?

— Не могу знать.

— То-то и есть «не могу знать». Вотъ такъ-то васъ расти, воспитывать, болѣй о васъ сердцемъ-то, а за все это вотъ казая расклатя!

Онъ сунулъ записку въ карманъ и сухо пригласилъ сына къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ между ними долго шелъ разговоръ о дѣлахъ, вызванный полученными въ это утро депешами, а когда этотъ разговоръ былъ оконченъ, Семенъ Игнатьевичъ упрекнулъ сына, напомнивъ ему о несчастныхъ двухъ-стахъ тысячахъ, попавшихъ въ духовное завѣщаніе.

— Вотъ что ты, Петръ, надѣлалъ!.. Теперь вотъ какой-нибудь Устиновъ заботить, время отнимаетъ...

— Батюшка! Вы уже простили... Забудьте...

— Да ужъ Богъ съ тобой!.. Авось какъ-нибудь справимся...

Въ заключеніе онъ намекнулъ сыну, какъ ему нужно говорить объ отъѣздѣ Маши въ Петербургъ, какъ вести себя въ этомъ отношеніи со всѣми знакомыми и въ особенности съ Коромысловыми.

XXI.

Григорій Егорычъ Устиновъ, при всей своей неповоротливости, былъ упорно настойчивъ, и уцѣпившись за какое-либо дѣло, держался за него, какъ говорится, обѣими руками. Теперь, задавшись мыслию получить отъ Семена Игнатьевича деньги ранѣе срока, онъ неотступно преслѣдовалъ свою цѣль. Получивъ утромъ уклончивый отвѣтъ, онъ зашелъ черезъ часъ справиться. Спирidonъ Ѳедоровичъ передалъ ему соображенія Семена Игнатьевича, но Григорій Егорычъ знать ихъ не хотѣлъ, настаивалъ на своемъ: возьмите тысячу-пятьсотъ рублей и заплатите мнѣ деньги—и

Спиридонъ Федоровичъ снова далъ уклончивый отвѣтъ, и черезъ два часа Григорій Егорычъ былъ уже опять въ конторѣ. Вечеромъ онъ снова явился, и когда на слѣдующее утро Семенъ Игнатьевичъ лично самъ ему объяснилъ, что не находитъ выгоднымъ по своимъ торговымъ соображеніямъ огласиться на уплату долга ранѣе срока, Устиновъ безцеремонно уцѣпился за плечо его скрутува и началъ разводить свои длинные разговоры.

— Какъ вамъ угодно, разсуждайте,—уже сердитымъ голосомъ отвѣтилъ Семенъ Игнатьевичъ,—но меня пожалуйста извините: я не имѣю свободнаго времени...

Онъ высвободилъ плечо скрутува изъ его руки и, сухо поклонившись ушелъ, поручивъ на этотъ разъ Петру Семеновичу какъ-нибудь «сплавить» Григорія Егорыча. Петръ Семеновичъ тоже затруднился при исполненіи возложенной на него задачи. Онъ терпѣлъ, терпѣлъ, переносилъ болтовню Григорія Егорыча, но наконецъ терпѣніе его истощилось, и онъ началъ перебивать его на каждомъ словѣ, говоря:—Извините, Григорій Егорычъ, мнѣ нужно по дѣлу.

— Ну, что-жъ, все по дѣлу, да по дѣлу...—норчливо возразилъ наконецъ и Григорій Егорычъ,—вѣдь я не по бездѣлю—и у меня дѣло...

Выйдя изъ дома Семена Игнатьевича Устиновъ, уже разсерженный на него, остановился у воротъ дома Кузмы Ильича Полозова. Позвонивъ разъ, другой за веревку, онъ дождался нѣкоторое время, прислушался и опять позвонилъ.

— Да кто тамъ... Господи помилуй!—послышался наконецъ плаксивый вопросъ, и сухая, сторбленная старушка пріотворила калитку на веревочкѣ, оставивъ ее все-таки не отпертой.

— Это я, Степанида Юрьевна, я,—впадая въ ея плаксивый тонъ и покашливая, отвѣтилъ Григорій Егорычъ.

— А, батюшка ты мой родной,—заговорила старушка, все-таки не отворяя калитки,—вѣдь Кузмы-то Ильича дома нѣтъ, у обѣдни, у поздней обѣдни въ монастырѣ; сегодня вѣдь у него панафидный день по родителямъ... У поздней обѣдни, родной... И дома-то только мы вотъ съ Марушей старушкой, а онъ у поздней обѣдни, и старушка Степанида съ нимъ, и слѣпой Захаръ съ нимъ—все уѣхали въ поздней обѣднѣ... да!.. Панафидный день сегодня; въ воскресенье, родной, всегда у насъ панафиды...

Григорій Егорычъ сталъ растягивать свое пальто, потомъ, распахнувъ его, долго возился надъ плечами скрутува, растягивая ихъ и вытаскивая что-то изъ зимняго гармава. Набо-

нестъ, несётъ долговое оубѣныя и врихтѣнья; онъ вытянулъ на свѣтъ Божій часы.

— Вотъ, Степанѣда Юрьевна, одиннадцать часовъ скоро. Я подожду,—сказалъ Григорій Егорычъ.

— Подожди, родной, подожди! Вотъ тутъ около веретъ на скамеечкѣ посиди...

— Да ты меня развѣ въ комнатѣ-то не пустынь? — съ удивленіемъ спросилъ Григорій Егорычъ, все еще держа въ рукахъ часы.

— Нѣтъ, родной: Кузьма Ильичъ строго-на-строго запрещаетъ... Посиди, бабюшка, тутъ... Теперь ужъ, надо бытъ, скоро вернутся... Напафидный, вынь ты, денъ-то...

Старушка примерла калитау и ушла. Григорій Егорычъ опять началъ возиться съ часами, на этотъ разъ занятый водвореніемъ ихъ на прежнее мѣстопробываніе.

— О-хе-хе! — восклицалъ онъ, сидя на скамеечкѣ около вѣнчика, — любимомъ мѣстѣ сидѣныя самого Кузьмы Ильича.

Мысли Григорія Егорыча всели въ то поправившееся ему мѣсто, которое онъ, возвращаясь изъ своей командировки по дѣламъ службы, лично самъ все осмотрѣлъ и пошепталъ пунить, помалуюсь тѣмъ, что оно назначено въ продажу съ публичнаго торга. Но теперь, встрѣтивъ непредвидѣнные препятствія въ полученіи отъ Семена Игнатьевича своего капитала, очень огорчался и ропталъ на него. Въ Кузьмѣ Ильичу онъ шелъ, какъ въ давнишнему своему благопріятелю, который его даже любилъ, и именно за нескончаемые его разговоры, всегда невозмутимо тихіе и покойные. До сихъ поръ Григорій Егорычъ никогда не дѣлалъ Кузьмѣ Ильичу даже никакого намека на то, чтобы добиться у него займа, зная очень хорошо, что разсчитывать на это было бы совершенно бесполезно; но теперь, когда изъ такихъ пріятныхъ краскахъ рисуется въ воображеніи Григорія Егорыча новое мнѣніе и когда надежда его на полученіе ранѣе срока денегъ съ Семена Игнатьевича исчезла, Григорій Егорычъ задумался надъ тѣмъ, что нельзя-ли у Кузьмы Ильича на полтора-то мѣсяца раздобыться деньгами. «Вѣдь полтора мѣсяца не Богъ знаетъ какъ продолжительны», соображалъ Устиновъ, «а мнѣ все-равно уступку-то дѣлать, что Иванову, что Кузьмѣ Ильичу».

Долго пришлось дожидаться Григорію Егорычу, однако же онъ все-таки дождался возвращенія изъ церкви Кузьмы Ильича. Его длинныя дроги, всему городу Малиновскому знакомыя, издавна дали Григорію Егорычу знать о своемъ приближеніи скрипомъ колесъ и какимъ-то страннымъ дребезжаньемъ и шипѣн-

емъ винтовъ, гаекъ и осей. Подъѣхали дроги къ воротамъ — и тотъ же оборванный мальчишка, съ торчащей изъ его шапки куделью, полѣзъ съ козелъ, начиная дергать веревку у калитки. Гдѣ-то далеко внутри двора послышался звонъ поддужнаго колокола и черезъ нѣсколько времени выгнанный отвѣтъ.

— Бѣгу, бѣгу... Сейча-а-ась!

Пока производилась вся эта довольно длинная операція звона и отпирания воротъ, Кузьма Ильичъ сошелъ съ дрогъ и здоровался съ Григоріемъ Егорычемъ. Спутникъ Кузьмы Ильича, родной сынъ его, Павелъ Кузьмичъ, тоже слѣзъ съ дрогъ и тоже поздоровался съ Григоріемъ Егорычемъ, молча снявъ фуражку и молча пожавъ ему руку. Кузьма Ильичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и пошучивалъ, идя съ гостемъ по двору.

— Помолодѣлъ, Григорій Егорычъ, помолодѣлъ послѣ командировки-то... да!.. Я еще вчера замѣтилъ что помолодѣлъ. Запирай, запирай ворота-то! — вдругъ крикнулъ онъ обервешу мальчишкѣ, уже въѣзжавшему съ дорогами внутрь двора. Старухи и Захаръ добредутъ не скоро, позвонятъ, позвонятъ они... Запирай!..

— Запирай! — повторилъ и сынъ, а Кузьма Ильичъ, повернувшись къ нему лицомъ, добавилъ: — Павелъ, посмотри за нимъ, онъ глухой, глупый, онъ не запретъ хорошенько.

— Ладно, ладно... Я подожду, посмотрю...

Павелъ Кузьмичъ остался во дворѣ, пока мальчишка возился съ огромными запорами; но Кузьма Ильичъ однако не утерпѣлъ и, остановившись у крыльца, самъ смотрѣлъ, какъ запираютъ ворота.

— Павлушка! дуракъ ты, братъ, вотъ что, ей-ей! — крикнулъ онъ сыну, стоявшему поодаль отъ крыльца.

Сынъ изумленно взглянулъ на него, не понимая, за что получаетъ брань.

— Ну, какъ же не дуракъ ты! — гляди: вѣдь видишь — мальченокъ трудно — помочь бы ему; я вотъ постарше тебя дурака, а помогаю же ему другой разъ... Ну, иди, что-ли, за нами, что остановился-то?

Павелъ Кузьмичъ робко пошелъ вслѣдъ за отцомъ, и огромный дворъ дома Кузьмы Ильича опустѣлъ, только гдѣ-то, около кухни, въ дальнемъ углу двора, возился мальчишка, отпрягая лошадь.

Дворъ этотъ теперь поросъ травой и нѣтъ въ немъ ни возовъ, ни огромныхъ товарныхъ складовъ. Амбары и кладовыя всѣ опустѣли, и тяжелые замки, висящіе у ихъ дверей, давно заржа-

ѣли, охраняя, впрочемъ, однѣ только пустыя стѣны. Прежде, тому назадъ лѣтъ тридцать, а то пожалуй и всѣ сорокъ, на этомъ дворѣ съ утра до вечера бывала усиленная суeta и движеніе. Громадныя массы тюковъ, коробовъ и бочекъ занимали почти весь дворъ и поднимались высоко, равняясь съ крышами амбаровъ, тоже наполненныхъ товарами. Кузьма Ильичъ велъ большую оптовую торговлю чаемъ, сахаромъ, мануфактурными товарами, но уже лѣтъ двадцать тому назадъ прекратилъ всѣ эти дѣла и нашелъ болѣе спокойнымъ жить на проценты съ капитала и молиться Богу. Сынъ его, Павелъ Кузьмичъ, обремененный большимъ семействомъ, жилъ въ домѣ своего умершаго тестя и содержалъ семью пособіями, получаемыми ежемѣсячно отъ отца.

Павелъ Кузьмичъ былъ безхарактерный человѣкъ, прожилъ жизнь подъ страхомъ, былъ битъ отцомъ несчетное число разъ, и теперь, достигнувъ почти шестидесяти лѣтъ, не былъ гарантированъ отъ того, что Кузьма Ильичъ, не говоря худого слова, огрѣбеть его затрепичной или оплеухой. Этого, впрочемъ, онъ, какъ человѣкъ давно знакомый съ побоями, ничуть не боялся: не велика, молъ, бѣда и не на смерть же отецъ ударить, а боялся онъ другого: разсердится отецъ, не будетъ денегъ давать на содержаніе—какъ тогда жить на бѣломъ свѣтѣ, а жить хотѣлось. Что онъ находилъ интереснаго въ своей жизни, едва-ли и самъ зналъ, какъ не знаютъ милліоны ему подобныхъ—вѣчная нужда, вѣчная забота о кускѣ хлѣба, вѣчные попреки отъ Кузьмы Ильича и всегдашнія непріятности въ своей собственной семьѣ: сыновья пьянствуютъ, дочери безъ дѣла ходятъ по комнатамъ изъ угла въ уголъ, не зная куда дѣвать время и плачутъ, жалуясь, что такъ долго живетъ ихъ дѣдъ Кузьма Ильичъ. Жена Павла Кузьмича, тоже уже старуха лѣтъ подъ пятьдесятъ, его, какъ говорится, поѣдомъ ѣстъ за то, что онъ плохо ухаживаетъ за отцомъ, мало изъ него выжимаетъ денегъ, дочерей своихъ заморилъ въ дѣвкахъ, плачутъ эти дочери, вторя голосу матери—и бѣжить Павелъ Кузьмичъ изъ дому, какъ угорѣлый. Наступаетъ раннее утро, вскакиваетъ онъ съ постели, какъ помѣшанный—въ страхъ, не проспалъ-ли заутреню и, наскоро умывшись, бѣжитъ въ церковь, къ тому въ ней мѣсту, гдѣ обыкновенно отбиваетъ свои поклонны Кузьма Ильичъ. Павелъ Кузьмичъ начинаетъ ему усердно вторить, и такъ трудится всю заутреню; за обѣдней—та же исторія, за вечерней—та же, и такъ добываетъ себѣ въ потѣ лица хлѣбъ свой для себя и для семьи своей Павелъ Кузьмичъ. Онъ каждадневно послѣ обѣдни является въ домѣ

отца, иногда Кузьма Ильичъ привозить его на своихъ дрогахъ, иногда же заставляетъ идти пѣшкомъ, и каждый разъ при встрѣчѣ и при расставаньи съ отцомъ Павелъ Кузьмичъ цѣлуетъ руку, милостиво или гнѣвно (смотря по расположенію духа) ему протаскиваемую Кузьмой Ильичемъ...

— Ну, Григорій Егорычъ, шагай братъ, шагай проворнѣе, нечего тамъ побрякивать-то,—крикнулъ Кузьма Ильичъ—входя въ комнаты своего дома.

Григорій Егорычъ освободившись, наконецъ, отъ верхняго платья, вошелъ тоже въ комнаты, а за нимъ слѣдомъ и Павелъ Кузьмичъ прошагалъ, ступая осторожно на концы сапоговъ и смявъ въ рукѣ свою шапку.

— Ну, идите сюда, къ самовару!—крикнулъ опять Кузьма Ильичъ, уже снявшій съ себя куртку и расположившійся около самовара въ одной рубашкѣ и съ засученными рукавами.

— Садитесь, садитесь ближе!—проговорилъ Кузьма Ильичъ.—Ну-ка, Степанида Юрьевна, насыпь намъ по чашечкѣ,—обратился онъ къ старушкѣ.

Началось чаепитіе. Кузьма Ильичъ не любилъ, чтобы гостямъ наливали чай въ стаканы и давно вывелъ ихъ изъ употребленія въ своемъ домѣ. Онъ, умудренный житейскимъ опытомъ, признавалъ, что чашки удобнѣе стакановъ, во-первыхъ—потому, что онѣ дешевле, а во-вторыхъ—прочнѣе: рѣже ломаются—и замѣнилъ стаканы чашками. Самъ онъ пилъ изъ особенной чашки, отличавшейся отъ прочихъ колоссальностью размѣровъ. Его чашка вмѣщала въ себѣ четыре обыкновенныхъ; находясь въ рукахъ Кузьмы Ильича, она ничуть не казалась большою и была для него, какъ говорится, въ самый разъ. Выпивъ такихъ чашекъ три-четыре, Кузьма Ильичъ начиналъ приходить къ благоразумному сознанию, что для человѣка въ этомъ грѣшномъ мірѣ нужно очень-очень немного, еще какихъ-нибудь три-четыре чашки чайку—и можно быть довольнымъ до самаго обѣда.

Въ то время, когда самъ онъ и его гости уже оканчивали чай, и Григорій Егорычъ уже въ достаточной степени развелъ свои разговоры по поводу только-что совершенной имъ по дѣламъ службы командировки, въ это время во дворѣ снова раздался звонъ подлужнаго колокола.

— Пойди, Юрьевна, погляди, кто тамъ; они должно быть съ Захаромъ,—обратился Кузьма Ильичъ къ старушкѣ.

Юрьевна проворно юрнула изъ комнаты.

— Они, должно полагать,—шопотомъ замѣтилъ и Павелъ Кузьмичъ, начиная мять въ рукахъ свою шапку.

— А можетъ быть и не они, почему ты знаешь!—сердито взглянувъ на него, возразилъ Кузьма Ильичъ,—можетъ, батюшка протопопъ... Они! Ишь ты какой умный, а вдругъ можетъ и не они... Что ты больно много говоришь? Ты думаешь, ты чего-нибудь знаешь, да? Нѣтъ, братъ, Павлушка, ты ничего не знаешь...

Кузьма Ильичъ не то, чтобы сердился, говоря такъ, а просто «училъ» сына, не обращая никакого вниманія на то, что этому ученику было уже болѣе пятидесяти лѣтъ.

— Вотъ, Григорій Егорычъ, видишь, каковъ у меня сынъ-то, а? Вотъ всю жизнь такъ съ нимъ и маюсь... Ладно еще, что богомольный, а то бы бѣда бѣдой: по крайности, душу свою молитвами спасеть...

— Доложу вамъ, мой достопочтеннѣйшій Кузьма Ильичъ, что для человѣка есть самое главное на землѣ—это именно его заботы о спасеніи души, потому что если вы, напримѣръ, изволите принять во вниманіе тлѣнность и скоропреходящность всѣхъ земныхъ благъ, то вамъ съ надлежащею ясностью... гм... гм...

Григорій Егорычъ закашлялся, рѣчь его на время прервалась и уже не могла потомъ возобновиться, потому что въ комнатѣ появились новыя лица и разговоръ принялъ другой оборотъ.

Въ комнату вошли еще три старушки, сгорбленные, съ плаксивыми лицами и съ низкими поклонами; всѣ онѣ были одѣты въ черное. За ними слѣдомъ вошелъ высокій, сухощавый слѣпецъ—Захаръ. Онъ держался прямо, точно только-что проглотилъ аршинъ; его тусклые, безжизненные глаза были неподвижны, и въ то же время, когда онъ постукивалъ палкой, держа ее въ лѣвой рукѣ и водилъ передъ собой правой, остерегаясь, чтобы на кого-нибудь не натолкнуться, рабоватое лицо его пугливо хмурилось, брови бѣгали, то сдвигаясь, то надвигаясь.

— Захаръ! направо бери, направо, командовалъ Кузьма Ильичъ слѣпцу, вотъ тутъ стулъ, садись на него.

Захаръ продолжалъ водить передъ собой правой рукой, отыскивая стулъ, и, ощутивъ его спинку, сѣлъ, умятивъ между ногами палку, незамѣнную свою спутницу.

— Юрьевна! наливай имъ, наливай,—распорядился Кузьма Ильичъ...

Старушки молча отвѣщивали низкіе поклоны и молча усаживались къ столу; Захаръ произвелъ правой рукой изслѣдованіе окружающей его мѣстности, погладилъ салфетку, ощутилъ край стола и, успокоившись, пересталъ двигать бровями.

— Ну, что, Захаръ, какова проповѣдь-то, а? — спросилъ Кузьма Ильичъ.

— Проповѣдь хороша, — вѣчего и говорить, хороша проповѣдь... Очень хороша! — отвѣчалъ Захаръ, оставаясь неподвижнымъ, какъ статуя.

— Да ты понялъ ли, о чемъ онъ говорилъ-то, а? — спросилъ Кузьма Ильичъ и, улыбаясь, оглянулъ все женское общество, съ видомъ необычайнаго смиренія засѣдавшее около стола. Это женское общество нашло нужнымъ отвѣтить на его улыбку тоже улыбкой, которая какъ-бы выражала ту мысль, что «конечно, молъ, Кузьма Ильичъ, гдѣ ему, слѣпому человѣку, понять»...

— Я понялъ... Хороша проповѣдь, очень хороша, и говорить вѣчего — хороша!.. — однотонно отвѣчалъ Захаръ.

— Да! — обратился Кузьма Ильичъ къ гостю, уже начинавшему придумывать способъ, какъ бы хозяина увести отъ этого общества и поговорить съ нимъ обстоятельно. — Да, проповѣдь хороша! Батюшка, видите ли, говорить — главная причина, говорить къ примѣру, наши, на примѣръ, слабости, — ну, и теперича, какъ значить человѣкъ, то-есть, слабъ, сосудъ, — ну, и остается одно — молитва. Молитва, говорить, на примѣръ, все равно, какъ огонь — очищаетъ... Очень, очень все хорошо, тепло говорилъ...

Григорій Егорычъ слушалъ, покашливалъ и тревожно повертывался на стулѣ, одолеваемый думами о своихъ дѣлахъ. И только-что Кузьма Ильичъ замолкъ, онъ немедленно же обратился къ нему:

— Я бы, достопочтеннѣйшій мой Кузьма Ильичъ, желалъ съ вами обстоятельно потолковать объ одномъ моемъ дѣлѣ. Дѣло, извольте видѣть, для меня первостепенной важности и — какъ я вамъ вчера подробно изъяснялъ...

— Да, да, помню... Это насчетъ имѣнія-то? Помню, помню... Ну, что же Семень-то?..

Григорій Егорычъ тревожно оглянулъ общество, засѣдавшее за столомъ, и нерѣшительно замѣтилъ:

— Если бы вы, многоуважаемый мой Кузьма Ильичъ, доставили мнѣ возможность поговорить съ вами обстоятельно и наединѣ, то я бы могъ считать себя въ высшей степени счастливымъ, потому что изволите сами сообразить...

— Нѣтъ, ты погоди! — перебилъ его Кузьма Ильичъ: — ты не то говоришь... Ты, къ примѣру, скажи мнѣ, какіе такіе секреты у тебя, чтобы то-есть наединѣ... Этого нельзя!..

— Гмъ... гмъ... — покашлялъ Григорій Егорычъ, видимо не

рѣшаясь, говорить ли въ этомъ обществѣ или ждать, когда Кузьма Ильичъ, наполнивъ его чаемъ, отпустить на кухню и въ сосѣднія съ ней комнаты.

— Говори, говори, — просилъ Кузьма Ильичъ, понявъ смущеніе гостя: — народъ все свой, да и какія-такія дѣла, чтобы молчать...

Этотъ «свой» народъ былъ хорошо извѣстенъ Григорію Егору по необычайной способности разносить по городу сплетни. Онъ покосился теперь на него, покосился и на Павла Кузьмича, котораго зналъ давно за большого переносчика новостей и даже лгуна; но обстоятельства дѣла были таковы, что молчать Григорій Егорычъ не могъ. Ему было досадно на Семена Игнатьевича, и въ этой досадѣ онъ не только сталъ рассказывать то, что дѣйствительно было говорено между нимъ и конторщикомъ Семена Игнатьевича, Спиридономъ Ѳедоровичемъ, но и то, чего совсѣмъ и не было. Павелъ Кузьмичъ слушалъ и сильно мялъ въ рукѣ фуражку, уже начиная мучиться нетерпѣніемъ, какъ бы поскорѣе разнести по городу то, что онъ теперь слышалъ. Старушки, понимая изъ девяти словъ десятое, составляли, на основаніи этихъ свѣдѣній, самыя точныя понятія о положеніи дѣлъ Семена Игнатьевича. Григорій Егорычъ рассказаль, какъ Семенъ Игнатьевичъ предлагалъ ему устроить дѣло по покупкѣ имѣнія, какъ обѣщаль задержать торги, благодаря своимъ связямъ, какъ уговаривалъ, чрезъ конторщика, согласиться на это предложеніе. При этомъ Григорій Егорычъ присочинилъ кое-что на-счетъ того, что Семенъ Игнатьевичъ, будто бы, сказалъ ему, что терпѣть теперь въ дѣлахъ стѣсненіе и радъ бы самъ гдѣ-нибудь занять.

Кузьма Ильичъ сидѣлъ во время этого разсказа уже не у чайнаго стола, а у стѣны, на креслѣ, между двумя ломберными столами и, уложивъ на каждый изъ нихъ по массивной своей рукѣ, пыхтѣлъ на всю комнату. По мѣрѣ продолженія разсказа Григорія Егорыча, маленькіе глаза Кузьмы Ильича начали бѣгать все сильнѣе и сильнѣе, онъ то взглядывалъ на рассказчика, то на сына, то на слушательницъ. Всѣ ощущали большое удовольствіе отъ новостей, сообщаемыхъ Григоріемъ Егорычемъ, и въ особенности Павелъ Кузьмичъ, шапка котораго испытывала въ это время необычныя терзанія, и если бы только она могла чувствовать, то несомнѣнно должна была бы погибнуть мучительною смертію, такъ какъ въ интересныхъ мѣстахъ разсказа Павелъ Кузьмичъ не только мялъ ее, но даже закручивалъ, на подобіе винта.

— Павлушка! Слышишь, а? Слышишь? — спрашивалъ по временамъ Кузьма Ильичъ, поворачиваясь своимъ огромнымъ тѣломъ въ массивномъ креслѣ и поглаживая ладонями рукъ скатерти на столахъ.

— Слышу, татенька, слышу...

Во все время разсказа оставался спокойнымъ только Захаръ, по-прежнему неподвижно сидѣвшій на стулѣ и потерявшій уже счетъ выпитыхъ имъ чашекъ чаю. Захаръ поводилъ бровями то внизъ, то вверхъ и мало интересовался разговоромъ, предпочитая ему чай и булki.

— Да полно, Григорій Егорычъ, — наконецъ спросилъ Кузьма Ильичъ, — полно, такъ ли все это? Вѣдь, братъ ты мой, онъ, Семенъ-то Игнатьевичъ, вѣдь онъ — министръ по уму, одно слово, понимаешь — министръ... Какъ же теперича онъ не пойметъ, что за полтора мѣсяца взять восемь процентовъ на рубль — владѣ? И чтó ему двадцать тысячъ отдать теперича за какія-нибудь сорокъ дѣнь впередъ? Пустяковое дѣло! Вѣдь у него свободнаго капитала двѣсти тысячъ есть, — въ Рыбинскомъ, вонъ, говорятъ, до сорока тысячъ кулевъ хлѣба... Пойми ты, какой ему резонъ?.. Нѣтъ, тутъ, парень, что-нибудь неладно, — либо ты его не позналъ, либо мы тебя не понимаемъ.

Однако Григорій Егорычъ настаивалъ на своемъ и еще кое-что привралъ, и стало изъ всего имъ разсказаннаго казаться, что у Семена Игнатьевича въ дѣлахъ «нечисто». Когда разговоръ пришелъ въ такому заключенію, тутъ только Григорій Егорычъ сообразилъ, что напрасно распространялся такъ о подробностяхъ своихъ разговоровъ съ Семеномъ Игнатьевичемъ и его конторщикомъ. Онъ сталъ тревожно путаться въ дальнѣйшемъ продолженіи разговора, отказываться отъ своихъ словъ, стараясь какъ-нибудь поправить ошибку. «Экой я недогадливый, — раскаявался онъ: — пришелъ просить денегъ подъ обезпеченіе долга Семена Игнатьевича и про его же дѣла дурно разсказываю». Но поправить было уже поздно — Кузьма Ильичъ крѣпко уцѣпился за сообщенную новость и своротилъ его мысли въ другую сторону теперь было бы дѣломъ большой трудности.

— Нѣ-ѣтъ, ты, братъ, Григорій Егорычъ, не финти: теперь, братъ, нечего финтить. Я знаю, что онъ тебѣ долженъ двадцать тысячъ, — ну, вотъ ты его и защищаешь.

— Чтó же, достопочтеннѣйшій Кузьма Ильичъ, значить для такого богача, какимъ несомнѣнно считается и въ дѣйствительности есть Семенъ Игнатьевичъ, господинъ Ивановъ, — чтó зна-

чить для такого богача двадцать тысячъ и въ чему мнѣ его защищать? — возразилъ Григорій Егорычъ.

Но тонъ его возраженія не былъ твердъ и спокоенъ, онъ какъ будто немного испугался при мысли: «а что, въ самомъ дѣлѣ, если да мои денежки-то кровныя да вдругъ лопнуть?» Эта мысль, мелькнувшая въ его головѣ, вызвала дрожаніе въ голосѣ. Подъ вліяніемъ ея онъ обратился къ Кузьмѣ Ильичу съ просьбою взять на себя полученіе его долга съ Иванова и выдать теперь ему, Григорію Егорычу, восемнадцать тысячъ пятьсотъ рублей, вмѣсто двадцати.

— Нѣ-ѣтъ, — уныло протянулъ Кузьма Ильичъ, — нѣ-ѣтъ, мое время прошло. Будетъ! Не хочу. Богъ съ нимъ и съ барышомъ... Оно, конечно, полторы тысячи рублей — большой процентъ: пріятно бы... Но кто его тамъ знаетъ, — еще, пожалуй, затянетъ платежъ...

Григорій Егорычъ при этихъ словахъ тревожно завертѣлся на стулѣ, закашлялся, полѣвъ въ карманъ за платкомъ и выразилъ не только своимъ лицомъ, но и фигурою и всѣми ея движеніями большое смущеніе и испугъ.

— И неужели вы, достопочтеннѣйшій мой Кузьма Ильичъ, допускаете возможность, чтобы такой значительный негоціантъ, директоръ даже банка и почетный попечитель...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты погоди, погоди, стой! — перебилъ Кузьма Ильичъ, — стой!..

И началъ онъ Григорію Егорычу рассказывать изъ своей многолѣтней торговой практики разные такіе случаи, гдѣ лопались какъ мыльные пузыри богачи, считавшіеся миллионерами. Рассказъ Кузьмы Ильича былъ для Григорія Егорыча настоящей пыткой, — онъ точно вливалъ въ его сердце расплавленный металлъ. Григорій Егорычъ тревожно вертѣлся на своемъ стулѣ, просительно оглядывалъ мирно сидящихъ старухъ и только-что намѣревался прервать рѣчь Кузьмы Ильича, какъ онъ уже приподнималъ одну изъ своихъ рукъ и громко возглашалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты стой, погоди. Нѣтъ, ты послушай...

— Ахъ, — вздыхалъ Григорій Егорычъ, не столько томимый сожалѣніями о печальной долѣ тѣхъ многихъ богачей, о которыхъ теперь повѣствовало ему Кузьма Ильичъ, сколько сожгавшій ужасными думами о своихъ двадцати тысячахъ.

Захаръ, вдоволь напившись чаю, поднялся изъ-за стола, и, по-прежнему, держа голову прямо, сказалъ:

— Кузьма Ильичъ, благослови, родной, — я пойду!

— Ну, Богъ тебя благословитъ, иди, — отвѣтилъ Кузьма

Ильичъ, всегда ощущавшій удовольствіе, когда у него испрашивали благословеніе.

Старушки тоже молча поднялись и попросили благословенія идти въ свои комнаты.

— Ну, ступайте, ступайте...—разрѣшилъ Кузьма Ильичъ.

Въ столовой остались только трое: хозяинъ съ сыномъ, Григорій Егорычъ и Степанида Юрьевна, уже перемывшая посуду и оставившая ее въ шкапъ.

— Такъ вотъ, сударь ты мой, Григорій Егорычъ, не такіе бывали богачи, какъ нашъ Семень, — повѣствовалъ, покачивая своей огромной головой Кузьма Ильичъ, — да и тѣ расчудесно провалились... А все отчего? А все оттого, что о земномъ заботились, — вотъ отчего. Сказано: ищите прежде царствія Божія... Понялъ?

Григорій Егорычъ не только давно понялъ, но уже и истерзался въ достаточной степени и не зналъ, куда теперь ему бѣжать отъ самого себя.

— Ахъ, да! — вдругъ и съ большимъ оживленіемъ повернувшись въ своемъ креслѣ, — вскрикнулъ Кузьма Ильичъ: — Юрьевна, правду ли говорятъ на-счетъ теперича дочери сосѣда-то нашего, Семена?

При этомъ вопросѣ Григорій Егорычъ приободрился въ ожиданіи болѣе благоприятныхъ свѣдѣній о дѣлахъ Семена Игнатьевича, а Павелъ Кузьмичъ весь обратился въ слухъ, устремивъ свой взглядъ въ ту сторону, гдѣ была Степанида Юрьевна.

— Не знаю я, батюшка, Кузьма Ильичъ, чужія дѣла какъ судить, — уклончиво отвѣчала она.

— Ну, однако, слышала же... Чего, говорятъ-то! — пытливо поглядывая на нее, допрашивалъ Кузьма Ильичъ.

— Да говорятъ-то... разное...

Старушка уже убрала всю посуду и подошла теперь въ самовару, чтобы снести его на кухню.

— Богъ съ ними, батюшка Кузьма Ильичъ, — добавила она, вздохнувъ и забирая потомъ самоваръ въ руки, — говорятъ, что будто она убѣгла... Давеча дѣвушка ихняя поутру на базарѣ встрѣтилась, — убѣгла, говоритъ, ну, только самъ-то на всѣхъ накричалъ и на строго наказалъ, чтобы, значитъ, говорили, что не бѣгала, а онъ будто самъ ее отпустилъ... Да, батюшка, убѣгла дочка-то, да!

Сказавъ это заключеніе и обнявшись съ самоваромъ, точно съ ближайшимъ другомъ, Юрьевна поплелась въ кухню.

— Павлушка, слышишь, а? каковы дѣтен-то, а? — самолично поглядывая на сына, воскликнул Кузьма Ильичъ.

— Слышу-сь, очень хорошо слышу-сь... Времена!..

— Нѣтъ, не времена, Павлушка, не времена: отцы плохи, вотъ что, понялъ? Главное дѣло,—обратился Кузьма Ильичъ къ Григорію Егорычу,—вотъ въ чемъ: сказано въ примѣру, въ комъ есть страхъ Божій... Пословица говоритъ: веди себя хорошенько... Понялъ?

— Достопочтеннѣйшій мой Кузьма Ильичъ, я въ очень достаточной степени все это понимаю, но мнѣ главнымъ образомъ, видите-ли, хотѣлось бы съ вами насчетъ моего дѣла обстоятельно поговорить...

— Ну, что же, ну, что же, Григорій Егорычъ, ты говори, я буду слушать... Я люблю слушать, когда ты говоришь.

И Кузьма Ильичъ, положивъ половѣе руки на столъ и протянувъ впередъ далеко отъ себя ноги, приготовился слушать, ничуть, впрочемъ, не интересуясь разговоромъ Григорія Егорыча.

На кухнѣ въ это время и въ сосѣднихъ съ ней комнатахъ, отдѣленныхъ отъ главнаго корпуса дома корридормъ, старушки перешептывались и посмѣивались по поводу тѣхъ новостей, какія имъ сообщалъ Захаръ о Кузьмѣ Ильичѣ и именно о томъ, какъ они съ нимъ провели эту послѣднюю ночь.

Кузьма Ильичъ давно распустилъ изъ дому всю мужскую прислугу и набралъ старухъ. Мальчишка, кучеръ малорослый и богѣенный, взять имъ былъ тоже потому, что немногимъ отличался отъ старухъ, по своей физической силѣ; зимою, впрочемъ, когда по двору больше было работы, Кузьма Ильичъ нанималъ еще работника, но непременно малорослаго и стараго человека, словомъ—опять-таки такого, чтобы можно было его не бояться. Весь штатъ его прислуги и приживалокъ помѣщался во флигелѣ, гдѣ была кухня и двѣ комнаты, а самъ онъ съ Захаромъ жилъ въ главномъ корпусѣ, отдѣленномъ отъ флигеля корридормъ. Захаръ собственно не жилъ въ главномъ корпусѣ, но приходилъ всегда спать съ Кузьмой Ильичемъ. Кузьма Ильичъ потому и держалъ при себѣ слѣпого Захара, что зналъ о чуткости слуха слѣпыхъ. Захаръ спалъ всегда около кровати Кузьмы Ильича на желѣзномъ старинномъ сундукѣ, гдѣ хранились всѣ его богатства. Теперь, сидя въ кухнѣ, въ обществѣ старухъ, Захаръ повѣствоваль имъ, какъ Кузьма Ильичъ нѣсколько разъ ночью будилъ его, спрашивая, не слышитъ-ли онъ шуршанья.

— Шуршить, говорить, шуршить, слышишь, говорить, Захаръ, а? Я говорю: ничего не шуршить, что ты, молъ, Богъ съ

тобой, Кузьма Ильичъ! И лежу, не встаю... А онъ всталъ, пошелъ къ дверямъ, ощупалъ, надо быть, запоры-то, потомъ пошелъ по комнатамъ, по всѣмъ обошелъ, болты-то всѣ у оконъ, видно, ощупывалъ... А я лежу, не встаю. Ну, походилъ, походилъ, пришелъ и легъ. Только я было опять уснулъ, опять онъ шепчетъ мнѣ: шуршитъ, говоритъ, шуршитъ,—Захаръ, слышишь, шуршитъ? Я ему опять говорю: ничего не шуршитъ. Я тебя, говоритъ, Захарко, прогоню; ты меня не стережешь... Гони, говорю, если охота. Такъ всю ночь мы съ нимъ и промаялись.

Захаръ посмѣивался, прикрывая рукой губы. Старушки тоже посмѣивались, покачивая головами и перешептывались между собой по поводу мученій, испытываемыхъ по ночамъ Кузьмой Ильичемъ.

— Теперь вотъ ужъ которую ночь такъ онъ меня томить, выспаться не даетъ,—продолжалъ Захаръ, поднявшись со стула и направляясь въ уголокъ «вздремнуть». Хорошо еще хоть днемъ-то можно спать, а то бы я отъ него ушелъ.

— Куда ты, Захаръ, уйдешь!—вздыхая, замѣчали старушки.

— А къ святымъ мѣстамъ пойду. Свѣтому вездѣ дорога: добрые люди провормятъ...

Въ комнатахъ въ это время Григорій Егорычъ уже окончилъ свои обстоятельные разговоры и, кашляя, прощался съ Кузьмой Ильичемъ.

— Такъ и надежды мнѣ, достопочтеннѣйшій Кузьма Ильичъ, вы никакой не дадите? — плаксиво спрашивалъ онъ, воясь въ прихожей съ пальто.

— Нѣтъ, Егорычъ, ты ужъ меня уволь, потому я живу тихо-смирно, у меня, какъ видишь, лампадки горятъ, и знаю я только церкву Божью, — какое мнѣ дѣло до дѣловъ торговыхъ...

Кузьма Ильичъ, сказавъ это, глянулъ на лампадки и закричалъ:

— Юрьевна! Юрьевна! Эй, гдѣ ты?.. Ахъ, старая!..

Юрьевны въ комнатахъ не оказалось. Павелъ Кузьмичъ, сжимая въ рукѣ свою несчастную шапку, побѣжалъ въ кухню, ступая по обыкновенію на кончики сапогъ, и явился чрезъ минуту съ Юрьевой.

— Ахъ, старая!—ворчалъ Кузьма Ильичъ, — чего ты смотришь за лампадами-то плохо. Видишь, вонъ, ужъ погасла одна!

— Сейчасъ, сейчасъ... я за свѣтильной-то и позамѣшкалась: я еще давеча замѣтила...

— Ладно, ладно, ври больше... Знаю я васъ!

Григорій Егорычъ, послѣ многихъ хлопотъ, снарядился, наконецъ, къ выходу.

— Заходи когда, ежели послѣ обѣди... Заходи!—крикнулъ ему вслѣдъ Кузьма Ильичъ,—только денегъ не проси: не дамъ... Павлушка! Ты тоже идешь, что-ли?..

— Да, я хотѣлъ...—робко отвѣтилъ сынъ.

— Ну, иди, иди... За-одно ворота-то заперать. Юрьевна, пошли мальчонку-то.

— Да я сама къ калиткѣ-то сбѣгаю—долго-ли!

Григорій Егорычъ и Павелъ Кузьмычъ вышли на улицу. Калитка за ними захлопнулась, и Кузьма Ильичъ спокойно прилегъ отдохнуть, уже совершенно увѣренный въ томъ, что днемъ никто къ нему не подойдетъ въ домъ и нигдѣ ничего подозрительнаго не «зашуршитъ».

Григорій Егорычъ и Павелъ Кузьмычъ, выйдя за калитку, тотчасъ же и разстались: одинъ пошелъ направо, другой—налѣво. Разница въ походкахъ обоихъ была большая, Григорій Егорычъ шелъ не шелъ, а такъ чуть-чуть тащился, а Павелъ Кузьмычъ, несмотря на полсотню лѣтъ, лежавшихъ на его плечахъ, шагаль бойко и бойко повертывалъ головой по сторонамъ, высматривая, нѣтъ ли гдѣ чего новенькаго.

Теперь, нахватавшись самоновѣйшихъ новостей, пошелъ онъ кружить изъ дома въ домъ и вездѣ разносилъ эти новости, дополняя и измѣняя ихъ, смотря по тому, какъ гдѣ требовалось. Когда, наконецъ, зазвонили къ вечернѣ, и Павелъ Кузьмычъ зашагалъ своими бойкими, торопливыми шагами по направленію къ храму Божію, по городу уже было распространено столько нечѣпостей о дѣлахъ Семена Игнатьевича и бѣгствѣ его дочери Маши, что если бы Павелъ Кузьмычъ услышалъ эти нечѣпости, то ему самому, какъ положившему въ основу ихъ первые камни, пришлось бы удивиться тому, какое зданіе воздвиглось изъ нихъ въ какіе-нибудь три-четыре часа времени.

XXII.

Былъ вечеръ наканунѣ отъѣзда Семена Игнатьевича на ярмарку. Уже давно стемнѣло и на его письменномъ столѣ давно горѣли свѣчи, но онъ и сынъ его и конторщикъ — всѣ трое усталые и почти измученные, засѣвшіе за этотъ столъ вскорѣ послѣ обѣда, все еще оставались за нимъ, разбирали бумаги, складывали, считали, записывали. Спиридонъ Федоровичъ сдавалъ

выписи изъ конторскихъ книгъ о количествѣ платежей и полученныхъ въ ярмаркѣ, и всѣ документы, слѣдовавшіе къ этой выписи. Петръ Семеновичъ свѣрялъ документы, подписывалъ на оберткѣ каждого фамилію должника, срокъ и сумму долга. Самъ Семенъ Игнатьевичъ, окончивъ всѣ другія, относящіяся до ярмарки дѣла, сидѣлъ теперь за составленіемъ вѣдомости для сына и конторщика, или, вѣрнѣе сказать, инструкціи для дѣйствій по дѣламъ во время отсутствія его въ ярмарку. Выписи изъ кассовыхъ книгъ и соответствующія суммы наличныхъ денегъ лежали тутъ же, на письменномъ столѣ. Денегъ этихъ были такія солидныя пачки и въ такомъ большомъ числѣ, что человѣкъ, незнакомый съ механизмомъ торговыхъ дѣлъ, при видѣ ихъ, долженъ былъ разъ навсегда убѣдиться въ несомнѣнномъ богатствѣ Семена Игнатьевича и въ лживости всѣхъ слуховъ, распространяемыхъ о его дѣлахъ. Однакожъ, несмотря на обиліе громадныхъ пачекъ кредитныхъ билетовъ, серій и процентныхъ бумагъ, красовавшихся теперь во всей своей прелести предъ Семеномъ Игнатьевичемъ, онъ былъ что-то пасмуренъ и часто хмурился. Эта пасмурность, впрочемъ, не имѣла никакого отношенія къ тѣмъ городскимъ толкамъ, которые теперь распространялись по Малиновску о его дѣлахъ: онъ ничего объ этихъ толкахъ не слыхалъ, занятый своими дѣлами. Хмурился онъ и былъ не въ духѣ потому, что изъ Рыбинска шли телеграммы одна другой непріятнѣе, и это его очень беспокоило. Онъ немного даже и рассказывался въ томъ, что не продалъ хлѣба ранѣе тому назадъ недѣлю, цѣна тогда была выше и давала лишнихъ на всю партію до двадцати-тысячъ рублей. Теперь и этихъ двадцати-тысячъ было жалко и за будущее дѣло страшно, потому что цѣна могла упасть еще и отнять, пожалуй, сверхъ двадцати, уже ускользнувшихъ изъ его рукъ, еще двадцать-тридцать, а то и сорокъ тысячъ рублей. Семенъ Игнатьевичъ далъ въ этотъ день послѣднюю телеграмму держаться въ прежней цѣнѣ и ждать. Онъ зналъ, конечно, что довѣренный такъ и поступитъ, и не будетъ томиться ни о чемъ: какъ приказано, такъ и сдѣлано. Но Семенъ Игнатьевичъ не могъ свободно располагать своимъ хлѣбомъ въ Рыбинскѣ: ему нужно было продать его къ пятнадцатому августа, чтобы освободить капиталъ и употребить его въ ярмаркѣ на уплату долговъ. Сидя теперь за столомъ, онъ не разъ пересчитывалъ вѣдомости Спиридона Ѳедоровича, нѣсколько разъ брался за счеты и начиналъ пересчитывать суммы; въ концѣ-концовъ выходили все неутѣшительныя цифры. Разумѣется, утѣшительными онѣ быть не могли, потому что отъ трехсотъ тысячъ

долгу, лежавшаго на дѣлахъ Семена Игнатьевича, нельзя было сразу набавиться. Подсчиталъ онъ еще разъ количество суммы въ заводскихъ товарахъ, отправленныхъ имъ на ярмарку и, сердито отбросивъ отъ себя счеты, вышелъ изъ-за стола. Петръ Семеновичъ и Спиридонъ Ѳедоровичъ оба вдругъ приподняли головы отъ своихъ бумагъ.

— Скоро вы?—сухо спросилъ онъ ихъ, шагая по комнатѣ и потирая обѣими руками спину.

— Сейчасъ кончаемъ,—отвѣтилъ Петръ Семеновичъ.

Спиридонъ Ѳедоровичъ утвердительно кивнулъ головой, сваявая въ общую пачку какія-то бумаги.

— Ну, Петръ, давай сюда сакъ-вожъ-то,—попросилъ чрезъ нѣсколько времени Семенъ Игнатьевичъ, отдвигая на столѣ къ одной сторонѣ пачки и бумаги, чтобъ дать мѣсто на немъ сакъ-вожъ.

Онъ самъ сталъ укладывать на дно сакъ-вожъа бумаги и деньги и потомъ, уложивъ все и заперевъ замкомъ, поставилъ сакъ-вожъ къ себѣ около кровати за портьерой. Предполагалось вѣхаться завтра рано утромъ, именно около шести часовъ, и потому все было приготовлено съ вечера.

— Теперь, Спиридонъ Ѳедоровичъ, пойми, что нужно главное слѣдить за аккуратностью платежей,—вразумительно поучалъ Семенъ Игнатьевичъ:—вотъ, если къ пятому августа вамъ не уплатить тѣ одиннадцать тысячъ, которыя слѣдуетъ получить къ этому числу за заводскіе товары, то ты, Петръ, немедленно поѣзжай въ сосѣдній Смородинскъ и заложи тамъ въ банкъ пароходъ. Вотъ всѣ актовыя бумаги на него. Заложи осторожно, безъ шума: я уже тамъ забросилъ удочку и задержки не будетъ... Ну, потомъ въ другихъ дѣлахъ поступайте по инструкціи, а если что замѣтите необходимымъ, смотря по ходу дѣла измѣнить, разумѣется, измѣните...

Поговоривъ еще нѣсколько времени, Семенъ Игнатьевичъ предложилъ Спиридону Ѳедоровичу идти спать, а самъ остался вдвоемъ съ сыномъ.

— Видишь, Петръ, дѣла, братъ, плохи, мрачно проговорилъ отецъ.

Сынъ молча слушалъ, стоя около письменнаго стола и опершись на него пальцами правой руки. Отецъ угрюмо шагалъ по комнатѣ, смотря въ полъ. Онъ точно слѣдилъ за тѣмъ, какъ тѣнь отъ его высокой фигуры перебѣгаетъ по бархатнымъ складкамъ портьеры. Сынъ смотрѣлъ на полъ и только по временамъ

съ боку взглядывалъ на отца, не встрѣчаясь все-таки съ его глазами.

— Плохо, плохо, — повторилъ черезъ нѣсколько времени Семенъ Игнатьевичъ, потирая себѣ лобъ рукою, — если на хлѣбъ цѣна не поднимется, убытокъ получимъ... Да! Есть еще надежда на то, что доставку товаровъ въ Сибирь возьмемъ выгодно, тутъ, можетъ быть, дѣло выгоритъ и къ денежнымъ платежамъ будемъ имѣть свободныя деньги... Да! Трудно, Петръ, трудно...

Сынъ молчалъ; но по его взглядамъ, бросаемымъ изъ-подлобья на отца, было видно, что онъ желаетъ что-то сказать. Семенъ Игнатьевичъ замѣтилъ это.

— Ну, что же, Петръ, молчишь, а? — пытливо спросилъ онъ.

— Говорить мнѣ, папенька, нечего...

— Какъ нечего, Петръ, я вижу, что тебѣ есть что сказать...

Семенъ Игнатьевичъ остановился предъ нимъ и, пристально смотря ему въ глаза, сказалъ:

— Ты думаешь, что я напрасно не воспользовался случаемъ увеличить значительно сумму своихъ долговъ, чтобы потомъ объявить несостоятельность...

— Да, — робко взглядывая на него, отвѣтилъ сынъ.

— Нѣтъ, Петръ, ты ошибаешься: рано еще, рано... Пока можно тянуться, будемъ тянуться... Ну, если ужъ, какъ говорится, кривая не вывезетъ — тогда что дѣлать, тогда...

— Не будетъ-ли поздно тогда-то.

— Пожалуйста, будь спокоенъ: надѣлать долговъ никогда не поздно... Но я тебѣ скажу, Петръ, вотъ что...

Семенъ Игнатьевичъ оглянулся, какъ-бы желая удостовѣриться, что никто его не слышитъ — и потомъ тише прежняго продолжалъ:

— Если я найду нужнымъ объявить несостоятельность, то приготовлюсь къ ней, разумѣется, почище, чѣмъ ты можешь приготовиться. Да, почище!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону отъ сына и потомъ, вдругъ вернувшись къ нему, шопотомъ добавилъ:

— Но не дай Богъ этого!

Петръ Семеновичъ промолчалъ, въ душѣ совсѣмъ не соглашаясь съ словами отца. Онъ тоже былъ не лишенъ нѣкоторой доли сообразительности и догадывался, какія надежды питаетъ отецъ на будущее, но высказать ему свое соображеніе не находилъ возможнымъ, не хотѣлъ, или даже просто не могъ, не смѣлъ, зная, что отецъ по одному какому-нибудь слову можетъ подмѣтить его тайныя думы.

Такъ промолчали оба нѣсколько времени. Семенъ Игнатьевичъ неслышно шагаль по мягкому ковру; Петръ Семеновичъ нѣкоторое время стоялъ около письменнаго стола, но потомъ тихо опустился на близъ-стоявшій стулъ, справедливо сознавая, что еще нхъ разговоръ съ отцомъ далеко до конца. Иадали, въ минуту этого молчанія, донесся пароходный свистокъ и замеръ потомъ въ воздухѣ съ какимъ-то жалобнымъ дрожаніемъ. Оба, и отецъ и сынъ, прислушались и перекинулись короткимъ замѣчаніемъ о томъ, какой компаніи пароходъ и куда идетъ. Оба затѣмъ вышли изъ кабинета на балконъ. Ночь была теплая и тихая; необъятный куполъ неба, усыянный звѣздами, мигавшими въ своей невѣдомой дали, застилался кое-гдѣ темными обрывками облаковъ и, казалось, мрачно надвигался на землю. Ярко горѣлъ Юпитеръ, выдаваясь среди другихъ мелкихъ звѣздъ, и мысль Семена Игнатьевича ушла туда, въ необъятную даль, откуда лился этотъ яркій свѣтъ, какъ будто отыскивая тамъ себѣ утѣшенія, но она тотчасъ же вернулась обратно на землю, гдѣ ей было значительно больше интересовъ.

Оба стояли на балконѣ, слѣдя за движеніемъ парохода по искрамъ, выбрасываемымъ изъ его трубы, и вслушиваясь въ шумъ колесъ, ясно доносившійся до нихъ въ тишинѣ ночи.

— Сверху,—рѣшилъ наконецъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Да,—тихо отвѣтилъ сынъ.

И оба вернулись обратно въ кабинетъ.

Опять оба помолчали нѣкоторое время. Семенъ Игнатьевичъ, оствѣжившись нѣсколько на воздухѣ, сдѣлался какъ будто повеселѣе, и усѣвшись за письменный столъ противъ сына, бойко уложилъ ногу на ногу.

— Видишь-ли, Петръ, въ чемъ дѣло,—началь онъ ровнымъ, спокойнымъ тономъ,—вѣдь весь разговоръ о трехъ-стахъ тысячахъ долгу, на насъ лежащаго... Въ сущности это совсѣмъ не много: во-первыхъ, большая часть по банкамъ можетъ быть отсрочиваема; во-вторыхъ, заводское дѣло идетъ съ каждымъ годомъ лучше,—значить, къ чему же теперь круто измѣнять дѣло... Ну, разумѣется, если отъ хлѣба будетъ убытокъ, если доставка товаровъ въ Сибирь тоже пойдетъ въ убытокъ... Но вѣдь, знаешь, волка бояться—въ лѣсъ не ходить... Ну, пусть такъ, пусть убытокъ, тогда впереди большая надежда на твою женитьбу. Этимъ все дѣло поправится, большая часть долговъ очистится и пойдетъ машина полнымъ ходомъ... А сомнѣваться въ успѣхѣхъ этого дѣла нечего: все налажено и прилажено, и какъ только я вернусь

съ ярмарки, сейчас же васъ съ Людмилой Николаевной и окрутимъ.

Петръ Семеновичъ, при первыхъ словахъ объ его женитьбѣ, сосредоточился и старался оставаться, насколько только могъ спокойнѣе, боясь, чтобы отецъ не замѣтилъ какой-либо лишней мысли на его лицѣ или въ какомъ-либо его движеніи. Вся работа Петра Семеновича въ эти минуты была именно о томъ, чтобы не обратить на себя вниманіе отца. Это ему удалось, но собственно только благодаря тому, что Семенъ Игнатьевичъ при первыхъ словахъ о планахъ на счетъ его женитьбы поднялся со стула и сталъ опять ходить по кабинету. Не встань онъ въ это время, то непременно бы замѣтилъ, какъ Петръ Семеновичъ, желая оставаться покойнымъ, не выдержалъ своей роли и весь какъ-то съёжился. При разговорѣ отца о торговыхъ дѣлахъ, онъ сидѣлъ, наклонившись нѣсколько къ письменному столу, и повертывалъ въ руцѣ крышку хрустальной чернильницы, но когда отецъ началъ разговоръ о женитьбѣ, крышка эта вырвалась у него изъ рукъ, и онъ, вадрогнувъ и нѣсколько измѣнившись въ лицѣ, еще ниже наклонился къ столу. Ничего этого отецъ не замѣтилъ, увлеченный своими думами о благопріятномъ исходѣ дѣла по женитьбѣ сына.

— Не замѣчалъ ли ты, Петръ, чего-нибудь въ невѣстѣ такого... особеннаго...—вдругъ, перемѣняя тонъ, спросилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— То-есть въ какомъ смыслѣ?

— Ну, напримѣръ, какъ она къ тебѣ? Замѣтно-ли, значить, расположеніе, любовь эта самая...

— Да, она очень расположена. Это я замѣчаю... Вообще они всѣ очень хороши.

— Нѣтъ, ты мнѣ это прямо скажи, не запинаясь.

— О чемъ это?—удивленно взглядывая на отца, спросилъ Петръ Семеновичъ.

— О чемъ,—съ упрекомъ повторилъ отецъ,—о томъ же, о любви этой самой. Объяснялся-ли?

— То-есть... Какъ сказать... Оно, пожалуй, что и объяснялся,—отвѣтилъ Петръ Семеновичъ,—но если строго говорить, такъ, пожалуй, что настоящаго объясненія и не было... Да вѣдь вы и сами говорили, чтобы не торопиться очень...

— Гм! гм! Это все ты не то говоришь, Петръ. Я спрашиваю, знаешь-ли ты, что она тебя любитъ?

— Да, знаю.

— Это вотъ и главное.

Отецъ помолчалъ и потомъ тихе прѣжняго добавилъ:

— Я только вотъ на счетъ Ольги Ивановны немного въ сумѣнилъ.

— Что-жъ, она, кажется, ничего...

— Да-а, ничего-то ничего... но только, Петръ, хитра она, и дешево отъ нея не отдѣлаться намъ. Самъ-то Павелъ Павловичъ что, — такъ себя, клянется по зернышку, и отъ меня клянется, и отъ наслѣдства Людмила показывается — и сытъ. Его я отлично и насквозь вижу... Ну, а Ольга-то Ивановна — она не то... гм! гм!..

— Но къ чему вы это все говорите, папенька?

— А къ тому, что придется принасти ей кусокъ порядочный: она, братъ, умная баба и свое дѣло отлично хорошо понимаетъ.

Семенъ Игнатьевичъ былъ вообще очень сообразительный человекъ, но не въ осужденіе ему будь сказано, на счетъ Ольги Ивановны онъ ошибался. Вѣрно было одно въ его предположеніи, что Ольгѣ Ивановнѣ нужно будетъ дать еще порядочный кусокъ, однакожъ, быть однимъ она не имѣла намѣренія ограничиться: у ней планы были значительно сложнѣе, и имѣлось въ виду нѣчто другое, чего не знали ни Семенъ Игнатьевичъ, ни Павелъ Павловичъ, не зная тѣмъ болѣе Людмила, и только догадывался, да и то едва-едва, по однимъ лишь намекамъ — Петръ Семеновичъ. Онъ замѣчалъ, что Ольга Ивановна къ нему очень расположена, и это расположеніе, какъ онъ успѣлъ въ послѣднее время уловить, носило характеръ нѣсколько особенный отъ того расположенія, которое выражается открыто. Петръ Семеновичъ, однако, объ этомъ ничего ему не сказалъ. Впрочемъ, если бы онъ и больше зналъ отъ Ольги Ивановны на счетъ ея плановъ, то и въ томъ случаѣ не передалъ бы о нихъ отцу, такъ въ душѣ какія-то свои думы на счетъ женитьбы и на счетъ своихъ будущихъ отношеній ко всѣмъ лицамъ, его окружающимъ.

— Ну, Петръ, — заключилъ, наконецъ, Семенъ Игнатьевичъ, — теперь, кажется, все переговорено... Что-то, Богъ дастъ, армарна... Какъ пойдутъ дѣла — Богъ знаетъ... Отъ хлѣба, видно, убытокъ получимъ...

— Что дѣлать! Убытокъ и барышъ по одной дорогѣ ходить.

— Да, — вздохнулъ Семенъ Игнатьевичъ, и, помолчавъ, добавилъ: — завтра ты проводи меня... Спишь, братъ, долго, не хорошо: не просни невесту.

Семенъ Игнатьевичъ улыбнулся, и Петръ Семеновичъ, отвѣчая ему тоже улыбкой, сказалъ:

— Не беспокойтесь, дѣло налажено крѣпко.

— Ну, и дай Богъ!.. А все-таки приходи сюда въ шесть часамъ: поутру, чтобъ еще нужное, приметнется. Ну, иди съ Богомъ.

Семенъ Игнатьевичъ никогда не давалъ цѣловать руки сыну и, прощаясь, всегда подставлялъ щеку для поцѣлуя. Теперь, прощаясь съ сыномъ, онъ вспомнилъ дочь, и грустное чувство охватило его.

— Такъ вотъ, Петръ, — сказалъ онъ, — живемъ такъ-то, мучимся... Да, ни отдыха тебѣ въ семьѣ, ни покоя... Вонъ сестра-то твоя какъ поступила.

— Ну, что же, папенька, Богъ съ ней!

— Правда, да... Оно, конечно, не на худое какое дѣло пошла... А вѣдь все-таки разговоръ, суды да пересуды, да и сердце-то... оно тоже того... болить...

И вдругъ, съ разу переиѣвая тонъ, онъ посиѣшнѣе добавилъ, нахмури брови:

— Иди, Петръ, да скажи, чтобы утромъ не замѣшкались ребята — на пароходъ чтобы пораньше отправлялись.

Петръ Семеновичъ вышелъ изъ кабинета, и, проводивъ его, Семенъ Игнатьевичъ долго еще шагалъ по корридору своей комнаты, тяжело вздыхая. И ему было о чемъ вздыхать: положеніе дѣлъ было таково, что надъ нимъ приходилось теперь призадумываться. Вообще говоря, нижегородская ярмарка не для одного только Семена Игнатьевича была тяжелымъ кошмаромъ и не одинъ онъ изъ русскихъ купцовъ проводилъ безъ сна ночи при ея приближеніи. Ярмарка для многихъ купцовъ служила такимъ центромъ ихъ торговой дѣятельности, въ которомъ сосредоточиваются въ теченіи одного мѣсяца почти всѣ ихъ торговые вопросы, разрѣшаемые ходомъ дѣлъ этой ярмарки. Для Семена Игнатьевича ярмарка должна была тоже служить разрѣшеніемъ многихъ давившихъ его мукъ и сомнѣній, и разрѣшить можетъ быть даже вопросъ о томъ, долго-ли еще придется ему играть роль богача, и не заставить ли его идущія ему навстрѣчу событія выпить до дна горькую чашу скорбей, которую ему готовила судьба.

XXIII.

Семенъ Игнатьевичъ, не заѣзжая на нижегородскую ярмарку, проѣхалъ прямо въ Рыбинскъ, оставивъ на ярмаркѣ только своихъ «ребятъ», т.-е. приказчиковъ. Прошло четыре-пять дней, и онъ вернулся уже обратно, лично устроивъ въ Рыбинскѣ продажу хлѣба. Цѣна на хлѣбъ стояла низкая, и всѣ знали, что

хлѣбные торговцы въ этотъ годъ должны были получить большіе убытки. Купцы, имѣвшіе сношенія по дѣламъ съ Семеномъ Игнатьевичемъ, удивлялись, зачѣмъ онъ поторопился съ продажей хлѣба и не оставилъ его до будущаго года. Это удивленіе, встрѣчаясь съ тѣми слухами, которые были завезены на ярмарку изъ Малиновска, росло все болѣе и болѣе. Стали появляться слухи о томъ, что у Семена Игнатьевича въ дѣлахъ «нечисто», что оба они съ сыномъ задумывали какую-то «штуку отмочить», распустили слухъ о двухъ-стахъ тысячахъ свободнаго капитала, начали было ловко, да видно «штука не выгорѣла». Семенъ Игнатьевичъ, само собой понятно, объ этихъ слухахъ ничего не зналъ, но онъ не могъ не замѣтить, что его торговое значеніе въ эту ярмарку сильно поубавилось. Для такого самолюбиваго человѣка, каковымъ былъ Семенъ Игнатьевичъ, такая перемена была тяжела, и видно ужъ въ самомъ дѣлѣ года подходили такіе, или ужъ натерѣлись онъ много отъ тревогъ и заботъ прежнихъ лѣтъ, что ему стало не подъ силу играть роль богача, постоянно вѣрить въ счастливую свою звѣзду. Эта звѣзда оказывалась какой-то хитрой волшебницей и только заманивала впередъ, а счастья не давала: умибнется на какихъ-нибудь тысячахъ, а на десяткахъ и сотняхъ тысячъ обманетъ самымъ коварнымъ образомъ, какъ это случилось теперь и съ хлѣбомъ. Продажа хлѣба принесла Семену Игнатьевичу не только денежный убытокъ, но и на его кредитъ оказала самое неблагоприятное вліяніе. Купцы, слышавшіе о свободныхъ двухъ-стахъ тысячахъ денегъ, бывшихъ у Семена Игнатьевича передъ ярмаркой, рассуждали по новоду продажи имъ хлѣба съ недоумѣніемъ. Какъ же такъ, говорили они, ежели бы свободныя деньги были, то на кой шутъ продавать хлѣбъ — подождать-бы. Значить, денегъ-то нѣтъ, значитъ вправду Малиновскіе-то купцы говорятъ, что у него дѣло «нечисто». Отъ одного купца слухъ доходилъ до другого, добирался, наконецъ, до третьяго, который, оказывалось, зналъ, что хлѣбъ изъ Рыбнискъ у Семена Игнатьевича былъ не весь его, а частью даже комиссіонный, и только для пущей важности выдавался за его собственный, и эта комиссіонность покупки хлѣба на чужія деньги оказывалась, по словамъ умѣвшаго ловко врать человѣка, такой, благодаря которой капиталистъ, вѣрившій деньги Семену Игнатьевичу, теперь не дополучилъ всей суммы своего долга и принужденъ былъ отсрочить его платежъ до будущей ярмарки. Ида далѣе, толки о Семенѣ Игнатьевичѣ встрѣчались съ толками другихъ купцовъ, пріѣхавшихъ изъ Малиновска, которые къ рассказамъ о дѣлахъ Семена Игнатьевича прибавляли

еще кое-что своего, и на счетъ большого долга въ малиновскій банкъ, и на счетъ несправностей въ исполненіи какого-то подряда, въ обезпеченіе котораго были взяты у тѣхъ же Устинова банковые билеты и теперь не возвращаются, хотя давно уже прошелъ обязательный для нихъ возвращенія срокъ. Эти послѣднія новости вырвали въ Малиновскѣ уже во время отсутствія отсюда Семена Игнатьевича. Положимъ, Семенъ Игнатьевичъ не слышалъ лично этихъ новостей, но не могъ же онъ не замѣчать и въ самомъ тонѣ разговора съ нимъ нѣкоторыхъ купцовъ что-то такое, чего раньше никогда не замѣчалъ.

— Что, Семенъ Игнатьевичъ, нынче съ хлѣбцомъ-то потопились? — спрашивается, напримѣръ, какой-нибудь старинный знакомый купецъ.

— Да оставлять не захотѣлось: кто знаетъ, что будетъ тамъ дальше-то... Цѣна падаетъ... — отвѣчалъ Семенъ Игнатьевичъ и сосредоточивался, стараясь уловить по тону отвѣта мысли собесѣдника.

— Это точно, Семенъ Игнатьевичъ, это точно, и въ самомъ дѣлѣ—кто знаетъ впередъ, а оно лучше—развязался и чистъ...

Собесѣдникъ, говоря эти слова, быть можетъ, былъ совершенно искрененъ, а Семену Игнатьевичу казалось, что въ его тонѣ звучитъ скрытая насмѣшка и злораство.

Такъ съ первыхъ дней ярмарки Семенъ Игнатьевичъ сталъ подозрительно смотрѣть на всѣхъ своихъ знакомыхъ, замѣтивъ по рѣчамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и по тону этихъ рѣчей, и по содержанію ихъ, что его положеніе между ними какъ будто бы измѣняется, что они какъ будто бы относятся къ нему не такъ, какъ, бывало, относились прежде. Придетъ-ли въ трактиръ — попить по обыкновенію съ пріятелемъ чайку, и ему кажется, что на него многіе посматриваютъ съ большимъ любопытствомъ и именно хотятъ этими взглядами добыть свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи его дѣла.

— Ну что, — спрашивали другъ друга купцы, имѣвшіе дѣла съ Семеномъ Игнатьевичемъ, — слышалъ объ Ивановѣ?

— Слышалъ. Боязно, братъ, — онъ мнѣ пятнадцать тысячъ долженъ... Не знаю — платить-ли...

— Платить. Все вздоръ городать. Видѣлъ я его вчера въ трактирѣ, нарочно присматривался, — ничего, хорошо.

— А я вотъ позавчера его смотрѣлъ, столкнулся тоже случайно за обѣдомъ: не хорошъ былъ, часто что-то хмурился и оглядывался. Похоже что-то будто на худое, такъ я помню разъ здѣсь же вотъ, на ярмаркѣ, такъ-то оглядывался одинъ нашъ

должникъ, думали нездоровъ, а онъ на другой день несостоятельность на полтора милліона ухнулъ!

— Нѣтъ, я видѣлъ, ничего, веселый! — утѣшалъ товарищъ.

Но утѣшаемый, должно быть, уже видалъ на своемъ вѣку виды и плохо поддавался утѣшеніямъ.

— Да, толкуй! Знавалъ я и веселыхъ. Одинъ тоже такъ-то хохоталъ со мной съ вечера, а наутро посылаю къ нему съ векселемъ, — говорятъ, убѣжалъ съ армарки. Вотъ тутъ и присматривайся къ лицамъ-то!

— Да неужели ты думаешь, что у Иванова такъ дѣла плохи, что онъ убѣжить? Что ты, сомовая голова, подумай, развѣ это можно? Человѣкъ ведетъ дѣла тридцать лѣтъ, у него ихъ видимо-невидимо, одного служащаго народу при немъ здѣсь нѣтъ ли десятка полтора человѣкъ — и вдругъ убѣжить... Куда?

— Оно точно-что... — задумчиво почесывался слушатель, а все какъ-то гляжу я на него, онъ не ладно смотреть.

— Ну, это другой разговоръ — тебѣ, можетъ статься, такъ показалось, не приглядѣлся, а можетъ и такъ ему не поздоровилось. Мало ли что, человѣкъ не молодой, и лѣтомъ хворалъ...

Иной разъ Семень Игнатьевичъ, сидя въ трактирѣ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ пріятелей, намѣренно старался смотрѣть въ другую сторону, чтобы избѣжать встрѣчи съ кредиторами, а они, между тѣмъ, такъ и совались на глаза, и многіе изъ нихъ вертѣлись предъ его глазами и жужжали свои пріветствія.

— А, Семень Игнатьевичъ! Наше вамъ наиглубочайшее! Слышали, слышали! похворать соблаговолили... Очень чудесно поправились — лучше лучшаго.

И минуту спустя уже тыкались носомъ около его плеча и шептались.

— Нельзя-ли будетъ, Семень Игнатьевичъ, нынче поранѣе... а ежели бы можно безъ граціонныхъ дней, а прямо въ первый день срока...

— Хорошо, хорошо... Тамъ посмотримъ, будетъ видно по ходу дѣла...

День за днемъ шелъ, и каждый самъ по себѣ приносилъ ему свои огорченія, досады и радости: то ожидалось получение по векселю на значительную сумму и тревожило до тѣхъ поръ, пока не оканчивалось благополучно, то заботили заводскіе товары, запроданные Семеномъ Игнатьевичемъ, но еще не сданные покупателю, и думалось, удастся-ли ихъ благополучно сдать и получить сполна наличностью, — то платежи по срочнымъ векселямъ не давали покою, порождая сожалѣніе о томъ, что нельзя

отдалить ихъ платежъ на новый срокъ. Во время этихъ думъ и сожалѣній подвергивался иной разъ какой-нибудь старинный пріятель, съ которымъ Семенъ Игнатьевичъ лѣтъ двадцать велъ торговня дѣла и теперь встрѣтился послѣ годовой разлуки. Пріятель этотъ выражалъ соболѣзнованія объ убыткахъ отъ хлѣба, полученныхъ Семеномъ Игнатьевичемъ въ Рыбинскѣ, и упрекалъ его дружески за то, что онъ не продалъ хлѣба раньше, когда цѣна шла въ гору. Эти упреки, хотя и дружескіе, не могли, разумѣется, не раздражать Семена Игнатьевича, и всего болѣе тѣмъ, что были совершенно бесполезны. Простодушный пріятель, не замѣчая раздраженія Семена Игнатьевича, начиналъ тануть слово за словомъ о томъ, что лучше бы было вовсе не продавать хлѣба и ждать повышенія цѣны. Семенъ Игнатьевичъ старался свести разговоръ на другую тему и внутренно бранился за вѣшательство въ его дѣла, а пріятель въ это время, увлеченный своими разговорами, ласково трепалъ его по плечу и утѣшалъ надеждою на будущее. «Ничего, ничего, товарищъ, крѣпись, тебя еще лѣтъ на двадцать хватить», — увѣрялъ простодушный собесѣдникъ. Семенъ Игнатьевичъ улыбался изъ уваженія къ лѣтамъ и богатству пріятеля, говорилъ ему о чести и долгѣ каждаго трудиться, а у самого сердце кошки скребли, и думалъ онъ: — «ладно тебѣ, старому дураку, такъ-то говорить, при богатствѣ твоёмъ; запречь бы тебя въ мои оглобли, тогда бы узналъ, когда нужно продавать хлѣбъ».

По вечерамъ, когда кончалась суета торговаго дня, Семенъ Игнатьевичъ усаживался за свой письменный столъ и начиналъ составлять различные своды и соображенія по дѣламъ; но эта работа постоянно кончалась тѣмъ, что онъ сердито отбрасывалъ ее отъ себя въ сторону, потомъ рвалъ всѣ составленные имъ своды и соображенія и шаталъ изъ угла въ уголъ, мрачно хмуясь. Чтобы не оставаться весь вечеръ одному, онъ шелъ въ театръ, искалъ встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ и возвращался въ свой номеръ уже не изъ театра, а изъ трактира. Приказчики удивлялись, замѣчая въ Семенѣ Игнатьевичѣ странныя перемены и перешептывались между собою о положеніи его дѣлъ. Возвратившись иной разъ изъ театра, Семенъ Игнатьевичъ не могъ долгое время заснуть — и опять всѣ его служащіе задумывались: отчего Семенъ Игнатьевичъ находится въ такомъ тревожномъ состояніи?

Наступало утро, приносило новыя заботы: опять товары, получение денегъ, платежи, пріемъ грузовъ на доставку и т. п. Такъ шло опять до вечера, а вечеромъ опять та же истерія,

что и вчера. Семенъ Игнатьевичъ сталъ замѣчать, что съ нимъ творится что-то неладное, но не имѣлъ силъ противостоять тому тяжелому, душевному состоянию, которое подъ часъ сильно его одолевало. То его сосетъ тоска о платежахъ по векселямъ осеннимъ, которыхъ сумма значительно превышаетъ всю наличность кассы, имѣющую скопиться въ этоу времени, то вдругъ среди этихъ заботъ выступаетъ на первый планъ и все ступшевываетъ воспоминаніе о прежней своей семейной жизни. Была жена, — думаетъ онъ, росли дѣти, лепетали такъ сладко и кругомъ все было такое хорошее, теплое... Гдѣ теперь все? Все разлетѣлось: жена въ могилѣ, дочь ушла, сынъ не въ достаточной степени энергическій человѣкъ, не такой, какимъ его представлялъ себѣ Семенъ Игнатьевичъ въ то время, когда онъ бѣгалъ верхомъ на палочкѣ.

Но мрачныя думы не всегда давили его, и бывали часы, когда для Семена Игнатьевича будущее вновь казалось такимъ свѣтлымъ, заманчивымъ: вотъ женится сынъ и поправятся всѣ ихъ дѣла. «Вотъ мы тогда», — думаетъ онъ, «съ двумя-тостами тысячь приданого невѣсты разведемъ дѣло на самую широкую, можно сказать, ногу...

Такъ боролись въ головѣ Семена Игнатьевича мысли, перебивая одна другую. Въ тѣ дни, когда огорченіе было меньше, мысли не были особенно мрачны; если же огорченіе было больше — мысли становились мрачнѣе. Въ общемъ своемъ ходѣ, дѣла Семена Игнатьевича были значительно хуже, чѣмъ онъ ожидалъ, отправляясь въ ярмарку. Много платежей не оправдалось, и этимъ еще болѣе усложнились его заботы о предстоящихъ осенью уплатахъ по долгамъ. Доставка товаровъ въ Сибирь, на которую онъ полагалъ тоже большія надежды, въ общемъ итогѣ свелась къ тѣмъ результатамъ, какихъ онъ не ожидалъ: доставщиковъ явилось между купцами нѣсколько новыхъ, и они понизили цѣну значительно и захватили въ свои руки много грузовъ. Семенъ Игнатьевичъ получилъ грузовъ всего только половину противъ того количества, на которое рассчитывалъ, и подумывалъ даже о томъ, что едва-ли и отъ этой половины онъ не получитъ еще убытка, именно по той причинѣ, что цѣна была сбита.

И во всѣхъ этихъ заботахъ по торговлѣ, примѣнивалась еще обида: довѣренный изъ Петербурга уведомилъ, что Машу онъ нашелъ, но что денегъ она отъ него не взяла и брать не хочетъ.

— Ну, дурить дѣвка! Продурится — лучше будетъ, — рассер-

дился Семень Игнатьевичъ, разрывая въ клочии письмо довѣреннаго.

— Что, Семень Игнатьевичъ, какъ ярмарка?—спрашивали иной разъ знакомые купцы.

И Семень Игнатьевичъ, вѣрный своей роли, цѣлую жизнь имъ разыгрываемой, начиналъ хвалить дѣла ярмарки и, воодушевляясь, трепалъ по плечу своихъ собесѣдниковъ, расхваливая и ихъ самихъ тутъ же, зная по многолѣтнему житейскому опыту, что похвала никогда не повредитъ. Собесѣдники въ отплату хвалили его и, такимъ образомъ, на нѣкоторое время всѣ чувствовали себя довольными, пока не расходились въ разныя стороны.

— А что, братъ, каковъ Ивановъ, Семень Игнатьевичъ:—схватилъ, говорятъ, подѣ шестьдесятъ тысячъ убытку въ Рыбинскомъ.

— Врутъ,—разувѣрялъ собесѣдникъ,—вру-утъ! не вѣры!

— Какъ врутъ! Разговаривай! Вѣдь я знаю, чай, цѣну-то, почему покупали зимой хлѣбъ-то на волжскихъ и камскихъ пристаняхъ, знаю, почему платили доставку, ну, чего еще тутъ толковать-то...

— Врутъ, не вѣры! Всего-то на-всего убытку тысячъ развѣ сорокъ пять, не больше...

И собесѣдникъ, до сихъ поръ хмурившійся, начиналъ смѣяться во все горло, точно убытокъ Семена Игнатьевича доставилъ ему невыразимое удовольствіе.

— По подрадамъ съ казной, говорятъ, онъ по зимѣ-то сильно ожегся...

— Врутъ!—опять хмурился собесѣдникъ и потомъ со всего размаху хлопалъ по плечу товарища, предлагая ему роснить вмѣстѣ «смоляную голову».

— Н-да-а-съ!—толковали они чрезъ нѣсколько времени, распивая вино:—умный человѣкъ, а не везетъ ему!

— Ничего, вывернется... Повѣрь мнѣ, въ лучшемъ видѣ еще вывернется...

— Долговъ, сказываютъ, достаточно...

— Умень больно и ловокъ. То-есть, я тебѣ скажу—голова! Долги что—пустяковина; знаемъ, довольно достаточно народонъ въ долгахъ-то живутъ-поживаютъ. Главная причина, чтобы духъ былъ вольный, бравый—вотъ что! а у Иванова онъ всегда въ настоящей препопортціи. Молодчина онъ—первый сорты!...

Слыхалъ-ли такіе или другіе отзывы о себѣ Семень Игнатьевичъ—неизвѣстно, но что къ концу ярмарки онъ сталъ чаще и

чаще оглядываться, сидя въ трактирахъ за чаемъ съ своими собратами,—это замѣчали многіе.

— Что-то нашъ министръ Семень Игнатьевичъ нинѣшнюю ярмарку будто не по себѣ,—замѣчали нѣкоторые изъ собратовъ.

— Нездоровъ, говорить, и все будто еще послѣ болѣзни.

— Гм-да—многозначительно хмуясь, покрѣживали они и пытливо поглядывали на Семена Игнатьевича каждый разъ, какъ встрѣчали его.

Такъ шли дни за днями, и пришелъ наконецъ день отъѣзда Семена Игнатьевича. Къ концу ярмарки дѣла какъ будто опять немого поуладились; нѣкоторыя сомнительныя полученія, за которыя онъ очень опасался, оправдались, нѣкоторыя предположенія по дѣламъ хорошо удались. Но все-таки въ общемъ итогѣ ярмарки, выводы получились для Семена Игнатьевича тяжелые, и для осеннихъ платежей недоставало значительной суммы денегъ.

Сдѣлавъ, наконецъ, всѣ нужныя распоряженія, Семень Игнатьевичъ собрался домой.

«Чортъ ее поberi совсѣмъ, эту ярмарку», ворчалъ Семень Игнатьевичъ, сидя уже на пароходѣ и смотря на суетившійся на берегу людъ: «нѣтъ тебѣ часа покойнаго и нѣтъ тебѣ настоящаго такого мѣста, гдѣ-бы дѣйствительно можно было отдохнуть душой».

Онъ погладилъ свою бороду, потомъ снялъ шляпу и потеръ себѣ лобъ, ощущая боль головы.

— Подлое мѣсто, я гряди въ немъ всего больше,—заклочилъ онъ, вставая, и это заключеніе видимо относилось все къ той-же ярмаркѣ, которая точно уплывала теперь отъ него вмѣстѣ съ берегомъ, полнымъ суетившагося народа.

До той минуты, пока пароходъ тронулся въ путь, онъ сидѣлъ на трапѣ и безучастно оглядывалъ берегъ, гдѣ одна шумная сцена смѣнялась другою, слышалась брань, толкотня, и все это вмѣстѣ взятое нѣсколько развлекало его мысли; но когда пароходъ тронулся въ путь и берегъ сталъ отходить со всѣми своими амбарами, возами и шумящими толпами разнообразнаго люда, Семень Игнатьевичъ вдругъ всталъ на ноги и глубоко вздохнулъ, точно этотъ моментъ отплати парохода имѣлъ для него рѣшающее значеніе.

«Чортъ ее воемъ, проклятая, истомила всю душу!»—Такъ думая, онъ отвернулся въ противоположному берегу, гдѣ уже начинала показываться луговая сторона Волги, пестрѣи по временамъ то желтизною песчанаго берега, то прибрежными кустами. Но и этотъ видъ не по сердцу пришелся Семену Игнатьевичу. Онъ всталъ съ своего мѣста и, чувствуя, что по мѣрѣ увели-

ченія движенія парохода, увеличивается и вѣтеръ, плотнѣе на-
двинулъ на голову шляпу и приподнялъ воротникъ своего дра-
пового пальто.

Спусти десять-пятнадцать минутъ, онъ уже сидѣлъ за зеле-
нымъ столомъ, играя въ карты. Лицо его нѣсколько пораскрас-
нѣлось, глава какъ-то болѣе чѣмъ всегда гурѣли и несмотря на
то, что онъ по временамъ посмѣивался, подавленные вздохи все-
таки пробивались на волю, брови Семена Игнатьевича хмурились,
и видно было, что въ картахъ онъ искалъ того-же, чего искалъ
на ярмаркѣ, стараясь избавиться отъ гнетущихъ его думъ.

Ходить-ли онъ по палубѣ, разминая спину послѣ игры въ
карты, сидѣть-ли на трапѣ около рулевого колеса и смотреть
на унылый берегъ рѣки, наводящій тоску своей пустынною,
слѣдить-ли за волнами, длинной полосой и въ правильномъ по-
рядкѣ бѣгущими съ обѣихъ сторонъ пароходныхъ колесъ —
одна мысль преслѣдуетъ его: чтѣ-то скажетъ зима, и подъ одно-
образный шумъ пароходной машины эта мысль точитъ его
сердце.

«Фу ты, чортъ, какая однако тоска на пароходѣ—ни
одной знакомой души!»—ворчитъ онъ себѣ подъ носъ, забывая,
что садясь на пароходъ, онъ такъ желалъ избѣжать встрѣчи съ
знакомыми.

Опять карты, опять тоска и тяжелый тревожный сонъ. Ви-
дитъ онъ во снѣ жену, шепчетъ она ему что-то въ своей пред-
смертной агоніи, что-то руками показываетъ, точно силится о
чемъ-то еще сказать. Догадывается Семенъ Игнатьевичъ, что она
зоветъ дѣтей, онъ приводитъ ихъ къ ея постелѣ и плачетъ надъ
ними, и вдругъ оказывается, что это умираетъ не жена его, а
невѣста Людмила Николаевна, и Семенъ Игнатьевичъ еще больше
плачетъ о смерти Людмилы, созная, что теперь съ ея смертію
рушатся всѣ его надежды на поправленіе дѣлъ. Просыпается
Семенъ Игнатьевичъ отъ этого тяжелого сна и долго не можетъ
отличить окружающей его дѣйствительности отъ только-что ви-
дѣннаго имъ во снѣ. Въ его отдѣльной каютѣ тьма, въ окно
видны только какіе-то темные силуэты амбаровъ и не слышно
шума пароходной машины, къ которому за два дня плаванія
онъ уже такъ привыкъ; слышится, вмѣсто этого, какой-то стран-
ный говоръ, гдѣ-то тамъ около тѣхъ темныхъ силуэтовъ, которые
Семенъ Игнатьевичъ замѣтилъ въ круглое оконце своей каюты.
Вдругъ надъ его головой раздается страшный трескъ, онъ пуг-
ливо вздрагиваетъ, и въ то же время ему дѣлается совершенно
понятною причина этого треска; пароходъ стоитъ у пристани и

грузить дрова, трескъ идетъ отъ того, что ихъ сваливаютъ носильщики на пароходную палубу. Семенъ Игнатьевичъ нѣсколько успокоивается, зажигаетъ свѣчу, закуриваетъ папироску и садится на диванъ, служащій ему и кроватью.

«Что это такое», думаетъ онъ, я видѣлъ во снѣ? Сонъ-ли меня разбудилъ, или отчаянное бросанье дровъ на палубу? Отчего это я такъ испугался?»

Сонъ между тѣмъ начинаетъ постепенно воскресать въ его воображеніи и сливаться съ той дѣйствительностью, которая его окружала въ Малиновскѣ до отъѣзда его на нижегородскую ярмарку. Вспоминается сынъ, его невеста, двѣсти тысячъ приданаго, гулянье въ лѣсу и его ужасъ при видѣ дочери на отпыхающемъ отъ Малиновской пристани пароходѣ. Эти воспоминанія мало-по-малу овладѣваютъ Семеномъ Игнатьевичемъ и не замѣчаетъ онъ, какъ время отъ времени громыхаютъ на палубу прямо надъ его головой груды дровъ, какъ потомъ пароходъ засвистѣлъ и зашумѣлъ колесами, снова отправившись въ путь. Семенъ Игнатьевичъ все сидѣлъ на диванѣ и держалъ въ рукѣ давно загаснувшую папиросу. Стеариновый огарокъ свѣчи сталъ уже оплывать, догорѣлъ, и вспыхнула бумажка, въ которую завернута была догорѣвшая свѣча. Онъ тихо поднялся съ мѣста, зажегъ другую свѣчу, стоявшую около догорѣвшей, и едва-ли даже отдавалъ самъ себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ. Чрезъ нѣсколько времени раздался съ палубы шумъ и говоръ, и, какъ-бы очнувшись отъ своихъ думъ, онъ поднялся съ дивана. Замѣтивъ, что пароходъ отвалилъ отъ берега, онъ свободнѣе вздохнулъ: шумъ колесъ и правильный стукъ машины какъ будто уменьшали нѣсколько его сосредоточенность. Онъ подошелъ къ круглому окошечку каюты, посмотрѣлъ въ него и ничего не замѣтилъ, кромѣ воды, плескавшейся по временамъ мимо окна брызгами, летѣвшими отъ пароходнаго колеса.

— Уснуть бы опять... Уснуть бы хорошо.— Но погасивъ свѣчу и полежавъ минутъ десятокъ на диванѣ, онъ снова всталъ и вышелъ на палубу. Проходя чрезъ общую пассажирскую залу, онъ позавидовалъ пассажирамъ, своимъ недавнимъ товарищамъ по картамъ, видя, съ какимъ увлеченіемъ они продолжаютъ игру, рѣжутся въ стуколку и сидятъ безъ сюртуковъ, засучивъ рукава своихъ рубашекъ. Идетъ шумъ, споръ, смѣхъ. На столѣ деньги, вино, папиросы, пепелъ. При входѣ его одинъ купецъ приставалъ къ другому, требуя, чтобы онъ открылъ карты, но тотъ отоваривался и приглашалъ выпить.

— Я пить не хочу... Ты мнѣ зубы не заговаривай!...

- Я не заговариваю, а разговариваю.
- Нѣтъ, ты заголи прикупку. Нечего стыдиться-то...
- Не хочу заголять, уговору такого не было.
- Ну, такъ выпей вина...
- И пить не хочу, и заголять не хочу.

Игроки увидали проходящаго черезъ залу Семена Игнатьевича и нѣсколько попритихли, инстинктивно сознавая, несмотря на свое опьянѣніе, его превосходство надъ ними. Однако-же одинъ изъ нихъ, значительно болѣе раскрасѣвшійся, чѣмъ его товарищи, предложилъ, улыбаясь пьяной улыбкой:

— Не присусѣдитесь-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ... У меня голова болитъ, сухо отвѣтилъ Семенъ Игнатьевичъ, спѣша выдти изъ душной атмосферы на воздухъ.

Съ палубы онъ скоро вернулся назадъ, не находя мѣста, гдѣ бы можно было присѣсть, такъ какъ вездѣ, и на скамьяхъ и на тюкахъ багажа, и даже прямо на полу палубы спали пассажиры.

«Счастливыне!» подумалъ онъ, снова сѣдя одиноко въ своей каютѣ.

Д. СТАХЗЕВЪ.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ БАНКИ

И

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ *).

Когда, предъ осуществленіемъ крестьянской реформы, прекратилась выдача ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній изъ существовавшихъ въ то время государственныхъ кредитныхъ установленій, вопросъ о созданіи земельного кредита на иныхъ основаніяхъ долгое время сосредоточивалъ на себѣ вниманіе правительства, общества и періодической печати. Эти совокупныя усилія вызвали, наконецъ, осуществленіе двухъ обществъ взаимнаго поземельнаго кредита: херсонскаго земскаго банка и общества взаимнаго поземельнаго кредита. Затѣмъ, за это дѣло взялись капиталисты, и почти одновременно учредилось значительное число акціонерныхъ земельныхъ банковъ.

Послѣ того, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, всѣ какъ-бы забыли о волновавшемъ ихъ вопросѣ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени учредившіеся банки успѣли не только выдать до 300 милл. ссудъ, но и обнаружить крайнюю несостоятельность нѣкоторыхъ сторонъ усвоенныхъ ими формъ долго-срочнаго кредита.

Теперь всеобщее вниманіе снова вернулось къ этому вопросу. Упадокъ курса нашего кредитнаго рубля и другія случайныя обстоятельства сосредоточили его предпочтительно на обществѣ

*) Настоящая статья содержитъ заключительные выводы изъ матеріаловъ, собранныхъ авторомъ и предложенныхъ въ распоряженіе земства Полтавской губерніи.

взаимнаго поземельнаго кредита. Но и акціонерныя земельныя банки заслуживаютъ вниманія даже въ большей степени по той причинѣ, что нашему землевладѣнію представляется еще возможность освободиться отъ ихъ зависимости.

Для нагляднаго уясненія того, что слѣдуетъ предпринять въ этомъ отношеніи, необходимо прежде припомнить условія, при которыхъ эти банки учредились, и ту организацію земельного кредита, которая ими создана.

I.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ была образована, по высочайшему повелѣнію, особая коммиссія для начертанія главныхъ основаній устройства банковъ долгосрочнаго кредита. Окончивъ занятія въ 1860 г., она опубликовала свои труды, и четыре года спустя, 29 мая 1864 г., по выработанному ею образцу учредился, на началѣ взаимнаго ручательства заемщиковъ, единственный до сихъ поръ земскій банкъ—херсонскій. Два года спустя, 1 іюля 1866 г., образовалось общество взаимнаго поземельнаго кредита, уставъ котораго разнился отъ устава херсонскаго земскаго банка главнѣйше тѣмъ, что операціи этого общества, сверхъ взаимнаго ручательства, обезпечивались еще особымъ складочнымъ капиталомъ въ размѣрѣ 5%, съ суммы выдаваемыхъ ссудъ, и закладные листы общества выпускались не на кредитный рубль, а на металлическую валюту. По прошествіи еще 5 лѣтъ, 4 мая 1871 г., учредился первый акціонерный земельный банкъ—харьковскій. Вслѣдъ за утвержденіемъ его устава, взаимныя утвержденія представленнаго министромъ финансовъ проекта нормальнаго положенія о земскихъ банкахъ и въ разъясненіе 68-й ст. Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, предоставлявшей губернскимъ земскимъ собраніямъ ходатайствовать объ учрежденіи земскихъ банковъ, воспослѣдовало высочайше утвержденное 17 мая 1871 г. мнѣніе государственнаго совѣта: въ видахъ воспособленія мѣстному землевладѣнію и сопряженнымъ съ нимъ отраслямъ промышленности, предоставлено было какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ учреждать, между прочимъ, кредитныя установленія для выдачи долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности той же губерніи или уѣзда посредствомъ выпуска процентныхъ закладныхъ листовъ, погашаемыхъ ежегодно по тиражу и обезпеченныхъ, сверхъ залоговъ, подѣломъ выданныхъ ссуды, круговымъ ручательствомъ заемщиковъ, либо

основнымъ банковымъ капиталомъ — съ тѣмъ, чтобы въ послѣднемъ случаѣ сумма выпущенныхъ листовъ, при обезпеченіи ихъ основнымъ капиталомъ, безъ круговаго ручательства заемщиковъ, не превышала свой капиталъ болѣе, чѣмъ въ десять разъ. Уставы такихъ земскихъ долгосрочныхъ банковъ было предоставлено утверждать министру финансовъ по образцу прежде утвержденныхъ уставовъ херсонскаго и харьковскаго банковъ и общества взаимнаго поземельнаго кредита, входя, въ случаѣ необходимости существенныхъ и заслуживающихъ уваженія отступленій, съ представленіемъ о томъ въ государственный совѣтъ. Чистую прибыль отъ операций земскихъ кредитныхъ учреждений, которыхъ основные капиталы были бы образованы изъ остатковъ отъ земскихъ сборовъ (за отчисленіемъ процентовъ въ запасные капиталы и за покрытіемъ расходовъ по управленію) вмѣнялось обращать, по усмотрѣнію земскихъ собраній, на усиленіе основныхъ капиталовъ этихъ учреждений, или на удовлетвореніе настоятельныхъ нуждъ земства, и особенно на усиленіе кредита, потребнаго крестьянскому населенію, учрежденіемъ ссудо-сберегательныхъ кассъ. Въ теченіи года послѣ изданія этого законодательнаго акта не учредилось однако ни одного земскаго банка; но въ то же время утверждены были уставы полтавскаго и тульскаго акціонерныхъ земельныхъ банковъ, а 31 мая слѣдующаго 1872 г. изданы и общія временныя правила относительно учрежденія частныхъ кредитныхъ установленій, какъ акціонерныхъ, такъ и основанныхъ на круговомъ ручательствѣ; уставы такихъ банковыхъ учреждений, съ капиталомъ не свыше 5 милл. руб., предоставлено утверждать министру финансовъ, причемъ хотя порядокъ учрежденія земскихъ кредитныхъ установленій оставленъ тотъ же, какой установленъ 17 мая 1871 г., но относительно банковъ долгосрочнаго земскаго кредита сдѣлано общее ограниченіе, чтобы въ одной и той же губерніи не допускалось совмѣстное дѣйствіе болѣе двухъ такихъ банковъ, кромѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита. На основаніи этихъ послѣднихъ правилъ въ теченіи года учредилось еще 8 акціонерныхъ земельныхъ банковъ; въ концѣ 1873 г. они распространили, вмѣстѣ съ прежними, свое дѣйствіе на 39 губерній, 3 области и 1 градоначальство. Первоначальный основной капиталъ акціонерныхъ банковъ составлялъ 13.500,000 р.; въ послѣдствіи онъ нѣсколько увеличился выпускомъ новыхъ акцій. Къ 1 января 1877 г. ими было выдано ссудъ, а, слѣдовательно, и выпущено закладныхъ листовъ, на сумму 167.327,090 рублей.

Существенныя черты организаціи этихъ банковъ заключаются

въ слѣдующемъ: акціонерные земельные банки выдаютъ ссуды не наличными деньгами, а закладными листами, подъ залогъ недвижимой собственности, въ размѣръ 60% противъ сдѣланныхъ ими оцѣнокъ закладываемыхъ имѣній, взиная въ теченіи 43 1/2 лѣтъ 6% роста, 1/2 процента погашенія и 1% на издержки управленія, составленія запаснаго капитала и въ дивиденды акціонеровъ; сверхъ того, при заключеніи займа, вимается еще одновременно 1% преміи съ каждой сотни ссуды; количество выпущенныхъ каждымъ банкомъ закладныхъ листовъ не можетъ превышать болѣе, чѣмъ въ десять разъ, складочный и запасный капиталъ банка. Правленія банковъ избираются изъ акціонеровъ, изъ которыхъ исключительно составляются и общія собранія, безъ всякаго участія заемщиковъ и владѣльцевъ закладныхъ листовъ; всѣ барыши отъ операцій распределяются между одними акціонерами.

II.

Если вникнуть въ устройство акціонерныхъ земельныхъ банковъ, то нельзя не признать, что всѣ они не заслуживаютъ названія банковъ, а составляютъ не что иное, какъ комиссіонныя конторы. Они не ссужаютъ землевладѣльцевъ ни принадлежащими имъ капиталами, ни тѣми, которые ввѣрялись бы имъ публикою. Дѣйствительными вѣрителями землевладѣльцевъ являются тѣ лица, которыя приобрѣтаютъ выпускаемые закладные листы или покупкою, или въ удовлетвореніе прежде заключенныхъ обязательствъ. Роль земельныхъ банковъ ограничивается исключительно посредничествомъ между землевладѣльцами и капиталистами, сперва выясненіемъ истинной цѣнности имѣнія и того размѣра кредита, который способна вынести при всякихъ обстоятельствахъ та или другая недвижимость во все время займа, а затѣмъ полученіемъ отъ заемщиковъ срочныхъ платежей, своевременно выдачею процентовъ владѣльцамъ закладныхъ листовъ, постепеннымъ погашеніемъ ихъ тиражемъ и, наконецъ, понужденіемъ неисправныхъ залогодателей къ выполнению принятыхъ на себя обязательствъ мѣрами, установленными въ уставѣ. Изъ складочнаго своего капитала они не выдаютъ заемщикамъ ни копѣйки, и этотъ капиталъ всецѣло остается въ распоряженіи акціонеровъ, служа только обезпеченіемъ вѣрности платежа процентовъ и выкупа закладныхъ листовъ путемъ тиражей. Очевидно, что, при такой задачѣ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, предприниматели ихъ имѣютъ

только право на комиссионный процентъ и на страховую премію за даваемое ими ручательство владѣльцамъ закладныхъ листовъ въ своевременной уплатѣ имъ залогодателями процентовъ и въ постепенномъ погашеніи самаго капитала. По обычаю, принятому въ торговлѣ, комиссионный процентъ, составляя вознагражденіе посредника за его труды и расходы, всегда соразмѣряется, съ одной стороны, съ важностью услуги комиссионера, а съ другой— съ цѣнностью того дѣла, къ которому эта услуга относится. Точно также и страховая премія зависитъ отъ степени того риска, который страхователь принимаетъ на себя. Исходя изъ этихъ положеній и соображая ихъ съ уставами акціонерныхъ земельныхъ банковъ, обнаруживается, что за хлопоты по совершенію залога, сверхъ расходовъ по оцѣнкѣ недвижимыхъ имѣній, земельные банки взимаютъ единовременно 1% преміи съ суммы выдаваемой ссуды. Процентъ этотъ, хотя онъ превышаетъ обыкновенный комиссионный процентъ при другихъ сдѣлкахъ, нельзя признать чрезмерно высокимъ потому, что заключеніе долгосрочнаго займа сопряжено съ выполненіемъ сложныхъ формальностей. Затѣмъ акціонерные земельные банки взимаютъ ежегодно 1% съ выданной ссуды на покрытіе издержекъ управленія, въ запасной капиталъ и въ дивидендъ акціонерамъ. Издержки управленія довольно значительны, но тѣмъ не менѣе далеко не могутъ поглотить взимаемаго процента. Херсонскій земскій банкъ взимаетъ за управленіе $\frac{1}{4}\%$, но издерживаетъ всего только $\frac{2}{20}$ или менѣе $\frac{1}{6}\%$. (всѣхъ ссудъ выдано 60 мил., съ которыхъ причитается $\frac{1}{4}\%$ сбора на управленіе—150 т. р.; а расходуется на содержаніе банка 92,566 р. 72 к.). Познанское кредитное общество взимаетъ на расходы управленія именно ту долю $\frac{1}{4}\%$, т.-е. $\frac{1}{6}$, которая въ дѣйствительности расходуется херсонскимъ земскимъ банкомъ. Если другіе банки расходуютъ болѣе, какъ, напр., общество взаимнаго поземельнаго кредита, издержавшее по отчету за 1875—1876 г. почти $\frac{2}{5}\%$ съ суммы выпущенныхъ закладныхъ листовъ, т.-е. 467,250 р. при 115.860,650 р. закладныхъ листовъ, то это доказываетъ только слишкомъ сложный механизмъ управленія и не только отсутствіе бережливости, но даже и расточительность, такъ, напр., на чай для служащихъ издерживается 1,700 р., т.-е. сумма срочныхъ платежей съ капитала 25 т. р. Всѣ прочіе акціонерные банки не издерживаютъ болѣе $\frac{1}{4}\%$ на расходы управленія, а вслѣдствіе сего назначеніе $\frac{1}{4}\%$ на этотъ предметъ слѣдуетъ считать вполне достаточнымъ.

Такимъ образомъ, остальные $\frac{3}{4}\%$, взимаемые акціонер-

ными земельными банками, идутъ на образованіе запаснаго капитала и въ дивидендъ акціонерамъ. Сколь ни разнообразны теоріи экономистовъ, ни одна изъ нихъ однако до сихъ поръ не доходила еще до утвержденія, что можно было бы отнести составленіе капитала не на средства тѣхъ лицъ, которые пользуются всѣми выгодами предпріятія, а на средства тѣхъ, которыми эти выгоды доставляются; между тѣмъ уставы акціонерныхъ земельныхъ банковъ обязываютъ составлять запасный капиталъ акціонерамъ не ихъ самихъ, а заемщиковъ. Такимъ образомъ, отчисленіе какой-либо доли $\%$ изъ срочныхъ платежей заемщиковъ на образованіе запаснаго капитала этихъ банковъ не можетъ найти себѣ ни малѣйшаго оправданія, и взиманіе этого сбора является дѣйствіемъ величайшей несправедливости. Вслѣдствіе того, всѣ $\frac{3}{4}\%$, остающіеся свободными отъ покрытія расходовъ по управленію, должны быть всецѣло рассматриваемы какъ доходъ акціонеровъ. Эти $\frac{3}{4}\%$ составляютъ 75 к. на каждую сотню ссуды, а какъ отношеніе акціонернаго капитала къ каждой сотнѣ выпущенныхъ закладныхъ листовъ составляетъ $\frac{1}{10}$, то вслѣдствіе того эти 10 р. даютъ акціонерамъ $7\frac{1}{2}\%$ выгоды, кромѣ тѣхъ процентовъ, которые они приносятъ сами по себѣ, и которые при расчетѣ 6-ти годовыхъ снова даютъ въ процентныхъ бумагахъ 7%, такъ что акціонеры земельныхъ банковъ вполне обезпечены полученіемъ дивиденда съ первоначально затраченнаго капитала, по крайней мѣрѣ отъ 14 до 15% ежегодно. Если же принять во вниманіе доходъ отъ одиoproцентной преміи, взимаемый при залогахъ и перезалогахъ, штрафы за несвоевременный вносъ срочныхъ платежей и другія поступленія, какъ-то: проценты по внесеннымъ въ началѣ полугодія срочнымъ платежамъ до выдачи ихъ по истеченіи полугодія владельцамъ закладныхъ листовъ, коммиссіонный доходъ при продажѣ закладныхъ листовъ, проценты на суммы, своевременно не востребованныя по истекшимъ купонамъ и по вышедшимъ въ тиражъ закладнымъ листамъ, — то доходъ акціонеровъ образуетъ еще болѣе высокій процентъ. Между тѣмъ, съ здравой точки зрѣнія, акціонерные земельные банки, составляя не что иное, какъ простыя коммиссіонерства, сверхъ $\frac{1}{4}\%$ съ занятаго капитала на покрытіе издержекъ управленія, могли бы довольствоваться за посредство по принятію срочныхъ платежей, по уплатѣ процентовъ и по производству тиражей закладныхъ листовъ, коммиссіею въ 1% не съ суммы займа, а съ суммы срочныхъ платежей, получая, сверхъ того, еще 1 или 2% съ срочныхъ платежей за принимаемый ими на себя предъ владельцами заклад-

ных листовъ страхъ по своевременному полученію ими процентовъ.

Взиманіе комиссіи и страховой преміи со всей суммы займа уже потому несправедливо, что, при должной осторожности въ оцѣнкахъ закладываемыхъ имѣній, ни для владѣльцевъ закладныхъ листовъ, ни для земельныхъ банковъ не только невозможна потеря всего капитала, представляемаго закладными листами, но даже и малѣйшей его части. По всѣмъ уставамъ акціонерныхъ банковъ срочные платежи вносятся за полгода впередъ, а процентъ по закладнымъ листамъ уплачивается по истеченіи полугодія; между тѣмъ, въ случаѣ просрочки взноса срочныхъ платежей, чрезъ два мѣсяца приступается къ распоряженіямъ по продажѣ просроченнаго залога съ публичнаго торга, и сроки оповѣщенія о такой продажѣ и производствѣ самаго торга назначены съ такимъ расчетомъ, что экспроприация неисправнаго собственника должна совершиться еще до наступленія слѣдующаго термина взноса срочныхъ платежей. При выдачѣ ссудъ только въ размѣрѣ 60% стоимости недвижимыхъ имѣній, очевидно, что ни владѣльцы закладныхъ листовъ, ни земельные банки не могутъ лишиться своего капитала; если же тому и бывали примѣры, то ихъ слѣдуетъ отнести къ крайней неосмотрительности самихъ банковъ по оцѣнкѣ имѣній и даже преднамѣреннаго въ своемъ интересѣ возвышенія ея, сравнительно съ дѣйствительною стоимостью закладываемыхъ имуществъ. Если же вѣрно то, что земельные банки гарантируютъ владѣльцамъ закладныхъ листовъ только своевременность полученія одного полугодоваго взноса процентовъ, капиталъ же обезпечивается заложенными имѣніями, то ни съ чѣмъ несообразно соразмѣрять комиссіонный процентъ съ суммою выданной ссуды, вмѣсто суммы срочныхъ платежей. Полагая эту комиссію и страхъ даже въ 3% съ срочныхъ платежей, т.-е. въ такомъ высокомъ размѣрѣ, въ какомъ не оплачивается комиссія и страхованіе при другихъ сдѣлкахъ, даже болѣе рискованныхъ (напр., при застрахованіи сельскихъ построекъ и сельскихъ произведеній), окажется, что эта комиссія въ пользу банковъ могла бы составить менѣе $\frac{1}{3}\%$ съ суммы ссуды ($11\frac{1}{4}$ в. съ сотни ссуды въ полгода), такъ что при самомъ широкомъ расчетѣ можно бы было оправдать взиманіе въ пользу акціонерныхъ банковъ только $\frac{3}{8}$ того, что ими нынѣ получается. Остальные $\frac{5}{8}$ выскрываются нынѣ съ заемщиковъ совершенно безосновательно. Если бы въ пользу земельныхъ банковъ оставить не $\frac{3}{8}$ получаемого ими нынѣ процента, а даже половину, а другую половину обращать

въ пользу заемщиковъ, то можно бы было или удвоить сумму ежегоднаго погашенія, чрезъ что срокъ залога сократился бы почти на 9 лѣтъ, или же сократить срочные платежи на эти полъ-процента.

То и другое, представляя несомнѣнную выгоду для заемщиковъ, крайне желательно.

При залогѣ на 43¹/₂ года, на долю только весьма ничтожнаго числа заемщиковъ можетъ выпасть счастье дожить до освобожденія ихъ имѣнія изъ залога; громадное же большинство оставить сдѣланный долгъ въ наслѣдіе своему потомству. Въ каждомъ предпріятіи смерть хозяина весьма чувствительна; рѣдкое изъ нихъ переноситъ благополучно это событіе, и еще рѣже такая перемѣна ведетъ къ преуспѣванію возникшаго дѣла. Нигдѣ однако вліяніе событія смерти не столь чувствительно, какъ въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ, въ которомъ, при сложившихся въ нашемъ отечествѣ условіяхъ, опытность и знаніе приобретаются почти единственно путемъ продолжительнаго практическаго труда, и всякое неумѣлое прикосновеніе къ хозяйству пагубно отъывается на немъ. Общество взаимнаго поземельнаго кредита отчасти уже сознало эту истину, разрѣшивъ своему правленію, въ случаѣ смерти заемщика, давать его наслѣдникамъ отсрочку на взносъ одного полугодоваго платежа. Если принять во вниманіе, что погашеніе занятаго капитала въ теченіе первой половины срока залога идетъ весьма медленно и только въ послѣдніе годы замѣтно увеличивается, то, взявъ за средній періодъ жизни каждаго заемщика, съ момента полученія ссуды, половинный періодъ срока залога, т.-е. 22 года, что для многихъ будетъ еще слишкомъ значительно, окажется, что заемщикъ имѣетъ возможность въ теченіи своей жизни погасить только весьма незначительную часть занятаго капитала (не много болѣе ¹/₅ части), хотя за это время переплатитъ въ срочныхъ платежахъ сумму вдвое болѣе занятаго имъ наличными деньгами капитала. Такимъ образомъ, массѣ заемщиковъ предстоитъ оставить свои дѣла по заложеннымъ имѣніямъ неустроенными, и семейства свои, на случай смерти, не только необезпеченными, но и подверженными всѣмъ случайностямъ, возникающимъ изъ залога. Независимо отъ случая смерти, при столь долгомъ срокѣ залога, возможны и другіе случаи временной неисправности, такъ что, несмотря на своевременный взносъ срочныхъ платежей въ продолженіи 15—20 лѣтъ, заемщику, и по истеченіи этого срока, грозитъ та же опасность, что и въ первые годы залога; и тогда легко можетъ случиться, что, при неблагоприятныхъ условіяхъ публичной

продажи, онъ лишается своего имѣнія въ суммѣ выданной ему ссуды. Между тѣмъ, при удвоенномъ погашеніи, на основаніи расчетной таблицы погашенія ссудъ въ земельныхъ банкахъ, залогъ погасился бы не на 44-мъ, а на 35-мъ году, т.-е. въ то время, когда при существующемъ % погашенія на имѣніи оставалась бы почти половина первоначально взятой ссуды. Вмѣстѣ съ этимъ, нуждающимся заемщикамъ представилась бы возможность къ скорѣйшему перезалогу имѣнія. Сельско-хозяйственное дѣло стоитъ въ такихъ условіяхъ, что для успѣшнаго его хода съ каждымъ годомъ дѣлается чувствительнѣе необходимость въ значительномъ оборотномъ капиталѣ. Владѣльцу заложеннаго имѣнія, стѣсненному срочными платежами, почти не представляется возможности найти такой капиталъ на снисходительныхъ условіяхъ. Воспользоваться для полученія его переоцѣнкою имѣнія съ полученіемъ дополнительной ссуды едва ли для многихъ доступно, такъ какъ выданныя первоначально ссуды и безъ того весьма значительны, и въ такомъ случаѣ пришлось бы уплачивать срочные платежи еще въ болѣе усиленномъ размѣрѣ; перезаложить же имуществу, въ силу 37 § уставовъ земельныхъ банковъ, нынѣ разрѣшается только по уплатѣ одной пятой части лежащаго на имѣніи долгосрочнаго долга, т.-е. по расчетнымъ таблицамъ на 22 году; при удвоеніи же процента погашенія такая возможность явилась бы уже на 14-мъ году послѣ выдачи ссуды. Наконецъ, въ случаѣ продажи имѣнія, вслѣдствіе неисправности во взносѣ срочныхъ платежей, остатокъ въ пользу заемщика отъ вырученной на торгахъ суммы, вслѣдствіе усиленнаго погашенія, сдѣлался бы болѣе значителенъ, и, слѣдовательно, даже при такомъ несчастіи, положеніе заемщиковъ было бы болѣе благоприятно.

При всѣхъ выгодахъ такого зачета въ погашеніе излишняго $\frac{1}{2}\%$, взимаемаго нынѣ земельными банками въ свою пользу, сокращеніе срочныхъ платежей на эти $\frac{1}{2}\%$ процента почти не менѣе желательно. Хотя уставами всѣхъ банковъ размѣръ выдачи ссудъ противъ стоимости имѣнія и ограниченъ 60%, но какъ оцѣнка зависитъ отъ самихъ банковъ, то легко себѣ представить, какъ великъ можетъ быть произволъ въ опредѣленіи размѣра ссудъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Величайшая важность правильной оцѣнки имѣній въ свое время исполнѣ сознавалась правительственною банковою комиссіею. Вслѣдствіе того, въ проектѣ ея предполагалось, чтобы при представленіи каждаго устава вновь учреждаемаго банка министру финансовъ представлялось особенно подробное заключеніе мѣстнаго начальнаго гу-

берніи и губернскаго предводителя относительно предполагаемыхъ основаній и способовъ оцѣнки залоговъ (прим. къ § 3). Эта мѣра предосторожности не была однако соблюдена при утвержденіи уставовъ нынѣ дѣйствующихъ банковъ, и установленіе основаній и способовъ оцѣнки предоставлено самимъ банкамъ. Какъ составленныя ими инструкціи своимъ агентамъ, такъ и правила оцѣнки, выработанныя 2-мъ и 3-мъ съѣздомъ представителей российскихъ банковъ, крайне несовершенны. Такъ, въ большей части изъ нихъ не опредѣляется ни точныхъ способовъ опредѣленія доходовъ, ни даже того, изъ каковаго процента доходности слѣдуетъ выводить стоимость залоговъ. Все это предоставлено усмотрѣнію цѣновщиковъ, а если иногда и указывается въ инструкціи, то крайне неопредѣленно. Такъ, въ инструкціи бессарабско-таврическаго банка, на волю оцѣнщиковъ предоставлено капитализировать выведенный доходъ отъ 5 до 8%, смотря по существующему въ каждой мѣстности проценту доходности, принимаемому во вниманіе при покупкѣ имѣній, другими словами, — отъ оцѣнщиковъ вполне зависитъ опредѣлить стоимость имѣнія по сложности дохода въ 20, $16\frac{2}{3}$, $14\frac{2}{7}$ или $12\frac{1}{2}$ лѣтъ, т.-е. назначить оцѣнку одного имѣнія до трехъ четвертей выше оцѣнки другого.

При такой свободѣ въ назначеніи оцѣнокъ и въ виду того, что всѣ интересы акціонерныхъ земельныхъ банковъ заключаются въ полученіи на акціонерный капиталъ возможно большаго процента, что въ свою очередь достигается сборомъ возможно большей цифры ежегодной однопроцентной преміи съ суммы выданныхъ ссудъ, очевидно, что банки стремятся расширить предѣлы ссудъ, и вслѣдствіе того доводятъ оцѣнку закладываемыхъ имѣній до такой цифры, чтобы установленные уставомъ 60% ссуды составляли если не всю дѣйствительную стоимость имѣнія, то отъ 80 до 90%. Каждому однако извѣстно, что земельная собственность только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ дать болѣе 6% чистаго дохода, а какъ въ банки нужно вносить срочные платежи въ размѣрѣ болѣе 8% съ нарицательной суммы ссуды (при реализаціи 90 р. за сто-рублевый закладной листъ), то, предположивъ даже, что оцѣнка имѣній совершается вполне соотвѣтственно съ постановленіемъ уставовъ, владельцамъ на покрытіе срочныхъ платежей приходится отдавать до $\frac{4}{5}$ чистаго своего дохода; если же оцѣнка хотя немного возвышена, то и весь доходъ всецѣло. Можно сказать безъ преувеличенія, что земельные банки мобилизовали всю нашу земельную собственность, и землевладельцы заложенныхъ въ нихъ имѣній суть не что иное,

как даровые ихъ управляющіе и приказчики. Несомнѣнно однако, что при такомъ положеніи наше землевладѣніе существовать не можетъ, а между тѣмъ, въ довершенію бѣдственнаго его положенія, съ ужасающей быстротою ежегодно растутъ земскіе сборы, независимо отъ отнесенія на земельную собственность въ 1874 г. довольно чувствительнаго налога въ пользу государства. При такихъ обстоятельствахъ, скидка $\frac{1}{2}\%$ изъ срочныхъ платежей, сколь она ни кажется ничтожною, могла бы нѣсколько облегчить положеніе землевладѣльцевъ, оставивъ въ ихъ пользу хотя вознагражденіе за приложеніе личнаго труда по эксплуатаціи, который теперь во многихъ случаяхъ вовсе не вознаграждается.

Но кромѣ несоразмѣрно-высокаго процента вознагражденія на акціонерный капиталъ, земельные банки заслуживаютъ упрекъ по разсматриваемому предмету еще въ двухъ отношеніяхъ. На основаніи 95 § уставовъ, прибыли предпріятія, за отчисленіемъ 5% въ запасный капиталъ, поступаютъ всецѣло въ дивидендъ по акціямъ, если не превышаютъ 8% на акціонерный капиталъ; въ противномъ же случаѣ изъ остальной прибыли въ дивидендъ обращается только 65%, а остальные 35% распределяются между учредителями, членами правленія, оцѣночной коммиссіей и остальными служащими въ банкахъ. Итакъ, на участіе въ прибыляхъ имѣютъ право всѣ сколько-нибудь соприкасающіеся съ предпріятіемъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые доставляютъ эти прибыли. Казалось бы, что хотя при предусматриваемомъ уставами блистательномъ положеніи дѣлъ банковъ можно бы было вспомнить о заемщикахъ и удѣлить въ раздѣлъ между ними часть прибылей, или по крайней мѣрѣ предназначить нѣкоторую сумму на вспомоствованія тѣмъ изъ нихъ, которыхъ постигли временныя бѣдствія, — но ни одинъ изъ банковъ не нашелъ этого нужнымъ. Послѣ этого нечему удивляться, если находятся заемщики, которые, пользуясь неопредѣлительностью уставовъ и постановленій закона, при несостоятельности своей къ уплатѣ срочныхъ платежей, прибѣгаютъ къ мѣрамъ убыточнымъ для банковъ, разоряя предъ временемъ публичныхъ торговъ свои имѣнія, или отдавая ихъ въ долгосрочную аренду за низкія цѣны. Это не болѣе какъ отчаянное средство самообороны.

Еще болѣе удивительно другое постановленіе. Управление банкомъ всецѣло принадлежитъ акціонерамъ, несмотря на то, что ихъ участіе въ предпріятіи, сравнительно съ землевладѣльцами, представляетъ только $\frac{1}{10}$ долю. Не говоря о томъ, что вслѣдствіе сего, выгоды акціонеровъ увеличиваются возможностью

занять значительное число должностей, хорошо оплачиваемыхъ, нельзя не признать, что такое полное устраненіе землевладѣльцевъ отъ завѣдыванія дѣломъ, въ которое положено почти все ихъ состояніе, совершенно порабощаетъ ихъ власти акціонеровъ: даже предоставленіе заемщикамъ только совѣщательнаго голоса въ общихъ собраніяхъ земельныхъ банковъ было отклонено 2-мъ съѣздомъ представителей земельныхъ банковъ (стр. 18 постановленія этого съѣзда). Еще менѣе понятно, почему въ акціонерныхъ банкахъ отстранены отъ всякаго вліянія на предпріятіе владѣльцы вкладныхъ листовъ. Если контроль ихъ признанъ необходимымъ въ дѣлахъ кредитныхъ обществъ землевладѣльцевъ, учрежденныхъ на круговой поруки, то не менѣе того, и даже болѣе необходимъ онъ въ акціонерныхъ банкахъ. Во-первыхъ, интересъ всѣхъ участниковъ въ нѣкоторой степени обезпечиваетъ правильность управленія и курса вкладныхъ листовъ; во-вторыхъ же, при спекулятивномъ ихъ характерѣ и крайней подвижности акцій, дающей возможность отдѣлаться отъ нихъ при первыхъ признакахъ замѣшательства въ дѣлѣ, контроль несомнѣнно необходимъ, а между тѣмъ онъ вполне отсутствуетъ. Этимъ, главнымъ образомъ, можетъ быть объясняемъ низкій курсъ вкладныхъ листовъ земельныхъ банковъ, несмотря на приносимый ими высокій процентъ.

При такихъ недостаткахъ достойно крайняго сожалѣнія то, что земельнымъ банкамъ, вопреки столь основательно выраженнымъ правительственною банковою комиссіею предостереженіямъ, предоставлена хотя не явная, но тѣмъ не менѣе трудно сокрушимая монополія въ дѣлѣ земельного кредита. Хотя въ примѣчаніи къ § 1 cadaго изъ уставовъ этихъ банковъ говорится, что банкамъ никакихъ исключительныхъ правъ и преимуществъ не предоставляется, но послѣдующимъ законодательствомъ, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ госуд. сов. 31 мая 1872 г., число земельныхъ банковъ, не включая общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ каждой мѣстности ограничено только двумя; а такъ какъ нынѣ во всѣхъ мѣстностяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя по условіямъ своимъ почти вовсе не нуждаются въ земельномъ кредитѣ, министромъ финансовъ уже допущено дѣйствіе двухъ земельныхъ банковъ, то вслѣдствіе сего никакіе новые земельные банки учредиться не могутъ. Этимъ создана та самая монополія, которую вначалѣ хотѣли устранить всѣми средствами, и которая нынѣ остановила всякое развитіе и улучшеніе поземельнаго кредита въ нашемъ отечествѣ.

III.

Послѣ всего вышесказаннаго, естественно возникаетъ вопросъ: *какія мѣры желательны, чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ поставить нашъ долгосрочный кредитъ въ возможно лучшее положеніе?*

По нашему мнѣнію, самая желательная мѣра заключалась бы во вѣтѣн всего дѣла долгосрочнаго кредита снова въ руки правительства. Ни одна частная компанія, какъ бы ни было солидно предпріятіе и представляемая ею гарантія, не можетъ пользоваться тѣмъ довѣріемъ, какое правительство внушаетъ капиталистамъ и иностраннымъ биржамъ. Достаточно указать на курсъ тѣхъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, которыя выпущены по выкупу угодій крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Изъ этихъ процентныхъ бумагъ не только свидѣтельства на 5 $\frac{1}{2}$ непрерывный доходъ (рента), но и выкупныя свидѣтельства и 5% государственные банковые билеты пользуются далеко лучшимъ курсомъ, чѣмъ процентныя бумаги частныхъ долгосрочныхъ кредитныхъ обществъ.

Очевидно, что если бы правительство взяло въ свои руки веденіе дѣла долгосрочнаго земельного кредита и выпустило отъ себя процентныя бумаги, взамѣнъ закладныхъ листовъ, то бумаги эти съ самаго начала приобрѣли бы лучшій курсъ, чѣмъ какимъ пользуются закладные листы, а вслѣдствіе сего, капитальный долгъ землевладѣльцевъ разомъ сократился бы на всю ту сумму, которая составила бы разницу между курсомъ государственныхъ бумагъ и теперешнихъ закладныхъ листовъ. Черезъ эту одну операцію уже уменьшился бы въ нѣкоторой степени размѣръ ежегодныхъ срочныхъ платежей заемщиковъ; но такъ какъ правительство имѣетъ возможность при лучшемъ курсѣ выпустить свои бумаги по болѣе умѣренному проценту, то, вслѣдствіе сего, срочные платежи сократились бы еще болѣе. Теперь правительство взимаетъ съ крестьянъ по 6-ти копѣекъ на рубль съ назначенной имъ выкупной ссуды, считая и погашеніе (ст. 113 положеніе о выкупѣ). Если-бъ распространить это благодѣяніе и на остальныхъ землевладѣльцевъ, то, кромѣ единовременнаго сокращенія капитальнаго долга на 3 — 4%, срочные платежи уменьшились бы на $\frac{1}{3}$ часть, т.е. пришли бы въ соотвѣтствіе съ тѣмъ размѣромъ среднего годового дохода, который даетъ наша земельная собственность. Такое сокращеніе срочныхъ платежей имѣло бы значеніе не только въ исключительныхъ выгодахъ

частнаго землевладѣнія, но и съ точки зрѣнія государственной. Въ настоящее уже время земельная собственность, кромѣ выполнения мѣстныхъ повинностей, привлечена въ нѣкоторой доли къ участию въ государственныхъ расходахъ, подъ видомъ взимаемаго съ нея государственнаго налога. Съ теченіемъ времени надо ожидать, что собственность эта будетъ еще болѣе обременена сборами въ пользу государственной казны, а для этого необходимо, чтобы она обладала достаточною платежною способностью. Какъ скоро, однако, самая значительная часть земельной собственности отягощена срочными платежами по долгосрочнымъ займамъ въ такомъ размѣрѣ, что еле ихъ выносить, то очевидно, что обложеніе ея болѣе тяжелыми налогами, чѣмъ тѣ, которые взимаются съ нея въ настоящее время, окончательно погубитъ настоящихъ землевладѣльцевъ. Конечно, могутъ сказать, что государству нѣтъ основанія принимать въ соображеніе такое несостоятельное положеніе землевладѣльцевъ: государственная подать должна пользоваться преимуществомъ взысканія передъ ипотечными обязательствами, и если затѣмъ, къ выполненію этихъ послѣднихъ, землевладѣльцы окажутся несостоятельными, то имѣнія ихъ перейдутъ въ другія, болѣе благонадежныя руки. Но такъ можно разсуждать только тогда, когда несостоятельность обнаружилась бы въ исключительныхъ случаяхъ и не стала бы почти общимъ явленіемъ; при повальномъ же ея распространеніи государство не можетъ остаться равнодушнымъ, а тѣмъ болѣе пользоваться такимъ положеніемъ землевладѣльческаго класса для большаго еще его угнетенія.

Сомнительно однако, чтобы, несмотря на выставленные основанія, правительство рѣшилось на такую существенную поддержку землевладѣнію, а, слѣдовательно, необходимо изыскать другой способъ помочь настоящему плачевному его положенію.

Такимъ способомъ представляется образованіе новаго общества долгосрочнаго кредита, при посредствѣ котораго землевладѣльцы заложенныхъ имуществъ могли бы получить кредитъ на болѣе снисходительныхъ условіяхъ, чѣмъ настоящія. При этомъ необходимо согласиться, что если землевладѣльцамъ нельзя ожидать существенной поддержки отъ правительства, то еще менѣе могутъ они разсчитывать на помощь частныхъ капиталистовъ. Хотя акціонерныя банки учреждались постепенно, но ни одинъ изъ позднѣйшихъ не счелъ возможнымъ сдѣлать въ пользу заемщиковъ какую-либо уступку въ разѣ установленныхъ условій кредита. Напротивъ того, съ теченіемъ времени банки эти старались дѣйствовать солидарно и съ этою цѣлью утѣдили общіе

съезды. На этихъ съездахъ они отклонили все предложенія, клонившіяся къ облегченію положенія заемщиковъ. Такъ, они не согласились предоставить заемщикамъ права вносить срочныя погашенія ссудъ не деньгами, а закладными листами, какъ это допущено въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита и въ херсонскомъ земскомъ банкѣ (пост. 1-го съезда, стр. 37); отказались въ совѣщательномъ голосѣ въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ (пост. 2-го съезда, стр. 18); не дозволили вносить досрочное погашеніе ссудъ закладными листами позднѣйшихъ выпусковъ (пост. 2-го съезда, стр. 95), и вмѣстѣ съ тѣмъ порѣшили не допускать пониженія взимаемаго нынѣ процента за ссуды иначе, какъ сообща (постановленіе 3-го съезда, стр. 6—10).

Такимъ образомъ, новое кредитное общество съ характеромъ болѣе благопріятнымъ для землевладѣльцевъ можетъ возникнуть только въ ихъ собственной средѣ, а какъ въ ней въ высшей степени затруднительно найти достаточное число свободныхъ капиталовъ, то очевидно, что можетъ образоваться только общество съ круговымъ ручательствомъ по образцамъ общества взаимнаго поземельнаго кредита и херсонскаго земскаго банка. Если бы дѣйствіе этого послѣдняго банка распространить на всю Россію, то не потребовалось бы учрежденія и новаго кредитнаго общества; но какъ къ этому могутъ встрѣтиться препятствія и со стороны правительства и со стороны самаго банка, то здѣсь недостаточно ограничиться однимъ этимъ указаніемъ на представляющійся землевладѣльцамъ-заемщикамъ акціонерныхъ банковъ исходъ изъ настоящаго ихъ затруднительнаго положенія, но необходимо изобразить главные основанія осуществленія предлагаемой мѣры, тѣмъ болѣе, что и при распространеніи дѣйствія херсонскаго земскаго банка въ равной мѣрѣ было бы необходимо имѣть ихъ въ виду.

По нашему мнѣнію, задача новаго кредитнаго общества должна главнѣйше заключаться въ томъ, чтобы сосредоточить въ рукахъ заемщиковъ выгоды, которыя нынѣ реализируютъ въ свою пользу акціонеры земельныхъ банковъ, и тѣмъ достигнуть постепеннаго сокращенія срочныхъ платежей. Выше было указано, что въ настоящее время заемщики земельныхъ банковъ уплачиваютъ, кромѣ 6% по закладнымъ листамъ и $\frac{1}{2}\%$ погашенія, еще 1% для покрытія расходовъ управленія, образованія запаснаго капитала земельныхъ банковъ и въ дивидендъ ихъ акціонеровъ. Изъ этого послѣдняго процента на расходы управленія выходитъ менѣе, чѣмъ $\frac{1}{4}\%$, слѣдовательно, остальные $\frac{3}{4}$ составляютъ барышъ акціонеровъ. Коль скоро уплату процентовъ и погашенія

владѣльцамъ закладныхъ листовъ и вообще веденіе всего разсчета по заключеннымъ займамъ представилось бы возможнымъ взять въ свои руки самимъ заемщикамъ, то эти $\frac{3}{4}\%$ остались бы въ ихъ пользу, и изъ этого сбереженія, вмѣстѣ съ ежегоднымъ приращеніемъ процентами въ теченіи 10 лѣтъ, могъ бы образоваться запасный капиталъ, равный складочному капиталу акціонерныхъ банковъ. Что подобное предположеніе, при нормальномъ теченіи дѣла, не составляетъ невозможнаго, — доказываетъ херсонскій земскій банкъ, составившій изъ взноса $\frac{1}{4}\%$ въ теченіи 12 лѣтъ запасный капиталъ въ размѣрѣ 1.675,129 руб., т.-е. по 3 руб. 74 к. на каждую сотню выданной ссуды, что при взносѣ $\frac{3}{4}\%$ составило бы около 10 р. на сотню ссуды.

Такимъ образомъ, когда при сохраненіи существующей долгосрочной кредитной системы эти 10 р. неминуемо попадутъ въ руки акціонеровъ земельныхъ банковъ, то при учрежденіи новаго предложеннаго нами кредитнаго общества достигнуты были бы слѣдующіе результаты: заемщики, продолжая вносить тѣ же срочные платежи въ теченіи перваго десятилѣтія новаго кредитнаго общества, независимо отъ уплаты владѣльцамъ закладныхъ листовъ тѣхъ же самыхъ 6% , которые нынѣ выплачиваются имъ земельными банками, и независимо отъ погашенія путемъ тиража закладныхъ листовъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ эти банки производятъ его нынѣ, — успѣли бы составить капиталъ, приблизительно равняющійся тому, какимъ нынѣ земельные банки обезпечиваютъ выпущенные ими закладные листы. Вслѣдствіе этого, по истеченіи десяти лѣтъ, каждый заемщикъ, вмѣсто того, чтобы погасить только $6\frac{1}{2}\%$ капитальнаго долга, какъ это случилось бы въ земельномъ банкѣ, въ дѣйствительности погасилъ бы $16\frac{1}{2}\%$. Въ то же время составившійся, такимъ образомъ, запасный капиталъ, принося даже умѣренный процентъ, далъ бы затѣмъ возможность, при вступленіи во второе десятилѣтіе, сократить въ нѣкоторой степени настоящій размѣръ срочныхъ платежей. Общество взаимнаго поземельнаго кредита при складочномъ капиталѣ, равняющемся 5% всѣхъ выданныхъ ссудъ, до тѣхъ поръ, пока курсъ нашего кредитнаго рубля не подвергался особо сильному колебанію, успѣвало изъ прибылей этого капитала сокращать срочные платежи на $\frac{1}{7}$ и даже $\frac{1}{6}$ часть, т.-е. на одинъ $\%$ съ каждой сотни ссуды. Херсонскій земскій банкъ для заемщиковъ первыхъ серій понизилъ срочные платежи на 1% , взявая, вмѣсто 7, шесть $\%$. На такіе результаты можетъ разсчитывать и новое кредитное общество. Такимъ образомъ, первѣйшею задачею его должно быть возможное сокращеніе

срочныхъ платежей. Сообразно съ такимъ стремленіемъ, новое кредитное общество должно на первое время оставить вовсе въ сторонѣ главную операцію всѣхъ существующихъ земельныхъ банковъ—выдачу новыхъ или дополнительныхъ ссудъ, впредь до образованія значительнаго запаснаго капитала, сперва же ограничить свой кругъ дѣятельности однимъ переводомъ на себя долгосрочныхъ долговъ, ранѣе заключенныхъ въ акціонерныхъ банкахъ, безъ права выдачи, впредь до образованія значительнаго запаснаго капитала, новыхъ или добавочныхъ ссудъ.

Такимъ образомъ, операціи новаго земельного банка будутъ заключаться только въ обмѣнѣ закладныхъ листовъ нынѣ существующихъ акціонерныхъ банковъ на тѣ, которые будутъ имъ выпущены. Если эти закладные листы станутъ принимать тотъ же размѣръ роста, какой даютъ находящіеся нынѣ въ обращеніи закладные листы акціонерныхъ земельныхъ банковъ; если срочные платежи, нынѣ вносимые заемщиками, останутся въ прежнемъ размѣрѣ, и если избытокъ, отъ нихъ остающійся, за уплатою процентовъ и погашенія, будетъ всецѣло обращаться въ запасный капиталъ, вмѣсто выдачи его въ дивидендъ владѣльцамъ акцій, — то съ присоединеніемъ къ этому кругового ручательства всѣхъ заемщиковъ, лучшихъ условій контроля, какъ со стороны владѣльцевъ закладныхъ листовъ, такъ и правительства, и со введеніемъ въ уставъ общества нѣкоторыхъ правилъ, направленныхъ къ болѣе прочной организаціи всего учрежденія, несомнѣнно можно разсчитывать на то, что кредитныя бумаги такого новаго общества скоро пріобрѣтутъ къ себѣ довѣріе и будутъ даже предпочитаемы существующимъ закладнымъ листамъ. Владѣльцы закладныхъ листовъ весьма скоро сознаютъ, что новое кредитное общество, для оправданія оказаннаго ему довѣрія, будетъ весьма осмотрительно въ переводѣ въ свой банкъ заложенныхъ имуществъ и приметъ только тѣ изъ нихъ, которыя достаточно обезпечиваютъ ежегодные срочные платежи и не доведутъ общество до круговой за нихъ отвѣтственности. Имъ равномѣрно не останется безъизвѣстнымъ, что съ каждымъ годомъ, при нормальномъ теченіи дѣла, каковое несомнѣнно и установится, запасный капиталъ общества будетъ увеличиваться и въ то же время капиталный долгъ по ссудамъ, вслѣдствіе ежегодныхъ тиражей, станетъ уменьшаться. Наконецъ, на нихъ не можетъ не сдѣлать впечатлѣнія тотъ фактъ, что всѣ земельные собственники, дорожающіе своими имѣніями и тяготящіеся значительностью срочныхъ платежей, должны предпочесть переводъ своихъ долговъ въ новое кредитное общество, такъ какъ

оно общаетъ имъ составленіе запаснаго капитала съ соразмѣрнымъ долею участія въ немъ и уменьшеніе въ будущемъ размѣра срочныхъ платежей, чрезъ что въ акціонерныхъ банкахъ, послѣ извѣстнаго промежутка времени, останутся только залогомъ, наименѣе благонадежныя.

Такимъ образомъ, можно рассчитывать, что закладные листы новаго кредитнаго общества найдутъ себѣ приобретателей, даже безъ особаго имъ покровительства. Нельзя, однакоже, не принять во вниманіе, что правительство оказало поддержку учрежденію какъ херсонскаго земскаго банка, такъ и общества взаимнаго поземельнаго кредита, а потому, если задача новаго предлагаемаго кредитнаго общества будетъ одобрена, то и оно можетъ рассчитывать на подобную же поддержку. Нѣтъ надобности, чтобы поддержка эта заключалась въ денежной субсидіи, достаточно, чтобы она выразилась въ такихъ мѣропріятіяхъ, которыя вселили бы въ публику убѣжденіе, что правительство вѣритъ въ жизненность организуемаго общества и ожидаетъ отъ него благихъ результатовъ. Самою цѣлесообразною мѣрою въ этомъ отношеніи составило бы все то, что съ самаго начала могло бы поддержать хорошій курсъ закладныхъ листовъ учрежденнаго общества. Мы убѣждены, что нашлись бы капиталисты, которые за извѣстную премію согласились бы обмѣнять значительное число принадлежащихъ имъ закладныхъ листовъ существующихъ земельныхъ банковъ на закладные листы вновь предполагаемаго въ учрежденію кредитнаго общества; но въ этомъ случаѣ премію эту пришлось бы или уплачивать землевладѣльцамъ при самомъ переводѣ ихъ долговъ въ новое кредитное общество, или возмѣщать изъ имѣющагося образованнаго запаснаго капитала. Между тѣмъ, въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: въ эмеритальныхъ кассахъ разныхъ вѣдомствъ, въ invalidномъ капиталѣ и въ другихъ, имѣется значительное число закладныхъ листовъ существующихъ банковъ, и если бы правительство разрѣшило обмѣнъ ихъ, хотя частью, безъ всякой платы на закладные листы новаго кредитнаго общества, то тѣмъ самымъ обезпечило бы на первое время успѣхъ операцій общества. Извѣстное дѣло, что каждая бумага, въ первый разъ появляющаяся на биржѣ, встрѣчается недоувѣрчиво и потому пользуется низкимъ курсомъ. Равномѣрно извѣстно и то, что всякая бумага, на которую является требованіе, хотя бы она вообще и не пользовалась особымъ расположеніемъ покупателей, вслѣдствіе такого требованія возвышается въ цѣнѣ. Такъ какъ новому кредитному обществу, за каждый выпускаемый закладной листъ,

необходимо будет внести для уничтоженія такой же закладной листъ одного изъ существующихъ земельныхъ банковъ, то очевидно, что спекуляція не преминетъ этимъ воспользоваться, роняя цѣнность первой и возвышая цѣнность второй бумаги. Вредное вліяніе того и могло бы быть устранено дозволеніемъ обмѣна закладныхъ листовъ, находящихся въ кассахъ, зависящихъ отъ правительства, на новые закладные листы. Равномѣрно можно бы предоставить новому кредитному обществу право обмѣна на свои закладные листы извѣстной доли закладныхъ листовъ, представляемыхъ центральнымъ банкомъ земельного кредита, согласно уставу, въ государственный банкъ, въ обезпеченіе выпускаемыхъ имъ своихъ закладныхъ листовъ. Наконецъ, правительство могло бы ссудить кредитному обществу извѣстное количество своихъ процентныхъ бумагъ подъ обезпеченіе новыхъ закладныхъ листовъ рубль за рубль нарицательной ихъ стоимости. При такихъ условіяхъ можно имѣть полную увѣренность, что операціи общества съ самаго начала пошли бы совершенно успѣшно.

Конечно, при такихъ предположеніяхъ, необходимо установленіе самаго бдительнаго контроля, какъ со стороны владѣльцевъ закладныхъ листовъ, такъ и со стороны правительства. Введеніе въ уставъ всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя опредѣляютъ права владѣльцевъ закладныхъ листовъ и которыя помѣщены въ уставѣ херсонскаго земскаго банка, обезпечить эти лица вполне, хотя не представлялось бы препятствій дать имъ еще болѣшія гарантіи, если бы таковыя были придуманы. Что же касается контроля правительства, то таковой можно бы было усилить еще въ болѣшей степени, чѣмъ это устанавливаетъ херсонскій земельный банкъ. Такъ, въ составъ управленія предполагаемаго къ учрежденію банка могъ бы быть введенъ правительственный директоръ. Какъ успѣхъ операцій всякаго учрежденія долгосрочнаго кредита зависитъ главнѣйше отъ благонадежности залоговъ, то основанія и способы оцѣнки могли бы быть тоже преподаны правительствомъ, а не зависѣть, какъ теперь, всецѣло отъ правленій банковъ и ихъ акціонеровъ. Далѣе, было бы полезно ограничить произволъ правленій и оцѣночныхъ комиссій по опредѣленію стоимости закладываемыхъ имуществъ, принявъ мѣру совершенно противоположную, практикуемой въ настоящее время; теперь всѣ банки установили низшія нормальныя цѣны стоимости закладываемыхъ имуществъ, оставивъ за собою полную свободу въ опредѣленіи высшей стоимости каждаго отдѣльнаго имущества. Скорѣе слѣдовало бы поступить наоборотъ. Анонимный

долгосрочный земельный кредитъ долженъ оказывать общія, а не частныя услуги. Предоставляя собственникамъ возможность мобилизаціи извѣстной части ихъ недвижимой собственности, онъ въ то же время долженъ предлагать капиталистамъ полную увѣренность въ прочному помѣщенію ихъ денегъ и, наконецъ, содѣйствовать къ убѣжденію въ общей состоятельности государства. При такихъ условіяхъ анонимный земельный кредитъ можетъ оказывать помощь землевладѣнію въ обыкновенныхъ его условіяхъ, а не въ тѣхъ исключительныхъ, въ которыхъ находятся нѣкоторыя владѣнія, вслѣдствіе стеченія благоприятныхъ обстоятельствъ.

Имѣя право на анонимный земельный кредитъ въ одинаковой мѣрѣ съ остальными имуществами, эти исключительныя владѣнія, при нуждѣ большаго кредитнаго пособія, имѣютъ въ своемъ распоряженіи еще частныя капиталы. На этомъ основаніи, для упроченія долгосрочнаго земельного кредита, необходимо опредѣленіе не низшихъ нормальныхъ цѣнъ земель, какъ это принято, а напротивъ—высшихъ, далѣе которыхъ не могли бы быть выдаваемы ссуды. Могутъ возразить на это, что въ такомъ случаѣ ссуды стали бы выдаваться всегда въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ; но независимо отъ того, что въ предупрежденіе такого злоупотребленія, рядомъ съ высшими нормальными цѣнами могли бы быть оставлены и низшія, подобное предположеніе не имѣетъ пока за собою фактическаго основанія и врядъ ли можетъ быть допущено въ виду опасности такого злоупотребленія для преслѣдованія банка. Наконецъ, въ число мѣръ правительственнаго надзора можно бы было ввести внезапныя и срочныя ревизіи, а для наблюденія за общимъ ходомъ дѣла долгосрочнаго кредита — высшій правительственный наблюдательный комитетъ на подобіе совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій.

Одновременно съ такими мѣрами, слѣдовало бы устранить всякую возможность злоупотребленій со стороны заемщиковъ отданными ими въ залогъ кредитному обществу имѣніями. Теперь отношенія банковъ къ залогодателямъ и къ третьимъ лицамъ, имѣющимъ какія-либо права и притязанія къ заложеннымъ имѣніямъ, вовсе не установлены уставами земельныхъ банковъ. Объ этомъ вспомнили уже по учрежденіи банковъ, и на первыхъ двухъ сѣздахъ представителей земельныхъ банковъ выработана была особая форма обязательствъ заемщиковъ, утвержденная министромъ финансовъ на основаніи 103 ст. банковыхъ уставовъ (пост. 1-го сѣзда, стр. 223 и 2-го сѣзда, стр. 102). Подобныя обязательства, какъ, впрочемъ, признавали и сѣзды, не

имѣютъ никакого значенія для третьихъ лицъ, а потому не гарантируютъ банки въ отношеніи ихъ; между тѣмъ, всякое злоупотребленіе собственника можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ при участіи третьихъ лицъ, входящихъ съ владѣльцами въ сдѣлки, убыточные для банковъ; слѣдовательно, подобныя обязательства не содержатъ въ себѣ практической пользы. Они приобретутъ ее только въ то время, когда будутъ включены въ уставъ и, такимъ образомъ, на основаніи 70 и 71 ст. I т. осн. закон., сдѣлаются частнымъ закономъ для заложенныхъ въ банкѣ имѣній. Оставлять дополненіе уставовъ подобными постановленіями до общаго введенія ипотечнаго порядка нѣтъ основаній, съ одной стороны—потому, что долгосрочный кредитъ заключаетъ такія особенности, которыя специально должны быть предусмотрены, а съ другой—потому, что нѣтъ причинъ дѣлать различія между банками; между тѣмъ въ уставахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже вошли нныя постановленія, обезпечивающія ихъ отъ убытковъ. Такимъ образомъ, въ уставъ новаго кредитнаго общества слѣдовало бы включить постановленія: о недѣйствительности арендныхъ договоровъ на заложенные имѣнія, заключенные безъ согласія банка, въ случаѣ публичной продажи имѣнія; о правѣ банка обращаться къ судебной власти для полученія разрѣшенія къ долгосрочному востребованію ссуды вполнѣ, или частью, при такихъ дѣйствіяхъ собственника, которыя ведутъ къ обезцѣненію заложенаго имѣнія; о правѣ надзора за заложеными имѣніями и о правѣ банка на секвестръ доходовъ при неисправности залогодателя. Вообще постановленіе уставовъ о преимущественномъ удовлетвореніи банковъ изъ заложенаго имѣнія должно имѣть полное примѣненіе въ дѣйствительности, а не оставаться мертвою буквою.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, вновь предлагаемое къ учрежденію кредитное общество должно войти ближе въ положеніе землевладѣльцевъ. Залогомъ на долгій срокъ земельные собственники имѣютъ въ виду сохранить за собою свои имѣнія, уплачивая проценты, соотвѣтствующіе доходности ихъ собственности, и ежегодно нѣкоторую долю капитала. Но доходъ съ земельной собственности подверженъ столькимъ случайностямъ, что въ теченіи срока залога, обстоятельства не разъ могутъ сложиться такъ неблагоприятно, что собственникъ можетъ очутиться въ крайнихъ затрудненіяхъ по своевременному взносу срочныхъ платежей. Въ подобныхъ случаяхъ одна просрочка, хотя бы происшедшая отъ такихъ бѣдствій, какъ неурожай, наводненіе, пожаръ, падежъ скота, теперь достаточна, чтобы разрушить всѣ надежды соб-

ственника относительно сохраненія за собою своего достоинія и подвергнуть его публичной продажѣ. При этомъ не можетъ быть упущено изъ вниманія то, что большая часть приведенныхъ бѣдствій поражаютъ одновременно цѣлыя мѣстности, вслѣдствіе чего неисправность заемщиковъ обыкновенно проявляется разомъ въ цѣломъ районѣ. Выгодная продажа каждой недвижимой собственности возможна только исподоволь, — поэтому, при всякой понудительной продажѣ, рѣдко выручается настоящая цѣна имѣнію; но условія становятся еще невыгоднѣе, когда разомъ предлагается къ продажѣ значительное число имѣній: тогда не только нельзя рассчитывать на выручку полной стоимости, но приходится отдавать ихъ въ одной суммѣ числящихся на нихъ банковыхъ долговъ. Такимъ образомъ, не только не достигается цѣль заключенія долгосрочнаго займа, но масса собственниковъ разоряется подъ вліяніемъ обстоятельствъ, почти вовсе отъ нихъ независимыхъ и, вслѣдствіе сего, непредотвратимыхъ.

Вотъ, почему нельзя не остановиться съ особымъ сочувствіемъ на херсонскомъ земскомъ банкѣ, дарующемъ своимъ заемщикамъ трехсрочную льготу до момента отчужденія отъ нихъ имѣній. Столь же одобрительно стремленіе этого банка выручать за продаваемые имъ имѣнія настоящую ихъ стоимость, проявляющееся въ томъ, что первые торги начинаются съ оцѣночной суммы, а не съ суммы долга, какъ это принято въ другихъ банкахъ. Наконецъ, нельзя не указать на право заемщиковъ этого банка и общества взаимнаго поземельнаго кредита — вносить срочные платежи погашенія не наличными деньгами, а закладными листами, на что не нашли возможнымъ согласиться земельные банки, какъ это видно изъ постановленія 1-го сѣзда ихъ представителей (стр. 37). Съ предоставленіемъ однако подобныхъ льготъ заемщикамъ возникаетъ необходимость даровать банку возможность оградить себя отъ излишнихъ потерь въ теченіи льготнаго времени, а съ тѣмъ вмѣстѣ и постановить на этотъ предметъ соотвѣтствующія правила въ уставѣ. Наконецъ, слѣдовало бы ввести болѣе опредѣлительности въ порядкѣ публичной продажи заложенныхъ имуществъ. Теперь все это дѣло производится даже болѣе патріархально, чѣмъ при прежней системѣ кредита. При существованіи государственныхъ кредитныхъ установленій, несмотря на то, что первоначальныя описи закладываемыхъ имѣній составлялись официальными лицами, тѣмъ не менѣе, при назначеніи имѣнія въ публичную продажу, снова составлялась ему опись и вообще соблюдался порядокъ, предписанный общими законами для продажи подобнаго рода; теперь же всѣ общія по-

становленія игнорируются и въ продажѣ приступается по первоначальной описи, весьма часто составленной крайне небрежно и неопредѣлительно. Торговъ по заложеннымъ имѣніямъ производился нѣсколько различно въ каждомъ изъ казенныхъ кредитныхъ установленій: въ судной казнѣ — въ присутствіи опекунскаго совѣта; въ заемномъ банѣ — въ присутствіи его правленія; въ приказахъ общественнаго призрѣнія — подѣ предсѣдательствомъ губернатора и въ присутствіи прокурора, котораго въ первыхъ двухъ учрежденіяхъ замѣнялъ чиновникъ губернскаго правленія въ качествѣ депутата. Въ земельныхъ же банкахъ ничего не установлено, какъ относительно наблюденія за правильностью торговъ, такъ и въ защиту интересовъ собственниковъ продаваемыхъ имѣній, и продажа совершается исключительно правленіемъ этихъ банковъ, составленныхъ изъ частныхъ лицъ.

Если, такимъ образомъ, новое кредитное общество, оставя на первое время срочные платежи заемщиковъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они нынѣ уплачиваются земельнымъ банкамъ, поставить себѣ задачею составить запасный капиталъ изъ излишковъ этихъ платежей, доведетъ этотъ капиталъ до такого соответствія съ количествомъ закладныхъ листовъ, какое существуетъ въ настоящее время между ними и капиталами акціонерныхъ земельныхъ банковъ, что, какъ прежде было указано нами, уже можетъ воспослѣдовать послѣ десятилѣтнихъ операций, — то нѣтъ сомнѣнія, что, по истеченіи этого срока, такое кредитное общество приобрететъ возможность убавить срочные платежи на 1% съ сотни ссуды и взимать впредь съ заемщиковъ только 6% въ пользу владѣльцевъ закладныхъ листовъ и $\frac{1}{2}\%$ на погашеніе ихъ. По достиженіи такого результата, издержки управленія могутъ быть уже покрываемы процентами съ запаснаго капитала и другими прибылями банка, и затѣмъ будетъ еще оставаться значительный отъ нихъ излишекъ. Этотъ излишекъ всецѣло можетъ быть обращаемъ на усиленіе тиража закладныхъ листовъ или на покупку ихъ по биржевой цѣнѣ для сверхсрочнаго ихъ погашенія, чрезъ что, независимо отъ ежегодныхъ срочныхъ погашеній, постепенно сталъ бы еще уменьшаться капиталный долгъ каждаго заемщика пропорціонально долгу его въ запасномъ капиталѣ, а вслѣдствіе сего — еще болѣе уменьшились бы ежегодные срочные ихъ платежи. Новое кредитное установленіе, ставъ на такую твердую почву, могло бы тогда начать самостоятельную выдачу новыхъ ссудъ и производить перезалоги прежде принятыхъ въ залогъ имуществъ. При такомъ положеніи и въ виду особенно того, что запасный капиталъ общества до-

стигъ бы въ это время размѣра одинаковаго съ складочными капиталами земельныхъ банковъ, можетъ быть, сдѣлалось бы возможнымъ отмѣнить круговую поруку. Наконецъ, при всѣхъ этихъ преимуществахъ, заемщики, въ концѣ-концовъ, имѣли бы еще ту перспективу, что, независимо отъ постепеннаго сокращенія срочныхъ платежей, окончательный выкупъ ихъ имѣній изъ залога послѣдовалъ бы не черезъ 43¹/₂ года, какъ это совершилось бы въ акціонерныхъ земельныхъ банкахъ, но многими годами ранѣе, такъ какъ послѣдніе 10% долга погасились бы не срочными платежами, а запаснымъ ихъ капиталомъ.

Весьма возможно, что нѣкоторыя частности проектируемаго нами новаго кредитнаго общества здѣсь упущены, но вѣрность выставленныхъ нами общихъ положеній едва ли можетъ быть серьезно оспариваема. Практическое осуществленіе всѣхъ нашихъ предположеній, конечно, встрѣтитъ не малыя затрудненія. Господство капитала съ каждымъ годомъ становится ощутительнѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ находится въ рукахъ людей энергическихъ, которые готовы будутъ постоять за себя и не позволять безъ борьбы вырвать изъ ихъ рукъ выгодное дѣло, дающее имъ, сверхъ процентовъ на собственный ихъ капиталъ, еще болѣе 1.500,000 рублей дохода, безъ всякихъ затратъ и безъ всякаго риска. Поэтому, чтобы осуществить учрежденіе новаго кредитнаго общества, землевладѣльцамъ нужно энергически взяться за это дѣло. Настойчивое преслѣдованіе цѣли должно однако увѣнчаться успѣхомъ, вслѣдствіе очевидной его пользы для значительной части нашего землевладѣнія. Съ осуществленіемъ его, будутъ исправлены, насколько возможно, ошибки, допущенныя въ существующей организаціи нашего земельного кредита, и съ теченіемъ времени, когда сократятся долгосрочные долги, обременяющіе землевладѣльцевъ, и совершится операція выкупа крестьянскихъ земельныхъ угодій, наше землевладѣніе снова займетъ подобающее ему мѣсто въ экономической жизни народа и обратится въ источникъ благосостоянія, какъ самихъ собственниковъ, такъ и нашего обширнаго государства.

Н. Принтцъ.

ВАРЕНЬКА УЛЬМИНА

ПОВѢСТЬ.

Посвящается Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

Прологъ.

I.

Было 1-е іюля, — девятый часъ утра. Солнце уже почти жгло, роса быстро сохла. Но на балконѣ стараго дома въ Груздинѣ было еще прохладно: обращенный на западъ, къ тому же весь закрытый кустами сирени и жасмина, теперь отцвѣтшими, онъ оставался совсѣмъ въ тѣни. Наталья Александровна и Варенька сидѣли на балконѣ за чаемъ. Наталья Александровна, недоспавшая сегодня цѣлый часъ, съ разболѣвшейся оттого головой, сердитая и даже какъ будто обиженная, молча щурилась и нервно отхлебывала съ блюдечка, по старинной привычкѣ. Варенька чувствовала себя виноватой и старалась какъ-нибудь согнуть и сжать свою высокую, статную фигуру съ стройной грудью и пышно-развившимися, несмотря на семнадцать лѣтъ, плечами. Она нарочно потихоньку ѣла варенецъ и нарочно не смотрѣла на мать, но чувствовала, что та сердито видитъ ее угломъ глаза, хоть и глядитъ въ другую сторону. Отъ этого хорошенькое лицо Вареньки, съ тонкимъ, тупо-срѣзаннымъ носикомъ, полными румяными губами и нѣжнымъ подбородкомъ, начало разгораться вишнѣмъ съ ушами, и ей стало жарко, хотя она только-что купалась, и ея темнорусые, кудрявые волосы, распущенные по узорчатой рубашкѣ, еще не успѣли высохнуть. Разъ только, утрадой,

Варенька взглянула на Наталью Александровну и сейчас же сдѣлала видъ, что это она моргаетъ, и еще ниже наклонила голову, еще ниже опустила тонкія брови надъ почти закрывшимися карими глазами.—«Что же это, какъ онъ опоздалъ!» думала она. «Только бы мамочка дотянула до тѣхъ поръ и не начала сѣтовать, а тамъ уже ничего: она разговорится и забудетъ и головную боль, и все... А вѣдь не дотянетъ!» — тоскливо рѣшила она. И такъ боялась этого Варенька, что забыла про все то, что самой ей не дало спать нынѣшнюю ночь въ ожиданіи этого пріѣзда. «Ни за что не дотянетъ и отравить мнѣ все» — думала она.

На бѣду въ тарелкѣ у нея ничего не оставалось, и ей, волей-неволей, надо было пошевелиться, а Наталья Александровна можетъ быть только этого и ждать. Варенька было-попробовала нѣсколько разъ провести ложкою по пустому уже дну, но потомъ разомъ подняла голову. Однако она сейчасъ же закрыла глаза и уже ощупью утерла свои свѣжія губы, надъ которыми бѣлѣла полоска сметаны.—«Ну, сейчасъ начнется!» Но Наталья Александровна только-что передъ этимъ налила себѣ изъ чашки новое блюдечко и молча поднесла его къ губамъ. Варенька подумала, что лучше всего ей опять начать ѣсть и потянулась за горшкомъ. Мать повела глазами вслѣдъ за ея рукой, и Варенька вдругъ, совсѣмъ неожиданно для себя самой, сказала въ оправданіе:

— Очень уже хорошо!

— Ты заболѣешь,—сердито промолвила мать.

Ужъ не началось ли? Но Наталья Александровна опять молчала. Варенька долго, не поднимая головы, глотала ложку за ложкой, и только было-успокоилась, какъ тутъ-то и началось. Наталья Александровна допила послѣдній глотокъ, поставила блюдечко на столъ, выполоскала и его, и чашку, и взялась уже за чайникъ, но вдругъ опять опустила его и заговорила, разгораясь и огорчаясь съ каждымъ словомъ.

— Вотъ до сихъ поръ нѣтъ его; можетъ быть, еще и совсѣмъ не пріѣдетъ нынче. Какъ говорила я, что нечего подниматься съ половины ночи, такъ нѣтъ,—какъ можно, мы лучше знаемъ. А что у матери голову съ плечъ снимаетъ отъ боли... очень намъ нужно!..

Не дотянула! У Вареньки замерло сердце, но потомъ она вдругъ сама разгорячилась.

— Какая вы странная, мамочка! — прервала она Наталью Александровну. — Да могла ли же я это знать? Онъ долженъ былъ

быть на станціи въ четыре часа семнадцать минутъ, до насъ двадцать-пять верстъ, какъ же не ожидать его къ семи часамъ, или къ половинѣ восьмого? А что, можетъ быть, онъ не пріѣхалъ съ этимъ побѣдомъ, что, можетъ быть, поѣздъ опоздалъ... мало ли что можетъ быть...

На дворѣ зазвенѣли бубенчики. Варенька проворно вскочила, сбѣжала съ лѣстницы, промчалась стрѣлою по дорожкѣ, раскрывая на-лету садовыя ворота, и бросилась на шею пріѣзжему. Тотъ взялъ обѣими руками ея голову и нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ ее въ губы и раскраснѣвшіяся щеки.

Ему было лѣтъ около пятидесяти, лицо у него было смуглое, черноглазое, неправильное, очень живое, волосы и борода сѣдые, — звали его Федоръ Андреевичъ Сухонинъ. Наталья Александровна засуетилась, просвѣтлѣла и пошла встрѣтить его къ воротамъ. Они поцѣловались и всѣ трое поднялись на балконъ. Варенька сейчасъ же налила ему стаканъ чаю и усѣлась рядомъ, съ дѣтскою лаской глядя ему въ глаза. Онъ выпилъ глотка два, потомъ поднялъ на нее глаза и провелъ рукою по ея распушеннымъ волосамъ.

— Покажись-ка, племянница, — сказалъ онъ, замѣтивъ вдругъ, что она въ сарафанѣ.

Варенька встала, опустила руки, дала ему осмотрѣть себя спереди, потомъ обернулась спиною.

— Тебѣ въ угоду, — шепнула Наталья Александровна, которая теперь совсѣмъ подобрѣла и нѣжно и вмѣстѣ хвастливо поглядывала на «свою дѣвочку».

— Прелестно, — похвалилъ Федоръ Андреевичъ. — Только знаешь ли что, красавица: если уже хочешь доставить мнѣ настоящее удовольствіе, пойди и заплети эту гриву.

Варенька послушно пошла къ двери.

Какъ разъ въ эту минуту горничная сказала Федору Андреевичу, что его спрашиваетъ ямщикъ. Онъ тоже поднялся и ушелъ въ домъ. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ Варенькой; она звонко засмѣялась и побѣжала къ себѣ въ комнату.

Черезъ четверть часа оба были опять на балконѣ. Федоръ Андреевичъ воротился первый, и только-что взялся за свой чай, какъ пришла и Варенька. Она пригладила, насколько было можно, свои кудри и сплела ихъ въ одну косу съ лентой. Прическа эта рѣшительно портила ее: лицо, лишенное своей роскошной рамки, казалось старше, черты грубѣе. Вся своеобразная прелесть волосъ пропала: коса вышла, правда, очень толстая, но довольно короткая, безъ граціозной гибкости и атласнаго блеска —

разглаженные и стяннутые завитки вырывались повсюду и дѣлали ее неровной. Варенька сама понимала, что подурнѣла, но Ѳедоръ Андреевичъ, бывшій одно время «славянофиломъ», большой поклонникъ русскаго платья и скромной, гладкой прически, остался необыкновенно доволенъ.

— Ну, не правъ ли я? Вы только посмотрѣте, какая у нея теперь изящная головка?—восхищался онъ. — Чтѣ хотите, а не могу я переварить нынѣшнихъ причесовъ! Бывало, начинали съ того, что расчесывали волосы, а теперь барыня беретъ прямо за щетку и давай путать голову, взбиваетъ, взбиваетъ... чѣмъ больше на войлокъ похоже, тѣмъ лучше. — Онъ запустилъ обѣ руки въ свои короткіе сѣдые волосы и представилъ, какъ взбиваютъ голову. — А сверху насадятъ косматую шапку вонючихъ мертвыхъ волосъ... и рады!.. Тыфу!.. Вотъ вамъ и благородныя линіи женской головы! Пойдите-ка, отгнѣтите ихъ подъ этой копной мертвечины! Нѣтъ, ты послушайся меня, голубушка, когда захочешь... какъ бы это сказать... прельстить, что-ли, кого, показись ему вотъ такъ, какъ ты теперь.

— Ну, объ этомъ-то намъ, пожалуй, и не слѣдуетъ больше думать,—вставила, наконецъ, Наталья Александровна.

Она уже давно собиралась сказать что-то, но Ѳедоръ Андреевичъ все продолжалъ самъ говорить. За то теперь у нея не только была въ голосѣ особенная значительность, но она еще показала однимъ глазомъ на Вареньку, боясь, что не успѣетъ сказать всего разомъ словами. Ѳедоръ Андреевичъ опустилъ стаканъ, который, договоривъ, понесъ-было ко рту, и съ недоумѣніемъ взглянулъ на Наталью Александровну; Варенька быстро встала и вошла въ гостиную...

— А по-моему просто безобразно!—рѣзко послышалось оттуда со стороны зеркала.

Наталья Александровна наклонилась между тѣмъ къ Ѳедору Андреевичу и шепнула, глотая отъ волненія и удовольствія слюну:

— Ты знаешь, мы дали слово.

— Кому?—спросилъ онъ почти испуганно.

— Петру Степановичу Ульмину.

Ѳедоръ Андреевичъ не вѣрилъ ушамъ: двѣ недѣли тому назадъ, передъ его отъѣздомъ, Ульмина считали человѣкомъ едва знакомымъ, который былъ въ домѣ раза три въ цѣлыхъ полгода.

— Она любить его?—спросилъ онъ, и этотъ вопросъ зазвучалъ горячей, нестарѣющей вѣрой въ человѣка.

— Должно быть, нравится: какъ только я сказала ей, что онъ сватается, она съ перваго слова согласилась.

— Такъ онъ прежде съ вами говорилъ?

— Да, а я уже передала Варѣ.

— А!

— Что до меня касается, братъ,—продолжала словоохотливо Наталья Александровна, то я, съ своей стороны, очень довольна. Варя вѣдь почти что безприданница: отъ покойника, самъ знаешь, остались одни долги; и на моемъ имѣньцѣ ихъ не мало; а послѣ него гдѣ уже мнѣ было наживать—мое дѣло женское. А Петръ Степановичъ хочетъ сейчасъ же написать на ея имя семьдесятъ тысячъ! Да я, правду сказать, и не мечтала о такой партіи.

Тутъ вошла Варенька. Она переѣвнула прическу: свернула всѣ волосы въ большой узелъ, приколотый гребнемъ. Лицо ея горѣло; она слышала или догадывалась, о чемъ говорить.

— Варенька, ты выходишь за Ульмина?—обратился къ ней Федоръ Андреевичъ.

— Да!—звонко отвѣтила она и пошла съ лѣстницы, перепрыгивая черезъ ступеньку и рѣзко ударя каблуками.

Федоръ Андреевичъ тоже всталъ, но прежде, самъ не зная зачѣмъ, поспѣшно допилъ свой стаканъ и потомъ уже пошелъ за нею. Варенька успѣла скрыться за поворотомъ дорожки. Когда онъ въ свою очередь обогнулъ этотъ поворотъ, то увидалъ ее на другомъ концѣ длинной липовой аллеи; она шла очень скоро. Онъ окликнулъ ее; она остановилась и обернулась. Онъ нагналъ ее, и они пошли рядомъ.

— Варя,—началъ онъ,—ты должна сказать мнѣ все.

— Мама вѣдь уже рассказала тебѣ.

Она смотрѣла прямо передъ собою и не отвела глазъ.

— Ты не понимаешьъ меня, или не хочешь понять, — заговорилъ онъ вспылчиво. — Дитя мое, я спрашиваю не о томъ, при какихъ обстоятельствахъ и черезъ кого было сдѣлано тебѣ предложеніе? Я хочу знать, чтѣ заставило тебя сказать «да?»

Голосъ его дрожалъ. Она продолжала идти молча.

— Ужъ не значить ли это, что ты не любишь его? — тревожно допытывался онъ.

Она вдругъ прервала его:

— А чтѣ твои дѣла?—спросила она торопливо и неуистно.

Этотъ странный переходъ на минуту ошеломилъ его.

— Да все то же,—сказалъ онъ, наконецъ, нѣхотя и съ недоумѣніемъ,—но отчего-то невольно подчиняясь ей. Хлопчу о продажѣ Колпиковъ. Кажется, устроится. Только постой, Варя,—спохватился онъ вдругъ,—ты не дала мнѣ договорить. Знаешь

ли что: твои вопросы о дѣлахъ—теперь, въ настоящую минуту, болѣе чѣмъ странны.

— Нѣтъ, нѣтъ, погоди,—прервала она его нетерпѣливо и страстно. Скажи мнѣ прежде, неужели же нельзя избѣжать этого, сдѣлать новый вексель, или еще что-нибудь?

Онъ опять съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Нельзя, дитя мое... Мы были хороши съ старикомъ, и онъ, конечно, довольствовался бы процентами и не сталъ бы требовать уплаты капитала, пока я не скопилъ бы нужной суммы; но наслѣдники его не знаютъ меня, имъ, можетъ быть, нужны деньги... не просить же мнѣ у нихъ милостыни?.. Такъ вотъ, кажется, я все тебѣ сказалъ (онъ старался удерживаться, но досадливыя ноты такъ и вырывались); отвѣтъ же и ты мнѣ, наконецъ...

— Постой! И ты рѣшишься разстаться съ Колпиками?

— Да что же дѣлать-то, Господи!?—окончательно вспылить онъ.

— Да я-то не хочу! Не будетъ этого, не будетъ!—закричала Варенька. — Чтобы ты... Чтобы я допустила!..

Голосъ ея оборвался, она готова была зарыдать.

Онъ вдругъ понялъ все.

— Варенька,—вскрикнулъ онъ, схвативъ ее за руки,—понимаешь ли ты, что ты дѣлаешь? Понимаешь ли ты, что ты *продаешь* себя? Только знай, что я никогда, слышишь ли, никогда не приму этой жертвы!

— Ты не смѣешь!—крикнула она, залившись вдругъ слезами, вырвала руки и поспѣшно пошла прочь.

Онъ опять нагналъ и остановилъ ее. Онъ чувствовалъ, что надо бороться скорѣе, сказать сейчасъ что-нибудь самое убѣдительное, а у него звенѣло въ ушахъ и въ головѣ все путалось.

— Одно только слово, Варенька: будетъ ли честенъ твой поступокъ относительно *ею*? Ты еще такъ молода, ты еще не любила, а между тѣмъ чувство должно же проснуться рано или поздно.

Она стала вырываться, онъ крѣпко держалъ ее.

— И не на долю мужа, всю изнанку котораго ты уже будешь знать, выпадетъ оно,—спѣшилъ онъ договорить,—въ этомъ я клянусь тебѣ.

Она не дала ему кончить.

— Я никогда никого не полюблю,—горячо прервала она,—а слезы такъ и бѣжали по щекамъ. Я всю жизнь отдамъ ему. Только пойми же ты, что я не могу допустить этого... не могу!..

И она вырвалась у него и бросилась бѣгомъ прямо въ чашу.

II.

Федоръ Андреевичъ остался одинъ, но не пошелъ домой, а тоже повернулъ въ глушь сада...

Такихъ людей, какъ онъ, въ его время было не мало. Натуры страстныя, въ высшей степени впечатлительныя, съ горячимъ, надъ всѣмъ преобладающимъ желаніемъ счастья, эти люди жили и умираютъ идеалистами. Фанатики изъ нихъ выходили рѣдко: они для этого были слишкомъ нервны, слишкомъ чутки, да и русская жизнь не давала имъ достаточно сильныхъ и обильныхъ впечатлѣній одного и того же рода. Люди эти всю жизнь безпрестанно мѣняли свои вѣрованія, переходили отъ одной крайности къ другой, съ увлеченіемъ бросались туда, гдѣ имъ видѣлось «прекрасное», столь заманчивое для ихъ артистическихъ инстинктовъ. Федоръ Андреевичъ студентомъ искренне увлекался всѣмъ, что волновало слушателей Грановскаго и молодежь временъ Бѣлинскаго, а десять лѣтъ спустя онъ ходилъ въ длинномъ (довольно роскошномъ) кафтанѣ и былъ хорошъ съ извѣстнымъ Хомяковымъ. Потомъ эта полоса прошла: кафтанъ еще носился по привычкѣ, а Федоръ Андреевичъ уже забылъ, когда у него послѣдній разъ была въ рукахъ русская книга, онъ даже и говорить-то сталъ почти исключительно по-французски. Опять жадно взялся онъ за нѣмцевъ, и не за однихъ только прежнихъ, — нѣмцевъ своей молодости — а и за «матеріалистовъ», которыми какъ-то по-дѣтски увлекся, правда ненадолго: очень уже они были чужды его эстетичной натурѣ, немножко даже наклонной къ мистицизму. Наконецъ, лѣтъ за пять до освобожденія крестьянъ, Сухонинъ совсѣмъ поселился въ деревнѣ, гдѣ сталъ съ любовью устроить патриархальную республику съ «судомъ стариковъ» и подъ протекторатомъ помѣщика... Чтобы дорисовать портретъ Федора Андреевича остается только прибавить къ чертамъ, общимъ всему типу: горячее, золотое сердце, блестящій и тонкій умъ и довольно рѣдкое въ русскихъ людяхъ умѣнье говорить замѣчательно хорошо.

Жизнь не улыбнулась Федору Андреевичу. Онъ женился рано, по любви, на женщинѣ, которая сдѣлала бы его счастливымъ, но имъ выпало на долю тяжелое горе: единственный, оставшійся у нихъ въ живыхъ ребенокъ, былъ мальчикъ странный — «убогій», какъ втихомолку называла его прислуга. Въ чемъ именно состояло это «убожество», никто не умѣлъ сказать. Митя былъ очень красивый, замѣчательно здоровый и сильный

ребенокъ, нравомъ кроткій, послушный и добрый. Ни большого ума, ни хорошихъ способностей у него не было; учился онъ всегда плохо и трудно, но, кажется, въ особенности потому, что его не такъ учили: были примѣры, что случайно перемѣняютъ манеру, которой держались до этой минуты — и Митя совсѣмъ неожиданно пойметъ то, что прежде не давалось ему цѣлые годы. Застѣнчивъ Митя былъ до крайности, до болѣзни, застѣнчивъ со всѣми, даже и съ матерью, хотя, конечно, съ нею меньше, чѣмъ съ остальными. Съ годами это пугливое смущеніе при самыхъ даже пустыхъ сношеніяхъ съ другими людьми стало проявляться все чаще и рѣзче; оно дѣлало Митю такимъ страннымъ, жалкимъ, что мало-по-малу всѣ начали считать его полудиотомъ. Но эта болѣзненная робость не составляла еще настоящей странности Мити: во всѣхъ почти поступкахъ у него была одна непонятная особенность, которой не замѣчали посторонніе, да и свои не всегда обращали на нее вниманіе: Митя, напримѣръ, очень любилъ цвѣты, притомъ ему, какъ здоровому мальчику, очень нравилось по цѣлымъ днямъ копать землю на солнцѣ, на тепломъ вѣтру, такъ что, вырастая въ деревнѣ, онъ сдѣлался отличнымъ садовникомъ — никто лучше его не умѣлъ сѣять, пересаживать, прививать; а между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ его учитель, старый Михей, и садъ совсѣмъ перешелъ въ его руки, Митю не разъ затрудняли очень простыя вещи, которыя онъ, казалось бы, долженъ отлично знать. Когда ему въ первый разъ, послѣ Михея, пришлось пересаживать разросшіеся зимующіе цвѣты и высаживать изъ школы въ грунтъ молодыя яблони, онъ чуть не заболѣлъ оттого, что не успѣлъ придумать, куда именно посадить то или это деревцо, тотъ или другой корешокъ. Ѳедору Андреевичу пришлось показывать ему; онъ не зналъ никакого толка въ садоводствѣ и надѣлалъ пропасть ошибокъ — Митя не поправилъ ни одной изъ нихъ и преспокойно посадилъ разныя калифорнскія растенія, которымъ нужно яркое солнце (онъ это хорошо зналъ) въ тѣнь, фіалки и воздушныя азалеи на самый припекъ, а нѣжные сорта грушъ на холодномъ скатѣ къ сѣверу. Былъ еще и другой случай: послѣ Михея Митя надѣлалъ палочекъ изъ заготовленнаго старикомъ дерева и долго употреблялъ ихъ, а когда палочки сгнили, онъ совсѣмъ пересталъ подвизывать цвѣты, пока Ѳедоръ Андреевичъ не увидалъ этого, не узналъ въ чемъ дѣло и не велѣлъ дать ему дерева. вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же Митя каждый вечеръ аккуратно смотрѣлъ на термометръ и при извѣстныхъ градусахъ всегда накрывалъ щитами высадки. Митѣ было лѣтъ двѣнадцать, когда

одинъ сосѣдъ подарилъ ему пару канареекъ. Мальчикъ весь день просидѣлъ въ нѣмомъ восхищеніи возлѣ клѣтки, пока не велѣли ему идти спать, и послѣ такъ страстно привязался къ птичкамъ, что когда, года черезъ два, одна изъ нихъ издохла, онъ *при всѣхъ*, чего съ его застѣчивостью съ нимъ никогда не бывало, залился такими горячими, такими неудержимыми слезами, какихъ мать ни прежде, ни послѣ не видала отъ него. Къ веснѣ вывелись маленькія, черезъ годъ еще, и у старыхъ, и у молодыхъ; держать ихъ въ клѣткѣ стало неудобно, и имъ отвели пустую угольную комнату въ верхнемъ этажѣ большого дома въ Колпникахъ. Въ этой комнатѣ, гдѣ онъ просиживалъ цѣлые часы, Митя въ цѣлые семь лѣтъ не переставилъ на другое мѣсто ни одной чашечки съ водою, ни одной ёлки (несмотря на то, что ихъ мѣняли каждый годъ). Все оставалось точь-въ-точь такъ, какъ при самомъ началѣ было поставлено матерью, хотя много было такого, что можно было бы устроить гораздо удобнѣе. Митя и всѣхъ мертвыхъ птишекъ хоронилъ подъ той самой сиренью, гдѣ она закопала первую. И это дѣлалось вовсе не изъ какого-нибудь особеннаго культа къ памяти матери, а вслѣдствіе все того же страннаго недостатка инициативы. Ни отецъ, ни мать не понимали вполнѣ Митю. Можетъ быть, это и было причиной, что мать до послѣдней своей минуты (сыну при ней исполнилось 17 лѣтъ) горячо вѣрила, что если не нынче, то уже навѣрное завтра Митя вдругъ отчего-то переимѣнится и сдѣлается такимъ же, какъ всѣ другіе люди. Она такъ и умерла съ своей ни разу не пошатнувшейся вѣрой. За какой-нибудь часъ до начала агоніи, она говорила мужу: — «Ты не думай, это непременно пройдетъ, я и теперь уже многое замѣчаю». Федоръ Андреевичъ самъ сначала долго и настойчиво надѣялся, что *это* пройдетъ; въслѣдствіи эта надежда являлась у него только изрѣдка, послѣ того, какъ ему сдѣлается уже очень тяжело. Долго также старался онъ ощупью помочь горю и не хотѣлъ признавать своего безсилія. Не мало страдалъ Федоръ Андреевичъ и глядя на жену, на ея свѣтлый взоръ, который ни разу не затуманило сомнѣніе; онъ каждую минуту со страхомъ и тоскою ждалъ, что вотъ сейчасъ погаснетъ это словно чудомъ зажженное сіяніе. Не легко было ему.

И Федоръ Андреевичъ, и жена его очень любили его маленькую племянницу Вареньку. Марья Семеновна увозила ее къ себѣ на цѣлые недѣли: ей, ея материнскому суевѣрію казалось, что Митя заразится роскошнымъ ростомъ дѣвочки. Она доходила до того, что иногда нарочно старалась заставить Митю

дотронуться до Вареньки, которой онъ такъ же дичился, какъ и всѣхъ другихъ. Когда онъ переносилъ ее черезъ воду или пересаживалъ черезъ изгородь, Марья Семеновна съ особеннымъ вниманіемъ и сильнѣе забывшимся сердцемъ всматривалась въ сына, какъ будто сейчасъ должно совершиться съ нимъ чудо. Это напряженное состояніе уносило ея силы, такъ что, когда Вареньку брали домой, она хоть и жалѣла о ней, но чувствовала облегченіе и вмѣстѣ слабость, словно у нея только-что кончился пароксизмъ сильной лихорадки. На Ѳедора Андреевича Варенька дѣйствовала совсѣмъ иначе: онъ отдыхалъ, выздоравливалъ, набирался силъ, глядя на нее. Для него Варенька была яркимъ лучомъ, а въ его положеніи и съ его натурой этотъ лучъ являлся необходимымъ условіемъ жизни. Ѳедоръ Андреевичъ нѣжно и горячо привязался къ живой, способной дѣвочкѣ, сталъ съ увлеченіемъ учить ее, читать ей. Чувство Вареньки къ нему было глубоко-женское. Дядя былъ совсѣмъ не такой, какъ другіе большіе: онъ и говорилъ особенно, такъ, какъ никто, кромѣ него, не говорилъ, и обращался съ нею, и училъ ее совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе—на него никто не былъ и не могъ быть похожъ. Варенька вся уходила въ безграничное удивленіе и поклоненіе, но при этомъ Ѳедоръ Андреевичъ не подавлялъ ея: *онъ былъ несчастливъ*. Варенька скоро поняла, что она необходима ему, что безъ нея ему было бы очень тяжело жить, и разомъ не только выросла до него, но переросла его, она какъ-будто стала матерью великаго въ ея глазахъ, но больного чловѣка. Женщина богато, хотя слишкомъ рано, развернулась въ ней со всѣмъ удивительнымъ умѣньемъ скрыть свое покровительство, сдѣлать его нечувствительнымъ, невиднымъ,—умѣньемъ, котораго почти всегда недостаетъ мужчинѣ: онъ дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ слишкомъ откровенно, потому что не ставитъ себя въ несвойственное ему положеніе покровительствуемаго. Ѳедоръ Андреевичъ такъ ни разу и не догадался, что Варенька сознательно облегчаетъ его страданіе, что она старается объ этомъ. Вотъ отчего теперь, когда въ ней, залитая волною горячаго порыва, заснула на минуту ея женская скрытность, и то, что давно, безостановочно дѣлалось въ тайнѣ, въ непривычныхъ, правда, размѣрахъ, свободно выглянуло на свѣтъ, Ѳедора Андреевича оно поразило новизной, и онъ почувствовалъ, что не узнаетъ Вареньки.

Онъ долго шелъ цѣликомъ по запущенной, березовой рощѣ съ густымъ молодятникомъ и все не могъ опомниться. Какъ истый идеалистъ, онъ всегда видѣлъ въ Варенькѣ не то, чѣмъ

она была на самомъ дѣлѣ, а то, чѣмъ ему хотѣлось, чтобы она была. Ею Варенька была удивительное существо безъ недостатковъ, страстей, увлеченій, промаховъ; это была не просто дѣвушка, а «чистое пламя добра и красоты». И вдругъ она упала съ своего высокаго пьедестала, упала на землю съ ея ошибками, страданіями и грязью! Ѳеодору Андреевичу было невыразимо больно видѣть это; но вмѣстѣ съ тѣмъ Варенька теперь отчего-то стала ему еще дороже прежняго. Ея неразумный, нечестный и безсердечный относительно Ульмина поступокъ былъ недостойнъ ея, но Ѳеодоръ Андреевичъ вспоминалъ о немъ съ умиленіемъ, съ эгоистичной сладостью... Но, Боже мой, что же будетъ съ нею, съ этой новой, близорукой, увлекающейся Варенькой? Вѣдь она губить себя—безсознательно, съ дѣтской слѣпой дерзостью. Надо спасти ее во что бы то ни стало, хотя бы противъ ея воли. Съ тѣмъ самымъ почти злымъ вызовомъ, съ которымъ бросаются сломишь упорство своевольнаго ребенка, Ѳеодоръ Андреевичъ повторилъ ей же слова: «я не хочу, не будетъ этого! Возьму и прямо скажу этому Ульмину всю правду, вотъ и все тутъ!» И онъ сейчасъ же большими, спѣшными шагами пошелъ домой, словно Ульминъ былъ тамъ—и онъ боялся опоздать.

III.

Дома онъ засталъ одну только Наталью Александровну. Она сидѣла въ гостиной и вязала чулокъ. Ѳеодоръ Андреевичъ, увидавъ ее съ балкона, вспомнилъ, что сейчасъ придется съ нею говорить, а она непременно заговоритъ о женихѣ, и вернулся было назадъ, но потомъ передумалъ, отворилъ дверь, вошелъ и спросилъ: «гдѣ Варенька?» Онъ зналъ, что это наведетъ Наталью Александровну именно на непріятный для него разговоръ, но гдѣ избѣжать этого совсѣмъ нельзя, такъ ужъ лучше отдѣлаться сразу.

Наталья Александровна сказала, что Варенька еще не возвращалась и должно быть ушла гулять.

— Вѣдь ты знаешь, какая она—хоть цѣлый день на ногахъ. Удивительно мнѣ только, какъ это она при тебѣ-то вздумала убѣжать.

Ѳеодоръ Андреевичъ сѣлъ на диванъ и посмотрѣлъ на Наталью Александровну, чуть не говоря: «ну, начинай!» Но она подняла чулокъ совсѣмъ къ глазамъ, сморщила брови и зашевелила губами, считая какія-то петли. Онъ подождалъ съ нетерпѣливымъ

замираніемъ, думая, что она, какъ только кончить, непременно заговорить, но она сочла петли, опять мѣрно застучала спицами и продолжала молчать. Ѳеодоръ Андреевичъ свернулъ папироску, закурилъ, взялъ со стола карты и принялся раскладывать пасьянсъ.

«Такъ я же самъ начну», подумалъ онъ и спросилъ:

— Часто бываетъ у васъ Ульминъ?

— Каждый день. Нынче общалъ пріѣхать къ обѣду. А вотъ я хотѣла посовѣтоваться съ тобою, какъ мнѣ передѣлать свои вещи для Вари? Теперь фермуаровъ уже не носить больше, такъ я думаю, не выйдетъ ли звѣздочка. Это, говорятъ, въ модѣ.

— Дайте, я вамъ сдѣлаю рисунокъ, — вызвался Ѳеодоръ Андреевичъ.

Онъ обрадовался, что она заговорила совсѣмъ о другомъ.

Наталя Александровна сейчасъ сходила къ себѣ въ спальню и принесла брилліантовые серги, брошь и фермуаръ, цѣнные, но очень стариннаго фасона, съ неуклюже-сбитыми въ лучу камнями.

— Хоть мужъ ей, можетъ быть, и не такія еще подарить, а все какъ-то нельзя безъ своихъ, приданныхъ серѣжекъ, — сказала она.

Она сама открыла каждую коробочку и провела по каждой вещицѣ платкомъ, какъ-будто стирая пыль, потомъ уже разставила ихъ передъ Ѳеодоромъ Андреевичемъ. Онъ разсмотрѣлъ вещи, счелъ камни и въ минуту нарисовалъ прехорошенькій приборъ. Рисунокъ очень понравился Натальѣ Александровнѣ.

— Только ты удѣли мнѣ отсюда дюжину маленькихъ, — попросила она.

— Зачѣмъ вамъ?

— У меня тамъ есть голубой камушекъ въ перстнѣ и кругомъ тоже брилліантики. Такъ вотъ, если поприбавить отсюда, можно будетъ еще какую-нибудь штучку сдѣлать.

— Да вѣдь у васъ сапфиръ этотъ, кажется, продолговатый? Такъ я лучше нарисую вамъ жучка. Это будетъ очень изящно и, главное, выйдетъ изъ тѣхъ камней, что уже есть въ перстнѣ. А то мнѣ не хочется портить рисунокъ.

Наталя Александровна принесла сапфиръ. Ѳеодоръ Андреевичъ сталъ рисовать жучка, и ему даже сдѣлалось почти пріятно, потому что жучокъ выходилъ прелестный, и Наталя Александровна восхищалась имъ. Потомъ она повела Ѳеодора Андреевича къ себѣ въ спальню и показала ему все, что у нея было изъ

вещей, а сама смотрѣла ему въ глаза: не придумасть ли онъ еще чего-нибудь?

А время шло; былъ уже второй часъ.

Федоръ Андреевичъ, разсматривая старинную булаву съ опалами, вдругъ увидалъ въ окно, какъ на дворъ въѣхалъ хорошенькій кабриолетъ. Въ немъ, рядомъ съ женихомъ, сидѣла Варенька и правила красивой лошадыю. Федоръ Андреевичъ такъ мало зналъ Ульмина, что скорѣе догадался, кто это. Наталья Александровна ахнула и побѣжала къ нимъ навстрѣчу, онъ пошелъ за нею. Варенька, вся раскраснѣвшаяся отъ солнца, вдругъ поблѣднѣла, потомъ опять вспыхнула и взглянула на дядю съ страстнымъ выраженіемъ не то вызова, не то мольбы, когда онъ протянулъ руку ее жениху.

— Петръ Степановичъ, — ниспѣшно сказала она, — пойдѣмте, я покажу вамъ мои розы.

— А я, Варвара Владиміровна, уже выбралъ съ садовникомъ мѣсто для розоваго цвѣтника, — говорилъ онъ, — послушно идя за нею. Пріѣзжайте посмотреть.

— Это хорошо, а то у васъ ихъ мало. Ихъ надо будетъ развести какъ можно больше и всѣхъ цвѣтовъ, и лучше всего на томъ большомъ газонѣ, что, кажется, влѣво отъ липъ...

Они сошли съ балкона.

Федоръ Андреевичъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на нихъ. Сердце у него билось сильно.

Онъ въ первый разъ хорошенъко разглядѣлъ Ульмина, котораго до сихъ поръ видалъ только мелькомъ. Петръ Степановичъ оказался замѣчательно большого роста — почти на цѣлую голову выше самого Федора Андреевича, который давно привыкъ смотрѣть сверху внизъ на того, съ кѣмъ онъ говорилъ. Еще больше казался Ульминъ отъ ширины плечъ и порядочной полноты. Но эта величина фигуры и старила его: ему было двадцать-восемь лѣтъ, а на видъ нельзя было не дать много больше. Лицо красивое, хотя немного короткое — онъ не носилъ бороды; — въ нижней половинѣ, несмотря на мягкость очертаній, много спокойной энергіи, но, впрочемъ, ничего суроваго или даже строгаго, такъ какъ на всемъ лицѣ лежалъ ласковый свѣтъ прекраснѣйшихъ черныхъ глазъ. Федору Андреевичу бросилась въ глаза странная робость и неловкость его манеръ. Петръ Степановичъ тяготился своей въ самомъ дѣлѣ страшной силой и боялся ея, такъ что, идя рядомъ съ высокой, стройной Варенькой, онъ ступалъ осторожно, чуть-чуть раздвигая ноги, какъ-будто вольѣ него шелъ маленькій, слабый ребенокъ, и онъ приноравливался къ его шагу.

Варенька подвела Петра Степановича по очереди къ каждому изъ розовыхъ кустовъ, которыми были засажены всѣ клумбы небольшого цвѣтника. Она сорвала самую лучшую, крупную розу и воткнула ее себѣ въ волосы, но сейчасъ же опять вынула и отдала Ульмину, а сама потянулась за другой, надломивъ ее и вдругъ остановилась.

— Есть съ вами ножикъ?—спросила она Петра Степановича.

Онъ вынулъ и показалъ ей красивый складной ножичекъ.

— Ну, такъ пойдите со мною,—сказала она и пошла впередъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она обернулась посмотрѣть, не отсталъ ли онъ, и Федоръ Андреевичъ увидалъ ее лицо. Варенька улыбнулась Ульмину и сейчасъ же опять повернула голову. Федоръ Андреевичъ опять не узналъ Вареньки: ее за минуту дѣтское лицо вдругъ освѣтила такая властная улыбка, и такъ пере-мѣнилось оно отъ этой улыбки!

Они подошли къ большой, одинокой липѣ. Варенька достала конецъ длинной вѣтви, осыпанной золотистыми цвѣтами.

— Срѣжьте мнѣ ее,—сказала она Петру Степановичу.

Вѣтка упала. Она взяла ее и перекинула себѣ на плечо. Потомъ они оба вернулись въ гостиную.

Варенька положила вѣтку на диванъ и сама сѣла возлѣ. На столѣ лежалъ чулокъ Натальи Александровны; Варенька оглянулась, потихоньку притянула его къ себѣ, перекусила нитку и отмотала нѣсколько рядовъ на руку. Наталья Александровна ничего не видала: она что-то приназывала и стояла въ дверяхъ столовой. Потомъ Варенька ощипала всѣ душистые шапочки и связала изъ нихъ красивый, густой вѣнокъ. Она очень старательно прилаживала цвѣтокъ къ цвѣту, но Федору Андреевичу показалось, что у нея немножко дрожатъ руки — можетъ быть, она торопилась. Она кончила, подошла къ зеркалу, примѣрила вѣнокъ, увидала, что хорошо и обернулась къ Петру Степановичу. Онъ все время смотрѣлъ на нее и улыбался.

— Нравится вамъ?—спросила Варенька, смѣясь, и вся покраснѣла.— Или, можетъ быть, вамъ запахъ кажется аптечнымъ?

— А знаете ли,—сказалъ онъ,— вѣдь этотъ запахъ въ самомъ дѣлѣ напоминаетъ мнѣ—только не аптеку, а мое дѣтство: бывало, покойница бабушка съ другой покойницей, моей няней, раза три на недѣлѣ полили меня липовымъ цвѣтомъ — все онѣ боялись, что я, «кажется, простудился». Помню тоже, какъ мы собирали его съ няней и обламывали безподобнѣйшія липы. И досталось же намъ за это разъ отъ батюшки! Можетъ быть, это

отъ воспоминаній, но только, смѣшно сказать, мнѣ до сихъ поръ нравится липовый цвѣтъ, даже вкусомъ.

Онъ ласково, радостно смотрѣлъ на нее.

— Ну, нѣтъ, во вкусъ мало хорошаго, — сказала Варенька, — а запахъ дѣйствительно чудесный.

Она спрятала лицо въ цѣлой пригоршнѣ золотыхъ цвѣточковъ.

— Точно медъ! Даже съѣсть захотѣлось, — прибавила она и опять засмѣялась.

Петръ Степановичъ всталъ и пошелъ къ двери.

— Куда вы? — почти испуганно спросила Варенька.

Онъ остановился, улыбаясь.

— Вамъ захотѣлось сладкаго. Я привезъ конфетъ и забылъ ихъ въ экипажѣ; теперь иду за ними.

— Ахъ, какъ это хорошо! Принесите, пожалуйста, поскорѣе: конфеты вкуснѣе всего до обѣда. Да мы лучше пойдемъ вмѣстѣ.

Варенька чувствовала, что Ѳедоръ Андреевичъ непремѣнно будетъ стараться поставить на своемъ и для этого станетъ искать поговорить съ Петромъ Степановичемъ. И вотъ, чтобы помѣшать ему, она до сихъ поръ не отпускала отъ себя Ульмина. Теперь же ей, какъ видно, и самой сдѣлалось страшно остаться безъ него съ дядей. Ѳедоръ Андреевичъ рѣшилъ, что непремѣнно переговорить съ Ульминымъ, но только, конечно, не теперь. Ему стало жаль Вареньку: лицо у нея было такое жалко-напряженное, она храбрилась, но каждую минуту ждала удара — у нея даже уши какъ-будто прижались къ головѣ и горѣли. Чтобы успокоить ее, Ѳедоръ Андреевичъ крикнулъ ей вслѣдъ:

— Распорядись, пожалуйста, чтобы мнѣ лошади были готовы, какъ только мы выйдемъ изъ-за стола.

— Ты ѣдешь?! — отозвалась она, и въ голосъ ея послышалось такое облегченіе, что онъ невольно улыбнулся.

Она воротилась совсѣмъ другая. Въ рукахъ у нея была огромная бонбоньерка, въ родѣ стариннаго ларчика, и ротъ полонъ. За обѣдомъ она сіяла радостью и все смотрѣла на Ѳедора Андреевича: ей показалось изъ его словъ, что онъ согласился, и она задыхалась отъ наплыва страстной благодарности, — ей хотѣлось бы броситься передъ нимъ на колѣни.

Ѳедоръ Андреевичъ еще не допилъ кофе, какъ уже подали лошадей. Онъ подошелъ къ Варенькѣ, она обхватила обѣими руками его шею и крѣпко, съ переполненной грудью, прижалась къ нему. Онъ нѣжно погладилъ ее голову въ золотомъ уводящемъ вѣнкѣ, поцѣловалъ ее кудрявые волосы и пошелъ садиться въ тарантасъ. Всѣ вышли проводить его.

IV.

Федоръ Андреевичъ пріѣхалъ въ Колпики часу въ шестомъ вечера, разбитый. Всю дорогу продумалъ онъ о Варенькѣ. Потныя лошади скоро устали, тоскливо звякали бубенчики и тоскливо шумѣли кругомъ колесья. Федору Андреевичу сдѣлалось такъ же тяжело, какъ давеча въ саду. «Скорѣй!» повторялъ онъ безпрестанно кучеру. Вотъ, наконецъ, и Колпики. Сухонинъ, по привычѣ, поискалъ глазами между разступившимися деревьями зеленую крышу барскаго дома и вдругъ, въ первый разъ, понялъ, что этотъ старинный домъ, эти деревья, которыя росли тутъ за много лѣтъ до его рожденія,—все это скоро возьмутъ у него. Сердце у него сжалось съ острой болью. Онъ забылъ Вареньку, забылъ все на свѣтѣ—и долго, сквозь наступившія слезы, смотрѣлъ на свое старое гнѣздо.

А между тѣмъ въ эти двѣ недѣли, которыя онъ не былъ дома, не проходило дня, чтобы онъ не толковалъ о продажѣ Колпиковъ. Только это были «Колпики» — семь буквъ съ такимъ безобразнымъ «Е» впереди, что онъ каждый разъ, какъ напишетъ его, непременно самъ удивится; это было также «село Колпики, Успенское тожъ» — неправильная трапеція на пестро-расцвѣченномъ платѣ, это было... Но только это былъ не его дѣдовскій домъ, съ большими, немножко узкими окнами, съ неодинаковыми простѣнками, съ неуклюже-выступившими далеко впередъ четырьмя колоннами, обитыми листовымъ, крашеннымъ жѣлѣзомъ; не чудесный дубъ, который еще его бабушка, когда была маленькая, посадила желудемъ; не три сосны, на которыя онъ смотритъ каждое утро и которыя всегда такъ нравились его матери. Онъ въ эти двѣ недѣли даже придумалъ, какъ ему переѣхать на житье въ городъ, даже посмотрѣлъ квартиры — и все-таки только вотъ сейчасъ почувствовалъ, что теряетъ. Это и не могло быть иначе: ему трудно, почти невозможно было вообразить себѣ жизнь безъ Колпиковъ,—онъ слишкомъ привыкъ къ нимъ. Давно уже у него каждое представленіе тѣсно связывалось съ ними. Могъ ли онъ услышать, сказать или подумать — «весна», безъ того, чтобы ему сейчасъ не видѣлись: черныя поля, гдѣ еще не показалась изъ-за поблѣдѣвшихъ въ зиму прошлогоднихъ былинъ свѣжая зелень оживающихъ озимей, и гдѣ, мѣстами, еще лежатъ сѣровато-бѣлыя пятна послѣдняго снѣга; непросохшій дворъ; пробившаяся за погребомъ буро-красная крапивка; надувшіяся почки на столѣтнихъ деревьяхъ; смоляной весенній за-

пахъ мягкихъ, свѣтлыхъ основныхъ побѣговъ; юное солнце, вторымъ горитъ и старая крыша на амбарѣ, и аршинный прудокъ, каждый годъ выступающій подъ берегами предъ кухней. Тѣ же поля, со спѣлой рожью, молодыми, голубоватыми зелеными или подъ сверкающей снѣжной пеленой, тѣ же деревья, мѣющія жаркой дневной нѣгой, или облетѣлыя, пожелтѣвшія, съ часто, одна за другой, сбѣгающими каплями надолго-попешаго дождя, или, въ ясный морозный день, опущенныя, какъ самой густой листвою, блистающимъ инеемъ, отъ тяжести котораго повисли тонкія конечныя вѣточки,—все это было для него лѣтомъ, осенью и зимой. И такъ было всегда и вездѣ.

Чѣмъ ближе подѣзжалъ Федоръ Андреевичъ, — тѣмъ больше не могъ отвести глазъ отъ знакомой крыши. Онъ родился здѣсь, въ Колпнякахъ, и почти не выѣзжалъ изъ нихъ до самаго университета. Въ каждой изъ комнатъ стараго дома случилось съ нимъ что-нибудь важное или неважное, но отчего-либо оставшееся въ его памяти. Вотъ здѣсь, въ большой залѣ, онъ трехъ лѣтъ отъ роду игралъ оципаннными пушистыми сережками вербы — это было стадо овецъ; онъ подгонялъ ихъ вѣткой, но только такъ неловко, что овцы все разбѣгались. Вошла мать и стала показывать ему, какъ согнать ихъ въ кучу. Ему показалось, что она смѣется надъ нимъ, или просто сдѣлалось досадно, что самъ онъ этого не умѣетъ, — только онъ съ сердцемъ стегнулъ ее вербой по рукамъ. Она всегда была съ нимъ очень кротка, но тутъ пресерььзно отвѣтила ему тѣмъ же; онъ долго потомъ теръ и лизалъ рубецъ на рученкѣ и горько плакалъ — только не отъ боли. Потомъ въ этой же залѣ онъ всегда готовилъ уроки, почти бѣгомъ ходя изъ угла въ уголъ, и отсюда слышалъ разъ несправедливый упрекъ, сказанный отцомъ матери, и впервые съ горячимъ гнѣвомъ осудилъ непогрѣшимаго до тѣхъ поръ отца. Тамъ, наверху, въ своей маленькой спальнѣ, сколько разъ становалъ онъ ночью, въ одной рубашонкѣ, передъ аналоемъ и на-скоро просматривалъ какую-нибудь грамматику, при свѣтѣ лампаденъ и воскового огарка, отломленнаго отъ богоявленской свѣчи: отецъ невзначай сказалъ ему вечеромъ, что завтра онъ сдѣлаетъ общій экзаменъ. Сердце у мальчика стучитъ и замираетъ: онъ не вынесетъ, если осрамится завтра; а если откроется его хитрость — онъ скорѣе готовъ сто разъ умереть. Онъ безпрестанно переворачиваетъ страницы въ унесенной тайкомъ книгѣ — ему хотѣлось бы все за-разъ подсмотреть, а тутъ листы, какъ нарочно, слипаются подъ дрожащими пальцами. И вдругъ, кажется ему, что дверь изъ няинной комнаты открывается... Передъ

этимъ же аналоемъ, въ день смерти матери, лежалъ онъ, свернувшись на полу, и судорожно рыдалъ безъ слезъ, которыя уже не текли изъ распухшихъ глазъ,—и вдругъ пришло ему въ голову: «кто же кончитъ теперь рубашку, которую мать начала вышивать ему незадолго до своей болѣзни?»—и онъ заплакалъ... А тѣ годы, когда, бывало, закрывъ только-что прочитанную книгу, онъ вставалъ, поднятый горячей волной могучаго впечатлѣнія и просыпающейся молодой крови, и долго ходилъ по этимъ комнатамъ въ жаркомъ туманѣ зрѣихъ, золотыхъ грѣзъ. А его будущее, все залитое солнцемъ и такое вѣрное, непремѣнное! А его пятнадцатилѣтняя любовь, такъ и пахнущая молодой травой и апрѣльскимъ дождекомъ! Все это, навсегда живое, осталось въ этихъ старыхъ стѣнахъ. Остались въ нихъ и послѣднѣе годы страданій, тяжелыхъ утратъ, увядшихъ надеждъ...

Между тѣмъ тарантась, минуя деревню, въѣхалъ въ широкую березовую аллею и остановился у крыльца. Федора Андреевича не ждали, люди собрались-было въ кухнѣ за самоваромъ и теперь всѣ высыпали на колокольчикъ, а толстый Семенъ, красный и въ поту отъ недопитаго чаю, бѣгомъ бросился черезъ дворъ встрѣтить барина, но не успѣлъ—и уже слѣдомъ за нимъ вошелъ въ переднюю.

— Гдѣ Митя?—спросилъ Федоръ Андреевичъ.

— Должно у себя-съ, наверху, съ птичками.

Федоръ Андреевичъ снялъ пальто и фуражку и пошелъ наверхъ. Ему хотѣлось быть не одному. Онъ прошелъ нѣсколько пустыхъ комнатъ, остановился передъ затворенной дверью и поглядѣлъ въ окошечко, продѣланное въ ней еще при Марѣ Семеновнѣ, чтобы смотрѣть на птичекъ, не пугая ихъ. Комната, гдѣ онъ жили, была средней величины, довольно высокая и свѣтлая; вдоль выбѣленныхъ стѣнъ разставлены ѣлки съ гнѣздами; полъ посыпанъ пескомъ и мхомъ. Митя сидѣлъ на полу и переговаривался съ канарейками. Онъ дружно отвѣчали ему, но онъ вовсе не поддѣлывался подъ ихъ чирikanье, — не имитировалъ никакой мелодіи, которую онъ, какъ извѣстно, такъ легко перенимаютъ и запоминаютъ. Онъ просто по нѣскольку разъ повторялъ: «пикъ-пивикъ!» какъ, бывало, дѣлала его мать, правда, съ особенно-ласковымъ отгѣнкомъ въ голосѣ; птички отзывались съ какимъ-то веселымъ задоромъ. Пять или шесть молодыхъ, но уже почти совсѣмъ выросшихъ канареекъ сидѣло у Мити на рукѣ, — другія спокойно прыгали возлѣ него на цвѣточномъ ящикѣ съ дерномъ или купались въ водѣ.

Теперь, когда никто его не видѣлъ, Митя былъ очень хо-

рошѣ: онъ сидѣлъ ловко, стройное тѣло сложилось изящными линиями, красивое лицо свѣтилось чѣмъ-то теплымъ и нѣжнымъ. Федора Андреевича поразило его сходство съ матерью. «А что, если я ошибался, а она была права?» мелькнуло внезапно у него въ головѣ. И ему вдругъ показалось, что чудо, въ которое она такъ вѣрила, совершилось; что-то горяче востепенулось у него въ груди, онъ толкнулъ дверь и вошелъ. Птички испуганно влетѣли, Митя вздрогнулъ, поднялся неловко, зацѣпился за ящикъ и подошелъ къ отцу, неуклюже согнувъ спину.

— Здравствуй, Митя,—сказалъ Федоръ Андреевичъ, нѣжно цѣлуя его съ неупавшей еще надеждой.

— Здравствуй, папочка.

— Могу я посидѣть съ тобою?

— Что же... Конечно.

Онъ растерянно оглянулся и вдругъ сѣлъ опять на полъ. Лицо его покраснѣло, на лбу выступилъ потъ; онъ машинально протянулъ руку къ дерну и сталъ перебирать былинки. Федоръ Андреевичъ тихонько вздохнулъ—какой-то холодъ, скорѣе чѣмъ боль, ползся ему въ грудь.

«Нѣтъ, я не ошибался», подумалъ онъ,—ностоялъ немного, потомъ тихонько повернулся и пошелъ опять внизъ, устало и скорбно опустивъ голову.

V.

На слѣдующее утро, часу въ двѣнадцатомъ, Федоръ Андреевичъ былъ уже у Ульямина. Онъ не могъ заснуть всю ночь—и, какъ только всталъ, поѣхалъ объясниться съ Петромъ Степановичемъ на-счетъ Вареньки. Однако, несмотря на бессонницу, ему сегодня было много легче, чѣмъ вчера: во-первыхъ, потому, что теперь уже оставалось немного подождать—и онъ начнетъ дѣйствовать, а главное: вчерашній день съ его страданіями смѣнилось утро, всегда неизмѣнно-благодѣтельное.

Его встрѣтили нѣжные, чистые звуки скрипки, ясно слышныя въ передней, хотя понятно было, что играютъ за нѣсколько комнатъ.

«Это?.. Нѣтъ, это импровизація», рѣшилъ Федоръ Андреевичъ и остановился послушать.

Онъ страстно любилъ музыку и умѣлъ понимать ее, хотя самъ не игралъ ни на одномъ инструментѣ. Даже въ самыя тяжелыя минуты она не теряла своего вліянія на него: какъ

вполнѣ нервную натуру, она успокоивала его, такъ что онъ сейчасъ же начиналъ надѣяться. Отъ музыки ему стало бы лучше даже вчера, не только теперь. Игра была удивительная. Это было не мастерство: тутъ ничего не напоминало о настоящей работѣ, о побѣжденныхъ трудностяхъ; звуки лились такъ легко, такъ свободно, словно они родились съ тѣмъ, кто игралъ, и не могли стоить ему никакого труда. Федоръ Андреевичъ, не раздвигаясь, стоялъ въ передней. Тихая, задумчивая мелодія плыла къ нему мягкими переливами. То была не болѣзненная дума, тихая только отъ бессилія, а свѣтлая, ясная мечта, спокойная, какъ ровное дыханіе здоровой груди.

Онъ остановилъ слугу, который хотѣлъ-было идти доложить о немъ и, только дождавшись конца, пошелъ дальше, ободренный, съ восторженнымъ сердцемъ. Въ столовой былъ накрытъ завтракъ. Изъ нея дверь вела въ кабинетъ, гдѣ стоялъ Петръ Степановичъ въ широкомъ парусинномъ пальто и натиралъ смычокъ канифолью. Онъ отъ души обрадовался Сухонину, поспѣшно положилъ смычокъ и протянулъ ему обѣ руки.

— Какъ я вамъ радъ, — заговорилъ онъ съ такой счастливой улыбкой, что Федору Андреевичу стало ужасно жаль его. — Пойдите въ столовую, встать и завтракъ готовъ.

— Нѣтъ, — сказала Федоръ Андреевичъ, тихонько высвобождая руки, которые тотъ продолжалъ пожимать, — останетесь лучше здѣсь — мнѣ надо поговорить съ вами.

Онъ сѣлъ на первый стоявшій возлѣ стулъ. Петръ Степановичъ, смущенный этимъ началомъ, тоже сѣлъ и, предчувствуя недоброе, сталъ вертѣть смычокъ.

— Я пріѣхалъ говорить съ вами о Варенькѣ, — началъ Федоръ Андреевичъ, спѣша поскорѣе высказаться. — Вамъ нельзя жениться на ней.

— Почему? — испуганно спросилъ Петръ Степановичъ.

— Потому что она не любитъ васъ и выходитъ за васъ только изъ-за вашего состоянія.

— Это невозможно!

— Это не только возможно, но даже такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Я не сталъ бы говорить по однимъ догадкамъ. Дай вамъ Богъ всего лучшаго за то, что вы считаете мою дѣвочку неспособной на что-нибудь низкое! Она согрѣшила передъ вами по невѣдѣнію и съ неразумнымъ, но чистымъ намѣреніемъ. Дѣло вотъ въ чемъ... Вамъ, можетъ быть, извѣстны мои отношенія къ Варенькѣ?

— Какъ же! Варвара Владиміровна всякій разъ говорила мнѣ, чѣмъ вы всегда были для нея.

— Я не стану вамъ говорить, чѣмъ была и останется она для меня. Я это нынче особенно чувствую... Будемъ говорить только о ней: Варенька еще совсѣмъ ребенокъ, и у нея еще одни только дѣтскія чувства, но чувствуетъ она горячо. Будь ея матерью не Наталья Александровна, она боготворила бы ее. Къ несчастью... вы сами видите, что такое Наталья Александровна. Вотъ, Варенька все богатство свое и вложила въ свою привязанность ко мнѣ... Да, эта дѣвочка умѣетъ любить!.. Теперь я расскажу вамъ, почему она выходитъ за васъ. Надо вамъ сказать, что я теперь не то, чтобы въ очень затруднительномъ, вѣрнѣе — въ очень непріятномъ положеніи. Лѣтъ около пятнадцати тому назадъ я сдѣлалъ порядочный заемъ, тысячъ въ тридцать, у одного моего очень хорошаго знакомаго, а именно у Николая Васильевича Максона, — если знавали его. Деньги были даны мнѣ безъ всякаго обезпеченія съ моей стороны, подъ простое заемное письмо. Николай Васильевичъ жилъ тихо, не пускалъ капиталовъ своихъ ни въ какіе обороты и совершенно довольствовался аккуратнымъ полученіемъ процентовъ. Прошлой весной онъ умеръ. Наслѣдники его — люди мнѣ незнакомые; они хотятъ обратить все доставшееся имущество въ деньги и имъ было бы очень неудобно оставить эту сумму у меня. Такъ вотъ, чтобы уплатить этотъ долгъ, мнѣ приходится продать имѣніе. Оно стоить, правда, гораздо дороже, но дѣло въ томъ, что оно заложено и въ довольно высокой цифрѣ, такъ что если попробовать перезаложить его, то это не дастъ мнѣ нужной суммы. Дѣвочку мою страшно поразилъ толкъ объ этой продажѣ — я, въ самомъ дѣлѣ, привыкъ къ Колпикамъ. А тутъ какъ-разъ, вы сдѣлали предложеніе, да на бѣду обратились прежде къ Натальѣ Александровнѣ; ну, а она сейчасъ повернула разговоръ на деньги. Вы обѣщали перевести на имя жены семьдесятъ тысячъ. Когда она стала передавать ваше предложеніе Варенькѣ, то, конечно, прежде всего, заговорила объ этихъ семидесяти тысячахъ — она вотъ и мнѣ вчера за первое объ этомъ рассказала. Бѣдная дѣвочка сообразила, что ей можно будетъ замлатить мой долгъ; она обрадовалась и скорѣе дала слово. Нечестности своего поступка относительно васъ она не поняла, да и до сихъ поръ не понимаетъ. Я вчера сказалъ ей о возможности, когда наступитъ пора страсти, полюбить другого. Знаете, что она мнѣ отвѣтила? — Что *никогда* *никогда* не полюбитъ, что отдастъ вамъ всю жизнь, но допустить продать Колники не можетъ и не хочетъ!!

Сами видите, любовь, какъ я ее разумѣлъ, для нея — закрытая книга. Я уже говорилъ вамъ, что пока Варенька еще не женщина...

Смычокъ затрещалъ и переломился. Ѳеодоръ Андреевичъ оглянулся: Петръ Степановичъ сидѣлъ блѣдный, осунувшійся, и машинально складывалъ сломанные куски.

— Хорошо, — сказалъ онъ вдругъ грубо и какъ будто сердито, и сталъ внимательно разсматривать изломъ, даже поднесъ смычокъ поближе къ глазамъ.

Ѳеодоръ Андреевичъ всталъ, поглядѣлъ на него и тихонько вышелъ въ переднюю. Тамъ никого не было. Онъ надѣлъ пальто и уже взялся за ручку двери, какъ вдругъ изъ столовой вышелъ Петръ Степановичъ.

— Послушайте, — заговорилъ онъ мягко, почти съ умоляющей нотой въ голосъ, протягивая руку: — позвольте мнѣ исполнить ея желаніе, то-есть я буду вашимъ кредиторомъ. Не откажите мнѣ *ради нея*.

Ѳеодоръ Андреевичъ крѣпко пожалъ его руку.

— Дай Богъ вамъ побольше силъ, — сказалъ онъ, берясь опять поспѣшно за дверную ручку. — А говорить теперь съ вами объ этомъ было бы мнѣ грѣшно.

Оставшись одинъ, Петръ Степановичъ велѣлъ осѣдлать лошадей.

Онъ спѣшилъ скорѣе оборвать разомъ все, что связывало его съ Варенькой. О томъ, что будетъ послѣ, онъ, конечно, еще не могъ думать. Десять верстъ скорой рысью и мѣстами галопомъ пробѣжали быстро. Въ полѣ было жарко, но не душно: рожь наклонялась и вставала мягкими волнами; изъ-подъ ногъ у лошади поднималась облачками согрѣтая пыль; но вѣтра не было, она не разносилась и тихо падала опять.

Вдали показалась усадьба Натальи Александровны. Петръ Степановичъ подумалъ, что ему нужно повидать Вареньку одну. Наталья Александровна, конечно, не помѣшаетъ имъ идти гулять вдвоемъ, но прежде все-таки надо будетъ посидѣть съ нею, а Петръ Степановичъ чувствовалъ, что ему нужно высказать все какъ можно скорѣе, сейчасъ же. Онъ рѣшилъ миновать дорожку на дворъ, объѣхать кругомъ садовой ограды, привязать лошадь съ задней стороны ея и пройти прямо въ садъ, — можетъ быть, Варенька тамъ, и ему можно будетъ совсѣмъ не заходить въ домъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Невысокая, старая, каменная стѣна, со столбиками, окружала не весь садъ; дальше шла живая изгородь, а еще дальше — просто ровъ, заросшій малиной и

ежевикой. Петръ Степановичъ оставилъ лошадь у того мѣста, гдѣ кончалась каменная ограда, обошелъ темныя липовыя аллеи и всѣ скрещивающіяся дорожки сада; но Вареньки нигдѣ не было. Онъ сталъ осторожно подвигаться къ дому. Поворотъ аллеи вывелъ его на небольшую лужайку, къ боковому фасаду, тамъ съ балкономъ. Прямо передъ собою, въ окнѣ, увидалъ онъ Вареньку. Опираясь обѣими локтями на подоконникъ, она совсѣмъ опрокинула голову на сложенные подъ затылкомъ руки и пристально смотрѣла вверхъ. Было жарко, никого въ этомъ часу не ждали, и на Варенькѣ была старенькая, дѣтская бѣлая блуза съ короткими рукавами и открытой шеей. Смерзнутые укладомъ волосы успѣли растрепаться и прорывались между пальцевъ тяжелыми кудрями. Услыхавъ шелестъ, Варенька оглянулась, увидала Петра Степановича и немножко покраснѣла — скорѣе отъ неожиданности, чѣмъ отъ смущенія.

— Это вы! — крикнула она ему, высовываясь изъ окна. — Что это вы вздумали зайти изъ сада? А мамочки нѣтъ дома: она уѣхала въ дѣсь — тамъ, кажется, сдѣлали порубку.

Она наклонилась, подняла совсѣмъ выпавшій гребень и стала нетерпѣливо скручивать рассыпавшіеся волосы.

Онъ подошелъ къ окну.

— Это хорошо, что Наталья Александровна уѣхала, — сказалъ онъ: — мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами на-единѣ.

Она вздрогнула и зорко оглянулась.

— Такъ идите сюда, — сказала она и подбѣжала отворить ему балконную дверь.

Онъ вошелъ, сѣлъ и осмотрѣлся съ той нервной примѣтливостью, которая всегда является въ этихъ случаяхъ. Онъ еще не видалъ Варенькиной комнаты: она была просторная, очень свѣтлая, съ красивыми пестрыми обоями, съ мебелью, обитою пестрымъ ситцемъ, и съ такими же точно занавѣсками на окнахъ, — хорошенькая, но очень обыкновенная комната. Особеннаго въ ней было только множество портретовъ Федора Андреевича: большой портретъ его, еще молодого, писанный масляными красками, и рядомъ неудачная акварель черномазой дѣтской головки, потомъ дюжины двѣ всякихъ лагерротиповъ и фотографій, похожихъ и непохожихъ, во всевозможныхъ рамкахъ и рамочкахъ.

Петръ Степановичъ не могъ начать и молчалъ. Варенька сѣла подлѣ него и тревожно поглядывала. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Что это вы дѣлали у окна?

Онъ совсѣмъ не то хотѣлъ сказать, но еще не собрался съ духомъ, а чувствовалъ, что все молчать нельзя.

— Я? Я смотрѣла, какъ летитъ ивовый пухъ. Это очень красиво и очень странно: небо такое ясное, такое голубое, а въ воздухѣ высоко-высоко точно кружатся снѣжинки.

— Я собственно вѣдь не о томъ хотѣлъ говорить съ вами, Варвара Владиміровна, — началъ онъ, наконецъ, рѣшительно. — У меня сегодня былъ Ѳеодоръ Андреевичъ...

— Я это знала! — вскрикнула она. — Онъ вамъ наговорилъ!! Теперь, конечно, все погибло!.. Господи, что я за несчастная!..

Она отчаянно заложила руки и, наконецъ, сжавъ себѣ горло, зарыдала. Петръ Степановичъ, весьма потрясенный, самъ почти со слезами смотрѣлъ на это необузданное дѣтское горе. Она упала грудью на подоконникъ, все тѣло ея вдрагивало и трепетало. Испуганный сперва, онъ теперь подошелъ и сталъ успокоивать ее.

— Варвара Владиміровна, выслушайте меня, ради Бога, — заговорилъ онъ. — Я знаю, какая чистая, святая цѣль была у васъ, — я все знаю. Выслушайте меня. Я вѣдь все это могу устроить, я уже предложилъ Ѳеодору Андреевичу быть моимъ должникомъ... онъ согласился, а увѣренъ, что онъ согласится... Колпикъ не придется продавать. Ради Бога, не убивайтесь. Все сдѣлалось къ лучшему. Я радъ, что вамъ теперь не нужно жертвовать своей молодостью... своимъ будущимъ... я радъ... Не плачьте. Все такъ хорошо устроилось... Теперь вѣдь все устроилось... Вы, дастъ Богъ, будете счастливы... Колпикъ теперь не нужно продавать... Мы все устроимъ... Мы уговоримъ его... Все вышло къ лучшему...

Она стала затихать, но у него самого начиналъ дрожать голосъ; онъ тихонько отворилъ дверь и вышелъ.

Осторожно, словно боясь потревожить кого-то, пошелъ онъ по саду. Въ груди у него была надорванная боль, въ вискахъ стучало рѣдкими ударами. «Ну, вотъ и кончилъ!» думалъ онъ, и ему было какъ-будто легче — какъ бываетъ послѣ похоронъ очень любимого человѣка. Онъ тихо прошелъ до конца каменной стѣны; лошадь почувала его и заржала; онъ перелѣзъ къ ней, сѣлъ и поѣхалъ шагомъ.

Садъ уже кончался, когда онъ услышалъ позади себя обрывающійся зовъ:

— Постойте!.. постойте!..

Онъ остановилъ лошадь. Между деревьями мелькнуло бѣлое платье; Варенька бѣжала, напругая всѣ силы и протягивая руки. Не останавливаясь, она однимъ прыжкомъ перескочила роѣ и бросилась къ Петру Степановичу. Лошадь немного попыталась

къ сторону и испуганно повела глазами. Варенька, блѣдная, задыхаясь, прижалась къ его ногѣ и крѣпко окватила ее своими голыми руками.

— Послушайте,—заговорила она, все еще едва переводя духъ,—я, кажется... я васъ самихъ люблю!..

Онъ съ изумленіемъ и вдругъ вспыхнувшимъ восторгомъ нагнулся въ поднятое къ нему лицо, еще мокрое отъ дѣтскихъ слезъ, въ прямо-смотрящіе на него глаза. Это была не вчерашняя Варенька, и не та, которую онъ оставилъ за нѣсколько минутъ,—это была женщина, уже освѣщенная первымъ лучомъ страсти, уже любящая, но еще не знающая стыда!

Онъ нѣжно отстранилъ ее, слѣзъ съ обѣда, поднялъ ее на свои сильные руки и бережно, радостно понесъ ее въ домъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Прошло пять лѣтъ. Уже пять лѣтъ Варенька замужемъ. Счастлива ли она? Мать и Ѳеодоръ Андреевичъ думаютъ, что «да». То-есть Наталья Александровна совсѣмъ объ этомъ не думаетъ, но это все равно: она оттого не думаетъ, что ей не можетъ придти въ голову, чтобы Варенька была несчастлива! Если бы спросить Наталью Александровну: «счастлива ли Варенька?» то она удивилась бы и, пожалуй, даже обидѣлась — «чего же ей еще?» Ѳеодоръ Андреевичъ... тотъ все съ прежней дѣтской вѣрой вѣритъ не только тому, что лишь бракъ по любви даетъ счастье, но и тому, что люди, соединенные любовью, не могутъ не быть счастливы. А Варенька вѣдь вышла замужъ потому, что полюбила своего жениха. И Петръ Степановичъ не знаетъ, счастлива ли Варенька? Онъ счастливъ, и для него невозможно, чтобы и она не была счастлива. Сама Варенька... Но вѣдь не могла же Варенька-ребенокъ совсѣмъ умереть въ Варенькѣ-женщинѣ; ея «да» или «нѣтъ» будетъ еще больше, чѣмъ у всякаго другого, выражать ощущеніе только данной минуты.

Вотъ если бы счастье тѣхъ и другія минуты... Да и то одинъ мигъ счастья, рѣдкій и драгоценный, освѣтитъ столько пасмурныхъ и даже черныхъ дней...

Много невиднаго, но такова, изъ чего сложилась жизнь, было

въ эти пять лѣтъ, не оставившихъ никакихъ замѣтныхъ, всплывшихъ наружу, слѣдовъ. Правда, у Вареньки въ столѣ, подъ большимъ листомъ неоконченнаго рисунка, въ кучкѣ пустыхъ конвертовъ, какихъ-то похвальныхъ и приглашительныхъ записокъ и разорванныхъ счетовъ модистки — всего, что Варенька когда-нибудь соберется сжечь — есть лоскутки чего-то въ родѣ дневника. Ихъ очень мало, потому что всякій разъ, какъ она писала этотъ дневникъ, ей становилось совѣстно. Да оно и изъ каждой строчки видно, что она совѣстится, что истиннѣе говорить ей, что это глупое притворство и какая-то натянутая комедія. Фраза еще не успѣетъ кончиться, какъ уже выплывшее чувство вдругъ сжимается и принимаетъ неловкую, вычитанную форму. Въ другихъ мѣстахъ Варенька сама себя подробно рассказываетъ то, что она и такъ отлично знаетъ, и это выходитъ сухо, фальшиво, непонятно, безъ всякаго оживляющаго отпечатка личности. Видно только, что Варенькѣ стыдно, и что она понимаетъ, почему ей стыдно... Но все же, можетъ быть, эти лоскутки скажутъ что-нибудь...

«1-го сентября 187* г.

«Вотъ дядя предсказывалъ мнѣ, что я непременно полюблю — только не мужа. А я его-то и полюбила! Я такъ люблю его! Я горжусь имъ! Что мнѣ въ немъ особенно нравится, такъ это его спокойствіе, только вовсе не сонное, а такое сильное, хорошее. Вотъ такъ описываютъ Святогора-богатыря. Вообще, когда я смотрю на него, мнѣ непременно представляется какой-нибудь старинный богатырь, только не Илья-Муромецъ, который такъ и родился старикомъ, — тоже и не вѣтренный, хоть и милый Добрынюшка, да даже и не самъ Святогоръ. Ни у кого изъ нихъ не было такой души, какъ у моего витязя. А дядя еще говорилъ, что я не его полюблю! Впрочемъ, онъ хотѣлъ сказать, что нельзя полюбить мужа послѣ брака, — ну, я полюбила его, когда онъ еще не былъ моимъ мужемъ. Однако я плохо помню сказаніе о Святогорѣ, — я даже его, кажется, путаю... чуть ли не съ Миволушкой-Селяниновичемъ».

Черезъ три года:

«Такъ много есть романовъ, гдѣ людямъ чего-то недостаетъ, — такъ много, что мнѣ даже теперь всякій разъ какъ-будто совѣстно сдѣлается, какъ только стану объ этомъ читать. А вѣдь вотъ и мнѣ, пожалуй, чего-то недостаетъ — и это совсѣмъ не смѣшно. Вѣдь не то, чтобы у меня было какое-нибудь неудовлетворенное желаніе, не то, чтобы мнѣ хотѣлось чего-нибудь не-

исполнимаго... я не умѣю объяснить себѣ, что бы это было такое, чего недостаетъ въ нашей жизни, но чувствовать я чувствую, что чего-то нѣтъ. Я не скучаю: во-первыхъ, потому, что это мнѣ совсѣмъ не по характеру, а во-вторыхъ, и скучать-то нѣкогда — у меня теперь столько дѣла, что очень часто не хватаетъ времени на все...»

Тутъ пошло о школѣ на «свободныхъ началахъ», т. е. собственно съ нравственно-философскими бесѣдами, вмѣсто закона Божія (школа не числилась официально) и безъ наказаній, гдѣ учила сама Варенька и ея помощники, вроткіе, во всемъ послушные брать съ сестрой, — оба немолодые, успѣвшіе вволю хлебнуть нужды, и которые въ два года, несмотря на такую квартиру и такой столъ, какихъ, бывало, не видали они и во снѣ, не нажили ни золотника жира, ни голоса погулце, ни хоть бы улыбки, являющейся потому, что самому, для самого себя, хочется улыбнуться, а не потому, что надо улыбаться для другихъ. Потомъ говорилось еще о больницѣ, о новой постройкѣ для помѣщенія покойниковъ до погребенія, которую затѣяли потому, что Варенька увидала во снѣ, что ее похоронили живою. Все это вышло длинно и, дѣйствительно, неловко. Но вслѣдъ затѣмъ снова выглянулъ тотъ же странный анализъ, болѣзненно-удивляющій, и въ Варенькѣ, казалось бы, даже невозможный:

«... Значить, отъ бездѣлья я скучать не могу. Не могу я тоже скучать и оттого, что живу въ деревнѣ. Я люблю ее, она мнѣ родная, я къ ней такъ привыкла, что только въ деревнѣ и чувствую себя дома, а въ городѣ, какъ бы ни было пріятно, все мнѣ кажется, что я въ гостяхъ. Не даромъ же послѣ цѣлыхъ двухъ лѣтъ за-границей, послѣ Парижа, послѣ зимы въ Петербургѣ, гдѣ мы и въ оперѣ были абонированы, и даже знакомствъ какъ-то много сдѣлали, — не даромъ послѣ всего этого мнѣ захотѣлось ѣхать въ Ульмино и остаться тутъ. Нѣчего и говорить, — я знаю, что это я не скучаю.

«Или мы съ нимъ не пара?»

«Нѣтъ, я не думаю. Для этого вѣдь нужно, чтобы кто-нибудь былъ ниже другого по уму, по чувству... Онь, конечно, не ниже меня. Но и о себѣ я этого тоже не думаю: по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, онъ не сдѣлалъ и не сказалъ ничего такого, что показалось бы мнѣ недоступно, чего и я не могла бы сдѣлать или сказать. А чувство... О, ужъ вѣрно онъ меня любить не сильнѣе того, какъ я его люблю! Значить, мы не можемъ не быть парой. Но тогда чего же недостаетъ мнѣ?»...

Дѣтскія, самолюбивыя строки съ какимъ-то сухимъ резонер-

ствомъ, словно у нечувствовавшей еще дѣвочки, съ вычитаннымъ, плохо понятымъ, невѣрно приложеннымъ толкованіемъ дѣйствительной боли. Вотъ еще, опять черезъ большой промежутокъ времени:

«Вотъ нынче мнѣ хорошо и радостно на душѣ; сама не знаю отчего. Занималась я въ два приѣма и оба раза по нѣскольку часовъ, разучиваньемъ фортепіанной партіи 2-го концерта Баха для скрипки и фортепіано. Не скажу, чтобы это занятіе доставляло мнѣ удовольствіе. Это скорѣе довольно трудная и даже довольно скучная работа. Не то, чтобы я не любила музыки; я не знаю въ ней толка, т.-е. понимаю ее по-своему, но иногда она доставляетъ мнѣ очень пріятное ощущеніе, вонечно, когда я слушаю, а не когда играю сама: музыканта я очень незавидная и никогда не сдѣлаюсь даже посредственной. Во-первыхъ, у меня нѣтъ слуха, т.-е. я слышу фальшь, она непріятна мнѣ, но у меня нѣтъ того, что, кажется, называется музыкальной памятью: я никогда не могу запомнить и нанграть то, что слышала; я даже, пожалуй, не узнаю, если мнѣ сыграютъ то же самое завтра или черезъ день, развѣ скажу, что это какъ-будто что-то знакомое. Но все-таки, музыка можетъ мнѣ быть очень пріятна. Только странно, что нѣкоторыя безусловно-прекрасныя вещи не дѣйствуютъ на меня, а другія, въ которыхъ никто не находитъ ничего особеннаго, мнѣ нравятся выше всякаго описанія: Петръ Степановичъ играетъ, напримѣръ, что-то такое, кажется, Вьётана, а можетъ быть, я и ошибаюсь, такъ вотъ тамъ есть тактовъ десять, не больше (я даже ихъ помню и не только узнаю, но, пожалуй, могла бы и сыграть). Вотъ ихъ, кажется, все слушала бы. Точно взмахи крыльевъ, такіе плавные, вольные, радостные... и все выше, выше.... и все, кажется, глубже, шире дышетъ грудь... Петръ Степановичъ удивится моему неожиданному прилежанію и ему будетъ пріятно. Я знаю, для него было бы очень большимъ удовольствіемъ, если бы мы вмѣстѣ занимались музыкой, но онъ, разумѣется, никогда не предлагалъ мнѣ этого. Еще бы, онъ, вѣдь, знаетъ, что для меня это трудъ! Я этого и не отрицаю: завтра, когда онъ вернется и я предложу ему сыграть концертъ Баха, я напередъ знаю, гдѣ мнѣ придется попотѣть и, все-таки, какъ ни снисходителенъ Петръ Степановичъ, онъ скажетъ про нѣмне пассажи qu'ils sont... à peine marqués: я-то знаю, что они просто нигуда не годятся! Ну, да мнѣ трудно играть! Такъ что же? Онъ не понимаетъ, что оттого именно, что мнѣ трудно—и вышло бы, что я сдѣлала что-нибудь для него; онъ не можетъ этого

понять, потому-что онъ эгоистъ. Онъ любить меня, очень любить, но онъ все хочетъ взять себѣ. Онъ думаетъ, что имѣетъ право не только жертвовать своими желаніями моимъ,—нѣтъ, просто даже желать того, что мнѣ хочется. Онъ имѣетъ право думать только о моемъ личномъ удовольствіи и удобствѣ, онъ имѣетъ право забывать себя, право *жить для меня!* А я, я не имѣю права жить для него?!

Вотъ еще неконченное и разорванное письмо, вырвавшееся горячимъ воплемъ и потому живое съ начала до конца:

«Дядя: голубчикъ, я погибла, я все погубила! Боже мой, какъ это только случилось, зачѣмъ попустилъ ты это? Голубчикъ, родной мой, спаси меня! Да жѣтъ, какое ужъ спасеніе! Я говорю тебѣ: я все, все погубила! Я знаю, онъ презираетъ меня, онъ не можетъ не презирать меня. Я знаю его, онъ ни за что не покажетъ этого, но я чувствую, что безвозвратно упала въ его глазахъ. Ахъ, я все погубила! Я, кажется, никогда теперь больше не рѣшусь взглянуть ему въ лицо. Боже, за что на меня такая бѣда! Если бы онъ прогналъ, прибилъ, убилъ бы меня, мнѣ, кажется, было бы легче. А то онъ меня же утѣшаетъ!.. И какъ это случилось?.. Я сойду съ ума!.. Я встала нынче рано и вижу—такая чудная погода, что, кажется, такой никогда еще и не бывало. И такъ вдругъ захотѣлось мнѣ прокатиться верхомъ! Петръ Степановичъ спалъ. Я приказала осѣдлать Арабчика, тихонько одѣлась и поѣхала въ лѣсъ одна. Самъ посуди, если бы я взяла съ собой кучера, вѣдь онъ непременно испортилъ бы мнѣ всякое удовольствіе. Какое видѣть возлѣ себя его безучастное, слушающее лицо! А то еще онъ, пожалуй, вздумалъ бы занимать меня разговорами, сталъ бы рассказывать, сколько Иванъ Михайловичъ далъ за своего вороного, какъ его обманули, и что онъ именно передалъ лишняго. Ну, я и поѣхала одна. И какъ же мнѣ было хорошо! Солнышко еще недавно только встало, всѣ листья, вся трава кругомъ въ росѣ. У меня что-то забилося, заликовало въ груди, я даже нагнулась и поцѣловала Арабчика въ гривку. И ужъ летали же мы съ нимъ, словно крылья выросли у насъ!.. Ахъ, дядя, какъ было мнѣ хорошо!.. Господи, Господи, какъ только вспомню, что потомъ вышло!.. Вернулась я; вижу, Петръ Степановичъ рассказываетъ по двору и, какъ только увидалъ меня, сейчасъ же ушелъ въ домъ. Я подѣхала въ конюшни и тутъ же сошла съ лошади, а Алексѣй сказалъ мнѣ, что «баринъ очень беспокоился». Мнѣ сдѣлалось такъ совѣстно, такъ жалко его, такъ досадно на свою глупую выходку, что я десять разъ готова была прибить себя, пока шла черезъ дворъ. И вообрази,

какъ же онъ меня принималъ! Смѣется, а у самого лицо еще не успѣло найти на цѣвѣтъ. «Ну что, говорить, голубчикъ, удалась, по крайней мѣрѣ, твоя романтическая прогулка?» Тутъ ужъ я разозлилась на него. Все, все высказала я ему! Сказала, какъ терзаютъ меня *tous ces égards*, которыхъ онъ, наконецъ, не имѣетъ никакого права оказывать мнѣ. Онъ, кажется, очень удивился и сказалъ только на все: Богъ съ тобой, Варенька, ты говоришь какія-то несообразности: ну, побезпокойся я, что-жъ изъ этого? Ты воротилась, слава Богу, цѣла; неужели же мнѣ, какъ старой бабѣ, сейчасъ выложить тебѣ всѣ эти глупости, какія приходили въ голову? Здѣсь я уже ничего не помню. Клянусь тебѣ, голубчикъ-дядя, я не хотѣла этого сдѣлать! Проклятый этотъ хлыстъ былъ у меня въ рукахъ... я только видѣла, какъ онъ вдругъ поднялъ руки къ лицу. Я вскрикнула, увидала рубецъ у него на рукахъ и на щекѣ и, какъ безумная, повалилась ему въ ноги. Господи, чтѣ я сдѣлала! Какъ только вспомню, мнѣ опять кажется, что я умираю. А онъ, онъ, мой милый! Онъ поднялъ меня, онъ меня же сталъ утѣшать, назвалъ это нервнымъ припадкомъ. Можетъ быть, это и нервный припадокъ, только я-то не прощу его себѣ во всю жизнь! Да хоть бы и простила, развѣ могу я сдѣлать такъ, чтобы этого какъ будто со-всѣмъ не бывало, развѣ могу я вернуть все назадъ! А я жизнь отдала бы съ радостью, если бы можно было переимѣнить это. Зачѣмъ только я не умерла прежде, чѣмъ это случилось! Зачѣмъ Арабикъ былъ нынче такъ послушенъ, зачѣмъ онъ не сбросилъ меня въ какой-нибудь оврагъ! Въ тысячу разъ было бы лучше, если бы я разбила себѣ голову. Никогда, никогда въ жизни я больше не сяду на лошади! Боже мой, чтѣ дѣлается со моей головой! Я, право, кажется, схожу съ ума... Нѣтъ, я чувствую, что сдѣлаю что-нибудь надъ собою...»

II.

Варенька не дописала этого письма, одумалась, разорвала его и сунула въ столъ. Нервное напряженіе ея сейчасъ же упало. Это было уже второй разъ: послѣ давешней вспышки, послѣ долгихъ, горькихъ рыданій она ослабѣла, но когда вздумала писать Федору Андреевичу и стала доставать бумагу и перо, то почувствовала, что напряженное состояніе опять возвращается. По мѣрѣ того, какъ она писала, ощущеніе это становилось все сильнѣе: голова у нея кружилась, въ нижней че-

лости была удивительно-неприятная натянутость и сердце внезапно замирало от приближенія чего-то страшнаго, не имѣющаго опредѣленнаго названія, но рокового, неотвратимаго, что какъ будто уже случилось и вотъ сейчасъ опять непременно случится. Вдругъ Варенька поняла, что нельзя, не надо писать того, что она написала. Она разорвала письмо и встала. Все переѣнилось, нервы ея упали. Она почувствовала лихорадочную дрожь и жестокую головную боль, позвонила горничную, раздѣлась и легла въ постель. Минуть черезъ десять дверь тихонько отворилась, и Петръ Степановичъ вошелъ на цыпочкахъ. Варенька открыла глаза и сейчасъ же опять опустила вѣки. Онъ осторожно подошелъ и пощупалъ ей голову.

— Я думаю, Варя, мнѣ лучше лечь у себя въ кабинетѣ, — сказалъ онъ. — У тебя жаръ, и ты бы хорошо сдѣлала, если бы оставила Аннушку при себѣ.

— Ну, что же, пожалуй.

— Такъ прощай, голубчикъ. Постарайся заснуть. — Онъ наклонился, поцѣловалъ ее въ лобъ и тихонько вышелъ. Варенька лежала неподвижно, съ закрытыми глазами.

— Прикажете тутъ лечь? — спросила ее горничная.

— Ложись, — сердито отвѣтила она, погасила свѣчку, отвернувшись къ стѣнѣ и заплакала.

Она плакала долго. Слезы безостановочно бѣжали изъ-подъ опухшихъ, распухшихъ вѣкъ, и она почти не чувствовала, какъ онѣ текли по ея горячимъ щекамъ. Это было уже теперь не острое горе, а просто жалость, ужасная жалость къ самой себѣ. Все кончено, все разбито... Петра Степановича она на вѣки оттолкнула; онъ даже не смогъ преодолѣть себя, не сумѣлъ скрыть, что съ нынѣшняго дня все должно переѣниться. Конечно, онъ былъ ласковъ, нѣженъ, и это всегда такъ будетъ... онъ добрый, ему жаль ее... А слезы все бѣжали, бѣжали... Она заснула.

Варенька проснулась довольно рано. Въ комнатѣ было почти темно, только на одномъ окнѣ изъ-за неплотно-спущенной шторы вырѣзывалась яркая полоска свѣта. Боль въ головѣ прошла, осталась въ ней только какая-то тяжесть, да неприятная, давящая теплота во всемъ тѣлѣ. Варенька открыла глаза, запухшія вѣки едва поднимались. Она встала, надѣла туфли и блузу, почувствовала холодъ, или, вѣрнѣе, — нервную дрожь и поскорѣе накинула теплый платокъ. Аннушка крѣпко спала на полу возлѣ дверей, закрытая съ головою ситцевымъ одѣяломъ. Варенька подошла къ окну, откинула занавѣску и подняла стору. Пасмур-

ное, мокрое утро печально глянуло въ комнату. Дождь струями сбѣгалъ по стекламъ; на кустахъ и деревьяхъ листья перевернулись отъ вѣтра на изнанку и тяжелые, поникшіе, безпомощно бились подъ непрекращающимся потокомъ. Варенька открыла окно—ее охватило сыростью. На дворѣ было холодно и грязно, шумѣлъ дождикъ. Она нѣсколько минутъ тоскливо глядѣла на дорожки цвѣтника, превратившіяся въ мутные ручьи, на забытые ливнемъ цвѣты...

И вдругъ сердце ея дрогнуло и забилося чаще. Горячая, молодая волна прилила къ нему и охватила его могучимъ желаніемъ жизни, счастья, свѣта во что бы то ни стало, вопреки горю, холоду и непогодѣ. Кому не знакомо это чувство? Оно является всегда вдругъ—и всегда смѣняетъ совсѣмъ противоположное ощущеніе. Это жизнь беретъ верхъ и мощнымъ напоромъ гонитъ прочь смерть. Такое чувство бываетъ у человѣка, который только-что перенесъ тяжкую болѣзнь: упорно отставая каждый шагъ, нѣхотя отступила, наконецъ, смерть, оставила его измученнаго, еле-живого... И вотъ прихлынула жизнь, и забылъ онъ всѣ страданія и такъ бы онъ, кажется, вскочилъ, побѣжалъ, дохнулъ всей грудью, закричалъ бы, запѣлъ... Этимъ же чувствомъ трепещетъ грудь и при первомъ весеннемъ лучѣ, когда побѣда жизни разомъ совершается повсюду кругомъ.

Варенька затворила окно, тихонько пробралась къ двери, осторожно перешагнула черезъ звонко-сопящую на перинѣ Аннушку и вышла въ уборную, а оттуда на балконъ. Цвѣты, поставленные около стѣны дома, стали только свѣжѣе отъ сырости воздуха—дождь не доходилъ до нихъ. За то тѣ, которые стояли по ступенькамъ, совсѣмъ забило. Душистыя воробѣи бѣлыхъ петуній сдѣлались совсѣмъ прозрачны, взмокли, смялись и порвались. Варенькѣ стало жаль ихъ. Она сошла, взяла горшокъ и понесла его на балконъ; дождь мигомъ осыпалъ ей брызгами голову и платье. Но брызги эти были такія освѣжительныя, что Варенька, поставивъ цвѣты, нарочно спустилась еще ниже, закинула назадъ голову, закрыла глаза и съ наслажденіемъ чувствовала, какъ холодная дождевая вода прохлаждала ее воспаленныя вѣки. Потомъ мокрая, веселая, она бѣгомъ вернулась въ спальню, разбудила Аннушку и велѣла ей скорѣе давать одѣваться.

«Все еще можно поправить, все еще будетъ хорошо», думала Варенька, умываясь и расчесывая волосы. Я ошиблась: выходить, что я сама гораздо болѣе эгоистка, нежели онъ. Слава Богу, что еще не все погибло! Мнѣ бы надо было позво-

ить ему жертвовать собою и не показывать вида, что мнѣ это тяжело, невыносимо тяжело, да такъ не показывать вида, чтобы ему и въ голову не приходило, что я замѣчаю его жертвы. Вотъ это такъ была бы настоящая жертва съ моей стороны! — Да я такъ и сдѣлаю, рѣшила она, надѣвая платье. — И вѣдь все-таки поставлю на своемъ, все-таки буду жить для него! — думала она черезъ минуту съ радостнымъ, дѣтскимъ задоромъ.

Варенька вышла въ столовую. Самоваръ уже былъ на столѣ. Она заварила чай, выполоскала чашки, а себѣ положила варенца, какъ въ то давно прошедшее июльское утро. Вошелъ Петръ Степановичъ. Варенька насторожилась: заговорить-ли онъ о вчерашнемъ, спросить-ли ее, какъ она провела ночь? Онъ весело подѣловалъ ее, налилъ въ чай сливокъ, намазалъ хлѣбъ масломъ и заговорилъ о новомъ романѣ, который началъ читать вчера и который Варенька прочла прежде него. — Хорошо! Онъ хочетъ сдѣлать видъ, будто ничего не случилось, онъ «обходить» ее, какъ нервнаго ребенка, котораго боится огорчить напоминаніемъ о вчерашней дурной отмѣткѣ. Что же, вотъ случай начать то, что она придумала. Варенька тоже заговорила о романѣ и очень горячо, даже нарочно заспорила. Пульсъ ея бился часто. Первый шагъ сдѣланъ!

Конечно, Петръ Степановичъ завелъ этотъ разговоръ безъ всякой задней мысли, потому что еслибъ онъ игралъ комедію, какъ казалось Варенькѣ, то игра его была бы ужъ слишкомъ искусна: вѣдь онъ не только былъ, повидимому, очень занятъ начатымъ разговоромъ, но даже остановился именно на отношеніяхъ леди Б. къ мужу, т.-е. нарочно, для естественности принятой роли, не сталъ обѣгать щекотливаго вопроса о разладѣ между супругами, хотя и вовсе не похожемъ на то, что происходило у него, Петра Степановича, съ Варенькой. Потомъ, сдѣлавъ, правду сказать — вовсе не строго послѣдовательный переходъ, Петръ Степановичъ сказалъ, что настоящее, идеальное счастье въ бракѣ или даже просто въ тѣсномъ дружескомъ союзѣ даже лицъ одного и того же пола было бы возможно лишь при условіи полного согласія, болѣе того: полной тождественности самаго хода мысли этихъ людей; но такъ какъ подобная тождественность неестественна, то и понятно, почему не можетъ быть этого безпрерывнаго счастья. На Вареньку очень сильно подѣйствовали эти слова: она забыла, что въ нихъ нужно было видѣть продолженіе той же роли, которую играетъ Петръ Степановичъ, и почувала въ этомъ общемъ мѣстѣ какой-то страшный приговоръ. Въ ту же минуту она перестала спорить и поспѣшно согласилась во всемъ

съ мужемъ, словно хотѣла насильно взять то невозможное счастье, о которомъ онъ говорилъ.

Послѣ чаю Петръ Степановичъ предложилъ заняться музыкой. Варенька подумала: «Это онъ хочетъ потѣшить меня, дать мнѣ возможность потрудиться для него—все то же, старое, только въ новой формѣ, все та же жизнь для меня!» и вспомнила опять свое рѣшеніе. Они играли довольно долго.

На дворѣ между тѣмъ прояснилось. За завтракомъ Варенька пожалѣла, что грязно и нельзя гулять.

— Хочешь, поѣдемъ верхомъ?—сказалъ Петръ Степановичъ. Ей сдѣлалось смѣшно.

«Онъ опять дѣлаетъ видъ, что вчерашняго дня совсѣмъ не было. И замѣчательно, что опять у него тотъ же пріемъ, какъ и давеча, съ музыкой; вчера, чтобы не стѣснить моей свободы, онъ сказалъ бы: «поѣзжай!»»

— Хорошо, — отвѣтила она. — А то лучше вели заложить кабриолетъ и прокатимся.

Они поѣхали.

Эта прогулка сдѣлала въ Варенькѣ очень большую и совсѣмъ неожиданную перемѣну: она поѣхала съ бьющимся сердцемъ, нетерпѣливо ожидая, что будетъ дальше, а вернулась усталая, грустная. Случилась эта перемѣна удивительно быстро. Возбужденіе, въ которомъ была Варенька, когда поѣхала, скоро утихло отъ свѣжаго, влажнаго воздуха, а вмѣстѣ съ тѣмъ внезапно, въ одну минуту, безъ всякой особенной причины, пропала и ея живительная, чудная увѣренность, что она наконецъ знаетъ, что ей дѣлать, чтобы быть счастливой. «Все это не то, все это не такъ!» почувствовала она вдругъ съ тяжелой тоской. Катались они недолго. Небо стало снова заволакивать, солнце спряталось, и они поскорѣе поѣхали домой.

Уныло и длинно потянулся остальной день.

Къ вечеру переставшій-было дождикъ пошелъ опять и дробью бился въ стекла. Подали огонь. Они были вдвоемъ въ гостиной; Петръ Степановичъ читалъ, Варенька ходила по комнатѣ. Часы постукивали. Вѣтеръ шумѣлъ. Вдругъ она подошла къ мужу сзади, крѣпко, крѣпко обхватила его руками за шею и заговорила звенящимъ голосомъ:

— Милый мой, хорошій мой!..

Онъ поднялъ голову, взялъ обѣ ея руки въ одну свою и поцѣловалъ ихъ обѣ разомъ.

— Голубушка ты моя!

Глаза его свѣтились безграничной нѣжностью, но Варенька

не видала этого — она стояла сзади — сердце у нея сжалось: ей показалось, что чего-то недостаетъ въ этой почти отцовской искѣ.

III.

4-го сентября, Ѳеодоръ Андреевичъ бывалъ иманинникомъ, и въ этотъ день въ Колпнахъ, сверхъ обыкновенія, было всегда довольнолюдно. Установилось это очень давно, когда Ѳеодоръ Андреевичъ, родившійся съ русскимъ хлѣбосолецствомъ въ крови, былъ еще молодъ и счастливъ. Онъ былъ тогда N—скимъ предводителемъ дворянства, радушиимъ и любимымъ; всѣ ѣздили къ нему, любовались красивой хозяйкой и восхищались превосходнымъ поваромъ. Ѳеодоръ Андреевичъ не давалъ баловъ, но умѣлъ угостить. Въ тѣ времена, 4-го сентября въ Колпнахъ бывалъ «маленькій» обѣдъ, на который не только пріѣзжалъ весь уѣздъ, но часто съѣзжалась и цѣлая губернія. Стѣны залы были всегда сплошь покрыты живыми цвѣтами, но на хозяйкѣ было простое шелковое платье съ закрытымъ корсажемъ и вечеромъ танцовали подъ фортепіано — правда, тапёръ бывалъ выписанный изъ Москвы. Впослѣдствіи, когда Митя началъ выростать, Ѳеодора Андреевича стали видать все меньше и меньше: онъ отказался отъ предводительства, почти никуда не ѣздилъ, а Марья Семеновна, отговариваясь болѣзнью, и вовсе заперлась дома. Мало-по-малу перестали и къ нимъ ѣздить. Но 4-е сентября какъ-то сохранилось: въ этотъ день сосѣди неизмѣнно собирались въ Колпнахъ, и ихъ радушно принимали, хотя иногда не звали никого. Съ годами, конечно, осталось мало прежнихъ: старики перемерли или одряхлѣли, бывшіе тогда молодыми продали имѣнія или такъ по цѣлымъ годамъ не заглядывали къ себѣ въ заброшенные, сданные на аренду, вотчины. вмѣстѣ съ тѣмъ и отѣнокъ ежегодныхъ гостей сталъ другой. Выбыли породистые бары, бывшіе кутилы, давно уже сонные, сильно распустившіеся въ деревнѣ, а иногда и сроду не бывшіе свѣтскими людьми, но съ врожденнымъ умѣньемъ державніеся при старинныхъ или домопощенныхъ манерахъ; выбыли также мѣстные славянофилы — съ удивлявшими когда-то бородами и въ длиннополыхъ кафтанахъ — люди, которыхъ затронуло, правда, стороною, безплодное, но горячее и искреннее исканіе будущаго въ прошломъ. Безъ нихъ ярче выступили поразорившіеся, кривлявые помѣщички, къ тому же теперь съ цѣлыми большими, поджавшимися выводками; показались

сперва самозванные вольнодумцы, дѣлавшіе видъ, что ѣдутъ въ Колпини посмѣяться, а на дѣлѣ просто не смѣвшіе отстать отъ другихъ; потомъ, молодые люди слѣдующаго поколѣнія съ рѣзко-чиновничьимъ обликомъ, которые находили полезнымъ показывать уваженіе къ умирающему и «наивному» прошлому—вся захудалая, захолустная среда.

Дѣйствительно молодое, случайно-занесенное сюда или на мѣстѣ выбившееся изъ стоячей воды, очень рѣдко попадало въ Колпини, но если попадало, то глубоко радовало отживающаго, но чуткаго къ живому хозяина. Побѣдка Сухонинныхъ за-границу, когда заболѣла Марья Семеновна, и смерть ея не подорвали обычая собираться 4-го сентября. Въ первый годъ, правда, не было никого, но на слѣдующій самые короткіе пріѣхали навѣстить именинника, а еще черезъ годъ съѣхались опять всѣ. Наталья Александровна становилась хозяйкой въ этотъ день, и все пошло по старому.

Въ нынѣшнемъ году, какъ и всегда, Варенька и Петръ Степановичъ пріѣхали еще наканунѣ. Варенька съ дѣтства любила этотъ день хлопотъ и приготовленій больше самого праздника: вездѣ идетъ чистка и суетливая бѣготня; толкуются люди съ озабоченными лицами и растрепавшимися волосами; изъ кухни долетаетъ возня и перебранка; по всему дому отдается безпрестанное щелканье замка и визгъ тяжелой задвижки въ кладовой; совѣщаются и спорятъ о завтрашнемъ обѣдѣ; выходитъ суматоха, отъ того, что разбилась бутылка, или помялся ананасъ—все это приводило нервы въ такое радостное возбужденіе, обѣщало на завтра что-то особенное, чего завтра никогда не оправдывало. Это знакомое чувство нетерпѣливо-веселаго ожиданія и теперь со всей силой охватило Вареньку, когда она, вѣзжая въ ворота, увидала вынесенную на дворъ гостиную мебель. Дѣв дворовыя бабы, нечесанныя, съ свалившимися платками, подсушенные по-вогнѣ, съ грязными разутыми ногами, снимали чаклы съ знакомыхъ Варенькѣ кресель, обитыхъ довольно хорошо сохранившимися краснымъ бархатомъ. Наталья Александровна, почти такая же растрепанная, въ испачканной блузѣ, въ перевернувшемся на сторону воротничкѣ, въ запачканныхъ, измятыхъ рукавчикахъ, собственноручно хлопала по дивану пыльнымъ полотенцемъ.

— Мамочка, я приду вамъ помогать, — сказала ей Варенька, выскакивая изъ коляски и цѣлуясь. — Вотъ только поздороваюсь съ дядей.

На лѣстницѣ Варенька встрѣтилась съ Митей, который одинъ тащилъ тяжелую старинную козетку. За нимъ лакей и поварь,

въ рваныхъ, засаленныхъ сюртукахъ, несли другой диванъ. Варенькѣ стало еще веселѣе. Прижавшись къ стѣнѣ, она пропустила ихъ мимо, потомъ однимъ духомъ взбѣжала на лѣстницу, и черезъ широко-растворенную дверь въ переднюю. Федора Андреевича не было тутъ. Онъ встрѣтилъ Вареньку въ небольшой комнатѣ между передней и кабинетомъ.

— Ты нездоровъ?—почти вскрикнула она.

Федоръ Андреевичъ въ самомъ дѣлѣ былъ, какъ видно, боленъ: лицо его осунулось и поблѣднѣло, онъ былъ въ халатѣ и съ обвязанной шеей.

— Да, что-то не хорошо,—сказалъ онъ.—Кашель, насморкъ, горло болитъ, голова... ломаетъ всего. Чего добраго, пожалуй, начинается что-нибудь серьезное.

Варенька знала, что Федоръ Андреевичъ, какъ почти всѣ нервные люди, очень мнительнъ, и потому болѣе встревожилась его видомъ, нежели словами.

«Неужто же онъ дѣйствительно занеможетъ?» съ ужасомъ подумала она. «Да нѣтъ, не можетъ быть; это ему такъ со страха кажется. Богъ дастъ, онъ завтра же будетъ чувствовать себя лучше».

Ей такъ не хотѣлось разставаться съ своей дѣтской радостью! Но напрасно старалась она увѣрить и его, и себя, что это такъ, ничего, и пройдетъ къ завтрашнему дню—свѣтлое настроеніе пропало. Она боязливо прижалась къ дядѣ и стала цѣловать его горячими, испуганными поцѣлуями.

— Однако, пойдемъ ко мнѣ,—сказалъ онъ, вздрагивая.—Я прилягу.

Они пошли въ кабинетъ вмѣстѣ съ вошедшимъ Петромъ Степановичемъ. Федоръ Андреевичъ легъ на диванъ и закутался двумя пледомъ.

— Вотъ все ознобъ,—жаловался онъ.—Петръ Степановичъ, сверните мнѣ, родной, папироску.

Петръ Степановичъ сдѣлалъ папироску и подалъ ему. Онъ закурилъ ее, но закашлялся и бросилъ.

— Видите, до чего дошло: даже курить не могу!—проговорилъ онъ почти со слезами, отвернувшись къ стѣнѣ и застоналъ.

Варенька готова была заплакать. Чтобы ободрить ихъ обоихъ, Петръ Степановичъ принялся рассказывать все, что приходило въ голову. Но это не помогло: Федоръ Андреевичъ продолжалъ стонать и вдругъ сказалъ:

— А вотъ теперъ и жаръ начинается.

Петръ Степановичъ подошелъ и пощупалъ ему голову и

пульсъ. Варенька, вся красная отъ подступившихъ слезъ, заговорила дрожащимъ голосомъ:

— Дядя, голубчикъ, позволь положить горчичники.

— Хорошо, пожалуй. Только это не поможетъ.

Она вышла распорядиться, поймала, послѣ долгихъ поисковъ, какую-то дѣвочку, неизвѣстно затѣмъ очутившуюся въ корридорѣ, и послала ее за ключницей. Та пришла, порядочно промѣшкаявъ, и достала горчицы и тряпокъ. Варенька сама стала дѣлать горчичники. Между тѣмъ, Петръ Степановичъ улучилъ минутку и вышелъ къ ней. Варенька бросилась къ нему.

— Какъ ты думаешь, онъ не опасно боленъ?

— Богъ съ тобой, голубушка! Какъ тебѣ не стыдно! Неужели же я не послалъ бы за докторомъ? Или ты его не знаешь? У него даже и жара-то почти нѣтъ совсѣмъ. Впрочемъ, если ты еще будешь сидѣть передъ нимъ съ такими ужасными глазами, то онъ къ вечеру велитъ, пожалуй, читать отходную.

— Я не буду, я теперь вижу, что это глупо.

И она почувствовала, что ей опять становится весело.

Федору Андреевичу послѣ горчичниковъ стало немного лучше. Онъ успокоился и спросилъ чаю. Варенька ожила; она разговаривалась, проболтала неумолкая часа два, потомъ вызвалась читать вслухъ. Ей становилось все веселѣе. Въ семь часовъ Наталья Александровна вошла въ кабинетъ; она накинула сверхъ блузы платокъ и повязала голову косыночкой.

— Батюшка пришелъ, — сказала она. — Вы, я думаю, не пойдете ко всенощной, посидите съ братомъ. Да вѣдь это, кажется, теперь и не въ модѣ, — прибавила она вдругъ, почувствовавъ почему-то внезапное и совершенно незлобное желаніе уколоть молодое поколѣніе.

Она ушла и вслѣдъ затѣмъ изъ залы слышалось спѣшно и неразборчиво:

«Слава святѣй, единосущней, животворящей и нераздѣльнѣй Троицѣ»...

И гнусливый голосокъ дьячка подхватилъ:

«Благослови, душе моя»...

У Вареньки забилося сердце. Это было то самое незабытое чувство, съ которымъ она, бывало, въ дѣтствѣ, слушала эту всенощную. Живо представилось ей, какъ она стоитъ тамъ, въ залѣ, незамѣтно облокотившись плечомъ о притолку гостинной двери и опираясь всѣмъ тѣломъ на одну ногу, стоитъ и старается молиться, старается нарочно смотрѣть на одно мѣсто на образѣ или на огонь одной изъ свѣчекъ, чтобы не развлекаться, а мечты о

завтрашнемъ днѣ такъ и идутъ силой въ голову, такъ и хватаютъ за грудь. Она думаетъ, какъ это грѣшно, перемѣняетъ уставшую ногу, соображаетъ, что облакачиваться во время молитвы не слѣдуетъ, и начинаетъ усердно креститься, стараясь вслушаться въ невнятное чтеніе дьячка, а «завтра» такъ и обдастъ ее волной радостнаго ожиданія.

Всенощная шла недолго. Батюшка былъ старъ, не любилъ томить ни себя, ни прихожанъ долгой службой, а потому не считалъ грѣхомъ и пропустить кое-что. Послѣ всенощной Варенька еще съ часъ читала Федору Андреевичу; затѣмъ онъ простился съ нею, говоря, что ему лучше и что онъ хочетъ спать. Варенька узнала, что Наталья Александровна въ кладовой и пошла туда. Въ кладовой заказывали обѣдъ на завтра, выдавали провизію — и былъ непривычный беспорядокъ. Варенька насилу пробралась между мѣшками, кулями и свертками и усѣлась на опрокинутомъ ящикѣ возлѣ горячихъ крендельковъ и разныхъ печеній, разсыпанныхъ на огромномъ подносѣ. Она взяла какую-то хитрую завитушку и прикусила ее. Ей было хорошо и весело. На ея приходъ не обратили совсѣмъ никакого вниманія, и даже когда она вздумала посовѣтовать приготовить индѣйку не подъ бешемелью, а подъ бѣлыми грибами въ сливкахъ, то Наталья Александровна только крикнула на нее, не глядя: — Отстань, пожалуйста; мнѣ, право, некогда! И обратилась опять къ повару, который тоже сурово посмотрѣлъ на Вареньку. Человѣкъ онъ собственно былъ очень добрый, но напускалъ на себя строгость, чтобы «люди уважали». По той же причинѣ онъ всегда говорилъ съ ключницей грубымъ, грознымъ голосомъ:

— Отвѣсь масла-то; шесть фунтовъ съ четвертью.

— Да куда тебѣ столько? — звлила она визгливо.

— Тебя не спрашиваютъ. Дѣлай, что говорятъ.

Безъ барыни онъ и еще что-нибудь прибавилъ бы.

Дверь немножко пріотворилась, и Петръ Степановичъ просушулъ голову.

— Можно къ вамъ? — спросилъ онъ.

Наталья Александровна оглянулась, но ничего не отвѣтила, и онъ тихонько пробрался къ Варенькѣ. Видя, что она жуеъ булку, онъ не глядя протянулъ руку къ подносу, взялъ первое, что попало, и съѣлъ; потомъ, опять также не глядя, захватилъ еще штучки три разомъ, и не успѣла Варенька кончить своего кренделя, какъ онъ уже поѣлъ ихъ цѣлый десятокъ. Варенька засмѣялась, за нею засмѣялся и Петръ Степановичъ, снова протягивая руку къ подносу.

— Голубчикъ, спроси у него про какое-нибудь мудреное кушанье,—шепнула Варенька мужу, показывая глазами на повара.

Петръ Степановичъ задумался. Онъ былъ вовсе не гастрономъ и не сразу вспомнилъ какое-нибудь не только «мудреное», но даже просто иностранное названіе.

— А что, Оома Михайлычъ, можешь ты, напримѣръ, сдѣлать *filet Châteaubriand*?—спросилъ онъ наконецъ.

Оома обидѣлся—онъ не любилъ шутковъ.

— Куда ужъ намъ, сударь, съ суконнымъ рыломъ.

— Скажи, что Алексѣй умѣлъ,—шепнула опять Варенька, кусая себя за губы и за щеки.

— А покойникъ Алексѣй-то, говорятъ, отлично дѣлалъ,—сказалъ громко Петръ Степановичъ.

Оома хотѣлъ-было ничего не отвѣтить, да не выдержалъ:

— Алексѣй-отъ, небось, въ Москвѣ учился,—началъ онъ и вдругъ замолчалъ, только головой мотнулъ.

Варенька помирала со смѣха. Все это было очень глупо, но такъ весело. Наталья Александровна уже два раза замѣчала съ неудовольствіемъ, а потому по-французски:

— *Mais finissez donc, Pierre*. Какъ это вамъ, право, хочется дурачиться!

Она начинала не на шутку сердиться—ей, въ самомъ дѣлѣ, мѣшали. Вдругъ, на бѣду, Петръ Степановичъ откинулся назадъ и головой столкнулъ одну изъ свѣчекъ, поставленныхъ на полѣ; она со звономъ полетѣла на полъ. Наталья Александровна проворно обернулась, подошла къ зятю и заговорила очень подозрительнымъ, тихимъ голосомъ:

— Что бы вы, милые, ушли отсюда?

Но тутъ она увидала, что случилось съ подносомъ.

— Христа ради, уйдите!—закричала она уже во всю голову.

Петръ Степановичъ поспѣшно взялъ Вареньку за руку и повелъ ее изъ кладовой. Оба смѣялись до того, что насилу нашли дверь.

— Что это за безобразіе такое! Я вѣдь знаю, вся штука, чтобы мать въ дуры одѣтъ! — раздались имъ вслѣдъ вопли Натальи Александровны. — Что я теперь дѣлать буду?! Это какой-то татарскій погромъ, нашествіе дванадцати языковъ!—кричала она дальше, уже нарочно поджигая себя совсѣмъ неожиданными метафорами.

IV.

На слѣдующій день Варенька встала довольно поздно. Ночью она просыпалась нѣсколько разъ, совершенно какъ бывало въ дѣтствѣ, такъ что утромъ проспала часа два лишнихъ. Она спросила, встали ли дядя и мать? и узнала, что Федоръ Андреевичъ еще спитъ, а Наталья Александровна пошла къ обѣднѣ. Такъ какъ былъ уже одиннадцатый часъ, то Варенька прямо начала одѣваться. Полчаса спустя, совсѣмъ уже готовая, красиво причесанная и въ нарядномъ шелковомъ платьѣ, она пошла въ садъ попросить у Мити какой-нибудь цвѣтокъ въ волосы. День былъ чудный, солнечный, совсѣмъ лѣтній. Цвѣтникъ такъ и горѣлъ всѣми осенними цвѣтами, но Варенька, сама любительница, не рѣшилась тронуть ни одного безъ вѣдома хозяина. Она прошла къ теплицѣ, заглянула въ нее и увидала, что Митя тамъ и что-то дѣлаетъ, стоя на колѣняхъ, спиной ко входу. Варенька толкнула дверь и вошла, Митя сейчасъ же чутью обернулся и, увидавъ гостью, вскочилъ, шагнулъ раза два и потупился, весь покраснѣвъ, по своему обыновенію.

— Я пришла къ тебѣ, Митя,—заговорила Варенька: — не дашь ли ты мнѣ какого-нибудь цвѣточка, прикрасить мою прическу.

— Какъ же... Я съ большимъ удовольствіемъ.

Между тѣмъ самъ онъ не двигался съ мѣста. Варенька тоже продолжала стоять на порогѣ. Митя не смотрѣлъ на нее; онъ, какъ всегда, потерялся отъ неожиданности, опустил глаза и никакъ не могъ собраться съ духомъ поднять ихъ.

— Такъ ты ужъ пойдѣ со мною, Митя,—сказала Варенька и вышла изъ теплицы.

Онъ послушно пошелъ за нею. Они пришли въ цвѣтникъ. Митя не зналъ, что ему дѣлать, и молча ходилъ по ея слѣдамъ между рабатками.

— Если тебѣ не жаль,—заговорила опять Варенька,—то дай мнѣ розу.

— Нѣтъ, не жаль... Я съ большимъ удовольствіемъ.—Они подошли къ клумбѣ ремонтантовъ.

— Ну, такъ вотъ одну изъ этихъ,—сказала Варенька, показывая на великолѣпный штамбовый экземпляръ съ крупными, махровыми, розовато-сливочными цвѣтами.

Митя срѣзалъ розу и подаль Варенькѣ. Онъ глядѣлъ на

цвѣтокъ, видѣлъ руку, которая взяла его, но не взглянулъ на Вареньку.

— Спасибо, голубчикъ,—сказала она и поцѣловала Митю въ щеку.

Онъ стоялъ все также растерянно.

— А у тебя эти розы удивительно хороши,—похвалила Варенька,—даже лучше моихъ. А вотъ William Griffith у тебя, я вижу, нѣтъ.

— Нѣтъ,—отозвался онъ.

Варенька пошла домой. Когда она была уже на балконѣ, Митя вдругъ поднялъ глаза, провелъ рукою по лицу, согнулся и торопливо пошелъ назадъ, въ теплицу.

Въ столовой Варенька застала за чайнымъ столомъ Наталью Александровну, воротившуюся изъ церкви, и Петра Степановича. Онъ смѣялся и гадалъ на картахъ, будутъ ли нынче гости? Наталья Александровна сама гадать сейчасъ послѣ обѣдни отказалась, но никакъ не могла удержаться, чтобы не подсказывать ему.

— Да ты направо-то прежде клади.

— Все равно, маменька.

— Какъ все равно? Просто ничего не выйдетъ,—а не то, что все равно.

— Ну, хорошо, я положу на-право. Такъ теперь? Ну, слушайте же; я сейчасъ все по порядку расскажу вамъ. Первое—для себя: дорога и разговоръ съ марьяжной дамой. Второе—для дома: червонные гости и пиковый злодѣй..

— Ну, вотъ!—прервала его Наталья Александровна,—просто неожиданное извѣстiе о вдовцѣ.

Петръ Степановичъ только-что собирался что-то сказать, но вдругъ запнулся и залился неудержимымъ, дѣтскимъ смѣхомъ сильныхъ людей.

— Нѣтъ, ужъ вы, маменька, не мѣшайте,—началъ-было онъ и опять не договорилъ. Наконецъ, онъ немножко успокоился.—Вѣдь я давеча просилъ васъ погадать, вольно же вамъ было отказываться, а теперь ужъ вы слушайте. Ну-съ! неожиданное: пиковыя отношенiя... (онъ заикался отъ смѣха)—пиковыя отношенiя въ молодой дамѣ.

— Да не хочу я вовсе слушать твой вздоръ!

— Маменька... голубушка...—Онъ даже закашлялся. Такъ я говорю...

— Да не стану, не стану я слушать!

— Ну, такъ хотите, я покажу вамъ новый пасьянсъ?

— Не хочу: опять что-нибудь выдумаешь.

Петръ Степановичъ собралъ карты и принялся ихъ усердно тасовать, поднимая глаза кверху и насилию выговаривая отъ смѣха: — Если нынче прійдутъ гости, то пасьянсъ сойдется; если не прійдутъ, не сойдется. Онъ положилъ пять кучекъ, въ пять картъ каждая, потомъ началъ открывать, по одной, остальные карты, сбрасывая выходящія пары. Наталья Александровна сперва было отвернулась, но потомъ стала понемножку заглядывать.

— Э! да это я знаю.

— Вы погодите, что́ будетъ дальше.

Пасьянсъ не сошелся: остались двѣ карты. Петръ Степановичъ вынулъ на-удачу изъ колоды семь картъ, положилъ ихъ, рубашкой кверху, вокругъ оставшихся и началъ считать: «понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвергъ, пятница, суббота, воскресенье». Последнюю карту онъ вскрылъ, но она не оказалась парой ни къ одной изъ тѣхъ двухъ картъ. Онъ бросилъ ее и началъ опять съ остальными шестью картами: «понедѣльникъ, вторникъ, среда...» Наталью Александровну это такъ заняло, что она даже забыла свой чай. Наконецъ, пара нашлась. Оставалась еще одна карта. Петръ Степановичъ вынулъ на этотъ разъ только четыре карты и разложилъ ихъ прежнимъ порядкомъ, говоря: «лѣто, осень, зима, весна!» Вышла другая пара, и онъ объявилъ: «прійдутъ!»

— Да вѣдь ты все это изъ своей головы выдумалъ! — догадалась наконецъ Наталья Александровна.

Петръ Степановичъ и Варенька оба захохотали и хохотали до слезъ. Это было такъ же глупо, какъ вчера, въ кладовой, но также весело.

Тутъ вошелъ Федоръ Андреевичъ въ халатъ и туфляхъ. Онъ сказалъ: «ничего» — на всѣ вопросы и сѣлъ къ столу. Ему налили чаю. Онъ отхлебнулъ немножко, увидалъ карты, взялъ ихъ и принялся, поѣживаясь, тоже раскладывать пасьянсъ. Впрочемъ, мало по-малу онъ разговорился и даже присталъ къ Петру Степановичу и Варенькѣ, которые продолжали надоедать Натальѣ Александровнѣ. Она и бранила ихъ, — и сама смѣялась. Наконецъ, пришли сказать, что идетъ батюшка. Федоръ Андреевичъ торопливо всталъ, шаркая туфлями, и ушелъ одѣваться. Наталья Александровна только поправилась передъ зеркаломъ. Она совсѣмъ одѣлась еще къ обѣднѣ, въ тяжелое шелковое платье, шитое къ Варенькиной свадьбѣ, и кружевной чепчикъ.

Послѣ молебна, къ которому Наталья Александровна велѣла позвать и Митю, переодѣвагося въ новую черную пару, сѣли за пирогъ. Батюшка порядочно выпилъ, но не захмѣлѣлъ — не-

смотря на лѣта, онъ все еще былъ богатырь — рассказавъ Натальѣ Александровнѣ нѣсколько новостей про ближнихъ помѣщиковъ и ставъ собираться домой. Его оставляли обѣдать, но онъ добродушно махнулъ рукой и отказался. Въ самомъ дѣлѣ — ему это было бы только въ тягость: человѣкъ онъ былъ простой, старинный, полумужикъ, не привыкъ ни къ «господскому обращенію», ни къ позднему обѣду.

— Я ужъ лучше вамъ Душу пришлю, — сказалъ онъ, уходя. Душа была поповна, вдова, и жила съ дѣтьми у отца.

Съ двухъ часовъ начали съѣзжаться гости, въ томъ самомъ порядкѣ, какъ пріѣзжали они и каждый годъ. Прежде всѣхъ, съ мужьями и взрослыми дочками, неразлучныя пріятельницы: генеральша Гольцева, высокая, сухая женщина богатырскаго склада, съ крикливымъ голосомъ и недобрыми, зоркими глазами, которой не терпѣлъ Ѳедоръ Андреевичъ за ея привычку въ жару разговора звонко ударять другъ о дружку ладони большихъ, костлявыхъ рукъ («она дергаетъ мнѣ всѣ нервы», жаловался онъ), и Ранса Александровна Ворсикова, привезиштан, красная, веселая, безцеремонная, говорящая тоже очень громко, но погуще генеральши. «А я говорю!..» такъ начинала она всегда свою рѣчь. Обѣ были небогатыя сосѣднія помѣщицы, одѣтыя плохо и пестро. Черезъ часъ Марѳа Львовна Губина, тоже сосѣдка, вдова, съ сыномъ Полемъ и дочкой Полинькой, очень схожими и лицомъ, и манерами и жеманной улыбкой. За ними «красавецъ» Уфимскій, женатый человѣкъ, неживущій съ женою и ухаживающій за молоденькими дѣвочками. Онъ привезъ съ собою небогатаго, но имѣющаго «дорогу» жениха, очень молодого, рыженькаго барона изъ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, съ лысиной и густо-розовымъ лицомъ, который заикался довольно сильно и, на бѣду, старался это скрыть. Еще немного погода прибыла добрыйшая Прасковья Ивановна Бѣльцева, вѣчно въ митенкахъ и вѣчно спрашивающая: «а скажите, вы не слыхали про такого-то? я вѣдь ничего не знаю», — когда нѣтъ такой новости, истинной или выдуманной, которой она не знала бы прежде всѣхъ. Потомъ Назаровъ, молодой сосѣдній помѣщикъ, бывшій гвардеецъ и петербургскій кутила, съ очень неаристократическимъ и неумнымъ лицомъ, страстный, но не всегда счастливый псовый охотникъ. Потомъ старички Ушкѣвы, братъ и сестра, оба очень полные, молчаливые, съ кроткимъ, ласковымъ взглядомъ: онъ — бывшій масонъ и мистикъ, она — самая добрая и чистая душа въ цѣломъ мірѣ. Варенька очень любила ихъ; когда они вошли неслѣпнымъ шагомъ, въ «перевалочку», привѣтливо улыбаясь —

онъ въ бархатныхъ сапогахъ, она въ очкахъ, вязаныхъ ботинкахъ и съ кушачкомъ на толстѣйшей талии—ей показалось, что въ комнатѣ вдругъ стало свѣтлѣе, а люди всѣ сдѣлались лучше и мягче. Приѣхали еще пять, шесть почетныхъ старичковъ; пять, шесть танцующихъ молодыхъ людей—всѣ служащіе по министерству юстиціи и даже въ гостини, изъ особеннаго кокетства, разговаривающіе между собою о «дѣлахъ»;—сосѣдка съ двумя дочерьми институтками, другая съ двумя дочерьми гимназистками и двумя сыновьями гимназистами, исправникъ, уѣздный вратъ... приняла поповна Душа. Теперешній предводитель дворянства князь Галицкій, недалекій, неоворотливый и очень близорукій толстякъ, съ сестрой, изящной, но замѣтно-старѣющей блондинкой, приѣхали незадолго до обѣда. «А вотъ, какъ подадутъ жаркое, приѣдетъ и-те Имлева съ своей красавицей Ольгой», подумала Варенька.

Ей продолжало быть очень весело. Всѣ эти люди, которыхъ она давно знала, съ которыми ей прежде бывало такъ скучно, ихъ рѣчи, не разъ возбуждавшія ея негодование или жалость—все это теперь казалось ей такимъ типичнымъ, забавнымъ, почти милымъ, и все потому, что нынче внутри у нея что-то смѣялось и веселилось, Богъ знаетъ отчего. Всегда надоедавшій ей Поль Губинъ подсылъ въ ней и сталъ много, много говорить и «такъ хорошо», что Полинъка, манерно сидя одна противъ дѣлаго рада дѣвушекъ, хвастливо и наивно поглядывала кругомъ, а сама Марья Львовна улыбалась и поводила въ тактъ зажженной папироской. Варенька восхищалась всѣми ими и смѣялась отъ души. Почти воелъ нея, немножко въ сторонѣ, разговаривали два будущихъ прокурора.—А. Б. вѣдь поставилъ-таки на своемъ: обвинили.—Молодецы!—Да какой еще молодецъ! Вы только то подумайте: противъ него самъ N., а тутъ это проклятое показаніе старой дуры! Мы такъ и думали, погибъ—оправдаютъ.—Да, ужъ это не Л., не провалилъ бы Фатьяновскаго дѣла.—А Фатьяновское провалилось?—Какъ же: «смягчающія» признали.—Ай! ай, ай!..—Варинъка посмотрѣла на важныя лица юношей и опять засмѣялась. Ранса Александровна спросила на всю комнату у княжны:—Что же это вы, княжна, замужь-то не выходите?—На что та, безъ румянца и безъ досадливой искры во взглядѣ, отвѣтила очаровательно шутливо:—Что дѣлать, Ранса Александровна, никто не беретъ!—«Нѣтъ наша Ворсикова нынче превзошла себя, вѣдь это просто прелесть!» думала Варенька. «И какъ мила княжна! Будь я мужчиной, я бы сейчасъ же влюбилась въ нее».

На одну только минуту Варенькѣ перестало быть весело—

ей сдѣлалось очень жаль Митю. Погода была отличная. Гости толпою пошли въ садъ, заглянули и въ питомникъ, куда ушелъ Митя. Дѣвушки окружили его и, полушутливая, стали упрашивать, чтобы онъ нарѣзалъ имъ по букету. Ему было очень жалко своихъ цвѣтовъ, но онъ не умѣлъ отказывать и пошелъ съ барышнями въ цвѣтникъ. Варенька видѣла, что руки у него дрожатъ и на лицѣ страданіе, и думала: «Хоть бы онъ догадался схитрить, рѣзалъ бы нижнія вѣтки!» Впрочемъ, это не помогло бы: дѣвушки сами подбавляли въ свои букеты, что было лучше... Изъ цвѣтника перешли въ теплицу. Митя осыпался тоскливо, почти со слезами. Вдругъ старшая Голицева увидѣла великолѣпный *amagyllis belladonna*, первый распустившійся въ томъ году. Недолго думая, она протянула руку къ граціозному стеблю, увѣшанному большими благоуханными розовыми колокольчиками; нужды нѣтъ, что такую роскошную пирамиду цвѣтовъ нельзя вставить въ букетъ. Митя страшно поблѣднѣлъ: казалось, онъ умретъ, какъ только переломится сочный стебель бѣднаго растенія. Варенька напугалась: она проворно подняла довольно большой горшокъ съ амариллисомъ и сказала, держа его съ усиленіемъ почти въ уровень съ своей головой:

— Однако, Митя, ты напрасно выбралъ ему такое темное мѣсто. Поставь-ка его поближе къ стекламъ, хоть вонъ на ту полку.

Потомъ, обращаясь къ гостямъ, она прибавила.

— Что это, кажется, бубенчики? Mesdames, пойдите посмотрѣть, кто ѣдетъ?

Уходя, она шепнула Митѣ, чтобы совѣмъ успокоить его: «запри его въ чуланъ». У Мити заблестѣли глаза. Онъ схватилъ спасенный амариллисъ, отнесъ его въ чуланъ для инструментовъ, заперъ на ключъ и самъ прижался къ двери.

Въ пять часовъ сѣли обѣдать. Столъ накрыли въ большой залѣ и гостей посадили en bouquet, какъ называла Марья Львовна, т.-е. кавалеръ вѣлѣ дамы — на этомъ настоялъ Польша Имлева, петербургская барыня, экономно, но чистенько проживающая гдѣ-то на Царскосельскомъ проспектѣ, съ своей замѣчательно-красивой дочерью дѣйствительно вошла, когда подавали жаркое. Варенька не могла не засмѣяться тому, что такъ вѣрно угадала. Пріѣздъ Имлевыхъ затянулъ обѣдъ: Наталья Александровна настояла, чтобы имъ подали всѣ кушанья сначала. Послѣ обѣда, разумеется, устроились танцы; едва подмели полъ въ залѣ, какъ толстаго исправника уже посадили за рояль. Танцовали много, почти безъ отдыха. Уставшаго исправника иногда смѣняла На-

танца Александровна и проигрывала свою единственную кадрили на мотивы русских пѣсенъ и какой-то вальсъ, названія которому она и сама не могла припомнить. Больше всѣхъ поселилась Варенька. Ничего въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ она помнила себя, праздники этотъ принесли ей то, что онъ всякій разъ обещалъ ей и не давалъ. Она танцевала, не переводя духа, съ раскраснѣвшимся лицомъ и блестящими глазами. Изрѣдка только она уходила въ гостиную, съѣдала какое-нибудь лакомство и опять бѣжала въ залу, схватывая по дорогѣ Петра Степановича и заставляла его, никогда не танцовавшаго, пройти съ нею мазурку.

Часу въ двѣнадцатомъ Вареньку неожиданно позвали къ Федору Андреевичу.

— Гдѣ онъ? — спросила она пришедшую за ней Наталью Александровну.

— Ему опять нездоровится, онъ легъ.

Варенька побѣжала въ кабинетъ, который вмѣстѣ служилъ Федору Андреевичу и спальней. Онъ лежалъ въ постелѣ, въ сильномъ жару и жаловался, что у него очень болитъ лѣвый бокъ. Варенька присѣла къ нему на край кровати. Онъ взялъ ее за руку и заговорилъ страшнымъ голосомъ.

— Посиди тутъ, голубушка. Съ какою это тамъ радости видѣли такой гамъ? Своей глупости, что ли, радуются? На меня такъ этотъ шабашъ началъ непроглядную тоску: онъ давитъ меня какъ кошмаръ. Знаешь ли, я задремала сейчасъ подъ твою плечь, и мнѣ приснилось, что я на Гарцѣ въ Вальпургіеву ночь, помнишь въ первой части Фауста? На меня эта сцена никогда не дѣлала серьезнаго сверхъестественнаго впечатлѣнія, тутъ вѣдь только одна внѣшность фантастична, да и ту такъ давить идейное начало, дѣлаетъ ее такой блѣдной, что иллюзія совсѣмъ невозможна. Но сейчасъ мнѣ все это казалось очень страшнымъ: я увидалъ въ этомъ эпизодѣ что-то въ самомъ дѣлѣ адское, чего я никогда не подозревалъ прежде. Видишь, какъ у меня разстроены нервы. Ты посиди тутъ и поговори со мною, а то я опять засну и опять увижу тотъ же сонъ, а я этого боюсь, знаешь, какъ ты маленькая боялась увидать во снѣ страшный судъ. Я вѣдь еще не все видѣлъ до конца—еще не было Грегень съ ея красной полоской на шеѣ:

Wie sonderbar muss diesen schoenen Hals
Ein einzig rothes Schnürchen schmücken,
Nicht breiter als ein Messerrücken!

Варенька съ беспокойствомъ посмотрѣла въ его блестящіе глаза.

— Я посижу съ тобою, голубчикъ, — сказала она, ласкаясь, только позволь мнѣ прежде позвать Василя Николаевича.

— Зови, пожалуй, — сказали онъ немножко нетерпѣливо. — Варенька вышла въ залу, отыскала уѣднаго врача и позвала его къ Ѳеодору Андреевичу. Докторъ ухаживалъ за Полинькой и былъ несовсѣмъ доволенъ, что его отозвали. Онъ очень спѣшилъ: пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ языкъ, сказалъ, что это просто небольшая простуда, велѣлъ положить горчичники, натереть бока какимъ-нибудь спиртомъ и ушелъ поскорѣе назадъ въ залу, гдѣ уже опять заиграли.

Варенька осталась ухаживать за Ѳеодоромъ Андреевичемъ. Она не пошла ужинать и просидѣла съ нимъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не разѣхались и онъ не заснулъ.

У.

Въ ночь Ѳеодору Андреевичу сдѣлалось хуже: жаръ увеличился, и къ утру онъ началъ бредить. Разбудили Наталью Александровну, она разбудила Петра Степановича и Вареньку. Послали въ городъ за докторомъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ очень сильную пневмонію. Ѳеодоръ Андреевичъ, какъ человѣкъ очень нервный, былъ почти все время въ безпамятствѣ, приходилъ въ себя очень рѣдко, и то на самое короткое время. Варенька больше недѣли не отходила отъ него, чередуясь съ однимъ Петромъ Степановичемъ, такъ какъ на Наталью Александровну не очень можно было полагаться — она слишкомъ трусила и слишкомъ суетилась. Болѣзнь приняла дурной оборотъ: хотя на седьмой день и были нѣкоторые признаки кризиса, но за ними не послѣдовало замѣтнаго улучшенія. Разъ вечеромъ докторъ посоветовалъ увести Вареньку, которая едва держалась на ногахъ отъ долгой тревоги и усталости. Ей сказали, что опасность миновала и больной теперь спокойно проспитъ до утра. Онъ дѣйствительно спалъ, но тяжелымъ, зловѣщимъ сномъ съ захваченнымъ дыханіемъ. Варенька повѣрила и ушла къ себѣ. Она прилегла, не раздѣваясь, и, послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, крѣпко заснула.

Проснувшись уже утромъ, она удивилась и разсердилась на себя за то, что проспала такъ долго. Она вскочила, поскорѣе протерла глаза и подбѣжала къ окну, поднять стору. Ее пора-

зимо, что за ночь земля вся побѣлѣла. Съ вечера случился довольно сильный морозъ и теперь еще не сошелъ, даже на солницѣ, а въ тѣни его почти можно было принять за снѣгъ. Варенька взглянула въ другое окно, которое выходило въ садъ, и увидала, что всѣ клумбы, вчера еще такія яркія, теперь совсѣмъ потерѣли. Ей сдѣлалось грустно. Досада ея вдругъ упала и смѣнилась очень тихимъ, печальнымъ чувствомъ. «Бѣдный Митя!» — подумала она. Потомъ ей пришло въ голову, что теперь и ея цвѣтникъ такой же мертвый. «А вѣдь я уже почти двѣ недѣли не была дома», думала она дальше, «хотѣлось бы мнѣ знать, внесли-ли во-время померанцевныя деревья? И какъ скоро; одна ночь и всему конецъ! А павилики-то бѣдные на что стали похожи!» Тутъ она вдругъ обратила вниманіе на шумъ внизу: ходили, сушили, хлопали дверями. Вареньку это сначала очень удивило; она нѣсколько минутъ прислушивалась, ничего не понимая, озадаченная; потомъ какая-то смутная тревога шевельнулась у нея въ груди. Она накинула мантилью и спустилась внизъ. Двери вездѣ были растворены, въ комнатѣ между столовой и кабинетомъ она встрѣтилась съ ключницей и еще другой старухой изъ дворовыхъ. Онѣ несли кувшины съ горячей водой и загородили ей дверь.

— Что случилось? — испуганно крикнула Варенька, норовящая войти и не слушая, что ей говорили старухи.

Кто-то крѣпко обхватилъ ее сзади и почти вынесъ изъ комнаты.

— Что случилось? — повторила она. — Онъ умеръ? Это невозможно!

— Все возможно, Варенька, — сказалъ Петръ Степановичъ, закутывая ей голову мантилей.

Онъ набросилъ ей на плечи первое попавшееся подъ руку мужское пальто и вывелъ ее въ садъ. Варенька, безъ словъ, послушно шла, куда ее вели. Петръ Степановичъ нѣсколько разъ съ безпокойствомъ заглядывалъ ей въ лицо и шелъ все скорѣе. Онъ начиналъ думать, что сдѣлали большую ошибку, обманувъ ее; ему еще вчера не понравилась эта затѣя доктора. Сильное движеніе и воздухъ подѣйствовали на Вареньку: когда они пошли почти бѣгомъ черезъ весь паркъ, вышли изъ него, и пошли дальше, по дорогѣ, она вдругъ остановилась, прижалась къ плечу Петра Степановича и зарыдала. Онъ далъ ей плакать въволю и только пошелъ тише.

Отойдя довольно далеко отъ усадьбы, при соединеніи двухъ

дорогѣ, они неожиданно увидали Митю, который тоже шелъ въ одномъ направленіи съ ними, но другой дорогой.

— Куда ты, Митя? — окликнулъ его Петръ Степановичъ. Онъ вздрогнулъ, быстро повернулся и пошелъ назадъ. Петръ Степановичъ тоже повернулъ домой, но пошелъ не спѣша и не пробуя догнать Митю: онъ видѣлъ, какъ тотъ вошелъ въ паркъ. Возлѣ дома они повстрѣчались съ посланнымъ звать ихъ на панихиду.

Покойника уже вынесли въ залу и положили на длинномъ столѣ. Варенька поблѣднѣла, когда въ первый разъ взглянула на тѣло, покрытое тонкой бѣлой простынней, но въ ту же минуту у нея опять полились слезы, и встревожившійся было Петръ Степановичъ успокоился. Послѣ панихиды она подошла къ усопшему и подняла нетвердой рукой пологъ; на лицѣ ея мелькнули изумленіе и ужасъ, потомъ она сейчасъ же припала къ блѣдному, застывшему лбу и стала горячо цѣловать его. Но когда Петръ Степановичъ взялъ ее за руку и повелъ изъ комнаты, она не сопротивилась и даже вздохнула свободнѣе, когда переступила черезъ порогъ. Митя тоже былъ на панихидѣ. Онъ не плакалъ, не глядѣлъ на отца и обламывалъ воскъ съ своей свѣчки. Когда панихида кончилась, Наталья Александровна сказала ему:

— Чтѣ бы ты, Митя, цвѣточковъ нарѣзалъ.

Онъ послушно пошелъ въ теплицу и нарѣзалъ полную корзину.

— Ну, теперь пооди, уברי гробъ, — сказала она ему опять.

Онъ разложилъ цвѣты поверхъ простыни, не спѣша и не задргивая при прикосновеніи къ тѣлу.

Наступилъ день похоронъ. Приѣхали опять Гольцевы и Ворсикова, Губина и Имлева, и почти всѣ, кто былъ на именинахъ; не было только молодежи. Дожидался выноса, они всѣ сидѣли съ Наталей Александровной въ чайной. Варенька, одѣтая въ траурное платье, сошла передъ самымъ началомъ службы. Она чувствовала себя нехорошо. Съ самой той ночи, когда во время ея сна скончался Федоръ Андреевичъ, она не могла заснуть: при первой дремотѣ ее будилъ безотчетный страхъ, что опять что-то случится, пока она будетъ спать. Нынче она встала совсѣмъ больная. Въ чайной Наталья Александровна подробно, изъ дня въ день, рассказывала про болѣзнь и кончину брата. Имлева покачивала головой и удивлялась, какъ это докторъ не догадался сдѣлать того-то и того этого, и потомъ она объяснила, чтѣ надо было дѣлать, такъ усердно, словно Федоръ Андреевичъ лежалъ

еще у себя на постелѣ. Варенькѣ стало такъ душно отъ этихъ разговоровъ, что она ушла на балконъ. Было опять ясно и тепло. Сквозь окна она видѣла, какъ мелькали въ залѣ фигуры священниковъ; ихъ, кромѣ Колликовскаго, было еще четверо, да протѣпоть, крошечный старичокъ, котораго Варенька давно знала. Онъ, какъ всегда, сутился и спѣшилъ. Ее скоро позвали. Натомъ же длинномъ столѣ стоялъ теперь дубовый полированный гробъ, о которомъ вчера говорила Наталья Александровна, что онъ лучше бархатнаго. Въ залѣ было невыносимо пакурено ладаномъ, но Варенька скоро поняла, зачѣмъ это сдѣлали: вчера она была на панихидѣ, но не поднимала простыни и не видала лица покойника. Теперь лицо это было видно сквозь прозрачную кисею и Варенька замѣтила, что оно до половины закрыто ватой. У нея закружилась голова, и она въ первую минуту подумала, что ей сдѣлается дурно. Она перемогла себя и стала креститься, какъ и всѣ кругомъ; но руки у нея дрожали, и она, кланяясь, обожгла себѣ спереди волосы. Какой-то тяжелый кошмаръ давилъ ее все время, пока шла служба. Она заплакала свободно только когда вышли изъ церкви. Она стояла на краю глубокой ямы, куда опускали дорогого ей человѣка и вмѣстѣ съ нимъ ее дѣтство; но возлѣ этой ямы росли красивыя, прямыя березы съ золотой, еще не совсѣмъ облетѣвшей листвою, надъ ними поднималось чистое, ясное, теперь особенно высокое небо, и Варенькадохнула всей грудью, и ей не такъ страшенъ показался звукъ молотка и шумъ падающей зсман, какъ она думала.

Съ кладбища всѣ вернулись опять въ домъ. Священники, въ ожиданіи обѣда, пили чай съ ромомъ и закусывали. Наталья Александровна безпрестанно уходила распорядиться то тѣмъ, то другимъ, совсѣмъ такъ же, какъ тогда на именинахъ. Варенька сказала, что у нея заболѣла голова—и ушла къ себѣ. Она легла на постель и прислушивалась издали къ говору въ чайной, который доносился до нея однообразнымъ гуломъ. Отъ времени до времени надъ нимъ поднимался вдругъ возгласъ Ранси Александровны или молодого дьякона изъ сообщдаго села, который никакъ не умѣлъ справиться съ своимъ могучимъ басомъ. Слышала Варенька также, какъ ходила прислуга, какъ звенѣли посудой и кто-то пересбранивался въ двѣнчѣй, по крайней мѣрѣ гулъ розосовъ такъ былъ несплавный и немѣрный, съ безпорядочными повышеніями. Она не пошла обѣдать и велѣла подать себѣ наверхъ чашку бульону. Голоса стихли—всѣ перешли въ столовую, откуда до Вареньки дошло только пѣніе литіи въ концѣ обѣда.

Когда всѣ разошлись, Петръ Степановичъ вошелъ къ ней.

— Пора и намъ ѣхать, — сказалъ онъ. — Поди поговори съ Митей, а я прикажу закладывать лошадей.

Между ними уже было рѣшено взять Митю къ себѣ.

Варенька встала и пошла отыскивать его. Онъ сидѣлъ въ теплицѣ и обтачивалъ палочки. Она ласково положила ему руку на плечо.

— Митя, — сказала она, — мы съ Петромъ Степановичемъ хотимъ предложить тебѣ жить съ нами.

— Ну что-жъ.

— Если ты согласишься, то собирайся. Мы скоро ѣдемъ.

Онъ всталъ и остановился, смущенно перебирая палочки. Не то, чтобы его поразило или особенно взволновало предложеніе Вареньки; онъ даже почувствовалъ облегченіе — его всѣ эти дни давило смутное ожиданіе переменъ — но онъ просто растерялся, не зная, что ему надо дѣлать, чтобы «собраться». Варенька помогла ему.

— На счетъ растений ты не безпокойся, — сказала она. — Я завтра пришлю садовника: онъ уложитъ и перевезетъ ихъ — у насъ мѣста много. А канареекъ мы возьмемъ съ собою: у меня есть маленькій зимній садъ, гдѣ имъ будетъ отлично. Если же тебѣ это покажется неудобно, ты можешь выбрать любую комнату. Теперь дѣло въ томъ, чтобы отыскать кѣтку побольше. У тебя нѣтъ такой?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ пойдѣмъ, поищемъ.

Они пошли рыться въ кладовыхъ и, послѣ долгихъ поисковъ, нашли, наконецъ, старую бѣличью кѣтку. Митя починилъ ее, какъ показала ему Варенька, и сверху обтянулъ кисеей, такъ какъ прутья были слишкомъ далеко другъ отъ друга; потомъ ее отнесли въ угловую комнату, гдѣ жили канарейки. Варенька осталась за дверью, чтобы не испугать птичекъ, а Митя началъ ловить ихъ. При первомъ его зовѣ съ десятковъ слетѣло къ нему въ руки, и онъ безъ труда посадилъ ихъ въ кѣтку. Но остальные сдѣлались осторожнѣе и давались уже неохотно и недоверчиво, а послѣдніе взлетѣли съ испуганнымъ крикомъ и стали тоскливо носиться по комнатѣ. Варенькѣ пришлось войти и помочь Митѣ. Насилу поймали одичавшихъ птичекъ. Съ одной, самой послѣдней, пробились цѣлыхъ полчаса: она летала такъ скоро и такъ высоко, совсѣмъ подѣ потолкомъ, и каждую минуту могла разбиться до смерти. Наконецъ, поймали и ее. Лошади уже давно были поданы. Кѣтку поставили на дно коляски, въ ногахъ у Мити, и тронулись въ путь. Солнце сѣло, становилось

прохладно. Варенька потемнѣе закуталась въ бурнусъ и грустно смотрѣла, какъ мелькали деревья большой березовой аллеи. Митя сидѣлъ, не шевелясь, придерживая руками кнѣтку, и не отводилъ отъ нея глазъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда прѣхали въ Ульмино. Варенька проводила Митю прямо въ зимній садъ. Открыли дверку, и птички, испуганныя свѣчкой, шумно разлетѣлись по кустамъ. Варенька поцѣловала Митю.

— До завтра, голубчикъ, — сказала она. — Мнѣ нездоровится и я сейчасъ лягу. Ты поужинай съ Петромъ Степановичемъ, а потомъ онъ покажетъ тебѣ твою комнату.

IV.

Митя спалъ крѣпко, но проснулся довольно рано. Когда старый «камердинеръ» Ильичъ пришелъ въ девятomъ часу будить его, онъ уже давно всталъ и одѣлся. Ильичъ любознательно посмотрѣлъ на него и заговорилъ съ нимъ, какъ старые дядьки говорить съ дѣтьми.

— Что-жъ, батюшка, птичекъ-то своихъ еще не видали нынче?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Митя, который сконфузился, какъ только вошелъ Ильичъ.

— Чтѣ же такъ? Вы бы сходили, свѣчекъ имъ бы отнесли.

Митя послушно взялъ со стола привезенный съ собою свертокъ корна.

— Подите, подите, батюшка, — ободрялъ его Ильичъ. — Дорожку-то помните?

Митя совсѣмъ не понималъ дороги, но не смогъ этого сказать. По счастью, она была немудрена и онъ прямо поналъ въ кабинетъ Вареньки съ стеклянной дверью на галерею. Онъ открылъ дверь и вошелъ. День былъ такой же ясный и свѣтлый, какъ и вчера, солнце пригрѣвало восточныя стекла. Густая зелень апельсиновыхъ деревьевъ и кустовъ отливала всѣми тѣнями, отъ самыхъ темныхъ до яркаго, желтоватаго цвѣта; мѣстами причудливо блестѣли другія краски на новыхъ пестролиственныхъ растеніяхъ. Цвѣли благовонныя панкраціи и осенніе амариллисы съ пунцовыми цвѣтами, усыпанными на солнцѣ золотыми блестками, съ крупными, душистыми пурпуровыми колокольчиками, собранными въ роскошный букетъ, съ красивымъ одинокимъ бѣлымъ или розовымъ цвѣткомъ на граціозномъ стеблѣ. Пахло

гелиотропомъ. Много было розъ. Были и обыкновенные лѣтніе цвѣты, стоявшіе на балконахъ и втесненные передъ морозомъ; къ нимъ была особенная, *милая* прелесть. По стѣнамъ и стеклянному потолку висѣли и лѣпились ползучія растенія. Надъво галерея дѣлала поворотъ и шла вдоль восточной стѣны дома; оттуда виднѣлась темная зелень камелій, усыпанныхъ молодыми бутонами. Направо, за стеклянной перегородкой, была другая, жаркая половина теплицы.

Но Митя ничего не сталъ разсматривать. Онъ поскорѣе высматривалъ верна на дорожку и началъ сзывать канареекъ. Онѣ откликнулись, но какъ-то робко, недовѣрчиво. Помнили ли онѣ еще вчерашнее, или одичали отъ перемѣны мѣста, только ни одна не хотѣла спуститься къ положенному корму. Митя долго и терпѣливо звалъ ихъ, все нѣжнѣе, повторяя свое «пикъ-пивикъ!» Наконецъ, одинъ молоденькій, голосистый, хохлатый самецъ храбро бросился съ вѣтки прямо къ нему на руку. Митя ласково погладилъ его и опустилъ на землю, къ кучкѣ сѣмени, на которое онъ жадно бинулся, торопливо щелкая коротенькимъ клювомъ и утопая ногами въ лакомыхъ зернахъ. Нѣсколько хохлатыхъ и гладенькихъ головокъ любопытно посмотрѣли на него и тоже соскочили на дорожку, но немножко поодаль — и уже оттуда стали осторожно подбираться къ корму.

Въ эту минуту въ перегородкѣ отворилась дверь и вошла Варенька, все еще блѣдная, въ бѣлой блузѣ, съ небрежно-свернутыми волосами. Увидавъ ее, Митя смутился и съѣжился. Она прошла нѣсколько шаговъ и вдругъ отскочила назадъ и слабо вскрикнула. Что-то кольнуло Митю въ сердце; вмѣсто того, чтобы растеряться отъ испуга, онъ бросился къ Варенькѣ. На несекъ, раскинувъ крылья, лежала мертвая желтенькая птичка, должно быть та самая, которая такъ долго билась и не давалась вчера. Митя увидалъ ее: у него закружилась голова... Варенькѣ сдѣлалось ужасно жаль его, немножко птичку, нервы ея еще не успокоились, и она заплакала. Митя испуганно и удивленно взглянулъ на нее, потомъ вдругъ сѣлъ на землю у ея ногъ, закрывъ лицо руками и самъ горько заплакалъ. Варенька долго смотрѣла на него, наконецъ, сѣла возлѣ, обняла его рукою за шею и стала тихонько цѣловать.

VII.

Этот ничтожный случай установилъ новыя отношенія между Митей и Варенькой. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, когда привезли изъ Колпиковъ его цѣвты, онъ попросилъ Вареньку показать ему, что куда поставить. Это было даже немного странно со стороны Мити: скорѣе можно было ожидать, что онъ просто подчинится въ этомъ дѣлѣ садовнику. Варенька съ удовольствіемъ пошла съ нимъ въ оранжерею. Они пробыли тамъ до самаго вечера. На дворѣ похолодѣло, пошелъ дождикъ, начался вѣтеръ и сталъ съ восемъ гнуть желтыя березы. Варенька увела Митю къ себѣ, въ маленькую комнату между снальной и уборной. Комната эта была прехорошенькая, вся обтянута голубымъ крестономъ съ пестрыми бунетами, птичками и бабочками. Стены и занавѣси были опущены, топился каминъ. На столѣ, кромѣ чайнаго прибора и печеній, были поставлены всякія домашнія сласти. Въ бурную осеннюю ночь нельзя было во всемъ домѣ выбрать лучше мѣста: въ большихъ комнатахъ было бы теперь пусто, холодно и непріятно; въ зимнемъ саду все казалось бы, что вѣтеръ сейчасъ сорветъ легкую стеклянную крышу и переломаетъ, разнесетъ, уничтожитъ этотъ яркій, душистый уголокъ дѣла. А въ голубой комнатѣ самоваръ и каминъ заглушали бурю; рѣдко только доносилась она порывами—тогда невольно думалось: «какъ намъ хорошо, тепло и уютно!» Освященные краснымъ огнемъ, пестрые, странные цѣвты на стѣнахъ и повѣри смотрѣли какъ-то особенно весело—лучше живыхъ. Правда, временами звонко бились въ стекла вѣтви дерева, которое росло у самой стѣны, но тогда отчего-то казалось, что это жамы, далеко. Петръ Степановичъ уже сидѣлъ у стола. Варенька только забѣжала къ себѣ въ уборную вымыть руки и сейчасъ же заваривала чай. Митя сконфузился-было, когда увидалъ Петра Степановича, но скоро успокоился. Варенька усердно угощала его: то земляничнымъ вареньемъ съ густыми, холодными сливками, то медомъ съ свѣжимъ чернымъ хлѣбомъ, то яблоками съ малиновымъ сиропомъ, и Митя все ѣлъ съ одинаковымъ удовольствіемъ. Послѣ чая Петръ Степановичъ поговорилъ немножко съ Варенькой и увелъ «потолковать о хозяйствѣ». Онъ думалъ-было, вмѣсто того, принести скрипку и сыграть какую-нибудь чудную классическую вещь, а можетъ быть и что-нибудь свое, да Ермолай, прежній «буристръ», теперь полу-управляющій, пришелъ «посетиться». Петръ Степановичъ никогда не былъ хозяиномъ, хотя

много жилъ въ деревнѣ. Ему мѣшали и лѣнь, и равнодушіе къ выгодѣ, которое часто бываетъ у людей, никогда незнавшихъ нужды, а больше всего страхъ, что мужикъ обманетъ его и заставитъ относиться къ себѣ съ горечью. Еще въ ранней молодости у Ульянина явилось: во-первыхъ, какое-то виноватое чувство передъ недавнимъ вѣрнопостынимъ, вмѣстѣ съ нравственной обязанностью смотрѣть на него особенно-добрыми глазами; а во-вторыхъ, представленіе, что мужикъ постоянно обманываетъ, сложившееся вѣроятно оттого, что онъ каждый день слышалъ это въ дѣтствѣ.

Вслѣдствіе всего этого Петръ Степановичъ при разверстаніи, по собственному побужденію, прибавилъ къ крестьянскому надѣлу нѣсколько десятинъ славнаго лѣса, отказался въ пользу крестьянъ отъ выкупной суммы—что, даже и при его хорошихъ средствахъ, было все-таки жертвою, хотя и не особенно чувствительной,—построилъ школу, больницу, и въ то же время держался такъ далеко отъ мужика, что очень рѣдко зналъ въ лицо своихъ собственныхъ работниковъ, а еще рѣже того по имени. Варенька осталась вдвоемъ съ Митей. Чай убрали. Нѣсколько минутъ они молчали: Варенька придумывала, чѣмъ бы ей занять Митю. Наконецъ, она достала нѣсколько альбомовъ съ цвѣтами, и стала показывать ему картинки. Это его дѣйствительно заняло: когда на красивой гравюрѣ было какое-нибудь знакомое растеніе, онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ говорилъ: «я это знаю», или «это у меня было». Варенька рассказывала ему, какіе удивительные цвѣты случалось ей видѣть за границей. Этотъ рассказъ заставилъ ее вспомнить объ одной изъ заграничныхъ знакомыхъ, о милой м-ше Д..., въ саду у которой было много диковинокъ. Варенька очень сошлась съ этой прелестной женщиной, умной и богато одаренной той глубиной и широтой чувства, которыя такъ свойственны одному изъ типовъ французской женщины. Онѣ всего только полтора года какъ перестали переписываться, Богъ знаетъ почему, и послѣднюю написала м-ше Д..., даже написала два раза, а Варенька, рѣшительно безъ всякой причины, даже и не отъ лѣни и откладыванія со дня на день, а такъ, именно Богъ знаетъ почему, не отвѣтила ей. Несмотря на упрекъ совѣсти, ей было очень пріятно вспомнить про эту дружбу, и она рассказала Митѣ о м-ше Д... Она увлеклась и понемногу совсѣмъ забыла, кому рассказываетъ—ей уже просто только хотѣлось говорить. Однажды, правда, ей пришло въ голову, что Митя ее не слушаетъ, что ему это вѣрно вовсе неинтересно, и она остановилась, но онъ сейчасъ же оглянулся—видимо удивился, что она не

продолжаетъ, — и Варенька опять начала говорить. Говорила она долго, часа два, и тогда вдругъ почувствовала большую усталость, потому досаду на то, что «необходимо забавлять Митю». Впрочемъ, это нехорошее чувство только промелькнуло у нея: она сейчасъ упрекнула себя въ немъ и тутъ же стала опять думать, какъ занять Митю.

— Любишь ты компотъ, Митя? — спросила она.

Ей все еще было совѣстно передъ нимъ за свою досаду.

— Да, люблю.

— Хочешь мы сами изготовимъ его въ ужину.

— Хорошо.

Варенька очень обрадовалась, что такъ удачно придумала.

— Такъ вотъ что, голубчикъ: ты сейчасъ садись чистить яблоки, а я пойду всего наберу — у меня и сухія груши есть, и шептала и разныя еще другія вещи.

Она ушла и долго не приходила, за то когда вернулась, то дѣйствительно «всего» принесла.

— Посмотри-ка, голубчикъ, что я нашла, — сказала она: — засахаренный кизиль, цѣлая коробочка! Просто не понимаю, какъ это я о немъ забыла. Только я всю ее въ компотъ не дамъ — надо оставить такъ поѣсть. Ты пробовалъ когда-нибудь засахаренный кизиль? Хочешь попробовать?

Она положила по ягодѣ въ ротъ ему и себѣ.

— Что же это такъ долго кастрюли не несутъ? А я и про сахаръ забыла сказать.

Она суетилась, вспоминая то одно, то другое. Наконецъ, все принесли. Варенька разложила припасы по разнымъ кастрюлькамъ, пока Митя подбавлялъ дровъ въ каминъ.

— Очень, мнѣ кажется, будетъ вкусно, — говорила она съ искреннимъ удовольствіемъ.

Она посадила Митю смотрѣть, какъ варится, а сама стала ходить по комнатѣ. Отъ нетерпѣнія она едва не вынула яблоки совѣмъ сырыя. Послѣ случилась еще другая бѣда. Варенька, укладывая фрукты, попробовала одну грушу и ахнула:

— Митя, а вѣдь груши пренепріятно отзываются, — сказала она съ смущеніемъ.

Ей было досадно, что она отваръ этихъ грушъ уже вылила въ сиропъ. Она попробовала его.

— Рѣпа, совершенно рѣпа, — рѣшила она. — Только кизиль я погубила — лучше бы мы его весь такъ съѣли.

Она послала за ключницей.

— Вотъ твои груши! — выговорила она ей. — Только я ими

все испортила. Не могла ты мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что онѣ у тебя северныя.

— Затѣмъ северныя. Я намеренна обливать, вотъ и Дарья со мной выпила—отличныя груши.

— Ну, отличныя, такъ отличныя. Только я должна вотъ все бросить по милости этихъ отличныхъ грушъ. Весь комнотъ теперь отзывается рѣпой, да еще какой-то порченой рѣпой.

— Господь съ вами, матушка! Чтѣ за рѣпа такая? Такъ что-нибудь въ ротикѣ у васъ не хорошо.

— Ахъ, не говори мнѣ пустяковъ! — сказала съ сердцемъ Варенька.

— Ну, положьте что-нибудь, для духу, коли ужъ вамъ не нравится, ливерцу, что-ли, какого, — посоветовала ключница.

Варенька послушалась и влила мараскина, потомъ прибавила кусочекъ ванили; это совсѣмъ заглушило груши, за то вмѣстѣ вышло какъ-то странно.

— Знаешь ли чтѣ, Митя, — сказала она, — съѣдимъ этотъ комнотъ сейчасъ—его не надо подавать въ ужину.

И они съѣли все, еще горячее. Варенька немножко насильно.

Скоро послѣ того пришелъ Петръ Степановичъ и рассказалъ, какъ Ермолай все выхваляетъ ему какія-то «миръятюренькія» саночки. Вареньку очень насмѣшило это слово.

На другой день съ утра шелъ дождь съ вѣтромъ, переставая только на самое моротное время. Митя весь день проработалъ въ зимнемъ саду и оранжереѣ, а вечеромъ опять сидѣли въ голубой комнатѣ. Варенька шила, а ему дала сѣлать капсули для сѣмянъ. Петръ Степановичъ по вчерашнему ушелъ послѣ чаю. Тогда Варенька опять стала рассказывать Митѣ. Нынѣче она описывала, какъ они съ Петромъ Степановичемъ, въ бытность свою въ Швейцаріи, всходили на Рѣги. Она думала, что такіе разсказы будутъ всего понятнѣе Митѣ.

— Ты знаешь, вѣдь считается, что на Рѣги почти стыдно всходить, — говорила она, — по крайней мѣрѣ, стыдно объ этомъ рассказывать, такъ ужъ это стало обыкновенно. Кто только не поднимался на эту бѣдную гору! Для другихъ всходить — настоящее мученіе, а все-таки идутъ, чтобы разъ навсегда отдѣлаться и успокоить свою совѣсть — вѣдь очень уже непростительно видѣть горы только снизу. Все это такъ, но на меня это восхождение все-таки сдѣлало очень большое и очень хорошее впечатлѣніе. Подумай только: это было первый разъ въ жизни.

И она очень подробно рассказала ему обо всемъ: о сборахъ, о томъ, какъ она плохо спала всю ночь наканунѣ, безпрестанно

просыпалась от нетерпѣнія, какъ, было, въ дѣствѣ подѣ Пасху; о всѣхъ малѣнькихъ приключеніяхъ въ дорогѣ, и что говорили Петра Степановичъ, проводники, она сама; какъ на одной площадкѣ она оглянулась кругомъ и удивилась, какъ высоко они взошли; какими красками отливали горы; какъ хорошо дышалось тамъ, на вышнѣ, и какъ жалко было ей тѣхъ, которые остались внизу, въ долинѣ; какъ не хотѣлось ей возвращаться и какъ стало грустно, когда пришлось тронуться въ обратный путь; какъ потомъ опять было весело, какъ послѣ уминали въ гостиницѣ и пили шампанское. Когда она кончила, Митя сказалъ:

— А вѣдь и я тоже былъ тамъ... въ Швейцаріи... Только мы никуда не всходили.

Варенька вспомнила, что онъ, дѣйствительно, былъ за-границей, когда доктора послали туда больную при смерти Марью Семеновну.

— Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! — сказала она. — Какъ это я со всѣмъ забыла. Такъ ты не всходилъ ни на одну гору? Да... что я говорю... вамъ, конечно, не до того было...

Она остановилась и вѣрстѣла. То, что она сказала, было безтактно и безсердечно, особенно теперь, когда ему должно напомнить Митѣ о другой, недавней потерѣ. Варенька робко взглянула на него, но на его лицѣ ничего не было замѣтно. За то сама она съ болью вспомнила, что Федора Андреевича нѣтъ больше.

— Однако, хороши мы съ тобой, — заговорила она, снѣвша замять свою неловкость и вмѣстѣ не дать себѣ заплакать. — Я рассказываю тебѣ о томъ, что ты знаешь, можешь быть, лучше моего... Да, правда, ты не былъ на горахъ... Ну, все-равно. За чѣмъ же ты слушаешь молча и ничего мнѣ не скажешь?

— Нѣтъ, что же. Я вѣдь этого не видалъ.

Варенька засмѣялась.

— Ну, такъ рассказывай ты теперь, что видѣлъ, — сказала она.

— Я... я, право... я не могу, — сказалъ онъ.

Варенька увидела у него въ глазахъ то неопредѣленное, полное страха и жалкое выраженіе, которое всегда являлось, когда онъ начиналъ теряться.

— Постой, — сказала она, не давая ему втѣнуться въ это мучительное состояніе, — скажи мнѣ прежде всего, вы какъ ѣхали, на Берлинъ или на Вѣну?

— На Вѣну.

— А откуда?

— Оттуда мы поехали въ Тироль.

Онъ успокоился, очень толково рассказавъ про жизнь ихъ въ Меранѣ и обо всемъ, что было послѣ. Варенька недолго слушала его. Ей вдругъ пришла мысль: «неужели же Митя навсегда останется такимъ, какъ теперь... страннымъ?» и вотомъ сейчасъ же, неизвестно почему, явилась увѣренность, и очень горячая: «нѣтъ, онъ непременно переменится!» — Этому когда-то вѣрила и его мать. — Варенька съ любопытствомъ и радостнымъ нетерпѣніемъ посматрѣла на Митю.

VIII.

Но она не могла остановиться на одной только вѣрѣ, что Митя переменится. Вслѣдъ затѣмъ она подумала: «я помогу этой переменѣ», а для Вареньки это значило: «я ее сдѣлаю». Но какъ? Вотъ этого она не умѣла придумать, да, правду сказать, и не знала, что именно должно имѣниться въ Митѣ. А тутъ еще ей стали приходить въ голову цѣлыя исторіи о томъ, что будетъ уже послѣ того, какъ Митя переменится, и она невольно увлекалась ими, хотя и говорила себѣ нѣсколько разъ съ досадой: «объ этомъ успѣю подумать, когда буду знать, что мнѣ нужно дѣлать». Такъ прошелъ весь вечеръ. Пришло время ложиться спать. Она рѣшила — было пока ничего не говорить Петру Степановичу, но не вытерпѣла и, расчесывая волосы, проговорила.

— Знаешь-ли, — начала она съ забившимся сердцемъ и не глядя на него, — мнѣ кажется, что Митя совсѣмъ не то, что думаютъ.

Петръ Степановичъ сидѣлъ на диванѣ и перелистывалъ книгу; онъ остановился и поднялъ на Вареньку глаза, ожидая, что скажетъ она дальше.

— Я думаю, что на него смотреть ошибочно, — повторила она, — что онъ со временемъ будетъ другой.

— Что же заставляеть тебя это думать? — спросилъ онъ серьезно.

Ей стало досадно: какъ могла она объяснить то, чему сама только вѣрила?

— Мало-ли что, — сказала она нетерпѣливо. — Есть вещи, которыя видишь, въ которыхъ бываешь убѣждена, но которыхъ никакъ не расскажешь.

Онъ задумчиво посматрѣлъ на нее съ минуту.

— Смотри, Варя, — замѣтитъ онъ еще серьезнѣе, не увлекаешься ли ты? — и опять опуститъ онъ глаза въ книгу.

Она промолчала и продолжала расчесываться, только гребнемъ водила все сворѣе. Наконецъ, онъ замутался; она съ сердцемъ рванула его; у нея выступили слезы — отъ боли, какъ показалось ей, на самомъ дѣлѣ, отъ того холода, который оденшилъ ее мечту.

Она легла въ постель и сейчасъ же потушила свѣчу. Но сонъ долго не приходилъ. Петръ Степановичъ давно спалъ, а она все думала о Митѣ. «Онъ перемѣнится, непременно перемѣнится, что бы ни говорилъ Петръ Степановичъ! Я завтра же добьюсь, какъ это сдѣлать». А теперь она мечтала о перемѣнившемся уже Митѣ. У него неожиданно оказался удивительный музыкальный талантъ. (Вѣрно потому именно музыкальный, что сама Варенька не музыкантка). Петръ Степановичъ началъ учить его, но Митя скоро перегналъ учителя. Онъ собирается давать концертъ. Варенька видитъ полную, освѣщенную залу — сама она сидитъ въ первомъ ряду. Вотъ вышелъ Митя со скрипкой, сначала сконфузился, смѣшался, потомъ собрался съ духомъ и заигралъ. Всѣ восхищаются, аплодируютъ. У Вареньки сердце такъ и бьется радостью: она чувствуетъ, что все это сдѣлала она (она завтра придумаетъ какъ). Потомъ Митя написалъ оперу. Ее поставили. Тутъ вдругъ оказывается, что примадонна — сама Варенька. Она прекрасно совнаѣтъ, что начинаетъ сочинять настоящую сказку; ей даже было сдѣлалось стыдно, но потому она подумала: «все равно, я спала бы теперь и видѣла бы, пожалуй, еще и не такую несообразность». Про Митю она скоро совсѣмъ забыла и уже сама стала главнымъ лицомъ. Она такъ живо, на-яву, видитъ, какъ вошелъ занавѣсъ, какъ входитъ она на сцену (она и декорацию даже представила себѣ: большая, немножко-мрачная зала, съ высокими сирѣвчатыми сводами). Она идетъ къ рампѣ, широко набираетъ воздухъ и начинаетъ пѣть — такъ чудно, какъ никогда еще не пѣлъ никто, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ. Публика слушаетъ нѣмая, очарованная, не смѣядохнуть, но такъ и чувствуется, что черезъ минуту у нея, какъ изъ одной груди, вырвется могучій крикъ восторга... И вдругъ Варенькѣ вспомнился Митя, совсѣмъ забытый, отгѣсненный. Ей сдѣлалось сѣнѣстко, жалко; она свѣщигтъ такъ дорисовать картину, чтобы загладить свою вину: публика съ рукоплесканіями вызываетъ и примадонну, и композитора; они выходятъ вмѣстѣ, имъ равно аплодируютъ... Варенька все-таки продолжаетъ чувствовать себя виновной и опять передѣлывается:

ни этотъ разъ слушатели были до того потрясены гениемъ новаго маэстро, что почти не замѣтили безнодобнаго голоса пѣвицы.

Но теперь картина потеряла всю прелесть и живость. Варенькѣ ясно, какъ все это глупо, и ей стыдно: такую безысслицу извинительно только во снѣ увидеть. Да и сомнѣть все упрекаетъ ее за эгоистическое увлеченіе. А ничего бы этого не было, если бы она съ самаго начала не позволила себѣ придумывать нелѣпостей: она произвольно, сама не зная для чего, допустила славочный случай, что же могло изъ этого выйти, промѣй связки? И какая безтолковая, нескладная связка! Вовсе не надо воображать Митю великимъ музыкантомъ, поэтомъ, знаменитымъ ученымъ, вообще великимъ человекомъ. Онъ преско будетъ обыкновенный, небогатый человекъ. Это возможно, это она навѣрно знаетъ, что будетъ. Варенька начинаетъ новую повѣсть, начинаетъ осторожно, зорко слѣдя за собою, поворачивая каждый шагъ—и все-таки не замѣчаетъ, что Митя выходитъ у нея совсѣмъ необыкновеннымъ человекомъ, что она опять рисуетъ героя, но на этотъ разъ уже не сказки, а романа: онъ ничѣмъ не бросается въ глаза, непосвященные люди видятъ въ немъ самую дюжинную личность, но для нея—есть у него всесраженныя, ревниво-скрытыя сокровища, извѣстныя только ей одной. Варенька тихонько кладетъ одинъ штрихъ за другимъ и смотритъ на возникающій образъ, и что-то странное, сладкое, шевелится у нея въ груди, словно то смутное чувство, которымъ молоденькія дѣвочки любятъ своего воображаемаго суженаго.

— Ты не спишь еще, голубчикъ?—спросилъ вдругъ Петръ Степановичъ, проснувшись на половину. Варенька вздрогнула отъ этихъ простыхъ, негромко сказанныхъ словъ.

— Я все думаю, — отвѣтила она и прибавила: о Митѣ.

— Горячая ты моя головка! — проговорилъ онъ, засыпая опять.

Варенькѣ сдѣлалось очень обидно.

Утромъ она, какъ только одѣлась, пошла въ бібліотеку. Эта комната съ высокимъ потемнѣвшимъ дубовымъ потолкомъ, съ тяжелыми дубовыми шкапами, гдѣ за стеклами стояли въ кожаныхъ переплетахъ съ тусклой позолотой драгоценныя старинныя изданія, большіе все французскія, собранныя дѣдомъ и отцомъ Петра Степановича и между которыми было немало единственныхъ теперь рѣдкостей, съ большими столами, заваленными новыми книгами и журналами,—эта тихая, прохладная, серьез-

ная комната съ перваго раза сдѣлала на Вареньку, воспитанную Ѳеодоромъ Андреевичемъ, благоговѣнное впечатлѣніе.

Съ тѣхъ поръ, всакій разъ, когда она переступала этотъ порогъ, ей казалось, что она входитъ въ храмъ, въ которомъ тѣмъ-то мудрымъ и вмѣстѣ ласковымъ вѣетъ подь почернѣвшей рѣзбой высокаго потолка. Нынче она вошла съ бьющимся сердцемъ — она вѣрила, что здѣсь непременно придумаетъ то, что не давалось ей вчера. Она не сѣла, не раскрыла ни одной книги, а осторожно, безъ шума, какъ въ святилищѣ, стала ходить. Дѣйствительно, черезъ минуту лицо ея радостно вспыхнуло. Но, Боже мой, что она придумала! Она придумала учить Митю! Счастливая, взволнованная, она сходила за нимъ и привела его сюда, чтобы его осѣнило мудрымъ вѣяніемъ. Но съ чего начать? Прежде всего, какъ посвященіе, или, лучше, какъ заклинаніе, отверзающее закрытыя двери, прочесть ему что-нибудь чудно-прекрасное... Шекспира, конечно (это опять сказало воспитаніе Ѳеодора Андреевича). Она вспомнила прозрачное, чистое и величаво-свѣтлое впечатлѣніе, сдѣланное на нее, четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, «Юліемъ Цезаремъ». Вотъ именно такое, а не безконечно тонкое и сложное впечатлѣніе главныхъ драмъ, и нужно для Мити; и Варенька прочла ему «Юлія Цезаря» по-русски. Съ послѣдней строкой она, трепеща, подняла на Митю глаза и жадно заглянула ему въ лицо. Онъ сидѣлъ внимательный, серьезный, но Варенька сейчасъ же почувствовала, что двери остались закрытыми.

— Ну, что-же?..—начала-было она.

— Мнѣ это читалъ папочка,—сказалъ Митя.

Варенькѣ сдѣлалось очень больно.

— Знаешь-ли,—сказала она,—я эту драму читала только въ подлинникъ и никогда не могла себѣ представить, какая бездна между нимъ и переводомъ... Вотъ, если бы ты могъ тоже прочесть ее по-англійски.

Она немножко помолчала.

— А что, Митя, — робко заговорила она, — не хочешь-ли попробовать, я поучу тебя? Право, это не трудно... Потому ты такъ много наслажденія теряешь. Право, голубчикъ... Ты какъ думаешь?

— Ну, что же!

Варенька радостно и горячо поцѣловала его.

День проходилъ за днемъ. Долго Варенька все ждала, что вотъ-вотъ она неожиданно, случайно сдѣлаетъ то, отчего Митя вдругъ станетъ другимъ. Пока она учила его, какъ учили

когда-то и ее, мѣшая ботанику съ латинскимъ синтаксисомъ и французскихъ философовъ прошлаго вѣка съ русскими былинами. А время шло. Наступилъ, наконецъ, день, когда Варенька начала спрашивать: «когда же?» — «скоро ли?» потомъ пришелъ и другой, когда она вдругъ подумала: «а если этого никогда не будетъ?» и хотя опять отвѣтила себѣ: «будетъ, будетъ!» но напрасно — она больше не вѣрила въ случай. Тогда она опять стала придумывать, отгадывать, что такое ей нужно сдѣлать, придумывать настойчиво, долго и — безплодно; не помогли ей и книги. Варенька устала, ослабла. Разъ какъ-то пришла она въ библиотеку, машинально, не отдавая себѣ почти отчета, какая это книга, вынула старого, классическаго «Эмилъ», но не раскрыла его, а положила тутъ же, на полкѣ, на книгу положила голову и заплакала тяжелыми, безнадежными слезами.

IX.

Весна въ этомъ году стала такъ рано, какъ не помнилъ никто изъ стариковъ, — можетъ быть, оттого, что и зима установилась гораздо раньше обыкновеннаго, съ первыхъ чиселъ октября, когда выпалъ снѣгъ, да такъ и не сошелъ. 31-го марта объ этомъ снѣгѣ не было и помина. На рѣкѣ ледъ уже прошелъ. Почки стали наливаться. Наканунѣ видѣли двухъ ласточекъ, но онѣ, какъ всегда въ это время, не подлетали еще къ жилью. Съ утра шелъ дождикъ, теплый, крупный, частый, и видно было, какъ подъ нимъ зеленѣлъ дворъ. Едва дождевыя капли начинали рѣдѣть, принималось со всѣхъ сторонъ суетливое чирканье, и изъ саду несло пѣніе чернаго дрозда, такое же почти звучное, какъ соловьиное, и долго потомъ, когда дождь шелъ уже опять, и сильнѣе прежняго, онъ все не умолкалъ.

Митя былъ въ зимнемъ саду, гдѣ доцвѣтали камеліи и цвѣли азалеи. Стоя на колѣняхъ возлѣ маленькаго бассейна, онъ вынималъ горшки съ отцвѣтшими голубыми подсѣянниками и хорошенькимъ бразильскимъ ликоподіемъ, — ихъ хотѣли замѣнить пармскими фіалками. Въ открытыя форточки подувалъ теплый, сырой вѣтерокъ. Вынувъ всѣ горшки, Митя старательно вычистилъ борозду, гдѣ они стояли, и сталъ ждать Вареньку; она пришла изъ теплицы вмѣстѣ съ садовникомъ и его помощникомъ. Несмотря на вонтикъ, на платье ея мѣстами попалъ дождь, и кожаныя ботинки были сыры. Садовники несли корзины, уставленные маленькими горшечками фіалокъ. Два самыхъ

лучшихъ, съ самыми густыми кустинами и самыми частыми, со-
сѣсть развернувшимися голубоватыми цвѣточками, держала сама
Варенька.

— Хоть въ нынѣшнемъ году онѣ и цвѣтутъ позднеѣ, чѣмъ
бы слѣдовало, — сказала она Митѣ, — за то посмотри, какъ хороши.

Она протянула ему горшечекъ.

— Полюхай, — прибавила она.

Онъ съ удовольствіемъ потянулъ въ себя тонкій, нѣжный
ароматъ, болѣе роскошный, чѣмъ запахъ нашей фіалки, но та-
кой же молодой и свѣжій, и вдругъ почувствовалъ, что нашелъ
что-то такое, чего давно хотѣлось, и въ чемъ какъ-будто было
все, что совершалось кругомъ. Варенька подсказала ему:

— Онѣ пахнутъ весной.

Да, весной пахли онѣ! Весной вѣяло и отъ самой Вареньки:
отъ ея сырого платья, отъ ея волосъ, которые шевелилъ влета-
вшій порывами и тоже дышавшій весной вѣтеръ; отъ ея краси-
выхъ рукъ, которыми она устанавливала фіалки, отпустивъ са-
довниковъ, чтобы не тревожить канареекъ, вившихъ гнѣзда; отъ
голубыхъ жилокъ на этихъ рукахъ, въ которыхъ билась моло-
дая, горячая кровь. Митя въ первый разъ видѣлъ эти руки.
Онъ сыпалъ землю, онѣ прижимали ее, и черная земля приста-
вала къ сверляющей кожѣ. Поверхъ земли легъ слой свѣжаго
мха, и еще лучше стали руки на пушистомъ зеленомъ бархатѣ,
который такъ мягко прорывался между тонкими пальцами. Вдругъ
эти чудныя руки опустились въ бассейнъ, и форма ихъ стала
неправильной, и потому онѣ опять задвигались въ воздухъ, отря-
сая блистающія капли, и стали еще прекраснѣе, еще удивитель-
нѣе!.. Митю что-то толкнуло, и онъ приникъ губами къ нѣжной,
розовой рукѣ. Въ ту же минуту другая легла на его волосы и
Варенька сказала: «ну что, голубчикъ?» и онъ явственно чув-
ствовалъ всѣ пять ея пальцевъ и вдоль каждого поднималась по
головѣ его горячая струйка...

Послѣ обѣда погода переменилась: дождь пересталъ, и солнце
ярво освѣтило мокрую землю. Вода стояла вездѣ широкими лу-
жами; въ нихъ дробились и переливались теплые лучи. Видно
было, какъ жизнь трепетала подъ этимъ влажнымъ, сіяющимъ
покровомъ. Варенька надѣла высокіе сапоги и позвала съ собою
Митю. Они вышли на дворъ. Въ воздухъ было сыро и тепло;
длинные мушкетеры поднимались высоко столбами; дроздъ заливался;
отъ мокрыхъ серёжекъ ивы, подернутыхъ золотомъ, пахло ме-
домъ. Они пошли въ садъ. Ноги ихъ съ веселымъ лязгомъ ухо-
дили по щиколу въ жидкую грязь. Въ саду нашли первую меду-

нику; ея бурные листья, ея невзрачные розовые и синіе цвѣточки тоже пахли весною, какъ и тѣ итальянскія фіалки. Варенька шла быстро и дышала скоро и глубоко, пріоткрывъ ротъ и набирая воздухъ полной грудью. Теплый вѣтеръ дулъ ей прямо въ лицо и покрывалъ его первымъ загаромъ.

— Какъ хорошо, какъ хорошо! — твердила она, не потому, чтобы ей хотѣлось говорить, а просто, помимо ея воли, говорила за нее молодая, здоровая жизнь.

Митя молчалъ, но и ему тоже было хорошо.

Когда послѣ они вернулись домой и сѣли пить чай въ голубой комнатѣ, Варенька принесла свое веселье съ собою, — Митѣ же, напротивъ, сдѣлалось душно, не по-себѣ. Эта хорошенькая, уютная комнатка показалась ему низкой и мрачной; печально и нарумянено смотрѣли неестественно-яркія птицы и пестрыя розы, разсыпанные по странному голубому полю, непохожему ни на небо, ни на какой другой природный цвѣтъ; въ каминѣ, возлѣ котораго прошла вся зима, словно набралась стужа и вьюга — что-то тяжелое придавило Митѣ голову, какъ только онъ вошелъ сюда. Правда, потомъ, когда Петръ Стенановичъ сѣлъ съ своимъ стаканомъ къ окну и растворилъ его, къ Митѣ, вмѣстѣ съ похолодѣвшимъ уже вечернимъ воздухомъ, разомъ, волною, прихлынуло опять то хорошее, радостное чувство, которое было у него въ саду, — но только на одну минуту; и опять какая-то гнетущая лапа накрыла его. Окно заперли, зажгли лампу, Варенька сѣла читать вслухъ.

Съ этимъ же гнетомъ пришелъ Митя послѣ ужина къ себѣ въ комнату, раздѣлся, легъ въ постель и потушилъ свѣчку. Простыни были свѣжія, его обдало здоровымъ холодомъ; потомъ онъ началъ быстро согрѣваться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему становилось все легче. Онъ съ наслажденіемъ закрылъ глаза и подумалъ, какъ хорошо будетъ заснуть, — и вдругъ почувствовалъ, что опять крадется та же страшная лапа... ближе... ближе... сердце застучало тревожно... и вотъ она налегла всею тяжестью. Митя со страхомъ повернулся на бокъ... Какъ-будто отпустило... Но вотъ опять подвирается... Онъ сѣлъ — та же смѣная ощущеній. Съ тоскливой покорностью вытянулся онъ на спинѣ, закинулъ руки на голову и долго лежалъ такъ. Прошелъ часъ, другой... третій... Вдругъ Митѣ захотѣлось встать. Медленно отбросилъ онъ одѣяло, придвинулъ къ краю сперва одну ногу, потомъ другую. Онъ лежалъ такъ нѣсколько минутъ, пока не озабли открытыя ноги. Дрожь пробѣжала у него по всему тѣлу; тогда онъ разомъ поднялся, отворилъ дверь, дошелъ до глѣстницы

и сталъ спускаться внизъ. Куда онъ идетъ и идетъ ли онъ даже куда-нибудь — этого онъ совсѣмъ не сознавалъ. Что-то вело его. Твердо, не ощущивая ступенекъ, не споткнувшись ни разу, сошелъ онъ по темной лѣстницѣ, отворилъ, одну за другой, нѣсколько дверей, ни разу не взглянувъ на замки, и прошелъ прямо въ зимній садъ.

Его neodѣтому тѣлу сдѣлалось тепло. Садъ былъ весь полонъ праннымъ запахомъ гіацинтовъ и золотыхъ жонкилей. Свѣозъ этотъ запахъ Митя ясно различалъ тонкое, сладостное благоуханіе пармскихъ фіалокъ — онъ по чутью шелъ на него. Съ одного изъ кустовъ, совсѣмъ возлѣ дорожки, поднялась спугнутая пара канареекъ и отлетѣла дальше. Митя не вздрогнулъ, подошелъ прямо къ бассейну, опустился на колѣни, вытянулъ шею и сталъ нюхать. Потомъ онъ наклонился къ водѣ, окунулъ въ нее руки и долго-долго смотрѣлъ на нихъ при свѣтѣ мѣсяца... Его потянуло еще дальше. Онъ всталъ, прошелъ по поперечной дорожкѣ — еще пара канареекъ влетѣла около него — и отворилъ дверь въ другое отдѣленіе теплицы. Его обдало влажнымъ, душистымъ, роскошнымъ жаромъ. Луна ярко освѣщала листья тропическихъ растений. Въ глубинѣ, занимая своими темными, густыми вѣтвями цѣлый большой уголъ, стоялъ огромный факусъ, которымъ такъ гордилась Варенька. Онъ поднимался подъ самый стеклянный потолокъ, и тамъ, гдѣ мѣсяцъ падалъ на толстую, блестящую листву, она сверкала, какъ облитая водой. Ближе была группа сочныхъ, свѣтло-зеленыхъ банановъ. Изъ-за нихъ видѣлись крупные вѣрные листы латаній и пышные верхушки древесныхъ папоротниковъ. Впереди — арумы, маранты, изящно росписанные карминомъ каладіумы, филодендроны съ причудливыми прорѣзами на листьяхъ, и возлѣ — цвѣтушіе, капскіе верески, воздушные какъ кружево діосмы, и австралійскія акаціи. Въ теплицѣ пахло ванилью; датуры, какъ наступила ночь, открыли свои большія воронки. Мѣсяцъ горѣлъ серебрянымъ кругомъ въ бассейнѣ съ водяными лиліями, обсаженномъ кустами рикардій и пунцовой суринамской лобеліи. Надъ водой красиво наклонился старый, душлистый ивовый стволъ, который въ ту пору, когда цвѣтутъ орхидеи, бывалъ весь чудно разукрашенъ; теперь съ него только свѣшивались длинными гирляндами эхиантусы, да желтый жасминъ взбирался на него. А рядомъ росла прекрасная большая стрелиція. Въ теплицу былъ ходъ изъ Варенькиной спальни — стеклянная дверь, плотно завѣшенная теперь изнутри красной шелковой занавѣсью. Огонь ночника

просвѣчивалъ сквозъ толстую ткань и ярко выдѣлялъ эту дверь на бѣлизнѣ стѣны, залитой мѣсяцемъ. Сюда вело Митю...

Онъ остановился вполѣ этой двери, тихо усвоенный опустился на землю и протянулся навзничъ на песокъ, разрисованнымъ отчетливыми тѣнями растений. Ему сдѣлалось хорошо и легко. Онъ поднималъ глаза и долго смотрѣлъ на правильную сѣтку стекляннаго потолка, перерѣзанную мѣнами, на легкую проволочную корзинку у себя надъ головой, на свѣсившія съ нея тонкія нити медеолы, потомъ повернулъ немного голову и сталъ смотрѣть на дверь и на мягкій красный свѣтъ, который не надалъ ему прямо въ глаза, а стоялъ выше, надъ нимъ... Вдругъ Митя ясно почувствовалъ подъ своимъ затылкомъ руку съ пятью пальцами и изъ-подъ каждаго бѣжала по его головѣ горячая струйка. Онъ чувствовалъ, какъ онѣ шли по темени, спускались на лобъ, пробѣгали по лицу и, ослабѣвая и теряясь, расходились по шеѣ. А на встрѣчу имъ поднималась грудь, тѣснило горло; Митя почувствовалъ боль и въ то же время что-то теплое ползло у него по щекамъ. Боль стала исчезать; онъ смотрѣлъ кверху, поднятая нижняя вѣка безпрестанно наливалась теплой влагой; онъ смаргивалъ ее, когда ему становилось щекотно. Руку у себя подъ головой онъ все продолжалъ чувствовать; но это была уже ласковая, баюющая, теплая рука: изъ-подъ нея не выходило жгучихъ струй, на ней было такъ ловко, такъ хорошо, такъ сладко лежать, что Митя боялся шевельнуться. Онъ закрылъ глаза. Въ ту же минуту все смѣшалось. Онъ повернулся на бокъ, подобралъ ноги, потянулъ всей грудью воздухъ и заснулъ крѣпкимъ, свѣжимъ сномъ, слегка всхрипывая.

Х.

Когда Митя проснулся, солнце уже взошло. Начинался ясный апрѣльскій день, съ чистымъ небомъ безъ одного облачка. Митя приподнял голову—и вдругъ почувствовалъ въ ней ужасную тяжесть. Онъ сѣлъ и ему стало еще хуже: въ виски стучало, во лбу была давящая боль, сердце замирало, тошнило, передъ глазами волновалась какая-то свѣдая дымка. Нѣсколько минутъ Митя сидѣлъ неподвижно, не понимая, что съ нимъ дѣлается, потомъ съ трудомъ всталъ на ноги. Все заходило вокругъ, самъ онъ покачнулся, тошнота стала еще сильнѣе. Онъ прислонился къ двери и немного погодя, потихоньку, хватаясь за стѣну, пошелъ изъ теплицы. Свѣжій холодъ комнатъ прохватилъ его легкой

дранку, какъ только онъ переступилъ порогъ зимняго сада. Это огрѣвало Митю, онъ уже довольно бодро дошелъ до своей комнаты и догадался растворить окно. Чистый, прохладный, влажный воздухъ сейчасъ же помогъ: туманъ передъ глазами исчезъ, головокруженіе и тошнота прошли мало-по-малу — за то головная боль стала рѣзче. Минуть двадцать спустя Митя отошелъ отъ окна, легъ въ постель и скоро заснулъ на слабомъ утреннемъ вѣтерѣ, подушавшемъ ему прямо въ лицо. Проснулся онъ въ обыкновенное время, ничего не чувствуя, кромѣ небольшой, непривычной слабости, которая, впрочемъ, вовсе не была тягостна. Онъ одѣлся и сошелъ внизъ. Варенька сидѣла за чайнымъ столомъ и по обыкновенію поцѣловала Митю, когда онъ подошелъ къ ней здороваться. Она даже взяла его за голову, чтобы заставить его наклониться, но онъ не почувствовалъ ничего особеннаго и также просто, какъ всегда, поцѣловалъ ее въ губы. Послѣ чаю Варенька одѣлась и позвала его съ собою, посмотреть, какъ перенесли зиму яблони и груши, а также деревья и вустарники въ паркѣ. Съ первыхъ же шаговъ Митя внимательно даже самой Вареньки сталъ осматривать почки и ростки. Ему было тепло, хорошо, но только просто хорошо, безъ вчерашняго прилива радости. Вернулся онъ усталый, и это немного удивило его. За завтракомъ принесли письмо отъ одного сосѣда. Онъ писалъ, что получилъ, наконецъ, давно-желаемое мѣсто въ Петербургѣ и спрашивалъ, не хочетъ-ли Петръ Степановичъ купить у него лошадь, которую хвалилъ. «Заѣзжайте какъ-нибудь посмотрѣть ее, — писалъ онъ, — только поскорѣе, такъ какъ на-дняхъ я ѣду».

— Я сейчасъ же съѣзжу, — сказалъ Петръ Степановичъ, вонизъ письмо. Лошадь дѣйствительно прелесть, и жалъ будетъ, если пропустимъ ее.

— Я тоже поѣду съ тобою, — сказала Варенька. — Ты знаешь, вѣдь и я отчасти смыслию въ лошадахъ. Ну, а предлогомъ будетъ любезное желаніе поздравить Настасью Ивановну съ этимъ мѣстомъ.

— Ну, что же, поѣдемъ.

Она побѣжала скорѣе переодѣться, пока Петръ Степановичъ приваживалъ заложить кабриолетъ. Проводивъ ихъ, Митя пошелъ было работать въ оранжереи, но сейчасъ же опять утомился. Съ тѣмъ же удивленіемъ оставилъ онъ начатое дѣло и вернулся домой. Онъ походилъ по залѣ, посидѣлъ у Вареньки въ кабинетѣ, зашелъ, наконецъ, и въ голубую комнату. Здѣсь было хорошо и прохладно. Солнце еще не заходило сюда, въ открытое окно лилась широкая, свѣжая струя воздуха. Митя сѣлъ на

диванъ и сталъ смотрѣть вокругъ себя; потомъ поднялъ ершину Варенькиной рабочей корзинки, развернулъ и опять свернулъ ее вышиванье; потомъ взялъ книгу и принялся скорымъ и ровнымъ движеніемъ переворачивать листы. Иногда глаза его упали на какое-нибудь слово, онъ безсознательно прочитывалъ его и сейчасъ же опять забывалъ. Встрѣтилось ему слово «Катя» — и онъ въ первый разъ прочелъ его такъ же, какъ и другія; но когда потомъ оно снова попалось ему, Митя вдругъ вспомнилъ, что его вчера нѣсколько разъ повторила Варенька, читая вслухъ. Ему очень живо представилось, какъ она произносила это имя, хотя вчера онъ не вслушивался въ ее чтеніе. Митя прочелъ и то слово, которое стояло рядомъ: «вошла», потомъ всю страницу. Понемногу его заняло, чтѣ дѣлала Катя. А она говорила Андрею о любви. Это была повѣсть неизвѣстнаго писателя, имя котораго впервые являлось въ печати. Ничѣмъ особеннымъ, изъ ряда выходящимся, не бросалось въ глаза это неловко-сжатое, недосказанное произведеніе. Но въ робкихъ, спѣшныхъ штрихахъ была дѣйственная свѣжесть, и подъ этими чуть набросанными образами такъ живо и горячо билось сердце самого неопытнаго автора.

«Катя вошла съ незнакомымъ ему молодымъ человѣкомъ — читалъ Митя. Когда она увидала Андрея, лицо ея вспыхнуло; она почувствовала это и досадливо дернула головой. Она нарочно сильнѣе оперлась на руку своего спутника и такъ подошла къ Андрею, развязно поздоровалась съ нимъ, сказала ему слова два и сейчасъ же занялась вошедшимъ съ нею молодымъ человѣкомъ, который оказался полякомъ, Казимиромъ Домбовскимъ. Пале Домбовскій былъ красавецъ настоящаго польскаго типа, съ славными черными глазами, шелковистымъ усомъ, тонкой таліей и высокой грудью, того типа, который такъ и проситъ картиннаго кунтуша. Андрей тоскливо смотрѣлъ, какъ воетничала съ нимъ Катя: и больно было ему, и завидно, и ревновать онъ, хотя не имѣлъ на то никакого права. А Катѣ нравилось дразнить его. Она старалась показать, что хочетъ понравиться Домбовскому: сначала она попробовала говорить по-польски и такъ обольстительно смѣялась своимъ ошибкамъ, что у Андрея раздражала каждая жилка, потомъ вдругъ сѣла въ ролю и заиграла мазурку. Домбовскій весь вспыхнулъ — онъ немножко сочинялъ, и мазурка была его; — играла ее Катя такъ, что умирающему закотилось бы танцевать. Вдругъ она остановилась на половинѣ самаго страстнаго перехода и встала съ мѣста.

«— Мамаша, голубушка, — обратилась она къ мазери,

сыграйте, ради Бога, мазурку, хоть не эту, а ту, старую, которую вы знаете—я протанцую съ Казимиромъ Виевельевичемъ.

«— Что у тебя за странныя фантазіи!—замѣтила не совсемъ довольнымъ голосомъ Софья Васильевна.

«— Что за бѣда, мамочка, что странныя, а вы все-таки, моя золотая, сыграйте.

«Она съ умоляющимъ взглядомъ подошла къ матери, обняла ее рукой за талію и, ласкаясь и таща ее за рукавъ, повела къ розлю. Та, нелусмѣясь, нелусердито, поддавалась ея капризу. Катя насильно посадила ее на табуретъ, а сама, чуть-чуть смутившись, съ зардѣвшимися щеками, подошла къ Домбовскому, кивателью протягивая ему руку. Тотъ всталъ счастливый, сконфуженный, сіяющій, ловко сжалъ ея пальчики и картинно повергъ ее на конецъ залы. Софья Васильевна попробовала потихоньку давно-забытую мазурку, немножко запуталась сначала, потомъ заиграла ее очень недурно. Домбовскій встрепенулъся. Граціозно держа за руку даму, выставивъ стройную грудь, онъ красиво понесся по залѣ. Катя плавно скользила рядомъ съ нимъ; легкое платье ея относилло назадъ; видны были хорошенекія, нарядно-обутыя ножки. Сама она точно летѣла... Вдругъ, будто поддаваясь горячему порыву, онъ прижимаетъ ее къ себѣ, кружится съ нею... Вотъ они опять на прежнемъ мѣстѣ. Музыка звенитъ все страстнѣе. Не выпуская ея руки, онъ, по старинному, сталъ на одно колѣно, а она, вся розовая, съ опущенными глазами, побѣжала вокругъ него. Разъ только взглянула Катя украдкой на Андрея, стоявшаго за стуломъ Софьи Васильевны, и вдругъ остановила Домбовскаго, который собирался начать новый туръ, поблагодарила его и поспѣшно пошла въ садъ.

«— Андрей Николаевичъ,—молвила она мимоходомъ,—мнѣ надо сказать вамъ что-то по секрету.

«Онъ пошелъ за нею.

«Она проворно сошла съ лѣстницы и остановилась въ крытой аллеѣ. Здѣсь, съ смущенной дрожью въ голосѣ, она заговорила:

«— Вотъ что, Андрей Николаевичъ... вы не подумайте!.. вѣдь я только... вѣдь... я васъ...

«Удивленный, не смѣя понимать, онъ смотрѣлъ на нее.

«— Я васъ... люблю,—прошептала Катя, поднимая руки къ загорѣвшемуся лицу.

«Онъ долго ничего не могъ выговорить.

«— Какъ же?..—началъ онъ, наконецъ,—зачѣмъ же вы?..

«— Да такъ. Правю, сама не знаю.

«Этотъ отвѣтъ зазвучалъ такой хорошей искренностью, что Андрей невольно засмѣялся. Слѣдомъ за нимъ затѣлась звонкимъ, дѣтскимъ смѣхомъ Катя, съ любовью глядя ему въ глаза...»

Въ комнатѣ рядомъ послышался шорохъ и говоръ—это Варенька и Петръ Степановичъ, не переѣхавъ рѣчки, воротились домой. Митя торопливо захлопнулъ книгу, откинулся на спинку дивана и закрылъ глаза. Вся кровь прилила ему къ щекамъ: онъ почему-то ни за что не хотѣлъ, чтобы его застали за чтеніемъ. На его счастье Варенька повернула прямо въ уборную, а Петръ Степановичъ остался въ смежной маленькой гостиной, приподнял крышку рояля и сталъ что-то наигрывать. Митя вскочилъ, пробрался въ Варенькинъ кабинетъ, оттуда въ зимній садъ и вышелъ черезъ маленькую наружную дверь, устроенную для садовника. Онъ успокоился только въ саду, когда забился въ самую чащу, гдѣ была заросшая скамейка. Онъ прислонился спиною къ дереву, и ему сдѣлалось удивительно пріятно. Что-то незнакомое странное, но хорошее, точно какое-то особенное благоуханіе, было въ томъ, что онъ только-что прочелъ. Долго, тихо, въ полубытіи, сидѣлъ Митя на старой скамейкѣ и сивозъ сладкую, чужую дремоту явственно чувствовалъ, какъ мягкіе лучи, пробираясь между голыми деревьями, все теплѣе и теплѣе ложились ему на лицо, какъ какая-то буванка ползла у него по ладони, цѣпляясь лапками, слышалъ, какъ ящерица зашуршала сухими листьями... И вдругъ его охватило горячей волной—Варенька звала его.

— Митя!

— Варенька!—отскочилъ онъ.

— Митя!—крикнула она опять.

Онъ бѣгомъ бросился на голосъ.

Она стояла на порогѣ той самой двери, изъ которой убѣжалъ онъ давеча. Онъ увидалъ ее; и не одѣтъ только сверкающія руки увидалъ онъ, а и высокій, цвѣтущій станъ, и габбкую шею, и кудри, и свѣжія уста, и чудные, сіяющіе глаза.

XI.

— Варенька!—повторилъ Митя, подбѣгая къ ней.

— Обѣдать пора, голубчикъ,—сказала она, ласкимъ взоромъ глядя на его упоенное лицо.

Онъ не понималъ, что она ему сказала, но слышалъ звукъ ея голоса и пошелъ за нею—потому что пошла она. Весь день

потомъ Митя не отходилъ отъ Вареньки, смотрѣлъ на нее, слушалъ ея голосъ. Наступилъ вечеръ, подали смѣхи. Варенька стала дочитывать ту самую повѣсть, которую Митя развернулъ давеча, но онъ не узналъ, не вспомнилъ, да и не слышалъ ничего. Когда Варенька ушла спать, онъ тоже, по привычкѣ, пришелъ къ себѣ, однако не раздѣлся и не легъ. Онъ долго простоялъ у дверей, хотѣлъ сѣсть, когда сами собою подогнулись уставшія ноги. Прошло довольно много времени... Вдругъ, Митя всталъ и пошелъ вѣнзъ... къ Варенькѣ. Пошелъ онъ вчерашней дорогой; только теперь онъ зналъ, куда идетъ. Онъ нигдѣ не останавливался, ни разу не оглянулся и прямо взялся за ручку стеклянной двери, зашпанной изнутри красной занавѣсью.

Но въ эту самую минуту за дверью зашевелились, черкнула спичка, занавѣсь вспыхнула яркимъ пурпуромъ и испуганный голосъ Вареньки спросилъ:

— Кто тамъ?

Съ безотчетнымъ, внезапнымъ ужасомъ, Митя выпустилъ ручку и бросился бѣжать, но не той дорогой, которой пришелъ, а прямо къ маленькой наружной двери; она, по счастью, не была заперта. Онъ выскочилъ въ садъ и побѣжалъ бѣвъ оглядки по непросохшимъ дорожкамъ... Холодный ноть ручьями катился у него по всему тѣлу, ноги его то скользили, то вязли, но онъ все бѣжалъ, обезумѣвъ отъ страха.

— Куда это вы, батюшка-баринъ?

Митя остановился и замеръ; вокругъ него все замаялось и поплыло. Тотъ же голосъ разсыпался теперь веселымъ, звоннымъ смѣхомъ. Въ двухъ шагахъ отъ него остановилась небольшая женская фигура—по платью дворовая дѣвушка. Недурное лицо ея, отгнѣненное черными крапинками, замѣтными даже теперь, при мѣсяцѣ, все вздрагивало отъ смѣха; изъ-подъ пестраго платочка выбились растрепавшіеся, курчавые, черные волосы; накинута на плеча кацавейка не сходилась на полной груди. Митя по-немногу ономинился и узналъ Парашу, племянницу Варенькиной горничной Аннушки. Параша эта была сирота. Исторія ея была самая обыденная: горькое, безпривзѣрное дѣтство... потомъ ужасный и такъ же обыденный случай, который на всю жизнь ложится клеймомъ на «несчастнаго ребенка...», потомъ почти безсознательный развратъ... Теперь Парашѣ было восемнадцать лѣтъ. Она продолжала хохотать. Ея смѣхъ, вадиряющій и дерскій, то смолкалъ, то вдругъ разражалась она новымъ взрывомъ, какъ будто сейчасъ только увидала или вспомнила еще что-то смѣшное. У Мити отъ этого смѣха ужасъ смѣнился страннымъ смятеніемъ.

Этотъ хохотъ и пугалъ его, и вмѣстѣ что-то особенно-притѣтательное было въ немъ, отчего сердце билось такъ часто и такой горячей трепетъ пробѣгалъ по тѣлу.

— Охъ, батюшка!.. Охъ!..—вдохнула Параша, унимаясь наконецъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ; она безпрестанно, съ каждой попыткой заговорить, опять начинала смѣяться. Потомъ и это кончилось. Тяжело переводя духъ, она утерла рукой и уголкомъ головного платка выступившія слезы. Митя все время стоялъ, не шевелясь и прислушиваясь къ ея смѣху. Отдохнувъ, Параша посмотрѣла на него сбоку и въ глазахъ ея сверкнула лукавая искорка. Прикусывая губы, чтобы опять не разсмѣяться, прицурившись, она близко подошла къ Митѣ, перегнулась, чтобы заглянуть ему прямо въ лицо и спросила:

— А что, баринъ, земляники-то у васъ шпанской небось теперь въ ранжереѣ пропасть постѣло?

Митя пугливо взглянулъ на нее, не понимая. Она презрительно засмѣялась, широко и дерзко раскрывъ глаза. Онъ еще больше оробѣлъ и все-таки не зная, чего она хочетъ отъ него, почти готовъ былъ заплакать.

— Намъ уже гдѣ ѣсть ее, а хоть бы такъ, глазкомъ однимъ, поглядѣть,—начала опять наводить его Параша.

Митя молчалъ. Ему было страшно; онъ убѣждалъ бы, если бы могъ сдвинуться.

Она подождала.

— Что же вы, милый, все молчите?—заговорила она опять, уже немножко обиженно.—Ужели на меня осерчали? Такъ я вѣдь это только такъ, ей-Богу! Вотъ крестъ, всего только поглядѣть хотѣла.

Она опять помолчала.

— Конечно, нашей сестрѣ не слѣдъ на барскія сласти за-рваться!—надулась она совсѣмъ и пошла-было отъ него.

— Я что же... я ничего... отчего же...—выговорилъ наконецъ Митя.

Она сейчасъ же вернулась.

— Ну, вотъ спасибо, милый. Я ей-Богу только погляжу,—защелбегала она, проворно сворачивая на дорожку къ оранжереѣ и оглядываясь, идетъ-ли онъ?

На половинѣ пути ей вдругъ что-то показалось, она съ крикомъ отсвочила назадъ, бросилась къ Митѣ, обхватила его руками и бѣгомъ потащила въ теплицу, безпрестанно вдрагивая, и всякій разъ все ближе прижимаясь къ нему.

— Вотъ земляника,—сказалъ Митя, когда они вошли.

Параша продолжала прижиматься къ нему.

Митѣ было не по себѣ отъ этого прикосновенія: оно жгло его. Въ смятеніи онъ сорвалъ вѣтку клубники, но ни самъ не ѣлъ, ни Парашѣ не предлагалъ и молча сжималъ ее въ рукѣ, не зная что съ нею дѣлать. Параша вдругъ выпустила его, стала близко передъ нимъ и опять нагло захохотала ему прямо въ лицо. Митя затрепеталъ и болезненно уставился на нее. Блѣдный, съ испуганнымъ на лбу пятномъ, почти со слезами силился онъ разгадать, что говорилъ этотъ смѣхъ? А она все хохотала: ей, не нѣвшей дѣтства, была смѣшна эта младенческая чистота. Или, можетъ быть, подъ этимъ смѣхомъ она хотѣла скрыть свое собственное смущеніе? Не даромъ она нынче была несмѣла, неловка и прибѣгала къ обинякамъ. Видно даже и ей, поруганной и озлобленной, эта святая невинности внушала невольное, бессознательное уваженіе, помимо ея самой связывала ея всегда дерзкій языкъ.

XII.

Небо было свѣтло-сѣрое, предразсвѣтное, но одинъ край его уже начиналъ алѣть. Митя вышелъ изъ теплицы и остановился на мокрой лужайкѣ. Въ воздухѣ стоялъ прозрачный туманъ, много травы пробилось со вчерашняго дня. Было тихо, птицы молчали, все ждало чего-то. Митя поднялъ глаза и долго смотрѣлъ на разгоравшуюся зарю. Она расходилась все шире; потомъ встало солнце, и вдругъ поднялся вѣтерокъ. Митя радостно оглянулся—кругомъ все просыпалось. Онъ всей молодой, здоровой грудью потянулъ ожившій воздухъ и тихо пошелъ въ домъ по дорожкѣ, залитой весенними лучами.

Съ той же ровной, спокойной радостью проснулся онъ часа три спустя. Солнце ярво свѣтило въ незавѣщенное окно. Онъ умылся, одѣлся и сошелъ въ столовую. Тамъ только начинали накрывать къ чаю: «буфетчикъ» Матвѣй, братъ Ильича, зѣвая, расставлялъ посуду, потомъ пошелъ за самоваромъ и вернулся, дробно стуча каблуками и спѣша бѣгомъ дотащить свою тяжелую вошу. Ключница Матрена, высокая, вся высохшая и злая, принесла два сливочника, масло, горшокъ съ молокомъ и придра-лась къ Матвѣю, зачѣмъ «упустили» сливки. Тотъ долго не обращалъ вниманія, но, наконецъ, огрызнулся:

— Чего разѣхалась? Слышала: господа почиваютъ. Я, что-ли,

ихъ созрѣлъ, твои сливы-то? Сказано: ушли. Ну, и ругайся съ поваромъ.

Митя подошелъ къ тому нѣз омонъ, которое было выставлено, и отворилъ его. Дорожка внизу много просохла противъ вчерашняго, десятка полтора воробьевъ проворно и крѣпко толкались по ней. Глядя на нихъ, Митя вспомнилъ, что вчера не положилъ свѣжаго корма своимъ канарейкамъ, и онѣ теперь, можетъ быть, голодаютъ. Этотъ упрекъ совѣсти былъ первой горькой каплей. По счастью, оказалось, что корма еще довольно. Митя успокоился и сталъ осторожно осматривать гнѣздищныя: въ нѣкоторыхъ прибавилось по яичку, въ другихъ мать уже высидѣла. Нѣсколько новыхъ паръ составились и начали обдѣлывать привязанные къ деревьямъ картонныя остова. Одна изъ нихъ заняла гнѣздо на самой верхушкѣ стараго, немножко тощаго хлѣбнаго дерева и бокалито отлетѣла, когда Митя подошелъ. Онъ отступилъ и не шевелился, пока не прошла тревога. Тогда онъ на цыпочкахъ перешелъ на скамейку; ему было хорошо среди этого утренняго щебетанія. Онъ просидѣлъ въ зимнемъ саду довольно долго, и все-таки, когда воротился въ столовую, засталъ тамъ одного только Петра Степановича—Варенька еще не выходила. Она пришла еще черезъ полчаса, свѣжая, съ розовымъ лицомъ и намокшими отъ умыванья передними волосами. Митя радостно пошелъ къ ней навстрѣчу. Но вдругъ глаза его опустились, вспыхнувшее лицо наклонилось все ниже, и когда Варенька поцѣловала его, она увидѣла передъ собою краснаго и сконфузеннаго Митю, какимъ видала она его въ прежнее время, до ихъ сближенія. Ею это немножко удивило, но она не замѣтила, какъ свѣтилось это смущенное лицо.—Для Мити это была великая минута.

Не задолго передъ людскимъ обѣдомъ на дворъ въѣхалъ торгашъ Митричъ, старый знакомый всей дворни. Бабы выступили къ нему. Жена садовника купила себѣ два платья; поварова жена пришла-было просто поглядѣть, но кончила тѣмъ, что, несмотря на брань мужа, набрала всякой всячины и себѣ, и ему, и ребятамъ, благо Митричъ охотно давалъ въ долгъ; людской кухаркѣ, которая уже была должна ему, онъ отложилъ уплату, и она на радостяхъ взяла еще пестраго ситца на фартукъ; ключница долго и жестоко торговалась нѣ-за темнаго ситчика «огурчиками» и шейнаго платка—и такъ-таки ничего не купила. Параша была тутъ же, балагурила и приставала къ молодцоватому кучеру, упрашивая его подарить ей что-нибудь; тотъ только посмѣивался и пощипывалъ бороду. Параша задирала даже и ста-

рика Ильича; онъ отпускалъ ей шуточки, всё хохотали и она первая. Какъ разъ въ это время Варенька и Митя сходили съ крыльца. Увидавъ Митю, Параша встрепенулась, горделиво подняла голову и даже вдругъ обидѣлась новой выходкой Ильича. Она сморщила губы, покосилась на старика и, въ душѣ робѣя передъ барыней, громко обратилась къ Митѣ, показывая на яркую шерстяную матерію, самый дорогой кусокъ въ коробѣ Митрича:

— Купите мнѣ, батюшка, это платье.

Митя испуганно вскинулъ на нее глаза и вдругъ поникъ головой.

— Варенька, — сказалъ онъ, — дай мнѣ денегъ.

Они ушли назадъ. Митя скоро вернулся, блѣдный, съѣжившійся, отдалъ деньги разносчику, не сказалъ ни слова, понурился еще больше и ушелъ въ садъ, боязливо оглянувшись на крыльцо.

Онъ боялся увидеть Вареньку, и бѣжалъ отъ нея, не потому, чтобы ему было стыдно: онъ не зналъ, что такое Параша и отчего можно стыдиться ея; онъ не понималъ улыбки и словъ Ильича, который, не давъ ему еще обернуться спиною, отвѣсилъ поклонъ Парашѣ и сказалъ: «барскій кусъ!»... сказалъ такъ, что даже у нея выступили слезы. Митя бѣжалъ потому, что ему было больно и онъ чувствовалъ, что будетъ еще больнѣе, еще тяжелѣе, когда придетъ Варенька. Недавно еще ему было такъ свѣтло, такъ хорошо оттого, что онъ любитъ ее, и вотъ вдругъ, когда онъ увидалъ Парашу, когда почувствовалъ, что есть еще и другія женщины, Варенька отчего-то сдѣлалась такой далекой, такой недостижимой... Митя страдалъ.

А солнце, которое нынче такъ ясно возшло надъ нимъ, счастливымъ, стояло еще высоко, ему еще далеко было до заката.

XIII.

Мало-по-малу Варенька замѣтила странную переѣвну въ обращеніи съ нею Мити; давно уже Митя, который смущался передъ всякимъ, ея одной только не конфузился; теперь сдѣлалось такъ, что онъ именно Вареньки-то и сталъ дичиться. Это даже дошло у него почти до болѣзни: онъ началъ прятаться отъ нея; нѣсколько разъ она замѣчала, какъ онъ, въ саду, увидѣвъ ее издали, сворачивалъ въ сторону и уходилъ куда-нибудь, гдѣ поглуше, чтобы не встрѣтиться съ нею. Въ то же

время съ нимъ произошло и другая перемена, которой Варенька, впрочемъ, не могла замѣтить: всѣхъ другихъ, кромѣ нея, Митя пересталъ бояться. Варенька очень огорчилась. Она винила самое себя: она забросила Митю и тѣмъ оттолкнула его отъ себя. Вспомнила она первые дни его поселенія въ Ульминѣ, свои глупыя дѣтскія мечты о томъ, какъ Митя переменится, какъ эту перемену сдѣлаетъ она. Ей стало грустно и жаль. Зачѣмъ это не сбылось! А можетъ быть, оно и сбылось бы, если бы она еще немножко подождала, сдѣлала еще хоть одно усиліе.

Варенька задумала прекратить отчужденіе Мити и только еще болѣе испортила дѣло. Улучивъ минуту, когда разъ, послѣ завтрака, Митя выжидалъ, прижавшись къ окну, когда она выйдетъ, Варенька прямо подошла къ нему, положила къ нему на плечи руки и спросила: что съ тобою, голубчикъ? Митя вдрогнулъ, вспыхнулъ, понурился. Она подняла ему голову, чтобы взглянуть въ лицо, повторяя: — «что ты, милый?» Не смѣя вырваться, закусивъ нижнюю губу, онъ страдальчески смотрѣлъ на нее. Варенька почувствовала, что дѣлаетъ что-то страшно жестокое, и отошла. Какъ только она отвернулася, Митя всталъ и на цыпочкахъ добрался до двери. Въ этотъ день онъ не пришелъ къ обѣду. Онъ не показался бы и къ чаю, да Петръ Степановичъ встрѣтилъ его, гуляя, и привелъ съ собою. Послѣ этого Митя не пропускалъ больше положенныхъ часовъ ѣды, но за то совсѣмъ пересталъ работать въ зимнемъ саду и оранжереѣ—онъ боялся, что его какъ-нибудь, невзначай, застанетъ Варенька. Только когда онъ зналъ навѣрное, что она ушла изъ дома, онъ пробирался украдкой покормить канареекъ. Дни шли за днями въ этомъ странномъ избѣганіи. Сколько уловокъ нужно было для этого и какъ хорошо теперь Митя умѣлъ ихъ придумывать!

Апрѣль подходилъ къ концу. Какъ-то разъ, во время обѣда, пріѣхалъ посланный отъ сосѣдей попросить книгъ. Варенька не хотѣла заставить его ждать и встала изъ стола, чтобы собрать книги и поскорѣе отпустить его; тутъ Митя увидалъ у нея въ рукахъ тотъ самый журналъ, который раскрылъ однажды. Онъ сразу узналъ его, вспомнилъ развернутую страницу, то хорошее чувство, которое было тогда у него, и ему такъ захотѣлось опять разогнуть эту книгу. Между тѣмъ, онъ молча смотрѣлъ, какъ Варенька увязала журналъ и отдала посланному. Съ этого дня Митя цѣлыми часами придумывалъ, какъ бы онъ досталъ эту книгу, если бы она была еще дома. Онъ прежде всего дождался бы, когда Варенька уйдетъ гулять; тогда черезъ зимній садъ и

ей кабинетъ можно пробраться въ голубую комнату, гдѣ обыкновенно лежатъ у нея книги и унести журналъ въ рощу за пчельникомъ, гдѣ таковой густой молодятникъ и куда Варенька никогда не ходитъ. А еще лучше ему уйти въ лѣсъ, теперь еще грязно и она не пойдетъ верхомъ; да онъ и спрячется въ самую чащу, какъ можно дальше отъ дороги. Только вотъ бѣда: Варенька вернется домой прежде, чѣмъ онъ успѣетъ принести книгу назадъ. Придется спрятать ее подъ матрацъ и дожидаться другого дня. Ну, а если Варенька вдругъ хватится журнала, станетъ искать его? Митя рѣшилъ, что онъ ни за что не скажетъ, кто взялъ его, и броситъ книгу въ прудъ и, все-таки, ему становилось холодно всякій разъ, какъ онъ представлялъ себѣ поиски. Наконецъ, онъ совсѣмъ передумалъ: онъ унесетъ книгу ночью и къ утру успѣетъ положить ее опять на мѣсто.

Почти двѣ недѣли, изо дня въ день, Митя жилъ этой мечтой, безпрестанно придумывая еще какую-нибудь новую подробность или переиначивъ что-нибудь. Наконецъ, книгу привезли назадъ. Однажды, передъ вечеромъ, Митя спѣшилъ скорѣе перейти черезъ дворъ: онъ только-что встрѣтилъ Парашу, которая заговорила съ нимъ. Онъ почти бросился бѣжать, но не отъ нея — ему показалось, что сейчасъ, какъ тогда, очутится возле него и Варенька, и Митя побѣжалъ отъ Вареньки. Но, неходя еще до садовыхъ воротъ, онъ увидалъ того самого посланнаго, который прѣвѣжалъ за книгами и теперь несъ въ домъ перевязанный веревочкой свертокъ. Книга вернулась, онъ нынче же достанетъ ее! Митя забылъ все — и остановился. Но вдругъ, на другомъ концѣ двора, показалась Варенька. Бѣжать было поздно. Митя спрятался за выступомъ крыльца и прижался къ стѣнѣ. Въ ушахъ у него звенѣло; несмотря на это, онъ явственно слышалъ ея легкую, приближающуюся походею, и шуршаніе складываемаго зонтика, и слова ея, когда она говорила посланному: «кланяйся Катеринѣ Гавриловнѣ и благодари. А Петра Степановича, скажи, нѣтъ дома — недѣля уже, какъ уѣхалъ въ Москву». Митя не скоро пришелъ въ себя, и только уже, когда все уснуло, онъ, лежа въ постелѣ, вспомнилъ о вернувшейся книгѣ. У него забилося сердце. Вотъ сейчасъ, какъ только онъ захочетъ то, что онъ такъ любовно вынашивалъ, сбудется! Митя всталъ, подошелъ къ двери и послушалъ: все было тихо. Онъ открылъ окно. Почти теплая ночь глянула къ нему въ комнату. Внизу, въ помѣщеніи прислуги, еще не спали. Тамъ виднѣлся огонь и до Мити доходилъ глухой говоръ, изъ котораго вдругъ выдѣлялся какой-нибудь рѣзкій возгласъ — кто-то весело

справлялъ свои ниянины. Въ первую минуту Митя отчего-то испугался этого шума, захлопнулъ окно и нырнулъ подъ одѣяло. Однако, немного погодя, онъ понялъ, что это такое и успокоился; а еще погодя, всталъ опять съ постели и пошелъ внизъ. Онъ шелъ со всѣми предосторожностями, которыя давно придумалъ: спускаясь съ лѣстницы, онъ крѣпко держался за перила и опупывалъ ногой ступени (онъ помнилъ, что у шестой снизу край въ одномъ мѣстѣ стерся и наложился); дверь въ залъ скрипѣла — онъ разомъ распахнулъ ее, повернувъ сперва тихонько ручку. Прежде, несмотря на свою робость, онъ никогда этого не дѣлалъ. Наконецъ, вотъ и голубая комната. Прямо на виду, на самомъ яркомъ пятнѣ луннаго свѣта, лежитъ желанная книга. Митя невѣрными руками ухватилъ ее, прижалъ къ груди и бѣгомъ, уже безъ всякихъ осторожностей, пустился назадъ, задыхаясь и вздрагивая спиною, какъ-будто за нимъ гнались. Онъ прибѣжалъ къ себѣ, насилу смогъ отъ поспѣшности и страха затворить дверь, кинулся ничкомъ на кровать и грудью прикрылъ свою добычу. Онъ долго пролежалъ такъ, прежде чѣмъ рѣшился повернуться на спину, и потомъ еще цѣлыхъ полчаса не сводилъ глазъ съ двери: онъ все ждалъ, что вотъ она отворится.

Дверь не отворялась, тишина становилась все полнѣе, даже въ распахнувшееся окошко пересталъ доходить снизу нестройный говоръ. Митина тревога улеглась. Онъ робко, понемножку, вынулъ книгу изъ-подъ одѣяла и поискалъ спичекъ, чтобы зажечь свѣчу. Сердце у него все еще билось часто, но теперь это было чувство наступающаго наслажденія. Спичекъ не было; Митя всегда сейчасъ же гасилъ свѣчку и рѣдко когда просыпался до утра, такъ что Ильичъ давно пересталъ класть ему спички. Митя взялъ съ собою книгу (ему страшно было разстаться съ нею) и пошелъ за ними внизъ, въ переднюю. Его бросило въ жаръ, когда, отворивъ дверь, онъ увидалъ, что Ильичъ уже расположился на диванѣ. Если онъ вдругъ проснется! Тогда Варенька все узнаетъ. Къ счастью, старикъ немного выпилъ и спалъ еще крѣпче обыкновеннаго; Митя, чуть живой, взялъ спички надъ самой его головой. Наконецъ, онъ опять у себя. Онъ заперъ растворившееся само собою окно, хотѣлъ запереть и дверь, но ключа не было. Онъ легъ, согрѣлся, и страхъ его на этотъ разъ прошелъ очень скоро. Опять почувствовалъ онъ сладкое нетерпѣнiе и словно боязнъ. Онъ дрожащими руками зажегъ свѣчку, вынулъ книгу и разогнулъ ее, часто дыша, съ пылающими щеками. Это была та самая страница — истиннѣе не далъ ему ошибиться.

Яркія искры снопомъ брызнули Митѣ въ глаза. Онъ зажмурился и все-таки чувствовалъ, что все въ комнатѣ вращается. Но и это прошло. Онъ открылъ глаза и жадно сталъ читать. Незамѣтно скользили мимо него чуждыя ему подробности, незамѣтно бѣжало время. Онъ читалъ и понималъ; ему было хорошо, что-то теплое, чудное лилось ему прямо въ грудь.

XIV.

Горимъ! Батюшки, горимъ!

Въ этомъ воплѣ, который такъ страшно-звонко раздался по сонному дому, никто не узналъ бы хриповатаго, вловочащаго стѣхомъ голоса Ильича. Откуда-то, изнизу, глухо отвѣтилъ ему другой, еще болѣе страшный, можетъ быть, даже предсмертный крикъ ужаса и нестерпимой муки.

Митя сперва почувствовалъ одно только жестокое, болѣзненное потрясеніе, потомъ сейчасъ же вспомнилъ: «Варенька»... и однимъ прыжкомъ былъ уже у двери. Что-то подхватило и понесло его. Онъ не чувствовалъ густого дыма, стоявшаго сплошной стѣной на лѣстницѣ и въ нижнихъ комнатахъ, не зналъ, какъ очутился въ спальнѣ Вареньки.

Дымъ доходилъ сюда тонкимъ, голубоватымъ туманомъ, какъ во время сильнаго угара. Варенька крѣпко спала. Лицо ея было непривычно блѣдно. Сонъ видимо давилъ ее: она откинула назадъ отяжелѣлую голову и бессильно уронила руки на одѣяло. Въ одинъ мигъ Митя былъ возлѣ нея и выхватилъ ее изъ постели. Она проснулась, вскрикнула и повисла головой. А Митя уже неся по двору, крѣпко прижимая свою попу. Еще мигъ — и далеко за нимъ остался дворъ, съ его разрастающимся стономъ. Онъ бѣжитъ по мокрому, вспаханному полю... Варенька очнулась, стала биться и опять потеряла сознание... Онъ бѣжалъ все дальше...

Вотъ и опушка лѣса. Митя ударился плечомъ о дерево и остановился. Въ эту минуту тамъ, сзади него, блеснулъ яркій свѣтъ и на вспыхнушемъ небѣ высоко поднялся огромный огненный столпъ. Митя тутъ вдругъ понялъ, гдѣ онъ и чтó случилось. Онъ съ испугомъ и удивленіемъ увидалъ, что на рукахъ у него Варенька, которой онъ такъ боялся за минуту. Онъ и теперь со страхомъ опустилъ ее на землю, а самъ отошелъ.

Но Варенька не шевелилась. Какъ положилъ онъ ее, такъ и лежала она, неловко согнутая, будто сломанная. Митя долго боязливо смотрѣлъ на нее издали, потомъ подошелъ — тихонько, нерѣшительно, останавливаясь... приподнялъ ее... потомъ сѣлъ возлѣ... потомъ положилъ ее къ себѣ на колѣни... Теперь ему было страшно только за нее: она была такая холодная! Митя наклонился надъ ней и сталъ дышать на ея помертвѣлое лицо.

А зарево расходилось все шире и ярче.

Л. Я. С.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Въ ряду международныхъ съѣздовъ разнаго рода телеграфныя конференціи по своему характеру занимають особое мѣсто. Большинство на этихъ собраніяхъ состоитъ изъ лицъ, уполномоченныхъ правительствами для совмѣстнаго разсмотрѣнія международныхъ сношеній по телеграфу. Но телеграфныя конференціи все-таки отличаются отъ дипломатическихъ и по составу, и по назначенію. Во-первыхъ, телеграфныя конференціи состоятъ исключительно изъ специалистовъ телеграфнаго дѣла; во-вторыхъ, въ нихъ принимаютъ участіе и лица неофициальныя, а именно — представители большихъ телеграфныхъ компаній. Въ-третьихъ, наконецъ — конференціи эти только разрабатываютъ вопросы, причемъ члены заявляютъ, въ предѣлахъ своихъ полномочій, и взгляды своихъ правительствъ; но тѣмъ не менѣе, окончательныя соглашенія между правительствами, по важнѣйшимъ изъ телеграфныхъ вопросовъ, бывають предметомъ особыхъ конвенцій.

Такъ какъ телеграфныя конференціи собираются по-очередно въ разныхъ столицахъ и разсматривають вопросы, имѣющіе связь съ статистикою международныхъ сообщеній, то ихъ можно бы отчасти сравнить съ статистическими конгрессами, которые также собираются периодически и имѣчаютъ въ себѣ представителей официальныхъ статистическихъ комитетовъ разныхъ странъ. Но статистическіе съѣзды имѣють значеніе научное, телеграфныя же конференціи такого значенія вовсе не имѣють и готовятъ соглашенія между правительствами по разнымъ сторонамъ между-

народныхъ телеграфныхъ сношеній и рѣшаютъ въ принципѣ относящіеся сюда вопросы; затѣмъ, по нѣкоторымъ изъ нихъ рѣшенія облекаются въ окончательную форму дипломатическихъ конвенцій.

Международныя телеграфныя конференціи происходили, съ промежутками въ нѣсколько лѣтъ, въ Вѣнѣ, Римѣ и Петербургѣ, а нынѣшнимъ лѣтомъ такая конференція была въ Лондонѣ. Последній передъ ней съѣздъ былъ въ Петербургѣ въ 1875 году. Въ конференціи нынѣшняго года принимали участіе представители всѣхъ странъ, входящихъ въ телеграфный союзъ, за исключеніемъ Бразиліи и Египта, которые своихъ представителей не прислали; за то были уполномоченные колоніальныхъ правительствъ Викторіи и южной Австраліи, пожелавшихъ вступить въ союзъ.

Телеграфная конференція въ Лондонѣ открылась 10 іюня (н. с.), имѣла 12 общихъ засѣданій и закрылась 28 іюля. На основаніи конвенціи, предсѣдательство въ телеграфныхъ конференціяхъ принадлежитъ представителю того правительства, которое ее созываетъ, т.-е. правительства той страны, въ которой предшествовавшая конференція назначила будущій съѣздъ. Такъ, на петербургской конференціи 1875 года мѣстомъ слѣдующаго съѣзда былъ избранъ Лондонъ, а потому нынѣшняя конференція была созвана англійскимъ правительствомъ и была открыта членомъ этого правительства, генералъ-почтмейстеромъ, лордомъ Джономъ Маннерсомъ, который затѣмъ поручилъ предсѣдательство своему товарищу, помощнику статсъ-секретаря по департаменту почтъ и телеграфовъ Пате (Patey). Со стороны нѣкоторыхъ странъ (въ томъ числѣ и Россіи), уполномоченными были директоры телеграфныхъ департаментовъ. Въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ присутствовали французскій министръ почтъ и телеграфовъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе выдававшихся въ работахъ нынѣшней конференціи дѣятелей, принимали видное участіе и въ предшествовавшей, петербургской конференціи, какъ напр., директоръ русскаго телеграфнаго департамента г. Людерсъ, главные директоры итальянскихъ и бельгійскихъ телеграфовъ, гг. д'Амиго и Веншанъ. Но главная инициатива по важнѣйшему изъ вопросовъ, на этотъ разъ, принадлежала, какъ сейчасъ увидимъ, германскому главному директору телеграфовъ, г. Будде.

Открывая засѣданіе конференціи, лордъ Джонъ Маннерсъ выразилъ сожалѣніе, что созваніе ея могло послѣдовать только годомъ позже предварительно назначеннаго срока; далѣе онъ указалъ, что важнѣйшимъ изъ предложенныхъ нынѣшней конференціи вопросовъ представляется вопросъ о тарифахъ, то-есть о способѣ опредѣленія платы за международную телеграфную

корреспонденцію и о самыхъ размѣрахъ этой платы. Затѣмъ онъ высказалъ ожиданіе, что члены конференціи, среди своихъ работъ, найдутъ время и для развлеченій, для посѣщенія памятниковъ и вообще достопримѣчательностей Лондона, слѣдуя старой англійской поговоркѣ, имѣющей тотъ смыслъ, что развлеченія полезны и для успѣха самаго дѣла: *all work and no play makes Jack a dull boy*.

Въ засѣданіяхъ конференціи участвовали представители пятнадцати частныхъ телеграфныхъ компаній, преимущественно англійскихъ, конечно. И вотъ, благодаря этому-то обстоятельству, членамъ конференціи и пришлось извѣдать англійское гостепріимство въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Ихъ возили по Лондону, королева открыла для нихъ обзорнія Виндзорскій замокъ, они ѣздили въ вимблдонской лагерь, въ Мэнчестеръ и Ливерпуль, въ Шотландію, и эти поѣздки были радомъ празднествъ.

По заведенному порядку, представитель той страны, гдѣ собиралась предшествующая конференція, т.-е. въ нынѣшнемъ случаѣ г. Людерсъ, отвѣчалъ на привѣтствіе президента, и онъ же изложилъ то, что было сдѣлано русскимъ телеграфнымъ управленіемъ и русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, послѣ петербургской конференціи, относительно введенія въ дѣйствіе международной телеграфной конвенціи и сношеній по вступленію новыхъ членовъ въ телеграфный союзъ. Эти новые члены—Бразилія, частная компанія Eastern, Египетъ и Японія, и въ послѣднее время желаніе приступить къ союзу заявили еще колоніи южной Австраліи и Новая-Зеландія. Послѣ этихъ заявленій, конференція, еще до назначенія особыхъ комиссій или отдѣленій, для подготовки частныхъ вопросовъ, приступила къ общему обсужденію вопроса о тарифахъ, какъ главнаго. Это было сдѣлано съ той цѣлью, чтобы дать комиссіи о тарифахъ съ самаго начала указанія на тѣ главные мѣтніи, какія могли проявиться въ общихъ собраніяхъ по этому вопросу. Затѣмъ уже, конференція назначила комиссію для разработки двухъ главныхъ предметовъ ея обсужденій: вопроса о тарифахъ и вопроса о «регламентѣ», т.-е. о возможныхъ измѣненіяхъ въ правилахъ международной корреспонденціи.

Мы перейдемъ прямо къ главному вопросу, вопросу о тарифахъ. Телеграфные тарифы, какъ они существовали доселѣ, представляли разнообразныя неудобства. Неудобно уже то, что отправитель телеграммы обязанъ платить не менѣе чѣмъ за 20 словъ, хотя бы его извѣстіе могло быть передано, включая и адресъ, 10-ю словами; естественно, что отправитель, принужденный

платить за 20 словъ, не заботится и о краткости телеграммы, лишь бы она не превышала этого размѣра, что увеличиваетъ работу телеграфа безъ пользы для публики. Далѣе: за депешу въ 40 словъ доселѣ платилось столько же, сколько за двѣ депеши по 20 словъ въ каждой, между тѣмъ, какъ для передачи одной депеши въ 40 словъ телеграфному персоналу менѣе работы, чѣмъ для передачи двухъ депешъ по 20 словъ: справка съ тарифомъ, отмѣтки числа и часа, занесеніе нумера въ книгу, выдача квитанціи — и затѣмъ на станціи назначенія опять помѣтка, уведомленіе о полученіи, посылка съ разсылнымъ на домъ — все это для двухъ депешъ представляетъ двойную работу. Наконецъ, самый размѣръ тарифовъ былъ слишкомъ высокъ, и сознаніе о возможности его пониженія проявлялось уже въ 1875 году на конференціи въ Петербургѣ, но вопросъ въ то время не представлялся еще созрѣвшимъ, и рѣшеніе его было отложено.

Теперь, на лондонской конференціи германскій главный директоръ телеграфовъ Будде предложилъ наиболѣе радикальное преобразование тарифовъ. Германскій проектъ основывалъ тарифъ на комбинаціи двоякой таксы: одной — постоянной, одинаковой, представляющей собой плату за самое пользованіе телеграфомъ и за оказываемую имъ услугу, другой — опредѣляемой *по числу словъ* каждой депеши и представляющей собой вознагражденіе за большее или меньшее (смотря по длинѣ телеграммы) время, нужное для ея передачи. Итакъ, въ основаніи германскаго проекта была мысль о платѣ *по-словной*, а не по минимуму числа словъ. Г. Будде объяснилъ, что со времени петербургской конференціи, германское телеграфное управленіе сдѣлало уже опытъ съ предлагаемою ею теперь системою, а именно ввело для внутреннихъ сообщеній въ Германіи вниманіе платы съ одного слова, и опытъ далъ очень благопріятные результаты. На этомъ основаніи, германское управленіе и внесло теперь на конференцію предложеніе о замѣнѣ нынѣшнихъ разнообразныхъ тарифовъ — разнообразнымъ тарифомъ, основаннымъ на платѣ за каждое единичное слово; затѣмъ — о пониженіи нынѣшняго размѣра международныхъ тарифовъ до такой величины, которая соотвѣтствовала бы оказываемой телеграфомъ услугѣ; и наконецъ — объ установленіи на этихъ основаніяхъ такого тарифа, который далѣе уже не подлежалъ бы слишкомъ частымъ измѣненіямъ.

Въ первой же своей рѣчи, г. Будде указалъ на возраженіе, которое легко было предвидѣть: спрашивалось, сохранить ли каждое отдѣльное государство при тарифѣ, предлагавшемся Гер-

манією, тотъ доходъ отъ международной телеграфной корреспонденціи, каковымъ оно доселѣ пользовалось? Германскій делегатъ впередъ допустилъ возможность отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Конечно, при томъ же числѣ телеграммъ цифра дохода должна была бы уменьшиться, и, сверхъ того, вѣроятно, что въ доходахъ большихъ государствъ оказался бы ущербъ въ пользу государствъ малыхъ. Но такъ какъ рѣчь идетъ о развитіи весьма важнаго органа общественныхъ сношеній, то, по мнѣнію германскаго делегата, не слѣдуетъ слишкомъ настаивать на однихъ соображеніяхъ финансовыхъ, лишь бы только тарифы были опредѣлены такъ, чтобы доходъ покрывалъ средній уровень издержекъ на содержаніе линій и личнаго состава. Г. Будде высказалъ убѣжденіе, что тарифъ, предложенный Германією, будетъ для этого достаточенъ. А затѣмъ, самое возрастаніе числа телеграммъ, которое не можетъ не произойти вслѣдствіе принятія новаго тарифа, должно будетъ вознаграждать за временныя потери увеличеніемъ и самой суммы дохода. Система взиманія телеграфной платы за единичное слово уже введена въ сношеніяхъ между Германією и Англією, и результатомъ ея было то, что, несмотря на неудовлетворительность общаго экономическаго положенія, доходъ возросъ; за май нынѣшняго года возрастаніе его выразилось въ размѣрѣ 40 процентовъ съ общаго числа телеграммъ.

Германскій делегатъ выражалъ убѣжденіе, что таковъ же будетъ и результатъ общихъ телеграфныхъ сношеній по введенію тарифа, предлагаемаго Германією. Но при этомъ онъ снова настаивалъ на томъ соображеніи, что если бы даже это ожиданіе, вопреки вѣроятности, не оправдалось, слѣдуетъ все-таки имѣть въ виду, что главное назначеніе телеграфа не есть фискальное, а общественное; что телеграфъ долженъ быть разсматриваемъ не столько, какъ источникъ для казеннаго дохода, сколько — какъ учрежденіе, способствующее общественному благосостоянію и удобству, а потому и слѣдуетъ наиболѣе заботиться о доступности для всѣхъ пользованія имъ. «Если лондонской конференціи», — заключилъ свою рѣчь г. Будде, — «собравшейся въ той столицѣ, гдѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ возникла великая мысль объ уравниніи и пониженіи почтовой платы до одного пенни, — удастся, посредствомъ введенія тарифа умѣреннаго и односторонняго, сблизить народы и распространить употребленіе телеграфа, то можно будетъ признать, что конференція достойно исполнила свою культурную задачу».

Такимъ образомъ, въ германскомъ проектѣ надо было различать нѣсколько главныхъ, самостоятельныхъ предложеній, а именно:

установленіе тарифа на системѣ платы за единичное слово, съ добавкой опредѣленной, постоянной платы за самое употребленіе телеграфа; однообразную плату по всей Европѣ, и—удешевленіе новаго тарифа въ сравненіи съ существующимъ. Мысль о реформѣ, столь широкой, съ самаго же начала вызвала на конференціи сильныя возраженія. Представители нѣкоторыхъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи, высказали опасенія на счетъ уменьшенія государственнаго дохода отъ телеграфовъ. Итальянскій делегатъ г. д'Амико развивалъ мысль, что во внутреннихъ сношеніяхъ телеграфъ, дѣйствительно, долженъ быть разсматриваемъ прежде всего какъ органъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей и потому можетъ работать даже въ убытокъ себѣ. Такъ, въ Италіи въ послѣднее время ежегодно открывалось около 120 малыхъ, непроезжихъ станцій. Государство имѣетъ въ виду, что внутренняя телеграфная корреспонденція удовлетворяетъ сношеніямъ семейнаго, общественнаго и дѣловаго характера между его гражданами, что облегченіе сношеній между различными частями государства, въ видахъ большаго ихъ скрѣпленія, представляетъ даже серьезный политическій интересъ для государства. Что же касается международной корреспонденціи, то она представляется отдѣльному государству въ иномъ видѣ. Во-первыхъ, она служитъ не столько для сношеній семейныхъ и общественныхъ, сколько для корреспонденцій большихъ торговыхъ домовъ и банковъ, для которыхъ высота телеграфной платы представляется дѣломъ неважнымъ. Во-вторыхъ, именно она-то и должна покрывать тѣ непроезжихъ расходы, на которые государство соглашается въ корреспонденціи внутренней. Вотъ почему, по мнѣнію г. д'Амико, телеграфъ въ международной корреспонденціи хотя и не долженъ быть разсматриваемъ исключительно съ фискальной точки зрѣнія, какъ источникъ государственнаго дохода, однако же долженъ сохранить и такое значеніе, иначе пришлось бы во внутреннемъ телеграфномъ дѣлѣ отказаться отъ нѣкоторыхъ жертвъ, дѣлающихся въ пользу публики. На такихъ соображеніяхъ итальянскій делегатъ основывалъ выводъ, что въ дѣлѣ пониженія международныхъ тарифовъ слѣдуетъ придерживаться осторожности. Другіе делегаты доказывали, что единство платы, вполне раціональное въ дѣлѣ почтовомъ, не оправдывается въ дѣлѣ телеграфномъ, такъ какъ увеличеніе количества писемъ налагаетъ на почтовое ведомство только незначительное увеличеніе расхода, между тѣмъ, какъ большое возрастаніе числа телеграммъ сопряжено проведеніемъ новыхъ телеграфныхъ линій, сухопутныхъ и подводныхъ,

стоящихъ весьма дорого. Англійскій делегатъ Фишеръ замѣтилъ въ этомъ смыслѣ, что трудно допустить равенство платы за телеграмму, посылаемую изъ Лондона въ Калѣ, и за телеграмму, отправляемую изъ Лондона въ Константинополь или Одессу. Сверхъ того, бельгійскій делегатъ Веншанъ (который, впрочемъ, съ самаго начала высказывался въ пользу предложеній Германіи и дѣлалъ оговорку только относительно единства платы) и г. Фишеръ замѣчали, что равенство платы и при принятіи предложеній Германіи, на дѣлѣ все-таки бы не оказалось. Дѣло въ томъ, что тарифы по непосредственнымъ сношеніямъ, то-есть по сношеніямъ между пограничными (смежными) государствами, въ виду конвенціи, опредѣляются по особымъ соглашеніямъ между этими государствами, и такого права конференція отнять у нихъ не можетъ; а для передачи депешъ по подводнымъ кабелямъ и самъ германскій проектъ предполагаетъ дополнительную плату въ предполагаемой имъ общей и однообразной. Стало быть, на практикѣ, единство платы все-таки не было бы осуществлено.

Эти возраженія были опровергаемы вторымъ делегатомъ германіи г. Гюнтеромъ. Онъ оспаривалъ то коренное различіе между сношеніями почтовыми и телеграфными, которое проводилось другими членами. Ходъ развитія вторыхъ былъ одинаковъ съ ходомъ развитія первыхъ. Телеграфное дѣло, какъ и почтовое, началось съ установленія разнообразныхъ платъ, соотвѣтственно росписанію опредѣленныхъ поясовъ, въ каждомъ государствѣ и внѣ государства. Затѣмъ, постепенно уменьшали различіе въ платѣ по поясамъ и, наконецъ, дошли до того, что установили единство платы для внутреннихъ сношеній и единство платы въ сношеніяхъ съ каждымъ изъ смежныхъ государствъ въ отдѣльности.

Здѣсь, прежде чѣмъ слѣдить далѣе за аргументами германскаго делегата, мы должны замѣтить, что у насъ въ Россіи система внутренней платы по поясамъ вовсе не оставлена, и есть мѣстности внутри Россіи, куда отправка телеграммы стоитъ дороже, чѣмъ во многіе заграничные города.

Принятіе единой таксы для всей Европы, по отзыву г. Гюнтера, было бы только новымъ шагомъ на томъ пути, по которому давно идетъ телеграфное дѣло. Если трудно допустить, что телеграмма изъ Лондона въ Константинополь стоила бы столько же, какъ телеграмма изъ Лондона въ Калѣ, то почему же не трудно было допустить, что телеграмма изъ Лондона въ Дувръ стоила бы столько же, какъ депеша изъ Лондона въ Дублинъ? Увеличенія почтовыхъ издержекъ съ возрастаніемъ корреспонденціи

почти ничтожны, это правда; но и увеличеніе расходовъ телеграфныхъ въ томъ же случаѣ незначительно. Исчисленія показывали, что относительная стоимость для отправленій телеграммы внутренней гораздо больше, чѣмъ телеграммы международной, а эта послѣдняя обходится въ свою очередь еще вдвое противъ простой переходящей (транзитной) депеши. Различіе между интересами собственныхъ гражданъ каждаго государства и интересами международными въ телеграфномъ дѣлѣ г. Гюнтеръ отрицалъ, доказывая, что каждая телеграмма должна себя оплачивать, каково бы ни было ея назначеніе. Онъ отрицалъ также мнѣніе, будто международный телеграфъ служить преимущественно интересамъ классовъ богатыхъ. Въ доказательство, онъ сослался на тотъ же примѣръ, который уже былъ приведенъ г. Будде: установленіе платы съ единичнаго слова въ телеграфныхъ сношеніяхъ между Германіею и Англіею увеличило на 40 процентовъ число телеграммъ. Съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и пониженіемъ тарифовъ почтовыхъ даже и тѣ семейныя сношенія, которымъ хотятъ оказать особое покровительство, уже не замыкаются въ границы одной страны, но распространяются все болѣе и болѣе за предѣлы отдѣльныхъ государствъ. Обращаясь къ тѣмъ делегатамъ, которые, признавая пользу реформы, задумываются, опасаясь уменьшенія дохода, г. Гюнтеръ объяснилъ, что преобразовывать, не подвергая дохода колебанію, невозможно. Но вполне возможно дѣлать преобразованія въ смыслѣ пониженія тарифовъ, разсчитывая на то, что доходъ, могущій временно упасть, затѣмъ неминуемо поднимется снова, вслѣдствіе увеличенія самаго пользованія телеграфомъ.

Такимъ образомъ, различіе взглядовъ по важнѣйшему вопросу—вопросу о пониженіи тарифовъ и способѣ опредѣленія платы—высказались уже въ общемъ собраніи. Впрочемъ, въ этомъ собраніи никакого рѣшенія за этимъ предварительнымъ обсужденіемъ принято не было, для того, чтобы не связать работъ особой комиссіи о тарифахъ, которой было затѣмъ поручено представить докладъ по этому вопросу. Въ комиссіи о тарифахъ предсѣдательство было предложено русскому уполномоченному, г. Людерсу, а за отказомъ его, комиссія избрала своимъ предсѣдателемъ г. Старинга, нидерландскаго главнаго директора телеграфовъ. Этой комиссіи предлежало разрѣшеніе вопроса о преобразованіи тарифовъ во всѣхъ его частяхъ, а именно: относительно исчисленія платы съ единичнаго слова, пониженія тарифовъ, нынѣ существующихъ, и установленія одинакой таксы. Самый вопросъ о платѣ съ единичнаго слова требовалъ обсуж-

денія нѣсколькихъ предложеній, которыя рѣшали его различно. Установить ли простую плату съ единичнаго слова, или допустить при этомъ, что словъ должно все-таки быть не менѣе такого-то минимальнаго числа, или, наконецъ, принять, согласно предложенію Германіи, что, сверхъ платы за единичное слово, должна еще быть взимаема, равная для всѣхъ сообщеній и независящая отъ длины ихъ, основная, постоянная плата за самое обращеніе къ посредству телеграфа? Эта основная плата и представляла бы вознагражденіе за ту часть телеграфной работы, которая во всѣхъ случаяхъ одинакова.

Прежде всего коммиссія, въ принципѣ, допустила, что во всякомъ случаѣ градація платы должна быть основана на единичномъ словѣ. Что касается трехъ указанныхъ выше системъ опредѣленія таксъ, основываясь на платѣ съ единичнаго слова, то каждая изъ нихъ представляетъ свои выгоды, на которыя, во время преній въ коммиссіи, и указывали защитники той или другой системы.

Такъ, выгода простой или безусловной таксы съ единичнаго слова состоитъ въ томъ, что при ней сохранилась бы нынѣшняя простота въ исчисленіи платы. Такая такса соотвѣтствовала бы желаніямъ публики, особенно англійской, а сдѣланный въ ней опытъ въ спеціальныхъ телеграфныхъ сношеніяхъ Германіи съ Англіею, а затѣмъ и въ сношеніяхъ внѣ-европейскихъ, показалъ, что она удобно можетъ быть примѣняема въ сношеніяхъ междунаrodnыхъ вообще.

Но многимъ делегатамъ такое рѣшеніе вопроса казалось слишкомъ радикальнымъ; они защищали мысль объ удержаніи опредѣленнаго минимума словъ, полагая, что въ преобразованіи тарифовъ слѣдуетъ дѣйствовать осторожно, не подвергая опасности телеграфный доходъ. Для соблюденія осторожности, по этому мнѣнію, вѣрнѣе всего было именно удержать минимумъ, такъ какъ другое средство, указанное для отвращенія внезапнаго колебанія въ доходахъ — установленіе, сверхъ платы съ единичнаго слова, еще основной, постоянной платы, затрудняло бы телеграфистовъ и вѣроятно не достигло бы цѣли: въ виду стѣсненія, причиняемаго этой двойной системою служащимъ и подъ напоромъ требованій публики, пришлось бы вскорѣ отказаться отъ дополнительной, основной (постоянной) платы и остаться при рискованной системѣ простой платы съ единичнаго слова. Правда, приводились примѣры опыта въ доказательство удобнаго дѣйствія двойной платы, но эти примѣры для нѣкоторыхъ казались недостаточно убѣдительными, для того, чтобы можно было въ ея

пользу отказаться отъ системы минимума, оправдавшейся долговременнымъ опытомъ въ нѣкоторыхъ странахъ: Баденѣ, Италіи и Франціи. При этой системѣ, публика, рассчитывая, что платить все равно за минимальное число словъ (напр., 20 или 15) или за меньшее ихъ число, не побуждается къ излишнимъ сокращеніямъ, которыя затемняютъ смыслъ телеграммъ.

Но защитники двойной системы таксы съ единичнаго слова и постоянной основной возражали противъ минимума ссылкой на статистику, которая показываетъ, что очень значительное количество телеграммъ заключаетъ въ себѣ словъ менѣе, чѣмъ сколько опредѣлено въ минимумѣ; напр., когда плата исчисляется съ минимума депеши въ 20 словъ, то оказывается много такихъ телеграммъ, которыя не заключаютъ въ себѣ 20 словъ, что составляетъ несомнѣнную потерю для публики. Система двойной таксы хороша тѣмъ, что она согласуетъ требуемую отъ отправителя плату съ расходомъ самого телеграфнаго управленія на телеграмму. При ней можно понизить плату со слова, а между тѣмъ, благодаря дополнительной, постоянной платѣ, управленіе получаетъ и съ короткихъ телеграммъ вознагражденіе достаточное. Съ другой стороны, полагать, что система, основанная на минимумѣ словъ, можетъ гарантировать телеграфный доходъ отъ паденія, подъ вліяніемъ напора общественнаго мнѣнія, не вполне основательно, потому что подъ тѣмъ же вліяніемъ самый минимумъ можетъ быть низведенъ до такого числа словъ, что никакой гарантіи представлять не будетъ. При уменьшенной платѣ, взимаемой за единичное слово, эта система не только не побудитъ отправителей затемнять смыслъ телеграммъ чрезмѣрнымъ сокращеніемъ ихъ, но, наоборотъ, сдѣлаетъ для нихъ менѣе чувствительною прибавку одного, двухъ добавочныхъ словъ, необходимыхъ для ясности, а стало быть можетъ только благоприятствовать выполненію этого послѣдняго условія. Наконецъ, система двойной таксы удобна еще тѣмъ, что допускаетъ различіе тарифовъ, условленныхъ между разными странами; въ этомъ случаѣ разность такихъ, дифференціальныхъ тарифовъ отражалась бы именно въ основной, постоянной таксѣ, а затѣмъ плата со слова могла бы быть однообразна. Несмотря на эти соображенія, большинство голосовъ въ комиссіи высказалось однако сперва противъ простой или безусловной таксы съ единичнаго слова, а потомъ и противъ двойной таксы, принявъ систему таксы со слова съ опредѣленнымъ минимумомъ числа словъ.

Затѣмъ предстояло обсудить, какое-же число словъ въ телеграммѣ должно быть принято за минимумъ, съ котораго будетъ

взиматься плата во всякомъ случаѣ, хотя бы телеграмма была и короче этого минимума. Комиссія остановилась на 10 словахъ. Въ пользу такого минимума приводилось желаніе сохранить нѣчто въ родѣ основного типа телеграммы и отвратить слишкомъ поспѣшное и радикальное измѣненіе нынѣшнихъ условій. При минимумѣ въ 10 словъ публика все-таки приобрѣла бы важное удобство сравнительно съ существовавшею доселѣ обязательностью платить не менѣе чѣмъ за 20 словъ, и затѣмъ за добавочныя слова по 10 словъ. Надо замѣтить однако, что противъ установленія минимума въ 10 словъ предъявлены были немаловажныя возраженія. Оппоненты доказывали, что такая мѣра лишитъ всю реформу характера дѣйствительнаго преобразованія системы тарифовъ, а представить собой не болѣе, какъ простое пониженіе существовавшаго минимума; если же останавливаться только на одномъ пониженіи, то, по этому мнѣнію, слѣдовало бы понизить минимумъ до 5-ти словъ, что представило бы все-таки болѣе удовлетвореніе требованіямъ и ожиданіямъ публики. Но какъ уже сказано, большинство голосовъ въ комиссіи высказалось за минимумъ въ 10-ть словъ. Потомъ, спрашивалось, въ какомъ же размѣрѣ взимать плату съ каждаго единичнаго слова, сверхъ указанныхъ 10-ти? Взимать ли ее въ томъ же размѣрѣ, то-есть въ видѣ одной десятой платы за минимумъ, или въ размѣрѣ нѣсколько болѣе, такъ какъ съ удлинненіемъ телеграммы возрастаетъ все-таки не только оказываемая ея подателю услуга, но и трудъ телеграфнаго управленія. Большинство высказалось въ пользу исчисленія за каждое слово сверхъ 10-ти по одной десятой первоначальной или минимальной платы за телеграмму.

Приступивъ къ разсмотрѣнію вопроса объ общемъ пониженіи размѣра нынѣ существующихъ тарифовъ, комиссія встрѣтилась съ двумя мнѣніями: по одному, дѣло должно было ограничиться пониженіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ таксъ, то-есть размѣровъ платы по нѣкоторымъ сообщеніямъ, которыя слѣдовало бы облегчить, съ тѣмъ, чтобы въ общемъ не произошло чувствительнаго пониженія телеграфнаго дохода; по другому мнѣнію, слѣдовало, наоборотъ, понизить вообще всю совокупность нынѣшнихъ тарифовъ, опредѣлить такой уровень ихъ, который болѣе благопріятствовалъ бы и выгодамъ публики и умноженію телеграфныхъ сообщеній, хотя самъ по себѣ былъ бы менѣе выгоденъ для телеграфныхъ управленій. Большинство высказалось въ пользу общаго пониженія всей совокупности телеграфныхъ тарифовъ.

Вопросъ о единствѣ таксы вызвалъ въ комиссіи оживленныя пренія, въ которыхъ отчасти повторились тѣ аргументы, которые

были заявлены съ разныхъ сторонъ при общихъ преніяхъ въ первомъ полномъ собраніи конференціи. Замѣчено было, что самая необходимость дополнительной платы въ пользу компаній подводныхъ кабелей, допускаемая германскимъ проектомъ, уже нарушила бы единство таксы. Однако представители компаній высказались въ комиссіи противъ единства таксы на сухопутныхъ телеграфахъ потому именно, что, при добавочной платѣ въ пользу кабелей, кабельное сообщеніе не могло бы выдержать конкуренціи съ сухопутнымъ. Между тѣмъ, кабели, которыхъ устройство потребовало громадныхъ затратъ и отчасти вызывалось самими правительствами, представляютъ собой приобрѣтенное право; разъ они устроены, несправедливо было бы ставить ихъ въ условія невозможныя для ихъ существованія. Другая мысль, заявленная въ комиссіи, заключалась въ томъ, что единство таксы, удешевивъ сообщенія отдаленныя, сдѣлало бы болѣе дорогими сообщенія кратчайшія. Такъ, въ приложенной къ докладу комиссіи таблицѣ мы находимъ слѣдующія цифры, которыя выписываемъ для примѣра. Телеграмма изъ Петербурга въ Мадридъ, въ 20 словъ, по нынѣшней таксѣ, стоитъ 13 фр. 50 сант.; въ случаѣ принятія германскаго предложенія единства таксы, эта телеграмма обходилась бы всего въ 5 фр. А между тѣмъ, депеша изъ Рима въ Берлинъ, въ 20 словъ, стоющая нынѣ 5 фр., такъ и осталась бы при этой цѣнѣ. Защитники единства таксы настаивали на томъ огромномъ облегченіи, какова эта мѣра представила бы для служащихъ на телеграфѣ и для публики, такъ что вслѣдствіе принятія ея можно было бы ожидать сильнаго развитія телеграфныхъ сношеній. Противники же этой мѣры разсуждали, что въ ней вовсе нѣтъ нужды, что телеграфы какъ существовали доселѣ безъ единства таксы, такъ и впредь могутъ обходиться безъ него; что справки съ таблицами существующихъ тарифовъ вовсе не такъ затруднительны для служащихъ, которыя къ нимъ привыкли; наконецъ, что это—было бы мѣрой слишкомъ радикальной, невызванной дѣйствительной потребностью. Комиссія большинствомъ голосовъ устранила принципъ установленія единой, общеевропейской таксы.

Такимъ образомъ, по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ, которые обсуживались комиссіею, въ ней проявлялось значительное разногласіе. Всѣ рѣшенія, исключая перваго (о градаціи платы съ единичнаго слова) были принимаемы незначительнымъ большинствомъ, если въ отрицательнымъ голосамъ причислить воздержанія отъ подачи голоса. Вслѣдствіе того, комиссія, внося свой докладъ въ общее собраніе конференціи, постановила, что послѣ-

дѣлающія голосованія не должны безусловно связывать делегатовъ, желающихъ сдѣлать новыя предложенія о преобразованіи тарифовъ.

Здѣсь мы должны привести основанія главнѣйшихъ предложеній разныхъ уполномоченныхъ по установленію новыхъ тарифовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь оба предложенія Португаліи, такъ какъ германскіе делегаты въ послѣдствіи усвоили ихъ себѣ, а также второй пунктъ англійскаго предложенія, такъ какъ о немъ была въ послѣдствіи рѣчь на конференціи; французское предложеніе мы приведемъ какъ замѣчательное по простотѣ; наконецъ, приведемъ и русское предложеніе. Англійскіе делегаты желали 1) установить тарифъ на платѣ за единичное слово, причемъ такса за каждое слово опредѣлялась бы въ размѣрѣ одной пятнадцатой части нынѣшней таксы за простую телеграмму въ 20 словъ. Такимъ образомъ, телеграммы стали бы дешевле нынѣшняго потому, что плата взымалась бы только за дѣйствительно написанныя слова, а не за минимумъ въ 20 словъ; но при этомъ плата за каждое отдѣльное слово была бы нѣсколько выше нынѣшней; такъ, напр., если бы въ телеграммѣ было двадцать словъ, то за каждое изъ нихъ платилось бы не $\frac{1}{30}$, а $\frac{1}{15}$ нынѣшней цѣны телеграммы въ 20 словъ. Сверхъ того, британскіе делегаты предлагали: 2) установленіе особаго, пониженнаго тарифа для газетныхъ телеграммъ, подаваемыхъ между 9 часами вечера и 3 ночи, т.-е. въ сравнительно свободное для телеграфа время. Плата за такія телеграммы взымалась бы въ размѣрѣ одной четверти платы обыкновенныхъ телеграммъ.

Французское предложеніе заключалась въ установленіи тарифа на платѣ съ единичнаго слова, но съ тѣмъ, чтобы плата была не ниже слѣдующей за 10 словъ, причемъ стоимость каждаго слова равнялась бы одной двадцатой части цѣны нынѣшней телеграммы въ 20 словъ. Португальскихъ предложеній было два: 1) установить простую телеграмму въ 10 словъ, съ постоянной доплатой (Surtaxe) въ цѣнность 10-ти словъ, и съ платой за каждое дальнѣйшее слово по $\frac{1}{30}$ цѣнности нынѣшней телеграммы въ десять словъ, за вычетомъ изъ этой послѣдней еще 10%; 2) установить простую телеграмму въ 10 словъ, съ постоянной доплатой въ цѣнность 5-ти словъ и съ платой за каждое дальнѣйшее слово по $\frac{1}{30}$ нынѣшней цѣны за телеграмму въ 20 словъ.

Русское предложеніе состояло въ установленіи платы со слова, по расчету нынѣшнихъ предѣльныхъ таксъ (т.-е. платы до мѣста назначенія телеграммы), а также трактатныхъ, за 20 словъ, съ опредѣленіемъ цѣнности каждаго слова въ $\frac{1}{30}$ полученной выше

цифры, и съ добавленіемъ къ этой по-словной платѣ еще дополнительной платы въ цѣнность 4-хъ словъ.

Были и еще предложенія, внесенныя другими делегатами. Для обсужденія всѣхъ этихъ предложеній и для выбора между ними коммиссіею тарифовъ была образована еще субъ-коммиссія. Всѣ приведенныя доселѣ предложенія, за исключеніемъ установленія простой и безусловной платы со слова, какъ замѣтилъ читатель, не принимали въ расчетъ того обстоятельства, что, кромѣ «минимума» въ 10 или 20 словъ, каждагося необходимымъ телеграфнымъ управленіемъ, для охраненія ихъ дохода, существуетъ еще другой, естественный минимумъ, указываемый пользою публики. Этотъ минимумъ опредѣляется возможностью для частнаго лица телеграфировать куда ему нужно одно слово, сверхъ адреса и подписи. Очень часто и особенно въ отвѣтныхъ телеграммахъ на запросъ, достаточно было бы телеграфировать именно одно только слово, кромѣ адреса и подписи, напр.: «да»; «покупайте»; «выѣзжаю»; «седьмого» и т. п. Затѣмъ адресъ и подпись должны составлять обыкновенно не менѣе шести словъ, или пяти словъ, если опускать названіе страны. Примѣры: «Россія, Петербургъ, Невскій, О (номеръ дома) N (адресатъ) и N» (подпись)—всего шесть словъ. Или «Петербургъ, Невскій, О, N (адресъ) и N» (подпись)—всего пять словъ. Къ этимъ шести или пяти словамъ слѣдуетъ прибавить одно слово текста—и вотъ получится тотъ естественный минимумъ словъ 7 или 6, безъ котораго нельзя обойтись въ телеграммѣ, но выше котораго нѣтъ основанія требовать постоянной или основной доплаты съ отправителя или принуждать его платить непременно еще за 3 или 4 слова лишніе, такъ чтобы получить съ него за 10 словъ искусственнаго минимума. Минимумъ въ 6 словъ есть естественный минимумъ, и за него можно положить какую угодно постоянную, основную доплату, въ видахъ охраненія телеграфнаго дохода. Но нераціонально взыскивать съ человѣка, телеграфирующаго 6 словъ, плату равную той, какая взимается съ 10 словъ. Къ сожалѣнію, это соображеніе вовсе не было заявлено въ конференціи; по крайней мѣрѣ, оно не содержится въ ея протоколахъ. Но въ одномъ изъ нихъ мы находимъ предложеніе уполномоченнаго Новой-Зеландіи, которое на практикѣ вело бы къ той цѣли, которую мы только-что указали. Этотъ делегатъ предлагалъ ввести простую, безусловную плату съ единичнаго слова, а въ случаѣ непринятія ея — установить постоянную доплату только для покрытія адреса, подписи, доставленія депеши на домъ и расходовъ телеграфной станціи; число же словъ адреса

съ подписью, которая слѣдовало бы обложить доплатою, онъ предлагалъ ограничить 5-ю или 6-ю. Осуществленіе этого предложенія на практикѣ и сдѣлало бы возможнымъ значительное удешевленіе телеграммъ, состоящихъ изъ одного или двухъ словъ текста противъ искусственнаго минимума 10 словъ. Мысль уполномоченнаго Новой-Зеландіи поддержана не была.

Избраніе комиссіею о тарифахъ особой субъ-комиссіи для согласованія предложеній привело къ тому, что германское управленіе отказалось отъ мысли объ единствѣ таксы, лишь бы было принято предложеніе о платѣ съ единичнаго слова. Субъ-комиссія составила свой проектъ, который по внесеніи въ комиссію былъ отвергнутъ, а затѣмъ комиссія путемъ частныхъ голосованій возобновила почти цѣлкомъ тотъ самый проектъ, но за однимъ, весьма важнымъ исключеніемъ, а именно установила, въ добавокъ къ основной доплатѣ за 10 словъ, еще минимумъ въ 10 словъ. Вообще на конференціи оказывалось крайне-популярною эта мысль о необходимости обязательнаго минимума, ниже котораго сокращеніе текста не приноситъ выгоды подателю.

Чтобы объяснить, какъ это рѣшеніе измѣнило все значеніе тарифа, выработаннаго субъ-комиссіею, мы должны прежде ознакомиться съ этимъ послѣднимъ.

Субъ-комиссія приняла для тарифа слѣдующія основанія: плата съ единичнаго слова, въ размѣрѣ $\frac{1}{25}$ нынѣшней таксы за 20 словъ, съ добавкою на всю телеграмму приплаты въ цѣнность 10 словъ, но безъ установленія минимума. Объяснимъ это примѣрами. Положимъ, по нынѣшней таксѣ за телеграмму въ 20 словъ взимается 1 франкъ. Тогда по предположенному тарифу за каждое слово платилось бы $\frac{1}{25}$ франка, т.-е. 4 сантима, да за всю телеграмму причиталась бы основная доплата въ цѣнность 10 словъ, то-есть 40 сант. Итакъ, за телеграфированіе одного слова (если бы это было возможно) взималось бы вмѣсто 1 франка—44 сантима. За 7 словъ по новому тарифу пришлось бы платить вмѣсто 1 франка—68 сант.; за 10 словъ—80 сант. За 100 словъ, вмѣсто 5 франковъ,— 4 фр. 40 сант. Это прекрасно. Но, во-первыхъ, пониженіе при этомъ и было бы чувствительно именно только за краткія телеграммы—до 10 словъ. Пониженіе же съ 5 фр. на 4 фр. 40 сант. за 200 словъ уже было бы довольно не важное. Но затѣмъ въ проектѣ тарифа субъ-комиссіи былъ одинъ замѣчательный недостатокъ. Благодаря принятому ею расчету, по новому тарифу телеграммы въ нѣкоторые числа словъ оказывались бы *дороже*, чѣмъ по

прежнему тарифу. Такъ, телеграммы въ 16, 17, 18, 19, 20 словъ стоили бы 1 фр. 4 сент., 1 фр. 8 сент., 1 фр. 12 сент., 1 фр. 16 сент. и 1 фр. 20 сантимовъ, вмѣсто прежней, то-есть нынѣ существующей цѣны 1 фр. То же было бы для телеграммъ въ 28, 29 и 30 словъ. А между тѣмъ нынѣшній тарифъ признавался слишкомъ высокимъ, и преобразование было предпринято именно съ цѣлью его пониженія! Во всякомъ случаѣ и самое пониженіе, когда оно достигалось бы тарифомъ субъ-коммиссіи, было бы значительно только для телеграммъ краткихъ, а именно до 10 словъ. Платить вмѣсто 1 фр.—80 сент., это представляло бы облегченіе въ 20%; но плата за 100 словъ, вмѣсто 5 фр., — 4 фр. 40 сент. давала бы уже только облегченіе въ 12%.

Но во что же обратилось значеніе этого тарифа послѣ того, какъ коммиссія рѣшила установить еще минимумъ въ 10 словъ, т.-е. отвергла именно важнѣйшее облегченіе, представлявшееся новымъ тарифомъ—значительное удешевленіе для телеграммъ въ менѣе чѣмъ 10 словъ? Такой неожиданный для самихъ членовъ коммиссіи результатъ вызвалъ въ слѣдующемъ засѣданіи заявленія делегатовъ Бельгіи, Германіи и Франціи въ такомъ смыслѣ, что они этого тарифа принять не могутъ. Послѣ преній, возникшихъ по этому поводу, рѣшено было назначить новую субъ-коммиссію для соглашенія между делегатами разныхъ странъ, причемъ основой для соглашенія было положено, большинствомъ голосовъ, *принятіе первоначальнаго проекта первой субъ-коммиссіи, съ тѣмъ только измѣненіемъ, чтобы основная приплата была уменьшена и опредѣлена въ цѣнность 5-ти словъ, вмѣсто 10-ти*. Новая субъ-коммиссія не выработывала тарифа, а только представила отчетъ о преніяхъ, происходившихъ въ ней въ смыслѣ предполагаемаго соглашенія.

Когда этотъ отчетъ былъ прочтенъ въ коммиссіи, то германскіе делегаты объявили, что получили отъ своего правительства полномочіе принять португальское предложеніе объ основаніи новаго тарифа на нынѣшнемъ, съ тѣмъ, чтобы цѣна за единичное слово назначалась въ $\frac{1}{25}$ цѣны нынѣшней телеграммы въ 20 словъ, и къ этому присоединялась основная доплата въ цѣнность пяти словъ. Русской делегаціи представлялось слишкомъ значительнымъ то пониженіе платы, которое было бы результатомъ проекта, одобреннаго коммиссіею; эта делегація защищала свою мысль объ опредѣленіи платы съ единичнаго слова не въ $\frac{1}{25}$, а въ $\frac{1}{30}$ нынѣшней цѣны телеграммы въ 20 словъ, съ назначеніемъ доплаты въ 4 слова. Хотя, такимъ образомъ, цѣна

со слова осталась бы въ прежнемъ размѣрѣ, но самая возможность платить за число словъ меньше 20-ти, дала бы публикѣ достаточное облегченіе, а между тѣмъ, такая мѣра не угрожала бы быстрымъ паденіемъ телеграфнаго дохода. Въ заключеніе своихъ работъ, коммиссія дала главному своему рѣшенію слѣдующую форму, предложенную делегатомъ Италіи: *«плата взимается на всемъ протяженіи съ единичнаго слова, безъ всякаго минимума для числа словъ. При этомъ, въ корреспонденціи европейской прибавляется къ послонной платѣ еще такса за чинность 5-ти словъ на каждую телеграмму»*. Положивъ внести результатъ своихъ работъ на разсмотрѣніе общаго собранія, коммиссія тарифовъ поручила международному телеграфному бюро собрать у отдѣльныхъ делегацій тѣ таксы, которыя онѣ пожелаютъ внести въ табели новыхъ тарифовъ, и затѣмъ составить эти табели, причемъ для перечисленія отдѣльныхъ таксъ изъ прежней системы въ новую употреблять способъ, принятый субъ-коммиссіею (т.-е. вычислять цѣнность слова по $\frac{1}{25}$ прежней цѣны телеграммы въ 20 словъ).

Но когда табели новыхъ тарифовъ были внесены въ общее собраніе конференціи, то оказалось, что далеко не всѣ делегаціи внесли въ эти табели нынѣшнія таксы, существующія въ ихъ странахъ, и подлежащія затѣмъ перечисленію по новой системѣ. Нѣкоторыя делегаціи значительно *возвысили* внесенныя ими таксы противъ существующихъ. Такимъ образомъ, цѣль, для которой предпринималось преобразование тарифовъ, могла остаться недостигнутою. Сами нынѣшнія международныя таксы представляются слишкомъ возвышенными и превышаютъ сложность внутреннихъ таксъ, существующихъ въ странахъ, черезъ которыя проходитъ международная телеграмма. Такъ, депеша изъ Германіи въ Испанію (20 словъ) стоитъ 8½ фр., а въ Португалію 9½ франк. Между тѣмъ, если сложить *внутреннія* таксы тѣхъ странъ, черезъ которыя проходитъ эта телеграмма, то окажется, что за депешу въ Германіи пришлось бы заплатить 1 франкъ 50 сантимовъ, во Франціи 1 фр., въ Испаніи 2 фр., итого 4 фр. 50 сант. Въмѣсто этого за международную телеграмму, проходящую черезъ эти страны изъ Германіи въ Португалію, взымается не 4 фр. 50 сант., а 9½ фр., т.-е. вдвое болѣе. При этомъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что самый расходъ управленій на телеграмму международную меньше, чѣмъ на внутреннюю, а стало быть и публикѣ она должна бы, по справедливости, обходиться дешевле, чѣмъ сколько приходилось бы за нее заплатить въ разныхъ странахъ, черезъ которыя она идетъ, какъ

за телеграмму внутреннюю. Одинъ этотъ примѣръ доказываетъ необходимость пониженія существующихъ тарифовъ и согласованія ихъ, а всего лучше — установленія однообразнаго тарифа, какъ предлагало германское телеграфное управленіе.

Въ виду неожиданнаго результата, къ которому привело составленіе новыхъ табелей на основаніи таксъ, заявленныхъ отдѣльными делегаціями, делегаты германскіе и французскіе отказывались принять эти табели. Особенно энергично выступилъ противъ нихъ германскій главный директоръ телеграфовъ Будде. Онъ напомнилъ, что со стороны Германіи были сдѣланы предложенія, которыя, если бы они были приняты конференціею, въ самомъ дѣлѣ произвели бы всестороннее преобразование существующихъ тарифовъ. Германія предлагала установленіе платы со слова, съ добавкою основной постоянной платы, а сверхъ того: введеніе однообразнаго европейскаго тарифа и урегулированіе транзитныхъ таксъ для взаимнаго согласованія ихъ. Эти предложенія не были приняты конференціею. Тогда — какъ напомнилъ г. Будде — германская делегація рѣшилась на уступки и не настаивала болѣе на введеніи однообразнаго европейскаго тарифа, хотя, по отзыву г. Будде, и сохранила убѣжденіе, что будущность принадлежит все-таки такому тарифу. Затѣмъ, германская делегація была вынуждена настаивать, по крайней мѣрѣ, на осуществленіи слѣдующихъ улучшеній: установленія тарифа на платѣ съ единичнаго слова, въ смыслѣ перваго предложенія Германіи, общаго пониженія таксъ и упрощенія основныхъ данныхъ, служащихъ для назначенія предѣльныхъ и транзитныхъ таксъ. Такъ, относительно таксъ предѣльныхъ, по мнѣнію германскаго управленія, достаточно было бы ограничиться двумя такими таксами, наприм., чтобы цѣнность слова не превышала 10 сантимовъ на всемъ протяженіи большихъ государствъ, и 5 сантимовъ въ небольшихъ странахъ. Для транзитныхъ же телеграммъ слѣдовало бы еще понизить эти цифры, такъ какъ передача депешъ управленіями, черезъ которыя направляется транзитъ, обходится имъ дешевле, чѣмъ приѣмъ, передача и врученіе депешъ, падающіе на управленіе страны отправки и страны назначенія каждой телеграммы. Но и здѣсь опять германское управленіе рѣшилось — «въ видахъ соглашенія», по словамъ г. Будде, допустить, чтобы въ транзитѣ примѣнялся размѣръ таксъ предѣльныхъ (т.-е. платы отъ мѣста отправки до мѣста полученія).

Слѣдуетъ однако замѣтить при этомъ, что германскому телеграфному управленію всего легче было сдѣлать именно эту

уступку, такъ какъ Германія, будучи центромъ Европы, служитъ главной страной транзита. Какъ въ торговлѣ Германія въ значительной степени живетъ именно транзитомъ, такъ и въ телеграфныхъ сношеніяхъ транзитъ даетъ ея телеграфному управленію такія средства, какихъ не имѣютъ управленія большинства иныхъ странъ. Но и дополнительное предложеніе Германіи, какъ и первоначальныя, не было принято конференціею. Затѣмъ делегація Германіи, желая сдѣлать всевозможное для соглашенія, присоединилась въ предложенію португальскому, которое и было принято конференціею значительнымъ большинствомъ; наконецъ, германское телеграфное управленіе согласилось еще сдѣлать въ сношеніяхъ своихъ съ малыми государствами нѣкоторыя уступки въ распредѣленіи предѣльныхъ таксъ. Какъ заявилъ теперь г. Будде, это было сдѣлано въ убѣжденіи, что и всѣ другія большія государства согласятся на подобныя уступки, и что таблицы новыхъ тарифовъ будутъ составлены на точномъ основаніи португальскаго предложенія. Но оно состояло въ томъ, чтобы установить по-словную плату на основаніи таксъ нынѣ существующихъ въ томъ именно видѣ, какъ онѣ занесены были въ таблицы, составленныя на петербургской конференціи, съ пониженіемъ цѣнности слова на $\frac{1}{2}$ (то-есть принимая цѣнность слова въ $\frac{1}{2}$ цѣны прежней телеграммы въ 20 словъ). И дѣйствительно, нѣкоторыя делегаціи, въ томъ числѣ и германская, приняли за основаніе дѣйствующія таксы; но большинство делегацій *возвысили* свои нынѣшнія таксы въ значительномъ размѣрѣ въ тѣхъ таксахъ, которыя ими были заявлены международному бюро для внесенія въ таблицы.

Вслѣдствіе того, германскій делегатъ потребовалъ, чтобы конференція подвергла голосованію послѣдовательно слѣдующія три предложенія: первое германское, дополнительное германское и въ случаѣ отклоненія обоихъ — португальское предложеніе, но съ полнымъ соблюденіемъ его основаній, т.-е. съ вычисленіемъ новыхъ таблицъ, на основаніи дѣйствительно существовавшихъ доселѣ, и съ пониженіемъ въ томъ размѣрѣ, каковой въ португальскомъ предложеніи указанъ.

Французскій делегатъ г. Ришаръ, ссылаясь на фактъ, что въ самомъ расчетѣ таксъ, сдѣланномъ первой субъ-коммиссіею, уже заключается возвышеніе противъ цѣны нынѣшней телеграммы въ 20 словъ, начиная съ 16-го, а иногда даже съ 14-го слова, объявилъ, что не подпишетъ содержащихъ такое возвышеніе цѣнъ. Съ своей стороны итальянскій главный директоръ телеграфовъ, г. д'Амико подвергъ критикѣ весь ходъ сужденія конференціи.

Онъ находилъ, что ходъ ихъ несогласенъ со смысломъ конвенціи телеграфнаго союза,—конвенціи, которую конференція не можетъ измѣнить. Конвенція указываетъ совершенно различные приемы для пересмотра правилъ международнаго телеграфа (*réglement*), для котораго была назначена одна коммиссія и для пересмотра международнаго тарифа, составлявшаго предметъ работъ другой коммиссіи. Относительно правилъ вопросы ставятся и рѣшаются подачею голосовъ въ самомъ засѣданіи; относительно же тарифовъ, цифры должны быть устанавливаемы, съ общаго согласія, посредствомъ специальныхъ сношеній между тѣми управленіями, которыя заинтересованы въ той или другой цифрѣ тарифа. Цифры должны быть опредѣляемы заинтересованными въ нихъ сторонами, а не большинствомъ голосовъ конференціи. Въ засѣданіи коммиссіи достаточно будетъ рѣшить предварительные вопросы о самомъ способѣ исчисленія таксъ, какъ-то: о платѣ съ единичнаго слова, о дополнительной платѣ въ цѣнность пяти словъ за каждую телеграмму и т. п. Затѣмъ, когда это будетъ рѣшено, то Италіи, напр., всего удобнѣе будетъ условиться о самыхъ цифрахъ прямо съ Германією и Швейцарією для сношеній съ Германією; съ Францією и Англією для корреспонденціи съ Англією. Эти сношенія Италіи съ той или другой страной касаются делегацій только этихъ странъ, а вовсе не всѣхъ делегацій. Если же станутъ и далѣе стремиться къ тому, чтобы совокупность всѣхъ цѣнъ была одобрена всею совокупностью делегацій, то никогда не придутъ къ соглашенію.

Русскій делегатъ г. Людерсъ замѣтилъ, что хотя на конференціи съ самаго начала много говорилось о пониженіи тарифовъ, однако самое составленіе новыхъ табелей показало, что въ дѣйствительности преобладаетъ вовсе не мысль о пониженіи, и поэтому напрасно бы было видѣть и задачу конференціи въ пониженіи тарифовъ.

Затѣмъ предстояло приступить, согласно желанію германскаго уполномоченнаго, къ поочередному голосованію трехъ предложеній, имъ указанныхъ. Но прежде этого произошелъ въ конференціи курьёзный эпизодъ, о которомъ стоить упомянуть. Венгерскій делегатъ Коллеръ сообщилъ, что учреждено новое телеграфное управленіе въ Босніи и Герцеговинѣ и что оно намѣрено впоследствии присоединиться къ телеграфному союзу, а потому слѣдовало бы въ новые тарифы включить и таксы для международныхъ сношеній тѣхъ областей, подобно тому, какъ прежде вносились въ тарифы таксы для Румыніи и Сербіи. Когда итальянскій уполномоченный сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ

относительно герцеговинско-боснійскаго тарифа, то турецкій делегатъ Гильдани-эффенди объявилъ, что у него нѣтъ инструкцій для отвѣта на эти вопросы и что разсмотрѣніе ихъ не подлежитъ конференціи. Хотя затѣмъ австрійскій делегатъ Бруннеръ и старался объяснить, что здѣсь идетъ рѣчь вовсе не о политическомъ вопросѣ, и что таксы для Герцеговины съ Босніею могутъ быть поставлены въ тарифѣ отдѣльно или даже подъ рубрикою «Турція», какъ ставились прежде таксы для Румыніи и Сербіи, но Гильдани-эффенди, тѣмъ не менѣе, потребовалъ, чтобы этотъ вопросъ былъ изъятъ изъ обсужденія, и объявилъ, что если конференція не уважитъ этого, то турецкая делегація должна будетъ оставить залу. Нашъ делегатъ, г-нъ Людерсъ, удачно положилъ конецъ этому эпизоду, сообщивъ, что болгарское правительство уже обращалось къ нему съ цѣлю присоединиться къ телеграфному союзу, но русское телеграфное управление сообщило въ отвѣтъ, что, въ силу телеграфной конвенціи, такое присоединеніе производится дипломатическими сношеніями, что относится и къ герцеговинско-боснійскому телеграфному вопросу. Турецкій уполномоченный остался доволенъ такимъ исходомъ.

Противъ вотированія по вопросамъ, предложеннымъ со стороны германскаго главнаго директора телеграфовъ, возражалъ г-нъ д'Амиго, объясняя, что они прямо противорѣчатъ конвенціи, такъ какъ, въ силу ея, цифры таксъ опредѣляются непосредственнымъ сношеніемъ между правительствами. Но бельгійскій уполномоченный, г-нъ Веншанъ, поддержалъ требованіе г-на Будде; по мнѣнію г-на Веншана, конвенція вовсе не запрещаетъ, чтобы люди компетентные высказывались относительно какой-либо системы тарифовъ, хотя онъ также признаетъ, что для самаго принятія тарифовъ нужно единогласіе. Такъ какъ г. Будде, тѣмъ не менѣе, настаивалъ на производствѣ голосованія по вопросамъ имъ поставленнымъ, то рѣшено было приступить къ нему, но оговоривъ заранѣе, что рѣшенія, какія будутъ постановлены голосованіемъ, должны быть понимаемы только какъ выраженіе взглядовъ делегацій, но не могутъ, каковъ бы ни былъ ихъ результатъ, дѣлать обязательною какую-либо новую систему тарифовъ, если она не получитъ полнаго единогласія.

При голосованіи, сперва отвергнуто было первоначальное предложеніе Германіи, а потомъ и измѣненное, второе германское предложеніе. Затѣмъ пущено было на голоса предложеніе португальское, усвоенное германскою делегаціей. При этомъ снова было разъяснено самимъ г. Будде, что цѣль

этого голосованія онъ видитъ лишь въ томъ, чтобы германская делегація знала, съ какими делегаціями она можетъ вступить въ сношенія для осуществленія этой новой системы, заключающейся въ примѣненіи португальскаго предложенія (по-словная плата въ $\frac{1}{25}$ нынѣшней цѣны на телеграмму въ двадцать словъ и приплата въ цѣнность 5 словъ на каждую телеграмму). Условлено было также, что таксы, которыя имѣютъ быть переложены въ новую систему, согласно этому предложенію, это тѣ дѣйствующія таксы, которыя были занесены въ таблицы петербургской конференціи. Португальское предложеніе было принято 7-ю голосами противъ 5-ти, причемъ 8 делегацій воздержались отъ подачи голоса (въ томъ числѣ русская), а 2 отсутствовали. Вслѣдъ за произведеннымъ голосованіемъ итальянскій уполномоченный, г-нъ д'Амико, объяснилъ, что онъ не подавалъ голоса потому, что считалъ конференцію не въ правѣ вотировать по вопросу объ установленіи новыхъ цѣнъ; но что если бы онъ подавалъ голосъ, то подаль бы его *противъ* португальскаго предложенія. Заявленіе это г. д'Амико просилъ занести въ протоколъ, а венгерскій уполномоченный Коллеръ объявилъ, что находится въ такомъ же положеніи, и что если бы подаль голосъ, то также *противъ* португальскаго предложенія, усвоеннаго Германіею.

Понятно, что эти отзывы ослабили смыслъ произведеннаго голосованія, такъ какъ оказалось, что большинство было бы *противъ* него, если бы двѣ делегаціи не считали неправильною самую постановку этого вопроса. Тогда русскій уполномоченный далъ ходу дѣлу иное направленіе, ставъ въ сущности на точку зрѣнія г-на д'Амико. Г-нъ Людерсъ выразилъ убѣжденіе, что всѣ делегаціи желаютъ придти къ соглашенію, но замѣтилъ, что настоящее засѣданіе показало, какъ трудно осуществить соглашеніе посредствомъ преній въ самой конференціи. Поэтому онъ предложилъ президенту спросить конференцію, не признаетъ ли она болѣе удобнымъ, чтобы делегаціи путемъ частныхъ сношеній постарались установить, на основаніи уже составленныхъ таблицъ, тѣ таксы, которыя касаются взаимно разныхъ странъ, — съ тѣмъ, чтобы о каждой обоюдно принятой заинтересованными сторонами таксѣ сообщалось директору международнаго бюро, который и заносилъ бы ее въ таблицы. Такимъ образомъ всего проще можно бы устранить затрудненія. Предложеніе г-на Людерса было тотчасъ поддержано со всѣхъ сторонъ. Г-нъ д'Амико вполне его одобрилъ, и самъ германскій уполномоченный, г-нъ Будде, согласился съ этимъ способомъ веденія дѣла.

Дѣйствительно, частныя совѣщанія между уполномоченными

въ нѣсколько дней привели къ соглашенію и, на основаніи вѣчныхъ таксъ, условленныхъ прямо между заинтересованными сторонами, составлены были табели новыхъ тарифовъ (таксы съ пограничными государствами не вошли въ табели). Существенной и основной чертою произведеннаго лондонскою конференціею преобразованія тарифовъ является именно введеніе платы по-словной, съ приплатой въ цѣнность пяти словъ на каждую телеграмму. Такимъ образомъ, въ европейскихъ международныхъ сношеніяхъ, съ введеніемъ новыхъ тарифовъ въ дѣйствіе. отправитель телеграммы можетъ, если желаетъ телеграфировать только четыре слова, платить всего за девять. Онъ уплачиваетъ, во-первыхъ, по-словную цѣну за четыре слова текста, включая адресъ, во-вторыхъ—вноситъ приплату въ цѣнность пяти словъ. Это постановленіе конференціи въ окончательномъ текстѣ выражено такъ: «въ европейскихъ сообщеніяхъ (*régime européen*) къ таксѣ, зависящей отъ дѣйствительнаго числа словъ, присоединяется добавочная плата за пять словъ съ каждой телеграммы». Для сношеній же внѣ-европейскихъ этой приплаты не установлено: «въ сношеніяхъ внѣ-европейскихъ (*régime extra-européen*) такса опредѣляется дѣйствительнымъ числомъ словъ, безъ добавочной платы». Но при этомъ, въ виду недостаточности дохода отъ внѣ-европейской корреспонденціи, по-словная такса въ ней возвышена въ $1\frac{1}{2}$ раза.

Приплата цѣлаго въ пять словъ на каждую телеграмму будетъ дѣлиться между всѣми тѣми странами, черезъ которыя проходитъ телеграмма, и дѣлиться пропорціонально существующимъ въ тѣхъ странахъ по-словнымъ таксамъ. Самыя эти таксы въ новыхъ табеляхъ назначены для государствъ, заявившихъ себя въ пользу португальскаго предложенія, а именно для Германіи, Австріи и Франціи въ $\frac{1}{25}$ прежней цѣны двадцати-словной телеграммы за одно слово новой, а для другихъ государствъ (между ними и Россіи) въ $\frac{1}{20}$ прежней цѣны 20-ти-словной телеграммы за одно слово новой. Такимъ образомъ, для этихъ послѣднихъ государствъ цѣна за слово будетъ теперь та же, что была и прежде, и облегченіе представится только въ правѣ платить за число словъ меньше двадцати. За транзитную передачу телеграммъ плата для всѣхъ государствъ опредѣляется въ $\frac{1}{25}$ прежней транзитной платы.

Итакъ, въ европейской Россіи и на Кавказѣ по-словная плата за телеграммы будетъ въ $\frac{1}{20}$ или $\frac{1}{25}$ прежней цѣны за 20 словъ, смотря по тому, посылается ли телеграмма въ такое государство, которое набрало для себя тотъ или другой размѣръ

цѣны. Стало быть, телеграммы изъ европейской Россіи въ Германію, Францію и Австрію рассчитываются по $\frac{1}{25}$ прежней цѣны за одно слово. Что касается телеграфной корреспонденціи азіатской Россіи, то наша делегація заявила на конференціи, что причисляетъ эту корреспонденцію къ внѣ-европейской, такъ что по ней по-словная плата будетъ въ $1\frac{1}{2}$ разъ выше прежней, но безъ постоянной приплаты, установленной для корреспонденціи европейской.

Впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что постановленія конференціи нисколько не лишаютъ отдѣльныя государства права опредѣлить каждое у себя телеграфную таксу по усмотрѣнію. Постановленіе конференціи только провозглашаетъ принципъ, и понятно, что это не останется безъ вліянія на самое опредѣленіе таксъ отдѣльными государствами. Затѣмъ, непосредственно-практическое значеніе постановленія конференцій о международномъ тарифѣ имѣютъ то, что опредѣленные ею таксы будутъ служить нормальными для взаимныхъ расчетовъ между телеграфными управленіями разныхъ странъ. Затѣмъ самостоятельность каждой изъ нихъ въ назначеніи у себя таксы прямо оговорена и уже проявилась примѣромъ: англійскій министръ объявилъ на конференціи, что въ Англіи приплата въ 5 словъ вѣроятно вовсе и введена не будетъ, и взиматься будетъ одна пословная плата.

Въ виду специальности предмета мы вовсе не будемъ касаться другой стороны работъ конференцій, — той, которая представляется измѣненіями въ телеграфныхъ порядкахъ, напр. въ употребленіи тѣхъ или другихъ буквъ для сокращенныхъ названій, въ счетѣ сложныхъ словъ за одно или нѣсколько, смотря по тому способу, какъ они написаны и т. д. Для большинства читателей можетъ быть интересенъ только вопросъ о тарифѣ, который, впрочемъ, и составлялъ главный предметъ сужденій конференціи. Результатъ ея далеко не оправдалъ справедливыхъ ожиданій германскаго телеграфнаго управленія, такъ какъ единство платы не было ею принято. Пониженіе самой платы за слово, достигнутое на конференціи, относится, какъ уже сказано, только до нѣкоторыхъ странъ. Но въ результатѣ лондонской конференціи все-таки является возможность для публики платить за число словъ меньшее 20-ти, а это представляетъ удешевленіе во многихъ случаяхъ. Такъ, всѣ европейскія телеграммы, имѣющія не болѣе 14-ти словъ (включая адресъ), станутъ дешевле. Пословная плата за 14 словъ и постоянная приплата въ цѣнность 5 словъ, составляютъ уже удешевленіе на $\frac{1}{30}$ противъ прежней цѣны 20-ти-словной телеграммы. Лордъ Джонъ Маннерсъ, закрывая конференцію, сказалъ, что

«въ европейскомъ тарифѣ сдѣлано довольно справедливое сокращеніе».

Принятая конференціею система будетъ введена въ дѣйствіе съ 1 апрѣля 1880 г. Въ заключеніе своихъ работъ, конференція положила собраться вновь въ 1884 году, и избрала мѣстомъ своего собранія—*Берлинъ* (большинствомъ одного голоса противъ числа, оказавшагося за Бернъ). Высказывая, отъ лица всѣхъ делегатовъ, англійскому министру ихъ благодарность за гостепріимный пріемъ, встрѣченный ими въ Англіи, русскій делегатъ г. Людерсъ, между прочимъ, замѣтилъ, что посѣщеніе Великобританіи делегатами дало имъ возможность узнать и оцѣнить многія качества англійской націи—трудолюбіе, дѣятельность, глубокое религіозное чувство и чувство привязанности къ семьѣ—качества, вызывающія уваженіе и симпатію, и могущія только укрѣпить дружественныя связи, уже прежде соединявшія съ Англіею ея гостей».

Л. А.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Румянцемъ чахоточнымъ слабо горя,
Вечерняя медленно гаснетъ заря,
Болѣзненно гаснетъ — и не угасаетъ...
На западѣ отблескъ еще не исчезъ,
И бѣлая ночь среди блѣдныхъ небесъ
Больную зарю обнимаетъ.

Съ той ночью не свѣзшишь съ младенческихъ лѣтъ,
Заснуть не легко въ часъ урочный.

На землю струится безжизненный свѣтъ,
Всѣ краски подернуты дымкой молочной.
Свѣтло. Не бросаютъ предметы тѣней.
Нѣтъ блеска въ цвѣтахъ. Всѣ слились переливы.
Лучи не мерцаютъ игрой прихотливой,
И ближе все кажется, больше, бѣлѣй...
Свѣтло, будто днемъ, и знакомой картины
Вокругъ различаются ясно черты:
Цвѣтушца, въ бѣлыхъ букетахъ, рябины,
Березы растрепанной кудри-листы,
Веселый нарядъ разодѣтой сирени,
Акаціи женственной желтый цвѣтокъ,
Высокія сосны и низкій дубокъ,
И тополь случайный, а тамъ, въ отдаленьи,
Туманъ или пыль на безплодныхъ лугахъ.
Все то-же, какъ днемъ, только въ прежнихъ чертахъ

Иное сквозить выраженъе. Природа
Знакомымъ покойникомъ кажется мнѣ...

Щемящая боль и тупая невзгода
Незримо разлиты въ больной тишинѣ
И въ блѣдомъ мерцаніи сѣверной ночи.
Уставивъ на землю открытыя очи,
Со скорбью, застывшей на блѣдныхъ устахъ,
Таинственно молча, съ лицомъ помертвѣлымъ,
Широко закутана саваномъ блѣмъ,
Безстрастно лежитъ эта ночь въ небесахъ,
Какъ будто въ гробу...

Эти ночи пугаютъ
Всѣхъ жизнью довольныхъ. Они убѣгаютъ
Въ тѣ страны, гдѣ тѣни къ лобзаньямъ манять,
Гдѣ страстью и нѣгою звѣзды горятъ.

Но я полюбилъ тебя, мнѣ ты подруга,
О, сѣвера ночь! Мнѣ отрадно встрѣчать
Твой призрачный взоръ: въ немъ я вижу печать,
Въ немъ повѣсть читаю иного недуга,
Страданій иныхъ...

Этотъ свѣтъ безъ свѣтилъ,
Безъ звѣздъ небеса, тяжкій сонъ безъ видѣній,
Объятъ безъ ласкъ и печаль безъ волненій,
Безъ тайнъ красота, жизнь безъ жизненныхъ силъ
И смерть безъ боязни—увъ! мнѣ знакомы
Черты этой вялой, бессильной истомы...

Бѣжить отъ усталыхъ очей моихъ сонъ,
Въ усталую душу тревога стучится,
И скорби родникъ снова въ сердцахъ сочится,
Завѣтной струны снова слышится звонъ.
Давно она тайно звенить. Ея звуки
Въ душѣ безъ исхода тѣснятся давно.
Пора! Хоть въ словахъ изолью свои муки,
Коль въ дѣло мнѣ ихъ воплотить не дано!
И, можетъ быть, стройное пѣсенъ теченье
Великую скорбь усыпить на мгновенье...

Въ тѣхъ пѣсняхъ скорблю не о горѣ большомъ,
Не о горѣ сермяжномъ земли неогладной:

Томъ VI.—Ноябрь, 1879.

Страданій народныхъ, какъ моря ковшемъ,
Нелзя исчерпать нашей пѣсней народной.

О тѣхъ я скорблю, чью любовь осмѣяли,
Кто злобы не могъ въ своемъ сердцѣ найти,
Кто, полонъ сомнѣнїемъ и полонъ печали,
Стоитъ на распутѣ, не зная пути.
Пою и скорблю о больномъ поколѣнїи,
Чьи думы умомъ я согласнымъ ловилъ,
Чье сердцемъ подслушивалъ сердцебиенье,
Кому я и пѣсни, и жизнь посвятилъ...

Къ тѣмъ пѣснямъ не Музы меня вдохновляли:
Что сердце терзало, то руки писали.
То—пѣсни, что долго въ душевной тѣни
Таилъ я, покуда таить было мочи,
То—пѣсни, зачатые въ черные дни,
Рожденныя въ бѣлыя ночи...

НОЧЬ ВТОРАЯ.

Какъ гробницы свинцовыя въ склепѣ фамильномъ,
Вспоминанья таятся во мракѣ души.
Въ нихъ останки былого покоемъ могильнымъ
Цѣпенѣють—и спятъ въ непробудной тиши.
Лишь въ бессонную ночь—въ ночь борьбы и разлада
Сходить память-волшебница въ душу порой
И стучить по гробницамъ востявовой рукой,
Какъ поется въ старинной балладѣ.
Разверзаются гробы, и тѣни встаютъ...
Позабытые образы, чувства и лица,
Торопясь, покидаютъ свой тѣсный прїютъ
И кружатся въ душѣ, и плывутъ вереницей.
А съ зарею опять исчезаетъ толпа,
Вновь душа, какъ кладбище, тиха и пуста...

И когда предо мной иногда промелькаетъ
Это пестрое шествіе лицъ и картинъ,
Среди образовъ свѣтлыхъ, что взоръ мой ласкаетъ,
Всѣхъ свѣтлѣе сіяетъ одинъ.

Это—ты, бѣдный другъ, лучшей доли достойный...
 Какъ живой, ты отлился въ душѣ у меня:
 Озабоченный видъ, взглядъ всегда безпокойный,
 Разговоръ неискусный, но полный огня...
 Ни глубокимъ умомъ, ни талантомъ счастливымъ
 Средь плѣнныхъ тобою друзей ты не слылъ.
 Чѣмъ-то вѣяло дѣтскимъ и строго стыдливомъ
 Отъ черты твоей всякой: ты искрененъ былъ.
 Ты страдалъ, какъ и всѣ мы, болѣзнию одною,
 Но сильнѣе и глубже страдалъ. То, что насъ
 Мимолетною болью задѣло-бъ на часъ,
 То тебя заливало могучей волною.

Кто тоскою по правдѣ изъ насъ не болѣлъ?
 Кто спасти родъ людской не пытался уградой?
 Всякій думалъ надъ жизни тяжелой загадкой,
 А когда разгадать не умѣлъ,
 Примирался съ непонятою жизнью невольно,
 Хотя было и стыдно, и больно.
 Но невѣдомы сдѣлки для честной души.
 Ты умомъ не лукавилъ и сердцемъ не гнулъся,
 И въ тотъ мигъ, какъ ты съ жизненнымъ сфинксомъ столкнулся,
 Жребій брошенъ былъ твой: иль умри, иль рѣши...
 И ты умеръ, товарищъ, любя человѣка,
 Палъ высокою жертвой ничтожнаго вѣка.

Помню: вечеръ осенній стоялъ за окномъ.

Въ тѣсной комнатѣ свѣчи горѣли.
 Молчаливо товарищи жались кругомъ
 И на трупъ твой, съ зіяющей раной глядѣли.
 Всѣ казались спокойны; по блѣднымъ щекамъ
 Не катились слезы, хотъ горло давили.
 Невеселыя думы по лицамъ бродили,
 И предсмертныя строки твои по рукамъ,
 Словно чаша на тризнѣ, ходили.

Ты писалъ:

«Я не знаю, гдѣ правда и свѣтъ,
 Я не знаю, какому молиться мнѣ богу...
 Я, какъ въ сказкѣ царевичъ, блуждалъ съ юныхъ лѣтъ,
 Въ край завѣтный искалъ я дорогу —
 И къ распутью пришелъ наконецъ... Впередъ
 Съ тайной надписью камень стоялъ одиноко —

И прочелъ я на немъ приговоръ свой жестокий.
 Я прочелъ: «Здѣсь лежать предъ тобой три пути,
 Здѣсь раскрыты три къ жизни ведущія двери.
 Выбирай, что твоимъ отвѣчаетъ мечтамъ:
 Пойдешь вправо,—жди совѣсти тяжелой потери,
 Пойдешь прямо—сѣдять тебя лютые звѣри,
 А налѣво пойдешь—станешь звѣремъ ты самъ»...

— И заснуть, о, друзья! предпочелъ я въ преддверьи»...

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

Въ шумный досугъ, за работой нѣмой,
 Въ тихую ночь и въ рокошущій день—
 Вѣчно мелькаетъ, паритъ предо мною
 Чья-то воздушная тѣнь.

Кто она? Чья она? Добрая, блѣдная,
 Съ ласковой скорбью на тонкихъ устахъ—
 Свѣтитъ—лучится любовь беззаветная
 Въ дѣвственно-скромныхъ глазахъ.

Всѣ мои думы, глубоко хранимы,
 Всякій порывъ сокровенныхъ страстей,
 Тайны молитвъ моихъ, пѣсни любимыя —
 Все это вѣдомо ей.

Вѣчно мнѣ въ сердце глядитъ она, нѣжная...
 Если покой въ этомъ сердцѣ царитъ,
 Кроткій покой и любовь безмятежная —
 Взоръ ея счастьемъ горитъ.

Если же сердце враждой зажигается,
 Если мой стихъ превращается въ мечъ,
 Плача, она надо мной наклоняется,
 Шепчетъ мнѣ кроткую рѣчь...

Кто ты? Уйди, о, подруга воздушная!
 Въ грозный нашъ вѣкъ развѣ кротость нужна?
 Видишь: враговъ безпощадно-бездушная
 Насъ обступила стѣна.

Полно шептать мнѣ слова безполезныя!
 Намъ безъ вражды невозможно любить,
 Какъ невозможно оковы желѣзныя
 Бротею слезою разбить.

Дай ненавидѣть мнѣ! Въ битвѣ пылающей
 Муки дай сѣять и муки принять!...
 Что-же ты снова глядишь умоляюще,
 Что-же ты плачешь опять?...

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Льется, льется дождикъ медленно и ровно,
 Тягостный, какъ голосъ совѣсти виновной,
 Сѣрый, какъ могила, мощный, какъ судьба,
 Терпѣливый, будто старая раба.

И какъ дождикъ въ окна, крылья скорби черной
 Въ сердце ударяютъ тихо и упорно.
 Ноетъ сердце, ноетъ—тяжело вздохнуть,
 Камнемъ тяжкимъ слезы падаютъ на грудь.

Я дремлю тревожно. Въ памяти сонливой
 Праздные вопросы вертятся лѣниво.
 Хочется припомнить, много-ль дней прошло,
 Какъ все плачетъ небо? Вспомнить тяжело...

Нѣтъ, не дни, не сутки—дождикъ безконечный
 Льется ужъ вѣками, будетъ литься вѣчно.
 Какъ провлятье свыше, какъ зловѣщій сонъ
 Надъ страной родимой тяготѣетъ онъ.

Льется, льется дождикъ, будто по-неволѣ...
 Истомилось сердце... Силь страдать нѣтъ болѣ...
 Струны напряглись, струны порвались,
 И въ одно желанье силы всѣ слились:

Почернѣй, о небо! Заклубитесь, тучи!
 По небу помчитесь вы градой могучей.
 Громомъ разбудите вѣковѣчный сонъ,
 Молніей зажгите черный небосклонъ...

Пусть грохочетъ буря, пусть гроза бушуетъ!
Сердце встрепетаетъ, сердце заликуетъ.
Громъ я встрѣчу пѣсней, радостной, какъ громъ,
Въ ураганъ взовьется мысль моя орломъ...

Пусть стволы деревьевъ ураганъ ломаетъ,
Пусть весь лѣсъ отъ молній ярко запылаетъ.
Жизни! Жизни! Жизни! Истомилась грудь,
Разъ хоть полной грудью хочется вздохнуть!

Знаю: громъ ударить и въ людей жилища,
Можетъ, самъ я первый стану грома пицей...
Лишь могло-бы только дерево ожить,
Объ упавшихъ листьяхъ нечего тужить!..

НОЧЬ ПЯТАЯ.

Прочелъ я свой безумно-наступленный
Вчерашній бредъ—и ужасъ, точно льдомъ,
Сковалъ мнѣ грудь—лицо горитъ стыдомъ,
И горькій смѣхъ звучитъ въ душѣ смущенной.

«Ты-ль о грозѣ взываешь роковой,
Ты, кротости родникъ неистощимый?
Грянь первый громъ изъ тучи грозовой,
Кто первый бы взмолился: мимо! мимо!
И разразись нещадная гроза,
Чьи послѣ бы слезились глаза,
Кто-бъ горевалъ возвышенно-умильно
Надъ каждымъ чуть придавленнымъ цвѣткомъ,
Надъ каждымъ, чуть нарушеннымъ гнѣздомъ?
Дитя душой, жрецъ кротости бессильной...

. . . . .

— Жрецъ кротости! дитя!.. Да, я—таковъ,
Но были дни,—и этимъ я гордился;
Сонъ золотой тѣхъ золотыхъ годовъ
Еще въ душѣ моей не испарился.
Давно-ль, давно-ль... О, грезы дѣтскихъ дней,
Затѣмъ вы вдругъ такъ ярко засверкали?

Печальна повѣсть юности моей.
 Заботы колыбель мою качали.
 Раздоръ въ семьѣ, сиротство съ юныхъ лѣтъ
 Лишили рано умъ безнечности свободной.
 Я жизнь влачилъ въ толпѣ униженно-холодной,
 И непривѣтенъ край, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ.
 Я вырость въ ужасахъ годинны безотрадной,
 Я видѣлъ, какъ народъ, сраженный, ницъ упалъ,
 Какъ храмы Божіи ломались безпощадно,
 Какъ побѣдитель ихъ въ казармы превращалъ.
 Изъ дѣтскихъ лѣтъ я помню образъ дикій:
 Билъ барабанъ... Съ телѣтъ носились крики
 И стоны раненныхъ. Струилась кровь съ колѣсъ,
 И эту кровь лизалъ голодный пѣсъ...

Но ужасы, раздоръ и униженья
 Враждой довременной мнѣ сердца не зажгли,
 Восторги чистые любви и вдохновенья
 Въ младенческую грудь, Богъ вѣсть, какъ забрели.
 Знать, въ вѣдунѣ тогда, какъ сѣмена, незримо
 Мечты высокія носились. Дитя,
 Я чутокъ былъ душой—и свѣжая струя
 Надъ сердцемъ дѣвственнымъ не пронеслася мимо...

О, будь благословенъ тотъ день, какъ въ первый разъ
 Я обнялъ всѣхъ людей любовью необятной,
 И сладко сжалась грудь тоскою непонятной,
 И первая слеза упала съ дѣтскихъ глазъ!..

— Дитя душой!.. Жрецъ кротости безсильной!..
 Да, кротостью въ тѣ дни любовь моя была.
 Богиней ласковой и страждущей обильно,
 Утѣшею добру, не помнящею зла,
 Любовь являлась мнѣ—и, полныя печали,
 О всепрощеніи слова ея звучали.
 Отъ жизненныхъ заботъ и жизни суеты
 Моей очей она не отводила...
 О, нѣтъ! Не разъ она съ собой меня водила
 Въ жилища грязныя труда и нищеты—
 И почитать велѣла ихъ, какъ храмы.
 И поднималась потомъ она со мной

Въ жилища роскоши и праздности людской,
 И съ яркой мишуры позолоченой рамы
 Срывая блестящій обманчивый покровъ,
 Картину тайныхъ мукъ моимъ очамъ чертила,
 И нищихъ-богачей, какъ нищихъ-бѣдняковъ,
 Любовью равною любить меня учила.
 Учила, ставъ со мной среди толпы вдвоемъ
 Передъ голговами, налюбленными вѣкомъ,
 Скорбѣть надъ жертвою, скорбѣть надъ палачомъ —
 Надъ губящимъ и надъ погибшимъ человѣкомъ.
 Она ввела меня въ священный храмъ вѣковъ,
 Но съ ветхихъ стѣнъ его заботливо стирала
 Лозунги ветхіе, и вмѣсто прежнихъ словъ
 Лишь слово «человѣкъ» лучисто начертала...

За этотъ дивный сонъ, о, молодость моя,
 Не помню я твоихъ печалей и страданій.
 Какъ утренній востокъ, въ безоблачномъ сіяньи,
 Стоишь ты предо мной, сверкая и маня.
 И словно сгнившій стволъ вершиною зеленой,
 Какъ темный сводъ земли небесной синевой,
 Какъ мрачная скала витающей короной —
 Такъ жизнь печальная увѣнчана тобой.
 На небесахъ твоихъ горятъ воспоминанья,
 Какъ звѣзды яркія — тѣмъ дальше, тѣмъ свѣтлѣй,
 И кротоко смотрять внизъ, и въ ночь души моей
 Струится чистый свѣтъ ихъ дальняго мерцанья...

Да, ночь — теперь въ душѣ, и ночь стоитъ вокругъ,
 И воздухъ напоенъ отравой злобы дикой...
 Что сталося со мной! Какъ могъ забыть я вдругъ
 Уроки кроткіе наставницы великой!
 Зачѣмъ Любовь теперь является ко мнѣ
 Сурово-страстная, съ кровавыми руками
 И, задыхаяся въ горячечномъ огнѣ,
 Все бредитъ битвами, и мстью, и бойцами?
 О, какъ душа скорбитъ! Какъ сталъ я одинокъ!
 Я-ль это!.. Я — грозы, я — жаждать разрушенья!..
 Стыдомъ горитъ лицо, въ груди горитъ упрекъ,
 Меня преслѣдуютъ ужасныя видѣнья...

Мнѣ снится мрачный духъ—я самъ въ нему взывалъ—
 Духъ мести и грозы. Черезъ весь мой край родимый
 Промчится бурно онъ, какъ разъяренный шквалъ—
 И вскрикнетъ родина отъ боли нестерпимой...
 Онъ, какъ пожаръ, пройдетъ... Сперва сердца людей,
 Потомъ испепелитъ людскія онъ жилища...
 Онъ когти обостритъ у дремлющихъ страстей...
 На мѣстѣ городовъ воздвигнетъ онъ кладбища...
 И тамъ, въ тиши полей, въ безмолвіи лѣсовъ,
 Гдѣ нынѣ труженикъ покорно и безъ словъ
 Гнетъ выю крѣпкую подъ иго вѣковое,—
 Тамъ пламя злости онъ раздуетъ роковое,
 И влившійся чугуны заржавленныхъ цѣпей
 Изъ тѣла узника онъ вырветъ съ тѣломъ вмѣстѣ,
 И жертвы кроткія отравой сладкой мести
 Злорадно превратитъ онъ въ грозныхъ палачей...
 А кровь невинная... А мрачная свобода,
 Чтѣ кровью добыта... А грознаго народа
 Горячей крови разъ вкусившіе мечи...

Скорбять душа моя... Исхода, о, исхода!
 Учитель, гдѣ ты, гдѣ? Приди и научи!

Не мимолетна скорбь, сомнѣнья не случайны,
 Чтѣ давать грудь мою. Ихъ грозная тѣнь
 Легла на всѣ сердца, сгущаясь каждый день.
 И съ каждымъ днемъ въ душѣ все громче голосъ тайный
 Рыдаетъ и зоветъ: «Возстань, очнись, поэтъ!
 Забудь сомнѣнія! Въ безмолвіи суровомъ
 Въ сердцахъ скопляется гроза—источникъ бѣдъ...
 Возстань, гони ее Любви могучимъ словомъ,
 Зови: да будетъ миръ! Зови: да будетъ свѣтъ!
 И тихій возгласъ твой, другими повторенный,
 Быть можетъ, прозвучитъ побѣдною трубой,
 Какъ слабый звукъ средъ скалъ, роняя камень сонный,
 Обвала грохотомъ разносится порой...»

Н. Минскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ноябрь, 1879.

I.

— *Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Ивана Забѣлина.*
Часть вторая. Москва, 1879.

Вторая часть книги г. Забѣлина любопытна не менѣе первой, о которой мы имѣли случай говорить въ свое время. Авторъ еще не вышелъ изъ темнаго, древнѣйшаго періода нашей исторіи (вторая часть книги оканчивается еще только крещеніемъ Руси), такъ что и здѣсь большая доля исторіи состоитъ въ догадкахъ. Прежде мы со многими изъ нихъ не согласились; многія и здѣсь считаемъ слишкомъ мало доказанными — но доля произвола и условности не мѣшаетъ книгѣ г. Забѣлина быть замѣчательнымъ трудомъ, которому во многихъ случаяхъ наши сочувствія принадлежать вполне.

Авторъ занимаетъ особенное мѣсто въ ряду нашихъ историковъ. Въ своихъ изученіяхъ онъ рѣдко касался внѣшней политической исторіи; его главная сила была въ изученіи исторіи бытовой. Едва ли кто другой изъ нашихъ историковъ посвятилъ столько вниманія этой сторонѣ нашего прошедшаго, столько работалъ надъ многотруднымъ собираніемъ подробностей стараго быта, подробностей мелкихъ, добываніе которыхъ приобро́бталось цѣною долгой, кропотливой работы съ источниками крайне сухими и утомительными, какъ старыя описи, счетныя и расходныя книги и т. п. Но г. Забѣлинъ — и это сила его дарованія — не далъ овладѣть собой этому матеріалу; онъ не сдѣлался только архиваріусомъ, — напротивъ, онъ овладѣвалъ матеріаломъ и извлекалъ изъ него характерныя и наглядныя черты той жизни, которая оставила въ нихъ свой слѣдъ. Истинному историку нужна фантазія, — хоть и въ меньшей степени, чѣмъ поэту; только поэтически-историческая фантазія въ состояніи оживить сухой матеріалъ,

пугающій обыкновеннаго наблюдателя или дѣйствующій на него только поверхностно — древній курганъ, руину, старую отрывочную записъ и т. п. Другому наблюдателю, одаренному такъ сказать научной фантазіей для отгадки смысла этой старины, всѣ эти полуразрушенныя слѣды древности представляются какъ отраженіе нѣкогда дѣйствовавшей въ нихъ жизни; онъ угадываетъ смыслъ памятника, переносится самъ въ далекія времена и является компетентнымъ ихъ истолкователемъ. — Таковъ именно талантъ г. Забѣлина.

Въ тѣхъ его сочиненіяхъ, которые касались болѣе близкихъ историческихъ временъ, какъ XVI—XVII вѣкъ (которыми въ прежнее время онъ всего болѣе занимался), каждый обыкновенный читатель могъ оцѣнить мастерство, съ которымъ онъ рисовалъ прошедшую жизнь — такъ ясно, какъ будто онъ изъ первыхъ рукъ передаетъ рассказъ очевидца. Это же свойство его историческаго таланта обнаруживается и въ его книгахъ, посвящаемыхъ имъ теперь самой далекой древности. Въ прежнихъ трудахъ у автора сложилось умѣнье наглядно изображать старую жизнь; для него стало потребностью угадывать ея внутренній смыслъ, представлять ее въ ясныхъ, опредѣленныхъ чертахъ. Историческихъ данныхъ о началѣ русской жизни слишкомъ мало; но авторъ не привыкъ оставлять въ своемъ рассказѣ темныя, неосмысленныя пункты, и употребляетъ весь свой историко-графическій опытъ на то, чтобы и въ этихъ вѣкахъ, исторія которыхъ напоенна сомнѣніями, угадать основныя черты бытовой жизни, и представить ихъ въ ясной и простой картинѣ.

Для IX вѣка дать такую картину, очевидно, вовсе не такъ легко, какъ для XVI—XVII-го, а г. Забѣлинъ идетъ еще на много вѣковъ ранѣе предполагаемаго основанія русскаго государства. Но историческая реставрація и здѣсь произведена съ замѣчательнымъ искусствомъ, и трудъ г. Забѣлина является вполне своеобразнымъ изображеніемъ древности, на ряду съ произведеніями Соловьева и г. Костомарова.

Мы не станемъ входить въ подробности, и намѣтимъ лишь нѣкоторыя черты новаго изслѣдованія.

Во-первыхъ, г. Забѣлинъ совсѣмъ не согласенъ съ учеными, которые, по его словамъ, начинаютъ русскую исторію съ „пустого мѣста“, оставляя почти безъ вниманія то, что могло происходить въ ней до призванія варяговъ (по теоріи норманистовъ), или до Игоря (по г. Иловайскому), или даже до Владиміра (по г. Костомарову). Норманисты принимаютъ „пустое мѣсто“ потому, что на ихъ взглядъ первая политическая жизнь, первая народная дѣятельность и культура начались именно только съ прихода варяговъ. Другіе историкъ, даже и не раздѣляющіе норманской теоріи, принимаютъ „пустое мѣсто“ по другому соображенію: о тѣхъ далекихъ временахъ осталось такъ

мало извѣстій или они такъ баснословны, что изъ нихъ невозможно извлечь ничего прочно достовѣрнаго. Нашъ авторъ думаетъ совсѣмъ иначе. На его взглядъ, норманская теорія въ нашей исторіографіи вообще есть нѣчто въ родѣ божескаго поущенія—и онъ придаетъ ей специально нѣмецкую національную, противо-русскую тенденцію. Что касается баснословности древняго періода, онъ утверждаетъ, что лѣтописное преданіе, сколько бы оно ни казалось баснословнымъ, не есть однако произвольная сказка, что, напротивъ, въ немъ всегда есть зерно дѣйствительнаго фактическаго положенія вещей, и что историкъ не исполнитъ своего дѣла, если просто отброситъ эти преданія, выключить ихъ изъ исторіи, а не подвергнетъ ихъ изслѣдованію, какому подвергается мнѣ и народная поэзія, и подъ ихъ фантастической оболочкой не раскроетъ зерна. Въ этомъ г. Забѣлинъ совершенно правъ. Норманская теорія также не исключала изъ области исторіи этихъ преданій; она только истолковывала ихъ въ свою пользу,—теперь г. Забѣлинъ объясняетъ ихъ въ русско-славянскомъ смыслѣ, но, какъ сейчасъ увидимъ, идетъ въ своихъ объясненіяхъ гораздо дальше всѣхъ прежнихъ историковъ.

Начало русской исторіи г. Забѣлинъ относитъ къ такимъ отдаленнымъ временамъ, въ которыя новѣйшіе историки уже не рѣшались углубляться—ко временамъ скифовъ, сарматовъ, роксоланъ, гунновъ и т. д. Какъ историкъ, авторъ имѣлъ, разумѣется, полное право вести изслѣдованіе такъ далеко въ древность, какъ считалъ нужнымъ, предполагая, что онъ откроетъ къ этому научныя средства; но мы не думали, чтобы въ этой области онъ успѣлъ найти твердую почву. Когда авторъ подходитъ ближе ко временамъ начала русскаго государства, почва становится тверже. Изъ различныхъ теорій „о началѣ Руси“, онъ принимаетъ къ той, которая ищетъ варяговъ въ балтійскомъ славянствѣ, и въ изложеніи г. Забѣлина эта теорія приобретаетъ гораздо больше вѣроятности, чѣмъ у кого-нибудь прежде и чѣмъ, напримѣръ, у злѣйшаго нинѣ врага норманства, г. Иловайскаго. Хотя, какъ увидимъ, и г. Забѣлинъ не прочь приписывать ученымъ теоріямъ непремѣнно заданнымъ мыслямъ: онъ не считаетъ, чтобы мнимо-патріотическія декламаціи были доказательствомъ, и старательно собираетъ историческіе факты и соображенія въ пользу своего взгляда. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ служатъ автору топографическія названія. Опираясь на извѣстномъ указаніи лѣтописи, что жители новгородскаго края специально назывались „Славянами“, а южнаго края—Русью, г. Забѣлинъ принимаетъ, что на сѣверъ шелъ особый славянскій притокъ населенія, именно съ запада отъ балтійскаго славянства. Побудительной причиною этого движенія были интересы промысла и торговли; направленіе опредѣлилось обычными

тогда рѣчными путями,—и дѣйствительно, по сѣти рѣкъ, которыми можно было пройти отъ устьевъ Нѣмана въ глубь нынѣшняго западнаго края и потомъ сѣвернѣе, къ Новгороду и окрестнымъ его землямъ, авторъ находитъ цѣлый рядъ мѣстностей и поселеній, съ именами, взятыми отъ славянъ: городъ „Словянскъ“, озера „Словенскія“, „Словогощъ“, „Словенскіе ключи“ и т. д. Путемъ этихъ поселеній и образовалась, по его мнѣнію, та связь Новгорода съ заморьемъ, которая въ фактѣ призванія князей является обычнымъ, знакомымъ дѣломъ. „Варяги“, по самой лѣтописи, бывали въ Новгородѣ и задолго до призванія; это были промышленники, торговцы, а также и воины съ славянскаго балтійскаго поморья, которое въ тѣ времена было еще знаменито своей мореходной, промышленной и военной предприимчивостью; въ Новгородѣ это были, слѣдовательно, знакомые одноплеменники.

Понятно, что это представленіе дѣла могло быть утверждено не столько на прямыхъ свидѣтельствахъ, сколько на соображеніи историческихъ обстоятельствъ. „Относительно древнихъ связей всего Венедскаго (балтійско-славянскаго) поморья съ русскою стравою намъ остается только спросить здравый смыслъ. Если венды, живя въ устьяхъ Вислы и Нѣмана, успѣли распространить свои поселенія до предѣловъ Даніи, почти до нижней Эльбы, если ихъ морскія и торговныя предпріятія заходили не только въ Нѣмецкое море, но и въ Атлантическій океанъ, то, живя у самыхъ воротъ нашей равнины, могли ли они оставить безъ вниманія ея природныя богатства и не попытаться счастья въ проложеніи дорогъ по нашимъ рѣкамъ къ далекимъ морямъ юга и востока, которыя, вдобавокъ, были имъ хорошо извѣстны и отъ постоянныхъ сношеній съ греками?“... Такова исходная точка г. Забѣлина въ его заключеніяхъ о движеніи населенія съ Поморья зъ новгородскую область, и притокъ варяговъ въ основанійся Новый-городъ. По его мнѣнію, Новгородъ и не могъ быть основанъ племенемъ днѣпровскимъ, которому не было необходимости продвигаться массой на сѣверъ изъ своего благодатнаго края; Новгородъ, напротивъ, выросъ именно изъ потребностей балтійскаго торга, того самаго, который позднѣе сосредоточивался въ Ганзѣ (гдѣ и самъ Новгородъ участвовалъ), а въ вѣка „призванія князей“ былъ если не исключительно, то главнымъ образомъ въ рукахъ балтійскаго одноплеменнаго славянства.

Такимъ образомъ, было совершенно естественно присутствіе въ Новгородѣ варяговъ, которые брали съ него дань и которыхъ онъ, наконецъ, выгналъ, когда ихъ притязанія перешли мѣру; естественно и призваніе князей изъ тѣхъ же варяговъ—вѣроятно, только другого племени—какъ людей воинственныхъ, способныхъ защищать страну.

Новгородъ былъ типическимъ выраженіемъ этого древняго порядка вещей. „Великимъ и могущественнымъ типомъ промышленнаго города въ теченіи всей нашей древней исторіи является Новгородъ. Онъ же былъ и зародышемъ нашей исторической жизни. Мы думаемъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ полнымъ выразителемъ тѣхъ жизненныхъ бытовыхъ началъ, которыя съ теченіемъ вѣковъ постепенно нарастали и развивались отъ вліянія проходившихъ черезъ нашу равнину торговыхъ связей. Онъ былъ славнымъ дѣтищемъ незнакомой, но очень старой исторіи, прожитой русскою страной безъ всякаго, такъ-называемаго, историческаго шума. На исторической почвѣ всегда вырастаетъ лишь то, что скрывается въ нѣдрахъ земли—нареда. На нашей исторической почвѣ къ самому началу нашихъ историческихъ дѣяній выросло гнѣздо свободнаго промысла. Ясно, что оно могло вырасти только изъ тѣхъ же промысловыхъ сѣмянъ, какими съ давнихъ вѣковъ была насажена окружающая земля. Другія сѣмена возрождали другія формы быта. Черноморскія украинны ничего не могли производить, кромѣ казачества, кромѣ запорожской сѣчи или донскихъ городковъ, составлявшихъ тоже своего рода осѣни, сѣчи...

„По всѣмъ видимостямъ, балтійскіе славяне овладѣли страной не военными походами, а настойчивою мирною торговою промышленностью, причемъ, конечно, входилъ въ дѣло и мечъ, но какъ единственное средство добиться или свободнаго прохода въ какой-либо уголокъ, или свободнаго поселенія на выгодномъ мѣстѣ, или какъ отмщеніе за нанесенныя обиды. Слѣдовъ прямого военнаго занятія, завоеванія земли и самодержавія надъ землею нигдѣ не примѣчается... Завоеваніе необходимо внесло бы начало феодальное, начало личнаго господства и надъ землею, и надъ людьми. Между тѣмъ такого господства даже и въ призванныхъ варягахъ нигдѣ не видно. Напротивъ, очень замѣтно отношеніе къ землѣ самое первобытное, какъ въ обширному Божьему міру, въ которомъ мѣсто найдется для каждаго“.

Такимъ образомъ, начало государства не было завоеваніемъ и не принесло феодализма. Варяги пришли какъ единоплеменники и внесли съ собою торговую и промышленную предпріимчивость, однородный нравъ и обычай, никакого дѣленія земли, раздѣленія на господъ и рабовъ; все это же вскорѣ сливается въ одинъ историческій потокъ, въ которомъ пришельцы исчезли, не оставивши яркаго слѣда и способствуя только быстротѣ развитія первоначальной русской исторіи.

Неясность лѣтописнаго разсказа о началѣ Руси, отсутствіе всякихъ прямыхъ свѣдѣній о первоначальныхъ связяхъ новгородскаго

сѣвера съ балтійскимъ поморьемъ,—эта скудость историческихъ извѣстій, породившая всѣ безконечныя препирательства о происхожденіи русской народности и государства, у многихъ возбудить, вѣроятно, и теперь недоувѣренность къ теоріи г. Забѣлина; но, повторимъ, это едва ли не самое логическое разъясненіе дѣла — съ своей точки зрѣнія. Сильная сторона теоріи въ томъ, что она объясняетъ смутное лѣтописное преданіе безъ всякаго *deus ex machina*, какими являются норманны, родины которыхъ такъ и не могли отыскать самые усердные норманисты; она беретъ свое главное основаніе въ реальныхъ торгово-промысловыхъ отношеніяхъ, которыя существовали и много вѣковъ послѣ призванія, какъ, вѣроятно, существовали и раньше.

Въ частности, книга г. Забѣлина даетъ опять не мало поводовъ къ возраженіямъ, какъ и первая ея часть. Авторъ легко надѣляется упреками ученыхъ, съ мнѣніями которыхъ не соглашается; но за то и его могутъ упрекнуть въ не-критической поспѣшности. Напримѣръ, могутъ сказать, что рядъ топографическихъ названій, которыми онъ опредѣляетъ путь переселеній балтійскихъ славянъ на русскій сѣверо-западъ, требовалъ бы болѣе внимательнаго освидѣдованія о томъ, дѣйствительно ли такъ стары эти названія, не могли ли они имѣть другого повода, — наконецъ, не были ли они просто даны самими туземцами; дѣйствительно ли такія названія, какъ „Славво“ и „Славенскій“, однозначительны съ „словѣнскимъ“; можетъ ли названіе „Стайки“ быть отнесено къ стоянкамъ балтійскихъ славянъ, или не явилось ли по болѣе новой и прозаической причинѣ и т. п. Глава о миеологіи есть искусное сопоставленіе данныхъ, собранныхъ изслѣдователями о миеологической старинѣ, и современныхъ обычаевъ и повѣрій; но первыя данныя еще далеко не вполне признаны наукой, а относительно послѣднихъ иногда требовалось бы еще доказать ихъ пригодность для объясненія древнѣйшей миеологіи,—напримѣръ, могутъ ли „травники“ XVII вѣка, происхожденіе которыхъ еще не выяснено, послужить основаніемъ для миеологіи VIII и IX вѣка... Въ болѣе частныхъ подробностяхъ могутъ сказать, напримѣръ, что г. Забѣлинъ столь же безжалостно вымучиваетъ русскія слова изъ древнихъ названій днѣпровскихъ пороговъ, какъ, по его мнѣнію, безжалостно вымучивали изъ нихъ слова норманскія; могутъ сказать, что объяснить имя Игоря „Горяемъ“ болѣе отважно, чѣмъ доказательно, и т. д.

Авторъ не отличается терпимостью. Онъ не можетъ простить норманской теоріи, что она такъ давно была общепризнаннымъ ученіемъ о началѣ русскаго государства: это—теорія „нѣмецкая“, „академическая“, а мы (т.-е. принимавшіе норманскую теорію), мы только

рабогѣпно слѣдовали за чужой указкой. „Норманское имя очень важно и очень знаменито въ западной исторіи, — говоритъ г. Забѣлинь (стр. 72), — а потому и мы, хорошо выучивая (хорошо ли?) западные историческіе учебники и, вовсе не примѣчая особенныхъ обстоятельствъ своей исторіи, рабогѣпно, совсѣмъ по ученически, безъ всякой повѣрки и разбора (?), повторяемъ это имя, какъ руководящее и въ нашей исторіи“.

Не говоря о томъ, что подобный полемическій тонъ непріятно прерываетъ нить любопытныхъ соображеній автора о самомъ дѣлѣ, онъ кажется намъ и фактически неоправданнымъ, а мало приготовленнаго читателя можетъ ввести въ заблужденіе совсѣмъ напрасное. Неужели дѣйствительно норманская теорія есть только нѣмецкая и академическая, а нашими учеными принималась лишь изъ рабогѣпства (т.-е. передъ нѣмцами)? Въ числѣ самыхъ рѣшительныхъ защитниковъ норманской теоріи были три авторитетныхъ историка — Карамзинъ, Погодинъ и Соловьевъ, которые всѣ трое не были ни нѣмцами, ни академиками ¹⁾, не имѣли ни малѣйшей склонности „рабогѣпствовать“ передъ нѣмцами или принимать ихъ теоріи безъ всякой повѣрки. Напротивъ, всѣ трое очень провѣряли, и если оказались послѣдователями норманской теоріи, то именно потому, что въ то время не было другой, которая была бы такъ же хорошо обставлена научными аргументами. Вопросъ о происхожденіи Руси дѣйствительно принималъ національную окраску во времена Ломоносова и Шлещера: сочувствія автора конечно на сторонѣ врага нѣмцевъ, Ломоносова, но не вина Шлещера и его послѣдователей была, что взглядъ Ломоносова не былъ защищенъ удовлетворительно, и научное преимущество въ томъ спорѣ несомнѣнно принадлежало Шлещеру. Научное изслѣдованіе есть логическій выводъ, а не догадка, намъ пріятная, но не доказанная; та или другая точка зрѣнія не принимается здѣсь на вѣру и по чувству патріотизма, а по доказательности аргументовъ. Автору кажется, что норманская теорія, или, по его выраженію, ученіе о „пустомъ мѣстѣ“, имѣла вредное моральное вліяніе, — но, какъ дальше увидимъ, вредное вліяніе заключалось не въ самой норманской теоріи, а въ новѣйшемъ способѣ истолкованія историческаго факта: книжная теорія была книжною теоріей, а вредъ шелъ изъ совсѣмъ другой, несравненно болѣе широкой сферы, — эта послѣдняя и дала тенденціозную окраску теоріи, которая могла бы остаться совсѣмъ индифферентной...

Довольно припомнить ходъ норманской теоріи (самой по себѣ, безъ ея практическихъ примѣненій) въ нашей исторіографіи, чтобы

¹⁾ Погодинъ и Соловьевъ были академиками номинальными.

увѣряться, что она принималась нашими учеными не изъ работѣнства, и вовсе не безъ всякой провѣрки: она принималась прежде всего потому, что на нее самымъ серьезнымъ образомъ наводитъ сама древняя лѣтопись. Извѣстіе лѣтописи о призваніи варяговъ крайне запутанно; но лѣтопись совершенно ясно называетъ въ ряду варяговъ сѣверные народы именно германскаго племени, и собственныя имена русскихъ князей имѣютъ несомнѣнно параллели въ норманскихъ и т. д. Норманская теорія выработала, наконецъ, цѣлый длинный рядъ доказательствъ. Если нѣмцы явились ее первыми излагателями, то это объясняется очень просто тѣмъ, что до основанія петербургской академіи и до новѣйшаго „привзанія варяговъ“, т. е. до вызова ученыхъ нѣмцевъ въ прошломъ столѣтіи, у насъ не было историковъ, научно подготовленныхъ; но Байеръ былъ самый настоящій ученый; Шлёцеръ, въ области исторической критики (при всѣхъ его крайностяхъ), былъ гораздо сильнѣе Ломоносова, — это былъ ученый съ большою европейскою славой и съ заслугами вовсе не шуточными; далѣе, Лербергъ, Кругъ и т. д. были ученые опять съ несомнѣнными заслугами, отъ которыхъ почеркомъ пера отдѣлаться нельзя. Надобно думать, что въ своихъ трудахъ они не руководились же одной нѣмецкой высокоумною тенденціозностью, а также и нѣкоторымъ желаніемъ найти историческую истину — довольно вспомнить, какъ восторгался Шлёцеръ Несторомъ; дѣйствительно, они положили первое начало истинно научной разработкѣ русской исторіи, — слѣд., норманская теорія, ими выставленная, не есть ничто такое, что наши историки приняли только по глупости.

Первымъ настоящимъ ученымъ историкомъ былъ у насъ Карамзинъ. Можно справедливо находить недостатки въ политическихъ идеяхъ, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ подкладку своей исторіи; можно и мало имъ не сочувствовать, но слѣдуетъ отдать полную справедливость его искусству въ частной исторической критикѣ, въ разборѣ фактовъ географіи, этнографіи, хронологіи и т. п. Въ этомъ отношеніи Карамзинъ могъ быть, по справедливости, названъ начинателемъ русской критической исторіи. Его восторженнаго поклонника и продолжателя норманской теоріи, Погодина, также нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы онъ слѣпо и безъ всякаго разбора повторялъ „академическую“ (карамзинскую?) теорію. Напротивъ, Погодинъ всю жизнь возился надъ перерываніемъ норманскаго вопроса съ разныхъ концовъ, и еще незадолго передъ смертью съ негодованіемъ, немного забавнымъ, вооружался противъ новыхъ „ересей“ и снова дѣлалъ „разборъ“ своей и чужой теоріи. Если уже ставить вопросъ на почвѣ патріотизма, то ужъ, конечно, ни Карамзина, ни Погодина не упрекнуть въ недостаткѣ патріотизма; Погодинъ, какъ извѣстно, напро-

тивъ самъ (очень мало похвально) употребляетъ такіе аргументы, какъ полемическое оружіе въ историческихъ вопросахъ...

Наконецъ, третій представитель норманской теории былъ не кто иной, какъ покойный Соловьевъ. Не придумаемъ, какъ можно было бы примѣнить къ нему упрекъ въ „раболовствѣ“ предъ нѣмцами или въ отсутствіи „всякаго разбора“. По странной случайности, послѣдняя статья, напечатанная Соловьевымъ, была статья „Начала русской земли“¹⁾; конецъ ея посвященъ именно новымъ теоріямъ о началѣ русской земли, которыя выставлены г. Иловайскимъ и г. Забѣлинымъ (въ 1-мъ томѣ его „Исторіи“). Соловьевъ повторяетъ, что въ этомъ вопросѣ онъ и до послѣдняго времени не придаетъ никакого особаго значенія народности призванныхъ князей, что для сущности дѣла, начала государственной жизни, это обстоятельство почти безразлично; но если уже ставить вопросъ о народности, онъ не только не находитъ, чтобы новыя ученія опровергли старое, но еще поднимаетъ надъ ихъ способомъ доказательства. Какъ мы видѣли, г. Забѣлинъ въ защиту своего взгляда апеллируетъ къ *здоровому смыслу*; но именно это качество было одной изъ характеристическихъ сторонъ историческаго таланта Соловьева, и этого здраваго смысла очень много въ замѣчаніяхъ Соловьева о новыхъ теоріяхъ,

Что же заключить изъ всего этого? То, что отъ норманской теории нельзя отдѣлаться, назвавши ее нѣмецкой или академической; что она была нѣмецкой только потому, что нѣмецкіе ученые были первыми нашими научными историками; что русскими учеными она принималась не изъ раболовства и не безъ разбора, а потому, что при тогдашнемъ (и нынѣшнемъ?) положеніи историческаго знанія въ этой области она имѣла за себя наиболѣе сильныя научныя доказательства; что если она и имѣетъ слабыя стороны, то онѣ опровергнуты только отчасти (именно крайности), а въ цѣломъ, опроверженіе еще далеко не достигнуто; наконецъ, что клички „нѣмецкихъ“ и „академическихъ“ лучше бросить, потому что онѣ давнымъ-давно невѣрны и вообще не соответствуютъ спокойной критикѣ.

Такого спокойствія не показываютъ и другія полемическія замѣчанія г. Забѣлина. По поводу I-го тома „Исторіи“, противъ теории г. Забѣлина высказался извѣстный г. Первольфъ; одной, нѣсколько неловкой фразой, гдѣ этотъ ученый выразилъ удовольствіе, что, какъ чехъ, имѣлъ случай „защитить древне-русскую исторію“ отъ новой теории, — было довольно, чтобы нанять авторъ сейчасъ заподозрилъ

¹⁾ Въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“; первая статья въ т. IV, вторая въ VII-мъ томѣ, недавно вышедшемъ.

какой-то подвохъ и интригу (хотя послѣ самъ утверждаетъ г. Первольфа, что его статья крайне неопредѣленна, и даетъ факты и противъ теоріи, и въ ея пользу). „Стало быть,—замѣчаетъ г. Забѣлинъ,—существуетъ особая нужда, которая заставила автора употребить свою ученость на устраненіе изъ русской исторіи вопроса о взаимности между древнею Русью и Балтійскими славяноствомъ. Вѣтъ ли, настоитъ особая нужда всячески защищать академическое ученіе о создателяхъ Руси—норманнахъ?“ (стр. 616). Не понимаемъ этого соображенія. Невинная фраза чешскаго ученаго означаетъ вѣроятно только то, что онъ принимаетъ ученіе о призваніи варяговъ — не академическое, а ученіе Карамзина, Погодина и Соловьева, и порадовался впервые представившемуся случаю примѣнить свою ученость къ спеціальному вопросу русской исторіи, по которой онъ раньше не писалъ.

Дальше (стр. 518), авторъ заносчивается и Шафарика, который принималъ норманскую теорію. „Мы догадываемся,—говоритъ г. Забѣлинъ,—что и самъ Шафарикъ... конечно, имѣлъ уже, какъ и г. Первольфъ, особую нужду не разбирать вовсе историческаго и филологическаго смысла Ругенской Руси... Если филологи по *особой нуждѣ* обходить этотъ вопросъ, то исторія, и главное, русская не находитъ никакой нужды оставлять его безъ надлежащаго вниманія и старается по мѣрѣ силъ и способовъ устранить въ своихъ изысканіяхъ это нанущенное филологическое затмѣніе“.

„Особая нужда“, нѣсколько разъ подчеркнутая г. Забѣлинымъ, означаетъ, конечно, почти нескрываемое обвиненіе, такъ-сказать, въ ученомъ лжесвидѣтельствѣ, въ завѣдомомъ умолчаніи истины ради какихъ-то, очевидно, наукѣ чуждыхъ соображеній. Намъ кажется, что если уже дѣлается такое тяжелое обвиненіе, его слѣдуетъ сказать прямо; тогда, во крайней мѣрѣ, обвиняемый зналъ бы, въ чемъ его винятъ, и могъ бы опровергнуть неправду, еслибъ оказалось, что обвиненіе не имѣетъ никакого основанія. Уклончивый намекъ, напротивъ, лишаетъ его всякой возможности объясненія: слѣдуетъ-ли позволять себѣ такіе намеки? А если эти намеки — неправда?

О Шафарикѣ г. Забѣлинъ могъ говорить открыто: его дѣятельность уже принадлежитъ исторіи,—да и біографія его довольно извѣстна, такъ что была бы возможность провѣрить обвиненіе.

Мы остановились на этихъ подробностяхъ, потому-что эти приемы, по нашему мнѣнію, не соответствуютъ достоинству труда г. Забѣлина: на доказательства (какихъ вовсе не лишена норманская теорія) надо отвѣчать настоящими доказательствами, а не аргументами отъ

національных чувствъ, которыя у насъ и безъ того вслѣдствіемъ сношеній извращаются ¹⁾.

Но защищая отъ осужденій автора научное право норманской теоріи, какъ исторически доказываемаго взгляда, мы вполне согласны съ нимъ, когда онъ осуждаетъ тенденціозное общественно-политическое истолкованіе призванія князей (всего ярче выразившееся именно у русскаго же историка, Карамзина). Въ одномъ мѣстѣ самъ авторъ хорошо объясняетъ, какъ развилась эта тенденціозность. Онъ замѣчаетъ (стр. 93), что „подобныя голыя свѣдѣнія о происхожденіи династій или народа всегда объясняются сообразно понятіямъ и образованности вѣка“. Начальная лѣтопись, представляя въ Рюрикѣ типъ княжеской власти, видитъ въ немъ именно только старѣйшину. Послѣдующія лѣтописи такъ и называли Рюрика и его братьевъ. Но съ развитіемъ государственныхъ идей въ XVI столѣтіи, Рюрикъ происходитъ уже отъ Августа-Кесаря и называется государемъ—т.е. по образцу московскихъ великихъ князей и царей. Далѣе, въ XVIII-мъ вѣкѣ, говоритъ г. Забѣлинъ, нѣмецкіе ученые Байеръ, Миллеръ, Шлёцеръ изображаютъ Рюрика настоящимъ феодаломъ, „владѣтелемъ неограниченнымъ“, основателемъ русской „монархіи“.

„Какъ извѣстно,—продолжаетъ авторъ,—въ первой половинѣ XVIII вѣка наши доморожденные крѣпостныя идеи очень сильно просвѣщались и развивались идеями нѣмецкаго феодализма, и потому портретъ Рюрика по необходимости долженъ былъ получать окончательную, даже художественную отдѣлку „перваго Россійскаго самодержца, основателя Россійской монархіи“, какъ, по указанію Шлёцера, наименовалъ его Карамзинъ.

„Такимъ образомъ, въ это время въ русскую исторію или, вѣрнѣе сказать, въ политическое сознаніе русскаго общества внесено было понятіе, которое со всѣхъ сторонъ противорѣчило самой природѣ нашего первоначальнаго историческаго и политическаго развитія“.

Замѣчанія эти чрезвычайно справедливы; но изъ нихъ же оказывается именно, что „норманская академическая теорія“, „западныя

¹⁾ Здѣсь замѣтимъ мимоходомъ еще одну, невразумительную для насъ подробность, на стр. 177, о „мудрости“ Ольги, истреблявшей „лучшихъ и честнѣйшихъ людей“ Древлянскій земли: „выясняется извѣстная политика умныхъ князей-завоевателей — *вынимать душу земли*, какъ говорили о Москвѣ новгородцы и псковичи; истреблять или выводить ее верхній, дѣйствующій, руководящій, богатый и знатный слой. Безъ того нельзя было покорить, какъ слѣдуетъ, ни одной земли. Это была ходячая и въ своихъ цѣляхъ мудрая и дальновидная житейская практика при распространеніи владычества надъ странами“. Г. Забѣлинъ прибавляетъ: „судить и осуждать ее можетъ только исторія“. Но авторъ—историкъ; зачѣмъ же онъ даетъ эпитетъ ума и мудрости—вещи, которая, какъ ни разбирай, все-таки была дальновидностью жестокости или простого звѣрства?

учебники“ и „раболѣнное ихъ повтореніе“ играли здѣсь очень малую роль, — потому что „понятіе, противорѣчившее самой природѣ нашего первоначальнаго историческаго развитія“ дано всѣмъ характеромъ нашей жизни. Уже въ XVI вѣкѣ Рюрикъ былъ потомокъ Августа-Кесаря, и это достаточно опредѣляетъ его дальнѣйшую карьеру какъ „владѣтеля неограниченнаго“ и „самодержца“: такимъ образомъ, сами старинные русскіе люди впервые извратили историческую истину, — за что авторъ хочетъ карать только академическую теорію и западные учебники. Далѣе. Въ XVIII столѣтіи, латинскія диссертации Байера, нѣмецкія книги Шлѣцера, въ нашемъ столѣтіи нѣмецкія книги Бруга и Лерберга читались только записными учеными и специалистами, но кто далъ норманской теоріи всеобщее господство? — Карамзинъ, авторитетный писатель, знаменитый патриотъ; шведскій до либеральнаго неовиновенія идеямъ самого императора Александра I, поклонникъ самодержавія; приверженецъ доморожденных „крѣпостныхъ идей“, имя котораго образованнѣйшіе люди того вѣка приглашали почитать „святимъ“, а иные желали бы подавить даже и научныя возраженія противъ его взглядовъ. Только о немъ и можно было сказать, за прежнее время, что его теорія имѣла вліяніе на складъ понятій въ обществѣ. А новѣйше, назой „академическій“ и „нѣмецкій“ норманизмъ воевалъ за эту теорію съ такимъ азартомъ, какъ М. П. Погодинъ?

Притомъ тутъ Байеръ, Миллеръ, Шлѣцеръ, и даже новѣйшіе норманисты, хотя бы они и утверждали, что русскіе славяне — безъ норманновъ — страдали „водобоязнію“?

И мало того, что такъ судили современники Карамзина. Долго послѣ, — мы можемъ сказать: до настоящаго времени — усумниться въ справедливости историко-политическихъ и общественныхъ идей Карамзина, отвергнуть ихъ какъ вредную въ сущности ложь — считалось неслыханной дерзостью и непризнаваніемъ властей... До такой степени „понятіи и образованность вѣка“ вліяли на „пониманіе происхожденія династій и народа“.

Возвращаемся къ разсужденіямъ г. Забѣлина. За сдѣланной сейчасъ оговоркой, мы вполне согласны съ этими разсужденіями. Въ нижеслѣдующей выпискѣ высказаны — въ ученомъ историческомъ изслѣдованіи аперіорные — чрезвычайно справедливыя сужденія о самомъ существѣ Карамзинской исторіи; вышотъ съ тѣмъ выражается здѣсь руководящая мысль автора.

„Важнѣйшее противорѣчіе (Карамзинскаго понятія о русской исторіи съ дѣйствительнымъ характеромъ нашей первоначальной исторіи, — понятія, положеннаго въ основу и всей дальнѣйшей исторіи) заключалось въ томъ, что неограниченный владѣтель, феодалъ Ри-

ринъ, былъ призванъ народомъ добровольно, что народъ *добровольно* поступилъ къ нему въ *рабство*. На первой же страницѣ русской исторіи, въ самомъ началѣ этой страницы, неистовство, какъ говорить самъ же Карамзинъ, „удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтонислахъ случай: славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ *исударей* отъ варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводилъ *самовластіе*; въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ“...

„Поставивши этотъ изумительный случай во главу угла русской исторіи,—продолжаетъ г. Забѣлинъ,—а слѣдовательно и во главу угла русской политической философій, знаменитый историкъ спѣшитъ умягчить производимое имъ впечатлѣніе и замѣчаетъ: „великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше слабое (только-что изгнавши варяговъ!), раздѣленное на малыя области, обязано величіемъ своимъ счастливому введенію монархической власти“.

„Напрасно думаютъ,—говоритъ опять г. Забѣлинъ,—что подобныя истины остаются только въ книгѣ и не проходятъ въ жизнь. Родная исторія въ томъ видѣ, какъ ее изображаютъ историки, всегда воспитываетъ политическое сознаніе народа и отдѣльныхъ лицъ. Изумительная идея о добровольномъ призваніи самовластія, — и именно самовластія, а не простого порядка,—на извѣстной почвѣ принимала большое участіе если не въ развитіи, то въ оправданіи внутреннихъ крѣпостныхъ отношеній государства на всѣхъ путяхъ его дѣйствій. Изображенное исторіею глуное младенчество народа давало людямъ, почитавшимъ себя возрастными, широкое основаніе и, такъ-сказать, философскую точку опоры поступать съ народомъ какъ съ младенцемъ, держать его вѣчно въ люлькѣ, то-есть въ границахъ безответнаго владичества надъ нимъ и вѣчно водить его на помочахъ. Въ особенной силѣ это ученіе, какъ мы замѣтили, поддерживалось нѣмецкими феодальными идеями, приходившими просвѣщать и преобразовывать нашу варварскую страну“ (стр. 94).

Совершенно вѣрно, и это было почувствовано уже давно, даже при первомъ появленіи „Исторіи государства Россійскаго“; — но въ средѣ историковъ-специалистовъ г. Забѣлинъ, кажется, первый высказался, наконецъ, опредѣлительно объ этомъ шлѣщеровско-карамзинскомъ толкованіи „начала русскаго государства“, и затѣмъ слѣдовательно, о всемъ изображеніи дальнѣйшаго теченія внутренней политической судьбы русскаго народа.

Опровергая „пустое мѣсто“, принимаемое норманской теоріей, да и другими теоріями о началѣ Руси, г. Забѣлинъ въ другой главѣ

спеціально объяснять, можно ли въ IX-му вѣку нашей исторіи прилагать эпитетъ „младенчества“. Это младенчество предполагала и та теорія (особенно представленная С. Соловьевымъ), которая нерѣдко вѣка нашей исторіи объясняла господствомъ родового быта. Г. Забѣлинъ въ теоріи родового быта (правда, теперь уже нигдѣ не защищаемой такъ, какъ она защищалась прежде) видитъ только недоразумѣніе. „Родовой бытъ,—говоритъ онъ,—изображеніемъ котораго необходимо начинать нашу исторію, вліяніе котораго чувствуется въ ней на каждомъ шагѣ, въ сущности есть только стихія жизни и притомъ стихія жизни частной, домашней, жизни въ отдѣльномъ дворѣ или въ нѣсколькихъ дворахъ—въ деревнѣ. Состояніе жизни у домашнего очага въ обществѣ обличѣ въ начальное время дѣйствительно было исполнено порядками первичныхъ родовыхъ отношеній и связей. Частный бытъ и до сихъ поръ еще руководится такими порядками. Но такъ ли было на высотѣ сознанія народомъ общихъ цѣлей и задачъ жизни, въ дѣятельности и движеніяхъ жизни общей, посреди общихъ стремленій и интересовъ, какими собственно и начинается русская исторія? Былъ-ли, напр., способенъ родовой бытъ связать въ одно цѣлое цѣлую волость, цѣлую землю, хотя бы и одного племени? Могъ ли онъ выработать особую политическую форму быта, какую необходимо предполагать, если народъ жилъ раздѣльными, но самостоятельными и независимыми другъ отъ друга волостями и землями? Скажутъ, что это были отдѣльныя племена, народившіяся и жившія на своемъ мѣстѣ, владѣвшія родомъ своимъ. Но какая же форма связывала отдѣльное племя въ одну общую и самостоятельную жизнь? Въ частномъ быту такою формою былъ родъ, во главѣ котораго стоялъ старшій, или самъ родоначальникъ, или старшій въ родѣ. Но большее или меньшее племя составляло уже новую ступень родового быта. Въ какой же формѣ обнаруживала свои дѣянія и дѣйствія эта новая ступень родового развитія, что служило ей главою и ея средоточіемъ; въ чьихъ рукахъ находилась власть и владѣніе всего племени?“ (Стр. 849—850).

Вопросъ объ основной бытовой формѣ старой русской жизни былъ, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, предметомъ извѣстнаго долгаго спора между защитниками теоріи родового быта и ихъ противниками. Старая школа, которую представлялъ Погодинъ, возражала на „новую выдумку“; славянофилы, чувствуя, что было бы трудно или невозможно объяснить многія явленія старой жизни родовымъ бытомъ, противопоставили этому ученію теорію общины, какъ основного начала древняго общественнаго устройства. Г. Забѣлинъ не остановился ни на одномъ изъ этихъ взглядовъ: въ родовомъ бытѣ онъ видитъ только первичную форму общественности,

которая господствовала въ тѣсныхъ предѣлахъ частной жизни; но рядомъ съ нимъ указываетъ другую ступень общественныхъ отношеній—общину городскую. Жизнь городская есть уже совсѣмъ иная ступень бытового устройства, и начальная лѣтонисъ упоминаетъ о городахъ на самыхъ первыхъ своихъ страницахъ. „Мы вообще должны признать ту истину, — замѣчаетъ г. Забѣлинъ (стр. 862),—что наше развитіе шло естественнымъ путемъ не военнаго, а растительнаго, гражданскаго творчества, что въ его нѣдрахъ изъ первоначальныхъ родовыхъ порядковъ явились естественнымъ путемъ прежде всего сама собою народилась община—сначала родовая, но по своему существованію необходимо приводившая къ созданію городка и города, а слѣдовательно, и городского быта; что не иначе какъ только въ городѣ могъ образоваться и зародиться государственный, то-есть потребность порядка и правильной власти; что такимъ образомъ между родовымъ бытомъ и началомъ государства, въ срединѣ ихъ, стоитъ городъ, городской бытъ, а стало быть не только община, но и общество“...

Изъ немногихъ выдержекъ, какія нами сдѣланы, читатель можетъ составить себѣ понятіе о характерѣ книги г. Забѣлина. Русская старина, о которой здѣсь идетъ рѣчь, была предметомъ множества изслѣдованій, была трактована писателями большой учености и дарованія; но книга г. Забѣлина тѣмъ не менѣе исполнена интереса по своей живой постановкѣ историческаго вопроса. Остается еще не мало спорныхъ пунктовъ, но, какъ мы замѣтили, новый взглядъ на начало русской государственности проведенъ у автора съ большою логическою ясностью, въ искусно объясняемой связи съ данными условіями (исторически извѣстными или теоретически выводимыми) народной жизни, съ умѣньемъ понимать и угадывать бытовые явленія отдаленныхъ вѣковъ. Эти качества всегда давали, и теперь также даютъ особенную цѣну трудамъ г. Забѣлина; надо прибавить къ этимъ качествамъ еще то общее настроеніе мысли автора, образчикъ какого мы привели выше,—именно равнодушную защиту народнаго достоинства противъ теорій, по которымъ добродѣтели народа надо было считать умственную неразвитость и рабство...

Книга читается легко, несмотря на обиліе археологическаго содержанія, и—несмотря на являющуюся мѣстами нѣкоторую вычурность языка.

II.

— *Расколъ въ Уральскомъ Войске, и отношеніе къ нему духовной и военно-гражданской власти въ концѣ XVIII и въ XIX в. Сочиненіе В. Н. Витевскаго. Казань, 1878.*

На этихъ дняхъ мы читали въ газетахъ слѣдующее извѣстіе. По одному дѣлу вызванъ былъ, въ Москвѣ, въ судъ свидѣтель-раскольникъ; судъ постановилъ привести его въ присягу, но раскольникъ отказывался принять присягу у православнаго священника и соглашался дать ее только у своего священника; несмотря на всѣ увѣщанія, онъ упорно стоялъ на своемъ, такъ что судъ рѣшилъ, наконецъ, спросить его безъ присяги, а его отказъ дать присягу у православнаго священника постановилъ передать въ мировой судъ, во исполненію требованій власти.

Въ это же самое время мы читаемъ въ „Какодрѣ Исааіевскаго собора“ поученія, строго обличающія испорченность нашего вѣка и внушающія, что только религія, страхъ Божій, можетъ дать людямъ твердую нравственную опору, которая будетъ для нихъ здравымъ руководствомъ и въ исполненіи ихъ гражданскихъ обязанностей.

Но вѣдь бѣдный старообрядецъ, очевидно, исполненъ благочестія и страха Божія,—это ясно доказывается тѣмъ, что правила *своей* религіи онъ не захотѣлъ измѣнить ради „прощенія“, т.-е. отдачи въ мировой судъ.—Но какъ же быть съ тѣмъ, что у него *свои* религіозныя представленія?

Судъ, конечно, былъ поставленъ въ затрудненіе: въ судебныхъ уставахъ не говорится о признаніи раскольниковъ священниковъ для принятія присяги отъ раскольниковъ. Съ другой стороны, очевидно, что если онъ хотѣлъ заставить раскольника принять присягу у священника православнаго, онъ бралъ на себя дѣло, ему не принадлежащее, т.-е. обращеніе раскольника въ православіе,—потому что, по одѣланіи этого *смысла*, разумеется невозможно было и требовать такой присяги, такъ какъ иначе она была бы насиліемъ и принужденіемъ. Далѣе, въ это же самое время судъ не подумалъ бы ни на минуту заставлять присягать у православнаго священника—какого-нибудь „баптиста“, и еще менѣе—магометанина.

Таинствъ образомъ, въ дѣйствительности выходитъ, что старообрядецъ,—русскій религіозный (по-своему, конечно) человѣкъ, исторически оставленный при упорно имъ хранимой формѣ благочестія—находится въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ ивородецъ баптистъ или магометанинъ (вѣроятно, даже и язычникъ?).

Далѣе, многіе находятъ, что нравственный уровень старообрядцевъ выше, что между ними, именно вслѣдствіе ихъ благочестія и

страха Божія, можно встрѣтить больше людей порядочныхъ, честныхъ, трезвыхъ, чѣмъ въ остальной массѣ обыкновеннаго люда.

Выходитъ, слѣдовательно, что человѣкъ съ строгими нравственно-религіозными правилами именно и попадетъ въ мировой судъ для наказанія за эти правила, и что самый вопросъ религіи будетъ дѣломъ не болѣе какъ мирового судьи...

Въ нашей литературѣ, при всѣхъ неудобствахъ бесѣды о подобныхъ предметахъ, множество разъ указывалось странное и печальное положеніе раскола, и именно старообрядства, въ нашей общественной и государственной жизни. Въ теченіи уже болѣе чѣмъ двухъ столѣтій нѣсколько милліоновъ самаго подлиннаго, чистаго русскаго народа (въ послѣднее время считали до одиннадцати!) оставалось безправными, и вѣчно имъ грозила возможность административнаго притѣсненія или настоящаго преслѣдованія. Официальное положеніе ихъ было таково, что, напримѣръ, во времена Петра они несли постоянный штрафъ двойного оклада; до самаго послѣдняго времени они не были допускаемы даже въ скромному нашему самоуправленію; для нихъ оставалась закрыта школа — та школа, которая могла дать имъ какое-нибудь правильное обученіе и которая (какъ теперь начинаютъ видѣть) одна могла бы внести примиреніе и удалить многія извращенныя явленія въ жизни раскола. Сколько силъ было исключено изъ исторической жизни народа, и сколько безполезнаго нравственнаго страданія въ двухъ-сотъ-лѣтней исторіи! Скажутъ: и въ другихъ странахъ бывалъ страшный религіозный раздоръ, было угнетеніе одной стороны, были цѣлыя кровопролитныя войны изъ-за религіи;—но исторія раскола не подходитъ подъ это сравненіе. Въ религіозныхъ раздорахъ и войнахъ западной Европы, со временъ Гуса и реформациі, дѣло шло совсѣмъ иначе: тамъ, религіозный вопросъ поднятъ былъ въ пресвѣщеннѣйшей части общества и могъ быть выясненъ каждою стороною со всѣми средствами тогдашней ученой образованности; мнѣнія обѣихъ сторонъ сформировались въ опредѣленные сознательные принципы, которые и стали послѣ нихъ руководствомъ; когда споръ перешелъ въ политическую, наконецъ, военную борьбу, это была открытая, равноправная борьба... Здѣсь, наоборотъ: движеніе возникло въ народной массѣ и его ученѣйшіе представители дѣлали капитальный вопросъ изъ бубня и грамматическихъ ошибокъ — то внутреннее серьезное значеніе, которое срывалось, однако, въ этомъ спорѣ, никогда не было имъ опредѣлено въ ясную программу, и самое движеніе расплылось въ безконечномъ дѣленіи сентъ; поэтому, хотя въ этомъ спорѣ, какъ мы замѣтили, были свои серьезныя основанія, онъ понимался съ такою грубой вѣдшею одностороннею, выражался такими нег-

книжнѣ спорами, невозможными при нѣкоторомъ образованіи, что это движеніе никогда не вышло за предѣлы народнои массы, не отразилось никакимъ влияніемъ въ обществѣ болѣе образованномъ. Расколъ упорно боролся за свое существованіе, — но никогда не сталъ и не могъ быть политической силой или партіей. Его борьба была чисто пассивное сопротивленіе; между его послѣдователями, вслѣдствіе самаго преслѣдованія, образовалась тѣсная солидарность, но онъ (кромя разныхъ отдѣльныхъ случаевъ) только скрывался, откупался деньгами отъ чиновниковъ и духовенства; его литература была тяжелымъ книжничествомъ, гдѣ продолжались приемы и азбука XVII столѣтія...

Внѣшняя исторія раскола исполнена случайностями. Преданный церковному проклятiю въ XVII-мъ вѣкѣ, онъ въ силу этого не могъ никакъ получить официального признанія, и дѣйствительно не получалъ его. Чтобы признаніе стало возможнымъ, нужно было бы, или чтобы церковная власть отиѣнила проклятiе, наложенное два вѣка тому назадъ (и при какомъ состояніи помѣтiи!), или чтобы власть свѣтская стала выше религіозной нетерпимости XVII-го столѣтія и взглянула на фактъ глазами XIX-го вѣка. Ни того, ни другого не случилось: нужно больше, чѣмъ у насъ есть, просвѣщенія и человеколюбія, чтобы произошло то или другое. Въ XVII столѣтіи думали подавить расколъ насиліемъ; но, во-первыхъ, онъ возникъ именно подъ влияніемъ религіознаго чувства, тогда особенно возбужденнаго, которое насильственными средствами можно „истребить, но не побѣдить“; а во-вторыхъ, онъ при самомъ началѣ охватилъ такую массу народа, что одной половиной населенія почти пришлось бы истребить другую. На это и XVII вѣкъ не рѣшился: казнили и заточали ересіарховъ, но истребить ересь было невозможно; начались преслѣдованія, и расколъ только убѣдился, что гоненіе на „истинную вѣру“ есть признакъ, что родился Антихристъ. Возбужденіе дошло до страшныхъ фактовъ самосожиганія. Чтобы спастись отъ всякаго притѣсненія, приходилось бѣгать и укрываться; впослѣдствіи и образовалась специальная секта бѣгуновъ и странниковъ; другіе, болѣе салонные въ сподойному и трудолюбивому благочестію, укрывались по всѣмъ концамъ Россіи — на сѣверѣ, въ олопецкомъ краѣ, въ гѣсахъ першескихъ, на Вѣткѣ, въ Стародубѣ, на Ирнѣи и Уралѣ, въ Сибири и т. д.; иные бѣжали за границу, въ Пруссію, Австрію, Турцію.

Власть церковная становилась въ расколъ въ такое же отношеніе, какъ и власть гражданская. Употребивши въ первый разъ проклятiе, она и потомъ менѣе старалась убѣдить, чѣмъ осудить расколъ, отличалась не столько желаніемъ мирно и человеколюбиво помочь

заблуждающемуся перейти на путь истинный, сколько суровой нетерпимостью, которая дѣлала ее простой союзницей или помощницей свѣтской власти.—Была, правда, и обильная полемика противъ раскола; но ею занималось отъ времени до времени ученое духовенство, и съ одной стороны крайняя нетерпимость полемики не придавала ей убѣдительности, а съ другой—высшее духовенство въ области практической жизни не думало бороться противъ раскола этимъ путемъ—оно было равнодушно. Расколъ жилъ подлѣ православія, и фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію—часто просто отступался отъ церковнаго надзора.

Вслѣдствіе всего этого, бывало такъ, что расколъ, скрывающійся или подкупавшій или оставленный безъ вниманія, успѣвалъ создавать извѣстную организацію. Въ разныхъ углахъ Россіи являлись центры, изъ которыхъ расколъ поддерживался разнаго рода пособіями, священниковъ и наставниковъ, книгъ и т. д., которые становились особенной святыней, куда раскольники направлялись для воспитанія своего благочестія и для иноческой жизни. Скиты и общины этого рода достигали большого благосостоянія и огромнаго вліянія на расколъ,—какъ, напр., Преображенское или Рогожское кладбище въ Москвѣ, какъ скиты Иргизскіе или Выгорѣцкіе, какъ Вѣтка и т. д. Но какой-нибудь случай обращалъ вниманіе строгихъ властей на эти учрежденія, поднималась гроза и начиналось закрытіе или настоящее истребленіе скитовъ, какъ было на Иргизѣ и не далѣе какъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Старообрядцы не могли понять, почему то, что возможно было многою годами вчера, стало невозможно сегодня, и естественно видѣли въ такихъ фактахъ не какое-нибудь правильное дѣйствіе власти, а чистый произволъ, бѣдственную случайность: понятно, что они и не видѣли въ принимавшихся мѣрахъ чего-нибудь для себя обязательнаго,—особенно, когда тутъ же, подкупомъ чиновниковъ или (какъ бывало на Уралѣ) вслѣдствіе сочувствія самихъ мѣстныхъ начальствъ къ расколу, могли обходить требованія закона или распоряженія высшей власти.

Одно изъ такихъ ярѣящихъ гнѣздъ раскола составляетъ предметъ изслѣдованія, заглавіе котораго мы выписали. Авторъ его, г. Витевскій, посвятилъ уже цѣлый рядъ изслѣдованій уральскому краю, и въ особенности расколу этого края. Настоящая книга есть отдѣльный оттискъ статей, печатанныхъ авторомъ въ „Православномъ Соборѣ“ (1878 г.), который вообще давалъ и даетъ много важныхъ изысканій по исторіи старой литературы и раскола. Передъ тѣмъ, г. Витевскій напечаталъ тамъ же изслѣдованіе о расколѣ въ Уральскомъ Войскѣ въ половинѣ XVIII столѣтія, и проч.

Факты, сообщаемые г. Витевскимъ, чрезвычайно любопытны, —

какъ вообще его изслѣдованія представляютъ прекрасный образчикъ изслѣдованія мѣстной исторіи, у насъ, къ сожалѣнію, еще очень бѣдной. Уральское Войско издавна было насильно протиснуто расколомъ, и исторія этого раскола составляетъ чрезвычайно любопытный и своеобразный эпизодъ въ общей исторіи нашего раскола. На Уралѣ расколъ процвѣталъ, какъ рѣдкое гдѣ,—потому что здѣсь случалось, что самыя войсковыя власти, атаманъ, принадлежали къ расколу и, слѣдовательно, покрывали дѣле такъ, что правительство не знало даже хорошенько, что тамъ дѣлается въ этомъ отношеніи. По свидѣтельству г. Витевского, даже въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія объ уральскомъ расколѣ не имѣли положительныхъ свѣдѣній ни въ свѣтѣйшемъ синодѣ, ни въ уральской официальной администраціи.

Между тѣмъ расколъ начался на Уралѣ еще съ перваго движенія въ XVII-мъ вѣкѣ, и въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія здѣсь существовали правильно организованныя сикты и молельни, которые подверглись тогда преслѣдованію военной коллегіи; служба въ уральскихъ церквахъ всегда совершалась по старомосковскимъ книгамъ. Да и церквей во всемъ Уральскомъ Войскѣ, до двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, авторъ насчиталъ всего восемь, а такъ какъ одиѣ изъ нихъ еще въ XVIII вѣкѣ сгорѣли и потомъ не возобновлялись, а другія горѣли и безпрестанно перестраивались, то оказывается, что дѣйствующихъ церквей до нынѣшняго столѣтія почти не было. За то распространялась своя чисто народная церковность въ сиктахъ и молельняхъ, гдѣ справляли службу и требы бѣглые священники, „исправленные“ старообрядцами, или заслуженные старцы и начетчики; въ каждомъ значительномъ домѣ была своя „образная“, пошившая и особенно украшенная иконами комната, служившая для домашней молитвы. — Первая настоящая православная церковь, по словамъ автора, основана была только въ 1831 г., атаманомъ Поватилковымъ, первымъ атаманомъ, назначеннымъ не изъ среды самихъ уральскихъ казаковъ, въ казармахъ для баталіона солдатъ, который приведенъ былъ въ Уральскъ по случаю казачьихъ волненій.

Сикты играли важную роль въ жизни уральскаго общества, и частной, и общественной. Это были любимыя мѣста общественной молитвы казаковъ и главное хранилище раскола; казаки шли сюда какъ въ святое мѣсто, за совѣтами въ дѣлахъ вѣры, для исполненія требъ; сюда несли и везли богатыя пожертвованія деньгами и натурой; здѣсь искали спокойствія люди, утомленные жизнью или несквашенными примиреніями съ совѣстью. Женскіе сикты пользовались покровительствомъ знатныхъ уральскихъ барынь, женъ начальствующихъ лицъ. Сиктская практика выработала большую снисходительность къ

грѣху—безъ него не проживешь, и безъ грѣха нѣтъ спасенія: надо только новаятсья и особенно хранить истинную вѣру, т.-е. старій обрядъ. Скиты, конечно, имѣли и обычную обстановку народной раскольниковской жизни—здѣсь находили пріютъ святоши и продажные, бѣглые священники и раскольники, скрывавшіеся отъ полицейскаго преслѣдованія, и т. д. Скиты, наконецъ, играли немалую роль и въ общественныхъ дѣлахъ Уральскаго Войска. Уральское казачество, какъ и донское, издавна стояло въ извѣстномъ особомъ положеніи по своему внутреннему устройству. Центральная власть облыжала Уральское Войско отбываніемъ военной службы, но предоставляла ему большую долю внутренняго самоуправленія, за которое уральцы вообще держались очень ревниво. Но мало-по-малу общая государственная централизація стала оказывать вліяніе и здѣсь: въ Уральскомъ Войскѣ начинались перемѣны, цѣль которыхъ была именно подвести войско вѣдь общій уровень военного управленія; но этого рода мѣры всегда встрѣчали въ Уральскомъ Войскѣ упрямое сопротивленіе. Въ этомъ обособленномъ краю, далеко отъ правительственныхъ и образовательныхъ центровъ, были всѣ условія для бытового консерватизма, и уральцы дѣйствительно свято хранили старину, защищая ее и въ формахъ своего внутренняго устройства, и въ нравахъ и обычаяхъ. Въ этой жизни до очень недавняго времени можно было наблюдать почти нетронутою старину XVII вѣка, напримѣръ, даже до затворничества женщинъ въ высшемъ казачьемъ кругу. Къ благочестиво хранимой старинѣ принадлежалъ въ особенности и расколъ: находя себѣ опору въ пристрастіи къ старинѣ, онъ обратно и самъ ее сильно поощрялъ и поддерживалъ. Такимъ образомъ скиты уральскіе играли не малую роль и въ протестахъ Уральскаго Войска противъ всякихъ нововведеній.

„Въ скиты,—разсказываетъ г. Витевскій,—собирались по временамъ поборники казачьей независимости и самоуправленія, съ цѣлію обсужденія различныхъ вопросовъ общиннаго управленія. Здѣсь, какъ и въ старинныхъ казачьихъ кругахъ, зарождались и созрѣвали тѣ религіозно-гражданскія тенденціи раскола, которыя, фанатизируя и освѣщая любовь казаковъ къ независимости, не разъ доводили ихъ до открытаго протеста (сопротивленія?) властямъ и правительственнымъ распоряженіямъ. Всѣ военно-гражданскія реформы, почему-либо казавшіяся казакамъ нарушеніемъ ихъ привѣ(и)л(и)егій, почти всегда сопровождались на Уралѣ волненіями, слѣдствіемъ, арестами, допросомъ, наказаніемъ и ссылкой виновныхъ въ Сибирь или въ исправительныя роты. Расколъ и его приверженцы всегда шли объ руку съ этими протестами поборниковъ казачьей независимости, питали и легляли ихъ, какъ надежный оплотъ старины, ея обычаевъ и поряд-

новъ; а такъ какъ главными хранителями раскола были скиты, то неудивительно, если помимо религиозно-обрядоваго строя они получили въ войскѣ и политическое значеніе. Главные поборники казачьяго самоуправленія были и самыми ревностными раскольниками: кобылавъ на эшафетѣ у позорнаго столба и въ каторгѣ, они возвращались на родной Уралъ и поступали въ скиты, гдѣ проводили остатокъ своей жизни. Умирая, они говорили въ назиданіе потомкамъ: „берегите истинную, старую вѣру... Пострадайте за вѣру и докажите начальству, что вы не ясачные татары, не пашенные солдаты, а вольные люди, славные лиціе казаки. Намъ хотѣли обрить бороды, записать въ легіонъ, хотѣли насъ сдѣлать солдатами, да не могли: наша воля; стойте же и вы: всѣхъ не перестрѣляютъ, всѣхъ не вероказняютъ“. Нанутствуемые такими правоученіями скитскихъ подвижниковъ и престарѣлыхъ казановъ, вступаютъ лиціе казаки въ XIX вѣкъ, и эти традиции, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, не прошли безслѣдно въ исторіи Уральского Войска и въ текущемъ столѣтіи“ (стр. 38—39).

Продолженіе этихъ традицій мы видѣли въ недавнихъ волненіяхъ уральскихъ казаковъ, которыя опять кончились наказаніями и ссылками...

Уральская старина долго держалась почти не затронутой. Рѣшительныя мѣры правительства противъ казачьяго самоуправленія и раскола начинаются въ особенностн при Перовскомъ и съ назначеніемъ наказнаго атамана Покатилова. Изъ времени его управленія авторъ рассказываетъ, между прочимъ, такую характеристическую подробность.

.... „Покатиловъ (назначенный въ 1831 году) прежде всего обратилъ вниманіе на Уральскъ, какъ главный центръ казачьей жизни и дѣятельности. Когда новый атаманъ поближе познакомился съ городскимъ обществомъ, онъ былъ изумленъ дикостью и неразвитостью уральскихъ барынь и барышень, затворничествомъ женщинъ. Уральскіе аристократы-казаки держали своихъ женъ и дочерей взаперти, какъ боярынь до-Петровской Руси, или какъ гаремныхъ заключенницъ. Сами затворницы, однакожь, не только на это не претендовали, а, напротивъ, съ какою-то гордостію и самодовольствомъ указывали на то, какъ на отличный признакъ (отличіе) отъ *чермъ народа*... Предпримчивый и энергичный атаманъ рѣшился вывести уральскихъ женщинъ изъ закоснѣлаго состоянія и затворничества. Съ этою цѣлю онъ сталъ устраивать въ своемъ домѣ вечера съ танцами, на которые приглашалъ молодыхъ дѣвицъ и женщинъ съ ихъ необщительными матушками. Слушать музыку, по убѣжденію уральскихъ матроновъ, было грѣхомъ, а танцовать—величайшимъ

грѣхомъ; но находчивый и веселый хозяинъ заставилъ ихъ привыкнуть къ тому и другому. Начались *уральскія ассамблеи*, на которыхъ, впрочемъ, не было „кубка большого орла“. Сначала танцевали только жены иногородныхъ чиновниковъ, причемъ недостатокъ кавалеровъ восполнялся польскими дворянами изъ ссыльныхъ въ уральскій баталіонъ, послѣ возстанія въ Польшѣ въ 1831 году. Пошли балы и вечера, смѣняемые по временамъ маскарадами, въ которыхъ проявлялись маски въ разнообразныхъ костюмахъ; скоро у Покатлова стали даваться домашніе спектакли. Въ 1836 году былъ открытъ клубъ; пустились въ танцы и молодежь уральцы и уралки, и родители уже не мѣшали имъ въ этомъ „благородномъ“ удовольствіи...

„Такимъ образомъ, патриархальная неподвижность и замкнутость уральскаго городского общества была тронута; начались сношенія съ иногородними (т.-е. жившими въ томъ же Уральскѣ), на которыхъ до этого времени казаки смотрѣли съ недовѣріемъ; открылся обмѣвъ мыслей“... (стр. 72—73).

Но эти затѣи для смягченія нравовъ не смягчали самой администраціи; она строже прежняго смотрѣла за казачьимъ обществомъ и расколомъ, и г. Витевскій рассказываетъ длинную исторію волнений и слѣдовавшихъ за ними наказаній. Расколъ имѣлъ здѣсь свою долю участія и свою долю притѣсненія; бывали времена большого снисхожденія, но за ними опять слѣдовали строгія мѣры. Свою исторію авторъ доводитъ до половины семидесятыхъ годовъ.

Книга г. Витевскаго исполнена интереса для исторіи мѣстной жизни, для исторіи раскола и нравовъ, и надо желать, чтобы другіе края нашего отечества были изучаемы съ такимъ же усердіемъ. Въ началѣ сочиненія авторъ оговаривается, что его матеріалы были неполны, что, напр., онъ не имѣлъ возможности пользоваться архивами Уральского Войска и пр.; онъ не общается читателю „широкихъ выводовъ и обобщеній“, такъ какъ онъ не специалистъ по расколу. Но, не требуя отъ него „широкихъ обобщеній“, можно однако желать, чтобы авторъ относился къ предмету съ большимъ безпристрастіемъ и не впадалъ (какъ это иногда у него случается) въ тонъ тѣхъ инѣйшихъ историковъ раскола, которые не могутъ говорить о немъ безъ противнаго надмывательства надъ его „невѣжествомъ“, надъ его „аже-попами“ и „аже-епископами“ и т. п. Надо подумать, кто и что виновато въ этомъ невѣществѣ, и поразмыслить, прилично ли смѣяться надъ историческимъ обдѣствомъ милліоновъ людей, лишенныхъ возможности имѣть разумное и безопасное удовлетвореніе своему, у милліоновъ несомнѣнно искреннему, религіозному чувству. Г-нъ Витевскій, къ сожалѣнію, не свободенъ отъ этого недостатка; онъ щедръ въ обличеніяхъ раскольниковъ, подсмѣивается надъ „просто-

вѣтими“ казаками, которыхъ-де обманываютъ ихъ лже-попы и т. п. Это было бы впору дешевому „обличителю“, но авторъ хочетъ быть историкомъ, а историкъ *обязанъ* избѣгать односторонности, *обязанъ* высказывать свои рѣшенія по сравненію явленій, помнить правило: *audiat altera pars*; онъ не долженъ оправдывать недостатки, но онъ *обязанъ* безпристрастно указывать всѣ ихъ причины.—На стр. 36 мы не совсѣмъ поняли значеніе одного мѣста. Говоря о нынѣшнихъ раскольничьихъ „обителяхъ“ (на которыя администрація обращаетъ свое вниманіе), онъ сообщаетъ о нихъ „частныя свѣдѣнія“ и еще замѣчаетъ: „первая изъ обителей не принимаетъ никакихъ поповъ, а вторая имѣетъ австрійскаго попа, который, *по слухамъ, скрывается въ Уральскѣ, преимущественно*“... у такого-то и такого-то жителя Уральска. Авторъ съ точностью указываетъ имена и званія такихъ-то.

Не знаемъ, какъ это выходитъ по мѣстнымъ отношеніямъ; но издали намъ кажется, что историкъ долженъ заниматься своимъ дѣломъ (его довольно) и не вѣшиваться въ занятія постороннія. Было бы лучше, еслибъ авторъ употребилъ время, отдаваемое чуждому дѣлу, на то, чтобы улучшить форму своихъ сочиненій: она мало выработана, и языкъ тяжеловатъ, иногда и неправиленъ.—А. А.

III.

— *Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Максима Ковалевскаго. Москва, 1879.*

Вопросу объ общинномъ землевладѣніи посчастливилось въ последнее время въ нашей литературѣ; разработка его быстро подвигается впередъ, и путемъ теоретическаго изученія, и путемъ практическаго изслѣдованія. Общества географическое и вольно-экономическое издають программы для собранія свѣдѣній о настоящемъ положеніи сельской поземельной общины; затронутымъ, но далеко не истерпанномъ статьями и книгами гг. Кавелина, С. К—на, Якушкина, Ефименко и др.; отзывы на эти программы начинаютъ поступать со всѣхъ концовъ государства. Въ то же самое время г. Посниковъ, въ двухъ выпускахъ своего „Общиннаго землевладѣнія“, подвергаетъ научной критикѣ обычныя возраженія противъ общины; г. Соколовскій посвящаетъ два обширныхъ сочиненія прошедшему ей въ Россіи. Книга г. Ковалевскаго, названная нами выше, составляетъ существенно-важное дополненіе къ этимъ трудамъ, освѣщая спорный вопросъ съ сравнительно-исторической точки зрѣнія. Изслѣдованіе о сельской общинѣ, въ Америкѣ, въ Остѣ-Индіи, въ Алжирѣ, имѣетъ, не-

смотря на строго-научный характеръ, большое практическое значеніе; сходство явленій позволяетъ заключать о сходствѣ результатовъ, другими словами—даетъ возможность предусматривать ошибки, а, слѣдовательно, и избѣгать ихъ.

Взглядъ г. Ковалевскаго на исторію сельской поземельной общины выраженъ въ небольшомъ вступленіи, въ видѣ немногихъ общихъ положеній, развитіемъ и подтвержденіемъ которыхъ должна служить вся его книга, задуманная, повидимому, въ весьма широкихъ размѣрахъ. Недоказанность и нѣкоторая неопредѣленность этихъ положеній объясняется, вѣроятно, именно тѣмъ, что они предпосланы изслѣдованію, а не выведены изъ него. Владѣніе землею, по мнѣнію автора, сосредоточивается первоначально въ рукахъ обитающихъ на ней стадныхъ соединеній. Происходящій въ нихъ средъ медленный и самопроизвольный ¹⁾ процессъ дифференціаціи ведетъ къ возникновенію общинно-родовой собственности, этой архаической формы поземельнаго владѣнія. Съ постепеннымъ принятіемъ въ составъ общины, какъ первоначальныхъ поселенцевъ завоеванной мѣстности, такъ и отщепенцевъ отъ другихъ родовъ, родовой характеръ землевладѣтельской общины уступаетъ мало-по-малу мѣсто сельскому. Общность интересовъ, порождаемая сосѣдствомъ, продолжаетъ, хотя и въ болѣе слабой степени, связывать между собою семьи, нѣкогда соединенныя родствомъ или преданіемъ о родствѣ. Не сдерживаемые болѣе узами крови, члены общины приходятъ постепенно, путемъ опыта, къ сознанію разногласія, существующаго между интересами каждаго и интересами всѣхъ. Отсюда переходъ хозяйства изъ рукъ общины, какъ цѣлаго, въ руки отдѣльныхъ семействъ, раздѣленіе общинной земли на извѣстное число надѣловъ, неравныхъ между собою—увеличивающихся по мѣрѣ дѣйствительной или предполагаемой близости родства съ основателемъ рода и, наоборотъ,—устраненіе отъ пользованія пахотною и луговою землею зависящихъ или полусвободныхъ жителей общины. Эти жители, по мѣрѣ присоединенія къ нимъ новыхъ поселенцевъ, усиливаются настолько, что вступаютъ въ борьбу съ общинниками, изъ-за равноправности въ пользованіи и владѣніи землею. Тамъ, гдѣ борьба оканчивается не въ пользу привилегированныхъ общинниковъ, процессъ постепеннаго и самопроизвольнаго

---

¹⁾ *Самопроизвольный*—любимое выраженіе автора, на каждомъ шагѣ встрѣчающееся во вступленіи. Выборъ его для означенія процессовъ, совершающихся въ силу однихъ только нормальныхъ условій жизни, безъ вѣшняго вмѣшательства, безъ искусственнаго или насильственнаго замедленія или ускоренія, едва-ли можетъ быть названъ удачнымъ уже вслѣдствіе сходства его съ прямо-противоположнымъ ему выраженіемъ *произвольный*. Слово *естественный* или *нормальный* лучше, такъ намъ кажется, выражало бы мысль автора.

перехода родовой общины въ сельскую совершается самъ собою и незамѣтно; различные по протяженію семейные участки уступаютъ мѣсто равнымъ надѣламъ, отъ времени до времени вновь распределяемымъ по жребію. Тамъ, гдѣ привилегированные общинники удерживаютъ свое положеніе, родовая община часто перестаетъ существовать вслѣдствіе предоставленія общинной земли, по раздѣлу, отдѣльнымъ общинникамъ на правѣ собственности, если не частной, то семейной. Раздѣлъ общинныхъ земель, какъ въ собственность, такъ и въ продолжительное пользованіе, касается, однако, на первыхъ порахъ только пахотной и луговой земли; пустошь, пастбище, лѣсъ —остаются по-прежнему въ нераздѣльномъ пользованіи или всѣхъ, или однихъ только полноправныхъ жителей общины.

Совершившаяся до нѣкоторой степени индивидуализація имущественныхъ отношеній, давая нераздѣльнымъ семьямъ возможность накапливать исключительно въ свою пользу тѣ или другіе запасы, ведетъ къ постепенному выдѣленію изъ среды сельскаго населенія зажиточнаго дворянскаго класса. Одновременно съ нимъ образуется религіозно-ученое сословіе; съ другой стороны, отъ осѣдлаго сельскаго населенія обособляется подвижное, промышленно-торговое. Власть племенного старѣйшины изъ избирательной становится наследственной, юрисдикція его расширяется въ ущербъ юрисдикціи народнаго собранія и совѣта старѣйшинъ. Всѣ эти новыя силы заинтересованы, каждая по-своему, въ разложеніи общиннаго землевладѣнія. Препятствуя свободному переходу земли изъ рукъ въ руки, оно нарушаетъ этимъ самымъ интересы привилегированныхъ сословій и ремесленно-торговаго населенія городовъ. Неотчуждаемость общинной земли лишаетъ дворянство и духовенство фактической возможности неограниченнаго расширенія состоящихъ въ ихъ владѣніи помѣстій. Неосуществимость выгодъ отъ общиннаго землевладѣнія иначе, какъ подъ условіемъ постоянного пребыванія въ мѣстѣ нахожденія общинной земли, затрудняетъ переселеніе въ города, во вредъ ремесленно-торговому населенію. Соединенныя усилія всѣхъ природныхъ противниковъ общиннаго землевладѣнія вводятъ, мало-по-малу, въ обычное право чуждое ему начало отчуждаемости, сначала только общинной, а потомъ и семейной собственности, причемъ первой формой отчужденія является обыкновенно дареніе въ пользу духовенства. Свобода распоряженія землею влечетъ за собою сосредоточеніе поземельной собственности въ рукахъ свѣтской и духовной аристократіи, съ приниженіемъ большинства сельскаго населенія къ состоянію наследственныхъ арендаторовъ, нѣкогда принадлежавшихъ имъ въ собственность, участковъ. Такое сосредоточеніе обуславливается безпомощнымъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніемъ народив-

шагося, благодаря разложенію общинной и семейной собственности класса мелкихъ землевладѣльцевъ. Одни изъ нихъ добровольно ищутъ защиты крупныхъ владѣльцевъ, уступая имъ за то право собственности на свои участки; у другихъ—земля просто отнимается, подъ какимъ-либо предлогомъ или вовсе безъ предлога. Народный старѣйшина не только поощряетъ захваты привилегированныхъ сословій, но и самъ слѣдуетъ ихъ примѣру, распоряжаясь пустопорожними или выморочными землями, раздавая ихъ своимъ служилымъ людямъ.

Ко всѣмъ этимъ самопроизвольнымъ причинамъ распаденія общиннаго землевладѣнія присоединяются иногда причины искусственныя, до крайности ускоряющія описанный процессъ. Все, способствующее подавленію родового начала, замѣнѣ выборныхъ общинныхъ властей назначаемыми, допущенію въ общину чуждыхъ ей элементовъ,—способствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, разложенію общиннаго землевладѣнія. Дѣйствіе этихъ искусственныхъ причинъ особенно удобно изучать въ колоніяхъ европейскихъ государствъ, которымъ специально и посвящено разбираемое нами изслѣдованіе г. Ковалевскаго. Политика Испаніи, Франціи, Англіи относительно землевладѣнія въ колоніяхъ представляетъ цѣлый рядъ ошибокъ, весьма поучительныхъ. Понятно, что истребленіе туземцевъ, въ обширныхъ размѣрахъ практиковавшееся испанцами въ XVI-мъ вѣкѣ, равно какъ и закрѣпощеніе ихъ, смѣнившее этотъ первый фазисъ колоніальной политики, должно было дѣйствовать разрушительно на общинное землевладѣніе, наравнѣ со всѣми другими особенностями туземнаго быта; но къ такому же результату приводили и позднѣйшія мѣропріятія, внушенные *экономическою метафизикою* (выраженіе г. Ковалевскаго) Адама Смита. Являясь теоретическимъ выраженіемъ окончательно развѣтшагося и въ Англіи, и во Франціи, къ половинѣ XVIII-го вѣка, капиталистическаго хозяйства, политическая экономія этого времени сначала игнорируетъ, потомъ совершенно отвергаетъ другія формы поземельныхъ отношеній, кромѣ тѣхъ, которыя являлись господствующими у передовыхъ народовъ Западной Европы. Сообразно съ этимъ, рабское примѣненіе политической экономіи къ поземельному устройству покоренныхъ европейцами народностей должно было имѣть послѣдствіемъ сперва игнорированіе, затѣмъ систематическое уничтоженіе уцѣлѣвшихъ остатковъ общиннаго владѣнія землею. Таковъ былъ образъ дѣйствій англичанъ въ Остѣ-Индіи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія; таковъ до сихъ поръ образъ дѣйствій французовъ въ Алжирѣ. Только въ послѣднее время англійская, а также голландская колоніальная политика стала признавать общинное землевладѣніе, продолжая, однако, относиться къ нему неблагопрі-

ятно, и подрывать его поощреніемъ раздѣловъ и признаніемъ отчуждаемости участковъ.

За вступленіемъ, содержаніе котораго мы въ главныххъ чертахъ изложили, слѣдуетъ подробное обозрѣніе поземельной политики испанцевъ въ Америкѣ, англичанъ въ Остѣ-Индіи и французовъ въ Алжирѣ. Эти три отдѣла книги представляютъ интересъ, далеко не равный. Исторія общиннаго землевладѣнія въ испанско-американскихъ владѣніяхъ обрывается на XVII-мъ вѣкѣ, безъ объясненія, почему она не могла быть доведена авторомъ до нашего времени. Мы видимъ, какимъ образомъ подчиненіе туземцевъ опеке испанскихъ колонистовъ содѣйствовало упадку общиннаго землевладѣнія, приводя къ захвату бѣльшей части земель, подъ предлогомъ ихъ пустопорожности, къ обремененію туземцевъ налогами и работой, къ упраздненію родового самоуправленія; но мы не узнаемъ, какъ далеко зашелъ, на чемъ остановился этотъ упадокъ. Между тѣмъ, общинное землевладѣніе въ бывшихъ испанскихъ владѣніяхъ существуетъ и теперь, хотя не повсемѣстно. Если оно не исчезло въ нихъ совершенно, то причину этому слѣдуетъ искать, по словамъ автора, съ одной стороны, въ привязанности къ нему большинства населенія, какъ къ формѣ землевладѣнія, наиболѣе отвѣчающей степени его культуры; съ другой стороны — въ отсутствіи постановленій, которыя бы давали возможность членамъ родовъ отчуждать принадлежащіе имъ надѣлы. Объясненіе это, заканчивающее ех abrupto отдѣлъ объ испанскихъ колоніяхъ, никакъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Населеніе всегда привязано къ формѣ землевладѣнія, существующей издавна и приспособленной къ потребностямъ большинства; но привязанность эта нигдѣ и никогда не могла, сама по себѣ, парализовать однажды начавшееся разложеніе общиннаго землевладѣнія. Что касается до неотчуждаемости надѣловъ, то она несомнѣнно благоприятствуетъ сохраненію общиннаго землевладѣнія; но намъ интересно было бы знать, какимъ образомъ она уцѣлѣла, подвергалась ли она опасности и чѣмъ ее предотвратили? Если вѣрить вступленію, наступательное движеніе противъ общиннаго землевладѣнія начинается именно съ допущенія отчуждаемости; отчего этого не случилось въ Америкѣ, несмотря на то, что естественныя причины разложенія общиннаго землевладѣнія дѣйствовали въ ней на ряду съ искусственными? На этотъ вопросъ, прямо вытекающій изъ основныхъ положеній книги г. Ковалевскаго, авторъ не даетъ намъ никакого отвѣта.

Гораздо полнѣе, можетъ быть благодаря большому обилію матеріаловъ и приготовительныхъ работъ, изложена исторія общиннаго землевладѣнія въ Остѣ-Индіи. Авторъ начинаетъ съ указанія раз-

личныхъ формъ этого землевладѣнія, существующихъ въ настоящее время, и затѣмъ дѣлаетъ попытку опредѣлить сравнительную древность каждой изъ нихъ. Самой древней онъ считаетъ ту форму, при которой земля обрабатывается сообща, а дѣлятся только получаемые съ нея доходы; это родовая община въ своемъ первоначальномъ видѣ. Слѣдующая затѣмъ ступень—раздѣленіе родовой общины на нѣсколько группъ, сохраняющихъ сознаніе общаго происхожденія ¹⁾, но хозяйничающихъ отдѣльно. Дальше идутъ общины, въ которыхъ размѣръ надѣловъ опредѣляется законами наслѣдованія, съ допущеніемъ однако передѣла при умноженіи числа семей, имѣющихъ право на участіе во владѣніи общинной землей, и съ оставленіемъ части земли въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общины. Позже образовались тѣ общины, въ которыхъ величина надѣловъ обуславливается фактической обработкой, и, слѣдовательно, весьма неравномѣрна. Реакціей противъ такой неравномѣрности является требованіе передѣловъ, которые выступаютъ на сцену сравнительно поздно и даже въ настоящее время встрѣчаются лишь въ немногихъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ округахъ Остѣ-Индіи. Прежде передѣлъ распространялся иногда и на усадебныя земли, теперь онъ касается только пахотной земли ²⁾. Въ иныхъ мѣстахъ онъ не имѣетъ періодическаго характера, въ другихъ совершается чрезъ опредѣленные промежутки времени, иногда даже ежегодно. Новѣйшая, наконецъ, форма общиннаго землевладѣнія въ Остѣ-Индіи, вполне сходная съ средневѣковымъ землевладѣніемъ въ Германіи, Англіи, Франціи или съ современнымъ въ Швейцаріи, это—совмѣстное пользованіе угодьями (пастбищемъ, лѣсомъ, водами и т. п.), между тѣмъ, какъ пахотная—а нерѣдко и сѣнокосная—земля составляетъ безповоротную собственность отдѣльныхъ членовъ общины.

Такова картина постепеннаго видоизмѣненія повсемельной общины въ Остѣ-Индіи, выведенная г. Ковалевскимъ изъ *перезжизанія* разныхъ ея формъ, т. е. изъ тѣхъ остатковъ каждой формы, которые сохранились въ настоящее время. Онъ вполне сознаетъ, что досто-

¹⁾ Оно выражается въ правѣ выкупа продаваемыхъ земель, въ круговой поруцѣ на случай несостоятельности въ уплатѣ налоговъ.

²⁾ Въ той части изложенія г. Ковалевскаго, которая касается передѣла, мы находимъ нѣкоторыя противорѣчія. Съ приведеннымъ выше положеніемъ, что передѣлъ въ Остѣ-Индіи—явленіе сравнительно позднее и даже въ настоящее время встрѣчающееся лишь въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ округахъ ея, несовмѣстно другое, по которому періодическій переходъ надѣловъ изъ рукъ въ руки въ прежнее время не составлялъ особенности той или другой провинціи (стр. 81 и 84). На стр. 81 мы читаемъ, что въ Пенджабѣ передѣлъ происходитъ между двумя или нѣсколькими поселками, касался *нерѣдко не только пахотной, но и усадебной земли*, а на стр. 83-й, что *обманы усадьбами прекратились повсюду*.

вѣрной она можетъ сдѣлаться лишь тогда, когда будетъ повѣрена и подтверждена точными историческими данными. Опытъ такой повѣрки мы у него находимъ; но результаты ея нельзя назвать особенно убѣдительными. Ссылки автора на законы Ману доказываютъ существованіе въ то время (т.-е. въ IX в. до Р. Х.) и общиннаго землевладѣнія, и частной собственности; ссылка его на позднѣйшіе законодательные памятники—приобрѣтеніе права на землю, посредствомъ фактической ея обработки, преобладаніе въ однихъ общинахъ родового, въ другихъ—просто корпоративнаго начала; но какъ одна форма общиннаго землевладѣнія образовалась изъ другой, въ какой послѣдовательности онѣ появились, когда достигали своего апогея, и когда начинали клониться къ упадку,—этого мы изъ книги г. Ковалевскаго не узнаемъ, и гипотеза его пока такъ и остается гипотезой. Нѣкоторые изъ фактовъ, приводимыхъ г. Ковалевскимъ, не вполне укладываются въ его исторію; такъ, напримѣръ, онъ повторяетъ нѣсколько разъ, что самой ранней формой отчужденія недвижимости является дареніе ея въ пользу духовенства—а между тѣмъ мы видимъ, что законодательство Ману, не зная *даренія* и завѣщанія недвижимости, допускаетъ ея *продажу*, съ согласія согражданъ, родственниковъ и сосѣдей. Самымъ спорнымъ пунктомъ въ гипотезѣ г. Ковалевскаго кажется намъ предположеніе его о позднемъ появленіи передѣловъ. Обширность земель, состоящихъ въ общинномъ владѣніи, возможность безпрепятственно присоединять къ землямъ уже обработаннымъ земли, лежавшія впустѣ, свобода и удобство перехода въ другія мѣста, все это можетъ задержать передѣлъ земли, сдѣлать его ненужнымъ на нѣкоторое время; но при отсутствіи такихъ условій потребность въ передѣлѣ можетъ возникнуть весьма рано. Самъ г. Ковалевскій допускаетъ существованіе его въ общинахъ, гдѣ еще сильно родовое начало, гдѣ размѣры надѣла опредѣляются степенью родства съ родоначальникомъ; а такіе общины принадлежатъ къ числу сравнительно древнихъ. Если обратиться къ исторіи сѣльской общины въ Россіи, то мы увидимъ, что передѣлы встрѣчаются уже весьма рано, а по предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей—могли существовать и въ до-историческое время ¹⁾. Предположеніе это кажется намъ весьма вѣроятнымъ, такъ какъ возможность передѣловъ вытекаетъ изъ самой сущности общиннаго землевладѣнія, изъ власти общины надъ землею и надъ своими членами, власти, ограничиваемой лишь постепенно, по мѣрѣ ослабленія общинно-союзной связи.

¹⁾ „Очеркъ исторіи сѣльской общины на сѣверѣ Россіи“, П. Соколовскаго (Спб., 1877), стр. 6—7, 81—86).

Вліяніе магометанскаго владычества на землевладѣніе въ Индіи обрисовано г. Ковалевскимъ на основаніи документовъ, допускающихъ большую точность и достовѣрность выводовъ. Исслѣдованіе о феодализаци поземельной собственности, начавшейся при аравахъ и продолжавшейся при монголахъ, представляетъ много интереснаго, въ особенности благодаря указаніямъ, дѣлаемымъ авторомъ на параллельныя явленія въ исторіи западной Европы. Мы остановимся только на окончательномъ заключеніи г. Ковалевскаго. Учрежденіе *земиндаровъ*, т.-е. правительственныхъ откупщиковъ по сбору налоговъ, приготовило и сдѣлало возможнымъ тотъ рѣшительный ударъ, который нанесло англійское правительство общинному землевладѣнію въ Остѣ-Индіи. Пользуясь своею широкою властью, на практикѣ, въ большинствѣ случаевъ, наслѣдственной, земиндары и подчиненныя имъ должностныя лица стали дѣйствовать, какъ собственники управляемыхъ ими земель. Это положеніе было закрѣплено за ними англичанами, образъ дѣйствій которыхъ кажется г. Ковалевскому „непростительнымъ, хотя и вполнѣ понятнымъ промахомъ“. Что вполнѣ понятно, то едва-ли можетъ быть названо непростительнымъ. Если г. Ковалевскій хотѣлъ дать нравственную оцѣнку тѣмъ распоряженіямъ англійскихъ властей, которыя положили конецъ общинному владѣнію въ Бенгаліи, ему слѣдовало бы разобрать подробности каждое изъ трехъ приводимыхъ имъ мнѣній по этому предмету. Одинъ писатели находятъ, что генераль-губернаторъ Бенгаліи, лордъ Корнвалль, не имѣлъ никакого основанія принимать сборщиковъ податей за собственниковъ земель; другіе утверждаютъ, что онъ вовсе не останавливался на вопросѣ о *правѣ*, и, признавая собственниками земиндаровъ, имѣлъ въ виду лишь обезпечить поступленіе налоговъ въ казну остѣ-индской компаніи; третьи оправдываютъ принятую имъ мѣру положеніемъ вещей, которое онъ засталъ въ Индіи, невозможностью отнять у земиндаровъ права, прибрѣтенныя ими отъ прежняго правительства ¹⁾. Какъ бы то ни было, при кадастраціи земель въ Бенгаліи, въ 1793 г., собственниками земель были признаны земиндары. Отъ земиндаровъ земли быстро стали переходить въ руки крупныхъ городскихъ капиталистовъ, отдающихъ ихъ по

¹⁾ Къ этому послѣднему мнѣнію какъ будто склоняется г. Ковалевскій, говоря въ одномъ мѣстѣ (стр. 150), что, благодаря перевороту въ поземельныхъ отношеніяхъ, происшедшему въ эпоху мусульманскаго владычества, англійскимъ комиссарамъ кадастраціи, по отъѣзду наиболѣе безпристрастныхъ англійскихъ администраторовъ, часто невозможно было обнаружить другихъ собственниковъ, кромѣ земиндаровъ. Если такъ, то почему же образъ дѣйствій англичанъ долженъ быть признанъ непростительнымъ (стр. 155)? Мы вовсе не хотимъ оправдывать англичанъ, но желали бы только видѣть поменьше колебаній въ отъѣздахъ автора о ихъ политикѣ.

участвѣ въ краткосрочную аренду наиболѣе состоятельнымъ сельскимъ жителямъ или малымъ городскимъ капиталистамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, патріархальныхъ отношеній между земиндарами и землевладѣльцами, о которыхъ мечтало нѣкогда англійское правительство, конечно, не образовалось; немногіе земиндары, сохранившіе свои помѣстья, эксплуатируютъ земледѣльцевъ, занимаясь ростовщичествомъ. Надежды на улучшеніе крупными собственниками сельскаго хозяйства также не осуществились. Для огражденія земледѣльцевъ отъ произвола собственниковъ сначала не было сдѣлано ровно ничего, потомъ приняты палліативныя, недостаточныя мѣры, и только послѣ большого мятежа 1857 г. состоялся законъ, ограничивающій право собственника на увеличеніе размѣра арендной платы. Отъ дѣйствія этого закона изъятъ, однако, всѣ тѣ, арендное владѣніе которыхъ продолжалось менѣе двѣнадцати лѣтъ до его изданія. Въ Мадрасской провинціи интересы большинства не были принесены въ жертву интересамъ немногихъ крупныхъ собственниковъ; но общинное землевладѣніе было и тамъ подорвано, уничтоженіемъ круговой поруки и передачей участка, въ случаѣ неспособности владѣльца къ уплатѣ налоговъ, постороннему лицу, по усмотрѣнію правительства.

Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Остѣ-Индіи кадастрація была предпринята съ тѣми же предвзятыми мыслями, подъ вліяніемъ которыхъ она была произведена въ Бенгаліи; но съ теченіемъ времени англійскіе чиновники все больше и больше знакомились съ существомъ общиннаго землевладѣнія и переставали игнорировать его, какъ прежде. Они стали признавать за общинами право собственности на землю, подвергая даже съ этой точки зрѣнія пересмотру вѣкоторыя изъ прежнихъ своихъ распоряженій. Это не помѣшало имъ однако стремиться къ расторгненію обширныхъ общинно-родовыхъ союзовъ, какъ опасныхъ въ политическомъ отношеніи, не помѣшало имъ облегчать, гдѣ только возможно, переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ частной собственности. Всего больше способствуетъ такому переходу допущеніе отчуждаемости надѣловъ, безъ права выкупа родомъ или общиной. Въ Пенджабѣ, покоренномъ англичанами въ 1849 г., общинное землевладѣніе было оставлено въ силѣ, но опять-таки съ допущеніемъ отчуждаемости надѣловъ. Отсюда разложеніе общиннаго землевладѣнія какъ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, такъ и въ Пенджабѣ. Англійскіе писатели видятъ въ немъ, болѣею частью, естественный и желанный результатъ быстраго развитія культуры, сдѣлавшагося возможнымъ, благодаря хорошему управленію страной. Г. Ковалевскій приходитъ, и совершенно справедливо, въ другому заключенію. Онъ указываетъ на

процвѣтаніе ростовщичества, захватывающаго въ свои руки большинство земледѣльцевъ, именно путемъ залога свободно-отчуждаемыхъ ихъ участковъ. „Одна-двѣ свадьбы или рядъ засухъ“, говоритъ одинъ англійскій писатель, — и земледѣлецъ дѣлается добычей ростовщика, отъ доброй воли котораго зависитъ лишить его всякаго имущества. Мелкій ростовщикъ начинаетъ постепенно играть роль гиганта въ индійской поземельной системѣ. Рано или поздно земля переходитъ отъ должника къ ростовщику, или посредствомъ добровольной, или посредствомъ понудительной продажи“. Содѣйствуетъ этому и установленная англійскимъ правительствомъ процедура, въ силу которой кредиторъ весьма легко и скоро можетъ достигнуть продажи недвижимаго имѣнія должника. Другая причина отчужденія земель — непомерно высокое обложеніе ихъ налогомъ, иногда заставляющее земледѣльца бросать свой надѣлъ и удалаться изъ общины. Для лица, однажды оставившаго общину, возвращеніе въ ея среду почти невозможно, такъ какъ законодательство всѣми мѣрами ограждаетъ владѣніе лица, временно сѣвшаго на его мѣсто. Масса поземельныхъ исковъ, обусловливаемыхъ антагонизмомъ между различными слоями сельскаго населенія, съ своей стороны, также ведетъ къ разоренію земледѣльцевъ. Чтобы избѣжать окончательной гибели, они иногда передаютъ право собственности на свой участокъ болѣе сильному сосѣду, сохраняя только пользованіе имъ. Условія, при которыхъ возможно такое возвращеніе къ феодальной эпохѣ, не требуютъ, кажется, дальнѣйшей характеристики. Не удивительно, что даже между англійскими писателями слышатся голоса въ пользу восстановленія неотчуждаемости участковъ, какъ средства остановить обѣднѣніе земледѣльческаго класса въ Индіи и возрастающее параллельно съ нимъ неудовольствіе противъ правительства.

Англійская поземельная политика въ Остѣ-Индіи ограничивается, въ послѣднее время, тѣмъ, что косвенно благопріятствуетъ упадку общиннаго землевладѣнія; французская аграрная политика въ Алжирѣ до сихъ поръ прямо направлена къ его уничтоженію. Законъ 1873 года устанавливаетъ раздѣлъ общинныхъ земель въ частную собственность, въ видахъ, будто бы, улучшенія положенія туземцевъ и возвышенія земледѣльческой культуры. Насколько слѣдуетъ ожидать того и другого — объ этомъ можно судить какъ по широкому развитію ростовщичества въ Алжирѣ, такъ и по опыту прежнихъ лѣтъ, показывающему, что только въ мѣстностяхъ малоземельныхъ и счастливо расположенныхъ частные собственники измѣнили къ лучшему рутинный способъ обработки земли. Говорятъ, что сами арабы желаютъ права свободнаго распоряженія землею; но правительство не приняло никакихъ мѣръ, чтобы констатировать это желаніе. „Арабы

довольны своимъ законодательствомъ и своими мѣстными обычаями“, воскликнулъ одинъ изъ депутатовъ при обсужденіи закона 1873 года, „только спекулянты и ростовщики требуютъ отъ васъ установленія частной собственности“. По предположенію г. Ковалевскаго, настоящій мотивъ закона 1873 года, какъ и предшествовавшихъ ему мѣропріятій,—обезземеленіе мѣстнаго населенія, послѣ чего оно сдѣлается менѣе опаснымъ въ политическомъ отношеніи, а европейскимъ колонистамъ будетъ открыто болѣе широкое поле дѣйствій.

Какъ ни кратокъ сдѣланный нами очеркъ, — онъ даетъ возможность судить о томъ, сколько любопытнаго и важнаго заключаетъ въ себѣ книга г. Ковалевскаго. Оцѣнить общія историческія положенія, выставленныя имъ въ началѣ изслѣдованія, можно будетъ только по окончаніи его; но если бы нѣкоторыя изъ нихъ и оказались ошибочными, это не уменьшитъ значенія труда, предпринятаго авторомъ.—К. К.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1879.

Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1877 г.—Университеты и гимназій.—*Desiderata* современнаго гимназическаго устройства.—Прочія училища.—Защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, и брошюра г. фонъ-деръ-Ховена.—Новый мостъ черезъ Неву.—Событіе въ ревельской думѣ.

Извѣстно, что у насъ одна часть публицистики все еще разрабатываетъ, на-ново и самостоятельно, нѣкоторые вопросы, нигдѣ уже болѣе за вопросы не считаемыя. Къ числу ихъ, повидимому, принадлежитъ и вопросъ: полезно ли вообще неумѣренное распространеніе высшаго образованія? Обыкновенно, постановкѣ такого рода вопросовъ всегда соотвѣтствуетъ колебаніе и въ самой цифрѣ числа университетскихъ слушателей. Вотъ отсюда-то и можно заключить, какъ будто у насъ еще разрабатывается самостоятельно вопросъ, вездѣ и давно рѣшенный, о пользѣ распространенія высшаго образованія, и такая разработка въ разные годы клонится то въ ту, то въ другую сторону, а вслѣдъ затѣмъ значительно колеблется и число слушателей въ университетахъ. Самое значительное паденіе ихъ числа соотвѣтствовало 1866-му году; затѣмъ, цифра стала возрастать, но въ 1873 году оказалось снова замѣтное пониженіе, вслѣдствіе новаго гимназическаго устава. Далѣе, она опять начала подниматься, но благодаря единственно допущенію въ университеты, на льготныхъ условіяхъ, воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, льгота эта отмѣнена, и нельзя пожалуй не предвидѣть новаго, значительнаго упадка числа университетскихъ слушателей съ будущаго года.

Вотъ мысль, которая можетъ заслонять собою благопріятныя цифровыя данныя объ университетахъ въ лежащемъ передъ нами извлеченіи изъ отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1877 годъ. Въ этомъ документѣ мы находимъ, что число учащихся въ универ-

ситетахъ въ 1 января 1878 года было 6,901, среди которыхъ собственно студентовъ было 6,565, а остальные состояли вольнослушателями. Правда, и самая цифра 6,901 не особенно велика, по сравненію съ 80 милліонами населенія Россіи (около 87 человекъ на 1 милліонъ), и даже съ числомъ учившихся въ университетахъ лѣтъ семнадцать тому назадъ. Если же взять цифру 1872 года, то она даже превышаетъ нынѣшнюю. Между тѣмъ, съ 1872 года численность населенія возрастала, росло и число гимназій съ прогимназіями, и число учениковъ въ этихъ заведеніяхъ. Число гимназій и прогимназій всего въ три года (1874—1877) увеличилось на цѣлую треть, а число учениковъ въ нихъ—на четверть.

Казалось бы, соответственное явленіе должно бы замѣчаться и въ университетахъ. И дѣйствительно, послѣ паденія числа учащихся вслѣдъ за измѣненіемъ устава гимназій, началось съ 1875 года постепенное его возрастаніе, не столько, впрочемъ, благодаря гимназіямъ, сколько въ силу упомянутой льготы, которою пользовались духовные семинаристы. Въ 1877 году, число студентовъ въ университетахъ, сравнительно съ 1876 годомъ увеличилось почти на одну шестую: оно возрасло съ 5,629 до 6,565-ти. Но, какъ уже замѣчено выше, если отчетъ за прошлый годъ еще и представить возвышеніе этого числа, то уже отчетъ за текущій годъ долженъ будетъ обнаружить новое пониженіе. Вотъ почему трудно еще теперь радоваться благопріятнымъ цифрамъ предлагающаго отчета за 1877 годъ, какъ бы слѣдовало. Это значило бы искать утѣшенія въ прошломъ.

Въ какомъ размѣрѣ представляется вѣроятнымъ будущее уменьшеніе—нельзя и предугадывать, такъ какъ въ нынѣшнемъ отчетѣ, или извлеченіи изъ отчета, не помѣщено, къ сожалѣнію, распредѣленія учащихся въ университетахъ ни по сословіямъ, ни по родамъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ они получили общее образованіе. Въ прежнее время, такіа свѣдѣнія въ отчетахъ находились. Но тогда они свидѣтельствовали о постоянно возрастающемъ пополненіи университетовъ духовными семинаристами, а въ нынѣшнемъ напечатанномъ отчетѣ, повторяемъ, этихъ свѣдѣній уже нѣтъ. Въ корреспонденціи изъ Одессы, напечатанной въ газетѣ „Новое Время“, видно, что въ новороссійскій университетъ поступило нынѣ всего 33 студента, тогда какъ въ прошедшемъ году однихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій поступило 121! Да, впрочемъ, и не одна отрицательная льгота для молодыхъ людей этой категоріи можетъ способствовать вѣроятному сокращенію числа студентовъ въ ближайшемъ будущемъ. Колебаніе этого числа, какъ мы сказали выше, слѣдуетъ за тѣмъ, въ какую сторону поочередно склоняется наша самостоятельная разработка

вопроса, полезно ли вообще безграничное распространеніе высшаго образованія.

Изъ мѣръ, принимавшихся по университетамъ въ послѣдніе годы, наиболѣе рационально слѣдуетъ признать развитіе практическихъ упражненій студентовъ, въ лекцій, подъ руководствомъ или по указаніямъ профессоровъ. Надо признаться, что въ университетахъ учащіеся работали доселѣ, въ теченіи года, значительно меньше, чѣмъ въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ. Мы нисколько не оспариваемъ пользы самостоятельности учебныхъ работъ студентовъ. Но нельзя также отрицать, что для молодыхъ людей, все-таки еще незрѣлыхъ, несмотря на „аттестаты зрѣлости“, полезно „возбужденіе дѣятельности“. Этими двумя словами совершенно вѣрно опредѣляетъ отчетъ назначеніе практическихъ упражненій по указаніямъ преподавателей. Такія упражненія полезнѣе репетицій, которыя слишкомъ напоминаютъ гимназію и скорѣе вынуждаютъ дѣятельность пассивную, чѣмъ возбуждаютъ къ дѣятельности самостоятельной, въ которой и заключается главная цѣнность университетскаго ученія. Нѣмцы и называютъ это ученіе особымъ терминомъ: „studiren“. Studiren есть нѣчто болѣе, чѣмъ lernen, котораго достаточно для репетицій.

Окончило университетскій курсъ въ отчетномъ году всего 570 человѣкъ, на всѣ восемь университетовъ, на всю Россію (7 человѣкъ на миллионъ). Изъ остальныхъ, вообще довольно-скудныхъ данныхъ отчета объ университетахъ отмѣтимъ число пользовавшихся въ нихъ стипендіями. Въ 1877 г. стипендіями пользовались 1,582 студента, то-есть, примѣрно *четверть* общаго числа; сумма стипендій составляла 390 т. р. Число вовсе освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій составило 32^о%, общаго числа учащихся, и, кромѣ того, значительному числу студентовъ плата была уменьшена. Эти цифры сами собою предполагаютъ, что вопросъ о пользѣ для государства наибольшаго распространенія въ немъ высшаго образованія рѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ. Государство, учреждая въ университетахъ стипендіи и принимая отъ обществъ и отъ частныхъ лицъ капиталы для учрежденія стипендій въ университетахъ, не могло не считать окончательно рѣшеннымъ дѣло о томъ, что умноженіе числа студентовъ желательно, такъ какъ стипендіи учреждаются навсегда. Освобождая *третью* часть всего числа учащихся отъ платы за слушаніе лекцій, государство заявляетъ то же самое. Отсюда явствуется, что когда въ нашей жизни наступаетъ періодическое колебаніе въ сознаніи этой истины, когда вновь возникаетъ—какъ-то бываетъ во временахъ—вопросъ: желательно-ли вообще умноженіе студентовъ или, наоборотъ, желательно скорѣе сокращеніе ихъ числа, то временныя мѣры могутъ приходить въ прямое противорѣчіе съ направ-

леніемъ заботъ постоянныхъ. Возьмемъ такой примѣръ, что въ какомъ-нибудь университетѣ предстояло бы увольненіе значительнаго числа студентовъ по поводу невнесенія ими въ срокъ платы за ученіе. Какъ пришлось бы согласить такіа двѣ мѣры: съ одной стороны, университетъ увольняетъ сотню, другую учащихся за неисправность во взносъ платы, а съ другой стороны, правительство двумъ слишкомъ тысячамъ студентовъ даетъ возможность слушать лекціи безъ платы, а тысячѣ нѣстатамъ еще платить за то, чтобы они учились, то-есть, даетъ имъ стипендіи?

Такое противорѣчіе могло бы быть устранено только однимъ изъ слѣдующихъ двухъ пріемовъ. Если строгость во взысканіи съ учащихся платы по временамъ усиливается, то это можетъ зависѣть только отъ возраждающагося на время сомнѣнія въ полезности возрастанія числа учащихся. Но въ такомъ случаѣ, логика требовала бы отміны освобожденія отъ платы и закрытія стипендій въ университетахъ, съ перенесеніемъ этихъ стипендій въ среднія училища, гимназіи или духовныя семинаріи. Если же въ самомъ дѣлѣ признается польза распространенія высшаго образованія, то, въ такомъ случаѣ, увольненіе въ большомъ числѣ за неплатежъ въ срокъ вовсе немыслимо. Невозможно, съ одной стороны, увольнять большое число студентовъ по поводу неисправности въ платѣ, а съ другой—гораздо большому числу студентовъ платить деньги за то, чтобы они только учились. Неисправность во взносъ платы цѣлой сотни или двухъ сотенъ учащихся не можетъ быть послѣдствіемъ одной изъ небрежности. Такое явленіе, конечно, зависить оттого, что молодые люди, необезпеченные, рассчитывали для уплаты за лекціи на такіа невѣрные средства, какъ частныя уроки; полагались на снисходительность университетскаго начальства въ ожиданіи взноса платы и обманулись въ своихъ расчетахъ. Въ такомъ положеніи дѣйствительно можетъ оказываться значительное число учащихся. Но если причиною неисправности была, такимъ образомъ, одна недостаточность средствъ, не удостовѣряемая оффиціальными свидѣтельствами, то избѣгнуть увольненія большого числа студентовъ и предотвратить серьезный кризисъ въ ихъ жизни—было бы не трудно. Однимъ можно было бы отсрочить уплату, другимъ уменьшить размѣръ ея, а отъ третьихъ потребовать свидѣтельство полиціи о недостаточности и удовольствоваться этимъ свидѣтельствомъ, освободивъ ихъ вовсе отъ платы. Наконецъ, можно было бы у насъ усвоить практику нѣкоторыхъ иностранныхъ университетовъ, гдѣ недостаточные даютъ обязательство уплатить гонораръ за слушаніе лекцій изъ жалованья, которое они будутъ нослѣ получать на службѣ. Все это необходимо было бы сдѣлать потому, что у насъ именно существуетъ самое наглядное дока-

зательство того, какъ желаетъ поощрять правительство высшее образованіе, если $\frac{1}{4}$ числа студентовъ не только освобождается отъ платы, но еще получаетъ стипендіи.

Обращаясь къ числу учениковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, замѣтимъ прежде всего, что возрастаніе этого числа идетъ правильнѣе и постояннѣе, чѣмъ въ университетахъ. Въ 1874 г., въ 165 гимназіяхъ и прогимназіяхъ всѣхъ округовъ состояло 42,676 учениковъ, а съ 1-го января 1878 года число названныхъ заведеній было 206, и учениковъ въ нихъ состояло 53,072 чел. Сравненіе этихъ чиселъ даетъ отчету поводъ къ слѣдующему заключенію: „возрастаніе числа учащихся, довольно равномерное во всѣхъ учебныхъ округахъ, доказываетъ, по мнѣнію ихъ попечителей, усиливающееся довѣріе общества къ учебнымъ заведеніямъ, учрежденнымъ для классическаго образованія“. Не желая оспаривать самаго факта довѣрія общества къ школамъ классическимъ, мы должны однако замѣтить, что возрастаніе числа учениковъ зависитъ не отъ одного довѣрія къ учебнымъ заведеніямъ или специально къ классическому образованію. Вѣдь тотъ же отчетъ свидѣтельствуетъ, что и число учениковъ въ 56 реальныхъ училищахъ поднялось съ 10,880, состоявшихъ въ 1877 году, до 12,763 въ 1878 году, т.-е. на $17\frac{1}{2}\%$ въ одинъ годъ; въ предшествовавшемъ же году увеличеніе числа учениковъ въ реальныхъ училищахъ происходило въ еще болѣе разнѣрѣ, а именно возросло на $21\frac{1}{4}\%$. Между тѣмъ изъ сопоставленія такихъ цифръ въ отношеніи къ училищамъ реальнымъ, попечители не выводили мнѣнія—или отчетъ не привелъ его?—что возрастаніе числа учениковъ доказываетъ усиливающееся довѣріе общества къ учебнымъ заведеніямъ, учрежденнымъ для *реального* образованія. Если приписывать возрастаніе числа учениковъ одному возрастанію общественнаго довѣрія къ тому или другому типу среднихъ училищъ, то пришлось бы сравнивать степень довѣрія сравнительнымъ цифрами возрастанія числа учениковъ, какъ то требуется дѣлать при всякаго рода подобныхъ вычисленіяхъ. А такъ какъ число учениковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ съ 1877 по 1878 возросло съ 50,701 до 53,072, т.-е. на 2,371 чел. или на $4\frac{1}{2}\%$,—то оказалось бы, что если въ возрастаніи числа учениковъ довѣріе общества къ заведеніямъ реальнымъ выразилось цифрою $21\frac{1}{4}\%$, значить, и довѣріе общества къ реальнымъ училищамъ было въ 5 разъ сильнѣе.

Но, само собою разумѣется, всѣ подобнаго рода арифметическіе выводы нельзя дѣлать серьезно въ подобнаго рода вопросахъ. Возрастаніе числа учениковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ типовъ зависитъ просто отъ распространенія потребности образованія въ болѣе и болѣе многочисленныхъ классахъ населенія. Въ срав-

ноніи съ этимъ фактомъ, вліяніе большаго или меньшаго довѣрія общества къ тѣмъ или другимъ училищамъ является факторомъ малозначущимъ. Выѣсто того, чтобы удовлетворяться такимъ явленіемъ, какъ умноженіе учениковъ гимназій и прогимназій на $4\frac{1}{2}\%$ въ годъ, и усматривать въ немъ признакъ довѣрія, мы болѣе склонны сокрушаться при мысли, что средства къ среднему образованію развиваются далеко не въ той степени, въ какой растутъ въ странѣ потребности въ немъ. Трудно говорить о довѣрїи, когда преобладающимъ является фактъ, что всѣхъ существующихъ школъ недостаточно, что въ иныхъ мѣстностяхъ только десятый изъ тѣхъ учениковъ, которыхъ родители готовы „довѣрить“ любому среднему училищу, будь оно классическое, реальное или военное, дѣйствительно можетъ быть принятъ въ эти училища, просто — по недостатку мѣста!

Вотъ, напримѣръ, что писали газетѣ „Голосъ“ изъ Тифлиса въ концѣ сентября: „ежегодно объ эту пору тутъ раздается гвалтъ отъ безчисленныхъ жалобъ и воплей родителей, дѣти которыхъ не могли попасть въ учебныя заведенія по недостатку вакансій. Дѣйствительно, въ Тифлисѣ на сто-тысячное населеніе города и полу-милліонное населеніе губерніи, находятся одна гимназія и одно реальное училище; въ кутаисской губерніи на такое же населеніе всего одна гимназія. Вслѣдствіе того, на каждую вакансію является по десяти и болѣе кандидатовъ, болѣею частью хорошо подготовленныхъ къ экзамену. Подготовка эта, по словамъ корреспондента, обходится родителямъ (даже въ низшіе классы) по 300—500 р. въ годъ и длится нѣсколько лѣтъ, а родители спроваживаютъ учебнымъ начальствомъ съ заявленіемъ, что вакансій нѣтъ и не предвидится“... Корреспондентъ сообщаетъ далѣе, что населеніе не разъ уже обращалось къ начальству съ просьбами объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній: „но просьбы эти до сихъ поръ остаются неудовлетворенными, а между тѣмъ цѣлыя поколѣнія гибнутъ, будучи осуждены на невѣжество и нищету“.

Гдѣ же, при такихъ обстоятельствахъ, возможность объяснять наплывъ учениковъ въ гимназіи, какъ знакъ возрастающаго въ обществѣ довѣрія къ классическимъ, къ реальнымъ, или къ военнымъ училищамъ? Общество думаетъ только объ одномъ, чтобы было хоть какое-нибудь — и оно всякому окажетъ полнѣйшее довѣріе.

Тотъ же корреспондентъ разсказываетъ, что, выѣсто новыхъ гимназій и университета, о которыхъ ходатайствовало тифлисское дворянство, была учреждена военная гимназія. И что-же?—она также „мгновенно переполнилась“ учениками, и корреспондентъ еще жалуется, что переполнилась она дѣтми военно-служащихъ; что изъ объявлен-

наго списка экзаменовавшихся и принятых и тутъ „оказалось, какъ всегда, на десять стучащихся въ дверь гимназій лишь одна вакансія“. Едва ли бы военное вѣдомство было право, усмотрѣть въ этомъ обстоятельствѣ знакъ особаго довѣрія общества къ военнымъ училищамъ.

Изъ другихъ статистическихъ данныхъ отчета о гимназіяхъ и прогимназіяхъ сперва отмѣтимъ фактъ, что православные въ общемъ составѣ учащихся составляли большинство, а именно 61%, и что довольно значительный процентъ, по сравненію цифръ населенія, приходился на долю еврейскаго населенія, а именно 10,7%. Здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣскольکو непонятнымъ для насъ отзывомъ, что „число учениковъ еврейскаго исповѣданія, по замѣчанію попечителей различныхъ учебныхъ округовъ, повсемѣстно возрастаетъ, съ тою скоростью, какъ евреямъ дозволено селиться во внутреннихъ губерніяхъ Россіи“. На какое время указываютъ здѣсь попечители,—мы, признаемся, не знаемъ, такъ какъ извѣстно, что общаго дозволенія евреямъ селиться во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и до сихъ поръ не послѣдовало, а частныя мѣры, въ пользу нѣкоторыхъ категорій евреевъ, издавались въ разное время и ни къ какому спеціальному періоду не относятся.

Замѣчательна высота процента учениковъ еврейскаго исповѣданія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ одесскаго округа. Евреи составляютъ въ заведеніяхъ этого округа 34,7% общаго числа учащихся, между тѣмъ какъ даже въ западныхъ округахъ процентъ евреевъ гораздо менѣе значителенъ. Въ виленьскомъ округѣ онъ составляетъ 23%, въ варшавскомъ 13,5%, въ кіевскомъ 11,4%. Если окажется когда-нибудь нужнымъ употребить мѣры къ уменьшенію такого преобладанія процента учащихся еврейскаго исповѣданія, то самую лучшую мѣрою къ тому было бы содѣйствіе къ увеличенію процента учащихся христіанскаго исповѣданія.

Въ распредѣленіи учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по сословіямъ обнаруживается замѣчательный фактъ, что хотя дѣти дворянъ и чиновниковъ все еще въ общемъ итогѣ преобладаютъ, но преобладаніе этого элемента уже незначительно. Почти цѣлая половина учащихся въ самыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ принадлежитъ уже теперь къ инымъ сословіямъ. Въ военныхъ гимназіяхъ преобладаніе дѣтей дворянъ и служащихъ болѣе замѣтно, но и тамъ очень высокъ процентъ иныхъ сословій. Въ реальныхъ же училищахъ, дѣти дворянъ и чиновниковъ составляютъ меньшинство — всего 44% общаго числа. Если къ названнымъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ присоединить духовныя семинаріи, въ которыхъ почти все число учениковъ принадлежитъ къ сословію духовному, то, безъ

смыслимъ, получится такой результатъ, что уже теперь большинство дѣтей и юношей, получающихъ среднее образованіе, къ классу дворянскому и чиновному не принадлежатъ.

Этотъ фактъ непремѣнно будетъ разрастаться по мѣрѣ увеличенія числа среднихъ учебныхъ заведеній всякаго рода и распространенія потребности образованія въ классахъ болѣе и болѣе многочисленныхъ. Сословіе дворянское и чиновное можетъ увеличивать свой контингентъ учениковъ единственно въ прогрессѣ возрастанія населенія, между тѣмъ, какъ прочія сословія стануть ежегодно поставлять новыя массы учениковъ, въ прогрессѣ несравненно болѣе быстрой, такъ какъ она обусловлена не столько даже возрастаніемъ числа населенія, сколько сознаніемъ въ народѣ потребности общаго образованія. Фактъ этотъ — именно по этой причинѣ — весьма утѣшительный. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что учащееся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ юношество и представляетъ собою массу будущаго русскаго образованнаго общества. Чѣмъ глубже лежатъ тѣ слои родной почвы, которые постепенно будутъ захвачены потребностью общаго образованія, тѣмъ меньше въ нихъ наличность элементовъ *воспитательныхъ*, тѣмъ грубѣе нравы, тѣмъ слабѣе кака-либо наследственная выработка понятій и вкусовъ. Вотъ почему фактъ, на который мы указываемъ, свидѣтельствуетъ о громадной важности усилить воспитательный характеръ средней школы. Наши педагоги, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ слишкомъ охотно сваливали недостатокъ воспитательныхъ заботъ объ ученикахъ на семью. Но они должны принять во вниманіе, что съ каждымъ годомъ они будутъ имѣть менѣе основаній и менѣе права возлагать всю нравственно-воспитательную задачу на одну семью, такъ какъ съ каждымъ годомъ имъ придется имѣть дѣла съ болѣе и болѣе большимъ числомъ учениковъ изъ такихъ семей, которыя не въ силахъ не только исполнять эту задачу исключительно сами, но даже и содѣйствовать правильно ея исполненію.

По поводу распредѣленія учениковъ гимназій по сословіямъ отчетъ дѣлаетъ одно замѣчаніе, котораго нельзя обойти. Констатируя фактъ, что ученики изъ класса дворянъ и чиновниковъ по болѣе части оканчиваютъ курсъ, предназначая себя преимущественно къ высшему, университетскому образованію, учащіеся же изъ другихъ сословій довольствуются низшими классами гимназій, духовными училищами или начальными училищами, отчетъ заключаетъ отсюда: „такимъ образомъ, современное устройство учебныхъ заведеній удовлетворяетъ разнообразнымъ потребностямъ всѣхъ слоевъ и классовъ общества“. Въ этомъ выводѣ есть одно для насъ не совсѣмъ ясное обстоятельство: какимъ образомъ удовлетворяются

потребности тѣхъ слоевъ и классовъ общества, дѣти которыхъ до-
вольствуются одними низшими классами гимназій и остановились въ
своемъ учении на той или другой страницѣ латинской грамматики?
Кромѣ того, въ тѣхъ словахъ, намъ кажется, есть значительная
доля оптимизма.

Начать съ общезвѣстнаго факта, о которомъ говорено выше:
существующія школы далеко не удовлетворяютъ всего спроса въ на-
родѣ на образованіе. Даже среднихъ училищъ въ иныхъ мѣстно-
стяхъ необходимо было бы имѣть вдвое, вчетверо болѣе, чѣмъ ихъ
имѣется. Начальныхъ же народныхъ училищъ такъ мало, сравни-
тельно съ населенностью, постановка ихъ такъ еще неудовлетвори-
тельна, затрудненія къ ихъ открытію такъ велики, контроль пяти
вѣдомствъ надъ ними такъ разностороненъ, инспекція такъ обремени-
тельна въ денежномъ отношеніи, средства, удѣляемыя на началь-
ныя школы отъ казны, такъ малы, что не будетъ ли еще слѣшкомъ
рано говорить объ „удовлетвореніи разнообразныхъ потребностей
всѣхъ слоевъ и классовъ общества“. Потребность въ образованіи
среди народа быстро возрастаетъ, а число начальныхъ школъ, со-
держимыхъ, напримѣръ, земствомъ, едва ли не уменьшается.

Но допустимъ, что въ приведенномъ выше отзывѣ: „современное
устройство учебныхъ заведеній“—разумѣется не въ смыслѣ всего, что
доселѣ устроено для удовлетворенія потребности народа въ образо-
ваніи, а только въ смыслѣ той системы, какая принята для распе-
дѣленія занятій въ существующихъ школахъ разнаго порядка. Въ
этомъ смыслѣ отзывъ отчета можно понять только такъ: у насъ
существуютъ гимназій, въ которыхъ дѣти дворянъ и чиновниковъ
преимущественно приготавливаются къ университету, и въ которыхъ
дѣти городскихъ классовъ не кончаютъ курса; для дѣтей духов-
ныхъ лицъ мы имѣемъ духовныя училища, а для крестьянъ —
начальныя народныя школы. Но вѣдь трудно себѣ и вообразить та-
кое устройство школъ, которое не представляло бы раздѣленія на
университеты, среднія и начальныя училища. А между тѣмъ, и въ
приведенномъ отзывѣ все-таки замѣтны нѣкоторые пробѣлы всего
устройства, именно въ смыслѣ системы. „Дворяне и чиновники пред-
назначаютъ своихъ дѣтей преимущественно къ высшему образованію
и ученики изъ этихъ сословій, по болѣшей части, оканчиваютъ пол-
ный курсъ гимназій“—сказано въ отчетѣ. Но выше мы видѣли, что
контингентъ учениковъ, поставляемыхъ гимназіями въ университеты,
оказался доселѣ недостаточнымъ, и что для пополненія университе-
товъ приходилось открывать доступъ къ нимъ, помимо гимназій, изъ
духовныхъ семинарій, при помощи особой льготы.

Съ другой стороны, отчетъ удостовѣряетъ, что учащіеся изъ го-

родскихъ сословіи часто довольствуются низшими классами гимназій и затѣмъ прямо обращаются въ практической дѣятельности. Въ гимназіяхъ московскаго округа только *одна шестая* часть учениковъ 1-го класса гимназій доходитъ до VIII класса, а въ гимназіяхъ варшавскаго — только *одна седьмая*. Допустимъ, что такъ какъ восемь лѣтъ тому назадъ въ первыхъ классахъ число учениковъ было меньше нынѣшняго, то нынѣшнія среднія цифры учениковъ высшаго класса представляютъ не $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{7}$, а $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ часть числа поступившихъ въ первый классъ. Но и въ этомъ случаѣ, все-таки представляется фактъ, что вся учебная система гимназій рассчитана въ пользу только одной четверти или одной пятой числа поступающихъ въ нихъ учениковъ; затѣмъ, спрашивается: много ли выигрываетъ сынъ купца или мѣщанина, оставляющій гимназію послѣ третьяго класса, отъ усиленнаго преподаванія древнихъ языковъ, и не теряетъ ли онъ, наоборотъ, отъ того, что время, въ которое онъ могъ бы лучше ознакомиться съ предметами научными, было стѣснено преподаваніемъ древнихъ языковъ, которые на этой степени ихъ изученія — уже никакой пользы принести не могутъ?

„Московскія Вѣдомости“ такъ много разглагольствовали о вредѣ „недоученности“, объ „умственномъ убожествѣ“ и неблагонадежности „недоучковъ“; но по справедливости имъ слѣдуетъ познакомиться съ фактомъ, удостовѣряемымъ теперь официальными цифрами: тремъ четвертямъ, если не четыремъ пятымъ, изъ числа поступающихъ въ классическія гимназіи дѣтей, суждено быть недоучками — древнихъ языковъ; но это нисколько не лучше, чѣмъ быть недоучкой чего бы то ни было.

Авторы отчета не могли не сознать немерзальности такого явленія и утѣшаютъ себя надеждою, что „распространеніе реальныхъ и четырехъ-классныхъ городскихъ училищъ уменьшитъ въ гимназіяхъ, надо полагать, число такихъ малоспособныхъ или неусердныхъ учащихся, но *едва ли* совершенно отъ нихъ освободить“. Вставленная здѣсь оговорка „едва ли“ свидѣтельствуетъ о полной добросовѣстности самаго отзыва. Дѣйствительно — едва ли! Вѣдь передъ самыми тѣми строками, въ которыхъ выражается эта неполная надежда, — высказана причина, заставляющая родителей предпочитать гимназію другимъ училищамъ, хотя бы такія и существовали. „Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ реальное училище существуетъ“... сказано въ отчетѣ — „многіе родители изъ купцовъ и мѣщанъ, не зная и не испытывъ способностей своихъ дѣтей, охотно помѣщаютъ ихъ въ гимназію, какъ учебное заведеніе, имѣющее преимущества по курсу преподаванія и *болѣе обширныя права*, и только позднѣе измѣняютъ направленіе, данное воспитанію юноши, при обнаружив-

шейся его неспособности". Понятно, что главное значеніе здѣсь имѣютъ не „преимущества по курсу преподаванія“, едва ли вполне ясныя для купцовъ и мѣщанъ, но именно „болѣе обширныя права“, которыя понятны и доступны разумѣнію каждаго. Это послѣднее условіе имѣетъ столь большое значеніе, что не только родители изъ купцовъ и мѣщанъ, но родители, принадлежащіе къ любому сословію, предпочитаютъ—если только представляется возможность выбора—помѣщать дѣтей туда, гдѣ ихъ дѣтей встрѣтятъ „болѣе обширныя права“. Если иногда родители отдаютъ дѣтей въ лицей, училище правовѣдѣнія, пажескій корпусъ,—то, конечно, при этомъ имѣются въ виду вовсе не „преимущества по курсу преподаванія“ упомянутыхъ учебныхъ заведеній, сравнительно съ классическими гимназіями, а гораздо болѣе простыя и общепонятныя соображенія, какими руководятся и купцы, когда предпочитаютъ классическія гимназіи реальнымъ училищамъ.

Затѣмъ, судя по цифрѣ учениковъ въ разныхъ классахъ, на основаніи примѣра гимназій московскаго и варшавскаго округовъ, надо полагать, что родители почти половину дѣтей, отданныхъ въ гимназію, берутъ назадъ, не доводя ихъ до IV класса. Вотъ цифры: въ I-мъ классѣ гимназій московскаго округа учениковъ было 1632, а въ IV-мъ 948; въ гимназіяхъ же варшавскаго округа въ I-мъ классѣ 1685, а въ IV-мъ—998. А вѣдь нельзя не признать, что по какой бы причинѣ эти дѣти ни были взяты изъ гимназій такъ рано, вслѣдствіе ли ошибки родителей въ способности дѣтей къ древнимъ языкамъ, или вслѣдствіе нежеланія оставлять ихъ дольше въ школѣ вообще, вся та значительная часть времени, которую дѣти въ низшихъ классахъ должны были посвятить классическому ученію,—для нихъ окончательно потеряна. Это время они съ гораздо болѣею пользою могли бы употребить на болѣе обстоятельное ознакомленіе хотя бы съ однимъ изъ живыхъ языковъ, въ которомъ практика могла бы впоследствии пополнять ихъ свѣдѣнія, и такимъ образомъ, вѣсто недоучки, хотя бы и въ древнихъ языкахъ, мы получили бы полезнаго дѣятеля.

Вотъ почему нельзя не согласиться, что гимназіи гораздо вѣрнѣе удовлетворяли бы тѣмъ потребностямъ, какія сказываются самымъ опытомъ, если бы изученіе древнихъ языковъ въ нихъ начиналось только съ IV-го класса, какъ то и предлагаетъ профессоръ Модестовъ, въ своихъ послѣднихъ статьяхъ въ „Голосѣ“. Тогда дѣти, отданныя въ гимназіи всего на три года, могли бы употребить это время съ болѣею пользою, а другимъ для изученія древнихъ языковъ все-таки оставалось бы достаточно времени съ IV-го класса. Мы потому и указываемъ на этотъ классъ, что съ него на практикѣ

замѣчается впервые рѣзкое паденіе цифры учениковъ, и съ пятаго они идутъ уже болѣе ровно. Всѣ не дошедшіе до четвертаго класса учились древнимъ языкамъ совершенно напрасно. Между тѣмъ, съ IV-го класса остается еще пять лѣтъ для изученія этихъ языковъ, и въ дѣйствительности только съ того возраста, которому соответствуетъ IV-й классъ, оно и можетъ идти сознательно. Необходима уже извѣстная крѣпость ума для того, чтобы ученикъ могъ безъ унынія и безъ затрудненія одолѣвать изученіе сухихъ грамматическихъ формъ, которыя не оживляются живой рѣчью; вѣто, мальчикъ лѣтъ 14-ти, хотя бы и не учившійся до того времени по-латыни и по-гречески, усвоить себѣ грамматическія формы и привычку употреблять ихъ безъ всякаго сравненія скорѣе, чѣмъ 11-ти-лѣтній. Мы убѣждены, что такой ученикъ уже въ VI-мъ классѣ не только не будетъ слабѣе начавшаго „долбить“ латинскія спряженія съ I-го класса, но, наоборотъ, будетъ сильнѣе послѣдняго въ латинской же грамматикѣ, которая не представилась ему съ самой первой встрѣчи съ нею чѣмъ-то непосильнымъ. Всякій, кто знаетъ, какое большое значеніе имѣетъ первое впечатлѣніе, произведенное новымъ предметомъ на умъ ученика, согласится съ нами.

Отчетъ за 1877 годъ разъясняетъ еще, что число увольняемыхъ изъ гимназій до окончанія курса, за малоуспѣшность или дурное поведеніе, *незначительно*. Замѣтимъ при этомъ одну подробность, а именно: изъ числа 1195 уволенныхъ въ 1877 году собственно по неспособности, значительное большинство было удалено именно за малоуспѣшность въ латинскомъ языкѣ — 761! Прежніе отчеты не разъ обращали вниманіе на сравнительную успѣшность ученія въ нашихъ гимназіяхъ языку греческому. И въ нынѣшнемъ отчетѣ оказывается, что за малоуспѣшность въ греческомъ языкѣ было уволено только 276. Но едва ли можно заключить, будто греческій языкъ самъ по себѣ легче для нашихъ дѣтей, чѣмъ латинскій, такъ какъ, опираясь на такіе же арифметическіе расчеты, пришлось бы допустить, что онъ не только втрое легче латинскаго, но *одво* легче русскаго языка (за малоуспѣшность въ которомъ было уволено 566 чел.); если послѣднее каждому русскому покажется невѣроятнымъ, то можно сомнѣваться и въ первомъ положеніи. Относительно малая цифра уволенныхъ за неуспѣшность въ греческомъ языкѣ правильнѣе можетъ быть объяснена, во-первыхъ, меньшей въ немъ требовательностью преподавателей, во-вторыхъ — болѣе позднимъ началомъ его изученія.

Изъ перваго отчета министерства послѣ введенія новаго гимназическаго устава нельзя было усмотрѣть, сколько именно учениковъ выбыло изъ гимназій въ теченіи года, по всѣмъ причинамъ въ сложности. Комиссія, учрежденная для разсмотрѣнія отчета министер-

ства за 1873 годъ, выразила желаніе, чтобы впредь число учениковъ гимназій и прогимназій, выбывающихъ до окончанія курса, показывалось съ объясненіемъ, сколько было, и это постановленіе коммисіи повелѣно было „принять къ руководству“. Въ исполненіе этого повелѣнія въ отчетѣ 1877 года имѣется особая таблица, съ показаніемъ выбывшихъ изъ каждаго класса. Изъ разныхъ графъ этой таблицы оказывается, что въ 1877 году было, сверхъ окончившихъ курсъ, умершихъ и уволенныхъ для перехода въ другія гимназій и прогимназій, 6,156 чел. Это число представляется выбывшими по слѣдующимъ поводамъ: для перехода въ реальныя училища и училища другихъ вѣдомствъ, на службу государственную и частную, и „по другимъ причинамъ“. Собственно „по другимъ причинамъ“ уволено въ году 3,223 ученика. Отчетъ сравниваетъ общую цифру выбывшихъ до окончанія курса (8861 чел.) съ суммою цифры состоявшихъ въ началу 1877 года (50,701 чел.) и цифры поступившихъ въ теченіи года (12,589 чел.), что даетъ итогъ въ 63,290 чел., и выводитъ отсюда, что убывшіе до окончанія курса составляли только 14^о/₁₀₀ общаго числа учениковъ. Но этотъ расчетъ нельзя признать достаточно точнымъ. Первый выбывшій изъ гимназій ушелъ вовсе не послѣ того, какъ уже поступили всѣ 12,589 новыхъ учениковъ; въ дѣйствительности, ни въ одинъ день 1877 года не могло быть 63,290 учениковъ, такъ какъ одни прибывали, а другіе убывали. Цифру выбывшихъ можно сравнивать правильно только съ цифрою вновь поступившихъ, а въ такомъ случаѣ, по сравненію съ числомъ вновь поступившихъ (12,589 чел.), цифра выбывшихъ по нежеланію или невозможности продолжать курсъ классическаго образованія (6,156 чел.) представляется болѣе значительною; это уже не 14, а почти пятьдесятъ процентовъ.

Нельзя не обратить вниманія еще на весьма важную невыгоду продолжительности нынѣшняго гимназическаго курса и одновременно—слишкомъ большихъ требованій программъ отъ поступающихъ въ младшіе классы. На эти причины до сихъ поръ обращали мало вниманія, а между тѣмъ отъ нихъ зависитъ явленіе крайне неблагоприятное во всякомъ отношеніи: гимназическій курсъ оканчивается теперь въ относительно-позднемъ возрастѣ. Изъ процентныхъ цифръ отчета слѣдуетъ вывести заключеніе, что почти половина выдерживаетъ выпускной экзаменъ на 21-мъ, 22-мъ году отъ роду. Не говоря уже о личномъ неудобствѣ, какое представляется молодымъ людямъ, готовившимся къ университетскому курсу, оканчивать его на 25-мъ, 26-мъ году, указанное явленіе не можетъ не отражаться неблагоприятно на самыхъ гимназіяхъ. Съ одной стороны, двадцати-одно-лѣтняго гимназиста держать все-таки какъ мальчика:

ему строжайше запрещается курить, предписывается носить ранецъ, предъявлять отпускной билетъ, въ случаѣ несоблюденія формы, причемъ инспектору предоставлено обращаться для понужденія такого гимназиста къ помощи городской полиціи. Съ другой стороны, присутствіе въ гимназіи такихъ слишкомъ „зрѣлыхъ“, хотя еще и не получившихъ аттестата зрѣлости учениковъ, не можетъ не вліять дурно на ихъ малолѣтнихъ товарищей. Нѣкоторая доля излишней самоувѣренности, необходимая въ совершенно сформировавшихся юнѣнахъ, ихъ естественная досада на нѣкоторые вышпія стѣсненія, ихъ мысли вслухъ о предметахъ, совершенно-выходящихъ изъ круга пониманія 12 и 14-ти-лѣтнихъ мальчиковъ, неизбежно отражаются, еще въ искаженномъ видѣ, на этихъ послѣднихъ. Слыша, какъ одинъ товарищъ порѣшилъ всѣ философскіе и политическіе вопросы, какъ другой ведетъ веселую жизнь, третій застрѣлся, а четвертый вышелъ изъ гимназіи и женился — и малолѣтніе невольно увлекаются мнѣніемъ, что нѣтъ ничего гимназисту недоступнаго.

Разсмотрѣвъ въ частностяхъ нѣкоторые отъемы отчеты, относящіеся къ гимназіямъ, мы отклоняемъ отъ себя составленіе какого-либо общаго вывода, потому именно, что, какъ бы то ни было, нельзя желать радикальныхъ измѣненій въ системѣ обученія чрезъ каждыя семь лѣтъ. Частныя же замѣчанія, нами сдѣланныя, указываютъ на желательность только нѣкотораго облегченія учениковъ низшихъ классовъ, съ перенесеніемъ на IV или III классъ начала изученія древнихъ языковъ, нѣкотораго уменьшенія программныхъ требованій по этимъ языкамъ отъ учениковъ высшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы все оставшееся въ программахъ достигалось *въ действительности* большинствомъ учениковъ, и въ связи съ этими измѣненіями — сокращенія самаго курса въ гимназіяхъ на годъ, т.-е. отиѣны VIII класса, который даже и по программѣ имѣетъ главной цѣлью — повтореніе. Таковы наши *desiderata*, которыя, конечно, слѣдуетъ всесторонне обсудить еще болѣе компетентнымъ педагогамъ.

Въ заключеніе этихъ замѣчаній объ отчетѣ, сообщимъ изъ него нѣсколько цифръ о другихъ училищахъ. Число учениковъ въ училищахъ реальныхъ уже приведено выше. Въ 7 учительскихъ институтахъ въ 1877 году учениковъ было 330; окончилъ полный курсъ 46. Въ остающихся еще уѣздныхъ училищахъ учениковъ было 26,670. Въ теченіи года 32 уѣздныхъ училища были преобразованы въ городскія. Этихъ послѣднихъ имѣется теперь 97, съ 9,505 учениками. Учительскихъ гимназій и школъ состояло 62, съ 4,423 учащимися, а въ начальныхъ училищахъ, состоящихъ при этихъ семинаріяхъ, 1,688. Наконецъ, начальныхъ народныхъ училищъ, за исключеніемъ

кавказскихъ и лютеранскихъ прибалтійскихъ, было до 24,868 съ 1.065,889 учащими на 80 милліоновъ населенія.

Доселѣ наша рѣчь была о заботахъ объ юности и дѣтяхъ, этотъ подростающій народъ, на пользу ихъ умственнаго развитія. Заботы о народномъ образованіи могутъ быть болѣе или менѣе правильны и успѣшны. Но счастливъ былъ бы народъ, о дѣтяхъ котораго достаточно было заботиться только въ этомъ отношеніи. Есть множество дѣтей, которыхъ самая жизнь не обезпечена или нестерпима. Есть, вѣроятно, не одна тысяча малолѣтнихъ мучениковъ, вызывающихъ къ защитѣ государства, не голосомъ, конечно, а только страданіями. Они безусловно имѣютъ право на защиту со стороны государства, такъ какъ всякое посягательство на личность есть вмѣстѣ и посягательство на государство, имѣющее первой цѣлью и первымъ долгомъ охраненіе личной безопасности. Въ прошломъ мѣсяцѣ г. фонъ-деръ-Ховенъ читалъ здѣсь, въ Петербургѣ, рефератъ объ учрежденіяхъ, существующихъ въ Соединенныхъ-Штатахъ „для защиты дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія“. Говоря о томъ же предметѣ, мы пользуемся недавно изданною г. фонъ-деръ-Ховеномъ брошюрою, которая заслуживаетъ возможно большаго распространенія. Оказывается, что агенты одного нью-іорскаго общества въ теченіи одного года посѣщаютъ по *девѣ и по тремъ тысячамъ* такихъ семействъ, въ средѣ которыхъ только ихъ вмѣшательство можетъ улучшить участь дѣтей; что стараніями одного этого общества ежегодно обнаруживаются и преслѣдуются уголовнымъ порядкомъ по *триста*, приблизительно, случаевъ жестокаго обращенія съ дѣтьми.

И это въ одномъ только штатѣ, имѣющемъ населеніе всего въ 4½ милл. дунгъ! Какое право имѣемъ мы полагать, что въ Россіи, при населеніи почти въ 20 разъ болѣе, и приведенные выше случаи не представляются числами въ 20 разъ болѣе? Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что въ Россіи, при гораздо болѣе низкомъ уровнѣ образованія въ населеніи, при нравахъ безспорно болѣе грубыхъ, чѣмъ среди нью-іорскаго населенія, не трепещутъ въ безпомощныхъ, невѣдомыхъ страданіяхъ 40 или 60 тысячъ существъ, не насчитывается по 6 тысячъ случаевъ, прямо подходящихъ подъ уголовное опредѣленіе „истязаній“, но остающихся безъ наказанія и безъ помощи только потому, что жертвы безсилны жаловаться, а народъ вѣритъ, что власть родителей надъ дѣтьми безгранична, или привыкъ въ зрѣлищу учениковъ и малолѣтнихъ работниковъ, истязаемыхъ или моримыхъ козлевами?

Ничто намъ не ручается, что указываемое зло не дѣйствуетъ у насъ въ такихъ или еще болѣе большихъ размѣрахъ. Наоборотъ, весьма

вѣроятно, что происходитъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто подобное. Но если это такъ, то намъ не надо ходить далеко для отысканія жертвъ жестокаго произвола и для наказанія отвратительнѣйшаго насилія. Нѣтъ преступленія болѣе *подлаго*, чѣмъ истязаніе ребенка, и нѣтъ служенія болѣе благороднаго, чѣмъ то, которому посвятили себя общества защиты дѣтей въ Соединенныхъ-Штатахъ.

Учениковъ всѣхъ существующихъ въ Россіи школъ насчитывается около 1¼ милліона. Для того, чтобы дать этому числу юношей и дѣтей образованіе, государство и земство расходуютъ ежегодно многіе милліоны. Но для защиты самаго основнаго человѣческаго права массы дѣтей, быть можетъ, составляющей двадцатую часть приведеннаго числа учащихся въ Россіи, ни государство, ни земство не издерживаютъ ни копѣйки. Но государство не можетъ отказать въ разрѣшеніи частныхъ обществъ съ такой цѣлью, а земство, горюшкія и общественныя учрежденія, — по крайней мѣрѣ, — въ содѣйствіи, съ своей стороны, подобнымъ обществамъ.

Между тѣмъ, проектъ образованія общества попеченія о малолѣтнихъ дѣтяхъ въ Петербургѣ вотъ уже кажется года два остается еще проектомъ. Неужели же такое дѣло могло встрѣтить формальныя затрудненія? Неужели общество не можетъ состояться по недостатку членовъ?

Намъ кажется, что трудно допустить какъ то, такъ и другое. Вѣдь администрація разрѣшила же учрежденіе общества покровительства животнымъ, которое существуетъ уже 10 лѣтъ. Если же оказалось бы, что учрежденіе, задавшееся цѣлью защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія, не встрѣтило бы достаточной поддержки въ русскомъ обществѣ, то это было бы столь неблагоприятнымъ свидѣтельствомъ о настроеніи самого общества, что каждому изъ насъ оставалось бы только покраснѣть и отложить всякія надежды на способность общества къ какому-либо почину для улучшенія собственнаго своего положенія.

Нѣтъ, мы склонны объяснить себѣ промедленіе въ образованіи названнаго учрежденія просто обычнымъ у насъ фактомъ, что дѣло слишкомъ долго обсуждается. Въ Нью-Йоркѣ оно началось безъ дальнихъ разсужденій, простымъ и весьма характернымъ фактомъ. Тамъ, также какъ у насъ, общество покровительства животнымъ дѣйствовало уже нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ учредилось нѣчто подобное для покровительства дѣтямъ. Это общество взяло на себя однажды защитить въ 1874 году одну дѣвочку отъ истязаній женщины, которой она была поручена; затѣмъ общество покровительства животнымъ, не стѣсняясь формальностями, фактически взяло подъ свою охрану и дѣтей, человека, истязуемыхъ наравнѣ съ животными.

Послѣ уже образовалось особое общество „для защиты дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія“. Признаемъ, такое названіе правится намъ больше, чѣмъ предполагаемое у насъ названіе: общество „попеченія о малолѣтнихъ дѣтяхъ“. Достоинство перваго названія въ томъ, что оно специализируетъ главную задачу общества; затѣмъ уже само собою подразумѣвается, что для дѣйствительной защиты дѣтей окажется необходимымъ прикрѣпленіе нѣкотораго ихъ числа. Если же съ самаго начала опредѣлить цѣль учреждаемаго общества многообъемлющими словами „попеченіе о малолѣтнихъ“, то это усложнить задачу преждевременными и излишними разсужденіями; пойдетъ рѣчь о наблюденіи за гигиеническими условіями школъ и фабрикъ, объ учрежденіи специальныхъ школъ общества, о доставленіи помощи бѣднымъ родителямъ и т. п. Однимъ словомъ, расширение задачи будетъ имѣть неизбежнымъ результатомъ—замедленіе въ достиженіи главной цѣли. Пусть прежде осуществится и поработаетъ „общество для защиты дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія“. Ничто не помѣшаетъ ему впослѣдствіи расширить рамки своей дѣятельности, по мѣрѣ нужды.

Бросимъ взглядъ на учрежденіе и развитіе такихъ обществъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Въ Петербургѣ былъ нѣкогда американскимъ консуломъ г. Бергъ. Въ 1866 году онъ возвратился въ Соединенные-Штаты и основалъ въ Нью-Йоркѣ общество покровительства животнымъ. Оно начало свои дѣйствія въ 1867 году и теперь имѣетъ уже отдѣлы въ 32 штатахъ Союза и еще 5 отдѣловъ въ Канадѣ. Этотъ же почтенный г. Бергъ учредилъ въ 1874 г. и общество для защиты дѣтей въ Нью-Йоркѣ. Первый отчетъ этого общества явился въ 1876 году. Въ этомъ отчетѣ совершенно вѣрно опредѣлена необходимость существованія подобнаго общества, и для опроверженія такъ легко возникающихъ у насъ возраженій противъ всякаго новаго общественнаго предпріятія, лучше всего будетъ привести нѣсколько строкъ изъ этого отчета.

„Въ законодательствахъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ“, сказано тамъ, „существуютъ многія постановленія и статьи, въ силу которыхъ маленькія дѣти не должны быть подвергаемы лишеніямъ и жестокостямъ со стороны взрослыхъ; но, къ сожалѣнію, не было оффиціального органа, который бы слѣдилъ и заботился, чтобы эти законы не оставались мертвой буквою, а прилагались бы къ жизни. Общества и учрежденія благотворительныя, заботясь о тѣхъ, кто уже взрѣлъ ихъ попеченію, имѣютъ не только достаточно, но даже больше дѣла и работы, чѣмъ они въ силахъ выполнить. Полиція, прокуроры, судьи неизбежно постоянно заняты осужденіемъ и наказаніемъ субъектовъ, совершившихъ болѣе важныя преступленія (про-

тивъ малолѣтнихъ); правда, эти инстанціи и лица всегда готовы поддержать законъ и преслѣдуютъ лицъ, его нарушившихъ; они готовы помочь въ томъ случаѣ, когда къ нимъ обращаются за содѣйствіемъ въ виду совершившагося факта терзаній и мученій малолѣтняго. Но едва ли можно отъ нихъ ожидать, чтобы они взяли на себя трудъ отыскивать (а въ этомъ-то все дѣло) и обвинять тѣхъ лицъ, которые отстаиваютъ свое право обижать дѣтей, и злоупотребляютъ этимъ правомъ только на томъ основаніи, что они имѣютъ правда, легальный, но въ дѣйствительности—развращающій надзоръ за дѣтьми. Вотъ почему тираны дѣтей живутъ въ сравнительной безопасности, вотъ почему малыя дѣти, приученныя къ грубости и жестокости, вырастая, превращаются въ людей едва-ли менѣе черствѣлыхъ, чѣмъ ихъ тираны-наставники". Нельзя лучше и точнѣе объяснить необходимость существованія подобныхъ обществъ.

Уставъ нью-йоркскаго общества былъ утвержденъ актомъ конгресса 21 апрѣля 1875 года. Въ числѣ правъ, предоставленныхъ этимъ актомъ обществу, находятся: „право вести тяжбы во всякомъ судебномъ вѣдомствѣ, подавать жалобы и защищать дѣла; право подавать жалобу во всякую судебную инстанцію на нарушителей какого-либо изъ законовъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣтямъ, и помогать судебному вѣдомству тѣмъ, что общество будетъ указывать факты противозаконныхъ поступковъ“. „Всѣ судьи, констебли, шерифы и члены полиціи обязаны, въ случаѣ надобности, помогать обществу, его членамъ или агентамъ въ поддержаніи всѣхъ законовъ, которые существуютъ или будутъ изданы въ интересахъ дѣтей“. Дѣйствительные члены общества платятъ ежегодно по 5 доллар., или одновременно 50 долларовъ.

Въ первомъ отчетѣ было заявлено объ изслѣдованіи членами общества болѣе 300 жалобъ, во второмъ отчетѣ (1877 г.) упоминалось, что общество въ теченіи года обнаружило (въ одномъ штатѣ) 297 случаевъ жестокаго обращенія съ дѣтьми; „223 жертвы были освобождены изъ рукъ своихъ мучителей и помѣщены въ частныхъ домахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ“. Но еще гораздо больше было случаевъ, когда жестокое обращеніе съ дѣтьми устранялось увѣщаніемъ членовъ общества. Виѣстъ съ тѣмъ заявлялось, что и въ другихъ штатахъ образовалось 7 обществъ, по образцу этого. Въ третьемъ отчетѣ (1878) заявлялось объ открытіи въ другихъ штатахъ еще нѣсколькихъ подобныхъ обществъ и объ изданіи въ 9 штатахъ дополнительныхъ законовъ для защиты малолѣтнихъ. Въ теченіи года, общество въ 388 случаяхъ было вынуждено преслѣдовать виновныхъ, и 460 дѣтей поступили подъ его покровительство,

а агентами общества посѣщено болѣе 2000 семействъ, „въ которыхъ нашли много страданій, много и разврата“.

Наконецъ, въ четвертомъ отчетѣ (1879 г.) упомянуто объ учрежденіи новыхъ 5-ти обществъ; нью-іоркскимъ обществомъ обнаружено въ теченіи года 851 случай жестокаго обращенія съ дѣтьми, и изъ этого числа въ 304 случаяхъ дѣло было окончено примѣненіемъ къ виновному наказанія. Дѣтей было помѣщено въ пріюты и попечительства 619, а сверхъ того, 286 малолѣтнихъ временно проживали на попеченіи самого общества. Агентами общества было посѣщено болѣе 3000 семействъ, „гдѣ, подъ ихъ вліяніемъ, участь дѣтей улучшилась“.

Какъ видно изъ отчетовъ, такихъ обществъ теперь существуетъ въ Соединенныхъ-Штатахъ не менѣе 15-ти. Помножьте на это число приведенныя частныя цифры—и будете имѣть наглядное свидѣтельство о томъ, какая масса страданій прекращена; какое число злодѣевъ наказано судомъ, и какое число маленькихъ существъ призрѣно благотворными стараніями этихъ обществъ въ Сѣверо-Американскомъ союзѣ.

И замѣтимъ, что наказанія, назначаемыя въ этихъ случаяхъ американскими судами, весьма чувствительны: въ брошюрѣ приводятся случаи наказанія самихъ родителей заключеніемъ 1—3 мѣсяцевъ за простыя, но тяжкіе побой, нанесенные ими дѣтямъ. Американскій законъ, между прочимъ, запрещаетъ отдачу дѣтей акробатамъ и, такъ-называемыя, „гимнастическія“ упражненія съ ними въ театрахъ и циркахъ. Этимъ упражненіямъ предшествуютъ истязанія, и сами по себѣ они ослабляютъ несложившійся еще организмъ. Не мѣшало бы и у насъ, между прочимъ, сдѣлать такое добавленіе къ законамъ. Но необходимо вообще изданіе нѣсколькихъ постановленій, специально назначенныхъ для болѣе дѣйствительной защиты дѣтей.

Въ брошюрѣ рассказываются въ видѣ примѣровъ нѣсколько случаевъ жестокаго обращенія съ дѣтьми и энергическихъ усилій агентовъ общества, которымъ приходилось иногда розыскивать укрываемыя отъ нихъ жертвы, преслѣдуя виновныхъ изъ штата въ штатъ, подвергаясь порою оскорбленіямъ и необходимости даже охранять револьверомъ собственную безопасность. Такъ, рассказывается подобный случай преслѣдованія агентами общества содержателя цирка Квальяни, который жестоко обращался съ украденнымъ и переданнымъ ему четырех-лѣтнимъ мальчикомъ. Въ результатѣ, Квальяни издержалъ до 20 тысячъ долларовъ на переѣзды отъ преслѣдованій агентовъ общества и на самый процессъ, а мальчикъ былъ-таки отнятъ у него, отецъ ребенка розысканъ, и мальчикъ возвращенъ ему. Приведемъ еще одинъ отзывъ брошюры: „Преслѣдуя же-

стѣннхъ родителей, нью-іоркское общество также неумолимо преслѣдовало и хозяевъ, тиранящихъ своихъ юныхъ учениковъ, подмастерьевъ и слугъ“.

Нельзя не пожелать, чтобы дѣлу объ учрежденіи у насъ общества „защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія“ былъ данъ ходъ болѣе рѣшительнымъ образомъ, чѣмъ было доселѣ.

Переходя изъ области фактовъ желаемыхъ въ область фактовъ совершившихся, мы должны нынѣшній разъ упомянутьъ объ открытіи къ минувшему октябрю (30-го сентября) второго постоянного моста черезъ Неву. Если этотъ мостъ, получившій названіе „Моста императора Александра II“, и не сблизитъ насъ еще съ Финляндією, какъ о томъ заявлялось кѣмъ-то въ печати, то онъ все-таки принесетъ большую пользу городу Петербургу, устранивъ періодическіе перерывы сообщеній между Выборгскою стороною и центральными частями. Что касается Финляндіи, то сближеніе съ нею вѣрнѣе достигалось бы другимъ, не каменнымъ и не чугуннымъ, но не менѣе прочнымъ и надежнымъ мостомъ, чрезъ который пролегалъ бы путь нашего внутренняго развитія, распространенія образованія и успѣховъ мѣстнаго самоуправления, которыми справедливо хвалится Финляндія.

Новый мостъ, какъ извѣстно, построенъ инженеромъ А. Е. Струве, по его же проекту, утвержденному въ 1874 году. Контрактъ городского управленія съ г. Струве былъ подписанъ въ 1875 году, и въ томъ же году начались предварительныя работы по сооруженію. Постройка моста обошлась въ 5.100,000 рублей; изъ этой суммы 2.650,000 рублей отпущены изъ городской казны, при помощи займа, а 2.450,000 рублей—изъ государственнаго казначейства. Во всякомъ случаѣ, приобрѣтя прекрасный мостъ, превосходящій мостъ, построенный генераломъ Кербедзомъ и длиною, и шириной, съ издержкою изъ городскихъ суммъ всего 2.650,000 рублей, городъ долженъ быть доволенъ.

Но такъ какъ, сколько извѣстно, г. Струве обратился къ городскому управленію съ предложеніемъ построить еще третій постоянный мостъ черезъ Неву, то здѣшней думѣ, сверхъ соображенія о возможности для города новаго займа съ этой цѣлью, хотя бы въ прежнемъ размѣрѣ, придется выяснить вопросъ: согласно ли будетъ государство принять на себя опять половину издержекъ и по этому новому сооруженію? Въ противномъ случаѣ, дума, вѣроятно, не упуститъ изъ вида, что какова бы ни была цѣна сооруженія, опредѣленная въ первоначальномъ контрактѣ, на городъ падутъ всѣ прибавки къ цѣнамъ и экстренные расходы, которые, при постройкѣ нынѣшняго моста, разрѣшались помимо города, потому, что на его

средства не относились. Если третій мостъ строился бы исключительно на средства города, то городское управленіе не должно увлекаться сравнительной дешевизною первоначальной цѣны, занесенной въ контрактъ, и имѣть въ виду, что новый мостъ обойдется въ концѣ-концовъ не дешевле прежняго, и вся эта издержка ляжетъ на городъ, такъ какъ будетъ признано невозможнымъ, въ случаѣ несправности подрядчика, прекратить начатыя работы, а расторженіе контракта фактически представится невѣроятнымъ. Строитель нынѣ оконченнаго моста былъ избранъ не городомъ и не городомъ же выведенъ изъ тѣхъ большихъ затрудненій, какія встрѣтились при постройкѣ.

Выше сдѣлано сравненіе размѣровъ перваго и второго постоянныхъ мостовъ, построенныхъ въ Петербургѣ. Выражался точнѣе, упомянемъ, что нынѣ отстроенный мостъ длиннѣе перваго на 60 сажень и шире его на 3 сажени. Сверхъ того, новый мостъ замѣчательнѣе еще тѣмъ, что въ немъ пять среднихъ быковъ, а въ Николаевскомъ мосту ихъ семь. Но для соблюденія справедливости, слѣдуетъ напомнить, что въ то время, когда проектировалъ свой мостъ генералъ Кербедзъ, самая мысль о постоянномъ постѣ черезъ Неву еще считалась неосуществимою, и что какъ въ окончательномъ опредѣленіи проекта, такъ и въ исполненіи его строитель перваго моста былъ принужденъ дѣлать гораздо большія уступки, чѣмъ строитель втораго моста, который дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, подъ наблюденіемъ только комитета изъ лицъ избранныхъ городомъ, и былъ не только строителемъ, но и подрядчикомъ всего этого сооруженія.

Другое недавнее событіе, о которомъ мы упомянемъ, гораздо менѣе важно, чѣмъ открытіе того моста черезъ Неву, который имѣетъ будто-бы сблизить насъ съ Финляндіею. Дѣло въ томъ, что ни одна изъ рѣкъ, отдѣляющихъ Петербургъ отъ провинцій балтійскихъ, не имѣетъ ширины Невы, и чрезъ всѣ эти рѣки давно построены мосты, а между тѣмъ доселѣ сближеніе наше съ остзейскими губерніями все еще не могло состояться.

Вотъ въ этомъ смыслѣ свидѣтельствовало событіе въ ревельской городской думѣ, происшедшее 20 сентября, за 10 дней до открытія у насъ моста къ сближенію съ Финляндіею. Въ собраніи этой думы, среди 65 гласныхъ, говорящихъ по-нѣмцки, есть одинъ гласный, предпринявшій говорить по-русски. И вотъ, „при первыхъ русскихъ звукахъ, толпа гласныхъ съ шумомъ бросилась съ своихъ мѣстъ и удалилась въ смежную комнату, чтобы явиться въ залъ по окончаніи рѣчи гласнаго“. Такъ сообщаетъ объ этомъ фактѣ корреспондентъ

газетъ „Голосъ“, не объясняя, впрочемъ, остался ли кто-нибудь изъ гласныхъ слушать русскую рѣчь, или ушли всѣ, и рѣчь продолжалась въ пустой залѣ. Редакція „Голоса“ посвятила этому факту особую статью, въ которой, конечно, говорить о „безнаказанномъ оскорбленіи, нанесенномъ государственному языку“, и требуетъ, въ отместку, чтобы законъ сдѣлалъ обязательными пренія въ городскихъ думахъ балтійскаго края на русскомъ языкѣ. „Голосъ“ сѣтуетъ при этомъ, что „мы положительно почему-то смиряемся передъ прибалтійскими нѣмцами, вчитая ихъ за какихъ-то особенныя существа, мы сами отдаляемъ ихъ отъ себя, отдаляемъ ихъ и отъ Россіи, и отъ всего русскаго“.

Положимъ, что это до нѣкоторой степени и вѣрно. Но чѣмъ же мы отдаляемъ отъ себя нѣмцевъ?—вотъ на это „Голосъ“ отвѣчаетъ уже совершенно неожиданнымъ образомъ. По его мнѣнію, мы тѣмъ отдаляемъ отъ себя нѣмцевъ, что „вводя русское Городовое Положеніе“, въ ихъ край, мы однако говоримъ имъ, что они—не русскіе, а нѣмцы (будто они этого не знали?), что русскими мы ихъ не признаемъ, и укрѣпляемъ за ними самыхъ закономъ ихъ нѣмецкое званіе“. Спрашивается: не укрѣплено ли за нѣмцами „нѣмецкое званіе“ и независимо отъ всякаго закона? Но „Голосъ“ ведетъ это все къ заключенію, о которомъ мы уже сказали; короче, по его мнѣнію, въ самомъ началѣ слѣдовало сдѣлать обязательными пренія въ думахъ остзейскихъ городовъ на русскомъ языкѣ.

Намъ это требованіе кажется преувеличеннымъ. Законъ о введеніи „Городоваго Положенія“ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, съ одной стороны, разрѣшаетъ употреблять нѣмецкій языкъ въ преніяхъ тамошнихъ думъ и дѣлопроизводствѣ городскихъ учреждений „впредь до особаго распоряженія“, а съ другой—разрѣшаетъ употреблять въ нихъ и русскій языкъ, также „впредь до особаго распоряженія“. И прекрасно, пусть себѣ гомарятъ на какомъ хотятъ языкѣ, лишь бы не говорили задора. Будь въ какой-либо думѣ значительное число русскихъ гласныхъ,—самая необходимость заставила бы употреблять оба языка, безъ всякаго вреда для дѣла. Но странно требовать, чтобы, когда на 66 гласныхъ русскій только одинъ или ни одного нѣтъ, нѣмцы и лѣтты, плохо владѣющіе русскимъ языкомъ, говорили не иначе, какъ по-русски. И для чего это нужно: неужели можно обрусить нѣмцевъ посредствомъ такой мѣры? Если же этого ея достигнуть нельзя, то для чего же существовало бы такое стѣсненіе? Вѣдь самый вынужденный разговоръ нѣмцевъ на русскомъ языкѣ все-таки обнаруживалъ бы ихъ „нѣмецкое званіе“.

Мы вовсе не одобряемъ поведенія ревельскихъ гласныхъ въ данномъ случаѣ. Ихъ протестъ не былъ ни особенно уменъ, ни вполне приличенъ; но „событія“ онъ собою все-таки никакого не составляетъ.

Съ своей стороны, и наша земля не предпринимаетъ ничего страннаго, въ смыслѣ правилъ общежитія: сидя въ затѣ одинъ съ 65-ю нѣмцами, онъ внезапно захотѣлъ разговаривать съ ними не иначе, какъ по-русски.

Дѣло въ томъ, что о всей сложности введенныхъ и предполагаемыхъ реформъ въ прибалтійскомъ краѣ и объ отношеніяхъ между элементами нѣмецкимъ и русскимъ не только въ специально-балтійскихъ, но и вообще во внутреннихъ вопросахъ Россіи, нельзя судить безпристрастно, принимая ту или другую національную точку зрѣнія. Съ нашей стороны—и преимущественно со стороны нѣкоторыхъ органовъ русской печати—проявляется слишкомъ много самоувѣренности и слишкомъ мало снисходительности. Вѣдь чтó же дѣлать съ фактомъ, что нѣмцы носятъ „нѣмецкое званіе“, а не русское? Этого факта нельзя измѣнить закономъ. Мы же сами очень хорошо знаемъ, что все городское благоустройство въ естественныхъ городахъ, всѣ училища, богадѣльни, общественные капиталы и т. д. созданы нѣмцами. Съ какой же стати требовать, чтобы нѣмцы признавали хозяевами всего этого насъ, и чтобы они не смѣли въ своихъ думкахъ говорить иначе, какъ по-русски? Это довольно несочувственная черта — и такая, которую, проявивъ она въ частномъ быту, мы сами тотчасъ бы осудили. Никто изъ насъ не сталъ бы сочувствовать русскому, который пришелъ бы въ частное нѣмецкое общество съ полицейскимъ, чтобы принудить это общество къ упражненію съ нимъ въ русскихъ разговорахъ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы дѣйствительно существовалъ законъ, нѣмецкіе разговоры воспрещающій.

Но если можетъ быть нечто еще болѣе несочувственное, какъ такая шовинистская безцеремонность нѣкоторыхъ нашихъ газетъ, то это — отношеніе ко всему народно-русскому самимъ балтійскими нѣмцами. Эти отношенія могутъ быть выражены коротко: отрицаніе всей русской общественности и вытѣсѣ—заклеиваніе у русской администраціи. Балтійскіе нѣмцы упрямно игнорируютъ факты, что вся ихъ торговля основана на производительности русскаго народа, а все ихъ крупное землевладѣніе, всѣ эти *Ritterschaften*, которыя доселѣ представляются имъ надежнѣйшимъ оплотомъ нѣмецкой собственности въ краѣ — главные свои средства къ поддержанію своего хозяйства почерпали и почерпаютъ изъ дѣятельности ихъ членовъ въ Россіи, въ качествѣ слугъ ея, слугъ щедро одѣленныхъ—и ужъ никакъ не обиженныхъ. Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ естественно было бы знать, что русскій народъ, русская мысль имѣютъ свои законныя потребности, и затѣмъ относиться сочувственно къ русскимъ общественнымъ элементамъ.

Но именно этого-то и нѣтъ. Передъ нами лежитъ любопытная въ

этомъ смыслѣ брошюра: „Kurland am Scheidewege“ (Курляндія на распутьѣ), изданная нѣмѣцкимъ лѣтомъ въ Штуттгартѣ. Брошюра эта направлена въ поддержкѣ внесеннаго графомъ Кейзерлингомъ, въ ноябрѣ прошлаго года, въ курляндскій ландтагъ (т.-е. дворянское собраніе) предложенія высказаться въ пользу введенія въ этой губерніи земскихъ учреждений 1864 года, съ тѣмъ, что ландтагъ остался бы и впредь какъ дворянское собраніе и сохранялъ бы право ходатайствовать предъ верховной властью объ измѣненіяхъ въ порядкахъ вновь введенныхъ, если бы то оказалось нужнымъ.

Авторъ этой брошюры безусловно признаетъ необходимость реформъ. Онъ признаетъ „устарѣлымъ, нигдѣ болѣе не существующимъ“ замѣщеніе всѣхъ судебныхъ должностей исключительно лицами изъ состава курляндскаго рыцарства, избраніемъ самого этого рыцарства. Но любопытно, что главные его аргументы въ пользу предпочтенія земскихъ учреждений какому-либо „расширенному ландтагу“, въ который были бы допущены „всѣ адвокаты края“, заключаются въ необходимости поддержать „консервативныя силы“ края. Въ земскихъ учрежденіяхъ рѣчь бываетъ только о хозяйственныхъ дѣлахъ, преимущественно связанныхъ съ земледѣліемъ, и потому крестьяне будутъ набирать туда депутатовъ изъ своей среды. Въ „расширенномъ же ландтагѣ“ можетъ быть рѣчь о предметахъ самыхъ разнообразныхъ, такъ что крестьянамъ придется набирать туда депутатами адвокатовъ или вообще „литератовъ“—людей, отъ которыхъ авторъ не ждетъ ничего, кромѣ вреда. Эти люди, по его отзыву, поведутъ борьбу противъ мѣстнаго крупнаго землевладѣнія, которая откроетъ двери „всѣмъ демагогическимъ и социальнo-демократическимъ принципамъ, въ которыхъ присоединится хоромъ русскій либерализмъ или (!) нигилизмъ, такъ что все сколько-нибудь напоминающее рыцарскую самостоятельность (Sonderstellung) будетъ разрушено“.

Надо замѣтить, что никому русскій „нигилизмъ“ не оказалъ такой услуги, какъ нѣмцамъ, заграничнымъ и балтійскимъ. У первыхъ Россія теперь почти сдѣлалась синонимомъ нигилизма, а у послѣднихъ—русское общество и русская печать равнозначущи съ нигилизмомъ. Такъ, требуя реформы внутреннего быта остзейскихъ провинцій въ видѣ осуществленія земскихъ учреждений, а не въ какомъ-либо иномъ видѣ, авторъ брошюры замѣчаетъ, что не даромъ же русская печать высказывается противъ (?) введенія въ остзейскихъ провинціяхъ земскихъ учреждений; она желаетъ того, что и мѣстные „литераты“, т.-е. осуществленія демагогическихъ и т. д. принциповъ. Но авторъ напоминаетъ, что если во главѣ администраціи стоитъ человѣкъ, который заботится только о дѣйствительномъ благо каждой области, то онъ не можетъ допустить никакого проекта, веду-

шаго къ ослабленію консервативныхъ элементовъ. „Государство,— говоритъ онъ,— теперь должно направить всѣ свои силы, чтобы не допустить дальнѣйшихъ захватовъ социализма, который имъ же выпущенъ, такъ какъ онъ и безъ того уже даетъ правительству слишкомъ много заботъ“. Нынѣшнее выборное управленіе Курляндіи авторъ хвалитъ за то, что оно не только умѣло вести дѣло разумно и съ тактомъ, но и „знало съ точностью всѣ теченія (Strömungen), проходящія въ Петербургѣ“.

Вотъ это-то „знаніе теченій“ — не общественныхъ, конечно — всегда и было основной опорой балтійской исключительности и балтійскаго пренебреженія къ русскому обществу, о „теченіяхъ“ не спрашивающемуся. И теперь, для осуществленія земскихъ учрежденій въ остзейскомъ краѣ, на пользу консерватизма, авторъ видитъ полную возможность: „администрація, — говоритъ онъ, — всегда была склонна выслушивать справедливыя (billige) требованія; все дѣло въ томъ, чтобы найти подходящую личность, которая сумела бы дать тамъ, гдѣ слѣдуетъ, нужное разъясненіе дѣла (die richtige Persönlichkeit zu finden, die es verstände an massgebender Stelle die nöthige Aufklärung zu geben).“

Въ приведенныхъ сейчасъ словахъ — весь смыслъ устойчивости сословнаго управленія въ балтійскомъ краѣ и отчужденности русскихъ нѣмцевъ отъ общихъ интересовъ русскаго общества. Какое имъ дѣло до этихъ интересовъ, когда гораздо легче достигать исключительныхъ для себя привилегій посредствомъ подысканія „подходящихъ личностей“, умѣющихъ давать „нужныя разъясненія“ тамъ, „гдѣ слѣдуетъ“? Напротивъ, при этомъ пути, гораздо вѣрнѣе употреблять русское общество въ видѣ пугала, и въ „нужныхъ разъясненіяхъ“ ссылаться на необходимость остзейской исключительности именно для охраненія края отъ пагубныхъ принциповъ социализма и нигилизма, которыми, будто бы, сплошь заражены и русское общество, и русская печать.

Вотъ та характерная и крайне несимпатичная черта, которая замѣчается въ отношеніяхъ къ намъ балтійскихъ нѣмцевъ. Но смягчающимъ обстоятельствомъ для нихъ въ настоящемъ случаѣ, восторженъ, служить безтактность и крайняя заносчивость нашей печати, въ то же время весьма скромной во многихъ другихъ случаяхъ, даже иногда совсѣмъ молчаливой. Она какъ-будто хочетъ наверстать свою обычную умѣренность на такихъ фактахъ, гдѣ умѣренность не составляетъ необходимости. При болѣе трезвомъ отношеніи къ дѣлу, поступокъ ревельскихъ членовъ думъ является просто смѣшнымъ; устроенная ими сцена была бы болѣе прилична въ младшихъ классахъ гимназій, нежели въ думѣ. Если бы этотъ же русскій встрѣтился

съ ревельскимъ членомъ думы на улицѣ и предложилъ бы ему на русскомъ языкѣ выгодную для него торговую сдѣлку, то онъ, безъ сомнѣнія, отложилъ бы въ сторону свой *patriotisme du clocher*, и собралъ бы всѣ свои свѣдѣнія изъ русскаго языка, пустивъ въ дѣло и минимку, лишь бы не упустить выгоднаго дѣла. А въ думскихъ дѣлахъ, видно, денежныхъ интересовъ нѣтъ—почему же тутъ и не поиграть въ балтійскій патриотизмъ?!

РАЗЪЯСНЕНІЕ.

Печатается на основаніи ст. 44 прил. къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Ценз. Св. Зак. Т. XIV по прод. 1876 г., по требованію Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Обнародованіе Высочайше утвержденнаго въ 1871 году устава гимназій и прогимназій составляетъ, безспорно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій въ исторіи нашего народнаго образованія, актъ, которымъ, какъ и было высказано въ официальныхъ документахъ и оффиціозныхъ статьяхъ, изданныхъ около того же времени, правительство выразило твердое желаніе, чтобы Россія окончательно и навсегда осталась европейскимъ государствомъ ¹⁾—которымъ оно вознамѣрилось возвысить систему общественнаго воспитанія и обученія до уровня требованій времени и высокаго призванія Россіи въ ряду другихъ державъ ²⁾. Успѣхи, достигнутые этою правительственною мѣрою, въ настоящее время, уже столь значительны, что приводятъ въ изумленіе лицъ, далеко не сочувствующихъ принципамъ, положеннымъ въ основаніе новаго устава.

Такое наивное изумленіе порождаетъ въ лицахъ, конечно мало свѣдущихъ въ педагогикѣ, различные недоумѣнія и сомнѣнія, касающіяся даже правильности отчетовъ, представляемыхъ учебными заведеніями по этому предмету,—сомнѣнія, которыя эти лица позволяютъ себѣ высказывать иногда въ печати, забывая, что подобныя инсинуаціи не только крайне обидны, для педагогическихъ совѣтовъ гимназій, представившихъ отчеты, но вообще подрываютъ уваженіе къ школѣ и довѣріе къ ней общества.

*) Мы получили это „Разъясненіе“ чрезъ Главное Управленіе по дѣламъ печати „для обязательнаго напечатанія этого возраженія, согласно ст. 44 Прил. къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Ценз. Св. Зак. т. XIV по Продолж. 1876 г., безъ всякихъ измѣненій и прикѣпчаній въ текстъ и безъ всякихъ въ томъ же номерѣ возраженій“.—Ред.

1) „Ж. М. Н. П.“, CLXIV, 4, 1.

2) Цирк. предп. попечит. учебн. окр., отъ 21-го августа 1872 г.

Такова, между прочимъ, статья, напечатанная въ октябрьской книжкѣ журнала „Вісникъ Европы“ за текущій годъ, въ отдѣлѣ „Внутреннее Обозрѣніе“, подъ заглавіемъ: „свѣдѣнія объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1878 г. и проч.“, въ которой ея составитель, вслѣдствіе невнимательнаго чтенія министерскихъ отчетовъ, ежегодно издаваемыхъ по тому же предмету, или вслѣдствіе явнаго недоброжелательства, высказывая свои сомнѣнія, исказилъ отчасти факты, извлеченные имъ изъ напечатанныхъ отчетовъ, помѣстивъ неполныя выписки изъ отчетовъ и изъ отзывовъ университетскихъ профессоровъ, и въ то же время умолчалъ о наиболѣе существенныхъ показаніяхъ въ тѣхъ и другихъ. Въ видахъ восстановленія истины, признается необходимымъ разъяснить „Віснику Европы“ факты, превратно имъ понимаемые, и указать этому журналу допущенныя имъ ошибки и неточности:

1) Статью свою „Вісникъ Европы“ начинаетъ весьма страннымъ и пространнымъ разсужденіемъ, будто бы реформа гимназій, въ началѣ мало встрѣчавшая сочувствія въ нашемъ обществѣ, въ настоящее время пріобрѣла уже такихъ ревнителей, которые, увлекаясь въ другую крайность, ожидаютъ отъ воспитательнаго вліянія преобразованныхъ гимназій на юношество совершеннаго перерожденія общества, исчезновенія многихъ преступныхъ инстинктовъ въ его средѣ; такъ, напримѣръ, огражденія нашихъ банковыхъ учрежденій отъ расхищеній и растратъ. „Вісникъ Европы“, порицая такое излишнее увлеченіе въ ожиданіяхъ новыхъ поборниковъ нашей школы, преобразованной на рациональныхъ началахъ, объявляетъ, что намѣренъ разсматривать гимназическіе отчеты съ точки зрѣнія чисто педагогической, не касаясь вліянія учебныхъ заведеній на общество.

Затѣмъ „Вісникъ Европы“ указываетъ на постепенное возрастаніе, въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, числа являющихся къ испытаніямъ зрѣлости. Ихъ число увеличилось въ этотъ промежутокъ времени съ 1178 человекъ до 1965,—увеличеніе, почти равняющееся удвоенію. „Вісникъ Европы“ недоволенъ однако этимъ возрастаніемъ, считая его почему-то медленнымъ; и старается объяснить указанное имъ явленіе естественнымъ умноженіемъ числа учащихся, число же учащихся—увеличеніемъ числа вновь открываемыхъ гимназій. Означенный журналъ сѣтуетъ, что не сдѣлано сравненія въ министерскихъ отчетахъ числа признанныхъ зрѣлыми съ общимъ числомъ обучающихся въ гимназіяхъ, и полагаетъ особенно любопытнымъ дознаться: какой процентъ учащихся, изъ числа поступающихъ въ первый классъ, достигаетъ до выпускныхъ экзаменовъ и ихъ выдерживаетъ удовлетворительно?

На это прежде всего слѣдуетъ замѣтить „Віснику Европы“, что не число вновь открываемыхъ учебныхъ заведеній привлекаетъ болѣе и болѣе учащихся въ наши гимназіи, а наоборотъ: наплывъ учащихся и усиливающееся съ каждымъ годомъ стремленіе молодыхъ людей къ образованію вынуждаетъ правительство открывать, по мѣрѣ возможности, новыя гимназіи и прогимназіи. До сего времени многія гимназіи переполнены учениками, по недостатку средствъ для открытія въ той же мѣстности новыхъ учебныхъ заведеній подобнаго рода. Другія вынуждены отказывать въ пріемѣ учениковъ за недо-

статкомъ поимѣнія. Усиливающимся приливъ учащихся въ гимназіи, съ одной стороны, возрастаніе числа являющихся къ испытаніямъ зрѣлости—съ другой, и даже тѣ преобладающія въ защиту гимназій увѣщенія и преувѣличенія, о которыхъ упоминаетъ „Вѣстникъ Европы“, если таковыя дѣйствительно проявляются, всѣ эти факты, сами по себѣ, уже свидѣлствуютъ несомнѣнно объ успѣхахъ преподаванія въ гимназіяхъ, о возрастающемъ довѣріи общества къ означеннымъ учебнымъ заведеніямъ, и не представляютъ, казалось бы, повода по-дѣрживать отчеты въ неправильности.

Изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ по министерству, напечатанныхъ въ „Ж. М. Н. П.“ за предыдущіе годы, усматривается, что, начиная съ 1873 г., увеличивалось преимущественно число вновь открываемыхъ прогимназій; число же гимназій съ полнымъ 8-ми лѣтнимъ курсомъ значительно не измѣнилось. Въ 1873 г. гимназій числилось 122 и въ 1878 г. 129; слѣдовательно, ихъ число увеличилось всего только на 5,7%. Общее число учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ возросло за тотъ же періодъ времени съ 44,797 до 53,072, на 18,4%; число оканчивающихъ гимназическій курсъ по всѣмъ категориямъ экзаменующихся—на 67%, а число получившихъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, то-есть прошедшихъ строгія и серьезныя испытанія по новымъ правиламъ, увеличилось въ то же время на 145%¹⁾.

Что же касается до процентнаго отношенія числа оканчивающихъ курсъ въ числу поступающихъ въ гимназіи, то этотъ вопросъ, весьма сложный, едва-ли можетъ быть съ точностью вслѣдованъ въ настоящее время. Отчасти онъ былъ разработанъ въ упомянутыхъ выше всеподданнѣйшихъ отчетахъ по министерству и въ особой статьѣ, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Ж. М. Н. П.“ за 1877 г., подъ заглавіемъ: „о распредѣленіи учащихся по классамъ и курсамъ въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія“. Въ послѣдней, указанной статьѣ исчислено, между прочимъ, что на сто учащихся въ I классѣ гимназій безпрепятственно оканчиваютъ гимназическій курсъ 38; остальные или отстаютъ отъ своихъ товарищей, оставаясь на второй годъ въ одномъ изъ низшихъ классовъ, или выбываютъ изъ учебнаго заведенія для перехода въ другую гимназію, въ реальныя училища, въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, то-есть мѣняютъ мѣсто ученія и часто, съ тѣмъ вмѣстѣ, мѣсто жительства; 2,4% общаго числа учащихся, то-есть 2 или 3 человека на 100, покидаютъ вовсе ученіе и выбываютъ изъ гимназій въ теченіи года, не докончивъ своего образованія, для поступленія на службу, во болѣзни, по домашнимъ обстоятельствамъ и другимъ причинамъ.

Оставленіе гимназиста на второй годъ въ томъ же классѣ не считается предосудительнымъ. Напротивъ, эта мѣра признается необходимою для многихъ молодыхъ людей, въ видахъ укрѣпленія ихъ здоровья, необремененія ихъ непосильною работою, укрѣпленія ихъ памяти и развитія ихъ умственныхъ способностей черезъ основательное повтореніе пройденнаго. Учебное ихъ начальство старается, начиная съ низшихъ классовъ, положить прочное основаніе ихъ даль-

1) „Ж. М. Н. П.“ авг. 1879 г. 4, 88 и 84.

нѣйшему развитію, и эта метода уже привела къ самымъ благотворнымъ результатамъ. Начиная съ IV класса, какъ усматривается изъ отчетовъ, процентъ удовлетворительно выдерживающихъ переводные экзамены быстро возрастаетъ, въ каждомъ изъ слѣдующихъ высшихъ классовъ и въ VIII неудовлетворительно приготовленные къ выпускному экзамену и къ университету составляютъ въ настоящее время, въ большинствѣ гимназій, только случайныя исключенія.

2) „Вѣстникъ Европы“ указываетъ на постепенное возрастаніе процента удовлетворительно выдерживающихъ испытанія зрѣлости за тотъ же шестилѣтній періодъ времени (съ 1873 по 1878 г.). Это возрастаніе простиралось съ 65%, до 88%, по всѣмъ гимназіямъ въ общей сложности и по всѣмъ категоріямъ экзаменуемыхъ. Приведенное здѣсь процентное отношеніе крайне изумляетъ составителя статьи, напечатанной въ „Вѣстникъ Европы“, и ввергаетъ его въ преувеличенныя сомнѣнія. Несмотря на положительныя удостовѣренія, высказанныя въ отчетахъ министерства, на свидѣтельство попечителей учебныхъ округовъ, профессоровъ университета, окружныхъ инспекторовъ, попечительскихъ совѣтовъ, что улучшеніе на испытаніяхъ зрѣлости весьма значительно и замѣчается болѣе въ качественномъ отношеніи, въ основательности приобретаемыхъ учениками познаній, нежели въ количественномъ отношеніи, то-есть въ числу получающихъ аттестаты; несмотря на положительныя утвержденія тѣхъ же должностныхъ лицъ и учреждений, что съ каждымъ годомъ строгость и требовательность на экзаменахъ постоянно возрастала, — писавшій статью „Вѣстника Европы“ подозрѣваетъ преднамѣренную снисходительность на испытаніяхъ зрѣлости, и своимъ подозрѣніемъ основываетъ на слѣдующемъ странномъ соображеніи: будто бы для пополненія числа слушателей на I курсѣ нашихъ 8 университетовъ „необходимость и приличіе требуютъ, чтобы гимназій выпускали не менѣе 1000 человекъ абитуриентовъ въ годъ“; будто бы, руководствуясь этою необходимостью, гимназическія испытательныя комиссіи выдавали аттестаты зрѣлости недостойнымъ ученикамъ, лишь бы только пополнить обязательное для нихъ число слушателей университета.

Таковъ смыслъ инсинуаций, которыя „Вѣстникъ Европы“ позволяетъ себѣ высказывать въ указанной выше статьѣ.

Но такъ какъ изъ таблицы, помѣщенной на стр. 88 отчета объ испытаніяхъ зрѣлости за 1878 г., видно, что гимназій, начиная съ 1873 г., постоянно выпускали абитуриентовъ болѣе означенной выше нормы (взятой „Вѣстникомъ Европы“, впрочемъ, совершенно произвольно и бездоказательно), и такъ какъ никакой законъ не обязываетъ абитуриентовъ гимназій непременно поступать въ университетъ, то разсужденія и догадки „Вѣстника Европы“ падаютъ сами собою. Хотя гимназій дѣйствительно готовятъ молодыхъ людей преимущественно въ университетъ, и ихъ ученики пользуются правомъ, почти исключительно передъ другими учебными заведеніями, поступать въ университеты; но гимназіямъ не предстояло никакой надобности составлять искусственно и насильственно опредѣленное число абитуриентовъ, когда оно составлялось естественно, само собою, съ перваго же года по введеніи реформы. Министерство и гимназій

заботились не о поощреніи университетомъ, а, напротивъ, о недопущеніи въ университеты слушателей неспособныхъ и дурно подготовленныхъ.

„Вѣстникъ Европы“ удивляется тому обстоятельству, что въ 1876 году, въ три года, число удостоенныхъ аттестата зрѣлости уже удвоилось въ сравненіи съ 1873 годомъ. Такое быстрое улучшеніе зависѣло отъ слѣдующихъ причинъ, многократно выясненныхъ въ отчетахъ: во-1-хъ, отъ введенія въ варшавскомъ и дерптскомъ учебныхъ округахъ общаго устава гимназій и привлеченія чрезъ эту мѣру къ испытаніямъ зрѣлости учениковъ гимназій означенныхъ двухъ округовъ, которые увеличили собою общую массу подвергающихся экзамену; во-2-хъ, отъ увеличенія числа выпускныхъ учениковъ и въ прочихъ округахъ; но преимущественно имѣли вліяніе на увеличеніе числа получающихъ аттестаты зрѣлости лучшая подготовка, во всѣхъ отношеніяхъ, подвергающихся испытаніямъ и значительное пониженіе числа не выдерживающихъ испытаній. Эти обстоятельства, разумеется, свидѣлствуютъ не о послабленіяхъ, дѣлаемыхъ на экзаменахъ, но о значительномъ улучшеніи въ преподаваніи.

„Вѣстникъ Европы“ возражаетъ: успѣхи преподаванія въ гимназіяхъ не могутъ имѣть вліянія на постороннихъ лицъ, воспитанныхъ внѣ гимназій, и допускаемыхъ къ испытаніямъ зрѣлости, одновременно съ нихъ учениками, а между тѣмъ и въ этомъ разрядѣ экзаменующихся уже замѣчается улучшеніе, и притомъ именно въ тѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ ученики гимназій успѣшнѣе проходили испытанія. По каждому изъ главныхъ предметовъ преподаванія въ 1877 г., $\frac{1}{3}$ всѣхъ постороннихъ лицъ не выдержала экзамена, а въ 1878 г. отвѣчали неудовлетворительно по тѣмъ же предметамъ не болѣе $\frac{1}{4}$ молодыхъ людей этой категоріи. Не свидѣлствуетъ ли это обстоятельство, спрашиваетъ „Вѣстникъ Европы“, о снисхожденіи, оказываемомъ, будто бы, въ нѣкоторыхъ округахъ, ученикамъ гимназій и постороннимъ одновременно?

Къ сожалѣнію, единичные факты не могутъ еще служить доказательствомъ давно желаемого улучшенія въ познаваніи молодыхъ людей, воспитываемыхъ внѣ гимназій; въ 1878 г. замѣчается въ первый только разъ нѣкоторое улучшеніе въ этомъ отношеніи на испытаніяхъ, и молодые люди этой категоріи все еще значительно отстаютъ въ успѣхахъ отъ учениковъ правительственныхъ гимназій. Министерство имѣетъ свѣдѣнія, что упомянутыя посторонніи лица начинаютъ пользоваться тѣми льготами, которыя имъ предоставлены, въ видахъ облегченія имъ успѣшнаго прохожденія экзаменовъ: многіи изъ нихъ подвергаются испытаніямъ изъ 4 классаго и 6 классаго курса гимназій одновременно съ учениками послѣднихъ. Такимъ образомъ, повѣряя свои успѣхи, они знакомятся заблаговременно съ требованіями педагогическихъ совѣтовъ и постепенно притоповляются къ окончательному экзамену VIII класса. Эта мѣра принесетъ со временемъ несомнѣнную пользу дѣлу, но едва ли могла имѣть вліяніе на испытанія зрѣлости 1878 г. Замѣчаемое улучшеніе отчасти объясняется слѣдующими соображеніями: надо полагать, что именно въ тѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ преподаваніе въ гимназіяхъ хо-

ставлено выше, пдѣ, слѣдовательно, ученики успѣшнѣе проходятъ испытанія, тамъ усилена строгость и требовательность и по отношенію къ постороннимъ лицамъ. Такая требовательность заставляетъ ихъ основательнѣе готовиться къ экзамену и обращаетъ ихъ вниманіе въ особенности на главные предметы курса, наиболѣе для нихъ затруднительные, а примѣръ учениковъ гимназій, успѣшно выдерживающихъ тѣ же экзамены, ихъ ободряетъ. Дѣйствительно, профессора университетовъ, рассматривавшіе письменныя работы абитуриентовъ, и попечительскіе совѣты замѣчали, что многія лица упомянутой категоріи стали являться на испытанія съ лучшею подготовкою, нежели прежде, и такое улучшеніе приписываютъ усиленной строгости на экзаменѣ, а не наличному снисхожденію, которое ведетъ къ распушенности только и безпорядкамъ.

„Вѣстникъ Европы“ крайне изумленъ, что ученики трехъ церковныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ, при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, всѣ безъ исключенія выдержали экзаменъ. Указывая на процентъ удовлетворительно выдержавшихъ испытанія зрѣлости, который составлялъ въ 1878 г. въ общей сложности 88,2%, а для учениковъ правительственныхъ гимназій 91,9%, для учениковъ частныхъ гимназій 95,6%, и для учениковъ церковныхъ училищъ—100%, „Вѣстникъ Европы“ выводитъ изъ этого заключеніе, будто бы ученіе въ нѣмецкихъ училищахъ поставлено выше, нежели въ наилучшей правительственной гимназій, и спрашиваетъ: не слѣдуетъ ли успѣхъ испытаній въ церковныхъ училищахъ скорѣе приписать доброй доли снисходительности, со стороны преподавателей этихъ училищъ, экзаменующихъ своихъ учениковъ дома, въ своихъ же школахъ?

Эти выводы заключаютъ въ себѣ весьма грубые ошибки и недоразумѣнія. Церковныя училища пользуются правами правительственныхъ гимназій, заслуживаютъ наравнѣ съ ними покровительства со стороны министерства, и подчинены тому же надзору. Испытанія зрѣлости въ нихъ производятся съ тою же строгостью, не тѣмъ же правиламъ, въ присутствіи депутатовъ, командированныхъ отъ управленія учебнаго округа, и письменныя на нихъ работы учениковъ проверяются членами попечительскаго совѣта учебнаго округа. Въ министерскихъ отчетахъ не разъ было указываемо, что ученики этихъ училищъ весьма успѣшно выдерживаютъ испытанія; такая успѣшность свидѣлствуетъ, что преподаваніе въ училищахъ поставлено на твердыхъ основаніяхъ; но отсутствіе невыдержавшихъ экзамена не доказываетъ вовсе ихъ превосходства передъ всѣми прочими гимназіями.

Таже явленіе, совершенное отсутствіе невыдерживающихъ испытаній, не составляетъ явленія рѣдкаго, и повторяется во многихъ правительственныхъ гимназіяхъ, и не только въ отдѣльных гимназіяхъ, но въ цѣлыхъ учебныхъ округахъ. Такъ, напримѣръ, въ восьми гимназіяхъ казанскаго учебнаго округа въ 1876 г. не было ни одного ученика, не выдержавшаго испытаній зрѣлости. Въ 1878 г. въ 11 гимназіяхъ одесскаго учебнаго округа только одинъ ученикъ не выдержалъ испытанія зрѣлости, и въ 1876 г., въ томъ же округѣ, только одинъ оказался неисправнымъ по нѣсколькимъ предметамъ гимна-

экзамена курса; въ 1877 г. оказался только одинъ невыдержавшій экзамена во всѣхъ 15 гимназіяхъ с.-петербургскаго округа, изъ 144 учениковъ, подвергавшихся испытанію. Еще разительнѣе бросаются въ глаза успѣхи, достигнутые преподаваніемъ, на испытаніяхъ по каждому предмету въ отдѣльности. Такъ, напримѣръ, въ послѣднихъ напечатанныхъ отчетахъ объ испытаніяхъ зрѣлости указано, что по латинскому языку въ 1878 г., изъ 12 существующихъ учебныхъ округовъ, въ семи или вовсе не было невыдержавшихъ испытаній, или приходилось по 1 неисправному ученику гимназій на цѣлый округъ, въ с.-петербургскомъ округѣ 4 ученика на 15 гимназій, въ московскомъ—8 на 20 гимназій, въ харьковскомъ—5 на 10 гимназій; по греческому языку въ казанскомъ, одесскомъ учебныхъ округахъ, въ восточной и западной Сибири вовсе не было невыдержавшихъ экзамена изъ учениковъ гимназій, въ виленскомъ и оренбургскомъ—по 1, въ варшавскомъ 3 ученика на 18 гимназій, и въ с.-петербургскомъ 3 ученика на 15 гимназій. Такіе успѣхи не представляютъ ничего изумительнаго и составляютъ прямое послѣдствіе той правильной системы преподаванія и воспитанія, которая нынѣ введена въ гимназіяхъ.

3) Въ высшей степени странно приписывать благопріятные результаты испытаній, указанные выше, столь общіе, такъ сказать суммарные по своимъ выводамъ, какой-либо доли снисходительности со стороны экзаменующихъ; тѣмъ болѣе неумѣстно предполагать, какъ это дѣлаетъ „Вѣстникъ Европы“, преднамѣренную или вынужденную снисходительность, предполагать, что 120 педагогическихъ совѣтовъ гимназій въ полномъ ихъ составѣ, около 2000 преподавателей, съговорились съ попечителями учебныхъ округовъ, съ депутатами, инспекторами и профессорами нашихъ университетовъ обманывать правительство, общественное мнѣніе, родителей и самихъ себя, или же, что экзаменующіе, вмѣстѣ съ учебнымъ начальствомъ, ассистентами и профессорами, были вынуждены экзаменовать снисходительно на основаніи какого-либо распоряженія, письменнаго или словеснаго, со стороны центральнаго управленія. Подобнаго распоряженія не было, быть не могло, и если бы таковое существовало, то, распространяясь на такую массу лицъ, оно не могло бы остаться неизвѣстнымъ и не получить огласки.

Но, въ правилахъ объ испытаніяхъ, указанъ другой способъ, кромѣ оцѣнки познаній молодыхъ людей баллами, существующій для повѣрки дѣйствительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ преподаваніемъ въ гимназіяхъ, и для повѣрки самой оцѣнки испытуемыхъ, сдѣланной ихъ преподавателями. Это письменныя работы по главнымъ предметамъ курса, которыя ежегодно, по окончаніи экзамена, препровождаются на разсмотрѣніе профессорскъ мѣстнаго университета и другихъ членовъ попечительскаго совѣта. Отказы означенныхъ лицъ ежегодно печатаются въ отчетахъ объ испытаніяхъ зрѣлости и много разъ подтверждали до сего времени общіе выводы статистики испытаній. Въ русскомъ сочиненіи, написанномъ на испытаніи зрѣлости, абитуриентъ гимназій высказываетъ весь; онъ излагаетъ свои убѣжденія, высказываетъ степень умственнаго развитія, познанія, имъ приобретенныя въ теченіи курса и въ классахъ, и домашнимъ чтеніемъ, азіаніе

на него сужденій въ семьѣ и той общественной среды, въ которой проживаетъ. Еще въ 1874 г. въ министерскихъ отчетахъ было указано, что профессорами московскаго университета подвергнуты тщательному и всестороннему разсмотрѣнію письменныя упражненія учениковъ по русскому языку и по всѣмъ прочимъ предметамъ, безъ сомнѣній,—добавлено въ отчетѣ,—въ виду полнаго сознанія профессоръ, что университетъ не можетъ не дорожить пріобрѣтеніемъ сколько можно лучше подготовленныхъ слушателей; что пересмотръ профессорами письменныхъ работъ, исполненныхъ на испытаніяхъ зрѣлости, даетъ университету значительную долю контроля, какъ надъ ходомъ учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, такъ и надъ производствомъ испытаній и направленіемъ оныхъ; что правила объ испытаніяхъ зрѣлости, сдѣланъ излишними повѣрочныя испытанія молодыхъ людей въ самомъ университетѣ, взаимно дали университету несравненно болѣе способъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ гимназіяхъ, какіе результаты въ нихъ достигаются, какъ результаты эти оцѣниваются ихъ преподавателями и ихъ наставниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содѣйствовать своимъ замѣчаніями улучшенію дѣла въ гимназіяхъ. Профессоръ Миллеръ въ томъ же году замѣтилъ въ оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій „скорѣе требовательность, чѣмъ снисходительность“; профессоръ Тихонравовъ находилъ требованія экзаменаціонныхъ комиссій „по болѣе части довольно взыскательными“. Профессоръ Вуславъ и въ 1873 и 1875 г. указывалъ на излишнюю даже строгость со стороны экзаменующихъ. Профессоръ Некрасовъ, просмотрѣвъ въ 1875 г. болѣе 150 сочиненій абитуриентовъ одесскаго округа, нашелъ ихъ „болѣе чѣмъ удовлетворительными“. Профессоръ Делленъ находить въ 1876 г. оцѣнку латинскихъ переводовъ харьковскаго округа „строго справедливою“. По отзыву профессора Коссовича о тѣхъ же работахъ въ варшавскомъ округѣ, „оцѣнка работъ вполне правильна, работы доказываютъ очевидные успѣхи, нѣкоторыя весьма хороши“—и профессоръ повторяетъ тотъ же отзывъ въ послѣдующихъ годахъ. Профессоръ Добротворскій, разсматривавшій работы по греческому языку учениковъ гимназій казанскаго округа, нашелъ работы 2-ой казанской гимназіи почти безукоризненными, работы 1-ой казанской гимназіи ниже по достоинству, но ихъ оцѣнку, „очень строгою“. Профессоръ Сухомлиновъ, разсматривавшій работы по русскому языку учениковъ училища при церкви св. Анны, въ С.-Петербургѣ, нашелъ ихъ „исполненными безукоризненно“. Подобныхъ отзывовъ множество, выписывать ихъ было бы слишкомъ продолжительно; встрѣчаясь рѣже въ первые годы по введенію новыхъ правилъ объ испытаніяхъ, съ каждымъ послѣдующимъ годомъ они попадаются все чаще и чаще, и вполне убѣждаютъ въ добросовѣстности испытательныхъ комиссій, въ несомнѣнныхъ успѣхахъ преподаванія въ гимназіяхъ и въ точной соотвѣстственности статистическихъ отчетовъ объ испытаніяхъ съ дѣйствительностью.

Ограничимся, въ заключеніе, выпискою изъ отзывовъ профессора Карасталева, особенно картинно рисующаго современное положеніе этого дѣла въ сравненіи съ прошлымъ. Въ 1876 г. во всѣхъ работахъ по арифметикѣ онъ находилъ изложеніе отчетливымъ и яснымъ, объясненія такими же. Письменныя работы по геометріи въ болѣе

части гимназій изложены послѣдовательно и съ знаніемъ дѣла; найденные числовые результаты, по точности и правильности, вполне удовлетворительны. Задачи алгебры и тригонометріи рѣшались столь же удачно. Оцѣнка больше строгая, чѣмъ снисходительная, отмѣтки въ нѣкоторыхъ случаяхъ ниже достоинства работъ; около 80% общаго числа, по всѣмъ отдѣламъ математики, можно оцѣнить высшими отмѣтками 4 и 5. Въ 1877 году, припоминая свою двадцатипятилѣтнюю дѣятельность, сперва преподавателемъ во 2 одесской гимназій, а потомъ въ качествѣ преподавателя лицей и профессора университета, онъ пишетъ: на вступительныхъ экзаменахъ въ лицей и въ университетъ, рѣшеніе самыхъ простыхъ задачъ изъ ариметики, алгебры, геометріи и тригонометріи въ былое время затрудняло лучшихъ учениковъ. Серьёзные требованія въ познаніяхъ отъ желающихъ получить аттестаты зрѣлости, и письменная форма испытаній, обставленная условіями, гарантирующими самостоятельное, безъ посторонней помощи, производство работъ, имѣли „громадное вліяніе на улучшеніе преподаванія математики въ гимназіяхъ, и правила объ испытаніяхъ 1872 г. составляютъ замѣчательную эпоху въ исторіи средняго образованія въ Россіи“. Въ 1878 г., повторяя тѣ же похвалы работамъ абитуриентовъ, почтенный профессоръ исчисляетъ число работъ, имъ пересмотрѣнныхъ, которое составлялось по всѣмъ четырёмъ отдѣламъ гимназическаго курса математики, считая дѣловые и черновые работы вмѣстѣ, до 1228. Онъ приводитъ это исчисленіе—„чтобы ясно было видно, что его заключенія имѣютъ нѣкоторое значеніе: они выведены изъ обширнаго матеріала и сдѣланы послѣ подробнаго его разбора“. Далѣе профессоръ Карастелевъ продолжаетъ: „Наши испытанія зрѣлости по математикѣ, въ настоящее время, весьма схожи съ испытаніями, производимыми во Франціи, Германіи и Англіи, въ чемъ не трудно убѣдиться, сравнивъ планы, программы и форму испытаній“. Что же касается усердія преподавателей, ихъ педагогическаго навыка, знанія, участія въ испытательныхъ коммиссіяхъ, онъ свидѣтельствуетъ „съ полнымъ убѣжденіемъ, что болѣе добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу—трудно встрѣтить“.

О подобныхъ отзывахъ „Вѣстникъ Европы“ хранитъ глубокое молчаніе, и довольствуется припенденіемъ общаго заключенія изъ министерскаго отчета, касающагося современнаго уровня въ гимназіяхъ, преподаванія древнихъ языковъ, изъ которыхъ, между прочимъ, сказано, что профессора университетовъ расточаютъ не одни похвалы учебной дѣятельности гимназій, что въ выраженіяхъ довольно рѣзкихъ, не стѣняясь, они выражаютъ свое негодованіе, коль скоро замѣчаютъ недостатки въ работахъ абитуриентовъ и признаки отсталости много учебнаго заведенія отъ общаго и быстраго прогресса въ остальныхъ. Такая свобода сужденія и выраженія тѣмъ болѣе внушаетъ довѣріе въ отзывы профессоровъ о ходѣ испытаній и преподаванія въ гимназіяхъ. Независимо отъ существованія этихъ темныхъ пятенъ въ сферѣ учебной практики,—добавлено въ заключеніи,—общая картина усѣховъ по древнимъ языкамъ въ высшей степени благоприятна и утѣшительна.

Приводя это заключеніе, „Вѣстникъ Европы“ пускается въ слѣдующія разсужденія:

Для него непонятно, почему переводъ съ русскаго языка на древній считается признакомъ начитанности въ древнихъ авторахъ и развитія умственныхъ способностей. Ничего нѣтъ легче найти учениковъ, которые выберутъ изъ памяти греческія и латинскія слова, приблизительно подходящія къ словамъ русскаго текста, съумѣютъ связать ихъ этимологически и синтаксически, „не только посредственно, но совершенно правильно“, и затруднятся будто бы перевести *à livre ouvert* Цицерона и Цезаря, а передъ Виргиліемъ станутъ въ тупикъ. Въ древнихъ литературахъ, что авторъ, то языкъ; и ученикъ, понимающій одного, не пойметъ другого, болѣе труднаго. Что общаго, спрашиваетъ „Вѣстникъ Европы“, имѣетъ умѣніе составить посредственный переводъ на экзаменѣ и довольно обстоятельное знакомство съ лучшими классическими писателями древности? Не болѣе ли испытываетъ ихъ вліяніе тотъ, кто, не зная древнихъ языковъ, прочтетъ всѣхъ главныхъ авторовъ въ переводѣ? И какую пользу принесетъ знаніе древнихъ языковъ для изученія всякаго предмета (напримѣръ, химіи?). Всего менѣе можетъ оказать вліянія ихъ знаніе на развитіе научнаго мышленія.

Нельзя не признать крайне неприличнымъ такого явнаго порицанія принциповъ, принятыхъ въ основаніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ при введеніи нашей учебной реформы, и той агитаціи, которая безъ всякаго повода и основанія возбуждается противъ нихъ въ ежемѣсячномъ журналѣ, агитаціи и порицанія, тѣмъ болѣе неумѣстныхъ, что спеціалисты, хорошо знакомые съ древнею классическою литературою, совершенно противоположнаго мнѣнія. Они утверждаютъ, что ученикъ, который подберетъ на память слова, соотвѣтствующія русскому тексту и построить ихъ *совершенно правильно* этимологически и синтаксически, исполнѣ владѣетъ языкомъ, какой бы онъ ни былъ, древній или новый, и безъ особаго затрудненія будетъ читать всѣхъ авторовъ на этомъ языкѣ. Они положительно приписываютъ введенію на испытаніяхъ зрѣлости переводовъ съ русскаго языка на древніе тѣ весьма значительные успѣхи, которые замѣчаются въ нашихъ гимназіяхъ по древнимъ языкамъ. При томъ, изъ напечатанныхъ отчетовъ видно, что на испытаніяхъ зрѣлости молодые люди отличаются не только обладаніемъ хорошаго лексическаго запаса, удачнымъ выборомъ синонимовъ, грамматическою правильностью построеній, но иногда и стилистическою красотою слога. Такъ, профессоръ Добротворскій въ латинскихъ переводахъ учениковъ казанскаго округа замѣчалъ „во многихъ случаяхъ чисто латинскую конструкцію и фразеологию, изысканность выраженій и даже классическую красоту слога“. Профессоръ Вѣляевъ пишетъ, что ученики астраханской гимназіи „чрезвычайно внимательно читали греческихъ авторовъ, у нихъ научились переводить русскіе обороты рѣчи чисто греческими выраженіями“. По отзывамъ профессоровъ варшавскаго университета, переводы свидѣтельствуютъ „о начитанности учениковъ и ихъ знакомствѣ съ древними авторами“. По отзыву профессора Помяловскаго, абитуриенты безъ грубыхъ ошибокъ могутъ переводить Ливія *à livre ouvert*. Виргилій, Цицеронъ и Цезарь, на которыхъ указываетъ „Вѣстникъ Европы“, считаются не труднѣе Тита Ливія. „Вѣстникъ Европы“ слышитъ выраженіе: „что

авторъ, то языкъ", но это справедливо только въ переносномъ значеніи, относительно различія стили или слога, и несправедливо въ буквальномъ смыслѣ. Въ лучшіе древніе авторы писали на томъ же латинскомъ языкѣ или на томъ же греческомъ, и языкъ одного изъ древнихъ писателей менѣе отличается отъ другого автора той же эпохи, нежели средневѣковая латынь или новогреческій языкъ отъ языка древнихъ писателей. А между тѣмъ изучившему древніе языки легко ознакомиться съ ново-греческимъ языкомъ и средневѣковой латынью.

По убѣжденію специалистовъ, ни одинъ переводъ не можетъ передать вполне точно впечатлѣнія и смысла подлинника. Не изучавшій древнихъ языковъ едва ли станетъ читать древнихъ авторовъ въ переводѣ, и едва ли найдетъ полную коллекцію переводовъ, особенно на русскомъ языкѣ; а перевода всѣхъ трактатовъ, написанныхъ на латинскомъ языкѣ въ послѣднія два или три столѣтія (въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ), по естественнымъ наукамъ, математикѣ, астрономіи, медицинѣ, юриспруденціи, исторіи, философіи и филологіи навѣрное не найдетъ.

Относительно вліянія, какое имѣетъ классическое образованіе и знаніе древнихъ языковъ на развитіе естественныхъ наукъ вообще и научнаго мышленія въ особенности, относительно безусловной также необходимости преподаванія древнихъ языковъ въ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя преимущественно готовятъ юношество ко вступленію въ университеты, возвращенія по сему предмету правительства были высказаны еще въ 1871 г. въ журналѣ общаго собранія государственнаго совѣта 15 мая, выписка изъ коего напечатана въ „Сборникѣ постанов. и распоряж. по гимн. и прогимн.“ 1874 г. Подлинныя слова журнала государственнаго совѣта признаются не лишними здѣсь повторить: „самыя достовѣрныя данныя убѣждаютъ въ томъ, что вездѣ, гдѣ только процвѣтаютъ науки, въ томъ числѣ и науки естественныя и медицинскія, однѣ гимназіи съ полнымъ классическимъ курсомъ называются учеными школами, и только даваемое ими образованіе признается пригоднымъ для приготовленія къ поступленію въ университетъ. Во Франціи въ 1852 году правительство допустило отступленіе отъ общепринятаго въ Европѣ пути приготовленія къ высшему научному образованію, именно въ томъ отношеніи, что для поступленія на факультеты физико-математическіе и медицинскіе не требовалось продолженія изученія греческаго языка въ высшихъ классахъ; но это повело къ такому упадку самихъ медицинскихъ и физико-математическихъ наукъ, что въ 1864 г. вышеупомянутая мѣра, по ходатайству самихъ же факультетовъ, была отмѣнена, и Франція вновь вступила на тотъ же путь, который идетъ вся Европа“.

Министерство считаетъ бесполезнымъ въ настоящее время приводить другія многочисленныя доказательства въ пользу того же аргумента.

4) Какъ доказательство слабости познаній абитуриентовъ гимназій въ древнихъ языкахъ — по крайней мѣрѣ, въ недавнее время — „Вѣстникъ Европы“ приводитъ слѣдующій отзывъ профессора Иванова за 1878 г. о гимназіяхъ московскаго округа. „Изученіе древ-

нихъ языковъ двинулось впередъ, достигнуть успѣхъ несомнѣнный и значительный; въ 1876 г. работы были переполнены погрѣшностями, ошибки противъ этимологiи и синтаксиса насчитывались десятками. Теперь значительно измѣнилось дѣло въ лучшему“.

„Вѣстникъ Европы“ умалчиваетъ при этомъ, что замѣчанiя профессора Иванова относятся, какъ и объяснено въ министерскомъ отчетѣ, „къ нѣкоторымъ только гимназіямъ, находящимся на окраинахъ московскаго учебнаго округа, и вошедшимъ въ его составъ въ недавнее время“. — „Теперь“, добавляетъ профессоръ, „совершенно измѣнилось дѣло, и приняло иной видъ въ тѣхъ же самыхъ гимназіяхъ“. О столичныхъ гимназіяхъ тотъ же профессоръ отъывается, что на испытанiяхъ зрѣлости въ нихъ предъявлялись требованiя одинаково „высокія“, оцѣнка производилась „справедливая“; о прочихъ провинціальныхъ гимназіяхъ округа, что въ некоторыя изъ нихъ „ни въ какомъ случаѣ не уступаютъ столичнымъ по высотѣ требованiй, по вниманiю къ *правильности выраженiй въ переводахъ* и по строгости оцѣнки“.

5) „Вѣстникъ Европы“ указываетъ на двѣ ошибки, найденныя профессоромъ Буслаевымъ въ работахъ абитуриентовъ, согласованіе: „Анны Іоанновной“, и выраженіе: „кондрибуція“, вмѣсто „контрибуція“; но умалчиваетъ, что въ министерскомъ отчетѣ эти списки приписаны спѣшности при исполненiи срочной работы, а не грамматическому незнанію. Ошибки въ сочиненiяхъ столь же неизбѣжны, какъ опечатки, которыми такъ изобилуютъ наши журналы и газеты и вообще наша печать. „Вѣстникъ Европы“ утверждаетъ, что профессоръ Буслаевъ находилъ заданную на экзаменѣ тему: „Войны Россіи съ Турціею, ихъ значеніе и послѣдствiя“, не вполне удобною. Напротивъ, профессоръ вполне остался ею доволенъ, утверждая, что „надо было воспользоваться рѣдкимъ случаемъ, какіе встрѣчаются въ исторiи народовъ не каждое столѣтіе. Тема вела къ повѣрiю не только знанiй, но и влiанiй, при которыхъ вырастаютъ новыя поколѣнія, ихъ убѣжденiй и взглядовъ. Чтеніе газетъ разныхъ направленiй не оказало вреднаго дѣйствiя на убѣжденiя юношества, оставшіяся вѣрными природѣ, правдѣ, вѣчнымъ принципамъ патріотизма, религiи и человеколюбія. Ученическія работы нынѣшняго года произвели на меня самое выгодное впечатлѣніе, какъ по содержанію и плану, такъ и по слогу. Въ отношенiи грамматическомъ письменныя работы вообще удовлетворительны; грамматика, видимо, укореняется въ гимназіяхъ. Видимые успѣхи преподаванiя замѣтны не столько въ гимназіяхъ столичныхъ, *въ которыхъ педагогическое дѣло укоренилось на прочныхъ основанiяхъ*, сколько въ провинціальныхъ и т. д.“.

6) „Вѣстникъ Европы“ крайне возмущаютъ нижеприведенныя два или три выраженiя, отмѣченныя членами попечительскихъ совѣтовъ при разсмотрѣнiи ими сочиненiй абитуриентовъ гимназiй. „Едва ли, — замѣчаетъ „Вѣстникъ Европы“, — во французскомъ лицей или нѣмецкой гимназiи ученикъ рѣшится отвести съ пренебреженіемъ къ писателю, считающемуся образцовымъ, какъ, напримѣръ, у насъ: „ученикъ пишетъ о сказкахъ Жуковского, что онъ — бредни“. Но едва ли также иностранный педагогъ станетъ дѣлать на экзаме-

націонныхъ работахъ замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: „авторъ противорѣчить и своей доморощенной философiи, и исторiи, и здравому смыслу“; „разрѣшеніе фізіологическихъ проблемъ едва ли по плечу екатеринбургскому Фохту или Молешотту“.

Чтобы судить, насколько справедливы такіа порицанія, высказанныя преподавателемъ гимназiи, слѣдовало бы имѣть въ виду подлинныя сочиненія абитуриентовъ, которыя ихъ заслужили; но таковыя не сообщены. Попечительскій совѣтъ округа удостовѣряетъ, что нѣкоторыя работы учениковъ той гимназiи, до которой относятся приведенныя выше порицанія, дѣйствительно отличались наклономъ къ фразерству и непосильному философствованію. Что же касается до выраженій, употребленныхъ ученикомъ гимназiи, который называетъ творенія одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ „сказками“ и „фантастическими бреднями“, нельзя не признать эти выраженія крайне неудачными и даже въ высшей степени неприличными. Профессоръ Котляревскій пишетъ, что онъ прочелъ ихъ „съ чувствомъ истиннаго негодованія“. Къ счастью, подобныя опрометчивыя сужденія или неудачныя выраженія о лучшихъ отечественныхъ писателяхъ въ сочиненіяхъ абитуриентовъ гимназiй стали въ послѣднее время попадаться чрезвычайно рѣдко. Строгіа порицанія профессоровъ университета, пользующихся высокимъ авторитетомъ, отиѣчавшихъ каждый разъ проявленіе столь ложнаго направленія, повидимому, подѣйствовали въ высшей степени благотворно на наши гимназiи и ихъ учениковъ. Профессоры университетовъ приписывали эти выходы вліанію на юношество журналовъ дурнаго направленія, такъ, напримѣръ, ординарный профессоръ Петровскій приписываетъ нѣкоторую „неустойчивость во взглядахъ“ абитуриентовъ одной изъ гимназiй казанскаго округа относительно значенія Пушкина въ литературѣ: „той шаткости воззрѣній на литературныхъ дѣятелей, кака высказывается въ нашей печати“. И дѣйствительно, не далѣе какъ въ „Вѣстникѣ Европы“, на стр. 396 и 397 „Внутренняго обозрѣнія“, употреблены относительно лучшихъ поэтовъ Греціи и Рима выраженія, по своему смыслу, совершенно тождественныя съ тѣмъ, которое „Вѣстникъ же Европы“ порицаетъ, относительно высокоуважаемаго нашего отечественнаго поэта, въ сочиненіи абитуриента одной изъ гимназiй кievскаго учебнаго округа.

Спрашивается, съ какою цѣлью „Вѣстникъ Европы“ искажаетъ выписки изъ министерскаго отчета и изъ отзывовъ профессоровъ, дозволяя себѣ превратное ихъ толкованіе и даже въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, что сказано въ отчетѣ? Министерство, признавая громадность достигнутыхъ успѣховъ преподаванія въ гимназiяхъ, никогда не утверждало, чтобы оно было доведено до совершенства и чтобы въ учебной сферѣ гимназiи не встрѣчалось вовсе недостатковъ. Общій смыслъ министерскаго отчета, основаннаго на массѣ вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, заключается въ томъ, что значительное улучшеніе, достигнутое преподаваніемъ, относится къ большинству гимназiй и коснулось большинства учащихся, замѣчается не по вліанію воспитанія и преподаванія на натуры особенно даровитыя или избранныя, но въ особенности въ ихъ вліаніи на массу, на учениковъ посредственныхъ. Затѣмъ, нельзя отрицать,

чтобы не существовало до сего времени непогнѣхъ гимназій и прогимназій, отстающихъ отъ общаго прогресса, и въ отдѣльныхъ гимназіяхъ учениковъ слабыхъ.

Лѣтъ сто тому назадъ, въ провинціальной глуши случалось, что молодой человѣкъ, пріѣхавшій на вакаціи изъ столичнаго учебнаго заведенія, удивляетъ своихъ родственниковъ, малообразованныхъ, умѣиємъ съ точностью опредѣлить, сколько разъ обернется шина колеса на пути изъ деревни въ Москву; такъ и въ настоящее время иныхъ, малосвѣдущихъ въ педагогикѣ, можетъ изумлять неожиданное зрѣлище гимназиста VIII-го класса, читающаго Тита-Ливія à livre ouvert, или совершенное отсутствіе невыдерживающихъ экзамена въ иномъ учебномъ заведеніи или даже въ цѣломъ учебномъ округѣ. Лица, не получившія блестящаго образованія, конечно, могутъ завидовать современному поколѣнію молодыхъ людей, которымъ правительство даровало такіа обширныя средства для серьезнаго приготовленія себя къ высшему научному образованію. Но ни зависть, ни изумленіе не даютъ имъ права высказывать въ печати оскорбительное недовѣріе къ официальнымъ отчетамъ, искажать смыслъ и подлинныя слова отчета и своими инсинуаціями волновать учащееся юношество и родителей, искусственно возбуждая ихъ противъ учебныхъ заведеній, учрежденныхъ правительствомъ, и противъ учебнаго начальства.

Напрасно „Вѣстникъ Европы“ утверждаетъ, что „готовить нѣтъ надобности за сохраненіе того, чему не угрожаетъ никакой опасности, что само себя оправдываетъ, а стало-быть и поддерживаетъ“. Тамъ опасность, гдѣ въ средѣ молодыхъ людей возбуждается искусственная агитація противъ школьной дисциплины, осуждаются ихъ учебныя планы, подрывается уваженіе и довѣріе къ ихъ учебному начальству. И министерство народнаго просвѣщенія считаетъ своею священнѣйшею обязанностію каждый разъ протестовать съ негодованіемъ противъ всякой попытки подобнаго рода, ограждая школу, и считаетъ необходимымъ повторять во всеуслышаніе редакціямъ журналовъ, допускающимъ подобныя неблаговидныя выходы, что не слѣдуетъ имъ позволять на страницахъ своихъ издавій людямъ, малосвѣдущимъ въ воспитаніи юношества, касаться вкривъ и вкось дѣла, имъ вовсе не знакомаго. Святое дѣло воспитанія составляетъ струну, слишкомъ чувствительную въ строѣ государственной жизни, чтобы дозволить ея касаться тлетворному вліянію людей поверхностныхъ или злонамѣренныхъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 октября, 1879.

ВОЗСТАНИЕ ВЪ КАБУЛѢ И АГГРАРНОЕ ВОЛНЕНИЕ ВЪ ИРЛАНДІИ.

„My Lord Major, my Lords and gentlemen! Когда я имѣлъ честь обращаться къ вамъ по случаю того торжества, на которое вы только что намекали, дѣла страны находились, повидимому, въ критическомъ положеніи. Наши враги обвиняли насъ въ заключеніи невыгоднаго и невыполнимаго договора; а также и въ томъ, что мы начали войну подъ пустымъ предлогомъ обезпеченія для нашей Индійской имперіи научной и точной границы, — войну, грозящую затрудненіями, чтобъ не сказать —пораженіями. Милордъ-мэръ, такъ-называемый невыполнимый договоръ былъ выполненъ во всѣхъ своихъ условіяхъ. Въ эту минуту и въ противность враждебнымъ предсказаніямъ, во владѣніяхъ султана не осталось, сколько я знаю, ни одного русскаго солдата: императоръ русскій исполнилъ свои обязательства съ честью и достоинствомъ!... Я не буду больше ничего говорить о Берлинскомъ трактатѣ: скажу только, что если бы въ странахъ, которыхъ онъ касается ближайшимъ образомъ, возникли новыя затрудненія и опасности, то, по моему мнѣнію, въ самыхъ его условіяхъ нашлось бы лекарство, примѣнимое ко всякимъ обстоятельствамъ. Въ лондонскомъ Сити, какъ вы только-что замѣтили, объявилъ я въ первый разъ о намѣреніи правительства ея величества обезпечить для нашей Индійской имперіи научную границу. Итакъ, мнѣ очень пріятно снова явиться въ томъ же лондонскомъ Сити и объявить, что наши усилія увѣнчались успѣхомъ, и притомъ съ точностью и быстротою исполненія, какія рѣдко встрѣчаются въ дипломатическихъ или военныхъ дѣтиписяхъ“.

Sic locutus est — такъ говорилъ лордъ Вилксонфильдъ (читатель, конечно, уже узналъ его) на банкетѣ лорда-мэра 6 августа (25 іюля) этого года. Это начало его рѣчи служить отличнымъ вступленіемъ для моей статьи, и вы, конечно, не желали бы, чтобы я замѣнилъ рѣчь знаменитаго государственнаго человѣка своею смиренною прозой. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не легкая примѣсь хвастовства, то это было бы почти совершенно вѣрнымъ гезушѣ положеніи дѣлъ, два мѣсяца тому назадъ; но, увы, участь лорда Вилксонфильда, со времени его торжественнаго возвращенія изъ Берлина, — быть жалкою игрушкою событий. Послѣ кипрскаго успѣха — перипетіи афганской войны;

за пораженіемъ и бѣгствомъ Ширъ-Али—война съ зулусами и поражение при Изандулѣ; наконецъ, недавно, послѣ побѣды при Улунди и плѣненія Кетчевайо,—возмущеніе афганцевъ и истребленіе англійскаго посольства въ Кабулѣ. Мы должны заняться этими послѣдними событіями, какъ ни скучно толковать о томъ, что уже извѣстно; постараюсь быть какъ можно короче.

Прежде всего, покончимъ съ зулусами. Эта злополучная война окончилась 2 іюля (20 іюня) важною побѣдой, одержанной лордомъ Чельмсфордомъ при Улунди, гдѣ находился большой краалъ короля, и гдѣ 6,000 англичанъ разбили 20,000 черныхъ воиновъ Кетчевайо. Начавшись въ 8 часовъ 30 минутъ утра, сраженіе кончилось къ половинѣ десятаго: тысяча зулусовъ легла на полѣ битвы, а англичане потеряли только девять человѣкъ! На пять человѣкъ больше, чѣмъ въ несчастномъ дѣлѣ, стоившемъ жизни молодому принцу, на которомъ покоились надежды бонапартистской партіи во Франціи.

Кстати, утѣшительно замѣтить, что общественное мнѣніе по поводу послѣднихъ событій обратилось къ болѣе справедливой оцѣнкѣ фактовъ. Я говорилъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ про общую печаль, безразсудную, благодаря ея преувеличенности, обнаруженную англійскою націей по случаю смерти этого молодого человѣка,—равно какъ и объ общемъ негодованіи противъ поручика Кэри, доходившемъ до того, что требовали его разстрѣлянія. Я начертилъ даже планъ защиты въ пользу этого несчастнаго офицера, доказывая, что онъ не могъ поступить иначе въ данныхъ обстоятельствахъ. Итакъ, еще болѣе утѣшительно замѣтить, что королева, главнокомандующій, герцогъ Кембриджъ и народъ англійскій единогласно рѣшили избавить отъ всякаго порицанія эскъ-поручика, нынѣ капитана Кэри. Приговоръ военного суда, присуждавшій этого офицера къ разжалованію, уничтожень, и въ офиціальномъ письмѣ, адресованномъ къ генералу, командующему въ южной Африкѣ—генералъ-адъютантъ признаетъ, что въ стычкѣ, гдѣ принцъ нашелъ смерть, защита была невозможна и отступление совершенно необходимо—*„defence was impossible, and retreat imperative“*. Вотъ послѣднее слово объ этомъ событіи.

Теперь же, плѣнъ Кетчевайо положить конецъ всѣмъ разговорамъ: это рѣшительное и окончательное, по крайней мѣрѣ такъ надо надѣяться, заключеніе этого эпизода, который ужъ слишкомъ затянулся. Преслѣдуемый по пятамъ въ теченіи трехъ недѣль, этого „монарха“ былъ, наконецъ, загнанъ въ свою берлогу и взятъ въ плѣнъ. Сначала онъ находился въ положеніи Верцингеторикса: всѣ журналы наперерывъ приходили въ азартъ предъ достоинствомъ этого „низверженнаго монарха“, и только-что не примѣняли къ нему

словъ стараго короля Лира—„every inch a king“. „Times“ представилъ дѣло въ нѣсколько менѣе эпическомъ видѣ: Кетчевайо объявилъ, что онъ—дитя англійскаго правительства и велъ себя въ самомъ дѣлѣ, какъ дитя, торжествующее, потому что сломало розгу, которой его сѣкутъ. Его отецъ *Панда*, умирая, рекомендовалъ ему жить въ мирѣ со своими могущественными сосѣдями: онъ не послушался и теперь радъ убѣдиться, что его враги такъ же милосерды, какъ—и могущественны. Вотъ вамъ и достоинство и трогательная наивность!—Истина въ томъ, что здѣсь нѣтъ ни Вердингеторикса, ни короля Лира, ни достоинства, ни откровенности, но просто на-просто передъ нами старый плутъ-дикарь, изворотливый, несмотря на свое тупоуміе, и примѣняющійся къ обстоятельствамъ. Впрочемъ, онъ можетъ быть спокоенъ: англичане не поддались обману и не преминутъ поддержать это „низвергнутое величество“ въ четырехъ стѣнахъ до конца его жизни. Между тѣмъ территорія зулусовъ была раздѣлена сѣромъ Гарнетомъ Уольслеемъ, High Commissioner'омъ Натала между двѣнадцатю вождями, обязавшимися исполнять всѣ условія, налагаемыя англійскимъ правительствомъ. Между прочимъ, уничтожена военная система, благодаря которой подданные Кетчевайо представляли собраніе гладиаторовъ-холостяковъ: съ этихъ поръ, молодые люди имѣютъ полную свободу жениться, что, конечно, обрадуетъ ихъ не меньше, чѣмъ и черныхъ красавицъ.

Колонисты Капской Земли и Натала, какъ кажется, не такъ благосклонно смотрятъ на дѣло и называютъ договоръ, заключенный сѣромъ Гарнетомъ Уольслеемъ, „жалкой насмѣшкой“. Трансваальскіе боеры даже оказали губернатору Натала самый холодный пріемъ. Но, въ сущности, они также бессильны въ настоящую минуту, какъ и зулусы, и каковы бы ни были будущія затрудненія, теперь мы пользуемся миромъ на нѣкоторое время.

Нельзя того же сказать о Кабулѣ. И однако, со дня заключенія мира въ Гандамакѣ, все казалось спокойно, и Афганистанъ болѣе чѣмъ когда-либо въ рукахъ Англіи, какъ вдругъ въ началѣ сентября разразилась страшная вѣсть: англійскій резидентъ въ Кабулѣ, майоръ сэръ Людовикъ Каваньяри и все посольство были истреблены возмущавшимися афганскими войсками. Наиболѣе обстоятельный рассказъ, какой мы до сихъ поръ имѣемъ, принадлежитъ одному изъ проводниковъ, солдату туземцу, ускользнувшему отъ рѣзни. По его рассказу, все было спокойно въ Кабулѣ, когда 3 сентября вспыхнуло возстаніе среди солдатъ нѣсколькихъ афганскихъ полковъ, приведенныхъ изъ Герата для отправленія въ Туркестанъ. Имъ произвели смотръ и они жаловались, что не имѣютъ ничего, кромѣ незначительной части своего жалованья, и вдругъ разорвали ряды и, проходя мимо

Бала-Гессара, резиденціи майора Каваньяри, стали кричать: смерть англичанамъ! Они напали съ камнями на слугъ и почти въ ту же минуту вожатые дали залпъ по нападающимъ, безъ всякаго даже приказанія со стороны офицеровъ, находившихся внутри. Матежники разсѣялись, но, минутой спустя, возвратились съ оружіемъ и военными припасами: они начали правильную осаду резиденціи. Такъ какъ во главѣ ея находились обитатели сосѣднихъ домовъ,—исходъ не могъ быть сомнительнымъ. Около часа по-полудни пуля ранила майора Каваньяри въ голову, впрочемъ довольно легко, и отчаянное сопротивление продолжалось. Видя это, осаждающіе подожгли резиденцію и большая часть несчастныхъ, которые были тамъ заперты, погибли, пытаясь пробиться сквозь разсвирѣпѣвшую толпу. Немного дней спустя было получено извѣстіе о возмущеніи войскъ Герата противъ губернатора.

Первое впечатлѣніе, по полученіи извѣстія въ Лондонѣ, было глубоко зловѣщее. Одни, дѣйствительно взбѣшенные, призывали на возмущившихся всѣ громы неба и ада: индійской арміи слѣдовало, по ихъ мнѣнію, ядти немедленно на Кабуль и предать все огню и мечу. Другіе, предсказывая новое пораженіе, въ родѣ отступленія 1841 г., торжествовали, сначала втихомолку, а потомъ все громче и громче, видя свои предсказанія сбывшимися: они всегда говорили, что политика нынѣшняго кабинета готовитъ пораженіе и предсказывали участь англійскаго резидента. И потомъ, не было ли очевидно, что Якубъ-ханъ былъ участникомъ возмущенія, если не подстрекателемъ.

Таковы были мнѣнія, вызванныя страстью, равно несправедливыя, какъ тѣ, такъ и другія. Во-первыхъ, ничто не указывало на участіе эмира, и, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, скажемъ, что въ скоромъ времени онъ лично явился въ англійскій лагерь, отдаваясь подъ покровительство тѣхъ, которыхъ продолжалъ считать своими союзниками. Что касается до печальной участи англійскаго резидента, то должно сознаться, что англичане дѣйствовали слишкомъ опрометчиво; это послужитъ урокомъ на будущее время. „Дѣло не такъ важно, какъ воображаютъ,—говорилъ „Times“ 16 сентября. Это былъ взрывъ восточнаго фанатизма, въ восточномъ городѣ, управляемомъ государемъ, не имѣющимъ авторитета“. Слово „восточный“ всегда выводитъ изъ затрудненія; къ нему прибѣгаютъ во всѣхъ случаяхъ. Гораздо проще и справедливѣе было бы сказать „афганскій“—въ особенности если вамъ угодно будетъ припомнить очеркъ нравовъ и обычаевъ этихъ свирѣпыхъ и хищныхъ горцевъ, представленный мною въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ¹⁾,

¹⁾ См. февральскую книжку „Вѣстника Европы“ за 1879 г.

на основаніи достовѣрныхъ авторитетовъ. Самый важный упрекъ, который можно сдѣлать англійскому правительству, состоитъ въ томъ, что оно не обратило достаточнаго вниманія на аналогичныя и очень обстоятельныя замѣтки, имъ же самимъ обнаруженныя въ сборникахъ официальныхъ документовъ.

Съ другой стороны, легко было говорить „Daily Telegraph'у“ и тѣмъ, которые требовали казни, быстрой какъ молнія. Не говоря о довольно сильныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ между войсками холерой, чувствовался недостатокъ въ самыхъ средствахъ къ передвиженію: четырнадцать тысячъ верблюдовъ погибло на линіи отъ Хайбера къ Джеллалабаду! Итакъ, слѣдовало терпѣливо скрывать свою досаду. Однако, меньше чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ рѣзни, „карающія колонны“ двинулись впередъ. При этомъ обнаружилась несомнѣнная важность пресловутой научной границы; англійскія войска, владѣя ущельями, имѣли возможность въ нѣсколько переходовъ достигнуть Кабула, какъ то показали событія.

Въ половинѣ сентября всѣ распоряженія для начала кампаніи были сдѣланы. Самая удобная дорога въ Кабулъ проходитъ по долинѣ Курама и оканчивается у плоскогорія, увѣличивающаго Шутаргарданъ. Генералъ Робертсъ, утвердившійся въ этихъ дефилеяхъ еще съ послѣдней войны, приближался, не теряя времени, въ этомъ направленіи, съ колонною въ 6,500 человекъ; кавалерія подъ начальствомъ генерала Масси, пѣхота—генераловъ Макферсона и Векера. Скоро этотъ послѣдній, во главѣ авангарда, занялъ Шутаргарданъ, между тѣмъ какъ резервъ въ 4,000 человекъ, подъ начальствомъ генераловъ Гордона и Гуга, поддерживалъ сообщеніе между главною частью арміи и индійской границей. Но когда наступила зима, сообщеніе между этой границей и Шутаргарданомъ было прервано, благодаря снѣгу: чтобы устранить эту случайность, генералъ Врайтъ занялъ линію отъ Хайбера до Гандамака съ 6,000 человекъ, и такимъ образомъ возстановились сообщенія съ колонной, направляемой противъ Кабула. Наконецъ, резервъ въ 5,000 солдатъ, сосредоточенный у Пешавера, дополняетъ общій планъ экспедиціи.

Послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ горными племенами, главныя силы генерала Робертса достигли Шаръ-Азіаба (Чаръ-Азіабъ), на день пути отъ Кабула, 6 октября (24 сентабря). Высоты между этой мѣстностью и Кабуломъ были заняты непріателемъ, который, казалось, рѣшился защищать проходъ, между тѣмъ, какъ гильзаи появлялись тамъ и сямъ, на флангахъ англійской арміи. Немедленно началась атака, и продолжалась довольно долго, наконецъ, не долго до солнечнаго заката, высоты были взяты, и афганцы обрати-

лись въ бѣгство, оставивъ двѣнадцать пушекъ, и освободивъ ущелье, откуда ведетъ дорога въ Кабулу. На слѣдующій день, три полка, прибывшіе слишкомъ поздно, чтобы принять участіе въ дѣлѣ, также оставили лагерь, покинувъ въ окопахъ 78 пушекъ. Съ этихъ поръ никакое сопротивленіе не было возможно, и 12 октября (30 сентября) побѣдоносный генералъ сэръ Фредерикъ Робертсъ вступалъ въ Кабулъ, рядомъ съ эмиромъ Якубомъ-ханомъ. Племена гильзаевъ, логарисъ и проч., собравшіеся для грабежа, въ случаѣ успѣха, спокойно возвращались домой; между тѣмъ какъ старѣйшины виновнаго города присягали англійскому генералу въ своей вѣрноподданнической покорности.

Какъ видите, кампанія велась живо и искусно — сомнѣній въ этомъ быть не можетъ. Конечно, какъ я уже замѣтилъ, афганцы далеко не такіе храбрецы, какими ихъ изображаютъ нѣкоторые авторитеты; но жажда наживы и грабежа замѣняетъ у нихъ военныя достоинства; въ случаѣ нужды они умѣютъ сражаться, и достаточно только взглянуть на карту, чтобы видѣть, какъ легка защита въ этомъ лабиринтѣ остроконечныхъ горъ и ущелій. Быстрота и смѣлость, съ какими шелъ впередъ генералъ Робертсъ, считались многими за безразсудство; но обстоятельства вполне оправдываютъ его.

Мятежники не ожидали его такъ скоро; доказательствомъ служатъ эти три полка, опоздавшіе съ своими 78 пушками, которые, конечно, могли бы сильно затруднить движеніе нападающихъ, еслибы успѣли занять позицію. Безъ сомнѣнія, англійское правительство принуждено будетъ надолго занять большую часть Афганистана. Ничего опредѣленнаго еще неизвѣстно; событія идутъ своимъ чередомъ, и приходится предоставить читателю самому выводить заключенія о будущемъ ходѣ дѣлъ...

Если даже афганскія дѣла уладятся наилучшимъ и быстрѣйшимъ образомъ, лордъ Биконфильдъ не избавится отъ затрудненій и усложненій, которыя съ нѣкоторыхъ поръ сыплются на него градомъ. Новое облачко показывается на горизонтѣ, по ту сторону канала св. Георгія; и даже не облачко, а цѣлая туча, предвѣщающая сильную бурю. Въ моихъ письмахъ, мнѣ приходилось почти постоянно упоминать объ Ирландіи, въ особенности въ послѣдніе два или три года: теперь дѣло приняло очень серьезный оборотъ, и намъ слѣдуетъ остановиться на немъ подольше. Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ на родинѣ О'Коннела происходитъ „сильное броженіе“, повидимому, охватившее всю страну. Впрочемъ, существуетъ очень серьезная и очень печальная причина недовольства, и притомъ не для одной только Ирландіи; я говорю объ общемъ нена-

дежномъ состояніи торговли и земледѣлія. Нынѣшній годъ оказался несчастнымъ, выше всякаго выраженія, и посѣвы, въ особенности хлѣба, погибли почти совершенно; прибавьте къ этому для Ирландіи—болѣзнь картофеля; понятно, что жители опасаются такого же страшнаго года, какъ печальной памяти 1847-ой. При такихъ-то обстоятельствахъ, благопріятствующихъ ихъ цѣли, предводители движенія, которое можно отнынѣ называть сепаратистскимъ, организовали всеобщую агитацію въ пользу реформы землевладѣнія—а до тѣхъ поръ—за временное прекращеніе ренты, платимой фермерами собственникамъ.

Одинъ писатель, Стюартъ Трэнчъ, въ очень интересной книгѣ объ ирландскихъ нравахъ, выводитъ на сцену фермера, которому расхвалили новый законъ о поземельной собственности. „Къ чорту земельные законы и тѣхъ, кто ихъ выдумываетъ!—закричалъ этотъ человѣкъ.—Намъ нужно самую землю: съ какой стати мы будемъ платить ренту? Развѣ это не наша земля; развѣ наши предки не владѣли ею, пока эти разбойники-англичане не отняли ее у насъ?“ („Realities of Irish Life“, chap. XII). Въ самомъ дѣлѣ, это общее убѣжденіе ирландскихъ крестьянъ, заботливо поддерживаемое католическими священниками. Очень возможно, что одно время всѣ ирландцы сообща пользовались землею: у кельтовъ, какъ и другихъ членовъ арійской семьи народовъ, существовала деревенская община, въ собственномъ смыслѣ слова. Но это восходитъ къ до-историческимъ временамъ. Изъ нѣкоторыхъ документовъ VII вѣка, или, но крайней мѣрѣ, составленныхъ по сборникамъ законовъ болѣе древней эпохи, можно видѣть, что въ то время существовало два привилегированныхъ сословія, *Flaths*, или собственно знатные, и *Bo-Aiges*, свободные люди, пользовавшіеся правомъ пастись скотъ на общественныхъ земляхъ, а также на тѣхъ, которыя они снимали у *Flath'a*. Кромѣ этихъ, существовали только вассалы и рабы ¹⁾.

Не стоить труда упоминать здѣсь о спутникахъ завоевателя саксонца *Strongdon'a* и ихъ потомкахъ. Для рабовъ и вассаловъ перемѣнились только господа: скоро пришельцевъ нельзя было отличить отъ коренныхъ туземцевъ, которые притомъ были съ одинаковою храбростію, какъ за Геральдиновъ, такъ и за О'Бріеновъ и О'Гейлей. И О'Бріены, также какъ Геральдины, не стѣснялись грабить своихъ защитниковъ и высасывать изъ нихъ послѣдніе соки. „Все это,—говоритъ сэръ Джонъ Дэвисъ, писавшій въ началѣ XVII вѣка,—дѣлаетъ изъ лорда тирана, а изъ арендатора истиннаго раба, болѣе жалнаго,

¹⁾ См. O'Carry. On the manners and customs of the ancient Irish, въ особенности введеніе В. К. Смирнова, 3 т. in 8°, Лондонъ, 1873.

чѣмъ наемникъ, такъ какъ этихъ послѣднихъ обыкновенно кормить сеньоръ, а тамъ, наоборотъ, слуги кормятъ сеньора“ („Discoverie of the State of Ireland“. 1613).

Такимъ образомъ, Ирландія, какъ и всѣ западныя націи, испытала феодальный режимъ, и притомъ раньше прихода англичанъ, и тѣмъ болѣе суровый, что она съ самаго начала попала въ руки католицизму—церкви, которая была необходимымъ пособникомъ, часто организаторомъ этой системы.

Всѣ это говорится не для того, чтобы отрицать весьма серьезныя обиды, нанесенныя ирландскимъ крестьянамъ; только имъ нельзя хвастаться знатностью рода и выдавать себя безъ разбора за эскземленладѣльцевъ на *O'* или на *Mak*,—имѣющихъ на землю столько же права, какъ и ихъ французскіе и англійскіе собратья. Но, въ качествѣ католиковъ, превозносимыхъ всѣми крикунами европейской клерикальной партіи, они возбудили всеобщее состраданіе; тогда какъ многія несчастія того же рода и даже еще болѣе трогательныя были встрѣчены равнодушно или даже враждебно.

Итакъ, съ тѣхъ поръ, какъ англійское правительство перестало отождествляться съ угнетающею аристократіей,—на что жаловались еще 50 лѣтъ тому назадъ—Ирландія, также какъ и другія части Соединеннаго Королевства, пользовалась всѣми преимуществами свободной конституціи. Мало того, различные кабинеты обращали на эту страну вниманіе, котораго она заслуживаетъ, въ особенности послѣ страшнаго голода 1847 г. Правительство, какъ извѣстно, выказало при этомъ случаѣ недостатокъ предусмотрительности: и когда помощь была организована,—было уже слишкомъ поздно. Но почему? Потому что мы стоимъ тутъ лицомъ къ лицу съ роковымъ фактомъ, нарушающимъ всѣ естественные законы. Ирландія занимаетъ около 23,000 квадратныхъ миль, или 20 милліоновъ акровъ, изъ которыхъ около 13 милліоновъ считаются годными для обработки. А населеніе, состоявшее въ 1672 г. изъ 1.300,000 жителей, достигшее въ 1792 г. 4 милліоновъ, въ 1846 г., наканунѣ голода, поднялось почти до 9.000,000! Приращеніе гибельное, непропорціональное, и находящее объясненіе въ экономическомъ законѣ, сформулированномъ Боклемъ („History of civilisation“, томъ I, глава II), а именно: въ отношеніи, существующемъ между численнымъ умноженіемъ населенія и чрезвычайною дешевизною пищи, при другихъ равныхъ условіяхъ. Теперь извѣстно, что земля средняго качества, засѣянная картофелемъ, въ состояніи прокормить вдвое болѣе людей, чѣмъ такой же участокъ пшеницы. Такъ и вышло въ данномъ случаѣ: оказалось, что сыны Эрика умножались буквально, какъ песокъ морской: рынокъ труда переполнился, рабочая плата спустилась до минимума,—при-

бавьте къ этому несправимую лѣньность островитянъ. Такимъ образомъ, все шло хуже и хуже, когда недостаточный сборъ хлѣба ускорила катастрофу. Но она и безъ того должна была обрушиться въ одинъ прекрасный день на страну, въ которой существовала такая непропорціональность между пространствомъ и плодородіемъ земли и быстрымъ умноженіемъ жителей.

Одною изъ первыхъ мѣръ правительства, для исцѣленія бѣдствій этой несчастной страны, было обнародованіе закона 1848 г. о продажѣ заложенныхъ земель („Encumbered Estates Act“). Значительная часть собственниковъ оказалась въ долгу, по причинѣ голода: между тѣмъ они не могли продавать вслѣдствіе права *entail*, которое примѣняется къ земельной собственности во всемъ Соединенномъ-Королевствѣ. Вышеозначенный законъ уничтожилъ это затрудненіе, и даже ирландецъ и Home-Ruler Сполливанъ признается въ своей интересной книгѣ о „New Ireland“, что это было истиннымъ благодѣяніемъ для его страны. Въ теченіи десяти лѣтъ (до 1857 г.) явилось 7489 покупателей, изъ нихъ 7180 были ирландцы.

Немного времени спустя, началось первое серьезное аграрное волненіе. Въ 1850 г. основалась лига ирландскихъ арендаторовъ, съ цѣлью улучшить положеніе фермеровъ и гарантировать имъ безопасность отъ бѣдствій, сопряженныхъ съ необезпеченностью аренды. Дѣло шло о весьма справедливой, но и весьма серьезной реформѣ; движеніе не прекращалось въ теченіи 20 лѣтъ, и въ 1870 г. кабинетъ Гладстона согласился на „Landlord and tenant (Ireland) Act“, — мѣру, безъ сомнѣнія недостаточную, но достаточно радикальную, чтобы удивить континентальную прессу и возбудить крики о социализмѣ. Я уже не разъ говорилъ объ этомъ биллѣ; но въ виду готовящихся затрудненій необходимо войти въ нѣкоторыя подробности. Прежде всего, онъ давалъ силу *Ульстерскому обычаю*, относящемуся ни больше, ни меньше, какъ ко временамъ колонизаціи этой страны при Іаковѣ I, и представляющему остатокъ древней организаціи клана. Онъ извѣстенъ подъ именемъ „Ulster tenant right“ и заключается въ правѣ непрерывнаго владѣнія, предоставляемаго фермеру, съ уплатой необременительной ренты, и эта рента никогда не можетъ быть увеличена, каковы бы ни были улучшения въ имѣніи, если только они произведены были насчетъ фермера.

Въ концѣ-концовъ, это право обезпечиваетъ фермера: если собственникъ захочетъ отказать ему—а это онъ всегда можетъ сдѣлать въ случаѣ неплатежа установленной ренты, онъ долженъ купить у него его *tenant-right*, то-есть уплатить дѣйствительную стоимость улучшеній.

Ирландскіе фермеры только этого и желали: и въ самомъ дѣлѣ

этимъ устанавливается, до известной степени, право вѣчнаго пользованія землею за справедливую плату, „fixity of tenure at a fair rent“. Это было приведено въ дѣйствіе въ Ульстерѣ, гдѣ обычай получилъ силу закона. Слѣдовало бы распространить его на всю страну: я не говорю, что ирландцы будутъ тогда вполне довольны—этого, кажется, никогда не будетъ—но по крайней мѣрѣ они лишатся важнаго предлога къ недовольству. Гладстонъ не рѣшился идти такъ далеко; и вотъ что досталось отъ новаго закона на долю трехъ менѣе счастливыхъ провинцій. Въ случаѣ, если фермеръ не заключилъ договора съ собственникомъ, послѣдній, желая отказать ему, долженъ уплатить въ вознагражденіе известную сумму денегъ, обратно пропорціональную размѣру арендной платы. При арендной платѣ во сто и болѣе фунтовъ, отказанный (*evicted*) фермеръ имѣетъ право только на годовую ренту; при платѣ меньше 10 фунтовъ стерлинговъ, онъ можетъ получить, въ видѣ вознагражденія, плату за семь лѣтъ фермерства. Мало того, всѣ улучшения, произведенныя арендаторомъ, составляютъ его собственность, и, въ случаѣ отказа, помѣщикъ обязанъ уплатить ихъ стоимость. Впрочемъ, онъ можетъ ускользнуть отъ этихъ обязательствъ, согласившись заключить договоръ съ справедливыми условіями на 31 годъ. Послѣдняя и очень важная статья „Land Act'a“ имѣетъ цѣлью облегчить фермерамъ приобрѣтеніе земель, которыя захотѣлъ бы продать помѣщикъ: казна уплачиваетъ за нихъ двѣ трети стоимости покупки, отсрочивая для нихъ уплату на тридцать-пять лѣтъ.

Одновременно съ изданіемъ этого неожиданнаго закона ирландцы организовали лигу „Home-Rule“, съ цѣлью добиться правительственной автономіи для своей страны, національнаго парламента для веденія мѣстныхъ дѣлъ, сохраняя право голоса въ имперскомъ парламентѣ въ Вестминстерѣ. Успѣхъ былъ полный, а со времени выборовъ 1874 г. „Hom-ruler'y“ приобрѣли 60 голосовъ на 105 депутатовъ своей страны. Впервые сильная національная партія засѣдала въ Лондонѣ съ цѣлью возстановить ирландскій парламентъ. „Предводители „Home-Rule'a“, говоритъ А. Сюзливанъ, принадлежавшій къ числу ихъ, „очень хорошо понимали природу тѣхъ элементовъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, и знали, что обстоятельства могутъ дать перевѣсъ самой крайней партіи между ними. На ряду съ вопросомъ „Home-Rule'a“, рѣшеніе котораго, они понимали, затянется на долго, они рѣшились представить палатѣ общинъ нѣсколько проектовъ по практическому законодательству, несомнѣнно выгодныхъ и удобныхъ для исполненія. При этихъ обстоятельствахъ и воодушевленные такими надеждами въ виду подобной проблемы, члены „Home-Rule'a“

засѣдали отъ 1874 до 1877 г., какъ истолкователи новой политики, какъ представители новой Ирландіи въ Вестминстерѣ“.

Увы! этотъ самый 1877 г. былъ свидѣтелемъ раскола, предчувствіе котораго замѣтно въ слѣдующихъ, немного меланхолическихъ, строчкахъ, заканчивающихъ книгу „New Ireland“. „Самая крайняя партія“ съ предпринимчивымъ Парнеллемъ во главѣ отдѣлилась отъ большинства и начала проновѣдывать тактику „Obstructionism'a“, уже хорошо извѣстнаго читателямъ. Дѣйствительно, это чистый феніанизмъ, я подразумеваю партію полного отдѣленія, и она возродилась насчетъ конституціоналистской партіи, въ духѣ которой была организована лига. Ирландскій адвокат Буттъ, бывшій сначала душою и идоломъ лиги, скоро остался въ сторонѣ, и его смерть, случившаяся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, застала его среди полной непопулярности. Однако и крайней партіи обструкціонистовъ или сепаратистовъ не вполнѣ удалось захватить въ свои руки управленіе лигой „Home-Rule'a“, президентомъ которой на мѣсто Исаака Бутта былъ избранъ Шарръ.

Но это избраніе вѣроятно прозвучало какъ похоронный звонъ въ ушахъ лиги и конфедераціи „Home-Rule'a“. Такъ какъ спустя немного времени, сорокъ изъ ея членовъ рѣшили, по настояніямъ Парнелля, созвать національный конвентъ, „National Convention“, въ Дублинѣ, для обсужденія всѣхъ занимающихъ Ирландію политическихъ вопросовъ. Понятно, что если это собраніе состоится, то оно приметъ на себя верховную роль и заступитъ мѣсто лиги. Если избиратели будутъ рьяные ирландцы и согласятся истратить малую толику денегъ на подписку, предназначенную для покрытія издержекъ, тогда число членовъ достигнетъ 300.

Безполезно говорить, что члены конституціоналистской партіи съ прискорбіемъ смотрѣли на эту новую фазу развитія: А. Силливанъ и нѣкоторые другіе даже отказались фигурировать на мѣстѣ членовъ организаціоннаго комитета, на которой ихъ записали по должности. Между тѣмъ Парнелль торжествуетъ, благодаря новому элементу, которымъ онъ умѣетъ пользоваться очень искусно и кстати: я говорю объ агитаціи въ пользу неплатежа ренты (*anti-rent agitation*), начавшейся два мѣсяца тому назадъ и достигшей теперь своего апогея.

Общая безкормица въ Соединенномъ-Королевствѣ особенно сильно ощущается въ Ирландіи, какъ мы сказали это выше. Какъ и большинство ихъ англійскихъ собратьевъ, ирландскіе фермеры поставлены въ невозможность производить лежащія на нихъ платежи. Но будучи менѣе терпѣливы и подстрекаемы своими священниками и Парнеллемъ, вмѣстѣ съ „партіей отчаянія“,—они организовали рядъ митинговъ

съ цѣлью противиться требованіямъ землевладѣльцевъ. „Вся Ирландія возстала!—восклицаетъ газета „Nation“:—всѣ чувствуютъ необходимость нанести жестокой и рѣшительный ударъ, чтобы освободить труженниковъ земли; при видѣ событій, которые нынѣ гальванизируютъ край, пробуждаютъ сонныхъ, приободряютъ отважныхъ и наполняютъ всѣ сердца рѣшимостью и надеждой,—мы полагаемъ, что можемъ объявить безъ риска, что подлая система, терзавшая Ирландію въ продолженіи вѣковъ, что эта проклятая система отжила свой вѣкъ!.. Отъ сѣвера до юга, отъ моря св. Георгія и до Атлантическаго океана, страна охвачена полнѣмъ“. („The Nation“, Dublin, 4 octobre).

Не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія этому дионрамбическому тону, свойственному ирландскимъ газетамъ; но на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается послѣдней фразы,—она передаетъ истину. Не проходитъ дня, чтобы не происходило митинга *monstre* въ различныхъ мѣстахъ, и совершенно справедливо, что отъ сѣвера до юга, отъ востока до запада страна охвачена полнѣмъ. Но только, будьте увѣрены, что и въ этотъ разъ, также какъ и въ прежніе разы, пожаръ окажется несерьезнымъ.

А между тѣмъ случай прекрасный. Вопросъ идетъ уже не о томъ только, чтобы не платить аренды, но о самомъ землевладѣніи. Требуютъ уже не *неизмѣнности арендной платы*, — требуютъ самую землю, другими словами—исполненія проекта Стюарта-Милля, предложеннаго въ 1868 г. знаменитымъ политико-экономомъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы выкупить землю у владѣльцевъ и предоставить ее въ вѣчное пользованіе фермерамъ, за опредѣленную плату, платимую государству, которое такимъ образомъ замѣняетъ землевладѣльцевъ. Словомъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы создать классъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, какой существуетъ, на примѣръ, во Франціи, съ тѣмъ лишь существеннымъ различіемъ, что государство будетъ совмѣстно владѣть землею.

Эту идею вновь проводить теоретики партій, хотя на митингахъ вообще придерживаются ближайшаго и неотлагательнаго вопроса: отказа отъ уплаты аренды. Идея эта несомнѣнно прекрасная, хотя и представляетъ мало шансовъ на успѣхъ, принимая во вниманіе характеръ ирландскаго крестьянина. И можно заранѣе предсказать ей неуспѣхъ, въ виду диковинныхъ союзниковъ, которыхъ этотъ крестьянинъ тащитъ за собою въ битву. Повсемѣстно на митингахъ фигурируютъ мѣстные священники и нерѣдко вслѣдъ за крикомъ: „смерть землевладѣльцамъ!“ раздается крикъ: „да здравствуютъ священники!“ На большомъ банкетѣ, данномъ недавно Пармеллю,—котораго уже пожаловали въ О’Коннели—Смилливанъ началъ свой спичъ напыщенной похвалою ирландскимъ католическимъ священникамъ, и

объявить, что „народъ обязанъ всѣми своими правами и вольностями герцогскому духовенству среднихъ вѣковъ“. Когда придерживаешься такихъ теорій, то лучше было бы приберечь ихъ для другого случая: не слѣдовало бы забывать, что въ дѣлѣ правъ и вольностей, католическая церковь во всѣ времена умѣла только обирать народы, захватывая для себя привилегію свободы и силы. И если теперь она дѣйствуетъ за-одно съ ирландскими крестьянами, вопреки „Syllabus'у“, то единственно лишь изъ ненависти къ протестантизму и съ непремѣннымъ намѣреніемъ отнять поздиѣ у крестьянъ—постепенно и подъ разными благовидными предлогами — земли, которые удалось бы вырвать изъ рукъ владѣльцевъ.

Но пока движеніе приняло весьма значительные размѣры, и въ другой странѣ мы были бы неизбежно накануне возстанія: въ Ирландіи же дѣло не доходитъ до такихъ крайностей и оканчивается ничтожными беспорядками, за отсутствіемъ борцовъ, какъ мы это видѣли во времена Смита О'Вріена и поздиѣ—при феніяхъ. Съ другой стороны, не говоря уже о плохой организаціи аграрной системы, нельзя не признать, что ирландскіе землевладѣльцы даютъ много поводовъ для критики. Ихъ въ особенности упрекаютъ въ томъ, для чего создано и новое слово, а именно: въ абсентеизмѣ. Большинство изъ нихъ иностранцы, т.-е. англичане, и никогда не показываются въ Ирландіи, которая, такимъ образомъ, ни въ какомъ отношеніи не пользуется капиталомъ, извлекаемымъ изъ ирландской почвы. Фактъ этотъ неоспоримъ и является зломъ, существованіе и важность котораго признаются всѣми.

На это землевладѣльцы возражаютъ, что не можетъ быть особенно пріятно прогуливаться по своимъ владѣніямъ, когда каждую минуту рискуешь, что въ тебя выстрѣлятъ изъ-за изгороди. И надо сознаться, что эти „эвзекүціи“, относительно которыхъ убійца можетъ всегда разсчитывать если не на симпатію, то на прощенье своего короля,—надо сознаться, говорю я, что случаи такой мести не рѣдки. Я даже разсказывалъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій, слишкомъ годъ тому назадъ, о смерти лорда Лейтрима, застрѣленного, вмѣстѣ съ своимъ кучеромъ и секретаремъ. Убійцы, натурально, не были найдены, и такъ всегда бываетъ въ этомъ краю. Читатели припомнятъ, какъ ненависть крестьянъ преслѣдовала старика графа, большого, надо сказать, негодая—даже за гробомъ, и какъ его прахъ чуть-было не былъ развѣянъ по вѣтру. Но что всего типичнѣе, такъ это сцена, происшедшая намеренно между наслѣдникомъ благороднаго лорда и его арендаторами, собравшимися въ числѣ семи или восьми-сотъ человѣкъ. Они подали ему петицію, начинавшуюся словами: „Мы, арендаторы, поселенные на землѣ Кильмакренанъ, мы не безъ

довѣрія обращаемся къ вашей милости, надѣясь, что вы будете достойнымъ преемникомъ и представителемъ почтеннаго Натаніа графа Лейтрима,—миръ его праху! память его живетъ въ нашихъ сердцахъ!—но мы вынуждены заявить о нѣкоторыхъ причинахъ къ неудовольствію, и мы надѣемся, что ваша милость не откажетесь удовлетворить насъ“. Они требуютъ, между прочимъ, кромѣ пониженія арендной платы, отставки всѣхъ агентовъ и служащихъ у графа. Этотъ послѣдній принялъ ихъ очень вѣжливо, общалъ ихъ почти все, чего они просили, и обѣ стороны разстались друзьями: крестьяне, крича: ура! своему помѣщику, а послѣдній, отвѣчая имъ:

— Нѣтъ! это слишкомъ рано, вы меня балуете, дѣти мои!

Газеты не преминули упрекнуть графа Лейтрима за его уступки. Но уступки, если онѣ справедливы, совсѣмъ не свидѣтельствуютъ о слабости. Благородный лордъ былъ тысячу разъ правъ, общая своимъ арендаторамъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ примѣромъ не своего отца, не своего дѣда, „память котораго они хранятъ въ своихъ сердцахъ“. Но истинная слабость и пагубныя уступки сдѣланы самимъ правительствомъ англійскимъ, которое съ нѣкоторыхъ поръ не перестаетъ дѣлать всевозможныя поблажки ирландскимъ католикамъ. Издавъ въ прошломъ году законъ о среднемъ образованіи, клонящійся въ пользу развитія католической религіи, оно провело недавно въ парламентѣ билль, составленный въ томъ же духѣ, касательно высшаго, т.-е. университетскаго образованія.

Университетъ королевы былъ основанъ въ 1845 г. сэромъ Робертомъ Пилемъ, въ равномъ же доброжелательномъ духѣ какъ относительно католическаго, такъ и относительно протестантскаго населенія: онъ обнималъ три коллегіи: въ Бельфастѣ, Коркѣ и Гальвѣ, и такъ сказать отождествлялся съ ними. Въ силу новаго закона, „Queen's University“ отнынѣ отдѣленъ отъ этихъ коллегій; онъ будетъ давать степени всѣмъ студентамъ, окончившимъ курсъ, откуда бы они ни явились, и будетъ содержаться на счетъ государства. И такимъ образомъ его воспитанники не будутъ больше обязаны проходить черезъ коллегію Бельфаста и Гальвѣ,—давно уже обвиняемыхъ католическими прелатами въ атеизмъ за то, что эти заведенія принимаютъ не исключительно только однихъ католиковъ.

Парнелль и обструкціонисты воображаютъ, что вырвали эти уступки твердостью своего образа дѣйствій, между тѣмъ какъ они обязаны ими просто лишь близкому распущенію парламента. Ирландскій элементъ, конечно, будетъ играть выдающуюся роль на выборахъ: кабинетъ пускаетъ въ ходъ такъ-называемую „избирательную рекламу“ и старается привлечь на свою сторону соотечественниковъ О'Коннелла и Парнелля.

Въ настоящее время послѣднимъ приходится очень плохо, при существующихъ экономическихъ условіяхъ. Но повѣрьте, что положенію избирателей Великобританіи также не изъ блестящихъ. Упадокъ промышленности и торговли становится со дня на день сильнѣе: вотъ настоящая злоба дня! Экономисты, въ особенности, упражняются надъ нимъ вволю, и я поостерегусь слѣдовать ихъ примѣру: одинъ изъ нихъ, ученый профессоръ, посвятилъ недавно цѣлыхъ тридцать страницъ въ одномъ *Review* этому вопросу, доказывая намъ, что упадокъ торговли происходитъ отъ недостатка покупателей! Я знаю, что другіе обвиняютъ скорѣе избытокъ производства; но это еще требуется доказать, и простой здравый смыслъ сразу приводитъ къ заключенію, стоявшему столькожъ трудовъ профессору. Причины этого упадка глубоки и многочисленны: ихъ можно прослѣдить вплоть до великаго американскаго кризиса 1873 г. Но, чтобы ограничиться существующими фактами, достоверно извѣстно, что замѣшательства, произведенныя послѣднею восточною войною, имѣли огромное парализующее вліяніе, не считая финансовыхъ усложненій, тоже по восточнымъ дѣламъ—съ Египтомъ и Турціей; прибавьте сюда Америку, наводнившую, въ особенности съ нѣкотораго времени, рынки мясомъ и зерновымъ хлѣбомъ. Если при этомъ годъ оказался неурожайнымъ,—что же прикажете дѣлать фермеру, который видитъ, что цѣна на хлѣбъ остается неподвижною и ничтожною, въ виду избытка продуктовъ, доставляемаго Америкой? Ему остается только разореніе. А пока парламентъ вотировалъ недавно назначеніе „Royal Commission“ для изслѣдованія состоянія земледѣлія.

Городскіе торговцы, собственно такъ-называемые лавочники,—волнуются не меньше фермеровъ, хотя и съ меньшимъ основаніемъ. Въ послѣдніе восемнадцать мѣсяцевъ возникъ новый вопросъ, грозящій сдѣлаться государственнымъ, а именно вопросъ о кооперативныхъ магазинахъ (*cooperative stores*). Потребители вздумали соединиться, чтобы закупать предметы потребленія оптомъ. Въ особенности процвѣтали два общества: гражданскихъ чиновниковъ (*civil service*) и членовъ арміи и моряковъ (*army and navy*); и много другихъ создавалось по ихъ образцу. Дѣло вошло въ моду; всѣ порядочные люди приняли участіе въ „Stores“, и въ извѣстные часы дня, экипажи высаживали у дверей этихъ магазиновъ изящныхъ дамъ, которыя не пренебрегали сами дѣлать заказы. Эти учрежденія не отпускаютъ товаровъ въ кредитъ, и естественно, продаютъ ихъ гораздо дешевле рыночной цѣны; понятно, что отъ этого разоряется торговецъ. Понятно также, что ему это вовсе не нравится. Но что менѣе понятно, такъ это выраженное имъ возмутительное требованіе—запретить по-

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

15/17 октября, 1879.

LIV.

ЗА КУЛИСАМИ.

Глава изъ новаго романа: „Нана“.

Мнѣ приходится второй разъ просить позволенія предстать передъ вашими читателями съ однимъ изъ своихъ произведеній, новымъ романомъ — „Нана“, изъ котораго я заимствую главу, еще не появившуюся въ парижской печати.

Мой новый романъ состоитъ изъ четырнадцати главъ, и всѣ онѣ представляютъ собою четырнадцать сценъ парижской жизни; такимъ образомъ, ихъ совершенно удобно можно читать порознь и вполнѣ понимать, въ чемъ дѣло. Та сцена, которую я вамъ посылаю, происходитъ въ театрѣ „des Variétés“, но не въ партеррѣ, а за кулисами. Въ ней изображена жизнь опереточнаго театра,—его интимная жизнь, его женщины, его язвы и обаяніе.

Что касается фабулы, то она до того проста, что я могу разсказать ее въ нѣсколькихъ словахъ. Нана—уличная дѣвчонка и выросла въ испорченной средѣ парижскихъ фобурговъ. Вотъ небольшой отрывокъ, который характеризуетъ ее вполнѣ. Это — отзывъ о ней одного мелкаго журналиста:

„Хроника Фошрѣ, подъ заглавіемъ: „la Mouche d'Or“, разсказывала исторію дѣвушки, произошедшей отъ четырехъ или пяти поколѣній пьяницъ, съ кровью, испорченной длиннымъ наслѣдіемъ нищеты и пьянства, выразившимся въ ней истерическимъ разстройствомъ. Она выросла въ фобургѣ, на парижской мостовой — и, высокая, прекрасная, съ роскошнымъ станомъ, подобнымъ растенію, поднявшемуся на позѣмѣ, мстила за голышей и обездоленныхъ, которыхъ была произведеніемъ. Черезъ нее та гниль, какую допускаютъ развиваться въ грязной толгѣ, проникала въ аристократію и заражала ее. Она являлась одной изъ силъ природы, элементомъ разрушенія, сама того не желая, въ силу своего пола, и развращала и разлагала Парижъ... Статья заканчивается сравненіемъ ея съ мухой, — мухой золотистаго цвѣта, порожденной навозомъ, питающейся навозомъ, и которая, жуужа и сверкая на солнцѣ, какъ драгоценный

камень, заражаетъ людей однимъ своимъ прикосновеніемъ, влетая въ открытыя окна ихъ палаццо^а.

Вотъ философская и нравственная идея, одушевляющая произведение. „Нана“ изображаетъ исторію опустошеній, производимыхъ въ парижскомъ обществѣ развратной женщиной. Для того, чтобы настоящая глава была совершенно понятна, мнѣ остается только сказать, что графъ Мюффа является въ этой исторіи главной жертвой Нана. Въ этой главѣ она очаровываетъ его. Еще подробности: Борднавъ — директоръ театра; Фошрѣ — хроникёръ большой парижской газеты. Миньонъ — снисходительный мужъ пѣвицы Розы Миньонъ, толково управляющій имуществомъ, которое жена наживаетъ искусствомъ и инымъ путемъ. Наконецъ, остальные лица, фигурирующія въ этой сценѣ, всё принадлежатъ къ театральному персоналу.

Повторяю: этотъ отрывокъ составляетъ совершенно особое дѣйствіе въ великой комедіи парижской жизни.

I.

Дѣло было въ субботу, въ театрѣ „des Variétés“, гдѣ давалось тридцать-первое представленіе „Blonde Venus“. Первый актъ только что кончился. Въ фойе артистовъ, Симоннь, въ костюмѣ прачки, стояла возлѣ столика, надъ которымъ висѣло зеркало, между двухъ угловыхъ дверей, открывшихся въ корридоръ, ведшій въ уборныя. Она была одна и, поднявшись на цыпочкахъ, глядѣлась въ зеркало, проводя пальцемъ подъ глазами, чтобы подправить гримировку. Два газовыхъ рожка обливали ее яркимъ свѣтомъ.

— Чтò, онъ пріѣхалъ? — спросилъ Прюльбёръ, входя, въ костюмѣ опереточнаго генерала, съ большой саблей, въ громадныхъ сапогахъ и съ гигантскимъ султаномъ.

— Кто такое? — спросила Симоннь, не перемѣняя позы и улыбаясь зеркалу, чтобы лучше разглядѣть свои губы.

— Принцъ.

— Не знаю, я только что пришла... А! онъ долженъ быть? Значить, онъ бываетъ здѣсь каждый день.

Прюльбёръ подошелъ къ камину, расположенному напротивъ подзеркальнаго столика, гдѣ горѣлъ коксъ; у камина ярко пылали два другихъ газовыхъ рожка. Онъ поднялъ глаза, но глядѣлъ на часы и на барометръ, висѣвшіе по правую и по лѣвую сторону. Затѣмъ растянулся въ креслѣ, — на которомъ зеленый бархатъ, истертый тремя или четырьмя поколѣніями комедіантовъ, отливалъ желтыми тонами, — и замеръ, уставивъ глаза въ пространство, въ утомленной

и терпѣливой позѣ артистовъ, дождающихся выхода на сцену. Старикъ Боскъ появился, въ свою очередь, закутанный въ старый плащъ, который таскалъ съ собой по провинціи въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ. Онъ положилъ свою корону на фортепіано, не говоря ни слова; плащъ соскользнулъ съ одного плеча и изъ-подъ него показалась красная, вышитая золотомъ, шелковая туника короля Дагоберта. Съ минуту онъ переминался съ ноги на ногу, съ недовольнымъ, хотя и добродушнымъ видомъ, съ трясущимися отъ пьянства руками и красной, воспаленной рожей пьяницы, хотя длинная бѣлая борода и придавала ей почтенный видъ. Затѣмъ, среди общаго безмолвія, прислушавшись, какъ мерзлый снѣгъ колотилъ въ большое четырехъ-угольное окно, выходившее на дворъ, проворчалъ съ сердитымъ жестомъ: „какая свинская погода!“

Симоннь и Прюльеръ не шелохнулись. Горячее пламя газа играло на четырехъ или пяти картинахъ, пейзажахъ и портретѣ актера Вернѣ. Бюстъ Потье, одной изъ знаменитостей театра „des Variétés“, глядѣлъ своими безжизненными глазами съ пьедестала. Но вдругъ у двери послышался громкій голосъ. То былъ Фонтанъ въ костюмѣ второго акта, одѣтый шикарнымъ франтомъ, весь въ желтомъ и въ желтыхъ перчаткахъ.

— Послушайте-ка,—закричалъ онъ, размахивая руками,—вы не знаете, — вѣдь я сегодня именинникъ.

— Вотъ какъ? — спросила Симоннь, подходя съ улыбкой, словно ее какъ магнитъ притягивали его длинный носъ и ротъ съ широкимъ разрѣзомъ, свойственный комикамъ. Тебя, значить, зовутъ Ахилломъ?

— Именно!.. И я прикажу m-me Бронъ прислать намъ шампанскаго послѣ второго акта.

Съ минуту уже слышался звонокъ вдали; звуки его то ослабѣвали, удаляясь, — то усиливались, приближаясь, и когда звонокъ умолкъ, то раздался крикъ, облетѣвшій лѣстницу, теряясь въ коридорахъ: „начало второго акта!.. начало второго акта!..“ Этотъ крикъ все приближался, и маленький, блѣдный человѣчекъ пробѣжалъ передъ дверью фойе и крикнулъ изо всей мочи своего жидкаго голоса: „начало второго акта!..“

— Ишь, ты! шампанскаго! — сказалъ Прюльеръ, какъ-будто бы не слыхавъ этого крика: — какой ты щедрый!

— Я бы на твоѣмъ мѣстѣ спросилъ кофе, — медленно произнесъ старикъ Боскъ, сидя на зеленой бархатной скамейкѣ, головой приклонясь къ стѣнѣ.

Но Симоннь утверждала, что надо соблюдать выгоды m-me Бронъ. Она хлопала въ ладоши, возбужденная, пожирая взглядомъ Фонтана,

комическая харя котораго, напоминавшая козлиную морду, ни на минуту не оставалась въ покоѣ: глаза, носъ, ротъ непрерывно двигались.

— О, этотъ Фонтанъ! — бормотала она: — никто, никто съ нимъ не сравняется.

Обѣ двери фойе были настежъ раскрыты въ корридоръ, который велъ за кулисы. Вдоль желтой стѣны, ярко освѣщенной газовымъ фонаремъ, котораго не было видно, быстро мелькали черные силуэты: костюмированные мужчины, полу-голыя женщины, завернутыя въ шали, всѣ фигуранты второго акта, кліенты трактира „Boule Noire“—и въ концѣ корридора слышалось топанье ногъ, сбѣгавшихъ съ пяти ступенекъ, которыя вели на сцену. Въ ту минуту какъ высокая Кларисса пробѣгала мимо двери, Симоннъ позвала ее; но та отвѣтила, что сейчасъ вернется. И дѣйствительно, почти тотчасъ же вернулась, дрожа отъ холода въ тонкой туникѣ и шарфѣ костюма Ирисы.

— Чортъ возьми! — сказала она, — какъ холодно на сценѣ, а я-то оставила наверху свой мѣхъ.

И, ставъ передъ каминомъ, принялась грѣть ноги, обтянутыя розовымъ трико, проговоривъ:

— Принцъ пріѣхалъ.

— Ну! — закричали всѣ съ любопытствомъ.

— Да я затѣмъ бѣгала на сцену, — я хотѣла поглядѣть, тутъ ли онъ... Онъ сидитъ въ первой ложѣ аванъ-сцены, съ правой стороны, — тамъ же, гдѣ и въ прошлый четвергъ. Гмъ! вѣдь это въ третій разъ онъ пріѣзжаетъ на одной недѣлѣ. Нѣчего сказать, этой Нана везетъ!.. Я билась объ закладъ, что онъ больше не пріѣдетъ.

Симоннъ собралась-было отвѣчать, но ея слова были покрыты новымъ крикомъ, раздавшимся возлѣ фойе: рѣзкій голосъ помощника режиссера во все горло вопилъ за кулисами: „выходить пора!“

— Это совсѣмъ не дурно: три раза! — произнесла Симоннъ, когда являлась возможность говорить. Вы знаете, что онъ не хочетъ ѣздить къ ней, а увозить ее къ себѣ. Должно быть, это ему дороговато обходится.

— Еще бы! какъ и всякія любовныя похождения, — замѣтилъ извѣстно Прюльеръ, вставая и бросая въ зеркало фатоватый взглядъ какъ *bel-homme*, обожаемый ложами.

— Выходить пора! выходить пора! — повторялъ все болѣе и болѣе удалявшійся голосъ помощника режиссера, оббѣгавшаго всѣ кулисы и всѣ этажи.

Тутъ Фонтанъ, которому было извѣстно, какъ дѣло происходило въ первый разъ между принцемъ и Нана, пересказалъ всю исторію

объимъ актрисамъ, которыя жалась къ нему и громко хохотали, когда онъ понижалъ голосъ, передавая нѣкоторыя подробности. Старикъ Боскъ, котораго такія исторіи больше не интересовали, не шевелился; онъ ласкалъ большого рыжаго вота, блаженно дремавшаго на темной скамейкѣ. Котъ принялся выгибать спину; затѣмъ понюхалъ большую бѣлую бороду; должно быть запахъ клея ему не понравился, и онъ опять ушелъ спать на скамейку, свернувшись на ней калачикомъ.

Боскъ молчалъ съ задумчивымъ видомъ.

— Все равно, на твоѣмъ мѣстѣ, я бы велѣлъ принести шампанскаго и кофе, — вдругъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Фонтану, когда тотъ кончилъ свою исторію.

— „Началось!“ — произносилъ пронзительный и разбитый голосъ помощника режиссера. „Началось! началось!“

Крикъ прокатился за кулисами. Послышался шумъ поспѣшныхъ шаговъ. Въ дверь, раскрытую въ корридоръ, вдругъ донеслись звуки музыки, отдаленный гулъ; затѣмъ дверь захлопнулась съ глухимъ стукомъ. Онова сонная тишина воцарилась въ фойе артистовъ, точно оно было за сто лѣтъ отъ этой залы, гдѣ хохотала и рукоплескала цѣлая толпа народа. Симоннъ и Кларисса продолжали толковать про Нана; вотъ ужъ эта никогда не торопится! нажавунѣ еще она опоздала къ выходу.

Но вдругъ всѣ умолкли; высокая дѣвушка заглянула въ фойе, но, видя, что ошиблась, поспѣшно скрылась въ корридоръ. То была m-lle Сатенъ въ шляпкѣ съ вуалью, задававшая тонъ, какъ дама, дѣлающая визиты.

— Хорошенькая дрань! — пробормоталъ Прюльеръ, который въ продолженіи цѣлаго года имѣлъ случай видѣть ее въ кофейнѣ „des Variétés“. Тутъ Симоннъ рассказала, что Нана, узнавъ Сатенъ, свою бывшую пансіонскую подругу, вдругъ воспылала къ ней нѣжностью и пристала къ Борднаву, чтобы тотъ далъ ей дебютъ.

— Вотъ и вы! здравствуйте, — произнесъ Фонтанъ, пожимая руки Миньону и Фошрѣ; они входили въ фойе.

Самъ старикъ Боскъ протанулъ имъ по пальцу, а обѣ актрисы поцѣловали Миньона.

— Много публики сегодня? — спросилъ Фошрѣ.

— О! пропасть, — отвѣчалъ Прюльеръ. — И надо поглядѣть, какъ они глазѣютъ!.. Но только ужасно много буржуа. На балконѣ торчатъ такія головы, что мое почтенье!

— Послушайте-ка, дѣти мои, — замѣтилъ Миньонъ, — сейчасъ должно быть вашъ чередъ выходить.

— Да, сейчасъ.

Имъ нужно было выходить въ четвертой сценѣ. Одинъ Боскъ

всталъ, влекомый инстинктомъ стараго актера, чужаго режиссу.
Какъ разъ въ эту минуту помощникъ режиссера показался у дверей.

— М-г Воськ! М-лле Симонны!—позвалъ онъ.

Симонны живо накинута на плечи мѣховую шубку и вышла. Воськъ, не торопясь, взялъ свою корону и надѣлъ на голову; затѣмъ, волоча за собой плащъ, нетвердой походкой, ушелъ, ворча съ видомъ чловека, котораго обезпокоили.

— Вы были очень любезны въ своей послѣдней хроникѣ, — началъ Фонтанъ, обращаясь къ Фошрѣ, — но только почему вы говорите, что всѣ актеры—тщеславны?

— Да, милѣйшій, почему ты это говоришь?—закричалъ Миньонъ, хлопая со всего размаха своими громадными руками по жидкимъ плечамъ журналиста, который покачнулся.

Прюльеръ и Кларисса едва удержались отъ хохота. Съ нѣкотораго времени весь театръ забавлялся комедіей, происходившей за кулисами. Миньонъ, взбѣшенный капризами жены, преслѣдуемый мыслью, что этотъ Фошрѣ можетъ доставить его дому только сомнительную извѣстность, вздумалъ отмстить за себя, осыпая его знаками дружбы; каждый вечеръ, встрѣчаясь съ нимъ на сценѣ, онъ угощалъ его ударами, какъ-бы въ порывѣ нѣжности; и Фошрѣ, пигмей въ сравненіи съ этимъ колоссомъ, весь избитый имъ, съ принужденною улыбкой долженъ былъ переносить толчки и тумаки, чтобы не поссориться съ мужемъ Розы.

— А, братецъ, вы клевете на Фонтана!—подхватилъ Миньонъ, продолжая шутку.—Берегитесь! Разъ, два, и вотъ вамъ за это!

Онъ размахнулся и нанесъ Фошрѣ такой ударъ въ грудь, что тотъ поблѣднѣлъ и въ теченіи минуты не могъ выговорить ни слова. Потомъ онъ пробормоталъ, что у этого дьявола Миньона здоровый кулакъ. Но Кларисса мигнула другимъ на Розу Миньонъ, стоявшую на порогѣ фойе. Роза видѣла всю сцену. Она пошла прямо на Фошрѣ, какъ-бы не видя мужа, и, приподнявшись на цыпочкахъ въ костюмѣ Вѣбѣ, подставила лицо, съ миной ласкающагося ребенка.

— Здравствуй, Вѣбѣ,—сказалъ Фошрѣ, фамиллярно цѣлуя ее.

Это было ему вознагражденіемъ. Миньонъ, казалось, даже не замѣтилъ этого поцѣлуя; всѣ въ театрѣ цѣловали его жену. Но онъ улыбался немного принужденно и бросилъ сердитый взглядъ на журналиста. Конечно, этотъ послѣдній дорого заплатитъ ему за бравату Розы.

Обитая сукномъ дверь въ проходѣ растворилась и затворилась, до фойе донеслась буря аплодисментовъ. Симонны возвращалась со сцены.

— О! дядя Воськъ произвелъ удивительный эффектъ сегодня, —

закричала—она. Принцъ катался со смѣху, и аплодировалъ вѣсть съ другими, какъ будто бы его наняли влекбромъ... Не знаете ли вы, что это за высокій господинъ съ нимъ, на аван-сценѣ? Красивый человѣкъ, съ весьма представительнымъ видомъ, съ великолѣпными бакенбардами.

— Это графъ Мюффа, — отвѣчалъ Фошрѣ. — Я знаю, что принцъ третьяго дня, у императрицы, пригласилъ его обѣдать сегодня и хотѣлъ отвезти его въ театръ.

— Ва! графъ Мюффа, мы знаемъ его тестя, не правда ли, Огюсть! — сказала Роза, обращаясь къ Миньону. — Знаешь маркиза Шуара, у котораго я пѣла. Право, онъ тоже въ театрѣ. Я замѣтила его въ глубинѣ ложи. Вотъ старикашка...

Прюмьеръ, который только-что нахлобучилъ свой огромный султанъ, обернулся и позвалъ ее:—Эй, Роза, пойдемъ.

Она побѣжала за нимъ, не докончивъ фразы. Въ эту минуту капельдинерша, мадамъ Бронъ, проходила мимо дверей, съ огромнымъ букетомъ въ рукахъ. Симоннъ спросила, смѣясь, не для нея ли это; но та, вмѣсто отвѣта, указала подбородкомъ на ложу Нана, въ глубинѣ прохода. Эта Нана! ее засыпаютъ цвѣтами! Возвращаясь назадъ, мадамъ Бронъ вошла и подала письмо Клариссъ, которая выругалась вполголоса. Опять этотъ болванъ Ла-Фалуазъ! Вотъ человѣкъ! онъ, кажется, никогда не оставитъ ее въ покоѣ. И узнавши, что господинъ ожидаетъ ее внизу, она яростно закричала:

— Скажите ему, что я спущусь по окончаніи акта и дамъ ему оплеуху.

Фонтанъ бросился за капельдинершей, крича:

— Мадамъ Бронъ, послушайте... Послушайте же, мадамъ Бронъ... Пришлите въ антрактъ подюжны шампанскаго...

Но тутъ появился помощникъ режиссера, запыхавшись, съ прерывающимся голосомъ:

— Всѣ на сцену!.. Вамъ, господинъ Фонтанъ! Скорѣе, скорѣе!

— Да, да, иду, папѣ Барильбъ,—отвѣчалъ ошеломленный Фонтанъ.

И, слѣдуя за мадамъ Бронъ, онъ повторялъ:

— Ладно—что ли, шесть бутылокъ шампанскаго, въ антрактѣ, въ фойе... Сегодня мои именины; я плачу...

Симоннъ и Кларисса ушли, шумя юбками. Всѣ исчезли, и когда дверь въ проходъ затворилась съ глухимъ стукомъ, въ тишинѣ фойе послышался снова стукъ мерзлаго снѣга въ окно. Барильбъ, маленький старикъ, тощій и блѣдный, уже тридцать лѣтъ служившій въ театрѣ, фамиллярно подошелъ къ Миньону, и взялъ его табакерку. Эта попомешка табакъ давала ему минуту отдыха, въ его безконечной бѣготѣ по лѣстницамъ и корридорамъ. Не вышла на сцену еще только

мадамъ Нанѣ, какъ онъ ее называлъ, но эта дѣлала все по-своему и смѣялась надъ штрафами; если ей не хотѣлось выходить на сцену, она и не выходила. На этотъ разъ онъ остановился, удивленный, и пробормоталъ:

— Ба! да она готова, вотъ она... Должно быть, она знаетъ, что принцъ въ театрѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, Нана показала въ корридорѣ, одѣтая рыбачкой, съ бѣлыми какъ мѣлъ руками и лицомъ, съ двумя розовыми настилками подъ глазами. Она не вошла, но кивнула Миньону и Фошри.

— Здравствуйте, какъ поживаете?

Только Миньонъ подошелъ и пожалъ руку, которую она протягивала. И Нана продолжала свой путь, съ видомъ королевы,—сопровождая своей горничной, которая, слѣдуя за ней по пятамъ, наклонялась и поправляла послѣднія складки ея юбки. За горничной, замыкая кортежъ, шла Сатенъ, стараясь принять приличный видъ и уже умирая отъ скуки.

— А Стейнёръ?—грубо спросилъ Миньонъ.

Господинъ Стейнёръ отправился въ Луарѣ,—сказалъ Барильо, снова вступая въ разговоръ:—я думаю, что онъ хочетъ купить тамъ дачу.

— А! да, знаю, это дача, о которой говорили Нана.

Миньонъ принялъ суровый видъ. Этотъ Стейнёръ общалъ когда-то Розѣ домъ. Въ концѣ-концовъ ни съ кѣмъ не слѣдовало ссориться; вотъ средство снова найти потерянное.

Погруженный въ задумчивость, но постоянно сохраняя сознаніе окружающаго, Миньонъ прохаживался между каминомъ и подзеркальнымъ столикомъ. Въ фойе остались только онъ и Фошри. Утомленный журналистъ бросился въ кресло, и спокойно лежалъ съ полузакрытыми глазами, не стѣсняясь присутствіемъ Миньона. Когда они оставались одни, Миньонъ не считалъ нужнымъ осыпать его свирѣпыми и дружескими толчками. Зачѣмъ? вѣдь никто не могъ бы забавляться этой сценой. Онъ былъ слишкомъ равнодушенъ, чтобы на единѣ разыгрывать роль мужа-шутника; Фошри, радуясь этому минутному отдыху, устало потягивался передъ огнемъ, блуждая глазами въ пространствѣ и переводя ихъ отъ барометра къ стѣннымъ часамъ. Прохаживаясь, Миньонъ остановился передъ бюстомъ Потье, посмотрѣлъ на него, не замѣчая его, потомъ, хлопая глазами, постоялъ минуту передъ окномъ, въ которомъ рисовалась черная тѣма двора. Дождь пересталъ, наступила глубокая тишина, казавшаяся еще мрачнѣе по сравненію съ пылающимъ каминомъ и газовыми рожками. За кулисами все утихло. Лѣстницы и корридоръ, повидимому, совсѣмъ опустѣли. Это былъ тотъ моментъ угрюмой тишины, когда вся труппа

сгоняется на сцену, гдѣ производитъ гвалтъ финала дѣйствія, между тѣмъ какъ опустѣвшій фойе засыпаетъ угрюмымъ сномъ.

— Ахъ! верблюды!—раздался внезапно хриплый голосъ Борднава.

Онъ только-что пришелъ и уже рычалъ на двухъ статистокъ, которыя чуть не упали на сценѣ, потому что вѣвали, какъ дуры. За-мѣтивъ Миньона и Фошрѣ, онъ позвалъ ихъ и показалъ имъ на принца, который въ антрактѣ пожелалъ зайти въ уборную Нана, чтобы поздравить ее съ успѣхомъ.

Уводя всю компанію за кулисы, онъ наткнулся на режиссера.

— Оштрафуйте этихъ двухъ клачъ, Фернанду и Марію!—сказалъ свирѣпо Борднавъ.

Потомъ, успокоиваясь и стараясь принять видъ благороднаго отца, онъ прибавилъ, утерѣвъ лицо платкомъ:

— Я пойду принять принца.

Занавѣсъ опускался, среди врыва продолжительныхъ рукоплесканій. Тотчасъ же, въ полутьмѣ сцены, не освѣщаемой болѣе рампой, началась суматоха: актеры и статисты торопились въ свои уборныя, между тѣмъ какъ машинисты проворно снимали декорациі.

Но Кларисса и Симоннъ оставались въ глубинѣ сцены, чѣмъ-то сильно озабоченныя.

— Не бойся,—сказала наконецъ Симоннъ, направляясь къ выходу,—я тебя выведу изъ затрудненія.

На сценѣ, между двумя репликами, онѣ уладили дѣло. Кларисса, обдумавъ все хорошенько, сочла за лучшее не видѣться лично съ Ла-Фалуазомъ, который немилосердно надоедалъ ей своей любовью. Гораздо проще было Симоннѣ объяснить ему, что нельзя такъ представлять къ женщинѣ. Кончится тѣмъ, что она прогонитъ его прочь.

Симоннъ, въ костюмѣ прачки комической оперы, накинула на плечи пубку и спустилась по узкой витой лѣстницѣ, съ грязными ступеньками и сырыми стѣнами, ведшей къ комнатѣ капельдинерши. Эта комнатка, помѣщавшаяся между лѣстницей артистовъ и лѣстницей театральной администраціи, отдѣленная справа и слѣва перегородками со стеклами, была теперь ярко освѣщена двумя газовыми рожками, точно прозрачный фонарь. Въ одномъ изъ ящичковъ лежала грудa писемъ и газетъ. На столѣ находились огромные букеты, рядомъ съ засаленными забытыми тарелками и старымъ корсажемъ, у котораго капельдинерша заново обметывала петли; и среди этого беспорядка плохо убранной лачуги, свѣтскіе господа, въ перчаткахъ, безукоризненно одѣтые, занимали четыре старые соломённые стула, съ покорнымъ и терпѣливымъ видомъ, быстро поворачивая голову всякій разъ, какъ мадамъ Бронъ спускалась изъ театра съ отвѣтомъ. Она только-что передала письмо какому-то молодому человѣку, который торопливо

развернулъ его въ передней, подъ газовымъ рожкомъ, и слегка поблѣднѣлъ, прочитавъ классическую фразу, столь часто читавшуюся на этомъ мѣстѣ: „Невозможно сегодня вечеромъ, мой милый; я не свободна“. На одномъ изъ стульевъ, въ глубинѣ, между столомъ и печью, сидѣлъ Ла-Фалуазъ; онъ, казалось, рѣшился провести здѣсь весь вечеръ; но не чувствовалъ себя особенно пріятно и подбиралъ свои длинныя ноги, потому что цѣлая семья черныхъ котятъ съ остервененіемъ возилась около него, между тѣмъ, какъ кошка, сидя позади, упорно смотрѣла на него своими желтыми глазами.

— Ба! это вы, mademoiselle Симоннъ, чтó же вамъ угодно?—спросила капельдинерша.

Симоннъ попросила ее вызвать Ла-Фалуаза. Но мадамъ Бронъ не могла тотчасъ же исполнить ея желанія. Она содержала на лѣстницѣ, въ какомъ-то подобіи глубокаго шкафа, буфетъ, куда статисты спускались въ антрактахъ пить вино; и такъ какъ теперь тамъ дожидалось пять или шесть здоровыхъ молодыхъ, еще одѣтыхъ скоморохами „Boule Noire“, умирившихъ отъ жажды и торопившихъ тѣ же Бронъ, то она немного осовѣла. Шкафъ былъ освѣщенъ газомъ; въ немъ видѣлся столъ, выложенный цинкомъ, полки, уставленные начатыми бутылками съ виномъ. Когда дверь этой черной, какъ уголь, сырой и грязной дыры отворялась, то изъ нея несся рѣзкій запахъ алкоола, смѣшаннаго съ запахомъ обжѣдковъ и съ тонкимъ ароматомъ букетовъ.

— Такъ вамъ нужно того маленькаго брюнета,—вонъ онъ тамъ,—сказала капельдинерша, подавъ вино статистамъ.

— Да нѣтъ, полно шутить! — сказала Симоннъ. — Миѣ нуженъ вонъ тотъ худощавый, возлѣ печки, у котораго ваша кошка обнюхиваетъ панталоны.

И она увела Ла-Фалуаза въ сѣни, между тѣмъ какъ остальные покорно ждали, поневолѣ подавляя свое нетерпѣніе, а скоморохи или на ступенькахъ лѣстницы, закатывая другъ другу подзатыльники съ хриплымъ смѣхомъ пьяницъ.

Вверху, на сценѣ, Борднавъ кричалъ на машинистовъ, у которыхъ, впрочемъ, уборка декорацій не шла оттого скорѣе. — Они нарочно это дѣлаютъ, — принцу, навѣрное, упадетъ на голову какая-нибудь декорація.

— Налегайте! налегайте! — кричалъ надсмотрщикъ надъ рабочими.

Наконецъ, задняя кулиса была поднята, — сцена освободилась. Миньонъ, слѣдившій за Фошрѣ, воспользовался случаемъ возобновить свои туманы въ присутствіи машинистовъ. Онъ внезапно схватилъ его своими громадными ручищами, крича:

— Берегитесь же! Этотъ шесть чуть не раздавилъ васъ.

И поднималъ его, и вертѣлъ на воздухѣ, прежде чѣмъ опустить на землю. Фошри побѣднѣлъ, услыхавъ громкій смѣхъ машинистовъ; его губы задрожали, — одно мгновеніе онъ готовъ былъ возмутиться. Но въ ту же минуту къ нему вернулась его натянута улыбка, между тѣмъ какъ Миньонъ, притворяясь добродушнымъ, осыпалъ его ласковыми ударами по плечамъ, способными расколоть его на-двое, повторяя:

— Вѣдь я забочусь о вашемъ здоровьѣ, да! Чортъ возьми, хорошо бы и былъ, если бы съ вами случилось несчастье!

Внезапно пробѣжалъ шопотъ: „принцъ! принцъ!“ Глаза каждого устремились на маленькую дверь въ залу. Покамѣстъ видна была только круглая спина Борднава и его толстая, какъ у мясника, шея, нагибавшаяся и наливавшаяся кровью отъ почтительныхъ поклоновъ. Потомъ показался принцъ, рослый, сильный, съ небольшою бородкою, съ розовой кожей, съ манерами солиднаго вивѣра, его квадратныя плечи обрисовывались подъ сюртукомъ безукоризненнаго покроя. За нимъ слѣдовали графъ Мюффа и маркизъ Шуаръ. Этотъ уголокъ театра не былъ еще освѣщенъ, группа исчезала посреди двигающихся тѣней. Борднавъ говорилъ съ принцемъ голосомъ вожака медвѣдей, дрожащимъ отъ притворнаго волненія. Онъ постоянно тѣвердилъ:

— Не угодно-ли его высочеству слѣдовать за мною...— Не угодно-ли его высочеству пройти сюда...— Осторожнѣе, ваше высочество...

Но принцъ вовсе не торопится; онъ остановился, чтобы посмотреть на работу машинистовъ. Только-что спустили люстру, и пылающіе газовые рожки бросали на сцену широкую полосу свѣта. Всѣхъ болѣе дивился Мюффа, еще никогда не бывавшій за кулисами и испытывавшій тяжелое чувство отвращенія, смѣшаннаго съ боязнью. Онъ поднималъ глаза къ дугѣ, гдѣ другія люстры, у которыхъ были опущены рожки, казались маленькими голубоватыми созвѣздіями, среди хаоса рѣшетокъ и веревокъ всякаго рода, летучихъ мостовъ, заднихъ кулисъ, повѣшенныхъ въ воздухѣ, точно огромные холсты для сунгяи.

— Спускайте!—крикнулъ внезапно начальникъ машинистовъ.

Самому принцу пришлось остеречь графа. Спускался одинъ изъ холстовъ. Устанавливались декорации для третьяго акта, гротъ въ горѣ Этнѣ. Одни устанавливали шесты, другіе брали рамы, прислоненныя къ стѣнамъ сцены и привязывали ихъ къ шестамъ крѣпкими веревками. Въ глубинѣ сцены, чтобы изобразить пламя пылающей печи вулкана, ламповщикъ устанавливалъ стойку для лампъ и зажигалъ ея рожки, вставленные въ красные стаканчики. Въ этой кажущейся суматохѣ, малѣйшее движеніе было расчитано, и по-

среди все этого прогуливался маленькими шажками суффлеръ, чтобы расправить ноги.

— Ваше высочество несказанно осчастливили меня,—говорилъ Борднавъ, постоянно кланяясь.—Театръ не великъ, мы дѣлаемъ, что можемъ... Теперь, если его высочеству угодно будетъ слѣдовать за мной..

Графъ Мюффа уже направлялся къ корридору, который велъ въ уборныя. Довольно крутой скатъ сцены удивилъ его, и его тревога только росла отъ этого пола, который, онъ чувствовалъ, двигается подъ его ногами; черезъ открытыя отверстія былъ видѣнъ газъ, горѣвшій внизу; точно будто тутъ шла подземная жизнь, въ темныхъ нѣдрахъ, гдѣ раздавались человѣческіе голоса и вѣяло погребомъ. Но когда онъ повернулъ—было назадъ, то наткнулся на слѣдующую сцену: двѣ маленькія женщины, уже въ костюмахъ третьяго акта, оживленно болтали передъ отверстіемъ въ занавѣсѣ. Одна изъ нихъ, вытянувшись, расширяла пальцами дыру, чтобы лучше видѣть и разсматривала залу.

— Я его вижу,—сказала она внезапно.—О! какая харя!

Скандализованный Борднавъ едва удержался, чтобы не дать ей пинка ногою. Но принцъ улыбнулся, съ счастливымъ и возбужденнымъ лицомъ, слушая это, и не спуская глазъ съ дѣвочки.

Она нахально смѣялась. Между тѣмъ Борднавъ уговорилъ принца послѣдовать за нимъ и пошелъ впереди его съ торжественной осанкой опереточнаго судебного пристава. Графъ Мюффа, которому стало очень жарко, снялъ шляпу; его въ особенности непріятно поражалъ спертый и горячій воздухъ, пропитанный закулисными испареніями, запахомъ газа, клея декорацій, грязи, скопленной въ темныхъ закоулкахъ, сомнительной чистоты юбокъ фигурантокъ. Въ корридорѣ воздухъ былъ еще удушливѣе, но по временамъ ароматы туалетной воды и мыль, кислый запахъ уксуса и лавенды прорывались сквозь зачумленный воздухъ. Эти ароматы доносились изъ уборныхъ. Миновавъ фойе, гдѣ Фонтанъ сцѣпился съ м-ше Бронъ за то, что она принесла только четыре бутылки шампанскаго, графъ поднялъ голову и взглянулъ на лѣстницу, ослѣпленный рѣзкимъ переходомъ къ свѣту, ароматнымъ и горячимъ воздухомъ, которымъ на него потянуло. Вверху было очень свѣтло; слышались плескъ воды, смѣхъ и голоса, бѣготня юбокъ и непрерывное хлопанье дверей, изъ-за которыхъ доносились запахъ пудры и помады. Онъ не замедлилъ шага, напротивъ того, ускорилъ его, точно желалъ бы обратиться въ бѣгство, подавляя волненіе, возбуждаемое въ немъ раскрывшимися передъ нимъ новымъ и вполне ему неизвѣстнымъ міромъ.

— Г-мъ! любопытная штука—театръ,—говорилъ маркизъ-де-Шуаръ,

задрать голову вверх и нюхать воздухъ съ видомъ человѣка, понава-
шаго въ родню для него средѹ.

Но Борднавъ дошелъ, наконецъ, до уборной Нана, расположенной
въ глубинѣ корридора, подлѣ лестницы. Онъ спокойно повернулъ
ручку двери, отходя въ бокъ.

— Если вашему высочеству угодно войти...

Раздался испуганный женскій крикъ, и посѣтителѣ увидѣли, какъ
Нана, убѣжала за занавѣску, между тѣмъ, какъ ея горничная, только-
что собиравшаяся ее обтирать, осталась съ полотенцемъ въ рукахъ.

— Ахъ! какъ глупо входить такимъ образомъ, — кричала Нана, —
спрятавшись. — Не входите, вѣдь вы видите, что нельзя входить.

Борднавъ, повидимому, былъ недоволенъ этимъ бѣгствомъ.

— Оставайтесь какъ были, ма сёге, — говорилъ онъ, — вѣдь это
его высочество. Ну же, не ребячьтесь.

И такъ какъ она все еще не хотѣла выходить, сердясь, хотя уже
смѣхъ начиналъ ее разбирать, Борднавъ прибавилъ ворчливымъ и
отеческимъ тономъ:

— Боже мой! вѣдь эти господа очень хорошо знаютъ, какъ сло-
жена женщина. Они васъ не съѣдятъ.

— Ну, за это ручаться нельзя, — тонко замѣтилъ принцъ.

И всѣ разсмѣлялись преувеличенно, желая польстить ему. — Какъ
это тонко сказано, чисто по-парижски, — замѣтилъ Борднавъ. — Нана
не отвѣчала, занавѣска пошевелилась; вѣроятно, она рѣшалась выйти.
Между тѣмъ графъ Мюффа, красный какъ ракъ, оглядѣлъ уборную. То
была четырехъ-угольная комната, обтянутая матеріей цвѣта havane,
отдѣланная золотымъ багетомъ. Занавѣска, изъ такой же матеріи, на
мѣднѣхъ кольцахъ, образовала въ глубинѣ комнаты родъ алькова.
Два большихъ окна выходили на театральнѣй дворъ, въ двухъ или
трехъ метрахъ отъ ржавой стѣны, на которую оконныя стекла среди
мрака ночи ложились желтыми пятнами. Большое трюмо помѣща-
лось напротивъ туалета изъ бѣлаго мрамора, на которомъ стоялъ
цѣлый полкъ флаконовъ и хрустальныхъ ящичковъ для маслъ, для
эссенцій и для пудры. Графъ подошелъ къ трюмо и увидѣлъ въ
немъ, что онъ очень красенъ и что маленькія капельки пота высту-
пили у него на лбу; онъ опустилъ глаза и сталъ возлѣ туалета,
гдѣ тазъ, наполненный мыльной водой, равныя туалетныя принад-
лежности изъ слоновой кости, мокрыя губки, повидимому, поглощали
его вниманіе. Онъ испытывалъ такое же головокруженіе, какъ и во
время своего перваго визита къ Нана, на бульваръ Гаусманнъ. Гус-
той коверъ уборной колебался подъ его ногами; газовые роженки, го-
рѣвшіе возлѣ туалета и трюмо, жгли его виски. Онъ задыхался въ
этой женской атмосферѣ, духота которой усиливалась низкимъ по-

толкомъ. Ноги отказывались ему служить, и онъ присѣлъ на мягкій диванъ, стоявшій межъ двухъ оконъ. Но онъ тотчасъ же всталъ, вернулся къ туалету и, ни на что не глядя больше, неопредѣленно устремивъ глаза въ пространство, припомнилъ букетъ изъ туберозъ, который нѣкогда завалъ въ его комнату, и отъ котораго онъ чуть не заболѣлъ. Когда туберозы разлагаются, то пахнутъ человѣческимъ тѣломъ.

— Торопись!—шепнулъ Борднавъ, забывшись до того, что обращался съ Нана на ты, и просунулъ голову за занавѣску, какъ другъ, которому позволительно все видѣть.

Въ это время, принцъ снисходительно выслушивалъ маркиза де-Шуаръ, который всталъ съ туалета лапку зайца и объяснял, какимъ образомъ накладываются жирныя бѣлила. Въ одномъ углу, Сатень, съ своимъ цѣломудреннымъ личиомъ, глазѣла на господъ; между тѣмъ какъ театральная горничная, м-ше Тиби, приготовляла тунику Венеры. М-ше Тиби не имѣла возраста; у ней было иссохшее лицо старыхъ дѣвъ, которыхъ никто не звалъ молодыми. Эта старая дѣва вышла въ знойной атмосферѣ уборныхъ самыхъ знаменитыхъ, среди бедръ и плечъ Парижа. Она неизмѣнно ходила въ полиняломъ, черномъ платьѣ, и на ея плоской груди виднѣлся цѣлый лѣсъ булавокъ, воткнутыхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ у людей сердце.

— Просту извинить, господа,—сказала Нана, появляясь изъ-за занавѣски, но вы меня захватили въ распλοхъ...

Всѣ повернулись къ ней. Она совсѣмъ не одѣлась, а только застегнула маленькій, батистовый корсетъ, поддерживавшій ея грудь, вовсе ее не прикрывая. Съ голыми руками, голыми плечами она все еще держала въ рукѣ занавѣску, какъ будто готовясь задвинуть ее при первомъ переполохѣ.

— Да... меня захватили въ расплохъ, я ни за что не рѣшусь...—бормотала она, прикидываясь сконфуженной, съ краской на шеѣ и смущенной улыбкой.

— Ну, полноте, когда васъ находятъ прелестной!—закричалъ Борднавъ.

Она рискнула еще нѣсколько невинныхъ гримасокъ, жеманясь, точно ее щекотали, и повторяя:

— Его высочество дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много чести... Я прошу его высочество извинить меня, если я принимаю его высочество въ этомъ костюмѣ...

— Это я пришелъ не въ-время,—отвѣчалъ принцъ,—но я не могъ противиться желанію поздравить васъ съ вашимъ чудеснымъ талантомъ.

И вотъ она спокойно направилась къ туалету въ своемъ деж-
биле, мимо этихъ господъ, которые разступились. Вдругъ она уз-
нала графа Мирффа и дружески протанула ему руку. Потомъ стала
упрекать его за то, что онъ не прїѣхалъ къ ней на ужинъ. Его
высочество удостоилъ подшутить надъ Мирффа, который заикался и
весь дрожалъ отъ того, что ему пришлось съ секунду продержатъ
въ своей горячей рукѣ маленькую ручку, мягкую и свѣжую, послѣ
недавняго мытья. Графъ плотно пообѣдалъ у принца, который нѣлъ
и ѣлъ на славу. Оба были даже немножко на-веселѣ. Но весьма
прилично держали себя. Мирффа, чтобы скрыть свое смущеніе, не
сумѣлъ ничего много сказать, какъ пожеловаться на жару.

— Боже мой! какъ здѣсь жарко,—сказалъ онъ: какъ это вы,
м-ше Нана, ухитряетесь жить при такой температурѣ?

И разговоръ готовился завязаться на эту тему, когда громкіе
голоса слышались у дверей уборной. Бордавъ заглянулъ въ слу-
ховое окно. То былъ Фонтанъ, въ сопровожденіи Прюльера и Воска;
всѣ трое несли бутылки шампанскаго подъ мылкой, а въ рукахъ
бокалы. Фонтанъ пестучалъ, крича, что онъ сегодня имининтикъ и уго-
щаетъ; Нана бросила вопросительный взглядъ на принца.

Пожалуйста! онъ никого не хочетъ тѣснить, онъ очень радъ! Но
Фонтанъ, не дождавшись отвѣта принца, вошелъ, картава:

— Я не жадный, я угощаю шампанскимъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ принца, о присутствіи котораго здѣсь не
зналъ. Онъ сталъ какъ вкопанный и, принявъ шутовски-важный
видъ, проговорилъ:

— Король Дагобертъ дожидается въ корридорѣ позволенія выйти
за здоровье вашего высочества.

Такъ какъ его высочество отвѣтилъ улыбкой, то всѣ нашли
эту выходку чудесной. Между тѣмъ, уборная оказалась слишкомъ
мала, чтобы вмѣстить такую кучу народа. Пришлось тѣсниться, какъ
сельдамъ въ бочкѣ. Сатонъ и м-ше Тибби забились въ уголокъ,
мужчины тѣснились къ полуодѣтой Нана. Фонтанъ, Прюльеръ, Воскъ
все еще были въ костюмахъ второго акта. Въ то время какъ Прюль-
еръ снималъ свою нелѣпую генеральскую шляпу, такъ какъ ея гро-
мадный султанъ не помѣстился бы подъ низкими потолками, Воскъ,
въ своей пурпуровой мантии и коронѣ изъ позолоченнаго картена,
старался крѣпче держаться на ногахъ, ослабѣвшихъ отъ пьянства,
и поклонился принцу, какъ монарху. Бокалы были верхомъ налиты,
всѣ стали чокаются.

— Пью за здоровье вашего высочества!—величественно провознесъ
старикъ Воскъ.

— За армію!—прибавилъ Прюльеръ.

— За Венеру!—закричалъ Фонтанъ.

Принцъ снисходительно раскачивалъ бокалъ. Онъ дождался конца веселижаній, три раза поклонился, преговоривъ:

— Сударыня... генераль... сиръ...

И вынулъ залпомъ. Графъ Мюффа и маркизъ де-Шуаръ послѣдовали его примѣру. Никто болѣе не шутилъ. Всѣ воображали себя при дворѣ. Этотъ театралный міръ служилъ продолженіемъ міру дѣйствительному, съ серьезностью разыгрывая фарсъ при горячемъ свѣтѣ газа. Нана, позабывъ недостатки своего костюма, разыгрывала знатную даму, царицу Венеру, принимающую въ своемъ будуарѣ государственныхъ людей. Всѣ свои фразы она пересыпала титулами, отпуская реверансы съ убѣжденнымъ видомъ и обращалась съ гасрами Воскомъ и Прюлеромъ, какъ государыня съ своимъ главнокомандующимъ и первымъ министромъ. Никто не смѣялся надъ этой дикой смѣсью, надъ этимъ настоящимъ принцемъ, который распивалъ вино гаера и чувствовалъ себя очень хорошо среди этого карнавала боговъ и маскарада королей, въ обществѣ горничныхъ и развратныхъ женщинъ и людей, торгующихъ ими. Борднавъ, восхищенный такой місе еп всѣмъ, размышлялъ о томъ: какой бы великогѣпный сборъ сдѣлалъ онъ, если бы принцъ согласился появиться вотъ такъ же во второмъ актѣ „Blonde Vénus“.

— Слушайте-ка,—вдругъ кричалъ онъ, становясь фамильярнымъ, я призову сюда моихъ маленькиѣхъ женъ.

Нана не захотѣла. Однако, самое ее шампанское начинало разбирать. Ее привлекала дурацкая хара Фонтана, и она вдругъ заговорила съ нимъ на ты.

— Ну-же, наливай скорѣе, grande bête!

Фонтанъ снова наполнилъ бокалы, и всѣ выпили, повторяя тѣ же тосты:

— За здоровье его высочества!

— За армію!

— За Венеру!

Но Нана жестомъ пригласила умолкнуть. Она очень высоко подняла бокалъ, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, за здоровье Фонтана!... Сегодня Фонтанъ импаниннѣ, за здоровье Фонтана!

Всѣ вторично чокнулись и выпили за здоровье Фонтана. Принцъ, замѣтившій, что молодая женщина не сводитъ глазъ съ помика, поклонился ему.

— М-г Фонтанъ,—произнесъ онъ съ своей чрезмѣрной вѣжливостью,—я пью за ваши успѣхи.

Въ то же время его высочество сюртукомъ вытиралъ мраморъ

туалета, залитый мыльной водой. Духота стояла такая, что попробовали открыть окно, но пришлось тотчас же закрыть его. Принц и графъ Мюффа, между которыми стояла Нана, должны были держать руки по швамъ, чтобы не толкать её ежесекундно. А м-ше Тиби, невозмутимо, не вскобѣвъ даже, ждала, между тѣмъ, какъ Сатенъ, удивленная, при всей своей порочности, что принцъ и господа во фракахъ явшаются съ скоморохами и полуодѣтой женщиной, размышляла про себя, что важные господа не особенно чистый народъ.

Но уже въ корридорѣ приближался звонокъ дяди Варилью. Оняъ показался у дверей уборной и, увидя Фонтана, Прюльера и Боска въ костюмахъ второго акта, такъ и ахнулъ.

— О! господа, господа, — пролететалъ онъ, — торопитесь... Въ фойе публикѣ уже прозвонили.

— Ва! — спокойно замѣтилъ Борднавъ, — публика подождетъ.

Однако, послѣ новыхъ поклоновъ и послѣ новыхъ комплиментовъ, такъ какъ бутылки были пусты, актеры пошли одѣваться. Боскъ вымочилъ бороду въ шампанскомъ и снялъ ее: безъ бороды хара пъяницы обозначилась еще явственнѣе. Слышно было, какъ онъ говорилъ Фонтану и Прюльеру, сходя съ лѣстницы:

— Каково я ему отмочилъ!

Въ уборной Нана остались только принцъ, графъ и маркизъ. Борднавъ удалился съ дядей Варилью, которому рекомендовалъ не стучать, не предупредивъ Нана.

— Господа, вы позволаете, — спросила Нана, живо принимаясь за отдѣлку рукъ и лица.

Принцъ сѣлъ на диванъ, а маркизъ де-Шуаръ растянулся въ креслѣ. Одинъ графъ Мюффа продолжалъ стоять. Два бокала шампанскаго, выпитаго въ этой удушающей жарѣ, усилили ихъ опьянѣніе; поэтому они держались еще церемоннѣе и приличнѣе. Вида, что эти господа занялись съ ея подругой, Сатенъ нашла приличнѣе скрыться за занавѣской и тамъ ждала, сидя на сундукѣ и умирая отъ скуки. М-ше Тиби, спокойно, не говоря ни слова, ни на кого не глядя, ходила по комнатѣ, приготовляя тюнику Венеры.

— Вы прелестно свѣли свою пѣсенку, — сказалъ принцъ.

И разговоръ завязался, но отрывистыми фразами, за которыми слѣдовало молчаніе. Нана не всегда могла отвѣчать. Она рукою наизагла кольдкремонъ лицо и теперь уголкумъ полотенца накладывала жирныя бѣлила. На одну минуту она оторвалась отъ зеркала и метнула взглядъ на принца, не выпуская изъ рукъ бѣлилъ.

— Ваше высочество меня балуете, — пролететала она.

Она занята была весьма сложной операціей, за которой маркизъ

де-Шуаръ слѣдилъ съ наслажденіемъ. Онъ заговорилъ въ свою очередь:

— Развѣ оркестръ не могъ аккомпанировать вамъ подъ сурдиной? Онъ покрываетъ вашъ голосъ, это непростительное преступленіе.

На этотъ разъ Нана не обернулась. Она взяла лапку зайца и слегка водила ею по лицу, близко наклонясь къ зеркалу. Но она желала выказать признательность старику за его комплиментъ и повертѣла бедрами.

Воцарилось молчаніе, м-ше Тиби замѣтила дырку на колѣнкѣ трико и взявъ булавку съ своего сердца, стала на колѣни и стала закалывать дырку, между тѣмъ, какъ Нана, не обращая на нее никакого вниманія, покрывала лицо пудрой, осторожно избѣгая пощипать ея скулы. Такъ какъ принцъ сказалъ, что если она придетъ пѣть въ Лондонъ, то вся Англія будетъ ей рукоплескать,—она любезно усмѣхнулась и повернулась къ нему на секунду среди облака пудры. Затѣмъ вдругъ стала серьезна; предстояло накладывать румяна. Опять близко придвинувъ лицо къ зеркалу, она опустила палецъ въ горшочекъ съ румянами и водила имъ подъ глазами до самыхъ висковъ. Господа почтительно молчали.

Графъ Мюффа еще не разжималъ губъ. Онъ невольно вспоминалъ про свою молодость. Его дѣтская была непривѣтлива. Позднѣе, когда ему было шестнадцать лѣтъ, онъ, цѣлуя мать каждый вечеръ на прощанье, уходилъ спать, унося съ собой холодъ отъ этого поцѣлуя. Разъ, проходя по корридору, онъ увидѣлъ сквозъ полуотворенную дверь, какъ мылась одна служанка, и это было единственное чувственное воспоминаніе, смущавшее его молодые годы, до самой женитьбы. Въ женѣ онъ встрѣтилъ пассивное подчиненіе супружескимъ обязанностямъ; самъ онъ испытывалъ родъ набожнаго отвращенія. Онъ выросъ, онъ началъ старѣться, незнакомый съ соблазнами, подчинивъ себя строгимъ религіознымъ обрядамъ, регулируя свою жизнь на основаніи ихъ требованій и законовъ. И вотъ, вдругъ его завлекли въ уборную актрисы, и поставили лицомъ къ лицу съ полуодѣтой женщиной. Онъ, который никогда не видѣлъ, какъ графиня де-Мюффа надѣвала свои подвязки,—онъ вдругъ присутствуетъ при всѣхъ подробностяхъ женскаго туалета, среди безпорядка лоханокъ и флаконовъ, среди одуряющаго аромата притираній. Все его существо возмущалось; медленное очарованіе, какимъ его наполняла Нана съ нѣкоторыхъ поръ, удивляло его и пугало, напоминая ему священныя книги, прочитанныя имъ, дьявольское навожденіе, какимъ ублаживали его дѣтство. Онъ вѣрилъ въ дьявола. Нана смутно представлялась ему дьяволомъ съ ея улыбками, ея прелестями, отъ

которыхъ разило сѣрой. Но онъ обѣщалъ себѣ, что будетъ сильнымъ, что сумѣетъ отстоять себя.

— Итакъ, рѣшено,—говорилъ принцъ, чувствуя себя на диванѣ, какъ дома:—на будущій годъ вы пріѣдете въ Лондонъ, и тамъ васъ такъ хорошо примутъ, что вы никогда больше не пожелаете вернуться во Францію... Да, мой милый графъ, вы недостаточно цѣните хорошенекихъ женщинъ. Всѣхъ ихъ у васъ похитятъ.

— Это его нисколько не огорчить,—замѣтилъ зло маркизъ де-Шуаръ, позволявшій себѣ фамильярничать въ интимномъ кружкѣ: графъ—воплощенная добродѣтель.

Услыхавъ, что говорятъ про добродѣтеля графа, Нана такъ забавно поглядѣла на него, что онъ почувствовалъ сильную досаду. Затѣмъ онъ разсердился на себя за это чувство. Почему ему непріятно, что его называли добродѣтельнымъ при этой твари? Онъ съ удовольствіемъ прибилъ бы ее. Но Нана въ эту минуту, потанувшись за кисточкой, уронила ее, и въ то время, какъ она нагибалась, чтобы поднять ее, онъ бросился ей помочь, и дыханіе ихъ смѣшалось, а распущенные волосы Венеры ударили его по рукамъ. Онъ испыталъ при этомъ счастье, смѣшанное съ раскаяніемъ, какъ католикъ, котораго подзадориваетъ болѣзнь ада, когда онъ грѣшитъ.

Въ эту минуту за дверями раздался голосъ дяди Барильо.

— Сударыня, могу ли дать знакъ къ началу. Публика начинается сердиться.

— Сейчасъ,—спокойно отвѣчала Нана.

Она обмахнула кисточку въ банку съ тушью и приставивъ носъ къ зеркалу и закрывъ лѣвый глазъ, осторожно провела имъ по рѣсницамъ. Мюффа, стоя позади нея, глядѣлъ на эту процедуру. Онъ видѣлъ въ зеркало ея лицо и ея круглыя плечи, облитыя розовымъ свѣтомъ. И не могъ, несмотря на всѣ усилія, отвести глазъ отъ этого лица, съ соблазнительными ямочками. Когда она закрыла правый глазъ и провела по немъ кисточкой, онъ почувствовалъ, что принадлежитъ ей. И это наполнило его ужасомъ и радостью, собственными ханжамъ, бросающимся очертя голову въ омутъ.

— Сударыня,—опять закричалъ запыхавшійся голосъ помощника режиссера:—они стучатъ ногами, они, наконецъ, ломаютъ скамейки... Могу я дать знакъ къ началу?

— Ахъ, чортъ васъ берѣ,—сказала Нана, раздосадованная.—Начинайте, мнѣ наплевать!... Когда я не готова, ну, значить, они должны меня ждать.

Она усмехнулась и прибавила съ улыбкой, обращаясь къ этимъ господамъ:

— Право, нельзя даже минутку поболтать!

Теперь лицо ея и руки были готовы. Она провела пальцемъ, обмокнутымъ въ карминъ, по губамъ. Затѣмъ, съ своейнымъ безстыдствомъ, растегнула батистовый лифчикъ и протянула руки м-ше Тиби, чтобы та надѣла на нее короткіе рукава тюники.

— Поскорѣе: они сердятся!—пробормотала она.

Принцъ, съ полу-закрытыми глазами, какъ знатокъ, наблюдать выпуклыя линіи груди, а маркизъ де-Шуаръ невольно покачивалъ головою. Мюффа, чтобы не видѣть, устался въ коверъ. Впрочемъ, Венера была уже готова. Весь ея костюмъ заключался въ этой газовой тюникѣ. М-ше Тиби вертѣлась вокругъ нея, точно деревянная кукла съ безжизненными и безцвѣтными глазами, и, торопливо вынимая булавки изъ неисчерпаемой кладовой, помѣщавшейся у ней на сердцѣ, закалывала тюнику Венеры, равнодушно дотрогиваясь высохшими пальцами до красиваго тѣла, которое ничего не говорило ея воображенію.

— Готово!—сказала молодая женщина, глядясь въ послѣдній разъ въ зеркало.

Тутъ какъ разъ вошелъ Борднавъ, встревоженный, говоря, что третій актъ начался,

— Иду, иду,—объявила она.—Вотъ важность! Мнѣ всегда приходится ждать другихъ.

Всѣ эти господа вышли изъ уборной, но не простились съ Нана; такъ какъ принцъ выразилъ желаніе смотрѣть третій актъ изъ-за кулисъ. Оставшись одна, Нана удивленно оглядѣлась вкругомъ.

— Гдѣ-жъ она?

Нана искала Сатенъ. Когда она нашла ее за занавѣской, сидящею на сундукѣ, Сатенъ спокойно отвѣчала ей:

— Я не хотѣла тебя стѣснять съ твоими мужчинами.

И прибавила, что теперь уйдетъ. Но Нана ее остановила. Какая она дура! Вѣдь Борднавъ соглашается ее взять! Дѣло покончатъ послѣ спектакля. Сатенъ колебалась. Тутъ слишкомъ много всякихъ штукъ, она здѣсь совсѣмъ не на мѣстѣ. Однако осталась.

Въ то время какъ принцъ спускался съ маленькой деревянной лѣстницы, послышался странный шумъ, глухія ругательства, топотъ ногъ, какъ-будто какая-то борьба происходила на другомъ концѣ театра. Тамъ произошла цѣлая исторія, смутившая машинистовъ и актеровъ, ожидавшихъ своей реценки. За минуту передъ тѣмъ, Миньонъ опять принялся за свои шутки и надѣлалъ Фошрѣ свирѣпыми ласками. Онъ выдумалъ новую игру и шелкалъ его по носу, чтобы отогнать мухъ,—говорилъ онъ. Естественно, эта игра очень забавляла актеровъ и машинистовъ, и Фошрѣ, дрожа отъ ярости, старался принять довольный видъ. Но вдругъ Миньонъ, увлекшись

своими успѣхомъ, печально отсутствію ему оплеуху, здоровую, настоящую оплеуху. На этотъ разъ онъ зашелъ слишкомъ далеко—и Фешрѣ не могъ принять такого удара въ шутку. Оба они, бросивъ ломать комедію, поснившись отъ злости, схватили другъ друга за горло. Они катались по полу, за кулисою.

— Г-нъ Борднавъ! г-нъ Борднавъ!—позвалъ его режиссеръ въ смотекин.

Борднавъ пошелъ за ямъ, извинившись передъ принцемъ. Когда онъ увидѣлъ, что Фешрѣ нагазается по полу вмѣстѣ съ Мианьонъ, у него вырвалось движеніе досады. Вотъ выбрали время драться, когда его высочество стоитъ по ту сторону декораций и вся зала можетъ ихъ слышать! Къ довершенію досады, приближала Роза Мианьонъ, запыхавшись, готовая выйти на сцену. При поднятій занавѣса Вулканъ долженъ былъ сказать коротенькій монологъ, и она ждала его реплику, какъ вдругъ увидѣла, къ великому своему изумленію, у своихъ ногъ мужа и любовника, которые катались по полу, вѣсившихся въ волосы другъ другу, и въ запыханныхъ шورتкахъ. Они преграждали ей путь, и даже одинъ машинистъ подхватилъ шляпу Фешрѣ въ тотъ моментъ, какъ эта чертовская шляпа готовилась выкатиться на сцену. Между тѣмъ Вулканъ, выдумывавшій фразы, чтобы занять публику, снова повторилъ реплику. Роза, неподвижная, глядѣла на обоихъ мужчинъ,

— Да ступай же! да ступай же! — яростно шепнула ей Борднавъ. — Развѣ это твое дѣло: Ты пропустишь свой выходъ.

И, подталкиваемая имъ, Роза перешагнула черезъ мужчинъ и очутилась на сценѣ, въ яркіе лучахъ рампы, передъ публикой. Она не поняла, почему они оба валялись на землѣ, старалась истребить другъ друга. Дрожа, съ звономъ въ ушахъ, она подошла къ рамѣ съ веселой улыбкой влюбленной Діаны, и начала первую фразу своего дуэта такимъ страстнымъ и энергическимъ голосомъ, что публика сдѣлала ей овацію. За декорацией она слышала глухіе удары дерущихся. Къ счастью, музыка заглушила ступъ ихъ пинковъ въ декорацию.

— Тысячу чертей!—закричалъ Борднавъ, выйдя изъ себя, когда ему удалось, наконецъ, ихъ разнять:—развѣ вы не можете драться у себя дома? Вы знаете, однако, что я этого не люблю... Ты, Мианьонъ, оставайся здѣсь, со стороны двери; а васъ, Фешрѣ, я выгоню вонъ изъ театра, если вы не пойдете сейчасъ и не станете со стороны сада... Гм! слышите ли: одинъ пусть стоитъ со стороны двора, другой со стороны сада, иначе я запрещу Розѣ приводить васъ съ собою.

Когда онъ вернулся къ принцу, тотъ спросилъ въ чемъ дѣло.

— О! пустяки!—спокойно отвѣчалъ онъ.

Нана, стоя, завернувшись въ шубку, ждала своего выхода на сцену, разговаривая съ этими господами. Маркизъ де-Шуаръ наклонился и приложилъ глазъ къ отверстію въ заднемъ занавѣсѣ. Въ ту минуту, какъ графъ Мюффа сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы заглянуть на сцену между двумя кулисами, режиссеръ оглянулся, и онъ понялъ, что долженъ ходить на цыпочкахъ. Горячій воздухъ падалъ сверху. За кулисами, освѣщенными рѣзкимъ свѣтомъ, стояло очень немногихъ людей, которые ходили на цыпочкахъ и молчали или говорили шепотомъ. Газовики стояли на своемъ постѣ, возлѣ сложнаго аппарата газовыхъ крановъ; пожарный, прислонясь къ столбу, вытягивалъ голову, стараясь увидѣть то, что происходило на сценѣ; на-верху видѣлся человекъ, наблюдавшій за занавѣсомъ, съ покорнымъ и соннымъ видомъ сидѣвшій на своей скамейкѣ. Онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что происходило внизу и только ждалъ звонка, по которому долженъ былъ маневрировать своими веревками. И въ этомъ душномъ воздухѣ, среди этого шептанья и тихихъ шаговъ, голоса актеровъ со сцены доносились такими странными, глухими и фальшивыми, что поражали. Затѣмъ, еще дальше, за смутнымъ шумомъ оркестра, слышалось дыханіе толпы, прерываемое порою взрывами смѣха и аплодисментовъ. Присутствіе публики чувствовалось даже тогда, когда ея не было видно, даже тогда, когда она молчала.

— Откуда-то дуетъ!—вдругъ произнесла Нана, запахиваясь шубкой. — Поглядите-ка, Барильо, я пари держу, что опять открыли окно... Право, здѣсь легко околѣть! не знаю, какъ мы еще живы.

Барильо божился, что онъ самъ заперъ всѣ окна. Быть можетъ, гдѣ-нибудь наверху стекло разбито. Артисты вѣчно жалуются на сквозной вѣтеръ.

— Я бы желала видѣть васъ декольте,—сердито сказала Нана.

— Тсс...—произнесъ Борднавъ.

На сценѣ Роза такъ изящно сказала фразу изъ своего дуэта, что крики: браво! покрыли оркестръ. Нана умолкла съ хмурымъ лицомъ. Тѣмъ временемъ графъ Мюффа рискнулъ забраться въ одну улицу, но дядя Барильо остановилъ его, предупредивъ, что въ ней просвѣтъ на сцену. Графъ Мюффа видѣлъ заднюю часть декорации и затѣмъ уголъ сцены: греть въ Этнѣ, прорытый въ серебряномъ рудникѣ съ наковальной Вулкана въ глубинѣ.

Но вдругъ за кулисами произошло какое-то движеніе. Симоннъ, слушавшая какой-то рассказъ Елариссы, произнесла:

— Смотри! да вѣдь это Триконъ!

То была дѣйствительно Триконъ съ своими буклями à l'anglaise и осанкой графини, бѣгающей за страстными.

Когда она увидѣла Нана, она прямо пошла на нее. Но та, обмѣнявшись съ ней бѣжными словами, громко сказала:

— Нѣтъ. Больше не стану.

И отошла отъ нея. Остаруха скорчила недовольную мину. Прюльеръ, проходя мимо, пожалъ ей руку. Двѣ маленькія фигурантки вертѣлись вокругъ нея съ волненіемъ. Она съ минуту какъ-будто колебалась, затѣмъ жестомъ позвала Симоннь и послѣ бѣлаго разговора, происходившаго шепотомъ, Симоннь отвѣчала вполголоса:

— Хорошо, черезъ полчаса, я пойду съ вами.

Но въ то время какъ она шла въ свою уборную, м-ше Бронъ, проходя мимо, опять подала ей письмо. Борднавъ подошелъ къ кафельдинершѣ и грубо упрекалъ ее за то, что она пустила Триконъ! такую женщину, и какъ разъ сегодня вечеромъ! Онъ негодовалъ, потому что здѣсь находится принцъ. М-ше Бронъ, уже тридцать лѣтъ служившая въ театрѣ, огрызнулась. Она почему знала? Триконъ ведетъ дѣла со всѣми этими дамами; двадцать разъ господинъ директоръ встрѣчалъ ее и ни слова не говорилъ. И въ то время, какъ Борднавъ ругался, Триконъ, спокойная и невозмутимая, разглядывала принца съ видомъ женщины, оцѣнивающей, чего стоитъ мужчина при одномъ взглядѣ на него. Улыбка освѣтила ея желтое лицо. Затѣмъ она ушла, медленными шагами, раздвигая толпу дѣвочекъ Борднава, почтительно разступавшихся передъ ней.

— Вы сейчасъ придете, да?—обратилась она къ Симоннь.

Симоннь казалась очень раздосадованной. Письмо было отъ одного молодого человѣка, которому она назначила свиданіе сегодня вечеромъ и который напоминалъ ей объ ея обѣщаніи. Она вручила м-ше Бронъ записку, нацарапанную второпяхъ: „Никакъ нельзя сегодня вечеромъ, мой милый, я несвободна!“ Но все-таки тревожилась; ну, вдругъ этотъ молодой человѣкъ вздумаетъ ее дожидаться. Такъ какъ она не участвовала въ третьемъ актѣ, то собиралась немедленно уйти и покросила Клариссу пойти внизъ поглядѣть. Кларисса не выходила въ концѣ третьяго акта и сошла съ лѣстницы въ то время, какъ Симоннь побѣжала въ уборную, которую онѣ занимали вдвоемъ.

Внизу, въ расписочной м-ше Бронъ, одинъ фигурантъ, исправлявшій роль Плутона, нигъ въ одиночку, драпированный въ красную мантию, покрытую золотыми разводами. Должно быть, торговля капельдинерши шла успѣшно, потому что полъ былъ весь залитъ остатками вина изъ стамановъ. Кларисса приподняла тюнику Ирисы, волочившуюся по грязнымъ ступенямъ. Но осторожно остановилась и, вытянувъ голову, только заглянула въ комнату. И хорошо сдѣлала! Вѣдь этотъ идіотъ Ле-Фалуазъ торчитъ тамъ, все на томъ же стулѣ, между

столомъ и печкой! Онъ увѣрилъ Симоннѣ, что уйдетъ, и вернулся. Впрочемъ, комната по прежнему была биткомъ набита мужчинами въ перчаткахъ, безукоризненно одѣтыми, съ поворнистыми и терливыми видомъ дожидавшихся, важно посматривая другъ на друга. На столѣ оставались только грязныя тарелки; м-ше Бронъ раздала послѣднiе букеты; одна только роза, упавшая на полъ, увядала возлѣ черной кошкѣ, которая кончила тѣмъ что свернулась клубочкомъ на клеенкѣ, между тѣмъ какъ котята бѣшено прыгали и рѣзались между ногъ этихъ господъ. Клариссѣ одну минуту страхъ какъ хотѣлось вышвырнуть за дверь Ле-Фалуаза. Этотъ идіотъ не любитъ животныхъ; это его окончательно характеризуетъ.

Но Кларисса отказалась отъ идеи сдѣлать сцену Ле-Фалуазу. Она видѣла, какъ м-ше Бронъ подала письмо молодому человѣку, ухаживающему за Симоннѣ. Тотъ прочиталъ ее въ сѣняхъ при свѣтѣ газового рожка. „Невозможно сегодня вечеромъ, мой милый, я несвободна“. И мирно ушелъ, привычный къ этой фразѣ, должно быть. Вотъ этотъ, по крайней мѣрѣ, умница! Не то, что другіе, вотъ эти дураки, упрямо торчавшіе на прорванныхъ стульяхъ м-ше Бронъ, въ этомъ большомъ прозрачномъ фонарѣ, гдѣ жара смертная и вонь страшная. Зацѣпило же ихъ, этихъ мужчинъ, право! Кларисса съ отвращеніемъ къ нимъ въ душѣ поднялась на верхъ и побѣжала сообщить отвѣтъ Симоннѣ.

На театрѣ принцъ, отведя Нана въ сторону, говорилъ ей что-то шопотомъ. Онъ не отходилъ отъ нея и не спускалъ съ нея полукрытыхъ глазъ. Нана, не глядя на него, улыбалась, кивнула головой въ знакъ согласія. Но, внезапно, графъ Мюффа, бросивъ Борднава, сообщавшаго ему различныя подробности постановки кулисъ и декораций, подошелъ къ нимъ, чтобы положить конецъ ихъ бесѣдѣ. Онъ возиновался слѣпому влеченію всего своего существа. Нана подняла голову, улыбнулась ему, какъ улыбалась принцу. Тѣмъ не менѣе она прислушивалась однимъ ухомъ, дожидаясь реплики.

— Третій актъ, кажется, короче всѣхъ, — сказалъ принцъ, котораго стѣсняло присутствіе графа.

Она не отвѣчала; выраженіе ея лица вдругъ стало серьезнымъ. Быстрымъ движеніемъ плечъ, она сбросила шубу, которую м-ше Тиби, стоявшая сзади, подхватила на руки, и, поправивъ волосы, вышла на сцену.

— Т-съ! т-съ! — произнесъ Борднавъ.

Графъ и принцъ стояли, удивленные. Среди безжизненнаго пронесся какъ-бы тихій вздохъ толпы. Каждый разъ появленіе Ветеры въ ея божественной наготѣ производило одинъ и тотъ же эффектъ. Мюффа захотѣлось поглядѣть на залу, и онъ приложилъ глазъ къ отверстию

въ занавѣсѣ. За яркой чертой рамы, зала казалась темной и какъ-бы наполненной красноватымъ дымомъ, и на этомъ темномъ фонѣ ряды головъ образовали блѣдныя пятна. Нана стояла къ нему спи-ною, раскрывъ руки, наклонивъ впередъ голову, а у подола ея тѣ-ниви видѣлась голова суфлера, старческая голова, словно отдѣлен-ная отъ туловища, съ честнымъ и смирнымъ выраженіемъ на лицѣ. Когда Нана окончила свою арію среди взрыва рукоплесканій, она поклонилась, и волосы хлопнули ее по бедрамъ. Видя, какъ она пя-тится въ этой повѣ прямо къ тому отверстию, въ которое онъ гля-дитъ, графъ отвелъ голову, блѣдный, съ дрожащими руками. Сцена исчезла, и передъ глазами его снова очутилась задняя сторона кулисы, заклеенная старыми афишами. За кулисою весь Олимпъ присоеди-нился къ старой м-ше Друаръ, игравшей Юнону и дремавшей въ эту минуту; всѣ они ждали конца акта; Воскъ и Фонтанъ сидѣли на полу, уткнувъ подбородокъ въ колѣни; Прюльеръ потягивался, зѣвалъ, готовясь выдти на сцену; всѣ казались утомленными; глаза у всѣхъ были красные, и всѣмъ хотѣлось поскорѣй уйти спать.

Въ эту минуту Фошрѣ, бродившій со стороны сада, послѣ того какъ Борднавъ запретилъ ему переходить на сторону двора, ухва-тился за графа, чтобы оправиться отъ смущенія.

— Вы не видали уборныхъ? — говорилъ онъ, — это очень любо-пытно. Пойдемте, я вамъ покажу.

— Охотно, — отвѣчалъ Мюффа, разслабленный до потери всякой воли надъ собой.

И послѣдовалъ за журналистомъ, ища глазами маркиза де-Шуаръ, котораго не было видно. Онъ испытывалъ и облегченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ тревогу, разставаясь съ кулисами, за которыми онъ слышалъ, какъ вѣла Нана. Фошрѣ шелъ впереди его и уже началъ подниматься по лѣстницѣ. Эта лѣстница походила на лѣстницы тѣхъ подозри-тельныхъ домовъ, въ которыхъ графу приходилось бывать въ каче-ствѣ члена благотворительнаго общества: жалкая, растрепанная, съ избитыми ступенями и желѣзными перилами, отполированными отъ прикосновенія рукъ. Въ фонаряхъ, ввинченныхъ въ стѣну, горѣлъ газъ, ярко освѣщая всю эту нищету и расмалая воздухъ, который становился все удушливѣе, по мѣрѣ того, какъ они поднимались выше.

— Въ театрѣ четыре этажа, — объяснялъ Фошрѣ: — предупреждаю, что вамъ не будетъ холодно на верху.

Дойдя до площадки лѣстницы, графъ Мюффа почувствовалъ какъ раскаленный воздухъ снова пахнулъ ему въ лицо и изъ уборныхъ донесся запахъ мыла и притираній, вмѣстѣ съ волнами свѣта и говоромъ голосовъ. Съ каждой ступенькой все сильнѣе нахло муску-

сомъ пудры, туалетнымъ уксусомъ. Въ первомъ этажѣ шли два корридора, съ дверями, напоминавшими номера плохой гостиницы, выкрашенными желтой краской и помѣченными крупными бѣлыми цифрами; полъ былъ паркетный, старый, съ выпавшими кусочками, образовавшими ямки. Графъ рискнулъ заглянуть въ полуоткрытую дверь, и увидѣлъ узкую, пустую комнату, очень грязную, нѣчто въ родѣ цирюльни предмѣстья, убранную двумя стульями, зеркаломъ и полкой съ ящичками, почернѣвшими отъ грязи, щетокъ и гребней. Далѣе, какой-то вспотѣвшій молодецъ, отъ котораго шелъ паръ, перемѣнялъ рубашку; а рядомъ, молодая женщина, собиравшаяся уходить, натягивала перчатки; волосы у ней были влажны и развились, точно она только-что вышла изъ бани. Фешрѣ позвалъ графа, и тотъ вошелъ во второй этажъ, какъ вдругъ изъ праваго корридора донеслось яростное ругательство: Матильда, озорница, фигурировавшая въ роляхъ „ingénue“, разбила свою лоханку, и мыльная вода текла потоками до самой площадки лѣстницы. Одна дверь съ шумомъ захлопнулась; женщина въ корсетѣ перебѣжала имъ дорогу; другая, закусивъ зубами край рубашки, показалась въ дверяхъ и убѣжала. Послышался смѣхъ, ссора, пѣсенка, которая сейчасъ же и оборвалась. Царствовала суматоха, воцаряющаяся по окончаніи спектакля, когда смываются бѣлила и румяна, и фигурантки облачаются въ обыкновенные костюмы среди облаковъ пудры и при шумѣ захлопываемыхъ дверей. Жара и душливый, ароматическій воздухъ окончательно опьянили Мюффа. Въ третьемъ этажѣ расположены были уборныя фигурантокъ и хористовъ, гдѣ тѣснилось десятка два женщинъ, среди безпорядочно разбросаннаго мыла и флаконовъ съ лавандовой водой, точно въ общей банѣ. Проходя мимо герметически закрытой двери, онъ слышалъ какъ кто-то съ ожесточеніемъ плескался въ водѣ, причемъ брызги съ шумомъ летѣли во всѣ стороны. Онъ уже собирався повернуть въ четвертый этажъ, какъ вдругъ ему пришла фантазія заглянуть въ одно слуховое окно: комната была пуста и въ ней масса разбросанныхъ полотенецъ и юбокъ, валявшихся на полу. Эта комната была послѣднимъ впечатлѣніемъ, которое онъ вынесъ изъ театра. Наверху, въ четвертомъ этажѣ, графъ чуть не задохся. Духота, жара сказывались тамъ еще ощутительнѣе; желтый потолокъ казался раскаленнымъ, фонарь горѣлъ въ буромъ туманѣ. Одну минуту онъ ухватился за перила, нагрѣтые и точно живые, и неизвѣданная имъ доселѣ страсть ударила ему въ голову.

— Идите скорѣй, — закричалъ Фешрѣ, — васъ зовутъ.

Въ глубинѣ корридора помѣщалась уборная Клариссы и Симонъ, длинная, растрепанная мансарда. Дневной свѣтъ проходилъ въ нее сверху черезъ два четырехугольныхъ окна, отъ которыхъ спуска-

лись два желѣзныхъ прута, посредствомъ которыхъ можно было отерывать и закрывать рамы. Но въ этотъ ночной часъ четыре газовыхъ рожка освѣщали уборную, обитую сѣмикошечными обоями, на которыхъ прасовались розовые цвѣты на зеленомъ полѣ. Двѣ пенки, служившія туалетомъ, стояли рядомъ; онѣ были обиты прорванной клеенкой, залитой водой, и на нихъ видѣлись грязныя лоханки, кувшины изъ грубаго фаянса, обломанные гребенки, всякая мелочь и дрянь, служащая для туалета двухъ женщинъ, торопливо одѣвавшихся въ мѣстѣ, гдѣ онѣ бывають только мимоходомъ, и котораго грязь ихъ не смущаетъ.

— Идите же, — продолжалъ Фешрѣ съ той фамиллярностью, — какая существуетъ между мужчинами, когда они бывають въ дурномъ обществѣ, — Кларисса желаетъ васъ поцѣловать.

Мюффа рѣшился войти. Но остановился на порогѣ, удивленный, увидя маркиза де-Шуаръ, сидѣвшаго между двумя туалетами, на прорванномъ стулѣ. Онъ забился тамъ, подбирая ноги, потому-что одно ведро тепло, образуя бѣловатую лужу на полу. Сейчасъ было видно, что онъ чувствуетъ себя здѣсь, какъ дома.

— Ну, Кларисса, поцѣлуй этого барина, — повторилъ Фешрѣ.

И, обратившись къ графу, добавилъ:

— Она васъ поцѣлуетъ; вы увидите, какая она милашка.

Кларисса объявила, что она чувствуетъ отвращеніе къ мужчинамъ, но такъ какъ Фешрѣ заграждалъ ей дверь, то она рѣшилась поцѣловать графа въ бакенбарды, замѣтивъ:

— Не примите этого поцѣлуя на свой счетъ, пожалуйста! я цѣлую васъ, чтобы Фешрѣ отъ меня отвязался.

И убѣжала. Графа конфузило присутствіе его тестя. Кровь бросилась ему въ голову.

Въ ухахъ у него звенѣло, голова кружилась; онъ потерялъ сознаніе времени. Потомъ онъ вдругъ замѣтилъ, что маркизъ ушелъ за торопившейся куда-то Симоннѣ, что-то напѣвая ей въ уши, а она отрицательно качала головой. Фешрѣ послѣдовалъ за ними, смѣясь. Графъ остался одинъ съ горничной, вытиравшей лоханки, и тоже спустился съ лѣстницы; ноги у него подкашивались и, проходя, онъ опять спугивалъ полу-одѣтыхъ женщинъ и заставлялъ ихъ хлопотать дверями. Но среди всей этой толпы женщинъ, наполнившихъ всѣ четыре этажа, онъ отчетливо увидѣлъ, однако, только кота, рыжаго кота, который несся по лѣстницѣ, задравъ хвостъ вверхъ и царапаясь спиной о перила.

— Ну! — проговорилъ хриплый женскій голосъ, я думала, что они насъ сегодня вечеромъ никогда не отпустятъ... Вотъ полоумные съ ихъ вызовами.

Представленіе кончилось, занавѣсъ упалъ. Въ корридорахъ и на лѣстницѣ шла бѣготня среди глухихъ восклицаній; всѣ сѣвшии поспѣше переодѣлись и ушли. Сходя съ послѣдней ступеньки, графъ Мюффа увидѣлъ Нана и принца, которые медленно шли по корридору. Молодая женщина остановилась; потомъ, улыбувшись и пенижая голосъ, произнесла:

— Хорошо, сейчасъ буду.

Принцъ вернулся на сцену къ Бордनावу, ожидавшему его. Тогда, оставшись одинъ въ корридорѣ вмѣстѣ съ Нана и уступая безумному порыву гнѣва и страсти, графъ нѣжилъ за ней, и въ ту минуту, какъ она входила въ уборную, влѣпилъ ей отчаянный поцѣлуй въ затылокъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ висѣли маленькіе, блонкурные волосики. Онъ какъ будто отдалъ поцѣлуй, полученный наверху. Нана, рассерженная, уже занесла руку для удара. Но когда узнала графа, то улыбнулась.

— Охъ! какъ вы меня испугали,—замѣтила она.

И улыбка ея была очаровательна, какая-то сконфуженная и покорная, точно поцѣлуй этотъ пугалъ и радовалъ ее. Но она несвободна ни сегодня вечеромъ, ни завтра. И если бы даже она была свободна, то все-таки не сдалась бы сразу. Взглядъ ея высказалъ все это. Затѣмъ она прибавила:

— Знаете, вѣдь я стала помѣщицей. Да, я покупаю помѣстье близъ Орлеана, въ томъ краю, гдѣ вы бываете. Миѣ сказалъ это Жоржъ Гюгонъ, вы его знаете... Пріѣзжайте туда ко миѣ въ гости.

Графъ, удивленный грубостью своего движенія, конфузясь своего поступка, церемонно поклонился ей, обѣщая послѣдовать приглашенію.

И ушелъ точно во снѣ.

Онъ проходилъ мимо фойе, торопясь найти принца, когда услышалъ, какъ Сатенъ говорила:

— Ну, старый хрычъ, убирайся, оставь меня въ покоѣ.

То былъ маркизъ де-Шуаръ, приставшій, за неимѣніемъ лучшаго, къ Сатенъ. А ей хуже горькой рѣдьки надоѣли всѣ эти шикарные господа. Нана, правда, представила ее Бордनावу, и тотъ общалъ ей ангажементъ. Но ей такъ надоѣло сидѣть съ заштытымъ ртомъ изъ страха, какъ бы не ляпнуть какой-нибудь вздоръ, что она хотѣла наверстать потерянное время, тѣмъ болѣе, что наткнулась за кулисами на стараго любовника, фигуранта, игравшаго роль Плутона, пирожника ремесломъ, съ которымъ она прожила недѣлю, питаясь потасовками и любовью. Она дождалась въ фойе, сердясь, что маркизъ де-Шуаръ заговариваетъ съ ней, какъ съ одной изъ театральннхъ дамъ. Вдругъ она разразилась, съ видомъ оскорбленнаго достоинства:

— Сейчас придет мой мужъ, увидите!

Тѣмъ временемъ сцена опустѣла, артисты въ пальто, съ блѣдыми лицами, уходили одинъ за другимъ. Группы мужчинъ и женщинъ поминутно снусались съ узкой, витой лѣстницы, и на освѣщенной стѣнѣ мелькали профили продавленныхъ шляпъ, рваныхъ шалей, все безобразіе скомороховъ, стершихъ свои румяна. На сценѣ тушили огни, а принцъ все еще дожидался Нана, въ обществѣ Борднава. Онъ послалъ сказать двумъ офицерамъ, сидѣвшимъ въ его ложѣ, чтобы они подождали его у дверей. Онъ хотѣлъ проводить Нана. Когда та, наконецъ, появилась, на сценѣ царствовалъ совершенный мракъ; дежурный пожарный оканчивалъ свой обходъ съ фонаремъ въ рукахъ. Борднавъ, чтобы принцу не приходилось идти по нассаму Панорамы, велѣлъ отпереть проходъ, ведущій изъ лежи канельдинерши въ театральныя сѣни. А по проходу то-и-дѣло пробѣгали актрисы, которымъ хотѣлось спастись отъ мужчинъ, ожидавшихъ ихъ въ корридорѣ. Онѣ толкались, прижимая локти къ бокамъ, испуганно оглядывались и, только выбравшись на бульваръ, вздыхали свободно. А Фонтанъ, Боскъ и Прюльеръ уходили, забавляясь видомъ господъ, серьезно рассказывавшихъ по галереѣ театра въ то время, какъ женщины, которыхъ они дожидались, убѣгали въ другую дверь съ избранниками своего сердца. Но Кларисса поступила всегдѣ хитрѣе. Она опасалась засады со стороны Ле-Фалуза. И въ самомъ дѣлѣ онъ все еще сидѣлъ въ комнатѣ m-me Бронъ въ обществѣ господъ, упорно возсѣдавшихъ на стульяхъ у капельдинерши. Всѣ были на сторожѣ. Тогда она промчалась какъ молнія, за синной у одной подруги. Дожидавшіеся господъ хлопали глазами, одурѣвъ отъ шестеста юбокъ, проносившихся мимо нихъ, утомившись отъ долгаго ожиданія и въ отчаяніи отъ того, что никакъ не могутъ узнать въ толпѣ тѣхъ, кого имъ нужно. Семья черныхъ котятъ спала на клеенкѣ, прижавшись къ матери, раскинувшей съ довольнымъ видомъ лапы; а большой рыжій котъ, сидя на другомъ концѣ стола и вытянувъ хвостъ, глядѣлъ своими желтыми зрачками на пробѣгавшихъ мимо женщинъ.

— Если угодно пройти сюда,—говорилъ Борднавъ принцу, стоя внизу лѣстницы и указывая на проходъ.

Нѣсколько фигурантокъ все еще въ немъ толкались. Принцъ шелъ за Нана, маркизъ де-Шуаръ и графъ де-Мюффа слѣдовали за нимъ. То было нѣчто въ родѣ узкаго проулка между театромъ и сосѣднимъ домомъ, который покрыли небольшой покатою крышей съ стекольчатыми рамами. Сырость сочилась изъ черныхъ стѣнъ, покрытыхъ плѣсенью. Шаги звенѣли по полу, выложенному плитамъ, точно въ подземельѣ. Проходъ былъ заваленъ всякимъ хламомъ,

какой обыкновенно складывается на чердаках: тамъ стояли вёзлы, на которыхъ расправлялись декорацин, деревянныя рогаги, которыми по вечерамъ загораживали театр. Нана должна была приподнять платье, проходя мимо крапа воды, который плохо завернули и изъ него сочилась вода, образуя лужу. Въ сѣняхъ всѣ раскланялись другъ съ другомъ...

Мюффа, голова котораго горѣла, рѣшилъ дойти до дому пѣшкомъ. Борьба въ немъ утихла. Новый приливъ жизни смыслъ идеи и вѣрованія, которыхъ онъ придерживался въ продолженіи сорока лѣтъ. Въ то время, какъ онъ шелъ по бульвару, въ стужѣ запаздальныхъ каретъ слышалось ему имя „Нана“, въ свѣтѣ газовыхъ фонарей мерещились ему гибкія руки, бѣлыя плечи этой женщины. Онъ сознавалъ, что безвозвратно принадлежитъ ей, что онъ все бы отдалъ, отъ всего для нея отказался. Въ немъ вдругъ проснулась молодость съ ея ненасытной жадной наслажденій, прорвавъ холодную оболочку католика и чувство собственного достоинства зрѣлаго человѣка.

Я могу въ нѣсколькихъ словахъ передать весьма простую развязку. Нана портитъ все, до чего ни притронется и разоряетъ всѣхъ, кто съ ней сталкивается. Дѣйствительно, Мюффа приноситъ ей въ жертву и свое богатство, и свою честь. Она убиваетъ въ немъ привычки долголѣтней порядочности, она является той закваской, которая разлагаетъ расу, среду, воспитаніе—все. Драма и заключается въ этомъ. Ея не слѣдуетъ искать ни въ перипетіяхъ сложной фабулы, ни въ какой-нибудь мелодраматической развязкѣ.

Эмиль Зола.

ПИСЬМО ИЗЪ КРАКОВА.

ЮБИЛЕЙ КРАШЕВСКАГО.

3—5 октября, 1879.

I.

Литературное празднество, которымъ напомнилъ о своемъ существованіи старый „коронавскій градъ“ Краковъ, развѣнчанный когда-то Варшавою, а нынѣ опережаемый и затмѣваемый во многихъ отношеніяхъ нысочкою Львовомъ,—сложилось изъ нѣсколькихъ разнородныхъ элементовъ; эти элементы проявлялись на празднествѣ самостоятельно, и въ весьма различной степени интересовали тѣ группы лицъ, которыя приняли въ немъ участіе—духовенства и мірянъ, краковлянъ и галичанъ, поляковъ коронныхъ и разсѣянныхъ по всему свѣту, братьевъ-славянъ и западныхъ европейцевъ. Главныхъ элементовъ однако было два: одинъ мѣстный, для иностранцевъ совсѣмъ почти незамѣтный: открытіе краковскихъ „Суконницъ“, отстраиваемыхъ вновь съ 1876 г.; другой—литературный, выходившій далеко за предѣлы Кракова: чествованіе феноменальнаго человѣка, баснословно-плодovitаго, который, не переставая быть по профессіи исключительно только литераторомъ и не принимая на себя никогда иной роли, не только доставилъ польской литературѣ большую извѣстность за этнографическими границами своей народности, но и оказалъ на своемъ скромномъ посту громадные услуги своей націи, какъ гражданинъ, въ теченіи полулѣтія. Совпаденіе открытія Суконницъ съ Крашевскимъ было чисто случайное. Никто и не думалъ о юбилеѣ, когда приступлено было къ отстройкѣ вновь Суконницъ; уже во время постройки польская журналистика подняла вопросъ о приближающейся пятидесятилѣтней годовщинѣ литературной дѣятельности многопотрудившагося человѣка: краковскій библіографъ Карлъ Эстрейхеръ взялъ на себя перечислить произведенія Крашевскаго, но при всѣхъ стараніяхъ каталогъ остался все-таки неполнымъ, хотя и составилъ книжку, in 8°, въ 58 страницъ. Возникли также споры о разсчетахъ лѣтъ, такъ какъ въ печати первыя произведенія Крашевскаго появились только въ 1880 г. („Котлетки“, „Биографія Органиста“, въ сборникахъ; первая отдѣльно напечатанная повѣсть: „Панъ Валерій“, пропущена цензурою въ декабрѣ 1880 г.). Надлежало бы собственно избрать 1880 г., но за точку отправленія были взяты, при опредѣ-

леніи времени, рукописныя работы 1829 г. по составленію польско-руско-французскаго словаря и по исторіи польскаго языка, представленны на конкурсъ для полученія каведры въ виленскомъ университетѣ. Слабое здоровье юбиляра и нетерпѣніе публики, симпатично отнесшейся къ мысли объ увѣнчаніи популярнѣйшаго изъ польскихъ писателей, заставили перенести празднованіе съ 1880 года на 1879.

Гдѣ праздновать юбилей?—Ни мѣсто воспитанія Крашевскаго, ни мѣсто его рожденія, гдѣ языкъ его хотя живетъ въ частномъ кругу и въ театрѣ, но все же не пользуется правами, равными съ западными языками, и гдѣ потому не преподается въ школахъ исторія его литературы,—не могли быть избраны для юбилея. Нельзя было также предложить Познань, гдѣ хотя и предоставлены для конкуренціи съ нѣмецкою культурою мѣстнымъ славянамъ всѣ легальныя средства, но борьба происходитъ слишкомъ неравная, и совершается систематическое вытѣсненіе германскою расою не только коренного жомѣщика, но и коренного польскаго мужика. Оставалась только Галиція, а въ ней именно одинъ изъ двухъ центровъ: Львовъ, либо Краковъ. Между этими центрами существуетъ глубокий, ничѣмъ неизгладимый антагонизмъ, гораздо болѣе рѣзкій, нежели между Берлиномъ и Вѣною, или Москвою и Петербургомъ. „Станчиками“ обзываютъ львовянина представителей краковской интеллигенціи, на что краковянинъ отвѣчаетъ презрительно такимъ же прозвищемъ: „трумтадраты“.—Въ сущности обѣ клочки не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла. Трумтадраты—этимологически однородно съ выраженіями: аристократія, демократія, плутократія, и обозначаетъ господство безшабашныхъ болтуновъ, политическихъ вертопраховъ, анархистовъ,—но со шляхетскими привычками „liberum veto“, и которые превратились въ демагоговъ, послѣдователей начала: „liberum conscripto“, людей занятыхъ не настоящимъ дѣломъ, а раздуваніемъ кузнечными мѣхами огня энтузіазма, который, по ихъ понятіямъ, безъ нихъ совсѣмъ бы погасъ. Станчикъ былъ придворный шутъ короля Сигизмунда I, котораго Матейко и изобразилъ на известной картинѣ,—нѣчто въ родѣ польскаго Трибула. Въ 1870 г., трое талантливыхъ писателей: Шуйскій, Тарновскій, Козмишъ, пустили въ ходъ такъ-называемый „Портфель Станчика“ (TeKa Stańczyka), въ которомъ бичевали польское движеніе 1863 г. Операция была неприятная, струи воды, пускаемой ими на пациентовъ, были черезъ-чуръ холодны; упомянутые „станчики“ и теперь продолжаютъ такъ дѣйствовать. Неизмѣнный секретарь краковской академіи, первоклассный историкъ, бойкій памфлетистъ, Іосифъ Шуйскій на юбилейномъ завтракѣ литераторовъ 5 (17) октября самъ себя опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: „Я, господа, шестнадцать лѣтъ какъ состою въ пожарной командѣ;

гдѣ горить — тамъ и являлись съ трубами; много я получилъ на этой службѣ ушибовъ и ожоговъ, но вѣренъ остался девизу, которому не годится намъ не слѣдовать подъ страхомъ матерубійства: „бери цѣли по силамъ“. За то — чего-чего не ввозили на станчики: и клерикалы они, и аристократы, и эмигранты Веленольскаго, и перелѣтные „москалы“.

Въ сущности обѣ характеристики одинаково несостоятельны. И въ Львовѣ много трезвыхъ головъ, разсудительныхъ людей, но все-таки надо признаться, что въ этомъ городѣ, гдѣ первымъ журналистомъ состоитъ Добржанскій, или такъ-называемый „король Янъ IV“, цинически мѣняющій убѣжденія, гдѣ пишеть загрязненный многими безчестствами, но остроумнѣйшій изъ польскихъ сатириковъ Лямъ, тамъ почва подъ ногами сильно трутладратическая; празднество не могло бы быть выдержано въ этомъ городѣ въ одномъ характерѣ; прорвались бы силою вещи непріятныя, — были бы выкладки весьма неудобныя, и само австрійское правительство могло бы не согласиться на празднество ради своихъ добрыхъ отношеній къ сосѣдямъ. Съ другой стороны, и „станчики“ терпятъ совершенную напраслину отъ своихъ недоброжелателей: вожди ихъ вовсе и не клерикалы, хотя были противниками заносчивой въ „Kulturkampf“ политики Бисмарка, и не аристократы. Положимъ, Тарновскій — графъ, но и донинѣ ему не могутъ забыть его „Порціи“, — статьи, въ которой онъ ополчался на помещиковъ за эксплуатируемый экономически крестьянскій народъ посредствомъ хитрыхъ формъ личнаго найма и аренды. Какой же аристократъ Шуйскій, который требуетъ демократіи, но очищенной отъ анархическихъ привычекъ, дисциплинированной, консервативной (*O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki*, 1877). Они всѣ немного доктринеры, и непривычному къ послѣдовательности обществу становится порою жутко въ этикъ леденящихъ тискахъ неумолимо строгой логики, непригодной для этого общества по его темпераменту; вотъ почему „станчики“ вообще мало популярны, но они составляютъ превосходно сложенную армію съ ограниченной, правда, но вполне осмысленною программой, — армію, которая кое-что сдѣлала, опредѣлила образъ дѣйствія внѣ-россійскихъ полковъ во время восточной войны, и парализировала всѣ попытки англійскихъ агентовъ и вербовщиковъ. „Станчики“ только и могли свить себѣ гнѣздо въ Краковѣ, гдѣ люди, по-неволѣ, становятся серьезнѣе, чтобы не мѣшать покою мертвецовъ, гдѣ камни краснорѣчивѣе людей, гдѣ отъ высокихъ башенъ вѣетъ спокоемъ, величіемъ, торжественностью. Только Краковъ и могъ послужить прилично для юбилея обстановкою.

Но Краковъ малъ и тѣсенъ, гдѣ устроить торжество? — Един-

ственно возможное всепачиш представляли Суконницы, которая городская краковская дума рѣшила какъ можно скорѣе во дни торжества окончить, не поспѣвъ, сверхъ истраченныхъ на отстройку полумилліона гульденовъ, еще десятка тысячъ на пріемъ и угощенія. Но предпріятіе встрѣтило себѣ препятствіе въ средѣ самихъ краковянъ. Въ той партіи, которую обзываютъ общимъ именемъ „станчиковской“, обрѣтаются, конечно, всякіе люди: и ультрамонтаны, памятующіе, что Крашевскій ратовалъ противъ догмата непогрѣшимости папы, и узавленные не слишкомъ лестными изображеніями польской знати въ романахъ Крашевскаго аристократы. Поэтому вліятельнѣйшіе изъ вожаковъ партіи возражали, что они не признають за юбиляромъ особенной геніальности, или имѣють съ нимъ личные старые, не сведенные пока счеты (проф. Тарновскій), съ тѣхъ еще поръ, когда Крашевскій, поселившись съ 1863 г. въ Дрезденъ, издавалъ подъ именемъ „Волеславита“ свои критическіе „Итоги“ (Rachunki), въ которыхъ препирался съ своими краковскими разномышленниками довольно рѣзко и сердито. Но всякая оппозиція должна была уступить передъ натискомъ извнѣ, передъ подхваченною въ мигъ и разнесенною повсюду, гдѣ только есть польскій элементъ, идеею о юбилей. Не дожидаясь его, устраивались въ честь Крашевскаго стипендіи, издавались въ Варшавѣ въ его пользу отборнѣйшія его сочиненія, составлялся юбилейный сборникъ въ нѣсколькихъ томахъ, въ которомъ нѣсколькими десятками историковъ и критиковъ разобраны его дѣятельность и произведенія во всевозможныхъ отношеніяхъ. Очевиднымъ становилось, что общество польское въ Крашевскомъ чувствуетъ и вѣнчаетъ свою культуру и желаетъ произвести смотръ своимъ умственнымъ силамъ, удостовѣриться въ своей зрѣлости, съѣхавшись на празднество чисто-литературное, безъ всякаго политическаго значенія, которое по самому своему характеру никого бы не обезпекло, да и между собравшимися не дало бы повода, какъ то иногда случалось, къ послѣдующимъ раздорамъ и пререканіямъ.

День открытія Суконницъ и начала юбилейнаго обряда назначено было 18 (30) сентября, но этотъ день оказался неподходящимъ для познанцевъ по причинѣ совпадавшихъ съ нимъ выборовъ въ прусскій сеймъ; пришлось отложить праздникъ на три дня, съ 30 сентября на 3-ье октября, причемъ не обошлось безъ попытокъ раздѣлить оба торжества: тогда мѣстные элементы явились бы все на открытіе Суконницъ, послѣ чего отъ отдѣленнаго извѣстнымъ промежуткомъ юбилейнаго торжества могли бы уклониться лица, нерасположенныя къ юбиляру, что послужило бы новымъ доказательствомъ старой истины, что нельзя всѣмъ на свѣтѣ угодить. Городская дума, подъ предсѣдательствомъ Н. Зыблиевича, рѣшила однако соединить оба

акта, перенесся нѣхъ на 3-ье октября (21 сентября). До послѣдней почти минуты оставалось неизвѣстнымъ, приметъ-ли въ церемоніяхъ участіе высшее духовенство, пока не явился выѣхавшій изъ Кракова епископъ Дунаевскій. Одновременно разнеслось извѣстіе, что австрійскій императоръ оказалъ особое вниманіе польскому писателю не-австрійцу, пожелавъъ ему помянореліе знаки ордена Франца-Иосифа, что придадо по необходимости празднеству нѣкоторый официальный, черпашелтый оттѣнокъ, выступавшій однако въ довольно рѣдкихъ моментахъ. Оба обряда соединились, такимъ образомъ, въ одно цѣлое по совершенно вѣдшей причинѣ: одинъ—какъ устройство сцены дѣйствія, другой—какъ введеніе на эту сцену главнаго дѣйствующаго лица. Была ли между обонимъ этими предметами другая связь—внутренняя, подходила ли сцена къ личности юбиляра, соотвѣтствовала ли ей? Я полагаю, что соотвѣтствовала въ весьма значительной степени.

II.

Что такое Суконницы (Sukiennice)? — Большой базаръ, родъ го-
стиннаго двора на главной площади Кракова. На этой площади, по
срѣдинѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ великолѣпной готической
кирпичной церкви св. Дѣвы Маріи и неподалеку отъ королевскаго
зѣмка на исторической горѣ Вавель, стояли нѣкогда двумя рядами
каменныя лавки, съ отведенными ларями, въ которыхъ продавались
сукна (Краковъ принадлежалъ къ Ганзейскому Союзу и велъ оживлен-
ную торговлю съ Германіею и Нидерландами). Въ послѣднемъ деся-
тилѣтїи XIV столѣтія при королѣ Ягеллѣ рѣшено было всѣхъ сукон-
ныхъ лавонъ (самегае раппогимъ) образовать одинъ суконный крытый
домъ (раппитхека). Эта работа поручена была нѣмцу мастеру Мар-
тину Линдентольдѣ. Этотъ строитель возвелъ продолговатымъ четверо-
угольнымъ зданіе, съ двумя на-крестъ пересѣкающимися проходами,
продольнымъ и краткимъ поперечнымъ, составляющими продолженіе
улицъ, пересѣкающихся въ срединѣ площади подъ крамными углами.
Стѣны постройки были готическія, стѣны низкія поддерживались
контрфорсами и облѣплены множествомъ пристроекъ; въ стѣнахъ
на высотѣ были окна, пропускавшія свѣтъ во внутренность базара.
Все строеніе прикрыто было высокою деревянною островерховою
крышею, прорѣзанною множествомъ служебныхъ оконекъ. Таковы были
первоначальныя Суконницы, когда пожаръ 1555 г. уничтожилъ все
деревянное, съ крышею и стропилами, и оставилъ голыя стѣны. Случился
этотъ пожаръ, когда и городъ былъ весьма богатъ, и въ пол-

номъ было цѣту и распространенію модное по тому времени искусство возрожденія. Возобновленіемъ ихъ занялся итальянецъ *Джованни-Марія Падовано* или *Падуанецъ*, прозванный *il Mosco* (москочить?). Этотъ зодчій, бывшій въ то же время отличнымъ скульпторомъ, воспользовался уцѣлѣвшими стѣнами въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ построилъ Линдинтольдъ, но, вмѣсто деревяннаго потолка, онъ прикрылъ базаръ круглымъ кирпичнымъ сводомъ, вслѣдствіе чего базаръ превратился въ тоннель, а крыша на чердакѣ его вышла плоская. Чтобы закрыть ее, Падовано надъ карнизомъ устроилъ декоративный маскирующій ее аттикъ, являющій видъ второго (фальшиваго) этажа, съ пиластрами и нишами, съ зубчатыми линиями верха стѣнъ, гдѣ на столбикахъ, соединенныхъ эсами, посажены были въ перемежку — то вазы, то смѣющіяся и кривляющіяся рожи уродливыхъ масокъ. Красота зданія была чисто внѣшняя; надо отдать справедливость Падовано, что онъ искусно согласовалъ готическій стиль основанія съ ренесансомъ вершины, но тѣмъ онъ и ограничился. Внутренность базара была самая невзрачная. Мало-по-малу, суконная торговля изъ него ушла, и превратился онъ въ толкучій рынокъ: неопрятный, темноватый и вонючій. Не будучи никогда поправляемо, старое зданіе портилось и обваливалось, крошилась штукатурка, осыпались орнаменты, трескались стѣны.

Въ 1869 г., городская дума совершила громадный подвигъ, рѣшила реставрировать Суконницы, не пожалѣвъ издержекъ, которыя оказались весьма велики, сравнительно съ средствами города, имѣющаго немногимъ больше 50 т. жителей. Задача поставлена была весьма не легкая: во-первыхъ, сохранить вполнѣ стиль постройки, сдѣлавшійся традиционнымъ, легендарнымъ; не портить сревневѣковаго Кракова, вставляя модную современную вещь, вмѣсто характерной старой, на той, всѣмъ съ дѣтства по изображеніямъ извѣстной, площади, которая для цѣнителя и любителя искусства въ его историческомъ развитіи немислима безъ формъ, гдѣ готическое сочеталось съ итальянскимъ; во-вторыхъ, устроить нѣчто комфортабельное, удобное, соответствующее всѣмъ гигиеническимъ требованіямъ современной архитектуры, дать много свѣта, воздуха, воды, соединить красивое съ полезнымъ, ввести возможное изящество въ область обиденнаго и вульгарнаго. Эти задачи выполнилъ съ замѣчательнымъ умѣніемъ и искусствомъ инженеръ *Осма Прилинскій*, при дружномъ содѣйствіи краковскихъ археологовъ и артистовъ. Прежде всего, площадь вся очищена, снесены всѣ деревянные лари, бутки, пристройки, даже старинная гаутвахта. На всей площади остались всего три постройки: Суконницы, балная не существующей уже ратуши, да маленькая церковь св. Войтѣха въ стилѣ барокко, стоящая

на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, училъ и проповѣдывалъ чехъ-апо-
столъ Подѣши. Стало на площади просторно, по всѣмъ направленіямъ
открылись красныя перспективы. Во всю длину зданія, съ обѣихъ
его боковъ, очищенныхъ отъ прилѣпившихся къ нимъ пристроекъ,
идутъ теперь красивыми огибальными аркадами два перестіла въ
строого-готическомъ вкусѣ; надъ карнизомъ поставлены легкія, изва-
яныя тонею въ видѣ кружева, каменные перила. Аттикъ остался,
но онъ пересѣченъ на-крестъ поперечнымъ флигелемъ, который про-
долженъ до самаго карниза и образуетъ два боковые фасада, укра-
шенные лѣною работою. На одномъ фасадѣ устѣлись двѣ загадочныя
Діаны, на другомъ, по рисунку Матейки, помѣщены, съ одной сто-
роны, бойкій пѣтухъ на смѣющейся маскѣ и спѣсивый индюкъ на
печальной. По угламъ устроены эркера. Эти эркера, боковые фли-
гели и прорѣзанный ими аттикъ образуютъ просторный верхній
этажъ, посвященный музеямъ, школѣ живописи, искусству, между
тѣмъ какъ тоннель отведенъ мелкому торгашеству, а подъ арка-
дами устроились нарядныя лавки. Трудно передать всю роскошь укра-
шеній: причудливыя рѣзныя капители колоннъ образованы изъ пере-
плетающихся растений, гирляндъ, изъ нагихъ дѣтей, поясныхъ фигуръ
мужскихъ и женскихъ. Въ ажурныхъ желѣзныхъ воротахъ, стѣн-
ныхъ желѣзныхъ украшеніяхъ и висячихъ фонаряхъ кузнецъ сопер-
ничалъ съ скульпторомъ. Все зданіе имѣетъ цѣлый гармоническій
характеръ, какъ-будто бы оно было осуществленіемъ одного артисти-
ческаго замысла, какъ-будто бы одинъ человѣкъ его задумалъ и
исполнилъ, какъ-будто бы въ этомъ сложномъ цѣломъ, промыселъ
былъ органически связанъ съ искусствомъ, и цвѣтъ искусства былъ
только продолженіемъ и увѣнчаніемъ стебля промышленности. Не
ждите въ этой работѣ вдохновенія оригинальности, имъ вообще не
можетъ похвалиться нашъ вѣкъ, который беретъ все больше умѣніемъ,
нежели своеобразною новизною; но подъ средневѣковыми формами
васъ поражаетъ совсѣмъ не средневѣковое содержаніе; вы осозаете
въ этой стройной работѣ господство буржуазіи, воцареніе того сред-
няго состоянія, которое, расчищая мѣсто для будущей демократіи
и образуя переходное звено, между средними вѣками и демократи-
ческимъ будущимъ, пробавляется старыми идеалами, распоряжается,
точно своимъ добромъ, наслѣдствомъ, которое ему досталось даромъ
отъ вымершей цивилизаціи, создавшей готическіе соборы, рыцарскіе
замки и дворцы королей. Я полагаю, что эти особенности архитек-
турной реставраціи Суконницъ и служатъ точками соприкосновенія
между возобновленнымъ зданіемъ и Крашевскимъ.

Родившійся 1812 года въ Варшавѣ, кончившій воспитаніе въ
Вильнѣ, Игнатій-Іосифъ Крашевскій до конца 1862 года жилъ въ

предѣлахъ Россіи, подвизался какъ литераторъ и журналистъ сначала въ волынской губерніи, потомъ въ Варшавѣ, откуда и долженъ былъ выѣхать въ тихій и скромный Дрезденъ. Хотя и коренной шляхтичъ, онъ, однако, человекъ новый, добывшій самъ свою славу, и притомъ стяжавшій эту славу единственно только какъ литераторъ, только перомъ, только посредствомъ усидчивой кабинетной работы. Никогда не пытался онъ группировать вокругъ себя людей одного съ нимъ направленія, не только онъ себя не предлагалъ въ возмѣтне какой бы то ни было партіи, но и не принадлежалъ ни къ какой партіи, а дѣйствовалъ особнякомъ, угадывая потребности публики, стараясь имъ удовлетворить, не забывая значительно впередъ, идя съ большинствомъ шагъ за шагомъ, но всегда въ духѣ умѣренного прогресса. Если его нельзя назвать писателемъ гениальнымъ, ни даже просто новаторомъ, если, написавъ цѣлыя сотни повѣстей, онъ создалъ въ этихъ повѣстяхъ весьма немного неувадаемо-живыхъ типовъ, такъ какъ онъ больше наблюдалъ и фотографировалъ,—то все же онъ наблюдалъ и фотографировалъ съ такимъ увлеченіемъ и успѣхомъ, что на основаніи однихъ только его повѣстей можно бы составить по ихъ портретамъ физиологію нѣсколькихъ смѣнившихся одно послѣ другого поколѣній, въ особенности въ періодъ съ 1830 по 1863 годъ. Аналитическимъ умомъ онъ не отличался, и не былъ теоретикомъ неизмѣнно вѣрнымъ однимъ и тѣмъ же началамъ: ему приходилось иногда мѣнять убѣжденія, убѣдившись въ противномъ; но искреннѣе онъ былъ и при этой переменѣ, и проповѣдывалъ только то, во что горячо вѣрилъ. Человекъ сердечный и сильный инстинктомъ, Крашевскій не только наблюдалъ, но и заключалъ, направлялъ, судилъ. Сужденія его, это—сужденія человека образованнаго, гуманнаго, принадлежащаго къ упомянутому мною среднему классу, неимѣющему никакого опредѣленнаго состава, но пополняющемуся какъ изъ всего того, что выдвигается изъ массы по уму и талантамъ, такъ и изъ того, что изъ шляхетской среды и изъ аристократіи вошло сознательно въ широкое русло потока времени, желая жить, а не безцѣльно умирать. Рѣшительный противникъ привилегіи и неволи, Крашевскій поработалъ много въ пользу отмены крѣпостного состоянія, посвятивъ поддѣканію его корней самия сильныя изъ своихъ произведеній. Къ отживающимъ идеалистамъ стараго строя онъ питалъ всегда нѣкоторое сочувствіе, но, изображая ихъ порою симпатическими чертами, онъ никогда не скрывалъ, что они отходящіе (*Morituri*—такое заглавіе одного изъ его романовъ), и притомъ отходящіе бесплодно, бездѣтно, никѣмъ неоплакиваемые. Слабость его къ людямъ прошлаго понятна—онъ самъ принадлежалъ въ Польшѣ къ разряду тѣхъ, которыхъ въ Россіи привыкли называть „людьми со-

роковыхъ годовъ"; онъ несъ передъ собою свѣточъ идеала и всего больше ратовалъ противъ разнузданности страстей, противъ грубыхъ ортій силы и эгоизма; „я всегда предпочиталъ—говоритъ онъ—братство борьбъ за существованіе, и стоялъ за правъ слабого противъ правъ кулака". Всѣ роды литературы онъ испробовалъ, сочинилъ многотомныя историческія произведенія (Исторія Вильны, Исторія трехъ раздѣловъ Польши), древнелитовскій эпосъ стихами (Anafielas), писалъ комедіи, драмы, цѣлый циклъ повѣстей изъ древняго быта Польши, издавалъ историческія записки, но проявилъ главнымъ образомъ свое мастерство въ простѣйшемъ родѣ литературы, въ простой безпритязательной повѣсти, читаемой даже такими слоями общества, которыя ищутъ въ литературѣ развлеченія, и которымъ болѣе серьезное чтеніе затруднительно или недоступно. Если сообразить, что Крашевскій написалъ 250 болѣею частью многотомныхъ произведеній, въ 440 томахъ, и безчисленное множество корреспонденцій; что производительность его не только не слабѣетъ, но съ годами растетъ; что за послѣдніе 4 года, 1875 — 1879, онъ напечаталъ 60 оригинальныхъ произведеній—повѣстей, біографій (по 15 въ годъ), то легко себѣ представить ту громадную извѣстность, которою онъ пользуется. Нѣтъ писателя, который былъ бы одинаково съ нимъ популяренъ и повсемѣстно любимъ, благодаря своему принимающему и къ единенію приводящему вліянію. Его бы можно сравнить съ широкою рѣкою, имѣющею неглубокій фарватеръ, тихо и ровно плывущею средь невысокихъ и несклнстыхъ береговъ. Таковъ герой юбилейнаго праздника, которое мы и прослѣдимъ въ главнѣйшихъ его фазисахъ.

III.

Юбилейный комитетъ, составленный главнымъ образомъ изъ членовъ городской думы, *никого* не приглашалъ, а брался только разиѣстить ожидаемыхъ гостей и доставить имъ возможность участвовать въ главныхъ моментахъ праздника. За нѣсколько недѣль назначенъ былъ срокъ, въ которому могли записываться гости и присылать деньги на обѣдъ по подпискѣ—предосторожность излишняя, такъ какъ число пріѣхавшихъ въ Краковъ достигло громадной цифры 11,200 человѣкъ. Необходимость заставила потѣсниться. Краковчане рѣшили уступить свои билеты въ театръ и на обѣдъ пріѣзжнимъ по сѣтителямъ. Гостинницы не могли бы помѣстить и десятой доли пріѣзжихъ, если бы комитету не помогло частное гостепріимство. Каждый мало-мальски зажиточный человѣкъ принималъ изъ себя,

сколько могъ, прїѣзжихъ; варшавскіе наборщики помѣщались и угощались краковскими, адвокатъ останавливался у адвоката, литератору отводилась квартира у литератора. Нѣкоторыя гостиницы рѣшили брать съ заграничныхъ посѣтителей цѣны за номера обыкновенныя, такъ что, несмотря на многолюдство, не ощущалось особенныхъ неудобствъ отъ тѣсноты. Депутация, съ вице-президентомъ города Вейгелемъ во главѣ, отправилась за юбиляромъ въ Дрезденъ; къ распоряженію ея былъ данъ особый вагонъ І-класса, въ которомъ Крашевскій и прїѣхалъ 2-го октября въ четвертомъ часу пополудни. Городъ извѣщенъ былъ о прїѣздѣ стѣнными афишами, но довольно поздно; несмотря на то, тысячъ пять народа собрались на вокзалѣ желѣзной дороги. Студенты съ розовыми кокардами на груди и добротная пожарная команда въ своихъ официальныхъ мундирахъ образовали черезъ весь вокзалъ до разѣздного крыльца двѣ живыя стѣны, между которыми прошелъ юбиляръ, окруженный членами городского совѣта при оглушительныхъ крикахъ: *pięch żyje!* У крыльца размѣстились ремесленные цехи со своими значками и хоругвями; эта импровизированная гвардія окружила экипажъ, въ который усьѣлись Крашевскій съ бургомистромъ Зыбликевичемъ,—она-то разстроила затѣи и попытки нѣкоторыхъ болѣе пылкихъ энтузіастовъ, хотѣвшихъ выпрягать лошадей и тащить экипажъ на себѣ. Скромный фіакръ, освѣщенный хоругвями цеховъ, и являвшій, такимъ образомъ, подобіе колесницы триумфатора, употребилъ полчаса времени, чтобы пробраться съ вокзала до отстоящей отъ него на полверсты Дрезденской гостиницы, гдѣ запросто и для всякаго изъ безчисленныхъ посѣтителей доступно помѣстился скромный виновникъ праздника. Таковъ былъ краткій прологъ представленія, имѣвшій характеръ преимущественно городской, буржуазный. Вечеръ былъ посвященъ нѣсколькимъ неизбежнымъ визитамъ, къ властямъ, къ профессору Тарновскому, которому протянута была юбиляромъ рука для преданія забвенію прошлой полемики. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, и во многихъ ярко освѣщенныхъ окнахъ красовались бюсты или портреты Крашевскаго, его сухощавая фигура, сгорбленная, окладистая борода пестянаго цвѣта съ просѣдью, морщинами покрытое лицо, все выраженіе котораго сосредоточивается въ характерныхъ складкахъ чела отъ вѣчно напряженнаго вниманія, и въ необычайно живыхъ глазахъ. Какъ въ этотъ день, такъ и въ предшествующій только кончались работы по очисткѣ площади и Сукованицъ отъ мусора и щепокъ.

Настоящее празднество открылось въ пятницу, 3-го октября, и явилو прежде всего практическій примѣръ совершеннаго разобщенія духовнаго съ свѣтскимъ, отдѣленія церковныхъ церемоній отъ гражданскихъ. Началось, какъ подобаетъ, съ божественнаго, от-

служона со всімъ великозвѣщемъ обѣдня въ архипресбитеріальной городской громадной готической церкви св. Маріи, съ башни вежорой, по древнему уставу и обычаю, дежурный стражникъ днемъ и ночью трубить гейналы, оговѣщающіе конецъ каждаго часа. Прелестная была игра свѣта въ цѣлѣнныхъ окнахъ хора. Увѣиъ корпусъ церкви битвомъ былъ набитъ мублиною, острые высокіе своды отражали превосходно звуки церковныхъ пѣсней, положенныхъ на музыку старинными мастерами-композиторами, начиная съ XVI вѣка. Особенно выдѣлялся звучный пріятный голосъ сопрано пѣвицы Слугонькой, крестной дочери Крашевскаго. Въ пресбитеріумѣ, на возвышеніи передъ алтаремъ, рѣзныя скамьи канониковъ и нѣсколько рядовъ стульевъ были отведены по обѣ стороны для почетныхъ гостей и делегатовъ, привезшихъ адреса и подарки, числомъ до двухсотъ человѣкъ. Какъ въ церкви, такъ и вообще во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и обрядахъ, вплоть до заключительнаго бала, прекрасный полъ отсутствовалъ, остракизмъ распространился даже на дамъ-писательницъ. Дамъ въ пресбитеріумѣ не было, имъ отведены были только церковные хоры. Печальныя цвѣта бѣлый съ чернымъ мужскихъ фраковъ и галстуховъ разнообразились появленіемъ золоченыхъ цѣпей на груди университетскихъ депутатовъ и яркихъ національных польскихъ востановъ, жулановъ, контушей, пояснотъ, карабелей, колнаковъ съ брилліантовыми брошьями и цѣпными перьями. Юбилара усадили у самаго алтаря, окруженнаго братьями и племянниками, а воокъ него помѣщались маршалъ галиційскаго сейма гр. Водницкій и бургомистръ Зыбливевичъ. Обѣдня обонилась безъ провонѣди, обыкновенно связующей церковный обрядъ съ интересами настоящаго момента.

Послѣ обѣдни былъ совершенъ крестный ходъ черезъ площадь въ самый нижній тоннель, впервые открываемый официально. По освященіи зданія епископъ пронахесъ слово, въ которомъ не было ни проину о юбиларѣ, ни намекъ на юбилей, а престо воздаіе хвалы Господу, за приведенную въ копецъ постройку, и назиданіе людямъ, чтобъ они жили благочестиво и богобоязненно. Тутъ, какъ бы кто нехотъ отрѣзалъ: актъ церковный кончился, краковскій епископъ нехотъ и не показывался больше, даже на торжественномъ обѣдѣ; главне-думи отправлялись на верхъ подписывать протоколъ откритія зданія, юбиларъ уѣхалъ къ старостѣ львовскому, помощнику на-мѣстника Бадѣни—получать австрійскій орденъ на него, который онъ съ тѣхъ поръ носилъ все время вмѣстѣ съ нежалованною ему прежде итальянскою звѣздой Corona d'Italia; замѣтнымъ минеходомъ, что оба къ нему нехотъ не шли, тохно ни они для него не созданы, ни онъ для нихъ.

Въ часъ потомъ, въ томъ же самомъ тоннелѣ началось чествованіе юбиляра при слѣдующей обстановкѣ. Изъ двухъ поперечныхъ ходовъ одинъ былъ закрытъ и преобразованъ въ темный альковъ; къ нему примыкала эстрада въ нѣсколько ступеней. На ней поставлено кресло для юбиляра, шкапъ по замыслу библиографа Эстрейхера, наполненный одними только его произведеніями, столъ для раскладки даровъ. Оба длинныя конца тоннеля переполнены публикою. Черезъ главный входъ съ Сѣнной улицы, прямо ведущей на эстраду и къ алькову, пропускаются только делегаты обществъ, учреждений, областей. У входа военная музыка, подъ руководствомъ композитора Желенскаго, исполняетъ кантату въ честь Крашевскаго, сочиненную лучшимъ современнымъ польскимъ лирикомъ Аснйкомъ (онъ же и секретарь юбилейнаго комитета). Кантата весьма проста, безъ пафоса и гипербола, и выражаетъ счастье того, кто въ новыхъ занимающихся заряхъ ясно видитъ грядущее возрожденіе; кончается же она утвержденіемъ въ томъ, что живъ еще народъ, и великъ онъ, когда онъ возобновляется, рождая такихъ сыновъ. Съ трудомъ пробивается черезъ музыкантовъ на эстраду бургомистръ Зыблиевичъ, успѣвшій переодѣться въ національный эффектный, но рѣжущій глаза костюмъ: жупанъ на немъ бѣлый, атласный, контушъ бархатный, свѣтлоглубой, сапоги желтые, поясъ и эфесъ сабли украшены бирюзой и кораллами. Онъ настоящий руководитель хора, онъ отыскиваетъ шестіе даровосцевъ краткою рѣчью, въ которой примѣняетъ къ Крашевскому римское изреченіе о Помпее: *plura bella gessit, quam caeteri legerunt*, съ легкимъ измѣненіемъ: „Крашевскій болѣе написалъ книгъ, нежели иные во всю свою жизнь ихъ прочли!“—За тѣмъ на эстраду вступали поочередно вызываемые вице-президентомъ города Вейгелемъ записавшіеся представители и делегаты земель и обществъ по одиночкѣ или группами и въ краткихъ, но теплыхъ словахъ, привѣтствуя его, передавали ему свои подарки, вѣнцы, альбомы, картины, статуэтки. Были дары весьма цѣнные: отъ поляковъ въ Италіи вѣнецъ изъ серебра и золота, въ ящикѣ изъ флорентинской мозаики; серебряный свитокъ съ вырѣзаннымъ адресомъ на немъ изъ Стокгольма; ожезство чернильницъ, перьевъ, рогъ турій бѣловѣжскій, печать въ формѣ минарета, вѣчающаго каменецъ-подольскій соборъ, золотыя ворота кievскія въ миниатюрѣ, серебряная статуэтка, изображающая Гедимина, работа умершей валтальницы г-жи Скриунтъ, пресь-палье изъ горнаго хрустала отъ поляковъ въ Сибири, значъ съ древними монетами отъ купеческихъ приказчиковъ варшавскихъ, серебряная чаша отъ поляковъ изъ Чинаго, работы изъ янтара отъ жителей Данцига, вѣщицы изъ Вельги и Нью-Йорка, Парижа и Дерпта, даже такіа бездѣлки, какъ сапоги отъ какого-то варшавскаго сапожника,

глыба соли отъ соленомовъ въ Величкѣ, пирамида изъ огородническихкихъ растений отъ крестьянъ изъ Черной Беси, бывъ Кракова, колоссальные глыба и испанискій перестъ, присланный изъ Варшавы, который рѣзался на части для укладки въ вагоны. Число подарковъ простиралось до 60, не считая полтораста дипломовъ, адресовъ и книгъ. Если бы каждая изъ взявшихъ о себѣ 120 делегаций говорила только пять минутъ, то и въ такомъ случаѣ обрядъ продолжался бы 10 часовъ.—Громкія рукоплесканія приветствовали представителей польскихъ художниковъ въ Италіи, въ томъ числѣ Семирадскаго, делегата отъ Австраліи Жабу, итальянца отъ новооткрытой академіи Мидзевича въ Болоніи, устроенной итальянцами, но настоящій градъ рукоплесканій встрѣтилъ современныя соотечественниковъ галиційскихъ поляковъ въ австрійскомъ рейхсратѣ, пріѣзжихъ чеховъ и моравовъ, адвоката Тоннера въ черной чамаркѣ, давнишняго полонофила, выражавшагося на польскомъ языкѣ, Челяшковскаго, Фандерлика, Чигалика, произносившихъ свои приветствія на родномъ чешскомъ языкѣ, столь внятно однако, что каждое изъ словъ слушавшіе понимали, и убѣждались, что, между славянами, они съ чехами родные братья, а не далекіе какіе нибудь родственники. — Послѣ какихъ-нибудь двадцати рѣчей, по предложенію Вейгеля прерванъ былъ дальнѣйшій ходъ на эстраду остальныхъ депутацій, удовлетвовавшихся тѣмъ, что имена ихъ будутъ переданы въ газеты,—всталъ юбиляръ и, разгоня столбами стоявшій дымъ отъ сигаръ, прочелъ по печатному среди водворившейся глубочайшей тишины свою отвѣтную рѣчь.

Не мастерь говорить, Крашевскій сообщался съ публикою тѣмъ способомъ, какимъ бесѣдовалъ почти ежедневно съ сотнями тысячъ читателей, то-есть, просто читалъ. Не будъ этого ослабляющаго впечатлѣнія обстоятельства, мы признали бы эти полчаса кульминаціоннымъ моментомъ праздника,—до того они опредѣляли ясно, точно, безъ ведемолвокъ, значеніе праздника и тотъ родъ чувства, который находилъ въ немъ свое удовольствіе. Передъ слушателями стоялъ не триумфаторъ, но на краю гроба находящійся старецъ, который, читая публичную исповѣдь, навѣ въ первыя времена христіанства, смирялся и произносилъ самъ надъ собою строгій и въ сущности глубоко-безпристрастный приговоръ. Главная заслуга его только—любовь къ родному. Чтѣ заставило его работать—ему неизвѣстно, но только не жажда славы или надежда наградъ. Дни своего современнаго народа онъ всегда считалъ съ момента политической смерти этого народа, только съ 1772 г. идетъ, по его понятіямъ, нравственное возрожденіе, котораго не прервали и не остановили повстанія 1830 и 1863 годовъ. „Меня поддерживала, гово-

ригъ поблара;—вѣра въ то, что лишенный независимости край, прерывающъ свое государственное существованіе, имѣетъ право и обязанность жить какъ народъ, пока самъ не откажется отъ существованія, пока не совершитъ самоубійства. Онъ проявляетъ свое существованіе въ наукѣ, въ искусствѣ, въ развивающемся сознаніи народности, соединенномъ съ успѣхами въ просвѣщеніи и матеріальныхъ условіяхъ быта". Золотая жатва растетъ на краю утучненной нивы. На этой нивѣ пришлось Крашевскому работать. Орудіемъ дѣйствія онъ избралъ литературнаго прелетарія, няньку человечества, старую басенку, сказку, повѣсть, которая даетъ простому уму удивительную пищу, создаетъ громадный кругъ читателей и служитъ пропедевтикой для мышленія. „Черный хлѣбъ этотъ я пеку,—говоритъ Крашевскій,—цѣлѣе поль-вѣка; хлѣбъ этотъ насущный былъ, можетъ быть, не вкусенъ и черствъ, но здоровъ. Не сѣялъ я раздоромъ, никогда не кидалъ я камней ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Въ одномъ только, въ чемъ моя вина, я не раскаиваюсь: я дѣйствительно стоялъ при старыхъ идеалахъ, но я и теперь предпочитаю старые идеалы общему теченію, которое бы увлекало насъ къ скотоподобному состоянію (zwydżenie)". Старый человѣкъ сказался въ этомъ пунктѣ весь, со своимъ инстинктивнымъ отвращеніемъ къ позитивизму, съ недоверіемъ къ новымъ путямъ изслѣдованія и мышленія, невѣдомымъ и нечаяннымъ лѣтъ тридцать тому назадъ, когда авангардомъ движенія являлась только метафизика, ужасавшая своею смѣлостью умѣренныхъ прогрессистовъ,—какъ ихъ же теперь пугаетъ позитивизмъ и еще болѣе радикальныя міросозерзанія. Изъ разрушенной польской Трои Крашевскій вынесъ, какъ Эней, свои пенаты, своихъ бронзовыхъ боговъ,—старые идеалы своего народа; онъ и теперь прижимаетъ ихъ крѣпко къ груди, не постигая, что идеалъ не бронза и не камень, что онъ нѣчто живое, развивающееся и обновляющееся, и что нынѣ искомое обществомъ польскимъ какъ идеалъ, бесконечно различно отъ идеаловъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.— Но Крашевскій нѣтъ тѣхъ идеалистовъ, которые готовы на всевозможныя уступки.— „Я всегда велъ къ этимъ идеаламъ по пути, по которому ангелы представлялись святому Іакову восходящими на небо—то-есть, по *деревяннымъ ступенямъ* дѣйствительности, считаясь съ нашимъ положеніемъ, съ нашими силами". Озираясь кругомъ, Крашевскій видитъ одни могилы, славные его нѣкогда сподвижники померли, всѣ вѣнцы достались ему, не самому заслуженному, но самому счастливому. Мысленно преклоняясь предъ этими могилами, онъ возлагаетъ на нихъ свои трофеи: „Не для меня вы это сдѣлали,—говоритъ онъ,—но для великой идеи общенароднаго труда, которой я былъ самымъ по-

сладкимъ слугою". Онъ кончилъ поминальною молитвою за мучениковъ умственного труда, погибшихъ на терниахъ усѣянномъ пути.

Уже смеркалось, публика разошлась по домамъ, подъ успокоительнымъ впечатлѣніемъ этого сильнаго и глубоко-прочувствованнаго слова. Вечеромъ, на маленькомъ театрѣ, единственномъ, которымъ обладалъ Краковъ, и вмѣщающемъ всего 800 мѣстъ для зрителей, шло представленіе пьесы Крашевскаго изъ шляхетскаго быта въ XVIII столѣтіи: *Кастелляновъ Медъ*. Юбиларъ присутствовалъ и при представленіи, и при заключительныхъ живыхъ картинахъ. Представленіе отличалось никогда невиданнымъ ансамблемъ: лучшія силы сценъ варшавской (Круликовскій—въ роли тартюфа-Соледухи), львовской (Ладновскій—въ роли ротмистра Каневы), краковской (Рихтеръ-Петрило); участвовали въ представленіи; прослаивившаяся и въ Америкѣ Елена Модржеевская (гр. Хлановская) явилась въ роли кокетки Гурской. Въ антрактахъ оркестръ исполнялъ народныя польскія метивы. Такимъ образомъ, сошелъ первый день юбилея, самый красивый и удачный въ смыслѣ соотвѣтствія всего, что въ немъ происходило, напередъ задуманной программѣ.

IV.

За то второй день изобиловалъ неожиданными эпизодами и характерными мелочами, крайне интересными для посторонняго наблюдателя. Утро было свободное, вакантное. Для развлеченія прибывшихъ устроена поѣздка по желѣзной дорогѣ въ солонныя копи Великія съ факелами, бенгальскими огнями, музыкою и пѣснями въ этихъ колоссальныхъ подземельяхъ. Часть публики посѣдила соборъ на Вавелѣ, примыкающій къ королевскому замку, превращенному въ казармы, богатую ризницу этого собора и подвальные склепы, гдѣ покоятся тѣла королей отъ Локтика и Казимира-Великаго до Августа II, а возлѣ нихъ тѣло князя Юсифа Понятовскаго и Костюшки. Самому юбилару представились въ церкви св. Анны гимназій и низшія училища; потомъ его провожали въ ягеллонскую бібліотеку, гдѣ въ заведеніи филологическаго факультета ректоръ краковскаго университета, Юліанъ Дунаевскій, братъ епископа, одинъ изъ очень возможныхъ кандидатовъ въ австрійскіе министры, передалъ ему дипломъ на званіе доктора филологій. Ректоръ былъ въ тогѣ, отороченней горностаями, предъ нимъ несли три серебряные скипетра, пожалованные краковскою академіею польскими королями; профессора облеклись въ разноцвѣтныя тоги и бархатныя бѣреты. Въ числѣ ихъ блисталъ однако своимъ отсутствіемъ Станиславъ Тарновскій, профессоръ исторіи

польской литературы. Главнымъ событіемъ дня оказался обѣдъ по подпискѣ, данный чествующими Крашевскаго гостями юбиляру въ 6 часовъ вечера, въ томъ же тономѣ, гдѣ наканунѣ совершалось врученіе даровъ,—пиръ, во время котораго, за бокалами вина, многое задуманное могло высказаться на распашку. Число мѣстъ далеко не соотвѣтствовало требованію ихъ: всего, тѣсняясь до послѣдней возможности, могло уѣсться 850 человѣкъ. Разумѣется, мѣста были отведены для гостей чеховъ, приберегалось одно и для Тургенева, котораго краковяне знали по его европейской славѣ, котораго пріѣздомъ сильно интересовались, и о намѣреніи котораго пріѣхать навѣщали юбилейный комитетъ телеграммы. Тургеневъ, однако, не могъ пріѣхать, и потому прислалъ на имя знакомаго ему представителя польской колоніи въ Петербургѣ, В. Д. Спасовича, изъ Буживала, 15 (27) сентября, письмо слѣдующаго содержанія:

„Къ искреннему сожалѣнію непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали моему намѣренію присутствовать на знаменательномъ торжествѣ, устраиваемомъ въ Краковѣ въ честь славнаго ветерана польской литературы. Мнѣ остается просить васъ передать почтенному юбиляру выраженіе моихъ горячихъ поздравленій и пожеланій, съ увѣренностью, могу прибавить, что въ лицѣ моемъ громадное большинство русской интеллигентной публики привѣтствуетъ Крашевскаго и братски жметъ его руку. Пускай же онъ приметъ этотъ привѣтъ какъ залогъ сближенія между двумя племенами, столь долго разрозненными прошедшею исторіею и вступающими, наконецъ, въ новую и плодотворную эру свободнаго, дружнаго и мирнаго развитія. Въ виду благъ, которыя сулитъ близкое будущее, русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно поднимаетъ заздравный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича. Пр. и преч.“ Эти слова были понаты какъ свидѣтельство о горячемъ расположеніи единоплеменника, знаменитаго русскаго писателя, которое, если бы имъ было одушевлено большинство интеллигенціи, вывело бы дѣйствительно скоро польскій вопросъ изъ аномальной его теперешней колѣи; но въ этихъ же словахъ усматривали, быть можетъ, не безъ основанія, крайній оптимизмъ по отношенію къ характеристикѣ настоящаго момента. Письмо Тургенева было слишкомъ важнымъ и интересующимъ всѣхъ фактомъ, чтобы его можно было оставить безъ огласки; г. Спасовичъ потому сообщилъ о немъ комитету и просилъ, чтобы ему предоставлено было слово за обѣдомъ, во время рѣчей, которыхъ значилось на спискѣ у президента Змбликевича всего 12 или 15, изъ нихъ 6 или 7 обязательно возложенныхъ на представителей властей или учреждений. Что касается остальныхъ, то ораторы вызвались сами. Ни тѣ, ни другія рѣчи не проходили вовсе чрезъ какого бы то ни было рода

цензуру, комитетъ обращалъ вниманіе на лица, но не освѣдомлялся даже о содержаніи и духѣ того, что должно было быть произнесено.

Юбилейному комитету предстоялъ опытъ превращенія тоннеля въ обѣденную залу. Задача нелегкая; тоннель имѣетъ 160 шаговъ длины, всякій звукъ отражается сильно круглымъ сводомъ, вслѣдствіе чего отъ избытка резонанса при наполненіи его толпами разговаривающихъ выходитъ глухой неопредѣленный гулъ на подобіе шума волнъ морскихъ во время бури, котораго не въ состояніи никто осилить, хотя бы имѣлъ громаднѣйшія голосовыя средства. Два оркестра могли играть на балу 5 октября на двухъ концахъ тоннеля, не мѣшая себѣ взаимно и едва себя слыша. Вдоль тоннеля во всю его длину, кромѣ середины, уставлены три параллельные ряда столовъ съ нумерованными стульями; въ серединѣ между двумя боковыми выходами помѣщался одинъ почетный столъ, за которымъ посаженъ юбиляръ между маршаломъ сейма графомъ Людвигомъ Водзицкимъ и президентомъ академіи наукъ Іос. Мейеромъ, а насупротивъ него Зыблинъ между графомъ Августомъ Цѣшковскимъ, философомъ и экономистомъ, и княземъ Эад. Любомірскимъ. Остальные два десятка мѣстъ занимали ректоры обонхъ галиційскихъ университетовъ, д-ръ Малецкій, старикъ Смолька, братья и племянники юбиляра, и лица, испросившія себя право говорить. Освѣщеніе было превосходное, газовое, прислуга многочисленная и исправная, кушанья хорошо сервированы, винъ, въ особенности венгерскихъ, большое изобиліе; объ одномъ не подумали и не сдѣлали никакихъ приспособленій къ тому, чтобы дать возможность ораторамъ говорить, а публикѣ если не всей, то по крайней мѣрѣ половинѣ ея—слушать рѣчи этихъ ораторовъ. Надлежало устроить каеэдру, поставить громкій колокольчикъ передъ президентомъ, давать знать поднятіемъ флага о началѣ и окончаніи рѣчи, печатнымъ объявленіемъ на стѣнахъ просить публику не двигаться и не говорить, пока флагъ приподнятъ. Ничего подобнаго не было придумано, съ половины обѣда началось движеніе съ концовъ къ серединѣ въ чааніи рѣчей, которыя начались въ самомъ концѣ между куропатками и десертомъ. Съ первой же рѣчи опытнаго оратора Водзицкаго, весьма официальной, законченной тостомъ въ честь „покровителя польской литературы“ австрійскаго монарха, уяснилось, что при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ, напрягая всѣ силы, ораторъ не изъ слабогрудныхъ можетъ передать свои мысли какимъ-нибудь 60 или 70 чело-вѣкамъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные будутъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о его идеяхъ и намѣреніяхъ. Слѣдующій затѣмъ ораторъ, милый старичокъ Мейеръ, хотя сталъ на стулъ, на которомъ стоялъ потомъ полчаса, не только ничего не сообщалъ присутствующимъ, но и самъ себя вѣроятно не слышалъ, что можно было заключить по его отчаяннымъ жестамъ. Утверждаю, что всѣ затѣмъ послѣдующіе

ораторы говорили не для публики, что ни о какомъ общемъ впечатлѣніи ихъ словъ на публику и рѣчи быть не можетъ, что они соблюдали въ сущности одну форму, кидали рѣчь, фразу за фразой, въ эту пучину, въ этотъ оглушающій шумъ, похожій на гулъ огромнаго парового котла въ полномъ дѣйствіи; надежда ихъ вся заключалась въ томъ, что на слѣдующій день газеты выловятъ эти рѣчи, возстановятъ ихъ по черновымъ запискамъ и огласятъ то, что ораторами почти втайнѣ было произнесено. Такова была участь всѣхъ вообще рѣчей Зыбликевича и самого Крашевскаго, провозгласившаго тостъ въ честь города Кракова, Вротновскаго и Тоннера, наконецъ, донесшійся всего рѣзче до русской публики при посредствѣ газетъ эпизодъ, заключающійся въ рѣчи г. Спасовича и протестъ противъ ея заключеній Ксаверія Лиске. Такъ какъ эпизодъ этотъ породилъ самые разнообразные толки, то онъ требуетъ разбора и поясненія. Рѣчь г. Спасовича была слѣдующая:

„Въ одинъ торжественный моментъ, точно въ каплю, стеклось полнѣе упорнаго труда одного великаго гражданина, скажу больше: полнѣе трудной жизни цѣлаго народа. Можетъ быть, я бы и не посмѣлъ говорить въ эту торжественную минуту, я—единица среди тысячъ другихъ, если бы меня не заставили случай и стеченіе обстоятельствъ явиться передатчикомъ пріязненныхъ и, смѣю сказать, искреннихъ чувствъ отсутствующихъ людей. Моими устами ветеранъ русской литературы, ученикъ Пушкина, Иванъ Тургеневъ провозглашаетъ тостъ за здоровье славнаго ветерана польской литературы, сподвижника Мицкевича. „Я увѣренъ,—пишетъ Тургеневъ,—что въ моемъ лицѣ громадное большинство интеллигентной Россіи приветствуетъ и протягиваетъ руку Крашевскому“. Каковы бы ни были старанія заключить сегодняшнее торжество въ тѣсныя рамки народной исключительности, это намѣреніе неосуществимо, исключительность устранена, стальной обручъ лопнулъ, прорываются другія стихіи, къ нѣсни польской присовокупляются иныя звуки, правда тихіе, но явственные, звуки славянскіе. Съ сильнымъ біеніемъ сердца прислушивался я вчера къ событію, небывалому со временъ, можетъ быть, Ягеллоновъ,—какъ неслись публично, гласно изъ Сукоиницъ на рынокъ краковскій, рѣчи на языкѣ апостола Польши св. Войтѣха, произносились гостями, заѣзжими изъ Чешской Праги и Оломунца (Ольмюца); эти господа явились сами лично и сѣли за нашъ общій столъ, другимъ единоплеменикамъ временныя обстоятельства внушили иной образъ дѣйствія, они не явились сами лично, но желаютъ, чтобы и ихъ также на этомъ пирѣ поминули. Отвѣтъ на это требованіе даютъ намъ наши народныя поэтическія преданія. Вспомните, господа, какъ нѣкогда, среди петербургской непогоды, стояли, обнявшись подъ однимъ плащомъ два юные поэта передъ колоссомъ Петра. Одинъ изъ нихъ, Пушкинъ вспоминалъ съ чувствомъ еще въ

1834 г. о предсказаніяхъ Мицкевича, касающихся времени, „когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“. И Мицкевичъ намъ развилъ ту же самую мысль, опредѣливъ даже родъ и способъ международнаго общенія. Онъ изображалъ это общеніе въ видѣ двухъ скалъ альпійскихъ изъ одного же гранита, которыя клоняты, одна къ другой, свои заоблачныя вершины, хотя онѣ внизу на вѣки раздѣлены струею воды и едва слышать шумъ этой своей разлучницы. Итакъ, да клонятся одна къ другой эти заоблачныя вершины, но да помнятъ онѣ, что ихъ раздѣлила на вѣки струя воды; да помнятъ, что легче живется въ семьѣ, что удобнѣе быть нѣсколькимъ, нежели одному, и что, по словамъ чешскаго патріота, произнесеннымъ въ 1867 г., въ Москвѣ, гораздо краше и полнѣе музыка десяти колоколовъ, звучащихъ одновременно съ одной и той же башни, нежели то, если бы всѣ колокола были сплавлены въ одинъ колоколъ, громадный, правда, но всегда одинокій. Я думаю, что не подвергнусь упреку въ излишнемъ мечтательствѣ, если выражу простое желаніе, не опредѣляя вовсе времени его осуществленія: завтра, либо чрезъ десять, либо чрезъ пятьдесятъ лѣтъ. Желаніе ставить цѣли подобаетъ всякому, осуществленіе только зависитъ отъ обстоятельствъ, которыми не всегда можно располагать. Я бы желалъ, чтобъ на будущемъ подобномъ умственномъ пиру, если бы онъ случился у какого-либо изъ крупныхъ славянскихъ народовъ, сѣли бы за одинъ столъ и преломили бы хлѣбъ представители всѣхъ славянскихъ націй“.

Несправедливо то, будто бы, какъ написано въ Краковскомъ „Czas“ (№ 229) рѣчь г. Спасовича принята была холодно; ей рукоплескало большинство изъ слышавшихъ, но несомнѣнно она не могла рассчитывать на то, чтобы всѣмъ угодить: вездѣ есть непримиримые, страсти еще не улеглись, отдѣльныя шikanья были неизбежны; пронеслись и шikanья. По стеченію обстоятельствъ, слѣдующій изъ вызванныхъ по списку для произношенія рѣчей ораторовъ, былъ профессоръ исторіи и ректоръ львовскаго университета, нестарый еще человѣкъ, съ явственно шведскимъ очертаніемъ лица д-ръ Ксаверій Лиске, какъ оказалось, одинъ изъ противниковъ всякаго сближенія, который поставилъ себѣ задачей протестовать противъ предложенія г. Спасовича, притомъ предложенія или плохо имъ понятаго или обобщеннаго имъ до значенія здравницы за всѣ славянскіе народы безъ разбора, между тѣмъ, какъ оно клонилось только къ сближенію между интеллигенціями, каковы бы ни были, впрочемъ, отношенія между цѣлыми народами, хорошія или даже дурныя. Г-нъ Лиске вскочилъ быстро на стулъ, со стула на самый обѣденный столъ, и порывисто, нервно, съ сильною жестикуляціею повелъ рѣчь, начавъ ее такими безспорными словами, на которыя онъ зналъ, что не могутъ не откликнуться всѣ присутствующіе безъ изыатія, каждый по

своему: „Jeszcze Polska nie zginęła... пока производить людей труда и заслуги, пока рождаетъ такихъ людей, какъ юбиляръ“... Это была основная идея и юбилей, и слова къ публикѣ самого Крашевскаго, но съ маленькою оговоркою: не погибла *какъ народность*, но съ совершеннымъ устраненіемъ вопроса политическаго. Для г. Лиске, наоборотъ, эта фраза послужила ступенькою, на которую ставъ, онъ тотчасъ же вскочилъ на политическій конекъ и пошелъ... Приводимъ его слова, по 273 № „Петербургскихъ Вѣдомостей“: „Небольшимъ слабымъ народамъ и государствамъ нельзя существовать и жить отдѣльно. Теперь творятся въ Европѣ огромныя аггломерациі. Мы имѣемъ право на существованіе, добытое нашею культурою, но кто скажетъ, что мы не нуждаемся въ другихъ, что мы можемъ устроиться сами по себѣ, тотъ совершаетъ преступленіе. Если бы мы вздумали, вопреки волѣ державы, съ которою связала насъ судьба, дойти до того, что утратили, то мы бы не дошли ни до чего и утратили бы даже, что имѣемъ. Мы готовы въ *политическихъ* дѣйствіяхъ соединиться со славянами, но только съ тѣми, кто намъ искренній другъ; но думать о союзѣ со всѣми славянами—это для насъ невыгодно. Я славянину, но провозглашать тостъ за всѣхъ славянъ, а стало быть и за тѣхъ, которые не имѣютъ здѣсь ни единого представителя—я не могу. Это значило бы утверждать, что всѣ споры окончены, всѣ раны закрыты. Такого здравія я пить не могу“.

Очевидно, что если бы на обѣдѣ присутствовалъ самъ Тургеневъ или даже кто-нибудь изъ русскихъ, либо приславшихъ изъ Петербурга коллективную депешу, подписанную: „Е. Рагозинъ“, либо приславшихъ другую большую поздравительную телеграмму отъ славянскаго комитета за подписью г. Владимира Ламанскаго, то у Лиске не оказалось бы послѣдняго заключительнаго его аргумента, который въ сущности можно бы выразить такъ: „неискренни они, коль скоро не пріѣхали“. Съ этой стороны, сами краковяне выражали сожалѣніе объ отсутствіи Тургенева, оно бы помѣшало возникнуть эпизоду Лиске и перейти потомъ въ русскія газеты, раздутому и выхваченному изъ всего юбилея, какъ будто бы въ немъ-то и выразилось общее настроеніе всѣхъ участвовавшихъ. Въ словахъ Лиске мысль Тургенева была передернута, изъ умственнаго сближенія переведена въ политическое. Я думаю, что только сильная страсть могла бы заставить кого бы то ни было отвергать пользу умственнаго сближенія въ принципѣ; оспаривать своевременность заявленія Тургенева, конечно, можно было, и не безъ нѣкоторыхъ довольно вѣскихъ основаній. Можно было оспорить силу полномочій писавшаго письмо, усомниться въ томъ, выражаетъ ли оно не только чувства громаднаго большинства, но даже просто большинства интеллигенціи, можно было бы пройти по тезису о цѣнѣ благихъ намѣреній, и выразить сожалѣніе, что при своихъ благихъ намѣреніяхъ эта

интеллигенція столь слабосильна въ практическомъ отношеніи, что не можетъ имѣть даже смягчающаго вліянія на существующее положеніе вещей. Но г. Лиске вовсе не туда гнулъ, отвергнувъ самую мысль сближенія, во имя наболѣвшихъ ранъ, — онъ, какъ истый галиціанинъ, поднялъ славянское знамя, но въ тѣсныхъ австрійскихъ предѣлахъ и предложилъ союзъ — съ кѣмъ же? съ чехами и моравами! Они, положимъ, хорошіе люди, но развѣ не чехи были теоретики столь ненавистнаго г-ну Лиске панславизма, развѣ не отъ нихъ шелъ починъ въ 1867 славянскаго съѣзда въ Москвѣ? Нынѣ они сближаются въ виду временнаго преобладанія федеративной идеи въ Габсбургской державѣ; время этому новому союзу всего безъ году недѣля; что же можно строить на такомъ пескѣ? А и само расположеніе Австріи къ польскому элементу въ Галиціи восходитъ не Богъ вѣсть къ какому отдаленному времени. Еще то самое поколѣніе, къ которому принадлежитъ г. Лиске, если не воспиталось, то по крайней мѣрѣ по цѣлымъ годамъ сидѣло въ австрійскихъ тюрьмахъ. Безтактность рѣчи ректора Лиске заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что, взглянувъ на славянскій вопросъ по-галиційски и ставъ съ своей субъективной стороны совершенно лояльно подъ сѣнь Габсбургскаго орла, онъ сошелъ съ общепольской точки зрѣнія и не принялъ въ соображеніе, что на сей послѣдней точкѣ зрѣнія можно безпрепятственно лелѣять свою литературу, науку, искусство только подъ условіемъ отказа отъ вѣйшей политики, что политически польскій вопросъ есть только внутренній вопросъ каждой изъ трехъ державъ, которымъ поляки подвластны, что имъ слѣдуетъ желать, чтобы судьба не заставила ихъ никогда стоять другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ при какихъ-нибудь столкновеніяхъ между великими восточно-европейскими державами, что пора имъ, наконецъ, перестать быть тѣми щипцами, посредствомъ которыхъ вынимаются каштаны изъ огня.

Рѣчь Лиске покрыта была рукоплесканіями тѣхъ все-таки немногихъ, которые ее разслышали. Никто не шикалъ, шиканье было бы невозможно, и неприлично, и не деликатно, въ виду ея лояльно-австрійскаго смысла; возражать значило бы демонстрировать противъ хозяина, допустившаго, въ сущности, исполниться юбилейному празднеству. Несоглашавшіеся просто молчали. Вслѣдъ за первымъ рѣзкимъ диссонансомъ, пошли другіе. Явились жалобщики, скорбныя слова которыхъ опровергали въ корнѣ австро-славянскую программу г-на Лиске, такъ какъ на эти жалобы не предвидѣлось помощи и облегченія ни откуда. Заговорили познанскіе поляки, всендѣзъ Польковский, редакторъ Торнской газеты Даніелевскій и другіе. Доставалось „проклятымъ нѣмцамъ“ за ихъ легальный экономическій походъ на востокъ, вытѣсняющій славянскую народность, подрѣзывающій у нея корни. Собраніе стало превращаться въ сеймъ, въ ви-

слушиваніе рекриминацій, общее пропадало, стали сквозить мѣстные партикуляризмы. Связать разсыпавшееся и привести опять къ одному знаменателю—вызлся ректоръ Ю. Дунаевскій, на котораго возложено было произнесеніе послѣдняго тоста: *Kochałmy się*. Рѣчь эта, исполненная остроумія и юмора, славилась любовью, но ту, которая чужда самолюбію, и выражала надежду, что затопившія городъ Краковъ волны благородныхъ чувствъ народныхъ поглотятъ и покроютъ „наши мелкія, но тѣмъ не менѣе вредныя ссоры и несогласія“. Этотъ совѣтъ подѣйствовалъ: несмотря на драстическіе эпизоды, общее впечатлѣніе было пріятное, успокоивающее. Не могли же сойтись восемьсотъ или девятьсотъ человѣкъ, и притомъ поляковъ, которыхъ откровенность въ своей національной средѣ почти вошла въ пословицу, безъ того, чтобы не поспорить, а спорили они свободно, ничѣмъ не стѣсняясь, и разошлись, несмотря на разницы во взглядахъ, въ спокойствіи и согласіи. Обнаружилась тутъ же еще одна хорошая сторона народнаго характера: большая щедрость на жертву въ минуту, когда всѣ разстроганы. Графъ Мэнцинскій собралъ въ самое короткое время до двухъ тысячъ гульденовъ на польскій театръ въ Познани. Предстоялъ еще сборъ на памятникъ Мицкевича въ Краковѣ, но самый неожиданный сюрпризъ въ этомъ родѣ готовился на слѣдующій день, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго долженъ былъ явиться Генрихъ Семирадскій.

V.

При описаніи третьяго и послѣдняго юбилейнаго дня 5 октября я извиняюсь, что совсѣмъ обойду балъ въ Суконницяхъ, данный городомъ пріѣзжимъ. Плохая столовая оказалась превосходною балною залой. Національные польскіе костюмы были великолѣпны, во второмъ этажѣ устроены были буфеты, венгерское и шампанское лились рѣками. Намѣстникъ Галиціи, пріѣхавшій изъ Львова, графъ Альфредъ Потоцкій открылъ балъ, на которомъ не показался, однако, юбиляръ, слегшій въ постель отъ излишняго утомленія, и совсѣмъ выбившійся изъ силъ. Отказываюсь также пользоваться картинками мѣстнаго быта и нравовъ, которыя могли бы послужить иллюстраціей къ юбилею. Я былъ свидѣтелемъ 5 октября, въ воскресенье (день Богородицы, такъ-называемый четочной или Ружанцовой), громаднѣйшаго крестнаго хода: хоругви за хоругвью, переносная икона воевъ иконы, на разстояніи полуверсты отъ церкви св. Маріи до Доминикантъ; при этомъ вѣншемъ великолѣпны римско-католическаго богослуженія, какъ малыми и ничтожными сравнительно по размѣрамъ и скоротечности являются свѣтскія празднества внутри Суконницъ. При мнѣ ночью на рынкѣ толпы мальчишекъ упражнялись въ швыряніи камней въ евреевъ, которые спасались бѣгомъ и не пытались

сопротивляться. Но при мнѣ также, при поминовѣніи умершихъ въ текущемъ году художниковъ при католическомъ богослуженіи, священникъ предлагалъ народу гласно молиться и за Маврикія Готлиба, талантливаго живописца, еврея по вѣроисповѣданію. Не останавлиюсь я и на почетномъ адресѣ, присланномъ Крашевскому отъ польскихъ социалистовъ, и на томъ, что десятка три таковыхъ содержатся въ краковской тюрьмѣ, въ ожиданіи обвинительнаго акта, въ которомъ они будутъ преданы суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Меня займетъ только то, что происходило съ 2 до 4 часовъ пополудни въ ресторанѣ Гертѣ, гдѣ въ тѣснотѣ, въ небольшой залѣ собрались запросто литераторы и художники (болѣе 120 человекъ), отобѣдали вмѣстѣ съ юбиляромъ и братьями-чеками. Никогда, можетъ быть, на столь тѣсномъ пространствѣ не собиралась такая масса польской интеллигенціи, такой ея цвѣтъ и подборъ. Возлѣ Крашевскаго помѣщалась европейская знаменитость Августъ Цѣшковскій, однимъ изъ распорядителей былъ Андриѳли, рисовальщикъ иллюстраторъ, родомъ полякъ, по крови итальянецъ, одинъ изъ той пресловутой тысячи гарибальдійцевъ, которая завоевала Сицилію. Былъ и архитекторъ Прилинскій, явились и „архистанчичи“ Шуйскій и Тарновскій, усѣвшіеся рядомъ. Возлѣ Крашевскаго отведено было мѣсто Генриху Семирадскому, который при Янѣ Матейкѣ, если бы сей послѣдній былъ на юбилей, занималъ бы второе мѣсто; но когда Матейко, по необъяснимой причинѣ, уклонился отъ юбилея, уѣхалъ и даже не согласился, чтобы его „Битва подъ Грюнвальдомъ“ была выставлена для публики во время юбилея, то вслѣдствіе того первое мѣсто очистилось, и мастеръ кисти, знатокъ древности, мало, правда, національный, но много знающій и высокоталантливый Генрихъ Семирадскій, являлся уже первому по величинѣ художнической силою въ области искусствъ. Къ Семирадскому нельзя было не чувствовать влеченія даже тому, кто не былъ безусловнымъ поклонникомъ рода его живописи, за то, что она вдохновляется до сихъ поръ почти исключительно античными образцами и итальянцами. Составляя совершенную противоположность съ своимъ брюзгливымъ, канризнымъ и крайне самолюбивымъ, зависимымъ отъ своенравной жены, но гениальнымъ краковскимъ живописцемъ, Семирадскій, несмотря на свою славу, дѣтски простъ, скромнѣе и юнѣ, точно начинающій художникъ. Пожертвованіе рѣшено наканунѣ, въ субботу, въ чрезвычайно забавной формѣ. Зыбликевичъ удерживалъ артиста отъ повѣшенія на избранной имъ стѣнѣ „Свѣточей христіанства“, въ виду того, что художникъ не богатъ и живетъ своими трудами, но Семирадскій настоялъ: „нигдѣ я не найду лучшаго свѣта для моей картины, какъ на этой стѣнѣ“, что и дало потомъ поводъ къ пререканію о томъ, кто кому болѣе обязанъ, художникъ ли городу за стѣну, или городъ ему за картину.

Обѣдъ шелъ живо и весело, пришло извѣстіе объ избраніи Крашевскаго почетнымъ президентомъ парижскаго международнаго литературнаго общества. Особенно характерны были рѣчи обонхъ „станчиковъ“. Шуйскій нападалъ на малодушныхъ людей, которые опасаются ежеминутно смерти отъ угасанія энтузіазма. Народъ, имѣвшій 9 вѣковъ политической исторіи, 5 литературной, народъ, произведшій Кюхановскаго и Мицкевича, не можетъ умереть, говорилъ онъ. Онъ можетъ обѣднить болѣе прежняго, но и въ лохмотьяхъ нищаго онъ будетъ держать себя какъ король Лиръ: every inch a King. Народъ таковъ, какимъ его создали вѣка: мягкій какъ воскъ, впечатлительный какъ женщина, вспыхивающій какъ динамитъ. Не объ огнѣ должна быть наша забота, но о томъ, что съ нимъ сдѣлать, какъ выпить ту чашу, въ которой онъ будетъ горѣть, какъ обезпечить и усилить его благотворное вліяніе.

Тарновскій, повидимому, хвалилъ только чеховъ, но косвенно его рѣчь мѣтила вообще во всѣхъ славянъ, въ ней и неназванныхъ, и по замыслу оратора была язвительнѣе словъ самого Лиске, но являлась въ изящной, тонкой формѣ, почти недопускающей возраженія: „Мы здѣсь въ семьѣ, но и семьи бываютъ разныя. Родство, говорятъ, только случайность, оно становится связью, когда его укрѣпляютъ уваженіе и дружба. Мы не разъ наблюдали между родными, что лицо, которое было бы совершенно безразлично, будь онъ постороннимъ, становится особенно противнымъ потому именно, что онъ родной, когда онъ не таковъ, какимъ слѣдуетъ быть. То же бываетъ между народами: этнографическая близость отталкиваетъ ихъ иногда, если они разобщены по духу. Къ счастью, есть родины, которыхъ мы уважаемъ, отъ которыхъ поляки получили христіанство, которые подають намъ примѣръ, какъ собираться съ силами, какъ создавать литературу, какъ содѣйствовать благосостоянію престога народа, заботясь объ его нуждахъ и расширяя, такимъ образомъ, основаніе народности“. Среди обѣда явился Зыбликевичъ, поднялъ тостъ за Семирадскаго и далъ ему случай заявить объ условленномъ уже, но оставшемся тайною, для всѣхъ, кромѣ Зыбликевича, пожертвованіи не для города, но для „цѣлаго края“. Изумленіе было всеобщее, Добржанскій справедливо замѣтилъ, что Семирадскій явился настоящимъ магнатомъ, потому что только магнаты былъ бы въ состояніи сдѣлать столь цѣнный даръ. Стѣнныя афиши возвѣстили городу о пожертвованіи. На слѣдующій день устроено было громадное шествіе съ факелами къ гостинницѣ, гдѣ остановился художникъ, послѣ чего, по его предложенію, сдѣлана такая же овація Крашевскому и Зыбликевичу. Важнѣе то, что примѣръ подѣйствовалъ: шестнадцать живописцевъ пожертвовали также свои картины, и съ легкой руки Семирадскаго сразу возникла картинная галерея, которая займетъ значительную часть верхняго этажа Суконницъ, вмѣсто пред-

полагавшагося промышленнаго музея, остающагося по прежнему въ стѣнахъ Францисканскаго монастыря. Расщедрились не только художники, но и капиталисты: обильно текли деньги на памятникъ Мицкевичу. Кто-то, пожелавшій остаться неизвестнымъ, внесъ 20,000 гульденовъ на пользу общественную. Юбиларъ озабоченъ былъ мыслью, какъ бы на этотъ фондъ и на ожидаемыя въ будущемъ пожертвованія устроить матицу польскую въ Краковѣ, на подобіе чешской, посвященную издательству полезныхъ и популярныхъ книгъ. Эти старанія и заботы совпали съ днями разѣзда гостей съ юбилея и постепеннымъ опустѣніемъ Кракова, который превратился опять въ то, чѣмъ былъ — городъ гробницъ, церквей, да тихихъ научныхъ занятій, по отношенію къ которымъ онъ является нынѣ главнымъ центромъ польской научной производительности...

Замерли послѣдніе звуки тостовъ и музыки подъ сводами тоннеля Суконницъ, сливавшіеся въ глухой шумъ и гулъ; но тогда-то именно и начался гулъ другого рода, передача подробностей отбытаго праздника во всѣ концы свѣта, посредствомъ газетъ. Я не могъ слѣдовать за тѣмъ, какъ раздается этотъ гулъ въ западной Европѣ, но что касается до русской и въ особенности петербургской прессы, то мнѣ казалось, что эта пресса была въ этомъ сильно похожа, по акустическимъ своимъ условіямъ, на описываемый мною краковскій тоннель, съ тою разницею, что въ Краковѣ заглушались одинаково, сливаясь вмѣстѣ, всѣ звуки, а въ русской прессѣ одинъ какой-нибудь выдѣлялся и усиливался насчетъ другихъ, звучалъ протязно, искажаясь и уклоняясь отъ первоначальной интонаціи. Надъ всѣми событіями юбилея господствовалъ, разумѣется, въ этихъ толкахъ эпизодъ рѣчи Лиске, какъ будто бы въ этомъ эпизодѣ и заключался весь смыслъ юбилея, или, по крайней мѣрѣ, какъ будто бы этотъ эпизодъ и былъ главнымъ моментомъ праздника. Не стоить, конечно, и обсуждать такіе отголоски газетъ, которые поражаютъ столько же невозмутимымъ апломбомъ, сколько и плохимъ знаніемъ фактовъ; но нельзя не обратить вниманіе на письмо изъ Варшавы ректору львовскаго университета, подписанное „Русскимъ, почти бывшимъ на юбилей“. Письмо писано лицомъ, знающимъ многія мелочи событія, лицомъ, очевидно, интересовавшимся юбилеемъ, собиравшимся, можетъ быть, ѣхать, но въ концѣ-концовъ вынужденнымъ себя назвать „почти бывшимъ“. Авторъ горячо желаетъ сближенія альпійскихъ вершинъ, авторъ винить Лиске въ ношеніи повязки пристрастія на глазахъ; все это хорошо, но бѣда въ томъ, что доводы, которыми онъ опровергаетъ рѣчь Лиске, таковы, что легко могутъ каждому яридти на мысль слова: врачу — исцѣлился самъ. Но вотъ тутъ-то и обнаруживается, какъ трудно совершиться, при самыхъ сильныхъ желаніяхъ, сближенію вершинъ, вслѣдствіе сумбура въ головахъ и неяснаго пониманія отношеній. Г-нъ „Почти бывшій“ и г-нъ Лиске,

хотя, повидимому, противники, но въ сущности они вовсе не такъ далеки другъ отъ друга, какъ то кажется съ перваго раза, и родственныя между ними черты бросаются въ глаза: одинъ ищетъ въ прошедшемъ, не было ли какихъ обидъ, другой—не обязанъ ли кому благодарностью. Виѣсто того, чтобы устранить корень пристрастія, субъективное чувство, и поставить вопросъ на почву чисто-практическую, утилитарную, реальную, указать на величайшій интересъ для обѣихъ націй отъ сближенія въ будущемъ и объяснить непосредственно вытекающія отъ сего выгоды, авторъ „Письма“ сталъ также сводить конторскіе счеты, кто чѣмъ кому обязанъ, и относя въ *debit* счета польскаго народа все, чѣмъ былъ облагодѣтельствованъ когда-либо и кто-либо изъ польскихъ писателей или артистовъ кѣмъ-либо изъ русскихъ или въ Россіи, составилъ счетъ, который нельзя не признать до нѣкоторой степени аптекарскимъ, такъ какъ нѣкоторыя статьи этого счета невѣрны, а другія спорны. Правильности счета мѣшаетъ все то же и безпрестанно повторяющееся смѣшеніе политическаго съ культурнымъ. Государство по своему назначенію должно ассимилировать инонародные элементы, изъ чего не вытекаетъ однако никакой необходимости вытѣснять уже обрѣтающіяся въ предѣлахъ государства культуры. И культуры ассимилируются, но только чрезъ медленное, послѣдовательное и добровольное между собою сближеніе, выражающееся какъ во взаимодействіи, такъ и въ позимствованіяхъ. Сближаясь, культуры могутъ навсегда сохранять свою индивидуальность, нисколько не мѣшающую наитѣснѣйшему сближенію. Если частица инонародной культуры очутилась по ходу исторіи въ предѣлахъ чуждаго ей, по ея прежнимъ отношеніямъ, государства, то изъ этого голаго факта не вытекаетъ, чтобы она была государству чѣмъ-либо обязана, такъ какъ оно и устранить внезапно эту культуру не въ силахъ. Иное дѣло отношенія между-культурныя; по мѣрѣ сближенія, устанавливаются тѣ связи не благодарности, на которую ни между частными людьми, ни между народами не принято рассчитывать, но—уваженія и дружбы.

Строя все на благодарности, авторъ „Письма“ надѣлалъ еще ошибокъ, которыя могутъ дать только весьма легкое оружіе противъ него же. Такъ, онъ утверждаетъ, будто бы Крашевскій, живя въ предѣлахъ Россіи, въ теченіи не 40, какъ сказано въ письмѣ, а 32 лѣтъ своей дѣятельности, соприкасался съ русскою литературою и этому главнѣйше обязанъ тѣмъ, что онъ—Крашевскій. Будучи моложе Мицкевича, Крашевскій сталъ дѣйствовать въ тѣ именно годы, когда, къ сожалѣнію, всѣ связи прервались послѣ 1830 года между обѣими литературами, послѣ чего онѣ отвернулись одна отъ другой и перестали получать о себѣ извѣстія. Десятка два романовъ его переведены на русскій языкъ, но едвали въ какомъ-либо изъ его произведеній встрѣчается заимствованіе изъ русскихъ—литературы или быта, идей и сюжетовъ. Другое

утвержденіе „Письма“—относительно варшавской сцены—еще болѣе ошибочно, такъ какъ о талантахъ варшавскихъ можно сказать то же, что вообще о талантахъ по отношенію ко всякой театральной дирекціи. На дирекцію, напримѣръ, петербургскую, постоянно жалуются, а между тѣмъ, сцены не окончательно оскудѣваютъ талантами; изъ чего опять не слѣдуетъ, чтобы талантами Петербургъ былъ обязанъ дирекціи: они могли являться, несмотря на дирекцію. Авторъ утверждаетъ также, будто бы въ 1828 и 1829 годахъ открыли полякамъ значеніе Мицкевича русскіе критики, заступившіеся за него и защитившіе его отъ варшавскихъ рецензентовъ. Русскіе критики не читали варшавскихъ рецензентовъ тогда такъ же, какъ не читаютъ ихъ теперь, а узнали они Мицкевича потому, что въ Россію пріѣхалъ онъ уже предшественный громкою славой: уже его тогда носило на рукахъ все молодое поколѣніе. Наконецъ, авторъ „Письма“ приводитъ, какъ самый вѣскій аргументъ правъ на благодарность, такой фактъ, оглашеніе котораго даже и не совсѣмъ деликатно по отношенію къ виновникамъ этого факта. Въ 1844 году, Мицкевичъ лишился мѣста въ Collége de France за свой „товянизмъ“, бывшіе его московскіе друзья сложились, собрали значительную сумму, которую и отвезъ въ Парижъ Хомаковъ. Мицкевичъ принялъ даръ, рыдая какъ дитя. Фактъ вѣренъ, онъ прекрасенъ, преданіе сохранило даже цифру денегъ: кажется, 5,000 рублей. Никто изъ сложившихся въ Москвѣ не огласилъ, однако, этого факта, а потому возникаетъ вопросъ, удобно ли автору письма, стороною о томъ узнавшему, дѣлать изъ него употребленіе, котораго не думали дѣлать сами дарители, и потомъ ставить этотъ даръ частныхъ лицъ въ счетъ долга одного народа другому. Но что же доказываетъ при томъ этотъ фактъ? Признательность Мицкевича и его соотечественниковъ слѣдуетъ, конечно,—но кому? конечно, русскимъ, но русскимъ прошлаго, русскимъ того кружка, отъ котораго остались одиѣ могилы, людямъ, которые гораздо горячѣе современниковъ принимали къ сердцу интересы западнаго славянства и несравненно болѣе смыслили въ польско-русскомъ вопросѣ. Въ этомъ отношеніи Хомаковъ, К. Аксаковъ, Кирѣевскіе, въ особенности Самаринъ, даже Погодинъ и вн. Вяземскій — это гиганты, если сравнить ихъ сужденія съ выводами и соображеніями современной прессы. Въ пониманіи вопроса она отошла назадъ на какіе-нибудь полтора вѣка. И несмотря, однако, на это незнаніе, непониманіе, неумѣніе подойти къ вопросу — сила вещей его ставить и выдвигаетъ впередъ, такъ-что, касаясь его, нельзя не отнести къ нему иначе, какъ со словами, которыя легенда влагаетъ въ уста Галилею: *e pur si muove*—вопросъ все-таки движется и ищетъ себѣ разрѣшенія.

Б. Д.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

НАШИ НЕДОРАЗУМѢНІЯ СЪ ГЕРМАНІЕЮ, И ЛОРДЪ СОЛЬСБЕРИ.

Понимаемый въ смыслѣ прегражденія Россіи пути на юго-востокъ, германско-австрійскій союзъ продолжалъ въ теченіи прошлаго мѣсяца стоять въ первомъ ряду политическихъ вопросовъ. Хотя съ австрійской стороны и сдѣланы были слабыя офиціозныя попытки опровергнуть заключенія чего-либо въ родѣ трактата, но эти попытки были поняты только какъ желаніе австро-венгерскаго правительства ослабить демонстративный характеръ, приданный вѣнскому свиданію германской дипломатіей и той массою газетъ, которыя эта дипломатія держитъ на жалованьѣ. Австрія довольствуется союзомъ, а демонстрацій ей не нужно, между тѣмъ какъ самолюбивому германскому канцлеру болѣе всего хотѣлось именно сдѣлать демонстрацію. „Кёльнская“ газета первая сообщила, что между Германіей и Австріей заключенъ формальный письменный договоръ, и продолжаетъ утверждать это самымъ рѣшительнымъ образомъ. Наконецъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ произнесъ въ Манчестерѣ рѣчь, въ которой, оговорясь, что о заключеніи германско-австрійскаго союза онъ узналъ изъ газетъ, объяснилъ однако, что цѣлью такого союза можетъ быть именно прегражденіе Россіи завоевательнаго пути въ Турцію, и выразилъ полное одобреніе такому намѣренію. Съ своей стороны, прусскія газеты, вслѣдствіе рѣчи маркиза Сольсбери, объявили, что и Англія готова въ случаѣ нужды присоединиться къ упомянутому союзу.

Признаемся, для насъ вѣнское свиданіе и слухи о союзѣ, подтвержденномъ въ трактатѣ, представляются имѣющими значеніе преимущественно демонстративное.

Союзъ между Германіей и Австріей, одобряемый Англіею, можетъ быть разсматриваемъ въ двоякомъ значеніи: какъ временная демонстрація, и какъ прочный фактъ. Въ первомъ значеніи этотъ союзъ есть результатъ того, что было названо „*Federkrieg*“. Русская политика, если и благопріятствовала побѣдамъ Германіи надъ Франціею, все-таки она не могла отказаться отъ самостоятельности. Она, быть можетъ, допустила, если могла не допустить, нѣчто лишнее, согласившись на отнятіе у Франціи двухъ провинцій; затѣмъ она, пожалуй, слишкомъ поспѣшила заявить свою самостоятельность, объявивъ двѣ статьи парижскаго трактата 1856 года недействительными въ такое время, когда миръ между Германіею Франціею не былъ еще восстановленъ. Могущественный сосѣдь, которому мы сами способствовали сдѣлаться еще болѣе могущественнымъ, могъ видѣть въ такой поспѣшности

признакъ недовѣрія русской политики къ нему. Но Россія все-таки не отказалась отъ самостоятельнаго образа дѣйствій, и, конечно, имѣла полное право выбирать, по своему усмотрѣнiю, моментъ, наиболѣе удобный для провозглашенiя недѣйствительности трактата 1856 года. Надо только замѣтить, что война между газетами началась именно еще съ этого момента, то-есть дѣлныхъ девять лѣтъ тому назадъ, съ изданнаго неожиданно для всей Европы циркуляра князя Горчакова, отъ 19 октября 1870 года, объявившаго, что Россія не считаетъ себя болѣе связанною извѣстными статьями трактата 1856 г. Вспомнимъ, что этотъ шагъ былъ сдѣланъ черезъ четыре дня послѣ ваятiя Меца,—и уже это одно послужить достаточнымъ наименованiемъ, что князь Бисмаркъ не могъ не признавать этого шага не своевременнымъ.

Это было не все. Исторiя капитуляцiи Меца до сихъ поръ не вполне разъяснена. Но въ то время ходили настойчивые слухи, что маршалу Базену представлена была въ перспективѣ возможность восстановленiя второй имперiи, такъ что онъ самъ потребовался бы для роли новаго Монка, и вся армiя его могла быть отпущена въ его распоряженiе для исполненiя этой роли. Извѣстно, что Базенъ въ Мецѣ не объявлялъ республики, и изъ процесса его выяснилось, что онъ не считалъ себя подвластнымъ правительству „народной обороны“. До самаго конца 1870 года, еще упорно держались слухи, что князь Бисмаркъ хотѣлъ нанести Францiи послѣднее униженiе—восстановить Наполеона III и заключить миръ съ нимъ. Все это доселѣ не выяснено окончательно, какъ осталось отчасти загадочнымъ и возникновенiе впослѣдствiи парижской коммуны, посредствомъ захвата у національной гвардiи пушекъ, которыя прусское военное начальство сумѣло бы отобрать, если бы того хотѣло.

И вотъ, въ то самое время, когда еще недавно палъ Мецъ и существовало почти всеобщее предположенiе о намѣренiи кн. Висмарка восстановить Наполеона, князь Горчаковъ, 20 ноября, одинъ изъ экземпляровъ своего циркуляра 19 октября послалъ къ русскому повѣренному въ дѣлахъ при турецкой делегацiи республиканскаго правительства, „народной обороны“. Уже въ тогдашнемъ своемъ сообщенiи по этому поводу, нашъ канцлеръ выражался о Францiи такъ: „держава эта занимаетъ въ Европѣ столь важное мѣсто, что императорскiй кабинетъ не можетъ замедлить сообщенiемъ ей такого извѣщенiя въ трактатѣ, ею подписанномъ“. Виѣстъ съ тѣмъ, въ упомянутомъ сообщенiи кн. Горчаковъ высказалъ еще слѣдующую точку зрѣнiя, особенно важную въ виду державнившихся въ то время слуховъ: „какое бы окончательно ни установилось во Францiи правительство, его задачей будетъ уврачеванiе бѣдствiй, причиненныхъ политической системою, влiянiе которой было столь пагубно“.

Итакъ, русскiй канцлеръ открыто высказывался въ смыслѣ не-

благопріятномъ для восстановленія второй имперіи и заявлялъ объ отиѣнѣ трактата, заключеннаго Франціею тому самому правительству „народной обороны“, въ которомъ князь (графъ) Бисмаркъ не хотѣлъ признать правительства этой страны и съ которымъ не хотѣлъ заключать трактата о мирѣ.

Вотъ какъ давно и какъ рельефно выразилось начало того дипломатическаго диссонанса, который именно съ цѣлью прикрыть его—принято нынѣ называть „Federkrieg“.

Но диссонансъ этотъ не прозвучалъ въ 1870 году уединенно, безъ отголосковъ въ годахъ послѣдующихъ.

Всѣмъ памятно еще старанія нашей дипломатіи въ 1874 году установить обще-европейское соглашеніе относительно обычаевъ, имѣющихъ быть соблюдаемыми при веденіи войнъ, и объ обращеніи съ военноплѣнными. Старанія эти, какъ говорилось въ то время, не встрѣтили со стороны германскаго канцлера такой поддержки, на которую нѣмцы рассчитывали, и хотя въ Брюсселѣ и состоялась международная конференція по этому вопросу, но протоколы конференціи, по заключительному отзыву русскаго уполномоченнаго г. Жоинни, получили характеръ только „исслѣдованія“ вопроса. Затѣмъ, предполагалось продолжать переговоры съ цѣлью заключить формальный международный трактатъ, по выясненнымъ конференціею пунктамъ; но эти переговоры къ подобному результату не привели.

Съ другой стороны, одновременно съ засѣданіями брюссельской конференціи происходили переговоры—начатые уже кн. Бисмаркомъ—между берлинскимъ и петербургскимъ кабинетомъ относительно формальнаго признанія Россіею тогдашняго временнаго правительства Испаніи, состоявшаго подъ президентствомъ маршала Серрано. Князь Бисмаркъ, въ пылу своей борьбы съ католическимъ духовенствомъ, считалъ нужнымъ противождать успѣху карлизма въ Испаніи, посылалъ къ ея берегамъ германскую эскадру, которой, конечно, не пришлось ничего тамъ сдѣлать, и собиралъ во всѣхъ столицахъ формальныя признанія европейскими кабинетами „либеральнаго“ правительства маршала Серрано. Но въ отношеніи Россіи, переговоры имъ начатые имѣли еще менѣе успѣха, чѣмъ начатые русскою дипломатіею переговоры объ установленіи международныхъ обычаевъ войнъ европейскою конференціею. Хотя изъ работъ конференціи не произошло ничего практическаго, но конференція все-таки засѣдала, въ ней участвовали уполномоченные Германіи. Что же касается переговоровъ о признаніи Россіею правительства маршала Серрано, то ходатайство объ этомъ встрѣтило со стороны Россіи прямой отказъ. Такой результатъ уже въ то время былъ выставленъ самими оффиціозными органами прусскаго правительства какъ фактъ *разногласія* между обоими кабинетами, хотя разногласія по вопросу второстепенному, которое не могло нарушить добрыхъ отношеній между каби-

нетами. Надо добавить, что въ то же время и въ „Journal de St.-Petersbourg“ появилось, отъ лица редакціи этой газеты, заявленіе въ смыслъ прочности добрыхъ отношеній между Россією и Германією. Итакъ, отношенія эти уже въ 1874 году нуждались въ оффиціозныхъ удостовѣреніяхъ.

Пойдемъ далѣе. Въ 1875 году, весною, прусской оффиціозной печати данъ былъ приказъ протрубить сигналъ атаки противъ Франціи. Первая статья въ этомъ смыслѣ появилась въ берлинской газетѣ „Post“, которая была перепечатана или поддержана „Сѣверо-германскою газетою“, „Провинціальною Корреспонденціей“ и т. д. Предлогомъ къ предполагавшемуся походу послужило увеличеніе кадровъ во французской арміи. Оффиціозная печать кн. Бисмарка говорила прямо, что во Франціи живетъ мысль объ отплатѣ, что новая война съ этой страной неминуема, и что Германія не будетъ дожидаться полного исполненія французской военной реорганизаціи, а сама изберетъ моментъ для начатія этой войны.

Такия заявленія произвели во всей Европѣ переполохъ. Какія дипломатическія событія были имъ вызваны — это не удостовѣрено оффиціальными актами. Извѣстно только, что, вслѣдъ за проѣздомъ нашего Государя и кн. Горчакова чрезъ Берлинъ въ Эмсъ, нашъ канцлеръ увѣдомилъ русскихъ посланниковъ за границей, что Государь убѣдился въ преобладаніи миролюбивыхъ намѣреній въ Берлинѣ, „которыя и ручаются за сохраненіе мира“. Извѣстно также, что впослѣдствіи, кн. Бисмаркъ самъ лично, въ частныхъ разговорахъ, съ особенной раздражительностью отзывался о 1875 годѣ, утверждая, будто ничего особеннаго въ томъ году онъ предпринять не хотѣлъ, и никому не было нужды отвращать опасности, такъ какъ никакой опасности не было. Лично весьма самолюбивый, канцлеръ германскій отвесъ къ чужому самолюбію преувеличенное значеніе, какое кѣмъ-то было придано положенію 1875 года, и преувеличенную заслугу въ устраненіи мнимой будто бы опасности. Затѣмъ, образъ дѣйствій кн. Бисмарка во время послѣдней нашей войны съ Турцією и на конгрессѣ въ Берлинѣ извѣстенъ.

Новѣйшая борьба газетъ была только продолженіемъ дѣлаго ряда однозначущихъ фактовъ. Поѣздка кн. Бисмарка въ Вѣну, происходившіе тамъ переговоры, которымъ въ настоящее время придается смыслъ формальнаго трактата о союзѣ Германіи съ Австрією противъ Россіи, трактата, вполне одобреннаго англійскимъ правительствомъ — все это дѣлалось, главнымъ образомъ, для констатированія факта, что „Россія въ настоящее время стоитъ совершенно изолированной, и что къ этому привелъ ее образъ дѣйствій ея дипломатіи“.

Пусть это доставляетъ удовольствованіе самолюбію германскаго канцлера, но во всемъ этомъ нѣтъ почти ничего для насъ новаго.

Новая, въ сущности, только сама демонстрація, имѣющая форму весьма рельефную. Она намъ можетъ быть непріятна; но все-таки то, что произошло нынѣ въ Вѣнѣ, не представляетъ новой для насъ опасности. Не будемъ повторять то, что мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, доказывая, что союзъ между Германіею и Австріею, въ смыслѣ предпочтенія Германіею интересовъ Австріи въ восточныхъ дѣлахъ интересамъ Россіи, явился вовсе не какъ послѣдствіе поѣздки кн. Бисмарка въ Вѣну, но какъ послѣдствіе исключенія Австріи изъ германскаго союза и созданія германской имперіи, которому русская политика сама благопріятствовала.

Въ этомъ смыслѣ союзъ Германіи съ Австріею долженъ уже быть рассматриваемъ, какъ явленіе постоянное, а не какъ временная демонстрація. Чтобы оцѣнить степень важности этого факта для Россіи, необходимо прежде всего выяснить себѣ, что это — союзъ неравноправный. Сама Германія прямыхъ интересовъ на Востокъ не имѣетъ и никогда не поддержитъ своимъ оружіемъ какихъ-либо самостоятельныхъ предпріятій Австріи на востокъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Германія можетъ защищать Австрію противъ Россіи, но не Германія находится въ подчиненности у Австріи, а наоборотъ—Австрія у Германіи. Итакъ, Германія будетъ защищать Австрію противъ Россіи въ такомъ случаѣ, когда сама дозволила Австріи предпринять то, что вызвало бы нападеніе со стороны Россіи на Австрію. Напримѣръ, это могло бы случиться, если бы Россія хотѣла изгнать австрійцевъ изъ Босніи и Герцеговины, куда они вступили въ силу берлинскаго трактата и для заложенія основъ къ осуществленію такихъ плановъ германской политики, которыхъ осуществленіе можетъ быть отнесено къ будущасти не ближайшей. Мы разумѣемъ—расширеніе Австріи на юго-востокъ, съ отпаденіемъ отъ нея нѣмецкихъ провинцій и присоединеніемъ ихъ къ Германіи. Это, во всякомъ случаѣ,—такое дѣло, которое совершится не завтра, и едва ли даже кн. Бисмаркъ можетъ питать надежду, что самъ еще успѣетъ совершить это дѣло. Въ настоящее же время, онъ не можетъ уполномочить Австрію ни на какое новое предпріятіе въ Турціи, а Россія, съ своей стороны, никакого подобнаго предпріятія также не имѣетъ въ виду. Стало быть, германско-австрійскій союзъ не создаетъ Россіи въ настоящій моментъ никакого новаго затрудненія, не вызываетъ никакой новой для нея опасности.

Другое дѣло—въ будущемъ. Только, повторяемъ, въ этомъ смыслѣ, нынѣшняя демонстрація не прибавила ничего серьезнаго къ тому положенію, которое было создано подчиненіемъ австрійской политики германскому вліянію, вслѣдъ за войною 1866 года и берлинскимъ трактатомъ, который поставилъ австрійцевъ—стражею противъ насъ у Балканъ. „Помните,—сказалъ лордъ Сольсбери въ Манчестерѣ,—что австрійцы стоятъ теперь въ Новомъ-Базарѣ, находятся на линіи

Балканъ, и что теперь для русскихъ переходъ не только чрезъ Балканы, но даже и чрезъ Дунай, не возможенъ иначе, какъ послѣ пораженія ими австрійцевъ. Австрія могущественна и сама по себѣ. Я убѣжденъ, что вѣрнѣйшимъ залогомъ прочнаго положенія дѣлъ и мира въ Европѣ служатъ сила и независимость Австріи. Факты же, совершившіеся въ теченіи послѣднихъ недѣль, оправдываютъ нашу надежду, что Австрія, въ случаѣ нападенія на нее, не осталась бы одинокою“.

Все это можетъ быть очень эффектно въ рѣчи министра, но все это было бы несостоятельно въ разсужденіи мыслителя. Политическія рѣчи имѣютъ назначеніе эфемерное — произвестъ извѣстное впечатлѣніе въ данный моментъ, нужное для его потребностей. Но если бы вмѣсто произнесенія рѣчи, англійскій министръ писалъ книгу о восточномъ вопросѣ, то онъ, конечно, не придалъ бы ни „послѣднимъ недѣлямъ“, ни „могуществу Австріи“ большого значенія для будущности этого вопроса. Говоримъ: конечно, не придалъ бы — потому, что маркизъ Сольсбери — опытный публицистъ, который не хуже другихъ можетъ различать въ фактахъ элементъ виѣшній и случайный отъ элемента основнаго, который одинъ только и важенъ для созданія прочнаго положенія дѣлъ.

Начать съ того, что расположеніе Австріи препятствовать всякимъ нашимъ предпріятіямъ на юго-востокѣ существовало всегда со временъ Екатерины II, и тѣмъ не менѣе рядъ нашихъ вмѣшательствъ тамъ и нашихъ войнъ съ Турціею показалъ, что Австрія одна недостаточно могущественна, чтобы охранять *status quo* въ Турціи противъ Россіи. Между тѣмъ тотъ фактъ, что нынѣ австрійцы находятся въ ново-базарскомъ санджакѣ, а прежде стояли только въ своихъ предѣлахъ, весьма мало увеличиваетъ ихъ географическую возможность воспрепятствовать нашимъ переходамъ чрезъ Балканы и даже чрезъ Дунай. Если бы только Австрія могла рѣшиться объявить намъ одна войну изъ-за Турціи, то она всегда имѣла полную возможность воспрепятствовать переходу нашими войсками Дуная. Для этого ей вовсе не необходимо имѣть войска въ Босніи и Герцеговинѣ. Переправа русскихъ черезъ Дунай, при увѣренности имѣть въ тылу у себя австрійскія войска въ Румыніи, всегда была немислима.

Но дѣло въ томъ было и будетъ впредь, что Австрія одна или хотя бы съ помощью одной Англіи, не могла и не можетъ рѣшиться на войну съ Россіей, такъ какъ такая война поставила бы на карту самое существованіе Австріи, которой славянскій вопросъ опасенъ не много менѣе, чѣмъ Турціи. Итакъ, положеніе, что Австрія могу-

щественна (въ этомъ вопросѣ) сама по себѣ,—невѣрно. Оно опровергается исторіею и событіями послѣдней войны.

Стало быть, важнѣйшій аргументъ маркиза Сольсбери — второй, тотъ именно, что Австрія, въ случаѣ нападенія на нее, не осталась бы одинокою. Такъ какъ, повторяемъ, помощь Англіи была бы для Австріи недостаточна, какъ то обнаруживалось также не разъ, то въ словахъ министра слѣдуетъ видѣть указаніе на помощь, какую бы оказала Австріи Германія. Такъ оно выходитъ и по всему смыслу рѣчи. Но если Австрія принимаетъ на себя назначеніе, о которомъ говорилъ лордъ Сольсбери — служить постоянной преградой для всѣхъ видовъ Россіи на юго-востокѣ, то отсюда же логически вытекаетъ для Австріи необходимость всегда рассчитывать на помощь со стороны Германіи, необходимость, стало быть, находиться въ постоянной подчиненности у Германіи. Не знаемъ, это ли состояніе подчиненности разумѣлъ англійскій министръ, когда говорилъ о необходимости „независимости“ Австріи. Но нельзя признать ни „прочнымъ“, ни „сильнымъ“ такого положенія государства, когда оно можетъ исполнять главное свое назначеніе не иначе, какъ подъ условіемъ союза и подчиненности въ отношеніи къ той именно державѣ, которая одна во всей Европѣ неминуемо пожелаетъ со временемъ *раздробленія* этого государства. А пожелаетъ этого именно — германская имперія.

Ни для кого раздробленіе Австріи въ будущемъ не является необходимостью, кромѣ для германской имперіи. Въ видѣ Россіи, даже самые отдаленные, оно вовсе не входитъ какъ необходимость, если только Австрія, въ худо рассчитанномъ интересѣ, не станетъ, съ помощью Германіи, дѣйствительною охраною, противъ Россіи, всѣхъ несправедливостей, а можетъ быть и ужасовъ, которые еще могутъ совершиться на Балканскомъ полуостровѣ.

Самое худшее для Австріи было бы именно то, если бы Россія получила окончательную увѣренность, что ничего и никогда мы уже не можемъ предпринять для славянскаго дѣла у Балканъ или за Балканами, иначе какъ посредствомъ войны съ Австріею и защитницей Австріи—Германіею. Ясно, что въ этомъ случаѣ простой расчетъ былъ бы для Россіи — предложить Германіи то самое, къ чему она ведетъ дѣло, указывая Австріи востокъ въ видѣ исключительнаго ея назначенія. Для Россіи было бы гораздо выгоднѣе согласиться на отдѣленіе отъ Австріи и присоединеніе къ Германіи всѣхъ нѣмецкихъ областей, чѣмъ вести войну противъ Австріи и Германіи. И Германіи было бы выгоднѣе рѣшиться на это, имѣя за спиной Россію, чѣмъ защищать Турцію противъ насъ въ угоду собственно британской политикѣ. Присоединеніе нѣмецкихъ областей Австріи къ

германской имперіи не может и входить въ національную программу Гогенцоллерновъ. Что при этомъ пришлось бы „округлиться“ насчетъ союзника, это не послужило бы препятствіемъ; вѣдь округлилась же Пруссія въ 1814 году насчетъ Саксоніи, въ 1865 году насчетъ той же Австріи (въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ), въ 1866 году насчетъ Кургессена, Ганновера, Нассау, вольныхъ городовъ—все насчетъ союзниковъ.

А что же удобнѣе для Германіи: отнимать-ли у Австріи нѣмецкія провинціи живя не въ ладу съ Россією, когда такое округленіе вызвало бы вѣроятность новой войны съ Францією; или—совершить это въ согласіи и съ прямымъ содѣйствіемъ Россіи? Отвѣтъ несомнителенъ, и русская политика, на пути которой Австрія лежала бы непреодолимой преградой, совершенно естественно склонилась бы къ устраненію ее этимъ, легкимъ путемъ, то-есть не войной съ Германією, а наоборотъ, союзомъ съ нею, для приобрѣтенія вновь свободы дѣйствій на востокѣ.

Намъ могутъ возразить, что присоединеніе къ Германіи нѣмецкихъ провинцій Австріи — вопросъ будущаго еще довольно отдаленнаго. Мы съ этимъ вполне согласны. Вѣдь и для Россіи вопросъ о новомъ вмѣшательствѣ въ дѣла Турціи, о дальнѣйшемъ расширеніи славянскихъ автономій на Балканскомъ полуостровѣ, не есть вопросъ настоящаго. Но все-таки, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ русская политика имѣетъ назначеніемъ расширеніе самостоятельности славянъ на юго-востокѣ и въ какомъ австрійской политикѣ навязывается изъ Берлина и Лондона назначеніе расширять Австрію насчетъ Турціи и служить тамъ преградой намъ,—въ такомъ точно смыслѣ, политика германской имперіи имѣетъ несомнѣннымъ назначеніемъ довершить германское единство присоединеніемъ нѣмецкихъ провинцій Австріи къ имперіи Гогенцоллерновъ.

Австрійскіе государственные люди не могутъ не сознать этой опасности. Поэтому, трудно допустить, чтобы Австрія серьезно и рѣшительно исполняла возлагаемую на нее изъ Берлина и Лондона миссію. Интересы Австріи на юго-востокѣ, дѣйствительно, противоположны нашимъ. Но у Австріи есть и другіе, еще болѣе жизненные интересы. Никогда она *добровольно* не промѣняетъ австрійское эрцгерцогство, Силезію, Штирію, Тироль да и Богемію съ Моравіей (которыя отошли бы къ Пруссіи вмѣстѣ съ нѣмецкими областями) не только на Боснію съ Герцеговиной, но и на Сербію вмѣстѣ съ Болгаріей. Стало быть, хотя мы и убѣждены, что австро-германскій союзъ будетъ тормазить вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, во въ какую-нибудь рѣшительную минуту, въ случаѣ, напр., новой рѣзни въ Болгаріи или захвата Константинополя англичанами, едва

ли Австрія все-таки рѣшится поставить на карту все свое существованіе, объявивъ Россіи войну въ защиту Турціи. Какъ бы Австрія ни была увѣрена въ дѣйствительности помощи своей союзницы, она не можетъ не знать, что эта помощь была бы далеко не безкорыстной, и что цѣна ея превосходила бы стоимость всякихъ австрійскихъ приобрѣтеній на Балканахъ.

Вотъ почему мы думаемъ, что хотя демонстрація, нынѣ совершенная въ Вѣнѣ, и имѣетъ смыслъ оскорбительный для нашего самолюбія, но она не прибавляетъ ничего существеннаго къ тому положенію Австріи, которое мы сами, къ сожалѣнію, помогли создать. А затѣмъ, въ будущемъ, австро-германскій союзъ дѣйствительно будетъ служить для Россіи помѣхою въ дипломатическихъ стараніяхъ на пользу турецкихъ славянъ. Но въ минуты рѣшительныя, въ моменты кризисовъ, еще весьма сомнительно, окажетъ ли этотъ союзъ ожидаемое отъ него лордомъ Сольсбѣри дѣйствіе. Личныя нерасположенія или недоразумѣнія, какія проявились теперь — дѣло преходящее. Но если бы и въ будущемъ Германія не захотѣла войти ни въ какія сдѣлки съ Россією, иначе какъ по какой-либо слишкомъ дорогой цѣнѣ, то вѣдь Россія можетъ обезпечить себя и иными союзами. Во всякомъ же случаѣ германскіе политики, торжествующіе теперь свою эффектную, но временную побѣду надъ Россією, не могутъ не убѣдиться со временемъ, что если бы имъ удалось дѣйствительно и навсегда преградить Россіи путь къ дальнѣйшему улучшенію быта славянскихъ народовъ Турціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ этимъ политикамъ пришлось бы навсегда отречься и отъ завершенія единства Германіи на югѣ, и отъ окончательнаго обезпеченія ея недавнихъ приобрѣтеній на западѣ. Такой планъ, который предполагалъ бы, что одной Германіи удастся сперва отнять двѣ провинціи у Франціи, потомъ отнять нѣсколько областей у Австріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишить русскую политику въ Европѣ всякой будущности, или допустить, напр., образованіе великой Болгаріи только цѣной отнятія нѣсколькихъ провинцій (царства польскаго) у самой Россіи — слишкомъ грандіозенъ для удобоисполнимости. Изолированной же Россія останется лишь до тѣхъ поръ, пока сама не будетъ видѣть нужды вступать въ какіе-либо новые союзы.

НЕКРОЛОГЪ.

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ

род. 5 мая 1820 г. † 4 октября 1879 г.

Прошло 25 лѣтъ со смерти Карамзина, когда, въ 1851 году, явился первый томъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Уже тогда можно было предвидѣть, что Карамзинъ получаетъ достойнаго себѣ преемника. Автору начинавшагося труда только-что исполнился 31 годъ, и позволительно было ожидать, что онъ будетъ имѣть время не только для ревизіи пройденнаго Карамзиннымъ пути, но и поведетъ русскую исторію дальше—до нашего времени. Почти 30 лѣтъ упорнаго, неутомимаго труда дали почти столько же томовъ; „Исторія Россіи“ не только во многомъ пересоздала „Исторію государства Россійскаго“, но и успѣла проникнуть болѣе чѣмъ на 150 лѣтъ дальше Карамзина: она ввела насъ во вторую половину прошлаго вѣка; знаменитый ея авторъ стоялъ такимъ образомъ при самомъ концѣ своего многолѣтняго научнаго странствованія, ему былъ видѣнъ, такъ-сказать, берегъ, — но достигнуть берега не было ему суждено. 1879-й годъ въ нашей исторіографіи оставитъ по себѣ такую же печальную память, какъ и 1826-й — годъ смерти Карамзина.

„Исторія Россіи“, продолживъ „Исторію государства Россійскаго“, была вмѣстѣ и шагомъ впередъ, какъ и самое время Соловьева было въ исторической наукѣ шагомъ впередъ, сравнительно съ временемъ Карамзина. Соловьеву предстояло воспользоваться и новыми матеріалами, и—что еще болѣе важно—примѣнить къ области русской исторіи новѣйшіе приемы исторической критики: то и другое было имъ выполнено съ тою тщательностью и добросовѣстностью, которыя составили ему почетное имя въ ряду первоклассныхъ историковъ нашего времени. Одинъ талантъ, хотя бы и высокій, повѣствователя не могъ бы удовлетворить вполне новѣйшее время. Карамзинъ далъ русской исторіи въ первый разъ, если можно такъ выразиться, научный образъ и подобіе и заставилъ полюбить русскую исторію—это его величайшая заслуга: его читали и имъ наслаждались; Карамзинъ первый популяризовалъ отечественную исторію въ научной формѣ и сдѣлалъ ее всеобщимъ достояніемъ всякаго сколько-нибудь образованнаго человека. Сила его таланта была такова, что и теперь еще живутъ въ представленіяхъ общества созданные имъ величавые историческіе образы, наперекоръ позидѣйшей критикѣ и ея усиліямъ привести все историческое къ его нормальнымъ размѣ-

рамъ. Такой дальнѣйшій трудъ критики былъ однако необходимъ, и наша исторіографія весьма счастливо нашла себѣ Соловьева послѣ Карамзина.

Двадцатипятилѣтіе, прошедшее между смертью стараго нашего исторіографа и появленіемъ перваго тома „Исторія Россіи“, въ жизни С. М. Соловьева было приготовленіемъ къ подъятому имъ впоследствии колоссальному труду. Все благопріятствовало будущему развитію мощнаго научнаго дѣятеля, и всѣмъ онъ отлично воспользовался. Его отецъ, самъ преподаватель закона Божія въ московскомъ коммерческомъ училищѣ, могъ рано позаботиться о правильномъ ростѣ умственныхъ силъ своего сына; затѣмъ, онъ кончилъ курсъ въ 1-й московской гимназіи, въ 1839 году; ей нашъ историкъ обязанъ тѣмъ солиднымъ образованіемъ, которое послужило прочнымъ фундаментомъ для его дальнѣйшихъ специальныхъ работъ; вообще, то поколѣніе должно съ признательностью вспоминать о гимназіяхъ сороковыхъ годовъ: съ меньшими средствами, какими располагало то время, онѣ могли давать все необходимое для дальнѣйшей умственной жизни даже и такому научному дѣятелю, каковымъ явился впоследствии С. М. Соловьевъ. Послѣ университетскихъ лѣтъ, онъ провелъ два года за-границею, и въ 1846 году одновременно открылъ и научную дѣятельность, и дѣятельность профессора въ своемъ же университетѣ изслѣдованіемъ: „Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ“, за которымъ послѣдовала въ 1847 году „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“. Эти академическіе труды были преддверіемъ той работы, которой Соловьевъ посвятилъ затѣмъ всю свою жизнь, все свое время, дѣля его поровну между рабочимъ кабинетомъ и университетскою аудиторіею, почти безъ всякаго остатка для „суетнаго свѣта“. И университетъ цѣнилъ такого преданнаго ему и своей наукѣ дѣятеля; онъ справедливо гордился имѣть его своимъ главою. Только для университета С. М. Соловьевъ охотно нарушалъ обычное мирное теченіе своей жизни. „Судьба навсегда связала Сергія Михайловича съ исторіей московскаго университета, — говорилъ 7-го октября, надъ его могилой въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, одинъ изъ свидѣтелей его жизни, профессоръ Герье: — онъ принадлежалъ ему не только своими трудами, своей славой, но и всей своей жизнью. Онъ былъ не только чловѣкъ принциповъ, но и чловѣкъ чувства. Тому, что онъ считалъ своимъ долгомъ, онъ отдавалъ не только свой трудъ, но свой внутренний покой, принося ему въ жертву свое душевное счастье. Когда въ послѣдній разъ мы упрасивали его взять на себя тяжелую для него обязанность ректора, онъ, долго подумавши, наконецъ, сказалъ: „Господа, я принимаю потому, что это — тяжело!“ Онъ былъ чловѣкъ сердца, и сердце его *болѣло*. Ни свѣтлый взоръ его, ни при-

вѣтливая его улыбка не могли скрыть отъ тѣхъ, кто его любилъ, той сердечной боли, которая сократила его жизнь". Другой свидѣтель, нынѣшній ректоръ университета, г. Тихонравовъ, въ своемъ превосходномъ историческомъ обращеніи къ памяти покойнаго, оцѣнилъ тѣ же его качества: Соловьевъ умеръ въ такую минуту, когда подобные люди были бы всего нужнѣе для университета. Таковъ былъ общій смыслъ сказаннаго. Будущій, болѣе или менѣе отдаленный біографъ выяснитъ подробности эти послѣднія и свѣтлыя страницы жизни покойнаго и расскажетъ о „сердечной боли“ чловека, который однако во всемъ и всегда отличался спокойнымъ и невозмутимымъ характеромъ, мягкимъ сердцемъ, трезвостью взгляда и любовью къ миру и тишинѣ, столь необходимымъ для труженика науки.

Пушкинъ сказалъ, по поводу отсутствія хорошей біографіи, если не ошибаемся, именно Грибоѣдова: „мы, русскіе, лѣнливы, да и не любопытны"! По отношенію С. М. Соловьева, мы не понесемъ такого упрека: до насъ дошло весьма пріятное извѣстіе, что семейство покойнаго предоставило профессору московскаго университета Н. А. Попову составить подробный біографическій и литературный очеркъ жизни С. М. Соловьева, и съ этою цѣлью снабдило его всѣми необходимыми бумагами покойнаго, его перепискою, дневникомъ и т. п. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора во всѣхъ отношеніяхъ: такого автора не придется упрекнуть въ „лѣнности", такъ какъ и по личнымъ, и по научнымъ связямъ съ покойнымъ, онъ, конечно, положить всю душу въ предпринимаемое имъ дѣло, да надобно думать, что на этотъ разъ и мы окажемся „любопытными". Книга о чловецѣ, который составлялъ славу нашего времени, будетъ ожидатьcя съ нетерпѣніемъ не въ одномъ тѣсномъ кружкѣ друзей покойнаго,

Въ нашемъ обществѣ эта преждевременная смерть вызвала самыя искреннія и многочисленныя ¹⁾ выраженія сочувствія, по поводу

¹⁾ Мы увѣрены, что напечатанный въ московскихъ газетахъ списокъ телеграммъ изъ разныхъ концовъ Россіи, и обращенныхъ къ личной и къ университетской семьѣ покойнаго, былъ далеко не полонъ, такъ какъ, напримѣръ, мы не нашли въ числѣ ихъ телеграммъ отъ г. министра народнаго просвѣщенія; депеша Е. И. В. Великаго Князя Сергія Александровича, по отсутствію Его за-границею, явилась въ печати позже и была прислана супругѣ покойнаго изъ г. Канна, въ южной Франціи, отъ 9 (21) октября: „Je tiens à vous exprimer toute la part que Je prends au malheur qui vous frappe. L'Impératrice me charge de vous dire les regrets profonds que Lui inspire la perte que nous faisons tous par la mort de votre mari. *Serge*". — „Московскія Вѣдомости" въ теченіи трехъ дней послѣ смерти не сказали ни слова о покойномъ — только ограничивались печатаніемъ объявленія о смерти отъ семейства покойнаго, вмѣстѣ съ прочими торговыми объявленіями; но это нисколько не противорѣчитъ вышесказанному нами: редакція „Московскихъ Вѣдомостей" могла почтить С. М. Соловьева только молчаніемъ — она и почтила его молчаніемъ.

такой тяжелой утраты, какую понесла и наука, и одна изъ важнѣйшихъ кафедръ старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ. Мы вообще не богаты интеллектуальными силами, а въ настоящемъ случаѣ такая потеря была бы чувствительна и тамъ, гдѣ замѣна подобнаго лица не заставляетъ себя слишкомъ долго ждать.

Заключимъ нашею личною признательностью къ памяти покойнаго, который съ перваго дня существованія журнала, въ теченіи 14-ти лѣтъ, почти непрерывно принималъ въ немъ участіе своими учеными экскурсіями, и нѣкоторыя изъ нихъ были до того обширны, что впоследствии составили въ отдѣльномъ изданіи обширный томъ (560 страницъ большого формата), подъ общимъ заглавіемъ: „Императоръ Александръ I: Политика и Дипломатія“ (Спб. 1877). Это можно сказать былъ трудъ десяти лѣтъ: онъ начался рядомъ статей, озаглавленныхъ: „Эпоха конгрессовъ“; онѣ выходили въ журналѣ въ теченіи двухъ лѣтъ, 1866 и 1867; окончаніе же ихъ, подъ заглавіемъ: „Россія и Европа въ первой половинѣ царствованія Александра I“, вышло въ 1877 году (май, августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь). Въ 1868 году (декабрь) С. М. Соловьевъ началъ печатать въ журналѣ отдѣльными статьями свой опытъ философіи исторіи: „Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ“, оставшіяся неоконченными (1869 г. декабрь; 1870, янв. и дек.; 1871, февр.; 1873, февр.; 1874, апр.; 1875, апр.; 1876, май). Изъ мелкихъ его работъ укажемъ: „Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ“ (1868, мартъ), и статья нынѣшняго года (мартъ и май): „Поццо ди Борго и Франція“, которая сдѣлалась, столь же неожиданно, сколько и прискорбно, послѣднимъ словомъ покойнаго въ нашемъ журналѣ.

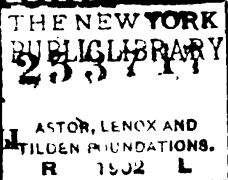
С.

М. Стасюлевичъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васильев. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1880-мъ году.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1880-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россіи: За границу

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечаніе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . 2 > 50 > 3 >

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ такъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ исполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить въ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Въ Главной Конторѣ журнала и въ ея Московскомъ Отдѣленіи можно получать полные экземпляры «Вѣстника Европы» за 1879 годъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О. 2-я лин.,

д. № 7.

■ НОВАЯ КНИГА: ■

КУРСЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

Составилъ Э. Вреденъ.

Второе, переработанное изданіе. Спб. 1880: Стр. 596. — Цѣна 5 рублей.

■ НОВАЯ КНИГА ■

СОЦІОЛОГІЯ

Евгенія де-Роберти.

Спб. 1880. Стр. 368. — Цѣна 2 р. 50 к.; въ перепл. 3 руб.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ОЧЕРКОВЪ И РАЗСКАЗОВЪ: 1847—1876 гг.

Ив. Тургенева.

Первое стереотипное изданіе. Спб. 1880. Стр. 385. Портреть, факсимиле, біографическая записка. — Ц. 2 руб., съ пер. 2 руб. 20 коп.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢТЕЛЕЙ.

Н. Костомарова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ: Господство дома св. Владиміра — X-XVI стол. — 2-е изданіе.

Спб. 1880. Стр. 759. Ц. 3 руб. 50 коп.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

ПО ИМУЩЕСТВАМЪ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ, ВЪ ПРИМѢНЕНИИ КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТ.

К. Кавелина.

Опытъ систематическаго обзорѣнія. Спб. 1879. Стр. 410. Ц. 3 рубля.

ПИСЬМА ИЗЪ БОЛГАРИИ

Евг. Утина.

Спб. 1879. Стр. 471. Ц. 2 руб. 50 коп.

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. Пышина и В. Д. Спасовича.

Издание второе, вновь переработанное и дополненное, въ двухъ томахъ. Томъ I-й.
Стр. 447. Спб. 1879. Ц. 8 рубл., съ пересл.

ВОСПОМИНАНИЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Н. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ: Собрание критическихъ статей, очерковъ и замѣтокъ, за 20 лѣтъ—
1848—68 гг. Спб. 1879. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к. — Цѣна за оба тома — 3 р.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ
Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, специальною Коммиссіею.
Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ. — Флоберъ. — Гонкуръ. — Додэ. — А. де-Мюссе. — Тэнъ. — Ренанъ. —
Шатобрианъ. — Тьеръ. — Ж. Зандъ. — В. Гюго. — А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

ВЪЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пышина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ
4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Вѣлинскаго значительно дополнена новыми мате-
ріалами, явившимися въ печати за последнее время, и новымъ рядомъ писемъ Вѣли-
нскаго, доселѣ неизданныхъ.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10% съ цѣны книги,
въ круглыхъ цифрахъ.

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1879.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬ

Digitized by Google

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1879.

I.—ВАРЕПЬКА УЛЬМИНА.—Часть вторая.—Окончание.—Л. Я. С.	Стр. 441
II.—ВАШИНГТОНЪ. — Очерки столицы и правительства Соединенныхъ Штатовъ Америки.—XII—XIV.—Окончание.—Всес. Миропольскаго.	469
III.—ПАЛАТА № СТО-ТРЕТИЙ.—Изъ дневника.—I—III.—А. Л.	539
IV.—ИГНАТИЙ-АВРЕЛИЙ ФЕСЛЕРЪ.—1756—1839 г.—Биографическій очеркъ.—I. Въ Австрiи.—II. Въ Пруссiи.—III. Въ Россiи.—Н. А. Попова.	560
V.—СЫРОВАРЪ.—Очеркъ изъ деревенскихъ нравовъ.—I—II.—Н. М.	641
VI.—СЧАСТЛИВЫЙ БРАКЪ.—Очеркъ изъ новаго романа Троллопа: „John Caldigate.—I—VI.—Л. Л.	669
VII.—ШКОЛА ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.—Полное собранiе сочиненiй князя П. А. Вяземскаго, т. I и II.—А. В.—иъ.	699
VIII.—ТРИ ПЬСНИ.—I. Gondellied, Мендельсона.—II. Ожиданiе.—III. Зеркальнаго пруда померкнута блестящей.—Е. А.	729
IX.—ДОМАШНИЙ ОЧАГЪ.—Поѣсть.—XXIV—XXXV.—Окончание.—Д. И. Стахѣва.	729
X.—ХРОНИКА.—Железные дороги и экономическое развитiе.—Л. А.	799
XI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя книги русской и иностранныхъ литературы	829
XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Покоренiе на жизнь Государя Императора въ Москвѣ.—Сужденiе въ московскомъ вѣмствѣ о земской школѣ для содѣйствiя крестьянамъ въ покупкѣ земель.—Общiй вопросъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства.—Объясненiя гласныхъ крестьянъ.—Положенiе сельскихъ учителей.—Новый законъ о назначенiи служащихъ въ мировыхъ судебныхъ установленихъ и мировыхъ судей.—Возраженiе „Голосу“ по поводу отвѣтственности военно-служащихъ за обиды частнымъ лицамъ.—Общiй вопросъ о подрудности военно-служащихъ.—Письмо въ редакцію изъ Нальчика	839
III.—ОБЪЯСНЕНІЕ на „Разъясненiе“, напечатанное въ ноябрьской книгѣ, по требованiю министерства народнаго просвѣщенiя	859
IV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—При новомъ порядкѣ.—К.	869
XV.—ОТЪ РЕДАКЦІИ.—Поправка къ некрологу С. М. Соловѣва.	919
XVI.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1879 г.	919
XVII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ въ 1879 г.	929
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Исторiя одного города; Помпадурш; Благонамѣренныя рѣчи. М. Е. Салтыкова.—Изъ дальнихъ зѣтъ, Т. П. Пассекъ, т. II.—Очеркъ Чурукъ-Су и Батума, А. Френкеля.—Confessio, Е. де-Роберти.—Русскіе поэты, Н. В. Гербель.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XX стр.

ВАРЕНЬКА УЛЬМИНА

П О В Ъ С Т Ъ .

Окончаніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Петръ Степановичъ вышелъ изъ вагона и, подождавъ рукою сторожа, спросилъ:

— Присланы за мною лошади?

— Какъ же, батюшка, присланы, — отвѣтилъ тотъ и взялъ у него изъ рукъ дорожный мѣшокъ.

— Ну, такъ мы поѣдемъ, — обратился Петръ Степановичъ къ худощавому блондину, который вмѣстѣ съ нимъ сошелъ съ поѣзда.

Они прошли вокзалъ насквозь. У подѣзда стояла старинная коляска Натальи Александровны и на козлахъ сидѣлъ сѣдой, чисто-выбритый, съ одними только усами, старикъ Парамонъ. Петръ Степановичъ удивился.

— Чтò это значить? — спросилъ онъ. — Почему же выслали не Алексѣя и не на моихъ лошадяхъ?

Парамонъ, не спѣша, снялъ шапку и степенно поклонился.

— Чтò дѣлать, батюшка, — отвѣтилъ онъ своимъ важнымъ наставительнымъ голосомъ: — Богъ посѣтилъ.

---

*) См. выше: ноябрь, 165 стр.

— Что ты городишь? — крикнулъ Петръ Степановичъ, а у самого сердце замерло.

Парамонъ обидѣлся.

— Ничего я, сударь, не горожу, — вырвалось у него почти грубо. — Погорѣть вы изволили.

— Погорѣть! — потерянно повторилъ Петръ Степановичъ, не сознавая, что онъ говорить.

— Усадьба, то-есть, сгорѣла, а деревня ничего, — уже мягко пояснилъ усмирившійся Парамонъ.

— А барыня? — насилу выговорилъ Петръ Степановичъ.

— Барыня — слава Богу.

— Ну, слава Богу! — повторилъ и Петръ Степановичъ и широко вздохнулъ.

— А Митя?

— И Митрій Ѳеодорычъ слава Богу.

Парамонъ вдругъ полѣзъ къ себѣ за пазуху и вынулъ записку отъ Вареньки, которую велѣно было подать, какъ только Петръ Степановичъ выйдетъ изъ вагона; потомъ неожиданно, почувствовавъ совсѣмъ непривычный ему позывъ къ разговорчивости, старикъ сказалъ:

— Вотъ только Игнатъ сгорѣлъ, да Алексѣева жена ужъ очень больно обожглась.

Петръ Степановичъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, потомъ взглянулъ на прочитанную записку, вздохнулъ и сталъ подниматься на высокую подножку.

— Садись, Александръ, — сказалъ онъ своему спутнику. — Что дѣлать, — видно, не въ добрый часъ позвалъ я тебя. Поѣдемъ къ Натальѣ Александровнѣ — это моя теща. Моя барыня вѣдь у васъ, въ Груздинѣ?

— Такъ точно, у насъ.

— Такъ мы поѣдемъ въ Груздино. Тебѣ это не очень не-пріятно?

Онъ словно былъ въ чемъ-то виноватъ и извинялся.

— Мнѣ все равно. Поѣдемъ въ Груздино, — отвѣтилъ Александръ тихимъ, ласковымъ голосомъ.

Онъ тоже взобрался въ экипажъ. Парамонъ тронулъ лошадей. День былъ пасмурный, съ холоднымъ вѣтромъ, чуть не осенній. Отъ станціи до Груздина считалось добрыхъ двадцать-пять верстъ. Старыя лошади везли не торопясь, тоскливо, да и дорога была плохая. Всѣ молчали. Парамонъ былъ сроду молчаливъ; Александръ уныло посматривалъ кругомъ своими добрыми глазами и изрѣдка ѣжился отъ сырости; Петръ Степановичъ не

успѣлъ еще опомниться и только повторялъ про себя «слава Богу!» всякій разъ, какъ вспоминалъ о Варенькѣ. Во всю дорогу онъ только разъ спросилъ у Парамона:

— А когда это случилось?

— Да вотъ, значить, ночью третьяго-дня.

Потомъ, уже совсѣмъ подъѣзжая къ Груздину, онъ сказалъ Александру:

— А вотъ сейчасъ и Груздино!

И вдругъ повеселѣлъ. Кстати и погода предъ закатомъ прояснилась, и солнце выглянуло. У Петра Степановича забилося сердце какъ въ былое время, когда онъ ѣзжалъ сюда женихомъ. Парамонъ встрепенулся и прикрикнулъ на лошадей: «э-эхъ, графчики!» Лошади трахнули головами и пошли живѣе. Боже мой, какъ ясно вспомнилось Петру Степановичу старое! Какъ ничего не перемѣнилось—ни деревня, ни домикъ Натальи Александровны! Теперь все скрылось. Еще минутъ пять — и они подъѣдутъ къ саду. Вотъ и онъ. Вотъ ровъ, гдѣ растетъ ежевика... Петръ Степановичъ оглянулся, не бѣжить ли къ нему Варенька? Вотъ пошелъ частоколъ, а вотъ и каменная ограда, — два столбика обвалились. «Графчики» бодро подкатили къ подъѣзду. На крыльцѣ стояли Наталья Александровна и Варенька. Не успѣлъ Петръ Степановичъ выйти изъ коляски, какъ она уже спрыгнула къ нему и крѣпко обняла руками его шею. Онъ такъ же, какъ тогда, давно, поднялъ ее и на рукахъ понесъ въ домъ.

Александръ остался одинъ; тронутая до слезъ, Наталья Александровна побѣжала за ними. Онъ поднялся на лѣстницу, раздѣлся въ передней и вошелъ въ залу. Тамъ никого не было; онъ подождалъ немного и прошелъ дальше. Въ маленькой столовой увидалъ онъ накрытый чайный столъ и Митю, который смотрѣлъ въ окно и которому онъ поклонился. Митя тоже поклонился ему и еще дальше высунулся изъ окна. Тутъ же, почти слѣдомъ, вошли Петръ Степановичъ, Варенька и Наталья Александровна. Петръ Степановичъ подошелъ къ смутившемуся Митѣ и, молча, крѣпко обнялъ его — на рѣсницахъ у него висѣли слезы. Онъ украдкой стеръ ихъ и отвернулся.

— Варя, — сказалъ онъ, подводя къ ней Александра, — вотъ мой родственникъ, Александръ Алексѣевичъ Шубинъ.

Шубинъ низко поклонился покраснѣвшей Варенькѣ. Ему очень понравилось ея неправильное, красивое лицо съ невысохшими еще слезами на щекахъ и радостной улыбкой. Потомъ его познакомили съ Натальей Александровной, и всѣ сѣли пить чай.

За чаемъ Наталья Александровна не дала никому говорить и стала длинно и подробно рассказывать о пожарѣ, котораго не видала. У Шубина съ дороги заболѣла голова, и онъ въ десятомъ часу, не дожидаясь ужина, ушелъ спать.

II.

Когда Петръ Степановичъ и Варенька остались одни, она спросила у него, что за человѣкъ его родственникъ, — спросила не столько изъ любопытства, сколько потому, что ей хотѣлось говорить о чемъ-нибудь другомъ, а не о пожарѣ. Петръ Степановичъ самъ недавно познакомился съ Александромъ Алексѣвичемъ; онъ въ нѣсколькихъ словахъ рассказалъ Варенькѣ, что слышалъ о немъ. Когда онъ кончилъ, она сказала тихо: «Боже мой, какъ мнѣ жалко его!»

Шубинъ былъ одною изъ тѣхъ нѣжныхъ, чистыхъ и слабыхъ натуръ, которыя не могутъ жить безъ любви и ласки; такіе люди вынуждены и умираютъ, какъ только спрячется на-долго солнечный лучъ, — потому, что у нихъ нѣтъ ни могучей вѣры, которая могла бы имъ спокойно ждать, когда выглянетъ опять солнце, ни силъ опрокинуть препятствіе, если что-нибудь загораживаетъ отъ нихъ это солнце. Этихъ людей почти всегда можно узнать и по лицу: у Шубина были большіе, славные, умные, каріе глаза съ темными, мягкими, пушистыми бровями; не очень высокій, но очень широкій лобъ; бѣлокурныя шелковистыя волосы, которые сами-собою, красиво, но какъ-то простодушное, распадались женскимъ радомъ; узкій и немножко длинный подбородокъ съ небольшою бородой — вообще лицо его было очень недурно... Роста онъ былъ средняго, нѣсколько худощавъ, но сложенъ хорошо. Въ дѣтствѣ судьба баловала его: онъ былъ младшимъ въ большой семьѣ. Мать, отецъ, взрослые сестры — всѣ лѣгчали его. Потомъ мало-по-малу семья стала рѣдѣть: сестры вышли замужъ, уѣхали, двѣ изъ нихъ умерли, а тамъ умерла и мать. Шубинъ остался одинъ съ отцомъ, на котораго былъ очень похожъ. Пусто и холодно показалось имъ, когда они остались только вдвоемъ, но все-таки вмѣстѣ имъ было еще довольно хорошо. Старикъ Шубинъ умеръ всего лишь годъ тому назадъ, когда Александръ Алексѣвичъ былъ уже женатъ. Женился онъ на расавицѣ, которую зналъ давно, когда она была еще вовсе не красивой, очень высокой и нескладной дѣвочкой съ широкой, плоской грудью и большими руками и ногами. Шубинъ былъ

товарищемъ ея брата и бывалъ у нихъ въ домѣ. Потомъ Зимины уѣхали изъ Москвы, и Шубинъ потерялъ ихъ изъ виду. Уже чрезъ восемь лѣтъ, прїѣхавъ служить въ провинцію, онъ случайно встрѣтился въ одномъ знакомомъ домѣ съ Пашенькой Зиминной и, конечно, не узналъ бы ея, если бы его не представили. Пашенька была теперь двадцати-двухъ лѣтъ и хороша на удивленіе. Замѣчательно рослая, изящно и роскошно сложенная, она, несмотря на робость, доходившую почти до странности, смотрѣла настоящей царицей въ своемъ простомъ и даже не совсѣмъ модномъ бѣломъ шерстяномъ платьѣ. Шубинъ залюбовался ея большими, необыкновенно красивыми руками, ея профилемъ и ея удивительной головой съ маленькимъ лбомъ, густой черной косой и природными завитками сзади, на шеѣ; ему показались особенно прелестны и несмѣлыя, тихія движенія Пашеньки, и слабый румянецъ, чуть пробивающійся севозъ плотную бархатистую кожу, которымъ вспыхивало нѣжное смуглое лицо дѣвушки, когда съ нею заговаривали или когда ей самой приходилось говорить; а черные глаза ея, чудно добрые и мягкіе, были сама ласка. Шубинъ спросилъ ее о братѣ. Пашенька покраснѣла сильнѣе, чѣмъ въ другіе разы, глаза ея наполнились слезами, и низкій контральто дрогнуло, когда она тихо сказала: «онъ умеръ». Она замолчала, но черезъ минуту опять заговорила—уже сама: воспоминаніе о горячо любимомъ братѣ пересилило ея смущеніе. Сперва робко, отрывочно, потомъ увлеченная чувствомъ, съ нѣжно-засіявшимъ лицомъ, Пашенька стала рассказывать Шубину о Васѣ, котораго онъ тоже оставилъ мальчикомъ, и незамѣтно проговорила очень долго. Шубинъ съ наслажденіемъ слушалъ ея тихій, грудной голосъ, и ему казалось, что въ комнатѣ становится все теплѣе и свѣтлѣе. При прощаніи мать Пашеньки пригласила его бывать у «старыхъ знакомыхъ».

Вернувшись къ себѣ, Шубинъ случайно нашелъ между бумагами портретъ Васи Зимина карандашомъ, нарисованный очень давно общимъ гимназическимъ товарищемъ; на другой день онъ отвезъ этотъ рисунокъ Пашенькѣ, которая такъ хорошо сказала ему: «благодарю васъ», что у него дыханье захватило отъ поднявшагося восторга. Черезъ два мѣсяца Шубинъ уже былъ женатъ. Цѣлый годъ онъ былъ счастливъ. Замужество не измѣнило Пашеньку: она, по-прежнему, какъ-будто боялась или стыдилась высказаться. Но это что-то недоговоренное, какое-то, казалось, скрываемое сокровище только плѣняло Шубина своей заманчивой таинственностью; впрочемъ, открыть эту тайну, заглянуть до дна въ душу Пашеньки онъ не старался: ему было хорошо, стыдливый

взглядъ жены по старому грѣлъ и ласкалъ его, — и Александръ Алексѣевичъ тихо, послушно и безмятежно отдавался счастью. Было, конечно, и горе въ этотъ годъ — и даже большое горе: сперва умеръ отецъ Шубина, потомъ новорожденный сынъ; ребенокъ прожилъ всего пять дней, но Пашенька плакала о немъ такъ горько и такъ страстно, что, не успѣвъ еще оправиться послѣ родовъ, опасно и на-долго заболѣла. И все же годъ этотъ былъ очень счастливымъ годомъ для Александра Алексѣевича. Начался второй. Съ Шубинными случайно познакомился молодой князь Л., пустой и неумный малый, съ очень недурнымъ породистымъ лицомъ. Онъ сталъ часто бывать у нихъ въ домѣ. Нельзя сказать, чтобы онъ ухаживалъ за Пашенькой; онъ просто только не скрывалъ, что восхищается ею. Шубинъ съ перваго же дня увидалъ это, но не разсердился и не посмѣялся: онъ понималъ, что не восхищаться Пашенькой нельзя, и вмѣстѣ испытывалъ доброе чувство богатаго къ нищему. Прошло мѣсяца три. Разъ майскимъ вечеромъ Александръ Алексѣевичъ вернулся домой и, какъ всегда съ тѣхъ поръ, какъ выставили зимнія рамы, не звоня, прошелъ черезъ калитку въ садикъ, куда выходили окна его кабинета и столовой; въ обѣихъ комнатахъ были балконныя двери. Проходя мимо столовой, Шубинъ увидалъ Пашеньку и князя. Они сидѣли у задней стѣны, возлѣ маленькаго столика; ея рука въ широкомъ рукавѣ лежала на столикѣ и князь, наклонившись, жадно цѣловалъ эту красивую руку. Пашенька, красная, испуганная, дышала скоро и не глядѣла на него. Но вотъ губы князя обожгли ей открытый локоть; она вся вздрогнула, потомъ вдругъ обернулась и сама поцѣловала наклонившуюся надъ ея рукой кудрявую, коротко-остриженную голову. Въ эту самую минуту кто-то громко позвонилъ. Князь быстро поднялъ голову и отодвинулъ свой стулъ. Все это продолжалось едва нѣсколько секундъ. Шубинъ такъ весь похолодѣлъ, что даже не могъ вскрикнуть. Впрочемъ, когда вошелъ звонившій и сталъ спрашивать, скоро ли будетъ домой Александръ Алексѣевичъ, онъ опомнился настолько, что осторожно спустился въ садъ и прошелъ въ самому забору, гдѣ за липами и густыми кустами бузины стояла скамеечка, на которую онъ сѣлъ. Больше всего ему было холодно, страшно, чисто-физически холодно, и не такъ, какъ когда человѣкъ забнетъ, а совсѣмъ особенно, точно-будто холодъ былъ у него внутри. Шубинъ просидѣлъ тутъ не больше четверти часа. Спрашивавшій его гость попросилъ Пашеньку передать мужу, зачѣмъ онъ приходилъ, а самъ ушелъ. Въ одно время съ нимъ простился и князь, понимая,

что продолжать, послѣ перерыва, объясненіе въ любви вышло бы, пожалуй, комично. Проводивъ ихъ, Пашенька сошла въ садъ; онъ былъ очень маленькій, такъ что она черезъ минуту очутилась на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Шубинъ. Она сперва вдрогнула и тихо ахнула отъ неожиданности, потомъ испугалась мертваго лица мужа. Онъ взглянулъ на нее страдальчески, точно тяжело больной, и сказалъ тихимъ, ослабѣвшимъ голосомъ: «я все видѣлъ». Она поблѣднѣла, широко, безумно раскрыла глаза, зашевелила поблѣвшими губами. Онъ молчалъ и, не перемѣняя позы, смотрѣлъ на нее тѣмъ же смертельно-страдающимъ взглядомъ. Пашенька робко отошла шага на три, приклонилась къ дереву и, вдругъ высоко поднявъ плечи, по-дѣтски закрывъ лицо руками, горько заплакала отъ невыносимаго страха. При звукѣ ея рыданій Шубину сдѣлалось такъ же жарко, какъ было холодно до сихъ поръ; съ тѣмъ бѣшенствомъ, на которое способны только вроткіе люди, бросился онъ къ женѣ. Пашенька вскрикнула оборвавшимся крикомъ, точно захлебнулась, и совсѣмъ низко наклонила голову: она ждала, что онъ ударитъ ее. Но Шубинъ только схватилъ ее за руку и тутъ же, самъ зарыдавъ, опустился къ ея ногамъ. Ей чуть не сдѣлалось дурно, когда онъ обнялъ ее колѣни, но онъ только плакалъ—тяжело, мучительно. Понемногу Пашенька стала оправляться.

— Прости меня,—прошептала она съ дѣтской боязнью, заливаясь слезами.

Онъ еще крѣпче сжалъ ее колѣни...

— Дорогая моя, уѣдемъ отсюда! Скажи, вѣдь еще не поздно?—спрашивалъ онъ съ страстной надеждой вернуть свое счастье.

— Не поздно,—отвѣтила она чуть слышно, зардѣвшись и все еще всхлипывая.

Въ ночь она занемогла и прохворала недѣли полторы. Болѣзнь, впрочемъ, была неопасная: небольшой жаръ, слабость, кошмары по ночамъ. Такъ иногда болѣютъ дѣти—«съ перепугу»—говорятъ няньки. Шубинъ въ это время хлопоталъ объ отпускѣ и готовился ѣхать за-границу. Князь пріѣзжалъ каждый день узнавать о здоровьѣ Пашеньки и у самого Александра Алексѣевича два раза спросилъ о томъ же при встрѣчѣ. Шубинъ отвѣтилъ ему такъ же просто, какъ отвѣтилъ бы и всякому другому знакомому. Замѣчательно, что онъ, встрѣчаясь съ княземъ, не чувствовалъ рѣшительно никакого волненія; онъ какъ-будто не замечалъ, что *этотъ* человекъ чуть не сдѣлалъ его несчастія. Наконецъ, Пашенька поправилась, и Шубины уѣхали. Прѣз-

домъ черезъ Москву Александръ Алексѣевичъ получилъ отъ одного вліятельнаго друга своего покойнаго отца обѣщаніе хлопотать ему переводъ въ другой городъ. Пашенька ѣхала за границу съ удовольствіемъ и любопытствомъ.

Вернулись они уже осенью. Пашенька словно еще похорошѣла, а Александръ Алексѣевичъ былъ счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь. Они остановились въ Москвѣ узнать, переведенъ ли Шубинъ? На другой день по пріѣздѣ, Пашенька пошла утромъ въ читальню гостинницы, но сейчасъ же воротилась назадъ покраснѣвшая и смущенная. Шубинъ подумалъ, что въ читальнѣ было вѣрно много народа и Пашенька переконфузилась, когда очутилась одна среди незнакомыхъ. На самомъ же дѣлѣ, она встрѣтилась тамъ съ княземъ. Въ тотъ же день вечеромъ, пріѣхавъ домой съ добрыми вѣстями, Александръ Алексѣевичъ не засталъ жены: она уѣхала съ однимъ изъ постояльцевъ. Баринъ этотъ пріѣхалъ прошлой ночью по Курской желѣзной дорогѣ, бумагъ у него еще не спрашивали, а нумеръ онъ велѣлъ записать на имя князя Л. Опять такъ же, какъ и тогда, Шубину сдѣлалось холодно, только теперь, когда онъ чувствовалъ, что все кончено, все погибло, холодъ этотъ былъ еще страшнѣе. Это не помѣшало ему дѣйствовать и дѣйствовать усердно: онъ разыскалъ извозчика, котораго князь взялъ тутъ же, возлѣ гостинницы, но оказалось, что онъ отпустилъ его на Кузнецкомъ, входя въ какой-то магазинъ, и извозчикъ сейчасъ же повезъ другого сѣдока; потомъ Шубинъ объѣздилъ всѣ гостинницы до самыхъ послѣднихъ, всѣ вокзалы желѣзныхъ дорогъ, разумѣется, напрасно; потомъ онъ поѣхалъ къ себѣ, въ N, гдѣ князя тоже не было, узналъ отъ кого-то, что князь, по слухамъ, бралъ заграничный паспортъ, не долго думая, самъ бросился за-границу и цѣлыхъ два мѣсяца разъѣзжалъ на-обумъ по всей Европѣ, пока въ одномъ маленькомъ нѣмецкомъ городѣ нервная горячка не уложила его въ постель. Долго прохворалъ онъ, потомъ сталъ поправляться медленно и трудно, немало побѣдствовалъ, ожидая присылки денегъ изъ Россіи и, наконецъ, всего полтора мѣсяца тому назадъ, вернулся въ Москву, чуть живой, съ надолго, если не навсегда, потрясеннымъ здоровьемъ. Теперь, когда ему стало физически невозможно продолжать свою безумную погоню, Шубинъ безъ труда отказался отъ нея: онъ и началъ-то эту погоню (съ цѣлью вызвать князя на дуэль)—не потому, чтобы считать себя оскорбленнымъ и хотѣлъ отвести душу мстью. Ни обиды, ни гнѣва, ни желанія мстить онъ не чувствовалъ, а только страшную, невыразимо-тоскливую пустоту, да тотъ смертельный

холодъ, отъ котораго словно что-то сжалось и застыло у него внутри. А искалъ онъ князя и собирался убить его, просто бессознательно исполняя какую-то обязанность, то, что онъ съ дѣтства, на вѣру, никогда не интересуясь этимъ вопросомъ и никогда его не обдумывая, привыкъ считать необходимымъ; онъ и теперь, какъ только пріѣхалъ, сейчасъ же началъ наводить справки, не вернулся-ли князь въ Москву или въ N? Противъ Пашеньки у Шубина въ этотъ разъ не было даже и одного мгновенія гнѣва; его нѣжная, сильная любовь къ ней не ослабѣла и не измѣнила характера; онъ ни разу не подумалъ, что жена виновата передъ нимъ, и, если бы она вернулась, онъ, можетъ быть, почти безъ горечи прижалъ бы ее къ груди. Но мысль, что онъ будетъ счастливъ, если Пашенька опять будетъ возлѣ него, какъ всякія свѣтлыя мысли вообще, не приходила ему. Въ Москвѣ Шубинъ поселился у своей тетки по матери, черезъ которую онъ выписывалъ деньги за-границу. Эта чрезвычайно добрая женщина, рассчитавъ, что деньги получены, цѣлыхъ двѣ недѣли выѣзжала во всѣмъ поѣздамъ на Николаевскій вокзалъ, наконецъ, встрѣтила Александра Алексѣевича и привезла его къ себѣ. Больной и разбитый, онъ былъ этимъ очень доволенъ. Думать о службѣ ему не хотѣлось, да и нельзя было при теперешнемъ безсиліи, но у него было небольшое состояніе, такъ что въ этомъ отношеніи ему не приходилось одолажаться. Весною пріѣхалъ въ Москву Петръ Степановичъ и въ домъ тетки Шубина, а своей кузины, познакомился съ Александромъ Алексѣевичемъ, котораго зналъ мальчикомъ и потомъ потерялъ изъ виду. Петру Степановичу, человѣку очень доброму, была въ высшей степени симпатична, по преимуществу добрая натура Шубина; а тутъ его больной видъ, его исторія, услужливо рассказанная кузиной, нѣжное чувство сильнаго въ слабому — все это сдѣлало то, что въ какую-нибудь недѣлю Петръ Степановичъ горячо привязался къ Шубину. Незамѣтно для себя, невольно, сталъ отъ заботиться о немъ, стараться, чтобы ему было лучше, покойнѣе, удобнѣе. Слишкомъ усердное и слишкомъ бросающееся въ глаза «жалѣніе» тетушки очень не нравилось Петру Степановичу: ему казалось, что это безпрестанно и мучительно растравляетъ и такъ наболѣвшую рану. Къ тому же доктора настаивали, чтобы Шубинъ, не откладывая, началъ пить кумысъ, молоко или желѣзныя воды, и, главное, какъ можно скорѣе ѣхалъ въ деревню, а тетушка обыкновенно поднималась на дачу почти въ іюнѣ, непременно въ одинъ день съ своей пансіонской подругой, теперь матерью огромнаго взрос-

лаго семейства, да и то не иначе, какъ въ Петровскій паркѣ. Въ виду этого, Петръ Степановичъ сталъ звать Шубина къ себѣ въ Ульмино. Тотъ согласился, такъ какъ и самъ успѣлъ полюбить Петра Степановича.

III.

Слѣдующій день былъ яркій, майскій, почти жаркій день. Шубинъ проснулся, выглянулъ въ окно и началъ, не спѣша, одѣваться. Вошла горничная и спросила, не подать ли ему чаю сюда? Онъ выпилъ стаканъ и сошелъ внизъ. Былъ девятый часъ. Шубинъ вышелъ на балконъ. Въ саду работали: много клумбъ уже было вскопано, поденщицы чистили дорожки, Митя обрызгивалъ розы, Варенька и Петръ Степановичъ стояли у воротъ—она—по эту сторону, онъ—по ту. Ему осѣдлали старую, жирную лошадку, и онъ собирался съѣздить къ себѣ, посмотреть, что уцѣлѣло отъ пожара? Варенька, какъ и вчера, была въ черной ситцевой блузѣ, съ бѣлыми цвѣточками, очень старой и слишкомъ короткой. Она налегла грудью на нивенькую дверцу воротъ, невозможно перевѣсилась и разговаривала съ мужемъ. Лицо у нея было розовое, счастливое.

— Ты, голубчикъ, поскорѣ возвращайся, — говорила Варенька. — Я хоть и знаю, что тебѣ будетъ гораздо легче, когда ты уже все увидишь, а все-таки мнѣ жалко, что ты ѣдешь на огорченіе.

Она любовно заглянула ему въ лицо, потомъ опустила глаза и, немного погодя, заговорила тише и какъ-то робко.

— А знаешь-ли, мнѣ стыдно признаться... Вотъ видишь, мнѣ очень жаль нашего дома и... много, много чего жаль, а о несчастномъ Игнатѣ и объ этой бѣдной бабѣ я и вспомнить не могу, и при всемъ томъ, я не знаю отчего, мнѣ такъ хорошо, такъ весело!.. Мнѣ отчего-то все кажется, что я еще не выѣзжала изъ Груздина, что все это было вчера, или, лучше сказать, будетъ завтра.

Петръ Степановичъ слушалъ молча и глядѣлъ на ея розовое лицо. Потомъ онъ взялъ ее своей большой рукой за кудравыи затылокъ и притянулъ къ себѣ.

— Голубчикъ мой!—смогъ онъ только выговорить.

Онъ вѣрно поцѣловалъ ее и сталъ садиться на лошадь.

Въ это самое время Шубинъ сошелъ съ балкона.

Варенька, посмотрѣвъ въ слѣдъ мужу, повернулась и увидала Александра Алексѣевича.

— Здравствуйте,—сказала она ему, ласково улыбаясь.

Онъ подошелъ и взялъ протянутую руку. Варенька продолжала стоять возлѣ воротъ и заговорила о Петрѣ Степановичѣ.

— Бѣдный! Какъ ему будетъ тяжело, когда онъ увидитъ издали то мѣсто, гдѣ стоялъ домъ.

И она на минуту перестала улыбаться.

— Вамъ и самимъ вѣрно многого жаль?—сказалъ Шубинъ.

— Еще бы! у меня былъ такой хорошенькій зимній садъ. Если бы вы только видѣли, что у меня были за растенія! А библиотека-то какая сгорѣла!

Она заговорила о книгахъ и тутъ же, конечно, перешла къ Федору Андреевичу и стала рассказывать о немъ. Они отошли отъ воротъ и начали ходить по солнечной дорожкѣ. Варенька понемногу увлеклась и говорила долго. Шубинъ слушалъ ее молча. Она вдругъ замѣтила это, сконфузилась, замолкла и стала припоминать, съ чего она начала. Да, съ того, что ей жаль. У нея навернулись слезы: она вспомнила своего любимца, сгорѣвшаго Арабчика. Варенька пересилила себя и сказала, совсѣмъ неожиданно для Шубина:

— Вотъ у Мити тоже были канарейки.

И, не договоривъ, она запнулась и покраснѣла. Она не замѣтила, что они подошли совсѣмъ близко къ Митѣ. Въ смущеніи, Варенька поспѣшно наклонилась и поцѣловала его. Митя чуть не подъ корень обрѣзалъ побѣгъ, который держалъ рукой.

— Что ты дѣлаешь!!—вскрикнула Варенька съ испугомъ и схватила Митю за руку.—Это Persian yellow, развѣ можно обрѣзывать его такъ же коротко, какъ другія розы!

Она отняла у него ножикъ и по-своему подрѣзала кустъ.

Послѣ этого она успокоилась, и ей опять сдѣлалось хорошо. Она вернулась къ Шубину, который оставался на дорожкѣ.

— Вамъ не непріятно быть на солнцѣ?—спросила Варенька.

— Нѣтъ, ничего. А что?

— Такъ. Если вамъ ничего, садемте вотъ здѣсь.

Она показала на большую кучу неприбранной соломы, которой зимою были покрыты розы. Они сѣли рядомъ. Варенька украдкой взглянула на блѣдное, больное лицо Шубина, и ей еще болѣе стало жаль его.

— Мнѣ кажется, вамъ даже хорошо быть на солнцѣ,—ласково сказала она.

— Да, тутъ хорошо,—сказалъ онъ.

Солнце пригрѣвало его всего. Птицамъ въ саду не было счета, но грачи покрывали всѣхъ своимъ рѣзкимъ и вмѣстѣ стройнымъ крикомъ; загнившая, горячая отъ солнца солома пахла очень пріятно.

Варенька опять что-то рассказывала свѣжимъ, молодымъ голосомъ; босыя крестьянскія дѣвочки, чистившія дорожки, усердно разговаривали вполголоса и только для вида пошмыгивали скрѣбками; одна, побойчѣе, все смѣялась въ носъ; почищенная дорожка быстро сохла; у самыхъ ногъ Шубина давно запущенная земля ложилась подъ заступомъ большими, ровными ломтями.

— Посмотрите, точно какой-то особенный хлѣбъ, — сказала Варенька.

Шубинъ долго просидѣлъ на этомъ мѣстѣ.

Варенька вставала, распоряжалась, подвязывала, обрѣзывала, сѣяла, и опять садилась рядомъ съ нимъ и что-нибудь говорила. Часамъ къ двѣнадцати вернулся Петръ Степановичъ. Варенька какъ только увидѣла его, побѣжала къ воротамъ, но когда онъ подтѣхалъ, она не взглянула ему въ лицо, ничего у него не спросила и сдѣлала видъ, что очутилась тутъ нечаянно. Петру Степановичу было не на шутку грустно; особенно жалко ему было драгоценной старой скрипки, жалко почти какъ близкаго человѣка. Она когда-то принадлежала его покойному дядѣ, замѣчательному музыканту, и пока Петръ Степановичъ былъ ребенкомъ, хранилась у его матери. Онъ живо помнилъ восторгъ, въ который пришелъ его учитель, старый нѣмецъ, когда ему въ первый разъ показали инструментъ. «O, Madame, ein ächter Gvarnerius!» восклицалъ онъ. «Ein Schatz, Petruscha, ein Schatz!» И онъ съ наслажденіемъ водилъ смычкомъ. «Was für ein Ton! so voll, so üppig und so zart, rein, wie eine Frauenstimme». На глазахъ у него были слезы упоенія, онъ помолодѣлъ и похорошѣлъ. Съ этого дня имѣть дядину скрипку сдѣлалось для мальчика самой завѣтной, самой горячей мечтой, такъ что, когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ и мать, въ день рожденія, подарила ему Гварнеріуса, онъ долго не могъ играть на немъ: руки дрожали отъ благоговѣнія и радости, и смычокъ не слушался. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, Петръ Степановичъ давно привыкъ къ желанному инструменту и давно сталъ видѣть въ немъ дорогаго, неизмѣннаго друга. Онъ еще вчера вспомнилъ о скрипкѣ и поискалъ ее глазами, но спросить о ней у него не достало духа; нынче, вернувшись изъ Ульмина, онъ непремѣнно заговорилъ бы объ этомъ горѣ съ Варенькой, если бы она просто, не деликатничая, вышла къ нему навстрѣчу. Теперь же Петръ

Степановичъ только сказалъ, что женщи́нѣ, которая обожглась во время пожара, гораздо лучше. Варенька, впрочемъ, не долго выдержала: чрезъ минуту, когда онъ вошелъ въ садъ, она прижалась къ его плечу и прошептала жалобно: «голубчикъ мой!» Петръ Степановичъ крѣпко и горячо, но молча поцѣловалъ ее. Онъ сѣлъ на солому возлѣ Шубина и сталъ смотрѣть, какъ работаютъ. Однако ему скоро показалось жарко на солнцѣ; онъ выбралъ минуту, когда Варенька занялась, позвалъ съ собою Александра Алексѣевича въ аллею и рассказалъ ему все, что было на сердцѣ. Огорченіе Петра Степановича разстроило Шубина, которому было сдѣлалось хорошо, и послѣ это хорошее настроеніе такъ и не вернулось. Во время завтрака пріѣхала старушка сосѣдка съ двумя родственницами барышнями, навѣстить Ульминныхъ послѣ «несчастія»; онѣ, позавтракавъ, пошли въ садъ, а Шубинъ отправился къ себѣ въ комнату. Гости уѣхали только послѣ обѣда. Тогда Александръ Алексѣевичъ вышелъ посидѣть опять на солончѣ; но кучи уже не было—ее увезли. На ея мѣстѣ осталась большая сырая круговина съ бѣлой, вытянувшейся травой, которая проросла подъ соломой и уже успѣла поблѣвнуть на воздухѣ.

IV.

Съ тѣхъ поръ, какъ они жили опять въ Груздинѣ, Варенька постоянно чувствовала какую-то особенную, свѣтлую, повидимому, безпричинную радость. Чувство это явилось у нея вдругъ, на другой день послѣ пожара. Весь первый день она пролежала въ своей старой комнатѣ, разбитая, въ забытіи. Къ вечеру, однако, ей сдѣлалось лучше; она выпила чашку чаю и потомъ крѣпко заснула. Пришло утро. Варенька проснулась, посмотрѣла на знакомые цвѣты на обояхъ—въ комнатѣ было не совсѣмъ темно—и не удивилась; она какъ-будто привыкла просыпаться не иначе, какъ въ этой комнатѣ. Потомъ она увидала на полу узкую, яркую полоску, которая выбилась изъ-подъ клеенчатой стѣны, и догадалась, что тамъ, за окномъ, ясный, чудный день. Варенька поскорѣе встала съ постели и тутъ только вдругъ вспомнила все, что случилось, все, что говорили при ней вчера, когда она лежала въ тяжелой дремотѣ, вспомнила и обрадовалась, горячо, эгоистично, съ какимъ-то хвастливымъ сознаніемъ жизни, которой не посмѣла тронуть смерть. Но потомъ, черезъ минуту, это чувство прошло. Варенька открыла окно; изъ сада пахло росой,

крупной и сильной какъ дождикъ, и Варенькѣ стало радостно — другой, хорошей радостью, радостно потому, что не въ ней только одной, а во всемъ кругомъ была жизнь, могучая и молодая. И это свѣтлое чувство осталось у нея.

Съ перваго же дня она съ любовью начала устроиваться въ старомъ гнѣздѣ. Прежде всего она сошла въ садъ. Онъ былъ по-прежнему густъ и хорошъ, даже еще гуще и лучше прежняго: кусты разрослись и сплелись, маленькія деревца стали сильными, кудрявыми молодыми деревьями. Только дорожки заросли — ихъ, должно быть, года два совсѣмъ не чистили. Цвѣтникъ былъ запущенъ. Хорошо еще, что Наталья Александровна, по привычкѣ, приказала закрыть на зиму ровы. Варенька послала въ Ульмино за садовникомъ и велѣла поскорѣе вездѣ чистить и окапывать. Домъ, мало перемѣнившійся снаружи, внутри замѣтно постарѣлъ и смотрѣлъ хмуро и почти ветхо, особенно гостиная съ двумя невыставленными окнами, съ выцвѣтшими обоями, пожелтѣлыми занавѣсками и сѣдой пылью, которая запустила тонкую рѣзьбу старинной мебели. Но Варенькѣ не сдѣлалось грустно въ этой невеселой комнатѣ. Она посмотрѣлась въ пыльное зеркало и громко засмѣялась своему наряду и больше всего своимъ неуклюжимъ башмакамъ безъ каблукъ. Потомъ, когда она вспомнила, что нынче надо послать на станцію за Петромъ Степановичемъ, ей вдругъ очень не захотѣлось, чтобы онъ видѣлъ ее въ этихъ большихъ, безобразныхъ ботинкахъ, и она тутъ же послала Ильича въ городъ — пусть онъ купитъ ей самые простые башмаки, только маленькіе. Потомъ Варенька созвала всю прислугу и Митю обметать потолки, снимать занавѣси, выносить, выбивать и чистить мебель. Окна выставили и въ сѣрую, полинялую комнату полился яркій свѣтъ и запахъ сосенъ и весеннихъ травъ. Варенькѣ стало еще веселѣе — ей казалось, что готовятся къ какому-то празднику. Она улыбаясь, ходила изъ комнаты въ комнату и даже напѣвала потихоньку что-то непонятное. Крестьянскіе ребяташки, какъ въ ея дѣвическое время, принесли продавать «Матину душку» — такъ у насъ, по деревнямъ, зовется фіалка; пока мыли полы, Варенька надѣлала букетовъ на всѣ комнаты. Ея комната тоже запылилась и потускнѣла, но перемѣнилась меньше всѣхъ: въ ней и обои, и мебель были новѣе. Когда ее прибрали, когда Варенька перемыла и разставила фарфоровыя и бисквитныя вазы и вазочки, насыпала фіалокъ въ ящики комода и письменнаго стола, которые давно не выдвигались и стали пахнуть затхлымъ, когда на чистый полъ постлали, спрятанный въ кладовой, коверъ, комната сдѣлалась такая же, какъ прежде. Одно только было не

но старому: стѣна направо отъ камина была вся утыкана гвоздиками — здѣсь висѣли портреты Ѳедора Андреевича, которые Варенька потомъ увезла съ собою; теперь на нее нечего было повѣсить. Варенькѣ сдѣлалось-было грустно, но она скоро вспомнила, что у Натальи Александровны есть отличная фотографія. Она выпросила ее себѣ, повѣсила на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде висѣлъ большой портретъ Ѳедора Андреевича студентомъ, и была такъ рада, что у нея есть хоть одинъ портретъ, что очень спокойно повыдергала остальные гвоздики. Въ вечеру все было убрано; Ильичъ вернулся изъ города и привезъ очень немудрыя, но маленькія туфли; Варенька надѣла ихъ, поправила волосы и стала весело и нетерпѣливо ждать Петра Степановича. Но онъ пріѣхалъ только на другой день. И на завтра Варенька встала опять такая же радостная.

Пріѣздъ Шубина, больного и жалкаго, не подѣйствовалъ на ея настроеніе. Напротивъ, онъ, пожалуй, даже еще помогъ ей быть счастливой: жалѣть, помогать, незамѣтно покровительствовать—у Вареньки это было потребностью, сложившейся давно, въ дѣтствѣ. Что же касается Шубина, для него общество Вареньки было благодѣяніемъ и спасеніемъ. Въ какую-нибудь недѣлю онъ замѣтно поправился. Онъ началъ пить молоко, былъ весь день въ саду, но больше всего ему помогло то, что онъ почти безотлучно былъ съ Варенькой: постоянное, нѣжное, женски-деликатное участіе было ему нужнѣ всякихъ лекарствъ. А Варенька не только внимательно слѣдила за его леченіемъ, она каждую минуту отъ всего сердца старалась, чтобы хотя въ продолженіи одной этой минуты Шубину было не такъ тяжело, какъ всегда, и желаніе ея было такъ горячо, что это ей удавалось. И вотъ такъ, минута за минутой, набирался цѣлый день, въ который Александру Алексѣевичу было легче и теплѣе, а тамъ набралась и цѣлая такая недѣля. Шубинъ отогрѣлся и ожилъ. Распокаясь въ цвѣтничѣхъ, Варенька въ то же время постоянно разговаривала съ нимъ; ея молодой, звучный голосъ, ея простой рассказъ, въ которомъ всегда свѣтилось чувство, ея манера самую неважную мысль высказывать ярко и образно успокоивали и вмѣстѣ оживляли Шубина. Самой Варенькѣ эти длинные разговоры не только не были въ тягость, но даже доставляли ей большое удовольствіе: ей было такъ пріятно сейчасъ же высказывать то, о чемъ подумалось. Первое время она говорила одна, а Шубинъ только слушалъ, но потомъ и онъ, понемногу, сталъ рассказывать о себѣ. Варенька, вернувшись въ Груздино, невольно безпрестанно вспоминала свое дѣтство и Ѳедора Андрее-

вича; Шубинъ разсказывалъ о матери, о сестрахъ, въ особенностяхъ же объ отцѣ. Про жену онъ долго не поминалъ ни однимъ словомъ, но потомъ вдругъ разомъ разсказалъ все Варенькѣ. Сдѣлалось это такъ: Варенька поѣхала вмѣстѣ съ Александромъ Алексѣевичемъ въ Ульмино — она хотѣла сдѣлать экзаменъ въ тамошней школѣ и распустить ее на лѣто. Изъ школы зашли въ больницу, навѣстить жену кучера, которая выздоравливала отъ обжоговъ, такъ что назадъ вернулись уже вечеромъ. Варенька сама правила въ телѣжкѣ. На Шубина эта поѣздка подействовала очень нехорошо: ему было такъ тяжело, какъ не было еще ни разу съ прїѣзда въ Груздино. Мѣсто, гдѣ стоялъ сгорѣвшій домъ въ Ульминѣ, съ безобразными горами кирпичей, съ обгорѣлыми бревнами и высокими, наполовину обвалившимися печами, произвело на Александра Алексѣевича очень сильное и вѣрнѣе-безотрадное впечатлѣніе. На обратномъ пути у него все стояло передъ глазами это большое, черное пожарище и отчего-то тутъ же, рядомъ, представлялась ему его собственная квартира въ N., съ незнакомой, непрїятно и неловко разставленной мебелью, занятая чужими и, какъ ему казалось, враждебными людьми. Эта мысль объ оставленной квартирѣ пришла нынче Шубину въ первый разъ, и отъ нея ему сдѣлалось невыносимо больно. А тутъ и день былъ непрїятный, съ жаркимъ, сухимъ вѣтромъ, отъ котораго какъ-то потускнѣли молодые листья на деревьяхъ; при такой погодѣ на нервныхъ людей всегда нападаетъ тоскливое безпокойство. Шубинъ сначала молчалъ; Варенька, тоже взволнованная, напротивъ, все говорила. Она толковала о какихъ-то урокахъ практической механики и огородничества, о томъ, что Наталья Александровна совсѣмъ запустила школу, которую она, Варенька, устроила дѣвужкой въ Груздинѣ, о томъ, что и въ Колпинѣхъ дѣло идетъ изъ рукъ вонъ со смерти Федора Андреевича. Шубинъ не слушалъ ее и думалъ о своемъ. Ему становилось все тяжелѣе. Наконецъ, на половинѣ дороги, и онъ заговорилъ:

— Мнѣ все представляется вапъ сгорѣвшій домъ, — сказалъ онъ, прерывая Вареньку, — это ужасно грустно видѣть.

Она замолчала и немножко поблѣднѣла — Шубинъ тронулъ ее больную струну. Но онъ этого не замѣтилъ.

— Вотъ и у меня гнѣздо, хоть и не сгорѣло, а тоже нѣтъ его, — продолжалъ онъ страннымъ, напряженнымъ голосомъ.

Варенька съ удивленіемъ и почти съ испугомъ обернулась къ нему. Онъ, не глядя на нее, продолжалъ говорить.

— Я вамъ никогда объ этомъ не говорилъ, но теперь, такъ и быть, скажу.

И онъ сталъ рассказывать. Они поѣхали шагомъ. Варенька уже не правила лошадью. Вся блѣдная, съ невыразимой жалостью, съ невольными слезами, которыхъ она сама не чувствовала, она слушала рассказъ Шубина. Онъ говорилъ скоро, задыхаясь; щеки у него разгорѣлись, онъ нервно складывалъ и опять разжималъ руки. Когда онъ кончилъ, они уже были возлѣ Груздина. Варенька сейчасъ не могла ему ничего сказать, но когда они подѣхали къ крыльцу и сошли съ тележки, она взяла его за руки и сказала съ страстнымъ убѣжденіемъ:

— Она вернется, я знаю, что она вернется!

Шубинъ поблѣднѣлъ, закачалъ головой и потомъ на весь вечеръ ушелъ въ свою комнату.

Вареньку сильно вволновалъ его рассказъ. Мало того, что ей было безконечно жаль Шубина, она вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала почти ненависть къ Пашенькѣ, и не за одно только то, что она сдѣлала несчастнымъ Александра Алексѣевича: своимъ поступкомъ Пашенька какъ будто глубоко обидѣла самоѣ Вареньку. Въ тотъ же день вечеромъ Варенька горячо говорила мужу, которому она только-что подробно передала рассказъ Шубина:

— Я этого не понимаю и никогда не пойму. Ты не забывай, что она вѣдь любила мужа: онъ говоритъ, что никогда она не была такъ весела, такъ, на его взглядъ, счастлива, какъ за границей, уже послѣ того случая—она и пополнила, и похорошѣла, и съ нимъ стала нѣжнѣе прежняго; онъ говоритъ, она точно радовалась, что спаслась отъ тяжелой бѣды. И вдругъ, потомъ, бѣжить съ этимъ пустымъ человѣкомъ, котораго навѣрное любить въ тысячу разъ меньше, чѣмъ своего славнаго мужа! Что же ее толкало? Что за роковая сила такая была въ этомъ глупомъ князѣ? Объясни мнѣ ради Бога, если можешь—я не понимаю. Я знаю только одно, что мнѣ почему-то ужасно противна эта женщина.

Петръ Степановичъ слушалъ внимательно и серьезно. Онъ не сейчасъ отвѣтилъ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ, наконецъ,—все дѣло въ томъ, что этотъ князь... извини, мой другъ... просто онъ умѣетъ очень сильно желать.

Ему самому сдѣлалось какъ-то жутко отъ того, что онъ сказалъ. Варенька поблѣднѣла, потомъ вся вспыхнула.

— Нѣтъ, это неправда, это клевета!—заговорила она съ гнѣвомъ и болью.—Подумай только, какое чудовищное униже-

ніе... Довольно... желать (она приостановилась, прежде чѣмъ произнесла это слово), чтобы женщина, *даже любящая и счастливая*, не могла устоять. Но вѣдь это ужасно! И кто далъ тебѣ право на такое непомѣрное презрѣніе? Да знаешь-ли ты, что все мое женское достоинство, что все внутри у меня возмущается...

Но Петръ Степановичъ не далъ ей кончить.

— Да развѣ я говорилъ о всѣхъ женщинахъ вообще, Варя! — горячо перебилъ онъ ее. — Я неясно высказалъ мою мысль, вотъ отчего ты и не поняла. Я хотѣлъ только сказать, что такія женщины, какъ жена Александра — я сужу по рассказамъ, — женщины хорошія, но съ слабой волей, иногда падаютъ единственно потому, что ихъ подавляетъ сила встрѣтившагося имъ чловека, сила... его желанія — прости мнѣ это слово. Вотъ чтó я хотѣлъ сказать. Зачѣмъ же ты, моя сильная и свѣтлая, принимаешь это къ себѣ?

Варенька успокоилась.

— Извини меня, я дѣйствительно не поняла, — сказала она тихо и виновато.

Ей стало легко. Она обрадовалась, что нашлось какое-нибудь рѣшеніе вопроса, возникшаго такъ внезапно и грозившаго, можетъ быть, многими тяжелыми думами, и поскорѣе, съ малодушнымъ страхомъ, отвернулась отъ этого вопроса. Но разговоръ съ мужемъ помѣшалъ ей хорошо спать. Она чувствовала себя такъ, какъ будто испугалась чего-нибудь ужаснаго, хотя послѣ это ужасное и оказалось пустяками и страхомъ напраснымъ — въ этомъ состояніи никогда нельзя скоро и крѣпко заснуть. Впрочемъ, къ утру это тревожное чувство совсѣмъ прошло.

Всѣмъ въ Груздинѣ было хорошо, кромѣ одного только Мити. А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ спасъ Вареньку, Петръ Степановичъ относился къ нему съ замѣтной нѣжностью. Нельзя сказать, чтобы онъ при этомъ особенно много и часто думалъ о Митѣ — или безпокоился объ его судьбѣ или старался чѣмъ-нибудь выразить свою благодарность, но у Петра Степановича, всякій разъ, когда онъ видѣлъ Митю, поднималось въ груди особенно-теплое чувство; а когда онъ говорилъ съ нимъ, въ голосъ его звучала не прежняя равнодушная, а глубокая, сердечная ласка. Виною тому, что Митѣ не было хорошо, была Варенька. Митя теперь не бѣгалъ отъ Вареньки, какъ послѣднее время передъ пожаромъ; напротивъ, онъ почти не отходилъ отъ

нея, и Варенька немножко тяготилась имъ. Митя это видѣлъ, и ему было очень больно. Разъ Варенька рассказывала Шубину, какъ умеръ Ѳедоръ Андреевичъ, и вдругъ увидала, что Митя стоитъ тутъ же, въ двухъ шагахъ; ей показалось неловко рассказывать объ этомъ при немъ и вмѣстѣ досадно, что онъ мѣшаетъ ей говорить, и она нетерпѣливо отвернулась отъ него. Митя сейчасъ же отошелъ, но потомъ цѣлую недѣлю ему все представлялся этотъ недобрый взглядъ и сердитое движеніе головы. А Варенька черезъ минуту, конечно, совсѣмъ забыла о своей досадѣ. И много горя вынесъ такъ Митя; но у него не хватало силъ уйти отъ Вареньки: съ самой той ужасной ночи онъ все боялся, что съ нею что-то случится. Онъ вставалъ по ночамъ, босикомъ подходилъ къ Варенькиной двери и долго слушалъ, пока не услышитъ ея тихаго дыханія; днемъ онъ что-нибудь работалъ возлѣ того мѣста, гдѣ она сѣла въ саду, а въ комнатѣ, чтобы не надоѣдать ей, садился въ уголъ или за дверь. Иногда Варенька дасть ему вдругъ какое-нибудь дѣло, такъ что ему нужно быть возлѣ нея; тутъ онъ бывалъ совсѣмъ счастливъ, хотя нерѣдко дѣло было такое, что всѣ смотреть на Митю, а къ нему теперь опять вернулась его старая застѣнчивость.

Одинъ сосѣдъ предложилъ Петру Степановичу купить у него «старушку-скрипку», превосходнаго, настоящаго Страдивариуса, который достался ему отъ отца; самъ онъ не игралъ. Петръ Степановичъ съѣздилъ посмотреть «старушку», купилъ ее, но играть на ней долго не могъ: ему и хотѣлось — инструментъ былъ уже очень хорошъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ было тяжело и какъ-то совѣстно измѣнить своему «милому Гварнериусу», да и новая скрипка съ удивительнымъ бархатнымъ тономъ была ему чужая. Варенька замѣтила это и попросила его аккомпанировать ей; отперли и настроили старый рояль и каждый вечеръ, послѣ чаю, они играли часа два. Разъ они только-что кончили большую вещь и остановились отдохнуть. Варенька устала и спросила Шубина, немножко надѣясь, что онъ перемѣнитъ ее:

— А вы не играете?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ.

— Ну, а голосъ у васъ есть?

— Голосъ, кажется, маленькій есть.

— Спойте что-нибудь, пожалуйста, — попросила она. — А я отдохну пока: тутъ у меня будетъ такое трудное allegro!

— Да вѣдь я никогда не пѣлъ.

— Что за бѣда, все-таки попробуйте.

Она стала проворно перебирать старыя ноты, которыя Богъ

знаетъ сколько лѣтъ лежали на этажеркѣ въ залѣ. Наконецъ ей попался какой-то романсъ. Она развернула его и проиграла голосъ. Шубинъ подошелъ и попробовалъ пѣть за нею. Голосъ у него дѣйствительно былъ не великъ, но слухъ отличный. Петръ Степановичъ похвалилъ, и онъ разобралъ романсъ до конца.

— Ну, теперь надо попробовать совсѣмъ какъ слѣдуетъ, съ аккомпаниментомъ,—сказала Варенька.

Онъ спѣлъ и съ аккомпаниментомъ. Но теперь Варенькинъ страшное allegro показалось еще страшнѣе; она стала искать, нѣтъ-ли еще какихъ нотъ для пѣнія. Какъ нарочно ничего не было. Она посмотрѣла на всѣхъ полкахъ и отвернулась съ досадою.

— Только и есть одна вещь, да и то для двухъ голосовъ,—сказала она.

— Покажи-ка,—сказалъ Петръ Степановичъ.

Она протянула ему ноты.

— Пожалуй можно и одному, да очень уже много будетъ теряться.

— А все же отчего не попытаться? Да вотъ у Мити вѣрно есть голосъ,—придумала она вдругъ.—Поди сюда, пожалуйста, Митя. Попробуй его голосъ, попросила она Петра Степановича.

— Возьми эту ноту,—сказалъ онъ Митѣ и повелъ смичкомъ.

Митя былъ весь красный, а тутъ вдругъ поблѣднѣлъ. Варенька ласково и любопытно смотрѣла ему въ лицо. Онъ далъ бы Богъ знаетъ что, чтобы запѣть ей въ угоду, а вмѣсто того у него только губы раскрылись безъ звука, да нотъ выступилъ на похолодѣвшемъ лбу. Петру Степановичу стало его ужасно жалко; онъ оглянулся на Вареньку, но она словно не видѣла, что Митя страдаетъ. Петръ Степановичъ съ досадою отвернулся отъ нея и взялъ другую ноту. Ее Митя повторялъ, прежде чуть слышно, фальшиво, съ страннымъ дребезжаніемъ, потомъ вдругъ громко и вѣрно. У него оказалось хорошее ухо и славный баритонъ. Но Шубинъ не сталъ пѣть съ нимъ; онъ попробовалъ и потомъ сказалъ, что очень усталъ.

— Не заставляйте его никогда пѣть,—сказалъ онъ тихо Варенькѣ, когда Митя отошелъ,—онъ, право, можетъ такъ умереть. Посмотрите, онъ до сихъ поръ задыхается.

— Правда, правда!—сказала она со стыдомъ и раскаяніемъ. Она подошла къ Митѣ и нѣжно поцѣловала его.

На другой день онъ съ самаго утра думалъ: «А вдругъ вечеромъ опять придется пѣть!» и у него впередъ замирало

сердце и что-то холодное сыпалось по спинѣ. Но за то вечеромъ, когда онъ пришелъ въ залу, онъ почувствовалъ, что теперь ему можно и надо быть здѣсь и, несмотря на страхъ и мучительное ожиданіе, ему сдѣлалось почти хорошо.

V.

Варенька еще въ первые дни послѣ пожара заказала себѣ нисымомъ бѣлье и платье; съ тѣхъ поръ прошло почти три недѣли, нѣсколько разъ посылали за покупками въ городъ, а посылка изъ Петербурга все еще не приходила.

— Я завтра съѣзжу въ Т., — сказала Варенька разъ за чаемъ. — Надо пока сдѣлать хоть два платья. Потомъ мнѣ непременно нужно купить шляпу — я совсѣмъ сожгла голову на солнцѣ.

— Возьми меня съ собою, Варя, — сказалъ Петръ Степановичъ. — Конечно, это глупо, но впечатлѣніе еще такое недавнее...

— Хорошо, голубчикъ. Я думаю намъ выѣхать утромъ, а послѣ-завтра въ вечеру мы можемъ вернуться — въ сутки успѣютъ сшить платье.

На утро. Парамонъ съ семи часовъ началъ запрягать. Запрягалъ онъ всегда долго, не спѣша, и смерть не любилъ, чтобы его «погоняли»; онъ всякій разъ надолго обижался этимъ и, какъ нарочно, ему еще ни разу не пришлось съѣхать со двора безъ этой обиды. Вотъ и теперь Варенька, какъ только одѣлась, прислала сказать, чтобы «поскорѣе запрягали». Парамонъ, хоть и былъ молчаливъ, отрывнулся на горничную и долго потомъ вслухъ бранилъ барыню. Варенька была очень весела, смѣялась и торопила Петра Степановича. Шубинъ, Митя и Наталья Александровна вышли на крыльцо проводить ихъ.

Потомъ Шубинъ кончилъ недопитый чай и пошелъ въ садъ. Ему сдѣлалось грустно, что Варенька уѣхала. Онъ погулялъ въ цвѣтникахъ, искалъ глазами то мѣсто, гдѣ прежде была солома, а послѣ осталась черная, сырая круговина съ убитой солнцемъ травой — тамъ теперь горѣлъ желтый, какъ червонецъ, песокъ. На солнцѣ было жарко. Александръ Алексѣевичъ ушелъ въ аллею. Тутъ дулъ вѣтеръ и охватывалъ вдругъ холодомъ. Грачи кричали громко и безъ перерыва и нагнали на Шубина тоску. Онъ воротился домой, взялъ книжку какого-то стараго журнала и сѣлъ читать у себя въ комнатѣ. Но эта книга только еще больше разстроила его: на ея желтыхъ, мягкихъ страницахъ, съ печальнымъ запахомъ ветхой бумаги, Шубину попалась давно

умершая и забытая повѣсть, сѣренькая, ровная, безъ большихъ несчастій, но за то и безъ самаго маленькаго проблеска солнца — вещь невыразимо-безотрадная. Мало-по-малу затихшее-было чувство пустоты и холода стало опять охватывать Александра Алексѣевича. Онъ положилъ книгу и задумался — все однѣ тяжелыя мысли пришли ему на умъ. Такъ прошелъ длинный день. Шубинъ легъ, но тоска не дала ему спать. Часовъ въ двѣнадцать онъ всталъ, открылъ окно и сталъ смотрѣть въ садъ. Ночь была теплая, съ яркими звѣздами и пѣснью соловья; Шубину сдѣлалось лучше. Немного погода онъ услышалъ, что кто-то ходитъ внизу, на маленькой террасѣ, возлѣ Варенькиной комнаты. Терраса эта, закрытая днемъ большой марежой, приходилась какъ разъ подъ его окномъ; теперь марежа была поднята, и Шубинъ увидалъ, что это ходитъ Митя. Онъ удивился. Митя подошелъ къ краю и долго, пристально смотрѣлъ вдаль, потомъ перешелъ на другой конецъ и опять сталъ смотрѣть. Вдругъ онъ вскрикнулъ и бросился въ садъ. Крикъ этотъ былъ такой жалкій, что Шубинъ въ одну минуту сбѣжалъ съ лѣстницы и потомъ самой короткой дорогой, черезъ Варенькину комнату, въ цвѣтникъ. Митя опять смотрѣлъ вдаль и ахнулъ отъ испуга, когда Александръ Алексѣевичъ тронулъ его за плечо.

— Чтѣ вы? — спросилъ его Шубинъ.

— Вонъ тамъ... дымъ! — выговорилъ Митя съ невыразимымъ ужасомъ.

— Гдѣ? — спросилъ Шубинъ, и невольно ему самому сдѣлалось страшно.

Митя показалъ туда, гдѣ въ солнечные дни былъ видѣнъ городъ.

— Да это просто облако, — сказалъ Александръ Алексѣевичъ. — При пожарѣ ночью нецрѣмѣнно было бы видно зарево.

— Конечно, облако... — просто облако, — радостно повторилъ Митя ослабѣвшимъ, дѣтскимъ голосомъ и тоже по-дѣтски, двумя руками, стеръ съ лица потъ. — Конечно, облако...

Шубину стало очень жаль его.

— Вамъ надо уснуть, — сказалъ онъ ласково. — Понятно, что такой случай подѣйствовалъ на васъ, но этому не надо отдаваться. Хотите, пойдемъ вмѣстѣ домой?

Митя еще разъ внимательно, не безъ тревоги, посмотрѣлъ туда, гдѣ было облако, и потомъ поднялся на лѣстницу. Шубинъ шелъ первый, но когда они подошли къ двери, Митя вдругъ опередилъ его, загородилъ эту дверь и обернулся къ нему лицомъ, какъ будто не хотѣлъ его впустить.

— Что вы? — спросилъ Александръ Алексѣевичъ, не понявъ его движенія.

— Я... ничего, — прошепталъ Митя и отступилъ, только странно пристально посмотрѣлъ на руку Шубина, когда тотъ взялся за ручку двери.

— Пойдемте-же, — сказалъ ему Шубинъ, и Митя послушно переступилъ порогъ.

На другой день, передъ вечеромъ, Варенька и Петръ Степановичъ ѣхали домой молодымъ лѣсомъ возлѣ Груздина. Версты за двѣ отъ дома они увидали около дороги Шубина. Онъ раскраснѣлся отъ усталости и сѣлъ отдохнуть на траву. Варенька издали замѣтила его и весело закричала.

— Ахъ, да вотъ Александръ Алексѣевичъ. Это вы очень, хорошо придумали: вамъ нужно гулять. Потомъ, когда Пармонъ остановилъ лошадей и Шубинъ подошелъ поздороваться, она заботливо посмотрѣла на него и замѣтила, что онъ дышетъ скоро.

— Только ужъ не слишкомъ-ли вы далеко прошли для перваго раза, — сказала она. — Садитесь съ нами, мы васъ довеземъ.

Шубинъ сѣлъ въ коляску, и они поѣхали дальше. Варенька сейчасъ же начала рассказывать, кого они встрѣтили въ городѣ и что дѣлали вчера. Она была въ новомъ, простенькомъ, но ловко-сшитомъ лѣтнемъ платьѣ и въ изящной соломённой шляпѣ. Все это очень шло къ ней, такъ что Шубинъ, когда увидалъ ее, подумалъ: «Я еще не зналъ, какая она хорошенькая». Незамѣтно подѣхали къ усадьбѣ. Пармонъ мимо сада пустилъ лошадей поживѣ, и никто въ колясѣ не видалъ, что на углу березника, въ кустахъ, стоялъ Митя. Когда коляска поравнялась съ нимъ, онъ отступилъ назадъ, за деревья, но пошелъ не къ дому, а на другой конецъ рощи.

Варенька удивилась, что онъ не встрѣчаетъ ея.

— А гдѣ же Митя? — спросила она.

— Не знаю, — отвѣтила Наталья Александровна. — Ну, какъ свѣдѣли? Покажись-ка. Мило. А что стѣбитъ?

Подали самоваръ. — Варенька опять спросила о Митѣ.

— Ихъ звали чай кушать, — сказалъ Ильичъ: — они не хотятъ-съ.

— Какъ не хочеть? — съ удивленіемъ сказала Варенька. — Развѣ онъ не знаетъ, что мы пріѣхали? Неужели онъ не придетъ даже поздороваться? Я сама схожу за нимъ — что-нибудь да случилось. Онъ гдѣ?

— Въ рощѣ-съ.

Варенька побѣжала въ березникъ. Митя сидѣлъ на валу, спустивъ ноги въ ровъ, лицомъ къ полю. Варенька почти съ другого конца увидала его и позвала. Митя слышалъ, но не отделившись и не повернувъ головы; онъ только покраснѣлъ отъ волненія и радости. Онъ сталъ слушать: Варенька шла скоро, почти бѣгомъ; вотъ она совсѣмъ близко — платье ея шуршитъ о траву — она еще разъ съ удивленіемъ и нетерпѣливо позвала его. У него сердце билось все чаще. Она подошла сзади, захватившись, положила руку ему на плечо и поцѣловала его въ голову.

— Здравствуй, Митя, — заговорила она, заглядывая ему въ лицо. — Чтѣ съ тобою? Отчего ты не хочешь чаю?

— Не хочу, — сказалъ онъ и наполовину обернулся къ ней, но смотрѣлъ въ сторону.

— Ну, а поздороваться со мною тоже не хочешь? — продолжала Варенька, улыбаясь. — А я думала, ты меня будешь встрѣчать. Вонъ Александръ Алексѣевичъ прошелъ къ намъ на встрѣчу до самой Гришиной поляны.

Митя поблѣднѣлъ.

— Я его не люблю! — крикнулъ онъ съ такой злостью, что Варенька отъ изумленія широко раскрыла глаза.

Потомъ она вдругъ вспыхнула, тихонько сняла руку съ Митина плеча и отступила шага на два. «Боже мой, да онъ меня ревнуетъ!» поняла она неожиданно. И это такъ удивило ее, что она долго не могла придти въ себя. — Митя для нея всегда былъ братомъ и ребенкомъ... А тамъ, когда удивленіе прошло, потихоньку заговорило самолюбіе, и Варенькѣ уже показалось просто и совсѣмъ не странно, что Митя любитъ ее... Ей сдѣлалось пріятно, даже очень пріятно, и вмѣстѣ съ тѣмъ она вдругъ отчего-то смутилась.

— Такъ ты не хочешь чаю? — спросила она еще разъ, не думая о томъ, чтѣ говорить, и, не дожидаясь отвѣта, пошла домой.

— Что же онъ, не придетъ? — спросилъ Петръ Степановичъ.

— Не придетъ и не говорить отчего, — сказала Варенька и улыбнулась.

— А ты, должно быть, все бѣгомъ? Посмотришь, какая ты красная.

— Да, бѣгомъ, — сказала она, смѣясь.

И весь вечеръ она была еще веселѣе обыкновеннаго. Потомъ, послѣ безпокойной ночи въ гостинницѣ, она скоро и крѣпко заснула, а на утро не сейчасъ подумала о Митѣ. Она одѣлась и сошла съ своего балкона въ цвѣтникъ. Тутъ она встрѣтила

Митю, — онъ шелъ въ столовую — и, увидавъ его, вспомнила про вчерашнее.

— Здравствуй, Митя, — сказала она ему, но невольно не поцѣловала его, какъ всегда.

Митя покраснѣлъ и молча прошелъ мимо нея.

За чаемъ Варенька опять забыла о немъ. Петръ Степановичъ заговорилъ объ «Аннѣ Карениной» Толстого, и Варенька, по этому поводу, горячо поспорила съ Шубиннымъ. Петръ Степановичъ, смѣясь, сталъ унимать ее, попробовалъ даже перевести разговоръ на восточныя дѣла, наконецъ, началъ уговаривать Вареньку отложить споръ до вечера, пока Александръ Алексѣевичъ дочтетъ — тогда, почему знать, можетъ быть ихъ мнѣнія сойдутся. На это Варенька согласилась. Шубинъ послѣ чаю сѣлъ читать романъ Толстого. Варенька тоже взяла книгу и пошла въ березникъ; — тамъ, возлѣ маленькаго пруда, была старая скамейка. Прудокъ весь обросъ низкими лозинами, славными темнозелеными акаціями и густой черемухой, — ея были тутъ и цѣлыя деревья, и частые кусты, сплошь занявшіе весь откосъ плотины. У обмелѣвшихъ, тинистыхъ береговъ росли длинныя болотныя травы и блѣдныя незабудки. Маленькій вѣтерокъ чуть-чуть рябилъ воду. На той сторонѣ, прямо противъ скамейки, началась на зыби полугнилая доска, и край ея безпрестанно вспыхивалъ на солнцѣ какъ ослѣпительное лезвіе. Въмѣсто того, чтобы читать, Варенька засмотрѣлась на эту сверкающую полосу и понемногу задумалась. Думала она о Митѣ. Такъ вотъ отчего послѣднее время въ Ульминѣ онъ бѣгалъ отъ нея! А она-то боялась, что оттолкнула его. Варенькѣ сдѣлалось смѣшно. Потомъ она вдругъ вспомнила ту страшную ночь, когда она очнулась на опушкѣ лѣса, и свое мучительное ощущеніе передъ тѣмъ, какъ она со-всѣмъ пришла въ себя; представилось ей блѣдное, наклоненное надъ нею лицо Мити и его голосъ, дрожащій, полный страха и радости: «Варя!» и высоко на небѣ красное зарево пожара... Нынче въ первый разъ Варенька вспомнила все это и вспомнила съ страстной благодарностію. А чѣмъ она отплатила Митѣ за его молчаливую любовь, за то, что онъ спасъ ее отъ такой страшной смерти? Съ тѣхъ поръ, какъ она вернулась въ Груздино, думала ли она хоть разъ о немъ? Нѣтъ, она забросила его, также какъ тогда зимою. И не только забросила, она мучила его! Со стыдомъ и горемъ Варенька вспомнила, какъ она, изъ глупаго каприза, заставила Митю, застѣнчиваго до болѣзни, пѣть при всѣхъ. Какое у него было жалкое, вспотѣвшее лицо съ блѣдными губами и какъ онъ задыхался! И вѣдь она напередъ знала, что онъ будетъ конфузиться, знала и какъ онъ страдетъ,

когда смутится—и не хотѣла объ этомъ думать. А онъ наавтра самъ опять пришелъ въ залу и сѣлъ возлѣ Вареньки дожидаться того же мученія. Теперь она понимала, отчего онъ это дѣлалъ—и ей было стыдно до боли, и сердце у нея разрывалось отъ жалости. А еще черезъ минуту она уже сердилась на Шубина: онъ виною, что она не думала о Митѣ. Но это нехорошее чувство скоро прошло; Варенька вспомнила, какъ Митя сказалъ вчера про Александра Алексѣевича: «я его не люблю!»—вспомнила его лицо и голосъ и не могла не улыбнуться, но съ сердечнымъ умиленіемъ. Бѣдный, прекрасный, чудный!.. Варенькѣ такъ захотѣлось сдѣлать что-нибудь особенно пріятное Митѣ, что-нибудь такое, чтобы сразу загладить всю свою вину. Она стала придумывать, какъ это сдѣлать. Конечно, она теперь никогда больше не забудетъ о Митѣ; она покажетъ ему, что онъ ей въ тысячу разъ дороже Шубина, что она все помнитъ, никогда не заставитъ она его страдать, если даже ей самой для этого придется вынести что-нибудь самое тяжелое; но именно то, отчего Митѣ сейчасъ же стало бы хорошо, она никакъ не умѣла придумать—только желать этого началъ еще горячѣе. «Это само собою устроится», рѣшила она, наконецъ, встала и пошла отыскивать Митю. Онъ сидѣлъ въ цвѣтницѣ, на дорожкѣ, на солнцѣ, и выдергивалъ маленькія травки между высокими, яркими левкоями.

— Митя...—нѣжно сказала Варенька и дальше ничего не сумѣла сказать.

Сердце у нея билось часто отъ нетерпѣнія и досады, что ничего не устраивается. Она взялась рукою за густую верхушку красиваго бѣлаго левкоя и стала качать весь кустъ. И вотъ, понемногу, ея нетерпѣливое чувство смѣнилось опять такимъ же страннымъ смущеніемъ, какъ вчера; она покраснѣла не хуже Мити и такъ крѣпко сжала пышную головку цвѣтка, что она отломилась и осталась у нея въ рукѣ. Варенька тихо ахнула, смѣшалась еще больше и грустно пошла прочь. Митя остался на своей дорожкѣ, на солнцѣ. На сломанномъ стебелькѣ медленно выступила тощая капля сова. Митя осторожно стеръ ее пальцемъ и посыпалъ на ранку земли; но ему не было жаль роскошнаго, обезображеннаго цвѣтка—онъ былъ слишкомъ счастливъ. Варенька, правда, сказала ему одно только слово, но онъ понималъ, что никогда еще она не говорила этого слова такъ, какъ сказала сейчасъ. А она и не знала, что ея желаніе исполнилось.

VI.

На слѣдующій день за завтракомъ, Варенька вдругъ спросила Александра Алексѣевича:

— А что, вы ѣздите верхомъ?

— То-есть какъ ѣзжу-ли? Сѣсть на лошадь не боюсь, но ѣздить никогда не учился. Зачѣмъ вамъ это хочется знать?

Варенька засмѣялась.

— Я это спрашиваю какъ докторъ. Хочу прописать вамъ верховую ѣзду.

— Что же, пожалуй: я послушный пациентъ. Только ѣздить одному и только для моціона очень скучно. Поѣдемте вмѣстѣ.

— Въ томъ-то и горе, что у меня нѣтъ сѣдла. Впрочемъ, вамъ было бы утомительно со мною—я вѣдь все галопомъ. А если вамъ скучно ѣздить для одного моціона, я могу давать вамъ какія-нибудь порученія: нынче, напримѣръ, поѣзжайте на мельницу—это всего 4 версты отсюда—и скажите, чтобы вечеромъ наловили рыбы къ завтрашнему дню—тамъ удивительные окуни. А лошадь вамъ дадутъ отличную, донскую. Правда, ей, кажется, двадцать первый годъ, но она и теперь никогда не спотыкается—я уже говорила съ Парамономъ. И сѣдло тоже ничего—покойное; разумѣется, не совсѣмъ оно красиво.

— Ну, я тебѣ не завидую,—сказалъ Шубину Петръ Степановичъ.—Нужно тебя предупредить, что они съ Парамономъ еще скрываютъ Вымѣннины лѣта: ей совсѣмъ не двадцать первый, а тридцатый годъ—я это вѣрно знаю. А сѣдло совсѣмъ допотопное.

— Нѣтъ, это ужъ извините,—вмѣшалась вдругъ Наталья Александровна.—Сѣдло циммермановское и куплено моимъ покойникомъ, а онъ ѣздилъ лучше всѣхъ васъ.

Всѣ засмѣялись.

— Это все не бѣда,—сказалъ Шубинъ,—если лошадь не тряская и не спотыкается и сѣдло удобно. А я бы посмотрѣлъ на рѣку—я люблю воду. Что, рѣчка тамъ недурна?

— Возлѣ запруды ничего,—сказала Варенька.—На берегу есть лѣсокъ. Такъ велѣтъ осѣдлать Вымѣнку? Нынче славно—не жарко.

— Хорошо, велите.

Варенька сама пошла въ конюшню и сослѣдничала Парамону, что говорить Петръ Степановичъ о Вымѣннѣ. Старикъ обидѣлся.

— Нѣтъ, они прежде посмотри, что это за конь!—промогивъ онъ строго.

И дѣйствительно, у крыльца Вымѣнка начала перебирать ногами и нетерпѣливо поводить некрасивой мордой съ умными глазами, а когда Шубинъ, для пробы, пустилъ ее по дорогѣ мимо двора, она такъ вдругъ вся растянулась, такъ быстро помчалась, ужъ точно «стрѣлою», что Петръ Степановичъ удивился, а Парамонъ сказалъ:

— Да ей, сударь, цѣны нѣтъ, доложу вамъ. Оно точно, лошадь она старая—годовъ шестнадцать есть—а только по зубамъ ей сейчасъ каждый коноваль десяти лѣтъ не скажеть.

Когда Александръ Алексѣевичъ уѣхалъ, Варенька сошла въ садъ, отыскала Митю и сѣла рядомъ съ нимъ на землю. Онъ радостно посмотрѣлъ на нее и сталъ опять работать. Варенька поговорила съ нимъ минутъ пять, потомъ замолчала, но просидѣла все время, пока не вернулся Шубинъ. И ей, и Митѣ было хорошо: ей сдѣлалось легко на душѣ отъ сознанія, что она заглаживаетъ свою вину и немножко тоже было пріятно подумать, что Митя ее любитъ—сегодня эта любовь уже не смущала ее; Митя радовался, что Варенька съ нимъ, что она смотритъ на него добрыми ласковыми глазами и еще тому, что она не съ Шубиннымъ.

Александръ Алексѣевичъ проѣздили часа два и, вернувшись, сошелъ прямо въ садъ, къ Варенькѣ. Она увидала его издали и пошла ему на встрѣчу.

— Ну, вотъ я и сѣздилиъ,—сказалъ онъ.—Окуней вамъ завтра принесутъ.

Варенька долго не могла поднять на него глазъ, такъ ей вдругъ сдѣлалось совѣстно передъ нимъ и жалко его.

— Вы не устали?—спросила она.

— Самую малость, почти что совсѣмъ ничего: Вымѣнка въ самомъ дѣлѣ идетъ прекрасно. Завтра пропишите мнѣ опять то же лекарство.

— Ахъ, нѣтъ, не каждый день!—сказала она.

Съ этихъ поръ Варенька всякій день, хоть на нѣсколько минутъ, приходила къ Митѣ, когда онъ работалъ въ саду, садилась возлѣ и смотрѣла на него. Говорила она рѣдко, да и то скажеть такъ что-нибудь, неважное, насчетъ работы; Митя и вовсе молчалъ, но онъ въ это время бывалъ очень счастливъ, и Варенька это чувствовала. Иногда случалось, что когда она сидитъ съ Митей, Шубинъ вдругъ позоветъ ее гулять, или придетъ, тоже сядетъ и начнетъ разговаривать; тогда Варенька послѣ не-

премѣнно придетъ еще въ другой разъ и смотреть на Митю еще ласковѣе, чѣмъ обыкновенно. Съ Александромъ Алексѣевичемъ ей теперь было неловко и тяжело; онъ, впрочемъ, этого не замѣчалъ. Они проводили почти цѣлый день вмѣстѣ, какъ и бывало, но Варенька все время думала, что Митя въ эту минуту мучится, и это мѣшало ей относиться къ Шубину съ прежней исключительной и горячей заботливостью; потомъ, чтобы утѣшить Митю, посидѣть съ нимъ одной, нужно было хитрить съ Александромъ Алексѣевичемъ, придумывать что-нибудь, повидимому для его удовольствія или пользы, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы можно было оставить его, и послѣ Варенькѣ всегда было стыдно и нехорошо на совѣсти, а его невыразимо жалко. Мало-по-малу она даже начала желать, чтобы онъ почему-нибудь уѣхалъ. И совсѣмъ неожиданно это случилось.

Разъ, послѣ обѣда, Варенька была одна въ саду. Петръ Степановичъ поѣхалъ въ Ульмино и взялъ съ собою Митю. Шубинъ легъ отдохнуть—у него болѣла голова. Варенька ходила по аллеѣ и поглядывала на дорогу, не ѣдетъ ли изъ города Ильичъ. Дождалась она его не скоро, часовъ въ шесть, остановила и спросила почту. Письмо было только одно, къ Шубину, очень толстое; Варенька отдала его назадъ Ильичу, а себѣ взяла газеты. Минутъ черезъ двадцать она увидала, что Шубинъ очень скоро идетъ къ ней. Онъ схватилъ ее за руки и сказалъ, задыхаясь:

— Она вернулась, она вернулась!

Глаза у него блестѣли, щеки разгорѣлись. Онъ протянулъ Варенькѣ распечатанное письмо, а самъ сталъ скоро ходить взадъ и впередъ по дорожѣ.

Письмо было отъ тетушки. Она рассказывала, какъ поѣхала съ дачи въ городъ, купить себѣ легонькую накидку и зонтикъ, и на улицѣ встрѣтила Пашеньку, худую и ужасно жалкую; тетушка заговорила съ нею, «увидала, что Пашенька искренне раскаявается», и привезла ее къ себѣ на дачу. Дальше шло то, что было съ Пашенькой за границей. Князю она очень скоро стала въ тягость, и онъ началъ обращаться съ нею дурно, почти жестоко, и наконецъ бросилъ ее, уѣхавъ, не простясь;—впрочемъ, онъ оставилъ ей письмо, гдѣ говорилось о какихъ-то не отъ него зависящихъ обстоятельствахъ, о томъ, какъ у него сердце разрывается, но онъ отчего-то не въ правѣ и т. п.—все это довольно безтолково. Въ этомъ же конвертѣ были деньги, почти все, что Пашенька видѣла у него наличными, но въ самомъ письмѣ объ этихъ деньгахъ ничего не говорилось. Отъѣздъ князя больше

изумилъ, чѣмъ огорчилъ Пашеньку; сначала ей даже показалось, что вотъ, наконецъ, кончился страшный и долгій сонъ. Черезъ минуту она, правда, съ ужасомъ поняла свое одиночество и свою безпомощность: она даже не знала хорошенько, сколько будетъ на русскія деньги то, что оставилъ ей князь, не знала, что стоить дорога назадъ, что платится за обѣдъ и за номеръ, въ которомъ она стояла. «Надо ѣхать въ Россію», вотъ все, что пришло ей въ голову, когда она подумала о томъ, что ей дѣлать; а куда именно въ Россію, къ кому,—объ этомъ она пока не думала. Она поѣхала, не рассчитывая денегъ, сначала въ первомъ классѣ, а когда ихъ вдругъ оказалось очень мало, то она сразу перешла въ третій; потомъ, когда денегъ совсѣмъ не стало, Пашенька начала продавать свои вещи и учить маленькихъ нѣмокъ дѣлать бумажные цвѣты и вышивать гладью шелкомъ—нечего и говорить, какъ дорого платили за такіе уроки экономные родители. Пашенька попробовала было еще учить французскому и англійскому языку, но это не пошло, потому что сама она едва говорила по-нѣмцки. Столько она при всемъ этомъ вынесла горя, униженія, отказовъ, тяжелой нужды, обиднаго восхищенія ея красотой и самыхъ оскорбительныхъ ухаживаній и предложеній, что мало-по-малу ея постояннымъ чувствомъ сдѣлался какой-то тупой, давящій страхъ. Трудно сказать, чего бы не могло случиться съ нею, и безъ того безсильной, при этомъ опасномъ настроеніи, но судьба пощадила ея слабость: нашла одна соотечественница, добрая и мечтательная старушка, которая искала компаньонку и не побоялась взять, безъ всякой рекомендаціи, одинокую молодую женщину, которая другому непременно показалась бы подозрительной. А старушка,—напротивъ, оттого больше и взяла «бѣдняжку», что заподозрила тутъ романъ. И тяжело же пришлось Пашенькѣ отъ ея сердечнаго, но любопытнаго участія! Барыня ѣхала домой—и вотъ какимъ образомъ Пашенька очутилась въ Москвѣ. Дорогой она случайно, изъ разговора между двумя пассажирами, узнала, что князь умеръ недавно въ Римѣ, и не почувствовала ни горя, ни облегченія—хроническій страхъ убилъ въ ней все другое. Эту грустную повѣсть тетушка рассказывала очень длинно, съ своими догадками и объясненіями. Послѣ начинались совѣты простить, говорилось о Христѣ, объ Евангеліи, о стихахъ Гюго—все это еще на цѣломъ листѣ.

Въ томъ же конвертѣ было вложено письмо отъ самой Пашеньки, очень коротенькое и такое же недосказанное, какъ, бывало, ея рѣчь. Мужа она въ немъ никакъ не называла.

«Тѣтя велитъ мнѣ написать вамъ, а я не могу, хотя все думаю о васъ. Я и все время каждую минуту о васъ думала. Еще тѣтя говоритъ, чтобы я просила васъ простить меня; если можно, простите. Мнѣ очень тяжело».

Подписи она тоже не придумала.

Пашенькино письмо Варенька прочла съ особеннымъ чувствомъ: это было и очень сильное любопытство и вмѣстѣ какое-то болѣзненное ощущеніе, очень смутное, почти страхъ. Потомъ она вспомнила, какъ Петръ Степановичъ объяснилъ странный поступокъ Пашеньки и подумала: «а вѣдь онъ должно-быть отгадалъ!» И при этой мысли ей вдругъ отчего-то сдѣлалось тяжело и жутко. «Да что мнѣ до этого!» сказала она себѣ, стараясь прогнать это чувство.

Шубинъ не далъ ей задуматься. Увидавъ, что она читаетъ послѣдній листокъ, онъ подошелъ и сѣлъ рядомъ на скамейку. Варенька отдала ему письмо, и онъ сталъ выкладывать его въ конвертъ—руки у него дрожали отъ волненія и радости.

— А помните, вы говорили, что это случится, — сказалъ онъ Варенькѣ.

Его голосъ и видъ глубоко тронули ее.

— Я поѣду нынче же ночью, — продолжалъ Александръ Алексѣевичъ. — Вы не помните, въ которомъ часу идетъ поѣздъ въ Москву?

— Въ два, — сказала Варенька. — Пойдемте домой: я велю приготовить ваше бѣлье и помогу вамъ укладываться.

Она встала, онъ тоже. Но прежде чѣмъ идти, онъ взялъ ея руку, нѣсколько разъ поцѣловалъ и сказалъ:

— Дорогая моя, спасибо вамъ за все.

— Дай Богъ вамъ много, много счастья, — горячо отвѣтила Варенька.

Они пошли домой. Варенька заставила Александра Алексѣевича собирать и укладывать его вещи, чтобы ему время до отъѣзда показалось короче. Но онъ безпрестанно оставлялъ дѣло, начиналъ скоро ходить по комнатѣ, потомъ подходилъ къ Варенькѣ — ему хотѣлось что-то сказать ей, онъ самъ не зная, чтб; просто то, чтб онъ чувствовалъ, просилось наружу. «У него жаръ, онъ непремѣнно заболѣетъ», думала Варенька. Она нарочно спрашивала у него: «куда вы положили щетку и гребень? а мыло, а носовые платки?» чтобы хоть немножко занять его другимъ. Ужинать сѣли пораньше. Потомъ Петръ Степановичъ самъ поѣхалъ на станцію съ Шубинымъ. Варенька вышла

проводить его на крыльцо и еще разъ, дѣйствительно отъ всего сердца, пожелала ему счастья.

На другой день она, какъ только вышла въ садъ, встрѣтила Митю.

— Вотъ Александръ Алексѣевичъ и уѣхалъ, Митя, — сказала ему Варенька такимъ голосомъ, въ которомъ слышалось: «ты радъ?»

Сказала она это, не подумавъ, потому что эта грубая шутка неожиданно пришла ей въ голову.

Митя прежде покраснѣлъ, потомъ вдругъ поднялъ глаза на Вареньку и счастливо улыбнулся, а ей сдѣлалось стыдно и досадно на себя.

VII.

Наступилъ іюнь. Въ цвѣтникѣ больше нѣчего было дѣлать, развѣ изрѣдка что-нибудь подвязать или подчистить. Митя занялся другой работой. Въ березникѣ была лощина со славными, высокими дубами и кленами, вся обросшая орѣшникомъ и малиной — она дѣлила рощу пополамъ. Въ этой лощинѣ отъ густой тѣни всегда было сыро и ходить черезъ нее немножко скользко. Петръ Степановичъ разъ чуть не упалъ и послѣ того сталъ поговаривать, что надо бы вырубить ступеньки.

— Да вотъ Митя вырубить, — посоветовала какъ-то Наталья Александровна.

— Хорошо, — сказалъ Митя, и въ тотъ же день началъ работать.

Варенька пришла смотрѣть, какъ онъ вопасть, и сѣла поблизости на старомъ спиленномъ пнѣ. Она принесла съ собою книгу, но прочла изъ нея немного, и больше рассматривала мѣсто — она никогда не сидѣла тутъ, и оно казалось ей совсѣмъ новымъ. Здѣсь было точно въ глухомъ лѣсу: кругомъ сплошная чаща кустовъ и высокихъ травъ, на днѣ и по откосамъ — красивые, крѣпкіе дубы, а дальше — высокіе, прямые стволы березъ, бѣлые съ яркими черными пятнами.

Варенька и на другой день пришла сюда.

Лѣсенка подвигалась къ концу. Оставалось работы еще только на одинъ день. Митя началъ копать съ утра, но Варенькѣ нынче до завтрака нельзя было придти къ нему: Наталья Александровна всю ночь прострадала отъ зубовъ, Варенька ухаживала за нею и только утромъ, въ восьмомъ часу легла спать. Позавтракавъ, Митя опять взялся за лѣсенку — ему нужно было

сдѣлать еще ступенекъ десять. Было жарко, даже въ такой тѣни. Немного погодя, наверху тихонько зашуршала трава — и Варенька осторожно стала сходить внизъ по другой тропинкѣ. Точно такъ, по этой самой дорожкѣ, приходила она и всѣ дни, но нынче, когда зашумѣло наверху ея платье, Митя вдругъ вздрогнулъ, словно онъ не ждалъ ея, и потомъ, когда Варенька сошла, ему точно огнемъ стало жечь виски.

— Какъ мало осталось! — сказала Варенька.

Отъ ея голоса онъ опять задрожалъ и лопатка у него забрала въ сторону, а онъ и не замѣтилъ. Варенька сѣла на свой пенъ. Митя торопливо копалъ, не поднимая на нее глазъ; ему казалось, что она пристально смотритъ на него — и отъ этого ему было душно и трудно дышать. А Варенька смотрѣла совсѣмъ не на него, а на хорошенькіе молодые дубки, которые росли пучкомъ отъ одного корня. Митя вырубилъ послѣднюю ступеньку, не выровнявъ ея и бросилъ заступъ. Онъ подошелъ и сѣлъ врозь Вареньки.

— Ты уже кончилъ! — сказала она и приподнялась было попробовать лѣсенку, но совсѣмъ не встала: было такъ жарко, что ей вдругъ сдѣлалось лѣнь. Она начала разсматривать лѣстницу съ своего мѣста.

— А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, отлично, — сказала она, хотя тропинка безъ лѣсенки, конечно, была красивѣе — больше шла ко всему мѣсту.

Митя вдругъ крѣпко обнялъ ее и крѣпко, горячими губами, поцѣловалъ ее въ щеку. Теперь и Варенька вдрогнула и быстро обернулась къ Митѣ. Все лицо ей залило яркой краской, когда она увидала его лицо.

— Митя! — съ испугомъ проговорила она и, тихонько отстраняя его, хотѣла встать.

Но онъ не пустилъ ее, положилъ ей на плечи руки и опять такъ же крѣпко поцѣловалъ ее. Варенька хотѣла закричать — и не могла, но сознавала она все. Странно, въ эту минуту она вдругъ вспомнила Пашеньку и поняла, что съ нею теперь происходитъ то же самое; но, вмѣсто гнѣвнаго желанія бороться, у нея явилось одно только невыразимо-мучительное чувство чего-то неизбежнаго, подавляющаго.

— Митя! — повторила она съ смертельной тоской, но не отталкивая его больше.

— Варя! — отвѣтилъ ей задыхающійся шопотъ и опять поцѣлуи стали обжигать ей лицо и шею.

Начали накрывать на столъ—къ обѣду. Петръ Степановичъ сошелъ въ садъ, пройтись и естати позвать Вареньку и Митю. Обогнувъ уголь липовой аллеи, онъ вдругъ увидалъ, что не-
вдалекѣ, прислонившись спиною къ дереву, стоитъ Варенька. Онъ окликнулъ ее—она не слыхала. Онъ подошелъ ближе и ахнулъ: такого страшнаго, блѣднаго, искаженнаго лица онъ никогда не видывалъ.

— Голубушка, что съ тобой! — вскрикнулъ онъ въ испугѣ.

Варенька быстро отодвинулась въ сторону и посмотрѣла на него такъ безумно, что онъ еще больше испугался. Потомъ она опомнилась и слабо сказала:

— Ничего.

— Какъ ничего? Тебѣ дурно, — продолжалъ онъ и протянулъ руки, чтобы поддержать ее.

— Право, ничего, — повторила она. — Просто немного закружилась голова.

Онъ взялъ ее подъ руки и тихонько повелъ домой; она не противилась и еще нѣсколько разъ сказала, что «это ничего». Дома она оправилась, помочила голову холодной водой и пошла обѣдать. Наталья Александровна, хоть и вся обязанная, тоже пришла въ столовую. Послали за Митей. Варенька опять поблѣднѣла и, не разливая супа, ждала, когда вернется Ильичъ. Митя не хотѣлъ обѣдать.

— Даже осерчали на меня, — сказалъ Ильичъ.

— Такъ ты вели, чтобы въ кухнѣ оставили ему по порціи всего—можетъ быть, онъ послѣ захочетъ кушать, — сказала Варенька и проворно сняла крышку съ суповой чашки.

Она начала много говорить, смѣяться. Лицо у нея теперь даже слишкомъ разгорѣлось.

Пообѣдали. Варенька взяла книгу и стала читать вслухъ чью-то безтолковую и безконечную драму. Читала она сегодня дурно, спѣшила и уставала. Наталья Александровна заснула въ креслѣ. Петръ Степановичъ рисовалъ лошадокъ на клочкѣ бумаги и не слушалъ, но остановить Вареньку не рѣшался: онъ чувствовалъ, что съ нею дѣлается что-то необычайное. Къ вечеру набѣжала тучка, немного погромѣлъ громъ, пошелъ дождикъ, потомъ опять прояснилось. Ни чаю пить, ни ужинать Варенька не стала и ушла съ книгой къ себѣ въ спальню—она инстинктивно угадала, что Митя придетъ къ чаю.

Онъ дѣйствительно пришелъ. Ильичъ, котораго послали за нимъ, нашелъ его въ березникѣ, тамъ же, гдѣ она оставилъ его передъ обѣдомъ. Митя сидѣлъ подъ старымъ вѣтомъ и по одной

выщипывалъ длинныя, выросшія въ тѣни травы. Онъ вздрогнулъ, когда Ильичъ сказалъ ему: «чай кушать пожалуйста», но сейчасъ же поднялся на ноги и съ понурой головой пошелъ къ дому. Ильичъ шелъ сзади и съ какимъ-то смутнымъ, лѣнивымъ любопытствомъ не сводилъ глазъ съ Митиной спины. Наталья Александровна была не въ духѣ — у нея опять начиналась зубная боль. Отъ этого она сердилась и на Вареньку, которая не хочетъ чаю, и на Петра Степановича, который молчитъ и о чемъ-то тревожится, и на заглохшій самоваръ, и на все на свѣтѣ. Увидавъ, что Митя не беретъ своего стакана, она сурово сказала ему: «пей чай-то!» Тогда онъ пододвинулъ стаканъ, припалъ губами и медленно, не отрываясь, выпилъ его весь; простывшій, слишкомъ сладкій чай показался ему противенъ. Наталья Александровна замѣтила это и не безъ злорадства спросила: «хочешь еще?» хотя хорошо знала, что Митя всегда пьетъ только одинъ стаканъ. Но Митя не слышалъ ея вопроса, а она не стала повторять его — у нея защемило зубъ.

Наступила ночь, всѣ разошлись по спальнямъ, — прислуга легла, а Варенька, какъ сѣла съ книгой, такъ и осталась у потемнѣвшаго окна. Петръ Степановичъ долго съ безпокойствомъ смотрѣлъ на нее, наконецъ подошелъ.

— Чтѣ ты такъ задумалась, милая? — спросилъ онъ нѣжно и тихонько взялъ ее сзади за голову.

Онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но Варенька вдругъ быстро встала и со стономъ: «о, Боже мой, Боже мой!» выбѣжала въ садъ.

Встревоженный, Петръ Степановичъ тоже вышелъ на балконъ. Варенька стояла въ цвѣтникахъ, съ стиснутыми руками, отъ яркаго луннаго свѣта блѣдная какой-то призрачной блѣдностью и такая же страшная какъ давеча. Но что-то удержало Петра Степановича и не допустило его броситься къ женѣ, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ; ему даже нужно было сдѣлать усилие, чтобы заговорить съ нею, и прошло, по крайней мѣрѣ, минуты двѣ, прежде чѣмъ онъ позвалъ ее тихонько:

— Варя!

Она быстро обернулась, но не въ его сторону, а куда-то лѣвѣе, въ темной чащѣ деревьевъ, и отвѣтила громко и поспѣшно.

— Сейчасъ, сейчасъ!

Петръ Степановичъ не узналъ ея голоса, страннаго, развѣнчанаго, какъ струна.

— Варя, это я тебя зову,—сказалъ онъ съ тоскою и страхомъ.

Теперь она вздрогнула, взглянула на него и сказала уже своимъ голосомъ:

— Я сейчасъ приду.

— Былъ дождикъ, ты несовсѣмъ здорова—я боюсь за тебя, Варя,—продолжалъ онъ.

— Я сейчасъ приду,—повторила она.

И дѣйствительно, постоявъ еще немного, она торопливо вернулась въ спальню и стала раздѣваться. Но у нея сдѣлалась такая жесточая дрожь, что руки не слушались ея.

— Ты совсѣмъ больна, у тебя ознобъ,—сказалъ Петръ Степановичъ.

— Ничего, ничего, оставь меня,—отвѣтила она, стуча зубами и кое-какъ срывая съ себя платье.

Потомъ она легла на спину, встала одѣяло до самого подбородка и сказала:

— Унеси свѣчу.

Петръ Степановичъ опустилъ шторы, потушилъ свѣчку, ошупью дошелъ до своей постели и легъ, одѣтый, снявъ только верхнее платье и башмаки. Въ комнатѣ сдѣлалось тихо, только Варенька дышала тяжело.

Она знала, что умираетъ.

Ей не было страшно, хотя сердце у нея билось неровно и скоро до боли. «Жить нельзя»—вотъ что она чувствовала всѣмъ существомъ. Она не то, чтобы хотѣла смерти,—она понимала, что надо умереть и что смерть пришла. Но какое ужасное страданіе умирать! И какъ долго, какъ страшно долго оно продолжается! Каждую минуту Варенька думала: «Теперь вѣрно скоро. Еще мигъ, ну, можетъ быть, минута—и все, все кончится... и эта мука кончится... Вотъ... вотъ... сейчасъ...»

Дѣйствительно, что-то холодное стало тихо дуть ей въ лицо, потомъ чьи-то горячія руки кольцомъ охватили ея голову... да это не руки, это страшно-горячая раскаленная шапка...

«Скорѣе, Боже мой, только поскорѣе!»...

И все кончилось... и Варенька умерла... Кругомъ нея пусто... такая широкая тоскливо-необъятная пустота... и какой-то звукъ, слабый, чуть слышный, звенить, все удаляясь, но не переставая, звенить безъ конца, цѣлую вѣчность... И Варенька чувствуетъ, что совершилось что-то, что *никогда никакъ* не можетъ измѣниться—это и есть смерть. И только это одно она и чувствуетъ, всегда, вѣчно... безъ измѣненій... безъ колебаній...

VIII.

На другой день Варенька пришла въ себя уже вечеромъ и сейчасъ поняла, что это вечеръ; но голова у нея была слаба и прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ она удивилась. Тогда она зажмурилась, потомъ снова открыла глаза и посмотрѣла кругомъ. Точно, вечеръ: часы на каминѣ показываютъ половину седьмого, а комната прибрана какъ днемъ и кровать Петра Степановича покрыта; шторы на окнахъ подняты, но занавѣски опущены и половинки ихъ скланы вмѣстѣ; черезъ нихъ сквозитъ свѣтъ, совсѣмъ не утренній; вдали, въ столовой, звенять посудой и въ дѣвичьей кто-то разговариваетъ вполголоса. «Да что же это со мною?» — подумала Варенька и потрогала себѣ руки и голову. На одномъ вискѣ у нея что-то мокрое и теплое: это согрѣвшійся и сбившійся на сторону компрессъ. «Что же это?» опять съ тѣмъ же вялымъ недоумѣніемъ спросила она себя — и вдругъ отъ ужаса широко раскрыла глаза и вся похолодѣла: она разомъ вспомнила все. Въ одну минуту у нея взмокли лобъ, руки, спина; то же странное дуновение опять повѣяло ей въ лицо. Но теперь она стала отбиваться. «Я не хочу, я все-таки буду жить!» — пролепетала она вслухъ и хотѣла приподняться, но не могла — не достало силъ. Варенькѣ сдѣлалось страшно.

— Пойдите сюда! — закричала она.

И голосъ не слушался, звучалъ слабо, какъ тихій стонъ, и никто не слышалъ ея зова. А страхъ все росъ.

— Пойдите ко мнѣ, спасите меня! — крикнула она, опять также слабо, но напрягая всѣ силы.

Опять никто не отзывался.

Варенька сдѣлала страшное усиліе подняться, и снова это ей не удалось. Тутъ только она вспомнила, что на спальномъ столнѣ есть колокольчикъ, дрожащей рукой отыскала его и позвонила. Вошла Аннушка и пробормотала, что она ушла всего только на «одну минуточку».

— Теперь вечеръ? — спросила у нея Варенька.

— Какъ же, уже самоваръ принесли.

— Давно я больна, Аннушка?

— Я не знаю. Да должно быть солнце-то еще не вставало, какъ баринъ за мною приходилъ: «Пойди, говорятъ, сюда...»

— Да это нынче было?

— Да что вы, Христосъ съ вами? Извѣстно нынче.

— За докторомъ послали? — продолжала спрашивать Варенька.

— Какъ же, они и сейчасъ здѣсь.

— Позови его сюда.

Аннушка ушла, и черезъ минуту пришелъ докторъ, вмѣстѣ съ Петромъ Степановичемъ и Натальей Александровной.

— Матвѣй Михайловичъ, что со мною! — боязливо спросила Варенька, пока докторъ щупалъ у нея пульсъ.

— Теперь ровно ничего.

— А было что?

— Вѣрно пустяки, если прошло въ нѣсколько часовъ.

— Вы меня обманываете?

— Увѣряю васъ. Просто нервы пошалили, больше ничего. Теперь у васъ нѣтъ ни малѣйшей лихорадки.

— Вы меня вылечите, я не хочу умирать!

— Да кто говорить о смерти? Завтра вы сами будете смѣяться надъ своимъ страхомъ.

— Послушайте, поялянитесь, что это правда.

— Клянусь всѣмъ, чѣмъ только вамъ будетъ угодно.

— Я вѣрю вамъ, — сказала Варенька и по лицу ея разлилась улыбка.

— Ну, вотъ и отлично, — сказалъ, смѣясь, докторъ. — Сейчасъ я вамъ дамъ капли и потомъ извольте почивать, а завтра отъ всѣхъ смертельныхъ болѣзней много если останется маленькая слабость.

Варенька продолжала улыбаться. Она и теперь чувствовала слабость, даже очень большую, и вмѣстѣ какое-то тихое, радостное умиленіе, и спать ей тоже очень хотѣлось. Докторъ подалъ ей капли, Наталья Александровна перекрестила ее, Петръ Степановичъ помогъ ей лечь повыше, поправилъ на ней одѣяло и нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ. При этомъ поцѣлуѣ у нея съ болью защемило сердце, но только на одно мгновеніе. «Послѣ, послѣ!» — торопливо подумала она, да и ослабѣвшее тѣло взяло свое — она сладко заснула.

На другой день, какъ и говорилъ докторъ, отъ болѣзни осталась одна слабость, впрочемъ такая большая, что Варенька пролежала цѣлую недѣлю, а первые дни даже не могла приподняться безъ чужой помощи. Силы возвращались къ ней медленно, но она не тяготилась тѣмъ, что выздоравливаетъ нескоро: и потрясенный организмъ, и умъ ея отдыхали въ тихой лѣни. Изрѣдка, правда, являлось внезапное желаніе встать, пойти крѣпкими, неподгибающимися ногами, побѣждать, говорить громко — и сердце нетерпѣливо и болѣзненно сжималось отъ того, что

этого нельзя. Но это бывало очень рѣдко. Большею частью Варенькѣ было пріятно лежать на спинѣ, на высоко-поднятыхъ подушкахъ и сквозь открытую балконную дверь смотрѣть въ садъ; Петръ Степановичъ сидѣлъ тутъ же, у ея изголовья, и читалъ ей что-нибудь ея любимое, а она, подъ знакомые звуки, полудремала съ открытыми глазами. А тамъ вдругъ войдетъ Наталья Александровна съ маленькимъ блюдечкомъ отборной земляники или удивительнаго смородиннаго желе, которое умѣетъ варить одна только старая ключница Настасья Трифоновна, и Варенька какъ ребенокъ обрадуется лакомству, съѣстъ его съ жадностью и начнетъ просить, чтобы дали еще «хоть пять ягодокъ». Минутами всплывало страстное воспоминаніе, являлась мысль: «какъ же быть теперь», — ласка мужа была нестерпимой мукой; тогда Варенька со страхомъ говорила: «послѣ, послѣ!» и, какъ будто щадя ее, ужасныя мысли шли прочь и страданіе утихало.

Прошла недѣля. Варенька теперь понемногу вставала и сидѣла въ креслѣ; голова ея тоже начала работать живѣе и чаще приходилось повторять: «послѣ, послѣ!»

Наконецъ наступилъ день, когда она въ первый разъ вышла въ садъ.

Было часовъ одиннадцать утра. Деревья словно заснули отъ жара. Надъ цвѣтникомъ стоялъ низкій ровный гулъ пчелъ. Бабочки кружились и вились, уже не весеннія, бѣленькія и желтенькія, какъ лепестки апрѣльскихъ цвѣтовъ, а пестрыя, яркія, лѣтнія. Птицы щебетали. Варенька, опираясь на руку мужа, сошла съ балкона и — лицомъ къ лицу встрѣтилась съ Митей (онъ подвязывалъ георгины). Оба опустили глаза. Она поблѣднѣла какъ мертвая. Онъ покраснѣлъ и низко наклонилъ голову, и руки его дрожали, затягивая узелъ.

— У тебя, должно быть, кружится голова! — спросилъ Петръ Степановичъ. — Это отъ воздуха. Хочешь сядемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ назадъ! — сказала она.

Онъ скорѣе взнесъ, чѣмъ взвелъ ее на ступеньки террасы, посадилъ на кресло у окна въ спальнѣ, принесъ воды, спирту. Но Варенькѣ не было дурно: она слѣдила глазами за мужемъ, пока онъ хлопоталъ и лицо ея медленно находило опять на цвѣтъ. Когда онъ, наконецъ, сѣлъ возлѣ нея, она подняла на него взглядъ, полный страха, боли и такой горячей, такой страстной надежды...

— Ты любишь меня, все по прежнему любишь? — спросила она задрожавшимъ голосомъ.

— Варя, радость моя, какъ можешь ты это спрашивать?

Она взяла его руку, опустилась на нее лбомъ.

— Люби меня...—начала она и вдругъ заплакала.

Онъ съ испугомъ обнялъ ее, повторяя:

— Голубушка, милая, голубушка!..

Варенька прижалась къ его груди. Слезы ручьями лились у нея по лицу, спасительныя, облегчающія слезы.

— Ничего, ничего, мнѣ лучше... мнѣ хорошо...—говорила она.—Люби меня, ради Бога люби меня!

IX.

Лѣто прошло, наступилъ сентябрь. И какой сентябрь! Не хуже чѣмъ была весна. Тепло было такъ, что обѣдали въ саду. Цвѣтники горѣли какъ лѣтомъ, а это бываетъ очень рѣдко—почти всегда еще до половины мѣсяца цвѣты уже побиты морозомъ и почернѣли. Да и деревья были зелены почти по-лѣтнему. Кое-гдѣ только на липахъ прошли яркія струи пожелтѣвшихъ вѣтвей, да инныя березы какъ-будто посыпало золотымъ дождемъ; однѣ осины стояли совсѣмъ красныя, въ своей настоящей красѣ. Несмотря на такую чудную осень, Митя неожиданно заболѣлъ, а тамъ и слегъ. Сначала онъ недѣли двѣ былъ на ногахъ, но чувствовалъ себя нехорошо: у него стала дѣлаться, каждый день передъ вечеромъ, жестокая головная боль съ ознобомъ, ночью поднимался кашель и не давалъ ему спать, а на утро, послѣ сильнаго пота, Митя вставалъ съ чувствомъ ужасной усталости. Онъ началъ такъ быстро и такъ страшно худѣть, что въ нѣсколько дней платье повисло на немъ. Прежде всѣхъ на это обратилъ вниманіе Петръ Степановичъ и сказалъ Варенькѣ. Это было какъ-то за вечернимъ чаемъ. Варенька вздрогнула и едва-ли не въ первый разъ во всѣ эти три мѣсяца взглянула на Митю. Какъ онъ измѣнился! Высокій станъ согнутъ, на щекахъ ямы, носъ и скулы обтянулись, волосы сухи и матоваго цвѣта—на вискахъ они взмокли—загаръ пропалъ съ лица, даже руки и тѣ стали зеленовато-бѣлыя и пальцы раздѣлились во всю кисть; только глаза какъ-будто похорошѣли и потемнѣли, хоть и ввалились.

Варенькѣ сдѣлалось жалко его. Она подошла къ нему и спросила ласково, какъ бывало:

— Ты боленъ, Митя?

Онъ поднялъ на нее глаза, все лицо у него засвѣтилось счастьемъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ и самъ сейчасъ вышелъ въ садъ. Тамъ онъ заплакалъ отъ радости.

— Это неправда, онъ боленъ, и я даже боюсь, не серъбано-ли, — сказалъ Петръ Степановичъ, когда Митя ушелъ. — Обрати вниманіе, какъ онъ кашляетъ. А ночью у него кашель безостановочный; вчера мнѣ не спалось, и я слышалъ, какъ онъ кашляетъ наверху.

— Надо завтра послать за Матѣемъ Михайловичемъ, — сказала Варенька.

Но потомъ она подумала, что лучше послать за нимъ сегодня же. Ея жалость къ Митѣ съ каждой минутой становилась сильнѣе; она совсѣмъ смѣнила то чувство, которое все это время охватывало Вареньку, когда она встрѣчалась съ Митей, когда при ней говорили о немъ, или когда она сама о немъ вспоминала, — мучительное чувство безсилія перемѣнить, сдѣлать небывшимъ, или вполнѣ, навсегда, забыть то, что было. Ничего такого она не чувствовала въ этотъ вечеръ, хотя безпрестанно думала, говорила и беспокоилась о Митѣ, стараясь отгадать, что съ нимъ. Все, что она знала о его болѣзни, она написала доктору, чтобы онъ могъ, если нужно, захватить съ собою лекарство. Но доктору никакъ нельзя было пріѣхать. «У меня очень трудный больной, и я съ часу на часъ жду кризиса, — писалъ онъ. — Пріѣду къ вамъ, какъ только будетъ возможно. Вы не тревожьтесь: судя по вашему описанію, подождать нѣсколько дней можно совершенно безопасно. Пока посылаю порошки и т. д.» Эти порошки Варенька стала аккуратно давать сама, но Митѣ они не помогли. Каждую ночь она слышала, какъ онъ мучительно и подолгу кашляетъ. Разъ припадокъ былъ особенно длинный и сильный. Варенька долго слушала, наконецъ, вдругъ встала, надѣла блузу и туфли и пошла наверхъ. Митѣ показалось, что это какой-то сонъ, когда она отворила его дверь. Варенька вошла, пощупала ему голову, пульсъ и дала лекарство. Всю ночь и весь день потомъ онъ былъ невыразимо счастливъ.

А болѣзнь все шла впередъ: Митя началъ задыхаться, сталъ терять голосъ. Однажды утромъ Аннушка, отырывая окна въ спальнѣ, сказала:

— А Митрій-то Федоровичъ вовсе захворалъ: встать не могутъ.

— Что ты говоришь? — вскрикнула Варенька и вскочила съ постели.

Она торопливо накинула платье и побѣжала наверхъ. Митя

былъ въ жару и въ забытѣ; но когда пришла Варенька, онъ на минуту открылъ глаза и, на ея вопросы, сказалъ, что у него болитъ голова. Потомъ онъ еще что-то сталъ говорить, не-связно шепча, и опять забылся. Варенька, вся блѣдная, сбѣжала внизъ и велѣла скорѣе ѣхать за докторомъ, а если ему нельзя, привезти другого. Петръ Степановичъ тоже пошелъ взглянуть на Митю и, какъ ни хотѣлось ему утѣшить Вареньку, но и ему Митя очень не понравился.

— Я переведу его въ спальню, — сказала Варенька (она все время смотрѣла въ глаза мужу, какъ-будто онъ понималъ больше ея). — Здѣсь душно, безпокойно и дуетъ подъ дверь. Можетъ быть, тамъ ему будетъ лучше.

Митю перевели въ спальню, а Варенька съ Петромъ Степановичемъ помѣстились наверху. Но Митѣ не сдѣлалось лучше: онъ, по-прежнему, то отвѣчалъ на вопросы и очень ясно просилъ пить, то опять засыпалъ съ воспаленнымъ лицомъ и тяжелымъ дыханіемъ, то вдругъ начиналъ бормотать, стонать и метаться головою по подушкѣ. Варенька безпрестанно щупала ему пульсъ, потомъ шла смотрѣть, не ѣдетъ-ли докторъ, или принималась ходить по гостиной. Докторъ пріѣхалъ уже вечеромъ. Какъ только онъ осмотрѣлъ больного, Варенька вызвала его въ гостиную и тревожно спросила:

— Что у него?

— Чахотка, — отвѣтилъ докторъ, не задумываясь.

Варенька поблѣднѣла, но потомъ сейчасъ же заспорила.

— Это невозможно! Онъ такой здоровый, такой сильный, съ какой стати сдѣлается у него вдругъ чахотка?

— Отъ нея не застрахованы и сильные.

Но она все стояла на своемъ.

— Да это совсѣмъ и не похоже на чахотку. Это скорѣе горячка.

Докторъ невольно улынулся, хотя у Вареньки не было кровинки въ лицѣ, и голосъ ея дрожалъ отъ ужаса и горя.

— Это называется une phthisie aigue, — объяснилъ онъ терпѣливо.

Онъ никогда не называлъ болѣзнь по-латыни, когда говорилъ не съ врачомъ (это такой дурной тонъ!), а всегда по-французски, потому-что плохо зналъ этотъ языкъ.

Варенька на этотъ разъ ничего не сказала и ушла на балконъ, оставивъ доктора съ Петромъ Степановичемъ. Она не совсѣмъ вѣрила тому, что сказалъ Матвей Михайловичъ, и силилась совсѣмъ не вѣрить. Ну, а если вдругъ это правда, если Митя

дѣйствительно умираетъ? Она задыхалась, ей дѣлалось холодно отъ ужаса, отъ смутнаго чувства, что она невольной виною этой смерти, отъ неяснаго упрека совѣсти, отъ страшной мысли, что вина эта непоправимая... и въ то же время какая-то особенная жалость, какой она никогда еще не испытывала, тѣснила и разрывала ей грудь. «Неправда, неправда, неправда!» — повторяла она почти вслухъ. Докторъ скоро вышелъ къ ней съ рецептами въ рукахъ и сталъ подробно объяснять, что нужно дѣлать.

Ночью Варенька легла одѣтая на кушеткѣ въ спальнѣ. Часа въ четыре Петръ Степановичъ пришелъ смѣнить ее; она не спала и начала шопотомъ бранить доктора. Она горячилась, говорила, что не можетъ повѣрить очевидной бессмыслицѣ, что пусть ей повторить то же самое такой врачъ, которому нельзя будетъ не вѣрить, что надо непременно выписать изъ Москвы знаменитаго Х. По ея желанію, Петръ Степановичъ сейчасъ же послалъ на станцію желѣзной дороги — отправить телеграмму къ знаменитому доктору.

Но выписать Х. оказалось не совсѣмъ легко. Прошло цѣлыхъ два дня, прежде чѣмъ онъ высказалъ свои условія. Ихъ было не мало, — отъ огромной платы за визитъ, полученной непременно впередъ, въ Москвѣ, до покойнаго экипажа на станціи и готовой ванны къ часу пріѣзда. Назначить, въ который день онъ будетъ, Х. отказывался, прибавляя, что тогда телеграфируетъ, такъ что Петру Степановичу пришлось цѣлую недѣлю держать на станціи лошадей, экипажъ и людей. Наконецъ, получила телеграмма, что Х. ѣдетъ; готовый верховой сейчасъ повезъ ее въ Груздино. При этой вѣсти Варенькѣ сдѣлалось такъ страшно, что вернись великій врачъ съ половины пути, она, кажется, обрадовалась бы; теперь, когда черезъ нѣсколько часовъ она неизбежно будетъ знать правду, ею овладѣло малодушіе, и она, если бы можно, заткнула-бы уши или ушла изъ дому, чтобы остаться съ своими сомнѣніями и своей надеждой. А сомнѣнія въ эту недѣлю не разъ являлись у нея, но она гнала ихъ горячо и настойчиво. На ея взглядъ Митя, съ той минуты, какъ слегъ, былъ все въ одномъ положеніи, но ее пугали его худоба и его видъ: иногда, когда онъ спалъ съ пожелтѣвшимъ, обострившимся лицомъ, съ крупными каплями пота на лбу, обтянутомъ тонкой, безкровной кожей, онъ былъ очень похожъ на мертваго. Были и другіе признаки, что болѣзнь подвигается впередъ и подвигается большими шагами; докторъ хорошо видѣлъ ихъ. Ему было замѣтно, что больной сталъ дышать

гораздо короче и чаще, со свистомъ, что кашель уже не бьетъ его; вмѣсто того, Митя теперь безпрестанно, мучительно захлебывался. Матвей Михайловичъ тоже волновался въ ожиданіи Х.: онъ боялся не консультаціи, а того, чтобы извѣстный своими выходами медицинскій «богъ» не обошелся съ нимъ уже слишкомъ свысока, можетъ быть даже грубо—за нимъ это водилось.

Поѣздъ, на которомъ ѣхалъ Х., приходитъ на станцію, гдѣ ждали лошади, въ десять часовъ вечера, но на этотъ разъ онъ опоздалъ, такъ что Х. только къ свѣту попалъ въ Груздино. Тамъ никто не ложился. Первый увидалъ подъѣзжающій экипажъ докторъ и, проворно отойдя отъ окна, надѣлъ ринсе-пез и заложилъ руки въ карманы; но потомъ не выдержалъ и вышелъ въ сѣни. Петръ Степановичъ хотѣлъ-было проводить знаменитость въ приготовленную комнату, но Х. сказалъ, нетерпѣливо сбрасывая пальто и мягкую дорожную фуражку:

— Я сейчасъ осматрю больного и поѣду назадъ. Велите заложить свѣжихъ лошадей.

Пока Петръ Степановичъ посылалъ за лошадьми къ богатому мужику Трофимычу, такъ какъ дома не было другой переѣзны, Варенька повела «бога» къ Митѣ.

Желчный, больной, съ нервно-подергивающимся лицомъ, Х. сдѣлалъ на нее тяжелое и зловѣщее впечатлѣніе. Впрочемъ, онъ осмотрѣлъ и выслушалъ Митю, разспросилъ доктора и Вареньку, очень скоро, но серьезно и безъ шарлатанства. Теперь надо было спросить, чтó онъ нашелъ? Но у Вареньки не достало духа и спросилъ Петръ Степановичъ.

— *Phtisis acuta*, — сказалъ Х.

Этотъ нарочно говорилъ по-латыни, сквозъ зубы и глядя на кончикъ собственнаго сапога. Въ голосѣ его слышалось: «вѣдь все-равно ничего не поймете, зачѣмъ и спрашивать: я бы самъ сказалъ, что онъ умираетъ».

Въ первую минуту Варенька и съ нимъ почти поспорила.

— Но онъ такъ хорошо сложенъ; какъ могла у него сдѣлаться чахотка?

Докторъ ждалъ, что Х. «обрѣжетъ» Вареньку. Но тотъ вѣрно понялъ, что въ ней говорило отчаяніе, потому что совсѣмъ неожиданно началъ объяснять ей, чего обыкновенно никогда не дѣлалъ.

— Да, субъектъ съ хорошимъ сложеніемъ и съ «спокойной кровью» — такъ это, кажется, называется у васъ? Северно только, что у него вдругъ нервная система стала сильно работать: — оно видно даже изъ остраго характера болѣзни, — прибавилъ онъ въ

стороню, можетъ быть обращаюсь въ доктору. — Ну-съ, а такіе организмы этой работы не выдерживаютъ: тутъ какъ разъ готова почва для чего угодно. Почему сдѣлалась именно tuberculosis, какъ и бываетъ чаще всего, этого вамъ, конечно, никто въ точности не скажетъ. Они, вонъ, говорятъ, что мать была чахоточная (онъ опять чуть-чуть повелъ глазомъ въ сторону доктора). Ну, да это матерія темная, и я распространяться о ней не буду.

Варенька не дослушала, встала и ушла въ садъ. Утро было холодное, сырое, стоялъ непроглядный туманъ. Въ двѣ минуты она дошла до самаго конца березника. Тутъ она остановилась. Туманъ бѣлой стѣнной обступилъ ее совсѣмъ близко. Варенька подняла глаза. И надъ головой у нея было также бѣло. Что-то ужасное, невыразимо-безоградное, было въ этой давящей бѣлизнѣ. Задышавъ и ломая руки, Варенька начала молиться. По натурѣ, и еще больше того по воспитанію, она не могла не быть деистой. У нея была своя религія, гдѣ какъ-то уживались рядомъ и пантеизмъ (только не Спинозы, а Гётевскій—съ его величавой красотой), и полу-христіанская философія Ламеннэ, и Гюго съ его опредѣленіемъ Бога, правда, не совсѣмъ яснымъ, за то облеченнымъ въ такой могучій, сверкающій стихъ. Но въ настоящую минуту Варенька все забыла—и молилась безумно, суевѣрно. Она просила, чтобы Митя былъ живъ, а ей за это пусть остается жить только годъ, даже полгода, даже только три мѣсяца, пока Митя совсѣмъ поправится; и эту мольбу она повторяла сто, тысячу разъ, безъ конца, настойчиво, отчаянно, страстно...

Утро подвигалось. Туманъ сошелъ. Засвѣтилось солнце. Варенька опомнилась и озябла. Она пошла домой. День начинался ясный. И вотъ ей стало казаться, что молитва ея услышана... Чѣмъ ближе она подходила къ дому, тѣмъ больше вѣрила этому... Ей сдѣлалось особенно свѣтло и торжественно на душѣ.

Въ гостиной Варенька не нашла никого: Х. уѣхалъ, докторъ легъ спать, Петръ Степановичъ пошелъ умыться послѣ бессонной ночи. Она вошла въ спальню. Здѣсь было темно. Митя хрипѣлъ во снѣ. Варенька подняла на одномъ изъ оконъ клеенчатую стору; сквозь пестрые ситцевыя занавѣси въ спальню заглянуло солнце. На креслѣ остался Аннушкинъ большой платокъ, но самой ея не было. Митя все спалъ. Онъ лежалъ на спинѣ, покрытый по поясъ Варенькинымъ дѣвичьимъ голубымъ одѣломъ; вчера, къ прїѣзду Х., на него надѣли батистовую рубашку съ золотой запонкой; въ полу-тѣни лицо его показалось Варенькѣ розовымъ. Она тихо подошла къ постели, стала на колѣни и осторожно поцѣловала его руку, потомъ въ другой разъ вѣпче,

потомъ еще... Что-то горячее высоко поднимало ей грудь, не то накипающія слезы, не то какой-то чудный восторгъ. Странное блаженство охватило ее: ей было такъ сладко, что она отдала свою жизнь Митѣ; она любила его, любила несравненной любовью, такъ, какъ никогда, никого не любила... Митя не шевелился. Варенька крѣпко, страстно, уже не боясь потревожить его, продолжала цѣловать его руки — она словно хотѣла передать ему свою душу. Ея поцѣлуи разбудили его. Онъ потянулъ вверхъ плечи — вѣрно хотѣлъ лечь повыше — и приподнялъ вѣки. Мутные глаза не смотрѣли никуда; правый, открытый шире, не двигался. Митя заговорилъ хрипло, съ своимъ страшнымъ захлебываніемъ.

— Теперь хорошо... очень хорошо... хорошо стало...

Варенька блѣдная, съ сіяющими счастьемъ глазами, смотрѣла на него. Онъ говорить, что ему теперь хорошо! Боже мой, но вѣдь это совершилось чудо и какъ скоро!

— Дорогой мой, голубчикъ! — лепетала она, задыхаясь отъ радости.

— Варенька... — началъ онъ, услыхавъ ея голосъ, или просто такъ, случайно, но не договорилъ и опять заснулъ.

У Вареньки выступили слезы, когда онъ назвалъ ее.

— Спи, милый, — нѣжно сказала она, — я не буду тебѣ мѣшать.

Она осторожно встала, поправила ему одѣяло, подушку и тихонько, чуть касаясь губами, поцѣловала его въ лобъ.

Петра Степановича и доктора удивило ея не только спокойное, но даже веселое лицо. Когда они пришли, Варенька прибирала въ спальнѣ, поднимала шторы, открывала окна, прятала лекарства въ шкапчикъ, чтобы комната смотрѣла веселѣе, неслышно передвигала мебель. Потомъ она пошла къ себѣ, умылась, причесалась, перемѣнила платье; потомъ сошла въ садъ, нарѣзала цѣлый снопокъ непахучихъ осеннихъ цвѣтовъ и разставила букеты на каминѣ, на туалетѣ, на всѣхъ столахъ. Петру Степановичу и даже доктору сдѣлалось не по себѣ отъ этой непонятной веселости: на солнцѣ, среди цвѣтовъ, Митя лежалъ въ начавшейся уже агоніи. Петръ Степановичъ нѣсколько разъ собирался съ духомъ сказать объ этомъ Варенькѣ и никакъ не могъ. Она ничего не замѣчала, принесла вязанье, давнымъ давно начатое Натальей Александровной, и сѣла съ нимъ къ окну. Тяжелое хрипѣніе умирающаго раздавалось на всю комнату. Пришла Наталья Александровна и сказала, что надо послать за священникомъ. Варенька выслушала ее молча, не вздрогнувъ и не оставляя работы. Священника не было дома: онъ отлучился

тоже къ больному. «Матушка» сказала, что онъ скоро вернется, и общала тогда сейчасъ же прислать его.

День прошелъ. Въ шестомъ часу вечера всѣ собрались въ столовой. Наталья Александровна велѣла подать чай раньше. «Свой» священникъ все еще не пріѣзжалъ домой, и она послала въ другое село, а такъ какъ послѣ соборованія всѣ будутъ разстроены и не захотятъ чаю, то она рѣшила, что пускай лучше напьются прежде. Впрочемъ, Петру Степановичу и теперь ѣда не шла на умъ; но Варенька, докторъ и сама Наталья Александровна ѣли съ аппетитомъ. Солнце только-что сѣло; яркая, красная заря горѣла на небѣ. Вдругъ въ дверяхъ показалась Аннушка, вся блѣдная. Изъ-за плеча у нея выглядывало тоже блѣдное и вѣстѣ любопытное лицо Ильича.

— Баринъ... проглядѣли!.. — сказала Аннушка вскочившему съ мѣста Петру Степановичу.

Всѣ бросились въ спальню — Варенька вѣстѣ съ другими.

У Мити голова была опрокинута, ротъ открытъ, потухшіе глаза тоже раскрыты; возлѣ губъ замирала послѣдняя судорога.

Варенька не вскрикнула, не упала въ обморокъ. Она молча смотрѣла на трупъ... какое-то страшное утиханіе совершалось въ ней... Потомъ ей стало казаться, что на нее, какъ саванъ, опять спускается тотъ бѣлый, тяжелый туманъ, только еще гуще, еще непрогляднѣе. И всю ее онъ проникаетъ своимъ мертвымъ, сырмъ холодомъ...

— Варя, пойдемъ отсюда! — сказалъ ей Петръ Степановичъ и увелъ ее изъ спальни.

Х.

Былъ октябрскій день, тихій и очень теплый, съ блѣднымъ, удивительно-чистымъ, высокимъ и прозрачнымъ небомъ. Отъ облетѣвшихъ деревьевъ стало особенно свѣтло. Солнце ровно освѣщало все кругомъ и отъ этого самый воздухъ былъ какой-то золотистый. Въ немъ, несмотря на почти лѣтнюю теплоту, была успокоительная свѣжесть, при которой сердце не бьется скорѣе и грудь дышетъ мѣрно и глубоко. Петръ Степановичъ и Варенька ѣхали вдвоемъ въ телѣжкѣ — они были у Мити на могилѣ. Изъ дому они выѣхали утромъ, захватили въ Ульминѣ цвѣтовъ и теперь возвращались той же дорогою. Варенька поставила пустую корзину у себя въ ногахъ и устало глядѣла подъ колеса, на неровную дорогу. Петръ Степановичъ грустно посматривалъ на

ей блѣдныя, тонкія руки и худое, постарѣвшее лицо. Они долго молчали; наконецъ, онъ заговорилъ:

— Вара, мнѣ давно хочется предложить тебѣ одну вещь: ты несовсѣмъ поправилась послѣ своей лѣтней болѣзни, въ Грузинѣ зимою будетъ, пожалуй, неудобно и скучно — не поѣхать-ли намъ куда-нибудь на югъ? Помнишь нашу первую зиму?

Варенька встрепелась; на лицѣ у нея слабо выступила красва.

— Да, да, непременно поѣдемъ, — сказала она... — Можетъ быть, опять будетъ хорошо... И знаешь-ли, поѣдемъ какъ можно скорѣе.

— Какъ только ты соберешься и получишь паспорта.

Петръ Степановичъ повеселѣлъ. Онъ пустилъ лошадь жиѣе; телѣжка дробно загремѣла по сухой дорогѣ. Варенька тоже подняла голову и посмотрѣла кругомъ. Они ѣхали лѣсомъ. Было тихо. Гдѣ-то, въ звонкой дали, кто-то пѣлъ. Солнце мягко грѣло. Изрѣдка отрывался послѣдній листъ и тихо падалъ на землю, на другіе листья.

Л. Я. С.

ВАШИНГТОНЪ

О Ч Е Р К И

СТОЛИЦЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВА Соединенныхъ Штатовъ Америки.

О к о н ч а н і е.

XII *).

Отъ законодателей и высшихъ властей перейдемъ теперь къ исполнителямъ законовъ и предписаній власти.

Американскіе чиновники очень отличаются отъ своихъ европейскихъ собратьевъ, во-первыхъ, тѣмъ, что они не получаютъ ни наградъ, ни пенсіоновъ, сколько бы лѣтъ ни находились на службѣ; во-вторыхъ, въ глазахъ американскаго народа чиновникъ ни чѣмъ не выше башмачника, столяра, кузнеца и т. п., и считается даже ниже фермера, купца и лицъ свободныхъ профессій, тогда какъ въ Европѣ чиновничество въ понятіяхъ самого народа является привилегированнымъ классомъ, а его занятія — дѣломъ по преимуществу благороднымъ. Кромѣ того, американскіе чиновники — люди партіи, и получаютъ свои мѣста вообще ради услугъ своей партіи и зависятъ отъ ея политическаго положенія. Если партія во власти — они на мѣстахъ; если же партія потеряла власть, то и они тоже могутъ быть замѣнены новыми лицами изъ другой партіи.

Приведемъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ труда американскаго писателя д-ра Эллиса: «О гражданскомъ управле-

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 5.

ніи Соед. Штатовъ» относительно гражданскихъ чиновниковъ, ихъ нравственнаго характера и officialнаго положенія въ 1869 году:

«Въ началѣ каждой новой администраціи (т.-е. черезъ каждые четыре года), особенно когда мѣняется ея политическій характеръ, начинается перетасовка въ гражданскомъ управленіи. Приходится замѣстить болѣе пятидесяти тысячъ мѣстъ разнаго рода, и на каждое мѣсто находятся сотни просителей. Притязанія ихъ настоятельно поддерживаются или членами конгресса или вліятельными лицами различныхъ штатовъ; и президентъ, и главы департаментовъ находятся въ весьма затруднительномъ положеніи по поводу этихъ докучныхъ просьбъ.

«Нельзя не удивляться, сколько ума, энергіи и терпѣнія употребляютъ искатели мѣстъ, чтобы обезпечить себѣ должность, къ которой они совершенно не годны, и которая при томъ вознаграждается скудно. Если бы эти лица употребили свои способности для достиженія какихъ-либо другихъ цѣлей, то они навѣрно могли бы обезпечить себѣ и независимость, и даже богатство; но нѣтъ: тысячи каждый годъ предпочитаютъ зависѣть отъ правительства. Эти правительственные чиновники дѣлаются изъ всякаго сорта людей. Поэты, проповѣдники, адвокаты, доктора, артисты, писатели, купцы, механики, хлѣбопекни находятся въ разныхъ департаментахъ. Вы ихъ можете узнать, какъ нельзя легче, по ихъ аффектаціи сравнительно съ городскимъ населеніемъ, по ихъ искательной наружности, по ихъ подражанію въ манерахъ и стилѣ первымъ лицамъ въ правительствѣ. Они образуютъ изъ себя колонію, отличную отъ коренныхъ жителей Вашингтона, съ которыми они имѣютъ очень мало общаго, и входятъ въ сношенія, когда жители приглашаютъ ихъ съ цѣлями гостеприимными. Въ этомъ случаѣ они принимаютъ приглашенія съ изумительною быстротою. Большая часть ихъ или люди холостые, или же ихъ семейства находятся дома. Жизнь въ Вашингтонѣ дорога, и немногіе могутъ удѣлять изъ жалованья на поддержку семействъ.

«Всего около 60,000 общественныхъ должностей въ области администраціи, и изъ нихъ около 6,000 въ Вашингтонѣ. Почти всѣ они пришлецы въ городѣ. Они приходятъ со всѣхъ концовъ Союза, и обыкновенно назначаются на должности, несмотря на ихъ личныя заслуги, а ради вознагражденія или обезпеченія политическихъ услугъ. Они чужды городу, и такъ шатко держатся на своихъ мѣстахъ, что никогда не могутъ въ немъ сдѣлаться своими. Они въ Вашингтонѣ, но не отъ Вашингтона.

«Въ число 60,000 лицъ на службѣ у правительства включены всѣ индивидуумы, чьи имена внесены въ списокъ, начиная съ вице-директоровъ департаментскихъ до сторожей и рабочихъ въ различныхъ конторахъ. Они обоеихъ половъ, всѣхъ возрастовъ и состояній, и различныхъ степеней компетентности.

«Стремленіе къ должностямъ весьма велико. Г. Линкольнъ имѣлъ особенный страхъ къ этимъ искателямъ мѣстъ. Когда приближался день его вторичнаго избранія въ президенты, онъ говорилъ сенатору Кларку, изъ Нью-Гампшира: «можете ли вы и другіе направить общественное мнѣніе въ пользу того, чтобы не дѣлать никакихъ перетасовокъ, за исключеніемъ уважительныхъ и достаточныхъ причинъ. Если мнѣ снова придется испытать, въ этомъ отношеніи то же, что я испытывалъ въ первый разъ, то это можетъ погубить меня. Удалить человѣка съ мѣста очень легко, но когда дѣло идетъ о замѣщеніи, то является двадцать искателей, и изъ нихъ я наживаю себѣ 19 враговъ».

«Дѣла въ департаментахъ начинаются въ 9 ч. утра и оканчиваются въ три по-полудни. Остальное время чиновники вольны проводить, какъ кому угодно. Одни—люди семейные, другіе не знаютъ, чѣмъ наполнить свое время. Одни проводятъ свой досугъ или шатаясь по городу, по отелямъ, или посѣщаютъ своихъ пріятелей, а другіе пишутъ корреспонденціи въ газеты своихъ штатовъ.

«Большинство ихъ живетъ или въ пансіонахъ или въ частныхъ домахъ, гдѣ для нихъ комфортъ болѣе фиветивный, чѣмъ реальный. Большая ихъ часть, послѣ уплаты за помѣщеніе и столъ, за ремонтъ платья и экипировку, имѣютъ въ остаткѣ очень немного денегъ. Но и этотъ остатокъ они издерживаютъ свободно, такъ что послѣ officialной карьеры они сберегаютъ немного или вовсе ничего.

«Ихъ занятія очень монотонны и состоятъ изъ одного и того же ряда рутинныхъ текущихъ дѣлъ со дня на день; праздниковъ же немного и на далекомъ разстояніи другъ отъ друга.

«Назначенія въ исполнительномъ департаментѣ и его различныхъ вѣтвяхъ номинально дѣлаются президентомъ, но въ сущности выборъ этотъ дѣлается непосредственными начальниками департаментовъ, и президентъ утверждаетъ рекомендованныхъ ими лицъ. Измѣненія въ личномъ составѣ дѣлаются постоянно, и борьба изъ-за мѣстъ тянется въ теченіи цѣлаго года.

«Какъ назначенія дѣлаютъ безъ вниманія къ личнымъ качествамъ, такъ и занятіе должности не зависитъ отъ способностей. Каждый держится на мѣстѣ по милости начальника отдѣленія; поэтому, какъ средство удержать свое мѣсто, онъ старается

снискать расположеніе начальника. Высшіе чиновники не упускаютъ случая дать почувствовать своимъ подчиненнымъ, что ихъ officialная жизнь находится въ ихъ (начальниковъ) рукахъ. Слѣдовательно, здѣсь постоянное чувство неизвѣстности во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ министра (секретаря) внизъ по административной лѣстницѣ, такъ какъ никто не знаетъ, когда онъ можетъ потерять мѣсто. Люди пресмыкаются и льстятъ своимъ высшимъ самымъ сквернымъ образомъ. Они заботятся не о томъ, чтобы выполнить свои обязанности хорошо и добросовѣстно, а чтобы понравиться своимъ высшимъ шуточками и угодливостью ихъ причудамъ и капризамъ. Естественно, что такая жизнь лишаетъ ихъ благородныхъ качествъ человѣка и гражданина и превращаетъ ихъ въ предметъ презрѣнія.

«Жалованье, которое правительство платитъ чиновникамъ своимъ, очень не велико. Министръ (secretary) во главѣ департамента получаетъ 8,000 долларовъ. Ихъ помощники 3,500. Главные клерки въ департаментахъ по 2,200 долл.; начальники отдѣленій отъ 2,000 до 3,500 дол.; жалованье прочихъ клерковъ находится между 1,800 и 600 долл. Эти суммы недостаточны для того, чтобы получающіе ихъ могли жить съ нѣкоторымъ комфортомъ, и многіе чиновники департаментовъ, несмотря на самую строгую экономію, не могутъ свести концовъ съ концами.

«Но какъ ни скудно это жалованье, но и оно не все переходитъ въ руки зарабатывающихъ его. Партія, къ которой они принадлежатъ, требуетъ своей части, и чиновники обязаны уплатить пошлину, требуемую отъ нихъ, подъ опасеніемъ потери мѣста. Какъ только нужны деньги для политическихъ потребностей партіи, вожди властвующей партіи—все равно республиканцы или демократы,—опредѣляютъ налогъ на каждого чиновника въ союзномъ правительствѣ соотвѣтственно получаемому имъ окладу. При этомъ высшіе правительственные чиновники изъяты отъ этой таксы, и вся тяжесть падаетъ на низшихъ чиновниковъ. Каждый чиновникъ получаетъ циркуляръ, въ которомъ его извѣщаютъ, что «такъ какъ для предстоящихъ издержекъ партіи требуются деньги, то надѣются, что господинъ такой-то поддержитъ интересы партіи пожертвованіемъ суммы», которая тутъ же обозначается въ циркулярѣ. Его просятъ прислать назначенную сумму въ данное время. И никакое приказаніе не исполняется такъ быстро, какъ эта просьба. Горе чиновнику, который дерзнетъ не исполнить этой просьбы! Никому нѣтъ дѣла до того, что назначенная сумма тяжела для него; что его дѣти или жена больна; что у него есть многія насущныя нужды;—

онъ *долженъ* заплатить, иначе будетъ уволенъ отъ должности. И эта отставка произойдетъ всегда подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ: некомпетентность, небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей и т. п. И этотъ налогъ чиновнику приходится платить не одинъ разъ въ годъ; нѣтъ, бѣдный чиновникъ подлежитъ этому налогу во всякое время, когда партія нуждается въ деньгахъ, и если онъ получаетъ тысячу долларовъ, то его такъ или иначе заставятъ *дать* партіи сто долларовъ.

«Самое худшее здѣсь то, что, какъ говорятъ, много денегъ, исторгнутыхъ такимъ образомъ, переходитъ въ карманы частныхъ лицъ. И при этомъ также хорошо извѣстно, что если бы даже партія издерживала всѣ выжатые деньги только на нужды партіи, то это значило бы только то, что эти деньги издержаны на поддержаніе и продолженіе той системы взяточничества и развращенія, которая такъ унижаетъ нашу страну въ глазахъ цивилизованнаго міра.

«Во время политической избирательной борьбы въ штатахъ, въ важныхъ случаяхъ, чиновники департаментскіе считаются полезными для игры своей роли въ своихъ штатахъ для интересовъ партіи. Но они могутъ вотировать не иначе, какъ находясь дома, въ *своемъ* штатѣ. Поэтому имъ дается извѣстіе, что всѣ, кто желаетъ воспользоваться своимъ правомъ и привилегіею, могутъ получить отпускъ на время, достаточное, чтобы подать свои голоса. Во время серьезной политической борьбы, когда интересы партіи этого требуютъ, — ожидается, что чиновники воспользуются этимъ отпускомъ; но если они не воспользовались, и интересы партіи пострадали, то это неизбѣжно отзовется фатально на официальномъ существованіи лицъ, не воспользовавшихся отпускомъ и своими привилегіями. А между тѣмъ эти путешествія обходятся дорого и чиновникамъ, и странѣ. Во время этихъ отсутствій, они дѣла не дѣлаютъ, а жалованье получаютъ. Страна въ потерѣ. Чиновники во время этихъ путешествій *для себя* дѣлаютъ большія издержки, и, конечно, никакой награды за это не получаютъ».

Въ заключеніе, Эллисъ даетъ слѣдующее предостереженіе искателямъ чиновничьихъ мѣстъ:

«Мы сказали бы тысячамъ лицъ, которые выказываютъ такое страстное усердіе въ исканіи чиновничьихъ мѣстъ при правительствѣ: обратите ваше вниманіе на какія-либо болѣе честныя дѣла, и оставьте правительственное чиновничество особнякомъ. Эти должности притомъ же и невыгодны девяти лицамъ изъ десяти. Жалованье маленькое, положеніе шаткое и неизвѣстное,

и болѣе давить человѣка, чѣмъ доставляетъ ему выгоду. Правительственный чиновникъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, двадцать соперниковъ, которые постоянно работаютъ противъ него, въ надеждѣ, по его отставкѣ, занять его мѣсто. Съ этою цѣлью сочиняются сплетни, выдумываются басни, и если они не приносятъ чиновнику вреда въ официальномъ отношеніи, за то они отравляютъ его покой и всѣ удовольствія. Пока онъ на должности, онъ не имѣетъ ни независимости, ни истиннаго человѣческаго достоинства. Если его мнѣнія отличаются отъ мнѣній его начальника, онъ не смѣетъ выразить ихъ, потому что начальникъ не терпитъ такой свободы въ своихъ подчиненныхъ. Онъ долженъ открыто признавать свою полную вѣру во всѣхъ высшихъ, подъ опасеніемъ отставки, въ противномъ случаѣ долженъ пресмыкаться и ластиться передъ ними даже тогда, когда во имя партіи грабятъ его изъ его заработка. И, наконецъ, по истеченіи четырехъ лѣтъ, если не ранѣе, онъ долженъ дать дорогу другому человѣку, и искать другого занятія. Между тѣмъ чиновничество за это время сдѣлаетъ его негоднымъ ни для торговыхъ занятій, ни для механическаго труда; оно прививаетъ притомъ такія понятія и привычки, которыя служатъ серьезными препятствіями для успѣха въ другихъ занятіяхъ. Молодымъ же честолюбивымъ людямъ всякаго рода чиновничество — положительное проклятіе и гибель для выдающейся карьеры».

Такими мрачными красками рисуетъ свое чиновничество одинъ изъ американскихъ гражданъ. Это писано недавно, въ 1869 году, слѣдовательно, всего десять лѣтъ назадъ. Что Эллисъ не преувеличиваетъ здѣсь дѣла, это видно, во-первыхъ, изъ многочисленныхъ *круговъ* мошенничествъ при сборѣ акциза съ продажи спиртныхъ напитковъ, главнымъ образомъ — уиски, отчего и самые эти мошенническіе круги назывались *whisky-ring* (уиски — хлѣбное вино, и *ring* — кольцо); изъ постоянныхъ мошенничествъ таможенныхъ чиновниковъ, которые часто бываютъ ворами, но не такими, какъ въ Америкѣ; изъ мошенничествъ при фабрикаціи бумажныхъ денегъ (здѣсь украдено до 20 милліоновъ долларовъ). Чиновничество, дѣйствительно, было таково, это далѣе видно изъ всего общаго недовольства имъ въ обществѣ и въ печати. Самъ конгрессъ, возбужденный общимъ негодованіемъ, назначилъ специальную комиссію изъ своихъ членовъ для разслѣдованія злоупотребленій. Кандидаты на президентства въ обѣихъ партіяхъ, въ 1876 г., въ числѣ пунктовъ своей про-

граммы помѣстили пунктъ о реформѣ въ гражданскомъ управленіи.

Въ президентство Гранта безпорядокъ въ управленіи и мошенничество и взяточничество чиновниковъ, кажется, дошли до своего апогея. Самъ Грантъ здѣсь виноватъ только своимъ равнодушіемъ; но что онъ самъ не участвовалъ ни въ какихъ мошенническихъ продѣлкахъ своего чиновнаго міра, — въ этомъ теперь согласны обѣ партіи.

Зло достигло такихъ размѣровъ, что конгрессъ назначилъ слѣдственную парламентскую комиссію въ 1869 г. Комиссія эта, по окончаніи своихъ работъ, представила конгрессу обширный рапортъ о чиновникахъ исполнительной власти; въ рапортѣ, между прочими, красуются слѣдующія прелести:

«На службѣ въ гражданскомъ вѣдомствѣ состоитъ около 80,000 человекъ, изъ которыхъ болѣе чѣмъ *треть для дѣла не нужны*».

Это значитъ другими словами, что исполнительная власть, чтобы ублаготворить наибольшее количество пустѣйшихъ людей всякаго рода, создала около *тридцати тысячъ* ненужныхъ мѣстъ!

«Индійцы получили по 20 центовъ отъ каждаго доллара, посланнаго имъ правительствомъ». Правительство обязано выдавать ежегодно деньгами или припасами индійцамъ 250,000 долл., слѣдовательно, они получали всего 50,000, а 200,000 долл. шли въ карманы чиновниковъ!

«Изъ 400.000,000 долларовъ, уплаченныхъ народомъ въ видѣ таксъ и тарифовъ, только 300 милліоновъ достигли государственнаго казначейства».

Слѣдовательно, *сто милліоновъ долларовъ растерялись дорогою къ казначейству*. Комиссія конгресса дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: «это громадный фактъ; одинъ долларъ изъ каждаго четырехъ, на сумму ста милліоновъ долларовъ *каждый годъ*, потерянъ или украденъ отъ безчестности или нерадѣнія гражданскихъ чиновниковъ. Эта сумма, если бы была спасена, могла бы погасить нашъ національный долгъ».

Такъ отличилась республиканская партія, взявъ въ свои руки бразды правленія. По вычисленію демократической партіи, которая вѣбѣшена, что этотъ лакомый кусокъ не попалъ ей въ ротъ, рассчитываютъ, что въ 13 лѣтъ владычества республиканской партіи украдено до 1.300 милліоновъ, — сумма, которая, конечно, могла бы погасить національный долгъ.

Правда, эти открытія парламентской комиссіи привели въ не-

годованіе всю страну; отовсюду слышались требованія реформы въ гражданскомъ управленіи. Палата депутатовъ пропустила билль новаго закона о гражданскихъ чиновникахъ. Главныя черты новаго закона были заимствованы изъ нѣмецкой и французской административной практики, т.-е. экзамены на каждую должность, несмѣняемость безъ важныхъ причинъ и строгій контроль. Новый законъ прошелъ. Но такъ какъ Грантъ дѣйствовалъ весьма не энергично, то зло хотя уменьшилось въ значительной степени, тѣмъ не менѣе во все время его управленія злоупотребленія не прекращались. При выборѣ президента въ 1876 г., народъ рѣшительно требовалъ реформы въ гражданскомъ управленіи, въ чемъ были согласны обѣ господствовавшія партіи и кандидаты обѣихъ партій. На выборахъ республиканская партія снова одержала побѣду всѣми правдами и неправдами и, главнымъ образомъ, при пособіи своихъ чиновниковъ.

Новый президентъ Гейсъ издалъ общее распоряженіе, въ силу котораго никто, находясь на службѣ, не долженъ принадлежать ни къ одной партіи, не долженъ участвовать въ политическихъ митингахъ и подавать свой голосъ на выборахъ. Это хотя и полумѣра, но она освобождаетъ чиновниковъ отъ деспотизма партій и, слѣдовательно, даетъ болѣе прочности и увѣренности въ сохраненіи своей должности, при добросовѣстномъ выполненіи своихъ обязанностей. Затѣмъ новый кабинетъ министровъ, не дѣлая почти никакой перетасовки въ младшихъ чиновникахъ, что называется—всѣхъ *подтянулъ* настолько, что вотъ въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ ни про взятки, ни про какія-либо продѣлки или мошенничества ничего не слышно и не печатается. А это добрый знакъ.

Что касается до моихъ *личныхъ* наблюденій въ сношеніяхъ съ чиновнымъ людемъ Вашингтона, то во мнѣ сложилось такого рода мнѣніе: люди они большею частью среднихъ способностей, хорошо образованные и все-таки очень усердные въ исполненіи своихъ обязанностей, особенно если при этомъ дѣлать какія-нибудь сравненія.

Ни нахальства, ни аффектаціи, ни претензій ни въ комъ изъ нихъ не замѣтно; напротивъ, они иногда чересъ-чуръ скромны; того, что называется у насъ, чиновничьимъ типомъ, у нихъ очень мало, и можно замѣтить только у очень пожилыхъ лицъ, которые провели лѣтъ 10—15 на службѣ. Одѣваются они чисто и опрятно, какъ всѣ вообще граждане; но ни особеннаго щегольства, ни фонфаронства въ нихъ рѣшительно не видно.

Можно ли судить о народѣ по чиновникамъ? Отнюдь нѣтъ.

Народы не состоятъ никогда изъ негодяевъ; но что въ каждомъ народѣ негодянъ всякаго сорта есть—это несомнѣнно. Въ Америкѣ таковы именно политиканы (politicians), о которыхъ замѣчено выше; это люди наживы безъ труда, люди или съ очень сговорчивой совѣстью или и вовсе безсовѣстные; политика для нихъ средство обратиться въ администрацію, чтобы тамъ хватать «куши»,—слово, благодаря Щедрина, очень понятное и извѣстное у насъ на Руси. Но въ настоящее время эти господа должны будутъ, по всей вѣроятности, прогнать лебединую пѣсню. Терпѣливъ американскій народъ, очень терпѣливъ и довѣрчивъ; но мѣра его довѣрія и терпѣнія лопнула: новыя программы новыхъ политическихъ партій вездѣ заявляютъ, что настало время избавить страну отъ присутствія въ конгрессѣ и въ администраціи этого рода политикановъ, классическихъ воровъ и мошенниковъ, какъ ихъ стали безцеремонно называть. Эпитетъ «классическій» придается имъ потому, что въ большинствѣ эти господа получили хорошее классическое образованіе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Судя по настоящему, можно думать, что въ теченіи не болѣе двухъ лѣтъ чиновничій міръ въ Америкѣ будетъ реформированъ радикально и, конечно, къ лучшему; бѣднымъ политиканамъ придется жутико, потому что вѣдь если нѣтъ ни родового, ни благопріобрѣтеннаго, то придется взяться за нѣчто въ родѣ плуга и ѣсть свой хлѣбъ въ потѣ лица, чего именно они боятся какъ огня.

Относительно женщинъ-чиновницъ, существующихъ пока только въ Америкѣ, частью въ Швейцаріи и Англіи, мы предоставляемъ сказать свое мнѣніе сначала туземцу - американцу, тому же Элису, который приведенъ выше. О женщинахъ-чиновницахъ онъ въ 1869 г. говоритъ слѣдующее:

«Стоя у дверей «Національнаго театра», и смотря на выходящую изъ театра толпу, мы услышали восклицаніе одного молодого фертика къ своимъ пріятелямъ: «теперь, Томъ, пойдемъ! Мы видѣли всѣхъ лѣдъ! Остались только чиновницы изъ казначейства!»

«Эта отиѣтка подѣйствовала на насъ непріятно, и мы невольно спросили себя: развѣ чиновницы въ казначействѣ не лѣдъ? Большинство ихъ дѣйствительно лѣдъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать грустнаго факта, что многія изъ нихъ или подозрѣваются въ зазорномъ поведеніи, или же на нихъ жители Вашингтона смотрятъ какъ на существа низшаго порядка.

«На правительственной службѣ въ Вашингтонѣ женщинъ находится около 600. Онѣ занимаютъ должности въ казначействѣ,

въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ почтовомъ департаментѣ; наибольшее ихъ число въ почтовомъ департаментѣ. Высшее жалованье имъ 900 долл., меньшее 600 долл., — суммы рѣшительно недостаточныя для того, чтобы женщина могла содержать себя прилично.

«Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ — жены, мужья которыхъ занимаютъ должности или въ томъ же департаментѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ; другія замужемъ, и этимъ путемъ содержать свои семейства, но большая ихъ часть незамужнія, вдовы и молодыя дѣвушки. Нѣкоторыя изъ нихъ стары и некрасивы, другія — такъ себѣ, сносны, а есть молодыя и красивыя. Онѣ приходятъ со всѣхъ концовъ страны, но преимущественно изъ Новой-Англіи, гдѣ женщинъ болѣе, чѣмъ сколько ихъ нужно для занятій дома. Онѣ кормятся, какъ и чиновники-мужчины, въ разныхъ пансіонахъ города или въ частныхъ семействахъ. Ихъ простое существованіе тяжело, и ихъ скудное жалованье рѣдко достаточно, чтобы содержать себя прилично. Такъ же, какъ и мужчины, ихъ обираютъ и грабятъ ради политическихъ нуждъ партій, и ихъ также могутъ удалить отъ службы во всякое время. Положеніе ихъ незавидно, и женщины должны всячески избѣгать его, если могутъ получить занятіе гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ».

Что положеніе женщинъ было далеко незавидно въ качествѣ чиновниковъ на государственной службѣ, на это есть факты. Вина въ этомъ фальшивомъ положеніи женщинъ всецѣло падаетъ, какъ оказалось по разслѣдованіи, на мужчинъ и преимущественно на начальниковъ разныхъ отдѣленій, которые избирали младшихъ чиновниковъ въ своемъ отдѣленіи. Зло приняло, особенно въ казначействѣ, большіе размѣры; печать и общественное мнѣніе громко заговорили объ этомъ предметѣ, и дѣло дошло до того, что конгрессъ назначилъ парламентскую комиссію для изслѣдованія вопроса о женщинахъ-чиновницахъ. Комиссія представила конгрессу рапортъ въ 1864 году; въ рапортѣ находятся, между прочими, слѣдующія сообщенія относительно женщинъ, служащихъ въ казначействѣ:

«Клятвенныя показанія раскрыли массу безправственности и разврата, которыя тѣмъ болѣе возмутительны, что женщины, которыя находились на службѣ у Кларка (начальника типографіи), были нанимаемы и получали жалованье изъ общественнаго казначейства. По всему видно, что эти женщины набирались, въ типографское бюро, ради ихъ молодости и привлекательности. Въ своемъ поведеніи съ этими женщинами Кларкъ не признавалъ ни законовъ божескихъ, ни человѣческихъ, ни установленій

воскреснаго дня, ни общихъ приличій жизни. Бюро казначейства, гдѣ печатаются кредитные билеты, превращено было въ мѣсто дебоша и пьянства, и притомъ такого характера, что правдивый рассказъ объ этомъ невозможенъ безъ нарушенія приличія. Женщины переодѣвались въ мужское платье для любовныхъ здѣсь свиданій, переписка по этимъ предметамъ шла также отсюда».

Рапортъ этотъ сопровождался вѣтвенными показаніями адвоката со стороны казначейства, который показалъ, что многіе чиновники, имѣющіе отношеніе къ типографскому бюро, двое изъ которыхъ люди женатые, злоупотребляли своимъ положеніемъ для оболъщенія женщинъ, служащихъ въ бюро. Отецъ одной дѣвушки подѣ вѣтвою заявилъ, что начальникъ бюро предлагалъ его дочери, если она согласится отправиться съ нимъ въ извѣстный отель и уступить его желаніямъ,—возвысить ея жалованье до 75 долл. въ мѣсяцъ.

«Эти разоблаченія парламентской комиссіи, — говоритъ Эллисъ, — привлекли значительное вниманіе въ то время, и, по несчастью, имѣли результатомъ то, что въ обществѣ стали смотрѣть на каждую женщину, служащую въ казначействѣ, подозрительно.

«Безъ сомнѣнія, между этими женщинами находились и дурныя, но очень многія между ними очень хорошія и честныя, которыя могутъ быть украшеніемъ жизни. Хорошія и дурныя здѣсь перемѣшаны; по наружности же онѣ всѣ — люди. Чистыя женщины, которыхъ здѣсь огромное большинство, знаютъ своихъ заблудшихъ сестеръ, потому что такого поведенія скрыть нельзя, и избѣгаютъ ихъ. И подозрительный взглядъ на нихъ, какъ на классъ, еп таже, самый несправедливый и неосновательный.»

Относительно преслѣдованія женщинъ-чиновницъ Эллисъ сообщаетъ слѣдующее: «Вы слышите общее мнѣніе въ Вашингтонѣ, что женщина, поступающая на службу правительства, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ первый шагъ въ своей гибели. Если она молода и красива, то она окружена мужчинами, которые добиваются ея нравственнаго разрушенія, — мужчинами при томъ высокопоставленными, которые по настоящему сами должны бы придти въ ужасъ отъ такихъ дьявольскихъ дѣлъ. Женщина должна быть очень непорочною и имѣть полную твердость характера, потому что тѣ, которые хотятъ развратить ее, употребляютъ для этого все искусство, извѣстное мужчинамъ. Они окружаютъ ее лестью, искушеніями всякаго рода; и когда это не удается, грозятъ ей увольненіемъ отъ должности, на которой она зарабатываетъ свой хлѣбъ, если она не уступитъ. Девять женщинъ изъ десяти здѣсь дѣти бѣдныхъ родителей, или дѣти тѣхъ, отцы которыхъ умерли,

защищая старый флагъ, и многія изъ нихъ остались единственными опорами престарѣлыхъ матерей, такъ что лишеніе мѣста можетъ повести къ голоданію всю семью. Преслѣдователи женщины взвѣшиваютъ всѣ эти обстоятельства и настойчиво продолжаютъ свои преслѣдованія до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не сдѣлается почти сумасшедшею, и тогда она уступаетъ своему злодѣю.

«Далѣе говорятъ, что женская добродѣтель сдѣлалась цѣною назначенія на должность, что цѣна эта платится той партіи, посредствомъ вліянія которой получено мѣсто; утверждаютъ также, что высокопоставленные чиновники даютъ мѣста своимъ любовницамъ».

«Пороки этого рода секретны во всѣхъ своихъ проявленіяхъ и дѣйствіяхъ, поэтому невозможно сказать, какъ много между этими служащими женщинами чистыхъ и какъ много развратныхъ. По наружности же онѣ всѣ кажутся добродѣтельными, и каждая съ негодованіемъ будетъ протестовать противъ обвиненій, вводимыхъ на нее. Заблудшія овцы—въ меньшинствѣ, но полагаютъ, что ихъ не мало. Великія усилія дѣлаются со стороны дьяволовъ въ образѣ мужчинъ, чтобы увеличить ихъ число, и есть основаніе опасаться, что во многихъ случаяхъ эти усилія могутъ быть успѣшны».

Мнѣніе и взглядъ Эллиса на дѣла, какъ по всему видно, и честный, и безпристрастный. Писалъ онъ это восемь лѣтъ тому назадъ; но за это время много измѣнилось къ лучшему. Улучшеніе и возвышеніе положенія чиновниковъ отразилось естественно и на чиновникахъ. Онѣ теперь допускаются къ должностямъ такъ же, какъ и мужчины, по составительному экзамену, который производится людьми, посторонними администраціи, слѣдовательно, молодость и красота перестали быть правомъ на должность; далѣе, при равныхъ знаніяхъ предпочтеніе отдается вдовамъ и сиротамъ американской арміи, а затѣмъ вообще вдовамъ и сиротамъ; удаленіе отъ должности болѣе не зависитъ отъ каприза и усмотрѣнія ближайшаго начальства, а нужны серьезныя причины, которыя притомъ требуется доказать.

Но изъ отрывковъ, заимствованныхъ у Эллиса, все же видно:

1. Что огромное большинство женщинъ-чиновницъ вполне хорошия и честныя женщины. Дурныя женщины составляютъ меньшинство.

2. Что по наружности онѣ всѣ—леди, т.-е. женщины порядочныя, съ извѣстнымъ образованіемъ и выдержкою.

3. Что высокопоставленные негодяи-чиновники злоупотребляли своимъ офиціальнымъ положеніемъ самымъ безчеловѣчнымъ,

отвратительнымъ образомъ. Это вполне естественно ожидать, такъ какъ составъ чиновниковъ, какъ сказано выше, былъ въ это время самаго низкаго нравственнаго уровня.

4. Что женщины гонять на эту службу не капризъ или прихоть, а нужда. Жалованье отъ 600 до 900 долларовъ женщина съ трудомъ и въ рѣдкой профессіи можетъ получить. Живя же экономно, она еще можетъ отложить. Для семьи это, конечно, не много; но жить можно съ горемъ по-поламъ; притомъ же въ другомъ мѣстѣ и того не найдешь.

Живя въ Вашингтонѣ, я лично заинтересовался этимъ предметомъ, говорилъ о немъ съ лицами обоихъ половъ и разныхъ общественныхъ положеній, наблюдалъ самихъ чиновницъ въ разныхъ департаментахъ и около трехъ недѣль провелъ вмѣстѣ съ ними, работая въ библиотекѣ при Bureau of Education. И вотъ мои выводы по этому предмету:

Молодыхъ и красивыхъ женщинъ не много; одѣваются онѣ всѣ просто, но чисто, изящно и со вкусомъ, какъ вообще всѣ американки; во время работы надѣваютъ передники. Работаютъ очень прилежно, какъ и мужчины, съ 9 до 5 часовъ ежедневно, а въ субботу съ 9 до 4-хъ часовъ. Отрываются отъ работы только на полчаса для лѣнча въ 12 часовъ. Есть между ними женщины веселаго характера, которыя любятъ, работая, пошутить. Въ тѣхъ залахъ, гдѣ онѣ работаютъ вмѣстѣ съ мужчинами, отношенія ихъ въ нимъ пріятельскія, но не фамиллярныя, что, конечно, объясняется уже тѣмъ, что въ общественныхъ мѣстахъ вообще фамиллярничать и неудобно, и не принято, если бы даже и было таково желаніе. Туалетныя и уборныя во всѣхъ департаментахъ для нихъ особыя, конечно.

Присутствіе ихъ въ огромныхъ, прекрасныхъ залахъ придаетъ какой-то веселый, пріятливый видъ и производить очень пріятное впечатлѣніе. Мѣста онѣ занимаютъ обыкновенно вторыя и третья-степенныя. Работою ихъ вообще всѣ довольны, а въ почтовомъ департаментѣ женская работа предпочитается мужской.

Что касается до ихъ поведенія, то это всегда дѣло темное не только для путешественника, а и для мѣстныхъ жителей.

Насколько мнѣ приходилось имѣть дѣло съ чиновницами, т.-е. съ женщинами, находящимися на службѣ, въ Швейцаріи, Лондонѣ и въ Вашингтонѣ, то я ясно видѣлъ, что почтовые, телеграфныя и счетныя государственныя обязанности могутъ исполняться женщинами не только безукоризненно, но и выгодно въ нравственномъ отношеніи, потому что женщина не груба по

натурѣ, да и мужчина не можетъ быть грубъ съ женщиною, особенно при публикѣ и въ официальномъ мѣстѣ.

ХІІІ.

Вашингтонъ, несмотря на то, что онъ служитъ столицей для демократической республики, *городъ аристократическій*. Какъ это, повидимому, ни странно, а между тѣмъ это фактъ, и притомъ вполне естественный. Американцы, какъ и англичане, уважаютъ, признаютъ, требуютъ и почитаютъ только *свободу*. Freedom (свобода) — это ихъ альфа и омега, и весь ихъ политическій катихизисъ заключается въ этомъ одномъ словѣ; о братствѣ и равенствѣ не только на практикѣ, а даже и въ теоріи рѣдко говорится. И это направленіе идетъ со времени колонизаціи Америки, когда колонисты были въ полномъ смыслѣ вѣрными подданными англійскаго короля; причины ихъ возстанія и отдѣленія отъ Англіи были вовсе не антимонархическія чувства и воззрѣнія, не любовь къ республиканскимъ учрежденіямъ; напротивъ, къ королю они чувствовали большую симпатію; разрывъ произошелъ единственно изъ-за того, что американцы, не имѣя представителей въ парламентѣ, не признавали права англійскаго парламента таксировать ихъ собственность, съ чѣмъ согласенъ былъ и король. Такъ что американцы приняли республиканскую форму правленія, такъ сказать, съ начала поневолѣ. И этотъ аристократизмъ съ общественной классификаціей нерѣдко проглядывалъ и послѣ отдѣленія отъ Англіи и проглядывалъ въ законодательствѣ, административной практикѣ и широкомъ распространеніи рабства.

Сверхъ этихъ историческихъ причинъ, Вашингтонъ — городъ особенно аристократическій, потому что его создала не торговля, не промышленность, а необходимость прочной резиденціи правительства, которое вообще носить въ себѣ неизбѣжно аристократическое начало, какъ чего-то высшаго надъ народною массою.

Далѣе, аристократизмъ не противорѣчитъ демократизму — и потому, что демократическое законодательство уравниваетъ гражданъ только въ ихъ политическихъ правахъ; но оно не можетъ идти далѣе этихъ предѣловъ, въ частныя отношенія гражданъ между собою. Напримѣръ, немыслимо, чтобы самое демократическое законодательство предписало гражданамъ не имѣть прислуги, или, имѣя ее, имѣть съ нею обязательно общій столъ, напр., и т. под. Такой законъ былъ бы нелѣпъ уже и потому, что законодательная власть не могла бы наблюсти за испол-

неніемъ такого закона, такъ какъ пришлось бы въ каждый домъ ставить полицейскаго для надзора, т.-е. превратить всѣхъ жителей въ полицейскихъ.

Поэтому въ Америкѣ за предѣлами политическаго равенства начинается *общественное неравенство*. Граждане группируются по разнымъ мотивамъ въ особые интимные кружки, или по симпатіямъ, или по общимъ интересамъ, или по общественному положенію, или одинаковости занятій, по образованію, богатству и т. д. При этомъ раздѣленіи на кружки, равенство исчезаетъ, а на мѣсто его появляются болѣе или менѣе замкнутыя корпораціи. Въ такомъ положеніи, хотя въ разныхъ формахъ, дѣло находится во всемъ Союзѣ. Но въ Вашингтонѣ распределение общества на классы проявилось наиболѣе рельефнымъ образомъ.

До междоусобной войны, въ Вашингтонѣ аристократію составляли *старыя фамиліи*, потомки первыхъ переселенцевъ; эти старыя фамиліи были вѣстѣ рабовладѣльческія; онѣ держали себя замкнуто отъ остальныхъ гражданъ города, и ихъ двери и салоны открывались только для членовъ конгресса, президента, высшихъ чиновъ администраціи и дипломатовъ. Даже богатство не играло здѣсь никакой роли, и миллионеръ не изъ «древней фамиліи» съ трудомъ получалъ сюда доступъ и чувствовалъ себя въ немъ чужимъ.

Эти древнія фамиліи были такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ, по своимъ претензіямъ, аристократическими и, за исключеніемъ титуловъ, одинаковыми съ европейскими аристократіями. Здѣсь было то же превращеніе во всему, что находилось внѣ этого круга, та же безсодержательная, правдая жизнь, какую ведутъ аристократическія фамиліи Европы. Наука считалась дѣломъ плебейскимъ, искусства поощрялись, но по модѣ, потому что истиннаго пониманія красоты и наслажденія ею здѣсь не могло быть за недостаткомъ серьезнаго образованія. Вашингтонскія древнія фамиліи, пользуясь трудами рабовъ, въ своемъ замкнутомъ кругу, пили, ѣли, танцовали, охотились, занимались любовными дѣлами, насмѣхались надъ воспитаніемъ и образованіемъ Новой-Англіи, съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣли на аболіціонистовъ (противниковъ рабства); книгъ не любили, въ политикѣ занимались сплетнями, однимъ словомъ, по примѣру европейской аристократіи, жили вполнѣ эгоистически, руководясь въ жизни и политикѣ извѣстнымъ принципомъ: *après nous le déluge!*

Но междоусобная война съ послѣдствіемъ ея—освобожденіемъ рабовъ—убила эту аристократію, разстроила ея ряды, перевер-

нула кверху дномъ всѣ старыя понятія. Первое мѣсто послѣ войны стало принадлежать теперь богатству. Городъ украсился прекрасными домами, отелями, общественными зданіями; появилась въ домахъ, невиданная до того времени, роскошь, стали даваться балы, вечера и проч. О древнихъ фамиліяхъ всѣ позабыли.

Но, несмотря на это, повидимому, анти-аристократическое движеніе, Вашингтонъ остался аристократическимъ и понынѣ, и болѣе аристократическимъ, чѣмъ какая-либо столица въ мірѣ, только аристократизмъ этотъ своеобразный, американскій.

Общество въ Вашингтонѣ раздѣлено на многіе классы. Во-первыхъ, высшее городское или столичное общество, куда допускаются высшіе сановники и ихъ семейства, которые находятся въ столицѣ во время ихъ официальныхъ обязанностей, и члены дипломатическаго корпуса и ихъ семейства. Во-вторыхъ, начальники отдѣльныхъ частей управленія и подъ-высшій классъ столичнаго общества представляютъ особый кружокъ и вторую степень или классъ общества. Въ-третьихъ, мелкіе чиновники и ихъ фамиліи съ соответствующимъ классомъ мѣстныхъ жителей изъ мелкихъ торговцевъ, небогатыхъ домовладѣльцевъ и т. п. Въ-четвертыхъ, рабочій классъ, живущій или подневною работою, или какимъ-нибудь ремесломъ, или огородничествомъ, и т. п. Невидимыя, но всѣми чувствуемыя линіи, раздѣляющія общество на классы, удерживаютъ эти классы отъ взаимнаго сближенія съ великою строгостью. Между ними нѣтъ мѣста интимности. Переходъ для служебныхъ лицъ изъ одного класса въ другой, высшій, возможенъ только выѣстъ съ ихъ служебнымъ повышеніемъ, а для жителей—или родственныя связи черезъ бракъ, или разбогатѣніе.

Каждый классъ общества исключаетъ изъ своей среды членовъ низшихъ классовъ. Жены сенаторовъ и высшихъ сановниковъ посѣщаютъ только женъ сенаторовъ же или высшихъ сановниковъ. Жены начальниковъ отдѣльныхъ частей или бюро никогда и не подумаютъ о сближеніи съ женами и семействами подчиненныхъ ихъ мужьямъ,—и такъ далѣе, до прислуги. Иностранцы, пребывающіе въ городѣ, принимаются соответственно ихъ богатству. Если вы милліонеръ, вы желанный гость въ первомъ классѣ; если же человѣкъ небогатый или извѣстной профессіи, то спускайтесь ниже, пока найдете для васъ двери открытыми. То-есть, въ сущности, здѣсь то же, что и въ Англіи, и почти такъ же трудно быть приглашеннымъ въ домъ на правахъ

знакомаго, какъ и въ Англіи. По дѣлу же васъ примутъ въ извѣстные часы, но не дома, а въ конторѣ, и на столько времени, на сколько нужно для дѣла, ни болѣе, ни менѣе; потому что въ Америкѣ тоже: время—деньги.

Приличія въ обществѣ соблюдаются очень строго. Каждая степень имѣетъ свои права, привилегіи и льготы, утвержденныя временемъ и признанныя обычаемъ, нарушеніе которыхъ можетъ подвергнуть нарушителя общественному ostracismu. Кодексъ этотъ заключается въ слѣдующемъ:

Семейство президента признается во главѣ общественной классификаціи.

Вице-президентъ дѣлаетъ визитъ президенту при открытіи конгресса, но остальное общество должно дѣлать визитъ ему сначала, а затѣмъ онъ уже отдастъ визитъ или лично, или посредствомъ карточки.

Судьи верховнаго суда дѣлаютъ визитъ президенту и вице-президенту въ декабрѣ, при началѣ зимней сессіи суда, и въ новый годъ; всѣ прочія лица дѣлаютъ визиты имъ.

Члены кабинета явятся къ президенту 1-го января и 4-го іюля; затѣмъ, они же первыми должны явиться къ вице-президенту, судьямъ верховнаго суда, сенаторамъ и спикеру палаты депутатовъ. Прочія лица явятся къ нимъ первыми.

Сенаторы дѣлаютъ визитъ президенту и вице-президенту при открытіи сессіи конгресса, въ новый годъ и 4-го іюля, если конгрессъ въ сессіи. Затѣмъ — членамъ верховнаго суда и спикеру палаты депутатовъ. Всѣ прочія лица явятся къ нимъ первыми.

Спикеръ дѣлаетъ визитъ президенту при открытіи конгресса, въ новый годъ и 4-го іюля, если конгрессъ въ сессіи. Далѣе, вице-президенту и членамъ верховнаго суда; прочіе явятся къ нему.

Депутаты явятся къ президенту въ новый годъ и 4-го іюля, если конгрессъ въ сессіи; вице-президенту, судьямъ верховнаго суда, спикеру, сенаторамъ, членамъ кабинета и иностраннымъ посланникамъ, вскорѣ послѣ открытія сессіи конгресса.

Посланники явятся къ президенту 1-го января, и затѣмъ лично, или чрезъ карточку, вице-президенту, членамъ кабинета, судьямъ верховнаго суда и спикеру; прочія лица явятся къ нимъ первыми.

Оффиціальныя сношенія низшихъ чиновниковъ регулированы, смотря по рангу должности каждаго.

Сношенія между семействами отправляются по тѣмъ же правиламъ, по которымъ и главы семействъ.

Конечно, эти правила соблюдаются наиболѣе строго въ высшемъ кругу; затѣмъ, тѣмъ ниже вы спускаетесь по общественной лѣстницѣ, тѣмъ дѣло проще, но извѣстный кодексъ «общаго права» силенъ въ обществѣ, и теряется только между городскимъ пролетаріатомъ, которому, конечно, не до приличій.

Особая статья конституціи запрещаетъ устанавливать какіе-либо титулы или принимать ихъ отъ иностранныхъ державъ, развѣ запрещены грамоты на дворянство и подобныя общественныя отличія. Поэтому титуловъ въ Америкѣ нѣтъ, а каждый получаетъ свой титулъ отъ своего занятія: докторъ, судья, сенаторъ, баппачиниъ, президентъ, столяръ, депутатъ, ветошникъ, профессоръ, сапожникъ, полковникъ и т. п. Чиновныхъ титуловъ тоже очень мало: секретари, главы департаментовъ и отдѣленій, а всѣ остальные чиновники называются клерками разныхъ разрядовъ, будутъ ли это мужчины или женщины—все равно,—общій ихъ титулъ: клерки.

За то жители Вашингтона очень любятъ свои титулы; за неимѣніемъ пышныхъ европейскихъ, они довольствуются своими простыми официальными. Поэтому въ Вашингтонѣ почти каждый имѣетъ титулъ. Если нѣтъ законнаго титула, то его добываютъ, и это все равно. Гдѣ бы вы ни были, за *table d'hôte* омъ, въ отелѣ, въ гостиницѣ, въ ресторани, въ пивной, на приѣмѣхъ у президента или другихъ сановниковъ,—повсюду и во всѣхъ случаяхъ ваше убо слышатъ: сенаторъ такой-то, судья, министръ (*secretary*), «адмиралъ», «маршалъ», «генералъ», полковникъ, епископъ, докторъ, профессоръ, капитанъ и т. п.¹⁾ За неимѣніемъ законнаго титула, чаще всего мужчины принимаютъ титулъ капитана, такъ какъ капитанъ есть не только въ арміи, и всякій управляющій судномъ, какихъ бы оно размѣровъ ни было—пароходъ или яхта, называется капитаномъ; а судовъ много въ Америкѣ, стало быть много и капитановъ. Да и кому охота сिरваниться, дѣйствительно ли вы капитанъ или самозванецъ.

Но особенную страсть къ титуламъ обнаруживаютъ женщины высшаго круга. Онѣ считаютъ титулъ мужа своею законною собственностью. Кромѣ этого, принимая фамилію мужа, онѣ принимаютъ и его имя, такъ что, напримѣръ, жена президента, положимъ,

¹⁾ Англійскій языкъ не терпитъ прибавленія слова «господинъ» предъ названіемъ профессіи или должности, какъ это во французскомъ и русскомъ. Напр. *Monsieur le docteur*, господинъ докторъ; *m-g le sénateur*, господинъ сенаторъ; въ Америкѣ ирражаются просто: докторъ, сенаторъ и т. п.

Андрю Джонсона, въ полномъ титулѣ должна называться: миссисъ президентъ Андрю Джонсонъ; или жена сенатора Джона Линнгоута имѣть титулъ: миссисъ сенаторъ Джонъ Линнготъ и т. д., что для иностраннаго уха болѣе, чѣмъ забавно. Въ обществѣ всѣ онѣ титулуютъ другъ друга, и мужчины тоже обязаны ихъ такимъ образомъ титуловать. И хотя бы вы были другомъ до избранія господина Смита въ сенаторы и называли ихъ обоихъ госнодинъ или госпожа Смитъ; но какъ скоро онъ сенаторъ и вы въ торжественномъ собраніи, то вы должны забыть прежнюю короткость и величать госпожу Смитъ: миссисъ-сенаторъ Джорджъ Смитъ, и это правило соблюдается между всѣми членами высшего круга; если вы забудете, то вамъ напомнятъ; но обыкновенно имя мужа пропускаютъ, оставляя только его фамилію.

По поводу любви въ титуламъ рассказываютъ анекдотъ, въ которомъ характерно рисуется пониманіе титула женщинами высшего круга въ Америкѣ.

Въ старое доброе время одинъ скромный, простой гражданинъ числился въ милиціи, и время пришло, что его возвели въ санъ капрала. Обрадованный этимъ повышеніемъ новый сановникъ спѣшитъ сообщить радостную новость женѣ. Жена разделяетъ его радость вполне, и немедленно сообщаетъ дѣтямъ это великое событіе; дѣти, конечно, были рады слышать такую вѣсть, которая такъ обрадовала папу и маму. Но старшій сынъ задумался и, наконецъ, предлагаетъ матери вопросъ:

«Мама! Слѣдуетъ ли намъ играть съ другими дѣтьми теперь, когда мы стали капралами?»

«Глупости, мой милый, — сказала мать внушительно, — конечно, вы можете по прежнему играть. Это только вашъ отецъ и я сдѣлались капралами».

Впрочемъ, въ Америкѣ этотъ вздоръ занимаетъ только высшее общество. Но въ сущности и тамъ весь этотъ аристократизмъ и титула, и этикетъ — не болѣе, какъ невинная забава. Потому что, посудите сами, какой же это аристократизмъ, который продолжается не болѣе двухъ, четырехъ, шести лѣтъ? Съ окончаніемъ общественныхъ обязанностей прекращается и аристократизмъ, и миссисъ-президентъ, сенаторъ и т. д. становится опять просто миссисъ, и вѣдутъ они себѣ въ родимое гнѣздо *вспоминать* о своемъ аристократизмѣ на своей фермѣ или въ своемъ городѣ, какъ объ ослѣпительномъ снѣ. Поэтому-то и въ высшихъ общественныхъ должностяхъ, несмотря на временное, напускное величіе, они и онѣ остаются людьми простыми. Сенаторъ зайдетъ съ землякомъ въ ресторанъ закусить, а г-жа сенаторъ

торъ, если прислуга долго не является, сама приберетъ комнату. Волны народной жизни подняли ихъ временно на известную высоту; но волны не прочны: тѣ же волны погружать ихъ въ море народной жизни, чтобы вынести, вмѣсто ихъ, новыя лица, новыхъ дѣятелей.

Какъ избираемая, эта аристократія постоянно мѣняется въ своемъ составѣ, и потому въ Вашингтонѣ собственно своей, природной аристократіи очень мало; все пришлая, временная; но такъ какъ Вашингтонъ очень изящный, чистый, пріятный городъ, то нѣкоторые отставные члены аристократіи строятъ себѣ здѣсь дома и, такъ-сказать, осѣдаютъ здѣсь, становясь мѣстными жителями. Такъ поступаютъ и эксъ-президенты, и эксъ-сенаторы и прочіе «эксъ». А это притягиваетъ сюда богатыхъ людей изъ другихъ центровъ. Такимъ образомъ, аристократическая атмосфера въ Вашингтонѣ не совсѣмъ прекращается съ намѣненіемъ лицъ.

Но, конечно, весь этотъ аристократизмъ держится въ частной только жизни; въ дѣловой же и официальной сферѣ аристократизму нѣтъ мѣста. Президентъ всегда доступенъ по дѣламъ всѣмъ гражданамъ. Въ такомъ же отношеніи стоятъ и всѣ прочія официальные лица по отношенію къ публикѣ. По дѣлу, въ известные часы министры, сенаторы, депутаты и прочія высшія лица доступны для всѣхъ безъ различія; но только — по дѣлу; въ интимныя же отношенія и въ частное, домашнее знакомство проникнуть бѣдному гражданину и его семьѣ, если и возможно, то чрезвычайно трудно, и во имя какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ. — То же самое относительно неофициальной аристократіи — богатыхъ землевладѣльцевъ, банкировъ, фабрикантовъ и т. п.: можно видѣть, какъ мы сказали, только по дѣлу и не въ домѣ, а въ конторѣ.

XIII.

Ограничиться, говоря о Вашингтонѣ, очеркомъ высшаго только общества было бы то же, что при обрисовкѣ человека ограничиться только описаніемъ его шляпы. Конечно, высшее официальное общество имѣетъ въ Вашингтонѣ главное значеніе, такъ какъ и самъ Вашингтонъ призванъ къ жизни, чтобы быть приобщенъ для него, но за всѣмъ тѣмъ, говоря о Вашингтонѣ вообще, было бы непростительно опустить безъ вниманія его болѣе чѣмъ сто-тысячное населеніе. Опушеніе это было бы пробѣломъ, потому что въ общемъ характерѣ, нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни

жителей Вашингтона очень много чертъ симпатичныхъ и интересныхъ. Мы здѣсь рассмотримъ это общество съ разныхъ сторонъ.

Лицъ неграмотныхъ въ Вашингтонѣ нѣтъ; всѣ жители обоего пола получили общее образованіе; но, конечно, различное, смотря по средствамъ; небогатые люди получили только начальное образованіе (съ 6 до 14 лѣтъ); люди же съ большими средствами получили среднее и высшее; лица очень богатые обыкновенно отправляютъ своихъ дѣтей, послѣ домашняго начальнаго воспитанія, въ богатые, частные пансіоны американскіе и европейскіе; но, несмотря на различіе въ образованіи, демократическія учрежденія и духъ ихъ, общественныя сношенія, чтеніе, митинги, бібліотеки, клубы и ассоціаціи такъ уравниваютъ жителей, что они кажутся почти одинаково образованными; ихъ волнуютъ одни и тѣ же интересы, одни и тѣ же вопросы занимаютъ ихъ и связываютъ въ одну корпорацію. По политическимъ убѣжденіямъ они строго еще раздѣлены на отживающія двѣ партіи демократическую и республиканскую; но это раздѣленіе, утративъ прежній смыслъ, послѣ уничтоженія рабства, не вызываетъ никакихъ враждебныхъ чувствъ другъ къ другу, а только оживляетъ ихъ бесѣду. Въ отношеніи къ новымъ идеямъ и общественнымъ реформамъ граждане Вашингтона очень консервативны: никакихъ перемѣнъ не желаютъ въ общественномъ строѣ общества и очень враждебно относятся къ новаторамъ. Въ основѣ этой вражды къ новшествамъ лежитъ эгонистическое чувство довольства и самодовольства, т.-е. они не только думаютъ, а почти говорятъ: «намъ тепло, сытно, уютно живется; мы покойны; имѣемъ запасъ на черный день—и счастливые, свѣтлые дни въ будущемъ; поэтому ничего измѣнять не надо, а только усовершенствовать начатое». Къ этому про себя демократъ прибавляетъ: «но наша партія *должна* быть во главѣ управленія, потому что чрезъ это я могу получить такіа-то и такіа-то выгоды». А республиканецъ тоже про себя говоритъ: «но во что бы то ни стало, власти демократамъ не уступать, потому что я могу потерять то и то». Такъ что въ политикѣ весь вопросъ сводится къ личнымъ выгодамъ (о чемъ умалчивается, по чувству приличія, а говорится обыкновенно о *благѣ* и развитіи всей страны). Научные вопросы занимаютъ только пикантными, такъ сказать, своими сторонами; въ этомъ отношеніи Вашингтонъ стоитъ не выше европейскихъ столицъ, гдѣ наука пользуется въ образованномъ обществѣ платоническимъ уваженіемъ, потому что, къ сожалѣнію, во всемъ цивилизованномъ мірѣ массы строго-научнаго воспитанія еще не получаютъ,

т.-е. такого, чтобы люди относились къ научнымъ занятіямъ и вопросамъ съ такою же страстностью, съ какою, напр., въ иномъ городѣ стараго міра относятся къ вопросамъ карточнымъ и кухоннымъ. Въ Вашингтонѣ, благодаря Смитсоніевскому институту и многимъ учебнымъ заведеніямъ, интересующихся наукой очень много; но эти очень многіе не составляютъ всей массы.

Къ искусствамъ американцы относятся съ болѣею энергіею и охотою, чѣмъ европейцы въ своихъ столицахъ. Картины, и притомъ очень хорошихъ, много въ каждомъ домѣ, рисованіе и въ школахъ и въ домахъ — любимый предметъ занятій. Музыкальное образованіе очень высоко и въ школахъ, и въ церкви, и въ домѣ. И очень трудно отыскать домъ, гдѣ бы не было рояля; рабочій, если у него есть дочери, выбивается изъ всѣхъ силъ, чтобы скопить нѣсколько лишнихъ долларовъ на фортепьяно для своихъ дочерей. Прочіе музыкальные инструменты также въ большомъ ходу.

Вообще всѣ жители Вашингтона, взятые вмѣстѣ, во всѣхъ отношеніяхъ окажутся гораздо образованнѣе жителей любой европейской столицы, взятой тоже en masse. Это такъ вѣрно, что можно доказать математически.

Читаютъ жители Вашингтона чрезвычайно много, читаютъ всѣ: и мужчины, и женщины, старики и дѣти, бѣлые и черные. Такого читальнаго города нужно поискать; утромъ, когда являются свѣжія газеты, и вечеромъ, когда разносятся вечернія газеты, навѣрно половина города превращается въ читальную. Когда вы ни проходите по улицамъ города, всегда найдете множество лицъ у оконъ, у дверей домовъ, передъ отелями — читающихъ газеты или журналы. Извозчикъ въ ожиданіи сѣдока сидитъ въ каретѣ съ газетою; горничная, убравши комнату, садится за газету; кухарка, переминывши посуду, беретъ газету; что читаютъ и какъ читаютъ — это вопросъ другой; но фактъ повальнаго чтенія неопровержимъ. Каждая семья наддерживаетъ на выписку газетъ, еженедѣльных и ежемѣсячныхъ наданій по крайней мѣрѣ долларовъ десять въ годъ, и вы не найдете самой бѣдной семьи, гдѣ бы не нашлось десятка два-три книгъ разнаго содержанія. Понятно, что чтеніе, каково бы оно ни было, не остается безъ вліянія на умственное развитіе массъ. Романы, и притомъ всаіе, тоже читаются запоемъ, въ сожалѣнію; но это зло будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока школа не будетъ въ состояніи развить вкусъ къ научнымъ интересамъ. И какъ вездѣ, романы читаются особенно охотно прекраснымъ полемъ. Но было бы несправедливо думать, что онѣ читаютъ только романы; нѣтъ, онѣ читаютъ и очень дѣльныя и серьезныя вещи; но при этомъ

зачитываются и романами—англійскими, своими американскими и французскими. Въ воскресеніе чтеніе доходитъ до своего апогея; тутъ утромъ уже весь городъ превращается въ одну обширную читальную залу. Чтеніе такимъ образомъ постоянно дополняетъ школьное образованіе и уравниваетъ жителей въ понятіяхъ и интересахъ настолько, что между ними въ умственномъ отношеніи нѣтъ большого разстоянія, т.-е. нѣтъ того зла, которое обще всѣмъ европейскимъ столицамъ, гдѣ одинъ, какъ говорится, собаку съѣлъ въ наукѣ, а рядомъ съ нимъ тысячи лицъ обоего пола не умѣютъ даже читать. Это же чтеніе послѣ школы уравниваетъ въ мировоззрѣніи женщинъ съ мужчинами; только при этомъ, такъ какъ у женщинъ болѣе досуга, чѣмъ у мужчинъ, то онѣ и учатся въ школѣ долѣе и читаютъ болѣе, и въ результатѣ становятся вообще значительно выше мужчинъ. Это явленіе превосходства женщинъ въ умственномъ отношеніи надъ мужчинами обще всей Америкѣ; конечно, здѣсь есть исключенія; но мы говоримъ здѣсь вообще, а не объ исключеніяхъ.

Подъ влияніемъ взрослыхъ, дѣти рано приучаются читать, гдѣ 10—12 мальчикъ уже интересуется не только американскими, а и европейскими событіями, какъ я имѣлъ случай лично въ этомъ удостовѣриться. Это даже пересолъ; политика—не дѣтское дѣло. А между тѣмъ въ Америкѣ безпрепятственный доступъ и дѣтямъ на политическіе избирательные митинги. Конечно, на митингахъ дѣти не услышатъ ничего дурного; но все же имъ лучше въ это время бѣгать на свѣжемъ воздухѣ и играть, чѣмъ слушать рѣчи, истинный смыслъ которыхъ выше ихъ развитія, и которыя они еще будутъ имѣть время не только слушать, а и говорить.

Библіотека конгресса, библіотека христіанской ассоціаціи молодыхъ людей и частныя—всегда полны читателей. Книжныхъ магазиновъ много, и книгами они снабжены обильно. Все это указываетъ на значительный умственный уровень жителей Вашингтона. Профессора и специалисты читаютъ не рѣдко лекціи по разнымъ специальнымъ вопросамъ изъ области науки и практики, и всѣ эти лекціи, несмотря на плату за входъ, посѣщаются множествомъ слушателей и слушательницъ. Кромѣ того, клубы, ученые и промышленныя общества, религіозныя ассоціаціи—представляютъ въ свою очередь много случаевъ, посредствомъ лекцій и публичныхъ дебатовъ, для ознакомленія общества съ разными вопросами жизни, индустріи, религіи. Общественныя митинги въ свою очередь будятъ мысль и развиваютъ слово. Вообще, жители Вашингтона имѣютъ очень много средствъ для

своего умственнаго развитія и усердно пользуются этими средствами.

Поэтому, разговаривая не только съ лицами высшихъ общественныхъ и экономическихъ состояній, а съ простыми рабочими, невольно изумляешься ихъ разнороднымъ свѣдѣніямъ и знакомству съ такого рода предметами и вопросами, которые въ Европѣ обыкновенно считаются достояніемъ образованнаго меньшинства. Конечно, рядомъ съ этимъ вы встрѣчаете нерѣдко и очень существенные пробѣлы въ знаніяхъ, особенно относительно всего того, что находится внѣ Америки, какъ это обыкновенно бываетъ съ самоучками; но тѣмъ не менѣе уровень развитія и пониманія вещей и отношеніе къ вопросамъ общественной жизни, политики, домашнего быта таковы, что въ Европѣ даже и въ привилегированныхъ классахъ не всегда можно встрѣтить такой уровень.

Американцы, говоря вообще, народъ очень религіозный; но религіозный по-своему, по-американски. Въ религіи онъ не любитъ, не уважаетъ и считаетъ неприличнымъ пышную обстановку храма и богослуженія, церковную обрядность и религіозныя церемоніи. Простота храма, простота богослуженія, простота догматовъ составляютъ существенныя требованія американца въ религіозномъ отношеніи. То же самое и въ Вашингтонѣ.

Высшій кругъ религіозенъ потому, что этого требуетъ высшее положеніе въ обществѣ, хотя бы съ этимъ требованіемъ совѣсть была и въ разладѣ, т. е. нѣкоторые религіозны внутренно, а другіе наружно, чтобы народъ, избравшій ихъ въ свои представители, болѣе имъ довѣрялъ; народъ вообще en masse не охотно вѣритъ, если вѣритъ только, людямъ безъ религіи. Слѣдовательно, высшій вашингтонскій кругъ религіозенъ по той же причинѣ, по которой религіозность считается обязательною въ аристократическихъ кругахъ Англіи, Франціи, Германіи и т. д., по причинамъ, такъ сказать, въ своемъ родѣ политическимъ. Поэтому президентъ и его семейство, когда бываютъ въ своей резиденціи, неопустительно каждое воскресенье посѣщаютъ церковь своего вѣроисповѣданія. Настоящій президентъ, Гейсъ, методистъ, и всякое воскресенье бываетъ въ своей церкви съ семействомъ; сама церковь получила названіе президентской и полна народу, желающаго посмотреть на президента, молящагося о ниспосланіи высшихъ благъ Соединеннымъ-Штатамъ Америки. Церковь эта, по имени Фондри (Fondry), стала аристократическою, ее преимущественно посѣщаютъ изысканные, высокопоставленные люди, которые, по умѣнью держать себя и одѣваться богато и со вкусомъ, не уступятъ европейской титулованной аристократіи.

Но какъ они ни богато одѣты, вы никогда не увидите на ихъ лицахъ надменнаго, унижающаго другихъ вида и взгляда. Вовлѣ жены сенатора будетъ спокойно сидѣть простая городская лѣди, и ни сенаторша не найдетъ себя этимъ униженною, ни простая горожанка не сочтетъ себя осчастливленною. Здѣсь главное, конечно, общій строй жизни; но и религія играетъ не маловажную роль. *Американцы религіозны практически*, особенно женщины; во имя ученія евангельской любви и братства, началось освобожденіе негровъ, и они же, главнымъ образомъ, довели до конца это освобожденіе, содѣйствуя ему и дѣломъ и словомъ. И въ настоящее время, несмотря на расовую антипатію, они многое дѣлаютъ для негровъ. Въ этомъ отношеніи нравственный характеръ американской женщины чрезвычайно высокъ. Хотя вы видите по вашингтонскимъ лѣди, что онѣ и тщеславны и суетны, но при этомъ, когда взгляните въ ихъ серьезныя, задумчивыя лица въ церкви, на ихъ полныя любви взгляды на окружающихъ ихъ молящихся въ другой среды; когда припомните ихъ дѣятельность въ области просвѣщенія и благотворительности, то вы забываете о ихъ тщеславіи, потому что передъ вами не лѣди-куклы, а лѣди-люди, заслуживающія уваженія, какихъ-бы возврѣній вы ни держались.

Мужчины, судя по ихъ сужденіямъ и мнѣніямъ, въ религіозномъ отношеніи индифферентны, и если они посѣщаютъ исправно церковь и дѣлаютъ на ея поддержаніе взносы, то это потому, что такъ принято, да онѣ и привыкъ въ этому, да и совѣстно въ обществѣ прослыть за атеиста; а тутъ еще жена этого желаетъ: ея желанія то же, что приказанія, и сверхъ того, въ церкви посидѣть часъ или два не только не скучно, а даже пріятно; прекрасное пѣніе, свѣжіе, нарядные костюмы, изящныя женщины, много знакомыхъ и проч. Слѣдовательно, мужчины, несмотря на индифферентизмъ, церковь посѣщаютъ исправно. Дѣти, конечно, дѣлаютъ то, чѣмъ и родители. Въ школахъ религія не преподается, но *допускается* читать нѣкоторые нравственные тексты изъ библіи, съ условіемъ не дѣлать *никакихъ* объясненій прочтѣннаго; поэтому религіозное образованіе получается внѣ школы, главнымъ образомъ, на воскресныхъ урокахъ, для чего дѣти и взрослые собираются въ церковь передъ богослуженіемъ, и пасторъ даннаго вѣроисповѣданія учитъ ихъ по-своему. Воскресныя школы посѣщаются обыкновенно очень усердно; и между дѣтьми вы встрѣчаете здѣсь нерѣдко людей пожилыхъ. Привлекательность этихъ уроковъ въ томъ, что они ведутся очень живо съ обширными объясненіями историческими, географическими, этнографическими, и что они сопровождаются и прерываются пѣніемъ,

и въ томъ, что ведутся въ свѣтлыхъ, просторныхъ, удобныхъ залахъ-храмахъ.

Лѣди-хозяйки не рѣдко пропускаютъ посѣщеніе храма на томъ простомъ основаніи, какъ лично приходилось слышать, что работа и хорошее хозяйство и вообще веденіе дома и дѣтей есть та же молитва. Квакеры дѣлаютъ изъ этого догматъ и, какъ мнѣ объясняла одна лѣди-квакерь, человѣкъ долженъ быть храмомъ духа Божія, поэтому онъ долженъ быть чистъ духомъ и тѣломъ, а ходженіе во храмъ и проповѣди и прочіе обряды, по ея мнѣнію, только безъ нужды отнимаютъ время и мѣшаютъ правильному ходу жизни и производятъ ненужныхъ людей; въ числу ихъ она относитъ духовенство, котораго у квакеровъ нѣтъ.

Масоны, которыхъ здѣсь много и которые имѣютъ свой храмъ для собраній, по своимъ убѣжденіямъ, отрицаютъ всѣ религіозныя формы и признаютъ существованіе Великаго Архитектора Вселенной, храмъ котораго есть, поэтому, вся вселенная, какъ дѣло его рукъ. И они собираются въ мѣсяцъ два въ своихъ ложахъ вечерами, но не для молитвы, а для текущихъ занятій братства. Масонство въ Америкѣ распространено болѣе, чѣмъ какая-либо другая религія, и представляетъ собою здѣсь великую нравственную силу, а въ непродолжительномъ будущемъ будетъ имѣть и политическую силу.

Такъ какъ религія въ Америкѣ дѣло совѣсти, то если американецъ не понравится (о мужчинахъ я не говорю) что-нибудь въ своей религіи, то она, не долго думая, перейдетъ въ другую, которая ей больше по-сердцу и по вкусу. Духовенство знаетъ это, и, не желая терять овецъ изъ своего стада, старается приспособлять религіозныя требованія ко вкусамъ, развитію и потребностямъ своихъ овецъ-лѣди. Но лѣди находятъ, что у нихъ въ домахъ свѣтло, тепло, уютно, комфортабельно. Что дѣлать? Ради этихъ требованій лѣди, храмы принимаютъ домашній характеръ, становятся свѣтлыми, просторными, комфортабельными, такъ что здѣсь не религія управляетъ лѣди, а лѣди управляютъ религіею, и онѣ же, главнымъ образомъ, и поддерживаютъ ее. Поэтому же въ лѣтнее время въ храмахъ масса цвѣтовъ, на томъ основаніи, какъ говорилъ одинъ пасторъ въ проповѣди, что и Соломонъ во всей славѣ своей не могъ такъ одѣться, какъ каждый изъ этихъ цвѣтовъ. Нѣкоторые пасторы вѣшаютъ въ храмахъ кѣтки съ пѣвчими птицами; мнѣ пришлось разъ это видѣть въ методистской церкви. Возвышенное мѣсто для проповѣдника и вся лицевая стѣна противъ молящихся украшена роскошными живыми растеніями, колонны перевиты плющомъ, великолѣп-

ные розовые кусты въ чудныхъ вазахъ; десятка два вѣтокъ съ пѣвчими птицами, которыя пѣли и щебетали на всю церковь, и при этой обстановкѣ свѣжія, граціозныя, изящныя лѣди въ прелестныхъ костюмахъ наполняютъ почти всю церковь. Прекрасный органъ и чудные женскіе голоса. Кромѣ воскресенья, разъ или два въ недѣлю бывають религіозные митинги вечерами; въ такомъ случаѣ церковь бываетъ залита газомъ.

Духовенство въ Вашингтонѣ вообще образованное, т.е. при хорошемъ общемъ образованіи получило и специальное въ духовныхъ школахъ. Кромѣ того, они постоянно въ работѣ, требующей умственного труда. Католическое духовенство держитъ себя особнякомъ отъ духовенства прочихъ сектъ, считая ихъ еретиками, и носитъ духовный костюмъ такой же, какъ и въ Европѣ. Духовенство всѣхъ прочихъ христіанскихъ сектъ живетъ согласно между собою и члены его называютъ другъ друга *братьями*. Оно особаго костюма не имѣетъ, и вы можете догадаться, что это духовное лицо (т.е. внѣ церкви) по тому, что они почти всегда ходятъ въ черныхъ сюртукахъ, несмотря на жаръ, и въ цилиндрахъ; бѣлье всегда безупорядоченной чистоты и бѣлизны; вообще, они держатъ себя, какъ джентльмены. Значеніе духовенства очень велико въ обществѣ, и оно пользуется большимъ уваженіемъ, несмотря на то, что для внушенія этого уваженія со стороны прихожанъ нѣтъ ни цѣлованія рукъ, ни поклоновъ, ни особаго костюма. Вообще духовные ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ гражданъ; они не ходятъ для сбора подаяній, а прихожане сами дѣлають сборъ еженедѣльно и предоставляютъ его пастору въ размѣрѣ нужномъ, по ихъ мнѣнію, для приличнаго существованія своего пастора, какъ джентльмена; они ведутъ семейную, трудолюбивую и, главное, вполне трезвую жизнь. Но за то, если пасторъ пропштрафится, то его немедленно увольтъ отъ должности сами же прихожане.

Американцы очень любятъ употреблять тексты библейскіе и въ частномъ разговорѣ, и въ политическихъ и общественныхъ рѣчахъ, какъ это у насъ было до Петра Великаго. Примѣры въ библейской исторіи приводятся также очень часто. Многія главы помѣщаютъ на своихъ столбцахъ выдержки изъ хорошихъ проповѣдей, говоренныхъ въ послѣднее воскресенье. Кромѣ того, всѣ проповѣдники публикуютъ темы своихъ проповѣдей въ воскресныхъ утреннихъ газетахъ, чтобы жители могли сдѣлать выборъ, куда идти въ церковь и что слушать. Анти-религіозныхъ газетъ въ Вашингтонѣ не существуетъ; это указываетъ, что въ самомъ Вашингтонскомъ обществѣ анти-религіозный токъ мысли очень

слабъ, хотя существуетъ, главнымъ образомъ, между профессорами, учителями, адвокатами, медиками и прочими профессиональными людьми. При этомъ анти-религіозное направленіе, главнымъ образомъ, держится на идеяхъ англійскихъ позитивистовъ, Джона Стюарта Мила и Герберта Спенсера, и это направленіе начинаетъ усиливаться, судя по беспокойству духовенства.

Проповѣди въ церквахъ очень рѣдко выходятъ изъ религіозной области. Для примѣра, беру наудачу, безъ выбора, объявленія проповѣдниковъ 8-го іюля 1878 г. въ газетѣ «Washington Star» («Вашингтонская Звѣзда»): Въ католической церкви «Всѣхъ Душъ» (All souls' church) «Значеніе скорбей въ жизни»; въ 1-й Баптистской церкви: «Гибель и спасеніе молодыхъ людей». Въ методистской церкви Foundry: «О любви къ дѣтямъ». Въ Christadelphian Ecclesia (Христовобратской церкви): «Призываніе Божіе къ Его царству и славѣ» (1-е посланіе къ ессалонійцамъ, 2, 12)» и т. п. Въ объявленіяхъ газетныхъ также встрѣчаются приглашенія пасторовъ на митинги въ рощахъ, въ лѣсу, въ паркахъ и т. п. Иногда проповѣди бываютъ и живого содержанія; въ виду усиливающагося противурелигіознаго направленія стали часто появляться проповѣди съ цѣлью мирить науку съ религіей и доказывать божественное происхожденіе христіанства.

Очень оригинальны здѣшніе проповѣдники, какъ ораторы. Говорятъ они проповѣди, какъ и въ западной Европѣ, конечно, безъ всякихъ тетрадокъ, конспектовъ или другихъ пособій; рѣчь льется стройно, плавно, мѣняется съ измѣненіемъ содержанія. Но оригинальность эта заключается въ тонѣ. Начинаетъ проповѣдникъ говорить сначала тихо, но затѣмъ мало-по-малу разгорячается, начинаетъ приходить въ азартъ, машетъ руками во всѣ стороны безъ милосердія—и уже не говоритъ, а просто кричитъ, что есть мочи, словно его прихожане глухіе; особенно здорово кричатъ методистскіе проповѣдники. Бьютъ себя въ грудь и жестикулируютъ проповѣдники въ Парижѣ и Вѣнѣ; но до такого азарта, какъ въ Вашингтонѣ и другихъ церквахъ Америки, не доходятъ. Вѣроятно, это въ характерѣ народа и въ его натурѣ, потому что видишь ту же жестикуляцію и крикъ и въ конгрессѣ, и на общественныхъ митингахъ. Но послѣ рѣчи ораторъ или проповѣдникъ сейчасъ же становится, какъ и всѣ американскіе граждане, тихимъ, серьезнымъ, покойнымъ, задумчивымъ. На пароходѣ изъ Саванни въ Балтимору мнѣ пришлось разговаривать съ однимъ почтеннымъ господиномъ; между прочимъ я его спросилъ, не отъ простуды ли онъ осипъ и почти потерялъ голосъ; каково же было

мое удивленіе, когда онъ объяснилъ, что онъ пасторъ, что говорилъ очень много и долго, что отъ говоренія у него не только пропалъ голосъ, но заболѣли голосовые органы, и врачи, запретивъ ему не только проповѣдывать, а и говорить, послали на излеченіе въ Виргинію. И такихъ примѣровъ пять-шесть я видѣлъ послѣ. Да и не мудрено; надо имѣть очень крѣпкую грудь и здоровыя легкія, чтобы быть американскимъ, а особенно методистскимъ проповѣдникомъ.

Большая часть духовенства очень консервативна и враждебно относится ко всякому новому движенію въ знаніи и мысли; но не мало есть между ними и такихъ, которые христіанство превратили въ философски-практическую систему жизни, отбросивъ всѣ догматы и обряды. Кромѣ этого, почти всѣ пасторы (конечно, не католическіе) принадлежать вмѣстѣ съ тѣмъ къ масонскому братству, участвуютъ въ его дѣлахъ и торжественныхъ роскошныхъ церемоніяхъ. Самое это участіе въ масонствѣ ясно показываетъ, что пасторы сами по себѣ придаютъ мало значенія теоретической части религіи, а только ея нравственнымъ требованіямъ, потому что въ масонствѣ Христосъ признается не Сыномъ Божіимъ, а символомъ любви.

Религіозные разговоры и споры нерѣдки въ обществѣ, но своей религіозной литературы Вашингтонъ не имѣетъ, потому, вѣроятно, что въ виду большого количества религіозныхъ журналовъ и газетъ, издающихся въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи и штатахъ Новой-Англіи, въ собственной литературѣ нѣтъ нужды. Библіями же, псалтырями и богослужебными книгами всѣ храмы снабжены изобильно, и всѣ эти книги находятся въ церкви передъ каждымъ сидѣніемъ, для свободнаго употребленія молящейся публики въ церкви.

Сравнительно съ европейскими столицами, на первый взглядъ, въ Вашингтонѣ общественная жизнь менѣе развита и жители какъ-бы сторонятся другъ отъ друга. Но такое мнѣніе будетъ поверхностнымъ. Эта кажущаяся отчужденность жителей происходитъ отъ очень правильнаго образа жизни и домашнего комфорта. По гостямъ ходитъ и некогда, да и не всегда есть охота, потому что если и въ Россіи говорятъ, что въ гостяхъ—хорошо, а дома—лучше; то въ Америкѣ это имѣетъ еще болѣе смысла; отъ добра—добра не ищутъ, а семья въ Америкѣ такое добро, что въ Европѣ надо искать подобнаго добра днемъ съ огнемъ.

Что касается до мужчинъ, то они обыкновенно съ 8 или 9 часовъ утра и до 6 и 7 часовъ вечера заняты внѣ дома и, слѣдовательно, видятъ въ теченіи дня такъ много знакомыхъ,

друзей, пріятелей и всякаго люда, что очень рады избавиться отъ нихъ и провести свой досугъ въ семьѣ. Женщины, въ свою очередь, весь день заняты, но въ часы досуга заходятъ провѣдать одна другую; если подъ стать, то и кофе напьются вмѣстѣ и позавтракаютъ; но обыкновенно эти посѣщенія непродолжительны, — полчаса, много часъ, а затѣмъ расходятся; отвели, какъ говорится, душу, поговорили, сообщили новости, предположенія, да и по мѣстамъ.

Но при такомъ общемъ характерѣ отношеній на практикѣ множество случаевъ, когда граждане сходятся вмѣстѣ.

Выборы въ общественныя должности (потому что президентъ назначаетъ только одно главное лицо, а остальные органы исполнительной власти избираются населеніемъ) заставляютъ сойтись вмѣстѣ не разъ и не два въ теченіи года, обыкновенно въ вечернее время и въ будни.

Каждый изъ жителей непременно принадлежитъ къ какому-либо обществу ученому, художественному, педагогическому, профессиональному, сельско-хозяйственному, промышленному, религиозному и т. п. И членство въ этихъ обществахъ обязываетъ посѣщать засѣданія, которыя въ иныхъ обществахъ бываютъ часто, разъ или два въ недѣлю. Это, слѣдовательно, даетъ поводъ гражданамъ сближаться между собою и быть въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Далѣе, общественныя развлечения также даютъ возможность видѣться и проводить время вмѣстѣ очень часто, смотря по обстоятельствамъ.

Затѣмъ, всѣ дома имѣютъ парадный ходъ на улицу, такъ что улица превращается нѣкоторымъ образомъ въ огромную общую залу. Въ хорошую погоду все народонаселеніе высыпаетъ изъ домовъ, и старшіе сидятъ на своихъ крыльцахъ, молодые люди гуляютъ по тротуарамъ, а дѣти играютъ. Это сближаетъ всѣхъ жителей улицы въ извѣстномъ районѣ и даетъ возможность сосѣдямъ видѣться такъ часто, что у нихъ нѣтъ желанія продолжать бесѣду еще и въ комнатахъ, тѣмъ болѣе, что всѣ заняты у себя дома.

Наконецъ, всѣ жители прошли чрезъ общественныя школы, слѣдовательно каждая генерация связана школьнымъ товариществомъ, школьными воспоминаніями, преданіями, шалостями, школьною дружбою. Это школьное товарищество связываетъ всѣхъ жителей новою цѣпью дружественныхъ отношеній. Такъ что, взявши во вниманіе всѣ эти условія, уже и теоретически можно пред-

положить, что граждане живутъ между собою дружно, а на практикѣ вы увидите, что они живутъ *очень* дружно.

Молодые люди обоого пола проводятъ большую часть вечеровъ вмѣстѣ; они здѣсь любезничаютъ, и играютъ на фортепьяно; танцуютъ, поютъ, читаютъ и вообще проводятъ время въ свое удовольствіе. Но тѣ же молодые люди, послѣ брака, будутъ жить, какъ и ихъ родители, т.-е. по гостямъ ходить тоже не будутъ. Скучныя и иногда дорогія для хозяевъ угощенія гостей обѣдами, ужинами, и т. п. выведены въ Америкѣ рѣшительно; люди здѣсь находятъ удовольствіе видѣться другъ съ другомъ и безъ ѣды; поэтому здѣсь ходятъ въ гости пообѣдавши или поужинавши; значить, никогда не приведутъ хозяевъ въ затрудненіе, тѣмъ болѣе, что большая часть хозяевъ безъ прислуги, а если и съ прислугой, то прислуга можетъ и не быть дома, такъ какъ ее часто нанимаютъ по часамъ, или же надо приплачивать за экстраординарныя хлопоты. *Хожденіе въ юсти*, такимъ образомъ, имѣетъ здѣсь совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ въ Россіи. Въ Россіи гостей связываетъ чаепитіе съ закуской и карты; въ Германіи — пиво или кофе; во Франціи — кофе, въ Америкѣ такъ сказать сухой, т.-е. безъ жидкостей, разговоръ; если же бываетъ чай или кофе, то онъ занимаетъ не болѣе 5—10 минутъ.

Семейныя отношенія вполне американскія, т.-е. семья — святыня общественной жизни, твердыня или крѣпость личности противъ всякихъ посягательствъ, — школа, въ которой приобрѣтаются добрые навыки и хорошія правила, и семья же здѣсь главный источникъ счастья и радостей всѣхъ членовъ ея. Правленіе семьи происходитъ безъ деспотизма главы; жена и дѣти съ своей стороны участвуютъ въ общихъ дѣлахъ домашняго управленія; но центръ тяжести находится въ хозяйствѣ, матери семейства. Семейный деспотизмъ въ американскихъ семьяхъ не существуетъ вовсе, и продолжается не болѣе одного поколѣнія у переселенцевъ европейскіхъ; т.-е., собственно у отцовъ, дѣти же обыкновенно принимаютъ американскіе обычаи. Въ этомъ отношеніи въ Вашингтонѣ то же, что и во всей Америкѣ.

Америка — страна труда, наживы, домашняго комфорта и широкаго развитія человѣческой личности при самой широкой гражданской свободѣ. Всѣ эти элементы находятся въ американской семьѣ. Трудъ лежитъ въ основѣ всего существованія; нажива, комфортъ, развитіе личности и свободы имѣютъ основаніе въ трудѣ. Поэтому трудъ здѣсь цѣнится и уважается всѣми, но трудъ разумный, цѣлесообразный. Этотъ трудъ раздѣляется всѣми членами семьи, регулируетъ жизнь и семейныя отношенія.

Отецъ работаетъ весь день внѣ дома, мать занята дома, дѣти заняты или дома, или въ школахъ. Поэтому никто никого не можетъ упрекнуть въ дармоѣдствѣ другъ друга; лежебоки здѣсь — рѣдкое печальное исключеніе. Но изъ этого естественно вытекаютъ въ членахъ семьи чувства солидарности, взаимнаго уваженія, довѣрія, а слѣдовательно признанія личности и свободы. Такъ что эта семья въ экономическомъ смыслѣ — рабочее товарищество. Но идите далѣе.

Мужъ выбралъ жену по душѣ, жена выбрала мужа по сердцу. Выборъ сдѣланъ не наудачу, не зря; нѣтъ, они давно знали другъ друга, встрѣчались въ обществѣ, бывали другъ у друга, пѣли, мечтали и сошлись уже тогда, когда оба увидѣли, что они могутъ составить свое взаимное счастье. Отъ со-
вмѣстной жизни чувства взаимнаго расположенія болѣе окрѣпли; дѣти закрѣпили и освятили этотъ союзъ. И американская семья является въ другомъ свѣтѣ; это уже не рабочая ассоціація, а маленькое общество искреннихъ, любящихъ друзей. Между друзьями неестественны споры о преобладаніи, власти, главенствѣ; этихъ притязаній и нѣтъ въ американской семьѣ. Друзья находятъ удовольствіе проводить досугъ вмѣстѣ, подѣлиться своимъ горемъ и радостью; американская семья въ свободное отъ работъ время почти не разлучна. Друзья стараются сдѣлать какъ можно болѣе удовольствія другъ другу и избѣжать непріятностей. Въ американской семьѣ всѣ члены кажется только о томъ и думаютъ, чтобы не огорчить кого-либо или не сдѣлать какой-либо непріятности другъ другу, и всѣми мѣрами стараются сдѣлать какое-либо удовольствіе другъ другу. Чего-либо въ родѣ дракъ, ругани, крика, побоевъ вы здѣсь не встрѣтите. Такіе факты встрѣчаются только между первыми бѣдными переселенцами, которые привозятъ съ собою сюда грубости европейскаго склада общества; но эта грубость черезъ нѣсколько лѣтъ житія въ Америкѣ мало-по-малу проходитъ, а дѣти уже устраиваютъ жизнь свою по-американски. Таковъ здѣсь тонъ жизни, тонъ высокій, и не тѣ струны звучатъ здѣсь, какія обычны въ Европѣ. Но тонъ тономъ, — законъ поддерживаетъ этотъ тонъ и поддерживаетъ весьма серьезно. Достаточно женѣ доказать грубое обращеніе мужа съ нею, чтобы посадить такого муженька въ тюрьму или получить разводъ. Женщину законъ охраняетъ всѣми мѣрами отъ деспотизма мужчины, что вполне гуманно и справедливо, потому что изъ ста подобныхъ судебныхъ случаевъ въ 99 навѣрно виноватъ мужчина, какъ сторона сильная. То и другое, тонъ жизни, уровень общественнаго развитія и требованія закона,

который въ этомъ случаѣ только выражаетъ общественное мнѣніе, — произвели то, что выше и разумнѣ американской семьи и семейныхъ отношеній нельзя встрѣтить ни въ одномъ народѣ. И опять здѣсь важно не только качество, а и количество. Во всякомъ народѣ найдутся хорошія семьи; но въ Америкѣ семьи одинаково хорошо устроились во *всехъ* Союзѣ; здѣсь дурныхъ семей пропорціонально, если бы можно было сдѣлать статистическій расчетъ, оказалось бы навѣрное столько, сколько въ любомъ европейскомъ государствѣ семействъ хорошихъ.

Бъ здѣшнимъ семейнымъ отношеніямъ безошибочно можно приложить опредѣленія—*дружескія, тихія, теплыя, разумныя*. Отношенія дружескія, потому что члены семьи живутъ какъ друзья, безъ преобладанія одной личности въ ущербъ другимъ; отношенія тихія, потому что здѣсь нѣтъ звучныхъ фразъ о взаимномъ расположеніи другъ къ другу, нѣтъ порывистыхъ объятій и звонкихъ поцѣлуевъ *при публикѣ* въ доказательство любви; они любятъ другъ друга *фактически*, знаютъ это и чувствуютъ безъ фразъ и объятій при публикѣ. Отношенія теплыя, потому что видна самая нѣжная заботливость другъ о другѣ, заботливость молчаливая, но тѣмъ болѣе краснорѣчивая. Мы привыкли къ заботливымъ *словамъ* и порывистымъ движеніямъ для выраженія родственныхъ чувствъ. Не находя здѣсь этого, мы дѣлаемъ выводъ: «въ Америкѣ семейныя отношенія очень холодны»; — выводъ грубо ошибочный и вполне не вѣрный. Наконецъ, семейныя отношенія здѣсь разумны, потому что семья не давитъ личности, не стѣсняетъ ея свободы; напротивъ, личность здѣсь *индивидуализируется*, т.-е. растетъ и развивается, соответственно своей натурѣ. Семья только даетъ извѣстную, болѣе или менѣе благоприятную *среду* для этого индивидуальнаго роста и развитія. Въ этомъ случаѣ американская семья имѣетъ огромное *воспитательное значеніе*.

Мужъ—отецъ семьи—очень серьезно смотритъ на свои обязанности, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы семья имѣла не только все необходимое, но и извѣстный комфортъ, — чтобы всѣ при этомъ были довольны и счастливы. Поэтому и въ домѣ—его мысли въ семьѣ; въ клубѣ ли онъ, на политическомъ ли митингѣ, слушаетъ ли разныя теоріи, — онъ мѣряетъ это одною мѣркою: «насколько это улучшить семейное положеніе»; а такъ какъ всѣ почти такъ разсуждаютъ, — то выходитъ, что въ Америкѣ выработался своеобразный *масштабъ для измѣренія законовъ, политическихъ и общественныхъ теорій*: этотъ масштабъ—семья; это до того здѣсь чувствуется всѣми, что, напримѣръ, со-

ціалистическая программа въ Америкѣ не только обошла этотъ вопросъ, но даже и не затрагиваетъ его, потому что иначе она не могла бы получить здѣсь никакого кредита. Мужъ — отецъ въ семьѣ — общій другъ всѣхъ и нѣжный предметъ заботливости со стороны жены и дѣтей. Его труды и заботы о семьѣ вознаграждаются здѣсь съ избыткомъ и даютъ такъ много радостей и наслажденій, что всѣ непріятности забываются, и онъ получаетъ здѣсь такой запасъ новыхъ, свѣжихъ силъ для борьбы за существованіе, что его не страшатъ никакія трудности, лишь бы дорогія для него существа были счастливы.

Жена — мать семьи — проводитъ всю жизнь дома, въ семьѣ; хозяйство и дѣти здѣсь главный предметъ ея занятій.

Уходъ за дѣтьми и отношенія къ нимъ во многомъ могутъ служить образцомъ для другихъ народовъ. Физическій уходъ за малолѣтками поставленъ такъ хорошо, что дѣти здѣсь почти не плачутъ; въ самомъ дѣлѣ, плачущій ребенокъ здѣсь положительная рѣдкость (говорю о Вашингтонѣ). Въ теченіи мѣсяцевъ мнѣ пришлось слышать дѣтскій плачь два-три раза, не болѣе. Причина этому понятна; посмотрите, какъ за ними ухаживаютъ: купаютъ ежедневно — разъ, два и три, смотря по нуждѣ; бѣлье мѣняется съ каждымъ купаньемъ; всѣ они во время и *толково* накормлены и уложены спать; свѣжаго воздуха имъ вдоволь. Въ каждой семьѣ есть дѣтская колясочка, ребенокъ въ ней проводитъ почти весь день на воздухѣ подъ присмотромъ или няни, или старшихъ сестеръ и братьевъ, или матери и отца, смотря по времени. Когда отцу съ матерью въ хорошій лѣтній вечеръ захочется прогуляться, то эту колясочку съ ребенкомъ катитъ впереди себя обыкновенно отецъ. И на каждой улицѣ Вашингтона вечерами вы ихъ встрѣчаете десятками, а иногда и сотнями.

Едва ребенокъ настолько окрѣпъ, что можетъ сидѣть, на примѣръ, мѣсяцевъ 10-ти или 11-ти или году, его сажаютъ съ собою за столъ и онъ уже приучается владѣть ложкою, вилагою и даже ножомъ. Конечно, сначала отецъ или мать помогаютъ ему при этомъ, но обыкновенно трехлѣтній ребенокъ уже отлично и держать себя за столомъ, и управляется съ ѣдою.

Благодаря вниманію и заботливости, капризовъ у дѣтей очень мало; если же случится, что ребенокъ начинаетъ капризничать, тутъ употребляется способъ, обыкновенно у насъ порицаемый: отецъ и мать очень серьезно и внимательно начинаютъ удовлетворять желаніямъ ребенка, какія бы они ни были (конечно, возможные для удовлетворенія), до тѣхъ поръ, пока ребенокъ успокоится и придетъ въ нормальное состояніе. У насъ при

этомъ обыкновенно хорошенько отшлепають ребенка, чтобы не капризничалъ и не беспокоилъ взрослыхъ, и такимъ образомъ взрослые, здоровые люди — и притомъ самые близкіе къ ребенку — начинаютъ *ломать волю* двухъ-трехлѣтняго крошки, — и во имя чего? Боятся, видите ли, что въ дѣтяхъ безъ шлепковъ разовьется упрямство, своенравіе, а затѣмъ и другіе страхи, какъ-то: непопачительность къ родителямъ, ослушаніе, неповиновеніе и такъ далѣе. А иногда вы рискуете услышать тевсть изъ Сираха: «сокруши ему ребра въ юности, да упокоишь ты въ старости», хотя при этомъ едва ли можно объяснить, какимъ образомъ сынъ или дочь съ «сокрушенными ребрами» могутъ быть опорой въ старости.

Какъ-то въ воскресный день мнѣ пришлось быть въ одномъ небогатомъ знакомомъ домѣ. Передъ ужиномъ пришли навѣстить хозяйку ея дочь съ мужемъ и своей дочкою — ребенкомъ трехъ или четырехъ лѣтъ. Приходу ихъ всѣ были рады; дѣвочка рѣзвилась, вертѣлась, переходила отъ одного лица къ другому. Сѣли за столъ; а такъ какъ за столомъ было тѣсно, то рѣшено было, что мать съ дочерью поужинають послѣ; поэтому они остались въ парлорѣ. Минуть черезъ десять дѣвочка, несмотря на увѣщанія матери, стала проситься въ столовую. Когда увѣщанія не помогли, мать привела ее въ столовую, объяснивъ мужу, въ чемъ дѣло. Мужъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, серьезный и покойный, какъ всѣ американцы, сейчасъ же всталъ, взялъ стулъ и посадилъ дѣвочку возлѣ себя, затѣмъ спокойно, тихо и серьезно спросилъ, чего она хочетъ; та назвала кушанье, — онъ ей подалъ на тарелку; дѣвочка попробовала, нашла негоднымъ, потребовала другого — та же исторія, потомъ третьяго и такъ далѣе, пока не перепробовала всѣ кушанья; наконецъ, совершенно успокоившись, заявила, что она больше не хочетъ сидѣть за столомъ, а пойдетъ къ мамѣ. Желаніе ея, конечно, было исполнено. Отецъ исполнилъ всѣ ея желанія крѣтко, тихо, спокойно и серьезно. Не произошло въ этомъ случаѣ ни крика на ребенка, ни шлепковъ, ни «отнеси ее на кухню»; воли ея не ломали, реберъ не сокрушали; дѣвочка успокоилась и стала весела по-прежнему, и мы продолжали спокойно свой ужинъ. Правда, ребенокъ нарушилъ нѣсколько порядковъ и комфортъ гостей, но это такая мелочь, о которой смѣшно взрослымъ людямъ серьезно и говорить. И было бы гораздо болѣе безпорядка и невѣжливости, если бы отецъ и мать стали *усмирять* непокорное дѣтище. Послѣ я встрѣчалъ и встрѣчаю такіе случаи уже

не какъ случаи, а какъ проявленія общепринятой системы воспитанія.

Дѣти взрослые въ американской семьѣ уже становятся короткими *друзьями* своихъ родителей. На нихъ не кричатъ, ихъ не бранятъ, не бьютъ; вмѣсто этого, добрый, ласковый, любящій глазъ отца, если онъ дома, а главнымъ образомъ—матери, зорко слѣдитъ за ними. Съ первымъ проявленіемъ сознанія они уже привыкли дѣлиться съ матерью и отцомъ всѣмъ, что происходитъ въ ихъ внутреннемъ мірѣ; у нихъ нѣтъ секретовъ; все, что они дѣлаютъ и думаютъ, сообщается отцу и матери, которымъ это довѣріе дѣтей даетъ возможность руководить ихъ своими разговорами, разъясненіями, совѣтами, убѣжденіями. Такимъ образомъ устанавливается крѣпкая нравственная связь между дѣтьми и родителями, и такъ желанное у насъ «почтеніе, уваженіе и повиновеніе родителямъ» вырастаетъ *само собою*, безъ давящихъ и унижающихъ мѣръ, безъ ломанія воли и обезцвѣченія индивидуальности.

Когда дѣти придутъ въ возрастъ, когда каждый оставляетъ отца и мать, чтобы прилѣпиться къ женѣ или мужу и вить свое гнѣздо, дружескія отношенія не превращаются, — но, конечно, форма ихъ по необходимости измѣняется, такъ какъ дѣти сами становятся, въ свою очередь, отцами и матерями. Таковы семейныя отношенія *вообще* въ Америкѣ и таковы же они въ Вашингтонѣ, насколько мнѣ удалось ихъ изучить и понять.

Къ семьѣ до нѣкоторой степени принадлежитъ и *прислуга*. Отношенія къ ней хозяевъ очень различны, смотря по тому, богатые или небогатые хозяева, и бѣлая или цвѣтная прислуга. Здѣсь одно только общее для всѣхъ хозяйствъ и для всякаго рода прислуги — это то, что во всѣхъ хозяйствахъ и всякаго рода прислуга ѣстъ одну и ту же пищу, какую ѣдятъ хозяева. Классическихъ нашихъ выраженій: «людскія щи», «людская каша», «мясо для людей» и тому подобныя выраженія здѣсь неизвѣстны. Но затѣмъ, *какъ* прислуга ѣстъ эту пищу—зависитъ и отъ того, кто она и у кого она.

Въ высшемъ обществѣ прислуга держится въ очень почти-тельномъ отдаленіи; съ нею, конечно, вѣжливы, потому что американцы вѣжливы со всѣми, но ей не дается никакого права на «самостоятельный» разговоръ съ хозяевами и тѣмъ менѣе на присутствіе ея въ обществѣ хозяевъ или гостей; она обѣдаетъ или вообще ѣстъ отдѣльно отъ хозяевъ ту же пищу и въ той же столовой, но по удаленіи хозяевъ и гостей въ парлоръ. Жалованье здѣсь прислуга получаетъ хорошее (отъ 20-ти до 30-ти

долларовъ въ мѣсяцъ); обязанности опредѣляются всегда заранее, причемъ за излишнія хлопоты — особое вознагражденіе. Прислуга, такимъ образомъ, въ высшемъ кругу или большомъ свѣтѣ получаетъ хорошее жалованье, имѣетъ прекрасный столъ и *всегда особую комнату для каждаго отдѣльно*. При этомъ обыкновенно имѣетъ часа три-четыре свободныхъ въ теченіи дней будничныхъ и съ 2-хъ часовъ — въ воскресенье. Прислуга въ домахъ небогатыхъ гражданъ, конечно, поставлена въ матеріальномъ отношеніи хуже, но въ нравственномъ выше, если она бѣлая, т.-е. не изъ негровъ. Здѣсь жалованье обыкновенно отъ 10-ти до 20-ти долларовъ въ мѣсяцъ кухаркѣ и горничной. Обѣдаетъ она, если нѣтъ постороннихъ, вмѣстѣ съ хозяевами, имѣетъ отдѣльную комнату, обыкновенно въ верхнемъ этажѣ, и имѣетъ право, если держитъ себя прилично и одѣвается чисто, въ свободное время сидѣть въ парлорѣ съ хозяевами и вступать въ разговоръ. Въ небогатыхъ семьяхъ прислуга даже называется не прислугой, а помощью (Help), причемъ разумѣется, что хозяйка сама работаетъ, но не въ силахъ справиться со всѣмъ, а потому и приглашаетъ себѣ помощницу или помощницъ. Такъ что здѣсь положеніе прислуги подходитъ къ тому идеалу, который высказанъ былъ Сенекою 1500 лѣтъ тому назадъ; онъ совѣтовалъ обращаться *съ прислугой, какъ съ младшими друзьями*. Но большая часть семействъ въ Вашингтонѣ обходится безъ прислуги, если дѣти подросли настолько, что могутъ помогать матери въ хозяйствѣ. Въ экстренныхъ случаяхъ приглашается помочь-прислуга на извѣстное количество часовъ или на опредѣленную работу.

Прислуга изъ негровъ наиболѣе распространена въ Вашингтонѣ, потому что, нанимая негра или негритянку, хозяева отнюдь *нравственно* не обязаны допускать ихъ въ свое общество, и негры сами это хорошо знаютъ. Поэтому негръ или негритянка получаютъ ту же плату, что бѣлая прислуга, и ѣдятъ то же, что хозяева; но, во-первыхъ, они ѣдятъ не въ хозяйской столовой, а на кухнѣ; во-вторыхъ, не имѣютъ помѣщенія въ домѣ, а приходятъ и уходятъ къ себѣ домой въ условленные часы; въ-третьихъ, не дерзаютъ быть въ парлорѣ съ хозяевами и гостями.

Профессіональной прислуги очень мало въ Вашингтонѣ, потому что только крайность заставляетъ идти въ услуженіе. Прислуга обоюго пола вообще очень исправна, вѣжлива, предупредительна, если хозяева, съ своей стороны, съ нею вѣжливы и внимательны. Одѣвается мужская и женская прислуга одинаково съ хозяевами, но, конечно, дешевле и проще. Держитъ она себя свободно, безъ униженія и европейскаго лакейства. Истыхъ аме-

риканцевъ и американокъ очень мало въ услуженіи, и если бываютъ, то на короткое время. Большая часть прислуги изъ негровъ и непристроившихся европейскихъ переселенцевъ всѣхъ національностей, главнымъ образомъ—изъ Ирландіи и Германіи.

Мужская прислуга, болѣею частью, работаетъ по часамъ, согласно договору; хозяинъ назначаетъ часы, когда онъ нуждается въ помочи, и нанимающійся является въ назначенное время.

Мнѣ лично не пришлось встрѣтить между прислугою безграмотныхъ; судя по учебной статистикѣ округа Колумбіи, ихъ и не должно быть здѣсь, развѣ, можетъ быть, между пожилыми неграми; они читаютъ газеты и интересуются общественными вопросами и дѣлами; вообще они смотрятъ на свое положеніе, какъ на временное несчастье, отъ котораго стараются освободиться при первой возможности.

XIV.

Право свывать митинги принадлежитъ въ Соединенныхъ-Штатахъ всякому, и по какому угодно вопросу и поводу. Тотъ, кто созвалъ митингъ, считается его предсѣдателемъ и руководителемъ, и ему *обязаны* подчиняться всѣ, собравшіеся на митингъ, такъ что митингъ считается какъ-бы *нравственною собственностью* того лица, общества или корпораціи, которыя созвали митингъ. Распорядитель—отвѣтственное лицо за митингъ и имѣетъ право удалить изъ митинга всякаго, кто нарушаетъ въ немъ порядокъ и позволяетъ ослушаться предсѣдателя. Предсѣдатель имѣетъ *право* требовать содѣйствія полиціи въ случаѣ безпорядка, когда онъ самъ не въ силахъ справиться съ нарушителемъ митинга, и имѣетъ *право* арестовать такое лицо при содѣйствіи полиціи, и полиція *обязана* исполнить его требованіе. А затѣмъ уже судъ разсмотритъ дѣло, и если арестованный окажется дѣйствительно виновнымъ, то онъ подвергнется наказанію согласно законамъ; если же окажется, что предсѣдатель митинга арестовалъ невиннаго, то пострадавшее лицо можетъ требовать съ виновнаго извѣстнаго вознагражденія за потерянное время и безпокойство, и наказанія его по закону. Такъ что здѣсь права обѣихъ сторонъ гарантированы исполнѣ.

Лица, недовольныя тѣмъ, что говорится, дѣлается и предлагается на митингѣ, не имѣя права нарушать въ немъ порядокъ, имѣютъ полное право созвать *свой* митингъ и уже на немъ

доказывать несостоятельность мнѣній и положеній, высказанныхъ и принятыхъ на враждебномъ митингѣ. Напримѣръ, вы—католикъ и очень ревностный аристократъ по политическимъ убѣжденіямъ. Желая пропагандировать свой образъ мыслей, вы объявляете въ газетахъ и въ частныхъ объявленіяхъ, что такого-то числа, въ такомъ-то мѣсяцѣ, назначается митингъ съ такою-то цѣлью. Хорошо. Ваши друзья и враги являются въ назначенное время и мѣсто. Вы доказываете, какъ умѣете, и божественное происхожденіе католичества, и святость общественной классификаціи людей, и при этомъ громите протестантизмъ и демократизмъ. Враги слышатъ это, выходятъ изъ себя отъ гнѣва, но ни прервать васъ они не имѣютъ права, ни шумѣть, ни стучать. Они могутъ просить васъ дать имъ слово, т.-е. право говорить противъ васъ; на это вы можете согласиться или нѣтъ, — это зависитъ отъ васъ, но безъ вашего разрѣшенія никто не имѣетъ права говорить ни за, ни противъ. Иначе, вы потребуете полицію и попросите арестовать ослушника или нарушителя порядка. Но, въ свою очередь, враги ваши имѣютъ полное право созвать *свой* митингъ, въ которомъ будутъ громить католицизмъ и аристократизмъ вашъ, и тогда на чужомъ митингѣ вы становитесь въ то же положеніе, въ какомъ враги ваши были на вашемъ митингѣ; если вы начнете шумѣть или прерывать ораторовъ, съ цѣлью произвести беспорядокъ и помѣшать митингу состояться, то васъ прикажутъ арестовать, а затѣмъ судъ разсудитъ, кто правъ, кто виноватъ.

Благодаря такимъ обычаямъ и правиламъ для митинговъ, достигаются, во-первыхъ, порядокъ на митингѣ, отсутствіе шума, перерывовъ, а во-вторыхъ—спокойное обсужденіе предметовъ и вопросовъ, ради которыхъ созванъ митингъ; избѣгается борьба и раздраженіе между противными партіями и мнѣніями.

Эти правила митинговъ общи для всей страны. И часто, если дѣло идетъ о щекотливомъ вопросѣ, и когда извѣстно, что противная партія рѣшилась помѣшать митингу, то организаторъ или организаторы приглашаютъ полицію на всякій случай. Полиція въ этихъ случаяхъ играетъ роль страдательную или, вѣрнѣе, исполнительную; ей нѣтъ дѣла до того, чтѣ и какъ говорится на митингѣ: ея дѣло — поддерживать въ митингѣ порядокъ и только; самовольно же, безъ приглашенія, полиція, какъ полиція, не можетъ явиться на митингъ, но въ качествѣ слушателей и даже, съ разрѣшенія предсѣдателя, въ качествѣ ораторовъ, члены полиціи могутъ присутствовать и безъ приглашенія; но

въ этомъ случаѣ они становятся простыми гражданами, а не полисменами.

Кромѣ многихъ митинговъ, которые регулярно созываются въ определенное время корпораціями, обществами, въ Вашингтонѣ очень часты *уличные митинги*, которые организуются безъ приглашеній и созывовъ. Эти митинги образуются на улицахъ и площадяхъ, гдѣ проходитъ много народа, обыкновенно вечерами, часовъ съ пяти пополудни, во всѣ дни недѣли.

Эти уличные митинги очень оригинальны; я нигдѣ ничего подобнаго не видѣлъ ни въ Англіи, ни въ Америкѣ,—двѣ страны, свободныя въ этомъ отношеніи. Напримѣръ, вы идете по улицѣ, подходите къ площади и остановились, потому что людно и весело кругомъ; недалеко отъ васъ стоятъ еще человѣка три-четыре. Вдругъ среди васъ является старый, почтенный негръ и съ нимъ бѣлый джентльменъ, очень прилично одѣтый,—оба съ книжками въ рукахъ; вы ничего не понимаете. Но они оба снимаютъ шляпы и начинаютъ пѣть священный гимнъ; пока они поютъ, народъ проходящій останавливается, и пока они окончатъ пѣніе — кругомъ ихъ набралось человѣкъ 50—70 и болѣе. Затѣмъ, окончивъ пѣніе, негръ обращается къ публикѣ съ вопросомъ: «кому нужно спасеніе?»—и съ евангеліемъ въ рукахъ разъясняетъ импровизированной аудиторіи важность и необходимость спасенія и средства его приобрѣтенія. Всякій, кто хочетъ, слушай, не хочешь — иди своей дорогой; помѣшать нельзя, иначе полисменъ явится къ улугамъ.

Иногда вы видите, въ воскресные дни, на обширной площади три митинга съ-разу; въ одномъ углу на ящикѣ стоитъ среди толпы пасторъ и проповѣдуетъ; въ другомъ—пріѣзжій изъ Балтимора шарлатанъ-докторъ сидитъ или стоитъ въ коляскѣ, окруженный толпою, выхваляетъ свои лекарства, а въ третьемъ углу или среди площади идетъ политическій митингъ, на которомъ разсматриваются экономическіе и финансовыя вопросы. Слушатели переходятъ отъ одной группы къ другой и остаются тамъ, гдѣ кому интереснѣе. Дамъ на такихъ митингахъ не бываетъ, развѣ, случайно проходя, иная остановится на нѣсколько минутъ послушать, въ чемъ дѣло. Посѣщеніе уличныхъ митинговъ считается неприличнымъ для лэди.

Изъ организаторовъ митинговъ особенно оригинальны были два старичка въ прошлое лѣто. Одинъ изъ нихъ фермеръ, а другой — самоучка-астрономъ. Какъ видно, досадно имъ стало, что въ Вашингтонѣ есть люди—совершенные невѣжды въ астрономіи, и они рѣшили ихъ просвѣщать. Сами они живутъ не

въ городѣ, поэтому они каждое воскресенье въ двухъ-колесномъ экипажѣ приѣзжали на ослѣ въ Вашингтонъ часамъ къ тремъ, устраивали помость и преусердно поучали собравшійся народъ астрономическимъ истинамъ. Но такъ какъ они оба — люди недалежнаго ума и безъ такта и безъ умѣнья передавать узнанное, то и наводили скуку на слушателей множествомъ цифръ касательно объема, растояній между небесными тѣлами и пр. Ребятишки постоянно школьничали надъ осликомъ и выводили ихъ изъ себя каждый разъ; но, несмотря на это, старички не унываютъ и продолжаютъ поучать публику каждое воскресенье.

Всѣ такого рода митинги — хорошее времяпрепровождение для незанятыхъ людей: характера они невиннаго и безцвѣтнаго содержанія. Но въ связи съ этими митингами мнѣ случилось посѣтить рядъ уличныхъ митинговъ, которые могутъ имѣть важное общественное и политическое значеніе для всего округа Колумбія. Эти митинги такъ характерны и личность, предсѣдательствовавшая на нихъ, такъ оригинальна, что легкій очеркъ этихъ митинговъ можетъ быть нѣкоторой иллюстраціей уличныхъ нравовъ и обычаевъ Вашингтона.

Въ одно изъ скучныхъ для путешественника воскресеній, я случайно, на самомъ людномъ и бойкомъ мѣстѣ Вашингтона, гдѣ Пенсильванскій бульваръ перерѣзывается Торговою Седьмою улицей, встрѣтилъ группу, которая привлекла мое вниманіе; на опрокинутомъ вверхъ дномъ ящикѣ, вижу, стоитъ очень просто, но изящно и со вкусомъ одѣтая леди; она не молода, — лѣтъ подъ 30; очень симпатична, съ выразительными черными глазами и красивою наружностью. Возлѣ нея сидитъ пожилой господинъ на томъ же ящикѣ, а вокругъ — человекъ полтора ста публики, болѣею частью — негры. Подхожу къ толпѣ и я, вслушиваясь — и не могу наслушаться. Звучный, сильный, но вмѣстѣ мягкій, нѣжный голосъ, воодушевленное лицо, жестикующія очень граціозна и соотвѣтственная внутреннему волненію — все это вмѣстѣ дало мнѣ понять, что вижу леди-оратора, явленіе чисто американское, съ которымъ мнѣ давно хотѣлось познакомиться. О чемъ же она говорить? Обо многомъ — и очень серьезномъ. Она говоритъ, что капиталисты управляютъ страной, что народъ бѣднѣетъ, предпримчивость уменьшается оттого, что всѣ задолжали банкирамъ; что конгрессъ дѣлаетъ законы въ интересахъ богатаго меньшинства, что народъ долженъ посылать въ конгрессъ людей честныхъ и надежныхъ и т. д., и т. д., въ томъ же родѣ. При этомъ мѣткія сравненія, удачныя остроты, улыбка съвоихъ слезъ, грустное выраженіе лица и энергическій тонъ рѣчи

такъ магически дѣйствовали на публику, что она слушала эти рѣчи, такъ-сказать, съ замираніемъ сердца, какъ какую-то чудную музыку. Рѣчь продолжалась часа два, и въ заключеніе леди прочла стихи изъ Бёрнса, въ которыхъ выражается сочувствіе къ бѣдному человѣку. Когда она окончила, то мѣсто ея занялъ пожилой господинъ, который говорилъ на ту же тему около часа и въ заключеніе объявилъ, что миссисъ Лоренсъ, его жена, намѣрена посвятить общественнымъ вопросамъ нѣсколько митинговъ во время ихъ пребыванія въ Вашингтонѣ, и что онъ, какъ докторъ, предлагаетъ бѣднымъ рабочимъ свои услуги бесплатно.

Въ слѣдующее воскресенье миссисъ Лоренсъ начала свою рѣчь, при той же обстановкѣ, съ того, что прочла извѣстную пѣснь о рубашкѣ Томаса Гуда. Прочла она такъ, что у многихъ старыхъ негровъ навернулись слезы на глазахъ. Затѣмъ продолжала рѣчь о несправедливостяхъ и неправильностяхъ въ общественномъ строѣ. Такимъ образомъ дѣло продолжалось нѣсколько воскресеній. Лоренсъ постоянно подбирала для своихъ общественныхъ темъ стихи изъ твореній поэтовъ-гуманистовъ и филантроповъ, которыми богата англійская литература.

Въ одно изъ такихъ воскресеній, послѣ рѣчи Лоренсъ, появилось новое лицо: небольшого роста, сутуловатый, худой человѣкъ, одѣтый бѣдно и небрежно,—и тоже заговорилъ; по рѣчи сейчасъ оказалось, что онъ пришлецъ изъ Европы, а по физиономіи и ухваткамъ легко было узнать, что онъ — еврей. Рѣчь онъ повелъ не сладкую, музыкальную,—а громкую, грубую и, по содержанію, такую, которая называется «зажигательными». Спустя нѣкоторое время докторъ Лоренсъ уѣхалъ съ женою въ Новую-Англію, и новый ораторъ остался одинъ и началъ собирать митинги каждый день — и каждый день число его слушателей увеличивалось. Этотъ еврей-ораторъ именно и есть Исаакъ Когенъ, который и повиненъ провозносить рѣчи въ Вашингтонѣ, и трудно предсказать, чѣмъ кончится его карьера.

Чтобы понять смыслъ и значеніе дѣятельности Когена, надо взять во вниманіе настроеніе общественнаго мнѣнія въ Союзѣ. Съ 1873 года начался застой въ дѣлахъ сравнительно съ предыдущими годами, множество фабрикъ и заводовъ прекратили работы; многіе банки прекратили платежи и лопнули, банкротства слѣдовали за банкротствами; множество семействъ разорилось, множество рабочихъ рукъ осталось безъ работы. Настало для страны трудное время, *hard times*, какъ выражаются американцы. При этомъ, обѣ старыя партіи, республиканская и демократическая, державшіяся когда-то живыхъ принциповъ, теперь пере-

живаютъ самихъ себя, потому что новые люди народились и новые принципы начинаютъ обнаруживать жизнь. Республиканская же или демократическая партія, все равно, получивъ власть въ отдѣльныхъ ли штатахъ или союзномъ правительствѣ, ведутъ дѣла страны по укоренившейся рутинѣ, не обращая вниманія на новые интересы и живыя потребности страны; конгрессъ послѣдній состоялъ, главнымъ образомъ, изъ адвокатовъ и банкировъ; производительные же классы общества имѣли въ конгрессѣ очень слабое представительство. Сумма всѣхъ этихъ обстоятельствъ произвела всеобщее недовольство существующимъ ходомъ дѣлъ; страна утомилась и отъ адвокатскаго краснорѣчія, и отъ финансовыхъ операцій министерства финансовъ и банкировъ. Потребность и жажда переменъ носится болѣе или менѣе чувствительно во всемъ американскомъ народѣ. И какъ всегда бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, являются изъ среды народа сильные, умныя, честныя, энергическія личности, которыя, понявъ суть дѣла, громко высказываютъ свое недовольство и причины зла и предлагаютъ мѣры для исправленія и возрожденія; а такъ какъ массы къ этому уже подготовлены, то такія личности быстро находятъ массу сочувствующихъ. При полной свободѣ собраній, печатнаго и устнаго слова, почти въ каждомъ многочисленномъ городѣ появились такіе народные ораторы и возникли новые органы новыхъ партій и новыхъ идей. Между такими ораторами, или, вѣрнѣе, агитаторами, въ послѣднее время прославился нѣкто Денисъ Кѣрни (Kenney), въ Калифорніи. Ирландецъ по національности, чернорабочій по профессіи, онъ возсталъ противъ злоупотребленій господствующихъ партій, противъ банкировъ, железнодорожныхъ тузовъ и т. п. правящихъ силъ. Рѣчи его на митингахъ слушались постоянно десятками тысячъ, онъ прошелъ весь штатъ Калифорнію съ своею проповѣдью; его прятали въ тюрьму, арестовывали, но жюри постоянно оправдывали, а несправедливыя преслѣдованія только увеличивали симпатію народа къ Керни. И что же? въ послѣдніе выборы въ легислатуру штата Калифорніи выбрано только 7 республиканцевъ и 8 демократовъ, а остальные члены легислатуры до 180 оказались представителями разныхъ отраслей труда и промышленности. Такой неожиданный успѣхъ поддержалъ борцовъ въ другихъ штатахъ и при этомъ породилъ подражателей. Къ числу такихъ подражателей должно отнести и Когена.

Въ теченіи мѣсяца, каждый вечеръ, на импровизированной кафедрѣ сталъ Когенъ проповѣдывать и развивать общую мысль, что богатымъ людямъ живется хорошо, а бѣднымъ плохо; что это

противно законамъ божескимъ и человѣческимъ и т. д., въ томъ же родѣ.

При существовавшемъ уже ранѣе недовольствѣ, рѣчи его стали находить отголосокъ. Въ обществѣ начали поговаривать о немъ, какъ объ опасномъ агитаторѣ, пресса мѣстная начала дѣлать на него нападки, называя его неучемъ, невѣждою, нравственнымъ ничтожествомъ, грязнымъ оборванцемъ и т. п. Но Когенъ отнесся въ этимъ нападкамъ съ замѣчательнымъ тактомъ. Обыкновенно послѣ такой ругательной статьи онъ въ тотъ же день вечеромъ читаетъ ругань, и затѣмъ, обращаясь въ публикѣ, приглашаетъ стать на его мѣсто и доказать, правду ли говорятъ про него газеты. Понятно, никто не выходитъ, тогда онъ начинаетъ разбирать по косточкамъ нападки на себя. Особенно остроумно разбиралъ онъ, когда про него писали, что онъ неучъ и скверно говорить по-англійски. Въ такомъ случаѣ онъ прямо признавался, что онъ и учился мало и плохо говорить по-англійски и начинаетъ приглашать адвокатовъ, журналистовъ, профессоровъ и всѣхъ гражданъ съ хорошимъ образованіемъ и правильною рѣчью занять его мѣсто — разъяснить народу его права и помочь ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Конечно, никто не являлся, публика смѣялась и Когенъ торжествовалъ.

Когенъ мастеръ говорить; въ прежніе годы, какъ видно, это былъ человѣкъ-пролаза, умный, хитрый, живой, предприимчивый еврей; тяжелого труда онъ, конечно, не испытывалъ и обратилъ на него вниманіе только потому, что рѣшился сдѣлаться человѣкомъ извѣстнымъ и получить возможность жить безъ трудной работы. Какъ оказалось впоследствии, онъ родомъ изъ Германіи, въ Америкѣ живетъ 11 лѣтъ, по рекомендаціи одного сенатора получилъ мѣсто въ казначействѣ, но почему-то былъ уволенъ отъ должности за мѣсяць до своего ораторства.

И таковъ духъ времени и настроенія общества, что этотъ господинъ пріобрѣтаетъ со дня на день все большій вѣсъ и значеніе. Его слушаютъ, о немъ говорятъ въ обществѣ и печати, его называютъ агитаторомъ, а ему того только и нужно. Заговори тотъ же Когенъ двумя годами раньше или двумя годами позже, на него никто не обратилъ бы вниманія. Но онъ явился съ своею рѣчью въ время — и въ этомъ его сила и значеніе, и нужно сказать правду, онъ пользуется обстоятельствами очень умно и съ тактомъ.

Потолковавъ съ мѣсяць о томъ, что богатымъ живетъ хо-

рошо, а бѣднымъ плохо, онъ началъ толковать о томъ, что рабочіе должны организоваться.

Ведя въ этомъ направленіи дѣло, онъ въ концѣ слѣдующаго мѣсяца довелъ дѣло до того, что образовалъ «Общество облегченія рабочихъ», въ которое записалось до 2,000 человекъ, и предложилъ себя въ предсѣдатели этого общества съ платою по одному доллару въ день за труды.

Ставши предсѣдателемъ общества, онъ распорядился, чтобы для митинговъ были устроены простыя, но удобныя для ораторовъ подмостки съ фонарями и флагомъ, самъ обзавелся молоткомъ (знакъ предсѣдательства) и началъ вести митинги на манеръ засѣданій конгресса. Во время митинговъ назначалъ желавшимъ говорить извѣстное число минутъ, обыкновенно отъ 5 до 10. Ораторовъ появилось много, преимущественно пролетаріи изъ негровъ и бѣлыхъ чернорабочихъ.

Устроивши, такимъ образомъ, общество, онъ предложилъ въ одинъ прекрасный вечеръ, чтобы никто изъ членовъ общества не работалъ дешевле полутора долларовъ въ день. Конечно, члены согласились. А плата въ то время, какъ и теперь, была отъ 50 центовъ до доллара за десяти-часовую работу въ день, и конгрессъ назначилъ четыре милліона на разныя правительственныя зданія съ цѣлью дать рабочимъ рукамъ занятіе.

Такое рѣшеніе взволновало всѣхъ подрядчиковъ, печать почти единогласно стала требовать его удаленія изъ города или помѣщенія его въ рабочій домъ за возбужденіе рабочихъ. Но та и другая мѣры были незаконны, и потому Когенъ продолжалъ работать неумолимо для своего дѣла. Нападки удваивали его ревность, онъ сталъ смѣлѣе, рѣшительнѣе, началъ читать, знакомиться съ экономическими вопросами, а главное—съ злоупотребленіями чиновниковъ, которымъ онъ особенно рѣшился насолить.

Наконецъ, негодованіе общества и печати противъ Когена дошло до того, что начальникъ полиціи, майоръ Морганъ, велѣлъ его арестовать. Когенъ безпрекословно подчинился аресту; такъ какъ онъ былъ арестованъ въ субботу, то до разбора въ судѣ дѣла, онъ долженъ былъ сидѣть цѣлое воскресенье подъ арестомъ. Молва объ его арестѣ распространилась быстро, на него стали смотрѣть какъ на мученика, множество друзей пришло навѣстить его. Между тѣмъ воскресныя газеты, заявляя торжественно объ арестѣ Когена, выражали свою радость и надежду, что наконецъ-то городъ избавится отъ тлетворной заразы и гнуснаго агитатора, что здравый смыслъ судей долженъ взять во вниманіе интересы жителей, — что Когена упрячутъ въ тюрьму,

по крайней мѣрѣ, на полгода. Пришелъ понедѣльникъ, въ судѣ масса публики; послѣ нѣсколькихъ неважныхъ дѣлъ дошла очередь до Когена. Является Когенъ въ чугунной рѣшеткой для подсудимыхъ; ему читаютъ обвинительный актъ. Когенъ заявляетъ, что онъ до сихъ поръ не зналъ, въ чемъ его обвиняютъ и проситъ поэтому отложить разборъ его дѣла до слѣдующаго дня. Отсрочка дана. На другой день Когенъ является уже съ адвокатомъ. Начинается разборъ дѣла, Когена приглашаютъ *сѣсть*, чего обыкновенно не дѣлается съ подсудимыми при разборѣ дѣла. Въ обвинительномъ актѣ полиціи значилось, что Когенъ съ оружіемъ ходилъ по городу такого-то числа, сопровождаемый толпою, возбуждалъ народъ въ бунту и оттапывалъ тротуары. Адвокатъ легко доказалъ и свидѣтели подтвердили, что Когенъ никогда не носилъ оружія. Эта выдумка полиціи была до того очевидна, что самъ полицімейстеръ отказался поддерживать обвиненіе. Далѣе адвокатъ заявилъ, что если Когенъ оттапывалъ тротуары, то это дѣлалъ не онъ одинъ, а и кромѣ его до 500 человѣкъ, которыхъ въ такомъ случаѣ слѣдовало привлечь тоже къ суду; относительно же обвиненія о возбужденіи народа въ бунту адвокатъ прочелъ статью конституціи, обезпечивающую каждому жителю Соединенныхъ-Штатовъ полную свободу слова, и затѣмъ добавилъ, что ограничить этой свободы не можетъ не только г. Морганъ, а и самъ конгрессъ, потому что это законъ страны органической. — Понятно, что все это только возвеличило Когена, и онъ даже великодушно простилъ полицію за неправильный арестъ, не подавъ иска противъ нея. Такимъ образомъ, попытка арестовать и засадить Когена въ тюрьму или, по крайней мѣрѣ, удалить изъ города — не удалась. Тогда вышло распоряженіе отъ полиціи, что митинги его на улицахъ нельзя дозволить, потому что толпы народа на митингѣ мѣшаютъ проѣзду и прохождению публики. Нечего дѣлать, пришлось уступить, и онъ перенесъ ихъ въ городскую ратушу.

Я уѣхалъ изъ Вашингтона въ этотъ моментъ дѣятельности Когена, но по газетамъ уже продолжалъ слѣдить за нимъ. Сила его растетъ; одинъ подрядчикъ уже платитъ, по его настоянію, вмѣсто 75 центовъ одинъ долларъ съ четвертью; Когенъ въ качествѣ предсѣдателя «общества облегченія рабочихъ», съ своимъ секретаремъ, ходитъ къ начальникамъ департаментовъ и прочимъ сановнымъ лицамъ высшей администраціи, заявляетъ имъ просьбы, желанія и требованія рабочихъ, которыхъ онъ представляетъ, и вечерами сообщаетъ публикѣ о своихъ похожденияхъ утроемъ, заявляя при этомъ, что всѣ эти чиновники, какъ оплачиваемые

изъ государственнаго казначейства, по тому самому — слуги народа, который имѣеть право отъ нихъ требовать отчета и т. д.

Послѣднее извѣстіе о немъ я прочелъ въ концѣ сентября; онъ явился къ президенту, который далъ ему шестиминутную аудіенцію. Когенъ при этомъ просилъ президента, чтобы онъ употребилъ свое вліяніе для того, чтобы рабочіе не получали менѣе полутора доллара въ день. Президентъ обѣщалъ разсмотрѣть это дѣло. Вечеромъ въ тотъ же день, давая отчетъ о своей аудіенціи у президента, онъ сообщилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что какъ только покончить здѣсь это дѣло организаціи, то по примѣру Дениса Кёрни отправится агитировать въ другіе города.

Время выборовъ — самое живое, веселое и привлекательное время въ Америкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣеть глубоко-воспитательное значеніе для страны. Митинги слѣдуютъ за митингами; вожди разныхъ партій и ихъ адвокаты должны употребить всю силу краснорѣчія и все умѣнье, чтобы развить, доказать и защитить принципы своей партіи противъ партій враждебныхъ. На этихъ митингахъ народъ, обыкновенно мало вникающій въ политико-экономическіе вопросы страны, начинаетъ знакомиться съ этими вопросами серьезно, благодаря митингамъ. Самые трудные и сложные финансовыя вопросы приходится обсуждать и понимать, и искусство и достоинство оратора цѣнится по тому, какъ онъ сумѣетъ объяснить и доказать эти вопросы. Избиратель не можетъ пассивно усвоить ту или другую теорію, потому что на митингахъ разныхъ партій слышать разные рѣчи; не привыкнувъ быть между двухъ стульевъ, онъ серьезно начинаетъ самъ думать о слышанномъ, читать, толковать съ пріятелями, пока, наконецъ, не составитъ самъ болѣе или менѣе яснаго понятія о дебатировавшихся вопросахъ. Такимъ образомъ, во время выборовъ вся страна приходитъ въ возбужденное состояніе, типографскіе станки и умственные аппараты гражданъ работаютъ съ лихорадочною энергіею. Но затѣмъ — кончены выборы, получился тотъ или другой результатъ, — все приходитъ въ прежнее состояніе и остается спокойнымъ до новыхъ выборовъ.

Мы описали столицу Соединенныхъ-Штатовъ съ возможною для журнальной статьи полнотою и полнѣйшимъ безпристрастіемъ. Обзоръ этотъ былъ сдѣланъ безъ предвзятой мысли, безъ отношенія къ идеаламъ; мы осматривали ее какъ живую дѣйствительность съ точки зрѣнія однородныхъ реальныхъ фактовъ, съ точки зрѣнія status quo Европы и Америки, *сравнительно*.

Что же мы здѣсь видимъ?

Вашингтонъ—самая молодая столица изъ всѣхъ существующихъ. Ея дѣйствительное начало произошло со времени англійскаго погрома 1814 г., когда она начала собственно расти; слѣдовательно, ей всего 64 года жизни. Для города это очень немного, — менѣе обыкновенной человѣческой жизни. Между тѣмъ, несмотря на такую молодость, мы здѣсь находимъ, что:

Городъ обстроенъ и устроенъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ—въ архитектурномъ, гигиеническомъ, эстетическомъ. Свѣтъ, воздухъ, вода, просторъ—въ изобиліи.

Жители живутъ свѣтло, тепло, просторно, уютно, комфортабельно.

Пьютъ и ѣдятъ сытно, вкусно, здорово и съ аппетитомъ, такъ что у нихъ избы красны и углами и пирогами.

Одѣваются всѣ такъ, какъ въ Европѣ могутъ одѣваться только привилегированные классы, т.-е. какъ прилично to the citizens of the United States of America, между которыми нѣтъ ни бабъ, ни мужиковъ, а только джентльмены и лэди.

Спать мягко, тепло и вдоволь.

Всѣ они народъ зажиточный, имѣютъ не только хлѣбъ насущный, а запасы на черный день.

Имѣютъ много всякаго рода удовольствій и развлеченій, благородныхъ и здоровыхъ, освѣжающихъ физически и нравственно.

Имѣютъ впереди—свѣтлое, безоблачное будущее подъ покровомъ той красавицы, которая стоитъ на вершинѣ Капитолія и съ гордостью смотритъ на твореніе рукъ своихъ. Эта красавица здѣсь свой человѣкъ, она здѣсь всѣмъ родная и только о томъ хлопочетъ, чтобы всѣхъ возвысить до своей божественной красоты.

Обыкновенно человѣка считают счастливымъ, если онъ имѣетъ все необходимое, «хлѣбъ насущный», т.-е. пищу, одежду, жилище.

Жители Вашингтона имѣютъ гораздо болѣе, чѣмъ только «хлѣбъ насущный».

Поэтому не будетъ натяжкой, если мы скажемъ, что жители Вашингтона *сравнительно счастливые люди*.

Да, именно это—счастливые люди.

Ни одна изъ прославленныхъ древнихъ столицъ съ многовѣковой историческою жизнью не можетъ похвалиться развитіемъ такого широкаго благосостоянія по *всѣмъ* слоямъ и классамъ населенія, какъ Вашингтонъ.

Идеалисты могут возразить, что это такъ-называемое «мѣщанское счастье». All right! отвѣтимъ мы на это, пусть мѣщанское; но оно *счастье реальное*, живой фактъ, а не мечта воображенія, и служить вѣрною и прочною опорою къ тому, чтобы послѣдующія поколѣнія могли достигать возможно высшихъ формъ человѣческаго существованія и счастья.

Для нашего времени, времени бурной и великой *сознательной* борьбы за существованіе по всему лицу земли, такіе уголки человѣчества, какъ Вашингтонъ, не болѣе какъ рѣдкіе оазисы. Болѣе тысячи миллионовъ человѣческихъ существъ не только не имѣютъ такого «мѣщанскаго» счастья, а даже не могутъ и мечтать о немъ.

Вс. Миропольскій.

Вашингтонъ.
1878 г.

ПАЛАТА № СТО-ТРЕТІЙ

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Въ маѣ 1873 года, пріятельница моя, Вѣра М., вернулась въ Цюрихъ изъ Давоса, куда ее посылали врачи для поправленія разстроенныхъ легкихъ.

Двадцати-двухъ-лѣтняя дѣвушка, жертва неумолимаго недуга, повидимому, все еще цвѣла самымъ роскошнымъ здоровьемъ. Живая и энергичная, она возбуждала необыкновенную симпатію во всѣхъ, кто сталкивался съ нею—у нея были преданные друзья.

Что касается до меня, то я чрезвычайно любила ее. Все свободное время, которымъ я могла располагать, я проводила съ нею. Вѣра знала, что грозитъ ей уже въ недалекомъ будущемъ, и, несмотря на это, по временамъ все-таки надѣялась и ожидала какого-то чуда спасенія.

— Вы знаете, — говорила она, — сколько чахоточныхъ излечивается. Вѣдь сущій вздоръ, будто чахотка неизлечима: при всѣхъ вскрытіяхъ, на которыхъ я присутствовала, я изучала легкія самымъ старательнымъ образомъ—и что же? чуть не у половины умершихъ находятся слѣды давно прошедшихъ, самую природою вылеченныхъ болѣзней легочной ткани.

По временамъ однако надежда на выздоровленіе уступала мѣсто глубокому отчаянію.

— Я жить хочу, — говорила Вѣра:—я не хочу умирать, понимаете ли вы! я имѣю право жить, какъ живутъ всѣ эти миліоны людей... Вѣдь столько дѣла на свѣтѣ, столько! Я бы въ сто лѣтъ не передѣлала всего, что мнѣ хочется, всего, что я должна сдѣлать...

Она рыдала горько съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ подѣ

конецъ. Я не утѣшала ее, — что я могла сказать ей? Что, вообще, можно говорить въ подобныхъ случаяхъ?

Припадки отчаянія Вѣры проходили, когда наступало утомленіе отъ слезъ.

Иногда она шутила: — Меня утѣшаетъ одно, — говорила она, — что наука до такой тонкости изучила признаки — ну, хоть чахотки: я шагъ за шагомъ слѣжу за своею болѣзнію и нахожу, что все идетъ, дѣйствительно, по писанному. Вотъ теперь тепло, хорошо, и у меня ни грудь не болитъ, ни кашля нѣтъ — иногда развѣ кольнетъ гдѣ-нибудь, да подъ вечеръ лихорадка потреплетъ. А вотъ погодите: пойдутъ осенніе дожди, вздуются ручьи, забурлятъ по горнымъ скатамъ и меня унесутъ съ собою, попомните мое слово.

Осенніе ручьи дѣйствительно унесли ее съ собою. За недѣлю до смерти она отдала мнѣ свои бумаги и книги, говоря:

— Книги читайте, да не слишкомъ много: живая жизнь лучше книгъ. Съ этими тетрадками дѣлайте что знаете; тутъ я записывала что видѣла, что слышала, что думала. Теперь еще просьба: похлопочите, чтобы меня не хоронили на городскомъ кладбищѣ, а гдѣ-нибудь подальше отъ людей; пускай я не буду послѣ смерти причиною порчи воздуха, которымъ дышать здоровые люди, — я такъ возставала при жизни противъ кладбищъ въ чертѣ города. Вотъ вамъ и все мое завѣщаніе. Она засмѣялась, чтобы не заплакать.

Я плакала.

Черезъ недѣлю я проводила ее къ подошвѣ горы Югли. Тамъ, на свѣжемъ загородномъ кладбищѣ, среди зеленѣющихъ полей и садовъ спитъ она мирно, непробуднымъ сномъ, не успѣвъ ни потрудиться, ни побороться съ жизнью, какъ хотѣлось ей свѣжей головѣ и горячему сердцу. Между ея бумагами я нашла множество замѣтокъ, дневникъ, и въ немъ отрывки начатыхъ разсказовъ. Вотъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ, показавшійся мнѣ наиболѣе законченнымъ.

I.

Задумавъ учиться медицинѣ, я должна была распорядиться собою и своимъ временемъ такъ, чтобы достигнуть завѣтной цѣли. Не таяло меня ни въ Вѣну, ни въ Берлинъ, ни въ Парижъ; Петербургъ счумѣлъ поселить во мнѣ такое отвращеніе къ городской жизни, что я содрогалась при одной мысли на четыре-

пять лѣтъ забраться опять въ городъ, да еще и безъ возможности и на лѣто оставлять его, а здоровье мое было слабое; я знала, что въ большинствѣ заграничныхъ университетовъ существуетъ два учебныхъ семестра:—лѣтній и зимній. Мнѣ страстно хотѣлось забраться куда-нибудь въ глушь, въ нѣмецкій, или въ швейцарскій провинціальный городишко: тамъ дышать можно, тамъ тепла и воздуха хватить и на мою долю.

Ну, вотъ я и въ Цюрихѣ. Это было давно.

Цюрихъ встрѣтилъ меня самымъ радушиемъ образомъ. Покинувъ Петербургъ на половину въ снѣгу, на половину въ грязи, я въ Цюрихѣ застала весну въ полномъ разгарѣ: вишни, яблони, черемухи пышно распустились; фіалки, лютики, маргаритки пестрили траву; все въ полѣ и въ лѣсу, охватывающемъ городъ словно поясомъ, зеленѣло, благоухало и пѣло голосами тысячи птицъ, спѣшавшихъ изъ своей южной зимовки на родной сѣверъ. Кругомъ всего, надо всѣмъ высились горы, синѣло небо, а солнце, весеннее солнце обливало и поля, и горы, и лѣсъ, и меня своими теплыми, словно радостными лучами.

Несмотря на усталость отъ дороги, я въ самое же утро приѣзда отправилась въ университетскій ректоратъ и имматрикулировалась—первый шагъ на новомъ поприщѣ былъ сдѣланъ. Но тутъ судьба неожиданно-негаданно сыграла со мною злую шутку: я простудилась, захворала и, вѣсто того, чтобы начать ходить на лекціи, была принуждена пролежать нѣсколько недѣль въ постелѣ съ острымъ воспаленіемъ легкихъ. Нѣсколько оправившись отъ болѣзни, я уѣхала на все лѣто за городъ по строгому приказу лечившаго меня доктора, по имени Крейца.

Станный человѣкъ былъ этотъ д-ръ Крейцъ. Грубоватый и желчный на видъ, при поверхностномъ знакомствѣ, онъ въ послѣдствіи поражалъ глубокою человѣчностью взглядовъ и поступковъ.

— Если вы не согласитесь уѣхать въ деревню и пролѣжнись тамъ три мѣсяца,—сказалъ онъ мнѣ, когда мнѣ стало нѣсколько легче:—то я именемъ самой науки прикажу вамъ совсѣмъ бросить медицину, слышите!

Дѣлать было нечего — я рѣшилась послѣдовать докторскому приказанію и уѣхала въ деревушку Боккенъ, въ кантонъ Гларусъ, въ разстояніи полутора часовъ ѣзды отъ Цюриха. Посѣлившись въ Боккенѣ, я съ наслажденіемъ принялась лѣниться. Съ самаго ранняго утра я уходила изъ дому, захвативъ книгу и холодный завтракъ и забиралась въ поле или въ лѣсъ. Тамъ, выбравъ удобное мѣстечко, я ложилась на травѣ или мху и раскрывала книгу. Но нужно сознаться, что не читалось мнѣ

какъ-то вовсе среди роскошной швейцарской природы, совершенно незнакомой мнѣ, сѣверянкѣ. Все мнѣ было такъ ново, ко всему нужно было сначала привыкнуть. А налюбовавшись величественными красотами швейцарскаго ландшафта, все еще оставалось много дѣла, помимо книги: то, бывало, вслушиваешься въ стройной неумолчный гулъ лѣса, то всматриваешься въ синее небо, проглядывающее кое-гдѣ между вершинами деревьевъ, то слѣдишь за лѣсною жизнью.

А сколько тутъ жизни, сколько разнообразія! Вонъ муравей попошется, вонъ козявка куда-то торопится, вонъ по дереву жуекъ лѣзетъ, вонъ какая-то бабочка трепещетъ крыльями въ кустахъ, — по ошибкѣ видно залетѣла она къ намъ въ чашу и мечется какъ угорѣлая, торопясь выбраться на спускающійся скатомъ вдоль лѣса еще нескошенный лугъ, ярко залитый солнечными лучами.

А то, бросивъ міръ букашекъ, станешь, бывало, наблюдать растения: тутъ фантастическіе папоротники и лопухи, тутъ плющъ, переплетя сначала кусты, лѣзетъ ужъ съ одного дерева на другое, закутавъ мимоходомъ изумрудною зеленью старый полусгнившій пенъ и зацѣпивъ по дорогѣ гибкій молодой дубокъ. Тутъ ви-слица, свѣтлозеленая, свѣженькая, съ нѣжными бѣлыми цвѣтками, ярымъ ковромъ разостлалась подъ старой, мрачной сосной. Тутъ всякіе мхи и травы, о которыхъ я ничего не знаю, — знаю только, что чудно хороши они, и тѣмъ лучше, чѣмъ ближе въ нихъ вглядываешься. И на лугу, и въ полѣ было чѣмъ налюбоваться. Однимъ словомъ, куда ни оглянись, къ чему ни прислушайся, вездѣ жизнь простая, здоровая, самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствующая на больного, усталаго, недовольнаго собою человека. Черезъ мѣсяцъ я была здоровѣе, нежели когда-либо прежде.

Изучивъ сначала ближайшія окрестности Бовкена, я потомъ пустилась въ открытія; я забиралась въ горы, изслѣдовала течение горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, гдѣ это было возможно, и по цѣлымъ часамъ сидѣла на прибрежныхъ камняхъ, вслушиваясь въ серебристый плескъ волнъ, слѣдя за веселыми прыжками форелей и за переливами свѣта и тѣни въ водѣ. Любимымъ моимъ мѣстечкомъ скоро сдѣлался одинъ лѣсной уголокъ. Добраться до него было трудно: приходилось долго продирается сквозь чашу кустовъ колючихъ, переплетенныхъ вьющимися растеніями; приходилось лѣзть на крутой обрывъ и затѣмъ снова пробираться сквозь чашу ежевики и путаницу плюща... Но за то, разъ достигнувъ завѣтнаго уголка, я съ лихвою бывала вознаграждена за всѣ понесенные труды и убытки, въ родѣ царапинъ и вло-

ковъ платья, оставленныхъ на шипахъ и колючкахъ. Представьте себѣ узкую площадку, примыкающую къ нависшему надъ нею огромному камню, — скорѣе даже скалѣ, — съ которой свѣсились плющъ, цвѣтущій шиповникъ и еще какіе-то кусты. Изъ-подъ скалы бьетъ прозрачный, студѣный ключъ и тотчасъ же, на пути своемъ подъ гору, разливается въ узкій, но довольно глубокій бассейнъ, куда, съ одной стороны, глядятся папоротники, съ другой же, гдѣ не такъ тѣнисто, высокіе желтые касатики и кусты незабудокъ. Тутъ-же, вправо отъ скалы, нависнувъ надъ нею и бассейномъ, старый-престарый каштанъ, и рядомъ съ нимъ такой же старецъ-дубъ, а подъ ними — вѣчный сумракъ. Выше, по горѣ, стройные ряды сосенъ, кругомъ непроницаемая стѣна молодыхъ елей и буковъ. Какъ попали сюда дубъ и каштанъ? Жители Боккена рассказываютъ, что ихъ посадилъ какой-то отшельникъ, давно когда-то жившій неподалеку въ пещерѣ. Шагахъ въ пятидесяти выше, дѣйствительно, и теперь еще существуетъ углубленіе въ горномъ скалѣ, скорѣе, впрочемъ, похожее на старую угольную яму, нежели на пещеру. Но очень можетъ быть, что тамъ когда-то и жилъ отшельникъ, — ну, да какое мнѣ до него теперь дѣло.

Открывъ описанное мѣсто, я стала ходить туда чуть не каждый день. Тамъ было такъ тихо, такъ прохладно, даже въ полуденный зной. Тамъ такъ хорошо думалось, такъ сладко мечталось. Разъ какъ-то я пришла туда позже обыкновеннаго, было уже одиннадцать часовъ утра, солнце пекло немилосердно, такъ что я, набѣгавшись въ этотъ день почему-то особенно много, съ наслажденіемъ мечтала о томъ, какъ улягусь подъ старымъ тѣнистымъ дубомъ, какъ окуну лицо и руки въ студѣную влагу и, о прова! съ какимъ аппетитомъ съѣмъ захваченные съ собою сыръ и хлѣбъ и запью ихъ ключевой водой. До этого дня мнѣ никогда не приходилось никого встрѣчать въ моей пустынѣ, — поэтому, распахнувъ кусты и намѣреваясь взобраться на послѣдній уступъ, ведшій къ ней, я даже испугалась, увидавъ тамъ другое живое существо, помимо меня. Но черезъ минуту я забыла испугъ, залюбовавшись на представившуюся моимъ глазамъ картину.

По темнозеленому мху кое-гдѣ играли солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву каштана и дуба; ручей журчалъ; гдѣ-то вблизи трещали кузнечики; изрѣдка перекликались вдали какія-то птицы... а тутъ, передо мною, у самаго ручья спала — дѣвочка? женщина? я не разобрала въ первую минуту. Густыя, золотисто-бѣлокурыя косы, по которымъ кое-гдѣ скользилъ горя-

ий лучъ солнца, разметались. Одна рука свѣсилась надъ водою, другая сжимала пучокъ недавно видно нарванныхъ незабудокъ, кругомъ рассыпалась цѣлая жатва лѣсныхъ цвѣтовъ и травъ. Правильное дѣтское личико—я разсмотрѣла его теперь—выражало такое счастливое спокойствіе, что мнѣ стало завидно, хотя и мнѣ въ то время не приходилось жаловаться ни на какія особенныя печали.

Засмотрѣвшись на спящую, я выпустила изъ рукъ вѣтку, за которую держалась, и скользнула внизъ, причемъ напумѣла и вскрикнула. Дѣвочка проснулась отъ моего возгласа и шума, съ которымъ я скатилась въ кусты, но не закричала, а только съ минуту испуганно глядѣла на меня широко раскрытыми карими глазами, и затѣмъ громко разсмѣялась. Я смѣялась вмѣстѣ съ нею.

— Вы не боятесь засыпать такъ, одна въ лѣсу?

— О, нѣтъ: я здѣсь каждый уголокъ знаю, тутъ совсѣмъ не страшно.

— Однако я никогда не видала васъ въ деревнѣ и никогда не встрѣчала въ лѣсу.

— Я вчера только вернулась къ бабушкѣ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Юліана Миллеръ, а мою бабушку—фрау Миллеръ.

— А меня зовутъ...

— Я знаю, кто вы, вы—русская фрейлейнъ, васъ всѣ въ деревнѣ знаютъ.

Мы болтали еще нѣсколько времени. Юліана рассказала мнѣ, что ей пятнадцать лѣтъ, что годъ тому назадъ ее отвезли въ Лозанну, въ пансіонъ, доучиваться по-французски, а до той поры она жила у бабушки въ Боккенѣ; что на лѣто бабушка беретъ ее опять въ милую, родную деревню; что ей въ Лозаннѣ скучно: тамъ все чужіе люди, а у бабушки отлично,—она хоть и строга, но очень добра,—одно только худо, что бабушка такая печальная, а почему—этого Юліана не знаетъ... Среди этихъ разсказовъ мы съѣли принесенныя мною сыръ и хлѣбъ, напились воды и, наконецъ, рука объ руку спустились въ деревню.

Нечаянно начатое знакомство продолжалось.

Каждый почти день мы встрѣчались съ дѣвушкой у ключа феи Мелюзинны, какъ прозвала его Юліана, знавшая и поэтическую сказку о Мелюзинѣ и видѣвшая фотографіи съ замѣчательныхъ работъ Мориса Швинда. Юліана хорошо пѣла, какъ всѣ швейцарскія дѣти; отъ нея я услышала лучшія народныя пѣсни кантона, отъ нея же научилась понимать областной го-

воръ окрестныхъ деревень, заставлявшій меня невольно вспоминать древній эпосъ о владѣхъ Нибелунговъ. Юліана охотно читала. Многое перечитали мы съ нею въ покойные роздыхи въ лѣсной чащѣ. Я познакомилась и съ бабушкой ея. Фрау Мюллеръ была простая старушка, вдова сельскаго учителя, уроженка другого кантона. Практичная, несомнѣнно добрая и неглупая, она сумѣла расположить къ себѣ большинство жителей деревеньки, помогая чѣмъ и кому могла. Меня только удивляло въ ней то, что, при всей своей добротѣ, она съ внучкой была суха и часто журила ее, повидимому, безъ достаточной причины. На лицо ея иногда набѣгала тѣнь печали и неудовольствія при какомъ-нибудь движеніи или словѣ Юліаны, которыя мнѣ, посторонней наблюдательницѣ, казались вполне естественными въ ребенкѣ.

— Нѣтъ у моей внучки разума и никогда его не будетъ, — говаривала старуха.

Юліана при этомъ надувала губки, иногда даже быстрые слезы скатывались одна за другою по свѣжимъ дѣтскимъ щекамъ, но черезъ минуту все забывалось, и снова раздавались ея звонкія пѣсни или веселый смѣхъ. Самой мнѣ въ Юліанѣ не нравилось то, что она никогда и даже о самыхъ простыхъ вещахъ не умѣла высказать хотя бы дѣтски самостоятельнаго сужденія. То она ссылалась на учителя, то на подругу, то на бабушку, а то и просто говорила: «Man sagt ja!» Она никогда и ни въ чемъ не умѣла поставить на своемъ, что было также одною изъ причинъ неудовольствія старухи, которая, требуя безпрекословнаго повиновенія себѣ, сердилась за недостатокъ самостоятельности у внучки по отношенію къ другимъ.

Ко мнѣ Юліана, повидимому, сильно привязалась. Любознательность и мечтательность ея находили пищу въ знакомствѣ съ новымъ человѣкомъ. Она часто спрашивала меня о многомъ; слушая мои объясненія, личико ея разгоралось; она особенно любила мечтать о томъ, что сдѣлается знаменитою музыкантшею. Музыкальныя способности ея были дѣйствительно замѣчательны. Иногда она рѣшала сдѣлаться учительницей музыки и ѣхать непременно въ Россію. То были славныя, добрыя дѣтскія мечты, которыя, при благоприятныхъ обстоятельствахъ и съ чуточкой энергіи въ самой Юліанѣ, помогли бы ей выбраться изъ обычной рутинной колен, въ которой прозябаетъ швейцарская женщина средняго, да пожалуй и всѣхъ классовъ. Пока швейцарка ребенкомъ ходитъ въ школу, она еще слышитъ и видитъ хоть что-нибудь живое, особенно если попадется порядочный учитель; если же учитель плохъ, то и въ школѣ дѣвочку встрѣчаетъ та же рутинная,

какъ и дома. Попадая съ шести лѣтъ въ школу, дѣвочка посѣщаетъ до двѣнадцати лѣтъ примарную, а если родители захотятъ, то и секундарную школу въ теченіи еще четырехъ лѣтъ. Во многихъ случаяхъ мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ. Посѣщеніе секундарной школы ни для кого не обязательно, хотя и она бесплатна. Рѣдко дѣвушки посѣщаютъ ее болѣе двухъ лѣтъ. Въ послѣдніе два года въ секундарной школѣ проходятся геометрія, алгебра, химія, физика. На что все это будущей хозяйкѣ и матери, разсуждаютъ родители, предназначая каждую дѣвушку непременно для семейной, замужней жизни; да каждая дѣвушка и сама непременно мѣтитъ замужъ. Какъ только школьная жизнь окончена, наступаетъ срокъ конфирмаціи—перваго причастія—послѣ него дѣвушка уже не дитя, она уже не такъ просто обходится съ юношами, бывшими товарищами по школѣ, она уже краснѣетъ при встрѣчѣ съ ними и стыдится тѣхъ, съ кѣмъ за нѣсколько недѣль тому назадъ беззаботно играла въ горѣлки или жмурки. Теперь дѣвушку учатъ шить, стирать, а главное—штопать. Для нея начинается вѣчная погоня за сбереженіемъ гроша—средній классъ Швейцаріи, который я здѣсь, главнымъ образомъ, имѣю въ виду, если и обезпеченъ до известной степени, то все-таки очень небогатъ. Но дѣвушкѣ нужно замужъ, ей нужны наряды, чтобы нравиться молодымъ людямъ, нужно придумать, какъ достать средства для этого, семья же, съ своей стороны, въ состояніи только прокормить дочерей и дать имъ развѣ некрасивое будничное платье. Самыя предприимчивыя изъ молодыхъ швейцарокъ (ѣтихъ, впрочемъ, сравнительно немного) стараются, насколько возможно, дополнить свое образованіе, и мечтаютъ не только о добываніи нарядовъ, но и о томъ, чтобы скопить себѣ приданое деньгами. Для этой цѣли однѣ отправляются гувернантками и учительницами по всему свѣту, другія дѣлаются телеграфистками и почтовыми чиновницами; третьи, наконецъ, поступаютъ въ магазины, въ отели и т. п., или же просто берутъ швейную работу на домъ за баснословно дешевыя цѣны, сбывая заработную плату за предметы женскаго рукодѣлья до крайняго минимума, и вырывая этотъ кусокъ изъ рта настоящей рабочей женщины, жены или дочери рабочаго. Швейцарскія полубарышни могутъ сбывать такимъ образомъ цѣны уже потому, что, живя въ родительскомъ домѣ, въ худшемъ случаѣ имѣютъ у отца и матери кровъ и пищу, и работаютъ, какъ я уже говорила, главнымъ образомъ, потому, что хотятъ получше одѣться и иногда позволить себѣ какую-нибудь небольшую роскошь. Я не хочу сказать, чтобы по ихъ

винѣ только рабочей женщинѣ въ Швейцаріи было такъ плохо — а ей въ Швейцаріи труднѣе пробиться, нежели гдѣ-либо — упомянутый захватъ работы и сбиванье цѣнъ представляютъ только одну изъ тысячи пружиннокъ, какъ играетъ свою роль и конкурренція тюремъ, рабочихъ домовъ, пріютовъ, монастырей и т. п.

Возвращаясь къ швейцарской дѣвушкѣ среднего класса, прибавлю, что если ей удастся выдти замужъ, то она родитъ дѣтей, кормитъ ихъ непременно съ рожь, воспитываетъ такъ же точно, какъ ее самое воспитывали, ведетъ всю жизнь горькую борьбу съ грошею, съ которыми боролись весь свой вѣкъ ея родители, и, умирая, завѣщаетъ дочкѣ и внучкѣ ту же сѣрую дѣятельность хозяйки-германки.

Такая жизнь предстояла и Юліанѣ. Нѣсколько болѣе развитая, нежели подростки ея лѣтъ, благодаря житію между чужими людьми и чтенію, она не легко мирилась со своею будущностью. Богатая фантазія ея не знала удержа, и мнѣ стоило иногда порядочнаго труда вернуть къ дѣйствительности размечтавшагося ребенка. Я боялась за будущность дѣвушки, которая должна была развиться изъ этого мягкаго, какъ воскъ, существа, изъ котораго лѣпи по волѣ — величественную фигуру, полную благородства и красоты, или одну изъ тѣхъ статуэтокъ, отъ которыхъ отворачиваются порядочные люди. Недостатокъ самостоятельности въ Юліанѣ я, впрочемъ, отчасти приписывала молодости, отчасти же и старческому деспотизму бабушки, и надѣялась, что лѣта, а главное, столкновенія съ дѣйствительной жизнью хоть немного укрѣпятъ расплывчатую натуру дѣвушки. Юліана очень любила природу, особенно дороги были ей родныя горы — она иногда подолгу смотрѣла на нихъ и говорила, что они манятъ ее къ себѣ. Въ лѣсу она была какъ дома. Она населяла деревья, луга, ручьи одушевленными существами, получавшими жизнь и образъ въ ея фантазіи. У меня до сихъ поръ какъ-то сохранилось письмо ея, написанное по поводу легкой ссоры между нами, и гдѣ она самымъ сказочнымъ образомъ описываетъ одну изъ нашихъ прогулокъ. Дѣло было такъ: какъ-то гуляя, мы забрались уже слишкомъ далеко въ лѣсъ, заблудились, такъ какъ уже смеркалось, пока мы еще были въ лѣсу, и добрались домой только часамъ къ десяти вечера — усталыя, голодныя, измокшія отъ росы и нагруженныя большими пучками цвѣтовъ и травъ, набранныхъ во время нашего путешествія. Весь вечеръ Юліана почему-то капризничала и надоѣдала мнѣ, увѣряя, что я ее не люблю, что она для меня чужая дѣвочка, которую я терплю около себя только скуки ради... и дальше, въ

томъ же родѣ. Я принимала дѣйствительное участіе въ ней, любила ее, и потому меня раздражило ея ни на чемъ неоснованное недовѣріе. Сначала я отдѣлывалась отъ нея шутками, но, наконецъ, разсердилась и на пути домой была нѣсколько суха съ нею. Мы расстались около дверей дома фрау Мюллеръ, куда я отказалась войти, отговариваясь усталостью.

На другой день хозяйка моя, принося мнѣ утренній кофе, положила рядомъ съ приборомъ письмо, съ улыбкой говоря, что это записка отъ влюбленнаго, «отъ неопаснаго, впрочемъ», прибавила она: «ее принесла Юліана Мюллеръ». Письмо было написано еще полудѣтскимъ почеркомъ, и видно было, что дѣвушка приложила всевозможное стараніе, чтобы написать его чисто и красиво. Вотъ его содержаніе:

«Во всемъ виноваты злые лѣсные человѣчки, гадкіе кобальды! А вѣдь какъ хорошо было въ волшебнo-прекрасномъ лѣсу! Раздумчивыми, прозрачными глазами глядѣли на насъ толпы нѣжныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ, пока мы рука объ руку съ вами шли мимо нихъ въ полусумракѣ лѣсной чащи. Сначала они безмолвно обдавали насъ благоуханіемъ, словно нѣмой лаской, и только слегка колыхались, какъ-бы разступаясь, чтобы дать намъ дорогу. Но вдругъ, о ужасы! они видятъ, что сестры ихъ и братья, блѣднѣя и увядая въ предсмертныхъ мукахъ, цѣлыми пучками привязаны къ нашимъ зонтикамъ. Съ быстротою молніи несется по лѣсу эта печальная вѣсть, шопотомъ, съ содроганіемъ передаютъ ее другъ другу травы, кусты и деревья. Мы не поняли раздававшихся тутъ стоновъ печали, мы приняли ихъ за вечерній шумъ лѣса. Но только-что услышалъ лѣсъ горькую повѣсть, какъ все проснулось, все ожило въ немъ; ночныя бабочки подняли отъ сна комаровъ и мошекъ; травы и кусты зашелестѣли и вступили въ союзъ противъ насъ, злыхъ людей, наложившихъ цѣпи на дѣтей свободной природы. Кобальды и гномы, даже крохотныя русалки маленькаго ручейка, мимо котораго мы проходили, должны были покинуть свои тихія убѣжища, чтобы помочь цвѣтамъ въ мщеніи за своихъ погибшихъ сестеръ. Только большіе степенные буки и старыя дубы остались спокойными зрителями, но и они не могли удержать своихъ болтливыхъ дѣтей — зеленую листву — отъ участія въ хорѣ угрозъ противъ насъ, въ переговорахъ о мщеніи. И лѣсъ рѣшилъ сбить насъ съ пути. Кусты, травы и цвѣты стали переплетать намъ дорогу. Ночныя бабочки, которымъ вы шутливо совѣтовали «лучше спать по ночамъ», хотѣли завлечь насъ въ глухую чащу. Комаръ укусилъ васъ въ кончикъ носа какъ разъ въ то время,

какъ вы перебирались черезъ ручей, держась обѣими руками за прибрежные кусты — негодный зналъ, что въ эту минуту вамъ нечѣмъ отъ него защититься. Ручей, которому все разболтали незабудки и лютики, журчалъ намъ проклятія въ слѣдъ и несъ дальше подъ гору вѣсть о нашей жестокости—его слезы пролились по тропинкамъ и замочили намъ ноги и платья. Мы еще были въ лѣсу, какъ уже вдоль всей опушки часовыми размѣстились свѣтляки, чтобы наблюдать за тѣмъ, куда направятся безсердечныя цвѣтоубійцы. Но — все напрасно: ваша практичность помогла намъ выбраться на настоящую дорогу, и мы вышли невредимы изъ враждебной чащи. Тогда негодующій лѣсъ послалъ намъ въ догонку кобальдовъ, и эти злые карлики украли изъ сердца бѣдной Юліаны чувство дружбы и вѣры, и навѣяли на нее духъ недо вѣрія и сомнѣнія».

Я, конечно, въ то же утро примирилась съ Юліаной и торжественно, хотя и со смѣхомъ, прочла ффрау Мюллеръ описаніе нашей прогулки. Старуха не одобрила «diese Fantastereien», какъ она выразилась. «Живи-ка ты побольше въ настоящемъ мірѣ, а не все въ какихъ-то снахъ», — сухо замѣтила она внучкѣ: а то, пока ты такъ-то мечтаешь, либо тебѣ кто-нибудь голову сниметъ, либо, что еще хуже, тебя кому-нибудь снять заставятъ. А то еще и такъ бываетъ, что и самъ человѣкъ тонетъ, и другихъ съ собою топить».

Старуха никогда не говорила о родителяхъ Юліаны, хотя охотно рассказывала мнѣ о мельчайшихъ подробностяхъ дѣтства внучки, которую она, видимо, любила, несмотря на свою строгость къ ней. Я видѣла, что у старухи лежитъ что-то на душѣ, но не рѣшалась заговорить съ ней объ этомъ, такъ какъ она сама никогда не подавала мнѣ къ этому повода. Подъ конецъ мнѣ таки-удалось узнать хоть отчасти причину старухинаго горя. Случилось это вслѣдствіе одной изъ обычныхъ размолвокъ между бабушкой и внучкой.

Придя какъ-то, чтобы взять Юліану съ собою на прогулку, я застала ее въ слезахъ, а ффрау Мюллеръ сильно взволнованною. При входѣ въ чистенькую деревенскую свѣтелку старухи, я еще у двери услышала, какъ она говорила внучкѣ: «Никогда этого не будетъ—и баста! Слышала!» Когда я вошла, Юліана обратилась ко мнѣ, всхлипывая: «милая фрейлейнъ Вѣра, развѣ я дурная дѣвочка, если хочу хоть разъ увидеть свою маму; бабушка не позволяетъ мнѣ видѣться съ ней, не даетъ даже говорить объ ней. Какъ я могу любить свою маму, если я ее совсѣмъ не знаю,

а вѣдь дѣти должны любить своихъ матерей, и я свою хочу любить—если бы вы знали, какъ мнѣ хочется хоть разъ увидать ее!»

— Тогда ты не вернешься больше ко мнѣ. Пойди въ свою комнату, утри глаза и не плачь больше, и чтобы я не слышала твоихъ неразумныхъ требованій,—рѣзко замѣтила старуха,—я знаю, что дѣлаю, и знаю, что дѣлаю все къ лучшему.

Я была болѣе нежели удивлена, какъ словами фрау Мюллеръ, такъ и полнымъ горечи тономъ, которымъ она ихъ произнесла. По уходѣ дѣвочки старуха обратила ко мнѣ маленькое морщинистое лицо свое, покрытое синеваатою блѣдностью отъ волненія.

— Мать Юліаны погубила моего сына,—страстно и порывисто заговорила она—онъ бы не спился и не умеръ, если бы эта женщина своею испорченностью не довела его до того, что онъ бросилъ работу и сталъ пить, пить, чтобы только забыться, чтобы хоть на время вырваться изъ того ада, въ который она превратила его домъ. О, мой бѣдный Готфридъ, если бы ты не любилъ ее! Если бы у тебя хватило воли прогнать эту тварь отъ себя? Но нѣтъ, если бы у тебя была сильная воля, то ты, несмотря на свою любовь къ ней, оторвался бы отъ нея, или не женился бы на ней, а выбралъ бы себѣ кроткую, честную дѣвушку, которая бы тебя стоила.—Тереза привязала его къ себѣ красивымъ личикомъ, веселостью... Она была кѣльнершей въ большомъ отеле и оставалась тамъ честной дѣвушкой, то-есть не имѣла любовниковъ, потому что хотѣла выдти замужъ, надѣясь сдѣлать изъ мужа ломовую лошадь, которая работала бы безъ отдыха, безъ усталости, для удовлетворенія всѣхъ ея желаній. Проживъ пять лѣтъ въ роскошномъ отеле, Тереза привыкла къ богатой обстановкѣ и къ лакомому вкусу; въ ней развились вкусы, которыхъ не могъ удовлетворить заработокъ моего сына, учителя, какимъ былъ и отецъ его. Бѣдный Готфридъ, онъ такъ любилъ ее... онъ прожилъ съ нею все, что мы ему дали, и сталъ просить еще, дѣлать для нея все что могъ и даже больше... Мы давали, пока могли, но наконецъ мой старикъ—онъ тогда былъ еще живъ, онъ пережилъ сына—сказалъ, что кончено, что нужно что-нибудь и намъ на старость лѣтъ и на воспитаніе Юліаны, которая тогда уже родилась. Тогда Готфридъ сталъ дожидаться. Мы узнали это только позже... намъ онъ все обѣщалъ урезонить Терезу. Потомъ Готфридъ сталъ пить, а тамъ у него сдѣлалась чахотка. Передъ смертью—и умеръ-то онъ въ больницѣ, Боже, Боже!—онъ позвалъ насъ стариковъ къ себѣ и поручилъ намъ взять и воспитать Юліану, боясь, что мать испор-

тить ее. Мы такъ и сдѣлали. Черезъ годъ Тереза вышла замужъ за трактирщика въ Гларусъ; его звали Шнѣбели и про трактиръ его говорили такъ дурно, такъ дурно, что я не рѣшусь даже и повторять того, что мнѣ приходилось слышать. Лѣтъ пять тому назадъ Шнѣбели продалъ трактиръ и переѣхалъ съ женою въ Цюрихъ—я не справлялась, что они тамъ дѣлаютъ, я навѣрно услышала бы мало хорошаго. Юліану я къ матери не пускаю, у Терезы два сына отъ второго мужа, ей дѣвочка не нужна, она никогда объ ней не спрашивается, да и прежде не любила ее—объ ребенкѣ надо было заботиться, надо было на него тратиться, а все это мѣшало Терезѣ жить въ свое удовольствіе—послаще ѣсть и получше одѣваться. Теперь у дѣвочки вдругъ загорѣлось желаніе повидаться съ матерью; она иногда говорила мнѣ объ этомъ и раньше, но я всегда умѣла отговориться то тѣмъ, то другимъ, и Юліана скоро забывала о своей просьбѣ ѣхать въ Цюрихъ. Сегодня же она какъ-то особенно настойчиво потребовала свиданія съ матерью и даже упрекнула меня въ томъ, что я удаляю ее отъ родной семьи. Ей навѣрно наболталъ кто-нибудь вздору въ деревнѣ, праздныхъ кумушекъ вѣдь и у насъ много. Подумайте, что я могла отвѣтить на ея слезы и упреки; не могу же я въ самомъ дѣлѣ рассказать ей про поведеніе Терезы, про ея безсердечность и эгоизмъ. Не могу я сказать ни Юліанѣ, ни вамъ даже о томъ, что говорили про Шнѣбели и Терезу, пока они были въ Гларусѣ. Вѣдь Тереза все-таки мать Юліаны. Мнѣ оставалось одно, именно сказать внучкѣ, что если она съѣздитъ въ Цюрихъ, то окончательно отобьется отъ рукъ и станетъ еще лѣнливѣе; вѣдь вы и сами знаете, что она только книжки читать не лѣнива, а по хозяйству, или такъ для какой-нибудь работы—ничего не стѣдитъ. Этимъ только и могла я кое-какъ отдѣлаться отъ нея. Да, фрейлейнъ Вѣра, тяжело мнѣ, старухѣ, одной, пережившей почти все, что мнѣ было дорого. Простите, что я разболталась такъ о своихъ тяжелыхъ семейныхъ дѣлахъ,—но вы были такъ добры къ Юліанѣ, что я перестала считать васъ чужою.

Мнѣ стоило порядочнаго труда успокоить старуху.

Когда я на другое утро встрѣтилась съ Юліаной, она, по видимому, совершенно забыла вчерашнее—и пѣла, и смѣялась, словно никогда ни о чемъ не помышляла, кромѣ радости существовать незатѣйливою жизнью цвѣтка или птицы. Бѣдная Юліана!

Около этого времени истекли мои льготные, лѣнливые, счастливые три мѣсяца, и я вернулась въ Цюрихъ, а Юліана вскорѣ послѣ моего отъѣзда отправилась въ свой пансіонъ, въ Лозанну.

Разставаясь со мною, она горько плакала и общалась часто и много писать. Сначала она, действительно, писала часто, аккуратно и много, описывая свою пансіонскую жизнь и обстановку до мельчайших подробностей. Изъ писемъ Юліаны я узнала всю подноготную подругъ ея, исторію и характеристику содержательницы пансіона, учителей, прислуги и даже домашней кошки и дворной собаки.

Къ фрау Мюллеръ я иногда по праздникамъ забиралась на цѣлый день. Я ѣздила въ Боккенъ на пароходѣ. Приѣхавъ и проболтавъ часа два со старухой, я съ наслажденіемъ бѣжала поздороваться съ милыми мнѣ полями, лугами и лѣсными убѣжищами. Затѣмъ я возвращалась къ старухѣ, ожидавшей меня съ кофе и цѣлымъ подносомъ домашнихъ печеній, приготовленныхъ ею собственноручно для дорогой гостини, какъ она величала меня. Старуха хворала и скучала, и потому посѣщенія мои всегда доставляли ей удовольствіе.

Между тѣмъ письма Юліаны начали становиться рѣже. Дѣвочка, повидимому, начинала подпадать подъ новыя вліянія и пріобрѣтать новыхъ друзей. Такъ прошла зима и наступила новая весна, которая принесла съ собою для меня ту перемѣну, что, вслѣдствіе семейныхъ дѣлъ, мое присутствіе потребовалось дома, въ Россіи. Дня за два до отъѣзда я поѣхала проститься съ фрау Мюллеръ и застала ее больною въ постелѣ.

— Я собралась умирать, — сказала она мнѣ, — пора-то мнѣ давно, вѣдь мнѣ семьдесятъ восемь лѣтъ, и я умерла бы спокойная и довольная, если бы не мысль о моей дѣвочкѣ. Безъ меня она останется одна одинѣшенька на свѣтѣ, или попадетъ въ руки дрянной матери, что еще въ тысячу разъ хуже.

Старуха показала мнѣ вовсе не такъ плоха, какъ она воображала, и мнѣ удалось нѣсколько успокоить ее. Вернувшись въ Цюрихъ, я написала Юліанѣ о своемъ отъѣздѣ и о болѣзни бабушки и, не дождавшись отвѣта, уѣхала въ Россію. Дѣла задержали меня на родинѣ долѣе, нежели я ожидала, такъ что я пропустила лѣтній семестръ и вернулась въ Швейцарію только въ концѣ сентября, къ началу осенняго. Я тотчасъ по приѣздѣ отправилась въ Боккенъ, но не застала уже старушки Мюллеръ въ живыхъ. Писемъ отъ Юліаны не было; на два моихъ письма въ Лозанну, написанныхъ уже по приѣздѣ, отвѣта не получалось. Я рѣшилась написать самой содержательницѣ пансіона, такъ какъ горячо интересовалась судьбой моей молоденькой пріятельницы. Содержательница пансіона вѣжливымъ письмомъ извѣстила меня, что мать Юліаны, фрау Шнѣбели, взяла дочь къ

себѣ, вскорѣ по смерти бабушки, и отвезла ее въ Женеву, гдѣ помѣстила въ дорогой и модный пансіонъ—адресъ былъ приложенъ. Я опять написала Юліанѣ по новому адресу. Отвѣтъ ея былъ коротокъ, полонъ вѣжливыхъ и любезныхъ фразъ—и болѣе ничего. Все это навѣяло на меня грустное раздумье,—я и прежде знала, что Юліана сангвиничная, слабохарактерная дѣвочка, но не ожидала, чтобы привязанности ея уже такъ быстро охладѣвали. Я не стала писать ей больше, считая это бесполезнымъ.

II.

Между тѣмъ, занятія мои шли своимъ чередомъ. Отъ анатоміи и физиологіи я перешла къ патологіи и терапіи, а тамъ дошла очередь и до посѣщенія больницы, или, какъ выражаются на академическомъ языкѣ, до клиникъ—и тутъ передо мною открылся совершенно новый, незнакомый мнѣ міръ. Масса до того времени невѣдомыхъ впечатлѣній сначала почти подавила меня. Я какъ слѣпой, внезапно прозрѣвшій, не умѣла отдавать себѣ отчета въ томъ, что видѣла. Въ какомъ-то полутуманѣ роились передо мною новыя явленія съ неясными очертаніями, и въ то же время я чувствовала, что за ними еще болѣе неизвѣстнаго и что все это неизвѣстное стройно, цѣльно связано съ тѣмъ, что я уже теперь знаю, что одно стоитъ въ строгой, законной зависимости отъ другого.

Со всею страстію и увлеченіемъ, на которыя я была способна, я предалась изученію и разбору того, что открывалось передо мною. Всѣ часы, когда въ больницу допускаются студенты, я проводила тамъ, изслѣдуя, разспрашивая... Ночи напролетъ отыскивала я въ книгахъ разрѣшенія мучившихъ меня и постоянно возникавшихъ новыхъ вопросовъ. Наконецъ, мнѣ показалось недостаточнымъ посѣщать больницу только въ извѣстные часы, и я стала проситься въ госпитальные ассистенты. Въ Цюрихѣ, какъ и во многихъ заграничныхъ университетскихъ городахъ, помощниками больничныхъ врачей назначаются желающіе занять это мѣсто студенты старшихъ курсовъ. Мнѣ посчастливилось быть назначенной ассистентомъ на женскомъ отдѣленіи, гдѣ директоромъ былъ старый мой знакомый, докторъ Крейцъ. Добиться желаемаго мѣста было довольно трудно, конкурентовъ на этотъ разъ было почему-то еще больше обыкновеннаго; кромѣ этого, препятствіе для меня лично заключалось уже въ томъ, что швейцарцы, при раздатѣ штатныхъ должно-

стей, всегда оказываютъ предпочтеніе своимъ соотечественникамъ передъ иностранцами; я же въ тому была не только иностранка, но еще и женщина. Обстоятельства сложились, однако, благоприятно для меня, и я добилась желаемого.

Какъ только я представилась доктору Крейцу, онъ съ большою готовностію взялся самъ разъяснить мнѣ въ чемъ заключаются мои обязанности: онѣ были несложны, я скоро привыкла къ нимъ, и больничная жизнь потекла для меня правильнымъ чередомъ. Съ семи часовъ утра мы уже забирались въ госпиталь. Крейцъ какъ-то бочкомъ и необыкновенно быстро трусилъ впередъ по корридорамъ въ своемъ старомъ кургузенькомъ сюртукѣ, за который студенты прозвали его «портняжкой», что ужасно сердило меня, готовую видѣть въ немъ какого-то медицинскаго полубога... За Крейцомъ бѣжали ассистентъ его съ мужской половиной и я, во весь опоръ, едва переводя духъ, что къ моему выпшему гнѣву возбуждало притворное и насмѣшливое сожалѣніе въ шовавшихъ по больничнымъ корридорамъ буршахъ и фуксахъ,—но, увы! вызвать ихъ на дуэль за оскорбленіе, я, какъ женщина, не могла, и мнѣ по неволѣ приходилось самой отдѣлываться отъ нихъ болѣе или менѣе удачными остротами. Всѣ эти нападки студентовъ происходили, впрочемъ, «nach gemüthlicher Weise» — больше по добродушной швейцарской шутливости, нежели изъ желанія насмѣхаться.

Войдя въ палату, Крейцъ преображался. Мы забывали и его невзрачную сгорбленную фигуру, и кургузый сюртукъ — въ палатѣ, среди больныхъ, Крейцъ былъ въ своемъ элементѣ: онъ видѣлъ, слышалъ, зналъ и понималъ то, что для насъ, начинающихъ, еще было покрыто полнѣйшимъ мракомъ... Но одинъ вопросъ, одинъ взглядъ нашего руководителя — и мысль инстинктивно направлялась именно туда, куда нужно было — мы начинали видѣть и понимать то, къ чему сами по себѣ были бы и слѣпы, и глухи.

Пока Крейцъ осматривалъ больныхъ, я обязана была записывать его замѣчанія — такимъ образомъ составлялись исторіи болѣзней пациентовъ. Если наканунѣ была приведена новая больная, Крейцъ заставлялъ меня прочитывать вслухъ составленный мною анамнезъ ея, то-есть исторію жизни больной, списанную съ ея словъ.

— Чѣмъ длиннѣе и полнѣе будетъ анамнезъ, — говаривалъ Крейцъ, тѣмъ цѣннѣе онъ для меня. Мнѣ нужно знать не только, чѣмъ хворала раньше больная, я обязана знать, гдѣ и какъ она жила, что и сколько работала, какъ питалась, — по возможности

даже что думала и чувствовала. Заставляйте ихъ рассказывать побольше; изучайте нравственный характеръ человѣка настолько же старательно, какъ и физическій, если не хотите вѣчно бродить въ темнотѣ и играть въ жмурки съ жизнью и ея явленіями. Врачъ долженъ быть психологомъ, иначе я за него двухъ грошей не дамъ. Выучитесь отдѣлять правду отъ лжи въ томъ, что вамъ говорятъ больные,—но помните, что лучше повѣрить и лжи, нежели пропустить безъ вниманія хоть одно слово правды...

Вотъ чему училъ меня Крейцъ.

Иногда онъ бывалъ золъ. Тогда онъ ругался со всѣми, съ сидѣлками, съ студентами, со мной. Это случалось тогда, когда онъ сознавалъ свое человѣческое безсиліе въ виду того или другого явленія природы и жизни. Въ такія минуты, бывало, не подступайся къ нему вовсе, не то обругаетъ зло, обидно, больно за самую малость, за пустякъ какой-нибудь, въ родѣ того, на примѣръ, что недостаточно скоро пишешь подъ его диктовку. А писать подъ его диктовку было такъ же трудно, какъ и поспѣвать за нимъ въ корридорѣ. Не мало сыпалось въ тѣ времена на мою голову Donnerwetter'овъ, Sacrament'овъ и много чего другого, когда Крейцъ бывалъ не въ духѣ. Ругался Крейцъ, впрочемъ, только въ палатѣ или аудиторіи — выходя оттуда въ корридоръ, то-есть возвращаясь къ частной жизни, онъ снова дѣлался благовоспитаннымъ человѣкомъ и вспоминалъ, что я женщина, а не забудыга-студіозусъ, проводящій полъ-дня и полъ-ночи въ кнейпѣ. Сначала я ужасно трусила своего начальника, потомъ, когда я узнала его ближе, то, какъ уже упоминала, стала глубоко уважать. Въ настоящее время воспоминаніе о немъ отчасти миритъ меня съ врачебнымъ сословіемъ,—такъ много было въ этомъ человѣкѣ искренности, простоты и преданности своему дѣлу. Я глубоко благодарна ему за строгость и требовательность ко мнѣ, и думаю, что его руководству буду обязана, если впоследствии сумѣю принести хоть какую-нибудь пользу на свѣтѣ.

Оказывая мнѣ всевозможную помощь совѣтомъ и примѣромъ, Крейцъ никогда не упускалъ случая пошмѣться надъ моею восторженностью и непрактичностью. Я сердилась на него за это и долго держалась съ нимъ официально, какъ вѣжливый и покорный ассистентъ съ шефомъ; но подъ конецъ я перестала негодовать за его насмѣшки, понявъ, что въ сущности онъ бичуетъ вовсе не меня, а то, къ чему я и сама отношусь враждебно и съ отвращеніемъ. Въ настоящее время мы съ нимъ

старше добрые пріатели, однако онъ и теперь иногда подтруниваетъ надъ моимъ идеализмомъ:

— Странные вы люди, русскіе,—говорилъ онъ:—фанатики и дѣти въ одно и то же время. Хотѣлось бы мнѣ прожить сотню, другую лѣтъ, чтобы посмотреть, куда вы придете. Впрочемъ, сознаюсь, условій вашей жизни и вашего развитія я не знаю, поэтому-то вы и представляете для меня своего рода сфинксовъ: либо сумасшедшіе вы поголовно, либо лучшіе въ мірѣ люди.

Эта характеристика относилась уже не ко мнѣ лично, а вообще къ соотечественникамъ, набравшимся въ то время въ Цюрихъ въ достаточномъ количествѣ.

Какъ бы тамъ ни было, но я много и усердно работала подъ руководствомъ учителя моего Крейца. Въ больницѣ мнѣ были поручены четыре палаты, съ двѣнадцатью больными каждая. Дѣло мое состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы слѣдить за ходомъ болѣзни каждой больной и тщательно записывать всѣ подмѣчаемыя явленія въ исторію, куда вносились и замѣчанія доктора Крейца. Мнѣ не приходилось вмѣшиваться въ лечение,—отвѣтственность за него лежала не на мнѣ,—я наблюдала, училась — больше ничего. Это было лучшимъ временемъ моего штудирования.

Одну изъ палатъ, номеръ сто-третій, я получила позже другихъ, вслѣдствіе разныхъ административныхъ распоряженій, о которыхъ здѣсь не стоить распространяться. Палата эта, вмѣщающая больныхъ страшнымъ заразительнымъ недугомъ, всегда заперта на ключъ. Окна ея выходятъ отчасти на задній дворъ больницы, отчасти на глухую улицу. Высокая красивая сидѣлка, лѣтъ тридцати, съ лицомъ рѣдко освѣщаемымъ улыбкой, встрѣчаетъ и посѣтителя, и студента, и врача. Не отходя отъ нихъ ни на шагъ, сопровождаетъ она ихъ по палатѣ. Въ палатѣ смѣхъ и брань, веселье и слезы, иногда драка...

Вотъ какою знала я палату номеръ сто-третій.

— Вамъ поручаютъ по моей пресѣбѣ сто-третій номеръ,—сказала мнѣ въ одно утро Крейцъ:—смотрите же, не ударьте лицомъ въ грязь, студентамъ тамъ обыкновенно не счастливится; рѣдко кто изъ нихъ уживался съ больными долѣ мѣсяца.

У меня дрогнуло сердце.—Ничего, я попытаюсь,—отвѣтила я:—пойдемте туда.

Пока мы шли торопливо по длинному больничному корридору, ведущему къ сто-третьему номеру, гдѣ я уже не разъ бывала съ «клиникою», я припоминала эти посѣщенія, совершавшіяся прежде подъ предводительствомъ профессора внутреннихъ

болѣзней Б—а. Посѣщенія эти были не таковы, чтобы разсѣять отвращеніе, внушаемое большинству студентовъ названною палатою. Толпою вваливались мы въ помѣщеніе слишкомъ тѣсное для всѣхъ насъ. Профессоръ становился у операціоннаго стола, слушатели размѣщались, гдѣ попало, влѣзали на стулья, кровати, подоконники... Профессоръ доцировалъ, оперировалъ и острилъ надъ больными,—острилъ иногда нагло, безнаказанно... —Го-го-го! раздавался лошадинымъ ржаньемъ раскатыстый хохотъ здоровыхъ, сытыхъ молодцовъ-слушателей. Больные плакали. Теперь по тому же предмету лекціи читаетъ докторъ Крейцъ; но это человѣкъ другого закала, человѣкъ глубоко задумывающійся надъ жизненными явленіями.

Пока я такъ соображала да вспоминала, содрагаясь, мы очутились съ Крейцомъ у палатной двери. Онъ звонитъ—дверь открывается. — «Guten Tag, Herr Doctor», говоритъ сидѣлка, окидывая насъ степеннымъ и ласковымъ взглядомъ. «Gut' Tag» бормочетъ Крейцъ, не договаривая словъ. Мы въ прихожей—въ палатѣ шумно. Сердце мое усиленно бьется,—еще шагъ—и мы вошли. Въ палату ярко свѣтитъ солнце; какая-то фигура въ неудобно описываемомъ костюмѣ съ визгомъ скрывается въ комнату сидѣлки; другая бросается на кровать и съ головою уходитъ подъ одѣяло. «Gud Dag, Herr Dogdor», гнуситъ рядомъ съ нами старуха съ чулкомъ въ рукахъ.—О, Боже! какая ужасная старуха! Морозъ пробѣгаетъ у меня по спинѣ. Я здѣсь теперь не съ «клиникою». Моя мысль обращена главнымъ образомъ не на то, что скажетъ профессоръ: я съ болѣзненнымъ вниманіемъ всматриваюсь въ страшныя явленія, которыя окружаютъ меня нагія, не разуукрашенныя научными терминами, а вопіющія своею наготой, своимъ безобразіемъ.

Направо совсѣмъ еще дѣвочка, ей навѣрно едва шестнадцать лѣтъ. Вонъ стройная красавица, косы вѣнцомъ лежатъ на гордой, нѣсколько закинутой назадъ головѣ; она снисходительно улыбается и подходит на зовъ доктора съ такимъ видомъ, какъ будто бы ему же оказываетъ милость. Налѣво хихикаетъ быстроглазая брюнетка; передъ нами присѣдаетъ зараженная пяти-лѣтняя дѣвочка, баюкающая тряпичную куклу... И на всѣхъ нихъ, и на старухѣ, и на ребенкѣ, тяжелый недугъ наложилъ, или наложить, неизгладимые слѣды свои. А на этихъ красавицахъ дѣвушкахъ, цвѣтущихъ, повидимому, такимъ пышнымъ здоровьемъ, наложена еще и другая печать, печать отверженья, заставляющая людей отвергиваться отъ нихъ или глубоко сожалѣть ихъ... Мнѣ дѣлается душно: я чувствую, что сейчасъ заплачу, глупо, по-

дѣтски — нѣтъ, ни за что!.. Я отхожу къ окну и высовываюсь изъ него, чтобы скрыть лицо свое отъ присутствующихъ... Горячимъ лѣтомъ пышетъ изъ окна; птицы чирикаютъ на кустахъ цвѣтущей жимолости, перевѣсившихся за ограду садовыхъ стѣнъ, тянущихся вдоль пустынной улицы, на которую выходитъ окно; вдали раздается серебристый дѣтскій смѣхъ; откуда-то несутся отголоски задушевной народной пѣсни... Крейцъ изслѣдуетъ, жжетъ, рѣжетъ, толкуетъ... я ничего не слышу, мнѣ нужно вонъ, вонъ изъ этого ада! Я боюсь дотронуться до чего-нибудь, боюсь дышать этимъ зараженнымъ воздухомъ. Мари! — сивозъ какое-то забытье слышу я голосъ Крейца, обращающагося къ сидѣлкѣ: «съ сегодняшняго дня этой фрейлейнъ поручается палата». Я смутно понимаю, что рѣчь идетъ обо мнѣ, и начинаю отрешиваться. Больныя съ любопытствомъ оглядываютъ меня; слышны полусдержанный смѣхъ, полугромкія замѣчанія, умолкающія при одномъ взглядѣ Крейца.

Наконецъ мы вышли. «Ну что?» усмѣхается Крейцъ.

Усмѣшка его, задѣвъ мое самолюбіе, вернула энергію, упавшую на минуту. Я вдохнула воздухъ всѣми своими легкими и спокойно отвѣтила: «Ничего, я попробую».

День потянулся за днемъ — обычной, правильной чередой. Обойдя другія палаты, я приходила въ сто-третій номеръ. Я скоро перестала бояться дотрогиваться не только до вещей въ палатѣ, но и до самихъ больныхъ. Меня стращали: «погодите, васъ тамъ прибьютъ или испарапаютъ». Но меня не били и не царапали, я даже дерзкаго слова не слышала во все время моего семимѣсячнаго ассистентства въ палатѣ номеръ сто-третій. Въ другихъ залахъ еще иногда приходилось слышать претензіи, унимать капризы — здѣсь никогда. Между собою больныя ссорились, дѣло даже иногда доходило до рукопашной, — но одного слова было достаточно, чтобы унять ихъ. Мнѣ только одинъ разъ и пришлось сдѣлать то, что въ собственномъ смыслѣ слова называется выговоромъ — за то, ужъ хорошенько не припомню. Почему все такъ мирно было въ мое время — не знаю, — думаю, однако, что всѣ эти несчастныя чувствовали, какъ я глубоко сожалѣю о нихъ, какъ люблю ихъ. Да, именно люблю. Все мое жгучее состраданіе къ нимъ превратилось въ теплое чувство любви. Я полюбила говорить съ ними: я жадно, настойчиво доискивалась въ нихъ сторонъ человѣческихъ. Замѣтательно, что глупыхъ и злыхъ между этими женщинами я не встрѣчала вовсе; если онѣ ругались и даже дрались между собою, то это случилось всегда вслѣдствіе какого-нибудь мимолетнаго раздраженія,

съ которымъ, конечно, ни одна изъ нихъ справляться не умѣла. Измѣнялось настроеніе—и только-что дравшіяся уже дружелюбно разговаривали между собою, смѣялись и пѣли вмѣстѣ.

По утрамъ, какъ уже упомянуто, мы съ Крейцомъ обходили всѣ палаты; послѣ обѣда—вся Швейцарія обѣдаетъ въ дѣвнадцать часовъ—я снова приходила въ больницу, чтобы составлять исторіи болѣзней. Если мнѣ случалось зайти въ сто-третій нумеръ въ три часа, то я заставляла своихъ пациентовъ пьющими кофе за тѣмъ столомъ, гдѣ я обыкновенно писала. Какъ только я показывалась въ палатѣ, полдничавшіе вскакивали съ мѣстъ,—въ одну минуту все бывало убрано, чернила и перья установлены на мѣсто, тетради вынуты изъ ящика и разложены по чистовытертому столу. Замѣчу, что я никогда не высказывала ни малѣйшаго требованія чего-либо подобнаго. «Это чудо», говорила сидѣлка, «онѣ вѣдь и доктора Крейца всегда нарочно ждать заставляютъ, зная, что онѣ не прогонитъ ихъ изъ-за полдника».

Но развѣ Крейцъ выказывалъ бѣднягамъ столько участія, какъ я; да и по положенію своему онѣ далеко не могъ быть столько же ласковымъ съ ними какъ я, женщина-врачъ. Его поступки могли бы быть истолкованы больными въ самую невыгодную сторону, чего по отношенію ко мнѣ не могло случиться. А я дѣйствительно ласково обходилась съ больными—не только снисходительно:—съ ними всего можно было добиться, улыбнувшись одной, погладивъ по щекѣ другую, сказавъ доброе слово третьей. Я поступала такъ и изъ принципа, и потому, что жалѣла—любила ихъ. Марі, сидѣлка, была съ ними нѣсколько строже: ей приходилось все свое время проводить въ палатѣ, и она боялась потерять свой авторитетъ. Марі была не глупая, довольно начитанная и очень серьезная дѣвушка; она принадлежала въ рабочему классу. «Онѣ больше, нежели звѣри, и меньше, нежели люди», говорила она мнѣ про вѣрренныхъ ей женщинъ. «Нѣтъ», отвѣчала я ей: «онѣ люди, но болѣе нежели несчастны».

Большинство больныхъ этихъ были не швейцарки, а француженки и нѣмки, и, главнымъ образомъ, католички. Встрѣчались и итальянки, но наибольшій контингентъ доставлялся безспорно Виртембергомъ и Баденомъ. Особенно жалки были баденскія нѣмки. Обыкновенно очень молодыя дѣвушки, изъ семействъ обремененныхъ дѣтьми, онѣ пріѣзжали и приходили въ Швейцарію въ надеждѣ найти здѣсь заработокъ, какъ кельнерши въ отеляхъ и трактирахъ, какъ няньки и горничныя. Судьба болѣею частію зло смѣшалась надъ бѣднягами: общая ихъ участь была—попасть въ концѣ-концовъ въ палату нумеръ сто-третій.

Сколько исторій насилія, обмана, систематическаго развращенія пришлось мнѣ выслушать, составляя анамнезы ихъ. Каждый анализъ, каждая исторія жизни и болѣзни въ номерѣ сто-третьемъ — драма, глубокая, раздирающая душу — и трагизмъ ея заключается именно въ несложности, въ простотѣ завязки и развязки. Это настоящая трагедія древности, гдѣ неизбежный рокъ-фатумъ ведетъ героя по впередъ предназначенному пути, и какъ ни вертись герой, онъ будетъ непремѣнно тамъ, куда судьба его влечетъ. Вотъ оно горе-вѣстчашіе нашихъ древнихъ былинъ, преслѣдующее юношу и дѣвицу и въ морѣ, и въ поднебесьи. Но что же такое этотъ фатумъ, какъ не жѣлезные тиски бѣдности, невѣжества, наслѣдственности болѣзней физическихъ и нравственныхъ. Чтобы убедиться въ этомъ, познайомимся хоть съ исторіею жизни тѣхъ пациентовъ, которыхъ я узнала въ первую недѣлю моего ассистентства. Что дѣлали онѣ, какъ жили эти человѣческія существа? Что могло заставить ихъ отдать на поруганіе и свое тѣло, и свою чистую до того времени душу? Я какъ сейчасъ вижу передъ собою Луизу Барръ, шестнадцатилѣтнюю дѣвушку изъ Бадена. Черные кудрявые волосы и темные глаза ея напоминали скорѣе итальянскій, нежели нѣмецкій типъ; она была сухощава и быстра въ рѣчахъ и движеніяхъ; въ ней никто не могъ бы заподозрить аристократичной нѣмецкой крови. Запертая въ сто-третьемъ номерѣ, она напоминала собою синицу въ клеткѣ. Синица — хищная птичка. У меня была какъ-то синица; она нѣсколько времени мирно жила въ клеткѣ съ другими птицами, но вдругъ на нее напалъ припадокъ кровожадной ярости: она напала на другихъ птицъ, проклевывала имъ головы, сожрала мозги и околѣла. На Луизу также по временамъ находили припадки бѣшенства: она тогда клала себя, свою мать, своего будущаго ребенка, — кричала, что убьетъ и ребенка, и мать, и себя. «Зачѣмъ отослала она меня изъ дому», кричала она и рыдала, и билась, «если бы я осталась въ нашей деревнѣ, то не была бы здѣсь, не была бы тѣмъ, чѣмъ я стала!» Припадки отчаянія Луизы обыкновенно оканчивались обмороками. Если съ ней обходились строго, она доходила до иступленія; а можно было успокоить только тихой лаской. Она выросла въ деревенской глуши, въ большой, вѣчно голодной семьѣ, гдѣ думали не о развитіи въ ребенкѣ нравственныхъ истинностей, а о томъ, чтобы хоть съ грѣхомъ пополамъ выкормить вучу ребятъ, вѣчно конючившихъ о хлѣбѣ, точно на зло, зная, что его мало или даже вовсе нѣтъ. Когда Луизѣ минуло пятнадцать лѣтъ, мать сказала ей: «Тебѣ пора теперь самой зарабатывать хлѣбъ, иди!» Куда идти? Подвернулася подруга,

тоже голодная, тоже безъ крова, слышавшая, что есть гдѣ-то на свѣтѣ городъ Цюрихъ, гдѣ будто-бы люди ѣдятъ до-сыта, — и пошли бѣдные дикарки искать этотъ благословенный край. Шли долго, по дорогѣ питаясь милостыней; наконецъ добрались и до Цюриха. Здѣсь онѣ перваго встрѣчнаго на улицѣ спросили, гдѣ можно найти мѣсто. Встрѣчный былъ случайно порядочный человѣкъ, онѣ не воспользовались ихъ неопытностью, а отрекомендовали ихъ въ судомойни содержателю второстепеннаго трактира, куда иногда заходилъ выпить пива. Ни у той, ни у другой изъ дѣвушекъ не было ни бѣлья, ни платья, кромѣ того, что было на нихъ надѣто. Жалованье имъ положили на смѣхъ малое — имъ было все равно, онѣ были рады, что попали въ тепло и могутъ теперь наѣдаться до-сыта. Красота Луизы, которую не скрывали ни грязь, ни лохмотья, приглянулась хозяину трактира. Кончилось тѣмъ, что хозяйка, возмущенная дурнымъ поведеніемъ служанки, прогнала ее, избивъ по щекамъ и по чему попало и не отдавъ при этомъ и зажитыхъ дѣвушкою денегъ. Жаловаться въ судъ Луиза не пошла, счастливая, что ее самое не засадили въ тюрьму, какъ страдала хозяйка. Теперь для нея начались скитанія и голодъ хуже стараго. Мнѣ она на-отрѣзъ отказалась рассказывать о томъ, что ей пришлось вытерпѣть въ полгода безпріютнаго житья между всевозможными подонками общества. Совершенною случайностью было то, что она не попала въ домъ терпимости; были времена, когда она съ радостью пошла бы туда, если бы знала, что такія мѣста существуютъ. Наконецъ, она заболѣла. Полиція подобрала ее измокшую и плачущую въ темную ненастную ночь на скамейкѣ городского сада. Ее свели въ полицейскій постъ, освидѣтельствовали и, найдя больною, прислали въ кантональный госпиталь. Жаль было смотрѣть на это несчастное существо, худое, грязное, съ всклокоченными волосами и покрытое вонючими лохмотьями. Сначала она не отвѣчала ни на какіе вопросы, а молча поворачивала всѣмъ спину; если настаивали — она ругалась и плевалась. Мало-по-малу Марі приручила ее. Такова краткая, но ужасная исторія Луизы.

По поводу этой дѣвушки я познакомилась съ госпитальнымъ пасторомъ. Онъ навѣщалъ Луизу, какъ и другихъ больныхъ и давалъ ей книги. Читать она научилась уже въ больницѣ, у сидѣлки — способностями природа не обидѣла ее. Меня удивляло, что между книгами, которыя пасторъ Брандербъ привозилъ, не было ни одной духовной; я ожидала, что онъ, какъ священникъ, будетъ заботиться, главнымъ образомъ, о религіозномъ развитіи Луизы, не имѣвшей ни малѣйшаго понятія о Богѣ. Вотъ что

сказалъ мнѣ пасторъ, когда я завела съ нимъ рѣчь объ этомъ предметѣ.

— Религія есть высшее проявленіе нравственной и умственной жизни человѣка. Я былъ бы не уменъ, если бы сталъ говорить съ дикаремъ безъ всякой подготовки о высокихъ нравственныхъ идеалахъ христіанства. Въ Луизѣ нужно прежде всего пробудить сознаніе ея человѣческаго достоинства. Знаете ли вы, почему вообще не удаются пріюты для падшихъ женщинъ: именно потому, что ихъ тамъ прямо обставляютъ всякими религіозными чтеніями и преніями. Несчастнымъ женщинамъ дѣлается отъ этого невыносимо скучно, такъ какъ все, что имъ говорить и читаютъ, китайская грамота для нихъ. Вчера юнгферъ Грюнарь (начальница одного изъ подобныхъ филантропическихъ заведеній) увезла съ собою Матильду (Матильда была та высокая красавица, о которой я упоминала, описывая первое утро моего ассистентства въ сто-третьемъ номерѣ)—я пари держу, что она убѣжитъ отъ нея не позже, какъ черезъ нѣсколько дней.

Пасторъ Брандеръ принадлежалъ къ той школѣ швейцарскаго реформатскаго духовенства, которая иногда доходила до чтенія лекцій по скотоводству и земледѣлію вмѣсто проповѣдей, во время богослуженія. Въ больницѣ пастора Брандера очень любили. Онъ и жена его помогали больнымъ, чѣмъ могли, нравственно и матеріально.

Слова его, сказанныя по поводу Матильды, вполне оправдались: она сбѣжала изъ пріюта на третій день.

А вотъ ея «исторія», записанная въ больничную тетрадь подъ заглавіемъ: Матильда Тродельманъ, 22-хъ лѣтъ, Виртембергъ, католичка; слѣдуетъ адресъ хозяйки того «дома», гдѣ она содержалась.

Матильда весьма красива. Блѣлокурныя косы образуютъ вѣнецъ на ея головѣ; движенія ея плавны и спокойны. Она по цѣлымъ днямъ можетъ невозмутимо работать или читать; но иногда на нее находитъ припадки буйной веселости, странно противорѣчащія ея, повидимому, спокойной природѣ; точно живая энергія медленно накапливается въ ней, чтобы, наконецъ, прорваться безъ удержа. Матильда работала на мануфактурѣ для размотки шёлка, гдѣ съ нею сошелся одинъ изъ привазчиковъ; сначала онъ обѣщалъ ей жениться, но потомъ началъ, какъ она выражалась: «оглупивать». Несмотря на это, дѣвушка не разрывала съ нимъ связи, которая была единственно свѣтлою стороной ея будничной, трудовой жизни. Семья ея была далеко; Матильда, также какъ и Луиза, должна была оставить семью,

чтобы гдѣ-нибудь на чужбинѣ найти возможность просуществовать. Находясь на фабрикѣ лѣтомъ съ шести, зимою съ семи часовъ утра и до восьми часовъ вечера, она, по натурѣ работавшая, трудилась болѣе, нежели добросовѣстно, — трудилась до того, что у нея мутило въ глазахъ и нѣмѣли руки и ноги, — работа производится стоя, — и все это за два франка въ день, за возможность жить на холодномъ чердакѣ и питаться кофе и картофелемъ. Возвращаясь домой съ костями, ноющими отъ нечеловѣческой бессмысленной двѣнадцати-часовой работы (два часа въ день изъ четырнадцати, проводимыхъ на фабрикѣ, даются на обѣдъ и отдыхъ), Матильда должна была еще шить и стирать на себя, какъ это дѣлаютъ всѣ работницы — на два франка въ день еле просуществоешь, гдѣ уже тутъ платить прачкѣ и портнихѣ!.. Чердакъ, на которомъ жила дѣвушка, не могъ отопляться даже и зимою — печи не было; но если бы она и была, то это было бы все-равно, потому что не на что было покупать топлива. А Матильда была еще одною изъ счастливыхъ. Два франка въ день за размотку шелка представляютъ цифру, до которой немногія доходятъ: сорокъ, сорокъ-одинъ франкъ въ мѣсяцъ — вотъ максимумъ заработной платы для мотальщицъ; проживи на это взрослый, да еще истощенный непосильнымъ трудомъ человѣкъ! Благодаря своей связи съ приказчикомъ, дѣвушка была избавлена отъ придирокъ при приѣмѣ шелка; ей давались хорошіе, не особенно запутанные мотки, не вредные цвѣта. Да, она была еще одною изъ привилегированныхъ. Воскресенья она ждала какъ луча свѣта и свободы — молодость давала знать себя. Въ воскресенье Матильда гуляла съ своимъ *Liebschen* гдѣ-нибудь за городомъ, по полямъ и лѣсамъ; иногда они отправлялись на сосѣдній деревенскій праздникъ, гдѣ можно было натанцовать до упаду, послушать музыки и самой попойть вдоволь... Дѣла шли такимъ образомъ съ годъ, какъ вдругъ приказчикъ, не предупредивъ Матильды, даже не простясь съ нею, переѣхалъ на другую фабрику, гдѣ вскорѣ женился на дочери хозяина. Матильда впала въ страшное отчаяніе. Не говоря уже о привязанности ея къ этому человѣку, она въ немъ сразу лишилась всего, что хоть сколько-нибудь красило ея безцвѣтную жизнь. Она захворала. Выздоровѣвъ и вернувшись на фабрику, она стала работать уже не такъ хорошо, какъ прежде: охоты не было, впереди видѣлись только однообразныя недѣли, мѣсяцы, годы... Ей сбавили плату; изъ лучшихъ работницъ она пошла въ число второстепенныхъ. Подвернулась ссора съ надсмотрщи-

пей, и Матильдѣ отказали—вѣдь на ея мѣсто уже было столько желающихъ, столько голодныхъ.

Дальше старая исторія: голодъ, холодъ, нужда... и въ то же время настойчивыя требованія молодой здоровой натуры, жаждущей своей доли счастья, разгула, веселья... Матильда быстро покатила подъ гору—и такъ докатилась до нашей палаты, а отъ насъ въ пріютъ, изъ котораго, какъ я упоминала, она скоро ушла. Дней черезъ десять послѣ бѣгства, полиція накрыла ее въ загородномъ трактирѣ, на веселой пирушкѣ съ нѣсколькими почтенными негоціантами города Цюриха. Ее арестовали и отправили за границу кантона, какъ вообще дѣлается по отношенію къ бродягамъ и всѣмъ иностранцамъ безъ легальнаго ремесла и средствъ къ жизни. Проституція запрещена въ Цюрихѣ—въ чертѣ города. Бродягъ же ловятъ и въ чертѣ, и за чертою; впрочемъ, бродяга-женщина всегда можетъ найти себѣ пріютъ въ домѣ терпимости, и тогда ее изъ кантона больше не гонять: она уже не бродяга, а личность съ ремесломъ легальнымъ для всѣхъ мѣстностей, лежащихъ за чертою города. Кантонъ далеко не столь цѣломудренъ, какъ городъ, и поѣтому предмѣстья Цюриха, зависяція не отъ городской, а отъ кантональной юрисдикціи, кипятъ притонами разврата, гдѣ губятся лучшія женщины рабочаго класса, пришедшія на заработки изъ-за границы. Я говорю «лучшія»—потому, что сѣти разставляются именно для самыхъ красивыхъ, здоровыхъ и интеллигентныхъ. При этомъ молодыхъ неопытныхъ дѣвушекъ не только увлекаютъ и заманиваютъ—иногда употребляется прямое насиліе, противъ котораго деревенская, ничего незнающая дикарка ничѣмъ не можетъ защититься, тѣмъ болѣе, что находится на чужой сторонѣ.

Изъ числа моихъ больныхъ были такіе, которые благословляли свою болѣзнь, давнюю имъ возможность вырваться изъ ненавистнаго рабства.

Особенно памятна мнѣ исторія одной дѣвушки, которую я не застала въ палатѣ, но видѣла, когда она впослѣдствіи приходила въ гости къ сидѣлѣ. Она была сирота и жила съ бѣгства въ деревенькѣ, неподалеку отъ Цюриха, у старой родственницы, которая, накутивъ заботами о ней, да и по бѣдности, рѣшилась отослать Верену куда-нибудь на мѣсто въ услуженье. Старуха толковала о своемъ намѣреніи съ вѣчнымъ вѣстрѣчнымъ, спрашивая совѣта въ лавочкѣ, у сосѣда трактирщика, у всякаго однимъ словомъ, съ кѣмъ ни приходилось ей вѣстрѣчаться. Скоро вся деревня узнала, что Верена ищетъ мѣста въ отъѣздъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, незнакомый, хорошо одѣтый госпо-

днѣ, явился къ старухѣ въ сопровожденіи трактирщика и объяснилъ ей, что ищетъ какую-нибудь скромную дѣвицу, которую желалъ бы помѣстить въ услуженіе къ сестрѣ своей, содержательницѣ пансіона для дѣвицъ во французской Швейцаріи. Верена очень обрадовалась, тѣмъ болѣе, что наниматель надблалъ ей самыхъ щедрыхъ обѣщаній и настаивалъ на томъ, какъ скоро и легко она выучится французскому языку, живя у его сестры. Черезъ нѣсколько дней Верена очутилась въ окрестностяхъ Женевы въ «адскомъ» пансіонѣ. Ни слезы, ни просьбы дѣвушки не помогли—ее не выпустили изъ вертепа, въ который заманили обманомъ. Голодъ, побои, наконецъ примѣшанныя въ пищу различныя снадобья довели ее до повиновенія. Повиновалась она съ отчаяніемъ въ душѣ, изыскивая средства уже не бѣжать, а лишиться себя жизни. Но и это не могло удасться ей, такъ какъ за нею постоянно наблюдали—то подружки, то посѣтители. Разъ въ числѣ посѣтителей Верена увидала своего брата, забубеннаго комми-воажера. Съ крикомъ: «спаси, спаси меня!» бросилась она къ нему. Братъ побѣжалъ за полиціей, но когда онъ вернулся, Верены уже не нашли: ее успѣли отправить и скрыть въ другомъ домѣ. Потомъ ее отвезли въ Цюрихъ, гдѣ она заболѣла и поступила въ кантональную больницу. Она была католичка, фанатически религіозная. Сидѣлка, обратившая на нее особенное вниманіе вслѣдствіе ея молчаливости и грустнаго вида, очень удивилась, увидавъ ее молящеюся. Въ палатѣ номеръ сто-третій молитвы не часты. Мари переговорила съ пасторомъ Брандеромъ о Веренѣ, и тотъ посѣтилъ дѣвушку. Побесѣдовавъ съ нею и узнавъ, что она католичка, этотъ честный человѣкъ тѣмъ не менѣе продолжалъ навѣщать ее такъ же, какъ если бы она принадлежала къ его законной паствѣ. Верена, благодарная за его участіе, и не просила о присылкѣ ей католическаго патера. Жена пастора также стала навѣщать больную. Несчастная ожива душевно и тѣлесно; къ счастью, ея болѣзнь была такого рода, что полное выздоровленіе было возможно. Выйдя изъ больницы, Верена поступила на мѣсто, куда ее рекомендовала фрау пасторша, и хозяева очень полюбили ее. Верена часто заходила навѣщать Мари и съ своей стороны не могла нахвалиться хозяевами. Мари не можетъ говорить о ней безъ того, чтобы не прослезиться. Пасторъ и жена его иногда берутъ дѣвушку на воскресеніе къ себѣ и очень ее любятъ. Верена была одною изъ тѣхъ, которыя благословляли свою болѣзнь.

Къ сожалѣнію, обстоятельства складываются такъ благопріятно не для всѣхъ. Хотя хозяева и хозяйки «домовъ» не имѣютъ

права силою закона возвратить оставившую ихъ домъ дѣвушку, однако въ тюрьму ее засадить могутъ, если она имъ должна и они отъ нея имѣютъ росписку. О томъ же, чтобы имѣть подобныя росписки, всѣ хозяева заботятся заблаговременно. Конечно, дѣвушка можетъ выплатить долгъ, если у нея есть деньги—но вѣдь денегъ-то и не бываетъ, иначе не было бы и падшихъ дѣвушекъ. Если дѣвушка ничего не должна, — что почти неслышанно—она и тогда можетъ вырваться изъ засосавшаго ее омута только попадая въ больницу, или же при помощи хитрости: добровольно ее никогда не выпускаютъ, особенно если она молода и красива. Эти «дома» своего рода тюрьмы, гдѣ бдительные часовые охраняютъ двери, а на окнахъ висятъ замки—это такъ въ Швейцаріи; изъ дому ненадежныхъ жилищъ никогда не выпускаютъ безъ вѣрнаго провожатаго. Вертепы эти вступили въ Швейцаріи и Германіи въ настоящій международный союзъ: содержатели ихъ пересылаютъ другъ другу «товаръ» по мѣрѣ силъ и возможности туда, куда онъ требуется. Если какая-нибудь дѣвушка начинаетъ скучать, — случается, что инны отъ тоски даже хвораютъ—ее посылаютъ для развлечения въ притонъ, находящійся въ другомъ городѣ. Если дѣвушка старѣется и дурнѣетъ, ее передаютъ въ болѣе дешевое мѣсто. Если содержатель дешеваго дома добудетъ хорошій, красивый, свѣжій, молодой «товаръ», то продаетъ его за дорогую цѣну болѣе состоятельному торговцу. Однимъ словомъ, идетъ правильно-организованная коммерческая операція.

Замѣчательно, что какъ бы низко ни пала самая послѣдняя женщина, она никогда не смотритъ на свое ремесло, какъ на что-нибудь находящееся въ порядкѣ вещей. Для нея это всегда тяжелое бремя, котораго она не сбрасываетъ только вслѣдствіе давленія постороннихъ обстоятельствъ, — вслѣдствіе собственной слабости, мѣняющей ей бороться съ этими обстоятельствами.

— Что я буду дѣлать, если и уйду оттуда?—говорили мнѣ нѣкоторые изъ моихъ больныхъ:—работать я разучилась, у меня множество потребностей, которыхъ я не въ состояніи удовлетворить на деньги, получаемыя за плохо оплачиваемый женскій трудъ. И почти каждая ждетъ чего-то, какого-то *deus ex machina*, который явится, чтобы освободить ее, какъ въ сказкѣ дѣвицу, попавшую во власть чудовища дракона. Съ злорадствомъ повторяютъ несчастныя «Freudenmädchen» рассказы о томъ, какъ попадаютъ въ руки полиціи агенты-вербовщики «товара»; какъ иногда спасаются невинныя дѣвушки, которыхъ они успѣли-было обманомъ завлечь въ свои сѣти. Съ увлеченіемъ рассказываютъ, какъ бы

онѣ устроили свою жизнь совсѣмъ иначе, если бы имъ возможно было начать ее снова... Когда вы ихъ слушаете и при этомъ слѣдите за ними, то невольно убѣждаетесь, что для нихъ еще многое возможно сдѣлать, что иногда возможно спасти даже тѣхъ изъ нихъ, которыя, повидимому, очень низко пали...

А дѣлаетъ ли общество хоть сколько-нибудь серьезное усиліе, чтобы вырвать изъ омута хотя тѣхъ, которыя туда попали помимо своей воли? Старается ли оно излечить нравственно-больныхъ, устремившихся туда, вслѣдствіе извращенія или недоразвитія естественныхъ инстинктовъ? Психологія, медицина, экономическія и общественныя науки должны взяться за дѣло, — въ силу должна вступать нравственная ортопедія не только отдѣльнаго человѣка, но и цѣлаго общества — тогда только возможенъ успѣхъ. Я упомянула мнѣніе пастора Брандера о пріютахъ для падшихъ женщинъ; его-то ужъ никто не заподозритъ въ крайнихъ взглядахъ; а между тѣмъ, и онъ, вѣрный служитель алтаря, не могъ одобрить истинно-ребяческихъ попытокъ филантроповъ съ ихъ узкою моралью тамъ, гдѣ животрепещетъ жизнь, гдѣ дилеммы экономическія и общественныя непроницаемой стѣной заграждаютъ путь одинокаго изслѣдователя.

Какъ вездѣ, такъ и въ Цюрихѣ, общество, а за нимъ и администрація кантональнаго госпиталя относятся къ несчастнымъ, какъ къ нечистымъ гадамъ, которыхъ слѣдуетъ отдѣлить отъ остального человѣчества крѣпкой стѣной. Палата номеръ сто-третій, гдѣ помѣщаются ея больныя, заперта на ключъ днемъ и ночью. Даже въ капеллу больницы несчастнымъ отверженнымъ закрыть доступъ. Я никогда не забуду чувства, испытаннаго мною, когда я объ этомъ узнала. Дѣло было такъ: на Рождество больница устраиваетъ на свой счетъ ѣлку для всѣхъ больныхъ. Главный трудъ по отношенію къ приготовленіямъ, устройству и часто даже часть издержекъ беретъ на себя пасторъ. Пасторъ Брандеръ и его жена всегда очень усердно хлопотали о томъ, чтобы всѣ безъ исключенія больные получили подарки, незатѣйливые, конечно, болѣею частью что-нибудь изъ одежды, иногда книги, — дѣтямъ, сверхъ того, раздавались еще игрушки. Въ Швейцаріи ѣлка представляетъ большое полу-религіозное торжество. Въ назначенный день красивая вѣтвистая ель устанавливалась обыкновенно заранѣе въ больничной капеллѣ, наполняя и ее и ближайшіе корридоры своимъ смолистымъ запахомъ и заноса этимъ какъ-бы частичку лѣснаго здоровья и свѣжести въ домъ болѣзни и печали. Чудное зрѣлище представляла потомъ вечеромъ эта ѣлка, сіяющая тысячею огней, разубранная, разукра-

иженная и окруженная толпою простодушно и отъ всего сердца радующихся людей. Пасторъ открывалъ праздникъ проповѣдью, затѣмъ дѣти говорили стихи и, наконецъ, всѣми присутствующими стройнымъ хоромъ пѣлись гимны. Швейцарцы вообще хорошо поютъ. Чужіе на ёлку не допускались; какъ штатный ассистентъ, я была приглашена на ту ёлку, которая устраивалась въ годъ моей больничной службы. Я, конечно, постаралась придти не только аккуратно къ назначенному времени, но даже раньше, такъ какъ мнѣ хотѣлось ничего не пропустить изъ этого еще невиданнаго мною зрѣлища. Раньше я видѣла ёлки только какъ забаву для дѣтей и взрослыхъ — здѣсь это была не забава, а трогательный старинный и священный обычай. Помимо желанія застать самыя приготовленія къ ёлкѣ, у меня была еще и другая причина, придти въ больницу заранѣе, — именно — я не успѣла дописать одного анамнеза, который требовался непременно къ слѣдующему утру. Въ то время, какъ я кончала свою задачу, въ корридорахъ началась бѣготня; я догадалась, что больничное населеніе собирается въ капеллу, и тоже направилась туда. Чтобы дойти до капеллы, мнѣ приходилось пройти по плохо освѣщенной площадкѣ между двумя больничными отдѣленіями. Площадка эта разгораживалась на-двое стеклянной перегородкой, отдѣлявшей палаты для внутреннихъ болѣзней отъ палатъ хирургическихъ. Напротивъ хирургическихъ палатъ помѣщалась капелла. Проходя въ полумракѣ площадки, я почувствовала, что кто-то держитъ меня за платье. Я оглянулась; забившись въ темный уголъ, стояли двѣ больныя изъ 103-го нумера Луиза и Анна Шереръ (о послѣдней мнѣ еще придется говорить впереди).

— Какъ вы попали сюда? — спросила я ихъ.

— Смѣнная сидѣлка (Мари была больна) забыла запереть нашу дверь, торопясь на ёлку, и мы забрались сюда, чтобы подкараулить васъ и спросить, нельзя ли и намъ пойти въ капеллу, — отвѣчали онѣ.

Бѣдныя дѣвушки! точно дикіе звѣри, нечаянно вырвавшіеся на свободу изъ влѣтки звѣринца, гдѣ были заперты, онѣ забилась въ темный уголъ подальше отъ людскихъ взоровъ...

— Почему-же бы вамъ нельзя было пойти въ капеллу, въ церковь? я полагаю, что она одинакова для всѣхъ больныхъ открыта.

— Нѣтъ, мы думаемъ, что насъ не впускать туда, — кажется, что намъ запрещено бывать и тамъ.

— Не можетъ этого быть... а впрочемъ... Погодите, я сей-

часть узнаю, докторъ Крейцъ еще не успѣлъ, онъ добудетъ намъ позволеніе конторы, если нужно.

Я побѣжала къ Крейцу; негодующимъ вихремъ ворвалась я въ палату на мужскомъ отдѣленіи, гдѣ мой шефъ просматривалъ какія-то бумаги вмѣстѣ со служителемъ Леманомъ, старожиломъ больницы и ходячимъ архивомъ всѣхъ старыхъ и новыхъ ея законовъ и правилъ.

— Докторъ Крейцъ! Неужели современные фарисеи побиваютъ блудницу камнями и здѣсь?

Крейцъ, отчасти уже привыкшій къ моей чисто-славянской необузданности, однако съ удивленіемъ поднялъ голову отъ своихъ бумагъ, — такъ гнѣвно прозвучалъ мой возгласъ.

— Въ чемъ дѣло, что такъ взбудоражило васъ? — спросилъ онъ меня.

— Помилуйте!.. — Я торопливо начала объяснять въ чемъ дѣло, пересыпая рѣчь свою бранью противъ фарисейства, осуждающаго грѣшниковъ на отчужденіе даже отъ церкви, куда, по духу христіанства, слѣдовало бы привлекать ихъ...

— Если ихъ не пускаютъ туда, то и я не хочу идти; я просижу вечеръ съ ними, въ ихъ палатѣ; я предпочту ихъ общество собранію незапятнанныхъ людей, осмѣливающихся быть строже самого Христа и исключать этихъ несчастныхъ даже изъ храма Христова!

Крейцъ серьезно меня выслушалъ.

— Вы правы, — отвѣчалъ онъ: — ихъ непременно слѣдуетъ привлекать къ участию въ томъ, что развивало бы въ нихъ желаніе вернуться въ общество, связь съ которымъ у нихъ въ настоящую минуту порвана. Но я и не думаю, чтобы имъ было запрещено присутствовать на елѣхъ.

— Doch, doch! — вмѣшался Леманъ: Herr Verwalter строго на-строго запретилъ имъ выходить изъ своей палаты и ходить куда бы то ни было въ больницѣ, даже въ капеллу. Онъ будетъ, конечно, очень недоволенъ, если вы возьмете ихъ туда съ собою, фрейлейбъ, и вы навѣрно получите строгій Verweis.

Администрація больницы имѣла право дѣлать выговоры ассистентамъ, если они поступали противъ больничныхъ узаконеній.

— Сошлитесь тогда на меня, — сухо замѣтилъ Крейцъ, видимо недовольный безцеремоннымъ вмѣшательствомъ Лемана, которому, впрочемъ, какъ старому и добросовѣстному служителю, позволялось многое такое, что не разрѣшалось другимъ. Я поблагодарила доктора какимъ-то радостнымъ, почти не членораздѣльнымъ возгласомъ, что въ свою очередь сильно оскорбило

Лемана, какъ поправіе всякихъ правилъ университетски-больничнаго этикета, требующаго почтительной вѣжливости отъ подчиненнаго студента по отношенію къ шефу-профессору. Какъ ни быстро убѣжала я изъ палаты, однако успѣла-таки услышать часть пущенной мнѣ въ слѣдъ воркотни оскорбленнаго въ своихъ святѣйшихъ принципахъ старика: *Das sind die Frauen, bim Hagell* (таковы ужъ бабы, клянусь градомъ!) ¹⁾.

Когда я вошла съ моею палатой, пасторъ уже началъ свою проповѣдь. Мои больныя тихонько, не нарушая тишины храма, пробрались на пустыя мѣста. Все населеніе больницы собралось тутъ: впереди гладко причесанныя и спокойныя на эту минуту дѣти, на-право взрослые мужчины, на-лѣво женщины, тамъ и сямъ служителя, сидѣлки, ассистенты. Елка сіяетъ яркими огнями и разноцвѣтными украшеніями; пасторъ сдержанно, но внятно рассказываетъ народнымъ говоромъ кантона, откуда явился обычный устраивать ёлки; онъ рисуетъ картину древнихъ языческихъ игрищъ, говоритъ о кровавыхъ жертвахъ, приносившихся древними германцами ихъ богамъ во время зимняго солнцестоянія; говоритъ объ ужасахъ языческаго фанатизма, губившаго человѣческія существа въ угоду воображаемому чудовищамъ. Изображеніе ребенка-куклы—привязаннаго въ вершинѣ ёлки и представляющаго въ настоящее время «Кристиндли» — младенца-Христа—помѣщается тутъ, какъ напоминаніе о кровавыхъ жертвоприношеніяхъ язычества. Древній варварскій обычай, освящавшій убійства, говоритъ пасторъ, превратился въ христіанское религіозное торжество, — это прямо указываетъ намъ на смягченіе нравовъ человѣчества, на развитіе въ немъ нравственныхъ сторонъ, заступившихъ мѣсто грубыхъ, животныхъ инстинктовъ и интересовъ чело-вѣка первобытнаго.

Плавно течетъ рѣчь пастора на общедоступномъ, понятномъ языкѣ, не испещренная ни учеными цитатами, ни риторическими фигурами. Въ каждомъ словѣ проглядываетъ честная простота чело-вѣка, глубоко преданнаго своему дѣлу и искренно вѣращаго въ истину того, чего онъ является провозвѣстникомъ.

Проповѣдь пастора произвела на меня самое благотворное и освѣжающее впечатлѣніе. Вотъ такихъ бы пасторовъ побольше, думалось мнѣ: поменьше бы надутой учености да казуистики, побольше любви и пониманья чело-вѣческой природы — и пасторы Брандеры не были бы такою рѣдкостью.

За проповѣдью послѣдовало пѣніе гимновъ общимъ хоромъ

¹⁾ Швейц. діалектъ.

присутствующихъ. Затѣмъ пасторъ началъ предлагать дѣтямъ разные религіозно-нравственные вопросы, на которые они отвѣчали просто, не конфузясь, не рисуясь—видно было, что отвѣты не заучены, что дѣти говорятъ именно то, что думаютъ ихъ маленькія головки. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ проговорили выученные для даннаго случая стихи. Все это было глубоко трогательно своею искренностью и задушевностью—чувствовалось, что есть нравственная, общечеловѣческая связь между всѣми этими людьми, чужими другъ другу и загнанными сюда, помимо собственной воли, только злыми недугами, терзающими ихъ.

Я наблюдала за приведенными мною дѣвушками. Все, происходившее вокругъ нихъ, повидимому, сильно на нихъ дѣйствовало. Анна Шереръ, забывшись, даже вскрикнула съ мѣста, чтобы лучше рассмотреть еле-видную отъ земли дѣвочку, тоненькимъ голоскомъ на-распѣвъ говорившую стихи.

Праздникъ закончился раздачею подарковъ; затѣмъ больные стали расходиться: кто самъ поплелся, а кого и на носилкахъ отнесли назадъ на скорбное ложе.

Я прошла по палатамъ, вѣрненнымъ мнѣ: вездѣ въ нихъ вѣяло какою-то тихою радостью. Тяжело больные, не могшіе присутствовать на ѣлѣ, спрашивали о ней вернувшихся изъ капеллы и сожалѣли о томъ, что имъ не удалось на этотъ разъ увидеть «Кристинді». Въ номерѣ сто-третьемъ было тише, нежели въ другихъ палатахъ. Кое-кто плакалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. О, мои бѣдныя! удалось вамъ на мгновеніе заглянуть въ этотъ міръ, отъ котораго вы оторваны,—удалось увидѣть его съ одной изъ его лучшихъ сторонъ—и жгучее сожалѣніе о потерянномъ правѣ принимать дѣятельное участіе въ его жизни. И забыли вы въ эту минуту обратную сторону, ту сторону жизни, которая довела васъ до вашего тяжелаго, страшнаго, постыднаго положенія!

Заглянувъ въ палату, я торопливо простилась съ больными, не желая мѣшать имъ, подавленнымъ наплывомъ новыхъ для многихъ изъ нихъ впечатлѣній.

Вскорѣ послѣ того произошло мое первое столкновение съ одною изъ такъ-называемыхъ «хозяекъ»—тѣхъ чудовищъ, которыя поставляютъ позже матеріалъ нашей палатѣ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ одной изъ общихъ палатъ лежала въ сильномъ ревматизмѣ красивая молодая женщина, въ состояніи беременности. Когда я спрашивала ее о ея прежнемъ образѣ жизни, она сначала замялась, а затѣмъ объяснила, что живетъ кухаркой въ пансіонѣ для дамъ. Остальные больныя какъ-то

сторонились отъ нея, что сначала было для меня не совсѣмъ понятно, но разъяснилось, когда сидѣлка Гритли сказала мнѣ, что слышала, будто Маргарита живетъ въ кухаркахъ въ нехорошемъ домѣ.

— Она-то сама, — прибавила Гритли, — не совсѣмъ потерянная, и для нея это большая бѣда, что у нея родится ребенокъ: ей надо будетъ вдвое больше работать, чтобы содержать его, и если работа пойдетъ плохо, то она ради ребенка можетъ пуститься во всѣ тяжкія — не она первая, не она и послѣдняя!

Маргарита заинтересовала меня; мнѣ было жаль ее уже и потому, что ея такъ чуждались другія больныя. Маргарита часто плакала; держала она себя очень скромно. Она была католичка — откуда-то изъ Германіи; къ ней иногда заходилъ священникъ, старо-католикъ, посѣщавшій два раза въ недѣлю своихъ больныхъ единовѣрцевъ. Это былъ маленькій худой человѣчекъ, съ носомъ вѣчно перепачканнымъ табакомъ, очень смиренный и скромный, и вовсе не похожій на другого католическаго священника, ново-католика, которому такъ не посчастливилось на тифозномъ отдѣленіи. Этотъ случай послужилъ для студентовъ тѣмъ, что называется «ein collossales Gaudium». Жирный, отъѣвшия пaterъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ исполнялъ духовныя обязанности свои въ больницѣ. Ничто не спасало отъ его увѣщаній: ни тифозная горячка съ тяжелымъ бредомъ, ни трудная операція, послѣ которой больному запрещалось даже шевелиться... чѣмъ плоше былъ больной, тѣмъ проповѣдникъ становился назойливѣе. Для посѣщенія больныхъ онъ выбиралъ такое время, когда надѣялся не встрѣтить ни врача, ни ассистента, и хозяйничалъ на славу — больныхъ приходилось тащить на погостъ прямо съ его напутствіемъ. Разъ его застали въ отдѣльной комнатѣ у женщины, которой только-что была сдѣлана трудная операція; еще дрожащая отъ страшной пытки, несчастная съ ужасомъ вслушивалась въ увѣщанія покаяться передъ смертью, въ описанія мукъ ада, ожидающихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ. Ассистентъ профессора засталъ проповѣдника на его хорошемъ дѣлѣ и прогналъ его, запретивъ ему входъ въ отдѣльныя комнаты для труднобольныхъ, но не почелъ себя въ правѣ распространить свое запрещеніе на общія палаты. Рвеніе патера не унялось нисколько отъ такого изгнанія; напротивъ, онъ еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ набросился на общія палаты, особенно на тифозное отдѣленіе — *Absonderungshaus*, или «Abs», какъ мы для краткости называли его. Тамъ ему было по-истинѣ раздолье. «Abs» стоитъ на горѣ, шаговъ въ трехъ-стахъ отъ главнаго корпуса больницы;

двѣ протестантскія сестры милосердія завіѣдуютъ въ немъ уходомъ за больными; докторъ заходитъ не болѣе двухъ разъ въ день, ассистентъ проводитъ тамъ часа три-четыре, такъ что остается еще достаточно времени для того, чтобы повидаться съ больными, не рискуя встрѣтить кого-либо изъ врачей. Ничто не удерживало патера, какъ я уже упоминала, отъ того, чтобы стращать умирающихъ: ни бредъ, ни полнѣйшее безсиліе страдальцевъ, слѣдующее за сильными приступами лихорадки, ни агонія даже—тутъ-то именно и старался онъ вернуть заблудшихъ на путь истинный. На тифозномъ отдѣленіи лежало въ то время, о которомъ я говорю, два сильныхъ молодца-итальянца, они были землекопы и пришли на лѣтніе заработки въ Цюрихъ. При прокладываніи дренажныхъ трубъ въ нездоровомъ предмѣстѣ оба пріятеля захватили тифъ. Одинъ изъ нихъ уже поправился настолько, что могъ ходить по палатѣ—другой, вышедшій изъ крайней опасности только благодаря дѣйствительно материнскому уходу сестры Лисбетъ, лежалъ еще настолько слабый, что казалось—вотъ-вотъ потухнетъ еле-тлѣющая искорка жизни. Этого-то несчастнаго патерь выбралъ на этотъ разъ мишенью своихъ клерикальныхъ громовъ. Больной слушалъ его, слушалъ и блѣднѣлъ все больше, лихорадочная дрожь начинала бить его... Слушали и другіе больные, не-католики; ужасы, прорываемые громовымъ голосомъ расходившагося іезуита, начинали приводить даже ихъ въ нервное настроеніе... слушалъ сначала молча и товарищъ больного, наконецъ онъ не вытерпѣлъ:

— Если ты, *согро ді Вассо*, будешь еще дольше терзать моего пріятеля, то я тутъ же на мѣстѣ пришибу тебя,—убирайся вонъ, слышишь!

Кончилось тѣмъ, что патерь безцеремонно былъ вытолканъ изъ отдѣленія. На крыльцѣ *Abs'a* студенты, шедшіе въ отдѣленіе съ вновь поступившимъ молодымъ профессоромъ Г., застали толпу больныхъ.

— Что тутъ такое?—строго спросилъ профессоръ.—Больные свонфузились и отретировались. Окруженный со всѣхъ сторонъ студентами, патерь не зналъ, куда глаза дѣвать. Профессоръ скоро догадался въ чемъ дѣло.

— Говорилъ я вамъ быть осторожнѣе,—обратился онъ къ іезуиту:—предупреждаю васъ теперь, что если еще застаю васъ въ больницѣ, то возьму расправу на себя.

При крикахъ *Hue! Hue!*¹⁾ развеселившихся буршей, патерь

¹⁾ Крикъ, которымъ погоняютъ ословъ и лошадей.

улепетывалъ подѣ гору, подобравъ черную сутану, не оглядываясь, безъ шляпы, которая осталась въ палатѣ съ кипюю принесенныхъ имъ книжекъ. Еще долго потомъ и больные и студенты потѣшались воспоминаніемъ объ изгнаніи патера. Маленькій старо-католическій аббатъ велъ свое дѣло иначе. Онъ не навязывался больнымъ съ проповѣдями и не пугалъ ихъ никакими ужасами. Онъ, конечно, тоже носилъ книжки, наивныя, съ дешевой моралью, вызывавшею улыбки даже у протестантскихъ дѣтей, читавшихъ ихъ, но онъ по крайней мѣрѣ не мѣшалъ врачебной дѣятельности, и его поэтому терпѣли. Я какъ-то встрѣтила его въ больничномъ корридорѣ и заговорила съ нимъ о Маргаритѣ. Онъ сначала страшно испугался и не зналъ, что ему дѣлать. Я спрашивала его, не можетъ ли онъ или кто-либо изъ его знакомыхъ единовѣрцевъ помочь Маргаритѣ деньгами, пока она поправится, а потомъ найти ей работу, которая дала бы ей возможность, не возвращаясь къ «хозяинѣ», прокормить ребенка. Запинаясь и путаясь, словно онъ разучился произносить что бы то ни было, кромѣ молитвъ своего служебника, аббатъ отвѣчалъ, что онъ уже думалъ объ этомъ, что есть одна богатая старушка, которая обѣщала ему позаботиться о Маргаритѣ, что онъ даже знаетъ семью, куда можно будетъ помѣстить ея ребенка.

— Да, да, ей нужна помощь, — онъ усиленно запикивалъ щепотку табаку въ носъ, — нужно: иначе душа ея въ большой опасности, но я надѣюсь, надѣюсь... Онъ видимо почувствовалъ облегченіе, когда я, поклонившись ему, повернулась, чтобы уйти въ палату. Послѣ этого разговора онъ, впрочемъ, всегда весьма дружелюбно раскланивался со мною при встрѣчахъ. Онъ былъ ограниченный, но въ то же время искренно желавшій ближнему добра человекъ.

Кромѣ него, Маргариту не посѣщалъ никто: она была не швейцарка и въ Цюрихѣ всѣмъ чужая. Когда около другихъ больныхъ толпились родные: сидѣли старушки-матери, стояли мужья, сестры и братья, когда вокругъ нихъ весело болтали дѣти — уголокъ Маргариты оставался пустымъ. Она отворачивалась тогда въ ту сторону, гдѣ посѣтителей не было, и лежала недвижно и безмолвно, пока палата опустѣетъ. Никто не обращалъ на нее вниманія, слезы ея приписывались боли отъ ревматизма. Вторникъ былъ пріемнымъ днемъ въ больницѣ — посѣтителей впускали въ палаты отъ десяти до одиннадцати часовъ утра. Я разговаривала съ аббатомъ въ одинъ изъ вторниковъ, потому что и его, послѣ рассказаннаго мною выше изгнанія,

стали впускать въ больницу только въ приемные дни и часы. Въ тотъ же вторникъ послѣ обѣда мнѣ пришлось кое-что писать въ сто-третьемъ номерѣ. Выходя оттуда часа въ четыре, я встрѣтила въ корридорѣ толстую барыню, которая вела съ собою собаку на шелковой лентѣ и заглядывала то въ ту, то въ другую полуотворенную палатную дверь. Увидавъ меня, собака залаяла. Я рассердилась: неужели необходимо таскать собакъ съ собой, даже когда идешь въ госпиталь, гдѣ есть тяжело больные, которыхъ беспокоитъ всякій шумъ, и въ особенности непривычный. Барыня направлялась къ сто-третьему номеру.

— Кого вамъ нужно?—спросила я ее довольно нетерпѣливо.

— Я желаю, — начала она, вычурно присѣдая, кланаясь и улыбаясь всѣмъ своимъ широкимъ лоснящимся лицомъ: — я желаю видѣть фрейлейнъ Амалію Кранихъ.

Амалія жила въ одномъ «домѣ» съ Маргаритою.

— Вы ея хозяйка?

— Къ вашимъ услугамъ, zu Diensten!

Я повернула ей спину, со словами:

— Удивляюсь, что васъ выпустили въ непоказанное время, — сказала я сухо: — и еще съ собакой.

Толстая барыня попыталась выразить на своемъ лицѣ обиду и въ то же время любезный упрекъ за мое неумѣнье вѣжливо обходиться съ порядочными людьми, — не нищими, слава Богу! Она оглядывала свое тяжелое платье изъ чернаго faille, часы, браслеты и пеструю дорогую шаль.

— Мнѣ въ конторѣ позволили лично передать фрейлейнъ Кранихъ письмо, полученное для нея на мое имя.

Я между тѣмъ позвонила сидѣлку. — Марі, проводите эту госпожу въ палату, она тамъ передастъ письмо Амаліи, — да позаботьтесь, чтобы она не засиживалась и — главное — не пуссалась ни въ какіе разговоры съ другими больными, — добавила я уже значительно тише.

— Будьте покойны, — прошептала Марі, — я умѣю такихъ отваживать.

Въ это время меня позвали въ сосѣднюю палату къ больной старухѣ, которая хотѣла попросить меня о чемъ-то. Переговоривъ съ нею, я принялась за неоконченную еще въ этой палатѣ письменную работу и такъ занялась ею, что позабыла и о толстой барынѣ, и о ея собакѣ.

— Фрейлейнъ! — За мною стояла сидѣлка Гритли, красная какъ ракъ, запыхавшаяся и сердитая... Фрейлейнъ, это ужъ ни на что не похоже! Эта баба, эта хозяйка пришла въ

нашу палату къ Маргаритѣ — она не имѣетъ права входить къ намъ, мы такихъ у себя не хотимъ видѣть! — она уговариваетъ Маргариту вернуться къ ней, она общается ей — вслухъ, фрейлейнъ, — прибавитъ жалованья и дать менѣ трудную работу, такую, отъ которой бы не болѣли ея простуженныя руки; ну, какую она можетъ дать ей работу? известно, не даромъ Маргарита такая красивая! Я не смѣла ничего сказать ей, я — что? я простая сидѣлка; пойдемте вы: прогоните эту вербовщицу, а если она васъ не послушаетъ, то мы позовемъ доктора Крейца.

Я вскочила и побѣжала, но не въ палату, а прямо къ Крейцу, такъ какъ тоже не считала себя въ правѣ выгнать изъ больницы лицо, допущенное въ нее администраціею. Услышавъ въ чемъ дѣло, Крейцъ вѣсѣлся:

— Нашъ управляющій съ ума сошелъ, пускать сюда всякую дрянь! Я выпырну эту гадину за окно! — Но мы уже не застали ее.

Бѣдной Маргаритѣ не удалось выздоровѣть: и она, и ребенокъ ея умерли тотчасъ послѣ родовъ, усложнившихся воспаленіемъ внутреннего покрыва сердца у матери.

III.

Больничная жизнь моихъ паціентовъ въ сто-третьемъ номерѣ была очень не сложна: онѣ иногда работали, иногда читали. Какихъ бы то ни было особенныхъ хлопотъ у насъ въ мое время не было. Мнѣ приходилось проводить довольно много времени съ ними, что я весьма охотно дѣлала. Я постоянно старалась найти случай говорить съ ними не только объ ихъ болѣзни, но и о вопросахъ, касающихся всей ихъ жизни вообще. Поводъ къ подобнымъ разговорамъ чаще всѣхъ подавала мнѣ Луиза, это дикое, необузданное дитя. Она ненавидѣла свою правую сосѣдку по постелѣ:

— У, гадкая! — говорила она: — она откладываетъ на книжку часть своихъ заработковъ въ северномъ домѣ. — Луиза теперь горячо ненавидѣла все, что касалось сторонъ жизни, погубившихъ ее.

Дѣвушка, которую она бранила, была красивая, серьезная брюнетка, лѣтъ двадцати пяти, дочь школьнаго учителя маленькаго нѣмецкаго городка. Отецъ и дочь кое-какъ перебивались крошечнымъ учительскимъ жалованьемъ. Она вела отцовское хозяйство (мать ея умерла давно) и не выучилась ничему, кромѣ

плохой нѣмецкой стряпни да домашнихъ работъ. Старикъ умеръ, дочь осталась одна-одинѣшенька на свѣтѣ и безъ гроша—даже вся домашняя утварь была продана на покрытие расходовъ по похоронамъ и на уплату кое-какихъ долговъ. Франсуаза была въ полномъ отчаяніи, но красавицѣ нашелся утѣшитель, который, впрочемъ, скоро ее бросилъ въ такой же бѣдности, въ какой нашелъ. У Франсуазы родился чахлый ребенокъ, вскорѣ умершій отъ голоду, холоду или уже Богъ его знаетъ отъ чего,—и Франсуаза, стыдившаяся сдѣлаться горничною или кухаркой, попала въ руки прїѣзжей агентшѣ одного изъ Цюрихскихъ загородныхъ Эльдорадо. Хозяйственная бережливость не покинула дѣвушки и въ новомъ ея печальномъ положеніи: Франсуаза дѣйствительно думала и о будущей старости и откладывала въ сберегательную кассу часть скудныхъ процентовъ, приносимыхъ ей ея молодостью и красотой. Она горько плакала, попавъ въ больницу—плакала оттого, что болѣзнь мѣшала ей продолжать дѣлать вклады по книжкѣ. Я, признаюсь, чувствовала къ ней мѣтѣ симпатіи, нежели къ остальнымъ больнымъ.

За то лѣвую свою сосѣдку Луиза очень любила и даже уважала и слушалась. Это была та Анна Шереръ, о которой я упоминала по поводу больничной ѣлки. Аннѣ было восемнадцать лѣтъ, она была дочь лозанской швей. Когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, мать отправила ее въ Женеву, надѣясь, что она тамъ найдетъ мѣсто няньки. Мѣста няньки она не нашла, а поступила младшею вѣльвершей въ трактиръ. Тамъ повторилась обыкновенная въ такихъ случаяхъ исторія: ее сманили въ притонъ, и тамъ только ей минуло шестнадцать лѣтъ! Во всемъ этомъ нѣтъ не только вымысла съ моей стороны, но даже преувеличенія. Я даже имени бѣдной дѣвушки не измѣнила—да и вообще всѣ лица, о которыхъ я говорю, живые люди—я видѣла ихъ горе, я слышала ихъ жалобы... Я пишу горькую лѣтопись загубленныхъ душъ и тѣлъ человѣческихъ.

Попавъ въ мѣсто ужаса, Анна испугалась и стала проситься вонъ. Съ ней тогда начали обходиться грубо и наконецъ заперли въ отдѣльную комнату, гдѣ посадили на хлѣбъ и на воду. Дѣвочка не вытерпѣла, тѣмъ болѣе, что къ ней подослали нѣкоторыхъ изъ подругъ уговаривать. Ее уговорили. Между тѣмъ по городу разнесся слухъ, что въ домѣ, гдѣ она находилась, держатъ несовершеннолѣтнихъ. Награнула полиція, начала просматривать бумаги, но Аннѣ нѣсколько дней тому назадъ минуло шестнадцать лѣтъ, и полиція не почла себя въ правѣ взять дѣвушку отъ ея хозяйки. Наканунѣ обыска (хозяева не въ дурномъ

отношеніи съ нѣкоторыми изъ чиновъ полиціи) Анна была отправлена въ Лапо-де-Фонтъ, чтобы не поразить ревизоровъ своимъ дѣтскимъ видомъ. Въ Лапо-де-Фонтъ она находилась, пока не заскучала, послѣ чего ее «для развлечения» перевезли въ Цюрихъ, гдѣ она заболѣла и поступила въ кантональную больницу.

Это одна изъ тѣхъ печальныхъ повѣстей, которыя я день за днемъ записывала, пока не накопилось слишкомъ много тетрадей въ моемъ столѣ и ихъ не сносили въ больничный архивъ. Говорятъ, будто ни одно слово, ни одинъ звукъ, ни одна черта, проведенная перомъ, не пропадаютъ даромъ на свѣтъ—буду же и я надѣяться, что страницы, писанныя мною съ болью и горечью, когда-нибудь да прочтутся какимъ-нибудь честнымъ и даровитымъ труженникомъ науки, имѣющимъ способность вдумываться и въ тѣ явленія жизни, которыя не прямо подлежатъ изученію медика. Я предоставляю другимъ разрабатывать, обсуждать все это съ нравственно-физической точки зрѣнія—я врачъ и общества перестраивать не берусь—я констатирую факты, больше ничего; я только не молчу о нихъ, потому что молчать было бы сверхъ силъ моихъ, потому что слишкомъ громокъ вопль сестеръ моихъ, безцѣльно, бессмысленно гибнущихъ и погибая вопіющихъ съ душевной мукой: спасите, спасите насъ вы, законодатели, вы, моралисты, вы, экономисты, вы, философы и ученые, отыскивающіе начало всѣхъ началъ!

Анна тщательно скрывала свое ужасное ремесло отъ матери: «Вернусь же я когда-нибудь къ ней», говорила она мнѣ: «если бы вы знали, какая она честная и хорошая: она умерла бы отъ стыда, если бы узнала, что я теперь». При этомъ блѣдное, истощенное личико дѣвушки оживлялось, глаза наполнялись слезами. Наружность Анны нельзя было назвать особенно красивою, но въ то же время она была чрезвычайно привлекательна; у ней были неправильныя, хотя тонкія и нѣжныя черты лица, не особенно длинныя, но густыя шелковистыя, каштановыя волосы и каріе глаза, глядѣвшіе умно и грустно: дѣвушка глубоко горевала о своемъ положеніи; это горе, не выставляемое ею на показъ, а скорѣй скрываемое отъ всякаго посторонняго взгляда, невольно заставляло меня вглядываться въ нее ближе и извучать ее еще серьезнѣе, нежели остальныхъ больныхъ. Она не была ни лѣнива, ни безпечна; въ больницѣ она постоянно что-нибудь работала. По субботамъ она дѣлалась особенно хлопотливою: «надо все мыть и чистить», говорила она, — «завтра праздникъ, постараемся же, чтобы Марі было поменьше работы!»—И дѣйствительно, она и привязавшаяся къ ней Луиза показывали примѣръ

дѣтельности: чистили, скребли и мыли палату. Примѣръ этотъ заразительно дѣйствовалъ и на остальныхъ. Въ воскресенье мнѣ съ гордостью показывали, какъ все кругомъ лоснилось и сіяло. Марі, конечно, радовалась и хвалила.

Въ одну изъ субботъ я очень удивилась, не заставъ обычной хлопотливой возни въ палатѣ. Луиза сидѣла, насупившись, Анна лежала въ постелѣ, по горло закутанная одѣяломъ.

— Что съ вами?—спросила я ее.

— Очень голова болитъ...

— Ну, да,—перебила Луиза,—и голова не болѣла бы, если бы та не приходила!

— Кто «та»?

— Да та, проклятая!

— Но кто же «та»?—наконецъ, настойчиво проговорила я.

— Фрау Вёрдель,—неохотно отвѣчала Анна.

— А! хозяйка ваша; но въ чемъ же дѣло, Анна, отчего вы такъ разстроены?

— Я просилась у нихъ на волю—не пускаютъ.

Анна выздоравливала и должна была скоро выписаться изъ больницы, а такъ какъ она лечилась на счетъ хозяйки и была у нея кругомъ въ долгу, то ей предстояла горькая участь снова вернуться въ тотъ адъ, изъ котораго ей теперь горячо хотѣлось вырваться.

— Чего ей еще нужно отъ васъ,—воскликнула я, и желчно выразилась относительно фрау Вёрдель.

— Фрейлейнъ, вы слишкомъ жестоки, — замѣтила Анна. — Послушайте, фрау Вёрдель сама несчастная, еще несчастнѣе насъ, дѣвушекъ, живущихъ въ ея домѣ. Послушайте, — торопилась она, — она была такая вотъ маленькая, — Анна показывала на аршинъ отъ пола, — когда бабушка, мать ея отца, взяла ее прочь отъ ея скверной матери, которая открыла свой домъ сначала вмѣстѣ съ вторымъ своимъ мужемъ и потомъ одна, послѣ его смерти. Фрау Вёрдель, пока ей не минуло пятнадцати лѣтъ, все жила у своей бабушки и ничего, ничего не знала о томъ, чѣмъ занимается ея мать. Потомъ, когда бабушка умерла, мать взяла ее назадъ, только домой не привозила, и она все еще ничего не знала. Ее отдали въ богатый пансіонъ въ Женевѣ, гдѣ ее всему внучили: и по-французски, и по-англійски, и рисовать, и музыкѣ—она все это знаетъ, она такая ученая...

Во время этого разсказа, предо мною, противъ моей воли, насильно, восставалъ образъ существа когда-то мнѣ дорогаго,

воспоминанье о которомъ, въ общемъ, все-таки жило въ моей душѣ, какъ нѣчто свѣтлое и чистое...

— Потомъ, фрейлейнъ,—между тѣмъ продолжала Анна,—это было годъ тому назадъ, я жила тогда уже у фрау Шнебелъ, матери фрау Юліаны...

— Неужели Юліана?..—воскликнула я. Мнѣ сдѣлалось просто дурно. Я не помню, какъ вышла изъ палаты, и вѣроятно крайне изумила Анну. Весь вечеръ я не могла ни дѣлать, ни думать о чемъ бы то ни было. Какъ въ горячечномъ бреду, тѣснились предо мною картины прошлаго: мое знакомство съ Юліаной, свѣжая лѣсная чаща, образъ ребенка, мирно заснувшего среди цвѣтовъ, ребенка чистаго какъ свѣжій лѣсной цвѣтокъ едва распустившійся на зарѣ, и въ нѣжной, полузакрытой чашечкѣ котораго еще дрожать свѣтлыя капли утренней росы. Вспоминались мнѣ и наши задушевные бесѣды, и ея пѣсни, и звонкій смѣхъ, и молодныя слезы, теплыя какъ лѣтній дождь. Вспоминалась потомъ и старуха бабушка, угнетенная мыслью о неизбежной тяжелой судьбѣ внучки, судьбѣ, которую старуха и предчувствовала, и предвидѣла... Вспоминались мнѣ и недостатки ребенка: несамостоятельность, податливость, отсутствие энергіи и выдержанности... Потомъ все слилось въ какой-то хаосъ, изъ котораго мало-помалу, все яснѣе и яснѣе, начинали выдѣляться какіе-то уродливые привраки, безумно кружившіеся сначала вдали, потомъ все ближе, ближе, превращаясь на глазахъ моихъ въ мрачныя, безобразныя чудовища...

Ночь я провела дурно и уже рано утромъ побѣжала искать развлеченія въ трезвой больничной работѣ. Къ обходу Брейца я все-таки опоздала; я встрѣтила своего начальника, когда онъ уже уходилъ изъ госпиталя. Онъ съ участіемъ спросилъ, отчего у меня такой измученный видъ.—Берегитесь,—прибавилъ онъ: у насъ, въ Цюрихѣ, тифъ начинаетъ пошаливать, и особенно на горѣ, неподалеку отъ васъ.

Я сослалась на бессонную ночь и головную боль. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала я того часа, когда обыкновенно заходила въ сто-третій номеръ. Мнѣ не хотѣлось идти туда раньше, чтобы не выдать себя Аннѣ. Вчера мнѣ тяжело было бы скрыть отъ нея впечатлѣніе, производимое на меня ея рассказомъ, оттого я и ушла, не дослушавъ его, — сегодня я надѣялась быть болѣе твердой, — а знать я хотѣла все, что касалось Юліаны.

Наконецъ, настало время идти въ сто-третій номеръ. Придя въ палату, я сначала покончила свое ассистентское дѣло и за-

тѣмъ только подозвала Анну, сначала извинилась за вчерашнее и попросила ее досказать мнѣ исторію г-жи Вердель.

— Мнѣ несовсѣмъ ловко говорить вамъ сегодня объ этомъ, — сказала мнѣ дѣвушка: — видите ли, мы не стыдимся рассказывать вамъ, какъ врачу, все о насъ самихъ, — мы знаемъ, что вы должны знать объ этомъ и записывать все, что мы вамъ говоримъ... ну, а сообщать вамъ обо всемъ, что тамъ вокруг насъ дѣлалось, — это другое дѣло, это неловко, да и вамъ отъ этого тяжело станетъ. Развѣ я не догадалась, отчего вамъ вчера дурно сдѣлалось — у васъ на душѣ гадко стало.

— Нѣтъ, говорите, Анна. — Я хочу все знать, именно потому, что я врачъ.

Анна уступила и коротко досказала мнѣ прискорбную исторію Юліаны.

— Какъ она могла согласиться? — вырвалось у меня.

— О, она очень плакала... Увѣряю васъ, что фрау Вёрдель — очень несчастная женщина. Она очень добра къ намъ. Когда она уйдетъ, то пойдетъ въ учительницы въ Англію...

— Этого еще не доставало! нѣтъ, нѣтъ! — я согласна съ вами, Анна, что г-жа Вёрдель — глубоко несчастная женщина, но отъ такихъ учительницъ избави, Господи!

Глубоко убѣжденная въ томъ, что никакая попытка съ моей стороны не поможетъ Юліанѣ выбиться изъ ея положенія, я не допускала и мысли о томъ, чтобы повидаться съ нею и постараться вырвать ее изъ того оута, въ который она попала. Судьба однако заставила меня еще разъ встрѣтиться съ нею.

Я выслушала рассказъ Анны въ воскресенье; во вторникъ былъ, какъ всегда, приемъ посѣтителей. Во время приема я обыкновенно уходила изъ палатъ, такъ какъ работать при постороннихъ было неудобно — и, съ другой стороны, мое присутствіе стѣсняло ихъ. Въ сто-третьемъ номерѣ посѣтители бывали рѣдки — развѣ забредетъ какая-нибудь прежняя больная — поэтому тамъ во всякое время можно было работать. Въ этотъ вторникъ я во время приема ушла въ номеръ сто-третій и принялась писать такъ усердно, что не замѣтила, какъ въ комнату вошла посѣтельница; я увидѣла ее только, оглянувшись при звукѣ чужого голоса... «Юліана!» чуть не вырвалось у меня... Однако я подавила восклицаніе и, насколько возможно, спокойно принялась прибирать свои тетради. Раза два я украдкой оглянулась на посѣтельница — да, это была она: прежняя Юліана, теперешняя фрау Вёрдель. Я чувствовала, что у меня дрожатъ руки: я боялась, что она узнаетъ меня и что произойдетъ тяжелая

спена. Да, это она: нарядная, — повидимому, веселая. Снисходительно-ласково держать она Анну за руку и что-то говорить ей. Богатые косы — точно так же, как и прежде — пышно украшают маленькую изящную голову. Увидев ее, вы не заподозрите, кто и что она: это счастливая женщина, может быть — молодая мать. Вот она безпечно смеется. Лица ее я вполне не вижу, а моего она совсѣмъ не можетъ видѣть.

Я безъ шума встала и вышла; я хотѣла поскорѣе бѣжать домой... Но вдругъ мной снова овладѣла та жгучая душевная боль, которую я почувствовала сначала, услышавъ о судьбѣ Юліаны. — Нѣтъ, я не уйду, не сдѣлавъ даже попытки спасти ее. Пускай я напередъ знаю, что это все вздоръ, что не дашь ей ни желанья, ни силы спастись, если ихъ нѣтъ въ ней самой, а если бы они были, то не ужилась бы она тамъ, не смѣялась бы здѣсь... знаю я все это, но все же попытаюсь: чужая душа — потемки, кто знаетъ, что у Юліаны въ душѣ? Быть можетъ, тѣ воспоминанія дѣтства, которыя возстанутъ въ ней при моемъ видѣ, — тѣ, которыя пробудятся отъ моего слова, помогутъ ей собраться съ духомъ, поднимутъ дремлющую энергію...

Я ходила взадъ и впередъ по корридолу, ожидая пока Юліана выйдетъ. Дверь изъ палаты въ прихожую скрипнула, затѣмъ скрипнула дверь въ корридоръ и зашелестулась.

— Юліана, подите сюда! — Я стояла, прислонясь къ стѣнѣ, — за всѣ сокровища міра я не была бы въ состояніи сдѣлать хоть одинъ шагъ впередъ; я повернулась лицомъ къ вышедшей изъ палаты: въ первую минуту она не узнала меня, и лицо ее выразило недоумѣніе, потомъ оно освѣтилось радостной улыбкой:

— Фрейлейнъ Вѣра! — Она бросилась ко мнѣ, протягивая обѣ руки... Я отстранила ихъ и отодвинулась отъ нея.

— Ахъ, да! — простонала она.

— Я не подамъ вамъ руки, Юліана, пока все это — я указала на ее дорогой нарядъ — будетъ куплено тою ужасною цѣною, которою вы за него платите...

Склонивъ голову, опустивъ руки, стояла она передо мною вся блѣдная, вся въ слезахъ, которыя быстро, одна за другою, катились по ее лицу и падали на дорогое кружево, покрывавшее ее грудь и плечи.

— Бѣдная, бѣдная женщина! — воскликнула я: — бросьте все это, — и я готова опять сдѣлаться вашимъ другомъ, я буду опять любить васъ по старому... Что я! — я въ тысячу разъ больше полюблю васъ, какъ человѣка, счумѣвшаго отбросить далеко отъ себя грязь, окружавшую его, — я буду любить и жалѣть васъ,

какъ женщину глубоко страдавшую; вѣдь вы не можете не страдать, не правда ли?—вы страшно несчастливы?

Она печально взглянула на меня.

— Такъ бросьте же все, что васъ тамъ окружаетъ, — сейчасъ бросьте, не возвращайтесь домой: пойдите ко мнѣ, отшлите имъ все навадъ, — не оглядывайтесь, пойдите; завтра вы уйдете изъ города: я найду вамъ средства для жизни на первое время, а послѣ отыщу работы — вѣдь вы многое знаете... всѣ мои друзья примутъ участіе въ васъ. Юліана, бѣдная моя, вспомните, чѣмъ вы были и что вы стали теперь!

Юліана глубоко вздохнула.

— Фрейлейнъ Вѣра, они не пустятъ меня, — они откроютъ меня вездѣ и вернуть къ мужу, — къ отцу моего будущаго ребенка.

— О, несчастная!—и вы еще можете колебаться. Спасайте скорѣе своего ребенка отъ такой же участи, какъ та, которая вамъ самой пала на долю. Подумайте только—если у васъ будетъ сынъ, то поворотъ вашъ закроетъ ему всякую общественную дорогу, а если дочь... Юліана, неужели вы не готовы сдѣлать все, что въ вашихъ силахъ, чтобы ей не пришлось такъ страдать, какъ страдаете вы теперь!

Никакого отвѣта. Я взяла ее за руку.

Мы вышли изъ больницы и начали взбираться на гору ко мнѣ. Я наконецъ привела Юліану въ свою комнату. Несчастная рассказала мнѣ свою жестокую повѣсть.

Она ничего не знала, ничего не подозрѣвала; она была такъ счастлива въ женевскомъ пансіонѣ. Ей казалось, что кругомъ нея вѣчный праздникъ, вѣчная весна. Она была увѣрена, что мать ея содержитъ отель для пріѣзжихъ иностранцевъ, и радовалась, что у семьи ея есть средства, которыя дадутъ ей возможность поступить въ консерваторію. Музыка наполняла ея душу и весь міръ вокругъ чудесной гармоніей — она была такъ, такъ счастлива! Вдругъ телеграмма — извѣщеніе, чтобы она поторопилась, что съ матерью ударъ и что она при смерти. Она поѣхала, вся въ слезахъ, торопясь застать мать въ живыхъ. Пріѣхала она «домой» днемъ—все въ домѣ было тихо и чинно. Мать была очень плоха—она едва узнала дочь. Юліана еще горче заплакала при видѣ ея на половину мертвенно-неподвижнаго лица. Тутъ пришла Tante Marie и Tante Sophie—сестры ея вочима, пришли Onkel Joseph и Onkel Peter; они стали ей объ чемъ-то толковать—она сначала совсѣмъ не могла понять ихъ—ей говорили, что она обязана что-то сдѣлать для умирающей... и она

удивлялась, что ее могут просить исполнить послѣднюю волю матери, она не представляла себѣ даже возможности поступить не по желанію умирающей. Пока съ ней говорили, она молчала и только вглядывалась въ лицо матери. Наступилъ вечеръ,—несмотря на ожидаемую вончину хозяйки, вечерняя жизнь этого адскаго дома вступила въ свои права... При взрывахъ бессмысленнаго хохота, при звукахъ нахальной музыки, по временамъ доносившихся и въ комнату отходящей и смѣшававшихся съ ея предсмертнымъ хрипѣньемъ, Юліана поняла объясненія и требованія дядей и тетокъ. Отъ нея хотѣли, чтобы она взялась продолжать дѣло матери! Требовали, чтобы она взялась охранять и увеличивать наслѣдство малолѣтнихъ братьевъ, требовали этого во имя родительской воли, выраженной на смертномъ одрѣ! Охваченная невыразимымъ ужасомъ, Юліана съ крикомъ страшной душевной боли всплеснула руками и бросилась бѣжать, безъ оглядки, сама не зная куда, только прочь, вонъ изъ этого вертепа. Ее удержали, стали стращать родительскимъ проклятьемъ, говорили, что Богъ караетъ непокорныхъ дѣтей, говорили о маленькихъ братьяхъ, остающихся сиротами безъ всякой опоры, кромѣ нея. «Мы ничего не можемъ сдѣлать для нихъ», увѣряли родные: «у насъ свои дѣти, свои дѣла; да мы и не хотимъ потамать тебѣ, дурной дочери, дурной сестрѣ. Если придется продать заведеніе, то за него не много выручить, покупщики не валяются на улицѣ—пока-то еще найдешь желающаго; да и станешь самъ набиваться съ продажей, такъ и продешевшишь товаръ. Нѣтъ, ты обязана исполнить то, чего отъ тебя требуютъ: мать тратила большія деньги на твое воспитаніе и брала ихъ изъ имущества братьевъ; ты должна возвратить братьямъ то, что у нихъ было взято; ты знаешь, что ни у тебя, ни у матери ничего не было, когда она вышла за твоего вочима». Юліана только впослѣдствіи узнала, что это ложь, и что бабушка оставила ей деньги, которыя были переданы родственниками изъ рукъ въ руки ея мужу въ день свадьбы. Швейцарская женщина не имѣетъ права безконтрольнаго распоряженія своимъ имуществомъ.

Измученная, подавленная, Юліана могла только плакать. Ночи на-пролетъ рыдала она въ своей комнатѣ, куда прокрадывалась къ ней Анна Шереръ, единственная добрая душа, отъ которой она слышала хоть слово сочувствія. Юліана очень любила Анну, она даже стала завидовать ей. Въ ней явилось какое-то отвращеніе къ самой себѣ: ей казалось, что она, дочь этой женщины, живившейся удовлетвореніемъ человѣческой разнузданности, оторвана отъ всего остальнаго міра; что ей дѣй-

ствительно ничего не остается больше какъ покориться неизбежному. Она хотѣла-было отравиться — нечѣмъ было; выброситься изъ окна... она подошла къ окну и высунулась изъ него. Темная ночь зияла за окномъ какъ бездонная пропасть, готовая безвозвратно поглотить ее... ей стало страшно — намѣреніе закончить съ собою она отложила на четверть часа, на часъ, на день... любовь къ жизни громко вопіяла противъ смерти въ этомъ молодомъ тѣлѣ, полномъ красоты и физическихъ силъ. Юліанъ начали грезиться картины другого рода: да, она возьметъ домъ на свои руки, но съ тѣмъ, чтобы все сейчасъ же прекратить; она распустилъ всѣхъ, она не оставитъ камня на камнѣ отъ этого адскаго жилища. Она немного успокоилась. Когда ей представили жениха, стараго, пошлаго — ею овладѣли прежнее отвращеніе и отчаяніе, но теперь уже не было никакой возможности ни убѣжать, ни убить себя — за нею постоянно наблюдали и слѣдили, не оставляя ее одну ни на минуту. Наконецъ, ее повезли въ церковь. Къ вѣнцу ее убирали дѣвушки дома. Безъ слезъ, безъ рѣчей она давала дѣлать съ собою все что хотѣли — она въ церкви скажетъ вслухъ, всѣмъ, всему міру, что ее насилуютъ, что она не хочетъ, не хочетъ, не хочетъ!.. Торжественная обстановка храма, спокойно-поучительная рѣчь пастора, не знавшего, конечно, какому мужу увѣщаетъ ее быть вѣрной женой и помощницей, окончательно подавили ее... Она показалась самой себѣ такой ничтожной, такой заброшенной, такой лишней всему и всѣмъ... Осмѣлится-ли она своимъ крикомъ боли нарушить величавое спокойствіе этихъ сводовъ, слышавшихъ въ теченіи вѣковъ лишь молчаливые вздохи столькихъ несчастныхъ, страдавшихъ, быть можетъ, не менѣе ея!..

Я должна была оставить Юліану, меня ждала обычная послѣобѣденная работа въ больницѣ. Я ушла съ намѣреніемъ возвратиться какъ можно скорѣе, не желая предоставлять несчастную женщину тоскѣ одиночества и естественному въ ея положеніи страху быть отысканной роднею и уведенной въ мое отсутствіе. До сихъ поръ ея, повидимому, не хватились. Я вернулась домой даже раньше, нежели предполагала, но къ величайшему моему изумленію не нашла Юліаны у себя; на рабочемъ столѣ моемъ лежала короткая записка: «не беспокойтесь обо мнѣ — я тотчасъ вернусь». Прошло нѣсколько часовъ, ея все еще не было; она не вернулась и позже, не вернулась вовсе.

Я никогда болѣе не встрѣчалась съ нею.

На другой день я получила письмо такого содержанія:

«Милостивая государыня, если вы еще разъ вздумаете вмѣши-

ваться въ мои семейныя дѣла и смущать мою жену, то я буду принужденъ обратиться къ содѣйствию власти, для огражденія моего домашняго очага отъ вторженія безпокойныхъ людей. Вашъ покорный слуга—

Оскаръ Вердель».

Я побѣжала къ Крейцу.

— Ничего вы не подѣлаете,—сказалъ онъ, внимательно выслушавъ мой рассказъ.—Хорошо еще будетъ, если судъ, которому Вердель дѣйствительно можетъ пожаловаться на васъ, возьметъ съ васъ только штрафъ за нарушеніе общественной и семейной безопасности... а то вѣдь и изъ кантона могутъ выслать, какъ безпокойнаго человѣка. А вотъ вамъ и мое мнѣніе, если желательно знать:—если бы эта Юліана сама по себѣ чего-нибудь да стоила, то давно бы утопилась въ Лимматѣ.

— Да она и кончить тѣмъ, что утопится!

— Ну, нѣтъ, эта не утопится,—проворчалъ презрительно Крейцъ.

Прошелъ годъ, занятія мои окончились и я оставила Цюрихъ, чтобы вернуться въ Россію. Проживъ годъ, другой на родинѣ, я снова начала прихварывать, и доктора послали меня на зиму въ Швейцарію. Хотя Цюрихъ и не былъ моимъ назначеніемъ, я заѣхала и туда, такъ какъ не могла устоять противъ желанія носѣтить старое пепелище. Я, конечно, почла своимъ первымъ долгомъ сходить въ больницу. Я зашла и въ сто-третій номеръ. Марі уже не было, больныя тоже были все незнакомыя—одна, впрочемъ, оказалась изъ прежнихъ:—старуха съ чуломъ. Новый припадокъ безпощаднаго недуга опять привелъ ее сюда. Она по старому кланяется и улыбается всѣмъ своимъ страшнымъ лицомъ. Я просматриваю «исторіи» больныхъ. На двухъ заголовкахъ стоитъ: «отъ г-жи Вердель».—Да, Крейцъ былъ совсѣмъ правъ: Юліана не утопится!

А. Л.

ИГНАТІЙ-АВРЕЛІЙ ФЕСЛЕРЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Игнатій-Аврелій Феслеръ оставилъ по себѣ память и въ Австріи, и въ Германіи, и въ Россіи. Его восьмидесяти-трехлѣтняя жизнь (1756—1839 г.) связана съ интересами католицизма, лютеранства и православія, и въ то же время это одинъ изъ видныхъ дѣятелей среди масонства, столь сильнаго въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Знатокъ восточныхъ и классическихъ языковъ, церковный писатель съ мистическимъ отблескомъ, романистъ и плодовитый историкъ, монахъ, профессоръ, журналистъ, проповѣдникъ и, наконецъ, суперъ-интендентъ съ званіемъ епископа. Игнатій-Аврелій Феслеръ оставилъ по себѣ многочисленныя сочиненія, большая часть которыхъ даетъ обильный матеріалъ для его собственной біографіи. Имя Феслера неоднократно упоминалось и въ нашей литературѣ, но лишь въ связи съ исторіей петербургской духовной академіи и съ судьбою русскаго мистицизма въ царствованіе Александра I. Но жизнь и дѣятельность его имѣютъ несомнѣнный интересъ для всякаго читателя, желающаго подробнѣе познакомиться съ состояніемъ умственнаго и духовнаго развитія европейскаго общества въ то время, къ которому относятся лучшіе годы Феслера, съ вліяніемъ этого развитія на жизнь русскаго общества и съ происшедшимъ между ними столкновеніемъ, съ которымъ совпадала такая же борьба и въ жизни политической. Имѣвъ возможность ознакомиться съ находящимися въ бібліотекѣ московскаго университета важнѣйшими

сочиненіями Феслера, поступившими туда болѣею частью изъ собранія А. И. Тургенева, мы составили отчасти на ихъ основаніи ¹⁾ біографію этого человѣка, имѣющую своею цѣлію сообщить читателямъ только самыя существенныя свѣдѣнія о его многосторонней дѣятельности, внутренней и внѣшней борьбѣ, литературныхъ заслугахъ и философскихъ заблужденіяхъ и, наконецъ, о его частной жизни. Мы не имѣемъ въ виду спеціальнаго трактата о сочиненіяхъ Феслера, а только желаемъ обратить вниманіе историковъ духовнаго просвѣщенія въ Россіи на трудовую, полную борьбы, увлеченій и неудачъ, жизнь его.

I.

Въ Австріи.

Феслеръ родился 7 (18) мая 1756 года, въ венгерскомъ мѣстечкѣ Визельбургскаго комитата Чорндорфъ (по нѣм. Szorndorf, Szigendorf, по мад. Zagandfaloa). Фамилія, которую онъ носилъ, первоначально считалась туземною въ Эльзасѣ, но потомъ выселилась за Рейнъ и, наконецъ, въ Венгрію. Отецъ Феслера, Іоаннъ-Георгъ, служилъ въ молодости въ австрійской военной службѣ, принималъ участіе въ войнѣ противъ Турціи въ 1737 — 1739 годахъ и при оборонѣ Бѣлграда отличился храбростію, потомъ вышелъ въ отставку и арендовалъ въ Чорндорфѣ гостиницу. Тамъ онъ вступилъ въ бракъ съ Анною-Маріей Кнейдингеръ, которую впоследствии сынъ въ своихъ автобіографическихъ сочиненіяхъ называлъ богобоязненною и мистически-благочестивою. При крещеніи сына она дала ему имя Игнатія, ибо особенно почитала мѣнія, образъ жизни и дѣянія основателя ордена іезуитовъ. Первые впечатлѣнія, полученныя Феслеромъ въ жизни, возбуждали въ немъ склонность къ набожности. Такое настроеніе не вполне уживалось съ шумною жизнію Чорндорфской гостиницы. Но отецъ Феслера не долго держалъ ее въ своей арендѣ. Послѣ сильной грозы, попортившей зданіе, онъ перешелъ въ Пресбургъ (иначе: Пожунъ, Бретиславъ) на службу къ графу Арко; вмѣстѣ съ родителями перѣхалъ туда и Игнатій, которому шелъ третій годъ. Они поселились въ Пресбургъ, въ

¹⁾ Столь же важными пособіями для насъ были двѣ біографіи, напечатанныя

1) Г. Деритомъ въ „Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste“, von Ersch und Gruber; I Sect., 43 Th., S. 266—285; 2) К. Вурибахомъ въ его „Biographisches Lexicon des Kaiserthums Oesterreich“, IV Th., S. 201—208.

домѣ шляпнаго фабриканта Шютца, который держался лютеранскаго исповѣданія; но это различіе религиозныхъ убѣжденій не нарушало ихъ дружескихъ отношеній. Позднѣ Феслеръ не разъ припоминалъ, какъ, будучи ребенкомъ, посѣщалъ вмѣстѣ съ матерью лютеранское богослуженіе. Она же, безъ всякой чужой помощи, выучила его грамотѣ, и онъ долженъ былъ нерѣдко читать вслухъ душеспасительныя книги для нея съ ранняго утра, ибо Анна Феслеръ имѣла обычай и лѣтомъ, и зимой вставать въ 5 часовъ и заниматься работами, поддерживавшими скромные доходы мужа. Долгое время чтеніе состояло исключительно изъ житій отцовъ церкви, написанныхъ Росвейдою (Augsburg, 1733) и легендъ о святыхъ, составленныхъ Рибаденейрою (Augsb., 1732). Впечатлѣніе, полученное отъ этихъ книгъ, Феслеръ такъ описалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Такимъ образомъ, я съ ранняго возраста познакомился съ духовнымъ небомъ и съ святыми стараго лучшаго міра, и вполнѣ былъ чуждъ тѣхъ удовольствій и шалостей, которыя свойственны дѣтству. Полученныя этимъ путемъ впечатлѣнія, повліявшія на дѣятельность фантазіи и развитіе разума, удержались во мнѣ и впослѣдствіи; ихъ основныя черты,—все, что было возвышеннаго и благочестиваго въ святыхъ людяхъ,—осталось неизгладимымъ въ моемъ духѣ и никогда, даже въ пору юношескихъ страстей, не могъ я впасть въ полное помраченіе и униженіе духа» ¹⁾. Въ другой книгѣ, говоря о томъ же времени изъ своей жизни и упоминая о себѣ въ третьемъ лицѣ, Феслеръ выражается такъ: «Подъ вліяніемъ матери и духовнаго отца было пробуждено его чувство и направлено къ тому, чтобы послѣднею цѣлію своей жизни онъ сознавалъ сближеніе души съ Богомъ. Столь же неизбежна и развита была въ немъ склонность болѣе почитать святыхъ, чѣмъ обращаться къ нимъ съ молитвенными прошеніями. Для него имѣли большее значеніе апостолы и мученики первой церкви, а также церковные учителя Августинъ, Іеронимъ и Бернардъ, чѣмъ позднѣ канонизованные монахи, которыхъ онъ цѣнилъ менѣе и считалъ принадлежащими къ низшимъ рядамъ святости. И если въ греческомъ юношествѣ, при постоянномъ слушаніи Илиады, возникали мечты и желанія сдѣлаться Ахиллесомъ или Гекторомъ; то почему же въ мальчикѣ, воспитанномъ въ христіанскомъ, благочестивомъ и церковномъ духѣ, не пробудиться мысли, что и онъ, молясь при постоянномъ чтеніи жив-

¹⁾ См. *Fessler's Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerfahrt*, (I Aufl., Breslau, 1824), S. 9 flg.

неописаній Аѳанасія, Августина, Викентія, Лаврентія и др., можетъ по ихъ примѣру сдѣлаться отцомъ церкви, мученикомъ и святымъ»¹⁾. Разгоряченные мечтанія молодого Феслера довели его до того, что во второй день пасхи 1763 г. онъ, по примѣру Игнатія Лойолы, исторія обращенія котораго къ новой жизни уже была извѣстна ему, гладко обрѣзавъ ножницами брови свои. Вскорѣ послѣ того, въ день сошествія Св. Духа, послѣ перваго причащенія, онъ впервые познакомился съ библіей, которую мать до тѣхъ поръ не давала ему. Ея объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ евангелія отъ Іоанна и одушевленіе, съ какимъ она произносила ихъ, остались для него всегда памятными. Съ тѣхъ поръ, по его настоятельной просьбѣ, мать читала каждое воскресенье какой-либо отрывокъ изъ библіи. При этомъ, указывая на примѣры добрыхъ дѣлъ, мать безпрестанно повторяла сыну, что всякое знаніе бесполезно, если не влечетъ за собою дѣлъ, какъ необходимыхъ послѣдствій его.

Между тѣмъ отецъ Феслера оставилъ службу у графа Арео и промѣнялъ ее на должность при викарномъ епископѣ Ганнѣ въ Раабѣ. Тамъ, съ 1764 г. молодой Феслеръ приступилъ къ основательному изученію латинскаго языка, какъ это было тогда въ обычаѣ въ цѣлой Венгріи. Онъ оказалъ быстрые успѣхи въ немъ, чѣмъ былъ очень доволенъ епископъ, принявшій въ немъ участіе и надѣлявшій его своими совѣтами. Однакожъ образованіе, которое Феслеръ получилъ на десятомъ году жизни въ Раабской гимназіи, было скудно и не могло дать ему основаній для самостоятельныхъ занятій. Тогда, по совѣту брата своего, онъ отправленъ былъ въ 1768 г. въ Пресбургъ къ дядѣ Андрею, для изученія инженернаго искусства. Изученіе линій, угловъ, круговъ и архитектурныхъ чертежей очень ему понравилось. Но еще большее удовольствіе доставила ему бібліотека дяди, гдѣ онъ прочелъ между прочимъ: Имгофа «Историческую Галерею», Кальмета «Церковную и свѣтскую исторію»; но особенно поглотила его вниманіе книга Кругота: «Христосъ въ уединеніи». Очень можетъ быть, что пребываніе у дяди не осталось бы безъ вліянія на будущее призваніе его, еслибъ дядя не былъ назначенъ королевскимъ повелѣніемъ въ Хорватію въ качествѣ геометра. Онъ отослалъ племянника назадъ въ Раабъ, гдѣ, въ лицѣ кандидата богословія Игнатія Нагого (Nagy), юный Феслеръ получилъ домашняго учителя, подъ руководствомъ котораго онъ

¹⁾ См. *Fessler's Geschichte der Entlassung des gewesenen Pastors in Saratow*, Karl Limmer (Dorpat und Riga, 1823), S. 108.

и приготовился къ высшему грамматическому классу въ мѣстной иезуитской коллегіи. Ректоръ этого заведенія о. Слуга (Szluga) выразилъ ему свое удовольствіе по поводу обнаруженныхъ имъ на приѣмномъ испытаніи свѣдѣній. Обычнымъ прилежаніемъ Феслеръ вызвалъ расположеніе къ себѣ и въ остальныхъ учителяхъ. Первое примѣненіе умѣнья думать о предметахъ по-латыни и выражать свои мысли о нихъ письменно на латинскомъ языкѣ онъ сдѣлалъ, составивъ молитвенную книжку, будучи еще только 12 лѣтъ. Въ этомъ трудѣ выразился весь характеръ Феслера, какъ будущаго мыслителя и дѣятеля. Вся книжка состояла, по собственному признанію Феслера ¹⁾, изъ мистическихъ выраженій любви къ Богу и Иисусу, изъ собесѣдованій и лирическихъ изліяній сокрушеннаго сердца съ самимъ собою. Особенно замѣчательны были три молитвы, проникнутыя горячимъ желаніемъ, дабы Богъ дозволялъ ему сдѣлаться докторомъ богословія, опорой церкви и мученикомъ за вѣру. Когда онъ показалъ этотъ молитвенникъ своему духовнику, патеру Цольнеру, тотъ разсмотрѣлъ и возвратилъ его, подаривъ Феслеру извлеченныя изъ сочиненій блаженнаго Августина «*Meditationes et Soliloquia*». Въ позднѣйшіе годы своей жизни Феслеръ обыкновенно выражалъ самое живое чувство радости, когда находилъ въ которомъ-либо изъ сочиненій своихъ настроеніе духа, подобное высказавшемуся въ этомъ молитвенникѣ. Особенную склонность онъ обнаруживалъ къ катехизическимъ упражненіямъ, и въ то же время очень охотно занимался исторіей и географіей. Изъ Гюбнерова «*Staats- und Zeitungs-Lexicon*» и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій составилъ онъ съ немалымъ трудомъ весьма подробную географію Азии и Африки на латинскомъ языкѣ. Патеръ Цольнеръ и на этотъ разъ вознаграждалъ его прилежаніе, подаривъ двѣ книги, содержаніе которыхъ должно было еще болѣе возбудить духовныя силы Феслера. Это были: Thomas a Kempis: «*De imitatione Christi*», и R. Bellarmini: «*Ascensio mentis in Deum*». Онъ прочелъ эти творенія съ нѣкоторыми изъ товарищей, направленіе которыхъ подходило къ его собственному. Изъ нихъ мало-по-малу составилъ школьный кружокъ, который даже въ играхъ своихъ отличался благоговѣйнымъ направленіемъ: чаще всего они играли въ «пустынниковъ», причемъ одинъ изъ нихъ по очереди несъ обязанности настоятеля и проповѣдника въ теченіи недѣли. Эта школьная забава у Феслера принимала иногда характеръ мрачнаго фанатизма, который отражался и на жизненныхъ отноше-

¹⁾ См. Rückblicke auf u. s. w., S. 22.

віяхъ. Такъ, онъ долгое время не могъ помириться съ тѣмъ, что его мать находилась въ частыхъ сношеніяхъ съ лотеранами, которыхъ онъ въ ту пору—убѣжденный, что римско-католическая вѣра есть единственно спасительная,—считалъ еретиками. Упреки матери сдѣлали его мало-по-малу снисходительнѣе; а новая перемѣна мѣста жительства дала его духу иное направленіе.

Въ сентябрѣ 1770 г., четырнадцатилѣтній Феслеръ посланъ былъ въ пресбургскую латинскую школу. Будучи принятъ въ классъ новѣин, онъ ревностно изучалъ римскихъ поэтовъ, а также нѣкоторыхъ изъ новыхъ, особенно Яна-Паннонскаго и Сарбіевскаго. Трагедіи Сенеки побудили его самого написать драму «Саулъ», при представленіи которой съ участіемъ его товарищей онъ взялъ на себя роль царя. Но изъ всего, что онъ прочелъ и изучилъ въ это время, ничто не отвѣчало до такой степени его обычному настроенію, какъ элегіи на темы изъ «Пѣсней Пѣсней», изданныя Германомъ Гугомъ подъ заглавіемъ: «*Pia desideria*» (Lipsiae, 1721; cum praefatione J. H. Ernesti). Только одинъ годъ пробылъ Феслеръ въ Пресбургѣ. Несмотря на столь короткое время, онъ значительно расширилъ кругъ своихъ свѣдѣній, съ коими и возвратился въ сентябрѣ 1771 г. въ Раабъ. Будучи переведенъ въ ноябрѣ въ риторическій классъ, онъ поступилъ подъ руководство ученаго филолога, іезуита Антонія Манчини. Здѣсь онъ твердо держался завѣта матери освящать знаніе дѣломъ. Продолжая чтеніе римскихъ поэтовъ, въ особенности Горация и Теренція, онъ съ большимъ любопытствомъ изучалъ и римскихъ историковъ: Ливія, Саллюстія и Тацита. Въ то же время онъ не покидалъ и сочиненій религіознаго содержанія: прочелъ всѣ творенія Августина, письма Іеронима, труды Іоанна фонъ-Крейца и Франца фонъ-Салиса. Среди такихъ занятій ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, когда Антоній Манчини поручилъ ему приготовить похвальное слово св. Игнатію. Этотъ трудъ Феслера отличался не только риторическими украшениями, но и любопытными размышленіями, почерпнутыми изъ приобрѣтенныхъ имъ въ школѣ и посредствомъ чтенія знаній. Чтеніемъ этого перваго опыта въ краснорѣчіи на публичномъ актѣ въ августѣ 1772 г. Феслеръ вызвалъ общее одобреніе въ своихъ многочисленныхъ слушателяхъ. Тѣмъ чувствительнѣе для него было препятствіе, встрѣченное со стороны матери, ко вступленію въ іезуитскій орденъ, что ему было предложено чрезъ нѣсколько недѣль послѣ публичнаго торжества: мать упростила его отказаться отъ такого намѣренія въ виду крайней его молодости. Тогда онъ сталъ готовиться къ поступленію въ орденъ

кармелитовъ или камальдуленскихъ пустынножителей, и съ этою цѣлію усердно посѣщалъ съ ноября 1772 до конца мая 1773 г. лекціи по предмету логики и метафизики. Онъ скоро преодолѣлъ всѣ трудности и испытанія, чтобъ приучить себя къ суровому образу жизни кармелитовъ. Но, вмѣсто жизни, исполненной тишины, уединенія и размышленій, судьба дала иное направленіе его дѣятельности.

Его дядя по матери, Георгъ Кнейдингеръ, преподававшій философію въ капуцинскомъ монастырѣ города Будима (Buda, Ofen), котораго посѣтилъ молодой Феслеръ, склонилъ его поступить въ число братьевъ ихъ ордена. Случилось такъ, что въ это самое время провинціалъ ордена находился въ Будимѣ. Послѣ обычнаго испытанія, вполне удовлетворившаго провинціала, Феслеръ былъ назначенъ въ Моорскій монастырь, находящійся въ комитатѣ Стольнаго Бѣлеграда (какъ называютъ славяне, по мад. Szekesfejernov, по нѣм. Stuhlweissenburg), куда онъ и поступилъ 9-го іюля 1773 г. подъ именемъ Инновентія. Своими способностями, обнаружившимися съ первыхъ же дней пребыванія въ монастырѣ и особенно выказавшимися на лекціяхъ въ ректоріи, Феслеръ привлекъ въ изумленіе начальника испытуемыхъ послушниковъ о. Онесима. Но, несмотря на уваженіе, которое онъ приобрѣлъ, благодаря своимъ основательнымъ и многостороннимъ знаніямъ, у властей и остальныхъ обитателей монастыря, ничто не могло освободить его отъ тяжелыхъ и грубыхъ работъ, исполнять которыя было обязанностию всякаго вновь вступившаго въ монастырь. Натираніе ступеней алтаря, метеніе монастырскихъ лѣстницъ, работы въ саду, и, въ то же время, спанье въ грубой одеждѣ, надѣтой прямо на голое тѣло, принадлежали къ ежедневному порядку въ его жизни. Сначала, впрочемъ, онъ хотѣлъ оставить монастырь и требовалъ хотя временнаго отпуска. Но о. Онесимъ принесъ ему въ келью творенія Сенеки и вручилъ ихъ съ отеческимъ наставленіемъ: поучаться отъ язычниковъ христіанскому смиренію, умерщвленію чувственности и самоотверженію. Сочиненія: *De providentia*, *De vita beata* и *De brevitae vitae*, вскорѣ онъ зналъ наизусть. Онъ многому научился отъ Сенеки, хотя и не тому, на чтѣ обращалъ его вниманіе о. Онесимъ. «Это было, — говоритъ самъ Феслеръ ¹⁾, — первое пробужденіе моего внутренняго міра, который однакожъ, при помощи усиленной дѣятельности духа, скоро пришелъ опять въ состояніе покоя и порядка. Мнѣ удалось отереть даже въ

¹⁾ Rackblicke u. s. w., S. 36 ff.

сочиненіяхъ Сенеки извѣстный мистицизмъ, послѣ чего я сталъ вѣрить, что онъ не лишень былъ божественнаго просвѣщенія. Во всякомъ случаѣ, онъ представлялся мнѣ вѣчно блаженнымъ, хотя, по неизвѣстности и сокровенности христіанства въ его время, онъ и не въ состояніи былъ сдѣлаться христіаниномъ. Съ тѣхъ поръ его мистицизмъ послужилъ къ укрѣпленію и возвышенію моего собственнаго; его мораль я примѣнялъ къ отношеніямъ внѣшней жизни, въ которыхъ моя мистика часто оказывалась невѣрною и безпомощною. Такимъ образомъ, будучи исполненъ заученнаго мистицизма безъ внутренней религіозности и устремивъ взоръ на предстоявшую мнѣ цѣль, шелъ я впередъ по моему пути съ дѣтскою покорностію воли Божіей и подчиняясь всѣмъ распоряженіямъ орденскихъ властей относительно меня».

9-го іюля 1774 г. Феслеръ произнесъ передъ алтаремъ торжественный обѣдъ монашеской жизни, чѣмъ закрѣплена была неразрывная связь между нимъ и орденомъ. Въ томъ же мѣсяцѣ онъ переведенъ былъ въ монастырь Бешніѳ (Besnijið), находящійся въ двухъ миляхъ отъ Пешта. Тамашній настоятель о. Целестинъ вскорѣ полюбилъ его и сталъ относиться къ нему съ отеческимъ расположеніемъ: такіа отношенія сохранились между нимъ и впослѣдствіи, когда Феслеръ уже оставилъ монастырскую жизнь. Кромѣ того, Феслеръ умѣлъ понравиться монастырскому библіотекарю о. Леониду готовностію, съ какою онъ помогалъ ему въ 'расчиствѣ его сада и уходѣ за цвѣтами. Онъ не отказывался отъ исполненія самыхъ тяжелыхъ работъ въ ожиданіи единственной за то награды—полученія книгъ изъ библіотеки, и часто проводилъ ночи безъ сна за чтеніемъ. Его тогдашній выборъ падалъ предпочтительно на священное писаніе, на творенія отцовъ церкви, на мистиковъ, на сочиненія Діонисія Ареопагита, Герсона, Рюнсброва и другихъ. Мысль сдѣлаться мученикомъ за вѣру снова проснулась въ немъ. Онъ сонавалъ, что подобное призваніе сопряжено съ несказаннымъ множествомъ трудностей; но крѣпкое здоровье и сильный духъ поддерживали его въ такомъ направленіи. Чтобы утвердиться въ немъ, онъ нерѣдко бодрствовалъ цѣлыя ночи, бѣгалъ въ монастырскомъ лѣсу во время грозъ подъ дождемъ до разгоряченія; то, напротивъ, ходилъ босоногимъ по снѣгу или бичевалъ себя терновникомъ до крови, налагалъ на себя посты по обѣщаніямъ и изнурялъ свои силы голодомъ и жаждою. Однакожъ такими внѣшними приѣмами нельзя было укротить возбужденныя въ годы ученія духовныя потребности, нуждавшіяся въ болѣе свойствен-

номъ имъ, внутреннемъ удовольствіи. Судьба и на этотъ разъ пришла на помощь Феслеру. Его душевное настроеніе обратилось въ иную сторону послѣ знакомства съ барономъ Подманицкимъ, который жилъ въ своемъ имѣніи въ полумилѣ отъ Бешнѣй. Изъ бібліотеки этого многосторонне-образованнаго человѣка Феслеръ получилъ сочиненіе Флери о церковной исторіи и трактатъ Муратори объ истинной набожности. Впечатлѣніе, произведенное на него этими книгами, Феслеръ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ ¹⁾: «Мой покой исчезъ, мой внутренній міръ былъ разрушенъ, мой духъ спустился съ мистическаго неба на землю. Флери убѣдилъ меня въ перерожденіи христіанской церкви, въ испорченности и ничтожествѣ нынѣшняго монашества, Муратори — въ бессодержательности и непріемлемости монашескихъ обѣтовъ. Съ страшнымъ напряженіемъ работалъ я надъ собою, стремясь то возстановить мое прежнее состояніе духа, то достигнуть новаго свѣта и примиренія. Съ этою цѣлію я прочелъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ семь разъ подъ рядъ Новый Завѣтъ, затѣмъ нѣкоторые латинскіе отцовъ церкви, въ томъ числѣ Лактанція, Кипріяна, Сальвіана и Льва, и наконецъ, первыя четыре книги большаго собранія дѣяній вселенскихъ соборовъ. При этомъ я не отказывался отъ бдѣнія и постовъ. Моя молитва къ Божественному Духу состояла болѣе изъ воздыханій и слезъ, чѣмъ изъ словъ. Но все было напрасно. Мои прибрѣтенныя ученіемъ вѣрованія не возвращались; а безъ нихъ и текущая, и мимолетная, и будущая жизнь покрыты были мракомъ». При такомъ мрачномъ настроеніи духа, благодаря привычкѣ отыскивать всюду книги, попались въ руки Феслера стихотворенія Гофмансвальдау. Мало знакомый съ современною ему изящною литературой, Феслеръ искалъ въ этихъ стихотвореніяхъ чего-то новаго и нашелъ чувственныя, не рѣдко безнравственныя описанія. Такое чтеніе разбудило въ молодомъ Феслерѣ спавшую до тѣхъ поръ и столь естественную въ его годы склонность къ женщинамъ: онъ забылъ, какъ самъ рассказываетъ, въ ближайшій праздникъ Вознесенія Господня небо со всѣми его святыми для красивыхъ дочерей земли, явившихся въ монастырь вмѣстѣ съ другими богомольцами. Любопытно, что побѣдить мятежное физическое чувство и сохранить монашескіе обѣты ненарушенными помогло ему вторичное чтеніе произведеній Сенеки. Конечно, ихъ содержаніе не могло дать ему какой-либо системы религіознаго ученія, но мораль Сенеки защитила его отъ порчи

¹⁾ Rückblicke u. s. w., S. 43 ff.

сердца распутствомъ, въ которое грозила увлечь его фантазія, исполненная чувственныхъ образовъ. Но, хотя и успокоившійся, Феслеръ все-таки думалъ о средствахъ съ честію освободиться отъ узъ монастырской жизни. Ему казалось наиболѣе цѣлесообразнымъ пріискать мѣсто священника или напеллана и духовника при дворѣ какого-нибудь епископа или графа. Только безупречными правами и усовершенствованіемъ въ научныхъ знаніяхъ думалъ онъ достигнуть этой цѣли.

Въ началѣ сентября 1775 г., Феслера перевели въ Велико-Варадинскій (нѣм. Grosswardein, мад. Nagyvárad) монастырь, чтобы изучать тамъ схоластическую философію. Напряженнымъ трудомъ онъ вскорѣ достигъ того, что его стали считать самымъ искуснымъ діалектикомъ на диспутахъ. Каноники Бимби и Ганочи и даже самъ епископъ Патачичъ не только хвалили его усердіе къ учебнымъ занятіямъ, но и поощряли, дая щедро книги. Обогативъ свою библіотеку 50 книгами, оставилъ онъ въ 1776 г. Великій Варадинъ. Оттуда онъ переведенъ былъ въ лежащій неподалеку отъ Вѣны монастырь Швехатъ, чтобы изучать тамъ нравственное богословіе и казуистику. Но въ Швехатѣ его ожидали неблагоприятныя условія. Тотчасъ же по прибытіи туда у него отняты были всѣ привезенныя имъ книги, хотя въ нихъ не заключалось ничего противнаго монастырскимъ занятіямъ; даже пользованіе монастырскою библіотекою было ему запрещено. Онъ не долженъ былъ читать ничего иного, кромѣ предложеннаго ему крайне недостаточнаго «Compendium Theologiae moralis universae» и жалкихъ тетрадокъ учителя о. Амадея. Однакожъ, онъ усилилъ свое прилежаніе, въ особенности когда одинъ изъ друзей его прислалъ ему экземпляръ составленнаго Павломъ Ритгеромъ (P. Riegger): «*Synopsis juris ecclesiastici publici et privati*». При посредствѣ того же друга обратился Феслеръ письменно въ январѣ 1777 года къ придворному совѣтнику и профессору церковнаго права Іосифу Валентину фонъ-Эйбелю, причемъ откровенно изложилъ ему свой образъ мыслей и свои обстоятельства. Эйбель (род. 3-го марта 1741, ум. 30-го іюня 1805 г.) и самъ былъ изъ людей очень замѣчательныхъ: вначалѣ также учившійся у іезуитовъ философію, греческому и еврейскому языкамъ, онъ перешелъ потомъ къ юридическимъ занятіямъ и, при содѣйствіи вышеупомянутаго Ритгера, занялъ въ 1773 г. кафедру церковнаго права въ вѣнскомъ университетѣ. Онъ былъ лично извѣстенъ императору Іосифу II, который въ 1779 г. поручилъ ему составить докладъ о вѣропримости. Послѣ того, онъ написалъ нѣсколько сочиненій, въ

которыхъ критически разбирали тогдашніе церковные порядки. Языкъ этихъ сочиненій не понравился тогдашнему вѣнскому архіепископу, кардиналу Мигацци, и даже навлекъ на Эйбеля отлученіе отъ церкви. Но подѣ покровительствомъ императора онъ продолжалъ указывать въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, съ любопытствомъ читанныхъ его современниками, на недостатки въ тогдашнихъ церковныхъ порядкахъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что Феслеръ сошелся съ Эйбелемъ въ этомъ направленіи. Въ то же время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, Эйбель издалъ лишь нѣсколько книгъ по части церковно-каноническаго права: эти сочиненія онъ и послалъ Феслеру въ подарокъ ¹⁾. Старательно спряталъ послѣдній эти драгоценности въ самыхъ потаенныхъ углахъ монастыря и только по ночамъ доставалъ ихъ оттуда для чтенія. Отъ многихъ занятій, сильнаго напряженія духа и присоединившейся къ тому простуды, Феслеръ заболѣлъ въ концѣ октября 1778 года. Знаменитому врачу Максимилиану Штолю, который былъ вызванъ изъ Вѣны, онъ разсказалъ не только о своей физической болѣзни, но и о своихъ духовныхъ недугахъ, прося у него совѣта и помощи. Для дальнѣйшаго леченія Феслеръ былъ перевезенъ въ ноябрѣ въ Вѣну. Его тѣлесная болѣзнь скоро прошла; а духовному выздоровленію особенно помогъ Эйбель, который ободрилъ его къ дальнѣйшимъ занятіямъ, съ цѣлю приготовленія къ преподавательскому званію и обѣщалъ снабжать всѣми необходимыми для того книгами. Черезъ Эйбеля же Феслеръ познакомился съ ученымъ бенедиктинцемъ Стефаномъ Раутенштраухомъ, который занималъ мѣсто референта въ вѣнской придворной училищной комиссіи и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ всѣхъ богословскихъ факультетовъ въ австрійскихъ владѣніяхъ: и этотъ ученый постоянно поддерживалъ своими совѣтами и сочиненіями Феслера, которому они служили утѣхою въ его печальныхъ обстоятельствахъ. Основные положенія въ сочиненіяхъ Раутенштрауха представляли совершенный контрастъ съ устарѣвшими ученіями монастырскихъ школъ. Все, что только имѣло какой-либо признакъ лицемерной набожности, было раскрыто и отвергнуто въ этихъ сочиненіяхъ и не забыто ничего,

¹⁾ *Adumbratio studii jurisprudentiae*, II. Partes (Vindob. 1778 sq.); *Lucubratio canonica exhibens notiones de natura, ortu et progressu electionum personarum ecclesiasticarum* (ib., 1664); *Ordo principum jurisprudentiae eccles.* II. Partes (ib. 1775 sq.); *Collectio select. lucubrationum jurisprudentiam eccles. illustrantium* (ib. 1774 sq.); *Corpus juris pastoralis novissimi*. III Partes (ib. 1776); *Introductio in jus eccles. Catholicorum*, IV Partes (печатаніе началось только что въ 1877 году. Вообще объ Эйбелѣ см. Wurzbach's Biogr. Lexicon, Th. W, S. 118—119.

что только относилось къ обязанностямъ истинной религіозности. По собственному признанію Фесслера только черезъ сочиненія Эйбеля и Раутенштрауха онъ приобрѣлъ умѣнье узнавать и постигать истинную ученость. Тѣмъ сильнѣе было его огорченіе по возвращеніи въ монастырь, когда всѣ эти литературныя сокровища, припрятанныя не съ достаточною осторожностью, не укрылись отъ подозрительныхъ глазъ о. Амадея и стали добычею этого сухого схоластика. Печаль отъ такой потери была причиною новой болѣзни Фесслера. Подъ предлогомъ ночныхъ прогулокъ внѣ монастыря, Фесслеръ былъ подвергнутъ, по повелѣнію провинціала отъ 17-го декабря 1778 г., публичному наказанію за трапезой, сидѣнію на хлѣбѣ и водѣ. Чтобы избавиться отъ наставленій Амадея, котораго онъ презиралъ какъ учителя и ненавидѣлъ какъ своего гонителя, составилъ онъ письмо на имя провинціала, въ которомъ онъ въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ просилъ о перемѣщеніи въ другой монастырь. Первымъ слѣдствіемъ его просьбы было письмо, полное отеческихъ увѣщаній, передать съ покорностію все свое бѣгство святому ордену ¹⁾. Но вслѣдъ затѣмъ, 23-го декабря, постигло его новое наказаніе: приказано есть хлѣбъ и воду стоя. Однакожъ съ 29-го декабря онъ переведенъ былъ въ монастырь города Нейштадта близъ Вѣны. Къ счастью, онъ успѣлъ заблаговременно передать въ руки своего пріятеля тѣ литературныя сокровища, которыя успѣлъ сберечь отъ расхищенія монастырскими наставниками. Оказалось, что перемѣна монастыря повела къ еще большому ухудшенію жизни Фесслера. Надменность, жестокость и упрямство, какими отличался лекторъ Нейштадтскаго монастыря о. Цельтъ, не имѣли ничего подобнаго себѣ. Терпѣливо переносилъ Фесслеръ вмѣстѣ съ своими товарищами долгое время неистовые порывы гнѣва, которыхъ не умѣлъ сдерживать ихъ наставникъ. Но однажды его неистовства перешли всякіе предѣлы, и отданные подъ его надзоръ молодые монахи послали въ Оппинскій капитулъ просьбу объ удаленіи ихъ мучителя. Желаніе ихъ было исполнено; но все-таки они были подвергнуты трехдневному посту на хлѣбѣ и водѣ и въ августѣ 1779 г. переведены въ монастырь Мёдлингъ, находящійся въ 2½ миляхъ отъ Вѣны. Такое, отличающееся крайнею грубостію, обращеніе монастырскихъ властей съ молодыми монахами было въ то время самымъ обыкновеннымъ явленіемъ; но его безобразіе будетъ еще очевиднѣе, когда мы узнаемъ, что Фесслеръ, подвергшійся всѣмъ этимъ безцѣльнымъ

¹⁾ См. Rückblicke u. s. w., S. 430 ff.

строгостямъ, еще въ 1777 г. посвященъ былъ въ Вѣнѣ кардиналомъ Мигацци въ іподіаконы, а въ 1778 г. папскимъ нунціемъ, епископомъ Гарампи, въ діаконн, и наконецъ 29 мая 1779 г. онъ получилъ санъ священника. Ему было тогда 23 года. Свое положеніе въ Мѣдлингѣ онъ описалъ въ откровенныхъ письмахъ къ дядѣ своему Андрею Клейдингеру, проживавшему въ Пресбургѣ, и къ Стефану Раутенштрауху. Первому онъ написалъ отъ 20 мая 1780 г.: «Философскія мысли о пользѣ недовѣрчивости, которыя вы предлагаете мнѣ въ своемъ послѣднемъ письмѣ на размышленіе, вѣжусь мнѣ не вышлѣ согласными съ достоинствомъ человѣка. По крайней мѣрѣ мое сердце на столько нѣжно, запасъ моей опытности такъ еще скуденъ и поводы для того, чтобы предпосылать всему наблюденіе, были еще такъ рѣдки въ моей жизни, что я еще не могъ принять за общее практическое правило въ обхожденіи съ людьми вашего предложенія: считать всякаго человѣка злымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ очевидныхъ доказательствъ противнаго. Извините меня, если я въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ иду не далѣе, чѣмъ дозволяютъ мнѣ то природа и прямая истина. Я еще никогда не находилъ людей злыми, развѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовали ихъ выгоды, и не считалъ ихъ опасными для согражданъ, если только ихъ взаимные интересы не сталкивались. Если я отъ моихъ собратьевъ по ордену и испыталъ нѣчто недоброе, то причиною того не была ихъ злоба, но то обстоятельство, что я сильно боролся въ видахъ улучшенія моей судьбы противъ порядковъ ордена, который даетъ имъ существованіе, или же потому, что ихъ особенные интересы приходили въ столкновеніе съ моими, а я съ своей стороны былъ не настолько проворливъ, чтобы предвидѣть подобныя коллизіи и находить цѣлесообразныя средства къ устраненію ихъ. Никогда еще я не имѣлъ случая усомниться въ справедливости правила: употребляй твою способность наблюденія на изслѣдованіе, повѣрку и опредѣленіе разнообразныхъ человѣческихъ интересовъ, на возвышеніе силъ и средствъ, коими они могутъ пользоваться въ случаѣ столкновенія съ твоими собственными интересами, и только такую мѣрку прилагай къ твоему обращенію съ ними».

Такимъ образомъ, Феслеръ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ возлагалъ на себя вину въ бывшихъ съ нимъ непріятностяхъ. Изъ письма же къ Раутенштрауху всего лучше видно внутреннее состояніе души Феслера и ея разладъ съ дѣйствительностью: «Воспитанному женщиною и священниками и достигшему 17 лѣтъ трудно сдѣлать правильный выборъ. Я пошелъ въ монастырь, ибо вѣрилъ,

что такъ необходимо для моего благополучія; я произвесь орденскую вязьму, ибо полагалъ, что такъ и надо, и живу теперь въ тягчайшихъ уважъ, вопреки моему твердому убѣжденію, что все это могло и должно быть иначе. Впрочемъ, не научись я никакой благородной потребности, кромѣ того, чтобы хорошо поѣсть и попить, пометать о небесныхъ радостяхъ, подавать утѣшеніе старымъ женщинамъ, а ихъ дочерей направлять любовно на путь спасенія, тогда и я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ, несмотря на всю внѣшнюю строгость, которою обманываетъ мое одѣяніе остальной міръ». До какой степени Феслеръ соединялъ тогда въ своемъ положеніи деиста съ католическимъ священникомъ, это показываетъ его собственное признаніе въ разговорѣ съ его другомъ, государственнымъ секретаремъ фонъ-Малинари, который думалъ, что онъ ни болѣе, ни менѣе какъ капуцинъ всею душою. «Чѣмъ болѣе я думаю,—отвѣчалъ Феслеръ,—тѣмъ болѣе признаю себя за самаго обыкновеннаго человѣка, и всею душою я ни болѣе, ни менѣе какъ ученикъ природы и истины. Но я въ то же время христіанинъ и священникъ, первый въ строгомъ, второй въ обыкновенномъ смыслѣ принимаемый,—и мнѣ кажется, что одно исключается другимъ. Я христіанинъ и знаю духъ священства, не бывъ священникомъ въ суетномъ смыслѣ. Кто читалъ евангеліе, тотъ знаетъ и безъ моихъ дальнѣйшихъ объясненій, что по евангелію называется христіаниномъ, что священникомъ. Христіанинъ слѣдуетъ ученію Іисуса Христа, котораго первосвященники повелѣли распять».

Къ такимъ неутѣшительнымъ взглядамъ пришелъ Феслеръ, воспитанный съ раннихъ лѣтъ въ мистической набожности своею матерью и потомъ отданный подъ суровую ферулу монастырскаго католическаго духовенства, которое и въ общемъ своемъ составѣ, по обыку безбрачія, отличалось исключительнымъ характеромъ. А въ эпоху, когда воспитывался и выросъ Феслеръ, жизнь католическихъ монастырей со всеми ея внѣшними и внутренними недостатками уже напрашивалась на строгія реформы императора Іосифа II. Но съ другой стороны и самъ Феслеръ, какъ это мы видѣли изъ его признаній, былъ явленіемъ исключительнымъ. Онъ принималъ всѣ церковныя постановленія за положительныя догмы и не разсматривалъ ихъ какъ символическое выраженіе религіозныхъ созерцаній. Въ церковныхъ церемоніяхъ онъ усматривалъ не простыя формы религіозныхъ чувствъ, но самую жизнь религіи. А потому онъ былъ чрезвычайно точенъ во всѣхъ отправленіяхъ возложеннаго на него сана. Съ благоговѣніемъ читалъ онъ мессу,

въ которой усматривалъ торжественную молитву вѣчной, вседержащей, міровой силѣ. Исповѣдальня была для него обильнымъ источникомъ для изученія человѣческаго сердца. «Ни одного закосѣлаго грѣшника, — говоритъ онъ самъ ¹⁾, ни одной знатной, глубоко погрязшей въ распутствѣ и безстыдствѣ грѣшницы не отпустилъ я изъ моей исповѣдальни прежде, чѣмъ она открыла мнѣ обстоятельно и подробно, отчасти добровольнымъ признаніемъ, отчасти отвѣчая на мои вопросы, какимъ постепеннымъ путемъ она достигла такой степени нравственной испорченности». Замѣтное чувство удовольствія господствуетъ въ письмѣ Феслера къ прелату Раутенштрауху, посланное къ нему въ Вѣну 31 мая 1781 года. «Я наслаждаюсь, — писалъ онъ, — около двухъ лѣтъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Уже за мною болѣе не слѣдуетъ. Никто не сомнѣвается въ моей монашеской ортодоксіи, и возможно ли это, когда я все время мечтаю о церкви, папѣ, Бегларминѣ и св. Бонавентурѣ, а когда всѣ спятъ, живу исключительно въ духовномъ обществѣ Петра Де-Марка, Боссюета, Сант-Эспена и родственниковъ имъ умовъ. Еще немного времени — и меня будутъ считать не только опорой ордена, но и орудіемъ папства». Въ то же время, въ письмѣ къ своему дядѣ, Андрею Кнейдингеру, Феслеръ высказывалъ, какъ онъ счастливъ, видя, что его собраніе ученыхъ пособій все болѣе и болѣе возрастаетъ. «Я роюсь и купаюсь въ немъ, — писалъ онъ, — и съ радостію замѣчаю, что кругъ моихъ историческихъ, каноническихъ и богословскихъ воззрѣній ежедневно расширяется, и при этомъ съ благодарностію вспоминаю о матери, которая научила меня нужнѣйшему — бережливости во времени» ²⁾.

Вскорѣ умерла императрица Марія-Терезія, набожно чтившая всѣ предписанія католической церкви и не допускавшая въ послѣдніе годы своей жизни никакихъ сомнѣній на счетъ захваченныхъ монастырями и капитулами правъ и установившейся въ нихъ дисциплинѣ. На престолъ взошелъ Іосифъ II, иначе думавшій объ этихъ предметахъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ сентябрѣ 1781 года, переведенъ былъ и Феслеръ въ одинъ изъ вѣнскихъ монастырей. Духъ приближавшейся церковной реформы проникъ и въ его келью. Мысль о выходѣ изъ состоянія, къ которому онъ не чувствовалъ себя расположеннымъ, получила характеръ непоколебимаго рѣшенія. Въ письмѣ къ Андрею Кнейдингеру,

¹⁾ Rückblicke u. s. w., S. 73 fig. Срв. Ersch und Gruber, Encyclopädie, I Section, 43, Th. S. 270—271.

²⁾ Rückblicke u. s. w., S. 77—78.

отъ 16 февраля 1782 года, онъ, между прочимъ, говорилъ: «вы знаете, что моимъ выборомъ монашеской жизни я обязанъ моей матери. Я былъ благодаренъ ей за многое и не долженъ былъ устраивать лучшую судьбу для себя цѣною ея спокойствія. Но въ то же время я настолько сознаю себя человекомъ, что не могу пожертвовать цѣлю и удовольствіемъ всей моей жизни ея набожнымъ намѣреніямъ. А такъ какъ мои шаги въ этомъ направленіи должны совершиться публично, то они станутъ извѣстны моей матери. Но это должны прежде всего одѣлать вы, любезный дядя, дабы лживость и изобрѣтательность моихъ враговъ не исторгли преждевременно слезъ изъ очей матери и проклятій изъ ея сердца на ея сына, рѣшившагося на справедливое и благородное дѣло. Я самъ не буду писать ей о томъ, что предпринимаю, ибо въ моемъ собственномъ дѣлѣ я скорѣе вызову ея недовѣріе, чѣмъ довѣренность». Случилось такъ, что, недѣлю спустя послѣ этого письма, сама судьба послала Феслеру справедливый поводъ къ разрыву съ орденомъ, къ которому онъ принадлежитъ, и что еще важнѣе—тотъ поводъ касался не его личныхъ интересовъ, а участи всей братіи, вручившей свою судьбу ордену. 23 февраля 1782 г., въ полночь, Феслеръ былъ введенъ, по приказанію настоятеля о. Велекунда, въ неизвѣстную ему до тѣхъ поръ подземную монастырскую темницу. Онъ долженъ былъ приобщить св. Тайнъ заключеннаго тамъ монаха, по имени Никомеда, приближавшагося къ смерти. Несчастный старикъ умеръ въ этой ужасной тюрьмѣ на рукахъ Феслера. Въ теченіи пятидесяти двухъ лѣтъ онъ долженъ былъ искупать тамъ грѣхъ юношеской вспыльчивости. Для всякаго человека, нравственная природа котораго еще не искажена какимъ-либо уродливымъ вліяніемъ жизни, достаточно одного подобнаго событія, чтобы понять ложность тѣхъ основаній, на которыхъ постоитъ самое учрежденіе, способное допустить въ себѣ подобное явленіе. Глубоко возмущенное чувство человеколюбія, неумеренное еще подъ одѣяніемъ капуцина, и мысль о возможности подобной же опасности для самого себя побудили Феслера открыть въ тайномъ письмѣ на имя императора Іосифа II существованіе адской пропасти, въ которой умерщвляла свои жертвы духовная ненависть. «Счастливъ я,—писалъ Феслеръ Раутенштрауху, 1 мая того же года,—что мое указаніе на темницу въ здѣшнемъ монастырѣ попало въ ваши руки; этимъ я обезпеченъ отъ всякаго предательства. Уже послѣ того, какъ письмо мое попало въ руки императора, я обратилъ вниманіе на это—и понялъ, на что я отважился, еслибъ

императоръ отдалъ мое донесеніе для доклада какому-либо другу монаховъ, что могло случиться весьма легко. Я успокоенъ теперь извѣщеніемъ отъ вашего секретаря. Я ему сообщалъ также мои мысли о способѣ и средствахъ, коими, какъ мнѣ кажется, должно быть ведено слѣдствіе». Не всѣ, однакожъ, знавшіе Феслера отнеслись къ поступку его съ такою похвалою, какъ Раутенштраухъ. По крайней мѣрѣ Молинари поспѣшилъ высказать ему свое неудовольствіе по этому поводу. Но Феслеръ былъ настолько убѣжденъ въ основательности своего дѣла и въ справедливости своихъ взглядовъ, что ничье вмѣшательство не могло измѣнить его намѣреній. Онъ подалъ письменный докладъ, въ коемъ исходилъ изъ мысли, что императоръ, въ соглашеніи съ нуждавшимся въ деньгахъ папою Піемъ VI, съ честолюбивымъ кардиналомъ Мигацци и нѣкоторыми благомыслящими епископами, при содѣйствіи значительнаго числа пресвѣщенныхъ или по крайней мѣрѣ ученыхъ прелатовъ, можетъ преодолѣть всѣ трудности, если только захочетъ произвести что-либо великое. Феслеръ даже намѣчалъ предѣлы самой реформы, указывая при этомъ подробно и самыя средства достигнуть соглашенія съ церковною властію¹⁾. Послѣдствія отвѣчали его желаніямъ. Произведены были строгіе розыски во всѣхъ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ австрійской монархіи. Уже въ сентябрѣ 1782 г. выведено было на свѣтъ Божій изъ мрачныхъ темницъ различныхъ монастырей значительное число иноковъ и инокинь. По повелѣнію императора, всѣ монастырскія тюрьмы были разрушены. Но это не приобрѣло Феслеру друзей между монахами. Прежняя подозрительность его собратій по ордену превратилась теперь въ ненависть, и началось непримиримое преслѣдованіе открывшаго всей странѣ монастырскія тайны. Въ концѣ 1782 г., когда вполнѣ окончился кругъ предписанныхъ ему орденомъ ученыхъ занятій и духовныхъ послушаній, рѣшено было перевести его въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ монастырей Венгріи и держать тамъ въ забвеніи отъ остального свѣта. Феслеру нечего было терять, и онъ рѣшился на крайнее средство. Онъ подалъ просьбу императору, въ которой изъяснялъ, что, не имѣя возможности усовершенствовать свои богословскія познанія въ монастырскихъ школахъ, желалъ бы продолжать свои занятія въ вѣнскомъ университетѣ, гдѣ онъ намѣревался также изучать естественное, государственное и церковное право. А чтобы вызвать своихъ тайныхъ преслѣдователей

¹⁾ Rückblicke u. s. w., S: 108. fig.

на явный бой, онъ напечаталъ подъ своимъ именемъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Что есть Императоръ?»¹⁾

Этимъ роковымъ сочиненіемъ Феслеръ открывалъ свою будущую литературную дѣятельность, вступалъ въ борьбу съ сословіемъ, членомъ котораго былъ самъ, и выступалъ на путь, имѣвшій влияние на судьбу цѣлой его жизни. Эпиграфомъ къ первому выпуску этого сочиненія взяты были слова Оригена изъ его Толкованій къ пророчествамъ Іереміи, имѣющія такой смыслъ: «Все это объяснено было другими уже прежде меня. Но такъ какъ я не отвергъ ихъ объясненій, а, напротивъ, принялъ съ возможнымъ одобреніемъ, то и предлагаю здѣсь мнѣнія другихъ. Не имѣя притязаній на титулъ перваго объяснителя, я повторяю только объясненное». И въ самомъ дѣлѣ, книжка Феслера есть не что иное, какъ сочетаніе безчисленныхъ выдержекъ изъ св. писанія, изъ твореній отцовъ церкви и сочиненій различныхъ католическихъ писателей, клонившееся къ выясненію главной мысли автора о верховныхъ правахъ императора въ церковныхъ дѣлахъ. Замѣчательная начитанность, обнаруженная Феслеромъ въ этомъ сочиненіи, получала еще болѣе значеніе отъ примѣненія ея къ одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ того времени. «Императоръ!—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи:—ни о чемъ не слышно теперь, какъ объ императорѣ. Придворный, воинъ, гражданинъ, священникъ, монахъ и даже любой сельчанинъ, работающій плугомъ, зываютъ: Императоръ! Но что же такое императоръ? Постараюсь отвѣтить на этотъ не менѣе важный вопросъ, чѣмъ вопросы: что есть папа? что есть епископъ? и др.». Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть намека на обратившія тогда къ себѣ общее вниманіе брошюры уже извѣстнаго намъ церковнаго публициста, Іосифа Валентина Эйбеля, въ которыхъ разсматривались только-что названные Феслеромъ вопросы²⁾. «Предметомъ моего объясненія, — говоритъ далѣе Феслеръ, — не будетъ римскій императоръ въ ограниченномъ смыслѣ слова, но вообще христіанскій владѣтель, коему Создатель обществъ ввѣрилъ кормило государственнаго правленія. Такъ какъ я уклоняюсь отъ всеобщаго почти опредѣленія, или, точнѣе сказать, отъ всеобщаго почти предубѣжденія, то это мнѣ тѣмъ болѣе простиительно, чѣмъ выше воззрѣнія тѣхъ, которыхъ я привожу въ

¹⁾ „Was ist der Kaiser? Verfasst von einem Kapuziner-Mönch. Herausgegeben von Fessler. 2 Heften. Wien, bei Joh. G. Weingand, 1782.

²⁾ „Was ist der Pabst?“ (Wien, 1782).—„Qu'est-ce que le pape?“ Trad. de l'Allem. (16. 1788).—„Was ist ein Bischof?“ (Ib. 1782).—„Was ist ein Pfarrer?“ (Ib. 1782).—„Was ist Ablass?“ (Ib. 1782).

ручательство за истинность моего отвѣта. Придворный могъ обо-
жать всегда владѣтеля своей земли, какъ виновника своего счастья,
войнѣ—почитать какъ награждителя своей храбрости, гражданинъ
—любить какъ своего защитника и покровителя. Онъ для свя-
щенника будетъ повелителемъ своихъ государствъ; для монаха,
какъ въ дѣлахъ временныхъ, такъ и духовныхъ, преданнымъ
слугою римскаго двора; а для сельчанина тѣмъ, чѣмъ угодно
будетъ представить его любому невѣждѣ или странствующему
монаху. Разнообразіе всѣхъ этихъ взглядовъ не помѣшаетъ мнѣ
показать, чѣмъ долженъ быть императоръ и вообще христіанскій
государь для правомыслящихъ христіанъ. Ученіе и примѣры
св. отцовъ должны служить руководствомъ при нашихъ размы-
шленіяхъ, если хотимъ быть христіанами. Мы не впадемъ въ
заблужденіе, если будемъ смотрѣть на императора такъ, какъ
смотрѣли на него отцы со всею заслуживающею уваженія древ-
ностію».

Въ самомъ сочиненіи Феслеръ доказывалъ, что императоръ
есть послушный сынъ церкви въ духовныхъ дѣлахъ; что всякій
государь въ своей странѣ есть предуставленный отъ Бога устрои-
тель временныхъ дѣлъ, имѣющій защищать церковь, устра-
нять смуты и беспорядки въ религіозныхъ дѣлахъ и охранять
исполненіе опредѣленій св. церкви; что онъ въ пользованіи своею
властію независимъ отъ власти духовной и подчиненъ только
одному Богу. Въ доказательство этихъ положеній приведены были
последовательно мнѣнія: св. Иринея, Тертуліана, Августина,
Іоанна Златоуста, Григорія VII, Епифанія, папы Льва Великаго,
св. Исидора, Евсевія (біографа Константина Великаго), поста-
новленія вселенскихъ соборовъ, парижскаго синода 829 года,
византійскихъ новеллъ, средневѣковыхъ историковъ и новѣйшихъ
церковныхъ писателей. Вслѣдъ за первымъ появился и второй
выпускъ, о значеніи котораго самъ авторъ такъ выразился въ
письмѣ къ дядѣ Андрею Кнейдингеру: «Эпиграфъ на выходномъ
листѣ изъ Сам. I, 10, 25 и псалм. 40, 11 предъизвѣщаетъ всѣхъ
друзей истины и челоѣчества о теперешнемъ затруднительномъ
положеніи моемъ. Этотъ второй выпускъ написанъ основатель-
нѣе, сильнѣе, рѣзче, чѣмъ первый, и можетъ служить мѣркою
нынѣшнихъ познаній моихъ въ естественномъ, государственномъ
и церковномъ правѣ. Чѣмъ скуднѣе могли быть они, тѣмъ болѣе
должно побудить это сочиненіе моихъ друзей къ защитѣ меня,
если они сообразятъ только, при какихъ затрудненіяхъ, въ ка-
комъ возрастѣ, лишь тайно и частнымъ образомъ я долженъ былъ
пріобрѣтать эти свѣдѣнія». Во второмъ выпускѣ говорилось,

между прочимъ, и объ обязанностяхъ членовъ духовенства относительно государя.

Феслеръ могъ лично наслаждаться учеными достоинствами своего сочиненія; но даже для самыхъ умѣренныхъ его противниковъ оно представлялось церковно-политическимъ памфлетомъ. Оно раздражило его враговъ особенно тѣмъ, что дѣйствовало оружіемъ, освященнымъ религіозными преданіями и церковной исторіей, и что отвѣчать на столь прямо поставленный вопросъ въ смыслѣ противоположномъ было не безопасно. Жизнь Феслера въ монастырѣ стала почти невозможною; его отношенія къ своему ордену — невыносимыми. Вотъ какъ самъ онъ изображаетъ тогдашнее положеніе свое въ автобіографіи: «Жизнь стала для меня мучительною, и я бы истощился тѣлесно, если бы не обладалъ большимъ запасомъ жизненныхъ силъ. Очень часто мнѣ приходило въ голову намѣреніе спастись бѣгствомъ, удалиться въ чисто протестантскую землю и перейти въ лютеранскую церковь, ибо отъ папской церкви уже давно не осталось въ моей душѣ ни единой юты. Но мое самолюбіе возставало съ недолимою силой противъ мысли о тайномъ бѣгствѣ; оно заставляло меня держаться прекраснаго правила древнихъ: *Perfer et obdura, dolor hic tibi proderit olim*, пока не удастся разорвать связующихъ оковъ честнымъ образомъ» ¹⁾).

Пока Феслеръ обдумывалъ такимъ образомъ средства избавиться отъ своихъ отношеній къ монашескому ордену, церковныя власти обвинили его въ нарушеніи обѣтовъ убожества, повиновенія и чистоты. Онъ вызванъ былъ на судъ къ архіепископу и кардиналу Мигацци. Его собственный дядя Георгій выступилъ противъ него въ числѣ обвинителей. О послѣдствіяхъ суда Феслеръ такъ писалъ Андрею Кнейдингеру въ Пресбургъ, отъ 3-го сентября 1782 года: «Моя дѣла принимаютъ неблагоприятный оборотъ. Моя судьба приближается къ рѣшительному шагу. Все слабѣе становится моя надежда побѣдить возни монаховъ и кардинала-архіепископа. Только неисполнимое предопредѣленіе Божіе можетъ меня извлечь изъ замѣшательства, въ которыя я вижу себя завлеченнымъ. За извѣстное замъ письмо и напечатанное сочиненіе мое былъ я обвиненъ предъ архіепископскою консисторіей и отлученъ на 4 недѣли отъ священнодѣйствія. Вчера истекъ срокъ этого наказанія, и сегодня въ первый разъ я снова читалъ мессу». Въ столь трудныхъ обстоятельствахъ Феслеръ нашелъ, кромѣ прелата Раутенштрауха,

¹⁾ Rückblicke u. s. w., 8, 128 fig.

влиятельнаго защитника въ лицѣ барона Франца-Карла фонъ-Кресселя, предсѣдателя назначенной императоромъ духовной коммисіи. Оба они старались представить предъ императоромъ невинность Феслера. Успѣхъ увѣнчалъ ихъ усилія, хотя достиженіе цѣли и стоило болѣе года. 6-го февраля 1784 г. Феслеръ былъ назначенъ лекторомъ восточныхъ языковъ во львовскомъ университетѣ. Выѣстъ съ тѣмъ, особымъ императорскимъ повелѣніемъ онъ уволенъ былъ на законномъ основаніи изъ ордена капуциновъ. Наконецъ, въ ознаменованіе особой милости своей, императоръ подарилъ ему 150 р. на путевыя издержки. Но особенно изувѣрны изъ бывшихъ собратій его по ордену не хотѣли отпустить его съ миромъ. За два дня до отъѣзда случилось происшествіе, которое могло стоить ему жизни. Въ полночь, когда онъ занимался въ своей кельѣ, напалъ на него о. Сергіи съ большимъ кухоннымъ ножомъ и съ крикомъ: «умри, еретикъ!» Фанатикъ исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы Феслеръ не успѣлъ во-время схватить лежавшій на столѣ кинжалъ и ранить имъ въ руку нападавшаго. Оробѣвшій капуцинъ выронилъ ножъ и убѣжалъ. «Закрытіе монастыря,—говоритъ Феслеръ,—было бы можетъ быть самымъ легкимъ наказаніемъ за такое преступленіе, еслибы о немъ было доведено до свѣдѣнія монарха. Но такъ какъ я уже уволенъ былъ изъ монашескаго званія, и не хотѣлъ мстить, то ограничился надлежащимъ наставленіемъ настоятелю Никифору, какъ охранить, съ одной стороны, мою личную безопасность, а съ другой—общественное уваженіе къ ордену. Поддержанный моими показаніями, настоятель получилъ отъ барона Кресселя позволеніе передать о. Сергія, какъ впавшаго въ помѣшательство, на попеченіе сердобольныхъ братьевъ»¹⁾).

Свое состояніе по прибытіи во Львовъ Феслеръ характеризовалъ впоследствии такими словами: «Брошенный въ свѣтъ, я очутился безъ вѣрованій, безъ религіи, полный мертваго книжнаго знанія, съ пустымъ сердцемъ, со взглядомъ, привычнымъ въ исповѣдальнѣ искать въ людяхъ челоуѣка, въ безпомощномъ положеніи секуляризованнаго монаха, который мужественно выдержалъ суровую борьбу съ своей судьбою, съ запасомъ неустановившихся силъ среди людей, которымъ такое положеніе было чуждо, странно, противно, среди людей съ такими требованіями, которыхъ они не могли оправдать предо мною, среди людей съ смѣшиною наклонностію къ покровительству, которымъ я не считалъ достойнымъ пользоваться, безъ всякой справедливости въ

¹⁾ См. Rückblicke u. s. w., S. 479.

приговорахъ и обращеніи, которой я заслуживалъ и желалъ, безъ умѣнья открыть во мнѣ что-либо самостоятельное, даже безъ наклонности допустить это во мнѣ. Такъ я очутился въ трудномъ положеніи, которое увеличивалось еще болѣе тѣмъ, что, какъ я узналъ впоследствии, ех-іезуиты прислали во Львовъ еще до моего прѣзда значительное число злобѣщихъ писемъ, и тамошній губернский совѣтникъ гр. Каленбергъ распускалъ обо мнѣ такое мнѣніе: человекъ простого происхожденія можетъ ли научить чему-либо порабочному? а между будущими слушателями моими были спрашивавшіе: чему хочетъ учить насъ этотъ капуцинъ, который вчера еще былъ такимъ же студентомъ, какъ мы?»¹⁾.

При такихъ обстоятельствахъ 15-го марта 1784 года открылъ свои чтенія Феслеръ во Львовѣ, въ присутствіи начальства двухъ тамошнихъ семинарій, профессоровъ, нѣсколькихъ ех-іезуитовъ, многихъ духовныхъ лицъ и болѣе чѣмъ 200 учащихся. Онъ произнесъ рѣчь о важности восточной литературы и книгъ Ветхаго Завета, какъ неисчерпаемаго источника божественнаго воспитанія рода человеческого. Его рѣчь была плавная, живая, ясная и точная. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ приобрѣлъ расположеніе слушателей, которые убѣдились, что капуцинъ, котораго они незадолго предъ тѣмъ не считали достойнымъ уваженія, можетъ научить ихъ кое-чему. Съ своей стороны и Феслеръ, польщенный такимъ расположеніемъ, усилить свои занятія, но излишними работами по ночамъ разстроилъ свое здоровье. Медленно поправлялось оно, несмотря на медицинскую помощь; но за то научныя познанія черезъ-чуръ усерднаго лектора значительно увеличились. Но когда онъ попытался войти въ общество, проникнуть въ его отношенія, то скоро убѣдился, что пришлось бы стать въ разладъ съ самимъ собою при сближеніи съ свѣтомъ. Однимъ онъ казался надменнымъ, другимъ злымъ и опаснымъ человекомъ. Не встрѣтивъ добраго расположенія въ большинствѣ своихъ новыхъ знакомыхъ, Феслеръ ограничился дружбою съ нѣсколькими учеными людьми, между коими особенно выдавались профессоръ Мартиновичъ и совѣтникъ Цалперъ. Кромѣ ихъ основательнаго образованія, связывала Феслера съ ними узами дружбы общая любовь къ музыкѣ. Достаточно было одного семестра успѣшнаго преподаванія для того, чтобы возвысить Феслера во мнѣніи университетскаго совѣта. Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ своего назначенія въ лекторы, онъ воз-

¹⁾ Rückblicke u. s. w., S. 183 ff.

веденъ былъ 11-го ноября 1784 г. въ званіе ординарнаго профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ степень доктора богословія.

Во времени профессорской дѣятельности Феслера въ львовскомъ университетѣ относятся слѣдующіе труды его. Для начинающихъ богослововъ онъ издалъ «Еврейскую антологию» ¹⁾, а затѣмъ «Руководство къ языкамъ: еврейскому, халдейскому, сирійскому и арабскому» ²⁾, которыя онъ препроводилъ президенту придворной училищной комиссіи въ Вѣнѣ, многосторонне образованному барону ванъ-Свитену. О первомъ сочиненіи такъ отзывался вѣнскій профессоръ Менсбергеръ, въ письмѣ къ автору отъ 12-го мая 1787 года: «Вы въ этой антологіи превзошли какъ самихъ себя, такъ и мои ожиданія. Вы явились въ ней основательнымъ изглаголемъ и ясномыслящимъ критикомъ. Хотя я зналъ васъ давно за просвѣщеннаго человѣка съ глубокоиспытующимъ духомъ, однакожъ я не надѣялся въ столь короткое время увидѣть подобный трудъ, который требуетъ продолжительнаго пользованія нашими новѣйшими и лучшими писателями и неутомимой выборки изъ ихъ сочиненій». Приятное впечатлѣніе, произведенное такимъ отзывомъ знатока о его литературной дѣятельности, увеличено было еще въ Феслерѣ тѣмъ вниманіемъ и благосклонностью, которыя оказалъ ему императоръ Іосифъ II, посѣтившій львовскій университетъ около того же времени.

Но совершенно иные впечатлѣнія вынесъ Феслеръ изъ путешествія во время лѣтнихъ ваватій по нѣкоторымъ частямъ Венгріи и Австріи, которое онъ предпринималъ для свиданія съ родными и друзьями. По поводу своего посѣщенія нѣсколькихъ монастырей во время этихъ странствій, онъ выразился такъ: «Нигдѣ не нашелъ я и слѣда братской любви: повсюду встрѣтилъ преслѣдованія и опасности, свидѣтельствовавшія о старой ненависти. Пробывъ нѣсколько дней въ Офенѣ, я узналъ, что отецъ Сергій, который за четыре года предъ симъ хотѣлъ убить меня, занимаетъ въ одномъ изъ монастырей этого главнаго города почетное мѣсто проповѣдника». Въ это время Феслеру приходило не разъ на мысль, что единственнымъ средствомъ къ улучшенію католическихъ монастырей можетъ служить просвѣ-

¹⁾ „Anthologia hebraica, e sacris Hebraeorum libris deprompta, adjecta versione latina et annotationibus“. Leopoli, 1787, 4 maj.

²⁾ „Institutiones linguarum orientalium, Hebraicae, Chaldaicae, Syriacae et Arabicae, cum Chrestomathia arabica I. G. Eichhornii“. Pars prior. Oratista, 1787. Вторая часть вышла тамъ же, двумя годами позднѣе, подъ заглавіемъ: „Pars posterior, Institutiones linguae Chaldaicae et Arabicae complectens“.

щеніе. И прежде, не особенно рассчитывая на императорское покровительство, онъ воздерживался говорить съ кафедры противъ католицизма. Еще осторожнѣе сдѣлался онъ, получивъ предложеніе преподавать, кромѣ прежнихъ предметовъ, догматику и полемику. Но, вернувшись изъ путешествія, онъ послалъ изъ Львова письменное сообщеніе провинціалу ордена, отцу Хривологу, въ которомъ изобразилъ всѣ непріятности, которыя ему пришлось испытать при посѣщеніи различныхъ капуцинскихъ монастырей. Какъ императорскій чиновникъ, онъ былъ совершенно изъятъ отъ монастырской подсудности, и потому въ упомянутомъ сообщеніи просилъ письменнаго и формальнаго расторженія между нимъ и капуцинскимъ орденомъ. Отецъ Хривологъ, уважавшій права и справедливость, не колебался исполнить эту просьбу и приложилъ къ своему отвѣтному письму увольнительное свидѣтельство ¹⁾. Разорвавъ, такимъ образомъ, послѣднія связи съ орденомъ, Феслеръ переимѣнилъ и свое монашеское имя Игнатія на прежнее, данное ему при крещеніи, — Игнатія, прибавивъ къ нему еще одно изъ именъ, которое носилъ блаженный Августинъ, сочиненія коего особенно уважалъ Феслеръ, — имя Аврелія. Тѣмъ не менѣе, Феслеръ не отказывался отъ мысли, сохраняя званіе профессора, получить также и мѣсто приходскаго священника въ львовской епархіи. Но львовскій католическій архіепископъ былъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, изъ которыхъ особенно не любилъ Феслера проницательный математикъ отецъ Леоганинъ, чаще другихъ бывавшій у архіепископа. Когда же въ концѣ 1787 года ректоръ пештской семинаріи Максимиліанъ Верховацъ, старый знакомый Феслера, назначенъ былъ Іосифомъ II въ загребскіе епископы, Феслеръ посѣщилъ обратиться къ нему съ просьбой о переводѣ его въ загребскую епархію. Верховацъ отвѣчалъ любезнымъ письмомъ отъ 14-го ноября 1787 года, въ коемъ изъявлялъ полную готовность удовлетворить желанію Феслера, если онъ пришлетъ ему увольнительное свидѣтельство отъ капуцинскаго ордена ²⁾. Феслеръ исполнилъ требованіе Верховаца; но инсталляція послѣдняго задержалась, а между тѣмъ въ судьбѣ Феслера произошла новая, совершенно неожиданная переимѣна.

Изъ переписки съ Верховацемъ видно, что между внутреннимъ, духовнымъ состояніемъ Феслера и вѣнскимъ положеніемъ

¹⁾ См. „D. Fessler's Ansichten von Religion und Kirchenthum“. 2 Th. (Berlin, bei Joh. Dan. Sander, 1805), S. 341.

²⁾ Тамъ же, стр. 390.

его во Львовѣ не было полной гармоніи. Онъ искалъ промѣнить профессорскую дѣятельность на другую. «Мои догматико-полемическія лекціи, — говоритъ онъ самъ, — были очень поверхностны и скучны, ибо я долженъ былъ работать надъ самимъ собой. Въ первый разъ увидалъ я послѣ скептическихъ замѣшательствъ нѣсколько лучей свѣта. Но это былъ свѣтъ практическаго смысла, а не озареніе изъ чистаго разума. Такимъ образомъ, я приведенъ былъ на старый путь, на коемъ однакожъ нельзя было построить нѣчто цѣлое и прочное, ибо вообще при помощи однихъ книгъ достигается очень малое. «Opera posthuma Spinosae» лежали передо мною, какъ алгебраическая величина; но я еще былъ неспособенъ изъ нихъ высокой и высшей степени извлекать корни. Однакожъ его строго-научная метода подѣйствовала на меня съ неодолимою силою. Я отказался отъ безпричиннаго скептицизма; мой умъ воспринялъ въ себя съ жадностью его пантеизмъ и каждое повтореніе его догматическихъ формулъ полагало новый камень для зданія, въ коемъ я, презирая всякія бури, надѣялся вскорѣ утвердиться. Послѣ того, какъ я нѣсколько разъ перечелъ Этику, мнѣ все показалось роднымъ въ этомъ до очевидности вѣрнымъ, на алмазныхъ скалахъ построенномъ замкѣ, ибо я зналъ *буквально* все, что написалъ Спиноза, но столь же мало, какъ и его противники, или еще меньше, понималъ я изъ того, что онъ усматривалъ и разумѣлъ въ *Единомъ* и *Всемъ*, что болѣе въ его духѣ, чѣмъ въ формахъ его буквъ, отражалось, какъ чистый отблескъ божественнаго, что жило въ его душѣ, невыраженное понятіями и словами, въ единствѣ бытія и мышленія. Несмотря на то, его Этика пробудила во мнѣ нѣкоторые движенія новой жизни. Последняя развивалась во мнѣ самостоятельно, пока не достигала силы, заставлявшей меня усмотрѣть, что мой умъ опять только подмѣнилъ одну неудовлетворительную систему другою, вытекавшею изъ оной» ¹⁾).

Охлаждѣвъ къ такой спекулятивной работѣ духа, а также къ богословію и вообще ко всему католицизму, но сохранивъ жажду литературной дѣятельности, Феслеръ схватился за мысль представить въ Маркѣ-Авреліѣ образъ мудраго и правдиваго правителя и воплотить его въ историко-психологическую картину. Онъ выбралъ для этого діалогическую форму, ибо считалъ ее особенно удобною для представленія психологическихъ движеній. Но чтобы испытать свою спо-

¹⁾ Rückblicke u. s. w., S. 220 flg.

способность къ диалогическимъ произведеніямъ, онъ написалъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: «Сидней», содержаніе которой взято было изъ англійской исторіи временъ Іакова II. «Въ ней, — говоритъ Феслеръ ¹⁾, — представленъ былъ низкій поступокъ сладострастнаго и кровожаднаго полковника Кирке съ Лилою, которой онъ общалъ за одно ночное посѣщеніе сохранить жизнь ея арестованнаго любовника Сиднея, но на другой день показалъ ей изъ окна его повѣшеннымъ. Въ междудѣйствіяхъ были отчасти представлены безчеловѣчныя жестокости судьи Джеффри и самого Кирке; произволъ властолюбиваго Іакова II и вредныя продѣлки іезуитовъ отчасти описаны самыми яркими красками. Цѣлое, — заключаетъ Феслеръ, — носило слѣды моего въ высшей степени возмущеннаго духа и дико наливавшейся, безъ всякаго опредѣленнаго направленія, силы». Чтобы узнать, насколько онъ способенъ, по мнѣнію другихъ, къ составленію драматическихъ произведеній, Феслеръ прочелъ свою трагедію нѣкоторымъ друзьямъ. Они должны были смотрѣть на нее только какъ на работу, подготовительную къ другой, болѣе значительной, и, оставляя въ сторонѣ самое содержаніе, обращать вниманіе единственно на механическую сторону діалога. Однако-жъ его друзья, увлеченные мыслью трагедіи, стали настаивать, чтобы онъ передалъ свое произведеніе директору львовскаго театра Тоскани. Авторское самолюбіе заговорило въ Феслерѣ, и онъ удовлетворилъ желанію друзей. Съ разрѣшенія императорско-королевскаго театральнаго цензора, барона фонъ-Дорнфельда, трагедія была исполнена 26-го января 1788 года съ большимъ искусствомъ при шумно выразившемся сочувствіи публики. Особенно понравились рѣзкія выраженія о тиранніи Іакова II и фанатизмѣ папистовъ въ Англіи. Но присутствовавшіе при представленіи іезуиты извлекли изъ его обстановки весь ядъ, который можно было налить на автора. Во главѣ ихъ сталъ уже извѣстный намъ математикъ — патеръ Лизгавикъ. Чтò сказано было въ трагедіи объ Іаковѣ II, то представили они относящимся къ Іосифу II, и вообще нашли въ ней множество соблазна, возбужденіе къ мятежу, нападеніе на католическую церковь и порицаніе ея священниковъ. У автора отобрала была рукопись трагедіи, у актеровъ — реплики ихъ ролей. Подробно извѣщенный о тайныхъ проискахъ этихъ іезуитскихъ доносчиковъ, Феслеръ сталъ сомнѣваться въ благопріятномъ исходѣ дѣла. Если бы о немъ было доложено даже самому импе-

1) Тамъ же, S. 222.

ратору, то и тогда можно было опасаться невыгодныхъ послѣдствій, ибо въ то самое время Іосифъ II былъ крайне недоволенъ нидерландскими волненіями и занятъ былъ приготовленіями къ турецкой войнѣ. Предчувствіе Феслера не обмануло его. Его втянули въ фискальный процессъ. Одинъ изъ его друзей, губернаторъ Галиціи, графъ Іосифъ Бригидо, обратилъ его вниманіе чрезъ своего медика, доктора Саду, на опасность, которая грозила ему отъ іезуитовъ. Рѣшеніе Феслера принято было быстро: не выжидая дальнѣйшаго развитія дѣла, онъ бѣжалъ въ прусскую Силезію. Письменный отказъ отъ профессуры онъ положилъ въ свой письменный столъ. Одинъ изъ друзей приготовилъ ему почтовыхъ лошадей на имя извѣстнаго въ Львовѣ купца. «Такъ выѣхалъ я изъ Львова, — замѣчаетъ Феслеръ въ своей автобіографіи, — 2-го февраля 1788 года, въ 7 час. вечера, при 28-ми градусахъ мороза, не имѣя другой поклажи, кромѣ маленькаго мѣшечка, заключавшаго въ себѣ нѣкоторыя бумаги и всѣ мои скудные пожитки. Я ѣхалъ безостановочно днемъ и ночью, и вечеромъ 6-го февраля прибылъ въ Бреславль». Съ тѣхъ поръ Феслеру не суждено было снова увидать своей родины.

II.

Въ Пруссіи.

Не безъ цѣли Феслеръ, оставляя Львовъ, направился именно въ Бреславль. Тамъ жилъ книгопродавецъ Корнъ, издатель вышепомянутыхъ руководствъ его къ изученію восточныхъ языковъ. Дружескій приемъ, который нашелъ Феслеръ въ его домѣ, примирилъ разочаровавшагося въ людяхъ бывшаго монаха и профессора съ его неудачливою судьбою, возвратилъ утраченную вѣру въ человѣческое благородство и удовлетворилъ потребности примкнуть къ кому-либо своею дѣятельностью. Первымъ дѣломъ Корна было напечатаніе злополучной трагедіи, такъ круто измѣнившей судьбу Феслера ¹⁾. Вскорѣ появились рецензіи на этотъ драматическій опытъ нашего автора, и одна изъ нихъ имѣла благоприятное вліяніе на участь Феслера тѣмъ, что обратила на него вниманіе владѣтельнаго князя одной изъ небольшихъ им-

¹⁾ „Sidney, ein Trauerspiel in fünf Aufzügen“. Köln, 1788; 8°,—собственно же въ Бреславлѣ. Рецензіи о ней см. въ: Allgem. deutsche Bibliothek, LXXXVII Bd. S. 214; Allgem. Liter. Zeitung. 1788, Bd. III, S. 789;—Oberdeutsche Allgem. Liter. Zeit., 1788, Bd. IV, S. 3261.

перскихъ территорій, которыми такъ богата была Германія въ прошломъ столѣтіи, и которыя вскорѣ подверглись медиатизаціи, — Шёнаихъ Каролата. Онъ пожелалъ познакомиться съ Феслеромъ и вскорѣ пригласилъ его въ свою резиденцію Валисфуртъ въ качествѣ воспитателя дѣтей своихъ. Переѣздъ туда Феслера изъ Бреслава совершился 2 іюля 1788 г. Благодаря развитому въ немъ чутью къ красотамъ природы, ему понравилось уединенное житье среди Валисфуртскихъ скалъ. Однакожъ онъ принималъ живое участіе и въ непринужденной жизни того просвѣщеннаго кружка, который собралъ около себя многосторонне-образованный князь, и нерѣдко участвовалъ въ его увеселительныхъ поѣздкахъ. Но отъ этихъ прогулокъ и отъ занятій съ дѣтьми князя оставалось еще много свободного времени, которое Феслеръ и употребилъ на окончаніе задуманнаго имъ еще во Львовѣ сочиненія о Маркѣ-Авреліѣ. Въ теченіи 1789 и первой половины 1790 года Феслеръ успѣлъ написать три книги этого сочиненія, которыя и изданы были Корномъ въ Бреславлѣ (въ 1790). Первое изданіе имѣло эпиграфомъ слова: «Semper honos, potiusque tuum, laudesque manebunt». Это сочиненіе дожило въ 1791 г. до второго, а въ 1799 году до третьяго изданія, умноженныхъ четвертою частью и украшенныхъ довольно изящными литографіями, изображавшими Марка Аврелія и нѣкоторыя событія изъ его жизни. Первая часть посвящена была наслѣдной принцессѣ-княгинѣ Шёнаихъ Каролата, рожденной герцогини Саксенмейнингенской, Амаліи; вторая — наслѣдному принцу и князю Генриху-Карлу; третья — владѣтельному герцогу Брауншвейгъ-Вольфенбютельскому Карлу-Вильгельму. Четвертая часть, написанная уже въ 1791 г. въ Берлинѣ, посвящена была прусскому генералу, коменданту крѣпости Глогау, фонъ-Рютцу. Причиною посвященія послѣднему этой части были слова его къ Феслеру о томъ, что «Фридрихъ-Великій всегда имѣлъ передъ собою примѣръ Марка-Аврелія, имя котораго не сходило съ его устъ». Внѣшняя форма сочиненія была діалогическою. Вся жизнь Марка-Аврелія и римской имперіи въ его время раздѣлена въ изложеніи Феслера на множество главъ, начинавшихся краткимъ описаніемъ относившихся къ каждой изъ нихъ событій и состоявшихъ иногда изъ весьма длинныхъ разговоровъ между дѣйствующими лицами. Само собой разумѣется, что, придерживаясь исторической и археологической истины, Феслеръ велъ самый діалогъ въ тонѣ философскихъ и психологическихъ разсужденій. Главная цѣль, по собственному его выраженію, состояла въ томъ, чтобы «показать, какъ, при извѣстныхъ пси-

хическихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ данныхъ, не выдуман-
ныхъ отношеній времени и народности, могъ и долженъ былъ
явиться такой правитель, каковымъ былъ Маркъ-Аврелій». По
избранной задачѣ сочиненіе Феслера могло правиться большин-
ству тогдашней публики, чему помогала и легкая форма изло-
женія, дававшая возможность читателямъ безъ особеннаго труда
знакомиться съ историческими событіями цѣлой эпохи въ судь-
бахъ древняго Рима. Такой успѣхъ среди читателей засвидѣтель-
ствованъ былъ и повторенными изданіями книги. Но въ литера-
турномъ отношеніи она подвергалась довольно строгимъ замѣча-
ніямъ со стороны тогдашнихъ критиковъ ¹⁾. Феслеръ утѣшался
вниманіемъ публики къ его произведенію и нравственнымъ влія-
ніемъ его на читателей. Онъ убѣдился въ томъ, между прочимъ,
по его собственному признанію, извѣстившись, что одна супру-
жеская чета, принадлежавшая къ высшему состоянію, прожи-
вавшая врознь, мужъ въ Берлинѣ, жена въ Вѣнѣ, и имѣвшая
намѣреніе развестись, отказалась отъ него, глубоко тронутая
сужденіями Фаустины, одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ книгѣ
Феслера ²⁾. Остается прибавить, что оканчивалъ своего «Марка
Аврелія» Феслеръ уже во время перваго посѣщенія имъ Бер-
лина, гдѣ, знакомясь съ различными замѣчательностями города,
онъ имѣлъ также случай войти въ сношенія со многими изъ
тамошнихъ ученыхъ и художниковъ, какъ-то: Рамлеромъ, Гёк-
кингомъ, Тидге, Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ, Ганцемъ, Ша-
довомъ и др. Знакомство и бесѣды съ этими людьми были от-
части причиною, что Феслеръ въ четвертой части «Марка Авре-
лія» откровенно высказалъ свои политическія и религіозныя
убѣжденія устами плѣннаго короля владовъ, Аріогеза, и христіан-
скаго мудреца, Атенатора ³⁾.

Въ связи съ этимъ пребываніемъ Феслера въ Берлинѣ стоятъ
и его рѣшеніе перейти изъ католицизма въ лютеранскую цер-
ковь. Впослѣдствіи Феслеръ дважды въ своихъ сочиненіяхъ объ-
яснялъ причины, побудившія его къ такому шагу. Въ автобіо-
графіи онъ говоритъ: «какъ законно-уволенный изъ монашескаго
званія, но все еще католическій священникъ, вызвавшій нена-

¹⁾ Срав. рецензіи „Марка-Аврелія“ въ „Allgem. Lit.-Zeit.“, 1791, Bd. I, № 86, S. 683 fg., Allgem. deutsche Bibl. Bd. XCIV, S. 445, Bd. CIII. S. 492, Bd. CIV, S. 179; Neue allg. deutsche Bibl. CV. Bd., S. 379, LV Bd., S. 388; Oberdeutsch. Allg. Liter.-Zeit., 1790, B. I, S. 285, 1792. B. II, S. 627.

²⁾ „Marc-Aurel.“, 3 Aufl., Bd. III, S. 192 fg.

³⁾ Срав. также статью Феслера: „Ehrenrettung des Dr. Fessler zu Kuttlau in Schlesien“, въ Шлещерскихъ „Staatsanzeigen“, 1790, Heft 57, S. 76 fg.

вѣсть къ себѣ духовенства и подверженный его тайнымъ кознямъ и преслѣдованіямъ, а потомъ занявшій выгодное положеніе при князѣ реформатскаго исповѣданія, могъ ли я, при моемъ извѣстномъ анти-римско-католическомъ образѣ мыслей, поступить иначе, какъ перейти въ другое церковное исповѣданіе, и при томъ именно въ евангелическо-лютеранское, а не въ исповѣданіе князя, у котораго я служилъ, дабы поставить мое рѣшеніе выше всякихъ нареканій въ своекорыстіи и ласкательствѣ? Моя вѣра въ непогрѣшимость церкви и въ установленные ею догматы о покаяніи и пресуществленіи святыхъ даровъ была давно уже утрачена, потому что глубокий смыслъ послѣдняго догмата: полный переходъ чисто-человѣческаго въ божественное, посредствомъ всеобъемлющей и всеосуществляющей любви, былъ сокрытъ отъ моего чувства. Безъ этихъ вѣрованій, казалось мнѣ безчестнымъ выдавать себя, исповѣдуя другихъ и читая мессы, а также исповѣдуясь и причащаясь, истинно вѣрующимъ римско-католикомъ, какимъ я, въ дѣйствительности, уже давно не былъ. Если бы я исполнялъ это, то я бы считалъ себя запятаннымъ самымъ низкимъ лицемеріемъ, обманщикомъ цѣлаго общества, въ моихъ глазахъ все еще пользовавшагося уваженіемъ; а если бы не исполнялъ, то между моими церковными отношеніями и моимъ церковнымъ поведеніемъ вкралось бы чувство двойственности, съ которымъ я не могъ бы помириться. Какъ мнимый католикъ, съ противоположными убѣжденіями въ сердцѣ, стоялъ я тогда уединеннымъ въ смыслѣ церковнаго общенія. Я не принадлежалъ ни къ какому исповѣданію, не имѣлъ права участвовать ни въ одномъ изъ нихъ. Я считалъ вреднымъ церковный нейтрализмъ, примѣръ коего подають нѣкоторые изъ согражданъ, исполняя всѣ гражданскія обязанности и пользуясь всѣми гражданскими выгодами, но не считая нужнымъ принимать видимое, дѣйствительное и нелицемѣрное участіе въ какомъ-либо церковномъ обществѣ. Чѣмъ выше положеніе такихъ нейтралистовъ, тѣмъ могущественнѣе ихъ примѣръ. Низшіе, на которыхъ они имѣютъ вліяніе, сдѣлаются сомнѣвающимися, а сомнѣвающіеся или невѣрующими, или индифферентами подобно своимъ образцамъ.¹⁾ Къ этимъ религіознымъ убѣжденіямъ Феслера присоединялся особый взглядъ на принятія имъ на себя обязанности наставника дѣтей владѣтельнаго князя. Онъ боялся, чтобы подаваемый имъ примѣръ церковнаго индифферентизма не ослаблялъ

¹⁾ См. „Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerschaft (Breslau, 1824), S. 249 fg.

въ его воспитанникахъ впечатлѣнія, которое они получали отъ уроковъ своего придворнаго проповѣдника. Въ другомъ своемъ сочиненіи Феслеръ объяснялъ свой переходъ изъ католицизма въ протестантизмъ подобными же побужденіями, но выраженными нѣсколько иначе. «Кто не знаетъ основательно католицизма, — говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ, излагавшихъ его взгляды на религію и церковь¹⁾, — кто не жилъ въ немъ всею душою, кто не предавался ему съ внутреннимъ убѣжденіемъ, — тотъ никогда не въ состояніи возвыситься надъ нимъ. А кто не возвысился надъ нимъ основательнымъ изученіемъ его и полною дѣятельною жизнью въ его формахъ, тотъ навсегда останется неспособнымъ исполнѣть понятъ его, вѣрно изобразить и правильно оцѣнить. Наше понятіе о землѣ останется одностороннимъ и неполнымъ, пока мы живемъ на ней; а о солнцѣ, Юпитерѣ, Уранѣ и милліонахъ другихъ міровъ мы знаемъ безконечно менѣе, потому-что никогда не жили тамъ. Короче: не живи я въ римской церкви полною дѣятельностію священника и учителя, и оставься темеръ въ моемъ внутреннемъ мірѣ хоть искорка католицизма, я не могъ бы изобразить его такимъ, каковымъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Я очень охотно признаю за нимъ право на высокое уваженіе; но да позволено мнѣ будетъ распространить это мое уваженіе также на евангелическую, реформатскую, герингутерскую, магометанскую и на всѣ церкви земли, въ символахъ которыхъ только сохранилась болѣе или менѣе сущность религіознаго содержанія. Этими я достаточно объяснилъ, почему и каковымъ образомъ оставилъ я католическую церковь и перешелъ въ евангелическую». Далѣе, упоминая о томъ, что если, благодаря ходатайству графа Бригидо, съ него и снята была, высочайшимъ повелѣніемъ отъ 8 іюля 1788 г., всякая отвѣтственность за представленіе во Львовѣ трагедіи «Сидней», за самовольный отказъ отъ должности профессора, и предоставлялся свободный въѣздъ въ австрійскія земли, онъ прибавлялъ, что, несмотря на то, ему уже трудно было бы получить мѣсто священника не только въ Галиціи, но даже и въ Хорватіи, а по смерти Іосифа II, въ виду начавшейся реакціи, его положеніе въ концѣ-концовъ было бы невозможнымъ. Правда, и въ прусской Силезіи было католическое учебное заведеніе и нѣкоторые изъ знакомыхъ Феслера считали возможнымъ поступленіе его на службу въ этомъ училищѣ; но директоръ ехезуитъ Зеплихаль, зная открытый образъ мыслей Феслера,

¹⁾ Dr. Fessler's Ansichten von Religion und Kirchenthum (Berlin, 1806), 2 Th. XIV Brief, S. 385 fg.

отстранилъ эти постороннія ходатайства за него. Повторивъ и на этотъ разъ свое мнѣніе о церковномъ нейтрализмѣ, о естественномъ положеніи человѣка, стоящаго внѣ какой-либо церкви, Феслеръ говоритъ, что онъ болѣе года рѣшалъ въ себѣ вопросъ о переходѣ изъ одной церкви въ другую, и только 10 іюля 1791 г. явился къ сосѣднему лютеранскому пастору и просилъ его о принятіи въ евангелическую церковь, если это возможно сдѣлать «безъ клятвеннаго отреченія отъ католицизма и безъ формальнаго обряда исповѣданія вѣры. Свободно мыслящій и стоящій выше септаторскаго духа пасторъ нашелъ для меня и то и другое излишнимъ. Его вполне удовлетворило мое письменное объясненіе, что я впредь желаю принадлежать къ евангелической церкви и принимать отъ нея таинство причащенія». Этотъ пасторъ былъ проповѣдникъ нижнесилезскаго города Бейтена, Куновскій: онъ сообщилъ правительству о переходѣ Феслера, а ему выдалъ надлежащее свидѣтельство ¹⁾).

Совершенный Феслеромъ шагъ далъ ему внутреннее успокоеніе и опредѣлялъ его внѣшнія отношенія. Съ бодрымъ духомъ принялся онъ за дальнѣйшую литературную дѣятельность и написалъ другое историческое сочиненіе въ діалогической формѣ: «Аристидъ иThemistokles» ²⁾. Въ немъ онъ пытался представить жизнь двухъ великихъ современниковъ и соперниковъ. Сохраняя ихъ историческіе характеры, онъ хотѣлъ только показать, какъ въ одно и то же время, въ извѣстномъ народѣ, при данныхъ національныхъ отношеніяхъ, одинъ дѣятель могъ сдѣлаться образцомъ гражданской справедливости и любви къ родинѣ, а другой — примѣромъ самолюбивой политики. Такіе характеры, конечно, давали автору возможность изобразить передъ читателями упорную борьбу между строгою правдивостью и лукавою государственною мудростью. Въ то же время Феслеръ ревностно продолжалъ еще ранѣе начатое изученіе кантовской философіи. Неусыпнымъ трудомъ онъ достигъ того, что до такой степени проникъ содержаніемъ Критики чистаго и практическаго разума, что, оставивъ прежнее спокойное созерцаніе пантеиста, думалъ уже найти въ конечномъ единственно прочную, въ предѣлахъ всякаго разумнаго знанія, точку зрѣнія, изъ коей только порывомъ разумной вѣры можно приблизиться къ безконечному и вѣчному. Онъ сознавалъ себя настолько счастливымъ при такомъ

¹⁾ Тамъ же, S. 402—403. Справ. Rückblicke u. s. w., S. 252.

²⁾ „Aristides und Themistokles“, 2 Bde (Berlin, 1792, mit 2 Titelk. u. 2 Vign., 8°). Рецензія о ней см. „Allg. Liter.-Zeit. 1793, Bd. II, № 108, S. 124. Въ 1818 г. было напечатано второе изданіе въ Берлинѣ же.

вѣрованіи и настолько дорожилъ его обладаніемъ, что въ своемъ энтузіазмѣ къ критической философіи опасался каждаго прямого или косвеннаго нападенія на нее по той причинѣ, что въ немъ самомъ скрывалась боязнь снова потерять пріобрѣтенныя съ такимъ несказаннымъ трудомъ убѣжденія. Для него было чрезвычайно важно стать въ гармоническое отношеніе къ самому себѣ и ко всему міру, такъ что онъ не предчувствовалъ, какъ далекъ былъ отъ этой цѣли. Такое состояніе духа, лишь фиктивно успокоившагося, такое непрерывное умственное напряженіе, значительно истощили физическія силы Феслера къ концу 1791 года. Даже употребленіе вкусныхъ и сытныхъ яствъ за княжескимъ столомъ, при его сидячемъ образѣ жизни, не могло возстановить его здоровья. Князь удовлетворилъ его желанію имѣть умѣренный столъ. Но не въ этихъ случайныхъ улучшеніяхъ скрывался истинный предметъ жизненныхъ исканій Феслера. Его воображенію все чаще и чаще представлялся прелестный образъ собственнаго скромнаго очага и домашней жизни. Скорый во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, и на этотъ разъ Феслеръ поступилъ согласно своему обычаю. Его выборъ не замедлил пасть на дѣвницу изъ общеуважаемаго городского семейства, жившаго въ мѣстечкѣ, недалекомъ отъ Каролата, просто, умѣренно, но въ довольствѣ, несмотря на ограниченныя средства. Онъ, конечно, не могъ предусмотрѣть, что бракъ, въ который онъ вступалъ, будетъ несчастливъ, какъ онъ потомъ убѣдился. Но, по крайней мѣрѣ, онъ не могъ упрекать себя въ томъ. Еще прежде обрученія онъ послалъ невѣстѣ обширное письмо, въ которомъ, съ откровенностью порядочнаго человѣка, извѣщалъ ее самымъ обстоятельнымъ образомъ о своихъ требованіяхъ и привычкахъ, дабы облегчить ей отказъ, если она не найдетъ въ себѣ силъ исполнять одни и переносить другія. Отказа не послѣдовало. Напротивъ, обѣщаніе, которое дала многотребовавшему жениху добродушная дѣвушка, удовлетворять всѣ его желанія, ускорило бракосочетаніе, которое и состоялось 25 января 1792 г.; оно было потомъ для Феслера источникомъ десятилѣтней печальной жизни. Послѣдняя искра расположенія къ женѣ погасла въ немъ вслѣдствіе различныхъ обидъ, которыя она, благодаря своему раздражительному характеру, часто наносила его глубоко-любимой матери, которую онъ вызвалъ къ себѣ изъ Пресбурга. Феслеръ думалъ измѣнить свою жену, то упрекая ее за подобныя поступки, то обращаясь къ ней съ убѣдительными просьбами быть кротче; но не могъ ее перевоспитать, ни измѣнить образа ея

мыслей. Впрочемъ, ни самъ онъ, ни біографы его не сообщаютъ особенныхъ подробностей о жизни Феслера съ первою женою ¹⁾.

А между тѣмъ судьбѣ угодно было напомнить Феслеру при такихъ обстоятельствахъ о его прежней монастырской жизни, и притомъ о жизни въ такомъ монастырѣ, о которомъ онъ сохранилъ наиболѣе добрыхъ воспоминаній. 20 апрѣля 1794 г. онъ получилъ длинное письмо на латинскомъ языкѣ, писанное еще 10 марта, отъ бывшаго настоятеля монастыря Бешнію, о. Целестина, теперь уже духовника колочскаго архіепископа, графа Владислава Коллонича. Ничего не зная о перемѣнахъ, происшедшихъ въ судьбѣ Феслера, о. Целестинъ, напоминая ему о прежнихъ отношеніяхъ ихъ, о бывшихъ разговорахъ между ними, звалъ его возвратиться въ капуцинскій орденъ, обѣщая ему отеческій приѣмъ со стороны своего архіепископа. Растроганный Феслеръ отвѣчалъ почтенному старцу и съ своей стороны воспоминаніями о жизни въ Бешнію, но затѣмъ подробно излагалъ съ своей точки зрѣнія всѣ дальнѣйшія происшествія, случившіяся съ нимъ, и указывалъ на невозможность возвратиться назадъ, принося благодарность за попеченія о. Целестина объ его участи ²⁾.

И тяжелыя семейныя обстоятельства, и переходъ въ лютеранскую церковь, совершившійся не безъ внутренней борьбы для самого Феслера, должны были повліять на его литературную дѣятельность. Какъ человѣкъ, щедро одаренный отъ природы и обладавшій сильнымъ характеромъ, онъ сталъ искать въ этой дѣятельности утѣшенія для сердца и отдохновенія для ума. Съ одной стороны, онъ возобновилъ свои филологическія занятія древними языками, съ другой—сталъ собирать матерьялы для исторіи Венгріи, обширное изложеніе которой дало ему впоследствии такую литературную извѣстность. Къ филологическимъ трудамъ за это время относятся изданныя имъ, вмѣстѣ съ І. Фишеромъ, сочиненія Сенеки, снабженныя примѣчаніями отъ издателей ³⁾.

Литературныя же занятія венгерскою исторіей Феслеръ началъ въ видѣ небольшихъ опытовъ. Сперва онъ издалъ біогра-

¹⁾ Спр.: „Ersch u. Gruber“, Allgem. Encyklop., B. I, Th. 43, S. 276—277.

²⁾ См. „Geschichte der Entlassung des gewesenen Pastors in Saratow, Karl Limmer“, von Ign. Fessler (Dorpat und Riga, 1823), S. 109—128. „Rückblicken“ u. s. w. S. 453 flg., 463 flg.

³⁾ „L. A. Senecae Philosophi Opera omnia. Ad fidem LXIII librorum veterum, tum manuscriptorum, tum impressorum recensuerunt et cum adnotationibus Ign. Aur. Fessler et I. C. Ch. Fischer“, 3 partes (Vratisl. 1795, 8°).

фію Матвѣя Корвина, затѣмъ жизнеописаніе короля гунновъ Аттилы ¹⁾. Матвѣй Корвинъ представлялся въ его воображеніи какъ идеальнѣйшій изъ королей Венгріи: онъ называетъ его Прометеемъ своей націи, отцомъ своего отечества, безстрашнымъ героемъ, покровителемъ наукъ и искусствъ. Изложивъ кратко въ предисловіи судьбу Венгріи отъ прекращенія династіи Арпада до Матвѣя Корвина, онъ представляетъ дѣянія послѣдняго въ четырехъ главахъ и по своему обычаю въ діалогической формѣ. Сочиненіе украшено было портретами Матвѣя Корвина и Юрія Подебрада и еще двумя литографіями, изображавшими событія изъ жизни Корвина. Сочиненіе объ Аттилѣ уже имѣло видъ болѣе ученаго изслѣдованія, чѣмъ литературнаго упражненія. Сперва приведены были отзывы о немъ извѣстнѣйшихъ историковъ прошлаго столѣтія: Ф. Фишера, Дегины, Гаттерера, Гердера и Краузе; затѣмъ представленъ былъ обзоръ тѣхъ странъ, въ которыхъ совершалась дѣятельность Аттилы, и, наконецъ, слѣдовалъ рассказъ объ этой дѣятельности, сопровождавшійся ссылками на источники. Изъ рисунковъ, приложенныхъ къ книгѣ, стѣдуетъ замѣтить портретъ Аттилы съ рогами на головѣ, ибо они у древнихъ служили символомъ силы и могущества, и съ заостренными ушами. Взглядъ автора на Аттилу заключался въ слѣдующемъ: «судь исторіи надъ имперією цезарей начатъ былъ Аларихомъ; Аттила продолжалъ это дѣло: къ нему, быть можетъ, весьма бы шло прозваніе исполнителя, если бы онъ не былъ болѣе варваромъ, чѣмъ человекомъ, имѣющимъ власть надъ собою, и если бы въ рѣшительныя минуты онъ дѣйствовалъ болѣе по своимъ убѣжденіямъ, чѣмъ подъ вліяніемъ чувствъ своихъ».

Съ другой стороны, будучи столько же человекомъ дѣла, сколько и кабинетныхъ занятій, Феслеръ, очевидно, не выполнѣвъ удовлетворенный однимъ только внѣшнимъ переходомъ въ лютеранство,

¹⁾ „Matthias Corvinus, König der Hungarn und Grossherzog von Schlesien. Vom Verfasser das Marc-Aurel“ (Berlin, 1793—1794), 2 Theile, II-te Ausgabe, Breslau 1796. Рецензіи на это сочиненіе появились въ Goth. gel. Zeitg. 1796, S. 788; Literarische Beilage zu den schlesischen Provinzialblättern, 1793, S. 303, 1794, S. 176, 203; Neue Allgem. deutsche Bibliothek, Bd. XXV, S. 266; Oberdeutsch. Allgem. Lit.-Zeit. 1794, Bd. II, S. 535 fg. — „Attila, König der Hunnen. Von Dr. Fessler“ (Breslau, 1794, 8° mit Titel u. 2 Vign.). Рецензіи въ Allgem. Lit.-Zeit., 1795, Bd. II, № 150, S. 438 fg. (замѣчанія Феслера на эту статью тамъ же, Intelligenzblatt, № 81, S. 646); Neue Allgem. deutsche Bibl., B. XXI, S. 396; Oberdeutsch. allgem. Liter.: Zeit., 1795, Bd. I, S. 963; Literar.-Beilage zu den schlesisch. Prov.-Blätt., 1795, S. 43 fg., 65 fg., въ Jakob's Philosoph. Anzeiger, 1795, S. 409 fg. Статья самого Феслера подъ заглавіемъ: „Einige Gedanken über Herrn K—r's Einwendungen gegen den historischen Roman“.

впервые сталъ искать практической возможности примѣнить къ жизни свои идеи о внутреннемъ человѣкѣ и внутреннемъ христіанствѣ. Въ послѣдніе годы своего пребыванія на службѣ Каролатскаго князя онъ впервые является виднымъ дѣятелемъ среди тогдашнихъ мистиковъ и масоновъ. 9 ноября 1793 г. онъ основываетъ въ одномъ изъ мѣстечекъ, принадлежавшихъ къ владѣніямъ князя, въ Польской Тарнѣ, общество подъ именемъ «Союза Эвергетовъ», имѣвшее цѣлью содѣйствовать взаимному нравственному и умственному развитію сочленовъ. Однакожъ, и это общество, по примѣру многихъ другихъ ему современныхъ, было заподозрено въ политическихъ стремленіяхъ и 4 февраля 1795 г. должно было прекратить свое существованіе ¹⁾.

Спустя годъ съ небольшимъ, владѣтельный князь Каролата, доходы коего стали значительно уменьшаться влѣдствіе событій того времени, вынужденъ былъ изъ экономіи уволить отъ своей придворной службы многихъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и Феслера. Послѣдній переселился въ маѣ 1796 г. въ Берлинъ. Литературныя занятія, къ коимъ онъ такъ привыкъ, стали съ тѣхъ поръ единственнымъ источникомъ для пополненія оскудѣвшихъ средствъ къ жизни. Къ этому времени относится появленіе новаго историко-литературнаго произведенія Феслера, на которое самъ онъ смотрѣлъ, какъ на продолженіе прославленной тогда книги Бартелеми: «Путешествія молодого Анахарзиса по Греціи». Продолженіе должно было заключать въ себѣ преимущественно разсказъ объ историческихъ событіяхъ. Вышло въ свѣтъ двѣ части, изъ коихъ въ первой описывались дѣла «Александра Завоевателя», а въ другой излагалась исторія «Ахейскаго союза» ²⁾. Но эти сочиненія были только случайнымъ занятіемъ для Феслера, а главнымъ интересомъ для него стало дѣло масонства. Участіе его въ судьбахъ послѣдняго стало расширяться все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ, послѣ переезда въ Берлинъ. Тѣ идеи о нравственности, справедливости и высшемъ развитіи духа, которыя высказаны были Феслеромъ еще въ «Маркѣ-Авреліѣ», принадлежали къ числу любимѣйшихъ идей того времени и возбуждали сочувствіе къ пропагандировавшимъ ихъ въ образованныхъ людяхъ разныхъ состояній. Въ

¹⁾ См. Fessler's „Actenmässige Aufschlüsse über den Evergeten-Bund in Schlesien“, herausgeg. von Fr. Mossdorf (Freiberg, 1804, 3°).

²⁾ „Fortsetzung der in Anacharsis' Reise enthaltenen Geschichte von Alt-Griechenland“. 1 Bd. „Alexander der Eroberer“ (Berlin, 1797 8°). II Bd. „Der achaische Bund“ (ib., 1798). Рецензия въ Allgem. Liter.-Zeitung, 1798, Bd. IV, № 344, S. 396.

высшихъ слояхъ общества они имѣли многочисленныхъ поклонниковъ. Имя Феслера, какъ автора «Марка-Аврелія», вскорѣ стало извѣстно въ интеллигентныхъ кружкахъ Берлина, и одна изъ проживавшихъ тамъ иностранокъ, принадлежавшая по своему происхожденію къ лифляндскому дворянству, вдова ландрата фонъ-Ренненкампфъ, поручила ему воспитаніе троихъ сыновей своихъ. Въ то же время она подала ему надежду, что онъ можетъ взять къ себѣ на воспитаніе многихъ молодыхъ дворянъ изъ Лифляндіи. Съ этою цѣлью Феслеръ открылъ въ своемъ домѣ въ 1797 г. пансіонъ, который однакожъ въ слѣдующемъ же году былъ закрытъ, ибо императоръ Павелъ I вызвалъ всѣхъ подданныхъ Россіи, учившихся за границую. Это распоряженіе снова подорвало матеріальныя средства Феслера. Изъ столь затруднительнаго положенія онъ выведенъ былъ отчасти предложеніемъ, которое ему сдѣлали министры фонъ-Шрёттеръ и фонъ-Фоссъ, принять должность консультанта при новомъ восточно-и южно-прусскомъ департаментѣ. Это, однакожъ, не избавило его отъ необходимости продать часть своей библіотеки для покрытія долга, въ который вовлекло его открытіе пансіона. Но съ другой стороны новая должность предоставляла ему много свободнаго времени, которое онъ и успѣшилъ обратить на дѣятельность иного рода, съ цѣлію развлечься отъ семейныхъ дразгъ. Эта дѣятельность вполне принадлежала масонству.

Есть извѣстіе, что еще 1 мая 1783 г. онъ былъ принятъ во Львовѣ въ ложу «Фениксъ»; а 2 іюня 1796 г. онъ перешелъ въ ложу «Royal York», существовавшую въ Берлинѣ, и, наконецъ, 11 января 1797 г. онъ основалъ, совершенно независимо отъ масонскихъ ложъ, пережившее впослѣдствіи и самого основателя своего, общество друзей гуманности (Gesellschaft der Freunde der Humanität). Участіе въ дѣлахъ масонской ложи было источникомъ многихъ непріятностей и хлопотъ для Феслера. Онъ самъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій ¹⁾, подробно рассказываетъ, какъ былъ приглашенъ директоріею вышеупомянутой Берлинской ложи выработать полную реформу и отмѣну обманчиваго порядка степеней, секретничанья и мистическихъ обрядовъ, утвердившихся въ этой ложѣ, дабы оправдать публично выразившееся довѣріе и покровительство правительства ²⁾, и какихъ могущественныхъ

¹⁾ См. Fessler's „Die Rückblicke auf die letzten sechs Jahre seiner Logenthätigkeit“, herausgeg. von Fr. Moasdorf (Dresden, 1804).

²⁾ См. статью Феслера: „Bestimmungsgründe eines weisen und gerechten Fürsten, die Freimaurerei in seinen Staaten zu beschützen“, въ изданіи: „Die gute Sache der Freimaurerei“ u. a. w. (Züllichau, 1798), № 2.

враговъ онъ возбудилъ чрезъ то противъ себя между членами остальныхъ берлинскихъ ложъ. Принявшись за ту работу, онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ различными воззрѣніями и предубѣжденіями. Между тѣмъ какъ одни, проникнутые и одушевленные высшимъ назначеніемъ человека, не обращали никакого вниманія на пустыя церемоніи, а держались только чистаго понятія о постепенно совершенствующейся нравственности, другіе не видѣли въ жизни никакой благородной цѣли, кромѣ удовольствій и чувственныхъ наслажденій, и смѣялись надъ глупцами, которые дозволяли ради вѣчной жизни обманывать себя во время земного существованія. Большинство, неспособное къ самостоятельному мышленію, считало предложенную Феслеромъ систему не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ кантовской философіи; остальные же подозрѣвали въ ея основаніяхъ католицизмъ и іезуитизмъ. Столь различные приговоры и пересуды не могли однако-жъ смутить Феслера, который полагалъ, что его заботы объ устройствѣ ложи были не бесполезны и не безцѣльны. Въ твердомъ убѣжденіи, что въ моральномъ порядкѣ вещей, точно также какъ и въ физическомъ, ничто не можетъ пройти безслѣдно, онъ неутомимо занимался реформою ритуала, и въ то же время разрабатывалъ подробную исторію масонскаго ордена съ древнѣйшихъ временъ до 1802 г. ¹⁾ Онъ считалъ себя вполне вознагражденнымъ, если хоть изрѣдка получалъ одобреніе кого-либо изъ достойныхъ уваженія и понимавшихъ дѣло людей. Этотъ трудъ значительно облегчался ему его дарованіями и опытомъ, знакомствомъ съ цѣлымъ явленіемъ и его отдѣльными частями, развившеюся вслѣдствіе жизненныхъ неудачъ способностью къ обобщенію, умѣньемъ скоро работать, наконецъ, серьезнымъ, хладнокровнымъ и непреклоннымъ характеромъ его. Но эти послѣднія качества были причиною того, что онъ неохотно склонялся къ

¹⁾ Большое сочиненіе Феслера: „Geschichte des Freimaurer-Ordens von den ältesten Zeiten bis zum J. 1802“ никогда не было напечатано; но списки съ него въ 4 фолиантахъ были продаваемы членомъ ордена, фрейбургскимъ книгопродавцемъ Герларомъ, и покупались только ложами, или богатыми членами. Зато изданы были въ Берлинѣ и Фрейбургѣ 8 частей Феслеровыхъ: „Schriften über Freimaurerei“ (1801 сл.), куда вошли и матеріалы для исторіи союза Эвереттовъ въ Силезіи, и повѣствованія о жестикуляціи дѣятельности Феслера въ берлинской ложѣ Royal-York, о которыхъ говорено было въ приведенныхъ выше примѣчаніяхъ, и, кромѣ того, вошли: „Freimaurerische Briefe aus Kleinwall“, относящіеся уже къ 1801 году. Въ периодическихъ издавіяхъ того времени встрѣчаются также относящіеся къ этому отдѣлу статьи Феслера: „Versuch eines allgemeinen Maurer- und Logenrechts“, въ „Köthner's Taschenbuch für Freimaurer auf das Jahr 1805“, S. 181 fg.; „Geheime Gesellschaften“ въ „Eunemia für 1802“, Januar, S. 14 fg. и другія.

соглашеніямъ и уступкамъ. Такой образъ дѣйствій до того усилилъ вражду противъ него въ средѣ масонскихъ ложъ, что онъ долженъ былъ, наконецъ, 5 сентября 1802 г., сложить съ себя всѣ обязанности, связывавшія его съ ложью, къ которой онъ принадлежалъ. Феслеръ оставлялъ масонскій орденъ съ полнымъ сознаніемъ, что трудился для его пользы, или, какъ онъ полагалъ тогда—для религіи, добродѣтели и нравственности, настолько, насколько позволяли силы его. Но и для него самого шестилѣтняя дѣятельность въ масонскихъ ложахъ была поучительна. Она умѣрила его требованія отъ людей и научила его искусству жить въ собственномъ идеальномъ мірѣ и дѣйствовать въ мірѣ обыкновенномъ. Въ короткій, шестилѣтній періодъ онъ, по собственному признанію, расширилъ и очистилъ свои воззрѣнія на міръ, на людей и на самого себя, какъ никогда прежде. Остается прибавить, что въ томъ же 1802 г. Феслеръ разведенъ былъ законнымъ образомъ съ своею женою, съ обоюднаго согласія, — и такимъ образомъ очутился снова свободнымъ отъ семейныхъ узъ, какъ былъ свободенъ и отъ общественныхъ связей, наложенныхъ на него принадлежностію къ масонству ¹⁾.

Но въ личной, внутренней жизни Феслеръ остался прежнимъ мечтателемъ. Долго преслѣдовавшіе его, и не выходя изъ масонскаго ордена, пасквили, летучіе листы и злыя карикатуры не могли отбить у него охоты трудиться и впредь, хотя и на иномъ поприщѣ, для просвѣщенія и улучшенія людей. Но такіа попеченія о другихъ естественно должны идти рука объ руку съ стремленіемъ къ самоусовершенствованію. Однимъ изъ могущественныхъ средствъ для такой цѣли могло быть путешествіе, личное знакомство съ замѣчательными людьми своего времени и умственное общеніе съ ними. Путешествіе оказалось нелишнимъ и для поправленія здоровья, утомленнаго многолѣтними трудами и семейными невзгодами. Онъ провелъ нѣсколько лѣтнихъ и осеннихъ недѣль 1802 г. въ странствованіяхъ по Германіи, во время которыхъ на его долю выпало много интересныхъ знакомствъ съ учеными, писателями и художниками тогдашней Германіи, переживавшей тяжелый періодъ перехода отъ разлагавшейся политической жизни къ полному пробужденію національнаго духа. Прежде всего онъ узналъ въ Гиршбергѣ проректора Фишера, къ которому его привлекало пристрастіе къ кантовской

---

¹⁾ Слѣдуетъ упомянуть, что въ первые годы своего пребыванія въ Берлинѣ Феслеръ былъ однимъ изъ редакторовъ (вмѣстѣ съ Раубахомъ) „*Berlinische Archiv der Zeit und ihres Geschmacks*“.

философіи. Въ Гамбургѣ онъ видѣлся съ Реймаромъ и Блопштокомъ. Съ послѣднимъ онъ видѣлся въ теченіи нѣсколькихъ дней, и потомъ очень часто припоминалъ то чувство, съ какимъ этотъ поэтъ, во время прогулки къ могилѣ его возлюбленной Меты, прочелъ ему гимнъ: «До свиданія!» (Das Wiedersehen). Въ Магдебургѣ онъ бесѣдовалъ съ однимъ изъ образованнѣйшихъ послѣдователей Канта, проповѣдникомъ Меллиномъ, и консисторіальнымъ совѣтникомъ Функомъ; въ Клостербергенѣ посѣтилъ Резевица, Дельбрюка и др. Консисторіальный совѣтникъ Штрейдгорстъ, ректоръ Фишеръ и въ особенности добродушный восьмидесятилѣтній поэтъ Глеймъ заставили его долго помнить о своемъ пребываніи въ Гальберштадтѣ. Съ чувствомъ особеннаго благоговѣнія посѣтилъ онъ въ Вольфенбюттелѣ гробницу Лессинга, коего давно считалъ однимъ изъ величайшихъ умовъ своего времени. Библиотекаръ Лангеръ познакомилъ его съ литературными сокровищами тамошняго книгохранилища. Въ Брауншвейгѣ онъ имѣлъ сношенія съ Кампе, Эшенбургомъ и многосторонне образованномъ книгопродавцемъ Фивегомъ. Пріятныя воспоминанія остались въ немъ отъ поѣздки изъ Ганновера въ Зальцдаленъ въ семейномъ кругу знаменитаго пейзажиста Вейгча. Въ немъ утвердилось тогда, по собственному его выраженію, мелькавшее и прежде въ умѣ его убѣжденіе, что «пріятность отъ обхожденія съ художниками точно также относится къ удовольствію отъ обращенія съ учеными, какъ наслажденіе отъ бесѣды съ привлекательною и гениальною женщиной относится къ созерцанію высѣченной изъ камня Минервы». Въ Гёттингенѣ Феслеръ заинтересовался библіотекою и другими учеными учрежденіями: съ тамошними учеными онъ вошелъ въ самыя близкія сношенія. Такъ, онъ посѣщалъ лекціи Планка, Герена, Эйгорна и Блюменбаха. Съ профессорами Штейномъ и Балдингеромъ и живописцемъ Титбейномъ Феслеръ познакомился въ Касселѣ. Въ Готѣ онъ посѣтилъ Лефлера, Якоба, Шлихтегралля и другихъ ученыхъ. Случайно ему не удалось видѣть Гёте въ Веймарѣ; но онъ провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ съ Виландомъ, Бёттигеромъ и Жаномъ-Полемъ-Рихтеромъ. Съ наибольшимъ удовольствіемъ провелъ онъ время у Гердера, о чемъ позднѣе вспоминалъ въ такихъ выраженіяхъ: «хотя я въ Гердерѣ и нашелъ рѣшительнаго противника кантовскаго чистаго разума, однакожь воздержался, изъ уваженія къ глубоко добродушному и вполнѣ религіозному человѣку, отъ всякой защиты моихъ искреннихъ убѣжденій и дѣтски порадовался тому выраженію любви, съ какимъ онъ подарилъ мнѣ, послѣ долгой, чрезвычайно поучительной для меня

бесѣды о религіи, религіозности, христіанствѣ и церкви, своемъ «Разговоры о Богѣ». Мое чистосердечіе предъ нимъ было безгранично, ибо я нашелъ его нисколько неослѣпленнымъ и невозгордившимся отъ того блеска, который его окружалъ, а также неотуманеннымъ и неусыпленнымъ тѣмъ воскурениемъ лести, которое щедро воздавалось ему¹⁾. Затѣмъ очень привлекла къ себѣ Феслера Иена, благодаря замѣчательнымъ людямъ, которые составляли тогда украшеніе ея университета: онъ введенъ былъ въ ученый кружокъ, въ которому принадлежали тогда: Паулусъ Шютцъ, Гуфландъ, Шеллингъ, А. В. Шлегель, Тивъ и другіе. Наслажденіе, испытанное имъ при этомъ, не могло быть нарушено даже нападеніемъ на него, какъ писателя, которое позволилъ себѣ Тивъ въ тольео-что появившемся тогда «Принцъ Цербино». Равнымъ образомъ, онъ могъ вполнѣ удовольствоваться тѣмъ мѣстомъ, которое Тивъ назначилъ ему еще въ прежнемъ своемъ литературномъ приговорѣ, среди погибшихъ душъ Беттигера, Гердера, Виланда и Клингера²⁾. Въ Дрезденѣ, мѣстѣ послѣдней остановки въ его путешествіи, Феслеръ нашелъ соединеннымъ, по собственному его признанію, все, что можетъ удовлетворить душу и сердце человѣка: прекрасную природу, друзей и лучшія произведенія изящныхъ искусствъ. Къ наиболѣе важнымъ знакомствамъ его въ Дрезденѣ слѣдуетъ отнести Аделунга, бібліотекаря Дасдорфа, любителя художествъ барона Ракница и живописца Графа. Каждый изъ нихъ доставилъ ему удовольствіе или въ области своихъ знаній, или своими художественными сокровищами. Но вообще къ числу самыхъ сильныхъ путевыхъ впечатлѣній принадлежали оставшіяся въ немъ отъ разговоровъ съ Резевицемъ и Гердеромъ: они потрясли его вѣру въ ученіе Канта о разумѣ. Борьбу, какая вызвана была въ умѣ Феслера новыми взглядами на философію Канта, онъ неоднократно описывалъ потомъ въ своихъ сочиненіяхъ³⁾. Какъ бы то ни было, сношенія Феслера съ новыми людьми, столкновеніе вынесенныхъ отсюда впечатлѣній съ прежними взглядами обновили въ немъ внутренняго человѣка; а вернувшись въ Берлинъ, онъ нашелъ и новую семейную жизнь для себя. 22 ноября 1802 года онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью мѣстнаго фабриканта, Каролиною-Марією Вегели. Это былъ счастливый союзъ, ибо вкусы супру-

¹⁾ О своемъ путешествіи по Германіи Феслеръ говоритъ въ „Rückblicke auf seine 70-jährige“ etc. S. 290—325.

²⁾ См. Tieck's Poetisches Journal. I Jahrg., S. 215.

³⁾ „Rückblicke“ u. s. w., S. 326 fg.;—„Ansichten über Religion und Kirchenthum“, I Th., S. 54 flg.

говъ были одинаковы. Они оба въ ту пору желали перемѣнить городскую жизнь на сельскую. Удѣлая часть своихъ скромныхъ доходовъ, Феслеръ купилъ маленькое имѣніе подъ Берлиномъ Клейнваль, куда они и переселились 24 іюня 1803 г. Но довольно дорого стоившая усадьба не принадлежала къ числу доходныхъ. Тѣмъ не менѣе Феслеръ не терялъ надежды на улучшение своего хозяйства, и старался примѣнить къ управленію прибрѣтеннымъ имъ имѣніемъ экономическія правила, предписанныя ученіемъ Теера. Свободные часы своего сельскаго уединенія онъ наполнялъ литературными работами. Но время, въ которое онъ перешелъ отъ городскихъ занятій къ сельскимъ, не особенно благопріятствовало послѣднимъ. Наполеоновскія войны все болѣе и болѣе затрогивали интересы Германіи, касаясь и прусскихъ областей. Наконецъ, сраженіе подъ Іеной, вторженіе французовъ внутрь Пруссіи, военныя повинности и реквизиціи, наложенныя побѣдителями на жителей, отняли у Феслера послѣднюю надежду на поправленіе своего экономическаго положенія. Наконецъ и вознагражденіе, которое онъ получалъ по званію консультанта при департаментѣ юго-восточной Пруссіи, прекратилось. Онъ вынужденъ былъ продать свое имѣніе съ значительными потерями и переселиться въ деревню Нижній-Шёнгаузенъ, находившуюся также подъ Берлиномъ, и поддерживать существованіе своей семьи усиленными литературными занятіями. Въ это время у него уже было трое дѣтей, и только благодаря хозяйственнымъ заботамъ жены хватало на первыхъ порахъ на устройство порядочной домашней обстановки тѣхъ небольшихъ средствъ, которыми они располагали. Наконецъ, нѣкоторые изъ друзей Феслера, узнавъ о его бѣдственномъ положеніи, предложили ему небольшую поддержку деньгами и другими способами: 11 іюня 1808 года онъ переселился вмѣстѣ съ семействомъ въ Буковъ, подлѣ Бескова, къ одному изъ своихъ пріятелей, совѣтнику Кунике. Все это время сельской жизни, слѣдовавшее непосредственно за путешествіемъ по Германіи и вступленіемъ во второй бракъ, составило особый періодъ въ литературной дѣятельности Феслера.

Сочиненія и изданія его, относящіяся къ 1802—1809 гг., отличаются самымъ разнообразнымъ характеромъ. Прежде всего, онъ оставался вѣренъ занятіямъ журналисткой и, участвовавъ въ редакціи сперва періодическаго изданія подъ названіемъ «Эвноміи» въ товариществѣ съ И. Г. Роде (1801), потомъ «Элевзини» съ І. Х. К. Фишеромъ (1802—1803), въ слѣдую-

ще два года издавалъ «Эвномію» одинъ ¹⁾. Далѣе, къ этому времени, особенно же къ пребыванію въ Клейнвалѣ, относится окончательная обработка послѣднихъ отдѣловъ вышеназванныхъ сочиненій о масонствѣ. Неудачи, испытанныя самимъ въ послѣдніе годы жизни, и бѣдствія, постигшія нѣмецкую народность, возбудили и безъ того всегда сильное въ Феслерѣ религиозное чувство; а чтеніе такихъ сочиненій, какъ Шлейермахера «Бесѣды о религіи», и Шеллинга «Бруно», вызвали въ немъ мысль самому написать что-либо въ томъ же родѣ. Слѣдствіемъ такого рѣшенія было появленіе въ свѣтъ отчасти уже извѣстнаго намъ, по приведеннымъ выше выдержкамъ, сочиненія «О религіи и церкви». Оно появилось въ Берлинѣ въ 1805 г. въ трехъ частяхъ и заключало въ себѣ 25 писемъ къ другу, имя котораго названо только начальными буквами. Здѣсь разсматривались различные вопросы, касавшіеся религіи вообще, христіанства, различныхъ христіанскихъ сектъ и партій, значенія и цѣлой церкви; кромѣ того, встрѣчались безпрестанныя отступленія, касавшіеся внутренней жизни самого автора и въ особенности его перехода изъ католической въ протестантскую церковь. Сочиненіе это отличалось оригинальностью мыслей и было поучительно для современниковъ не только съ точки зрѣнія религиозной, церковной и философской, но и въ историческомъ отношеніи—любопытными сужденіями объ отдѣльныхъ партіяхъ и сектахъ ²⁾. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ полуисторическихъ разсказовъ и философскихъ романовъ, появленіе которыхъ въ свѣтъ было вызвано отчасти бѣдственнымъ положеніемъ автора, нуждавшагося въ ссудахъ отъ книгопродавцевъ, отчасти были, какъ онъ самъ выражается, игрою причудливаго расположенія духа. Сюда относятся: «Абеларъ и Элоиза» ³⁾, «Мистическія ночи Бонавентуры» ⁴⁾, «Терезія или тайны жизни и любви» ⁵⁾ и Алонзо или Монсе-

¹⁾ „Eunomia, eine Zeitschrift des neunzehnten Jahrhunderts (Berlin) Jahrg. 1801—1805. Интереснѣшія статьи этого изданія, особенно принадлежащія перу Феслера, названы въ *K. H. Jordans „Lexikon deutscher Dichter und Prosaisten“* (Leipzig, 1806, Weidmann, 8°), Bd. II, S. 514 fg.

²⁾ „Ansichten von Religion und Kirchenthum“, 3 Thl. (Berlin, 1805, 8°), отъ насъ въ: „Freimüthigen, 1805, №№ 228, 230, 233; Neue Leipz. Liter.-Zeit., 1806, Bd. II, S. 977.

³⁾ „Abelard und Heloise“, 2 Thle (Berlin, 1806, 8°, mit Titelk. u. Vign.). Отъ насъ въ Allg. Liter.-Zeitung., 1806, Bd. III, № 384.

⁴⁾ „Bonaventura's Mystische Nächte“ (Berlin, 1807, 8°). См. Morgenblatt, 1806, № 71.

⁵⁾ „Theresia, oder Mysterien des Lebens und der Liebe. 2 Bde (Breslau, 1807, 8, mit Kk.). См. Hall. Allgem. Lit.-Zeit. 1810, № 38.

ратскій странникъ» ¹⁾. Всѣ эти сочиненія были написаны еще въ Клейнвалѣ. Въ Шёнгаузенѣ онъ написалъ: «Придворный шутъ Лотаріо» ²⁾, а въ Буковѣ: «Ночной стражъ Бенедиктъ» ³⁾. Всѣ эти занятія литературой, развлекавшія его въ уединенной жизни, иногда прерывались небольшими поѣздками въ Лейпцигъ и Дрезденъ, и, кромѣ того, посѣщеніями берлинскихъ друзей. Тогда особенно сошелся съ нимъ Захарій Вернеръ. Но потомъ между ними произошло охлажденіе, причиною чего было различіе литературныхъ вкусовъ и взглядовъ. Феслеръ отозвался о трагедіи Вернера: «Die Weihe der Kraft», какъ о зломъ промахѣ противъ исторической истины, поэтическаго правдоподобія, театральныхъ правилъ и церковныхъ приличій; а потомъ пародировалъ романтическую трагедію Вернера «Аттила» въ выше-названномъ романѣ «Бенедиктъ». Даже гораздо позднѣе Феслеръ продолжалъ отзываться о произведеніяхъ Вернера въ такомъ родѣ: «Одно время хотѣли давать на театрѣ въ качествѣ романтическихъ трагедій драматическія стихотворенія: «Дѣти долины», «Мартинъ Лютеръ», «Аттила» и др., полныя вымысловъ, хотя и не лишеныя нѣкоторыхъ красотъ, и была достойна удивленія та готовность, съ какою большинство принимало эту игру несдержанной фантазіи за романтизмъ, облеченный въ форму трагедіи. Но въ дѣйствительности, только испанецъ Кальдеронъ-де-ла-Барка и нѣмецъ Шиллеръ написали романтическія трагедіи, да и то послѣдній лишь одну, хотя и единственную по своему совершенству ⁴⁾. Не лишне будетъ однакожъ замѣтить здѣсь, что и послѣднія сочиненія самого Феслера не всегда встрѣчали одобреніе со стороны критики. Одинъ изъ почитателей его, еще въ 1807 году, помѣстилъ въ весьма распространенномъ тогда журналѣ статью, въ которой высказалъ весьма благонамѣренные совѣты, стараясь направить авторскую дѣятельность Феслера въ иную сторону ⁵⁾. Въ нѣкоторое оправданіе Феслера могутъ быть приведены крайне-стѣсненные денежныя обстоятельства его. Онъ самъ съ обычною своею откровенностью указалъ на нихъ читате-

¹⁾ „Alonso oder der Wanderer nach Montserrat aus Don Boreas Papieren“, 2 Thele (Leipz., 1808, 8° mit Kk.). Сп. Morgenblatt, 1809, № 187.

²⁾ „Der Grosz-Hof-und Staats Epopt Lotario, oder der Hofnarr“ (Berlin, 1808, mit Titelk. und Vign., 8°). См. Morgenblatt 1808, № 129.

³⁾ „Der Nachtwächter Benedikt“ (Berl., 1809, 8°, mit Kk.). См. Morgenblatt* 1809, № 73.

⁴⁾ См. Fessler's „Resultate seines Denkens und Erfahrens“ (Breslau, 1826), S. 266 fg.; см. „Rückblicke“ u. s. w., S. 349.

⁵⁾ См. Morgenblatt, 1807, №№ 152, 153.

лямъ въ предисловіи къ «Алонзо»: «Я не владѣю на землѣ, — говорилъ онъ, — никакимъ другимъ имуществомъ, кромѣ заключающагося въ моихъ сочиненіяхъ; а со временъ тильзитскаго мира при всемъ желаніи и усиліяхъ сдѣлать что-либо болѣе полезное, чѣмъ изображеніе моего внутренняго міра въ книгахъ, мнѣ не представилось никакого гражданскаго занятія, никакихъ другихъ способовъ пріобрѣтенія, какъ это простое упражненіе». Далѣе, описавъ свое бѣдственное положеніе, дошедшее до того, что въ тотъ самый день, когда онъ дописывалъ первую часть «Алонзо», въ домѣ не было ни гроша, Феслеръ переходилъ къ перечисленію своихъ друзей, помогшихъ ему выдти изъ столь тяжелаго положенія. Это были: д-ръ Вейсъ, придворный совѣтникъ Беттигеръ, юстицъ-секретарь Моздорфъ, профессоръ Гейеръ и придворный актеръ Христъ изъ Дрездена, книгопродавецъ Герлахъ изъ Фрейберга, д-ръ Керндорферъ изъ Лейпцига, профессоръ Фихте и тайный совѣтникъ Клейнъ изъ Берлина, а также масонскія ложи названныхъ городовъ. «Зачѣмъ я предаю это публичности?» — спрашивалъ Феслеръ, и объяснялъ, что, съ одной стороны, желалъ показать эгоистическому свѣту, потерявшему вѣру въ чувствительность людей, важность дружескихъ связей, коими поддерживается общество, а съ другой, чтобы внушить своимъ дѣтямъ чувства любви и благодарности къ людямъ, которые старались внушить ему и его родители. Впрочемъ, Феслеръ и въ это время не былъ только поставщикомъ книгъ, спѣшно написанныхъ для полученія денегъ отъ издателей. Въ Шенгаузенѣ онъ написалъ историческій разсказъ о трехъ великихъ короляхъ Венгріи изъ Арпадскаго дома, о Стефанѣ и Владиславѣ Святыхъ и Коломанѣ Ученомъ. Эти разсказы, вмѣстѣ съ перепечатанными тогда же «Аттилою» и «Матвѣемъ Корвиномъ», составили четыре части «Картинъ изъ древнихъ временъ Венгріи» ¹⁾. Въ Буковѣ онъ пытался написать нѣсколько очерковъ изъ исторіи испанскаго народа, которые и вышли подъ заглавіемъ: «Древніе и новыя испанцы» ²⁾. Это было послѣднее сочиненіе Феслера, написанное имъ еще во время пребыванія въ Германіи. Вскорѣ судьба его совершенно измѣнилась: онъ приглашенъ былъ въ Петербургъ.

¹⁾ „Die drei grossen Könige der Hungarn aus dem arpadischen Stamme“ какъ четвертая часть: „Gemälde aus den alten Zeiten der Hungarn“ (Breslau, 1806, 8°), съ изображеніемъ Стефана, Владислава и Коломана. Срв. Allg. Liter.-Zeit. 1809, Bd. I, № 81, S. 657 fq.

²⁾ „Die alten und neuen Spanier. Ein Völkerspigel“, 2 Thle (Berlin 1810, 8°); второе изданіе имѣло еще и такое заглавіе: „Versuch einer Geschichte der Spanier“, 2 Bde. (Carlsruhe, 1813—1814, 8°).

III.

Въ Россіи.

Александръ I, преобразовавшій въ самомъ началѣ своего царствованія центральное управленіе народнымъ просвѣщеніемъ въ Россіи и положившій прочное основаніе для учрежденія новыхъ университетовъ, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ во всей имперіи, указомъ 29-го ноября 1807 года объявилъ о необходимости устроить и духовныя училища. Образована была особая коммиссія для этой цѣли, которая, между прочимъ, выработала проектъ устава духовныхъ академій. Тѣ статьи этого устава, въ которыхъ предлагалась организація учебной части, написаны были М. М. Сперанскимъ, а статьи, касавшіяся внѣшняго управленія, составлены были калужскимъ архіепископомъ Теофилактомъ. На основаніи этого устава существовавшая до тѣхъ поръ Александро-Невская академія преобразована была въ 1809 г. въ С.-Петербургскую духовную академію, и для преподаванія въ ней назначено нѣсколько новыхъ профессоровъ. Сперанскому поручено было пригласить преподавателей по классу философскихъ наукъ и древнихъ языковъ. П. Д. Лодій, преподававшій въ то время въ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ философію, указалъ ему на Феслера, какъ на знатока еврейскаго языка. Лодій былъ карпаторуссъ по происхожденію, родился въ венгерскомъ городѣ Мунчацѣ, и въ теченіи нѣсколькихъ семестровъ былъ профессоромъ логики и метафизики въ Львовскомъ университетѣ, во время службы Феслера тамъ же. Онъ указалъ Сперанскому на сочиненія своего бывшаго товарища, относившіяся къ изученію языковъ восточныхъ вообще и еврейскаго въ особенности. Феслеру предложено было профессорское званіе при академіи, съ вознагражденіемъ въ 2,500 р. въ годъ, начиная съ 1-го января 1810 года. Но когда онъ прибылъ въ Петербургъ, то ему поручено было и преподаваніе философіи, по случаю перевода бакалавра философскихъ наукъ Евгенія Казанцева, впоследствии архіепископа и члена св. синода, ректоромъ въ троицкую семинарію. Еще коммиссіею духовныхъ училищъ указанъ былъ планъ преподаванія философіи въ духовныхъ училищахъ. По этому плану требовалось «изложеніемъ о каждомъ предметѣ мнѣній славнѣйшихъ философовъ, сравненіемъ ихъ между собою, разрѣшеніемъ и приведеніемъ ихъ къ общему какому-нибудь началу дать воспитанникамъ понятіе о истинномъ

духъ философіи, приучить ихъ самихъ къ философскимъ изслѣдованіямъ и ознакомить ихъ съ лучшими методами таковыхъ изысканій». Самому же профессору предлагался такой совѣтъ: «онъ долженъ быть внутренне увѣренъ, что ни онъ, ни ученики его никогда не узрятъ свѣта высшей философіи, единой истинной, если не будутъ его искать въ ученіи христіанскомъ, что тѣ только теоріи суть основательны и справедливы, кои уворенены, такъ сказать, на истинѣ евангельской; ибо истина есть едина, а заблужденія безчисленны». Для руководства при преподаваніи указаны были сочиненія Винклера и Брукера, основанныя на началахъ лейбнице-вольфіанской философіи.

При такихъ ясныхъ и опредѣленныхъ требованіяхъ отъ профессора философіи въ преобразованной духовной академіи, приглашеніе Феслера на эту кафедру не могло быть удачнымъ. Его частые переходы отъ одной философской системы къ другой, его наклонность къ мистицизму и постоянное исканіе новыхъ положеній для науки о духѣ человѣческомъ, общали изъ него замѣчательнаго мыслителя, но дѣлали его неудобнымъ какъ преподавателя. Онъ началъ съ того, что представилъ свою программу преподаванія. Въ ней онъ говорилъ, что совершенство духа полагаетъ «во внутреннемъ гармоническомъ согласіи между разумомъ, разсудкомъ, воображеніемъ и внутреннимъ чувствомъ». Опредѣливъ различіе между разумомъ и разсудкомъ въ смыслѣ отличія идей отъ понятій, Феслеръ отводилъ на долю воображенія силу изобразительную, а внутреннія чувства опредѣлялъ какъ источникъ любви и желаній. Отсюда вытекало дѣленіе философіи на созерцательную и познавательную, теоретическую и практическую. Но въ своемъ изложеніи самыхъ началъ своей науки Феслеръ не слѣдовалъ какой-либо одной философской школѣ, а по своему обычаю обнаруживалъ электическое сочувствіе къ ученіямъ разныхъ философовъ, въ особенности тѣхъ, которые ставили выше всего внутреннюю жизнь духа, а изъ новѣйшихъ философовъ отдавалъ предпочтеніе Фихте передъ другими. Что касается внѣшней стороны преподаванія, то Феслеръ, въ своемъ мнѣніи, принятомъ комиссіею духовныхъ училищъ, высказывалъ такіе, вполнѣ справедливыя замѣчанія: «я не думаю, чтобы университеты и академіи были учреждены на тотъ конецъ, дабы юноши, туда записавшыя, еще не пріобрѣкшіе къ труднымъ занятіямъ ума, наконецъ отъ слушанія публичныхъ уроковъ выходили учеными; но я полагаю, что уроки преподаются съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, дабы принимающіе ихъ усматривали только путь къ твердому ученію и учености, и дабы отсюда почерпали они ма-

терію для собственныхъ своихъ размышленій. Мнѣ не безызвѣстно, что въ нѣмецкихъ университетахъ часто случается, что юноши, когда жалѣютъ издержекъ на свое содержаніе или когда предполагаютъ ранѣе вступить въ исправленіе публичныхъ должностей, въ теченіе двухъ, а много трехъ лѣтъ, учатся разомъ у тридцати профессоровъ и для того по 10 часовъ въ день сидятъ въ школахъ; но я не хочу умолчать, что немногихъ доселѣ находилъ тамъ мужей основательно ученыхъ, которые бы приписывали академическимъ упражненіямъ высшую степень учености, на какую въ послѣдствіи времени возшли съ великимъ трудомъ, и которые бы не заявили потеряннымъ все время, употребленное ими на слушаніе множества лекцій, по причинѣ отнятія у нихъ досуга къ размышленію¹⁾. Остается прибавить, что Феслеру же поручено было сначала и преподаваніе церковныхъ древностей, для чего онъ также представилъ свой конспектъ въ комиссію духовныхъ училищъ¹⁾. Ни этотъ конспектъ, ни порядокъ преподаванія еврейскаго языка не вызывали въ комиссіи какихъ-либо недоразумѣній,—но взгляды его на философію имѣли иную участь.

Впослѣдствіи и самъ Феслеръ, и его нѣмецкіе біографы приписывали неудовольствіе духовнаго начальства на систему, введенную Феслеромъ въ преподаваніе философіи, влиянію бакалавра словесныхъ наукъ, іеромонаха Леониды Зарѣцкаго на тогдашняго ректора академіи, архимандрита Сергія Крылова-Платонова. Леонидъ, преподававшій эстетику подъ руководствомъ преосв. Теофилакта, былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ профессоровъ академіи и пользовался расположеніемъ своихъ слушателей, и во всякомъ случаѣ былъ ближе къ Теофилакту, который оказывалъ ему постоянное покровительство, чѣмъ къ Сергію, вступившему на службу академіи только въ январѣ 1810 г. ректоромъ и профессоромъ богословія. При томъ не было никакой надобности обращать чье-либо вниманіе на систему Феслера и обвинять его въ предпочтеніи платонизма Аристотелевой схоластикѣ, вольфіанской эклектикѣ и кантовскому критицизму. Самъ Феслеръ изложилъ свою систему въ представленіи, поданномъ комиссіи духовныхъ училищъ, и Теофилактъ, какъ членъ этой комиссіи, напелъ нужнымъ подвергнуть конспектъ Феслера строгой критикѣ²⁾. Мнѣніе

¹⁾ О службѣ Феслера въ академіи см. И. Чистовича „Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи“ (СПб., 1857), стр. 172, 182—183, 192—198, 214, 218—219, 249—250, 256—266.

²⁾ Обязанность свестись съ ректоромъ до введенія новаго руководства или перемѣны въ системѣ преподаванія возложена была на профессоровъ только постановленіемъ комиссіи духовныхъ училищъ отъ 11 октября 1813 года, стало быть,

Оеофилакта объ этомъ конспектѣ было таково: «Начала, которыми Феслеръ неуклонно слѣдовать обѣщаетъ, суть начала разрушительныя, а не созидательныя». Пять доказательствъ служили въ подтвержденіе такого обвиненія: 1) Феслеръ совершенно превращаетъ естественный ходъ познаній человѣческихъ, производя начало оныхъ отъ разума, независимо отъ чувствъ; 2) допускаетъ ложныя и несовмѣстныя съ здравымъ смысломъ начала познаній человѣческихъ, приписывая имъ только условную и подлежащую вещественность и истину; 3) подрываетъ религію, принявъ въ основаніе философіи своей пагубныя мнѣнія иллюминаторовъ; 4) вводитъ Платонову философію, которая въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства столько породила ересей, сколько вольнодумцевъ во Франціи произвела Локкова метафизика, стараніемъ Вольтера допущенная въ училища и чрезъ происки его восторжествовавшая надъ философіею Декарта; 5) кромѣ Платоновой философіи болѣе 25 лѣтъ руководствуется ученіемъ Плотина (и вообще Александрійской школы), которое въ особенномъ было покровительствѣ у языческихъ императоровъ». Развивая затѣмъ подробно эти пять пунктовъ, Оеофилактъ между прочимъ ссылается и на рецензіи нѣкоторыхъ сочиненій Феслера, напечатанныя въ 1810 году въ нѣмецкихъ газетахъ: «здѣсь,—говорилъ онъ,—Феслеръ выставленъ ужаснымъ мистикомъ, и, между прочимъ, сказано, что онъ прошелъ всѣ степени вѣры, сомнѣній и познаній, и что, потерявши первую и неудовольствовавшись послѣдними, погрузился въ совершенный идеализмъ. Также упомянуто здѣсь и то, что онъ вызванъ въ с.-петербургскую духовную академію и поѣхалъ туда для поправленія своего крайне бѣднаго состоянія». Въ заключеніе Оеофилактъ указывалъ на то, что коммиссія духовныхъ училищъ предположила уже, по какой системѣ должны преподаваться въ академіи философія и ея исторія, почему Феслеръ долженъ былъ или руководствоваться назначенными отъ коммиссіи Винелеромъ и Бруккеромъ, или представить начальству объ отнѣнѣ онаго и до рѣшенія самому по себѣ ничего новаго не вводить ¹⁾.

Вслѣдствіе такихъ противорѣчій между системою Феслера и назначенною для академическаго преподаванія программю, онъ

болѣе трехъ лѣтъ послѣ удаленія Феслера изъ академіи. См. Чистовича Исторія сиб. д. акад., стр. 217.

¹⁾ «Замѣчанія члена коммиссіи духовныхъ училищъ, преосвященнаго Оеофилакта, архіепископа рязанскаго, на конспектъ философскихъ наукъ, представленный г. Феслеромъ», напечатанныя въ „Чтеніяхъ моск. общ. исторіи и древностей российскихъ“ за 1859, кн. II, смѣсь, стр. 115—128.

долженъ былъ оставить службу въ академіи 22 іюня 1810 года. Преподаваніе философіи и еврейскаго языка поручено было съ сентября доктору Іоганну фонъ-Горну, противнику Кантовской философіи, а преподаваніе церковныхъ древностей отнесено къ вѣедрѣ церковной исторіи. Но officialный вызовъ Феслера изъ-за границы на русскую службу обязывалъ нѣкоторымъ образомъ вызывавшихъ обезпечить ему матеріальное положеніе, и онъ получилъ званіе корреспондента при комиссіи составленія законовъ, которою управлялъ Сперанскій, съ сохраненіемъ содержанія, выдававшагося на академической службѣ. Но при этомъ Феслеръ могъ воспользоваться еще однимъ важнымъ условіемъ. Ему разрѣшено было жить внѣ Петербурга и выбрать для того любой изъ русскихъ городовъ. Конечно, такое условіе было предложено отчасти и потому, что оставаться Феслеру въ Петербургѣ было неудобно, ибо нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ опасались его вліянія на бывшихъ слушателей и по выходѣ изъ службы. Несмотря однакожъ на краткость своего пребыванія въ Петербургѣ, Феслеръ успѣлъ войти въ близкія отношенія съ нѣкоторыми изъ своихъ соотечественниковъ, занимавшими видныя мѣста въ Россіи и потомъ принесшими ему пользу своимъ вліяніемъ: съ Аделунгомъ, Келеромъ, Эллисеномъ, Бекомъ, Пезаровіусомъ и другими. Они вскорѣ пріискали ему педагогическія занятія въ частномъ учебномъ заведеніи, которое было основано коллежскимъ совѣтникомъ Злобинымъ въ городѣ Вольскѣ, саратовской губерніи.

Въ мартѣ 1811 года Феслеръ выѣхалъ къ новому мѣсту своего служенія, гдѣ и сталъ получать 1500 р. въ годъ при готовой квартирѣ. Однакожъ заведеніе Злобина, встрѣтивъ множество затрудненій въ мѣстности, мало еще подготовленной къ учебному дѣлу, не имѣло успѣха, вслѣдствіе чего содержатель, терпѣвшій убытки, объявилъ черезъ два года Феслеру, что не можетъ выплачивать условленнаго вознагражденія. Сохраняя жалованье, которое высылалось изъ комиссіи составленія законовъ, Феслеръ рѣшился переселиться съ своимъ семействомъ въ Саратовъ, что и исполнилъ 25 февраля 1813 года. Здѣсь онъ прожилъ два съ половиною года въ семейномъ кругу, занимаясь отчасти воспитаніемъ сына, отчасти начатою еще въ Вольскѣ работкою венгерской исторіи, матеріалы для которой онъ собиралъ въ теченіи 23 лѣтъ. Къ этому же времени относится и составленный имъ планъ большого сочиненія, которому онъ хотѣлъ дать такое заглавіе: «Собраніе матеріаловъ для ученой исторіи Россіи», и о судьбѣ котораго однакожъ біографы Феслера ничего не знаютъ. Въ августѣ 1815 г., уже почти 60-лѣтній старецъ, пред-

принялъ онъ путешествіе для поправленія здоровья и посѣтилъ Сарепту, — центръ нѣмецкихъ евангелическихъ колоній на ю.-в. европейской Россіи. Дружественный пріемъ, встрѣченный имъ тамъ, внушилъ ему мысль избрать дальнѣйшимъ мѣстопробываніемъ своимъ этотъ болѣе южный городъ, отличающійся тогда необыкновенною дешевизною жизни. Но тамъ его ожидали новыя испытанія. Сперва онъ потерялъ младшую дочь. Потомъ его лишили того содержанія, которое онъ получалъ изъ комиссіи составленія законовъ: такъ отразилось на положеніи Феслера паденіе Сперанскаго. Впрочемъ, ему объяснено было официально, что поводомъ къ такой мѣрѣ было затруднительное положеніе финансовъ, вызванное тогдашними войнами и требовавшее сокращенія расходовъ. Какъ бы то ни было, Феслеръ остался безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ. Его годы не позволяли надѣяться на безбѣдное существованіе при помощи однихъ литературныхъ работъ. Все это послужило поводомъ къ распространенію въ Германіи всевозможныхъ слуховъ о тяжеломъ положеніи Феслера. Въ разныхъ газетахъ было напечатано, что онъ живетъ на границахъ Азіи, среди геригутеровъ, въ крайней нищетѣ, ибо не получаетъ не только никакого опредѣленнаго содержанія отъ русскаго правительства, но даже и пособія отъ своихъ прежнихъ друзей по масонству, жившихъ во Франціи и Германіи. Напрасно фрейбергскій книгопродавецъ Герлахъ, сохранившій сношенія съ Феслеромъ, опровергалъ эти слухи въ масонскихъ календаряхъ на 1816 и 1817 годы; напрасно самъ Феслеръ съ негодованіемъ отзывался о подобныхъ выдумкахъ въ письмѣ своемъ къ издателю «Русскаго Инвалида» отъ 20 апрѣля 1817 года, — слухи продолжали держаться и даже имѣли нѣкоторое основаніе. Хотя община сарептскихъ геригутеровъ и помогала Феслеру, на сколько могла, жизненными припасами; но скоро у него накопились долги и, чтобы покрыть хоть часть ихъ, онъ долженъ былъ продать значительное число книгъ изъ своей бібліотеки. Объ этой продажѣ узнали его петербургскіе друзья, статскій совѣтникъ Пезаровіусъ и книгопродавецъ Вейберъ, и устроили подписку въ пользу его. Равнымъ образомъ онъ получилъ небольшія пособія отъ Герлаха изъ Фрейберга и отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ изъ Пешта и Пресбурга, которыя помогли ему нѣсколько поправиться. Наконецъ, его положеніе значительно улучшилось въ сентябрѣ 1817 года, когда, отчасти подъ вліяніемъ распространенныхъ въ Европѣ слуховъ о нищетѣ Феслера, ему возвращено было все удержанное почти въ теченіи двухъ лѣтъ жалованье съ общаніемъ, что впредь оно будетъ выда-

ваемо правильно. «При столь тяжелыхъ обстоятельствахъ,—говорить самъ Феслеръ о прожитомъ въ Сарептѣ времени—я едва имѣлъ силы сохранить спокойствіе и ясность духа, хотя сердце и обливалось кровью при видѣ ѡбществовавшей семьи, и написать, находясь въ Сарептѣ, исторію Венгріи съ шестой по девятую книги»¹⁾. Въ томъ же 1817 г., четырнадцатилѣтній сынъ Феслера былъ принятъ, по повелѣнію Александра I, бесплатнымъ воспитанникомъ въ царскосельскій лицей. Вновь обезпеченное такимъ образомъ существованіе дало возможность Феслеру совершенно приготовить къ печати главный трудъ его жизни: «Исторію Венгріи и ея жителей», появившуюся въ десяти толстыхъ томахъ, отпечатанныхъ въ Лейпцигѣ съ 1815 по 1825 годъ.

Столь важный историческій трудъ, вмѣстѣ съ прежнею дѣятельностью Феслера, сдѣлали его имя европейски извѣстнымъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ Россіи, кн. А. Н. Голицынъ, раздѣлившій вѣдшеніе управление церковными дѣлами въ имперіи на два вѣдомства: православное и иностранныхъ исповѣданій, обратилъ вниманіе на Феслера и освѣдомился о его положеніи черезъ представителя сарептской общины Лѣрца. Онъ пожелалъ воспользоваться свѣдѣніями и способностями Феслера на другой, болѣе соотвѣтствовавшей его призванію почвѣ. Въ 1818 г. признано было полезнымъ для жителей Россіи евангелическаго исповѣданія, пользовавшагося одинаковыми правами съ другими иностранными исповѣданіями, учредить санъ епископа и высшую консисторію; а для церквей и школъ 73 евангелическихъ колоній саратовской губерніи образовать провинціальную консисторію. Свѣтскимъ предсѣдателемъ послѣдней назначенъ былъ статскій совѣтникъ Рейнгольмъ, а духовнымъ, въ званіи суперъ-интендента (*bischöflich ordinirte Superintendent*),—Феслеръ. Передъ вступленіемъ въ эту новую должность Феслеръ съѣзжалъ въ Петербургъ и Москву²⁾. Въ послѣдней онъ произнесъ проповѣдь въ церкви св. Михаила 15 марта 1820 г. и познакомился, между прочимъ, съ знаменитымъ Лодеромъ и пасторомъ Герингомъ. Такимъ образомъ Феслеръ призванъ былъ снова къ широкой общественной дѣятельности и поставленъ во главѣ мѣстной евангелической церкви, въ качествѣ ея духовнаго учителя и руководителя. Немедленно по принятіи на себя такихъ обязанностей, Феслеръ счелъ своимъ

¹⁾ См. „Rückblicke auf seine 70-jährige Pilgerschaft“, S. 360.

²⁾ См. A. W. Fechner's „Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau“, II B. (Moskau, 1879), S. 97, 108.

долгомъ представить князю А. Н. Голицыну письменное изложеніе своихъ религіозныхъ воззрѣній и мыслей объ устройствѣ евангелическо-лютеранской церкви ¹⁾. Его дѣятельность въ новой должности началась 18 (30) мая 1820 года, почти въ то самое время, какъ В. Н. Каразинъ въ запискѣ, представленной имъ 13 мая того же года министру внутреннихъ дѣлъ, гр. В. П. Кочубею, говорилъ между прочимъ: «покровительство, оказываемое отступникамъ отъ католиковъ Феслеру и Линдлю, приводя въ соблазнъ умы, удовлетворяетъ столь же мало благочестію господствующей церкви, какъ и мистическія празднества, совершаемыя въ Михайловскомъ дворцѣ» ²⁾. Но едва ли возвышеніе Феслера, въ качествѣ саратовскаго суперъ-интендента, могло соблазнять умы православныхъ. Скорѣе можно повѣрить неудовольствію католиковъ, которые могли видѣть въ томъ уравниеніе правъ протестантской церкви съ римско-католическою, въ предѣлахъ Россіи. И дѣйствительно, одинъ изъ людей, близкихъ къ тому времени, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее о тогдашнемъ торжествѣ мистиковъ въ Россіи: «такое направленіе не могло быть пріятно и латинскому духовенству, особенно когда оно, къ изумленію своему, увидѣло, нарочно выписанныхъ изъ Баваріи, нѣмецкихъ проповѣдниковъ, сперва Линдля, потомъ Госнера, распространявшихъ идеи о вѣрѣ, независимо отъ іерархіи. Довольными могли быть только протестанты, и то не всѣ, впрочемъ,—болѣе другихъ тѣ, которые принадлежали къ обществамъ библейскимъ и думали чрезъ нихъ склонять умы къ протестантизму» ³⁾.

Что не всѣ протестанты были довольны назначеніемъ въ суперъ-интенденты столь виднаго дѣятеля между мистиками, какимъ былъ нѣкогда Феслеръ, это обнаружилось вскорѣ послѣ вступленія его въ новую должность. Слѣдуетъ замѣтить однакожъ, что хотя недовольные и указывали на прежнюю дѣятельность Феслера, какъ несогласную, по ихъ мнѣнію, со всякими іерархическими порядками, но главные поводы къ ихъ неудовольствію на перваго саратовскаго суперъ-интендента вытекали изъ совершенно иныхъ, чисто личныхъ побужденій. Почти нигдѣ прежде неконтролируемое, вполне самостоятельное управленіе церковными дѣлами въ евангелическихъ общинахъ Россіи давало возможность укрываться отъ правительственнаго надзора такого рода

¹⁾ Напечатано въ „Rückblicke auf s. 70-jähr. Pilger.“, S. 492 flg.

²⁾ См. „Русскую Старину“ за 1870 г., кн. XII, стр. 556.

³⁾ См. „Воспоминанія К. С. Сербиновича о Н. М. Карамзинѣ“—въ „Русской Старинѣ“, за 1874 г., кн. IX, стр. 68.

дѣйствіямъ, которыя были несомнѣннымъ нарушеніемъ не только правъ самихъ общинъ, но и церковныхъ порядковъ. Подобныя отступленія должны были обнаружиться тотчасъ же по учрежденіи въ Саратовѣ евангелической консисторіи. Можно сказать, что служебная дѣятельность Феслера въ новомъ званіи началась съ назначенія его въ число членовъ комиссіи, которая должна была изслѣдовать порочную жизнь пастора Фрюгауфа, пребывавшаго въ колоніи Лѣсной-Карамышъ; а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Феслеру пришлось участвовать въ комиссіи, разсматривавшей дѣйствія саратовскаго пастора К. Лиммера. Виновные были лишены своихъ должностей. Это возстановило ихъ противъ Феслера, и Лиммеръ напечаталъ заграницей рѣзкій памфлетъ, наполненный всякаго рода обвиненіями противъ саратовскаго суперинтендента. Обвиненія были такого свойства, что молчать было нельзя, и Феслеръ съ своей стороны обнародовалъ не только документальное изложеніе всего дѣла, но и сильныя возраженія противъ книги Лиммера ¹⁾. Дѣло Лиммера тянулось болѣе двухъ лѣтъ, возбудило обширную переписку и привлекло къ допросу множество лицъ. Оно оставило въ Феслерѣ самыя непріятныя воспоминанія. Тѣмъ не менѣе Феслеръ исполнялъ новую должность свою, которая требовала отъ него внимательнаго надзора за сохраненіемъ въ чистотѣ религіознаго ученія и нравственности въ подчиненныхъ ему общинахъ, и постоянныхъ наблюденій за дѣйствіями проповѣдниковъ и церковныхъ служителей, а равно и за школьною дисциплиной. Для достиженія этихъ цѣлей Феслеръ постарался сблизиться съ членомъ саратовской консисторіи, пасторомъ Губеромъ, который и помогалъ ему въ томъ. Феслеръ принялъ надлежащія мѣры, чтобы поднять нравственность, упавшую въ нѣкоторыхъ общинахъ, и въ особенности истребить нравственную одичалость, которая развилась въ юности до такой степени, что Феслеръ иначе не называлъ ее, какъ «христіанскимъ язычествомъ». Предложенный имъ консисторіи планъ церковнаго управленія въ каждой отдѣльной общинѣ, подвергнутъ былъ всестороннему обсужденію въ двухъ засѣданіяхъ, и принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Затѣмъ Феслеръ извѣстилъ окружнымъ посланіемъ всѣ общины и состоявшихъ при нихъ проповѣдн-

¹⁾ Карлъ Лиммеръ, сперва домашній учитель въ Инфляндіи, потомъ евангелическій проповѣдникъ въ Полтавѣ, переведенъ былъ въ Саратовъ только въ 1818 году. Онъ отличался хвастливостью, неумѣренностью въ выраженіяхъ и отзывается не только о частныхъ дѣлахъ и лицахъ, но и о предметахъ церковнаго и политическаго характера, что и лежало въ основѣ нѣкоторыхъ обвиненій, возбужденныхъ противъ него съ разныхъ сторонъ.

ковъ, о предпринимаемой имъ церковной визитаціи. Въ теченіи десяти недѣль, съ 28 декабря 1820 до 3 марта 1821 года, продолжалась эта визитація, и Феслеръ произнесъ во время нея 40 проповѣдей, которыя болѣею частью заключали въ себѣ призывъ къ покаянію. Столь же часто имѣлъ онъ бесѣды гомилетическаго и катехитическаго содержанія. Въоренившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ злоупотребленія побудили его обнародовать форму литургіи для публичнаго священнодѣйствія ¹⁾. Чтобы удержать въ церковномъ единеніи послѣдователей евангелическаго исповѣданія, жившихъ внѣ колоній, въ уѣздныхъ городахъ, разбросанно и внѣ всякаго общенія, Феслеръ образовалъ въ такихъ городахъ церковные совѣты изъ пяти членовъ, которые и должны были вести съ консисторіей непрерывную переписку по церковнымъ дѣламъ. Труды по управленію евангелическими церквами, находившимися въ юго-восточной Россіи, которое въ 1827 году было окончательно сосредоточено въ саратовской провинціальной консисторіи, повидимому, нисколько не утомляли его, а еще болѣе возбуждали къ дѣятельности, хотя по временамъ, за отсутствіемъ свѣтскаго президента, на Феслера падало и все управленіе консисторскими дѣлами. Къ этому времени относится изданіе имъ нѣсколькихъ проповѣдей ²⁾. По его собственному показанію, онъ продолжалъ пользоваться замѣчательнымъ здоровьемъ даже тогда, когда ему исполнилось 70 лѣтъ. Ежедневно съ утра до 2 часовъ пополудни онъ занимался въ своей библіотекѣ и составлялъ воспоминанія о прожитой имъ жизни. Результатомъ этихъ занятій были два, наиболѣе любопытнѣйшія изъ сочиненій Феслера, которыя вскорѣ и появились въ свѣтъ за границей ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступило время успо-

¹⁾ Еще въ 1810 г. Феслеръ издалъ въ Петербургѣ программу: „De liturgia christianae ecclesiae“. Въ 1823 году онъ напечаталъ въ Ригѣ: „Liturgisches Handbuch zum beliebigen Gebrauche evangelischer Liturgen und Gemeinden, oder: Liturgische Versuche zur Erbauung der Gläubigen, sowol geistlichen, als weltlichen“.

²⁾ Подъ общимъ заглавіемъ: „Christliche Reden. Ein Scherfflein zur Erbauung der Gläubiger“ (Riga, 1822, 2 Bde), съ посвященіемъ кн. А. Н. Голицыну, которое подписано 20 дек. 1821 г.

³⁾ „Rückblicke auf meine 70-jährige Pilgerschaft“, 2 Bde (Breslau, 1824—26); второе изданіе съ предисловіемъ Фр. Булау въ Лейпцигѣ (1851).—„Resultate seines Denkens und Erfahrens als Anhang zu seinen Rückblicken auf seine 70-jährige Pilgerschaft“ (Breslau, 1826). Оба эти сочиненія, вмѣстѣ съ книгой противъ Лихнера, заключаютъ въ себѣ обильный матеріалъ для біографіи Феслера. Для той же цѣли могутъ служить и его сочиненія, касающіяся масонскихъ обществъ. О положеніи Феслера въ Россіи писалъ еще при его живни Hausschild въ Allgem. Liter.-Zeit., 1818, № 15. Первымъ біографомъ Феслера былъ Joh. G. Rhode, издавшимъ: „Nachrichten von dem Leben Ignaz-Aurel Fessler“ (sine anno et loco).

кошенія и отъ всякихъ внѣшнихъ преслѣдованій. Отъѣзды архимандрита Юрьевскаго монастыря Фотія, который называлъ Феслера «новымъ Манесомъ, Лютеромъ и Кальвиномъ, ангеломъ тмы во плоти», считалъ его, вмѣстѣ съ другими, основателемъ новой религіи ¹⁾, и въ запискѣ, поданной императору Александру I-му 29 апрѣля 1824 года, требовалъ изгнанія его изъ Россіи ²⁾, были послѣдними признаками тѣхъ ненормальныхъ отношеній къ православной іерархіи, въ которой Феслеръ былъ поставленъ во время своего профессорства въ петербургской духовной академіи. Послѣдніе годы жизни Феслера прошли въ мирныхъ занятіяхъ среди управляемой имъ паствы. Онъ умеръ на 83 году своей жизни, 15 декабря 1839 года.

Такая подвижная, разнообразная и продолжительная дѣятельность, какой посвящена была жизнь Феслера, неизбежно вела къ столь же противорѣчивымъ сужденіямъ о его личномъ характерѣ и авторскихъ заслугахъ. Одинъ изъ его біографовъ, Дѣрингъ, справедливо говоритъ, что «Феслера знали вполнѣ только очень немногіе, понимали отчасти лишь нѣкоторые, и многимъ онъ представлялся тѣмъ, чѣмъ не былъ никогда. Неудивительно, что Феслеръ былъ загадочнымъ явленіемъ для своихъ современниковъ. Немногіе изъ писателей такъ рѣзко очертили и такъ ясно представили въ своихъ сочиненіяхъ все теченіе своей духовной жизни, какъ Феслеръ. Въ его сочиненіяхъ чувствуется, что онъ самъ долженъ былъ пройти всѣ ступени вѣры, сомнѣнія и знанія; но, потерявъ первую и не удовлетворившись, какъ кажется, послѣднимъ, онъ со всею осторожностію своего разсудка старался найти успокоеніе въ религіозномъ созерцаніи и чувствѣ». По выраженію самого Феслера, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ его воплощались знаніе, любовь и жизнь. Но стремленіе объединить всѣ чувствованія, дѣйствія и знанія въ общей идеѣ о безконечномъ и вѣчномъ нерѣдко приводило Феслера въ такому выраженію своихъ мыслей, что давало основаніе считать его мистикомъ до глубины души. Онъ и самъ неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ подолгу останавливался на размышленіяхъ о мистицизмѣ. «Мистицизмъ, — говорилъ онъ ³⁾, — есть врожденное свойство разума, сродное религіозности и философіи, высшее возбужденіе, а не расслабленіе силы. Его дѣятельность начинается тамъ, гдѣ оканчивается область разсудка и опредѣленія;

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ за 1878 г., кн. XII, стр. 604, 612 и др.

²⁾ См. „Русскую Старину“ за 1875 г., кн. VIII, стр. 476.

³⁾ См. „Resultate seines Denkens und Erfahrens“, S. 15—19.

строго и твердо мыслящій умъ можетъ смѣшать его съ мечтательностію чувствъ или съ фанатизмомъ пылаго воображенія и произнести, такимъ образомъ, недостойное сужденіе о немъ... Истинная мистика, основывающаяся на дѣятельности чистаго разума и живущая при его свѣтѣ, можетъ быть не только изучаема, но и научна, изъ чего слѣдуетъ, что истинный мистцизмъ безконечно далекъ отъ всякаго стремленія обращать кого-либо къ себѣ, а стало быть и существованіе мистической секты немислимо. Только фанатизмъ, обреченный на неразрѣшимыя противорѣчія съ самимъ собою, можетъ проникнуться чувствомъ прозелитизма и порождать секты». Основою всѣхъ формъ христіанской жизни Феслеръ признавалъ религіозныя чувства и воззрѣнія, и во всѣхъ богословскихъ системахъ видѣлъ только собраніе символовъ, при помощи коихъ люди всегда стремились сдѣлать ихъ осязаемыми. Религію, философію и исторію Феслеръ считалъ вѣрнѣйшими и драгоцѣннѣйшими спутницами разумно-развивающейся духовной жизни.

Одинъ изъ историковъ нѣмецкой литературы выразился такъ о Феслерѣ: «Будучи человекомъ съ замѣчательными способностями и съ обширными знаніями, онъ однакожъ не столько возбуждалъ любовь къ себѣ, сколько былъ предметомъ порицанія, былъ жертвою своихъ идей и видѣлъ себя оставляемымъ тѣми, которые могли бы извлечь его изъ тяжелаго положенія, и при всемъ этомъ онъ не предавался сѣтованіямъ на безвыходныя обстоятельства, а всегда, оставаясь на высотѣ выработанныхъ имъ идей, являлъ собою примѣръ если не вызывавшаго на любовь, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно рѣдкаго характера» ¹⁾. Гертвинусъ, упоминая объ историческихъ романахъ Феслера, ставилъ ихъ на ряду съ сочиненіями Мейснера, о которомъ говорилъ, что онъ своимъ «Алквиадомъ» открылъ рядъ самодовольныхъ и невыправимо пустыхъ историческихъ повѣстей, которыя могутъ быть раздѣлены на историческія стихотворенія и стихотворныя исторіи, смотря по тому, преобладаетъ ли въ нихъ вымыселъ или исторія. По этому же пути пошелъ и Феслеръ, начавшій въ 1790 г. «Маркомъ-Авреліемъ» свой рядъ историческихъ романовъ ²⁾. Другой нѣмецкій историкъ литературы, Эйхгорнъ, также высказался противъ историческихъ романовъ, считая ихъ произведеніями двусмысленнаго свойства, слѣпою

¹⁾ См. „Wurzbach's“, Biographisches Lexikon. Th. IV., S. 207. Сраз. „Horn Fr.“, Poesie und Beredsamkeit der Deutschen“, Bd. III, S. 484.

²⁾ „Geschichte der deutschen Dichtung“ (Leipzig, 1853, IV Aufl.), Th. V, S. 325.

близко затрогивающими священныя тайны исторіи, ибо въ нихъ такъ много правдоподобія и прелести и въ то же время выдумокъ. «Маркъ-Аврелій» Феслера и ему подобные полуроманы, по выраженію Эйхгорна, заставляютъ желать, чтобы исторія и романъ были раздѣлены другъ отъ друга ¹⁾. Самъ же Феслеръ такъ выразился о своихъ сочиненіяхъ: «мои произведенія были болѣе хвалены общественнымъ мнѣніемъ, высказывавшимся посредствомъ критики, чѣмъ порицаемы. Но я желалъ бы, чтобы истые эстетикѣ никогда не произносили сужденія о томъ, что можетъ имѣть нѣкоторую цѣну лишь для религіозныхъ философовъ. Я желалъ бы, чтобы никто не бралъ въ руки моихъ сочиненій для забавы, равно чтобы и въ будущемъ никто не пользовался ими только для препровожденія времени, ибо они написаны не съ этою цѣлію, а ради употребленія времени съ пользою, какъ для меня самого, такъ и для тѣхъ, для кого духовная жизнь точно такъ же, какъ для меня, имѣетъ величайшую важность, а не составляетъ легкомысленной игры, и которые блуждаютъ и странствуютъ по тѣмъ же путямъ, какъ и я». Такой отзывъ долженъ имѣть тѣмъ болѣе существенное значеніе при оцѣнѣ произведеній Феслера, что высказанъ имъ въ послѣдніе годы жизни, когда онъ уже спокойнымъ взглядомъ окидывалъ всю прежнюю свою дѣятельность и могъ говорить о ней со всею искренностію окончательно установившагося въ немъ мнѣнія ²⁾.

Нилъ Поновъ.

Москва.

¹⁾ См. „Eichhorn Joh. Gf.“, Geschichte der Literatur von ihrem Ursprunge bis auf die neuesten Zeiten (Göttingen, 1806 ff), Bd. V, Abth. 2, S. 1104.

²⁾ Еще при жизни Феслера, начиная съ 1801 года, издаво было нѣсколько литографированныхъ портретовъ его. Прежде всего они были прилагаемы къ нѣкоторымъ изъ его сочиненій: въ 1801 году при „Kleine Romanbibliothek“, выходившей въ Берлинѣ и перепечатавшей у себя нѣсколько историческихъ романовъ Феслера, въ 1806 г. при первой части собранія его сочиненій о масонствѣ, и въ 1826 году при книгѣ „Resultaten seines Denkens und Erfahrens“. Отдѣльно издаво пять портретовъ и медальоновъ, болѣею частію Россмеслеромъ младшимъ изъ Дрездена; лучший изъ нихъ тотъ, который былъ литографированъ съ портрета, писаннаго масляными красками художникомъ Васильевымъ. Что касается полнаго собранія сочиненій Феслера, вышедшаго въ Вѣнѣ еще въ 1809—1816 годахъ въ 22 частяхъ, безъ всякаго вѣдома со стороны автора, то надо замѣтить, что оно не только не заключаетъ въ себѣ позднѣйшихъ его сочиненій, но и прежнія передаетъ въ не полномъ и искаженномъ видѣ.

СЫРОВАРЪ

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКИХЪ ПРАВОВЪ.

I.

Поездъ двинулся. Опасеніе услышать настойчивое приглашеніе потѣсниться для новаго пассажира—миновало, и можно было спокойно размѣщаться на занятыхъ мѣстахъ. Дѣло было зимою, совсѣмъ стемнѣло. При тускломъ мерцаніи свѣчей въ фонаряхъ, съ плохо протертыми стеклами, лохматая фігура, крихтя, вздыхая и сопя, грузно и неуклюже примащивалась на узкихъ деревянныхъ скамейкахъ въ длинномъ вагонѣ третьяго класса.

Среди узловъ, корзинокъ, мѣшковъ и чемодановъ всевозможныхъ формъ и величинъ, среди несмолкаемаго гула и стука машины, пронзительныхъ свистковъ и сдержаннаго говора, вырывались довольно громкія восклицанія и отрывки болѣе или менѣе крупныхъ разговоровъ.

— Тронулись, слава тебѣ Господи!—набожно крестилась старушка, въ опрятномъ капорѣ и въ темной суконной шубѣ на заячьемъ мѣху.

— Вы съ господами, што-ли?—спросила сидѣвшая противъ нея востроносенькая бабенка, мѣщанка съ виду. — А мы вотъ съ сыномъ, погостить къ крѣстному... Съ конѣхъ поръ собираемся!

Глаза ея быстро перебѣгали отъ старушки, съ которой она безцеремонно завязала разговоръ, къ высокому парню лѣтъ 18-ти, возившемуся на полу съ какой-то неуклюжей кладью, которую

онъ въ сѣль выбивался втиснуть подѣ скамейку. Потѣ, крупными каплями, выступалъ на его худомѣ, длинномѣ лицѣ; но всѣ усилія его оставались тщетны.

— А ты бы ее вонѣ отсюдова пхнулъ, тутѣ она пониже будетѣ,—посоветовала ему мать,—дайка-сь я подсоблю.

— Оставьте, пожалуйста, ужѣ я самѣ.

— Ну самѣ, такѣ самѣ, я для тебя же, мнѣ-то что!.. А не хочешь, такѣ и Богѣ съ тобой! Вотѣ они, нонече дѣтки-то какія,—обратилась она снова къ своей сосѣдкѣ:—все сами!

А старушка, между тѣмѣ, степенно объясняла, что господа ея сидятѣ въ первомѣ классѣ, барыня съ барышней и молодой баринѣ, офицерѣ, тоже съ ними,—что ѣдутѣ они къ бабушкѣ—почтеніе къ новому году сказать, и что выѣзжать имѣ на станціи Подшибаловкѣ, а оттуда еще верстѣ тридцать на лошадахѣ.

— Вовокѣ пришлютѣ, депешей упрещены,—прибавила она, помолчавѣ немного, и вдругѣ, ни съ того, ни съ сего, глубоко вздохнула.

— Вы какихѣ господѣ-то, Андреевскихѣ, што-ли?—продолжала допрашивать любопытная сосѣдка.

И не дождавшись отвѣта, она снова обратилась къ сыну:

— Мотѣ, гдѣ у тебя билеты-то? Дайко-сь ихѣ сюда, у матери цѣлѣе будутѣ.

— Они у меня въ пармонетѣ,—проворчалъ себѣ подѣ носѣ юноша.

— Что ты говоришь?

— Говорю—въ пармонетѣ,—что вы пристаєте, ну васѣ со-вѣтъ,—буркнулъ онѣ громче.

— А ты не груби матери-то, нечего грубить!

И она снова вступила въ разговорѣ со старушкою.

— Мы у эфтихѣ самыхѣ Андреевскихѣ господѣ огорода снимали въ запрошломѣ году...

— Нашихѣ господѣ не Андреевскими звать, а Пустомалыми. Самѣ-то баринѣ въ городѣ при губернаторѣ служить, а старая барыня, ихѣ маменька, по дряхлости лѣтъ завсегда почти въ деревнѣ... Храмѣ Божій близко, почти у самаго сада, чего имѣ больше!

— Мы и Пустомаловскихѣ господѣ знаемѣ. У нихѣ въ Сычовѣ дядя хотѣлъ-было кабаѣ завести, да солдаѣга, Митрохина невѣстка, упредила...

— Нашу деревню не Сычовой звать, Сычова лѣтъе будетѣ, тамѣ барышни Филаткины живутѣ... Наши господа у нихѣ часто въ гостяхѣ бывають, а наша деревня...

— Грибовъ въ вашихъ краяхъ страсть какъ много!

— Есть-таки, когда Господь пошлетъ дождички...

Дальше двое деревенскихъ супруговъ ссорились шопотомъ:

— Подвинься маненько, придушила совсѣмъ, корова! Право слово, корова!—ворчалъ мужъ:—да говорятъ же тебѣ, подвинься! Что ты, очумѣла, што-ли?

— Чего ты пхаешься-то! Куда же мнѣ? Не въ стѣнку же давиться изъ-за тебя, продѣ!

Въ другомъ углу шли препирательства менѣ интимнаго свойства. Высокій, плотный блондинъ, съ хитрыми сѣрыми глазами и насмѣшливой улыбкой, въ овчинномъ полушубѣ, подпоясанномъ ремнемъ и съ дорожной сумкой черезъ плечо, вѣжливо совѣтовалъ барынѣ, помѣстившейся противъ занятой имъ скамейки, перейти въ другой вагонъ.

— Вамъ, сударыня, тамъ не въ примѣръ вольготнѣе будетъ, и народъ тамъ чище, и мѣста больше,—убѣдительно повторялъ онъ.

— Что же ты самъ туда не идешь? — сердито возражала барыня.

— У насъ супруга съ младенцемъ, да и скарбъ къ тому же, а вамъ только мѣшечекъ да подушечку перенести,—почтительно указывалъ онъ на скучную поклажу путешественницы,—соблаговолите только приказать, мы вамъ это мигомъ устроимъ.

Но барыня не сдавалась.—Отвяжитесь, пожалуйста, съ чего вы это взяли, мнѣ совѣты давать!

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ, мы для васъ же, въ виду вашего спокойствія, такъ-сказать, а не то, чтобъ...

— Не нуждаюсь. А вы лучше уберите вотъ это,—указала она на огромный мохнатый свертокъ темнаго войлока, изъ котораго высовывались стволы двухъ ружей.

Вѣжливый блондинъ уставилъ его торчмя въ проходѣ между скамейками.

Услышавъ замѣчаніе барыни, молодая женщина съ груднымъ ребенкомъ, на которую онъ указывалъ, какъ на свою жену, протянула руку къ свертку, качавшемуся изъ стороны въ сторону и начала его придерживать.

— Вы бы ихъ подъ лавку, Лексѣй Ливонтичъ,—тихо проговорила она, вскидывая робкій взглядъ на своего сожителя.

— Не лѣзутъ они, треклятые, подъ лавку, ужъ я пробовалъ, —довольно грубо отвѣчалъ онъ ей.

А затѣмъ,—внезапно мѣняя тонъ, онъ снова обратился къ барынѣ:

— Сдѣлайте ваше одолженіе, сударыня, подвиньтесь маленько, какъ бы вамъ этимъ самымъ колѣнки не отдавить, — произнесъ онъ, усиливаясь наклонить непослушныя ружья въ сторону своей подруги.

Но изъ этого ровно ничего не выходило, и ружья не наклонялись туда, куда ему хотѣлось. Выведенная изъ терпѣнія барыня обратилась къ мимо проходящему кондуктору.

— Прикажите имъ это сдать въ багажъ, г. кондукторъ, того и гляди упадетъ въ мою сторону, зашибить можетъ, — начала она жаловаться блюстителю порядка.

Кондукторъ посмотрѣлъ искоса на ружья, потомъ на ихъ обладателя, а тамъ опять на неуклюжій тукъ.

— Да вы бы, сударыня, въ другой вагонъ пересѣли, — любезно предложилъ онъ волновавшейся барынѣ. — Тамъ посвободнѣе будетъ.

— И я имъ то же говорю, да вотъ не желаютъ, — поторопился заявить обрадованный блондинъ.

— Не хочу я переходить въ другой вагонъ, что это за глупости... изъ-за мужика!.. Пусть лучше онъ туда пойдетъ, — капризничала барыня. Прикажите имъ сдать это въ багажъ, г. кондукторъ, это Богъ знаетъ на что похоже, какіе у васъ безпорядки, я буду жаловаться...

Но кондукторъ былъ уже далеко, а блондинъ, пожимая плечами, началъ усаживаться рядомъ со своей подругой, причемъ такъ притиснулъ ее, что ребенокъ, спавшій на ея рукахъ, проснулся и заоралъ благимъ матомъ.

— Давай сюда сухую пеленку, — отрывисто проговорилъ чадолюбивый отецъ, ощупывая опытною рукою тряпки, среди которыхъ закопошилось крошечное, тщедушное существо съ старобразнымъ, сморщеннымъ лицомъ. — Ребенка въ мокротѣ держать не годится, онъ у тебя въ мокротѣ ни за что не заснетъ.

— Надо бы покормить его прежде, Лексій Ливонтичъ, — крѣтко замѣтила молодая женщина, торопливо разстегивая подъ платкомъ крючки у лифа, — посторонитесь маленько, больно тѣсно...

Барыня, точно ужаленная, вскочила съ мѣста и начала поспѣшно собирать свои пожитки.

Въ эту минуту снова проходилъ кондукторъ.

— Отведите мнѣ мѣсто въ другомъ вагонѣ, здѣсь такое невѣжество, нѣтъ никакой возможности вытерпѣть, — обратилась она къ нему, вся красная отъ волненія.

Кондукторъ вывелъ ее въ сосѣднее отдѣленіе, а торжествующій противникъ, съ самодовольной усмѣшкой началъ устраиваться

на отвоеванномъ мѣстѣ. Прежде всего онъ положилъ ружья на полъ, потомъ вынулъ изъ угла огромную подушку въ нестрой, ситцевой наволочкѣ, снялъ съ себя шубу и разостлалъ ее на скамейкѣ, повинутой брезгливою пассажиркой.

Но прежде чѣмъ лечь на эту импровизированную постель, онъ обернулся къ молодому человѣку въ барашковой шапкѣ, сидѣвшему неподалеку, ласково подмигнувъ ему и указавъ кивкомъ головы на мѣсто, занимаемое женщиной съ ребенкомъ:

— Не угодно ли сюда, Митрій Митричъ? А ихъ мы дальше препроводимъ. — Тебѣ тамъ сподручнѣе будетъ съ пискуномъ-то сидѣть, Дуня, — обратился онъ къ женѣ, которая немедленно и безпрекословно поднялась съ мѣста и начала перебираться на указанную мужемъ скамейку. — И отъ двери будетъ подальше и уголокъ глубже, а намъ съ Митріемъ Митричемъ кое-о-чемъ потолковать надоть.

Молодой человѣкъ съ видимымъ удовольствіемъ принялъ предложеніе сѣсть поближе къ пріятелю. Онъ давно ждалъ этой минуты и не безъ любопытства слѣдилъ за его препирательствами съ упрямой барыней.

II.

— Вамъ еще спать не хочется, Митрій Митричъ?

— Я на желѣзной дорогѣ никогда не сплю, Левсѣй Левоничъ.

— Значить, поболтать можно отъ скуки... Но только я тутъ много лишнихъ ушей усматриваю, — продолжалъ онъ, понижая голосъ до шопота и озираясь направо и налево.

Однако, оглянувшись въ ту сторону, гдѣ сидѣла экономка гг. Пустомаловыхъ, онъ тотчасъ же успокоился. Сомнѣваться въ томъ, что старушка спитъ, было бы трудно: храпъ ея съ присвистомъ по временамъ даже не заглушался пыхтѣніемъ паровоза.

— Эту старушенцію мнѣ не разъ приходилось встрѣчать у тѣхъ самыхъ гг. Авакумовыхъ, про которыхъ я вамъ намеренъ рассказывать, что черезъ ихнюю простоту я капиталъ себѣ прибрѣлъ и таперича могу о покупкѣ имѣнія мечтать. А та востроносая, съ долговыми парнемъ, нашему кабатчику Дормидоничу снохой приходится, — пояснилъ онъ своему собесѣднику. — По этой дорогѣ вѣчно на знакомый народъ натолкнешься... Сунулись мы было съ Дуняшей въ тотъ вагонъ, да давай Богъ ноги! Почитай, всѣ пассажиры сродственниками да земляками

объявились... кто свать, кто кумъ... Лѣзутъ съ объятіями, да съ разспросами: куда, да зачѣмъ?.. И сейчасъ выпить вмѣстѣ, ужъ это безпремѣнно... Чистое безобразіе! Гвалтъ, крикъ, того и гляди до драки дойдетъ, — ну, что за пріятность, судите сами!..

Алексѣй Леонтьевичъ задумался и смолкъ на минуту. Кругомъ всѣ спали. Онъ приподнялся съ мѣста, посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла его жена и, убѣдившись, что и она также влюетъ носомъ надъ ребенкомъ, продолжалъ свою рѣчь, пригнувшись совсѣмъ близко къ своему слушателю.

— Вы, Митрій Митричъ, таперича, какъ человекъ столичный и образованный, на каждомъ шагу дивитесь будете здѣшнему невѣжеству и даже, такъ-сказать, поражаться имъ; но если разсудить хорошенько, да вникнуть, такъ оно иначе и быть не можетъ, потому что мужикъ нашъ и по природѣ своей и по привычкамъ гораздо ближе безсловесному животному уподобляется, чѣмъ другому какому созданію... Опять же водка... Кабаковъ этихъ въ нашихъ краяхъ развелось видимо-невидимо!.. И никакой деликатности — ни въ словахъ, ни въ понятіяхъ... Разговоры ведутъ промежъ себя самые грубые, книгами и газетами никто не занимается, по той причинѣ, что мало даже кто и грамотѣ обученъ, а ужъ — бабы!

Онъ съ отчаяніемъ махнулъ рукою.

— Вотъ вамъ для примѣра хоша бы моя супруга, Евдокія Парменовна, — иронически усмѣхнулся онъ, кивая головой въ ту сторону, гдѣ сидѣло его семейство: — кто скажетъ, на нее глядячи, что она цѣлый годъ у князя Панилина въ кормилицахъ выжила? — Рѣшительно никто. А между тѣмъ, я только въ тѣхъ видахъ и отпустилъ ее отъ себя, чтобы показать ей, какъ люди живутъ. Прослышалъ я какъ-то, черезъ разныхъ благопріятелей, что у князя кормилицу ищутъ и сейчасъ сообразилъ: устрою я туды мою Дуню. Не дѣйствуетъ на нее мужнина строгость, авось-либо отъ чужой шкোলки умнѣе сдѣлается. Разсудилъ я про себя такъ: пуцай лучше я на время всякихъ супружескихъ радостей себя лишу и лишнюю работницу въ домъ возьму, а ей предоставлю съ образованными людьми пожить и ко всякой чистоплотности пріучиться. Ну, и ошибся, ничего изъ моихъ мечтаніевъ не вышло! Дурой неумытой отпустилъ, дурой и назадъ принялъ. Только еще пужливѣе стала, и какъ зачнешь ее самую малость учить, сейчасъ затрясется вся, глаза такіе безумные сдѣлаются и вся точно въ столбнякъ... Вотъ наши бабы, Митрій Митричъ. А ужъ про мужиковъ и говорить нечего — водка и больше ничего! На счетъ благородныхъ удовольствій въ

нашихъ краяхъ, все равно что въ пустыняхъ арабійскихъ... Даже съ такимъ капиталомъ, какой вамъ послѣ покойнаго тятеньки достался, даже и съ такимъ капиталомъ никакихъ развлеченій себѣ не получишь. Господа у насъ... Ну, господа—просты, вотъ все, что про нихъ можно сказать, и выдержки у нихъ нѣтъ ни малѣйшей... какъ давишняя барыня напимѣръ, — артачилась-артачилась — и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, всполохнулась и на все сама отъ себя сдалась. Такъ-то они во всемъ, никакого постоянства въ мысляхъ не придерживаются: сегодня сказалъ одно, завтра другое, и сами не знаютъ, чего хотятъ. Взятши все это въ соображеніе, можно прямо сказать, что для дѣловъ лучше мѣста трудно найти; съ умомъ да со сноровкой здѣсь можно всякія дѣла обдѣлывать, всякое имѣніе купить. Ни тебѣ опытности, ни терпѣнія у нашихъ землевладѣльцевъ нѣтъ, а главное — скука, такая апаэемская, что на всякую новинку, точно псы голодные на свѣжее мясо — кидаются! И такъ имъ земля родительская опостыла, такъ опостыла, что ловкому человѣку можно за-всегда почти-что дарма ее получить, стоитъ только въ-время мощной тряхнуть, да всякіе турусы на колесахъ подвести про то, что таперича, дескать, господа больше банками да желѣзными дорогами занимаются, или тамъ про дома встати закинуть словечко, — сколько они доходу приносятъ и какъ прекрасно, благородно, безъ заботъ и хлопотъ... построилъ домъ, напустилъ въ него жильцовъ и получаи денежки каждый мѣсяць... Большіе проеѣтыры наши господа, надо правду сказать! И не въ одной нашей губерніи, а также и въ тѣхъ, что поближе къ столицѣ, и тамъ безпрестанно въ просакъ попадаютъ... Да вотъ, я вамъ про себя расскажу, какъ мнѣ удалось этого самаго знаменитаго умѣицу, господина Авакумова, провести, — даже смѣшно вспомнить! Случилось это въ то время, когда пошла между нашими землевладѣльцами мода на разные хитрыя затѣи, на заграничныя машины, на травосѣяніе, на сыроварни. Жилъ я тогда у нѣмца башмачника въ подмастерьяхъ и до такой сухотки довела меня сидячая жизнь въ тѣсной мастерской, что я каплять сталъ и даже съ кровохарканьемъ. Путался я тогда съ одной дѣвчоночкой, тоже нашего поля ягода, Соней звать. Маленькая такая, тоненькая да большеглазая, съ виду такъ себѣ, совсѣмъ мизерная, можно сказать, ни вожи, ни рожи... а вотъ я вамъ скажу, сколько потомъ ни попадалось мнѣ этого бабья подъ руку, такой вуколки ни разу не довелось встрѣтить... Такая вертлявенькая, да проворная, что ни надѣнешь — все ей къ лицу, что ни скажешь — все

кстати!.. То-есть двадцать такихъ дурафьевъ за одинъ ея мизинчикъ отдасть бы!

Онъ снова кивнулъ въ сторону своей сожительницы и глубоко вздохнулъ.

— Кажинный день съ Большой Морской на Пески понтировала, и мы тоже. Мастерская наша была на Гороховой, а квартера хозяина за Знаменьемъ. Вечеркомъ у назначеннаго мѣста другъ дружку поджидали, а тамъ и шествовали вмѣстѣ вплоть до того переулка, съ котораго расходиться — ей направо, мнѣ налево. Путь не близкій, чего-чего не переболтаешь дорогою! А зимою дни короткіе, фонари въ тѣхъ мѣстностяхъ разставлены скупо, народъ домой торопится, не оглядываясь... Вотъ тутъ-то намъ и лафа цѣловаться... Ну, и доцѣловались до такого предѣла, когда нашъ братъ только о томъ и думаетъ, какъ бы ему на утѣкъ.

Алексѣй Леонтьевичъ засмѣялся. Глаза его замаслились, и весь онъ съѣжился въ какую-то пошлую ужимку. Но это длилось минуту, не больше: недоумѣніе, выразившееся въ глазахъ его слушателя, внезапно отрезвило его, прежняя разсудительность снова налетѣла на его фізіономію, и снова отъ каждаго его слова повѣяло обычною благопристойностью и благонамѣренностью.

— Я вамъ, Митрій Митричъ, объ этой дѣвченокѣ только по той причинѣ заговорилъ, чтобы доказать, что я ей, главнымъ образомъ, поворотомъ моей фортуны обязанъ. Пристала она тогда ко мнѣ: сходите, да сходите къ доктору, Левсѣй Левонтичъ; можетъ, у васъ и взаправду болѣвать сурьѣзная. — Дѣлать нечего, отправился. А докторъ-то мнѣ: вамъ бы, говорить, въ деревню ѣхать, свѣжимъ воздухомъ дышать. Не мѣшаетъ также парное молоко пить и пищу перемѣнить, да всякія излишества бросить, потому, говорить, при вашей комплекціи, такъ сказать, въ столицѣ жить очинно даже нездорово и — неровенъ часъ — смерть легко можетъ приключиться.

Вернулся я домой порядкомъ напущенный и, не долго думая, родной своей тѣтенькѣ въ село Вавиловку отписалъ, что такъ и такъ, дескать, нельзя ли въ вашихъ палестинахъ пріютъ на полгодика получить? Опустилъ письмо въ ящикъ, жду отвѣта.

Черезъ недѣлку явилось приглашеніе пожаловать: «пріѣзжай, молъ, когда хочешь, и безъ сумлѣнія. Свою дома хоша и нѣтъ, по той причинѣ, что все хозяйство сестриному сыну, родному, значить, племяннику, за сто рублей уступили, но господа у насъ добрые, лишняго куска бѣдному человѣку не пожалеютъ, пріютимъ какъ-нибудь».

Про этихъ Авакумовыхъ я былъ много слышать и отъ другихъ окромя тётеньки. Рассказывали про ихъ доброту и жалостливость въ простому народу, а также про то, что самъ баринъ Николай Михайлычъ, окончивши ученіе, сейчасъ въ имѣніе поѣхалъ хозяйничать, и первымъ долгомъ больницу да школу завелъ. Самъ съ крестьянскими ребятишками занимается, а въ больницѣ супруга ихняя, Варвара Ивановна, завѣдуетъ. Господа молодые, богатые, а только въ томъ и удовольствіе себѣ находятъ, чтобы мужику помогать, да уму-разуму его научить.

Получивши тётенькино письмо, я, не долго думая, попросилъ у хозяина расчетъ, распростился съ Соней, да и покатилъ по этой самой дорогѣ, по которой мы таперича ѣдемъ. Но только тогда мысли у меня были совсѣмъ другія, чѣмъ теперь, да и самъ-то я былъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ... Впрочемъ, можно сказать, что и въ то время разсудительности во мнѣ было достаточно для моихъ лѣтъ, а ужъ особливо супротивъ здѣшнихъ мужиковъ. Не даромъ же я всю юность, съ семилѣтнаго возраста, промежъ всякихъ людей болтался, всякія нужды и примѣры видѣлъ. Это и господа Авакумовы замѣтили. Барыня потомъ моей тётенькѣ сказывала:

— Какой онъ у тебя вѣжливый и деликатный, говорить, съ нимъ даже разговаривать можно, точно съ образованнымъ.

Приказали сейчасъ отвести мнѣ комнату въ пустомъ флигелѣ и молова отпускать сколько въ душу влѣзетъ. Въ то время имѣніе у нихъ было еще не заложено, всего было вдоволь и отъ двухъ-сотъ коровъ гулять можно было... Таперича ужъ не то, говорить... Ну, да нечего впередъ загадывать, завтра сами все увидимъ и узнаемъ.

Если только наполовину правда то, что люди сказываютъ, мы съ вами, Митрій Митричъ, расчудесную аферу сдѣлаемъ, когда эфту самую Вавиловку купимъ. Мнѣ это имѣніе такъ хорошо извѣстно, что я впередъ могу сказать, сколько за каждую рошу, за каждый кустъ давать!.. Вотъ дослушайте меня до конца, сами увидите, правду ли я говорю, али нѣтъ. Пожилъ я у нихъ тогда на вольномъ воздухѣ мѣсяцъ другой, и зачалъ отъ бездѣлья ко всему прислушиваться, да приглядываться и во все вдумываться... Привычка у меня такая, всякую штуку обмыслить, да разобрать про себя... И такъ мнѣ жизнь деревенская полюбилась, что и сказать не могу! Брожу, бывало, день-деньской по полямъ, да по рощамъ, грибы, ягоды собираю, къ крестьянскимъ работамъ присматриваюсь, а все свою думу думаю, какъ бы съ эфтого, да съ эфтого доходъ получить, какъ бы такъ

сдѣлать, чтобы впустѣ ни одного зернышка не пропало, чтобы отъ всякой травки, всякой скотинки рубль-деньгу зашибить.

Господа землевладѣльцы о томъ же самомъ заботятся, но только у нихъ все это больше въ разговорахъ проходить, да изъ чванства, чтобы другъ передъ дружкой похвастаться, — настоящей охоты къ хозяйству я въ нихъ не замѣчалъ, даже у самыхъ что ни на есть рьяныхъ и способныхъ, и у тѣхъ такого терпѣнія и осмотрительности, какія требуются для хозяйства, въ наличности не оказывается. Имъ все бы по книжкѣ, да чтобы скоро и безъ задержки; отъ кажинной заворючки въ отчаянность впадаютъ, и знаете пословицу: «разсердившись на вшей — шубу въ печь?»

Вотъ наши господа. Оно хорошо по ученому хозяйничать, слова нѣтъ, я и противъ книжки ничего не имѣю, но только и тутъ сноровка нужна, да еще больше, пожалуй, чѣмъ въ простомъ хозяйствѣ, потому что затраты не въ примѣръ значительнѣе. Какъ начнемъ мы съ вами, Митрій Митричъ, хозяйничать, я вамъ все это на дѣлѣ докажу, а таперича надо вамъ объяснить, черезъ что я прошелъ, чтобы такую себѣ опытность приобрести и капиталъ себѣ нажить. Вотъ ужъ доподлинно могу сказать, что ни съ чего началъ! Двухъ рублей не было въ карманѣ, когда я познакомился съ Августиномъ Карловичемъ, сыроваромъ сосѣднаго помѣщика Бычковаго. Случилось это, какъ сейчасъ помню, вечеромъ въ лѣсу, подъ праздники.

Въ обоихъ кабакахъ такое галдѣніе, что за версту слышно, а въ рощѣ, окромя дѣвокъ съ ребятишками — ни души человеческой. Погуторилъ я съ крестьянскими дѣвками, да вѣдь съ ними много не разговорись, грубость одна и необразованіе, отошелъ прочь, иду себѣ тропиночкой одинъ, и вдругъ Бычковскій сыроваръ мнѣ навстрѣчу и тоже съ кузовкомъ.

— Много грибовъ? — спрашиваетъ.

— Много, — говорю.

Съ того и разговорились. По-русски онъ хотя и плохо смыслилъ, но все же объясняться могъ кое-какъ, я тоже нѣкоторымъ ихъ словамъ отъ моего хозяина-нѣмца выучился, и пошла у насъ бесѣда, какъ ни въ чемъ не бывало. Зазвалъ онъ меня къ себѣ ужинать, и весь слѣдующій день провели вмѣстѣ. Онъ также, какъ и я, человѣкъ пришлый, да еще иностранецъ къ тому же, и на дикость здѣшнюю совсѣмъ свысока смотрѣлъ.

Выписали его откуда-то сыроварню устроить, контрактъ на десять лѣтъ, да и бросили на произволъ судьбы, среди нашего мужичья сиволапаго, орудуя какъ знаешь! Можеть, и вы-

шло бы что-нибудь изъ этого, еслибъ самъ Бычковскій баринъ не уѣхалъ за границу, да не остался бы тамъ дѣтей воспитывать. Управляющему своему онъ тогда такъ отписалъ: «вести хозяйство по моимъ указаніямъ, пусть Пиперле сыры варить, а деньги высылать мнѣ туда-то».

Можно себя представить, что за коммерція у нихъ при такихъ порядкахъ пошла! Управляющій прежній староста изъ крестьянъ, гдѣ ужъ такому съ нѣмцемъ сойтись.

Маялся, маялся мой Августинъ Карловичъ и, наконецъ, изъ силъ выбился, зазываетъ меня разъ къ себѣ, всѣ двери на запоръ, да и шепчетъ:

— Чтѣ мнѣ будетъ, говорить, по вашимъ законамъ, если я контрактъ нарушу и въ Тверскую губернію, къ другому хозяину переѣду?

А самъ трясется весь и даже поблѣднѣлъ отъ страха.

— Чтѣ будетъ, говорю, повѣсятъ тебя немножко, а тамъ посѣкутъ да въ Сибирь сошлютъ.

Огорчился.

— Вы надо мной шутите, а я съ вами какъ съ другомъ... неварапо такъ поступайтъ!..

— Да и я съ тобой какъ съ другомъ; только съ чего ты взялъ, чтобъ я сталъ задаромъ тебѣ совѣты давать? Нынче, говорю, «подаришь уѣхалъ въ Парижъ», а ты выучи меня сыры варить, тогда я твое дѣло справлю... У нашихъ господъ сеютъ все-равно такъ стоитъ, если взять въ аренду, они за самую малость уступятъ, имъ все-равно.

Вспучилъ на меня глаза мой нѣмецъ, зачалъ соображать и рѣшилъ своимъ нѣмецкимъ разумомъ, что такъ невозможно поступайтъ, что это будетъ безчестнѣй поступокъ, а Пиперле ни за миллионъ поступайтъ безчестно не желаетъ.

— Почему же безчестно?—спрашиваю.

— Конкуренцію г. Бычковски будете дѣлать.

Зачалъ я ему объяснять, что хозяинъ его, Бычковскій, все-равно что твоя собака: лежитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ, и что съ такимъ человѣкомъ церемониться довольно глупо, а нѣмецъ мой все свое, мотаетъ головой, въ грудь себя кулакомъ бьетъ, и все про честь толкуетъ.

Надоѣло мнѣ, наконецъ, съ нимъ изъ пустого въ порожнее переливать.

— Ну, и чортъ съ тобой, говорю, сиди съ своей честью! А вотъ какъ прознаетъ становой про твои переговоры съ тверскими помѣщиками, да не говоря дурного слова, засадятъ тебя въ

острогъ, вотъ тогда и вспомнишь Алексѣя Леонтьича, да ужъ поздно будетъ...

— Этого никакъ нельзя, говорить. Съ иностранцемъ такъ поступайтъ не приказано, къ мировому судья можно жаловаться...

Тутъ ужъ и я обовлился.

— Что ты, нѣмецкая кукла, въ нашихъ законахъ смыслишь, скажи на милость? Туда же судить: чего можно и чего нельзя! Смѣшно даже! Да у насъ, если хочешь знать, съ дуракомъ все можно сдѣлать, вотъ тебѣ и весь тутъ законъ, разбирай его какъ хочешь! а ты даже и объясниться-то хорошенько не умѣешь, такъ ужъ куда тебѣ!

И зачалъ ему тутъ примѣры подводить... Ужъ я ему пѣлъ, пѣлъ, выкладывалъ, выкладывалъ... Откуда только слова у меня брались! Совсѣмъ очумѣлъ мой нѣмецъ, на все сдался, и въ тотъ же вечеръ зачалъ мнѣ свою сырную механику объяснять.

А на другой день я къ нему чуть свѣтъ въ сыроварню отъ-явился:

— Орудуй, говорю, при мнѣ, а я посмотрю.

Походилъ я такимъ манеромъ къ нему съ недѣльку времени и все до крошечки разузналъ. Штука немудреная, я вамъ скажу, только аккуратность большая требуется, а также опрятность. Конечно, при этомъ, чтобы народъ былъ въ струнѣ, и больше ничего.

Какъ узналъ все въ доскональности:

— Пиши, говорю, въ Тверь, чтобы задатокъ тебѣ высылали.

— А контрактъ какъ?

Объяснилъ я ему тутъ по-божески, какъ эти самые контракты ловкій человекъ понимать должонъ и научилъ какимъ манеромъ къ управляющему подѣхатъ, чтобы заставить его нашу руку тянуть.

Все это исполнилъ мой нѣмецъ въ точности, но, конечно, безъ меня дѣло не обошлось, и очутился я между ними въ родѣ какъ третейскій судья. Однако, въ концѣ-концовъ, управляющій такое письмо заграницу отписалъ, что баринъ даже на телеграмму не поспешилъ и приказываетъ: «немедленно, сыроварню закрыть, изъ молока масло начать сбивать, а Пиперле расчитывать».

Про контрактъ ни слова. Забылъ видно. А намъ это и на руку.

— Ну, конечно, при этомъ безъ угощенія не обошлось, какъ ни жался мой нѣмецъ а пришлось ему въ нашемъ кабацѣ чет-

вертнущую оставить. Впрочемъ, самъ скоро утѣшился, и даже на прощаніи въ плясъ пустился и нѣмецкую пѣсню спѣлъ.

Всѣ расpredовольны остались.

Мигомъ огласилось по сосѣдству, что Бычковская сыроварня прекратилась. Заговорили про это и у насъ, а при этомъ случаѣ господъ зачали высчитывать, сколько скотъ доходу приносить. Считали, считали и въ концѣ-концовъ до того досчитались, что сѣномъ торговать много выгоднѣе и что еслибъ не навозъ, скотину не для чего было бы держать. Ну, да въ нашихъ краяхъ безъ навозу нельзя, стало быть и толковать объ этомъ нечего.

Слушаю я всѣ эти разговоры, стоя у двери, выжидаю случая имъ свою выкладку преподнести, и вдругъ одинъ баринъ самъ ко мнѣ съ такимъ вопросомъ обертывается:

— Ты, говорить, съ Пиперле знакомство водилъ, не говорилъ онъ тебѣ, на какія благодѣтели онъ въ тверской губерніи отъ своего ремесла разсчитываетъ?

— Да на такія благодѣтели, говорю, что еслибъ вы мнѣ вашу скотъ на эфту самую сыроварню довѣрили, я бы вамъ сичасъ на триста рублей арендной платы условіе подписалъ.

Посмотрѣлъ на меня баринъ, потомъ что-то баринъ по-французски сказалъ и зачали оба смѣяться. На томъ мы съ нимъ въ то утро и покончили, а вечеромъ того же дня поввали они меня къ себѣ въ кабинетъ и ужъ въ сурьезъ зачали мы съ нимъ толковать. Я имъ кое-что объяснилъ изъ того, чему я у нѣмца выучился, не все конечно, однако и тѣмъ сильно заинтересовались! Видятъ, что мы дѣло смыслимъ, и еще сурьезнѣе стали, да вдругъ:

— А деньги, спрашиваетъ, у тебя есть?

— Денегъ у меня нѣтъ, Николай Михайловичъ, но я такъ полагаю, что если бы была ваша милость намъ оказать довѣріе на годъ, мы бы и безъ денегъ справились.

— Подумаю, говорить.

— У Бычковскихъ, говорю, можно теперича очень дешево все заведеніе купить, и тоже въ разсрочку. Мы ужъ объ эфтомъ съ ихнимъ управляющимъ имѣли разговоръ.

А баринъ опять:—подумаю, подумаю, говорить, ступай себѣ, я завтра пришлю за тобой.

Видю дѣло на мази. Весь этотъ вечеръ съ барыней о моемъ предложеніи разговаривали. Тѣтенька потомъ сказывала:—за чѣмъ ни войдешь въ столовую, все о томъ толкуютъ, какъ бы хорошо отъ возни съ коровами избавиться, да еще триста рублей лишнихъ въ годъ получить. Ну, такимъ манеромъ и обдѣлалось

дѣло. Написали мы съ ними контрактъ на десять лѣтъ, съ такимъ обязательствомъ, чтобы, въ случаѣ неисправности съ моей стороны, сыры имъ въ обезпеченіе остались.

Всѣмъ сосѣднимъ господамъ баринъ хвастался этимъ контрактомъ, и всѣ одобряли.

Пошло у меня дѣло; потихоньку да помаленечку, спервоначала безъ большихъ барышей, а все же къ концу года сколотилъ три радужныхъ, которыя барину за аренду приподнесъ, да столько же въ экономіи осталось. Изъ нихъ, половина Бычковскому управляющему перешла — сыроварное-то заведеніе я у нихъ за полцѣны купилъ, да съ разсрочкою на шесть лѣтъ. Рады были и такъ событь, куда имъ такой хламъ!

Прошло еще два года, и постигъ я эту коммерцію съ сырами до тонкости. Народъ у меня въ струнѣ, посуда и всѣ инструменты въ исправности, завсегда я самъ вездѣ присматриваю, никому не довѣряюсь... Сбыть товару устроилъ вѣрнѣющій и даже съ однимъ московскимъ торговцемъ въ такую дружбу ввязался, что не дастъ, бывало, на постояломъ дворѣ пристать, къ себѣ тащить въ домъ, и сколько ни проживи у него, кормить и поить до-отвала такъ-сказать. Стало быть всѣ эти разъѣзды, окромя желѣзной дороги, ничего мнѣ не стоили, а польза отъ нихъ вышла для насъ такая важнѣющая, что даже большими суммами оцѣнить нельзя. Каждый разъ съ новыми мыслями изъ столицы возвращеюсь. И на все молчокъ. Зачнеть баринъ или кто другой спрашивать: какъ и что?

— Ничего, говорю, перебываемся съ Божьей помощью, на уплату ренты хватаетъ, сами сыты, обуты и одѣты, — чего же больше?

Говоришь это, а самъ про себя думаешь: — Кабы намъ твои капиталы, твои приволья, да кредиты! Показали бы мы людямъ, какъ дѣла ведутъ, барыши-то не грошами, а рублями стали бы считать! Извѣстное дѣло — большому кораблю, большое плаваніе.

Думалъ я все это про себя, конечно, никому словечка не молвилъ, и вдругъ такъ случилось, что мыслями-то мы съ баринѣмъ столкнулись! Чудеса да и только.

Призываетъ онъ меня разъ вечеромъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Знаешь, говорить, что я тебѣ скажу, Лексѣй Левонтичъ, мнѣ самому хочется сыроварню завести.

И вижу я по ихъ глазамъ и по голосу, что рѣшились они на эту штуку твердо, что спорить нечего, ни за что не отступать.

— Ваша воля, говорю, сударь, но только у насъ съ вами контрактъ заключенъ.

— Знаю, говорить, но вѣдь контрактъ нарушить можно.

— Все можно, Николай Михайловичъ.

Помолчали съ минутку. Уперлись другъ дружѣ въ глаза, кто кого пересмотрить.

Баринъ первый не выдержалъ, отвернулся.

— Сколько тебѣ отступного?—спрашиваетъ.

Негложе такъ, какъ будто ему все равно; а у самого нутро такъ и кипитъ, такъ и кипитъ, инда нижняя губа задрожала.

Ну, думаю себѣ, была не была, безъ торгу не обойдется, а чѣмъ больше запросишь, тѣмъ больше дадутъ.

— Меньше трехъ тысячъ никакъ не могу взять-съ, Николай Михайлычъ.

Такъ и вспыхнулъ весь, даже привскочилъ на мѣстѣ.— Даты съ-ума сошелъ?

А я имъ въ отвѣтъ, степенно такъ:—Какъ вамъ будетъ угодно, говорю. Конечно, я человѣкъ маленький и сдѣлать меня на всю жизнь несчастнымъ не трудно, а только меньше никакъ не можемъ взять. У насъ таперича вся судьба, можно сказать, отъ этой самой коммерціи въ зависимости, потому что, сами изволите понимать, каково темному человѣку пробиваться и новый путь жизни пріискивать.

И ушелъ сейчасъ, чтобы значить ни себя, ни ихъ лишними разговорами не разстраивать и до такихъ словъ не доводить, отъ которыхъ потомъ отказаться трудно.

Прошло недѣли двѣ. Мой баринъ молчитъ, а я и подавно. Встрѣчаемся почитай каждый день и, какъ ни въ чемъ не бывало, даже въ бесѣду пускаемся, но только про сыры ни онъ, ни я ни-гугу. Однако-жъ, характеръ мнѣ ихній даже очинно хорошо былъ извѣстенъ, и знаю я, что когда разъ заберутъ себѣ что въ голову, ничѣмъ не вышибить. Впрочемъ, и тѣтенка сказывала, что у господъ только и разговору промежъ себя, что про мою сыроварню.

— Ужъ такъ имъ хочется самимъ сыры варить, такъ хочется, просто только спать и видать! Даже жалко дѣлается, на нихъ гляючи! Ты бы, Лѣшенька, спустилъ имъ что-нибудь, хоша бы самую малость... Уважь имъ, голубчикъ, пожалуйста, все же господа привыкли завсегда во всемъ свою волю имѣть, и вдругъ такой имъ препонъ черезъ собственную же ихъ глупость, черезъ контрактъ!.. Вѣдь подумай только, у нихъ и сы-

роваръ изъ Москвы выписанъ и мѣсто для новой сыроварни намѣчено... Уступи имъ, родимый, на этомъ, они тебя за то на другомъ не забудутъ.

А я ей на это: — Сами не знаете, чего просите, тѣнька, говорю. Мнѣ таперича, прознавши всѣ ихніе прожекты, вовсе не рука уступать, а, напротивъ того, жалѣть приходится, что за мѣсто трехъ тысячъ, мы съ нихъ вдвое больше не запросили. Непремѣнно дали бы, вотъ какъ Богъ святъ дали бы! Съ ка-кой же стати я имъ спущать буду, скажите на милость?

И хорошо сдѣлалъ, что не спустилъ, недѣли не прошло, какъ на всѣ мои условія согласились. Получилъ я отъ нихъ три тысячи рублей... Пустошъ лѣсную заложилъ, чтобъ скорѣе со мною раздѣлаться... отдалъ я имъ скотъ навадѣ.

— Снесите, говорятъ, постройки, у насъ тутъ новая сыро-варня будетъ строиться.

— На здоровье, говорю, дозвольте только начатую варку окончить, чтобы на затраченномъ капиталѣ убытокъ не понести.

Дозволили. И пошла у нихъ тутъ на моихъ глазахъ работа! То-есть такого безобразія, надо такъ полагать, даже у какихъ-нибудь варваровъ и у тѣхъ не увидишь!

Понагнали отовсюду плотниковъ да столяровъ, зачали на-скоро сколачивать строеніе.

По плану на заграничный манеръ выводили, рѣзбу всякую красками размазывали, ни дать, ни взять декорація на театрѣ. Всѣ стѣны окнами прогнаны, чуланчики какіе-то, балкончики, да башенки мудренныя поналѣплены... Чистое дурачество — однимъ словомъ! И все это скоро, скоро, точно волшебствомъ какимъ изъ земли выскочило. Архитектора выискали шустрого да про-ворнаго, чуть свѣтъ на ногахъ и самъ людей сгоняетъ на ра-боту. И баринъ тутъ же, съ ранняго утра до поздней ночи во-кругъ нихъ хороводится. Оглянуться не успѣли — закрасовалась новая сыроварня всему міру на-диво, пестро, форсисто, такъ въ глаза и бьетъ!

Господа наши въ восторгѣ, день-деньской погибаютъ на стройкѣ. Даже школу съ больницей забросили, новой игрушкой не наладуются. Ну, вотъ точно малыя дѣти потѣшаются! И въѣхала же имъ эта потѣха въ копѣечку! Сами потомъ въ де-сяти тысячахъ совнавались, да куда! По моимъ расчетамъ, цѣ-лыхъ пятнадцать они туда просадили, если не больше. Какую прорву сыровъ надо было наварить, чтобы такую дыру въ ка-питалѣ заткнуть, подумайте только!

Явился новый сыроваръ. Совсѣмъ еще молодой человѣкъ, въ технической школѣ только-что ученіе кончилъ, франтоватый такой, цѣлыхъ два сундука одного бѣлья да платья разнаго навезъ, и въ господскомъ домѣ поселился. Какъ разъ нашему барину подъ стать, такой же проворный да нетерпѣливый. Въ тотъ же день какъ пріѣхалъ и, даже не отдохнувши съ дороги, весь скотъ осматрѣлъ, ближніе луга обошелъ, оглядѣлъ всю постройку и объявилъ, что за работу можно хоть сейчасъ приниматься.

Случился и я какъ-то тутъ, при ихнемъ разговорѣ. Стою это поодаль и слушаю, а баринъ вдругъ указываетъ на меня да и говоритъ:

— Вотъ и онъ тоже сыры варить, самоучкой, а ничего, дѣньги хорошія платитъ.

Обернулся ко мнѣ столичный фертиекъ, оглянулъ съ ногъ до головы, довольно-таки презрительно, и опять къ барину, меня даже словомъ не удостоилъ. Больно ужъ просты мы ихнему величію показались.

— Ладно, думаю, увидимъ, что дальше будетъ.

Принялись за работу. Въ большой тайности свою механику держать, но вѣдь шила въ мѣшеѣ не утаишь, слышу я про ихъ прорухи—сегодня съ машиной не поладили, завтра въ новомъ строеніи крыша течъ дала, доильщицы надбавки требуютъ, работники загуляли, то то, то другое; нечи какъ слѣдуетъ не дѣйствуютъ, кто говоритъ, что сложены не ладно, а кто толкуетъ, что еще просохнуть порядкомъ не успѣли. Сыры сварены, а ставить некуда—совсѣмъ, значить, дѣло плохо!

Попрыгалъ, попрыгалъ мой фертиекъ и влетаетъ въ одно прекрасное утро ко мнѣ.

— Такъ и такъ, говорить, печка наша сѣла, перекладывать надо; нѣтъ ли у васъ мѣста для нашихъ сыровъ?

— Въ моей печкѣ на сто круговъ мѣста хватитъ, говорю, но только сыры мои на цѣлый мѣсяцъ старше вашихъ будутъ.

— Такъ что же изъ этого?

Посмотрѣлъ я на него. Шутить, думаю. Однако, вижу, человѣкъ совсѣмъ серьезно разсуждаетъ.

— Покажите мнѣ мѣсто, говорить.

Показалъ я ему мѣсто. Тутъ моихъ сыровъ лежитъ штукъ пятнадцать, не больше, а кругомъ полки пустыя, навлаживай сколько хочешь. Теплота такая, какая для мѣсячныхъ сыровъ требуется.

Осмотрѣлъ все это,—распредоволенъ остался.

— Я прикажу сегодня же наши сыры сюда перенести, говорить.

— Приказывайте, говорю, но только я вамъ долженъ сказать, что для вашихъ сыровъ мою теплоту мѣнять не стану.

— Зачѣмъ же ее мѣнять?

— Какъ знаете, говорю, сыры ваши, мнѣ въ отвѣтъ не быть.

— Конечно, говорить.

И въ тотъ же день штукъ семьдесятъ круговъ на мои полки разложили.

Ну, и пошла потѣха! я себѣ печку то накаливаю, по градуснику значить, сколько для моихъ сыровъ требуется, чтобы какъ сѣдуетъ слезу дали, а ихніе то, молоденькіе, для которыхъ совсѣмъ другая пропорція жару требуется, какъ пошли горбушками вздуваться, какъ пошли!... Дуются, дуются, а мастеръ-то ученый только руками разводитъ!... И баринъ тоже. Ходятъ вокругъ да дивуются, съ чего такая штука выходитъ?

Нѣтъ, нѣтъ, да на мои сыры оглянутся; а они, мои голубчики, лежатъ себѣ смирнехонько, что твои жернова, гладкіе, да тяжелые, ни вверхъ, ни въ бокъ ихъ не прѣтъ. Молчалъ, молчалъ баринъ, да и не вытерпѣлъ:

— Какъ ты думаешь, Алексѣй Левонтичъ, сядутъ и наши когда-нибудь?

— Не могу знать, сударь. У меня такихъ чудесъ никогда не бывало... Должно полагать, что и ваши сядутъ наконецъ, не вѣкъ же имъ вздуваться!

Ну, и сыроваръ также:—Конечно, сядутъ, говорить, не извольте беспокоиться, сыръ выйдетъ отмѣнный. Ладно. Прихожу я на другой день чуть свѣтъ свои круги вынимать, а господскіе-то ужъ пузырями пошли, да такими огромными!... Подошелъ ближе, смотрю,—вое-гдѣ полопались и течетъ изъ нихъ что-то... Вонь, хоть бѣжать!

Вотъ-те и сѣли!

Алексѣй Леонтьевичъ засмѣялся. Собесѣдникъ его давно уже фыркалъ себѣ въ кулакъ. Съ минуту времени хохотали они оба. Храпъ и сапъ вокругъ не прекращался; напротивъ того, съ каждой минутой дѣлался все сильнѣе и сильнѣе—теперь можно было говорить и смѣяться совсѣмъ громко, всѣ пассажиры спали такъ крѣпко, что развѣ только крушеніе поѣзда могло бы разбудить ихъ.

— Что-же дальше? полюбопытствовалъ молодой человекъ въ барашковой шапкѣ, когда мы стали подъѣзжать къ станціи.

— А дальше-то вышло, что съ этой первой попытки у нашихъ господъ всякая охота къ сыроварству отпала, и до сихъ поръ въ тѣхъ краяхъ никто за это дѣло не принимался. А коммерція знатная, Митрій Митричъ, если за нее съ мозгами взяться... По опыту вамъ скажу, что расчудесная. Съ этой самой коммерціи, я себѣ капиталецъ началъ наживать и теперь могу съ любымъ землевладѣльцемъ потягаться.

Поѣздъ совсѣмъ остановился. Нѣсколько пассажировъ поднялись съ своихъ мѣстъ, чтобы выйти изъ вагона; на мѣсто ихъ появились новыя. Разговоръ Алексѣя Леонтьича съ Митріемъ Митричемъ прекратился.

Н. М.

СЧАСТЛИВЫЙ БРАКЪ

Очерки изъ новаго романа

John Caldigate, by Anthony Trollope, въ трехъ томахъ.

I.

Быть можетъ, Даниль Кольдигетъ былъ самъ болѣе виноватъ, чѣмъ сынъ его Джонъ Кольдигетъ, въ томъ, что они не могли жить въ ладу. А было бы хорошо для обоихъ, если бы они могли жить дружно. Даниль Кольдигетъ былъ вдовъ и совершенно одинокъ. Вся его надежда — насколько такой сухой человѣкъ, какъ онъ, нуждался вообще въ надеждѣ — была въ сынѣ. Для мальчика же отецъ долженъ былъ быть всѣмъ. Джонъ всего годъ послѣ того, какъ отданъ былъ въ гарроуское училище, и когда ему было только пятнадцать лѣтъ, потерялъ свою мать и сестеръ; такъ что и у него никого не было кромѣ отца. Итакъ, фактъ, что они не могли ужиться вмѣстѣ, не предвѣщалъ ничего хорошаго для обоихъ.

Даниль Кольдигетъ жилъ въ своемъ имѣннѣ Фолькингъ и занимался хозяйствомъ. Кольдигеты давно жили въ Фолькингѣ, лѣтъ триста; нынѣшнй владѣлецъ вовсе не былъ богатъ: тысячи двѣ фунтовъ — вотъ его доходъ. Но и это было приобретено, главнымъ образомъ, имъ самимъ. Отецъ его, дѣдъ Джона, оставилъ имѣнне обремененнымъ долгами. И Даниль въ свое время не ладилъ съ отцомъ, какъ теперь Джонъ не ладилъ съ Даниломъ. Впрочемъ, Данила всѣ считали неуживчивымъ. Онъ былъ неразговорчивъ, строгъ къ себѣ, но и къ другимъ. Однакожъ, къ женѣ и дѣтямъ онъ былъ привязанъ болѣе, чѣмъ они могли

думать; не умѣлъ человѣкъ выказывать привязанности даже и тогда, когда ее ощущалъ.

Разойдясь съ отцомъ, онъ лѣтъ десять существовалъ въ Лондонѣ журнальною работою, кое-что пріобрѣлъ, въ особенности, — умѣнье отказывать себѣ во многомъ и выжидать. По смерти отца, онъ тотчасъ принялся за хозяйство и въ теченіи долгаго ряда лѣтъ систематически освобождалъ Фолькингъ изъ-подъ залога, въ чемъ ему помогалъ кэмбриджскій банкиръ Болтонъ, его пріятель. Но теперь Даніиль Кольдигетъ уже давно разстался и съ Болтономъ.

Одна цѣль жизни была достигнута. Другой цѣлью могло быть только воспитаніе, счастье сына и его дружба. Даніиль Кольдигетъ день ходилъ и ѣздилъ по хозяйству, а вечеръ просиживалъ въ комнатѣ за библіотекой и читалъ, все читалъ: онъ былъ одинъ. Сосѣди, на примѣръ, родственники его Бабингтоны — помѣщики богатые (12 т. фунтовъ дохода) — были убѣждены, что ему больше ничего и не надо. Такой ужъ былъ характеръ у этого непріятнаго человѣка. Но Даніиль Кольдигетъ, однако, не безъ интереса поджидалъ возвращенія сына домой по праздникамъ. Мальчикъ былъ бойкій и уже пятнадцати лѣтъ, почти юноша. Отецъ сталъ брать его на прогулки по имѣнію и развивать его. Что же могло болѣе способствовать развитію юнаго ума, какъ не тѣ самые вопросы, которые наиболѣе занимали самого Кольдигета старшаго, вопросы политическіе, въ которыхъ онъ держался весьма передовыхъ — для англійскаго помѣщика — мнѣній. Онъ указывалъ сыну на всю нелѣпость законовъ, охраняющихъ охоту богатыхъ людей и стѣснительныхъ для народа; на глупость охраненія англійской промышленности на счетъ кармана англійскаго же народа; на устарѣлость поддержки господствующей церкви, въ видѣ государственнаго учрежденія.

Очень можетъ быть, что русскій мальчикъ пятнадцати лѣтъ, да вѣроятно и молодой французикъ прислушались бы къ такимъ рѣчамъ не безъ интереса. Но Джонъ былъ англійскій мальчикъ. Въ то время, какъ мимо ушей его проносились внушенія отцовскаго либерализма, онъ думалъ, какъ бы отъ всего этого удрать. Затѣмъ, какъ только ему удавалось удрать, онъ тотчасъ же — подстрѣливать кроликовъ, травить крысъ, лазить за гнѣздами, и отдавался этому съ такимъ увлеченіемъ, которое положительно возмущало отца. Прямо запретить сыну такіа забавы тотъ не рѣшился; возрастъ сына требовалъ забавъ; а въ Фолькингѣ по этой части, пожалуй, ничего и не было, кромѣ крысъ. Даніиль Кольдигетъ нисколько не жалѣлъ крысъ, но его все-таки возмущалъ тотъ энтузіазмъ, съ

которымъ сынъ отдавался безмысленнымъ удовольствіямъ. Къ умственнымъ — мальчикъ вовсе расположенъ не былъ. Въмѣсто того, чтобы поинтересоваться книгой или умнымъ разговоромъ, или хотя такой игрой, въ которую входило бы воображеніе, Джонъ занимался дома глупостями, и его постоянно тянуло къ тѣтѣ его, миссисъ Бабингтонъ. Между тѣмъ, Даниль Кольдигетъ терпѣть не могъ Бабингтоновъ, хотя, какъ съ родственниками, не прерывалъ съ ними сношеній и отпускалъ къ нимъ сына. Бабингтоновъ, всѣхъ въ совокупности, Даниль Кольдигетъ считалъ дураками. Г-нъ и г-жа Бабингтоны во всю жизнь не имѣли ни одной идеи; сыновья ихъ росли олухами, а дочери — крикливыя, вѣчно поднимающія возню, краснощекія и толстоногія дѣвицы — на взглядъ старшаго Кольдигета были особенно непривлекательны, хотя онъ не скрывалъ отъ себя печальной вѣроятности, что сынъ его когда-нибудь женится на одной изъ нихъ!

Какъ жаль, что Джонъ Кольдигетъ не былъ похожъ на сына другого своего дяди, — не Бабингтона, а тоже Кольдигета, брата Данила. Этотъ братъ съ сыномъ, почти ровесникомъ Джона, жили въ далекомъ графствѣ и рѣдко гостили въ Фолькингъ. Въ послѣдній разъ, когда они были здѣсь, Данилу показалось, что этотъ мальчикъ интересовался книгами болѣе, чѣмъ крысами; онъ довольно умно слушалъ разсужденіе объ улучшеніи пищи для рабочаго класса, и, по отзыву своего отца, былъ примѣрнаго поведенія. Какъ жаль, что не таковъ былъ тотъ Кольдигетъ, которому предстояло со временемъ владѣть Фолькингомъ! Даниль, хотя и держался взглядовъ либеральныхъ, а потому ненавидѣлъ существующее въ Англіи право майората, какъ одинъ изъ нелѣпѣйшихъ остатковъ варварства, но вѣдь въ продолженіи трехсотъ лѣтъ Фолькингомъ владѣли Кольдигеты, и почему бы имъ не оставаться здѣсь и на будущее время?

Мысль, что Фолькингъ можетъ перейти въ другія руки, была непріятна Данилу. Но еще болѣе непріятно было то, что сынъ не оправдывалъ его надежды. Ничего общаго мальчикъ съ нимъ не имѣлъ; направленіе его было совсѣмъ не по вкусу отца; мальчикъ просто «глядѣлъ въ лѣсъ». Приходилось оставить и мысль, что сынъ со временемъ сдѣлается сочувствующимъ товарищемъ; изъ этого мальчика, очевидно, долженъ былъ выдти чловѣкъ пустой. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ настроеній, Данилу Кольдигету, въ то время, когда у него гостилъ умный племянникъ, пришла мысль: не выкупить ли у сына его права на наследованіе Фолькинга и не сдѣлать ли своимъ наследникомъ

этого племянника, также Кольдигета, но Кольдигета дѣльнаго, развитаго?

По окончаніи курса въ Гарроу, Джонъ долженъ былъ поступить въ университетъ. Кембриджъ былъ подѣ рукою, такъ какъ Фолькингъ находился въ графствѣ кембриджскомъ. Почти всѣ пять мѣсяцевъ, отдѣлявшіе школьный экзаменъ отъ времени поступления въ университетъ, Джонъ провелъ у Бабингтоновъ; въ числѣ этихъ мѣсяцевъ былъ и сентябрь, когда у Бабингтоновъ было раздолье для охоты на куропатокъ. А пошлѣ этого дѣла едва-ли могло быть что-нибудь въ глазахъ Даніила Кольдигета. Наконецъ, на короткое время, для отбытія формальности, Джонъ явился въ Фолькингъ. Отецъ отнесся къ нему не безъ досады и саркастическихъ замѣчаній. Но тутъ, въ первый разъ, Джонъ, въ двухъ или трехъ случаяхъ, нашелся и возражалъ удачно. Это было ужъ, конечно, особенно непріятно для старика. Непосредственнымъ результатомъ такой находчивости Джона было то, что отецъ, сперва предполагавшій опредѣлить его содержаніе въ Кембриджѣ въ 250 фунтовъ, уменьшилъ эту цифру до 220 фунтовъ въ годъ. Онъ слышалъ, что за эти деньги молодой человѣкъ можетъ жить въ Кембриджѣ джентльменомъ.

Бабингтоновъ эта экономія возмутила до такой степени, что г. Бабингтонъ подарилъ племяннику верховую лошадь, съ обѣщаніемъ платить за ея содержаніе во все время, пока Джонъ останется въ Кембриджѣ. Со стороны дяди это было довольно глупо. Но и племянникъ, за два дня до начатія курса, уѣхалъ опять къ Бабингтонамъ, чѣмъ сильно возбудилъ ревность отца. Итакъ, послѣдніе два дня сынъ предпочиталъ провести съ «дураками», а не съ нимъ. Онъ не запретилъ; нѣтъ, онъ не такой былъ человѣкъ. Пусть себѣ ѣдетъ, если «онъ» самъ «не понимаетъ»,—если ему тамъ лучше. Такъ обозначилось начало разлада между отцомъ и сыномъ,—разлада, который къ концу университетской карьеры Джона былъ уже въ полной силѣ.

Ко времени экзамена на степень, Джонъ имѣлъ уже, разумѣется, двухъ верховыхъ лошадей, былъ однимъ изъ первыхъ бойцовъ въ кембриджскомъ крикетѣ и однимъ изъ надежнѣйшихъ гребцовъ въ призовой лодкѣ университетской коллегіи Тринити. Онъ также имѣлъ долговъ, разумѣется, немного болѣе 800 фунтовъ, долговъ правильныхъ, по счетамъ поставщиковъ университетскаго города, да еще нѣсколько побольше того — долговъ не совсѣмъ «правильныхъ». И не удивительно. Онъ участвовалъ въ парі на скачкахъ въ Мэнчестерѣ, со счастьемъ весьма переменнымъ. А въ Мэнчестерѣ онъ познакомился съ однимъ

господиномъ, по имени Девисомъ, всегда готовымъ услужить молодымъ людямъ, въ особенности студентамъ. Обязательства, выданные имъ Девису, весьма значительно превосходили 800 фунтовъ.

У отца, въ Фолькингѣ, онъ бывалъ рѣдко и на нѣкоторое время. Тотъ «дулся» на него все болѣе и болѣе. Самъ не заѣзжалъ въ Кембриджъ, несмотря на близость, и никогда не приглашалъ сына бывать у себя чаще или оставаться дольше. «Что же, если онъ не хочетъ!» Но вотъ когда Даніилъ Кольдигетъ разсердился на сына уже совсѣмъ: онъ узналъ отъ тьютора коллегіи, что, по правиламъ, сынъ не можетъ быть допущенъ къ полученію степени, прежде чѣмъ уплатитъ 800 фунтовъ своихъ признанныхъ долговъ. Отецъ уплатилъ эту сумму, и Джонъ получилъ степень, но, какъ сказано, отецъ ужъ совсѣмъ разсердился и сказалъ ему, что не хочетъ его болѣе ни видѣть, ни знать.

Отвергнутый сынъ искалъ утѣшенія у Бабингтоновъ и нашелъ сочувствіе, во-первыхъ, въ формѣ громкихъ сѣтованій на безсердечіе его отца, а во-вторыхъ, въ видѣ—довольно неожиданномъ и даже конфузномъ: г-жа Бабингтонъ, или тѣтушка Полли, какъ Джонъ звалъ ее, однажды позвала его къ себѣ на верхъ, въ такую комнатку, гдѣ у нея хранились бѣлье и на-стойки, и объявила, что кузина его Джулія до смерти влюблена въ него.

Это, въ самомъ дѣлѣ, было неожиданно. Онъ Бабингтоновъ любилъ, но любилъ ихъ всѣхъ равно. Пріѣзжая, онъ обыкновенно лобызалъ ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и кузину, и ихъ трехъ братьевъ, которые—какъ онъ самъ уже успѣлъ убѣдиться,—дѣйствительно, были «дураки». Но никогда Джулію онъ не лобызалъ болѣе чѣмъ кого-либо изъ остальныхъ членовъ семьи. Къ тому же, она и была изъ нихъ самая старшая, самая толстоногая и самая краснощекая.

— Мнѣ, тѣтушка Полли, нѣчѣмъ жить съ женою, — робко уклонился онъ въ разговорѣ съ тѣткою. Прямо отказаться онъ былъ не въ состояніи, такъ какъ немедленно послѣ объявленія ему тайны, въ той комнатѣ съ бѣльемъ, тѣтушка Полли откуда-то выпустила на него Джулію, которая обняла его въ присутствіи матери, что было равносильно помолвкѣ.

Но ему объяснили, что средства у него все-таки будутъ, со временемъ; что на Фолькингѣ нѣтъ ни пенни долгу; что молодые могли бы жить въ Бабингтонѣ до тѣхъ поръ, когда Фолькингъ достанется ему. Впрочемъ, это происходило за нѣсколько минутъ передъ отъѣздомъ его въ Кембриджъ, для устройства

одного дѣла, и во всякомъ случаѣ никакого обѣщанія на словахъ Джонъ не далъ.

Что касалось Фолькинга, то г-жа Бабингтонъ ошибалась. Именно теперь, послѣ того, какъ передъ Даніиломъ Кольдигетомъ раскрылся весь «ужасъ» кембриджскихъ, правильныхъ и неправильныхъ долговъ Джона, отецъ окончательно рѣшился устранить сына отъ наслѣдства, то-есть выкупить у него право свободно распоряжаться имѣніемъ. Вотъ по этому-то дѣлу Джонъ и ѣхалъ теперь въ Кембриджъ. Молодого человѣка вовсе не огорчала мысль о потерѣ Фолькинга, напротивъ, она скорѣе ему нравилась. Онъ видѣлъ антипатію къ себѣ отца; чтó за положеніе было бы для него, Джона, въ Фолькингѣ до смерти отца, который былъ совершенно бодръ, и которому Джонъ искренно желалъ долголѣтія! Не лучше ли было прямо самому попытаться счастья, имѣя въ рукахъ значительную сумму, которая была бы ему предоставлена отцомъ въ видѣ выдѣла? Конечно, это было лучше.

Джона манила жизнь съ приключеніями, жизнь, выходящая изъ повседневныхъ рамокъ. Одинъ изъ его товарищей Ричардъ Шенди собирался въ Австралію, въ Новый Южный-Уэльсъ, гдѣ въ это время разрабатывались богатые золотые пріиски. Джонъ рѣшился отправиться съ нимъ.

Соглашеніе съ отцомъ было устроено въ Кембриджѣ, банкиромъ Больтономъ, другомъ его отца. Строгій пуританинъ, человѣкъ, допускавшій законность обогащенія только путемъ правильнаго накопленія шиллинговъ на фунтъ, Больтонъ не скрылъ своего пренебреженія къ молодому человѣку, который разорился на скачкахъ въ Мэнчестерѣ и Ньюмэркетѣ, продавалъ свое наслѣдство, какъ Исаа, и пускался для обогащенія, — а скорѣе для гибели — въ предпріятіе баснословное. Впрочемъ, изъ дружбы къ его отцу, мистеръ Больтонъ ввелъ Джона въ гостиную и представилъ его своей женѣ и дочери. Потомъ, послѣ переговоровъ и окончанія дѣла въ кабинетѣ — пригласилъ его даже отобѣдать.

Эстеръ Больтонъ была шестнадцатилѣтняя дѣвушка, глядѣвшая ребенкомъ, съ русыми волосами, замѣчательно-нѣжнымъ колоритомъ кожи, большими сѣрыми глазами. Она почти все время молчала, но губы ея были полураскрыты, какъ будто она готова была сказать что-то. И Джону казалось, что если бы онъ остался наединѣ, онъ добился бы отъ нея, чтобы она рассказала свою душу. Спать ложились тутъ рано, и молодой Кольдигетъ вышелъ прогуляться — взглянуть еще разъ на мѣста, гдѣ протекало его университетское время. Ему показалось, что величественныя

зданія университета глядѣли на него сурово и даже укоризненно. Они представляли собою нѣчто такое, чему ни малѣйшимъ образомъ не соотвѣтствовала мысль о поѣздѣ въ Новый Южный-Уэльсъ для добыванія золота. Въ его сердцѣ стало прокрадываться нѣчто въ родѣ унынія или сожалѣнія. Правда, Фолькингъ было мѣсто очень скучное. Но вѣдь тамъ онъ родился, тамъ протекло его дѣтство, тамъ всѣ его знали, и многіе смотрѣли на него какъ на своего человѣка, какъ на человѣка, рожденнаго быть сквайромъ.

А въ Новомъ Южномъ-Уэльсѣ... Что будетъ тамъ? Пустыня, пожалуй—хуже пустыни. Но было уже поздно перемѣнять рѣшеніе. Онъ вспомнилъ и объ отцѣ. Тотъ останется въ Фолькингѣ одинъ,—вѣроятно, навсегда, такъ какъ мало было вѣроятности, чтобы Джонъ возвратился. Конечно, онъ не любилъ сына. Но все-таки, старикъ останется совсѣмъ одинъ, навсегда; не разъ Джонъ вспомнилъ и о молодой дѣвушкѣ, которую только что видѣлъ и которая казалась ему идеаломъ женской прелести. И вотъ, ему пришла мысль, связать себя съ этимъ старымъ міромъ, который онъ собирался покинуть—романтическою мечтой. Онъ далъ себѣ слово, что если когда-нибудь возвратится въ Англію, уплативъ свой долгъ Девису, и хоть съ небольшими средствами, но постарается приобрести себѣ Эстеръ Больтоновъ. Быть можетъ, тамъ, далекѣ, на чужбинѣ, ему полезна будетъ мысль, что въ Англіи онъ оставилъ свою любовь, чистую, идеальную дѣвушку, которой должна принадлежать его жизнь.

Когда, переночевавъ у Больтоновъ, онъ простался съ ними, то, взявъ руку Эстеръ, онъ на моментъ задержалъ ее въ своей рукѣ.

Скоро онъ простился и съ отцомъ.

— Прощай, сказалъ Даниэль Кольдигетъ, подавая сыну руку. Прощай.—Это происходило въ комнатѣ за библіотекой.

— Авось удастся мнѣ возвратиться и найти васъ въ добромъ здоровьѣ, сэръ,—прибавилъ сынъ.

— Авось. Ну, это ужъ какъ случится. Прощай.—Отецъ даже не провожалъ его изъ комнаты. Но когда Джонъ повернулся, чтобы уйти, отецъ позвалъ его, не словомъ, а какимъ-то шопотомъ.—Прощай, сынъ мой,—едва внятно, но торжественно произнесъ старикъ.—Благослови и сохрани тебя Богъ.—Затѣмъ онъ отвернулся назадъ отъ двери и вышелъ въ свою комнату.

II.

У нашихъ искателей золота, Джона Кольдигета и Дика Шенда, было рекомендательное письмо отъ нѣкоего Джонса къ нѣкому мистеру Кринкетту, владѣльцу руды «Полиевка» въ городѣ Нобблѣ, плохомъ мѣстечкѣ, которое только-что возникало на присахъ. Товарищи, пройдя пѣшкомъ значительное разстояніе отъ станціи, гдѣ останавливался diligensъ, въ которомъ они пріѣхали изъ колоніи Новый Южный-Уэльсъ, помѣстились въ гостинницѣ, то-есть сараѣ съ перегородками, населенномъ такими же золотопромышленниками рабочими, каковыми они сами намѣревались сдѣлаться.

Друзья освѣдомились о Кринкеттѣ. Да, Кринкетта всѣ знали; ему была удача, онъ разжился, онъ теперь былъ первый чловѣкъ въ городѣ, и домъ его, среди лачугъ, имѣлъ видъ дворца. Товарищи должны были угощать плохимъ коньякомъ рабочихъ, съ которыми проводили вечеръ. Одни совѣтовали имъ не оставаться въ Нобблѣ, но попытать счастья въ Агалалѣ, гдѣ только недавно оказалось золото. Другіе ругали Агалалу. О цѣнахъ на потребности можно судить по цѣнѣ квартиры. Отгороженное мѣсто въ сараѣ, родъ стойла въ конюшнѣ, съ двумя грязными постелями, съ обѣдомъ иужиномъ, стоило 15 шиллинговъ съ обоихъ вмѣстѣ (примѣрно, 7 р. 50 к.).

Джонъ Кольдигетъ долго не могъ заснуть, несмотря на усталость. Нервное раздраженіе производило бессонницу. Онъ думалъ объ Англіи, вспомнилъ объ Эстеръ Болтонъ, думалъ и о пароходѣ, на которомъ провелъ два мѣсяца. Мысль о пароходѣ заслоняла мысль объ Англіи, которая уже представлялась только какъ воспоминаніе. И не мудрено. Вѣдь и на пароходѣ онъ жилъ, а новая жизнь постепенно стираетъ старую.

Ему вспоминалось, съ мельчайшими подробностями, какъ онъ познакомился съ г-жею Смитъ. Красивое, характерное лицо ея, глаза, блестяшіе умомъ, рѣзкая и патетическая, хотя простая рѣчь ея еще звучала въ его ушахъ. Какъ презрительно относились дамы, сидѣвшія въ первомъ классѣ, къ этой бѣдно-одѣтой женщинѣ, которая природнаго изящества имѣла болѣе ихъ всѣхъ; какія глупыя попытки онѣ дѣлали, чтобы «спасти» отъ нея молодого Кольдигета, частаго ея собесѣдника! По ихъ наущенію, самъ капитанъ два раза пытался «охранить» его. Но Джонъ Кольдигетъ, по характеру, слишкомъ былъ похожъ на своего отца, чтобы быть благодарнымъ за непрошенныя заботы. Онъ

рѣшительно отрицалъ ихъ. Въ послѣдній разъ, онъ спросилъ капитана: великодушно ли было заподозривать женщину за то, что она плохо одѣта и потому только, что она беззащитна? И капитанъ удалился въ смущеніи.

Теперь Кольдигетъ вспоминалъ свой первый и свой послѣдній разговоръ съ нею.

— Какъ вамъ нравится жизнь на пароходѣ? — спросилъ онъ.

— Мнѣ она очень бы нравилась, если бы не вела къ чему-то совсѣмъ на нее непохожему.

— Неужели же совсѣмъ поселиться на пароходѣ?

— Почему бы нѣтъ, — отвѣчала она съ усмѣшкой. — Тутъ все готово: готова пища, готова постель и — бояться некого. И хотя меня никто не знаетъ, однако, всѣ здѣсь знаютъ меня настолько, что не думаютъ: у нея нѣтъ перчатокъ, ее бы слѣдовало отправить въ полицію для удостовѣренія личности.

— И не скучаете?

— Да вѣдь скучно вездѣ. Но здѣсь у меня есть гордое сознаніе, что я заплатила за все. Сознать, что я заплатила впередъ за свой обѣдъ на два мѣсяца — это великолѣпно. Наконецъ, если бы и это пріятное сознаніе прискучило, то можно перекинуться за-борть. А въ Лондонѣ вы и этого не можете сдѣлать, безъ того, чтобы полиція тотчасъ не налетѣла на васъ. Меня ужасаетъ только одно — мысль, что скоро все это придетъ къ концу.

Послѣдній разговоръ на пароходѣ длился до поздней ночи. Но Джонъ отчетливо помнилъ важнѣйшія слова, которыми они обмѣнялись передъ прощаньемъ.

— Итакъ, вотъ и конецъ, — говорила она.

— Конецъ чего?

— Всего, что было весело, покойно и хорошо. Благодаря вамъ, я даже не скучала. А теперь, спрашивается, что-то я буду дѣлать завтра?

— Вѣдь ваши планы мнѣ неизвѣстны.

— Конечно. Я потому и не говорила вамъ о нихъ, что не хотѣла стѣснять васъ хлопотами. Вамъ и безъ меня довольно будетъ дѣла. Да и г-нъ Шендъ не расположенъ ко мнѣ.

— Для меня это не было бы препятствіемъ.

— Но для меня это — препятствіе. Представьте себѣ, что когда мы высадимся, вы потеряли бы нѣкоторое время въ хлопотахъ обо мнѣ, тогда г-нъ Шендъ, разумѣется, разсердился бы. А вы, съ своей гордостью и упрямствомъ, вѣроятно, послали бы

его... къ чорту; ну, онъ и пошелъ бы туда или въ другое мѣсто, а вы остались бы безъ товарища.

— Если бы у меня не было васъ.

Она разсмѣялась.

— Днѣъ Шендъ немножко опасенъ, но я все-таки была бы еще опаснѣе. Я боюсь, онъ—слегка любить выпить.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ буду съ нимъ разстаться. А вы что же можете сдѣлать?

— Я? Какъ знаты!—тутъ произошла пауза.—Можетъ быть, я захочу, чтобы вы на мнѣ—женились, а это было бы похуже, чѣмъ страсть г. Шенда къ напиткамъ. А?

Мужчина чувствуетъ, что онъ нравственно обязанъ настаивать, если женщина ободрила его первое заискиванье. Это все-равно, что скачка черезъ барьеръ. Ничто не заставляетъ васъ направлять вашу лошадь къ препятствію; вы можете ѣхать себѣ спокойно, гладкою дорогой. Но разъ вы пустились на барьеръ, вы должны взять его, какъ бы невозможенъ онъ ни показался вамъ по мѣрѣ приближенія. Если въ послѣдній моментъ дѣло кажется слишкомъ рискованнымъ, то остается только положиться на свое счастье: авось, какъ-нибудь перенесетъ!

Такъ было и съ Кольдигетомъ.

— Но вы едва-ли захотѣли бы,—произнесъ онъ; — вотъ я, это другое дѣло.

— Сказать правду — продолжала она — я удивляюсь, какъ мужчина можетъ дѣлать такую глупость, чтобы жениться. Конечно, бѣдняку можетъ быть нужна помощница, а человѣку, ищущему денегъ, — богатая наслѣдница. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, мнѣ кажется, мужчина женится только потому, что его поймали. Вотъ и вы теперь думаете нѣчто въ этомъ родѣ.

— Я не думаю, что вы хотѣли меня поймать.

— Нѣтъ, думаете, — и умъ вашъ колеблется относительно меня. Я знаю, что я вамъ нравлюсь.

— Разумѣется, вы мнѣ нравитесь.

— И вы также знаете, что я люблю васъ.

— Я не зналъ.

— Неправда, вы знали; вы вовсе не такъ скромны. Вы должны были или думать, что я люблю васъ, или допустить, что я цѣлый мѣсяцъ играла недостойную комедію. Два мѣсяца мы были такъ близки, какъ люди никогда не бываютъ въ обществѣ. При этомъ намъ невозможно было не полюбить или не возненавидѣть другъ друга. Вы были очень добры ко мнѣ въ моемъ одиночествѣ, въ моемъ жалкомъ положеніи; вы умны,

образованы, и—вы мужчина. Развѣ я могла не полюбить васъ. Да и я знаю,—чувствую въ вашей рукѣ, въ вашемъ дыханіи, вижу въ вашихъ глазахъ и въ нѣжномъ контурѣ вашихъ губъ, въ эту минуту, что вы меня любите.

— Я васъ люблю.

— Но какъ бываетъ бракъ безъ любви, такъ бываетъ и любовь безъ брака. Вы вовсе не знаете моей жизни, не знаете, кто я такая. Вы можете думать, что жениться на мнѣ значило бы погубить себя.

— Пожалуй это такъ тамъ, въ Старомъ Свѣтѣ,—отвѣчалъ онъ.—Но я не думаю о возвращеніи.

— А я не хочу мѣшать вамъ возвратиться, когда вы пожелаете. Я готова сдѣлать для васъ все, но не хочу быть камнемъ на вашей шеѣ.

— Но такъ проститься съ вами я не могу,—сказалъ Кольдигетъ.—Я буду считать, что мы оба связаны общаніемъ, пока не случится что-нибудь такое, что разлучило бы насъ. На это вы согласны?

— Я вотъ на что согласна: я буду ваша, совѣмъ ваша, какъ только вы потребуете меня. Какъ только вы сочтете возможнымъ взять меня, я буду вашей женой. Но прежде вы уѣзжайте и подумайте... Такъ чтобы я не упрекала себя въ томъ, что поймала васъ.

— Поймали меня?

— Ну да, какъ хотите... Все-таки, я сознаю, что почти, какъ-будто, поймала. И съ самаго начала я знала, что было бы лучше, если бы мы не познакомились: вы гораздо лучше меня.

Тутъ она поднялась съ мѣста.

III.

Пять лѣтъ упорнаго труда протекли для Джона Кольдигета въ ту пору, какъ онъ снова переѣхалъ океанъ, и везшій его пароходъ приблизился къ берегу Англіи. Онъ возвратился домой почти богатымъ человѣкомъ. И возвратился онъ именно домой. Отецъ его, получивъ право распорядиться наслѣдствомъ Фолькинга по своему усмотрѣнію, сперва не спѣшилъ написать завѣщаніе въ пользу племянника. Сынъ его былъ недостойнъ привязанности; но когда Джонъ уѣхалъ, оказалось, что и недостойнаго легче изгнать изъ своего дома, чѣмъ изъ... чего-нибудь иного. Онъ, конечно, никогда не ожидалъ, что сынъ его что-

нибудь прибрѣтеть на золотыхъ пріискахъ. Онъ не зналъ пріи́мѣра, чтобы кому-нибудь удалось не только быть счастливымъ въ развѣдкѣ золота, но еще—въ охраненіи найденнаго отъ самого себя, а себя—отъ тѣхъ опасностей, которыя приносить съ собой золото.

И однакожь, все это сбылось надъ его сыномъ. Джонъ Кольдигетъ воспользовался первыми своими находками для того, чтобы начать уплату своего долга Девису, а потомъ, погасивъ этотъ долгъ, сталъ постепенно уплачивать сумму, занятую въ банкѣ Больтона, подъ залогъ Фолькинга, для выкупа права бывшаго наслѣдника. Само собой разумѣется, что когда дѣло приняло такой благопріятный оборотъ, старикъ долженъ былъ измѣнить свое мнѣніе о сынѣ. Если онъ сумѣлъ справиться съ дѣломъ совершенно новымъ, сумѣлъ противостоять тѣмъ искушеніямъ, которыя приносятъ съ собой быстрая нажива и совершенное отсутствіе сдерживающихъ условій, среди толпы искателей приключеній,—то во всякомъ случаѣ, онъ былъ человѣкъ дѣльный.

Свиданіе отца съ сыномъ не было похоже на ихъ прощанье. Джонъ Кольдигетъ возвратился въ Фолькингъ признаннымъ вновь наслѣдникомъ. Онъ привезъ съ собою порядочный запасъ денегъ и контрактъ съ Кринкеттомъ на общее владѣніе и общую заработку руды «Полиевка», которая обѣщала сдѣлать богачами обоихъ пайщиковъ. Впослѣдствіи, онъ получилъ отъ Кринкетта предложеніе уступить ему, компаньону, пай, который былъ прибрѣтенъ Джономъ, когда этотъ, соединясь съ Кринкеттомъ, расширилъ разработку руды. Если бы молодой Кольдигетъ отправился вновь въ Новый Южный-Уэльсъ, то, вѣроятно, ему удалось бы продать свой пай еще выгоднѣе, чѣмъ онъ его продалъ.

Но обстоятельства были таковы, что Джону не хотѣлось возвращаться въ колонію. Дѣло въ томъ, что первая романическая его затѣя сбылась: онъ въ это время уже былъ женатъ на Эстеръ Болтонъ. Добыть ее стоило ему не малыхъ затрудненій. Всѣ Болтоны—семья набожная въ томъ узкомъ и преувеличенномъ смыслѣ, какъ умѣютъ быть набожными только въ англо-саксонской расѣ—были противъ него. Особенно—мать. Миссисъ Болтонъ горячо любила свою дочь, но заботилась о будущемъ благополучіи ея души гораздо больше, чѣмъ о ея земномъ счастьѣ. Джонъ Кольдигетъ почти вырвалъ у нея дочь, и миссисъ Болтонъ не могла простить ему этого. Могла ли она быть спокойною насчетъ души дочери, когда Эстеръ соединила свою земную судьбу съ судьбою человѣка, проигравшагося на скачкахъ и по-

томъ поправившаго свои дѣла среди безбожной жизни искателей золота?

Миссисъ Болтонъ даже едва согласилась присутствовать при вѣчаніи. Она принуждена была отдать дочь безбожнику только потому, что другіе не исполнили своего долга. Во-первыхъ, самъ старикъ Болтонъ и сыновья его отъ перваго брака, люди уже женатые и отдавшіеся земнымъ благамъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. Подъ предлогомъ, что нельзя держать Эстеръ всю жизнь въ-заперти, они допустили ея встрѣчу съ молодымъ Кольдигетомъ, у котораго и отецъ-то былъ извѣстный безбожникъ. Во-вторыхъ, виновата была, конечно, и сама дочь. Слишкомъ легко она отреклась отъ своей чистой затворнической жизни и легкомысленно повѣрилась прельстительнымъ словамъ молодого Кольдигета. Искуситель слишкомъ скоро сталъ ей дороже матери и — страшно сказать — дороже всего. Вотъ гдѣ она почерпнула то вовсе неожиданное и необычайное упрямство, съ которымъ настаивала на невозможности для нея жить безъ этого, совершенно обыкновеннаго молодого человѣка, по всей вѣроятности безбожника.

Но все повидимому удавалось Джону. Отецъ предоставилъ ему уже теперь распоряженіе Фолькинготъ, и когда по своей обязанности сквайра, онъ сталъ регулярно являться по воскресеньямъ на проповѣдь мѣстнаго пастора, то общественное мнѣніе околотка окончательно признало неправоту его тѣщи, все еще не хотѣвшей и видѣться съ дочерью иначе, какъ у себя въ домѣ.

Удача молодого Кольдигета была въ самомъ дѣлѣ замѣчательна: пай свой въ товариществѣ съ Кринкеттомъ и другими онъ продалъ какъ разъ во-время. Онъ не только ничего не потерялъ отъ этой заочной продажи, какъ то думалъ самъ, когда совершалъ ее, но выигралъ; каждый фунтъ, полученный имъ за этотъ пай, былъ чистымъ выигрышемъ. Дѣло въ томъ, что очень скоро послѣ этой продажи рудокопы въ «Полиевѣ» дошли до конца золотой жилы: болѣе ничего не оказывалось. Кринкеттъ и прочіе компаньоны понесли большіе убытки, а Кольдигету какъ будто кто-то подсказалъ, когда именно слѣдовало продать имъ свою долю.

Кринкеттъ, если бы самъ отдѣлался отъ «Полиевка» во-время, конечно, не подумалъ бы возвращать что-либо изъ вырученныхъ за нее денегъ. Въ то время, когда онъ купилъ отъ Кольдигета его пай, онъ, разумѣется, былъ убѣжденъ, что дѣлаетъ выгодную для себя сдѣлку. Но теперь онъ не могъ перенести потери, не могъ примириться съ мыслью, что заплатилъ Кольдигету большую сумму денегъ за пай въ такомъ предпріятіи, которое послѣ этого

оказалось бесплоднымъ. Онъ могъ написать Кольдигету, требуя отъ него возвращенія уплаченной суммы. Но, въ сожалѣнію, онъ вадумалъ поступить хитрѣе.

Возвратясь съ молодою женой изъ поѣздки по Европѣ послѣ свадьбы, Джонъ Кольдигетъ сталъ получать изъ Австраліи письма, въ которыхъ у него требовали уплаты двадцати тысячъ фунтовъ въ видѣ половиннаго вознагражденія за сумму его пая. Писалъ объ этомъ не одинъ Кринкеттъ, но и другіе участники. А одно письмо было отъ дамы, которая сама была одной изъ участницъ предпріятія и теперь собиралась выдти замужъ за Кринкетта, если только Джонъ Кольдигетъ согласился бы возвратитъ эти деньги. Въ противномъ случаѣ, дама угрожала ему разоблаченіями, непріятными для его *нынѣшней* жены. Письмо это было подписано: «Евфимія Кольдигетъ». Г-жа Смитъ, Евфимія Смитъ — вотъ кто сочинилъ это письмо.

Это было крайне-непріятная неожиданность для Джона. Онъ хотя и говорилъ себѣ, что не обязанъ ничего возвращать прежнимъ совладѣльцамъ, но ему все-таки непріятно было такое обстоятельство, что они разорялись, только-что уплативъ ему большую сумму за его пай. Теперь они требовали только третъ того, чтб заплатили ему, и онъ охотно бы возвратилъ имъ, безъ всякаго легальнаго права съ ихъ стороны, 20 тысячъ фунтовъ. Но какъ онъ могъ это сдѣлать, когда они требовали такого возвращенія съ угрозой? Уступить угрозѣ было все-равно, что купить у людей молчаніе. А такой образъ дѣйствій неизбежно ведетъ къ гибели. Кто могъ поручиться, что, получивъ эти деньги, они не потребовали бы еще и еще, повторяя свою угрозу, и такъ во всю жизнь Кольдигета, которая сама сдѣлалась бы для него несносною.

Между тѣмъ, у него родился сынъ и уже назначенъ былъ день крестинъ, въ виду котораго и происходили во всей семьѣ переговоры съ цѣлью склонить миссисъ Болтонъ быть крестной матерью ребенка. Джонъ Кольдигетъ былъ назначенъ мировымъ судьей и отправлялъ свою обязанность съ большимъ усердіемъ. На письмо Евфиміи Смитъ онъ отвѣчалъ по телеграфу отказомъ, но оно его безпокоило. Когда Эстеръ оправилась послѣ родовъ, онъ разсказалъ ей содержаніе письма и по ея желанію даже прочелъ ей письмо. Объ отношеніяхъ своихъ къ той женщинѣ онъ разсказалъ ей настолько, сколько было необходимо для уясненія, что она жила съ нимъ, но что женою его она вовсе не была. Онъ посовѣтовался съ однимъ изъ братьевъ Эстеръ, Робертомъ Болтономъ, который былъ стряпчимъ. Тотъ принялъ это дѣло

очень серьёзно, въ неудовольствіи Кольдигета, и явно высказалъ свое недовѣріе къ его объясненію. Робертъ Болтонъ посоветовался съ другимъ братомъ, — Уилльямомъ, и они отправили, на свой счетъ и безъ вѣдома Джона Кольдигета, агента въ Австралію, для разузнанія дѣла на мѣстѣ.

За нѣсколько дней до крестинъ, онъ поѣхалъ въ Кембриджъ по дѣламъ и, проходя по одному изъ университетскихъ скверовъ, увидѣлъ пожилого человѣка, который сидѣлъ на скамейкѣ и, опираясь руками на трость, дремалъ. Джонъ обратилъ на него вниманіе, потому что странно было, въ половинѣ февраля, видѣть человѣка, дремавшаго въ саду. Но, поровнявшись съ этимъ человѣкомъ, онъ былъ пораженъ удивленіемъ: сидѣвшій на скамейкѣ былъ Томасъ Кринкеттъ. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Кольдигетъ почувствовалъ, что его обдало холоднымъ потомъ. Для чего этотъ человѣкъ былъ въ Англіи? Конечно, для того, чтобы преслѣдовать его, Джона. Но вѣдъ Кринкеттъ находился уже въ Кембриджѣ; стало быть нападенія слѣдовало ожидать въ каждую минуту. Быть можетъ, этотъ человѣкъ уже былъ у Болтоновъ! Какъ подѣйствуетъ все это на Эстеръ, какое оружіе все это дастъ въ руки миссисъ Болтонъ, съ самаго начала предрекавшей своей дочери всякое несчастье, какъ возстанетъ г-жа Бабингтонъ, которая не простила ему того, что онъ женился не на ея дочери, а на дѣвицѣ Болтонъ!

IV.

Всѣ родственники съѣхались на крестины. Обрядъ происходилъ въ приходской церкви. Г-нъ Бабингтонъ былъ крестнымъ отцомъ, а миссисъ Болтонъ, уступивъ, наконецъ, общимъ настояніямъ, была крестной матерью. Разъ Джонъ Кольдигетъ обернулся, чтобы взглянуть на кого-то, только входившаго, и — на задней скамейкѣ тотчасъ увидѣлъ — Кринкетта. Томасъ Кринкеттъ приодѣлся, но все-таки имѣлъ видъ не совсѣмъ цивилизованный; а рядомъ съ нимъ сидѣлъ другой человѣкъ, еще болѣе австралійскаго вида: это былъ Джекъ Адамсонъ, одинъ изъ ихъ товарищей по приискамъ. Чтб, если бы они начали обличать его тутъ же, въ церкви, среди всего собранія родственниковъ? Они были способны на все. Обрядъ прошелъ для Джона среди мученій. Но онъ былъ всегда склоненъ идти на встрѣчу опасности, а не выигрывать время, уклоняясь. Выходя изъ церкви, между рядами скамеекъ, онъ прямо подошелъ къ Кринкетту, поздоровался съ нимъ и

съ Адамсономъ, и пригласилъ ихъ къ себѣ, на закуску. Они пошли.

Послѣ того, онъ вышелъ съ ними изъ дома, и началъ съ Кринкеттомъ разговоръ, ходя взадъ и впередъ по дорожкѣ между домомъ и ближайшей фермою. Сперва Кринкеттъ только требовалъ денегъ—двадцать тысячъ фунтовъ, и не дѣлалъ никакого намека на г-жу Смитъ. Онъ объяснялъ, что разорился вмѣстѣ съ другими своими товарищами, и что Кольдигетъ, живущій богатымъ сквайромъ, обязанъ вознаградить ихъ. Джонъ настаивалъ на томъ, что теперь онъ, если бы и хотѣлъ, не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ они требовали отъ него денегъ подъ угрозою. Кринкеттъ мало-по-малу терялъ терпѣніе.

— Подите къ моему шурина, мистеру Роберту Болтону, — заключилъ Джонъ разговоръ. — Онъ юристъ и можетъ лучше объяснить вамъ. Къ тому же, онъ — братъ моей жены. Вы видите, что никакихъ угрозъ я не боюсь.

— А чортъ бы взялъ вашего шурина! — воскликнулъ Кринкеттъ. — Онъ вамъ также приходится шуриномъ, какъ я.

— Послѣ этого я съ вами не стану говорить. — Они подошли къ двери, у которой сидѣлъ Адамсонъ. Тутъ же, неподалеку, стоялъ садовникъ Кольдигета.

— Онъ насъ ограбилъ, — кричалъ Кринкеттъ Адамсону — и, дьяволъ побери меня, если онъ не мошенникъ! Ни гроша возвратить не хочетъ!

— Ну? — произнесъ Адамсонъ: — тогда мы знаемъ, что намъ остается дѣлать.

— Ужъ я, кажется, видывалъ молодцовъ, — продолжалъ Кринкеттъ, — но такого мошенника, какъ этотъ, не встрѣчалъ. А еще сквайръ, мировой судья!

Они оба стояли и палили глаза на Кольдигета. Садовникъ слышалъ эти ругательства.

— Дорвелль, — приказалъ Джонъ: — отворите калитеу этимъ господамъ.

Но Кринкеттъ не унимался. — Еслибъ я былъ Дорвелль, — продолжалъ онъ, — я не сталъ бы служить у такого мошенника, какъ вы. Человѣкъ, который ограбилъ насъ до-чиста и женился на молодой дѣвушкѣ, когда у него есть законная жена въ колоніи! То-есть она была въ колоніи. Теперь-то ея тамъ ужъ нѣтъ. Теперь-то ужъ она въ другомъ мѣстѣ. Поближе! Вы, Дорвелль, ищите себѣ другого хозяина; этотъ скоро будетъ въ тюрьмѣ. Сколько за двоеженство-то полагается, Джэкъ, а? Года три въ

работемъ домѣ, а? Въ этомъ родѣ. Мнѣ жалъ только этой молодой барышни и бѣдняжки-незаконнорожденнаго.

— Дорвелль, проводите этихъ людей, — повторилъ Кольдигетъ, направляясь къ двери своего дома.

Теперь кончено — всѣ должны были узнать. Садовникъ узналъ, вся прислуга узнаетъ, а завтра весь околотокъ.

— Что они говорили? — спросила у мужа Эстеръ, какъ только онъ вернулся. Она уже знала — кто они, такъ какъ Джонъ представлялъ ихъ ей, а начало этого дѣла было ей уже извѣстно.

— Угрожали мнѣ, конечно; мнѣ — и тебѣ.

— Этой женщиной?

— Да; этой женщиной. Они еще не посмѣли назвать ее, но грозили ею.

— А она?

— О ней я ничего не слышалъ, послѣ ея письма. Не знаю даже, здѣсь ли она, въ Англіи. Но догадываюсь, что она — съ ними.

— Тебя это мучить, Джонъ?

— И очень.

— Ты опасаясь?

— Да, я боюсь, что это на время принесетъ тебѣ горе; а я считалъ, что могу защитить тебя отъ всякаго горя и заботы! О, душа моя! конечно, меня это пугаетъ, но — за тебя.

— Съ чего же они начнутъ, Джонъ?

— Они уже стали говорить такія слова, тамъ, передъ слугою, и, конечно, это сейчасъ разойдется.

— Какія слова?

Тутъ онъ помолчалъ. Но потомъ выговорилъ внятно: — сказали, что ты мнѣ не жена.

— Но вѣдь я твоя жена.

— Да, это чистая истина.

— Ты скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ. Хоть бы я и не была твоей женой, я останусь тебѣ вѣрной.

— Но Эстеръ, Эстеръ... я тебѣ сказалъ. Не говори такъ, какъ будто возможно что иное.

— Что ты меня любишь, это я знаю. Въ этомъ я увѣрена. И ничто не побудитъ меня тебя оставить; ничто. Ты теперь для меня — весь свѣтъ. Что бы тобой ни было сдѣлано, я останусь твоею. Только ты говори мнѣ все.

— Кажется, я уже все тебѣ и сказалъ, — произнесъ онъ хрипло, но въ эту минуту онъ вспомнилъ, что Роберту Больтону

онъ сказалъ больше, чѣмъ ей. — Я говорилъ ей, что хочу на ней жениться, — прибавилъ онъ.

— Ты говорилъ?

— Да, говорилъ.

— Вѣдь это, въ тѣхъ странахъ, пожалуй, достаточно для брака?

— Ну, едва-ли, гдѣ бы то ни было. А тамъ — совсѣмъ нѣтъ. Правда еще и то, что тамошніе, то-есть знавшіе все это тамъ, имѣли обыкновеніе называть ее моею фамиліею.

— О, Джонъ! Развѣ это не будетъ служить противъ насъ!

— Будетъ, противъ меня — въ глазахъ такихъ людей, какъ твоя матушка.

— Это мнѣ все равно. Я знаю, что ты сожалѣешь о томъ, что тамъ было, я знаю, что теперь ты любишь — меня.

— Я всегда и любилъ тебя; съ перваго дня, какъ тебя увидѣлъ.

— Ты ни на минуту не думай, чтобы я повѣрила тому, чему они повѣряютъ. Пусть дѣлаютъ что хотятъ, но ничто не удалить меня отъ тебя. Бѣдный ребеночекъ, надо же, чтобы это случилось въ день его крестинъ!

Когда о случившемся узналъ Робертъ Болтонъ и всѣ Болтоны, они тотчасъ повѣрили, что Джонъ былъ женатъ въ Австраліи, что онъ — двоеженецъ, пришли въ негодованіе, и на многочисленныхъ семейныхъ совѣтахъ порѣшили, что Эстеръ должна немедленно возвратиться домой; по крайней мѣрѣ — до разъясненія этого дѣла на судъ.

Джонъ Кольдигетъ въ людяхъ продолжалъ держать себя твердо. Онъ ѣздилъ въ засѣданія, часто бывалъ въ Кембриджѣ, и хотя видѣлъ, что дѣло извѣстно всѣмъ, не показывалъ никогда ни малѣйшаго смущенія. Но внутренно его точила мысль о положеніи, въ которое онъ поставилъ жену. Онъ даже похудѣлъ въ нѣсколько дней.

— Джонъ — разъ сказала ему жена, ночью, — ты переноси это мужественно.

— Развѣ я не переносу?

— Тебя тяготитъ это, гложетъ до глубины сердца. Вѣдь я вижу въ твоихъ глазахъ.

— Ты-то можешь ли переносить? — спросилъ онъ довольно грубымъ голосомъ, но поцѣловалъ ее.

— Могу, могу. Пока ты и дитя со мной, могу. Пока ты мнѣ все говоришь, я перенесу. И говорю себѣ, что не изъ-чего мучиться. Вѣдь если бы выбирать одно изъ двухъ: имѣть тебя и

нашего маленькаго, и съ вами—эти неприятности; или быть мнѣ одной дома, безъ всего, какъ прежде,—я выбрала бы то, что теперь есть.

— А я такъ жалѣю, что ты не осталась тамъ. Жалѣю, что ты встрѣтилась со мной.

— Если ты такъ будешь говорить, тогда горе мнѣ.

— Изъ-за тебя, любовь моя, изъ-за тебя, изъ-за тебя! Чѣмъ я могу утѣшить тебя, когда всѣ вокругъ тебя станутъ говорить, что ты мнѣ не жена?

— Тѣмъ, что ты мнѣ скажешь, что я твоя, въ самомъ дѣлѣ. — Она подошла къ нему, встала передъ нимъ на колѣни и взглянула ему въ лицо. — Если ты будешь утверждать это, я никому не повѣрю. —

Только теперь, только съ этой поры онъ узналъ дѣйствительную природу той двадцатилѣтней женщины, которая отдалась ему.

V.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, къ Джону пришелъ полицменъ и объявилъ ему, что имѣетъ warrant, то-есть судебное порученіе о приводѣ его къ мѣру, для показанія, пригласивъ его слѣдовать за собой.

Мэръ, послѣ нѣсколькихъ словъ, выразившихъ его сожалѣніе о неприятномъ дѣлѣ, и послѣ объясненія со стороны Кольдигета, что дѣло начато противною стороною съ цѣлью заставить его заплатить большую сумму денегъ, приказалъ ввести обвинителей. Ихъ было четверо: Крикеттъ, Адамсонъ, женщина въ вуалѣ, въ которой Джонъ тотчасъ узналъ г-жу Смитъ, и бывшая полу-служанка, полу-компаньонка ея, Анна Йонгъ.

— Это ли тотъ г. Кольдигетъ, — спросилъ мэръ женщину въ вуалѣ, — котораго вы признаете своимъ мужемъ?

— Онъ мой мужъ, — произнесла она. — Мы вѣнчались съ нимъ въ Агалатѣ, въ Новомъ Южномъ-Уэльсѣ.

— Это—ложь, сказалъ Кольдигетъ.

— Желаете вы видѣть ея лицо? — спросилъ его мэръ.

— Нѣтъ, я узнаю ее по голосу. Это—та женщина, съ которою я прибылъ въ Колонію и съ которою былъ знакомъ тамъ. Видѣть ее не желаю. Чтò говорить она?

— Что я—ваша жена, Джонъ Кольдигетъ. — Затѣмъ ему прочли показанія обвинителей, и мэръ объявилъ ему, чтобы онъ приготовился явиться въ судъ, въ первую сессію, подъ обвине-

ніемъ въ двоеженствѣ. Кольдигетъ былъ подвергнутъ предварительному заключенію и тотчасъ выпущенъ подъ залогъ.

Изъ прочитанныхъ ему показаній и изъ вещественныхъ доказательствъ, предъявленныхъ г-жою Смитъ Роберту Больтону, явствовало слѣдующее: они утверждали, что она была обвиняна съ Кольдигетомъ въ Агалалѣ, въ такой-то день, пасторомъ веслеянской секты, Олленомъ, въ шатрѣ, принадлежавшемъ Кринкетту, въ присутствіи Кринкетта, Адамсона и Анны Йонгъ; всѣ названные свидѣтели удостовѣряли это подъ присягою; затѣмъ имѣлась на лицо копія съ свидѣтельства о вѣнчаніи, написанная и подписанная пасторомъ Олленомъ; подлинная же записка была сдѣлана Олленомъ въ книгѣ, которую онъ взялъ съ собою; гдѣ теперь находился Олленъ—было неизвѣстно. Сверхъ того, въ рукахъ г-жи Смитъ, называвшей себя г-жею Кольдигетъ, было письмо, писанное рукою Джона Кольдигета, съ совѣтами ей относительно продажи ея акцій въ разныхъ прискахъ. Въ письмѣ этомъ онъ называлъ ее не женою, а «милою Фими». Но на конвертѣ письма его рукою была надпись: «г-жѣ Кольдигетъ, Агалала, Нобблъ». Письмо было изъ города Сидни, и на конвертѣ была почтовая марка Сидни. Джонъ Кольдигетъ помнилъ это письмо, но помнилъ также хорошо, что онъ написалъ на конвертѣ: «г-жѣ Смитъ».

Были еще и другія вещественныя доказательства, которыя, впрочемъ, могли казаться убѣдительными только г-жѣ Евфиміи Смитъ, хотя она и была умная женщина: частное письмо пастора Оллена, безъ всякой марки, о томъ, что лучше повѣнчаться гдѣ-нибудь въ городѣ, въ постоянной церкви; и два носовыхъ платка, помѣченныхъ полными ея именами «Евфимія Кольдигетъ».

Но эти «доказательства» были излишни. На лицо были: копія брачнаго свидѣтельства, показанія подъ присягой самой истицы и трехъ свидѣтелей брака, наконецъ, занесенное въ протоколъ мэра признаніе самого Кольдигета, что онъ жилъ съ этой женщиной, что онъ обѣщалъ на ней жениться, и что, дѣйствительно, нѣкоторые звали ее г-жею Кольдигетъ. Этого было совершенно достаточно.

Для всего рода Больтоновъ этого было такъ достаточно, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ виновности Кольдигета, и они стали со всѣхъ сторонъ осаждать Эстеръ, доказывая ей неприличіе дальнѣйшаго ея пребыванія въ Фолькингѣ.

Мать ея сама явилась туда, и употребила всѣ средства, чтобы уговорить ее возвратиться къ родителямъ: она пустила въ ходъ и свою любовь къ дочери, свои страданія и заботы, и честь имени, и кары въ будущей жизни.

Все напрасно. Эстеръ была непреклонна.

— Вѣдь если ты останешься у него послѣ его осужденія,— говорила мать,— люди скажутъ, что ты... страшно выговорить... его любовница.

— Пусть считаютъ меня его любовницей. Передъ Богомъ я—его жена.

Миссисъ Болтонъ ничего не добила отъ Эстеръ, кромѣ обѣщанія пріѣхать къ ней на день, съ ребенкомъ; даже на два дня она не соглашалась отлучиться изъ дома мужа. Съ нимъ она условилась, что на слѣдующій день онъ заѣдетъ за нею въ экипажѣ, такъ какъ ему по дѣламъ слѣдовало быть въ Кембриджѣ.

Понятно, что почти весь день прошелъ у матери съ дочерью въ мольбахъ съ одной стороны, въ повтореніи отказа—съ другой. На слѣдующее утро, около полудня, когда Джонъ долженъ былъ уже пріѣхать, Эстеръ велѣла нянькѣ одѣть малютку; кормила его она сама.

— Эстеръ, не собирайся сегодня,—сказала мать.

— Почему?

— Ты сегодня не уѣзжаешь.

— Уѣзжаю; мама, что ты?

— Больно мнѣ, больно, что я покажусь тебѣ жестокой... только покажусь, Эстеръ; не жестоко мое сердце къ тебѣ: ты—все, чѣмъ наиболѣе дорожу на свѣтѣ. Но сегодня ты не можешь уѣхать въ Фольклингъ.

— А когда же?

— Ахъ, Эстеръ!

— Что же, вы меня силою хотите задержать? Я уйду; если нужно, уйду въ окно, стану звать на помощь.

— Никто въ этомъ тебѣ не поможетъ. Всѣ сознаютъ, что тебѣ слѣдуетъ теперь жить здѣсь,—что твоимъ домомъ, пова, долженъ быть домъ твоихъ родителей.

— Никогда, онъ не будетъ болѣе моимъ! — воскликнула Эстеръ и, въ слезахъ, бросилась искать своего ребенка.

Въ три-четверти двѣнадцатаго она сошла внизъ изъ своей комнаты и направилась къ одной изъ пустыхъ комнатъ нижняго этажа, выходившихъ въ ту сторону, гдѣ были желѣзные ворота. Отсюда она могла увидѣть карету, въ которой долженъ былъ пріѣхать Джонъ, и позвать его. Но дверь этой комнаты была заперта на ключъ. Другія комнаты, рядомъ, также были заперты. Она бросилась на-верхъ, гдѣ комнаты слугъ выходили окнами на ту же сторону. Но и эти комнаты она нашла запертыми.

Никто не отворялъ ей. Теперь ей стало ясно, что ее удерживаютъ силой.

Эстеръ сошла опять внизъ, въ залу, гдѣ мать ея сидѣла на старинномъ дубовомъ креслѣ съ высокой спинкой. Не сказавъ ни слова матери, она подошла къ двери, выходившей изъ залы, и тронула ея ручку. Дверь была замкнута.

— Что же это, мама, я въ тюрьмѣ?

— Если хочешь такъ назвать домъ своего отца, то — да, ты въ тюрьмѣ.

— Но я не останусь здѣсь. Вамъ придется заковать меня, завязать мнѣ ротъ, убить меня! О, мое дитя, малютка мой! Няня, сюда, подай мнѣ моего мальчика!

И, взявъ ребенка на руки, она сѣла на другое кресло, съ высокой спинкой, напротивъ двери, ведущей изъ залы въ сѣни. Она рѣшилась сидѣть тутъ, пока не явится ея мужъ. Отсюда, изъ-за кустовъ, не было видно воротъ. Но онъ явится, у этихъ оконъ. Она его услышитъ.

Между тѣмъ, Джонъ послалъ за женой карету, которую садовникъ Больтоновъ въ ворота не пустилъ. Ворота были заперты. Кучеръ Кольдигета погналъ лошадей къ постоялому двору, чтобы идти доложить своему господину. Но онъ встрѣтилъ Кольдигета и рассказавъ ему все.

Тотъ бросился сперва къ старику Больтону, въ баню. Больтонъ уже уѣзжалъ и не хотѣлъ его слушать. Джонъ отправился къ Роберту Больтону. Тотъ объявилъ ему, что, по ихъ общему мнѣнію, сестра должна остаться пока у нихъ.

Джонъ Кольдигетъ подъѣхалъ въ своей каретѣ къ воротамъ Больтоновъ: они были заперты. Онъ трясъ ихъ сильными руками, но замокъ былъ крѣпокъ. Джонъ обошелъ кругомъ, перелѣзъ рѣшетку въ другомъ мѣстѣ и подошелъ къ крыльцу, которое также было заперто тонкою рѣшеткой.

Эстеръ все сидѣла на дубовомъ креслѣ съ ребенкомъ на рукахъ. И мать ея сидѣла тутъ же. По временамъ рѣчь возобновляла мать, но всегда кончалось однимъ и тѣмъ же. Вдругъ Эстеръ увидѣла мужа. Кольдигетъ сломалъ рѣшетку ногой и явился передъ окнами. Но влѣзть въ окна не было никакой возможности. Они были высоко, и къ нимъ не допускала рѣшетка, окружавшая два спуска въ подвальный этажъ, гдѣ были кухни.

Она тотчасъ вскочила, съ ребенкомъ въ рукахъ, бросилась къ окну и стала стучать въ стекло.

— Джонъ! Джонъ! Я здѣсь! Поди ко мнѣ! поди ко мнѣ! Они меня заперли и не пускаютъ.

Она приподняла ребенка и показывала его мужу.

— Мама, пустите его сюда, онъ пришелъ за своимъ ребенкомъ,—можете ли вы не пустить отца къ его ребенку?

Миссисъ Болтонъ сидѣла на старинномъ, дубовомъ креслѣ, съ высокой спинкой. Она безусловно молчала и была неподвижна. Черты ея выражали непреклонную рѣшимость. Она рѣшилась не двигаться, пока Эстеръ не бросилась въ корридоръ, который велъ въ кухню. Впрочемъ, въ этомъ корридорѣ появлялась по временамъ высокая, здоровая и набожная кухарка, которой все было объяснено впередъ.

Черезъ окно мужъ и жена могли говорить, но только громко, такъ какъ окно было заперто и очень высоко; отворить его Эстеръ не могла.

— Если хочешь остаться здѣсь,—привнесъ Джонъ,—оставайся; я тебя не принуждаю жить со мной.

— Нѣтъ, Джонъ, нѣтъ,—я не останусь. Если бы ты велѣлъ мнѣ остаться, тогда... И навѣрхъ, Джонъ, я ни за что не пойду; не пойду въ спальную; пусть они тащатъ меня, пусть разорвутъ на куски,—я не пойду. Бѣдный мальчикъ! Онъ навѣрное заболѣлъ! Но имъ что? Имъ все-равно, хотя бы онъ умеръ!

Миссисъ Болтонъ слушала все это, сидя на своемъ креслѣ, съ высокой спинкой, безмолвная, съ недвижными чертами лица.

Настало время обѣда. Но Эстеръ отказалась идти въ столовую.

— Если, ради ребенка, вы принесете мнѣ ѣсть сюда, я стану ѣсть,—сказала она.

Итакъ, онѣ сидѣли, а Кольдигетъ стоялъ за окномъ. Наконецъ, когда смерклось, онъ простился съ женой, обѣщавъ ей явиться сюда опять на слѣдующее утро.

Эстеръ сдержала слово. Она не поддавалась убѣжденіямъ ни матери, ни отца, и не пошла въ спальню. Отцу она горячо жаловалась, и тотъ скорѣе уходилъ, потому что сознавалъ неправильность всей этой попытки, хотя она и дѣлалась съ его вѣдома. Всю ночь Эстеръ просидѣла на томъ же креслѣ. Только ребенка съ нянькой она усадила въ спальню. Нечего было дѣлать—и миссисъ Болтонъ просидѣла ночь съ дочерью. Она не могла оставить Эстеръ, не хотѣла даже и уступить ей въ стойкости. Что касается силъ, то подкрѣпленія силъ она ждала отъ высшаго міра, котораго внушеніямъ слѣдовала, на истинное благо своей дочери.

На другой день Джонъ Кольдигетъ съѣзди́лъ къ мѣру, требуя его вмѣшательства и наставляя на своемъ правѣ увести жену домой, съ ея согласія, пока бракъ не былъ объявленъ недѣйствительнымъ. «Конечно, конечно», повторялъ мѣръ, но ничего не сдѣлалъ. Общество было рѣшительно противъ Кольдигета. За то народъ былъ за него.

Опять онъ появился подъ окнами Больтоновъ. Эстеръ говорила съ нимъ и по временамъ истерически порывалась къ нему въ окно, поднимая надъ своей головой ребенка. Онъ ей помочь не могъ. Она была неприступна. Но онъ часто кричалъ: «отворите! пустите ее!» — и билъ, вѣо всей силы, въ дверь — сперва молоткомъ, а когда молотокъ отвинтился — палькою.

За рѣшеткою двора собралась и стояла толпа. Теперь къ мѣру отправился Робертъ Болтонъ и требовалъ, чтобы мѣръ распорядился удалить Кольдигета отъ ихъ дома. Но мѣръ объявилъ, что такъ какъ хозяинъ дома — самъ банкиръ Болтонъ, а онъ не жалуется, то этого нельзя сдѣлать.

— Надо отпустить ее, — сказалъ старикъ Болтонъ женѣ, отозвавъ ее въ другую комнату. Въ это время Эстеръ опустилась на креслѣ въ совершенномъ истощеніи. — Это ее убьетъ.

— А если мы ее отпустимъ, то это убьетъ ея душу. Душа дороже тѣла.

— Скажутъ, мы замучили ее.

— Кто скажетъ? И что значить человѣческое слово? Развѣ Отецъ нашъ на небесахъ не знаетъ, что я съ радостью умерла бы, чтобы оказать ей услугу, если бы услуга эта была согласна съ Его волею?

— Да я не могу позволить, чтобы это такъ продолжалось, — шопотомъ сказалъ банкиръ.

— Она устанетъ и мы уложимъ ее въ постель.

Такъ онѣ сидѣли и далѣе, одна неподалеку отъ другой. Когда стемнѣло, Кольдигетъ уѣхалъ въ городъ и спалъ тамъ, какъ и прошлую ночь. Пища подавалась обѣимъ женщинамъ туда, гдѣ онѣ сидѣли. И на ночь онѣ опять остались тамъ. До трехъ часовъ онѣ не могли заснуть. Но тогда, миссисъ Болтонъ вдругъ увидѣла, что дочь ея соскользнула съ кресла и лежала на голѣмъ полу.

— Эстеръ, — произнесла она. — Дочь молчала. — Эстеръ, ты ушиблась? — Не было отвѣта. Тогда мать поднялась съ своего кресла; она едва могла это сдѣлать, такъ члены ея ооченѣли отъ долгой неподвижности. Подойдя къ дочери, она сказала еще разъ: — Эстеръ, скажи мнѣ.

- Я никогда больше не могу говорить съ вами.
- Дитя мое, пойди въ свою теплую, удобную постельку.
- Не пойду; я здѣсь умру.
- Мы не запремъ двери спальни; поди только туда.
- Нѣтъ. Вы не можете меня любить, когда такъ поступаете со мной.

Старикъ банкиръ, къ которому кухарка сходилла, чтобы объяснить ему, что происходитъ, такъ какъ опасалась, что исходъ будетъ пагубенъ для ребенка, спустился въ нижній этажъ, въ туфляхъ.

— Я не могу позволить этого далѣе, — сказалъ онъ.

— Пустите меня — произнесла Эстеръ.

— Не пушу, — отвѣчала мать, вставая съ своего кресла. — И я могу терпѣть. Не дочь моя заставить меня послушаться. — Въ этихъ словахъ миссисъ Болтонъ было еще болѣе реальнаго чувства, чѣмъ въ ея призывахъ къ небу. Правда, она молилась искренно. Но въ сущности, и сама не провинося этого, она молилась о томъ, чтобы поддержана была ея воля и устранено было униженіе уступки.

Рано утромъ Кольдигетъ опять былъ подъ окнами, а за рѣшеткой стояли его карета и толпа, очевидно сочувствовавшая женѣ и мужу. Наконецъ, старикъ послалъ за своимъ сыномъ Уильямомъ, и тотъ, пріѣхавъ, рѣшилъ, что нельзя отвѣчать за народъ, и что Эстеръ слѣдуетъ отпустить. Попытка и была сдѣлана, по его совѣту, только въ предположеніи, что если сестра окажется болѣе твердой, чѣмъ они ожидали, то все-равно ее придется отпустить. Теперь, Эстеръ оказалась болѣе твердой, чѣмъ они ожидали.

Когда это рѣшеніе было объявлено, то миссисъ Болтонъ впервые почувствовала, какъ непосильны для нея были эти три дня. Она бросилась на свою кровать, плача горькими слезами и не могла подняться.

— Я скажу сестрѣ что вы отпускаете ее съ любовью — проговорилъ мачихѣ Уильямъ Болтонъ.

— Не говорите ей ничего. Она не заботится ни о моей любви, ни о любви Небеснаго Отца. Она любитъ только этого прелюбодѣя.

Двери открылись и Эстеръ бросилась въ объятія мужа.

— О, Джонъ, милый Джонъ! — говорила она, спускаясь къ нему по ступенькамъ. — Никогда больше не отпускай меня; ни на часъ. Няня шесла малютку.

Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ Кольдигета везъ ихъ домой — въ Фолькингъ.

VI.

Адвокатъ Джона Кольдигета добился того, что дѣло его было отложено отъ весенней сессіи суда до лѣтней. Къ тому времени возвратился изъ Австраліи агентъ, посланный братьями Эстеръ, но ничего существеннаго не привезъ. Населеніе въ такимъ мѣстахъ какъ Агалала и Нобблѣ безпрестанно мѣнялось. Но до начала процесса Кольдигетъ увидѣлъ у себя еще новаго гостя — какого-то человѣка, который называлъ себя племянникомъ Кринкетта. Тотъ сталъ его снова уговаривать помириться съ истцами, уплативъ имъ 20 тысячъ фунтовъ; деньги можно было вручить имъ, когда они уже сѣли бы на австралійскій пароходъ. Краснорѣчіе племянника было тѣмъ сильнѣе, что онъ самъ былъ разоренъ, приобрѣта нѣкоторое число акцій, выпущенныхъ Кринкеттомъ и его товарищами на покупку пая Кольдигета.

Джонъ давно былъ готовъ отдать имъ эти 20 тысячъ фунтовъ, но считалъ невозможнымъ это сдѣлать въ виду угрозы; это могли принять за сознаніе съ его стороны. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день онъ рѣшился: заложилъ свои бумаги и назначилъ Кринкетту и г-жѣ Смитъ свиданіе при свидѣтеляхъ, вручилъ имъ обомъ свой чекъ на 20 тысячъ фунтовъ, но — безъ всякаго условія; онъ даже ни словомъ не просилъ ихъ уѣхать; пусть дѣлаютъ какъ хотятъ, думалъ онъ; хотя вѣроятно надѣялся, что они такъ уѣдутъ.

Но при такихъ условіяхъ, они, конечно, не уѣхали. Они ссорились между собою изъ-за участія въ дѣлѣ, и проживали въ Лондонѣ, пока не наступилъ процессъ Кольдигетта.

На процессъ они давали исполнѣ согласныя показанія и, несмотря на всѣ усилія сэра Джона Джорама, знаменитаго адвоката, который защищалъ Кольдигета, присяжные признали его виновнымъ. Онъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему заключенію. Пораженная страшнымъ горемъ, Эстеръ осталась однакоже въ Фолькингѣ, съ старикомъ Кольдигетомъ, несмотря на всѣ усилія миссисъ Болтонъ и всѣхъ Болтоновъ. Судъ призналъ ее незаконною женой, а ребенка — ея незаконнорожденнымъ, но она продолжала вѣрить словамъ Джона и считала свой бракъ дѣйствительнымъ и святымъ. Въ то же время друзья Джона Кольдигета, съ своей стороны, дѣлали все что могли, для доказательства невинности заключеннаго. На присяжныхъ едва-ли не сильнѣе всего подѣйствовалъ тотъ фактъ, что обвиняемый уплатилъ обвинителямъ до суда сумму въ 20 т. фунтовъ.

Самымъ дѣятельнымъ защитникомъ Кольдигета, когда онъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ, неожиданно оказался почтамтскій чиновникъ Багвексъ. Онъ находился на судѣ въ числѣ экспертовъ, приглашенныхъ для освидѣтельствованія конверта съ почтовой маркою, въ которомъ находилось письмо Кольдигета изъ Сидни. Багвексъ, когда судья спрашивалъ его, правильны-ли оттискъ почтовой печати поверхъ марки, указалъ, во-первыхъ, что на конвертѣ не было оттиска ноббльской станціи о днѣ полученія письма. Но такъ какъ прочіе эксперты объявили, что нерѣдко на почтѣ забываютъ налагать печать на письма, присланныя съ другой станціи для разсылки, то этому возраженію не было придано цѣны, въ виду прочихъ ясныхъ доказательствъ. За то же тотъ оттискъ печати, который былъ положенъ сверхъ марки въ Сидни, Багвексъ признавалъ не только правильнымъ, но *слишкомъ* правильнымъ. Онъ утверждалъ, что если только на станціи въ Сидни не была употребляема въ маѣ 1873 года,—на оттискѣ было «10 мая 1873»,—печать совершенно новая, то такого правильнаго, яснаго и чистаго оттиска не могло быть. Судья, резюмируя пренія, не только не призналъ этого обстоятельства заслуживающимъ вниманія, но даже отнесся пренебрежительно къ такой почтовой тонкости.

Багвекса это сильно задѣло, и онъ съ тѣхъ поръ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ занимался собираніемъ въ лондонскомъ почтамтѣ конвертовъ изъ Сидни, относившихся къ 1873 году. Постепенно, онъ собралъ нѣсколько конвертовъ съ майскими оттисками 1873 года. Пока у него былъ конвертъ съ оттискомъ 7-го мая и 13-го мая того года. Оба эти оттиска, какъ и всѣ остальные, вовсе не были такъ правильны и чисты, какъ имѣвшійся на конвертѣ, съ надписью: «г-жѣ Кольдигетъ», которая приписывалась обвиненному.

Эти конверты Багвексъ носилъ къ адвокату его, сэру Джону Джораму, который придавалъ этимъ изслѣдованіямъ не малое значеніе. Конечно, самъ по себѣ конвертъ значилъ не много, въ виду показаній четырехъ человѣкъ подъ присягою. Но если бы оказалось, что оттискъ на этомъ конвертѣ былъ фальшивый, что онъ былъ сдѣланъ такой почтовой печатью, которая не служила для употребленія, то это обнаруживало бы подлогъ, совершенный при помощи какого-нибудь почтоваго чиновника въ Сидни.

Пока продолжались эти изслѣдованія, въ Англію возвратился Ричардъ Шендъ, бывшій кембриджскій товарищъ Кольдигета, и объявилъ подъ присягою—по старанію отца Кольдигета—что въ маѣ 1873 года онъ находился съ Джономъ и г-жою Смитъ въ

Нобблѣ, и что они вовсе не были вѣнчаны, по крайней мѣрѣ въ теченіи того мѣсяца. Но показаніе Ричарда Шенда не казалось достаточнымъ адвокату Кольдигета. На него могли смотрѣть какъ на подкупленнаго свидѣтеля.

Между тѣмъ Бэгбексъ, продолжая свои наблюденія надъ марками и штемпелями, употреблявшимися въ Сидни въ 1873 году, внезапно открылъ нѣчто такое, что дѣлало совершенно излишнею прежнюю его систему доказательствъ, несмотря на всю, казавшуюся ему, ея убѣдительность. Разсматривая марку на пресловутомъ конвертѣ въ лупу, онъ разсмотрѣлъ на ней въ углахъ микроскопическую букву *p*, которой на другихъ маркахъ того же года не оказывалось. При справкахъ его въ экспедиціи, гдѣ заготавливались марки, обнаружилось, что буква *p* по угламъ марки была введена въ употребленіе только съ 1874 года. Стало быть, подлогъ былъ несомнѣненъ: письмо Кольдигета было вложено въ конвертъ не въ 1873 году, а позднѣе; надпись «г-жѣ Кольдигетъ» была поддѣлана подъ его руку, а почтовый оттискъ поверхъ марки «10 мая 1873» былъ сдѣланъ штемпелемъ нарочно для того вырѣзаннымъ, или завалявшимся въ сиднейскомъ почтамтѣ съ 1873 года, но не бывавшемъ въ употребленіи.

Это явное доказательство подлога лишило присяжныхъ показанія свидѣтелей всякаго довѣрія, а показаніе Шенда являлось дополнительнымъ опроверженіемъ. На этихъ основаніяхъ, сэръ Джонъ Джорамъ съ одной стороны, и отецъ Кольдигета—съ другой, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбами объ исходатайствованіи Джону Кольдигету королевскаго помилованія. Такъ какъ въ Англіи пересмотръ рѣшенія присяжныхъ не допускается, то это и былъ единственный путь для законнаго оправданія обвиненнаго и возвращенія ему его правъ.

Впрочемъ, дѣло вѣроятно затянулось бы, а можетъ быть и не состоялось бы, если бы газеты въ Кембриджѣ—гдѣ только и рѣчи было о процессѣ Кольдигета—не занялись этими новыми фактами. Оттуда, извѣстія о нихъ, со всѣми подробностями, перешли въ лондонскія газеты и заставили министра призадуматься. Но появленіе этихъ извѣстій въ лондонскихъ газетахъ имѣло еще иной результатъ. Узнавъ о нихъ, Кринкеттъ, Евфимія Смитъ и Анна Йонгъ бѣжали на первомъ пароходѣ, отходившемъ въ Америку, опасаясь обвиненія въ ложной присягѣ. Четвертый же свидѣтель, Адамсонъ, обиженный ими въ дѣлѣ, явился въ Скотландъ-Ярдъ, улицу главнаго полицейскаго управленія въ Лондонѣ, и, выпросивъ себѣ, согласно англійскому закону, общаніе прощенія, сдѣлалъ полный доносъ на своихъ товарищей,

рассказавъ какъ было дѣло, и какъ ими устроенъ былъ заговоръ, а также и названіе парохода, на которомъ онѣ отплыли.

Лжесвидѣтели были задержаны въ Плимутѣ, гдѣ пароходъ сдѣлалъ привалъ, по росписанію, и привлечены къ суду, за исключеніемъ Адамсона, который явился свидѣтелемъ противъ нихъ, вмѣстѣ съ Шендомъ. Кринкеттъ и Евфимія Смитъ были осуждены на трехлѣтнее заключеніе въ рабочемъ домѣ. Джонъ Кольдигетъ еще ранѣе получилъ королевское помилованіе.

Эстеръ знала минуту въ минуту, когда онъ долженъ былъ пріѣхать въ Фолькингъ. Она стояла у окна, такъ чтобы онъ ея не видѣлъ. Вотъ ѣдетъ карета; вотъ и онъ—на одинъ моментъ она увидала его, когда онъ еще сидѣлъ въ каретѣ и рука его была въ рукѣ его отца.

Тутъ Эстеръ бросилась къ колыбели, взяла на руки ребенка и стала ждать освобожденнаго. Но когда она слышала его быстрые шаги, — вдругъ положила ребенка назадъ, въ люльку, чтобы освободить свои руки—и бросилась къ мужу.

Потребовалось не мало усилій, чтобы склонить миссисъ Болтонъ къ приглашенію зятя въ ея домъ. Старикъ-банкиръ долженъ былъ рѣшительно объявить, что требуетъ этого. Но добиться, чтобы она въ самомъ дѣлѣ признала его мужемъ своей дочери, могла только сама Эстеръ.

— Я жена Джона Кольдигета передъ Богомъ—говорила ей Эстеръ при этомъ свиданіи,—мое дитя—его дитя и законный его наслѣдникъ. Мой мужъ—дороже для меня всего на свѣтѣ; лучше, дороже всѣхъ, онъ — мой царь, мой любовникъ и мой мужъ. И, обнявъ мать, прижавъ ее къ себѣ, Эстеръ продолжала:— Скажите и вы, что онъ мнѣ—мужъ.

— Можетъ быть,—медленно проговорила миссисъ Болтонъ.

— Скажите—да!

— Да,—прошептала мать.

Л. Л.

ШКОЛА ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ I. 1810—1827 г.
Томъ II. 1827—1851 г. Спб. 1878—1879.

«Полныя собранія сочиненій» бываютъ иногда особенно любопытны, какъ напр., въ настоящемъ случаѣ. Князь П. А. Вяземскій, немного забытый въ послѣдніе годы, былъ въ прежнее время крупнымъ дѣятелемъ нашей литературы; его поприще, хотя всего болѣе чисто-дилеттантское, было такъ продолжительно, какъ чрезвычайно рѣдко бываетъ:—почти семьдесятъ лѣтъ участія въ литературѣ!—но какъ его трудамъ недоставало сосредоточенности, такъ и во внѣшнемъ отношеніи его сочиненія были до того разбросаны, отъ 1810 и до настоящаго года (въ послѣднихъ книжкахъ «Русскаго Архива» г. Бартенева, въ 1879 году, все еще печатаются Рагапіомепа кн. Вяземскаго),—что обзорѣніе ихъ стоило бы большого труда,—еслибъ не явилось «Полное собраніе». Между тѣмъ, кн. Вяземскій заслуживаетъ историческаго изученія. До прошлаго года въ нашей литературѣ еще дѣйствовалъ членъ того «Арзамаса», имя котораго кажется уже преданіемъ сѣдой древности,—дѣйствовалъ одинъ изъ младшихъ сверстниковъ Дмитріева, Озерова, Карамзина, Жуковскаго, старшій сверстникъ и другъ Пушкина, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ первые годы «Телеграфа»; потомъ, это былъ одинъ изъ друзей Гоголя и одинъ изъ рѣзкихъ противниковъ новой литературно-критической школы Бѣлинскаго и всѣхъ его друзей и преемниковъ; наконецъ, это былъ одно время товарищъ министра народнаго просвѣщенія, въ этомъ качествѣ имѣвшій вліяніе на официальное положеніе литературы, и оставившій здѣсь добрую память...

Литературная оцѣнка кн. Вяземскаго бывала весьма различная,—доходила до полной противоположности. «На моемъ долгомъ вѣку,—говорить онъ самъ въ автобіографическомъ введеніи (т. I, XLV),—всего было довольно. И я жилъ въ счастливой Аркадіи, и меня хвалили, и мнѣ кланялись журналы, и меня называли печатно *остроумнѣйшимъ писателемъ*. И мало ли еще какія бывали величанія. Меня и очень бранили. Все это дѣло житейское и бывалое... Отъ журнальных похвалъ не раздувался я; отъ браней не худѣлъ. Позднѣе настала пора *заговора молчанія*. Критически печать меня живо похоронила; не потрудились даже выставить надгробную надпись»...

Дальше мы скажемъ объ этомъ «заговорѣ молчанія»; но дѣйствительно, какъ въ пору своей настоящей молодой дѣятельности кн. Вяземскій имѣлъ большое имя въ ряду сподвижниковъ Пушкина, репутацію «остроумнѣйшаго писателя»,—такъ позднѣе относилось къ нему весьма недружелюбно новое литературное поколѣніе, и относилось такъ не совсѣмъ безъ причины, потому что кн. Вяземскій, хотя рѣдко являлся тогда въ печати, встрѣтилъ это поколѣніе крайне враждебно,—и, въ дѣйствительности, совершенно напрасно. Князю Вяземскому, какъ увидимъ, казалось, что эта вражда къ нему была дѣломъ журнальнаго произвола, неуваженія къ старымъ преданіямъ и славнымъ именамъ литературы (которыя онъ хотѣлъ защищать), дѣломъ самонадѣянности, даже просто невѣжества новой литературной школы, возникшей въ тридцатыхъ годахъ, развившейся въ сороковыхъ, и дошедшей до крайности позднѣе;—но въ дѣйствительности, споръ и вражда были вовсе не случайны. Это была встрѣча двухъ разныхъ историческихъ періодовъ, разныхъ ступеней литературнаго и общественнаго развитія,—и новая школа, встрѣтивъ отъ старой только укоры въ несоблюденіи привычныхъ послѣдней традицій и поклоненій, должна была по необходимости защищаться, и тѣмъ рѣзче, чѣмъ сильнѣе на нее нападали... Здѣсь, какъ во множествѣ другихъ случаяхъ, и въ литературѣ, и во внутреннемъ политическомъ бытѣ общества, старое поколѣніе оставалось глухо къ новымъ требованіямъ жизни, и новое поколѣніе, лишенное опоры, какую въ другихъ европейскихъ обществахъ обыкновенно оно находитъ въ опытахъ старшаго поколѣнія и его разумныхъ сочувствіяхъ, было вынуждено защищаться отъ тѣхъ, въ комъ должно бы имѣть связь нравственно-историческаго родства и преемства...

Все это теперь—исторія, и мы можемъ относиться къ этому положенію кн. Вяземскаго въ литературѣ съ спокойной, если не равнодушной точки зрѣнія. Современной критикѣ надо имѣть

дѣло съ тѣми, кто и теперь хочетъ продолжать эту вражду; относительно же кн. Вяземскаго рѣчь можетъ идти только о томъ, чтобы выяснитъ историческое происхожденіе его литературныхъ идей, а не бороться съ нимъ.

Какъ замѣчено, мы уже такъ привыкли къ взаимному непониманію разныхъ поколѣній, что нисколько не удивительно, если новая литература не пользовалась расположеніемъ кн. Вяземскаго. Но слѣдуетъ однако оговориться, что кн. Вяземскаго—при всѣхъ ошибкахъ, неблагополучныхъ по своему вліянію, въ какія онъ впадалъ въ этомъ отношеніи—никакъ однако нельзя причислить къ тѣмъ, старымъ и молодымъ, такъ-называемымъ «консерваторамъ», которые проповѣдуютъ въ литературѣ (или выполняютъ на дѣлѣ, сколько могутъ) принципы Салтыковскаго «Фединки». Причислить кн. Вяземскаго къ такого рода «консерваторамъ» было бы несправедливостью и ошибкой. Не говоря о достоинствѣ характера, которое не позволило кн. Вяземскому быть въ этомъ лагерѣ, куда его однако зазывали,—его «консервативныя» понятія заключали въ себѣ много такого, что совсѣмъ невразумительно для нашихъ «охранителей» новѣйшаго издѣлія. Какъ ни далеко въ старину восходитъ воспитаніе кн. Вяземскаго—дѣйствительно, онъ росъ подъ свѣжими впечатлѣніями XVIII вѣка,—его нѣтъ возможности сравнивать съ позднѣйшими «консервативными» баши-бузуками. Онъ часто очень неправильно заключалъ объ историческомъ смыслѣ и происхожденіи новой русской литературы и общественности,—но у него сбереглось до конца представленіе о томъ, что умъ человѣческій имѣетъ свое право и достоинство, и съ другой стороны, что литература не есть отдѣленіе «участка» и представительница его образованія. Отъ первой поры своего развитія кн. Вяземскій зналъ права литературы, ея нравственное значеніе. Въ первомъ кругѣ молодого поколѣнія, въ который онъ вступилъ, бродили идеалистическія стремленія, которыя, въ первой половинѣ царствованія Александра I, приходили къ убѣжденію въ необходимости другого порядка вещей, когда и императоръ Александръ думалъ о выгодахъ для Россіи «законно-свободныхъ» учрежденій. Послѣ, когда самъ императоръ оставилъ эти мысли и пошелъ совсѣмъ инымъ путемъ, кн. Вяземскому, который не оставилъ ихъ такъ же скоро, пришлось поплатиться за довѣрчивость и идеализмъ; но и тогда онъ сохранилъ, хотя отвлеченное, представленіе о томъ, что обществу, для нормальной его жизни, нуженъ извѣстный просторъ мысли и дѣятельности.

Въ свое время онъ былъ человѣкомъ либеральныхъ мнѣній,

которыя и долго послѣ не получали у насъ права гражданства. Когда, въ послѣдніе либеральные дни времени императора Александра I, ходили мысли объ освобожденіи крестьянъ, кн. Вяземскій былъ участникомъ въ запискѣ, поданной императору отъ имени графа Воронцова, князя Меншикова и другихъ, гдѣ они просили о позволеніи приступить теоретически и практически къ разсмотрѣнію и рѣшенію этого государственнаго вопроса (т. II, стр. 88). Какъ извѣстно, записка не имѣла успѣха. Нѣсколько позднѣе (1823), въ статьѣ о сочиненіяхъ Дмитріева князь Вяземскій указывалъ, въ министерской дѣятельности Дмитріева, «замѣчательный по государственной важности указъ, въ силу коего запрещалось личнымъ дворянамъ приобрѣтать крестьянъ и дворовыхъ людей: благомыслящіе люди, — прибавлялъ кн. Вяземскій, — съ признательностію и радостію увидѣли въ семъ благонамѣренномъ распоряженіи правительства отсѣченіе одной изъ отраслей *бдѣственнаго злоупотребленія* и надежду на совершенное *искорененіе зла*» (I, стр. 118).

Въ литературѣ, въ первую пору своей дѣятельности, кн. Вяземскій упорно воевалъ за новую школу, которая должна была пробивать себѣ дорогу въ умахъ. Онъ былъ ревностный партизанъ новаго свободнаго движенія литературы, и очень большая доля въ успѣхѣ «Телеграфа», въ то время лучшаго и самаго живого журнала, принадлежала именно ему. То, что дѣйствительно было тогда лучшимъ достояніемъ русской литературы, находило въ немъ ревностнаго защитника: Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ, это были его святыни; Карамзина, въ которому въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ начали уже относиться критически, никто не отстаивалъ съ такимъ жаромъ, какъ именно кн. Вяземскій, — любопытно, что подъ его филиппику попался однажды самъ Погодинъ, который впоследствии также дѣлалъ изъ авторитета Карамзина настоящую религію.

Такая одушевленная преданность заслуженнымъ дѣятелямъ литературы была прекрасной чертой въ писательскомъ характерѣ кн. Вяземскаго, и могъ быть серьезный смыслъ въ его настояніяхъ на уваженіи къ литературному преданію, которое у насъ въ самомъ дѣлѣ забывается слишкомъ скоро. Но, какъ увидимъ, кн. Вяземскій не сохранилъ мѣры въ этомъ, собственно говоря, очень похвальномъ дѣлѣ: преувеличеніе повело его самого къ ошибкамъ, которыя отразились потомъ на всей его дѣятельности.

Патріотизмъ кн. Вяземскаго — очень сильный, не былъ однако ввасной. Уже въ позднѣйшіе годы (1847), говоря о народности въ литературѣ, онъ замѣчалъ: «люблю народность какъ чувство,

но не признаю ее какъ систему. Ненавижу исключительность, не только безпрекословную и повелительную, но и условную и двусмысленную. Можетъ быть, эту ненавижу еще болѣе. Христіанская образованность породнила народы между собою и всѣхъ соединила взаимною любовью и пользою. «Мнѣ не входитъ ни въ голову, ни въ сердце, что можно положить себѣ за правило и обязанность предпочитать русскую Волгу нѣмецкому Рейну» (II, стр. 312). У кн. Вяземскаго не было поэтому той національной нетерпимости, какая считается у насъ обыкновенно обязательнымъ признакомъ патріотизма и доводится обыкновенно до послѣдней пошлости. Кн. Вяземскому пришлось нѣкоторое время пробыть на службѣ въ Варшавѣ: по его словамъ, которымъ можно вполнѣ повѣрить, онъ очень хорошо сошелся съ польскимъ обществомъ—чему вѣроятно помогли просто и его свѣтскія наклонности. Но кн. Вяземскій умѣлъ и серьезно взглянуть на наши польскія отношенія. Въ автобіографическомъ введеніи, писанномъ въ послѣднее время, онъ говоритъ по поводу своихъ тогдашнихъ отношеній въ польскомъ обществѣ: «Могутъ быть при разномысліи такіе жгучіе вопросы, до которыхъ дотрогиваться не должно, даже между пріятелями и братьями, равно благовоспитанными и вѣжливыми. Въ общей и хорошо сознаваемой образованности есть *такъ много точекъ сближенія и сочувствій*, что незачѣмъ отыскивать и выводить наружу точекъ пререканій и преткновеній. А между тѣмъ есть люди, вооруженные до-нельзя преувеличенными микроскопами, которые только и дѣлаютъ, что изыскиваютъ мельчайшія несходства и противорѣчія личныя, общественныя и международныя, чтобы ставить между ними грани, столбы и предѣлы, его же не преидеши. Это обозначаетъ *необычайную узкость и неподвижность ума*» (II, стр. VIII).

Конечно, трудно бываетъ въ подобныхъ отношеніяхъ избѣжать точекъ пререканія, и если бы пошла рѣчь о полномъ примиреніи, онѣ неизбежно должны были бы выступить на сцену,—но несомнѣнно, что именно для ихъ уравниенія необходимо то, что указываетъ кн. Вяземскій: — нужно руководиться «общей и хорошо сознаваемой образованностью», нужно кромѣ предметовъ спора искать и точекъ сближенія и сочувствія, которыя дѣйствительно *есть*, и при желаніи или благоразуміи могутъ быть найдены... Замѣчательно то, что къ этимъ мыслямъ приходилъ писатель, котораго «благонамѣренность» не подлежитъ сомнѣнію, и о которомъ очень мудро было бы сказать, что онъ былъ орудіемъ пресловутой «польской интриги».

Прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній изъ чрезвычайно любо-

пытной «Исповѣди» 1829 г., гдѣ кн. Вяземскій косвенно говорилъ съ самимъ правительствомъ. «Я былъ любимъ поляками, — говоритъ онъ, — въ числѣ немногихъ русскихъ, былъ принимаемъ въ ихъ дома на пріятельской ногѣ. Но ласки отличнѣйшихъ изъ нихъ покупалъ я не потворствомъ, не отриновеніемъ національной гордости. Напротивъ, въ запросахъ, гдѣ отдѣлялась русская польза отъ польской, я всегда вѣрно стоялъ за первую и вынесъ не одинъ жаркій споръ по предмету возстановленія старой Польши и отсѣченія отъ Россіи областей, запечатлѣнныхъ за нами кровью нашихъ отцовъ. Дѣло въ томъ, что живя въ Польшѣ, не ржавѣлъ я въ *запоздамыхъ* ¹⁾ воспоминаніяхъ о полякахъ въ Кремлѣ и русскихъ въ Прагѣ (т.-е. варшавской), а былъ посреди *соплеменныхъ современниковъ* съ умомъ и душою, открытыми къ впечатлѣніямъ настоящей эпохи. Должно еще признаться, что мои короткія сношенія съ поляками были тѣмъ болѣе на виду, что я былъ изъ числа весьма немногихъ русскихъ въ Варшавѣ, съ которыми образованные изъ поляковъ могли имѣть какое-нибудь сближеніе. Я всегда удивлялся равнодушію нашего правительства въ *выборъ людей* на показъ передъ чужими. Безъ сомнѣнія, надежнѣйшая порука наша есть дубинка Петра Великаго, которая выглядываетъ изъ-за головъ представителей и посредниковъ нашихъ у европейской политики: могущество можетъ обойтись безъ дальнѣйшаго мудрствованія, но *нравственное достоинство* народа *оскорбляется* симъ отреченіемъ отъ народной гордости. Самая палица Алкида была принадлежностью полубога. Русская колонія въ Варшавѣ не была представительницею пословицы, что товаръ лицомъ продается. Въ числѣ русскихъ чиновниковъ мало было лицъ *обольстительныхъ*, и потому польское общество *не могло обрустѣть*. Частныя лица не содѣйствовали мѣрамъ правительства, и общежитіе (т.-е. образованность и порядочность) не довершало дѣла, начатаго политикою»... (II, стр. 89—90). Въ приведенныхъ словахъ есть нѣкоторыя неточности, и, напр., имя Петра-Великаго употреблено всуе, или по крайней мѣрѣ забыто, что дубинка Петра-Великаго была и въ рукахъ Великаго, — но въ общей мысли опять чрезвычайно много вѣрнаго, и — прошло пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ эти слова были сказаны, но они все еще должны казаться странными въ нашей общественности...

Впослѣдствіи кн. Вяземскій, въ официальномъ положеніи, обыкновенно такъ сильно мѣняющемъ людей, не потерялъ сво-

¹⁾ Писано въ 1829 году.

его интереса къ литературѣ, и время его управленія цензурой (въ пятидесятыхъ годахъ), въ качествѣ товарища министра народнаго просвѣщенія, памятно тѣмъ, что онъ, глава цензуры, отстаивалъ права литературы на общественную дѣятельность, а въ частности достигъ разрѣшенія изданій для славянофиловъ, которые тогда считались еще «опасной партіей»; нѣкоторымъ членамъ этой партіи даже просто запрещено было писать. «Общественные вопросы,—говоритъ кн. Вяземскій (въ пятидесятыхъ годахъ),—возбуждаютъ пылливость современной литературы и подвергаются ея изслѣдованіямъ. Литература наша, и особенно журналы, дѣятельно принялись въ послѣднее время за обвиненія злоупотребленій, укоренившихся въ низшихъ слояхъ нашей администраціи. Отъ этихъ тысячи разсказовъ, тысячу разъ повторяемыхъ, общество наше ничего новаго не узнаётъ. Зло не въ томъ, *что разсказывается*, а въ томъ, *что дѣлается*. Каждый крестьянинъ, и не читая журналовъ, знаетъ лучше всякаго остроумнѣйшаго писателя, что за человѣкъ—становой приставъ. Нѣтъ сомнѣнія, что внутри Россіи журнальныя нескромности не имѣютъ никакого вреднаго дѣйствія и не производятъ соблазна. Но въ высшемъ обществѣ, и то въ ограниченномъ кругу тѣхъ, которые изрѣдка и случайно читаютъ по-русски, русская грамота, *мало имъ знакомая*, имѣетъ въ глазахъ ихъ особенную важность. Имъ какъ-то дико и страшно видѣть мысль, облеченную въ русскія буквы. Имъ кажется, что русская азбука совсѣмъ не на то составлена, чтобы служить проводникомъ и выраженіемъ русскаго ума... Никому не уступлю въ любви къ отечеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ скажу, что не вижу ни малѣйшей опасности, угрожающей со стороны литературы. Напротивъ, я думаю, что для общей пользы не должно *усыпять* ее».

Въ этомъ рядѣ мыслей для всякаго обыкновеннаго образованнаго человѣка нѣтъ конечно ничего ни новаго, ни очень рискованнаго, но онъ дѣлаетъ особенную честь сказавшему ихъ, если принять во вниманіе, что онъ сказаны въ официальной запискѣ, въ извѣстныхъ условіяхъ, лицомъ, именно поставленнымъ надъ литературой, отъ котораго тогда ждалось, что оно будетъ «усыпять» литературу.

И въ другихъ случаяхъ князь Вяземскій, человѣкъ умѣреннѣйшихъ мнѣній, воспитавшійся шестьдесятъ-сѣмьдесятъ лѣтъ тому назадъ, никакъ не годился въ союзники новѣйшимъ охранителямъ,—онъ былъ далеко *опереди* ихъ. Напримѣръ, въ прозѣ и въ стихахъ онъ говорилъ: «Мы довольно склонны развертывать

зонтики свои, когда идетъ дождь, напимѣрь, въ Парижѣ» (I, стр. XXI); или—

«Огонь ли дальній домъ затронетъ,
У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба,
И, какъ во дни потопа, тонетъ
Ихъ неповинная изба»...

«Религіозная совѣсть имѣетъ свои тайны, которыя легко и необдуманно оцѣнивать и въ особенности порочить, нельзя...»

«Вообще нельзя не замѣтить, что у насъ бываютъ охотники создавать предъ собою и предъ обществомъ чудовищныя страшилища, чтобы доставить себѣ удовольствіе ратовать противъ нихъ и протыкать ихъ своими спасительными перьями. Эта способность пугать и напугивать, бываетъ иногда очень забавна, но бываетъ часто и *оредна*. Въ такомъ настроеніи духа противорѣчія неизбежны. Высокомѣріе и малодушіе, трусливость и задорливость сталкиваются на каждомъ шагу. То ставятъ Россію такъ высоко, что она внѣ всѣхъ возможныхъ покушеній на нее, то уже такъ низко, что она, тщедушная, разлетится въ прахъ при малѣйшемъ враждебномъ дуновеніи. Мы уже не говоримъ, что врага шапками закидаемъ, но еще думаемъ, что можемъ Европу закидать словами» (I, стр. XXIII).

Комментаріевъ къ этимъ словамъ мы столько видимъ въ послѣдніе годы въ нашей литературѣ и въ нашей жизни, что нечего и приводить ихъ. Слова эти сказаны княземъ Вяземскимъ въ «Автобіографическомъ введеніи», писанномъ въ послѣдніе дни его жизни...

Остановимся на приведенныхъ образчикахъ. Они даютъ понятіе объ общемъ складѣ литературно-общественныхъ понятій князя Вяземскаго, которымъ нельзя не отдать сочувствія,—особенно если вспомнить, что подобные взгляды въ самую позднюю пору своей жизни высказывалъ писатель далекаго, стараго поколѣнія.—И однако же князь Вяземскій уже давно вызывалъ противъ себя вражду, о которой мы упоминали. Откуда же она происходила?—Академическій біографъ князя Вяземскаго мимоходомъ отмѣчаетъ этотъ фактъ, но не объясняетъ его. Біографъ замѣчаетъ, что «князь Вяземскій, зорко слѣдя за явленіями общественной жизни и литературы, отзывался на нихъ своимъ смѣлымъ и искреннимъ словомъ, и не боясь ни гнета, ни опалы, ни сверху, ни снизу, открыто высказывалъ свои убѣжденія и называлъ вещи ихъ *настоящими* именами». Но «обстоятельства рѣзко измѣнились... Князь Вяземскій поставленъ во главу цензурнаго вѣдомства и имѣлъ полную возможность, если бы только

пожелалъ, вмѣсто оборонительной начать войну наступательную, устремлять свои громы на литературу»... Этого, какъ мы видѣли, не случилось. «Положеніе князя Вяземскаго въ литературѣ, — по словамъ того же біографа, — было на ту пору самое *неутѣшительное*; представители литературы показывали ему *холодность*, весьма тяжелую и для его выносливой натуры; противъ него образовался тотъ *заговоръ молчанія*, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей автобіографіи».

Замѣтимъ сначала, что не знаемъ, откуда взялся «заговоръ молчанія», о которомъ говоритъ князь Вяземскій и его біографъ: *когда* онъ происходилъ и *къмъ* былъ сдѣланъ? Намъ кажется, что князь Вяземскій просто преувеличивалъ. Молчаніе могло быть по разнымъ причинамъ, или потому, что не являлось особенно крупныхъ его произведеній, которыя заставляли бы о себѣ говорить, — и такихъ дѣйствительно тогда не было; или критика стѣснилась говорить о лицѣ съ высокимъ официальнымъ положеніемъ, — стѣснилась или по невозможности говорить, или по деликатности, — это бывало и бываетъ сплошь и рядомъ. Предположеніе, что «заговоръ» произошелъ между раздраженными писателями оттого, что князь Вяземскій «открыто высказывалъ свои убѣжденія и называлъ вещи ихъ *настоящими* именами», едва ли основательно: были и есть въ нашей литературѣ дѣятели, которые гораздо больше раздражали и гораздо рѣзче высказывались противъ извѣстныхъ новыхъ направлений, и однако противъ нихъ не дѣлалось заговора молчанія, а напротивъ велась очень упорная полемика. Съ другой стороны, главная или единственная крупная работа князя Вяземскаго по исторической критикѣ: «Фонъ-Визинъ» — всегда поминалась съ большими одобреніями и сочувствіями. Самъ князь Вяземскій на первой же страницѣ автобіографическаго введенія упоминаетъ, что «даже литературные недоброжелатели его удивлялись, съ примѣсью нѣкотораго сожалѣнія, что его нѣтъ на книжномъ рынкѣ». Развѣ это — заговоръ молчанія?

Но «холодность», о которой говоритъ біографъ, дѣйствительно была, и имѣла свои основанія; но онѣ заключались не въ томъ, что князь Вяземскій открыто высказывалъ убѣжденія и называлъ вещи настоящими именами, — а развѣ въ томъ, что онъ не всегда оставался послѣдователемъ въ своихъ литературныхъ идеяхъ, и что имена, которыя онъ давалъ вещамъ, вовсе не были «настоящіи».

Въ чемъ же заключается точка зрѣнія и литературная роль кн. Вяземскаго, — которая съ одной стороны даетъ столько взглядовъ, сочувственныхъ намъ до сей поры, а съ другой внушила къ нему «холодность», дѣлала его, по его собственнымъ словамъ,

«одинокимъ» въ новѣйшей литературѣ? Дѣло просто въ томъ, что кн. Вяземскій, какъ онъ ни былъ остроуменъ и воспримчивъ къ явленіямъ жизни, все-таки невольно оставался человѣкомъ своего времени, т. е. того, которое было самымъ свѣжимъ временемъ его дѣятельности. Онъ видѣлъ и пережилъ нѣсколько литературныхъ поколѣній, но навсегда остался человѣкомъ поколѣнія двадцатыхъ годовъ. Тѣ люди и тѣ преданія всегда были для него самыми близкія и сочувственныя. Образование, собственное размышленіе, кругъ, въ которомъ онъ умственно и нравственно жилъ, сообщили ему извѣстные теоретическіе взгляды на жизнь и литературу, — уваженіе къ просвѣщенію, сочувствіе къ «законно-свободной» общественности, высокое понятіе о литературѣ, какъ просвѣщающей дѣятельности; образчики этихъ взглядовъ мы выше приводили, — но эти взгляды остались у него только въ той формѣ и на той степени развитія, какую имѣли въ его дружескомъ кружкѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, и не пошли дальше. Взгляды эти были въ сущности весьма отвлеченны. Дѣйствительность въ тѣ годы не давала имъ никогда возможности каго-нибудь живого примѣненія, такъ что они оставались по необходимости теоретическимъ идеаломъ, раздѣляемымъ въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, — который притомъ, какъ увидимъ, былъ довольно исключителенъ. Но умственная жизнь общества тѣмъ не менѣе, хотя туго, но двигалась впередъ. Очень естественно, что и въ содержаніи и въ формѣ новой литературы встрѣчалось кое-что не совсѣмъ похожее или совсѣмъ непохожее на прежнее содержаніе и форму. Кругъ, къ которому принадлежалъ князь Вяземскій и который считалъ себя (въ свое время справедливо) во главѣ литературы, увидѣлъ въ этомъ какъ-бы захватъ и нарушеніе своихъ правъ и дисциплины. *Этой* новыя направленія никакъ не хотѣли признавать, и отсюда шла первая «холодность» и «вражда».

Присоединилось къ этому еще одно внѣшнее, но очень важное обстоятельство, которое, между прочимъ, однажды и было затронуто въ тогдашней литературѣ. Кругъ, къ которому князь Вяземскій принадлежалъ, былъ извѣстнымъ образомъ кругъ аристократическій. Когда въ прямыхъ и косвенныхъ столкновеніяхъ того времени, въ другого лагеря сдѣлано было такого рода указаніе, князь Вяземскій возсталъ противъ этого опредѣленія своей партіи или своего круга, — но доказательства не были достаточны. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ фактъ: кругъ князя Вяземскаго имѣлъ свое начало въ знаменитомъ «Арзамасѣ»; здѣсь были и дѣйствительные писатели, а больше дилеттанты изъ высшаго круга;

главнымъ или единственнымъ дѣломъ «Арзамаса» была литература—какъ забава; кружокъ былъ исключительный, и многіе его члены приобрѣли потомъ, и довольно скоро, болѣе или менѣе высокое общественное, или вѣрнѣе, служебное положеніе министровъ, статсъ-секретарей, посланниковъ и т. п. Кружокъ считалъ себя законодателемъ въ литературѣ; а личный характеръ писателей, въ «Арзамасѣ» участвовавшихъ и личные взгляды упомянутыхъ дилеттантовъ, въ сущности очень далекихъ отъ литературы на практикѣ, дѣлали то, что литературныя идеи Арзамаса, хотя свидѣтельствовали о любви къ просвѣщенію, но остановились на весьма отвлеченномъ ихъ представленіи. Между тѣмъ, въ особенности съ тридцатыхъ годовъ, складъ нашей литературы значительно измѣняется: дѣйствующими лицами, вскорѣ овладѣвающими журнальной ареной, являются люди другого, не французско-аристократическаго образованія, совсѣмъ много общественнаго слою и положенія. Литература замѣтно демократизуется или, другими словами, распространяется на большую массу общества и изъ нея беретъ свои силы. Къ «Арзамасу» можно еще вполнѣ примѣнить замѣчаніе г-жи Сталь, что «въ Россіи нѣсколько дворянъ (*gentilshommes*) воздѣлываютъ литературу»; въ тридцатыхъ годахъ замѣчаніе переставало быть вѣрнымъ, потому-что на сцену выступаютъ далеко не одни «жантильомы», и литературная критика, не ограничиваясь чисто-эстетическими вопросами, стремится связать съ ними вопросы общественнаго характера: за Полевымъ слѣдуетъ Надеждинъ, потомъ Бѣлинскій и его кругъ. Въ области литературы художественной, Пушкинъ, какъ великій поэтъ, продолжалъ сильно дѣйствовать на послѣдующія поколѣнія, указывая предметъ поэзіи въ жизни національной; а Гоголь, который, по мнѣнію стараго арзамасскаго круга, стоялъ на одной съ нимъ почвѣ, въ дѣйствительности открывалъ въ области поэтической горизонты, до тѣхъ поръ неизвѣстные. Школа Гоголя дѣйствуетъ и по настоящее время; глубокий внутренній смыслъ произведеній его былъ таковъ, что «школа» его въ состояніи была идти рядомъ съ расширеніемъ чисто-общественныхъ интересовъ, и ея кліенты могли непосредственно служить имъ. Все это новое броженіе осталось непонятно для арзамасскаго кружка, представителемъ котораго былъ и князь Вяземскій. Имъ не понятны были нѣрѣзкіе запросы новой критики, открывшей въ тридцатыхъ годахъ, что у насъ даже нѣтъ литературы; ни совмѣщеніе съ художествомъ интересовъ реальной общественности. Одно казалось почти безуміемъ, такъ какъ у насъ былъ не только Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, но Карамзинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, Державинъ, Ломо-

носовъ; второе казалось своевольнымъ «либерализмомъ». Когда новыя поколѣнія восхищались Гоголемъ и видѣли въ немъ блестящее подтвержденіе своихъ идей, писатели того круга видѣли въ этомъ подлогъ, противозаконное присвоеніе и эксплуатацію знаменитаго сатирика, котораго они считали своимъ. Мало-помалу выросла положительная антипатія двухъ поколѣній и школъ, не разумѣвшихъ другъ друга. Писатели стараго арзамасскаго круга не хотѣли видѣть въ новыхъ фактахъ естественнаго развитія изъ фактовъ прежнихъ, не могли допустить, что новая литература есть продолженіе ихъ собственнаго труда. Кончалось тѣмъ, что они впадали въ противорѣчіе съ самими собой: они желали въ теоріи свободнаго развитія литературы, а на практикѣ осуждали, иногда съ великимъ негодованіемъ, являвшіеся признаки этого развитія; они знали необходимую связь литературы съ жизнью общества, но возставали противъ совершавшихся въ литературѣ проявленій этой жизни; они жаловались прежде на ограниченность движенія въ нашей литературѣ, и пугались, когда движеніе стало оказываться. Поэтому, мы вовсе не думаемъ, чтобы, напримѣръ, князь Вяземскій въ подобныхъ случаяхъ называлъ вещи «настоящими» именами; нѣтъ, настоящихъ именъ онъ или не зналъ, или опасался назвать. Его остроуміе указывало ему иногда слабыя стороны противниковъ, но всегда это были только вещи частныя и внѣшнія; въ самой сущности дѣла, истина была не совсѣмъ на его сторонѣ. Такимъ образомъ, оказывались вопіющія противорѣчія: теоретическія идеи и благія намѣренія говорили одно, а гдѣ нужно было бы только примѣнить ихъ, оказывалось другое. Нужна была смѣлость и послѣдовательность мысли, чтобы спокойно и вѣрно понять движеніе исторической жизни,—но этого не случилось. И такъ было не съ однимъ княземъ Вяземскимъ: въ тѣ же противорѣчія впадалъ въ свое время и Карамзинъ, и Жуковский, и самъ Пушкинъ, позднѣе, напр., О. Тютчевъ и т. д. Въ мнѣніяхъ князя Вяземскаго, къ которымъ теперь обратимся ближе, мы увидимъ, такимъ образомъ, отраженіе взглядовъ цѣлаго круга и поколѣнія.

Когда начато было настоящее изданіе, кн. Вяземскій написалъ къ нему автобіографическое введеніе и къ нѣкоторымъ старымъ статьямъ сдѣлалъ приписки. Изъ всѣхъ его воспоминаній о старинѣ ясно, конечно, что этой старинѣ принадлежатъ его сильнѣйшія привязанности; но твердо сохраняя привязанности, онъ хотѣлъ оставаться совершенно безпристрастнымъ къ самому себѣ.

По поводу изданія онъ замѣчалъ, что это было «уже не въ чужомъ, а въ собственномъ пиру похмѣлье»: поздняя старость, говоритъ онъ, имѣетъ право говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ, какъ о «постороннемъ» — «и въ самомъ дѣлѣ, не въ сторонѣ ли я отъ самаго себя послѣ всего такъ долго пережитаго мною?» Но онъ и не отказывается отъ написаннаго и сдѣланнаго. «Литературная жизнь писателя есть также своего рода жизнь чело-вѣка. «Еже писахъ, писахъ»: что прожилъ, то прожилъ. Выходи на этотъ судъ, каковъ ты ни есть. Судья, то-есть читатель и критикъ, присудятъ сами, что должно тутъ пойти на правую сторону, что ошую; я же тутъ при рѣшеніи суда и приговорѣ остаюсь ни причемъ. Впрочемъ, меня будутъ судить заднимъ числомъ, по большей части не меня настоящаго, а меня нѣкогда бывшаго»... (т. I, стр. I, XXXIII, LVI).

По поводу одного своего полемическаго сочиненія, письма къ гр. Уварову, оставшагося въ рукописи и теперь только откровенно напечатаннаго, кн. Вяземскій замѣчаетъ:

«Полемическія статьи имѣютъ сходство съ любовными письмами, которыя мы писали въ молодости; имѣютъ онѣ и ту же участь. И тѣ и другія пишутся сгоряча, подъ давленіемъ необоримаго чувства, точно вслѣдствіе роковой и неизбежной необходимости. Когда позднѣе случится самому прочесть ихъ, то иногда удивишься увлеченію своему, или своей заносчивости; иногда смѣешься надъ ними и, слѣдовательно, надъ собою; чаще всего, перечитывая ихъ, испытываешь въ себѣ чувство неловкости: хотѣлъ бы иное исправить, другое исключить, но поздно: написанное написано, не вырубишь его топоромъ не только на бумагѣ, но также и изъ своей жизни, а впрочемъ и хорошо, что не вырубишь. Это даетъ силу и власть слову. Теперь замерла животрепещущая нота, которая свѣжо и сильно звучала въ этой свободной рѣчи; но эта рѣчь была въ свое время искренняя и правдивая. Слѣдовательно и нынѣ сохраняетъ она правду свою, хотя уже и относительную.

«Тоже случается и со мною. Нынѣ, перечитывая хладнокровно и такъ-сказать заднимъ умомъ, мою обвинительную рѣчь ¹⁾, я, разумѣется, не вполне доволенъ ею. Но не хочу также заднимъ числомъ примѣнять ее къ теперешнимъ понятіямъ моимъ. Не хочу ни передѣлывать себя, ни переодѣвать себя по новому

¹⁾ Мы скажемъ о ней дальше; замѣтимъ здѣсь только, что это была рѣчь къ министру народнаго просвѣщенія противъ Устрялова, обвиненнаго кн. Вяземскимъ за неуваженіе къ Карамзину.

покрою. Это было бы болѣе или менѣе ложь. Остаюсь въ томъ видѣ, въ какомъ я вылилъ себя»... (II, стр. 213).

Статья, о которой идетъ рѣчь, именно изъ тѣхъ, какія способности были внушать «холодность»; кн. Вяземскій чувствовалъ это, прибавляя къ нему объяснительную приписку; но тѣмъ больше напечатаніе ея теперь можетъ сдѣлать честь его высокой правдивости.

Справедливо, что человѣкъ, даже и не такъ много прожившій, какъ кн. Вяземскій, можетъ въ своемъ прошедшемъ увидѣть себя какъ третье лицо, какъ «посторонняго»; но въ томъ и дѣло, что въ исторіи дѣянія этихъ лицъ—настоящаго и «посторонняго»—составляютъ одинъ и тотъ же фактъ, создаютъ одну репутацію и вызываютъ одно заключеніе. На кого же пенять, если въ результатъ бываетъ иногда «холодность», «вражда», «заговоръ молчанія?»

Князь Вяземскій, какъ мы сказали, является въ литературныхъ взглядахъ однимъ изъ представителей своего круга: были у него, разумѣется, личныя особенности въ складѣ характера, таланта, но по своему образованію, по своимъ вкусамъ онъ былъ именно человѣкомъ своего времени. Онъ былъ въ значительной степени «gentilhomme, воздѣлывавшій литературу», остроумный писатель. Въ самой настоящей книгѣ, въ новыхъ припискахъ къ старымъ сочиненіямъ, кн. Вяземскій хотя и заявляетъ однажды (объясняя, что изданіе его сочиненій имѣетъ нѣкоторое законное основаніе, *sa raison d'être*): «я все-таки, хорошо или худо, былъ человѣкомъ литературнымъ, ничего изъ человѣчески-литературнаго не было мнѣ чуждо»; но гораздо чаще напоминаетъ самъ о томъ, что литература была для него больше званіемъ, чѣмъ призваніемъ, что «чернилами до-пьяна онъ никогда не упивался», что ему было «не до того», что и настоящее собраніе сочиненій дѣлается не по его почину.

Не желая вовсе злоупотреблять собственными словами автора, мы, однако, можемъ воспользоваться нѣкоторыми собственными замѣчаніями кн. Вяземскаго о свойствахъ его ума, которыя дѣйствительно отразились на его литературной дѣятельности.

Въ «Автобіографическомъ введеніи» кн. Вяземскій говоритъ: «Вообще въ дѣтствѣ моемъ учился я лѣниво и разсѣянно. Во мнѣ не было никакого прилежанія и послѣ мало было усидчивости. Въ умѣ моемъ нѣтъ *свойства устойчивости*... Отца огорчала моя разсѣянность или «развлекательность»: она была еще сильнѣе лѣни моей. Впрочемъ, это была, можетъ быть, одна вѣшняя лѣнь, которая закрывала мою внутреннюю дѣятельность.

Отецъ упрекалъ меня, что когда я возьму книгу въ руки, то начну читать ее безъ разбора, то съ середины, то съ конца, и поэтому безъ толка и безъ пользы. Замѣчаніе его должно быть справедливо, потому что и позднѣе я читалъ болѣе урывками. Въ жизни моей я очень многое прочелъ, но *мало дочиталъ*. И нынѣ у меня нерѣдко двѣ-три книги перебиваютъ одна другую. Вообще, я довольно *смѣтливъ*: изъ нѣсколькихъ страницъ постигаю сущность книги, и часто отрываюсь отъ пищи не дождавшись насыщенія. Такъ можно обращаться съ романами, особенно съ нашими, и вообще съ книгами легкаго содержанія. Съ другими книгами подобное обращеніе *невыгодно*. Но я всегда предпочитаю *занятіе* труду. Это также — погрѣшность и недостатокъ»... (стр. VII—IX).

Князь Вяземскій полагаетъ, что вѣроятно еще въ дѣтствѣ стали обнаруживаться у него качества, указывавшія «наблюдательность и развитіе (позднѣйшихъ) способностей его въ упражненіяхъ литературнаго сыщика и общежитейскаго сплетника»; что онъ «былъ вообще неуступчивъ и парадоксаленъ» (стр. X).

Собирая свои воспоминанія, князь Вяземскій отказывается давать имъ какой-нибудь хронологическій порядокъ. «Выбрасываю изъ мѣшка, что попадетсѣ,—говоритъ онъ шутя. Подбираю воспоминанія свои болѣе по мастамъ. Если будетъ у меня біографъ, пусть онъ потрудится сводить и группировать года мои, какъ слѣдуетъ. А работать на него и за него не намѣренъ». Это очень понятно; но князь Вяземскій и на этотъ разъ указываетъ характеръ своего ума. «Иной умъ плотно переплетенъ въ одну книгу: страницы въ строгомъ порядкѣ слѣдуютъ одна за другою. Другіе умы худо переплетены, спиты на живую нитку, страницы перемѣшаны. Мой умъ состоитъ изъ *летучихъ листковъ*» (стр. XIV).

«Въ стихахъ и въ прозѣ, — говоритъ онъ далѣе, — у меня много неровностей, и нельзя имъ не быть. Я никогда не писалъ прилежно, постоянно; никогда *не изучалъ я систематически* языка нашего. Какъ пѣвцы самоучки, писалъ я болѣе по слуху. Писалъ я болѣе урывками подъ вдохновеніемъ или подъ осязаніемъ мысли и чувства. Писалъ я, когда что-нибудь внутреннее или внѣшнее за-живо задирало меня, когда мнѣ именно хотѣлось *сказать* или *высказать* что-нибудь, такъ или сякъ, все равно. Натура моя довольно живучая и произрастительная, но не трудолюбивая; напротивъ, трудъ *пугаетъ* ее, она сжимается подъ давленіемъ его. А *что ни говори*, трудъ есть родникъ, двигатель всякаго положительнаго успѣха и возможнаго усовер-

шенствованія... У меня литература была всегда животрепещущею склонностью, болѣе зазывомъ, нежели призваніемъ. Если и было это призваніе, то я охотно сознаюсь, что я не выдержалъ, не вполне оправдалъ его. Никогда, или такъ рѣдко, что не стоитъ упоминать того, не велъ я жизни литературной, какъ вели ее, напримѣръ, Жуковский, Пушкинъ. О Карамзинѣ уже не говорю: онъ былъ воплощенный трудъ, воплощенное терпѣніе... Къ тому же, нечего тавть, какая-то врожденная безпечность, просто лѣнь, никогда не *допускали* пера быть *постоянною принадлежностью* руки моея»... (стр. XXXIII—XXXIV).

Два-три эпизода изъ старыхъ сочиненій князя Вяземскаго, вошедшихъ въ первые два тома, и изъ новыхъ комментариевъ къ нимъ, дадутъ понятіе о томъ, въ какомъ направленіи складывались издавна литературные взгляды и приемы кн. Вяземскаго. Однимъ изъ первыхъ, если не первымъ поводомъ къ большому возбужденію его, былъ споръ объ «Исторіи» Карамзина. Князь Вяземскій былъ Карамзину близкимъ родственникомъ и величайшимъ почитателемъ его какъ писателя. Какъ извѣстно, «Исторія» при своемъ появленіи уже вызвала критическіе отзывы, гдѣ иногда проглядывало неблагопріятное, почти раздражительное отношеніе къ автору, — очень можетъ быть, что оно вызывалось и цензурной невозможностью говорить въ печати о нѣкоторыхъ сторонахъ книги. Князь Вяземскій негодовалъ на критиковъ Карамзина (въ томъ числѣ на Погодина), обвиняя ихъ въ неприличіи, въ неуваженіи къ произведенію національному; на критики онъ отвѣчалъ эпиграммами, которыя растолковывалъ частными письмами. Быть можетъ, объ стороны преувеличивали, но до сихъ поръ князь Вяземскій былъ совершенно правъ, потому что употреблялъ оружіе легальное. Это было въ концѣ двадцатыхъ годовъ.

Но онъ былъ совершенно неправъ въ другомъ случаѣ, — именно, когда возвратился къ тому же предмету въ 1836 г., въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову. Авторъ не помнитъ, достигло ли это письмо своего назначенія; онъ печатаетъ его по черновой, которая имѣетъ нѣсколько поправокъ Пушкина. Авторъ замѣчаетъ, что «Пушкинъ въ то время не только что раздѣлялъ мысли, выраженные въ письмѣ, но *настоятельно поощрялъ* къ скорѣйшему изложенію ихъ на бумагѣ и обращенію въ ходъ» (II, стр. 212).

Въ чемъ же состоятъ мысли письма къ графу Уварову — письма одного арзамасца къ другому арзамасцу? Онѣ состоятъ въ призывѣ цензурной строгости противъ людей, которые осмѣливались отзываться объ исторіи Карамзина, какъ въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ устарѣвшей. «Одна и есть у насъ книга, въ которой начала православія, самодержавія и народности облечены въ положительную дѣйствительность, освященную силою историческихъ преданій и силою высокаго таланта... Твореніе Карамзина есть единственная у насъ книга истинно государственная, народная и монархическая... А между тѣмъ, книга сія, которая естественно осуществляетъ въ себѣ тройственное начало, принятое девизомъ вашего министерства, служить по неизъяснимому противорѣчію, постоянною цѣлю обвиненій и ругательствъ (?), устремленныхъ на нее съ ученыхъ каедръ и изъ журналовъ, пропускаемыхъ цензурою... Нельзя при этомъ не пожалѣть о худомъ выборѣ цензоровъ, которые съ одной стороны раздражаютъ писателей придирчивыми стѣсненіями и часто нецѣпостью своихъ толкованій, а съ другой наносятъ общей пользѣ вредъ непростительною олошностію... Ошибочный выборъ людей есть также родъ противорѣчія правительства съ самимъ собою, который нивогда не остается безъ пагубныхъ послѣдствій. Дѣйствія нашей цензуры въ отношеніи къ критикамъ на Исторію Государства Россійскаго служатъ тому лучшимъ доказательствомъ»...

Мы упоминали сейчасъ, что однимъ изъ провинившихся противъ «Исторіи» и навлекшихъ на себя гнѣвъ князя Вяземскаго, былъ—по удивительной игрѣ случая—Погодинъ; на этотъ разъ грома падали на—Устрялова. Извѣстная литературная роль этихъ двухъ ученыхъ достаточно показываетъ, что проницательность на этотъ разъ измѣнила князю Вяземскому.

Хотя самъ кн. Вяземскій говоритъ, что диспутъ Устрялова въ университетѣ былъ «посмѣшищемъ», такъ что, очевидно, вольнодумство относительно Карамзина никакъ не грозило «пагубными послѣдствіями», — тѣмъ не менѣе Устряловъ казался опасенъ князю Вяземскому. Въ подтвержденіе своихъ опасеній онъ указываетъ рядъ давнихъ нападеній на Карамзина. Началось дѣло слѣдующимъ. «Часть молодежи нашей, увлеченная вольнодумствомъ, политическимъ суемудріемъ современнымъ и легкомысліемъ, свойственнымъ возрасту своему, замышляла въ то время несбыточное преобразование Россіи. Съ чутьемъ вѣрнымъ и проницательнымъ, она тотчасъ оцѣнила важность книги, которая была событіе, и событіе, совершенно противодѣйствующее замысламъ ея. Книга Карамзина есть непреложное и сильное свидѣтельство въ пользу Россіи, каковою содѣлало ее Провидѣніе, столѣтія, люди, событія и система правленія; а они хотѣли на развалинахъ сей Россіи воздвигнуть новую по образу и по подобию своихъ мечтаній. Медлить было нечего. Колкіе отзывы,

эпиграммы, критическія замѣчанія, предосудительныя заключенія посыпались на книгу и автора изъ среды потаеннаго судилища (?)... Обвиненія въ смыслѣ судей были основательны и рациональны. Имъ не хотѣлось самодержавія; какъ же было имъ не подкапываться подъ твореніе писателя, который чистымъ убѣжденіемъ совѣсти, глубокимъ соображеніемъ отечественныхъ событій и могуществомъ краснорѣчія довазывалъ, что мудрое самодержавіе спасло, укрѣпило и возвысило Россію». Князь Вяземскій напоминаетъ еще, что Карамзинъ писалъ тогда исторію не совершенно въ духѣ императора, и проповѣдывалъ самодержавіе, когда само правительство въ извѣстной рѣчи при открытіи польскаго сейма (1818) отрекалось, такъ сказать, отъ своихъ принциповъ.

Далѣе кн. Вяземскій напоминаетъ гр. Уварову о 14-мъ декабря (такъ что Пушкинъ сдѣлалъ противъ этого мѣста письма замѣтку: «не лишнее ли?»), пересчитываетъ другихъ противниковъ Карамзина, и во-первыхъ Лелевеля. «Въ русскомъ журналѣ явился польскій писатель Лелевель. Подъ формами (?) безпристрастія, вѣжливости и учености, началъ онъ наносить удары книгѣ Карамзина. Мнѣнія и духъ писателя сего, раскрывшіяся *послѣ*, во дни польскаго мятежа, позволяютъ намъ заключить, безъ обиды чести его, что вѣроятно не любовь къ Россіи и къ пользѣ просвѣщенія *нашего* побудила его подвизаться на поприщѣ критика» (но польза просвѣщенія *нашего* кажется должна быть *нашимъ*, а не чужимъ дѣломъ?). Затѣмъ, указана вниманію гр. Уварова дѣятельность журналовъ «Телеграфъ» и «Телескопъ». Кн. Вяземскій замѣчаетъ потомъ, что онъ «не зараженъ болѣзнію мнительности политической», и въ видѣ презрительнаго снисхожденія говорить, что изъ 20-ти примѣровъ отрицанія Карамзина отдаетъ только одну долю на неблагонамѣренность, а 19-ть на «безразсудность и упоеніе самолюбія». Тѣмъ не менѣе — «изъ несообразностей частныхъ, положимъ совершенно невинныхъ въ побужденіи своемъ, можетъ въ послѣдствіи произойти общій вредъ: на случай этой возможности правительство именно и облечено *силою* и средствами для заблаговременнаго противодѣйствія злу» (II, стр. 219). Далѣе, кн. Вяземскій напоминаетъ о Чаадаевѣ, съ которымъ произошла именно въ это время извѣстная исторія: «Историческій скептицизмъ, терпимый и даже поощряемый министерствомъ просвѣщенія, неминуемо довелъ до появленія въ печати извѣстнаго письма Чаадаева... Оно — естественный и созрѣвшій результатъ направленія, которое дано исторической нашей критикѣ. Допу-

щенное безвѣріе къ писанному (?) довело до безвѣрія къ дѣйствительному»... Конецъ письма посвященъ изобличенію Устрялова.

Смыслъ письма заключается въ томъ, что кн. Вяземскій призывалъ *силу* противъ литературы, — той литературы, о бѣдности, зачаточности которой самъ онъ множество разъ говорилъ, и давать которую еще больше — не долженъ бы былъ желать «мыслитель», каковымъ характеризуетъ князя Вяземскаго академическій биографъ.

Письмо кн. Вяземскаго — все равно, дошло ли оно до своего назначенія, или нѣтъ — даетъ намъ одно изъ яркиxъ объясненій литературныхъ взглядовъ его и его круга, и указываетъ, гдѣ была глубокая причина «холодности», на которую онъ потомъ жаловался. Письмо было безъ сомнѣнія большой ошибкой, — стало ли оно дѣйствіемъ, или оставалось только мнѣніемъ. Не будемъ говорить о томъ, отвѣчало ли достоинству писателя — обращаться къ власти съ призывомъ *силы* въ защиту своихъ вкусовъ отъ вкусовъ другихъ: вопросъ былъ обычный литературный, и дѣйствовать въ немъ было обязательно и прилично только литературными средствами, а не тѣми, которыя находятся въ распоряженіи власти. Но въ изложеніи кн. Вяземскаго были и другія ошибки.

Какія были идеи той «молодежи, увлеченной вольнодумствомъ, политическимъ суемудріемъ», когда она высказалась противъ Карамзина? кто писалъ критическія замѣчанія и эпиграммы? Дѣйствіе происходитъ въ 1818 году, или около этого. «Молодежью» былъ тотъ кружокъ, изъ котораго *позднѣе* только вышли члены Союза благоденствія и гдѣ было немало образованнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей тогдашняго молодого поколѣнія. Въ то время, о которомъ говорится, эта молодежь не думала о государственныхъ переворотахъ, но имѣла ту самую склонность къ «законно-свободнымъ» учрежденіямъ, какую имѣлъ тогда и самъ авторъ письма къ гр. Уварову (и для которой самъ онъ — для себя — находилъ много объясненій и оправданій въ «Исповѣди» 1829 г.) — кн. Вяземскій упоминаетъ, что правительство въ тѣ годы само питало эту склонность. «Критическія замѣчанія» противъ «Исторіи» изъ той поры и изъ этого круга извѣстны только однѣ: это — статья Никиты Муравьева, которая тогда не могла быть напечатана и оставалась извѣстна лишь въ дружескомъ кругѣ; статья могла быть ошибочна (тогда это нужно было доказать), но не была ни злонамѣренна, ни легкомысленна. Самыя извѣстныя и самыя *комкія* «эпиграммы» на «Исторію» писалъ — Пушкинъ, поправлявшій письмо кн. Вяземскаго къ гр. Уварову. Что поль-

скій писатель явился въ русскомъ журналѣ, это фактъ, появленіе котораго было пріятно по собственному взгляду кн. Вяземскаго на русско-польскія отношенія; что въ статьѣ польскаго писателя было «безпристрастіе, вѣжливость и ученость» — неужели это преступленіе? и такъ далѣе.

Бросается въ глаза странное противорѣчіе всего этого съ тѣми общими, очень справедливыми и сочувственными мыслями, какія тотъ же писатель высказывалъ раньше и позднѣе. — Выше замѣтили мы, что напечатаніе теперь письма къ гр. Уварову можно считать фактомъ безпристрастія автора къ самому себѣ; но прибавимъ, что въ припискѣ къ этому документу авторъ все-таки, кажется, не видѣлъ его неблагополучнаго характера: «Сущность дѣла, — говоритъ онъ, — на которую указывается въ предлагаемомъ здѣсь письмѣ, можетъ быть и не совершенно устарѣла. Болѣе или менѣе вѣрныя и справедливыя, заключающіяся въ немъ нареканія на тогдашнюю печать могутъ, если не ошибаемся, быть отчасти примѣняемы и къ новѣйшей печати». Но вѣдь *нареканія*-то совсѣмъ особенныя: развѣ и теперь нужно употребить *силу*?...

Намъ вспоминаются при этомъ собственные слова кн. Вяземскаго. «Писатель, — говорилъ онъ, — который, по званію своему, обязанъ быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ доносчикомъ на него, подобенъ сатиру, который дуется и тепломъ и холодомъ, или еще болѣе врачу, который призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ». Подобный примѣръ забвенія писателемъ своего званія кн. Вяземскій указываетъ, въ другомъ мѣстѣ, на Крыловѣ по поводу сомнительной или прямо дурной морали его басенъ: «Сочинитель и Разбойникъ», «Огородникъ и Философъ». — «Признаюсь, — говорилъ кн. Вяземскій въ припискѣ 1876 г. къ статьѣ о сочиненіяхъ Дмитріева, — по моимъ понятіямъ какъ-то неловко и неблаговидно сочинителю, то-есть поэту, выводить рядомъ на очную ставку разбойника и сочинителя, и еще съ тѣмъ, чтобы отдать преимущество разбойнику предъ сочинителемъ. Найдутся и безъ поэта люди, которые охотно выведутъ такое заключеніе и подпишутъ подобный приговоръ. Намъ, людямъ пера, не подобаетъ мирволить и потакать такимъ беспощаднымъ осужденіямъ» (I, стр. 161).

Мы упомянули сейчасъ и другой эпизодъ изъ сочиненій са-

мого кн. Вяземскаго, опровергающій его разсужденія въ письмѣ къ гр. Уварову; это—его «Исповѣдь» 1829 г. Кн. Вяземскому приходилось тогда защищать самого себя отъ обвиненій такого же рода, — идущихъ неизвѣстно откуда, говорящихъ неизвѣстно что, но что-то неблагополучное. Его самозащита (т. II, 85 — 111) очень любопытна для характеристики русскихъ нравовъ и отношеній.

Что касается до существа дѣла, т.-е. основной мысли и тенденціи «Исторіи Государства Россійскаго», — что сказать бы кн. Вяземскій, если бы увидѣлъ, что взглядъ «молодежи» двадцатыхъ годовъ, который онъ отвергъ съ такимъ презрительнымъ негодованіемъ, возвращается въ трудахъ ученыхъ, которыхъ нѣтъ уже никакой возможности обвинить ни въ легкомысліи юности, ни въ политическомъ суетумудріи — но возвращается съ той разницей, что въ тѣ годы этотъ взглядъ являлся больше какъ инстинктъ, какъ умная догадка, которая будучи въ сущности справедлива, не была однако достаточно доказана по тогдашнему положенію историческаго знанія; между тѣмъ теперь этотъ взглядъ обставленъ историческими данными и соображеніями, не оставляющими сомнѣнія въ его справедливости. Мы разумѣемъ взглядъ г. Забѣлина, изложенный имъ недавно во 2-мъ томѣ его «Исторіи русской жизни» ¹⁾: то, что по кн. Вяземскому было *народнымъ* взглядомъ Карамзина, по г. Забѣлину выходитъ нѣмецко-феодальнымъ и книжно-крѣпостническимъ, а исторически вовсе невѣрнымъ...

Въ другой разъ, когда кн. Вяземскій опять возсталъ противъ тогдашней литературы, поводомъ къ тому послужило сдѣланное тогда замѣчаніе, что у насъ есть своя «литературная аристократія»: такъ опредѣляли именно тотъ кругъ, въ которому принадлежалъ кн. Вяземскій (въ то время онъ уже разошелся съ «Телеграфомъ»). Было бы слишкомъ долго входить въ подробности этой полемики: приведемъ лишь нѣкоторыя общія мысли кн. Вяземскаго изъ статьи «о духѣ партій, о литературной аристократіи» (1830).

Кн. Вяземскій съ одной стороны желаетъ доказать, что толки о литературной аристократіи — нелѣпость; съ другой, даетъ свое толкованіе, что въ дѣйствительности эта аристократія есть только аристократія талантовъ. Но нѣкоторое высокомеріе — скажемъ даже раздраженіе, доходящее до недоброжелательства, съ какимъ онъ говоритъ обо всемъ этомъ, именно и даетъ видѣть, какую аристократію понимали ея тогдашніе противники.

¹⁾ Объ этомъ была рѣчь въ «Вѣстникѣ Европы»: ноябрь, стр. 293—294. — *Fed.*

О русской литературѣ кн. Вяземскій имѣлъ вообще весьма невысокое мнѣніе. «Литература наша ограничена такимъ малымъ числомъ дѣйствій и дѣйствующихъ лицъ, такъ еще молода, что смѣшно искать въ ней явленій литературъ обширныхъ, многолюдныхъ и достигнувшихъ зрѣлаго возраста. Извѣстное слово о буряхъ въ ставанѣ воды можетъ быть примѣнено и здѣсь. Впрочемъ, встрѣчаются такіе охотники до бурь, что они ради искать ихъ и въ ставанѣ, помня пословицу, что хорошо ловить въ *мутной водѣ*. У насъ можно опредѣлить двѣ главныя партіи, два главныхъ духа, если непремѣнно хотѣть ввести междоусобія въ домашній кругъ литературы нашей; можно даже означить ихъ двухъ родоначальниковъ: Ломоносова и Тредьяковскаго. Къ первому разряду принадлежатъ литераторы съ талантомъ, къ другому литераторы безталантные (?). Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомыслиемъ и сочувствіемъ? Мудрено ли, что Расинъ, Мольеръ, Деппрео были друзьями? Прадоны и тогда называли вѣроятно связь ихъ духомъ партіи, заговоромъ аристократическимъ. Но дѣло въ томъ, что потомство само пристало въ этой партіи и записалось въ заговорщики» (II, стр. 156—157). «И тѣ, которые у насъ болѣе другихъ говорятъ объ аристократическомъ союзѣ, будто существующемъ въ литературѣ нашей, твердо знаютъ, что этотъ союзъ не опасенъ выгодамъ ихъ, ибо не онъ занимается текущими дѣлами литературы, не онъ старается всякими происками, явными и тайными, оладѣть источниками ежедневныхъ успѣховъ... Литературной промышленности нечего по пустому заботиться и кричать о такъ-называемой аристократіи, которая *чужда* оборотовъ промышленности» (II, стр. 159). Наконецъ, кн. Вяземскій доказываетъ, что дѣйствительно русское дворянство и было образованнѣйшимъ классомъ, и странно упрекать его въ томъ, что ему равно были доступны и европейская образованность, и мѣста служебныя, и ученыя общества, что имена его встрѣчаются и въ «царскихъ указахъ, и въ журнальныхъ статьяхъ, и даже въ народныхъ альбомахъ свѣтскихъ красавицъ»...

Много лѣтъ спустя, въ 1847, кн. Вяземскій возвращается къ этому предмету; онъ снова защищаетъ аристократію и говоритъ объ ея значеніи литературномъ. «Аристократическіе салоны не помѣшали Карамзину написать 12 томовъ Исторіи; Пушкину написать въ короткое время нѣсколько превосходныхъ произведеній. Напротивъ, можетъ быть—о, ужасъ!—эти салоны способствовали развитію, разнообразію, окрѣпленію ихъ дарованій. Исключительный духъ товарищества, что-то въ родѣ замкнутаго

заведенія, съуживаетъ понятія; тутъ не себя переносишь въ среду жизни, а жизнь переносишь въ свой заколдованный кругъ... Я былъ въ сношеніяхъ со многими, едва ли не со всѣми современными литераторами нашими. Изъ впечатлѣній и слѣдовъ, оставшихся на мнѣ отъ разговоровъ съ ними, глубже и плодотворнѣе вѣдалось слышанное мною отъ Карамзина, Дмитріева, Пушкина, Баратынскаго... Въ *лучшія* (?) эпохи у насъ литературная держава переходила какъ-будто наслѣдственно изъ рукъ въ руки. На нашемъ вѣку литературное первенство долго означалось въ лицѣ Карамзина. Послѣ него олицетворилось оно въ Пушкинѣ. Въ настоящую минуту верховное мѣсто въ литературѣ нашей правдно. Наша эпоха отвѣчаетъ исторической эпохѣ нашего междуцарствія, смуть и самозванцевъ» (II, стр. 356 — 357), и т. д.

Авторъ могъ быть и былъ въ иномъ правѣ, когда полемизировалъ съ Булгариннымъ или Полевымъ, противопоставляя литературную аристократію литературной промышленности; но онъ имѣлъ не однихъ этихъ противниковъ, и вопросъ былъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ представлялъ. Начать съ того, что съ тѣхъ поръ, какъ литературная дѣятельность стала давать и матеріальное вознагражденіе, сама «аристократія» вовсе не была *чужда* этой сторонѣ дѣла: Пушкинъ былъ равнодушенъ къ цѣнѣ «рукописи»; кн. Вяземскій самъ признаетъ въ другомъ мѣстѣ (II, стр. 98), что участвуя въ «Телеграфѣ», имѣлъ въ виду — «получить нѣсколько тысячъ рублей и такимъ *оборотомъ* замѣнить недоимки въ оброкахъ съ крестьянъ, *наложеніемъ* добровольной подати на публику». То, что «аристократія» была богаче не-аристократическаго писателя, нуждавшагося въ вознагражденіи за свой трудъ, конечно, не давало ей никакого нравственнаго преимущества, ни малѣйшаго права смотрѣть свысока на оплачиваемый трудъ, — мало того, это обстоятельство могло даже уменьшать ея значеніе, потому что ея трудъ становился дилеттантизмомъ, гдѣ она ничѣмъ не жертвовала для насущныхъ интересовъ литературы, а только пріятно забавлялась, тогда какъ трудъ другого былъ трудомъ постояннымъ, профессіей, часто очень тяжелой. Эта профессія была не однимъ «оборотомъ промышленности»; она была трудной, нерѣдко опасной борьбой въ защиту самого права литературы, стремленіемъ къ какой-нибудь свободѣ мысли литературно-общественной, стремленіемъ, за которое многимъ, именно искреннѣйшимъ людямъ, приходилось дорого платиться. Этого послѣдняго всего чаще не видѣла литературная аристократія (въ «свѣтѣ» это не было «принято»), какъ

не видѣла того, что литература выросла изъ прежнихъ понятій, и прежняя «держава» дѣлалась несостоятельной по самому своему содержанію. Для «державы» наступала историческая критика. Писателямъ-«аристократамъ» казалось обыкновенно, что если въ литературѣ начинали говорить иначе о Карамзинѣ, Дмитріевѣ, даже Пушкинѣ, то это было только «невѣжество», неуваженіе къ славѣ и преданію, необузданность; они не хотѣли понять, что напротивъ, здѣсь было естественное и *необходимое* желаніе выяснитъ себѣ это преданіе, опредѣлитъ его историческую цѣну, видѣлить то, что было принадлежностью и слабостью своего времени и что было сильнымъ, самобытнымъ зерномъ. Въ самомъ дѣлѣ, «аристократы» говорили много о «преданіи», но, страннымъ образомъ, они сами всего меньше и сдѣлали для укрѣпленія этого преданія — они не написали біографіи Карамзина, какъ послѣ не написали біографіи Пушкина и Жуковского... Пушкинъ, потомъ Гоголь, признавши критическую силу Бѣлинскаго, опасались однако вступить съ нимъ въ прямое знакомство: Пушкинъ тайкомъ отъ друзей (т.-е. «аристократовъ») посылаетъ ему книги; Гоголь желаетъ тайкомъ съ нимъ видѣться... Что же это такое?

Новый случай непріятной встрѣчи съ младшими литературными новобѣйцами представила статья князя Вяземскаго: «Языковъ и Гоголь», 1847, главнымъ поводомъ въ которой были знаменитыя «Избранныя Мѣста изъ переписки съ друзьями». Не будемъ повторять извѣстныхъ подробностей; довольно сказать, что князь Вяземскій вполнѣ сталъ на сторонѣ Гоголя и къ отрицаніямъ самого Гоголя отъ новѣйшей литературы прибавилъ собственные крайне враждебные комментаріи. Нѣсколько образчиковъ объяснять мысль князя Вяземскаго. «Я всегда былъ того мнѣнія, — говоритъ онъ, — что Гоголь *самъ по себѣ* и *самъ за себя* дарованіе необыкновенное, что онъ занимаетъ свѣтлое и высокое мѣсто въ литературѣ нашей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, что какъ родоначальникъ школы, во *что хотѣли* возвести его, онъ былъ не только не у мѣста, но даже *оереденъ*. *Отдѣльный* голосъ его имѣлъ прекрасное и полезное значеніе. Но *на бѣду* сто голосовъ подтянули ему и все дѣло испортили. Рано или поздно Гоголь съ своимъ мѣткимъ и разсудительнымъ умомъ долженъ былъ это почувствовать и *опоминуться*» (II, стр. 313). Такова была странная теорія. Князь Вяземскій допускалъ высокое значеніе Гоголя такъ сказать въ четырехъ стѣнахъ, à huis clos, но когда вліяніе великаго таланта произвело могущественное дѣйствіе въ обществѣ, начало новый періодъ въ литературѣ, кн. Вяземскій отвергалъ

его, находилъ его даже *среднымъ*. Писателю позволялось доставить эстетическое (отвлеченное и индифферентное) удовольствіе (забаву) тѣсному кружку, но не позволялось никакъ, чтобы въ этому дѣйствію присоединялось широкое нравственное, общественное вліяніе... На этомъ фактѣ опять оказывалось, что «аристократическая» школа съ трудомъ понимала или не понимала совсѣмъ новыхъ движеній общества, новыхъ формъ литературы. Эти формы были фактомъ, чѣмъ дальше тѣмъ больше выроставшимъ, но школа не желала вникать въ причины новаго явленія, и только отвергала, осуждала и обвиняла его. Какъ въ письмѣ къ графу Уварову, князь Вяземскій въ обвиненіяхъ не признаётъ мѣры. Онъ представляетъ дѣло такъ, что особая партія рѣшила эксплуатировать Гоголя для какихъ-то темныхъ цѣлей. Очень извѣстно, что Гоголь пріобрѣлъ себѣ восторженныхъ поклонниковъ, между которыми были вліятельнѣйшіе писатели сороковыхъ годовъ, — восторгъ былъ совершенно искренній и совершенно естественный, потому что въ Гоголѣ дѣйствительно являлась въ нашей литературѣ новая, необычайная сила. Князь Вяземскій представляетъ дѣло въ самомъ неблагополучномъ свѣтѣ. «Въ похвалахъ (Гоголю), — говоритъ онъ, — было и такое, которое неминуемо должно бы растревожить и испугать его здравый умъ и добросовѣстность (?); его *хотѣли* поставить главою новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то *черное* (??) литературное знамя. Такимъ образомъ, съ больныхъ головъ на здоровую складывали всѣ *несообразности*, всѣ *нелѣпности*, провозглашаемыя нѣкоторыми журналами (?). На его душу и отвѣтственность обращали всѣ *иротки*, коими ознаменовались послѣдніе годы нашего литературнаго *наденія* (?). Какъ тутъ было не одуматься, не оглядѣться? Какъ писателю *честному* не осыпать головы своей пепломъ и не отказаться съ досадою отъ торжества, устроеннаго *непризванными* и *непризнанными* руками?» и проч. (II, стр. 315). Еще далѣе: «Друзья и поклонники задушили Гоголя лаврами... Онъ былъ натуры нервной, впечатлительной, легко воспримчивой. Онъ *слушался* Жуковского и Пушкина, но не хотѣлъ бы огорчить и Бѣлинскаго и школу его, *если* можно назвать ее школою. *Непризванные* хвалители, непризванные противники не умѣли спокойно одѣнать дарованіе его по достоинству» и проч. (II, стр. 331). Можно спросить: да кто же, наконецъ, *призванъ* и *кто* долженъ призывать? Здѣсь мѣрва одна: это — сила сознанія, сама возникающая изъ среды общества, и призваніе ея рѣшается тѣмъ прочнымъ нравственнымъ вліяніемъ, которое она въ этомъ обществѣ пріобрѣтаетъ. Едва ли можно усумниться, что въ сороковыхъ годахъ

такой силой былъ Бѣлинскій и — не школа, а дружескій кругъ, къ которому онъ принадлежалъ: этотъ кругъ наложилъ свою печать на тогдашнюю и дальнѣйшую литературу, и обладалъ для этого, въ разныхъ областяхъ, цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ умовъ и дарованій. Бросается въ глаза, какое собраніе неблагополучныхъ эпитетовъ направилъ князь Вяземскій на «школу», не говоря однако нигдѣ прямо и положительно, что же преступнаго сдѣлала эта «школа» и чего она хочетъ? «Черное знамя», «нелѣпости», «непривзванные» поклонники, «литературное паденіе» — все это могло послужить для какого-то неопредѣленнаго, но все-таки очень тяжелаго обвиненія, — и въ то же время не говорило ровно ничего. Дѣло разыгралось извѣстнымъ письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю, исполненнымъ реальныхъ указаній, положительныхъ и ясныхъ упрековъ, — и Гоголь не нашелся что сказать.

Князь Вяземскій полагалъ, что книга Гоголя была «нужна», какъ переломъ. «Переломъ этотъ тѣмъ колебаніе, что противодѣйствіе истекло изъ той же силы, которая невольно, но не менѣе того всеувлекательнымъ стремленіемъ, дала *пагубное* направленіе» (II, стр. 313). Вскорѣ уже оказалось однако, что надежды князя Вяземскаго на «переломъ» были столь же основательны, какъ надежда самого Гоголя (въ той же «Перепискѣ съ друзьями»), что такой переломъ произведетъ «Одиссея» Жуковскаго. Разу-мѣется, малому младенцу было бы монятно, что «Одиссея» не могла никакъ произвести такого спасительнаго дѣйствія на общество, какъ ожидать Гоголь; книга самого Гоголя — произвела впечатлѣніе, но совершенно не то, какого ждалъ онъ и его друзья. Она осталась только памятникомъ присворбнаго психологическаго настроенія великаго писателя; затѣмъ, вліянія она не имѣла ни малѣйшаго.

Въ новѣйшей «принискѣ» къ этой статьѣ князь Вяземскій остается при своемъ старомъ взглядѣ на этотъ предметъ; ему все-таки осталось чуждо, что было съ 1847 года сказано въ нашей литературѣ о значеніи дѣятельности Гоголя и ея послѣдняго періода. Одно замѣчаетъ онъ: «Какъ бы то ни было, печать наша, какъ хвалебная, такъ и порицательная, вѣроятно имѣетъ на совѣсти своей многое изъ того, что заволочло тучами послѣдніе годы жизни Гоголя, а можетъ быть и послѣдній день ея» (II, стр. 334). Но съ другой стороны можно спросить: могла ли литература, — которая въ тѣ годы была единственнымъ возможнымъ выраженіемъ общества и средствомъ его сознанія, остаться равнодушной къ тому неестественному и высокомѣрному вызову,

какой былъ сдѣланъ Гоголемъ и подтвержденъ, какъ мы видимъ теперь, его друзьями?

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно замѣтить, что отъ князя Вяземскаго вообще ускользало историческое движеніе литературы: онъ остановился на томъ ея характерѣ, какой она имѣла въ пору полного господства школы, въ которой онъ самъ принадлежалъ; новыя явленія обыкновенно были ему мало доступны, и скорѣе представлялись ему какъ своевольное нарушеніе преданія и литературнаго чинопочитанія. Ему казалось также, что на вѣку его литературныя явленія повторяются: только съ чисто-*опшней* стороны онъ видѣлъ, что и въ старину и послѣ бывали литературныя споры, бывала вражда посредственности или интриги противъ таланта; но онъ какъ-будто совсѣмъ не замѣчалъ, что между старымъ и новымъ все больше выростала внутренняя разниа и разстояніе—въ содержаніи.

Князь Вяземскій имѣлъ издавна очень невысокое мнѣніе о русской литературѣ, и высшимъ пунктомъ ея казался ему тотъ кругъ, въ средѣ котораго онъ самъ дѣйствовалъ. Кругъ этотъ въ *свое* время могъ справедливо относиться къ существовавшей *тогда* литературѣ съ чувствомъ своего превосходства — хотя можно бы и тогда пожелать, чтобы кружокъ («арзамасцы») сдѣлалъ больше для поднятія литературнаго уровня, помимо средствъ гр. Уварова. У князя Вяземскаго высокомѣрное отношеніе къ нашей литературѣ шло въ частности изъ его французскаго воспитанія: онъ выросъ, какъ и всѣ тогда, на французской литературѣ, и сравненіе съ нею русской литературы, которое онъ видимо дѣлалъ постоянно, выпадало разумѣется не въ пользу послѣдней. Съ этимъ представленіемъ о русской литературѣ кн. Вяземскій дошелъ до конца своего поприща. Но чтó однако происходило въ русской литературѣ въ теченіи этого долгаго его поприща, какъ видоизмѣнялось ея содержаніе, къ чему и подъ какими условіями она пробивалась, это, какъ мы замѣтили, осталось темно для кн. Вяземскаго, — какъ вообще оставалось темно для его круга и школы. Поэтому, даже раздѣляя, *вообще*, невысокое мнѣніе кн. Вяземскаго о русской литературѣ, невозможно согласиться съ его притворами въ частности.

Русская литература молода, — говорилъ онъ, — ограничена въ своихъ средствахъ, да и неблаговоспитанна. — Вѣрно; но слѣдуетъ добавить, что ограниченность ея средствъ зависѣла прежде всего отъ ограниченности *запасовъ* ея образованія, указываемыхъ тою или другою нормою. «Благовоспитанность» точно также порож-

дается не однимъ сословіемъ писателей, а всѣмъ характеромъ жизни; если сословіе испытывало на себѣ неблаговоспитанность другихъ сословій, низшихъ и высшихъ, то трудно невать только на него. — *Рѣдко* случается писателямъ нашимъ задѣть публику за живое, касаясь предметовъ, близкихъ къ ней, — говоритъ князь Вяземскій по поводу «Ревизора». Многіе изъ писателей нашихъ живутъ слишкомъ внѣ общества; они чужды общежитейскимъ отношеніямъ, понятіямъ, мнѣніямъ, нравственности *высшаго* круга читателей, т.-е. образованнѣйшаго; между тѣмъ не довольно положительно, добросовѣстны (?), чтобы дѣйствовать съ пользою на классы читателей, нуждающихся въ пищѣ простой, но сытой и здоровой. Они — какой-то междоумокъ въ обществѣ: они пишутъ для людей, которые ихъ не читаютъ, или не имѣютъ нужды ихъ читать (?), и слѣдовательно читаютъ равнодушно и разсѣянно, и читаются тѣми, которые не могутъ судить ихъ» (II, стр. 257—258). Нѣсколько неясно; но о высшемъ кругѣ нашемъ тѣхъ временъ достаточно извѣстно, что для него русская литература почти не существовала, что «образованнѣйшій» кругъ часто не зналъ даже русскаго языка, или смотрѣлъ на литературу съ высоты своего аристократическаго величія какъ на занятіе разночинцевъ. Эту послѣднюю точку зрѣнія даетъ понять кн. Вяземскій даже и въ своемъ литературномъ кругѣ: «Съ журналами спорить нельзя, по той же причинѣ, по которой Карамзинъ не отвѣчалъ ни на одну критику, хотя онъ и любилъ спорить. Есть люди, которые — жаркіе спорщики въ своемъ кругу и вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбивы и безотвѣтны на толкучемъ рынкѣ» (II, стр. 260). Неужели *вся* остальная литература — кромѣ «своего круга» — была толкучій рынокъ; и неужели *есть* критики на трудъ Карамзина были неблаговоспитанны? Это — или невозможно, или — означало что-нибудь больше одной «неблаговоспитанности»... Изъ тогдашней критики кн. Вяземскій дѣлаетъ комплименты только критикѣ «Наблюдателя» (авторомъ ея былъ тогда Шевыревъ) — какова была эта критика, достаточно извѣстно изъ статьи о ней Бѣлинскаго.

Свое личное чувство въ средѣ современной литературы самъ кн. Вяземскій опредѣлялъ такимъ образомъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣ есть въ литературѣ нашей почетныя личности, которыя уважаю и имѣніемъ которыхъ дорожу... Но не менѣе того, я какъ-то одинокъ въ современной литературѣ нашей. Нѣтъ уже прежнихъ спутниковъ моихъ, ровесниковъ, такъ сказать единокѣрцевъ. Нѣтъ того полнаго сочувствія, которое развилось и окрѣпло на родной почвѣ товарищества, общихъ привычекъ, по-

нѣтій, склонностей, направленій... Не могу ѡбъять къ Батюшкову, Жуковскому, Пушкину, чтобы подѣлиться съ ними свѣжимъ, только-что созрѣвшимъ, только-что сорваннымъ съ вѣтки плодомъ моей мысли, моего вдохновенія. Оцѣнка ихъ была бы и моею окончательною оцѣнкою, одобреніе ихъ было бы освѣщеніемъ моей радости. Это *одиночество*, можетъ быть, и есть поводъ къ нѣкоторому охлажденію къ самому себѣ, и можетъ быть, къ малому сочувствію и часто равнодушію къ тому, чтó у насъ пишется» (I, стр. XLVII).

И дѣйствительно, кн. Вяземскій не только равнодушенъ къ тому, чтó дѣлалось позже въ русской литературѣ, но и почти недружелюбенъ и враждебенъ. Новѣйшая литература—книгопродильная промышленность; новѣйшая критика—хуже даже Каченовскаго, Сеньковскаго и Булгарина (?), въ которыхъ все-таки была «нѣкоторая литературная основа»; изъ новыхъ писателей не названо ни одной «почетной» личности, но щедро разсыпаны огульные кваліфикации «глупости», «безсовѣстной неправды» и т. п. Да и о прежнихъ временахъ приводится такое изреченіе. «Въ старину,—говоритъ кн. Вяземскій,—любилъ я гарцовать въ чистомъ полѣ предъ непріятелями своими; нынѣ и эта охота отпала; да и прежде не самолюбіе дѣйствовало во мнѣ, а какая-то задорливость. Баратынскій говаривалъ о мнѣ, что въ моихъ полемическихъ стычкахъ напоминаю я ему старыхъ нашихъ баръ, напримѣръ, Алексѣя Орлова, который любилъ выходить съ чернью на кулачный бой» (I, стр. XLVI)...

Толстые журналы кн. Вяземскому не нравятся. «Они начали появляться и при Пушкинѣ,—замѣчаетъ онъ. Но послѣ него они, не скажу подобрѣли, а кажется еще пожирѣли. Журналы—дѣло хорошее и полезное, но при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. Журналы должны быть дополненіемъ къ литературѣ, а не могутъ быть замѣною ея. Надобно начать литературою и кончить журналистикою. У насъ журналистика стала впереди. Это—беззаконное владѣніе чужою собственностью. Это—самозванство. Журналы уми́стны и пригодны въ обществѣ уже образованномъ, зрѣло воспитанномъ на почвѣ свѣдѣній и науки... Тамъ никто не учится по журналамъ... Въ обществѣ, еще мало образованномъ, исключительное, всепоглощающее господство журналистики имѣетъ свою вредную сторону. Журналы кое-какъ бросаютъ сѣмена въ неприготовленную, неразработанную почву, даютъ огнестрѣльные оружія въ руки, не наученныя какъ ими пользоваться. Нѣтъ книгъ, которыя требуютъ усидчиваго вниманія и труда и, такъ-сказать, правильнаго и медленнаго пищеваженія. *Жадности*

читателей кидаютъ статьи, которыя они въ одинъ присѣсть, въ одинъ глотокъ проглатываютъ. Молодежь, которая сама ничего не читала кромѣ текущихъ журналовъ, пускается тоже въ журнальный коловоротъ... (II, стр. 367—368).

Что журналы должны быть дополненіемъ въ литературѣ, это совершенно вѣрно, какъ и то, что въ положеніи нашей журналистики есть слабыя стороны, указываемыя вв. Вяземскимъ. Но дѣло опять въ томъ: откуда идетъ это положеніе, и если надо кого-нибудь обвинить, то кого же?—Формы литературы опредѣляются вовсе не прихотью и произволомъ писателей и литературныхъ кружковъ. Журналистика есть явленіе всемірное, и наша литература играетъ здѣсь, сравнительно, даже довольно жалкую роль — и по числу журналовъ, и по числу читателей. Единственная особенность нашей литературы въ этомъ отношеніи есть только сравнительное обиліе *толстыхъ* журналовъ (и то максимумъ 7—8): откуда она происходитъ? Прежде всего отъ той же причины, на которую разъ мы указывали — отъ чрезвычайно слабого распространенія просвѣщенія. Довольно припомнить (и сравнить съ другими, дѣйствительно просвѣщенными народами) число нашихъ университетовъ, среднихъ и низшихъ школъ — и качество просвѣщенія, преподаваемаго въ нихъ — относительно населенія въ 80—90 милліоновъ: въ результатѣ имѣется громадная безграмотная масса, и сравнительно ничтожный слой такъ называемаго образованнаго общества, — слой, который доставляетъ и мало силъ для дѣятельности литературы и мало матеріальныхъ средствъ для ея поддержанія. Журналистика сложилась у насъ именно для средняго небольшого и небогатаго слоя читателей — потому что богатое купечество обрѣтается еще въ безграмотствѣ, богатая аристократія предпочитаетъ французскіе и англійскіе романы. Журналъ, въ сложности, даетъ очень дешево много разнообразнаго чтенія, конечно, хорошій журналъ — хорошаго, плохой — плохого чтенія. Въ европейскихъ литературахъ, *ося* образованность шире и разнообразнѣе; оттого журналистика тамъ специализировалась до чрезвычайной степени; у насъ журналъ сохраняетъ еще энциклопедическій характеръ. Много другихъ обстоятельствъ дали у насъ значеніе журналу: у насъ не было печати собственно политической, и теперешняя — мизерна, такъ что интересы политическіе остались въ числѣ общихъ вопросовъ и также вошли въ журналъ; для общественной мысли часто оставалась одна только форма и одно убѣжище въ литературной критикѣ: отсюда размноженіе этого отдѣла, отсюда — ожесточенныя полемики о вещахъ, которыя въ другой литературѣ неспособны были бы стать

предметомъ такихъ отчаянныхъ споровъ. Словомъ, между отношеніями нашей и европейской журналистики такъ мало общаго, что дѣлать прямого сравненія между ними никакъ нельзя.

Еще одна подробность. Сказавъ о томъ, что въ западной литературѣ журналъ есть правильно организованная сила, есть политическое знамя, кн. Вяземскій—совсѣмъ позабывъ время и мѣсто—нашелъ возможнымъ сдѣлать упрекъ нашимъ журналамъ. «Съ подобными журналами (т.-е. на Западѣ), отголо-сеами общества, то-есть того или другого большинства этого общества, и само общество и правительство могутъ и должны справляться, должны слѣдовать за движеніями и указаніями этихъ барометровъ. У насъ журналъ не можетъ имѣть ни того значенія, ни той важности. У насъ журналъ — не коллективная сила. У насъ первый Петръ Ивановичъ Добчинскій или Петръ Ивановичъ Бобчинскій можетъ завести журналъ, какъ завелъ бы онъ табачную лавочку... Нельзя не замѣтить еще, что журналистъ Бобчинскій, до облаченія себя въ званіе журналиста, былъ или вовсе не извѣстенъ въ уѣздѣ своемъ, или не пользовался въ немъ никакимъ авторитетомъ... Но Бобчинскій-Добчинскій сдѣлался журналистомъ, и весь уѣздъ обращается къ нему съ благоговѣніемъ или страхомъ. Онъ переродился въ наставника, проповѣдника, пророка»... (II, 369—370).

Не останавливаясь на преувеличеніи, позволительномъ въ шутку, и даже согласимся, что такихъ журналистовъ можно иногда встрѣтить. Только мы никакъ не понимаемъ, на кого метить обличенія кн. Вяземскаго, на Бобчинскихъ или кого другого,—потому что возникновеніе Бобчинскихъ въ журналистикѣ тоже вопросъ довольно сложный: нѣтъ ли особыхъ причинъ появленія ихъ въ журналистикѣ, и явленія людей другого рода?

Князю Вяземскому кажется наконецъ, что не только русская, но и французская литература, къ которой онъ былъ издавна привязанъ, какъ-то не въ порядкѣ. Нѣтъ «свободнаго, безкорыстнаго и наслѣдственнаго служенія литературѣ»,—думалъ кн. Вяземскій (въ 1847 г.). «Куда ни посмотри, въ Англіи, въ Германіи, а въ особенности во Франціи литература нынче не что иное, какъ средство и орудіе. Нѣкогда могучая и самостоятельная (?) Республика писемъ (la République des lettres) занимаетъ въ настоящее время въ статистикѣ всемірной мѣсто едва-ли не уступающее въ значеніи и силѣ республикѣ Санъ-Марино... Все, что нынѣ читается съ жадностію, развѣ это литература въ прежнемъ смыслѣ этого слова? *Священнослуженіе* обратилось болѣе или менѣе въ спекуляцію и промышленность.

Кто нынѣ пишетъ поэмы? Куда дѣвалась трагедія? Сколько различныхъ родовъ пѣтій и статей литературнаго уваженія пропало безъ вѣсти?.. Исторія, романъ, поэзія, все это перегорѣло въ политическій памфлетъ разныхъ видовъ, цѣлей и размѣровъ. Все это можетъ быть и потребность или прихоть времени. Совсе не слушать этихъ потребностей и прихотей неумѣстно и невозможно. Впрочемъ побѣдить ихъ трудно, но слѣпо прислуживать имъ и рабски повиноваться не слѣдуетъ. Во Франціи о литературѣ даже почти не упоминается. Это слово вытѣснено другимъ: la presse, т. е. печатность. Выраженіе матеріальнаго значенія замѣнило выраженіе, имѣвшее болѣе нравственное значеніе. Это не случайность... Теперь уже невозможны Вальтеръ-Скоттъ, Гёте, Байронъ, Манзони. Нѣкогда — «великіе художники держали въ рукѣ своей умы и сердца очарованнаго ими поколѣнія. Нынѣ очарованія нѣтъ. Времена чародѣевъ минули. Сила и владычество вымысла и художественности отжили свой вѣкъ. Ремесленники слова этому радуются и празднуютъ паденіе идеальныхъ предшественниковъ. Капища опустѣли, — говорятъ они: теперь на нашей улицѣ праздники...

«Желѣзные дороги частью уже упразднили, а со временемъ и окончательно упразднить бывшія путевыя сообщенія. Другія силы, другіе пары давно уже увели огнекрылатога коня, который ударомъ копыта высѣкалъ животворные потоки, утолявшіе благородную и поэтическую жажду многихъ поколѣній. Нынѣ Пегасъ — та же кляча Россинантъ, на которой развѣзжалъ рыцарь печальнаго образа, и поэтъ въ наше время едва-ли не тотъ же Донъ-Кихотъ» (II, стр. 351—353).

Оспаривать все это нѣтъ надобности. Чтобы предположенія кн. Вяземскаго оправдались, нужно было бы, чтобы изъ чело-вѣческой природы исчезла цѣлая способность — воображеніе и поэтическое чувство; но, конечно, былъ бы Донъ-Кихотомъ поэтъ, который бы серьезно вздумалъ теперь осѣдлать Пегаса.

Такимъ образомъ, князя Вяземскаго, въ позднѣйшую пору его дѣятельности, не удовлетворяла не только русская, но и цѣлая европейская литература. По крайней мѣрѣ за русскую литературу становится легче. — Біографъ кн. Вяземскаго замѣчаетъ, что «скептическій складъ его ума удерживалъ его отъ увлеченій», что онъ «не позволялъ себѣ бездоказательно и по-вально осуждать явленія, которымъ онъ рѣшительно не сочувствовалъ». Приведенныя цитаты указываютъ, напротивъ, что повальные осужденія бывали довольно изобильны. Если искать общаго основанія недовольствъ кн. Вяземскаго, оно, очевидно,

заклѣчается въ одномъ источникѣ, къ которому примыкають вообще всѣ литературныя идеи кн. Вяземскаго,—въ литературномъ преданіи и школѣ двадцатыхъ годовъ.

Намъ случалось выше противопоставлять князю Вяземскому его же собственныя слова. Такъ и эта жалоба на упадокъ литературы—не только у насъ, но и въ цѣлой Европѣ—имѣетъ свое опроверженіе въ словахъ самого князя Вяземскаго, сказанныхъ тогда, когда ему самому приходилось защищать направленіе его собственной школы отъ нападеній предшествовавшей: «Нельзя не почестъ за неповолебимую истину, — говорилъ онъ въ 1822, по поводу «Кавказскаго Цѣлнника», — что литература, какъ и все человѣческое, *подвержена измѣненіямъ*; онѣ многимъ изъ насъ могутъ быть *не по сердцу*, но отрицать ихъ невозможно или безразсудно. И нынѣ, кажется, настала эпоха подобнаго преобразованія. Но вы, милостивые государи (князь Вяземскій обращается къ тогдашнимъ литературнымъ старовѣрамъ, мнимымъ «классикамъ»), называете новый родъ чудовищнымъ потому, что почтеннѣйшій Аристотель съ преемниками вамъ ничего о немъ не говорили. Прекрасно! Такимъ образомъ, и ботаникъ долженъ почестъ уродливымъ растеніе, найденное на неизвѣстной (прежде) почвѣ, потому, что Линней не означилъ его примѣтъ; такимъ образомъ, и географъ признавать не долженъ существованія вновь открытыхъ острововъ..., потому что о нихъ не упомянуто въ землеописаніяхъ, изданныхъ за годъ до открытія. Такое разсужденіе могло бы быть основательнымъ, еслибъ природа и геній, на смѣхъ вашимъ законамъ и границамъ, не слѣдовали въ твореніяхъ своихъ однимъ вдохновеніемъ смѣлой независимости и не сбивали ежедневно съ мѣста вашихъ Геркулесовыхъ столбовъ. Жалкая неудача!...» (т. I, стр. 74; ср. стр. 130).

Идеи, какія князь Вяземскій проводилъ въ своей *критикѣ*, повторяются и въ его *поэзіи*. Упомянутый біографъ, характеризуя дѣятельность и свойство таланта князя Вяземскаго, замѣчаетъ, что онъ былъ «поэтомъ-мыслителемъ по преимуществу»: для исторической точности надо прибавить: *свѣтскимъ* мыслителемъ двадцатыхъ годовъ.

Въ изданныхъ двухъ томахъ намъ слѣдовало бы еще остановиться и на очень любопытной «Исповѣди»: но эту «Исповѣдь», равно какъ и поэзію, мы отложимъ до слѣдующаго раза, когда появятся новые томы «Полнаго Собранія».

А. В.—нѣ.

Москва.

ТРИ ПѢСНИ

I.

GONDELLIED — МЕНДЕЛЬСОНА.

Тихо, ласково колышется
Адріатикъ волна,
Въ плескъ водномъ пѣсня слышится,
Меланхолія полна....

Воздухъ полнъ благоуханіемъ,
Полнъ вѣги и тепла,
И весна своимъ дыханіемъ
Вѣетъ радостно-свѣтла.

И дворцы собой любятъ
Отражаясь въ волнахъ,
И заря горитъ, красуется,
Разливаясь въ небесахъ.

Какъ померкнетъ твердь небесная
И начнетъ сгущаться тѣнь —
О, сойди, сойди, прелестная!
Ты по мрамору ступень,

Протяни мнѣ руку вѣжную
И въ гондолу сядь со мной;
Поплывемъ мы въ даль безбрежную,
Увлеченные волной, —

Межъ рядами полумрачными
Гордыхъ мраморныхъ дворцовъ
И подъ арками прозрачными
Перекинутыхъ мостовъ —

Вдаль, гдѣ ласково колышется
Адріатики волна,
Въ плескъ водномъ пѣсня слышится,
Меланхоліи полна...

II.

ОЖИДАНИЕ.

Могучая весна природу разбудила;
Все возродилось вновь, все дышетъ и растетъ,
И солнца майскаго живительная сила
И жизнь, и красоту природѣ всей даетъ.
О, какъ бы я расцвѣтъ весны остановила,
Чтобъ милыхъ усладить весенней красотой!

Погодите,

Не спѣшите —

Милыхъ нѣтъ еще со мной!

Полураскрытая, полна благоуханья,
Въ саду моемъ густомъ колышется сирень
Отъ вѣтра легкаго и сладкаго дыханья,
И темною листвою кругомъ бросаетъ тѣнь.
Я на нее смотрю съ тоскою ожиданья:
Распустятся цвѣты съ могучей красотой!

Погодите,

Не цвѣтите —

Милыхъ нѣтъ еще со мной!

А въ рощѣ молодой, прохладной и тѣнистой,
Душистыхъ ландышей селеніе растетъ;
Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
Волшебный ароматъ далеко разольетъ.

Мѣстами ужъ цвѣты, среди травы росистой,
Сіяютъ издали жемчужной бѣлизнай.

Погодите,
Не цвѣтите —

Милыхъ нѣтъ еще со мной!

Въ прозрачной синевѣ, надъ лѣсомъ и полями,
Несутся облака причудливой толпой;
Позлащены весны веселыми лучами
Они влекутся вдаль воздушною волной,
Сверкаютъ и горятъ блестящими краями
И все плывутъ, плывутъ, мѣняя образъ свой...

Погодите,
Не свѣтите —

Милыхъ нѣтъ еще со мной!

Мерцаютъ и дрожать, въ зенитѣ зажигаясь,
Сребристые лучи созвѣдій и планетъ,
И юная луна, межъ ними возгараясь,
На землю тихо льетъ свой блѣдный, кроткій свѣтъ;
Сквозитъ она въ вѣтвяхъ и, въ рѣчнѣй отражаясь,
Играетъ лучъ ея съ прозрачною волной.

Погодите,
Не свѣтите —

Милыхъ нѣтъ еще со мной!

Роскошною весной и ночью вдохновенный
Поетъ въ моемъ саду, тоскуя, соловей;
Тамъ, гдѣ сверкаетъ прудъ, луною озаренный,
Онъ свилъ гнѣздо у водъ, среди густыхъ вѣтвей.
И звуки пѣсни той, изъ чащи благоуханной,
Несутся и дрожать, звенять въ тиши ночной.

Погодите,
Замолчите —

Милыхъ нѣтъ еще со мной!

Краса, распѣть цвѣтовъ, весны благоуханья,
И пѣсни соловья, и яркій блескъ свѣтилъ,
Украшать пусть собой блаженный часъ свиданья,
Чтобъ этотъ часъ въ себѣ все, все соединилъ!

Теперь-же пусть замретъ природа въ ожиданьи,
Со мной оживлена надеждою одной!

Погодите,
Не снѣшите —
Милыхъ нѣтъ еще со мной!

III.

* * *

Зеркальнаго пруда поверхности блестящей
Весенній вѣтерокъ крыломъ не шевелить,
И свѣтлой глубины, въ молчаньи тихо спящей,
Дыханіемъ своимъ не будить, не мутить...

На зеркалѣ воды застыло отраженье,
Какъ будто начерталъ искусною рукой
Небесъ и береговъ его изображенье
Художникъ и поэтъ на тверди водяной.

Въ душѣ моей свѣтло; но жизни дуновение
Въ ней не тревожить чувствъ и мысли не живить,
И мертвенный покой давно, безъ измѣненья,
Безстрастный, ледяной въ груди моей царить...

Въ душѣ моей навѣкъ застыло отраженье
Давно протекшихъ бѣдъ и радостей былыхъ,
И лишь минувшихъ дней живетъ изображенье,
Въ могилу превратя мнѣ міръ существъ живыхъ...

Е. А.

ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XXIV *).

Спиридонъ Федоровичъ сидѣлъ на диванѣ въ своей комнатѣ, смежной съ конторой, и держалъ на колѣняхъ подушку, съ изображеннымъ на ней головами испанцемъ. Онъ обнималъ обѣими руками своего испанца и смотрѣлъ въ потолокъ, точно силясь прозрѣть сквозь него свое будущее.

«Есть невѣста», думалъ онъ, «въ селѣ Тапасахъ у пона дочь, и хорошая невѣста, да говорятъ—привороба; оно бы, пожалуй, и ничего: все же за ней восемь тысячъ рублей монъ общасть, да за меня не хочетъ отдать,—близорукъ, говорить, очень. Ну, вотъ нашель еще какую причину уважительную!.. А то есть еще невѣста, и тоже хорошая, и очень мнѣ по душѣ,—ну, безприданница. Какъ вотъ тутъ хочешь, такъ тутъ и томись — ни туда, ни сюда. Была мнѣ по душѣ и приданого можно было добиться, а именно, вотъ нашего хозяина дочь, Марья Семеновна, по не несчастливо: съ чего дѣвушка ума лишилась — Богъ вѣдаетъ, а ума лишилась—это вѣрно. Ну, съ чего ей было отъ добраго, сытаго житія на тяжелую-то муку идти?.. А хорошая была невѣста: вѣдь худо-худо, тысячъ двадцать-пять можно бы вытянуть отъ батюшки-то! И онъ бы за меня ее отдалъ, какъ не отдать—я ему человѣкъ нужный... Да вотъ не везеть,—вотъ что хочешь, то и дѣлай, а не везеть!»

*) См. выше: ноябрь, 93 стр.

Такъ жаловался на свою судьбу Спиридонъ Ѳеодоровичъ, спустя недѣли двѣ-три послѣ отъѣзда Семена Игнатьевича на ярмарку. Время было тихое, и въ конторѣ никого постороннихъ не было.

Одиночество Спиридона Ѳеодоровича нарушилось приходомъ Петра Семеновича. Онъ явился сильно чѣмъ-то озабоченный и нахмуренный, и, войдя въ комнату, затворилъ за собой плотно двери. При входѣ его Спиридонъ Ѳеодоровичъ поспѣшно всталъ съ дивана, отодвинувъ къ сторонѣ подушку съ испанцемъ и подойдя поближе къ Петру Семеновичу, развалившемуся въ креслѣ, сѣлся яснѣе разсмотрѣть его чрезъ свои увеличительныя очки.

— Какъ?—спросилъ онъ, закладывая руки за спину.

— Не хорошо, не хорошо... Все идетъ точно подъ гору, — медленно ткнувъ слово за словомъ Петръ Семеновичъ, — какъ съ того несчастнаго дня началось, когда къ намъ этотъ проклятый Устиновъ навязался, такъ все и идетъ хуже да хуже... Таскался онъ по всему городу, вездѣ городилъ всякую чепуху. Вчера же, оказанный, въ банкъ пришелъ и сталъ просить кредита подъ обезпеченіе нашего долга. Ему говорятъ, по уставу банка нельзя выдавать деньги такими большими суммами въ однѣ руки, а онъ свое: если, говоритъ, я вамъ въ обезпеченіе представляю долгъ вашего директора, такъ отчего же нельзя? Самъ-то директоръ вашъ, говоритъ, забралъ въ банкъ болѣе шестидесяти тысячъ рублей, еще и не подъ обезпеченіе, а подъ простыя векселя, а намъ, говоритъ, и подъ обезпеченіе не дадутъ... Пилить себѣ, какъ заведенная машина, и удержу нѣтъ.

— Какъ онъ провѣдалъ все?

— Да какъ! Мало ли доброжелателей-то есть! Теперь, пока отца въ городѣ нѣтъ, и въ банкѣ-то пошелъ разладъ. Я сейчасъ оттуда. Спорать, бранятся между собой члены; сильная, видно, партія растетъ противъ отца, и, пожалуй, ему не удержаться на мѣстѣ...

— Худо!—прошепталъ, вдохнувъ, Спиридонъ Ѳеодоровичъ.

— Конечно, если съ директорскаго мѣста слетитъ, тогда съ банковскими-то векселями нельзя шутить: надо ихъ всѣ оправдать... А съ ярмарки-то какіе слухи идутъ! Вѣдь тоже не очень ладно тамъ. Теперь незаложнымъ остается только одинъ еще парокходъ...

— Худо!—повторилъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ.

— Мнѣ-то, разумѣется, что, я въ сторонѣ!—сказалъ Петръ Семеновичъ, усаживаясь поудобнѣе въ креслѣ и забрасывая ногу за ногу.

— А вамъ не вредить?—пытливо спросилъ Спиридонъ Оедоровичъ.

— Не знаю! — безопасно проговорилъ Петръ Семеновичъ и сталъ закуривать папирску.— Мое дѣло, Спиридонъ Оедоровичъ, сторона,—объяснилъ онъ, пуская струйку дыма,—«моя хата съ краю—ничего не знаю»...

— Но какъ неѣста... Знаетъ она?

Петръ Семеновичъ свосилъ глаза на Спиридона Оедоровича, и, хитро улыбаясь, спросилъ:

— Любопытно, да?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Спиридонъ Оедоровичъ, и обидчиво от-вернулся въ сторону.

— Да ужъ не сердись, Спиридонъ Оедоровичъ, такъ и быть, изволь... Скажу всю правду: неѣста на моей сторонѣ, и Ольга Ивановна тоже на моей, только вотъ самъ Павелъ Павловичъ что-то сталъ немного ѣжиться и хмуриться.

— Услыхалъ?

— Ну, что же услышать-то можетъ? Вѣдь въ сущности одна болтовня... Ну, говорятъ, говорятъ, всѣ говорятъ, а вѣдь дѣла идутъ по-прежнему, платежей не задерживаемъ... Вотъ развѣ то, что о банковскомъ кредитѣ всѣ узнали. Это, положимъ, не хорошо, можетъ повредить отцу.

Спиридонъ Оедоровичъ при этихъ послѣднихъ словахъ близко подошелъ къ Петру Семеновичу и сказалъ:

— Вы хотите отдѣлаться, что ли, когда женитесь, да?

Петръ Семеновичъ опять засмѣялся, но какимъ-то страннымъ, неестественнымъ смѣхомъ, и пылко взглянулъ на Спиридона Оедоровича.

— Какой вы, однако, Спиридонъ Оедоровичъ, любопытный.

— Я простой...—коротко отвѣтилъ Спиридонъ Оедоровичъ, поправляя очки и силясь взглянуть въ лицо Петра Семеновича.

— Простой, простой вы... Вижу я...

Спиридонъ Оедоровичъ промолчалъ, не переставая по временамъ взглядывать въ собесѣдника, занятый думами о томъ, что онъ намѣренъ предпринять послѣ женитьбы. Петръ Семеновичъ тоже молчалъ, потомъ вздохнулъ, и, оставивъ кресло, завалился снова на диванъ.

Въ это время въ дверь комнаты опять постучался мальчикъ; Спиридонъ Оедоровичъ отворилъ ему и, принявъ отъ него записку, сталъ читать ея адресъ, почти уткнувшись носомъ въ конвертъ.

— Вамъ!—сказалъ онъ, подавая записку Петру Семеновичу.

— А-а! Что бы сіе означало?..

Онъ бойко порвалъ конвертъ, бойко пробѣжалъ записку и, вспыхнувъ, вскочилъ съ дивана.

— Тамъ ждетъ посланный. Скажите, что буду.

Письмо измѣнило расположеніе духа Петра Семеновича. Теперь онъ, вмѣсто того, чтобы лѣниво валяться на диванѣ и жаловаться на то, что время медленно идетъ, бойко шагнулъ по комнатѣ, и, самъ того не замѣчая, охорашивался передъ зеркаломъ, завивалъ свои усики, одергивалъ пальто, поправлялъ галстухъ, воротнички и т. д. Спиридонъ Федоровичъ былъ въ это время вызванъ въ контору по дѣламъ и долго оставался тамъ, дѣлая съ кѣмъ-то расчетъ. Возвратившись въ свою комнату, онъ сейчасъ же, конечно, увидѣлъ, что Петръ Семеновичъ ходитъ по ней совсѣмъ другимъ человекомъ, чѣмъ былъ ранѣе.

— Хорошія вѣсти?—спросилъ онъ.

— Гм... Не разберу ничего... Для меня хорошія тѣмъ, что невѣста зоветъ, а что тамъ будетъ дальше—не знаю.

Петръ Семеновичъ еще нѣсколько разъ покрутилъ свои усики передъ зеркаломъ и ушелъ, а Спиридонъ Федоровичъ, оставшись одинъ, ринулся на диванъ со всего размаху и смѣлъ подъ себя подушку съ испанцемъ.

«Вѣдь вотъ судьба окаянная!» досадовалъ онъ: «вѣдь вотъ онъ лежебокъ, широкоромій саврасъ, а у него невѣста есть, и даже ему еще записки пишетъ! Чѣмъ же я-то хуже его, за что же меня-то, меня-то такъ бракуютъ! Вотъ женится и заживетъ въ свое удовольствіе... Но какіе-такіе у него въ головѣ планы? Отдѣлится-ли онъ хотеть отъ отца, или вступить съ нимъ въ компанію?.. Это любопытно. Если въ компанію вступить — хорошо: широко дѣло пойдетъ; тогда и мнѣ, пожалуй, жалованье прибавятъ... Вотъ тогда-то, тогда-то и невѣсту найдемъ хорошую... Гдѣ бы только ее найти? Вѣдь есть невѣсты, есть. Мало-ли ихъ?»

Онъ сѣлъ на диванъ, охвативъ опять обѣими руками подушку и смѣло направилъ потокъ своихъ мыслей въ поискахъ невѣсты.

«Гм... вотъ развѣ гдѣ попробовать—у писари—въ Челнахъ... Гм... Рабая больно, шадровита... Ну, что дѣлать!.. Однако, возвращать, тысячь семь отецъ-то дастъ, присватаюсь къ ней, ей-Богу, присватаюсь».

XXVI.

Пока Спиридонъ Федоровичъ, увлеченный потокомъ своихъ мыслей, мечталъ о невѣстахъ, Петръ Семеновичъ былъ на пути къ дому Коромыслова, и идя, удивлялся, что вызвало Людмилу Николаевну написать такое строгое ему письмо. Въ это время у Коромыслова былъ въ гостяхъ Павелъ Кузьмичъ Полозовъ. Павелъ Павловичъ сидѣлъ въ одномъ изъ угловъ залы, около рояля, и молча перебиралъ въ рукахъ какую-то тетрадку съ нотами. По залѣ бойко расхаживалъ Павелъ Кузьмичъ, сильно размахивая руками.

Коромысловы были въ родствѣ съ Полозовыми. Самъ старикъ, Кузьма Ильичъ Полозовъ, никогда не ходилъ къ Коромыслову, да и вообще онъ рѣдко гдѣ появлялся, предпочитая сидѣть дома, на страхъ своего богатства. Зато сынъ его, Павелъ Кузьмичъ, былъ большой любитель общественной жизни и втирался не только въ такіе дома, гдѣ терпѣли его присутствіе, но даже и туда, гдѣ ему явно не было мѣста. Къ Коромысловымъ онъ ходилъ, впрочемъ, рѣдко, потому что съ молчаливымъ Павломъ Павловичемъ ему было не очень-то весело сидѣть, а Ольга Ивановна и Людмила Николаевна каждый разъ при его появленіи уходили въ свои комнаты, или уѣзжали изъ дому. Такъ и теперь, узнавъ отъ прислуги о приходѣ Павла Кузьмича, онѣ платно притворили дверь изъ залы въ столовую и, такимъ образомъ, оставили Павла Павловича одного отдѣлываться отъ назойливаго гостя.

Павелъ Кузьмичъ былъ собой на умѣ и давно томился думами насчетъ того, чего хочетъ въ женить Людмилѣ Николаевнѣ. Онъ, какъ сынчикъ, присматривался ко всѣмъ угламъ дома Коромысловыхъ, отыскивая, нѣтъ ли гдѣ какой руководящей ниточки, при помощи которой можно было бы добраться до ихъ тайныхъ предположеній.

— У него, у Семена Игнатьевича, — рассказывалъ теперь Полозовъ, — дѣла всегда были нутанныя, всегда ихъ много, а толку мало... Теперь на ярмаркѣ на заводскіе товары цѣна низкая, нѣтъ продать въ убытокъ, а озабоченіе платежей видимо-невидимо... А въ банкѣ-то, знаете, теперь что у нихъ идетъ? — теперь они его еще, пожалуй, подъ судъ отдать могутъ, потому — уставъ банка нарушилъ онъ: захватилъ въ одніи руки деньгищъ машину, а мелкіе заемщики плачутъ — кредитъ, гово-

рать, намъ не даютъ... Вотъ, погодите, прѣдетъ онъ, — увидимъ, какъ онъ трахнется изъ директоровъ-то съ трескомъ!..

— Вы съ такимъ радостнымъ выраженіемъ лица объ этомъ рассказываете, Павелъ Кузьмичъ, точно въ несчастіи Иванова вамъ праздникъ, — замѣтилъ Павелъ Павловичъ, начиная опять перебирать ноты.

— Праздникъ мнѣ... Какой же?.. Праздника нѣтъ, а только онъ зазнался очень, ему наука...

— Да вамъ-то отъ этого что?

— Я не о себѣ. Я говорю о немъ, я говорю — вотъ они, наши-то богачи, бабовы... вотъ они какъ надуваютъ честной народъ: дѣлъ на миллионъ, а въ сундукъ своихъ денегъ нѣтъ...

Павелъ Павловичъ тревожно поднялся со стула, положилъ ноты и, подойдя близко къ Полозову, остановился предъ нимъ, давая знать рукою, чтобы онъ прервалъ потокъ своихъ рѣчей. Полозовъ, какъ человѣкъ уже вымученный своимъ родителемъ, скоро робѣлъ и терялся, — стоило только порѣшительнѣе съ нимъ обойтись. И теперь онъ съ-разу, при данномъ Павломъ Павловичемъ знамѣ, остановился, готовый выслушать, что онъ ему скажетъ.

— Вы, Павелъ Кузьмичъ, менѣе чѣмъ кто-либо другой имѣете право судить Семена Игнатьевича, во-первыхъ, потому, что вы — лицо самостоятельное, хотя и прожили болѣе полувѣка, но все еще до сихъ поръ купеческій сынъ, а во-вторыхъ — въ дѣйствіяхъ и поступкахъ Семена Игнатьевича я никогда не видѣлъ столько противорѣчій, сколько вижу постоянно въ вашихъ. Извините за правду.

Павелъ Павловичъ поклонился и отошелъ къ окну. Павелъ Кузьмичъ нѣсколько оробѣлъ, съѣжился, но, видя, что хозяинъ уже сѣлъ на стулъ и распевать его больше, какъ замѣтно, не хочетъ, онъ опять приободрился и сталъ оправдываться. Павелъ Павловичъ старался не слушать его и сидѣлъ, закрывъ глаза. Онъ хотѣлъ прямо сказать ему, что усталъ и просить извинить, что болѣе не можетъ продолжать бесѣды, но въ это время раздался въ прихожей звонокъ, и оба собесѣдника замолкли, ожидая появленіе гостя.

Вошелъ Петръ Семеновичъ Ивановъ, смущенный своимъ появленіемъ столько же хозяина дома, сколько и противнаго ему гостя.

— А-а! вотъ онъ кто! — обрадовался Полозовъ.

«Что это онъ, съ чего задумалъ такъ лѣзть и въ такое время! Не случилось ли что?» озабоченно подумалъ Павелъ Павловичъ.

Полозовъ въ душѣ торжествовалъ, замѣтивъ смущеніе обоихъ, и съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ, что произойдетъ далѣе. Онъ успѣлъ уже раза два бросить взглядъ на дверь столовой, ожидая, не отворится ли она и не выйдутъ ли въ залу Ольга Ивановна съ Людмилой.

— Садитесь, пожалуйста! — пригласилъ послѣ обычнаго привѣтствія Павелъ Павловичъ.

Петръ Семеновичъ молча сѣлъ, изумленный всего болѣе тѣмъ, что на него какъ-то странно смотритъ Полозовъ. Павелъ Кузьмичъ понялъ, что приглашеніе сѣсть относится вовсе не къ нему, но, замѣтивъ, что можно имъ воспользоваться, тоже сѣлъ, не переставая бросать пытливые взгляды на Петра Семеновича. Павелъ Павловичъ уже намѣревался предложить Петру Семеновичу пройти въ кабинетъ, что, по его соображеніямъ, должно было ускорить уходъ Полозова, но прежде чѣмъ онъ сказалъ объ этомъ гостю, дверь въ столовую отворилась и горничная сказала, обращаясь прямо къ Петру Семеновичу:

— Васъ барыня и барышни просятъ къ себѣ.

Петръ Семеновичъ молча всталъ и ушелъ въ столовую, дверь которой тотчасъ же за нимъ и затворилась.

Павелъ Павловичъ оказался снова въ обществѣ непріятнаго ему человѣка и сталъ жаловаться на головную боль.

Наконецъ, Полозовъ, просидѣвъ въ молчаніи еще нѣсколько минутъ, и самъ замѣтивъ, что ему пора уходить, сталъ раскланиваться, и послѣ нѣсколькихъ поклоновъ, вышмыгнувъ въ переднюю.

По улицѣ шагаль онъ болѣе веселый, чѣмъ когда-либо, — веселый именно потому, что имѣлъ въ запасѣ новыя соображенія на-счетъ Коромыслова и Иванова.

Однакожъ, по мѣрѣ приближенія къ дому, Полозовъ уменьшалъ шаги и нестесненно преобразовывался: голова его уже не вертѣлась по сторонамъ, спина нѣсколько сгорбилась, весь онъ какъ-то сжался и принялъ видъ тѣхъ странниковъ, которые такъ часто и почти исключительно составляли общество его отца. Такая перемѣна въ Павлѣ Кузьмичѣ произошла теперь потому, что онъ замѣтилъ издали фигуру своего массивнаго родителя, воссѣдавшего на скамеечкѣ у воротъ дома. Подойдя ближе, Павелъ Кузьмичъ снялъ фуражку и попросилъ у отца «ручку». Кузьма Ильичъ молчаливо протянулъ ее, молча зѣвнулъ и переверстилъ ротъ. Павелъ Кузьмичъ ждалъ вопроса, зная по многолѣтнему опыту, что самому начинать съ отцомъ разговоръ не всегда удобно: разсердится и будетъ долго ругать.

— Что пашешься, Павлушка? сидѣть бы дома... — лѣнливо замѣтилъ Кузьма Ильичъ.

— Я, тятенька, по дѣлу ходилъ.

— Какія-такія у тебя дѣла, глупый человѣкъ...

— Дѣла не такія особенныя, чтобы важныя, а такъ все-то тутъ неприятное для нашей родни, потому позаботился разузнать...

— Глупый! Какое дѣло тебѣ тамъ, коша бы къ примѣру и до родни?.. Молись непрестанно и о всемъ благодари — вотъ тебѣ дѣло... Все глѣбъ. Сказано: ежли человѣкъ, на примѣръ, въ мелкѣ, всегда въ покаяніи... аккуратно... Это вотъ хорошо! Очень довольно хорошо! А все остальное — такъ... суета... Живи ты въ Богѣ, тридцать тысячъ тебѣ оставлю въ наслѣдство...

Кузьма Ильичъ замолчалъ, зѣвнулъ, лѣнливо оглянулъ улицу въ ту и другую сторону и уставилъ свои маленькіе глазки на Павла Кузьмича, стоявшаго въ выжидательной позѣ.

— Ну, что скажешь-то?

Теперь уже Павлу Кузьмичу ясно стало, что приняло его время говорить, и онъ издалъ, робко, началъ разговоръ о Коромысловыхъ, о суммѣ приданого Людмилы Навомасовны, о близкомъ срокѣ ея совершеннолѣтія.

— Да ты это къ чему вленишь? Развѣ я безъ тебя не знаю, Павелъ? вѣдь я знаю, чай, и самъ...

— Женнхи, тятенька, больно ее одолѣваютъ. Бѣда чистая!

— Какъ не одолѣвать! Капиталь хорошій, хорошій капиталъ...

— Ну, только будетъ жаль, ежели не въ руки, — робко вставилъ Павелъ Кузьмичъ.

Кузьма Ильичъ при этихъ словахъ свернулъ на него своими бойкими глазками.

— Не тебѣ ли, дураку, ихъ дать? Ишь, ты какой!.. Ежели не въ руки?.. Знамо, досадно будетъ, ежели какой ни на еси прощальга заберется... Братъ, покойный, копилъ-копилъ, а тутъ вдругъ — на, пошелъ!.. Слышалъ, что ли, чего нехорошее? — сердито вдругъ спросилъ Кузьма Ильичъ сына.

— Слышалъ... Самъ даже видѣлъ, давно замѣчалъ... знаю, кто хочетъ подобраться...

— Ну, ну, что? Говори. Чего замолчалъ-то?

— Да вотъ нашъ сребръ... Семенъ Игнатьевичъ... Дядя сынъ...

— А-а! — потянулъ Кузьма Ильичъ и, сильно нахмурившись, добавилъ: — мудренаго нѣтъ! мудренаго нѣтъ!.. Ты говоришь, давно замѣчалъ, да?

— Да, давно ужъ...

— Дуракъ ты, дуракъ! — вдругъ, возвысивъ голосъ и начиная сердиться, заговорила Кузьма Ильичъ: — дуракъ неотесанный! Ну, чего же ты мнѣ-то не говорилъ, а? Чего ты, дубина этакая, отъ меня-то скрывалъ? Пошелъ, дуракъ, съ глазъ мои, — пошелъ, пошелъ...

Кузьма Ильичъ уже совсѣмъ разсердился и, поднявшись со скамьи, скрылся за калиткой, твердя свое: «пошелъ, пошелъ!»

— «Какой онъ еще здореватный!» — рѣшилъ Павелъ Кузьмичъ, когда колоссальная фигура его родителя скрылась за калиткой.

Въ домѣ Павла Павловича Керомислова все это время шла, можно сказать, открытая война. Она была объявлена Павлу Павловичу еще утромъ, когда онъ только занемнулъ замѣтить, что слухи, распространяющіеся въ городѣ о положеніи дѣлъ Семена Игнатьевича, заставляютъ его призадуматься на счетъ предполагаемаго брака Людмилы съ Петромъ Семеновичемъ. Съ этой собственно минуты прервались всѣ мирныя сношенія между Павломъ Павловичемъ съ одной стороны, и Ольгой Ивановной и Людмилой — съ другой. Обѣ онѣ, не задумываясь, сдѣлали рѣшительный приступъ къ Павлу Павловичу, требуя, чтобы онъ раз навсегда отказался отъ всякихъ вмѣшательствъ въ сердечныя дѣла Людмилы, и когда онъ заявилъ, что на такое требованіе согласиться не можетъ, онѣ немедленно его оставили и немедленно же Людмила Николаевна послала рѣшительное письмо къ Петру Семеновичу, строго приказывая ему явиться къ нимъ въ возможно скорѣйшемъ времени.

Проводить все-таки Павла Полозова, Павелъ Павловичъ растворилъ двери въ столовую, предполагая, что Петръ Семеновичъ сидитъ тутъ вмѣстѣ съ Ольгой Ивановной и Людмилой, но оказалось, что столовая была пуста и дверь въ комнату Ольги Ивановны плотно притворена. «Неужели они всѣ забрались туда?» — почти съ испугомъ подумать Павелъ Павловичъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ комнатѣ старушки Захаровны, сосѣдней съ комнатой Людмилы. Захаровна сидѣла въ уголѣ съ своимъ чулкомъ и молча покачивала головой, шамкая въ то же время губами.

— Захаровна! Гдѣ гости-то? — спросилъ Павелъ Павловичъ, остановившись у дверей ея комнаты.

— Ушли, бабка, обѣ ушли гулять, и гости съ собой захватили. Въ вотъ здѣсь на черной машинѣ, и зонтика нѣтъ Анна вывѣла, и гости одежду тоже. Да! Ушли...

Павлу Павловичу ослѣпало только развѣсти руками и молча удалиться въ кабинетъ, гдѣ онъ проводилъ добрыхъ полчаса и уже достаточно посмотрѣлся и въ окно, и на двери, ожидая возвращенія

жены и племянницы, но ихъ все еще не было. Часы показывали уже почти четыре, въ столовой Анна давно накрыла скатерть къ обѣду и разставила приборы. Навоонецъ-то на лѣтняцѣ послышался знакомый хохотъ Ольги Ивановны и вслѣдъ за тѣмъ дверной звонокъ немилосердно занялъ, дернутый съ нарочитымъ усиленіемъ. Павелъ Павловичъ тотчасъ же сѣрлся въ себѣ въ кабинетъ, догадываясь, что теперь выходить на встрѣчу къ возвратившимся неудобно, — онѣ подумаютъ, что онъ былъ озабоченъ ихъ отсутствіемъ.

— Анна! — раздался потомъ голосъ Ольги Ивановны, — Анна! — повторила она, спустя нѣсколько секундъ и значительно громче, съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы звуки дошли до слуха Павла Павловича: — Анна! доложи барину, что мы пришли и просимъ его обѣдать.

— Сейчасъ, — кричала Анна изъ коридора, ведущаго въ кухню, и этотъ отвѣтъ горничной и завѣдомо громкій возгласъ Ольги Ивановны не могли, конечно, не безпечнотъ Павла Павловича. Онъ тревожно всталъ изъ-за стола и направился въ столовую. За обѣдомъ Павелъ Павловичъ былъ очень удивленъ, когда услышалъ отъ Милы, что визитъ Петра Семеновича былъ вовсе не случайный, а вызванный ею личнымъ письмомъ къ нему.

— Письмомъ? — переспросилъ Павелъ Павловичъ, думая, не ослышался ли онъ.

— Да, письмомъ, моимъ письмомъ, — отвѣтила Мила, дѣлая видъ, что спокойно занимается стоящимъ передъ ней блюдомъ.

— Вотъ какъ! — тихо сказалъ Павелъ Павловичъ, внимательно смотря на Милу.

— Да, дядя, такъ! — подтвердила еще разъ Мила, уже окончившая ѣсть и вскинувшая на носъ себѣ повязку.

— Съ какого же это времени, Мила, ты съ нимъ въ перепискѣ?

— Давно уже, мѣсяца два...

— А-а-а!

Павелъ Павловичъ многозначительно протянулъ это слово и сдѣлалъ видъ, что отдастъ все свое вниманіе ѣдѣ.

— Какъ это у васъ все было, чинно и глухо! — вдругъ громко сказала Ольга Ивановна и передразнила мужа, протянувъ: — а-а-а! Ну, что это такое? Ну, въ чему эта вся комедія? Ну, гдѣ же тебѣ, гдѣ же тебѣ, Павелъ Павловичъ, командовать надъ Милой? Ну, что она тебѣ за дѣти, вѣдь ей вотъ-вотъ минеть шестнадцать лѣтъ... Знай свое дѣло, води въ порядкѣ свою оранжерею — и только!

— Ольга Ивановна! — возразилъ, пожимая плечами Павелъ Павловичъ, — здѣсь слѣдовало бы нѣсколько быть подержаннѣе!

Онъ показалъ глазами на стоявшую у дверей горничную и молча наклонился надъ своей тарелкой.

— Ахъ, сдѣлай одолженіе, Павелъ Павловичъ, оставь этотъ непріятный мнѣ тонъ, терпѣть его не могу! Будь попроще! Это къ тебѣ вовсе не идетъ... Мила! — вдругъ обратилась она къ племянницѣ, совсѣмъ уже другимъ тономъ: — хочешь еще винограду?

— Дайте, — сдержанно отвѣтила Мила, скрывая свое внутреннее волненіе.

Обѣдъ кончился молча. Мужъ и жена другъ друга не благодарили. Мила, однако-жъ, нашла нужнымъ поцѣловаться съ теткой и дядей, но цѣлуясь, не сказала ни ей, ни ему ни слова. Теперь предстояло всѣмъ тремъ разойтись по своимъ угламъ и дуться, сидя въ нихъ. Ольга Ивановна хотя и не была въ ссорѣ съ Людмилой, однако-жъ видѣла, что она очень взволнована и непремѣнно раскапризничается послѣ обѣда, если не устроится какое-нибудь развлеченіе. Во избежаніе этого, она немедленно по выходѣ изъ-за стола предложила Миѣ ѣхать кататься. Мила въ отвѣтъ молча кивнула головой, догадываясь, однако-же, что ихъ обоюдная съ Ольгой Ивановной война противъ Павла Павловича не въ концѣ, а только-что еще въ началѣ, и что собственно настоящія военныя дѣйствія должны начаться вотъ сейчасъ. Она не ошиблась, Павелъ Павловичъ, услышавъ приказаніе Ольги Ивановны, посланное чрезъ Анну кучеру, отбѣдиль его, сказавъ: «кучеръ мнѣ нуженъ, я долженъ ѣхать сейчасъ же по дѣламъ». Мила нѣсколько потупилась, подумавъ: «ну, вотъ, вотъ начинается»... Ольга Ивановна вспыхнула и громко возразила:

— Глупости! глупости, Павелъ Павловичъ, знаю, — все это съ вашей стороны глупости... Что же мы, по вашей милости, должны сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и случать? Благодарю васъ! Я вовсе этого не желаю.

Павелъ Павловичъ, стараясь не обращать вниманія на громкій говоръ жены, пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и на этотъ разъ притворилъ за собой дверь; но Ольга Ивановна не такъ была уступчива, чтобы на этомъ и прекратить сцену. Она пошла вслѣдъ за мужемъ, бойко распахнула дверь кабинета и остановилась около нея въ самоуверенной позѣ. Она ловко откинула шлейфъ платья, запутавшійся около ногъ, и ждала, что ей скажетъ Павелъ Павловичъ. Мила въ это время стояла въ залѣ

около роза и медленно перебирала однимъ пальцемъ его вышиви, досадуя въ душѣ на свою союзницу. Она хотя и вступила съ нею въ союзъ противъ Павла Павловича, но въ настоящую минуту болѣе симпатизировала ему, а не Ольгѣ Ивановнѣ. Ея открытый и рѣшительный образъ дѣйствій былъ не по-душѣ Людмилѣ, и она не только не раздѣляла его, но даже находила его совершенно безцѣльнымъ.

— Ну-съ, Павелъ Павловичъ, долго мы еще будемъ съ вами капризничать?—настойчиво приставала Ольга Ивановна:—долго?.. Да?.. Скажите же, долго?

Павелъ Павловичъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и по обыкновенію уже закрылъ глаза, въ надеждѣ, что, быть можетъ, Ольга Ивановна покричитъ, покричитъ да и уйдетъ. Но она не отставала.

— У меня голова болитъ,—тихо замѣтилъ онъ,—я бы просилъ дать мнѣ отдыхъ.

— Глупости, глупости! Очень ясно вижу ваши головные боли...—возразила она, и, снова возвысивъ голосъ, начала:—ну, скажите пожалуйста, ну, ради Бога скажите, къ чему все это?.. Ну, можно ли такъ жить: не проходить у насъ дня безъ того, чтобы не было въ домѣ ссоръ...

— Да!—со вздохомъ подтвердилъ эти слова Павелъ Павловичъ, замѣчая по бышимъ прежде примѣрамъ, что Ольга Ивановна нѣсколько «сдается».

— А изъ-за чего все? Все изъ-за судьбы Мила...

Павелъ Павловичъ тревожно поднялся со стула и вышелъ въ залу, сознавая, что и ему слѣдуетъ нѣсколько «сдаться». Мила оставила роза и пошла къ нему на встрѣчу.

— Мила,—началъ онъ,—неужели я тебѣ дурного желаю?

— Я не хочу, дядя, ни дурного, ни хорошаго,—рѣшительнымъ тономъ перебила она,—я сама себя выбрала жениха и ни за кого другого не пойду.

Павелъ Павловичъ грустно улыбнулся, сознавая въ душѣ, что ему самому предстояло бы трудное положеніе, если бы Мила избрала себя другого жениха.

— Да не о томъ, не о томъ я, Мила, моя дорогая, забочусь, не о томъ, чтобы найти тебѣ другого жениха...

— Но, дядя, въ такомъ случаѣ, въ чему же вы такъ сердито возстаете противъ него?

Павелъ Павловичъ пожалъ плечами, бросая умоляющій взглядъ на племянницу.

— Вы, женщины, всегда такъ торопливы въ заключеніяхъ и вы, Ольга Ивановна, въ особенности.

— Ахъ, пожалуйста, безъ правоученій, — отвѣтила Ольга Ивановна, помахивая на себя раздушеннымъ платкомъ.

— Я, Мила, именно хотѣлъ нѣсколько пріостановить рѣшеніе твое, для того чтобы ты могла обдумать сама и обдумать даже, если хочешь, вмѣстѣ съ Петромъ Семеновичемъ, если ужъ ты дѣйствительно избираешь его себѣ въ спутники жизни, обдумать, какъ намъ потомъ устроить свою жизнь.

— Фу, какой вы, Павелъ Павловичъ, странный! Ну, развѣ она не знаетъ сама, какъ устроить свою жизнь? Вотъ новости!

— Позвольте, Ольга Ивановна — нетерпѣливо отстранить онъ ее, — позвольте! — и сѣлъ на стулъ около окна.

— Мила! ты слышала, что рассказываютъ о дѣлахъ Семена Игнатьевича? — обратился онъ къ Людмилѣ.

— Слышала... Мнѣ даже самъ Петръ Семеновичъ говорилъ... — твердымъ голосомъ отвѣтила Мила.

Ольга Ивановна не вытерпѣла и опять встала свое бойкое слово въ ихъ разговоръ:

— Пока ты тутъ хмуришься да охаешь, мы уже все знаемъ и все обсудили...

Она повернулась къ зеркалу и произвела частную ревизію своему туалету.

— Ахъ вы, мужчина, какой вы мужчина, — ха-ха! — послала она мужу, кивая въ его сторону своей головой.

— Тѣтя! — укоризненно замѣтила Мила.

— Вотъ прелести! Ты-то еще съ чего тутъ вышниваешься? — возразила она: — развѣ я не знаю, что ему говорю...

— Ну, довольно, довольно, — морщась, перебилъ Павелъ Павловичъ и показать Милѣ рукою на стулъ около себя.

Мила молча опустила на стулъ и молча стала оправлять оборки своего красиваго платья.

— Если, Мила, ты благоразумна, то прежде всего помни, что, при всѣхъ превосходныхъ душевныхъ качествахъ Семена Игнатьевича, отца твоего будущаго мужа, онъ человекъ въ высшей степени настойчивый...

Онъ немолчалъ и потомъ добавилъ, обращаясь въ ту сторону, гдѣ стояла жена:

— У него, вы, Ольга Ивановна, ходили бы по стрункѣ.

— Воображаю! — съ пренебреженіемъ бросила Ольга Ивановна, охорашиваясь предъ зеркаломъ.

— Да, воображайте на здоровье! — замѣтилъ Павелъ Павловичъ и опять обратился къ Миѣ:

— Онъ человѣкъ въ высшей степени настойчивый...

— Но я не за него выйду замужъ, а за его сына, и до настойчивости Семена Игнатьевича мнѣ, кажется, нѣтъ никакого дѣла, — возразила съ ироническимъ оттѣнкомъ Миѣ.

— Оставь, Миѣ, этотъ тонъ. Дѣло, о которомъ я тебѣ говорю, важнѣе ироническихъ замѣчаній, — серьезно сказалъ Павелъ Павловичъ: — я старше тебя и больше знаю жизнь. Очень возможно, — продолжалъ онъ, — что Семенъ Игнатьевичъ будетъ наставлять, чтобы твой капиталъ перешелъ въ его дѣла.

— Это еще что за новости? — поспѣшно возразила Ольга Ивановна.

Павелъ Павловичъ только-что закрылъ глаза, готовясь въ обстоятельной и длинной рѣчи изложить свои мнѣнія по этому вопросу, какъ уже Людмила успѣла предупредить его намѣреніе, обратившись къ теткѣ съ недовольнымъ возгласомъ:

— Ахъ, тетя, не мѣшайте!

— Ужасно все это скучно, — отвѣтила Ольга Ивановна и стала смотрѣть въ окно. Людмила тотчасъ же обратилась лицомъ къ дядѣ и, бойко закидывая голову вверхъ, сказала ему самоувѣреннымъ тономъ:

— О капиталѣ и его будущемъ назначеніи я уже говорила съ Петромъ Семеновичемъ.

— Гм! гм! — нѣсколько замаялся онъ, чувствуя, что его поученія пожалуй-что и лишнія.

— Что же ты говорила, Миѣ? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Я, дядя, говорила съ нимъ очень откровенно... Я знаю, онъ меня любитъ, и онъ очень-очень много мнѣ рассказывалъ, и свои планы, и о своихъ отношеніяхъ къ отцу — все, все...

Павелъ Павловичъ многозначительно покашлялъ и помолчавъ.

— Хорошо! — смѣясь, сказала жена, качая головой: — хорошо!

— Что такое? — въ недоумѣніи спросилъ Павелъ Павловичъ, не желая догадаться, на что намекаетъ Ольга Ивановна.

— Ну, вотъ еще, какая простота! Пожалуйста, не притворяйтесь... Ну, что! Сердишься, хмуришься, а за что — самъ не знаешь!.. Сдѣлай одолженіе, впередъ не мѣшайся въ чужія дѣла: мы съ Милой сами знаемъ, что нужно дѣлать и какъ устроить... Ха, ха, ха! остался съ носомъ!

— Ахъ, Ольга Ивановна, позвольте!.. Какъ это все у васъ не встаетъ! — хмурясь, замѣтилъ Павелъ Павловичъ и, опять усидивъ около себя Милу, заговорилъ съ нею.

— Если ужъ между вами, Мила, такъ все ясно высказано, и объяснено, то мнѣ остается только радоваться, что всѣ мои опасенія сами собой исчезаютъ... Но во всякомъ случаѣ нужно помнить, что еще не все препятствія къ вашему браку устранены. Могутъ быть еще кое-какія задержки.

Мила надменно приподняла головку и набросила на носъ пенсне.

— Что еще можетъ быть?—спросила она.

— А дядя твой, Кузьма Ильичъ?

— Вотъ еще!—ха, ха!—засмѣялась Ольга Ивановна, останавливаясь передъ сидящими.

— Вы шутите, дядя?—тоже смѣясь, спросила Мила.

— Ни мало.

— Но чѣмъ же онъ можетъ помѣшать?

— Онъ, разумеется, существенной помѣхи вашему браку сдѣлать не можетъ, но онъ очень неблагоприятъ къ Семену Игнатьевичу, и когда узнаетъ, будетъ ворчать, можетъ быть, даже будетъ наставлять... Какъ знаешь впереди...

— Но вѣдь онъ не имѣетъ права? Вѣдь я не подъ его опекой?—тревожно спросила Мила; Павлу Павловичу вдругъ какъ-то стало жаль ее, и онъ, взявъ ее за руку, сказалъ:

— Будь спокойна, Мила, все устроится.

— Дядя!—сказала она:—не говорите больше о немъ. Онъ такой противный...

Мила встала, нагнулась къ шеѣ дяди и поцѣловала его.

— Какой вы, дядя, хорошій!

— Теперь можно, Мила, и вататься ѣхать, встала Ольга Николаевна:—Анна, Анна, Анна!—раздался по комнатамъ громкій голосъ Ольги Ивановны:—Анна, вски запречь коляску—мы ѣдемъ всѣ трое вататься.

— Какъ трое?—удивился Павелъ Павловичъ.

— Да, трое—ты, я и Мила.

— Ахъ, да!—успокоился онъ, —а я думалъ ужъ не Петръ-ли Семеновичъ...

— А что же бы въ этомъ дурного?—бойко спросила Мила, опять надменно закидывая головку вверху.

— А то и дурное, Мила, что до твоей свадьбы еще добрыхъ пять мѣсяцевъ.

— Ка-а-къ?—возвысивъ тонъ, спросила Мила.

— Да такъ же: ты еще несовершеннолѣтняя...

— А мнѣ говорилъ Петръ Семеновичъ, что можно нѣсколько ускорить срокъ...

Павелъ Павловичъ развелъ руками.

— Этого еще недоставало! Все уже узнали... Ахъ, вы, вы! — покачалъ онъ головой, смотря на Милу и Ольгу Ивановну, — пожалуйста только, пожалуйста, ради Бога, сохраните это въ тайнѣ... Все можете испортить вашими разговорами — и тогда тебѣ же, Мила, будетъ непріятно ждать.

— Дядя! Я знаю, что нужно молчать, — серьёзно отвѣтила Мила.

— Ну, конечно! Вотъ новости! Развѣ мы не знаемъ, что можно и чего нельзя... — подсказала и Ольга Ивановна, и минуту спустя опять по всѣмъ комнатамъ раздавалось: — Анна, Анна, Анна!

Поздно ночью, когда уже всё въ домѣ Коронислова спали, Ольга Ивановна сидѣла съ Павломъ Павловичемъ въ кабинетѣ, и они тихо разговаривали о своихъ отношеніяхъ къ Семену Игнатьевичу.

— Онъ сыну не врагъ, худого ему не пожелаетъ, но онъ можетъ увлечь его въ свои запутанныя дѣла, поэтому необходимо внушить какъ можно больше настойчивости Милѣ. Петръ Семеновичъ человѣкъ мягкаго характера, и отецъ всегда можетъ его увлечь.

— Ну, сдѣлай одолженіе, — перебила Ольга Ивановна, — Милу онъ не увлечетъ...

Затѣмъ разговоръ зашелъ о личныхъ дѣлахъ Павла Павловича и Ольги Ивановны.

— Неужели же мы сами ни съ чѣмъ останемся? — тихо замѣтилъ Павелъ Павловичъ: — при Милѣ мы привилимъ жить... и въ особенности вы, Ольга Ивановна, широко... Мила уйдетъ и унесетъ съ собою свои доходы.

— Да-а, — печально протянула она, — не рано-ли, поздно-ли, а необходимо же разстаться съ этимъ положеніемъ...

— Позднѣе бы лучше, — тихо подсказалъ Павелъ Павловичъ. Прошла минута молчанія.

— Если Семенъ Игнатьевичъ войдетъ... догадается или вообще узнаетъ о намѣреніяхъ сына отдѣлиться, тогда мы отъ него не получимъ болѣе ничего... — прошепталъ онъ.

— Но къ чему же ему знать? Развѣ сынъ преобладаетъ?

— Да, — вздыхая, заключилъ Павелъ Павловичъ, — будущее всегда темно... Нужно ждать терпѣливо...

Онъ еще понизилъ тонъ.

— Не проговорился-ли Петръ Семеновичъ насчетъ нашихъ полученій отъ его отца?

— Да развѣ отецъ сказать ему?—нугливо спросила Ольга Ивановна.

— Не знаю... Болѣнь былъ, можетъ и сказалъ въ болѣзни... Я бы не хотѣлъ, чтобы объ этомъ знала Мила, и вы, Ольга Ивановна, если вообще можно—разузнайте стороной.

Ольга Ивановна кивнула головкой и потомъ зѣвнула во весь ротъ.

— Пора на покой!

XXVII.

Нѣсколько дней спустя, возвратился въ Малиновскъ Семенъ Игнатьевичъ. Возвратился онъ, повидимому, спокойный и сдержанный, но не безъ боли въ сердцѣ, и эта боль, скрываемая отъ всѣхъ, по временамъ проскальзывала наружу и выражалась то нахмуренными бровями, то мрачнымъ взглядомъ, то рѣзкимъ, гнѣвнымъ словомъ. Семенъ Игнатьевичъ, однако же, старался слѣдить за собою и скрывать свое тяжелое душевное состояніе. Прежде всего, въ первые часы своего возвращенія домой досталось сосѣду, Кузьмѣ Ильичу, что «житье слонъ стопудовый—ни заботъ у него, ни горя», а потомъ, когда были приняты отъ конторщика и сына доклады по дѣламъ, весь гнѣвъ Семена Игнатьевича обрушился на Устинова.

— Я же его теперь проберу... Будетъ онъ меня помнить... пригрозилъ Семенъ Игнатьевичъ.—Сколько у насъ всего платежей по банку на сентябрь?—сердито обратился онъ къ Спиридону Ѳедоровичу, въ боязливомъ смущеніи стоявшему около кабинетныхъ дверей.

Спиридонъ Ѳедоровичъ объяснилъ. Семенъ Игнатьевичъ на минуту задумался, почесалъ въ головѣ и потомъ спросилъ о суммѣ наличной кассы по конторѣ. Отвѣтъ, данный Спиридону Ѳедоровичемъ—снова вызвалъ его на размышленія. Послѣ того, какъ приняты были имъ доклады по дѣламъ отъ сына и Спиридона Ѳедоровича, онъ усадилъ ихъ обоихъ за столъ—принять отъ него и привести въ ясность всѣ бумаги, счета и суммы по ярмамъ. Пока они сидѣли въ кабинетѣ, Семенъ Игнатьевичъ успѣлъ сѣздить въ два-три мѣста, успѣлъ повидаться съ нужными людьми и, такъ-сказать, произвести общее изслѣдованіе той почвы, на которой теперь пошатывалось многостажное зданіе его торговой и промышленной дѣятельности. Въ Малиновскѣ Семенъ Игнатьевичъ всегда чувствовалъ себя спокойнѣе

и свободнѣе, здѣсь онъ зналъ всѣхъ и каждого, такъ-сказать, съ головы до пятъ, и зналъ, кого чѣмъ можно обойти; кромѣ того, здѣсь у него значительно меньше было долговъ, чѣмъ, на примѣръ, на ярмаркѣ, въ Москвѣ или Петербургѣ. Побывавъ онъ и въ банкѣ, посмѣялся надъ Устиновской трусостью, и когда одинъ купецъ изъ партіи, желавшей столкнуть Семена Игнатьевича съ директорскаго мѣста, сказалъ ему, что «опчество» недовольно его дѣйствіями, Семенъ Игнатьевичъ небрежно бросилъ ему отвѣтъ:

— Вы не опчество, а просто купецъ, и ждите времени, когда будетъ общее собраніе.

— Оно такъ-то такъ,—растерялся замѣтившій, и растерялся не столько отъ отвѣта Семена Игнатьевича, сколько отъ единодушнаго хохота другихъ купцовъ, бывшихъ въ залѣ банка и видимо находившихся на сторонѣ Семена Игнатьевича.

Такъ, въ нѣсколько дней, Семенъ Игнатьевичъ «подтянулъ» кое-что въ своихъ дѣлахъ, касательно мнѣнія о немъ малинцевъ. Но онъ очень хорошо зналъ, что задержать платежи въ банкѣ и переписывать векселя на другіе сроки въ то время, когда предстоитъ выборъ новаго директора, рѣшительно не возможно—и позаботился, чтобы сумма для покрытія этихъ платежей была приготовлена. Когда Спиридонъ Федоровичъ, получивъ инструкцію относительно заготовленія этихъ суммъ, замѣтилъ, что на уплату долга Устинову денегъ неостанетъ—Семенъ Игнатьевичъ сухо отвѣтилъ:

— Ему платить не будемъ.

Петръ Семеновичъ, бывшій при этомъ отвѣтѣ, даже сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ и выразилъ на лицѣ полнѣйшее недоумѣніе.

— Непріятности будутъ...—робко возразилъ онъ.

— Невелики. Я вездѣ уже рассказывалъ, что нарочно платить не буду. У него не вексель; пусть на основаніи общаго-то гражданскаго судопроизводства повоюетъ: я его, приказную строку, проучу...

Пока устраивались различныя частности по торговымъ и заводскимъ дѣламъ, подмазывались гдѣ нужно части торговой многосложной машины Семена Игнатьевича, онъ успѣлъ усилить нѣсколько свою партію въ банкѣ. По этому случаю былъ у него сдѣланъ вечеръ съ картами, былъ обѣдъ, много пили, ѣли и нѣкоторые гости опять сидѣли на коврахъ лѣстницы далеко за полночь. На этотъ разъ Спиридонъ Федоровичъ даже не прибѣгалъ къ дипломатическимъ мѣрамъ, по переселенію гостей съ

ковровъ лѣстницы въ контору, а, напротивъ, угощаль ихъ съ большимъ радушіемъ и подавалъ собственноручно шампанское какъ имъ, такъ и воссѣдавшему тутъ же, вмѣстѣ съ ними, досто-почтенному хозяину дома, — Семену Игнатьевичу, голова котораго, хотя и отягченная винными парами не менѣе, чѣмъ и головы его гостей, не носила на лицѣ своемъ слѣдовъ веселья, а, напротивъ, мрачно склонялась на грудь, что, конечно, не могло быть отнесено ни къ чему иному, какъ только къ дѣйствию вина. Впрочемъ, этого мрачнаго настроенія духа замѣчать было не-жому, потому что ужъ если гости нашли болѣе удобнымъ ва-ляться по коврамъ на лѣстницѣ, чѣмъ быть въ комнатахъ, то, конечно, не было имъ ни малѣйшей надобности до того, въ ка-комъ расположеніи духа находится хозяинъ дома. Какъ извѣстно, въ этомъ періодѣ веселья мысли гостей сводятся только къ одному слову: — Выпьемъ, братъ...

И это слово произносилось теперь на лѣстницѣ дома Семена Игнатьевича до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, церковный звонъ и наступившій разсвѣтъ слѣдующаго дня не заставилъ ихъ при помощи его прислуги разѣхаться по домамъ.

Такъ угощаль Семенъ Игнатьевичъ своихъ согражданъ, уси-ливая свою партію въ банѣ, но онъ не былъ веселъ, зная, что не онъ одинъ угощаетъ, не онъ одинъ поитъ шампанскимъ «опчество»; зналъ онъ, что противоположная партія точно также, по его словамъ, «не лѣвой ногой сморкается»...

XXVIII.

Наступилъ, наконецъ, день, въ который долженъ быть рѣ-шиться вопросъ о томъ, быть или не быть Семену Игнатьевичу директоромъ малиновскаго банка. День этотъ былъ холодный и пасмурный, темныя тучи массами нависли надъ городомъ и вѣ-теръ затанулъ свою осеннюю пѣсню подъ шумъ дождя, начав-шаго хлестать съ разсвѣта дня. Семенъ Игнатьевичъ дурно спалъ ночью, раза три просыпался отъ страшныхъ сновъ, зажигалъ свѣчу и долго потомъ ходилъ по комнатѣ, стараясь успокоиться. Предъ разсвѣтомъ онъ снова проснулся, ему слышались съ улицы какіе-то дикіе вопли, точно кто-то призывалъ на помощь. Онъ носѣбно отворилъ окно, вѣтеръ и дождь съ шумомъ ворвались въ комнату, но, не обращая на нихъ вниманія, онъ все старался съвоимъ шумъ вѣтра уловить послышавшіеся ему звуки и потомъ, закрывъ окно, долго еще прислушивался, тревожимый все тѣми

же звуками, порожденными его разстроеннымъ воображеніемъ. Нельзя сказать, чтобы тревожное состояніе духа Семена Игнатьевича было вызвано только заботами о результатахъ предстоявшихъ выборовъ въ директоры. Напротивъ, собственно о выборахъ онъ старался не думать, да и что же можно было впередъ предугадать, кромѣ предположеній: можетъ быть, выберутъ, а можетъ быть, и не выберутъ. Но, намѣренно устраниаясь отъ такихъ праздныхъ предположеній, онъ невольно томился заботами о своихъ дѣлахъ, вспоминалъ суммы предстоявшихъ осеннихъ платежей, жалѣлъ о томъ, что не могъ отвязаться на-дняхъ отъ долга Устинову.

Такъ тянулась ночь. Утренній чай прошелъ молча, на-скоро. Сейчасъ же послѣ него начались въ передней звонки, приходили и уходили разные дѣловые люди, которыхъ Семенъ Игнатьевичъ то проводилъ къ себѣ въ кабинетъ, то усаживалъ въ залѣ и, разговаривая съ ними, требовалъ по временамъ къ себѣ Спиридона Феодоровича. Было уже девять часовъ. Петръ Семеновичъ въ это время только-что вставалъ съ постели и, пока онъ одѣлся, вышелъ къ чаю и напился, — Семенъ Игнатьевичъ уже переговорилъ о десятѣ разныхъ дѣлъ, устроилъ ихъ и, уже значительно успокоившійся послѣ тревожной ночи, вошелъ въ столовую.

— Ай-ай ты, Петръ, здорово спать-то! — смѣясь, отвѣтилъ онъ на привѣтствіе сына.

— Да, ничего-таки, — улыбаясь, отвѣтилъ Петръ Семеновичъ.

— Нехорошо, Петръ, — покачавъ головой, сказалъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Дѣло, батюшка, Семенъ Игнатьевичъ, молодое, — тихо замѣтила Карповна, перетирая посуду.

— Да, да, — отвѣтилъ онъ ей, собственно лишь для того, чтобы сказать что-нибудь, и потомъ обратился къ сыну:

— Окончишь чай — иди ко мнѣ...

— Да я сейчасъ допью...

Сынъ поспѣшно проглотилъ остатки чаю и поспѣшно пошелъ за отцомъ въ кабинетъ.

Тамъ, на письменномъ столѣ, лежали пачки писемъ, телеграммъ и разныхъ бумагъ, подлежащихъ рассмотрѣнію въ этотъ день, и многія изъ нихъ уже были просмотрѣны Семеномъ Игнатьевичемъ и имѣли на себѣ его отмѣтки. Войдя съ сыномъ въ кабинетъ и затворивъ за собой двери, онъ взялъ одну изъ телеграммъ и далъ ему прочитать. Телеграмма заключала въ себѣ увѣдомленіе изъ Петербурга о томъ, что въ то вѣдомство, съ которымъ Семенъ Игнатьевичъ имѣлъ дѣло по исполненію под-

ряда, назначенъ другой начальникъ, и что по этому случаю слѣдуетъ подрачнику «держать ухо востро».

Петръ Семеновичъ, молча, прочелъ телеграмму и, подавая ее отцу, ждалъ, что онъ ему скажетъ.

— Надо съѣздить, Петръ, въ Петербургъ, — сказалъ Семенъ Игнатьевичъ, кладя телеграмму на столъ.

— Такъ что же! Путь недалкій. Пароходы будутъ весь сентябрь плавать, можно успѣть не одинъ разъ туда и назадъ повернуть...

— Да такъ-то такъ, — задумчиво проговорилъ Семенъ Игнатьевичъ. Но все какъ-то теперь подошло въ одну точку — и не сообразишь, какъ тутъ быть: свадьбу-то надо бы сдѣлать поскорѣе, — прошепталъ онъ, невольно почему-то оглядываясь, — да и въ Питеръ-то надо... Непремѣнно надо, иначе, пожалуй, такъ нажмутъ, что и всему подраду капутъ будутъ.

— А что, папенька, — оживляясь, перебилъ сынъ: — если бы такъ: жениться бы мнѣ, да сейчасъ же и на пароходъ вмѣстѣ съ женой...

— Ну, гдѣ ты тамъ будешь съ дѣлами возиться: выкинешь ихъ всѣ изъ головы съ молодой-то женой... Нѣтъ, ужъ я самъ, самъ... Только бы вотъ свадьбу поскорѣй. Ахъ, — спохватился онъ, вынимая часы: — вотъ ужъ вѣдь того и гляди, надо въ банкъ... Что-то тамъ будетъ?

Сынъ молча потупился и сдѣлалъ шагъ къ окну, какъ будто интересуясь чѣмъ-то замѣченнымъ имъ на улицѣ. Для отца это движеніе сына почему-то показалось не своевременнымъ, страннымъ, несоотвѣтствующимъ важности того дѣла, о которомъ онъ упомянулъ. Занятый своими торговыми дѣлами и теперь уже почти оправившійся отъ тяжелыхъ впечатлѣній ночи, Семенъ Игнатьевичъ въ эту минуту, взглянувъ на сына, вдругъ почему-то, самъ не отдавая себѣ отчета, почувствовалъ, что его охватываетъ вновь то тяжелое душевное состояніе, отъ котораго онъ только что освободился.

— Ты чего, Петръ? — пыливо спросилъ онъ.

— Я? — я ничего, — спокойно отвѣчалъ сынъ, стараясь казаться удивленнымъ вопросомъ отца.

Семенъ Игнатьевичъ, нужно замѣтить, при всей своей пронацательности, не подозревалъ въ сынѣ того, что всякій другой — посторонній человѣкъ могъ бы видѣть при первомъ удобномъ случаѣ. Посторонній увидѣлъ бы именно потому, что онъ — посторонній, и не имѣлъ столько вѣры въ привязанность и любовь

Петра Семеновича, сколько имѣлъ ее Семенъ Игнатьевичъ, и именно эта вѣра заслоняла отъ него душевныя качества сына.

— Ты, Петръ, какъ будто что-то хотѣлъ сказать, но удержишься?—спросилъ онъ, всматриваясь въ Петра Семеновича.

Петръ Семеновичъ, чувствуя, что его положеніе становится неловкимъ, въ виду пылливо направленныхъ на него глазъ отца, искалъ что бы ему отвѣтить подходящее.

— Да,—нашелся онъ, наконецъ,—я думаю, что неуплата долга Устинову все-таки помѣха въ банкѣ... хотя, можетъ быть, и небольшая...

— Гм... гм...—задумался Семенъ Игнатьевичъ, повѣрившій этой уверткѣ сына:—нельзя было, Петръ, иначе — недостаю бы для уплаты банковскихъ векселей.

— Да,—вздыхнулъ Петръ Семеновичъ.

— Можно бы и въ Смородинскѣ еще прихватить... Но что сдѣлаю, то сдѣлаю, и нечего бросаться изъ стороны въ сторону,—рѣшительно заключилъ Семенъ Игнатьевичъ.

Тотчасъ послѣ этого, точно стараясь поскорѣе пересилить свое тяжелое душевное состояніе и какъ будто зарядившись обильнымъ запасомъ спокойствія духа, Семенъ Игнатьевичъ припалъ за дѣла, читалъ вслухъ сыну бумаги, показывалъ телеграммы, объяснялъ, давалъ порученія, призывалъ къ себѣ въ кабинетъ Спиридона Ѳеодоровича—словомъ, пошла машина своимъ полнымъ ходомъ. Вдругъ Семенъ Игнатьевичъ тревожно взглянулъ на карманные часы, и пасмурно потомъ смотря на сѣрыя свинцовыя тучи, нависшія надъ Малиновскомъ,—сказалъ сыну:

— Пора, Петръ.

Петръ Семеновичъ опять почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи и поспѣшилъ скрыть это, тоже смотря на часы.

— Да, пора: всего полчаса осталось,—подсказалъ онъ, стараясь смѣло смотрѣть на отца.

Семенъ Игнатьевичъ уже подошелъ къ кабинетной двери и уже нажалъ ея ручку, намѣреваясь выйти въ залу, но медлилъ открыть ее.

— Петръ,—сказалъ онъ, отходя отъ нея опять внутрь кабинета.

Петръ Семеновичъ даже нѣсколько вздрогнулъ, догадываясь, что отецъ вотъ-вотъ сейчасъ заговоритъ о такомъ предметѣ, о которомъ онъ вовсе не хотѣлъ ничего слышать. Онъ пугливо взглянулъ на отца, и лицо его покрылось легкимъ румянцемъ:

— Знаешь, Петръ, что если меня не выберутъ въ директоры, тогда осенніе платежи будетъ трудно оправдать.

— Выберутъ, папенька... — робко проговорилъ онъ, только лишь для того, чтобы что-нибудь сказать.

И этотъ отвѣтъ, на который онъ полагалъ такъ мало надежды, вдругъ оказался кстати: — отецъ, выслушавъ его, вздохнула полной грудью.

— Дай Богъ, — прошепталъ онъ, и теперь уже рѣшительно отворилъ дверь въ залу.

Семенъ Игнатьевичъ уѣхалъ, а Петръ Семеновичъ, оставшись одинъ въ залѣ, хотя и поправилъ, стоя передъ зеркаломъ, свои воротнички и рукавчики, но думалъ не о нихъ. Онъ, пожалуй, и былъ до нѣкоторой степени доволенъ, что ему до сихъ поръ ловко удавалось скрывать свои думы и отдѣлываться отъ рѣшительныхъ объясненій съ отцомъ по вопросу о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія станеть онъ въ нему послѣ женитьбы, но, при этомъ сознаніи довольства, онъ все-таки хорошо понималъ, что время для этихъ объясненій подходитъ все ближе и ближе, и, можетъ быть, думалъ онъ, теперь эти объясненія уже вотъ здѣсь, около этихъ дверей. «Да», думалъ онъ, «удайся отцу удержаться въ директорахъ, тогда, можетъ быть, опять на нѣкоторое время я отдѣлаюсь молчанкой или вывернусь какимъ-нибудь счастливымъ случаемъ отъ объясненій, а не удайся — пропало дѣло: сегодня же заговорить онъ объ этомъ; знаю, знаю я его, вотъ такъ прямо пристанеть съ своимъ вопросомъ... Э, да все равно, все равно», рѣшалъ онъ нѣсколько разъ, то принимаясь перебирать въ кабинетѣ бумаги, то подходя къ балкону: «все равно, если даже и въ директоры выберутъ, все равно время для объясненій придетъ...», тоскливо задумываясь онъ, и, смотря на унылое небо, задавалъ себѣ вопросъ: «а убѣжать бы?.. То-есть не то, чтобы убѣжать, а такъ, жениться, да и уѣхать, письмецо ему такое хорошее прислать: дескать, такъ и такъ, папенька, вы въ дѣлахъ, какъ хотите, сами управляйтесь, а я — покорнѣйше благодарю... Гм... гм... Вотъ давеча на счетъ Петербурга-то говорилъ: расчуденное бы дѣло — поѣхать бы съ молитвой, благословясь, въ путь, а тамъ и жди насъ: женѣ не здорвится, то да сѣ... Гм... гм... Однако все это большое, можно сказать, свиство...»

Такъ соображалъ Петръ Семеновичъ, и соображенія его въ концѣ-концовъ сводились къ тому же, въ сущности праздному, вопросу: «выберутъ отца или не выберутъ?» — и съ этимъ вопросомъ онъ ушелъ въ комнату Спиридона Ѳеодоровича.

— Какъ? — спросилъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ вошедшаго Петра Семеновича, останавливаясь передъ нимъ съ заложенными за спину руками и вперяя въ него свои широко раскрытые глаза.

Петръ Семеновичъ давно привыкъ понимать его короткіе вопросы и давно уже бросилъ всякую надежду на то, чтобы приучить его къ правильной человѣческой рѣчи, но теперь вопросъ показался ему неяснымъ.

— О чемъ вы спрашиваете? — нахмурясь, переспросилъ онъ.

— Выберутъ-ли?

— Я васъ вотъ объ этомъ же пришелъ спросить, какъ вы думаете.

Спиридонъ Оедоровичъ круто повернулся отъ Петра Семеновича и началъ молча измѣрять комнату, шагая изъ угла въ уголъ.

Въ малиновскомъ банкѣ въ это время приготовлялись къ выборамъ директора. Семенъ Игнатьевичъ самъ лично прочелъ отчетъ о дѣйствіяхъ банка за истекающій операціонный годъ, считаемый съ сентября по сентябрь, и отчетъ этотъ, напечатанный заранее въ опредѣленномъ количествѣ экземпляровъ и разосланный представителямъ малиновскаго городского общества, былъ теперь всѣми единогласно утвержденъ. Не было никакихъ возраженій, ни споровъ, ни пререканій, всѣ молча сидѣли на стульяхъ, длинные ряды которыхъ теперь были всѣ до одного заняты членами общества. Семенъ Игнатьевичъ вмѣстѣ съ другими членами правленія банка помѣщался на возвышеніи, за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ. Оглядывая по временамъ всю массу людей, занимающую теперь всю залу банка, Семенъ Игнатьевичъ думалъ, что это — какъ нынѣшній годъ они всѣ поутихли: — къ добру или худу?

По утвержденіи отчета малиновскаго банка, общество оставалось еще нѣкоторое время на своихъ мѣстахъ все въ томъ же безмолвіи, съ которымъ прослушивало отчетъ; но затѣмъ мало-по-малу всѣ стали подниматься съ своихъ мѣстъ для того, чтобы, нѣсколько поразиавшись, приступить къ выборамъ новаго директора. Кто-то изъ партіи Семена Игнатьевича, видимо, человекъ добродушный и неподозрѣвавшій, что эта тишина не сомнѣнно таитъ въ себѣ нѣчто подозрительное, хотѣлъ-было тотчасъ же по утвержденіи отчета банка крикнуть, что «желаетъ, молъ, чтобы Семенъ Игнатьевичъ былъ единогласно всѣми избранъ вноку въ директоры», но сосѣдъ, замѣтившій его порывъ, удержалъ простодушнаго человека за полъ сюртука и усадилъ опять на стулъ.

— Ты чего? — удивленно спросилъ онъ, съ упорною настойчивостью водворяемый на своемъ мѣстѣ.

— А ты чего? — переспросилъ сосѣдъ, и сердито добавилъ: — сиди знай — не наше дѣло.

— Я опчество, — прошепталъ тотъ и самъ надъ собой засмѣялся, справедливо сознавая, какое же онъ въ самомъ дѣлѣ «опчество», если у него недостаетъ рѣшимости заявить самостоятельность даже передъ такимъ же, какъ онъ самъ, безгласнымъ сосѣдомъ.

Расходясь изъ залы по другимъ комнатамъ банка, общество стало собираться группами, и говоръ дѣлался все сильнѣе; нѣкоторые изъ членовъ уже размахивали обѣими руками и громко, не стѣсняясь, что-то доказывали. Были между членами и такіе, которые уже въ достаточной степени были заражены и распространяли на значительное отъ себя пространство запахъ распивочной. Были и сдержанные, тихо, точно цѣнный бисеръ цѣдившіе слово за словомъ купцы, съ длинными расчесанными бородами, наминавшіе общимъ чертаніемъ своихъ лицъ образа суздальскаго письма. Эти молчаливые перешептывались, отходя въ сторону съ другими, подобными себѣ, но по выраженію ихъ зоркихъ глазъ, по временамъ исюса бѣгавшихъ по группамъ общества, можно было навѣрное рѣшить, что до святости имъ далеко, и что едва-ли эти члены, такъ благонаправно себя ведущіе, есть въ то же время самые безпристрастные.

Встрѣчались группы дѣйствительно свромныхъ членовъ общества, которыхъ божливые взгляды не столько направлялись на другихъ съ цѣлью любознательности, сколько на самихъ на себя, на свои сапоги, шапки, кафтаны, казавшіеся имъ достойными насмѣшекъ и обращающими на себя общее вниманіе. Эти, дѣйствительно мирные и тихіе, члены общества города Малиновска были именно тѣ мелкіе промышленники, для которыхъ существовалъ и самый банкъ, т.-е. для выдачи осудъ которымъ когда-то онъ основался, благодаря все-таки тому же Семену Игнатьевичу Иванову. Теперь этого Семена Игнатьевича разбирали тутъ же въ банкѣ, такъ-сказать, по косточкамъ, и самъ онъ, рассказывая въ это время по залѣ между стульевъ, слминялъ и видѣлъ, какъ кто-то, отчаянно размахивая руками въ сосѣдней комнатѣ, ораторствовалъ во все горло насчетъ его дѣлъ, и глаза этого оратора, налившіеся кровью, казалось, готовы были выскочить вонъ.

— Да, я знаю, — кричалъ этотъ ораторъ, — я знаю, что именно ему мы обязаны основаніемъ этого банка, это я очень хорошо знаю; но я не такъ, скажу вамъ, близорукъ, чтобы не видѣть, для чего хлопоталъ Ивановъ, когда основывалъ этотъ

банкъ. Онъ, ежели правду говорить, онъ для себя его основывалъ. Онъ, вмѣсто того, чтобы раздавать суммы мелкимъ промышленникамъ, онъ себя захватывалъ капиталъ и дѣлалъ на него обороты.

— Позвольте, это неправда! Это неправда! — крикнули разомъ нѣсколько человѣкъ.

— Нѣтъ, не неправда, — перебилъ ораторъ и еще громче закричалъ: — а вотъ то, что вы заступаетесь за Иванова — это правда, и заступаетесь потому, что у васъ, благодаря ему, тоже адѣсь заёмъ... Да!

Семенъ Игнатьевичъ отошелъ нѣсколько подальше отъ этой группы, дѣлая видъ, что занятъ другими спорами, но говорить, или, правильнѣе сказать, крикъ, былъ такъ силенъ, что еслибъ даже онъ вышелъ совсѣмъ изъ залы, то и внѣ ея невольно бы слышалъ все то, что теперь безцеремонно высказывали его враги. Было высказано не только то, что касалось Семена Игнатьевича, какъ директора банка, но и все то, о чемъ никто не имѣлъ никакого уже права говорить. Припомнили исторію его болѣзни, духовное завѣщаніе съ двумя-стами тысячъ, большіе убытки отъ хлѣба, слухи, дошедшіе о его долгахъ изъ нижегородской армарки и даже бѣгство его дочери.

Стоя въ это время около окна и стараясь какъ-будто всматриваться во что-то интересное на улицѣ, Семенъ Игнатьевичъ не проронилъ, однакоже, ни слова изъ того, что о немъ такъ безжалостно теперь высказывали, и ждалъ, что вотъ-вотъ начнутъ порицать его за намѣреніе женить сына на племянницѣ Коромыслова, но, должно быть, слухи объ этомъ еще не въ достаточной степени распространились по городу.

Между тѣмъ споры росли. Крикъ дѣлался сильнѣе, нѣсколько человѣкъ начинали говорить въ одно время, и разобрать, что они говорятъ, уже не представлялось возможности. Семенъ Игнатьевичъ и другіе члены общества справедливо, наконецъ, сознали, что чѣмъ дольше общество будетъ разгуливать по комнатамъ банка, тѣмъ сильнѣе будутъ крики и, пожалуй, дѣло зайдетъ и дальше. Въ виду этого, немедленно же было приступлено къ приглашенію общества въ избирательную залу; но оно, какъ море послѣ бури, не могло скоро успокоиться и волновалось: тутъ и тамъ слышались споры и ворчанье, и даже, въ то время, когда общество снова собралось въ залу, нѣкоторые изъ болѣе беззапѣчливыхъ членовъ, не унимаясь, продолжали высказывать свои жалобы на банковскіе безпорядки, допущенные будто бы Семеномъ Игнатьевичемъ. Эти беззапѣчливые члены принадлежали, само собой

понятно, къ противоположной ему партіи и, подъ видомъ любви къ истинѣ, горячо теперь стояли будто бы за нее, въ сущности же за свои мелкія эгоистическія цѣли. Имъ начинали возражать другіе члены изъ партіи Семена Игнатьевича, и поднимался опять шумъ, изъ котораго ничего нельзя было понять.

Началась баллотировка, и всѣ споры стихли. Молча подходили одинъ за однимъ члены къ избирательной урнѣ и, положивъ шаръ, молча отходили въ сторону. Благообразные купцы приближались къ избирательной урнѣ съ какими-то затаенными кошачьими ухватками и, положивъ шаръ, молча отходили въ сторону, поглаживая свои бороды. По ихъ благообразнымъ лицамъ нельзя было судить, къ какой партіи они принадлежатъ и можно было видѣть на нихъ только одно выраженіе, говорящее, что «моя, молъ, изба съ краю, — ничего не знаю». Другіе, болѣе откровенные, клали свои шары съ явнымъ намѣреніемъ выказать себя принадлежащими противоположной Семену Игнатьевичу партіи. Всѣ остальные, составлявшіе громадное большинство, клали свои шары съ какимъ-то испугомъ на лицахъ, и если бы ихъ въ это время попросить откровенно сказать: за или противъ положенъ ими шаръ, то всего вѣроятнѣе получился бы отвѣтъ: «не знаю — упалъ куда-то».

Баллотировка кончилась, и началось пересчитываніе шаровъ. Для Семена Игнатьевича это время показалось ужасно длиннымъ: «Выбрали или не выбрали?» думалъ онъ, и прислушивался къ счету шаровъ.

Не одинъ онъ такъ думалъ, и не для него одного это время показалось слишкомъ продолжительнымъ.

— Не выбрали! — прошепталъ онъ по окончаніи счета шаровъ, и, незамѣтно для самого себя, началъ тереть лобъ рукой.

Не обращая вниманія на баллотировку другихъ кандидатовъ, Семенъ Игнатьевичъ вынулъ потомъ часы, и, повернувшись къ сосѣду, съ натянутой улыбкой сказалъ:

— Дома щи стынутъ. Пора бы и поворнуться...

Сосѣд тоже улыбнулся притворно, очень ясно сознавая въ душѣ, насколько занятъ теперь Семенъ Игнатьевичъ обѣдомъ, и отвѣтилъ, тоже взянувшись за часы:

— Чтѣ дѣлать, надо обществу повиноваться...

И потомъ, когда кончилась баллотировка, и когда Семенъ Игнатьевичъ вышелъ изъ банка, отправляясь домой, на выраженію его мрачнаго лица видно было, насколько легче ему это повинованіе обществу, такъ безжалостно теперь разбиившему его надежды.

Вѣтеръ уныло завывалъ, бросая прямо въ лицо Семена Игнатьевича брызги дождя, рысая его сердито храпѣль, видая грязь на крыльяхъ дрожжекъ; прохожіе, встрѣчавшіеся ему на пути, снимали шапки, но ничего этого Семенъ Игнатьевичъ не видѣлъ: мысли его теперь сосредоточивались на одномъ предметѣ — жемчужинѣ сына.

XXIX.

— Глупости! Глупости! Нѣчего объ этомъ и разговаривать... Все это совершенныя глупости, Павелъ Павловичъ! — сердито шептала Ольга Ивановна, сидя въ кабинетѣ мужа и любяся каблучками своихъ новыхъ ботинокъ.

Павелъ Павловичъ, расположившись по обыкновенію въ креслѣ и спокойно уложивъ на его бока свои руки съ локтями, медленно о чемъ-то говорилъ; Ольга Ивановна не обращала на его рѣчи никакого вниманія и не переставала смотрѣть на каблучки ботинокъ, — поочередно, то на одинъ, то на другой.

— Глупости! глупости, Павелъ Павловичъ! — повторила она опять послѣ того, какъ вдоволь налюбовалась своими ботинками: — а я вамъ вотъ чтó скажу, — начала она уже совершенно другимъ тономъ и близко подсаживаясь къ мужу: — если бы Семенъ Игнатьевичъ остался директоромъ въ банкѣ, то было бы гораздо труднѣе съ нимъ справиться сыну... А теперь навѣрное онъ потихнѣе немножко, дѣ.

Павелъ Павловичъ покачалъ головой.

— Какъ это у васъ, Ольга Ивановна, все скоро!..

— Ахъ, пожалуйста, безъ этого тона! — поспѣшно перебила она, уже вскакивая съ своего мѣста, — пожалуйста: я не выношу этого... Понимаете, я не выношу!..

Павелъ Павловичъ, нѣсколько встревоженный ея быстрымъ движеніемъ, торопливо показывалъ ей рукою на стулъ и нѣсколько разъ прошепталъ: — тише, ну, ради Бога поговорите, какъ слѣдуетъ... Какъ это у васъ все нехорошо!

— Какъ это у васъ все нехорошо! — передразнила она шепотомъ и, усѣвшись на прежнее мѣсто, сказала: — у васъ все хорошо, всегда, всегда... Умники!..

— Позвольте, — отстранился онъ рукою отъ ея намѣренія потрепать его по щекѣ, но она все-таки его потрепала, прошептала: «глупенькій мой замухрышка!»

— Позвольте же, Ольга Ивановна, — продолжалъ онъ, — позвольте: дѣло серьезное, и нельзя же такъ къ нему относиться.

У Ольги Ивановны были свои виды на Павла Павловича: она замѣтила, что онъ опять начинать колебаться на счетъ предстоявшаго брака Людмилы съ Петромъ Семеновичемъ, и старалась возстановить въ направленіи его мыслей соотвѣтствующій ей цѣлямъ порядокъ. Ольга Ивановна знала очень хорошо, какъ нужно дѣйствовать на Павла Павловича: когда плакать, когда раскапризничаться до оглушенія его звуками дверного звонка; теперь же, въ описываемыя минуты, былъ періодъ ласкъ, при помощи которыхъ она рассчитывала добиться своихъ цѣлей.

Павелъ Павловичъ былъ встревоженъ, во-первыхъ, тѣмъ, что Семену Игнатьевичу не удалось остаться директоромъ малиновскаго банка, во-вторыхъ, что приближился уже тотъ рѣшительный день, въ который предстояло разъ навсегда покончить вопросъ о бракѣ Людмилы съ Петромъ Семеновичемъ. Оба эти обстоятельства были почему-то въ тѣсной связи для Павла Павловича, хотя навѣрное можно сказать, что на вопросъ, въ чемъ заключается эта тѣсная связь, Павелъ Павловичъ затруднился бы отвѣтить. Связь, конечно, могла быть, если бы между Петромъ Семеновичемъ и его отцомъ существовали близкія отношенія; но отношеній такихъ не было, и объ этомъ давно знали Павелъ Павловичъ, однако же, и зная, онъ все-таки колебался, охалъ, жмурился глаза и шептался съ женой.

— Но скажи ты мнѣ пожалуйста, что ты еще колеблешься? вѣдь ужъ невозможно повернуться назадъ...

— Оно такъ-то та-а-а-а, а все что-то... томительно и даже какъ-то будто совѣстно...

— Что совѣстно? кого совѣстно? — приставала Ольга Ивановна и тормошила Павла Павловича за рукавъ, имѣя въ виду получить отъ него рѣшительное слово о томъ, что завтра съ утра все будетъ приготовлено къ отъѣзду ихъ въ сосѣднее село, чтобы вечеромъ обвинять Петра Семеновича съ Людмилой.

— Ты рассуди самъ, ты только вдумайся: какого ей еще мужа надо: смиренъ, какъ барашекъ, не умничаешь, мнѣній собственныхъ не имѣешь, молодецъ, хорошъ собою... Ну, что еще, что еще ей надо лучше?

Красивые глаза Ольги Ивановны прыгали во всѣ стороны, искрились и, казалось, рвались изъ орбитъ, а Павелъ Павловичъ только сидѣлъ да слушалъ и вздыхалъ.

— Все это, Ольга Ивановна, конечно, правда... Но вѣдь вотъ самый этотъ фактъ, что мы готовимся ее обвинять при такой странной обстановкѣ, самый этотъ фактъ меня томить

и безпокоить... Вѣдь мы точно крадучись хотимъ все это сдѣлать, да!

— Да пойми ты, наконецъ, къ чему весь этотъ разговоръ нашъ съ тобой, когда уже возврата нѣтъ! — заключила она, подходя къ своему любимому мѣсту — у зеркала.

Павель Павловичъ тоже всталъ и близко подошелъ къ ней.

— Знаешь, — прошепталъ онъ: — мнѣ, признаюсь, немножко совѣстно противъ Семена Игнатьевича...

— Это еще что? — удивленно перебила она.

— Какъ что? Онъ такъ много... тратить, такъ убѣжденъ теперь...

— Э-э! — протянула она: — что ты выдумалъ... Вотъ еще новости! Вѣдь за его же сына Мила выходить... Не за другого кого! Глушость! Вымени ты ихъ, пожалуйста, изъ головы. Какъ тебѣ не стыдно говорить!

— Но все-таки, Ольга Ивановна, я скажу вамъ, что завтра нельзя свадьбу дѣлать...

— Это еще что?.. Все готово, и вчера еще Петръ Семеновичъ говорилъ, что больше нѣтъ никакихъ препятствій и въ консисторіи все сдѣлано, что нужно и у священника — словомъ, дѣло чисто... Людмила родилась раньше полугодомъ...

— Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вѣнчать въ селѣ? — задумчиво спросилъ Павель Павловичъ.

— Нѣтъ, это, наконецъ, нестерпимо! — почти вскрикнула Ольга Ивановна и, моментально распахнувъ двери кабинета, закричала громкимъ, высокимъ сопрано: — Людмила! Людмила! Иди сюда скорѣе!

— Сейча-ась! — раздался отвѣтный визгъ, и Людмила скоро появилась у дверей кабинета.

— Что, тѣтя? — удивленно спросила она, смотря то на Ольгу Ивановну, то на Павла Павловича.

— Ничего! Вотъ полюбуйся... Видишь? хорошъ?

Она протянула указательный палецъ по направленію къ креслу, на которомъ теперь опять усѣлся Павель Павловичъ, и, не дождавшись, что на эти слова отвѣтитъ онъ или Людмила, быстро подошла къ нему и стала грозить пальцемъ предъ самымъ его носомъ.

— Ужъ я бы тебя!.. Только вотъ жаль: такой ты у меня слабенькій!..

— Да, что такое тутъ у васъ, тѣтя, произошло? — недоумѣвала Мила.

— Вотъ спроси!.. Ну, что же молчите? — обратилась Ольга Ивановна къ мужу: что-жъ притихли? Ха, ха, ха!

Павелъ Павловичъ не зналъ, какъ себя вести — сердиться ли, смѣяться ли, и предпочелъ лучше всего прибѣгнуть къ своему давно испытанному средству: онъ закрылъ глаза и молчалъ.

— Сказать, Павелъ Павловичъ, да? Сказать? — приставала Ольга Ивановна.

— Сказать! — проговорилъ онъ, наконецъ, открывая глаза.

— Ну, такъ слушай, Мила, — обратилась къ ней Ольга Ивановна, — слушай... Садись вотъ здѣсь, на кушетку, садись... — приглашала Ольга Ивановна... — Ты уже не дитя, сама можешь понимать, что хорошо, что дурно... и дурно-ли, напримѣръ, что твой дядя, тихинскій и смиренскій, хочетъ рѣшительно возстать противъ твоего намѣренія выйти замужъ за Петра Семеновича Иванова.

— Что такое? что такое? — удивленно спросила Мила, наклонивъ на глаза пѣнсю.

— Ха-ха-ха, — залилась на весь домъ Ольга Ивановна.

— Что за шутки, тѣтя?

— Я не шучу, Мила, ей-Богу не шучу. Вотъ онъ самъ, пусть онъ самъ скажетъ.

И, не обращая болѣе вниманія ни на Павла Павловича, ни на племянницу, Ольга Ивановна занялась собою передъ зеркаломъ.

Павелъ Павловичъ, усадивъ около себя Милу, опять затаилъ старую исторію, но на этотъ разъ ему не пришлось долго говорить съ ней въ поучительномъ тонѣ — и потому, во-первыхъ, что она перебивала его почти на каждомъ словѣ, а во-вторыхъ, и самъ онъ сознавалъ, что говорить нешвѣстно для чего. По правдѣ говоря, полезнаго для Милы во всемъ этомъ было только одно — совѣтъ Павла Павловича не давать денегъ не только отцу Петра Семеновича, но и ему самому.

— Ты, Мила, знай разъ навсегда, что капиталъ твой и на него никто, никто не имѣетъ права, кромѣ тебя: какъ хочешь, такъ имъ сама и распоряжайся.

— Ахъ, все это ужасно, ужасно скучно! — перебила, наконецъ, Ольга Ивановна.

— Вотъ то-то и есть, Ольга Ивановна, вотъ, когда вамъ надобность въ деньгахъ, тогда...

— Пожалуйста, пожалуйста! — быстро возразила она, подбѣгая къ самому лицу мужа: — пожалуйста!

И опять погрозила ему пальцемъ.

Но это, наконецъ, показалось Павлу Павловичу обиднымъ. Онъ бодро выпрямился во весь свой небольшой ростъ, надменно приподнял голову, подобно тому, какъ это часто дѣлывала Мила и, остановившись въ такой позѣ, проговорилъ съ сдержаннымъ гнѣвомъ:

— Ольга Ивановна, прошу васъ, оставьте шалости.

— Ахъ, какой онъ сегодня строгій! Ха-ха-ха!

— Тѣтя!—обратилась къ ней Мила, уворизненно качая головой:—какъ не стыдно!

— Ну, ты еще что! Оставь пожалуйста свои нравоученія!—нахмурившись отвѣтила Ольга Ивановна.

На другой день къ полудню, Семенъ Игнатьевичъ разослалъ по городу троиxъ нарочныхъ съ пригласительными билетами на балъ и ужинъ, имѣющій быть въ этотъ вечеръ по случаю бракосочетанія сына его, Петра Семеновича, съ Людмилой Николаевной Полозовой. Сдѣлавъ распоряженіе, онъ немедленно же уѣхалъ изъ города въ сосѣднее село, гдѣ должно было произойти бракосочетаніе сына. Въ домѣ началась усиленная суета, хлопоты, появились какіе-то новые слуги, сама Карповна забѣгала по кладовымъ, въ комнатахъ Петра Семеновича уставляли новую мебель, приколачивали къ дверямъ и окнамъ новые занавѣсы, разстилали ковры и т. д.

Получившіе пригласительные билеты просто не вѣрили своимъ глазамъ и пересчитывали ихъ раза по три. Послѣ долгихъ споровъ волей-неволей они должны были признать совершившійся фактъ и, пожимая плечами, удивляться умѣнью Семена Игнатьевича устроить свои дѣла.

Вечеромъ его домъ горѣлъ сотнями огней, массы народа и экипажей тѣснились на улицѣ; въ комнатахъ гремѣла музыка, и веселыя пары кружились въ вихрѣ вальса. Самъ Семенъ Игнатьевичъ былъ нѣсколько на веселѣ и въ избыткѣ чувствъ похлопывалъ кое-кого изъ близкихъ своихъ гостей по плечу, приговаривая:

— Такъ-то, братъ!

— Да,—отвѣчали весело гости, и, обнявшись съ нимъ, шли въ кабинетъ, подхватывая по дорогѣ еще двухъ-трехъ изъ ближайшихъ друзей и, приказывая подать себѣ смоляночку, попи-вали и приговаривали:

— Такъ-то, братъ!

— Да, братъ, такъ-то... Оплеуха имъ!

— Въ лучшемъ видѣ! И при всемъ паратѣ!

— Ну-ка, братъ, выпьемъ!

Такъ «мирно» наслаждались успѣхомъ дѣлъ Семена Игнатье-

вича его друзья и самъ онъ; и нѣсколько разъ потомъ, выпивая «шипучку», повторяли, видимо имъ нравившееся слово, «оплеуха», относившееся къ тѣмъ врагамъ Семена Игнатьевича, которые забаллотировали его на выборахъ въ директоры.

Веселье продолжалось до утра. Сосѣдъ Кузьма Ильичъ узналъ о немъ еще съ вечера, возвращаясь изъ монастыря отъ всенощной. Павелъ Кузьмичъ сидѣлъ вмѣстѣ съ нимъ на дрогахъ, и оба они, подъѣзжая къ дому Семена Игнатьевича, изумились странному освѣщенію комнатъ въ его домѣ. Сѣздъ на балъ еще не начинался, но молодые уже возвратились изъ сосѣдняго села и въ обществѣ ближайшихъ друзей уже начали ликованіе подъ звуки музыки.

— Дурить Семень! — гнѣвно проговорилъ Кузьма Ильичъ, прислушиваясь къ звукамъ музыки: — съ чего это онъ!

— Не знаю, тятенька... — оробѣлъ Павелъ Кузьмичъ, — не знаю... Но только тутъ что-то не ладно... Ей-ей, не ладно.

— Ты чего, глухарь, болтаешь! — сердито перебилъ его Кузьма Ильичъ, тоже видимо начинавшій поддаваться подозрѣніямъ. — Бѣги, спроси, чтó тамъ у него такое...

Павелъ Кузьмичъ соскочилъ съ экипажа и, подбѣгая къ одному изъ стоявшихъ у воротъ дома Иванова, спросилъ о причинѣ праздника.

— Семень Игнатьевичъ сына женилъ.

— На комъ? — дрожащимъ голосомъ спросилъ Павелъ Кузьмичъ.

— Да на этой, вотъ богатой-то невѣстѣ, чтó у Коромы-слова жила.

Павелъ Кузьмичъ остолбенѣлъ, потомъ бросился къ отцу съ отвѣтомъ, но Кузьма Ильичъ самъ слышалъ этотъ отвѣтъ и закричалъ подбѣгавшему сыну.

— Пошелъ, пошелъ домой!.. Не ходи ко мнѣ, не ходи!.. Провѣдай, остолопъ!

Голосъ Кузьмы Ильича хрипѣлъ и дрожалъ отъ гнѣва. Павелъ Кузьмичъ потянулъ фуражку и робко шелъ за дрогами до воротъ отцовскаго дома. Пока на звонъ подужнаго колокола бѣжала старушка отворать ворота и пока отворяла ихъ, Кузьма Ильичъ молча сопѣлъ на своихъ дрогахъ, а Павелъ Кузьмичъ, глубоко вздыхая, повторялъ: — Тятенька!

— Пошелъ, пошелъ! Не ходи ко мнѣ, не ходи.. заяцъ... — ворчалъ Кузьма Ильичъ, оставаясь все время на дрогахъ, пока они въѣхали во дворъ, и потомъ со двора еще было слышно его сердитое ворчанье: заяцъ, заяцъ... и вслѣдъ затѣмъ громкій

крикъ мальчишкѣ-вучеру: — запирай, запирай крѣпче! Хорошенько!

Музыка гремѣла въ домѣ Семена Игнатьевича, а около воротъ отцовскаго дома стоялъ Павелъ Кузьмичъ и думалъ: удаться бы хоть, что-ли?..

XXX.

На слѣдующее утро, какъ разъ во времени выхода молодыхъ къ чаю, явилась Ольга Ивановна, расфранченная, раздуженная и веселая. Ея звонкій голосокъ еще изъ прихожей далъ имъ знать о себѣ, и когда вслѣдъ затѣмъ она, скользя шлейфомъ по паркету залы, влетѣла въ столовую, молодые послѣшню вышли ей на встрѣчу и она съ обоими горячо поцѣловалась.

— Ну, теперь вы другъ съ другомъ поцѣлуйтесь, а я посмотрю... Ну, скорѣе, скорѣе же!.. — приставала Ольга Ивановна. — Ахъ, какъ хорошо! — восторгалась она потомъ, когда молодые поцѣловались.

— А гдѣ же дядя? — спросила Людмила.

— Дядя прѣдетъ прямо со службы къ обѣду... Ну, дай же мнѣ, молодая хозяйка, чаю, — попросила Ольга Ивановна, опускаясь на стулъ.

— Ахъ, тетя, пожалуйста сама, — отговаривалась Людмила Николаевна.

— Это мило! Вотъ такъ мило!.. Хороша молодая хозяйка!.. — Ха-ха-ха! — залилась Ольга Ивановна: — Петръ Семеновичъ, Петръ Семеновичъ! Это чтó такое, — обратилась она къ Петру Семеновичу: — и вы позволяете?..

— Да позвольте, Ольга Ивановна, я вамъ налью... — предложилъ Петръ Семеновичъ.

— Ахъ! — закачала головой Ольга Ивановна: — ахъ, какой стыдъ! Нѣтъ, ужъ если вы такъ исполняете капризы жены въ первый день послѣ свадьбы, то я предсказываю вамъ, что вы будете вотъ тутъ... Понимаете?.. Вотъ здѣсь...

Она кокетливо приподняла свою ножку и, показавъ глазами на башмачокъ, залилась веселымъ хохотомъ.

— Молодецъ-тетя, по крайней мѣрѣ не стѣсняется и съ перваго же дня нашей женитьбы начинается насъ ссорить! — весело подсказала Людмила Николаевна.

Въ отвѣтъ на это Ольга Ивановна опять залилась хохотомъ, а Петръ Семеновичъ закрутилъ свои усики, одинаково любясь

какъ женой, такъ и ея тетушкой. Ольга Ивановна теперь, не смотря на свою полнѣйшую веселость, не заигрывала съ Петромъ Семеновичемъ ни словами, ни глазками, ясно сознавая, что теперь пока этому здѣсь не должно быть мѣста.

— Однакоже я хочу чаю... Но, какъ видно, у васъ здѣсь кто захочетъ, тотъ и хозяйничаетъ...

Съ этими словами она сама принялась за разливаніе чая, продолжая щебетать.

— Не налить-ли ужъ и вамъ встать? Ахъ, вы голубочки, воркуночки... Ха-ха-ха! Какіе всегда всѣ новобрачные смѣшны!

Ольга Ивановна скоро выпила свою чашку и, подхвативъ Людмилу за талію, повела ее въ залу, что-то нашептывая ей на ухо и смѣясь.

— Тѣтя, тѣтя!—говорила тихонько Людмила, стараясь высвободиться изъ ея объятій:—тѣтя, перестаньте...

Петръ Семеновичъ вышелъ тоже въ залу. Въ это время въ передней раздался звонокъ и вслѣдъ за нимъ вошелъ самъ Семенъ Игнатьевичъ, успѣвши уже куда-то съѣздить по дѣламъ.

— Ну, вотъ это хорошо! Это въ порядкѣ!—громко провозгласилъ онъ, входя въ залу, и, остановившись почти въ дверяхъ, сдѣлалъ руки ферткомъ.

— Хорошо!—повторилъ онъ еще разъ, любуясь на обѣихъ дамъ, и потомъ, прихлопнувъ каблукомъ и разглаживая бороду, пошелъ къ молодой парѣ.

— Ну, молодуха, какъ хочешь, а ужъ поцѣлуемся по-христіански, да!

Людмила Николаевна нѣсколько потупилась и молча готовилась къ поцѣлуямъ. Бойкая и, какъ говорили про нее, «съ перцемъ дѣвушка», она теперь чувствовала себя въ новомъ, совершенно незнакомомъ ей положеніи и не знала, что отвѣтить Семену Игнатьевичу на его цѣлованіе.

— Хорошо!—горячо сказалъ онъ, поцѣловавъ ее троекратно, и, обращаясь затѣмъ къ сыну, добавилъ:—люби да береги, да доживите тихо, мирно до старости вмѣстѣ...

Онъ поцѣловалъ сына, и мелькнуло въ его памяти съ быстрой молніей то, что было когда-то и въ его собственной жизни похожее на этотъ день.

— Живите счастливо и любите другъ друга,—добавилъ онъ уже другимъ тономъ, совершенно противоположнымъ тому, которымъ провозгласилъ, входя въ залу, первое привѣтствіе.

— А что же вы меня-то забраковали? что же я, по-вашему, и поцѣлуя уже не стою...—Ха-ха-ха!—весело зашебетала Ольга

Ивановна, подмѣтившая грустную ноту въ голосѣ Семена Игнатьевича.

— Ахъ! — приободрился онъ, и, какъ-бы отряхиваясь отъ невольна охватившихъ его грустныхъ думъ, опять разгладилъ свою сѣдую бороду и тоже три раза поцѣловался съ Ольгой Ивановной.

— Хорошо! — сказалъ онъ и теперь, обращаясь къ Людмилѣ и Петру Семеновичу и какъ-бы передавая впечатлѣніе, полученное имъ отъ поцѣлуевъ Ольги Ивановны.

— Ну, еще бы не хорошо! — Ха-ха-ха! — залилась Ольга Ивановна, поддерживая такимъ образомъ общее веселое настроеніе.

Петръ Семеновичъ, покручивавшій свои усики, былъ какъ будто не въ духѣ, и пока отецъ оставался съ ними въ залѣ, избѣгалъ его взглядовъ. Онъ уже побаивался какъ бы отецъ не бухнулъ чего-либо и въ разговорѣ такого, чего вовсе говорить не слѣдуетъ. Семенъ Игнатьевичъ однакоже ничего не сказалъ, и предложивъ молодымъ немедленно же ѣхать съ визитами, самъ отправился въ кабинетъ.

Людмила Николаевна, обнявшись съ Ольгой Ивановной, пошла въ свои комнаты, гдѣ къ прежнимъ двумъ комнатамъ Петра Семеновича было присоединено еще двѣ. Петръ Семеновичъ не остался въ залѣ изъ чувства того же опасенія, которое мучило его и раньше. Пожалуй, еще отецъ, думалъ онъ, выйдетъ изъ кабинета и заговоритъ о жениныхъ деньгахъ.

Петръ Семеновичъ пошелъ вслѣдъ за ушедшими дамами. Встрѣтившись въ корридорѣ съ Спиридономъ Ѳедоровичемъ, спѣшившимъ къ Семену Игнатьевичу, и, принявъ отъ него поздравленіе, онъ остановился, заинтересованный тѣмъ дѣломъ, по которому теперь Спиридонъ Ѳедоровичъ спѣшилъ къ отцу. Замедливъ такимъ образомъ минуту — другую, Петръ Семеновичъ вошелъ въ свои комнаты въ то время, когда Людмила Николаевна, въ присутствіи Ольги Ивановны, стала одѣвать новое платье, готовясь ѣхать съ визитами. Ничего не зная объ этомъ, Петръ Семеновичъ смѣло распахнулъ двери въ ея комнату и былъ встрѣченъ такимъ оглушительнымъ визгомъ, какого ему еще никогда не случалось слышать.

— Ай, ай, ай! Уй-ди-и-ите! — завизжала полурасдѣтая Людмила, прячась за спину Ольги Ивановны.

— Уйдите! Уйдите! — завизжала и Ольга Ивановна, закатываясь потомъ веселымъ хохотомъ.

Въ залѣ въ это время уже собралось нѣсколько ближайшихъ благопріятелей Семена Игнатьевича и весело разговаривали съ

хозяиномъ, посматривая, какъ слуги приготовляли столъ къ закусѣ.

— Поживѣй, поживѣй, молодцы! Ходи bravo! — подсказывалъ кто-то изъ нетерпѣливыхъ, съ умиленіемъ взглядывая на появившуюся уже баттарею графиновъ и бутылокъ.

— Не терпится! ха, ха!.. — поддразнили его товарищи.

— Больно вчера ошибся... иностранными винами.

— Ты ужъ ими и поправку дѣлай...

— Нѣтъ, ужъ я отечественной, она лучше освѣжаетъ.

— Какъ же, того и гляди, освѣжитъ...

Гости посмѣивались, уличая другъ друга въ провинности по части близкаго знакомства съ графинами. Хозяинъ спѣшилъ поддержать веселое настроеніе и «подогрѣть» гостей, предлагая имъ выпить по одной «соснасику», какъ онъ въ шутку называлъ коньякъ. Послѣ выпивки разговоръ еще болѣе оживился, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ не много нужно было «подогрѣваться» для того, чтобы вчерашній хмѣль опять заигралъ въ головахъ гостей. Спустя нѣкоторое время кто-то изъ подогрѣвшихся сидѣлъ уже за роялемъ и, подбирая аккорды, тянулъ сильнымъ голосомъ: «Помощникъ и покровитель».

— Эхъ, братъ, какъ скоро ты размякъ! Ужъ и великопостную затянулъ! — смѣясь, упрекнули товарищи.

Пѣвецъ въ самомъ дѣлѣ что-то быстро «подогрѣлся», и, окончивъ свое пѣніе, сталъ приставать ко всѣмъ съ просьбой выпить вмѣстѣ «соснасику».

Завтракъ тянулся до самаго обѣда. Нѣкоторые изъ гостей, нелюбившіе напрасно тратить время, успѣли уже давно пристроиться за зеленымъ столомъ; нѣкоторые сгруппировались около рояля, гдѣ одинъ изъ нихъ немилосердно барабанилъ подъ звуки хоровой пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Въ хорѣ приняли участіе и дамы, съѣхавшіяся къ обѣду, которыхъ хозяинъ если и не подогрѣвалъ «соснасиномъ», то во всякомъ случаѣ не оставлялъ безъ вниманія по части угощенія другими винами. Такъ время прошло до самаго обѣда, за который успѣлись тотчасъ же, какъ только молодые вернулись домой.

За обѣдомъ гости опять стали просить молодыхъ «поцѣловаться», но на этотъ разъ Людмила Николаевна, уже успѣвшая нѣсколько освоиться въ своемъ новомъ положеніи, заявила рѣшительное намѣреніе поставить на своемъ. Она бойко набросила на носъ пэнсе и, сложивъ руки на груди, стала осматривать всѣхъ гостей съ тою присущею ей взгляду надменностію, какую неразъ прежде замѣчали въ ней многіе.

«Ого!» — подумалъ Семенъ Игнатьевичъ, видя молодую въ такой независимой позѣ, «какъ она, однако, скоро разворачивается! Не даромъ про нее говорятъ, что дѣвушка самостоятельная!..»

— Ну, нѣтъ, дочка, какъ ты тамъ ручки-то свои на груди ни складывай, — обратился онъ къ ней, — а поцѣловаться съ мужемъ надо, потому всѣ гости этого желаютъ.

Людмила бойко откинула головку нѣсколько назадъ, и, опять бросивъ на всѣхъ сидящихъ надменный взглядъ, отрицательно покачала головой.

— Мила, нехорошо! — шепнула ей Ольга Ивановна, сидѣвшая съ ней рядомъ.

— Нѣтъ, ужъ какъ угодно, а поцѣловаться надо! Поцѣловаться! Троекратно поцѣловаться!.. Вино горько, очень довольно горько!.. Поцѣловаться!..

Такъ говорили гости, настаивая на исполненіи своихъ словъ. Эти настойчивые крики только озлобляли Людмилу, и она, сначала заигрывавшая съ гостями, внутренне любясь возвратившеюся ей смѣлостію, теперь рѣшительно разсердилась на нихъ, и когда Ольга Ивановна снова зашептала ей свои совѣты, она рѣзко отъ нея отвернулась.

— Да что же молодой-то мужъ смотреть? — раздался голоса: — облапишь бы какъ слѣдуетъ обѣими руками и запечатать бы прямо въ уста...

Но Петръ Семеновичъ на это не рѣшился. Онъ замѣчалъ впрочемъ, что изъ всей этой, въ сущности глуповатой, исторіи можетъ, пожалуй, выдти что-нибудь и непріятное; по старой привычкѣ онъ побаивался отца, еще не свыкшись съ той мыслию, что теперь ему до отца нѣтъ дѣла, а наоборотъ, отцу до него есть дѣло. Петръ Семеновичъ наклонился къ уху Милы и шепнулъ ей: «лишній только шумъ, видишь, всѣ на-веселѣ...» Людмила Николаевна поддалась этому увѣщанію молодого мужа, но, однакожь, прежде чѣмъ поцѣловаться съ нимъ, смѣясь, обратилась къ гостямъ съ предложеніемъ, чтобы этотъ требуемый поцѣлуй былъ и послѣднимъ. Семенъ Игнатьевичъ, несмотря на то, что въ его голосѣ уже шумѣли въ нѣкоторой степени винные пары, внимательно слѣдилъ за своей невестой и какое-то странное, неясное чувство тоски прокралось въ его сердце, и среди общаго веселья и хохота какъ будто ущемило его. «Ого», подумалъ онъ опять, «какая она... самостоятельная... Это, однако, пожалуй... Гм... гм...». Но сосредоточиваться на извѣстной мысли среди смѣха и говора не было возможности. Кончился обѣдъ. Гости разбрелись по разнымъ комнатамъ; одни опять усѣлись

за карты, другіе пили чай, а Ольга Ивановна, пользуясь тѣмъ, что среди гостей набралось нѣсколько подходящихъ кавалеровъ, устроила танцы подъ звуки рояля. Такъ веселье затнулось до ночи.

На завтра былъ обѣдъ у Павла Павловича Коромыслова и опять затнулся до ночи; на послѣ-завтра—у кого-то изъ близкихъ друзей Семена Игнатьевича. Но всему бываетъ конецъ, пришелъ онъ и для праздниковъ.

— Да и пора уже, наконецъ,—хмурился Семенъ Игнатьевичъ, сидя чуть ли не въ первый разъ послѣ свадьбы за скромнымъ домашнимъ обѣдомъ:—и голова все какъ-то не въ порядкѣ, да и въ дѣлахъ чрезъ это самое заминка... Нѣтъ, ужъ довольно...

На его слова сынъ ничего не отвѣтилъ. Людмила Николаевна молча уткнулась въ тарелку. Лимона Карповна, оставшаяся въ своей прежней роли хозяйки, правящей всѣмъ домою, по обыкновенію суетливо озиралась во всѣ стороны, слѣдя за порядкомъ обѣда. Этотъ первый обѣдъ въ домашней обстановкѣ показался Людмилѣ Николаевнѣ невообразимо скучнымъ. Всѣ молчали, сидя за столомъ и слушая только одного Семена Игнатьевича, который тоже былъ не очень разговорчивъ. Какъ на грѣхъ, за столомъ не случилось никого изъ частныхъ гостей, бывавшихъ за просто у Семена Игнатьевича и всегда приглашаемыхъ имъ къ обѣду. Людмила Николаевна еще никогда въ жизни, какъ казалось ей, не испытывала такой скуки, какъ во время этого тихаго обѣда. Она нетерпѣливо ждала, скоро ли онъ кончится, чтобы немедленно же вслѣдъ затѣмъ убѣжать въ свои комнаты и расплакаться. Семенъ Игнатьевичъ, несмотря на свое молчаніе, былъ въ этотъ день въ хорошемъ расположеніи духа: онъ получилъ утѣшительныя извѣстія изъ Сибири о благополучномъ движеніи грузовъ, вятыхъ имъ на доставку въ Иркутскъ, и, сидя за обѣдомъ, рассчитывалъ на основаніи полученныхъ свѣдѣній, какія выгоды должны остаться ему отъ этого дѣла. Молчаніе его именно этими расчетами и объяснялось; занятый ими, онъ не замѣчалъ, какая скука владычествуетъ надъ всѣми, и съ какимъ нетерпѣніемъ убѣжали бы теперь изъ-за стола и сынъ, и его жена и даже сама Лимона Карповна, такъ много видѣвшая на своемъ вѣку тоски и подневольной скуки.

— Пожалуй, по восьми гривенъ останется отъ пуда,—вдругъ проговорилъ вслухъ Семенъ Игнатьевичъ, обращаясь къ сыну.

Петръ Семеновичъ, ничѣмъ не приготовленный къ такимъ словамъ и не понимая, на счетъ какихъ восьми гривенъ говорить отецъ, молча смотрѣлъ на него, ожидая, что онъ скажетъ дальше.

— А ты думаешь, не останется?—спросилъ Семень Игнатьевичъ, принимая молчаніе сына за несогласіе.

— Да вы о чемъ?

— Какъ о чемъ? Я тебѣ же говорилъ, что товары уже въ Тюмень пришли благополучно и отправлены дальше до Томска на пароходахъ...

— Вы мнѣ не говорили...

— Ахъ, да, вспомнилъ, вспомнилъ, оно точно-что не говорилъ. Вотъ только сейчасъ, передъ обѣдомъ, получилъ депешу... Да, да, по восьми гривенъ останется...

Семень Игнатьевичъ нѣсколько пооживился, предложилъ Людмилѣ Николаевнѣ чокнуться, сказалъ ей что-то на счетъ ея красоты, она отвѣтила ему тоже что-то на счетъ его ума и всѣ какъ будто стали повеселѣе. Но это только такъ казалось. Веселѣе сталъ только Семень Игнатьевичъ, а остальные акомпанировали ему такъ-сказать по обязанности и таили въ душѣ желаніе по-скорѣе выдти изъ-за стола.

— Ну, вотъ мы и опять зажили по семейному, да?—провозгласилъ Семень Игнатьевичъ, и, обратившись прямо къ Людмилѣ Николаевнѣ, сказалъ:—Маша-то моя, знаете, да? Вѣдь въ Питерѣ учится наукамъ...

— Да, мнѣ Петя говорилъ, — равнодушнымъ тономъ отвѣтила Людмила Николаевна.

— Да, да, учится... Въ доктора хочетъ... Нынче такое, говорятъ, время... Ну, что же? Я не препятствую, пусть ее, ежели ужъ такая, къ примѣру, линія... Ну, что же?.. Оно какъ будто и неловко по нашему положенію—да вѣдь ничего не подѣлаешь!..

На эти слова однакоже опять никто ничего не отвѣтилъ, и Семень Игнатьевичъ самъ, наконецъ, увидѣлъ, что обѣдъ-то идетъ не такъ... «Что это они оба какіе сегодня, сидятъ точно ошпаренные кипяткомъ, поссориться, что ли, успѣли?»—подумалъ онъ, но, взглянувъ случайно на сына и невѣстку, уловилъ ихъ взаимные взгляды, въ которыхъ ничего не было ни гнѣвнаго, ни капризнаго. Нѣтъ, должно быть что-нибудь другое, въ раздумьи соображалъ Семень Игнатьевичъ, и когда обѣдъ кончился, прямо спросилъ, подставляя щеку невѣсткѣ:

— Что, голубушка, скучновато пока, да?

— Да!—отвѣтила Людмила Николаевна.

Этого отвѣта Семень Игнатьевичъ совсѣмъ не ожидалъ и удивленно взглянулъ на нее.

— Развѣ мужъ не милъ?—спросилъ онъ.

— Если бы не милъ, не пошла бы...

— Такъ о чемъ же скучать? Съ милымъ вездѣ весело...

— Это невѣрно...

Онъ взялъ ее за руку и, идя съ ней въ залу, сталъ спрашивать, гдѣ же весело.

— Гдѣ весело?—переспросила она, и сейчасъ же, не задумываясь, отвѣтила:—весело тамъ, гдѣ мнѣ хочется быть... Вотъ, напримѣръ, мнѣ хочется идти сейчасъ въ свои комнаты и лечь, потому что у меня голова болить, а вы меня удерживаете за руку...

Семенъ Игнатьевичъ даже испугался, такъ его изумила эта черта твердости въ характерѣ невѣстки, но онъ сумѣлъ скрыть свой испугъ въ притворномъ смѣхѣ и сказалъ:

— Вотъ за это люблю! ай да невѣстущка! молодецъ, прямо рубить.

Но, однакоже, Людмила Николаевна, несмотря на свою всегдашнюю непринужденность, нашла нужнымъ смягчить свой прямой отвѣтъ и, уходя, чмокнула Семена Игнатьевича въ щеку.

— Очень голова болить,—подсказала она и пошла, приложивъ правую руку къ виску.

Петръ Семеновичъ пошелъ за ней; впрочемъ, предварительно поколебался, идти-ли.

Семенъ Игнатьевичъ, оставшись одинъ въ залѣ, долго смотрѣлъ на двери коридора, въ которомъ теперь скрылись сынъ и его жена. Что онъ думалъ, Богъ его знаетъ, но что думы его были не веселыя—это ясно отражалось теперь на его лицѣ—и въ морщинистыхъ складкахъ лба, и въ пытливомъ выраженіи глазъ, мрачно, исподлобья смотрѣвшихъ вслѣдъ ушедшимъ.

XXXI.

— Гм... гм... Такъ собираетесь на осень въ Питеръ, да?—мрачно допрашивалъ Семенъ Игнатьевичъ сына, нѣсколько дней спустя.

— Да, жена просится,—тихо отвѣчалъ сынъ.

— Такъ въ Питеръ, да?—переспросилъ Семенъ Игнатьевичъ, пытливо смотря на сына.

— Да... Она хочетъ... Такъ, впрочемъ, имѣлось въ виду еще до свадьбы...—тихо отвѣтилъ Петръ Семеновичъ, вертя часовую цѣпочку.

— Ну, что-жъ, это хорошо!.. Отчего же?.. Хорошо...

— Завтра хотимъ... На Самолетовскомъ пароходѣ.

— Завтра-а? — удивленно переспросилъ Семенъ Игнатьевичъ, вставая со стула.

— Да, папенька...

Семенъ Игнатьевичъ медленно подошелъ къ стулу, на которомъ сидѣлъ Петръ Семеновичъ и сѣлъ съ нимъ рядомъ. Петръ Семеновичъ инстинктивно отодвинулся нѣсколько подалѣе, ясно сознавая, что та минута, которой онъ такъ давно боялся, о которой думалъ даже въ то время, когда стоялъ въ церкви съ вѣнцомъ на головѣ, что минута эта приближается, и вотъ она уже близко, и у него болѣзненно сжалось сердце. Отецъ сѣлъ и положилъ ему на плечо руку.

— Петръ! — сказалъ онъ, и тонъ его голоса показался сыну какимъ-то страннымъ, мрачнымъ, не предвѣщающимъ ничего добраго.

«Начинается!» мелькнуло въ головѣ Петра Семеновича, и еще больше защемило сердце.

— Ты помнишь, Петръ, что я тебѣ говорилъ о положеніи дѣлъ, да? Знаешь, съ какими трудами я устраивалъ твой бракъ?

— Знаю... какъ же, папенька... Конечно, знаю... — отвѣтилъ Петръ Семеновичъ.

— Помнишь, когда во время моей болѣзни ты поторопился духовнымъ завѣщаніемъ и написалъ въ немъ двѣсти-тысячъ наличности, чтобы склонить меня потомъ на объявленіе несостоятельности... Помнишь?.. Ты думаешь, меня что удержало тогда, что? Меня удержала дума о твоей судьбѣ, да. Я опасался, что — объяви я несостоятельность — тебѣ тогда не удастся жениться на Людмилѣ Николаевнѣ, и я удержался, значить, Петръ для тебя же....

Петръ Семеновичъ внутренне не соглашался съ этими словами отца, не признавая ихъ справедливыми, но возражать ни въ какомъ случаѣ не смѣлъ и отвѣтилъ:

— Да, папенька, я знаю...

— Такъ понимаешь теперь, что если все въ послѣднее время велось къ тому, чтобы тебѣ устроить счастье, такъ неужели же теперь, когда это все устроилось, тебѣ остается только сѣсть на пароходъ да и уѣхать съ женой въ Питеръ?

— Нѣтъ... Зачѣмъ же...

— Такъ какъ же ты говоришь, что завтра хотите ѣхать? Вѣдь, надо же, наконецъ, наши отношенія къ банкету Людмилы Николаевны привести въ ясность, надо же, чтобы она выдала довѣренность на право ихъ полученія изъ банка, чтобы, кромѣ того, на примѣръ, было все устроено... Ежели, значить,

она имѣеть въ виду поставить дѣло на законную линію—заемъ тамъ, что-ли, у ней устроить, или вступить она въ дѣла на правахъ компаньона, въ заводское дѣло напримѣръ... Заводское самое лучшее—отъ него большіе выходы въ будущемъ...

Семенъ Игнатьевичъ остановился, ожидая, что скажетъ Петръ Семеновичъ, но онъ молчалъ и сидѣлъ, потупясь.

— Неужели ты, Петръ, до сихъ поръ ничего съ ней объ этомъ не говорилъ?—спросилъ Семенъ Игнатьевичъ, хмурясь.

Петръ Семеновичъ грустно улыбнулся и, видимо собравшись съ духомъ, отвѣтилъ:

— Папенька, вы сами были молоды... Вспомните... время ли было говорить о дѣлахъ.

— Вѣдь ужъ три недѣли прошло,—строгимъ шопотомъ перебилъ Семенъ Игнатьевичъ, и потомъ торопливо добавилъ: — ну, пусть такъ, пусть такъ... Время не ушло еще... Но какъ же, какъ же думать объ отъѣздѣ, когда дѣла находятся въ такомъ неясномъ положеніи?..

— Она очень настаиваетъ...

— Гм... гм...—вскрикнулъ Семенъ Игнатьевичъ, вставая и начиная ходить по комнатѣ.

— Такъ нельзя, Петръ! Такъ нельзя небрежно и безпечно относиться, да!.. Ты подумай, ты подумай только, что ты такое сказалъ мнѣ?.. Вѣдь это все-равно, что, напримѣръ, знать, молъ, я тебя не хочу... Да!..

— Полноте, папенька... Развѣ я такъ низокъ...

— То-то, я вотъ и не могу теперь сообразить, что это такое у насъ какъ-будто и не ладное... и откуда оно вдругъ пришло?.. Можетъ быть, ты съ молодой-то женой такъ, спроста, по молодости своей, забылъ, въ какомъ-такомъ положеніи теперь дѣла... А мнѣ ужъ думается, будто во всемъ этомъ что-то такое, о чемъ и подумать-то страшно...

Онъ сдѣлалъ молча нѣсколько шаговъ и, опять подойдя къ сыну, сказалъ:

— Вѣдь ты у меня одинъ... Вотъ сестра-то твоя ушла... Помнишь, читалъ, что она написала: всякому, говорить, своя дорога и не мѣшайте, говорить, мнѣ. И неужели ты также скажешь мнѣ? Да вѣтъ, вѣтъ, Петръ... Ты, вѣдь, не такой, и я тебя всегда, всегда цѣнилъ... Вотъ что я тебѣ скажу, — заговорилъ онъ вдругъ совсѣмъ дѣловымъ тономъ, — пойдѣ ты теперь къ женѣ, поговори съ ней, посоветуйся, какъ лучше устроить, ну, а потомъ, Богъ дастъ, и отправитесь въ путь... Мнѣ бы въ

Питеръ нужно тоже, — поминишь, дешева-то была, по поводу подрада-то... Ну, да еще время терпѣть.

Онъ рѣшительно всталъ и отпустилъ сына изъ кабинета, утѣшая себя обманчивой надеждой на то, что сынъ еще не говорилъ ни слова съ своей молодой женой на счетъ ея капиталовъ.

«Молодо-зелено!» думалъ онъ, оставшись одинъ: «правда и то, что если ѣхать въ Питеръ, такъ надо потораниваться — время позднее, пожалуй, пароходы и рейсы свои прекратить... Пожалуй, по этому самому они такъ оба съ невестьей-то и всполошились... Однако, — если...» вдругъ подумалъ онъ и самъ себя испугался, и потомъ глубоко вздохнулъ, точно сбросилъ съ плечъ тяжелый грузъ и сталъ успокоиваться, потирая лобъ рукою. «Ухъ, какъ вдругъ сердце захватило! И съ чего это мнѣ такая вздорная мысль въ голову пришла? развѣ есть въ ней что-нибудь хоть мало-мальски основательное?»

Такъ успокоивалъ себя Семенъ Игнатьевичъ, но успокоиться было трудно: сомнѣнія уже начали закрадываться въ его душу, и противъ его воли принимались ховайничать въ ней по-своему. Невольно вспоминалось все то, что и когда и какъ говорила молодая невестка, какъ смотрѣла при этомъ, надменно прищуривая глазки, какъ держалъ себя въ это время Петръ Семеновичъ — и, стараясь отдѣлаться отъ этихъ воспоминаній, Семенъ Игнатьевичъ, однакоже, не могъ не сдѣлать такого заключенія о характерѣ невестки, какого ему вовсе не желалось.

«Ну, да Богъ съ ней!» думалъ онъ: «пусть ее, она мужа-то все-таки любить — иначе не пошла бы за него съ такимъ-то капиталомъ... Ну, значить, онъ можетъ на нее дѣйствовать... Да неужли-жъ, Господи Боже мой, возможно, чтобы онъ меня вотъ такъ и бросилъ... Да вѣдь это что же ужъ такое бы было! — Конечъ міру, все-равно. Да и я-то глупъ, думаю такое несообразное... Я хлопоталъ, хлопоталъ для него, а онъ меня такъ вотъ и оставить... Этакое нелѣпое взбредетъ же въ голову!»

И при такомъ успокоивающемъ направленіи мыслей Семенъ Игнатьевичъ почувствовалъ себя какъ-то живѣе и, казалось ему, какая-то тяжесть свалилась съ его головы, до сихъ поръ давившая на лобъ и на темя. Онъ подошелъ къ своему столу, пересмотрѣлъ нѣсколько бумагъ, но дѣла не привлекли его къ себѣ, и лѣнливо, нѣхота сдвинувъ въ одну общую кучу бумаги, онъ вышелъ изъ кабинета въ залу. Остановившись у дверей балкона и смотря въ даль, на едва замѣтные берега многоводной

рѣки, онъ нѣсколько разъ оглядывался назадъ, на двери корридора, поджидая возвращенія сына.

«Долго они что-то тамъ трактуютъ», досадовалъ Семенъ Игнатьевичъ, и тоскливо отошелъ отъ дверей балкона.

Въ корридорѣ слышались шаги. Онъ приподнял нѣсколько голову и уже готовился уловить взглядъ сына, чтобы по немъ сейчасъ же прочесть рѣшеніе дѣла объ исходѣ переговоровъ съ женой. Шаги приближались, но Семенъ Игнатьевичъ уже отвернулся въ сторону: онъ узналъ по ихъ звукамъ, что это идетъ не сынъ, а кто-нибудь другой. Вошелъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ и направился прямо къ дверямъ кабинета, не замѣчая, по своей близорукости, Семена Игнатьевича, стоявшаго у дверей въ гостиную. Отъ этихъ дверей, находившихся на противоположной сторонѣ залы, какъ разъ противъ дверей кабинета, разстояніе было настолько почтенное для глазъ Спиридона Ѳеодоровича, что самъ Семенъ Игнатьевичъ призналъ нужнымъ его ослѣпить.

Спиридонъ Ѳеодоровичъ на минутку остановился и, моментально сообразивъ, куда теперь нужно направить путь, зашагалъ къ дверямъ гостиной.

— Что скажешь, Спиридонъ Ѳеодоровичъ?—спросилъ Семенъ Игнатьевичъ, вынимая зачѣмъ-то изъ кармана часы и смотря на ихъ стрѣлки.

— Грузовой пароходъ подошелъ...

— Ну, такъ что же?—удивленно взглядывая на него, спросилъ онъ.

— Товары подъ наѣсомъ. Назначенія не знаемъ.

Начались дѣловые разговоры. Спиридонъ Ѳеодоровичъ рубилъ свои короткіе отвѣты. Досадуя на нихъ и задавая для объясненія ихъ новые вопросы, Семенъ Игнатьевичъ изрѣдка взглядывалъ на двери корридора, поджидая сына. Разговоръ съ конторщикомъ потребовалъ какихъ-то бумагъ изъ кабинета, Семенъ Игнатьевичъ самъ сходилъ туда за ними и замѣтно спѣшилъ поскорѣе проводить его изъ залы. Оставшись одинъ, Семенъ Игнатьевичъ потерялъ терпѣніе ждать сына и, быстро пройдя въ кабинетъ, позвонилъ. Дежурный мальчикъ, явившійся на его звонокъ, былъ посланъ за Петромъ Семеновичемъ и скоро воротился.

— Ну, что онъ? Гдѣ же?—сердито спросилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Они уѣхали...

— Какъ уѣхали? Куда?—порывисто приподнявшись съ кресла, почти крикнулъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Не знаю-съ... Они вмѣстѣ съ супругой...

— Какъ съ супругой? Куда?

Онъ уже вскочилъ на ноги и вдругъ точно замеръ на мѣстѣ, испуганный ужасными предположеніями.

— Дѣвушка говорить, должно въ гости къ кому-нибудь. Очень барыня, говорить, разодѣта...

— А-а!—протанулъ Семенъ Игнатьевичъ шопотомъ, начиная приходить въ себя. — Ну, пойдѣ, — торопливо кивнулъ онъ головой мальчику, и по уходѣ его схватился обѣими руками за виски: — съ чего это я такъ разстроился? упрекалъ онъ самъ себя, хворь меня, что-ли, опять какая начинается давить... Нѣтъ, что-то въ самомъ дѣлѣ неладное со мной... Да и съ чего такіа мысли вдругъ? Ну—дочь убѣжала, оно понятно, дѣвушка—глупа, убѣжала, потому что ищетъ сама не знаетъ чего, жениха подходящаго не подвернулось, ну, значитъ, вышла такая линія—скука и глупость одолѣли... А съ чего же, напримѣръ, побѣжить отъ меня Петръ, да еще и съ молодой женой? Чтѣ я за врагъ, за лиходѣй ему такой... Такъ думать выходитъ одно даже безобразіе... Но съ чего же онъ убѣжалъ вдругъ въ гости-то?.. Вѣдь я же ему говорилъ, пойдѣ посовѣтуйся съ женой и мнѣ скажи...

Но, вспоминая свой разговоръ съ сыномъ, Семенъ Игнатьевичъ мало-по-малу припомнилъ всѣ его подробности, изъ которыхъ ему ясно стало видно, что сыну вовсе не было сказано, чтобы онъ сегодня же и даже сейчасъ же вернулся къ нему съ отвѣтомъ жены. Такъ успокоиваясь, опять Семенъ Игнатьевичъ сѣлъ къ своему письменному столу, но только-что взялся за бумаги, какъ сейчасъ же ихъ и сложилъ въ прежнюю общую кучу. И не только эти бумаги, но и самыя стѣны кабинета и вся его обстановка точно давили его, хотя онъ и самъ не замѣчалъ, чтѣ именно его давить. Проще говоря, онъ не находилъ себѣ мѣста, одолѣваемый тѣми страшными сомнѣніями, которыя съ сегодняшнаго дня вдругъ стали закрадываться въ его сердце. Закрадывались они, вѣроятно, не съ этого дня, а гораздо ранѣе; но онъ ихъ отгонялъ, не хотѣлъ замѣчать, да и сами они не такъ назойливо тогда лѣзли и не такъ мучительно его тревожили. Онъ и теперь ихъ настойчиво гонить, но онѣ уже такъ безцеремонно распоряжаются въ его головѣ, что нѣтъ возможности отъ нихъ освободиться.

Оставивъ кабинетъ и пройдя въ свою роскошную гостиную, окна которой выходили тоже на набережную улицу, Семенъ Игнатьевичъ сѣлъ на одно изъ креселъ этой комнаты и какъ будто забылся отъ недавнихъ ему въ это утро покоя думъ.

Но его скоро встревожили: въ передней раздался звонокъ, и Семень Игнатьевичъ торопливо поднялся съ кресла. «Съ чего это я здѣсь усѣлся—вотъ-то охота пришла!» упрекнулъ онъ самъ себя, оглядывая дорожную обстановку гостиной: «точно я гостя какая расфуфыренная...»

Пришелъ дѣловой человѣкъ и скоро развлекъ Семена Игнатьевича своими разговорами, соображеніями, предположеніями, условіями, уступками... Оказалось, что самое лучшее лекарство для спасенія отъ гнетущихъ думъ было именно въ такого рода разговорахъ. И когда потомъ сынъ возвратился домой изъ гостей, Семень Игнатьевичъ былъ уже почти спокоенъ и встрѣтилъ его веселымъ вопросомъ.

— А, Петръ! Гдѣ погуляли?

— Да были у своихъ,—тихо отвѣтилъ Петръ Семеновичъ.

— Что не тащилъ ихъ обѣдать?

— Они насъ зовутъ... съ женой... къ пяти часамъ... за-просто...

— Гм! Ну, что же, дѣло хорошее...—задумчиво сказалъ Семень Игнатьевичъ, и смотря на часы, добавилъ:

— Времени много еще, Петръ.

— Да, еще рано...

Перебрасываясь этими словами, оба думали о другомъ: сынъ томился предчувствіемъ, что отецъ сейчасъ же будетъ допрашивать; отецъ приготовлялся къ вопросу, желая перейти къ нему насколько возможно проще и придать ему самый обыденный видъ, какъ дѣлу простому, не терпящему никакихъ разсужденій. Но, должно быть, это было не такъ-то легко сдѣлать и потребовалось еще нѣсколько незначительныхъ и въ сущности совершенно лишнихъ вопросовъ и отвѣтовъ, оказывавшихся, однакоже, необходимыми для того, чтобы перейти къ разговору, равно занимавшему обоихъ.

— Да сегодня у насъ что? Понедѣльникъ?—спросилъ Семень Игнатьевичъ.

— Да, понедѣльникъ,—отвѣтилъ Петръ Семеновичъ, смотря куда-то въ потолокъ.

— А-а, я думалъ, вторникъ,—задумчиво проговорилъ Семень Игнатьевичъ, и вдругъ, какъ-бы вспомнивъ случайно о дѣлѣ, переѣмилъ тонъ:—ахъ, да, Петръ, на счетъ того-то дѣла... Ну, что?.. Говорилъ съ женой?

Петръ Семеновичъ торопливо поднялся со стула и, тревожно взглянувъ на отца, тотчасъ же потупился.

— Ну, что же? Какъ? Когда мы все это дѣло устроимъ?

Вѣдь вамъ и въ самомъ дѣлѣ нужно торопиться: вѣдь того и гляди ударятъ заморозки—тогда поздно будетъ...

— Да, пожалуй, папенька, тогда и остаться придется.

— Ну, такъ что же, какъ?

— Я, знаете-ли, папенька, не то, чтобы... Я очень желаю...

— Ну-ка иди, иди сюда за мной... Здѣсь неудобно...

Семенъ Игнатьевичъ прошелъ въ кабинетъ, и когда сынъ вошелъ вслѣдъ за нимъ, плотно притворилъ дверь.

— Ну? Какъ?—спросилъ онъ садясь на свое всегдашнее мѣсто у письменнаго стола.

Петръ Семеновичъ сѣлъ опять напротивъ, гдѣ сидѣлъ и раньше.

— Я, папенька, рѣшительно не знаю, какъ мнѣ быть,—робко отвѣтилъ онъ.

— То-есть въ какомъ смыслѣ?—переспросилъ отецъ, кладя ногу на ногу и замѣтно стараясь держаться въ безпечномъ тонѣ.

— То-есть, видите ли, папенька, на счетъ этихъ самыхъ жевинныхъ капиталовъ... Она боится и не хочетъ...

— Какъ это не хочетъ? Чего она не хочетъ?.. Ты что, Петръ, это такое говоришь, подумай...

— Да я что же... Она, папенька, прямо, то-есть на отрѣзъ говорить: не хочу. Пусть, говорить, мой капиталъ всегда остается неприкосновеннымъ, и чтобы жить, значить, только на проценты...

Семенъ Игнатьевичъ, намѣревавшійся удержаться въ спокойной позѣ человека, разговаривающаго объ обыденныхъ дѣлахъ, моментально забылъ о своемъ намѣреніи и, быстро поднявшись на ноги, оперся руками въ столъ, смотря на сына въ упоръ.

— Что же ты на это?.. Что же ты на это сказалъ? Что?

— Да я, папенька, что же... Вѣдь капиталъ ея...

— Ка-а-а-къ? Да ты что такое, Петръ, говоришь? да ты въ своемъ ли умѣ?.. Пойми, пойми, что ты такое говоришь!.. Капиталъ ея! Да чья она жена-то: твоя или чужая, а?

И, быстро затѣмъ отойдя отъ стола, Семенъ Игнатьевичъ пылливо уставилъ глаза на сына, уже значительно събѣжившагося и смотрѣвшаго въ полъ. Петръ Семеновичъ чувствовалъ на себѣ взглядъ отца и не смѣлъ пошевеливаться. Эта минута тянулася для него невообразимо долго, и мысли въ его головѣ точно вдругъ какъ-то замерли. Семенъ Игнатьевичъ, какъ-бы убѣдившись, что ничего при посредствѣ однихъ взглядовъ не узнаешь, быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ сыну и поставилъ вопросъ круто, ребромъ:

— Нѣтъ, ты мнѣ сейчасъ прямо скажи, какъ ты думаешь объ этомъ дѣлѣ? Что самъ-то лично ты думаешь, а не жена, хочешь ли ты отца поддержать, али ужъ такъ пропадать ему пропададомъ? Вотъ ты мнѣ что скажи?

— Да я, папенька, что же... Я готовъ... Да вѣдь деньги-то не мои.

— Если ты готовъ, — вдругъ мрачно хмурясь и перемѣняя свой громкій тонъ на суровый шопотъ, перебилъ Семенъ Игнатьевичъ, — если ты готовъ, такъ сейчасъ же поди и проси жену, проси, пока не выпросишь. Плачь передъ ней, кланяйся, вымаливай, грови чѣмъ хочешь, да! Не будетъ она соглашаться... Да нѣтъ, этого не можетъ быть, ежели ты мужъ, а не баба... А ежели она и въ самомъ дѣлѣ ломается, позови ее ко мнѣ... Вѣдь ты же знаешь, въ какомъ положеніи теперь наши дѣла...

— Но она, папенька, вотъ на это и указываетъ. Что же я, говорить, буду отдавать, когда все у отца теперь запутано?

— А какъ она объ этомъ знаетъ? — быстро подсказывая въ сыну и почти хватая его за руку, спросилъ отецъ.

Сынъ совсѣмъ оробѣлъ, испугался, что сказалъ лишнее и въ совершенномъ изнеможеніи склонилъ голову, точно его участь уже была окончательно рѣшена.

— Такъ ты, ты ей самъ все рассказалъ, да? — ужаснымъ шопотомъ возразилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Отчего же, папенька, я? — робко отвѣтилъ сынъ: — вѣдь весь городъ про насъ говоритъ...

— Да ты самъ-то на сторонѣ жены, что ли? Да ты самъ-то какъ думаешь, такъ же, какъ она, что ли? Скажи ты мнѣ, Христа ради, толково; по крайности дѣло ясно будетъ?

— Да я бы, папенька...

— Нѣтъ, ты не финти! Я бы, да я бы... Не о томъ рѣчь! Тутъ дѣло идетъ, можно сказать, о самомъ важнѣйшемъ предметѣ, — тутъ, къ примѣру, выходить, либо все въ дребезги, либо оживить и поставить всѣ предпріятія на широкую ногу, а ты хвостомъ виляешь: я бы, да я бы...

Семенъ Игнатьевичъ чувствовалъ, что ему становится тяжело дышать; онъ раза два уже хватался за свой галстукъ, самъ того не замѣчая, и, снова увлекаемый такъ сильно занимавшимъ его вопросомъ, накидывался на сына съ новыми возраженіями.

— Вѣдь ты не малое дитя, вѣдь ты же разумѣешь, какую околесицу теперь несешь! Развѣ можно, пойми, развѣ можно иначе поправить дѣла, ежели не на невѣсткинъ капиталъ? Вѣдь у насъ теперь который годъ все вертится и перевертывается по

всякимъ банкамъ и компаніямъ, а все отъ того, что настоящаго капитала у насъ никогда не было... Да вѣдь ежели мы теперь такимъ-то капиталомъ наличнымъ управлять будемъ, да вѣдь мы на полъ-Россіи свои дѣла разведемъ, вѣдь трескъ пойдетъ вездѣ... Пойми ты это...

И, вдругъ опять перемѣняя тонъ, онъ началъ строгимъ убѣдительнымъ шопотомъ:

— Что же ты думаешь? Что, если мы ея капиталъ возьмемъ въ дѣло, что же по-твоему—тутъ имъ и конецъ, что-ли?..

— Нѣтъ, папенька, я не думаю...

— Такъ расскажи ей, какія дѣла можно развести на такіе деньги, какіе доходы могутъ быть въ ея распоряженіи... Вѣдь это не то, что шесть процентовъ на капиталъ...

— Да она не такъ думаетъ... Она не хочетъ...

— Она!.. Она!.. Да, что она? Что ты мнѣ разводишь бо-бы-то? Что она понимаетъ въ дѣлахъ? Ей что ни скажи—все ладно...

— Она не такая. Она сомнѣвается...

— Это еще что такое? Откуда взялось?

— Ольга Ивановна говорила ей, Павелъ Павловичъ...

— А-а-а! Вотъ какъ!—протянулъ Семенъ Игнатьевичъ, и опять схватился за галстукъ. Ему казалось, что этотъ галстукъ самъ собой затягивался все туже и туже.

— Такъ вотъ какъ!—повторилъ онъ,—Павелъ Павловичъ съ женой!.. А-а! Значитъ отъ меня деньги брать—особь статья, а совѣты противъ меня давать—тоже особь статья... Хорошо!.. Хорошо!.. Нѣтъ, Петръ!—сказалъ онъ, помолчавъ,—нѣтъ, Петръ, такъ нельзя... Понимаешь, такъ нельзя...

— Я, папенька, я, не скрываясь, вамъ скажу, что уже говорилъ ей много... Я только васъ не хотѣлъ тревожить... Я говорилъ. Она ни за что не хочетъ и сердится даже... Она... и сами, я думаю, замѣтили, она очень настойчивая.

— Настойчивая!—грустно повторилъ Семенъ Игнатьевичъ:—да ты-то что же, ты-то что-же? Болваномъ, что ли, ты будешь вѣкъ свой коротать у ней на услугахъ?

Онъ покачалъ головой, смотря на сына, сидѣвшаго понурившись, и потомъ, снова возвысивъ голосъ, заговорилъ:

— Подумай ты, Петръ, по крайности о томъ, какія хлопоты, заботы, сколько ухаживанья за этимъ подслѣповатымъ Павломъ Павловичемъ было потрачено, пока тебя женили... Да я въ толкъ никакъ не возьму, что это такое, наконецъ, не во снѣ ли все это?.. Или ты, Петръ, въ самомъ дѣлѣ глупъ, или

ты самъ подговариваешь жену... Да вѣдь если это правда, то тебя повѣсить мало...

Петръ Семеновичъ, наконецъ, поднялся со стула и прикладывая руку къ груди, сталъ оправдываться.

— Да вы поймите, что же я... что же я могу... Она такая... страсти! Чуть что не по ней, сейчасъ и разсердится, да! Что же я могу!..

— И по-дѣломъ тебѣ, когда такъ, когда жена тебя, глупаго человѣка, сразу подъ свою волю взяла. И по-дѣломъ! Вотъ что...

Но мысль о первенствѣ Людмилы Николаевны надъ ея мужемъ не была для Семена Игнатьевича теперь настолько важной, насколько была важна забота о ея капиталѣ, и онъ круто вернулся къ прежнему разговору. Онъ припомнилъ сыну въ десятый разъ, въ какомъ положеніи дѣла, какіе труды, заботы и траты сдѣланы были для того, чтобы женить его на Людмилѣ. Онъ напомнилъ даже о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ нему, какъ къ сыну, которому онъ, какъ отецъ, всегда давалъ извѣстную долю свободы, заботился о его счастіи, о его карьерѣ. Семенъ Игнатьевичъ, говоря объ этихъ своихъ отеческихъ заботахъ, вспоминалъ свою дочь, въ отношеніи къ которой тоже считалъ себя безукоризненнымъ отцомъ, и болѣзненно сжалось его сердце. Онъ не могъ больше говорить, голосъ его дрогнулъ и, отмахнувшись рукой, какъ-бы стараясь отогнать всѣ думы о прошломъ, такъ неотступно теперь на него нахлынувшія, онъ отошелъ въ другую сторону кабинета, гдѣ стояла высокая конторка и, облокотившись на нее руками, склонилъ на нихъ ладони свою сѣдую голову.

— Папенька, я съ своей стороны, ей-Богу... Я-то, разумеется... вы сами хорошо знаете... Ежели что возможно, неужели же я...

И у Петра Семеновича голосъ тоже немного дрогнулъ и прорвалась та живая струна, которая въ немъ глубоко дремала, почти никогда не проявляясь ни въ чемъ: ему стало жалко отца.

Отецъ приподнялъ отъ рукъ голову, гнѣвно нахмурился и грубо, повелительно сказалъ сыну.

— Пойди за женой и приходите сюда вмѣстѣ. Ежели рвать все,—такъ по крайности разомъ.

XXXII.

Выйдя изъ кабинета отца и миновавъ залу, Петръ Семеновичъ остановился въ корридорѣ. «Какъ быть, что дѣлать, въ чемъ искать выхода изъ этого труднаго положенія?» — пугливо думалъ онъ, не рѣшаясь идти въ такомъ разстроенномъ видѣ въ комнаты жены. Только теперь онъ уразумѣлъ, въ какое безотрадное положеніе ставилъ отца своимъ неискреннимъ образомъ дѣйствій и стремленіемъ къ достиженію только своего покоя и счастья. Но искать выхода изъ этого, имъ же самимъ созданнаго, положенія онъ вовсе не желалъ, да и не съумѣлъ бы. Въ его сердцѣ что-то такое защемило, какое-то чувство совѣстливости заговорило въ немъ, но оно показалось такъ непріятно Петру Семеновичу, что онъ пожелалъ поскорѣй отъ него чѣмъ-нибудь отдѣлаться. Въ это время издали, по корридору, раздались шаги, и онъ поспѣшилъ оправиться. — «Ну, вотъ, ей-Богу, какое странное положеніе», думалъ онъ: «отецъ напуталъ, а я теперь распутывай. Очень нужно! Что мнѣ за дѣло, а тоже хочу въ покоѣ пожить, а онъ меня тянетъ въ свои запутанныя дѣла!»... Онъ подбодрился, подходя къ своимъ комнатамъ, поправилъ прическу, тронулъ рукою галстукъ, ощупывая въ порядкѣ ли онъ, и потомъ уже вошелъ въ женѣ. Но, должно быть, ни прическа, ни галстукъ не могли скрыть выраженія его лица, и Людмила Николаевна встрѣтила его съ удивленіемъ:

— Что съ тобой, Пета? ты такой... странный? — спросила она, бережно кладя на спинку стула свое новое платье, которое разсматривала до прихода мужа.

— Ты хочешь это платье надѣть, да? — спросилъ онъ, намѣреваясь замять вопросъ и уже отчасти понявшій тѣ могучія струнки въ женскомъ характерѣ, при помощи которыхъ можно управлять имъ.

Но Людмила Николаевна не поддавалась этому увлекательному вопросу и потребовала отъ мужа прямого отвѣта.

— Усталъ я очень, — отвѣтилъ онъ уклончиво, и потомъ безсильно опустившись въ кресло, началъ тяжело пыхтѣть, смотря въ потолокъ.

— Усталъ? Какъ усталъ, что ты дѣлалъ? гдѣ?

Вопросы посыпались одинъ за другимъ; на горбатомъ носикѣ Людмилы Николаевны оказалось пэнснѣ, глаза прищурились, головка надменно откинулась назадъ, и Петръ Семеновичъ не могъ выдержать роли уставшаго человѣка.

— Да, Милочка, все непріятности, — вздыхая, сказалъ онъ.

— Какъ непріятности? Откуда, какія? Это еще что за новости, помилуй! Мы съ тобой только, только-что вступаемъ въ жизнь — и вдругъ непріятности!.. Я этого вовсе не хочу!

— Ну, вотъ, вотъ, и я то же говорю, Мила, — воодушевился Петръ Семеновичъ, ухватившись за ея слова, — я то же говорю... Скажи пожалуйста, чтó намъ за нужда такая въ отцовскія дѣла вмѣшиваться, чтó намъ до него, пусть онъ самъ какъ хочетъ, такъ и дѣлаетъ... Вѣдь онъ ихъ путалъ всю жизнь — ну, пусть самъ и распутываетъ.

— Конечно! Вотъ мило! Какое намъ дѣло, и въ особенности мнѣ!.. Я очень хорошо знаю, мнѣ дядя сколько разъ говорилъ...

Но Петръ Семеновичъ вдругъ вспомнилъ, зачѣмъ онъ пришелъ теперь къ женѣ и всталъ съ кресла.

— Онъ, Милочка, зоветъ насъ къ себѣ, хочетъ говорить, и чтобы сейчасъ же...

— Ну, такъ что же, я одѣнусь тогда...

— Но онъ очень сердитъ...

— Чтожъ намъ-то изъ этого? — спросила она, надменно закидывая голову.

— Разумѣется, Мила... Но все же непріятности...

— Какой ты милый, Петя! Очень милый! — вдругъ восторгаясь имъ, заговорила Людмила Николаевна и повисла у него на шеѣ: — очень, очень милый! Непріятности! — передразнила она, усаживая потомъ его на диванъ и садясь къ нему на колѣни. — Непріятности! Ха-ха! Какія намъ съ тобой могутъ быть непріятности! Я знаю хорошо... Мнѣ дядя очень много говорилъ, какъ нужно себя держать...

Она стала играть его галстукомъ, развязала его, потомъ опять завязала, пригладила ему волосы и, не обращая вниманія на то, что онъ уже нѣсколько разъ повторялъ о необходимости идти къ отцу, продолжала играть съ нимъ, сидя у него на колѣняхъ.

Во все это время Сементъ Игнатьевичъ томился въ ожиданіи. Но онъ не былъ сердитъ, или по крайней мѣрѣ старался не быть такимъ, и какъ только замѣчалъ, что кулаки его сами собой сжимаются и брови хмурятся, онъ спѣшилъ овладѣть своими чувствами и даже раза два подошелъ къ зеркалу, точно актеръ, изучающій движеніе физіономіи. «Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя», думалъ онъ, «раскричишься, тогда никакого толку не будетъ, да и не хорошо! Не хорошо! Надо всякое дѣло тихо, аккуратно»...

Дверь отворилась, и Людмила Николаевна первая вошла въ

кабинетъ. На носикѣ ея уже было пѣсенъ, явный признакъ состоянія ея духа, глазки она прищурила, что тоже указывало, что она не очень спокойна, въ рукахъ у ней былъ какой-то голубенькій шарфикъ, приготовленный для того, чтобы, выходя изъ дома, окутать имъ шею. Платье съ длиннымъ шлейфомъ широкимъ вѣеромъ волочилось за ней, и когда она прошла въ дверь кабинета, шлейфъ этотъ долго не давалъ возможности Петру Семеновичу пройти туда же, такъ какъ она, сдѣлавъ шага два внутрь комнаты, остановилась, и шлейфъ ея легъ въ самыхъ дверяхъ.

— Вы меня звали, папенька?—спросила она, вскидывая голову.

Семень Игнатьевичъ при ея входѣ пошелъ къ ней навстрѣчу, подставилъ щеку для поцѣлуя, и, ласково поддерживая Людмилу Николаевну за ея тоненькія плечики, предложилъ ей сѣсть, стараясь сохранить на своемъ пасмурномъ лицѣ ласковое выраженіе. Въ это время шлейфъ передвинулся отъ дверей къ стульямъ и освободилъ путь Петру Семеновичу, въ чемъ Людмила и сама отчасти оказала содѣйствіе, отшвырнувъ въ сторону шлейфъ ногою. Петръ Семеновичъ вошелъ, однакоже сѣсть не рѣшался.

— Садитесь, садитесь... Что же... Такъ довѣе... — неловко приглашалъ Семень Игнатьевичъ, поглаживая бороду, — оно ежели сидѣть... оно всегда... удобнѣе... невѣпримѣрь.

— Вотъ, видишь-ли, моя голубушка, невѣстка, — началъ Семень Игнатьевичъ, садясь съ ней рядомъ. — Садись, Петръ! — сказалъ онъ въ сторону сына, стоявшаго около его письменнаго стола, и когда сынъ молча сѣлъ, — обратился опять къ Людмилѣ: — вотъ, видишь-ли ты, невѣстуха, дѣла такого рода. У тебя капиталъ теперича большой, благодаря родителямъ, за которыхъ ты должна, значить, завсегда передъ Господомъ молиться, потому что они тебя навсегда обезпечили... Ну, вотъ, такъ этотъ самый капиталъ приносить теперь всего-то, можетъ статься, тысячъ до двѣнадцати въ годъ, а ежели его, значить, пустить въ настоящее дѣло, то барышей-то будетъ на него не двѣнадцать, а и всѣ двадцать-пять, а то и тридцать тысячъ въ годъ. Тогда бы можно было пошире живнѣ-то развести... Ну, вотъ, потому я теперь и предлагаю... Я говорилъ Петру...

Семень Игнатьевичъ вивнулъ головой къ сторону, гдѣ сидѣлъ сынъ, и продолжалъ.

— Оно правда... дѣлишки наши въ послѣдніе года немного поусложнились, дѣло-то развели широко, не по силамъ, ну, и не-

дохватки кое-гдѣ есть, и оно очень бы хорошо, если мы со-единимъ твой капиталъ съ нашимъ...

— Я должна вамъ, папенька, сказать, что выгодами не прельщаюсь, и хочу жить только на проценты...

— Но что же будетъ дѣлать Петръ? Вѣдь безъ дѣла же нельзя жить? Подумайте...

— Это будетъ видно впоследствии, папенька... Пока я не могу ни на что рѣшиться...

Семенъ Игнатьевичъ нѣсколько возвысилъ тонъ голоса, заговорилъ объ обезпеченіи капитала невѣстки, потомъ быстро перешелъ опять на необходимость имѣть сыну занятія и — мимоходомъ замѣтивъ, затѣмъ, что весь этотъ разговоръ въ сущности пустое дѣло, и что невѣстка слушаетъ его только по обязанности, сразу поставилъ вопросъ круто:

— Мнѣ необходима поддержка... Обезпеченіе вѣрное: заводское дѣло можно перевести на твое имя, и я говорилъ Петру все, онъ знаетъ...

— Я, папенька, не могу, и вы меня извините.

— Но развѣ тебѣ онъ не рассказывалъ, — уже начиная волноваться, спрашивалъ Семенъ Игнатьевичъ, поднявшись со стула.

— Онъ мнѣ говорилъ... Но я не желаю...

Она тоже поднялась со стула, и, смотря на нее, молча поднялся и Петръ Семеновичъ.

— Но какъ же такъ... — попеременно переводя взглядъ свой то на невѣстку, то на сына, — спрашивалъ Семенъ Игнатьевичъ: но вѣдь такъ нельзя... и отчего же такъ вдругъ, на-отрѣвъ... Чтѣ ты, глупенькая, какая неукладистая!.. Такъ нельзя... Ну, ты посоветуйся съ мужемъ, ну, съ дядей съ своимъ... И я съ нимъ поговорю. Дѣло вѣдь это не простое, дѣло сложное; вотъ поговоримъ, и тогда ты можешь, если ужъ такъ тебѣ угодно, тогда ты можешь и рѣшить...

— Знаете что! — вдругъ смѣло перебила Людмила Николаевна.

— Нѣтъ, разумѣется, не знаю, — грустно улынувшись, отвѣтилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Вотъ что я вамъ скажу, папенька... Все это будетъ напрасный трудъ, вы сами будете напрасно утѣшать, и сколько бы тамъ ни говорили, я... извините, я не соглашусь ни на какія условія... Пусть дядя, тѣтка говорятъ мнѣ, а я не соглашусь...

Слова эти были произнесены такимъ самонадѣаннымъ и рѣшительнымъ тономъ, что Семена Игнатьевича сразу всего передернуло. Онъ еще не слыхалъ никогда отъ дѣтей ничего подобнаго.

— Эхъ, полно, полно, невѣстка, вздоръ городить... — сказалъ онъ съ явнымъ пренебреженіемъ: — это все-такое ты болтаешь несообразное... Ну, чего ты, чего ты смыслишь, когда ужъ вотъ онъ, твой мужъ, дуракъ, ничего не понимаетъ, такъ ужъ гдѣ тебѣ!..

— Позвольте, я не хочу слышать такихъ выраженій, я не хочу, чтобы вы въ моемъ присутствіи мужа моего называли дуракомъ... Я не ожидала отъ васъ этого...

И при этихъ словахъ шлейфъ Людмилы Николаевны бойко отвернулся въ сторону, и она вышла изъ кабинета; но сцена разрыва на этомъ не окончилась.

Семень Игнатьевичъ вышелъ слѣдомъ за Людмилой Николаевной въ залу и преградилъ ей дорогу, остановившись прямо предъ ея лицомъ.

— И я точно также, и я точно также не позволю тебѣ здѣсь важничать и задирать голову кверху, да! Ты вышла замужъ за моего сына, значить, ты моя дочь и не смѣешь такъ со мной говорить!

Голосъ его уже гремѣлъ на высокихъ нотахъ, но испугать Людмилу Николаевну было нелегко. Она смѣло смотрѣла на разсердившагося Семена Игнатьевича и была повидимому спокойна, только губы ея нѣсколько дрожали, что она, впрочемъ, силилась скрыть, помахивая своимъ голубенькимъ шарфикомъ. Петръ Семеновичъ стоялъ рядомъ и рѣшительно не зная, что ему теперь дѣлать.

— Ты думаешь, что ты пришла сюда въ домъ ко мнѣ командовать? — такъ ошибаешься...

— Точно также и вы ошибаетесь и напрасно думаете, что я вамъ позволю надо мной командовать. Надо мной еще никогда и никто не командовалъ...

— Папенька! затѣмъ вы такъ?.. — пробовалъ успокоивать Петръ Семеновичъ.

— Э, молчи ты, миротворецъ! — презрительно закричалъ Семень Игнатьевичъ, гнѣвно сверкая глазами.

— Мила! Мила! — шепталъ Петръ Семеновичъ, стараясь повернуть ее за плечи и направить къ выходу изъ залы.

Но Людмила Николаевна порывисто отъ него освободилась и опять заговорила, обращаясь къ Семену Игнатьевичу:

— Я никогда, никогда вамъ не прощу этого... Я больше ни разу не покажусь вамъ на глаза... Я не хочу, не хочу, не хочу васъ видѣть...

Голосъ ея дрогнулъ, женская натура взяла свое, и голубень-

кому шарфику, вмѣсто того, чтобы служить прикрытіемъ ея шеи, пришлось замѣнить ручной платокъ.

Только теперь Семенъ Игнатьевичъ опомнился, но уже было поздно: Людмила плачущая пошла въ свои комнаты.

— Ну, ну, не вѣстка, полно! Ну, полно!.. Мало-ли чего не бываетъ! — старался успокоить Семенъ Игнатьевичъ, опять заграждая ей путь изъ залы.

Людмила Николаевна сердито отвернулась отъ него и, не отнимая шарфика отъ глазъ, хотѣла идти дальше.

— Ну, полно, полно! Ну, что дѣлать! сорвалось съ языка...

— Мила, перестань, перестань! — началъ уговаривать и мужъ.

Но оба они мало еще были знакомы съ характеромъ Людмилы Николаевны и своимъ упрямствомъ только подливали масла въ огонь. Она рѣзко отъ нихъ отвернулась и ушла въ свои комнаты; Петръ Семеновичъ немедленно пошелъ за нею.

Семенъ Игнатьевичъ, мрачный и нахмурившійся, остался въ залѣ и долго стоялъ около рояля, облокотившись на него правой рукой.

Карповна, слышавшая изъ столовой весь этотъ шумный споръ, пугливо крестилась, и теперь, смотря въ дверную щель на Семена Игнатьевича, шептала молитвы...

XXXIII.

На другой день утромъ Семенъ Игнатьевичъ вышелъ изъ своей комнаты блѣдный, съ впалыми глазами, точно послѣ трудной болѣзни. Въ столовой сидѣла за самоваромъ Карповна, унылая и тоже имѣвшая болѣзненный видъ. Отвѣтивъ на ея робкій поклонъ порывистымъ кивкомъ головы, Семенъ Игнатьевичъ молча сталъ пить чай и потомъ, послѣ двухъ-трехъ стакановъ, несмотря на нее, спросилъ:

— Поздно вчера Петръ вернулся съ женой?

— Да, поздно, такъ около этакъ, какъ будто, въ девятомъ часу, — отвѣтила Карповна, привскакивая со стула.

— Хорошъ обѣдъ! — мрачно проворчалъ Семенъ Игнатьевичъ, и немолчавъ спросилъ: — не видала тамъ... какъ они, что?

— О чемъ это, батюшка Семенъ Игнатьевичъ? — опять привскакивая со стула, спросила Карповна.

— Ну, тамъ, на счетъ этихъ сборовъ... что они?

— Собираются, батюшка, собираются... Сама видѣла, и вчера

еще суета такая у нихъ шла... Барыня-то молодая все плакала, а Петръ Семеновичъ все за ней такъ и этакъ, какъ нянька какая...

Семень Игнатьевичъ, слушая Карповну, сначала нервно барабанилъ по столу пальцами, потомъ вдругъ стукнулъ кулакомъ по немъ такъ, что посуда дрогнула и задребезжала.

— Замолчи! — оборвалъ онъ Карповну и, сердито отодвинувъ недопитый стаканъ чаю, вышелъ изъ столовой.

Дѣлами онъ заниматься не могъ и велѣлъ дежурному мальчику оставаться въ прихожей, затворить изъ нея дверь въ залу и никого не принимать, говорить, что хозяинъ боленъ. Отдавъ такое приказаніе, Семень Игнатьевичъ прошелъ-было въ свой кабинетъ, но не могъ пробыть въ немъ и одной минуты. Вездѣ ему было нестерпимо, и онъ не зналъ, куда уйти отъ самого себя, отъ своихъ думъ, жалобъ и разочарованій. Чего-чего не приходило въ голову! То онъ обвинялъ дѣтей, и дочь, и сына и его жену, считая ихъ неблагодарными и безчувственными, то мысленно ругалъ себя, что не послушался сына, когда онъ предлагалъ ему увеличить сумму долговъ и объявить несостоятельность, то опять бранилъ сына за бессердечіе.

Отдаваясь такимъ думамъ, онъ начиналъ волноваться, кулаки его сами собою сжимались, брови хмурились и въ глазахъ сверкала лихорадочный блескъ. — Ну, думалъ онъ, Маша ушла и ничѣмъ моимъ дѣламъ не повредила, а вѣдь онъ, разбойникъ, теперича меня въ какое положеніе ставить! Мнѣ нужно поддержку, а онъ вотъ какъ вдругъ со мной поступаетъ... Онъ на сторонѣ жены, это я вижу, — разумѣется на сторонѣ жены, и Павелъ Коромысловъ и Ольга Ивановна, они всѣ за-одно... Какая однако подлость!

И вдругъ на этомъ рѣзкомъ словѣ мысли Семена Игнатьевича опять бѣгутъ въ другую сторону и разбиваютъ его прежніе выводы.

«О чемъ я хлопочу», думаетъ онъ, «вѣдь я о своихъ дѣлахъ хлопочу... Ну, что же, что же въ этомъ дурного?» И на этомъ вопросѣ у него боленно сжимается сердце, онъ припоминаетъ сумму своихъ долговъ, превышающихъ сумму невѣстнаго капитала и презрительно отмахивается отъ своихъ мыслей. «Какая пустяковина лѣзетъ въ голову», опять думаетъ онъ, «да я съ двумястами тысячъ наличнаго капитала на два милліона дѣла бы развелъ...» И досада, и злоба, и презрѣніе ко всему окружающему закипаютъ въ его сердцѣ.

«Но что же мнѣ дѣлать?» мечется онъ, минуту спустя: «несостоятельность объявить? Спасать крохи, жалкіе десятки тысячъ,

въ то время, когда можно бы занять первое мѣсто среди богачей... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу я никакой несостоятельности... поздно! Подлецъ Петрушка!.. А какъ можно бы все устроить хорошо!>..

Спустя нѣсколько времени, онъ уже забылъ о томъ, что приказалъ дежурному мальчику говорить всѣмъ приходящимъ о своей болѣзни, и уѣхалъ изъ дому. Онъ ѣздилъ къ Коромысловымъ и, вмѣсто того, чтобы уладить дѣло, испортилъ его еще больше.

Теперь, опять шагая по ковруку залы, онъ удивляется, что за перемены такія происходятъ въ его характерѣ. Прежде онъ былъ таковой дипломатъ, ласковый, сдержанный, умѣвшій улаживать и устранять всякія пренатствія; а теперь такъ горячится, ссорится со всѣми. И, вспоминая свой разговоръ и споры съ Коромысловыми, онъ, въ настоящую минуту, самъ себя стыдится и хмурится и досадуетъ на себя.

«И въ самомъ дѣлѣ, думаетъ онъ, кто виноватъ, что у меня дѣла разстроены? Это Ольга Ивановна мнѣ справедливо пшилку подпустила...»

И опять мысли стали перегонять другъ друга, путаясь на неразрѣшимомъ вопросѣ о томъ, кого обвинять въ невзгодахъ, собравшихся теперь надъ его головой.

— Гдѣ Петръ?—спросилъ онъ дежурнаго мальчика.

— Я не видалъ-съ...—пугливо отвѣчалъ тотъ, тоже давно замѣтившій, что въ домѣ творится что-то недоброе.

— Ты не видалъ, да?.. Ну, а кто же другой видѣлъ, а?—сердито приставалъ онъ къ оробѣвшему мальчику.

— Да никто не видалъ-съ. Они еще не выходили-съ.

— Давно-бы, глупый, такъ сказалъ,—ворчливо проговорилъ онъ мальчику и сталъ опять ходить по залѣ, задумываясь надъ впечатлѣніемъ только-что бывшихъ споровъ его съ Коромысловыми.

Однако же, сколько ни ждалъ Семенъ Игнатьевичъ сына и дочери—они не выходили въ нему. Онъ порывался-было пойти самъ въ комнаты сына, но раздумалъ, сознавая, что ему неприлично,—хотѣлъ потомъ послать мальчика, но призналъ, что и это тоже унижительно. «Не придутъ—ну, Богъ съ ними, а посылать не буду», порѣшилъ онъ, и, пересиливъ отвращеніе къ кабинету, вошелъ въ него. Сидѣтъ ему, впрочемъ, пришлось недолго: дежурный мальчикъ вошелъ и сказалъ, что Петръ Семеновичъ проситъ позволенія войти.

— Это еще что такое?—удивился Семенъ Игнатьевичъ,—что онъ еще за комедію со мной хочетъ играть — доклады какіе-то выдумалъ—и самъ пошелъ въ залу.

Петръ Семеновичъ и Людмила Николаевна были въ дорожномъ платьѣ и молча встрѣтили его выходъ.

— А-а! — протянулъ онъ, какъ-бы удивляясь, что видятъ ихъ готовыми въ дорогу: — собрались, да?

— Да, — отвѣтилъ Петръ Семеновичъ, смотря въ полъ.

Людмила Николаевна ничего не сказала, но она вовсе не имѣла того смиреннаго вида, какой имѣлъ ея мужъ. Она смотрѣла въ сторону и хотѣла этимъ показать Семену Игнатьевичу, что пришла сюда вовсе не для того, чтобы мириться съ нимъ, а только изъ уваженія къ приличіямъ.

Всѣ трое помолчали. Семенъ Игнатьевичъ пытливо оглянулъ раза два сына и невестку и хотѣлъ-было что-то еще сказать на счетъ капиталовъ, но слово какъ-то не сказалось.

— Что же это вы такъ... рано? Вѣдь пароходъ идетъ послѣ обѣда, кажется, около пяти? — спросилъ онъ.

— Да... Но наши звали... обѣдать...

«Наши» мелькнуло въ головѣ Семена Игнатьевича, и онъ грустно улыбнулся.

— Съ нами ѣдетъ тѣтя, — вдругъ вскидывая головку вверхъ, добавила Людмила Николаевна.

— А-а! — отвѣтилъ Семенъ Игнатьевичъ... Ну, чтожъ... это... хорошо...

— Можеть, вы, папенька, приѣдете къ Павлу Павловичу обѣдать... Тогда бы проводили насъ оттуда... — робко попросилъ сынъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — уклончиво отвѣтилъ Семенъ Игнатьевичъ, — нѣтъ!.. Я не имѣю времени... И, видимо, уже теряя самообладаніе, круто повернулъ разговоръ.

— Ну, съ Богомъ, когда такъ!.. Ну, пойдите, пойдите... Прощаться не буду... Пойдите!.. Богъ съ вами, Богъ съ вами!

Онъ замахалъ руками, нахмурился, глаза засверкали, и, быстро повернувшись, ушелъ въ кабинетъ.

Петръ Семеновичъ вздохнулъ свободно только тогда, когда вышелъ уже на улицу.

Въ тотъ же вечеръ Семенъ Игнатьевичъ долго разспрашивалъ Спиридона Федоровича о дѣлахъ, долго за полночь горѣлъ въ его кабинетѣ огонь и, когда они кончили всѣ разговоры, Семенъ Игнатьевичъ вдругъ спросилъ:

— А когда идетъ еще пароходъ вверхъ?

Оказалось, что рано утромъ слѣдующаго дня. Услышавъ это извѣстіе, Семенъ Игнатьевичъ немедленно же сталъ собираться

въ дорогу. Онъ замѣтно оживился и заботливо сталъ рассказывать Спиридову Ѳеодоровичу о томъ, насколько ему необходимо повидаться въ Петербургѣ съ тѣми чиновными лицами, которые вѣдаютъ его дѣла по подрядамъ.

Спиридонъ Ѳеодоровичъ слушалъ и помалчивалъ, но что-то очень часто покашливалъ, прикрывая ротъ рукой.

— Ты что, простудился, что ли? — спросилъ наконецъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Да, — отвѣчалъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ, бросая искоса внимательный взглядъ на его лицо.

Такихъ взглядовъ онъ уже успѣлъ на него вскинуть нѣсколько, все болѣе и болѣе удивляясь тому странному состоянію, въ какомъ былъ въ это время Семенъ Игнатьевичъ.

Дѣйствительно, на другое утро Семенъ Игнатьевичъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ городѣ никто этому особеннаго значенія не придалъ, зная, что у Семена Игнатьевича дѣлъ много и разъѣзжаетъ онъ часто.

Въ домѣ послѣ его отъѣзда все шло, повидимому, такъ же, какъ и прежде. Спиридонъ Ѳеодоровичъ попрежнему помалчивалъ, засѣдая за своимъ конторскимъ столомъ, двери конторы открывались и закрывались и всѣ входившія и выходившія лица не выражали никакихъ неудовольствій. Кончался мирно день за днемъ, получались и производились платежи, отправлялись и получались товары; запирались потомъ двери конторы, и сторожъ, отставной солдатъ, опять точалъ сапоги, покуривая свою трубочку и «слава Бога»... Но гроза была близко!

Прошло не болѣе одного мѣсяца, какъ уже гроза эта нависла надъ домомъ Семена Игнатьевича. Первые признаки ея начались съ того, что Спиридонъ Ѳеодоровичъ, согласно полученному изъ Петербурга предписанію, прекратилъ платежи по конторѣ. Въ тотъ же день по Малиновску пошелъ шумъ. У дверей конторы собралась толпа кредиторовъ, кричали, спорили, бранили Семена Игнатьевича, его сына, Спиридона Ѳеодоровича и самихъ себя. Сторожъ гналъ ихъ отъ дверей, прося разойтись, но никто его не слушалъ.

— Пошли къ намъ Спиридошку, пошли Спиридошку, — кричало нѣсколько голосовъ сразу: — пошли, пусть онъ намъ все объяснитъ.

— Какъ же я теперь вамъ его, значить, пошлю, когда онъ ежели уѣхамши... Ждите до завтра. Завтра вамъ резолюція выйдетъ.

Но резолюціи ждать никто не хотѣлъ, и жадно требовалъ

каждый сейчасъ же не только объясненій, но и уплаты слѣдовавшихъ ему денегъ.

Сторожъ, такъ недавно еще благодарившій судьбу за мирную свою жизнь, теперь волновался, спорилъ съ осаждавшими двери конторы кредиторами и проваливалъ тотъ часъ, въ который онъ поступилъ на службу къ Иванову.

XXXIV.

Городъ Малиновскъ въ снѣгу. Многоводная рѣка скована льдомъ, не слышно пароходныхъ свистковъ, не видно судовыхъ парусовъ, и на лугахъ, гдѣ при свѣтѣ лѣтнаго солнца было такое разнообразіе жизни, теперь мертвая тишь. Тянется по этимъ лугамъ унылая дорожка-тропа и подолгу она остается безлюдною. Рѣдко, рѣдко проташится по ней на тощей лошади въ жалкихъ дровняхъ сгорбившійся и съжившійся крестьянинъ, возвращаясь изъ города послѣ продажи дровъ домой въ деревню, гдѣ влечить онъ свое бѣдное существованіе. Смотритъ Карповна изъ оконъ дома Семена Игнатьевича на эти жалкія сани и ругается отъ скуки и злости. Вотъ, молъ, бѣдный и оборванный мужиченко ѣдетъ, и можетъ избенка-то у него давно покосилась и холодище въ ней стоитъ страшный, а все же онъ домой ѣдетъ къ своему гнѣзду, а я-то здѣсь сижу въ этой теперь тюрьмѣ одна одишепенка — и нѣтъ мнѣ ниоткуда ни отвѣта, ни привѣта. И чтой-то у насъ такое дѣлается, думаетъ она, ничего-то я не понимаю. Спиридонъ лежитъ себѣ въ своей конурѣ, глаза въ потолокъ палить, амбары всѣ заперты, народъ служащій распустили — тишь такая кругомъ мертвая, что индо страшно какъ-то... Гдѣ теперь Семень Игнатьевичъ, гдѣ Пета съ женой, гдѣ Маша?.. Никто мнѣ ничего не говорить. Экая напасть нашла!

Охаетъ, поетъ Карповна, ходя по пустымъ комнатамъ, и хотя никого она въ гости не ждетъ, а все же вездѣ за порядкомъ смотреть, вездѣ сама пыль счищаетъ и заботливо наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы все было на своемъ мѣстѣ.

Вотъ уже три мѣсяца прошло съ того времени, какъ Семень Игнатьевичъ уѣхалъ, и до сихъ поръ Карповна остается въ полномъ невѣдѣніи, когда онъ возвратится, да и возвратится-ли. Впрочемъ, въ городѣ Малиновскѣ никто объ этомъ ничего не знаетъ, знаетъ одинъ только Спиридонъ Ѳедоровичъ, но отъ него добиться разговоровъ трудно. Онъ валяется себѣ на диванѣ и

отмалчивается. Догадывается онъ, что въ дѣлахъ Семена Игнатьевича развязка близка, но какая—этого предугадать не можетъ.

«Бывали», думаетъ Спиридонъ Ѳедоровичъ, «крутя обстоятельства, и Семенъ Игнатьевичъ выходилъ изъ нихъ молодцомъ, но едва ли теперь выйдетъ... Развѣ устроить съ кредиторами сдѣлку?.. Такъ или иначе, но только бы скорѣе конецъ, а то теперь и мои дѣла остановились: невѣста хорошая есть въ виду и, говорятъ, съ деньгами. Надо бы присвататься, а не ловко: у хозяина дѣла туги, и не знаешь, что будетъ дальше...

Такъ тнются дни за днями.

Спокойнѣ всѣхъ другихъ чувствуетъ себя Павелъ Павловичъ Коромысловъ. Похаживаетъ онъ по своей квартирѣ тихими мелкими шагами, посматриваетъ на картины, украшающія его комнаты и думаетъ:

«Какъ, однако, теперь у меня мило, тишина такая вкругомъ... Вотъ печалился я, когда провожалъ Милу и Ольгу Ивановну, еще и плакалъ даже, а оказывается, что теперь безъ нихъ-то спокойнѣе. Пусть себѣ погуляютъ, а я пока отдохну въ тишинѣ».

Ему и въ голову не приходятъ никакія сомнѣнія насчетъ отношеній Ольги Ивановны къ молодымъ, онъ, напротивъ, доволенъ, что она поѣхала съ ними: во-первыхъ, ей развлеченіе, ему покой, а, во-вторыхъ, и расходовъ безъ нея въ домѣ меньше.

Пока такъ мирно шла жизнь въ Малиновскѣ, Семенъ Игнатьевичъ метался по желѣзной дорогѣ то въ Москву изъ Петербурга, то изъ Москвы въ Петербургъ. Онъ тратилъ послѣдній запасъ своей энергіи, сляся какъ-нибудь уладить запутанные денежные счета и найти компаньона въ свое заводское дѣло, въ будущій успѣхъ котораго все еще не переставалъ считать надежды; но время танулось безполезно и планы его не удавались. Съ начальствомъ, завѣдывавшимъ его подрядами, онъ кое-что и устроилъ, но этого было мало для поддержки дѣлъ.

Вздитъ онъ по Петербургу въ каретѣ, одѣтый въ дорожную шубу и шапку, въ рукахъ у него газета, и часто съ ея развернутымъ листомъ онъ поднимается по параднымъ лѣстницамъ дорогихъ квартиръ и своимъ важнымъ видомъ, дѣйствительно, производитъ впечатлѣніе, но—увы!—только на швейцаровъ и петербургскихъ сановниковъ средней руки. Успѣвая кое-въ-чемъ по части исполненія лежавшихъ на немъ подрядовъ, онъ нѣкоторое время жилъ надеждами на то, что, «авось, опять какъ-нибудь все уладится». По старой привычкѣ онъ продолжалъ играть среди знакомыхъ богачей роль независимаго человѣка, не

замѣчая, что эта роль, удачно игранная имъ дѣтъ тридцать кряду, теперь уже доиграна: уже слухи давно распространились среди торговаго люда объ упадкѣ его дѣлъ и надо было сойти со сцены.

Трудно было ему сломить себя, а между тѣмъ онъ сознавалъ, что сломить надо, надо идти просить пощады, отсрочки платежей, поддержки въ кредитъ — а онъ не шелъ, медлилъ, откладывая день за день. Поджидалъ онъ еще нѣкоторое время, что вотъ-вотъ придетъ къ нему сынъ и, авось, онъ какъ-нибудь съ нимъ сойдется. Но сынъ не шелъ, хотя Семенъ Игнатьевичъ зналъ, что онъ въ Петербургѣ, и даже зналъ, въ какой гостинницѣ онъ квартируетъ. Идти къ нему въ гостинницу онъ не хотѣлъ, да и сознавалъ притомъ, что это было бы бесполезно. Но какая-то, самому ему непонятная сила влекла его въ ту улицу, гдѣ квартировалъ сынъ. Онъ старался превозмочь себя и долго удерживался, проходя мимо этой гостинницы и все-таки не удержался, зашелъ.

«Спрошу, по крайней мѣрѣ, не уѣхалъ ли ужъ онъ изъ Петербурга».

Оказалось, что Петръ Семеновичъ дѣйствительно уже уѣхалъ съ женой и съ Ольгой Ивановной за границу. Это извѣстіе поразило Семена Игнатьевича, хотя, казалось бы, ничего въ немъ не было удивительнаго.

«Кончено, видно, теперь все!» мрачно думалъ онъ, шагалъ по улицѣ и не зная самъ, куда идетъ. Шелъ, шелъ и зашелъ въ Почтамтскую, остановился у дверей телеграфной станціи и задумался. Кто-то сердито проворчалъ на него, прося дать дорогу къ дверямъ. Онъ удивленно оглянулъ его и отошелъ къ колонкѣ подъезда. Думы его какъ-то странно боролись между собой, и онъ колебался, то рѣшаясь послать въ Малиновскъ депешу, то отрицая только-что принятое рѣшеніе. Ъхалъ мимо извозчикъ и замѣтивъ его, въ нерѣшительности стоявшаго у подъезда станціи, предложилъ свои услуги. Семенъ Игнатьевичъ опомнился, зашлыща его голосъ, и ушелъ въ двери станціи, но и тамъ онъ еще нѣкоторое время колебался—послать ли депешу или не посылать. Вопросъ былъ слишкомъ важный, такъ какъ этой депешей рубился узелъ всѣхъ его запутанныхъ дѣлъ и, пошлавъ ее, уже не было поворота назадъ.

«Послать или не послать?» еще разъ думалъ онъ, уже написавъ Спиридону Фёдоровичу депешу, и рѣшивъ, что надо послать и по крайней мѣрѣ хоть что-нибудь сберечь на кусокъ хлѣба:—не идти же потомъ просить подаянія.

И телеграмма была подана. Въ ней сообщалось приказаніе Спиридону Өеодоровичу прекратить по конторѣ всѣ платежи впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

Выйдя изъ телеграфной станціи, Семенъ Игнатьевичъ немедленно же сѣлъ въ первыя попавшіяся дрожки и поѣхалъ къ себѣ въ номеръ. «Все кончено, все кончено, и надо подбирать крохи», думалъ онъ, и, видимо подъ впечатлѣніемъ принятаго рѣшенія, тотчасъ же принялся писать въ Малиновскъ письмо къ Спиридону Өеодоровичу, дѣлая распоряженія какъ поступать съ дѣлами. Писалъ онъ торопливо, часто останавливался, теръ лобъ рукой и глубоко вздыхалъ. Окончивъ письмо и тоже немедленно отправивъ его заказнымъ, Семенъ Игнатьевичъ чуть ли не въ первый разъ въ жизни вдругъ увидѣлъ себя совершенно свободнымъ человекомъ, которому некуда времени дѣвать... До этого дня, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, онъ метался во всѣ стороны, то по присутственнымъ мѣстамъ, то по квартирамъ богачей, то по желѣзной дорогѣ въ Москву и назадъ, и все думалъ, соображалъ, высчитывалъ и некогда ему было задумываться надъ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ этихъ соображеній и высчитываній, кромѣ заботъ о дѣлахъ, о поискахъ компаньона, о долгахъ и о капиталахъ невѣстки. Теперь оказывалось вдругъ, что все это уже не нужно—и странно какъ-то показалось это новое положеніе, и на сердцѣ какъ будто стало легче, но эта легкость была слишкомъ обманчива. Не прошло и полдня, какъ сердце принялся сосать какой-то змѣй и сосалъ упорно, настойчиво, не переставая ни на одну минуту.

До сихъ поръ Семенъ Игнатьевичъ только иногда и на слишкомъ короткій моментъ отдавался думамъ о дочери, и каждый разъ рѣшалъ, что не стоитъ къ ней ѣхать. Она отъ меня убѣжала, не спросилась, не попросила благословенія—зачѣмъ я къ ней поѣду, не до нея мнѣ, размышлялъ онъ; но теперь, когда во всѣ четыре стороны міра не было нигдѣ для него никакихъ надеждъ, все было обворвано и разбито, онъ не могъ не ухватиться за мысль о дочери. Однако же, и здѣсь, при несомнѣнной потребности его сердца схватиться за какое-нибудь утѣшеніе, хотя бы даже и призрачное, явилось на одну минуту сомнѣніе, какъ посмотреть на него дочь теперь, когда онъ изъ независимаго важнаго богача превратился въ разорившагося и давиваго долгами бѣдняка. Сомнѣніе это, быстро промелькнувъ въ его головѣ, быстро же и исчезло при одной мысли о томъ, какъ смотрѣла на жизнь его Маша.

Былъ холодный день, и рѣзкій вѣтеръ хлесталъ въ лицо дож-

демъ въ то время, когда Семень Игнатьевичъ отправился искать квартиру дочери. Нашелъ онъ тотъ нумеръ дома, въ которомъ по извѣстному ему адресу должна была жить Маша. Грязный дворъ, темная лѣстница и наконецъ гдѣ-то, на самомъ верху, грязная квартира—все это въ значительной степени поражаало его, но онъ бодро шелъ впередъ и позвонилъ у дверей.

— Здѣсь живетъ Марья Семеновна Иванова?—мрачно спросилъ онъ.

— Жила здѣсь... Это точно такъ, но только она вѣдь умерла... Умерла, батюшка мой, отъ тифа умерла... А какая была хорошая дѣвушка, какая скромница, работающая...

Семень Игнатьевичъ широко раскрылъ глаза, рѣшительно не понимая, о чемъ и что ему говорить эта грязная женщина. Сердце еще болѣзненнѣе заняло, змѣй, его сосавшій, какъ будто рвалъ его на части, и кромѣ этой нравственной боли, Семень Игнатьевичъ почувствовалъ, что у него опять началась боль въ боку въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то счастливо сдѣлали ему проколъ и спасли отъ смерти.

— Когда она умерла?—глухо и мрачно спросилъ онъ.

— Да какъ вамъ сказать не соврать, давно ужъ,—плачевно объясняла женщина, приложивъ правую руку къ щекѣ,—недѣли надо-быть съ двѣ...

— Боже мой, Боже мой!..—болѣзненно простоналъ Семень Игнатьевичъ, припоминая, что въ это время онъ былъ въ Петербургѣ.

— Въ больницѣ вотъ здѣсь недалеко и померла,—продолжала плаксиво женщина, не замѣчая, что Семень Игнатьевичъ точно пьяный качается, опираясь спиной на дверь.—Да вы кто будете ей-то, знакомый, али сродственниковъ какой?—спросила, наконецъ, она. Но Семень Игнатьевичъ не отвѣтилъ ей и только глубоко-глубоко вздохнулъ, отчаянно отмахнувшись рукой отъ вопросовъ.

Какъ онъ доѣхалъ до своей квартиры—не помнилъ самъ. Какіе-то темные и радужные круги двигались передъ его глазами, и сердце точно переставало биться и даже не слышно было его ноющей боли. Онъ не замѣчалъ, куда везъ его извозчикъ, не видѣлъ ни улицъ, ни домовъ, ни суеты людской, неустанно продолжающейся въ городѣ съ утра до вечера. По временамъ онъ дико озирался, точно испугавшись чего-то, и, какъ-бы приходя въ себя, старался сидѣть на дрожжахъ прямо, чтобы не свалиться съ нихъ.

— Это за что же, Господи? За что же это ты такъ меня

наказываешь?—бормоталъ онъ точно въ снѣ.—Царь небесный... Да за что же это ты меня такъ... жестоко!

Возвратившись въ свой номеръ, онъ свалился на кровать, не раздѣваясь, въ шубѣ и шапкѣ и зарыдалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку.

Въ эти минуты забылъ онъ всѣ свои разстроенныя дѣла, забылъ сына и его неблагодарность, забылъ всѣхъ и все, и только одна дочь, больная, въ бѣдной грязной комнатѣ рисовалась въ его воображеніи, и онъ обвинялъ себя, что въ суетѣ дѣлъ недостаточно былъ близокъ къ ней, когда она жила дома.

Онъ заболѣлъ, но должно быть еще не вся чаша страданій была имъ выпита, и, пролежавъ недѣли три въ постели, сталъ поправляться. Первая забота по выздоровленіи была о могилѣ дочери. Потерявъ все въ жизни, онъ искалъ утѣшенія въ томъ, что только еще болѣе его разстроивало. Нѣсколько дней сряду видали его кладбищенскіе сторожа около той могилы, гдѣ была похоронена Маша. Онъ по-долгу стоялъ у ея могилы, понуривъ голову и шепталъ: «Вѣдь я не виноватъ, Маша, вѣдь я не виноватъ... Вѣдь ты сама ушла...»

— Нѣтъ, нѣтъ, уйду, не хочу здѣсь больше оставаться,—настойчиво твердилъ онъ доктору, совѣтовавшему пожить еще въ Петербургѣ до полного восстановленія силъ, и, поставивъ на могилѣ дочери памятникъ, уѣхалъ въ Малиновскъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ былъ уже вблизи Малиновска, но въ самый городъ не рѣшился ѣхать днемъ, не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь видѣлъ его возвращеніе домой. Поздно ночью пріѣхалъ онъ въ свой опустѣлый домъ. Карповна испугалась, заслыша звоночекъ и засуетилась, когда узнала о пріѣздѣ Семена Игнатьевича.

— Батюшка ты нашъ, кормилецъ, какъ похудѣлъ-то... Голубчикъ!—винулась она къ нему на встрѣчу.

Огарокъ сальной свѣчки, бывшій у ней въ рукѣ, дрожалъ и пламя колыхалось, отдѣляя отъ себя струйку дыма.

— Тише, Карповна, не тревожь...—сухо отвѣтилъ онъ, раздѣваясь, и вошелъ въ залу.

Карповна, суетясь и охая и тыкаясь во всѣ углы, зажгла, наконецъ, свѣчи предъ зеркалами и побѣжала ставить самоваръ. Семенъ Игнатьевичъ прошелъ въ кабинетъ, самъ зажегъ въ немъ свѣчи и потомъ пошелъ въ гостиную, гдѣ тоже зажегъ свѣчи и растворилъ ея двери въ залу.

— Тьма, тьма! — шепталъ онъ, уныло опускаясь на стулъ.

Пришелъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ съ заспанными глазами и молча ждалъ вопросовъ.

— Вели-ка, Спиридонъ, здѣсь затопить каминъ — холодно что-то...—сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія.

Спиридонъ Ѳеодоровичъ ушелъ на нѣкоторое время, отдавая распоряженіе о топкѣ камина. Семень Игнатьевичъ, казалось, не замѣтилъ даже его ухода и сидѣлъ по-прежнему, смотря въ полъ. Затопили каминъ, возвратился Спиридонъ Ѳеодоровичъ, Карповна принесла самоваръ и стала звать Семена Игнатьевича пить чай, но онъ отнесся ко всему этому безучастно.

— Принеси, пожалуйста, сюда ставанчикъ,—тихо сказалъ онъ, смотря, какъ бѣжали въ каминѣ бойкіе огоньки, и опять замолчалъ.

Спиридонъ Ѳеодоровичъ нѣсколько разъ уже поправилъ свои очки, приготовляясь что-то сказать, но все не рѣшался, ожидая вопросовъ. Видя, однакожъ, что вопросовъ, пожалуй, придется ждать до утра, онъ прервалъ молчаніе.

— Кассу принести къ вамъ?—спросилъ онъ.

— Все равно... Оставь до завтра.

Спиридонъ Ѳеодоровичъ еще помолчалъ съ минуту и сказалъ:

— Уѣхать бы вамъ лучше...

— Куда?—изумленно спросилъ Семень Игнатьевичъ.

— Да такъ, куда-нибудь...

— Зачѣмъ?

— Кредиторы васъ только и ждутъ: описывать хотятъ имущество.

Семень Игнатьевичъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и тихо отвѣтилъ:

— Иди спать... Утромъ поговоримъ.

Прошло часа два ночи. Давно спали и Карповна, и Спиридонъ Ѳеодоровичъ, но Семень Игнатьевичъ, уныло склонивъ голову на руки и сложивъ ихъ на письменный столъ, долго лежалъ въ такомъ положеніи. Свѣчи на столѣ тускло мерцали, подобно тому, какъ мерцали онѣ и въ залѣ, и въ гостиной на передзеркальных столахъ. Семень Игнатьевичъ, казалось, дремалъ, о чемъ можно было судить потому, что, поднявшись потомъ отъ стола, онъ долго протиралъ глаза и озирался, точно не понимая, гдѣ онъ находится. Потомъ онъ опять прошелъ въ гостиную, переставилъ зачѣмъ-то стулъ съ одного мѣста на другое и вышелъ назадъ въ залу. Взглядъ его упалъ на двери корридора, и въ этотъ моментъ въ памяти воскресло прошлое, вспомнилась комната дочери и та занавѣска на окнѣ, которая когда-то, въ день

ея бѣгства изъ дому, такъ рвалась и билась подъ напоромъ вѣтра, потомъ мелькнула въ памяти фигура сына, надменный взглядъ его жены—и опять все какъ-то точно спуталось, смѣшалось съ тѣмъ давно-давно прошлымъ, когда дѣти были маленькія и играли вотъ тутъ въ залѣ, и вотъ около этого самого камина.

— Пусто, пусто, — шепталъ Семенъ Игнатьевичъ и потомъ имъ какъ будто овладѣло какое-то странное чувство злобы—онъ сталъ кого-то бранить, ворчать себѣ подъ носъ и, подойдя къ балкону, началъ тянуть дверь за ручку, забывая, что теперь зима и двери на балконъ плотно замазаны.

Онъ не замѣчалъ, что свѣчи догорали, и едва ли сознавалъ, гдѣ онъ и что дѣлаетъ. Спустя нѣсколько времени онъ вошелъ въ кабинетъ, взялся правой рукой за край зеленой бархатной портьеры, что часто дѣлывалъ и прежде, когда задумывался надъ какимъ-нибудь труднымъ вопросомъ. Но на этотъ разъ рука его, ухватившись за портьеру, замерла, — самъ онъ вдругъ пошатнулся и потомъ, не опуская руки отъ занавѣски, сталъ болѣе и болѣе отклоняться всѣмъ корпусомъ назадъ; портьера затрещала, оборвалась, и онъ упалъ на спину, убитый параличомъ мозга. Въ такомъ положеніи нашли его на слѣдующее утро.

Спустя полгода вернулись изъ-за границы Петръ Семеновичъ и его молодая супруга, но Ольга Ивановна съ ними не пріѣхала, она осталась въ Парижѣ подъ чѣмъ-то покровительствомъ. Петръ Семеновичъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и очень боится своей сердитой жены, уже частенько на него покрикивающей. Поселились они въ Петербургѣ, и съ Павломъ Павловичемъ Коромысловымъ прекратили всякія сношенія: Павелъ Павловичъ обижается за то, что они *потеряли* его жену, Петръ Семеновичъ сердится и обвиняетъ его за дурное воспитаніе Людмилы Николаевны, съ которой теперь, по его словамъ, жить значитъ—страдать, а Людмила Николаевна бранитъ дядю за то, что онъ, будто-бы, ее *продалъ*.

Всѣ недовольны и всѣ жалуются. Кто правъ, кто виноватъ, кто искрененъ и кто лицемеритъ, и гдѣ, наконецъ, тутъ «домашній очагъ»?

Д. СТАХВІЕВЪ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ

И

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ.

Вліяніє желѣзныхъ дорогъ на экономическое развитіе Россіи. И. С. Влюха,
въ 5 томахъ in 4°, съ атласомъ in fol.

I.

Въ Россіи постройка желѣзнодорожной сѣти—фактъ еще новыи, совершившійся на глазахъ современниковъ. Но желѣзныя дороги до такой степени повліяли на условія быта, на взаимныя отношенія разныхъ мѣстностей, на занятія образованныхъ людей и заработки народа, онѣ такъ глубоко входятъ во всѣ нынѣшнія отправленія, —что мы къ нимъ совершенно привыкли, и намъ кажется, что существуютъ онѣ давно. Намъ рѣдко вспоминается тотъ фактъ, что всего двадцать лѣтъ тому назадъ было только нѣсколько сотъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, а теперь мы имѣемъ ихъ до 20 т. верстъ.

Желѣзная дорога по всей почти европейской Россіи перестала быть новинкой, но постройка ея не успѣла еще сдѣлаться такъ-называемымъ „достояніемъ исторіи“. Какъ предметъ общественнаго вниманія, желѣзныя дороги намъ въ настоящее время представляются не въ особенно благоприятномъ свѣтѣ. Когда заходитъ о нихъ рѣчь, то обыкновенно говорится только о несчастныхъ случаяхъ, о „безцеремонномъ обращеніи“, о потеряхъ багажа, о простыхъ грузовъ, да объ обременительности вновь введеннаго налога. Такое неблагоприятное настроеніе публики по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ недавно отразилось рельефно и въ печати по поводу празднованія

въ Петербургѣ кружкомъ техникувъ 50-ти-лѣтія изобрѣтенія Стифенсона. Едва-ли гдѣ-либо по поводу Стифенсона печать напоминала изъ всей дѣятельности желѣзныхъ дорогъ только о несчастныхъ случаяхъ, потеряхъ багажа и т. д., какъ то было у насъ. Правда, эти случаи у насъ не рѣдки, но вѣдь и въ другихъ мѣстахъ они бывають, хотя и не такъ часто. Во всякомъ случаѣ, Стифенсонъ все-таки остается Стифенсономъ, и громадная польза желѣзныхъ дорогъ у насъ, какъ и за границей, неоспорима. Само собой разумѣется, что указаніе на беспорядки полезно. Но, если позволительно сдѣлать сравненіе съ совсѣмъ иною сферой дѣятельности, мы скажемъ, что къ желѣзнымъ дорогамъ у насъ многіе относятся теперь почти такъ же преувеличенно-недружелюбно, какъ къ учрежденію присяжныхъ повѣренныхъ. Постройка дорогъ, какъ и введеніе упомянутого учрежденія, утратила занимательность новизны, а между тѣмъ текущая дѣятельность, съ приносимой ею пользой и вмѣстѣ темными сторонами, не приобрѣла еще критическаго, но безпристрастнаго къ себѣ отношенія.

По странному совпаденію, у насъ же, и именно въ послѣднее время, явился такой всесторонній трудъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, ихъ экономическомъ вліяніи и наиболѣе сопривасающихся съ ихъ дѣятельностью сферахъ народнаго хозяйства, каковаго въ другихъ литературахъ пока еще нѣтъ. Сочиненіе г. Блюха, конечно, написано не въ виду временнаго настроенія, и не съ цѣлью защиты нашихъ желѣзныхъ дорогъ отъ постигшей ихъ непопулярности. Этотъ громадный трудъ, потребовавшій нѣсколькихъ лѣтъ, обнимаетъ самую исторію постройки, изслѣдованіе особенностей эксплуатаціи русскихъ дорогъ, сравнительно съ заграничными, рассматриваетъ роль ихъ въ сбытѣ продуктовъ земледѣлія и скотоводства, переворотъ произведенный ими во внѣшней торговлѣ, и затѣмъ, обращаясь къ финансовой сторонѣ дѣла, представляетъ картину нашихъ финансовъ, въ связи съ постройкою желѣзныхъ дорогъ. Эта послѣдняя часть труда, содержащая финансовыя выводы, извѣстна читателямъ „Вѣстника Европы“ по нѣкоторымъ извлеченіямъ изъ нея, которыя были напечатаны въ журналѣ, до выхода въ свѣтъ самаго сочиненія. Но и она дополнена описаніемъ кризиса, предшествовавшаго войнѣ, и любопытными наблюденіями надъ спекуляціей, происходившею въ 1877 году на петербургской биржѣ. Что касается другихъ четырехъ томовъ, то каждый изъ нихъ представляетъ весьма полную статистическую монографію того предмета, на которомъ авторъ предпринялъ прослѣдить вліяніе постройки дорогъ на народное хозяйство.

Начало перваго тома переноситъ насъ къ тому времени, когда самая польза постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи отрицалась.

Сомнѣнія, проявившіяся по этому предмету, не помѣшали однако приступу къ постройкѣ двухъ линій, сравнительно говоря, довольно рано: въ 1836 году—царскосельской, а съ 1843 года—николаевской. Но упомянутыя сомнѣнія не разсѣялись и послѣ постройки первой большой линіи, и затѣмъ въ продолженіи 14 лѣтъ дѣло сооруженія желѣзныхъ дорогъ не подвигалось, и въ 1855 году едва-ли кто могъ предвидѣть, что чрезъ 24 года Россія будетъ имѣть сѣтъ въ 20,000 верстъ.

Теперь даже странно вспомнить о томъ времени, съ котораго автору пришлось начать свой рассказъ. Видя массы рабочихъ, которые стекаются въ разныя мѣстности Россіи при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ, странно вспомнить о томъ суевѣрномъ страхѣ, какой внушала рабочему люду въ самомъ Петербургѣ одинокая російская чугушка, пролегавшая вдоль семеновскаго плаца и имѣвшая конечнымъ своимъ пунктомъ не какой-нибудь портъ или важное складочное мѣсто торговли, а—оркестръ музыки. Въ народѣ ходила въ ту пору секретная молва, что нѣкая просвирия слыхала отъ вдовы-дьяконихи. Къ ней разъ ночью прибѣжалъ ея покойный мужъ, самоубійца-утопленникъ; прибѣжалъ онъ такой измученный, едва дышагъ, и раса у него была вся истрепанная. Она стала-было его кормить и поить, но онъ и ѣсть-пить не могъ, и, посидѣвъ немного, сталъ прощаться. А на вопросъ вдовы, куда-же спѣшитъ онъ, покойный отвѣчалъ, что машину-то на семеновскомъ плацу возить все ихъ брать: утопленникъ, давленникъ, да порѣзавшій себѣ горло. Въ то время многіе спасались отъ господъ такимъ путемъ, и много народу было, кому тащить машину.

Названіе „чугунка“ появилось собственно уже по постройкѣ петербурго-московской дороги; оно появилось, когда по ней поѣхали рабочіе, и означало уже, что народъ осваивается съ этимъ невѣроятнымъ способомъ передвиженія. Только старовѣры долго еще считали грѣхомъ ѣздить на чемъ-то такомъ, что въ умѣ ихъ связывалось съ мыслью объ излюбленномъ ими ожиданіи чудовища.

Постройка николаевской дороги была постоянно однимъ изъ любимыхъ предметовъ для толковъ и пересудовъ въ петербургскомъ и московскомъ обществахъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Само собою разумѣется, что эти толки были не техническаго свойства. Предметъ былъ удобенъ для характеристики вообще того, что „творилось“ въ то время. Сколько анекдотовъ приписано по этому поводу кн. Меншикову и другому высокопоставленному лицу; содержаніе ихъ было обыкновенно такого рода, что, напр., станція „Грязи“ сопоставлялась съ направленіемъ не дороги, конечно, но дѣятельности того или

другого лица, о которомъ, какъ объ облеченномъ довѣріемъ, въ иной формѣ и невозможно было сдѣлать неблагоприятнаго намека.

Всевозможныя старанія были примѣнены къ этому великому дѣлу — первому опыту постройки большой линіи. Хотѣли, чтобы она была и геометрически—прама, и монументальна, и доходна, и построена въ возможно скорѣйшее время! Это послѣднее требованіе думали осуществить не упрощеніемъ постройки, а понуканіями. Съ этой цѣлью учрежденъ былъ цѣлый департаментъ желѣзныхъ дорогъ въ то время, когда единственная подлежащая ему вѣдѣнію дорога еще строилась. Главноуправляющій путями сообщенія, графъ Клейнмихель хотя самъ техническихъ свѣдѣній не имѣлъ, такъ какъ былъ прежде дежурнымъ генераломъ главнаго штаба, но считалъ необходимымъ лично надвирать за ускореніемъ работъ, и съ этой цѣлью устроилъ себѣ кабинетъ въ только-что возведенномъ петербургскомъ вокзалѣ, гдѣ и сидѣлъ по часу, по два, каждый день. Выборъ строителей былъ въ самомъ дѣлѣ весьма удаченъ. Главными строителями были генералы Мельниковъ и Крафтъ, люди безукоризненной честности и высокихъ дарованій; но и второстепенные инженеры были люди добросовѣстные, среди которыхъ нѣкоторые выказали замѣчательное искусство.

Наконецъ, въ 1851 году, николаевская дорога была открыта на всемъ протяженіи. Начальникомъ ея былъ генералъ а съ каждымъ поѣздомъ отправлялся непременно одинъ изъ офицеровъ путей сообщенія. Однако, результаты долго не соотвѣтствовали всей этой заботливости и не оправдывали ожиданій. Постройка дороги, несмотря на ежедневныя понуканія—а отчасти, можетъ быть, и вслѣдствіе ихъ—длилась цѣлыхъ шесть лѣтъ. Г. Вліохъ напоминаетъ, какъ на основаніи смѣтъ предполагалось, что на постройку потребуется всего 40 — 50 милл. руб., но, по специальной ревизіи, произведенной въ 1863 году, оказалось, что на постройку дороги въ дѣйствительности сдѣлано было займовъ внутреннихъ и вѣнскихъ на сумму 131½ милл. рублей, изъ которой почти половина пошла на покрытіе передержекъ и платежи по займамъ. Если сумму занятаго капитала раздѣлить на число верстъ построеннаго пути, то окажется, что верста николаевской дороги обошлась въ 217,583 рубля. Авторъ приводитъ примѣры частныхъ расцѣнокъ, изъ которыхъ оказывается, что, напр., укладка верхняго строенія обошлась на этой дорогѣ по 3,538 р. съ версты, между тѣмъ, какъ на новѣйшихъ дорогахъ на этотъ предметъ полагалось (правда, съ одиночнаго пути) всего 275 р. металл.

Отчего же произошли и такое замедленіе, и такая громадность издержекъ? Къ сожалѣнію, г. Вліохъ этого не объясняетъ и вообще его изложеніе собственно постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи

можно упрекнуть въ недостаткѣ критическаго отношенія къ различнымъ системамъ, на которыхъ въ разное время останавливалось правительство при постройкѣ желѣзнодорожной сѣти. Недостатокъ этотъ произошелъ не отъ неспособности къ критическому анализу, конечно. Напротивъ, тонкая и остроумная разработка массы статистическихъ данныхъ во всемъ трудѣ показываютъ, что авторъ критическимъ умѣньемъ обладаетъ вполне, а его анализъ какъ прежней финансовой системы Россіи, такъ и ошибокъ нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣропріятій послѣдняго времени, свидѣтельствуетъ о самостоятельности его взглядовъ. Вѣрнѣе, кажется, предположить, что авторъ, лично давно практически участвующій въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, не считъ возможнымъ являться судьей въ дѣлѣ системъ постройки, а предпочелъ предоставить самимъ цифрамъ говорить за себя.

Намъ, однако, ничто не мѣшаетъ указать на причины специальной дороговизны постройки николаевской дороги. Съ одной стороны, представлялись: новизна дѣла и неопытность, излишняя монументальность зданій, устройство колоссальныхъ мостовъ, вмѣсто удлинненія пути въ обходъ. Но, съ другой стороны, были и условія болѣе характерныя, такія, которыя и впоследствии, въ разныхъ видахъ, отражались на постройкѣ всей нашей сѣти. Мы говоримъ о системѣ заключенія контрактовъ и о разныхъ негласныхъ вліяніяхъ, которыя скоро выѣшались во много-милліонное дѣло и впоследствии, даже въ управленіе такихъ знающихъ людей, какъ П. П. Мельниковъ и покойный Чевкинъ, порою парализировали старанія самого министерства путей сообщенія.

Въ отношеніи къ постройкѣ николаевской дороги органомъ такихъ вліяній бывалъ самъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ инженеры-строители только производили работы, а подрядчики пріискивались и контракты съ ними заключались департаментомъ. Отсюда происходило, что строители, а впоследствии начальники участковъ дороги—были безсильны противъ подрядчиковъ. Сверхъ того, заключались нѣкоторые подряды излишніе и обременительные для публики, какъ напримѣръ, коммерческое агентство г. Харичкова, отданное ему, конечно, безъ всякой конкуренціи; другіе даже убыточные, а одинъ—пресловутый контрактъ съ г. Уайненсомъ—даже прямо разорительный. Убыточность этого контракта (по ремонтному содержанію подвижнаго состава) была такъ велика, что впоследствии, по передачѣ николаевской дороги главному обществу, казна выдала г. Уайненсу вознагражденіе въ 5½ милл. рублей за расторженіе контракта, всего 4-мя годами ранѣе срока. Весь годовоі расходъ по дорогѣ въ это время былъ всего 8½ милл. руб.; стало быть, одинъ только чистый доходъ долга Уайненса собственно на ремонтъ не-

движного состава составлялъ шестую часть всего итога расходовъ по дорогѣ!

Какимъ образомъ могъ быть заключенъ подобный контрактъ? Цѣна, платившаяся по контракту за пробѣгъ вагоновъ, была такова, что отправлять грузы большого объема и низкой сравнительно цѣны (напр., дрова), было положительно убыточно. Сверхъ того, контрагентъ являлся лицомъ всесильнымъ; ни инженеры, ни самъ департаментъ ничего не могли добиться отъ него, развѣ по собственной его волѣ. А между тѣмъ, этотъ контрактъ, по истеченіи перваго его срока, былъ возобновленъ въ 1865 году, въ то время, когда высшее управленіе вѣдомствомъ было въ рукахъ человѣка знающаго и лично-безкорыстнаго, — возобновленъ еще на 8 лѣтъ! Какимъ образомъ это могло случиться? Стало быть, само главное начальство оказывалось иногда безсильнымъ.

Вотъ вопросы, которыми исторія нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ будущемъ непремѣнно займется, какъ весьма существенными и характеризующими эпоху. Въ исторической части труда г. Блюха, мы на нихъ отвѣта не находимъ, да и едва-ли можно это ставить въ вину автору современному: факты еще слишкомъ близки, и еще не пережиты многія условія, изъ которыхъ они возникли.

Для критики имѣвшихся системъ постройки сѣти было, конечно, болѣе простора, и авторъ, если бы пожелалъ, могъ бы ею заняться. Но и въ ней все-таки, по необходимости, отсутствовала бы самая существенная сторона, а именно оцѣнка основныхъ условій, среди которыхъ постройка производилась, и тѣхъ личныхъ отношеній, какія опредѣляли различіе взглядовъ и степень участія въ этомъ дѣлѣ разныхъ вѣдомствъ. Мы потому и остановились на примѣрѣ николаевской дороги, что въ постройкѣ и эксплуатаціи ея казною уже отразились тѣ элементы, которые впоследствии преобладали и въ отдачѣ постройки другихъ линій въ частныя руки.

II.

Въ разсказѣ г. Блюха объ осуществленіи желѣзнодорожныхъ предпріятій мы находимъ точныя данныя хронологическія и статистическія: о времени разрѣшенія построекъ, объ образованіи компаній и реализаціи ими капитала. При этомъ онъ обращаетъ главное вниманіе на финансовую сторону дѣла, и его обрисовка встрѣченныхъ затрудненій и участія разныхъ рынковъ Европы въ осуществленіи нашихъ желѣзнодорожныхъ предпріятій представляетъ весьма цѣнное, самостоятельное изслѣдованіе. Что касается другой стороны дѣла,

которой мы коснулись выше, то она, вѣроятно, еще долго будетъ ожидать подробнаго раскрытія.

Самой характерной въ ней чертою едва ли не было именно безсиліе самого вѣдомства инженеровъ путей сообщенія удержать это дѣло подъ руководящимъ своимъ вліяніемъ. Послѣ николаевской дороги, прямымъ его распоряженіемъ была построена еще одна большая линія—московско-курская, которая и обошлась хотя дорого, но уже значительно дешевле николаевской и была построена отлично; обѣ эти дороги представляли лучшія въ Россіи. Но еще съ 1857 г. постройка дорогъ стала опредѣляться главнымъ образомъ независимо отъ личныхъ взглядовъ лицъ, управлявшихъ техническимъ вѣдомствомъ. Таково было, прежде всего, порученіе, данное главному обществу желѣзныхъ дорогъ,—построить четыре большія линіи. Главное общество явилось столь же независимымъ отъ спеціального вѣдомства, сколько г. Уайненсъ былъ независимъ отъ управленія дороги, которой онъ былъ контрагентомъ. Далѣе, главное направленіе дѣла желѣзнодорожнаго строительства перешло въ руки министерства финансовъ. Оно выбирало концессионеровъ, опредѣляло финансовыя условія предпріятія, давало льготы и субсидіи обществамъ, а министерство путей сообщенія вѣдало только техническія условія и занималось повѣркою. Понятно, что наблюденіе инженеровъ за ходомъ работъ, производившихся къ сроку подрядчиками, имѣвшими такія связи, съ которыми не только какой-нибудь инженеръ, но и все гражданское инженерное вѣдомство не всегда могли совладать, имѣло значеніе болѣе формальное, чѣмъ дѣйствительное; окончательный же пріемъ дорогъ, происходившій по ихъ окончаніи, не могъ уже обнаруживать многихъ существенныхъ качествъ произведенныхъ работъ.

Дороги сдавались сперва безъ всякой конкуренціи или безъ конкуренціи гласной, и понятно, что, вслѣдствіе того, удешевленіе дѣла желѣзнодорожнаго строительства замедлилось. Авторъ придаетъ большое значеніе частной инициативѣ въ этомъ дѣлѣ и заслугѣ министерства финансовъ въ ускореніи осуществленія нашей сѣти. Эти факты, сами по себѣ, конечно, неоспоримы. Но мы, тѣмъ не менѣе, держимся мнѣнія, что все дѣло разрѣшенія желѣзнодорожныхъ построекъ въ Россіи шло неправильно. Такъ, за систему конкуренціи взялись только тогда, когда важнѣйшія и наиболѣе доходныя линіи были уже построены на громаднымъ цѣнамъ. Затѣмъ, когда, съ 1868 года, принята была система отдачи концессій съ торговъ, то конкуренція все-таки была допущена только ограниченная, а именно къ торгамъ допускались только такія лица, которые считались благонадежными въ денежномъ отношеніи по усмотрѣнію министерства финансовъ.

Далѣе, когда стала замѣчаться неудовлетворительность нѣкоторыхъ построекъ, министерству путей сообщенія поручено было составленіе нормальныхъ концессій и усилена регламентація относительно частныхъ дорогъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ торги сдѣлались негласными. Наконецъ, извѣстныя „правила“ 1873 года для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ представили замѣчательную попытку содѣйствовать—подъ непосредственнымъ руководствомъ правительственной администраціи—образованію дѣйствительныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Быть можетъ, эти правила и были непрактичны; но во всякомъ случаѣ характерна была та легкость, съ какою, благодаря разногласію между вѣдомствами, правила эти были совершенно опрокинуты въ слѣдующемъ же году, при первомъ случаѣ, который представился для ихъ примѣненія.

Повторяемъ, что исторія постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ представляетъ обильный матеріалъ для характеристики нашей эпохи, и что этой-то характеристики г. Блюхъ почти вовсе не коснулся. Надо, впрочемъ, сказать и то, что сочиненіе его по преимуществу научно-фактическое, и что самая исторія постройки дорогъ составляетъ въ немъ только эпизодъ, отъ котораго авторъ переходитъ къ главной своей цѣли—ислѣдованію вліянія постройки дорогъ на экономію государства, и здѣсь уже является со всей силой и полнотою анализа, разсматривая особенности русскихъ дорогъ и ихъ службу общей производительности страны и ея торговли, а также отраженіе постройки на самихъ финансахъ государства и его денежной системѣ.

Въ томъ, специально посвященномъ самимъ желѣзнымъ дорогамъ, помѣщено десятеа три таблицъ и двѣ карты, изображающія,—одна движеніе грузовъ помѣсячно, а другая—стоимость постройки, сравнительно съ движеніемъ дорогъ и валовой доходъ эксплуатаціи. На этой послѣдней картѣ разныя государства Европы отмѣчены красками, изъ которыхъ каждая представляетъ собою опредѣленную сравнительную цифру. При составленіи такихъ наглядныхъ графическихъ изображеній, авторъ не пощадилъ трудовъ и издержекъ. Онѣ даютъ самое всестороннее сопоставленіе данныхъ и исполнены замѣчательно хорошо, какъ по самой мысли, такъ и по вѣшной отдѣлкѣ.

Естественно, что вездѣ, гдѣ приходилось дѣлать общіе выводы относительно выгодъ, принесенныхъ странѣ желѣзными дорогами, авторъ долженъ былъ довольствоваться цифрами приблизительными. Заимствуя нѣкоторые основныя данныя изъ специальныхъ изданій, какъ, напр.: „Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи“, „Сборникъ свѣдѣній о рельсахъ и подвижномъ составѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ“ Бушена и др., г. Блюхъ другія основныя дан-

ния выводить самъ изъ отчетовъ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, и затѣмъ, перечисливъ эти данныя на единицу — версту желѣзнаго пути, онъ принимаетъ ихъ за подходящія для всей сѣти. Такъ, напр., авторъ желаетъ показать, какъ распредѣлился общій расходъ, употребленный на постройку и на эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ. Для этого ему, между прочимъ, надо добыть приблизительную цифру служащихъ и рабочихъ на всей желѣзнодорожной сѣти. Понятно, что съ точностью эту цифру опредѣлить невозможно. Но авторъ употребляетъ слѣдующій приемъ: онъ беретъ за одинъ годъ отчеты четырехъ, пяти или шести дорогъ и слагаетъ, съ одной стороны, показанныя въ отчетахъ числа рабочихъ дней, для ремонтныхъ работъ, а съ другой—числа верстъ линий. Раздѣливъ первое число на второе, онъ получаетъ точное среднее число рабочихъ дней въ году на 1 версту по этимъ дорогамъ. Затѣмъ, раздѣливъ полученное число на цифру 200 рабочихъ дней, онъ получаетъ, сколько приходится человѣкъ рабочихъ на версту и на 200 дней лѣтняго ремонта. Точно также, онъ высчитываетъ поверхстное число рабочихъ по зимнему ремонту, а также въ мастерскихъ и депô, постоянно перевода полученныхъ цифръ на отношеніе къ желѣзнодорожной верстѣ. Затѣмъ уже, помноживъ полученный результатъ на число верстъ эксплуатируемой сѣти, онъ получаетъ въ приблизительной цифрѣ, что ремонтъ желѣзныхъ дорогъ даетъ занятіе такому-то числу лицъ.

Такъ и при опредѣленіи расходовъ на реализацію капитала и платежу процентовъ, приобрѣтенію матеріала, на высшій и ручной трудъ, авторъ выводитъ общія приблизительныя цифры на основаніи точныхъ среднихъ данныхъ, соответствующихъ нѣсколькимъ дорогамъ, сообразно длинѣ линий. Правда, получаемыя общія цифры — только приблизительныя; процентное отношеніе расходовъ на ту или другую отрасль можетъ колебаться на разныхъ линіяхъ не только по протяженію ихъ, но и по другимъ причинамъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ, оно можетъ расходиться и съ средними цифрами, соответствующими пяти или шести дорогамъ. Но все-таки сравнительныя цифры автора, какъ непронизвольныя, а выведенныя изъ данныхъ вполне точныхъ, только обобщенныхъ, имѣютъ приблизительность, вполне достаточную для того, чтобы дать намъ реальное представленіе объ общихъ результатахъ.

Посредствомъ такихъ вычисленій, авторъ приходитъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ: въ періодъ 1866—1875 гг. на постройку и эксплуатацію нашихъ желѣзныхъ дорогъ употреблено было 1500,1 милл. рублей; изъ этой суммы болѣе чѣмъ одна пятая пошла на потерю по реализаціи капитала и на проценты, а нѣсколько менѣе половины—на одинъ только ручной трудъ. Постройка и экс-

платація дорогъ давала занятіе среднимъ числомъ 164,820 рабочимъ и 1390 высшимъ агентамъ въ годъ. Изъ вычисленія же, съ одной стороны, числа пудо-верстъ и „пассажи́ро-верстъ“ за 10 лѣтъ, съ платою, полученною за нихъ желѣзными дорогами, а съ другой—опредѣленія того расхода, который потребовался бы при перевозкѣ того же количества на лошадяхъ (по даннымъ общества „Двигатель“, оказывается, что желѣзныя дороги въ теченіи всего десятилѣтія принесли странѣ сбереженія 2,183 милл. рублей, то-есть, въ 2¼ раза болѣе того капитала, который былъ израсходованъ на самую постройку желѣзныхъ дорогъ).

III.

На приведенные выводы мы указали только въ видѣ примѣра тѣхъ расчетовъ, посредствомъ которыхъ г. Влюхъ рисуетъ общую картину вліянія желѣзныхъ дорогъ на экономію страны. Но помимо такихъ приблизительныхъ данныхъ, въ сочиненіи его собрана громадная масса точнаго статистическаго матеріала. Имъ приведено немало данныхъ новыхъ, самымъ имъ собранныхъ или впервые опубликованныхъ. Такія данныя встрѣчаются въ особенности въ первомъ томѣ, посвященномъ постройкѣ и анализу дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, а также въ пятомъ томѣ, вмѣщающемъ финансовыя результаты, такъ какъ авторъ имѣлъ доступъ къ источникамъ, не находящимся въ общемъ употребленіи.

Менѣе положительной достовѣрности представляютъ, конечно, данныя въ томахъ, посвященныхъ земледѣлію, скотоводству и внѣшней торговлѣ (тт. II, III и IV). Здѣсь автору приходилось довольствоваться скудными источниками нашей официальной статистики, иногда полагаться на расчеты другихъ статистиковъ-ислѣдователей, взаимно-сопоставляя ихъ выводы, а затѣмъ, для опредѣленія нѣкоторыхъ необходимыхъ отношеній, примѣнять къ русской производительности тѣ отношенія, которыя выяснены иностранными ислѣдователями по разнымъ производительнымъ отдѣламъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что многочисленныя справки этого рода обнаруживаютъ замѣчательное знакомство автора съ иностранною литературой по разнымъ отраслямъ производительности.

Но за то эти отдѣльныя изслѣдованія, въ особенности посвященные земледѣлію и скотоводству, по полнотѣ своей имѣютъ характеръ настоящихъ статистическихъ монографій предмета. Размѣры ихъ и всесторонность ихъ отдѣлки далеко выходятъ за предѣлы тѣхъ вспомогательныхъ справокъ, какія были нужны автору для его

спеціальной цѣли — прослѣдить экономическое вліяніе желѣзныхъ дорогъ. Эти томы могутъ служить, какъ самостоятельные сборники статистическихъ свѣдѣній, по производству, потребленію и торговлѣ продуктовъ земледѣлія и скотоводства въ Россіи, дополненные сравнительными данными о другихъ главныхъ странахъ Европы. Все это сопровождается таблицами и помѣщенными въ отдѣльныхъ томахъ графическими картами, независимо отъ великолѣпнаго атласа, который составляетъ особый томъ *in folio*. Такъ, напр., во второмъ томѣ находится отдѣльный небольшой атласъ картъ Россіи, на которыхъ разныя краски опредѣляютъ попеременно то полосы производства разнаго рода хлѣбовъ, то избытокъ хлѣба въ разныхъ губерніяхъ, то снабженіе мѣстностей солью изъ разныхъ источниковъ, то районы хлѣбной торговли и т. д. Монографіи эти столь полны, что во II томѣ, напр., входитъ подробное описаніе разновидностей каждаго сорта хлѣбныхъ зѣренъ, съ химическимъ ихъ анализомъ, что уже не имѣетъ отношенія къ желѣзнымъ дорогамъ, конечно. Такія подробныя свѣдѣнія, принадлежащія частью къ сельскому хозяйству, частью къ товаровѣдѣнію, явились потому, что авторъ, очевидно, увлекался каждымъ отдѣломъ своего труда и хотѣлъ придать ему, независимо отъ общей связи, еще и самостоятельное значеніе.

Томъ III, посвященный скотоводству, разработанъ столь же тщательно, какъ и монографія земледѣлія. Замѣтимъ впрочемъ, что въ III томѣ есть даже и излишнія, слишкомъ заходящія въ сторону отъ общаго плана сочиненія, подробности. Таковы страницы объ эпизоотіи, о мѣрахъ предосторожности противъ занесенія чумы при перевозкѣ скота по желѣзнымъ дорогамъ, о санитарныхъ правилахъ по этому предмету въ другихъ государствахъ, о карантинныхъ правилахъ убиванія зачумленныхъ животныхъ въ Пруссіи и Австріи. Скажемъ даже, что все относящееся къ правиламъ доставки скота по желѣзнымъ дорогамъ въ обязательные сроки представляется также едва ли не излишнимъ. Даже если разсматривать этотъ томъ не какъ часть сочиненія объ экономическомъ вліяніи желѣзныхъ дорогъ, а какъ полное статистическое изслѣдованіе о скотоводствѣ, то указанныя подробности — каково бы ни было ихъ практическое значеніе — могли бы быть опущены.

Чтобы показать, до какихъ (интересныхъ впрочемъ) подробностей доходить г. Блюхъ въ этихъ частяхъ своего труда, упомянемъ, что у него есть ссылки на иностранныя ученныя изслѣдованія о количествѣ мясной пищи, необходимой для питанія взрослого человѣка и указывается порціонъ французскаго матроса. Нельзя сказать, что это не имѣетъ значенія для общей цѣли труда. Желѣзныя дороги играютъ важную роль и въ торговлѣ скотомъ, а стало быть, выяс-

неніе количествъ мяса, необходимыхъ для питанія, бросаетъ свѣтъ на экономическое вліяніе желѣзныхъ дорогъ, облегчающихъ и эту отрасль торговли и способствующихъ самой производительности. Подробныя таблицы обнаруживаютъ до самой точной специализаціи общензвѣстный фактъ, что количество скота въ Россіи уменьшается. Рельефный фактъ представляетъ уменьшеніе числа лошадей, которыхъ въ 1846 году было почти на цѣлую треть (31%) больше, чѣмъ въ 1870 году. Замѣчательно при этомъ, что упадокъ этотъ произошелъ не вслѣдствіе отмены крѣпостного права, — какъ то обыкновенно полагаютъ и какъ то, помнится, высказывалось въ самой комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, — но въ періодъ между 1851 и 1856 годами.

Къ тому о скотоводствѣ также приложены пять картъ Россіи, расцвѣченныя болѣе или менѣе густою краскою, пропорціонально наличности въ разныхъ мѣстностяхъ тѣхъ данныхъ, которыхъ графическому изображенію каждая карта посвящена. Такъ, для примѣра, укажемъ на карту, представляющую цвѣтами, сколько приходится въ разныхъ полосахъ Россіи лошадей на 1000 душъ населенія. Простой взглядъ на такую карту научаетъ читателя, что только въ одной мѣстности Россіи — части оренбургскаго края — приходится на тысячу жителей болѣе 600 лошадей. Стало быть, здѣсь, среднимъ числомъ, каждый человѣкъ имѣетъ болѣе одной лошади (по расчету условій возраста и пола). Затѣмъ, наиболѣе богаты лошадьми край донской и самарская губернія (около одной лошади на двѣ души населенія); при этомъ замѣчательно, что губернія саратовская стоитъ на картѣ какимъ-то пустыремъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ темными пятнами, такъ какъ и въ тамбовской, пензенской и даже симбирской губерніяхъ число лошадей весьма значительно. Къ числу же наиболѣе бѣдныхъ лошадьми губерній принадлежатъ петербургская и кіевская.

Переходя къ тому четвертому, посвященному внѣшней торговлѣ, мы встрѣчаемся съ весьма важнымъ пробѣломъ сочиненія: нѣтъ тома, посвященнаго торговлѣ внутренней. Правда, отдѣлы о земледѣліи и скотоводствѣ даютъ достаточныя данныя о внутренней торговлѣ ихъ продуктами, а особый атласъ пополняетъ отчасти пробѣлъ, показывая и движеніе другихъ товаровъ. Но все-таки вліяніе желѣзныхъ дорогъ на развитіе фабричнаго и вообще мануфактурнаго дѣла въ Россіи осталось не изслѣдованнымъ. А это жаль, такъ какъ если бы этому предмету былъ посвященъ особый томъ, какъ земледѣлію и скотоводству, то полнота всего статистическаго труда много бы выиграла. Свѣдѣнія о заводахъ, фабрикахъ и промыслахъ, о добычаніи минераловъ, о кустарной промышленности, о ярмаркахъ, сгруп-

пированныя вѣстѣ, дали бы—независимо отъ важности этого предмета въ общемъ планѣ сочиненія—весьма цѣнную справочную книгу. Впрочемъ, авторъ, конечно, можетъ сослаться, въ свое оправданіе, на крайнюю недостаточность имѣющагося у насъ по этому предмету матеріала, особенно по части цифръ оборотовъ и числа рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Таблицы, посвященныя этой части статистики въ трудахъ комиссій сельскаго хозяйства, крайне недостаточны и недостоверны, въ чемъ легко убѣдиться, сличая ихъ цифры между собою, по годамъ. Конечно, для вѣннѣй торговли желѣзныя дороги сдѣлали гораздо больше, чѣмъ для внутренней, и потому специальное изслѣдованіе о торговлѣ вѣннѣй важнѣе для цѣли труда. Но, все-таки, странно видѣть подробнѣйшую разработку статистики скотоводства и рядомъ съ нею—отсутствіе статистики мануфактурнаго производства и внутренней торговли. Это нарушаетъ цѣльность сочиненія.

Въ статистику вѣннѣй торговли входятъ и данныя о вывозѣ хлѣба и вѣннѣй торговли продуктами скотоводства. Эти данныя входятъ въ отдѣлъ торговли жизненными продуктами. Предметы ввоза и вывоза классифицированы у автора сперва на рядъ группъ, носящихъ названія: „жизненные припасы“, „одежда“, „устройство и украшеніе жилья и хозяйства“, „строительные матерьялы, инструменты, машины“ и т. д.; „предметы фабричнаго и хозяйственнаго употребленія“, „умственные предметы“. Затѣмъ каждая изъ этихъ группъ, распадающаяся на множество названій, анализируется съ точки зрѣнія той потребности, какой она служитъ. Такимъ образомъ, положимъ въ группѣ жизненныхъ припасовъ и въ группѣ одежды, различаются предметы и сорта предметовъ, служащіе для „обыкновеннаго употребленія“ (первой потребности), для „комфорта“ (уточненные) и для „роскоши“.

Благодаря тонкому анализу, направленному по этой двойной программѣ, автору удалось извлечь изъ массы цифръ весьма интересныя указанія на экономическое вліяніе постройки желѣзныхъ дорогъ. Оказывается, въ общемъ результатъ, что какъ ввозъ, такъ и вывозъ быстро возрастали, какъ они не могли бы возрастать, если бы желѣзнодорожная сѣтъ не получила нужнаго развитія. Но затѣмъ, оказывается еще весьма важный въ экономическомъ смыслѣ фактъ, что возрасталъ привозъ главнымъ образомъ предметовъ обыкновеннаго употребленія, почти по всѣмъ группамъ, ввозъ же предметовъ роскоши въ общемъ уменьшался. Иными словами, оказывается, что желѣзныя дороги подняли вывозъ и ввозъ потому именно, что, съ одной стороны, подняли производительность страны и создали въ ней массу новыхъ заработковъ, а съ другой — увеличили удовлетвореніе

потребностей массы населенія гораздо болѣе, чѣмъ спроса классовъ богатыхъ.

IV.

Само собою разумѣется, что вліяніе постройки желѣзныхъ дорогъ на внѣшнюю торговлю первоначально выразилось въ увеличеніи привоза въ болѣе значительной степени, чѣмъ въ усиленіи отпуска. Создавая новые заработки, постройка и эксплуатація дорогъ вызывала въ массѣ новыя потребности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, быстрота сообщеній доставляла средство къ скорому удовлетворенію этихъ потребностей, такъ-сказать—въ самый моментъ ихъ проявленія. Сверхъ того, выписка подвижного состава и множества желѣзнодорожныхъ матеріаловъ изъ-за границы, сама поднимала цифру ввоза. Но изъ этого не слѣдуетъ выводиться заключенія, будто желѣзныя дороги благоприятствовали только привозу. Все дѣло лишь въ томъ, что на усиленіи привоза ихъ вліяніе скорѣе сказалось, чѣмъ на усиленіи внутренней производительности. Иначе и быть не могло. Какъ только въ массѣ умножаются заработки, потребности ея возвышаются тотчасъ. Но внутренняя производительность не можетъ тотчасъ же усиливаться пропорціонально спросу, между тѣмъ какъ привозъ возрастаетъ немедленно, по мѣрѣ усиленія спроса. Не слѣдуетъ, однако, терять изъ виду, что за поднятіемъ уровня потребностей въ массѣ все-таки должно послѣдовать и развитіе внутренней производительности.

Такъ, возьмемъ въ примѣръ минеральное свѣтильное масло. На нашихъ глазахъ создавалась въ деревняхъ новая потребность—въ керосинѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что желѣзнодорожныя заработки играли весьма важную роль въ вызовѣ этой потребности. Затѣмъ, желѣзныя же дороги давали возможность удовлетворять эту потребность немедленно по мѣрѣ ея проявленія.

И вотъ, является громадное увеличеніе привоза минеральнаго масла изъ-за границы. Но затѣмъ, самый фактъ появленія новой потребности и быстро ея развитія не теряется и для внутренней производительности. Создается добываніе минеральнаго масла въ самой Россіи, и, въ виду сильнаго спроса, техническіе приемы улучшаются до такой степени, что является возможность конкуренціи русскаго керосина съ американскимъ. Далѣе же, когда это внутреннее производство уже создалось или развилось достаточно, желѣзныя дороги служатъ ему (или должны служить — но это уже вопросъ тарифовъ) совершенно такъ же, какъ и производству иностранному. Весьма вѣроятно, что въ значительномъ развитіи мануфактурнаго производства

въ Россіи за послѣдніе годы золотая пошлина съ товаровъ привозныхъ играла второстепенную роль, сравнительно съ возникновеніемъ въ массѣ народа новыхъ потребностей; а въ этомъ явленіи несомнѣнную и важную долю имѣла и постройка желѣзныхъ дорогъ, съ временными и постоянными заработками, которые онѣ доставляютъ.

Намъ бы хотѣлось хоть однимъ примѣромъ ознакомить читателя съ добросовѣстностью и научнымъ достоинствомъ обработки статистическихъ данныхъ, какими отличается весь трудъ г. Блюха. Къ сожалѣнію, въ статьѣ не-спеціальной нельзя прослѣдить ни одного отдѣльнаго анализа во всей полнотѣ и критической провѣркѣ, которыя составляютъ главное его достоинство. Мы должны ограничиться цифрами болѣе общими. Приведемъ нѣсколько цифръ изъ данныхъ, относительно ввѣшней торговли предметами, служащими для одежды, т.-е. какъ сырыми матеріалами (бумажными, шерстяными, льняными, шелковыми, кожами, мѣхами), такъ и платьемъ, бѣльемъ, шляпами и т. д. Изъ таблицъ г. Блюха мы видимъ, во-первыхъ, что стоимость привоза и отпуска предметовъ одежды представила громадное возрастаніе именно въ періодѣ наибольшаго развитія желѣзнодорожнаго строительства. Такъ, стоимость отпуска предметовъ одежды, составлявшая въ 1860—1862 годахъ всего 48,8 мил. руб., въ періодѣ 1869—1871 гг. вдругъ поднялась до 79,8 милл. рублей. Въ этомъ, очевидно, отразилось то вліяніе желѣзныхъ дорогъ, которое сказалось облегченіемъ сообщеній для вывоза всякихъ продуктовъ. Въ 1872—1874 г., стоимость отпуска возрасла до 82,4 м. р., а затѣмъ въ 1875 и 1876 годахъ она нѣсколько уменьшилась, какъ бы устанавливаясь въ нормальныхъ предѣлахъ, послѣ перваго толчка; въ эти годы, ежегодная цифра была 79,8 и 72,8 м. р. Итакъ, здѣсь, по отношенію къ отпуску, сказывается только облегченіе сообщеній, усилившее сбытъ за-границу.

Но посмотримъ теперь на годовыя цифры привоза тѣхъ же предметовъ изъ-за границы. Въ періодѣ 1860—1862 г. стоимость привоза составляла всего 41,8 м. р., а въ періодѣ 1869—1871 гг. привозъ вдругъ поднялся до 95,4 м. р., то-есть гораздо болѣе, чѣмъ удвоился. Такое огромное возрастаніе уже нельзя объяснять однимъ удобствомъ перевозки. Эти условія дѣйствовали одинаково на привозъ и на отпускъ тѣхъ же предметовъ, а между тѣмъ привозъ увеличился безъ всякаго сравненія сильнѣе, чѣмъ отпускъ. Итакъ, здѣсь уже необходимо видѣть результатъ заработковъ, созданныхъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе, что въ тѣ годы никакого крупнаго экономическаго явленія, кромѣ усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ и не происходило. Замѣчательно, что привозъ предметовъ одежды продолжаетъ сильно возрастать и далѣе. Между тѣмъ, какъ отпускъ,

сразу сильно поднятыя удобствомъ сообщеній, въ слѣдующее же двухлѣтіе нѣсколько понижается и затѣмъ устанавливается на нормальной цифрѣ, — привозъ съ 95,4 м. р. идетъ до 127,3 милл. руб., въ двухлѣтіе 1872—1874 гг., и до 150,1 м. р. въ 1875 году. Итакъ, во время усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ сумма отпуска даже не удвоилась, между тѣмъ какъ сумма привоза почти учетверилась.

Въ этихъ сравнительныхъ числахъ весьма ясно сказывается, что желѣзныя дороги, доставивъ массѣ народа большіе заработки, возвысили въ немъ спросъ на фабричныя издѣлія и тотчасъ же стали удовлетворять этотъ спросъ привозомъ изъ-за границы, вслѣдствіе чего и явилось необыкновенное по размѣрамъ и внезапное возрастаніе привоза. Но изъ этого, какъ нами уже замѣчено выше, вовсе не слѣдуетъ, что наши желѣзныя дороги благопріятствовали только развитію привозной торговли. Изъ 150-милліонной суммы, издержанной на привозъ предметовъ одежды въ одномъ только 1875 году, всего ровно треть (33%) представлялись готовыми заграничными издѣліями; на остальные же двѣ трети этой суммы ввезено въ Россію предметовъ въ сыромъ и полуобработанномъ видѣ, которыми запасались русская фабрикація и русское ремесло для усиленія внутренней производительности предметовъ одежды. Итакъ, приведенныя выше общія наблюденія вполне подтверждаются цифрами по внѣшней торговлѣ.

Точно также оправдывается на этой группѣ и сдѣланное выше замѣчаніе, что развитіе, данное торговлѣ и производительности желѣзными дорогами, послужило, главнымъ образомъ, на пользу массѣ населенія, такъ какъ усилился болѣе всего ввозъ предметовъ первой потребности или, по терминологіи автора, „предметовъ обыкновеннаго употребленія“. Привозъ предметовъ принадлежащихъ къ „комфарту“, также увеличивался, а привозъ предметовъ роскоши постоянно падалъ. Въ тридцатыхъ годахъ онъ составлялъ около четверти всего привоза предметовъ одежды, а въ 1876 году упалъ до 8,3% итога привоза по группѣ одежды.

Мы привели эти цифры съ цѣлью показать, какъ много интереса представляютъ цифровыя изслѣдованія при той тщательной обработкѣ, съ какою они являются у г. Блюха, который не довольствуется валовымъ сборомъ статистическихъ данныхъ, но, такъ сказать, каждую цифру останавливаетъ и спрашиваетъ у нея отвѣта на занимающій его общій вопросъ, а затѣмъ группируетъ отвѣты цифръ въ тонкія аналитическія черты, для разработки вопроса во всѣхъ его подраздѣленіяхъ. Для примѣра, мы привели всего нѣсколько цифръ изъ его данныхъ объ общемъ развитіи привоза и отпуска по одной группѣ — предметамъ, служащихъ для одежды. Но у него за-

тѣмъ слѣдуетъ подробный анализъ по всѣмъ подраздѣленіямъ этой группы, какъ-то: по торговлѣ хлопчатобумажными, шерстяными, льняными, шелковыми предметами и т. д., и съ такой же подробностью изслѣдуются всѣ группы и всѣ подраздѣленія каждой группы.

Намъ хотѣлось бы привести еще примѣръ такого изслѣдованія по части привоза и отпуска такъ называемыхъ „умственныхъ предметовъ“, къ которымъ авторъ относитъ художественныя произведенія, дѣтскія игрушки, музыкальные инструменты, бумагу, инструменты физическіе, математическіе и химическіе аппараты, книги, ноты и карты. Но опасаясь слишкомъ большого накопленія цифръ въ статьѣ неспеціальной, мы ограничимся немногими словами, обрисовывающими общіе результаты по привозу и отпуску умственныхъ предметовъ. Таблица, распредѣляющая цифры по первымъ двухлѣтіямъ тридцатыхъ, сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, а затѣмъ въ шестилѣтіе 1869—1875 и наконецъ за одинъ 1876 годъ, показываетъ, что отпускъ умственныхъ предметовъ сравнительно-незначителенъ и колеблется отъ 0,2 до 0,4 милл. рублей; привозъ же умственныхъ предметовъ несравненно значительнѣе и постоянно увеличивался. Въ тридцатыхъ годахъ онъ составлялъ всего 0,4 м. р., въ сороковыхъ 0,8 м. р., въ пятидесятыхъ 1 м. р., въ шестидесятыхъ 2 м. р., въ періодъ 1869—1875 гг. въ среднемъ размѣрѣ за годъ уже 6 м. р., а въ 1876 году 7,9 или почти 8 м. р. Итакъ, привозъ умственныхъ предметовъ не только увеличился почти въ двадцать разъ противъ тридцатыхъ годовъ, но и со времени шестидесятыхъ годовъ учетверился, а въ этомъ послѣднемъ явленіи нельзя не видѣть вліянія желѣзныхъ дорогъ, которыя, во-первыхъ, облегчили выписку книгъ и т. д., а во-вторыхъ, доставивъ новые значительные заработки среднему классу, увеличили самый спросъ на предметы, служащіе пособіями для умственного развитія.

Томъ, посвященный изслѣдованію внѣшней торговли снабженъ превосходными графическими колорированными картами, на которыхъ количественныя измѣненія привоза и отпуска изображаются столь наглядно (такъ какъ высота столбцовъ соотвѣтствуетъ точнымъ цифрамъ въ милліонахъ рублей), что для обозрѣнія ихъ почти не требуется объяснительнаго текста.

V.

Общіе выводы труда г. Блюха заключаются въ пятомъ томѣ, описывающемъ результаты финансовыя. Здѣсь и исторія постройки желѣзныхъ дорогъ повторяется съ сокращеніями, и обращается преимущественно вниманіе на финансовую сторону дѣла. Повтореніе

это намъ кажется лишнимъ. Вполнѣ было бы достаточно, если бы, сославшись на первую часть своего труда, г. Блюхъ здѣсь сдѣлалъ только общій сводъ свѣдѣній о капиталахъ, реализованныхъ на постройку дорогъ и указалъ распредѣленіе ихъ на разныя потребности, а затѣмъ изложилъ финансовое и экономическое вліяніе этого важнаго явленія. Онъ такой сводъ и сдѣлалъ, конечно; въ недостаткѣ даннаго его никогда упрекнуть нельзя. Но самое повтореніе исторической части излишне, тѣмъ болѣе, что употребленный для него приѣмъ уже слишкомъ простъ въ отношеніи редакціонномъ. Въ сокращенномъ изложеніи исторической части въ томъ пятomъ повторяются буквально цѣлыя абзацы той же части тома перваго, такъ что сокращеніе состоитъ главнымъ образомъ въ пропускѣ нѣкоторыхъ абзацовъ первоначальнаго текста съ удержаніемъ другихъ. Замѣтимъ и еще одно лишнее повтореніе въ томъ V; это—перечисленіе всей классификаціи тома IV; достаточно было привести главные цифры, какъ и сдѣлано авторомъ вслѣдъ за тѣмъ. Впрочемъ, повторенія могли быть сдѣланы съ той цѣлю, чтобы томъ, заключающій общіе выводы всего сочиненія представлялъ и въ отдѣльности нѣчто полное и самостоятельное. Въ такомъ случаѣ, указанный недостатокъ относится только въ формѣ, въ какой сдѣланы эти повторенія.

Такъ какъ заключительный томъ труда, содержащій въ себѣ финансовыя выводы, знакомъ читателямъ „Вѣсти. Европы“ по частямъ, печатавшимся у насъ до выхода въ свѣтъ всего сочиненія, то мы не будемъ дѣлать обзора этихъ выводовъ. Остановимся только на нѣсколькихъ замѣчаніяхъ автора, которые относятся къ нѣкоторымъ явленіямъ 1876 и 1877 годовъ, уже послѣ мобилизаціи, и указаннымъ въ той части тома, которая была написана авторомъ уже послѣ упомянутыхъ статей.

Сюда относится прежде всего вниманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ съ января 1877 года. Авторъ напоминаетъ, что эта мѣра явилась у насъ не впервые, какъ то вообще думали въ публикѣ. Съ 1724 по 1810 годъ таможенныя пошлины въ Россіи вносились не иначе, какъ звонкой монетою, а съ 1810 по 1839 годъ, хотя и ассигнаціями, но по курсу, опредѣлявшемуся для каждаго года: по 4 р. за серебряный рубль до 1817 года, и по 3 р. 60 к. ассигнаціями за серебряный рубль въ періодъ 1817—1839 гг. При установленіи золотой пошлины въ ноябрѣ 1876 года, когда уже производилась мобилизація, то-есть предвидѣлась война, не могли, по мнѣнію автора, не знать, что эта мѣра должна была еще увеличить паденіе притока, неизбежное при войнѣ, а стало быть, мѣра эта была принята не съ цѣлю возвысить таможенный доходъ государства. Не могли не предвидѣть, что эта мѣра должна была также

увеличить спекуляцію съ валютой. Цѣлью взиманія пошлинъ золотомъ, по предположенію автора, было стремленіе доказать фактически, что обезпеченіе платежей пограничными займами составляетъ первую заботу финансовой администраціи и что покрытіе этихъ платежей не зависитъ непременно—какъ то утверждали враждебные Россіи иностранные органы—отъ реализаціи новыхъ вѣнскихъ займовъ. И эта цѣль была достигнута, какъ то доказывалось высокими курсомъ нашихъ фондовъ.

Здѣсь авторъ дѣлаетъ интересныя сопоставленія колебаніямъ курса фондовъ разныхъ государствъ во время войнъ.

Главнымъ же экономическимъ послѣдствіемъ взиманія таможенныхъ пошлинъ золотомъ г. Блюхъ указываетъ—вздорожаніе предметовъ не только привозныхъ, но и внутренняго приготовленія, такъ какъ фабриканты, благодаря усиленному покровительству, подняли цѣны безъ всякихъ затратъ съ своей стороны. Такимъ образомъ, вздорожаніе явилось какъ разъ въ такое время, когда предстояло возвышеніе или умноженіе налоговъ для покрытія военныхъ издержекъ—совпаденіе весьма неблагопріятное. Затѣмъ посредствомъ анализа распредѣленія этой надбавки на продукты сырые, полуобработанные и издѣлія, г. Блюхъ основательно доказываетъ необходимость пересмотра нынѣ дѣйствующаго таможеннаго тарифа. Онъ замѣчаетъ, что въ настоящее время имѣются для изслѣдованія почти каждой отрасли производства подробные, вполне доступные правительству расчеты—на заводахъ, принадлежащихъ акціонернымъ обществамъ. Изъ этого источника можно извлечь цѣнныя данныя объ относительной стоимости производства, цѣнахъ сбыта и получаемыхъ выгодахъ. „На основаніи такихъ матеріаловъ“, замѣчаетъ авторъ, „вполнѣ возможно бы было оцѣнить, насколько и въ какомъ размѣрѣ данная отрасль промышленности требуетъ покровительства“.

Переходя отъ введенія золотой пошлины къ другимъ явленіямъ, имѣющимъ вліяніе на вексельный курсъ, авторъ указываетъ на значительное усиленіе нашего отпуску въ 1877 году и на одновременное громадное уменьшеніе ввоза. Оба эти факта, вѣсть съ незначительной вѣншей задолженностью нашей торговли, вслѣдствіе уплаты, произведенныхъ при операціи поддержанія курсовъ, совершавшейся въ предшествовавшемъ году, должны были бы сильно повліять на улучшеніе курса. Между тѣмъ, вліяніе ихъ не было значительно. Чѣмъ же объясняется это явленіе? Оно объясняется тѣмъ, что финансовая администрація, бывшая въ теченіи почти всего 1876 г. продавцомъ граничныхъ векселей, стала являться съ весны 1877 года покупателемъ граничныхъ траттъ, производя эту операцію негласно, при посредствѣ одного изъ петербургскихъ частныхъ банковъ. Этотъ банкъ приобрѣлъ век-

селей на заграничныя мѣста болѣе, чѣмъ на 130 милл. р., въ самое трудное для государственнаго казначейства время. Между тѣмъ, эта покупка тратъ могла состояться не иначе, какъ при выпускѣ соотвѣствующаго количества кредитныхъ билетовъ. Эти выпуски и стали показываться въ той рубрикѣ счетовъ государственнаго банка, которая получила названіе: „Кредитныхъ билетовъ, временно-выпущенныхъ для подкрѣпленія кассы“. Конечно, при неудачахъ, постигшихъ внутренніе займы и при невозможности заключить заемъ внѣшній—иначе какъ на такихъ условіяхъ, которыя сильно повредили бы нашему кредиту, не оставалось ничего болѣе дѣлать. Авторъ указываетъ на бумажныя деньги какъ на зло, но высказываетъ мысль, что произведенные вновь выпуски сами по себѣ еще не обезцѣнили валюту болѣе того, насколько она упала бы и безъ нихъ во время войны.

Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ автора намъ трудно согласиться; но мы должны замѣтить, что онъ высказалъ его на основаніи цифры новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, бывшей къ концу октября 1877 года, которая составляла менѣе 200 м. р., выпущенныхъ до того времени въ теченіи 1877 г. Впослѣдствіи эта сумма удвоилась и тогда уже нельзя было сказать, что новые выпуски не способствовали обезцѣненію кредитнаго рубля въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ оно произошло бы просто вслѣдствіе самаго факта войны. Дѣло въ томъ, что самый фактъ войны могъ вліять на цѣну бумажнаго рубля только въ смыслѣ нравственномъ, то-есть въ смыслѣ уменьшенія довѣрія къ состоятельности государства вообще; между тѣмъ какъ увеличеніе массы бумажныхъ денегъ на цѣлую половину прежняго ихъ количества въ теченіи всего двухъ лѣтъ составило такой матеріальный фактъ непомернаго обремененія ими рынка, непомернаго ихъ предложенія, что это не могло не отозваться въ обезцѣненіи бумажной валюты.

Г. Влюхъ даже высказывалъ въ то же время надежду, что „съ окончаніемъ войны изытіе изъ обращенія и уничтоженіе сдѣланныхъ выпусковъ будетъ составлять первую заботу нашей финансовой администраціи“ и что такимъ образомъ „зло, произведенное выпусками, не будетъ чрезмерно“. Но извѣстно, что случилось нѣсколько иначе. Дѣйствительно три „восточныхъ займа“, повидимому, должны были поглотить болѣе чѣмъ всю массу вновь выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. Но на дѣлѣ этого не было, потому что займы эти употреблялись на удовлетвореніе чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войною; самая же подписка на поочередно слѣдовавшіе одинъ за другимъ займы производилась посредствомъ залога прежде выпущенныхъ бумагъ въ государственномъ банкѣ, который такимъ образомъ самъ и давалъ большую часть средствъ на приобрѣтеніе новыхъ бумагъ.

Вторымъ обстоятельствомъ, имѣвшимъ немаловажное вліяніе на наши курсы, авторъ ставитъ усиленное биржевое требованіе на заграничные векселя, явившееся въ 1877 году „вслѣдствіе пессимистическаго настроенія финансовыхъ сферъ и всего общества“. Требованіе это, по его отзыву, только въ незначительной части вызывалось необходимостью обезпечить дѣйствительныя будущія платежи за-границею, главнымъ же образомъ имѣло цѣль чисто-спекулятивную. При этомъ авторъ имѣетъ въ виду такъ-называемыя покупки на срокъ, — операцію, сильно развившуюся на заграничныхъ биржахъ, особенно на берлинской, но совершающуюся и у насъ. Эта операція, какъ извѣстно, рассчитана на разницу въ курсахъ и представляетъ настоящую игру.

Здѣсь авторъ производитъ весьма интересныя наблюденія надъ покупками металловъ и траттъ нашими банками, отчасти для помѣщенія свободныхъ капиталовъ, вслѣдствіе уменьшенія торговыхъ оборотовъ въ странѣ, отчасти же именно для спекулятивныхъ цѣлей. Операцію эту производили 26 русскихъ частныхъ банковъ. Изъ таблицы, составленной по ихъ балансамъ, оказывается, что, до іюня 1876 года, металлическая наличность въ банкахъ (металлы, ассигновки, тратты и заграничные векселя) составляла менѣе 4 м. р., что авторъ и признаетъ за цифру нормальную по оборотамъ банковъ. Но съ іюля, когда успѣхъ производившейся въ то время правительствомъ операціи поддержки курсовъ началъ дѣлаться сомнительнымъ, наличность въ частныхъ банкахъ стала увеличиваться, и къ 1 октября 1877 года она дошла въ нихъ, въ совокупности, до 26 милл. рублей. „Такое громадное увеличеніе размѣра наличности металлическихъ цѣнностей“, говоритъ авторъ, „показываетъ, что банки въ данный моментъ имѣли серьезный интересъ на флуктуаціяхъ (колебаніяхъ) нашей валюты“. А такъ какъ еще гораздо болѣе значительныя обороты совершаются съ кредитными рублями на берлинской и другихъ германскихъ биржахъ, то легко понять, что „почти ежедневно, безъ особыхъ видимыхъ причинъ, производятся колебанія нашей валюты“. Чѣмъ они значительнѣе, и чѣмъ чаще происходятъ, тѣмъ выгоднѣе для банковъ и вообще для биржевого міра, такъ какъ при колебаніяхъ курса всѣ выгоды, конечно, „бываютъ на сторонѣ лица или учрежденія, достаточно сильнаго, чтобы производить эти колебанія, и достаточно умѣлаго, чтобы во-время пользоваться ими“.

Изъ 26-ти банковъ, производившихъ обороты валютой, значеніе имѣютъ только 12, такъ какъ у остальныхъ запасы незначительны. Изъ упомянутыхъ 12 банковъ 5 находятся въ Петербургѣ; это банки: учетный и ссудный, международный, русскій для внѣшней торговли, частный коммерческій, сибирскій и отдѣленіе варшавскаго банка

(общества взаимнаго кредита разбираемыхъ авторомъ операций не производили). Далѣе: два въ Москвѣ (учетный и московскій купеческій) и по одному въ Ригѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Вильнѣ, и Таганрогѣ. Въ ненормальное время и при господствѣ въ странѣ бумажной валюты, на вексельный курсъ вліяютъ не столько естественныя условія спроса и предложенія, сколько спекуляція и степень довѣрія, кредитъ, которымъ въ данный моментъ пользуется государство. Поэтому на вексельные курсы чрезвычайно вліяютъ оптимизмъ или пессимизмъ, проявляющіеся въ этотъ моментъ въ господствующемъ настроеніи. Иногда мнѣнія раздѣляются и затѣмъ предложеніе само собою вскорѣ уравновѣшиваетъ спросъ, появившійся съ спекулятивной цѣлью. Но иногда этому препятствуютъ сильныя финансовыя вліянія, заинтересованныя въ повышеніи или пониженіи курсовъ. Политическія событія, разумѣется, могутъ сильно вліять на эти колебанія и обыкновенно избираются поводами къ преувеличенію того или другого настроенія.

Разсматривая на основаніи балансовъ, насколько наши банки въ 1877 году дѣйствовали въ этомъ отношеніи въ томъ или другомъ смыслѣ, то-есть содѣйствовали оптимистическому или пессимистическому настроенію, г. Блюхъ указываетъ, что въ январѣ преобладалъ оптимизмъ, въ слѣдующіе три мѣсяца, т.-е. до объявленія войны, мнѣнія были раздѣлены, затѣмъ лѣтомъ и особенно въ іюлѣ (послѣ счастливаго начала военныхъ дѣйствій) проявлялся снова оптимизмъ, который въ сентябрѣ и октябрѣ (послѣ трехъ битвъ подъ Плевной) смѣнился господствомъ пессимизма. Въ общемъ выводѣ, въ 1877 году, колебанія запасовъ частныхъ банковъ, сравнительно съ 1876 годомъ, были удвоены.

Впрочемъ, цифры не даютъ возможности доказать, что „существовали однообразныя со стороны банковъ дѣйствія для произведенія искусственныхъ, независимыхъ отъ политическихъ событій, повышеній или пониженій вексельныхъ курсовъ“. Но, сравнивая колебанія курсовъ заграничныхъ биржъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что вредъ главнымъ образомъ зависѣлъ отъ спекуляціи на нихъ, и только *отчасти* отъ спекулятивной дѣятельности нашихъ денежныхъ рынковъ.

Результатомъ всѣхъ указанныхъ выше вліаній явились такія колебанія курса, что высшій курсъ въ 1877 году (21 января и 15 марта) былъ 77,½ мет. коп. за кредитный рубль, а низшій (30 сентября) 58,½ мет. коп. за кред. рубль.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что о будущей судьбѣ нашихъ кредитныхъ билетовъ и о финансахъ вообще можно судить только послѣ уясненія себѣ главныхъ, вліяющихъ на то и другое, факторовъ: достижимости равновѣсія въ бюджетѣ и выгоднаго торговаго баланса.

Допуская возможность кризиса послѣ войны, вслѣдъ за возбужденнымъ состояніемъ, которое сперва можетъ показаться признакомъ благосостоянія, авторъ полагаетъ, что именно вслѣдствіе произведенныхъ реформъ и постройки желѣзнодорожной сѣти, которая впервые дала выходъ изъ прежняго положенія, нынѣ даже и кризисъ, вызванный войною, все-таки не достигнетъ размѣровъ того, какой послѣдовалъ за войной крымскою.

Повторяемъ, что анализъ вліянія постройки желѣзныхъ дорогъ въ смыслѣ финансовомъ мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ эта часть сочиненія г. Влюха читателямъ нашимъ уже извѣстна. Но приведемъ одно его замѣчаніе по поводу сравненія экономическаго настоящаго съ прошлымъ. „Какъ бы ни были энергично проведены реформы финансовыя и административныя“, говоритъ онъ, „онѣ не могли въ столь короткій для жизни народа періодъ измѣнить многихъ существенныхъ условій прошлаго, и то дѣло, какое удалось сдѣлать въ столь короткое время, по необходимости представляло только часть всей предлежавшей задачи: подведенія подъ государственную жизнь основъ рациональныхъ, взаимѣнъ державшихся только на завѣщаніи прошлаго“.

Съ этимъ замѣчаніемъ вполне согласуются заключительныя слова всего сочиненія: „представленная нами картина удостовѣряетъ практически, путемъ несомнѣнныхъ аргументовъ, какими служатъ цифры, что благосостояніе страны и развитіе ея могущества не въ застой, не въ отчужденіи отъ другихъ народовъ, но, наоборотъ—въ постепенномъ, но смѣломъ, непрерывномъ движеніи впередъ, въ слѣдованіи за другими народами по ихъ пути развитія и рациональной свободы“. Бываютъ времена, когда это особенно полезно повторять, — замѣтимъ мы съ своей стороны.

Въ заключеніе обзора этого обширнаго труда, мы должны повторить, что онъ составляетъ явленіе въ самомъ дѣлѣ замѣчательное. У насъ не мало издается статистическихъ сборниковъ, въ которыхъ матеріалъ нагромождается сырьемъ; именно по части обработки его мы мало избалованы. Но этому изданію масса самаго разнообразнаго матеріала даетъ большое значеніе для справокъ по нѣсколькимъ, самостоятельно обработаннымъ отраслямъ экономической жизни, между тѣмъ какъ по тщательности анализа и наглядному представленію выводовъ, этотъ трудъ сдѣлалъ бы честь любой экономической литературѣ.

Л. А.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Декабрь, 1879.

I.

— *М. Ковалевскій*, Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи, и приемы изученія исторіи права. Москва, 1880.

Историко-сравнительный методъ, пріобрѣтающій все большую и большую важность въ современной наукѣ, противопоставляется г. Ковалевскимъ устарѣвшему сопоставительному, или просто, сравнительному методу. Послѣдній ограничивается указаніемъ аналогій или различій между учрежденіями или законами двухъ или нѣсколькихъ государствъ, не изслѣдуя ихъ происхожденія, ихъ зависимости отъ общаго склада народнаго и государственнаго быта, произвольно заключая отъ реальнаго вліянія ихъ на жизнь одного государства къ возможному или даже неизбѣжному вліянію ихъ на жизнь другого; первый подмѣчаетъ только ихъ общія черты, которыя обусловливаются общими причинами — происхожденіемъ народовъ отъ одного общаго источника, или сходствомъ въ развитіи ихъ, проходящемъ черезъ одни и тѣ же фазисы. Представителемъ направленія, придающаго особое значеніе общему происхожденію народовъ, авторъ считаетъ Фримана, по стопамъ котораго идетъ у насъ профессоръ Сергѣевичъ. Самъ г. Ковалевскій полемизируетъ противъ этого направленія и видитъ главное назначеніе историко-сравнительнаго метода въ раскрытіи одинаковости фазисовъ развитія, проходимыхъ народами самаго различнаго происхожденія. „Я положительно затрудняюсь“, говоритъ онъ, „указать хотя бы на одинъ институтъ если не современнаго намъ, высоко развитаго, быта Европы, то во всякомъ случаѣ ея средневѣковаго быта, который въ зародышномъ состояніи, или въ болѣе или менѣе опредѣлившемся уже видѣ, не могъ бы быть найденъ не только у разноплеменныхъ съ аріяцами

народовъ древняго Востока, но даже у жителей другихъ частей свѣта, Африки или Америки... Возьмемъ ли мы родовой бытъ или общинное устройство, клановыя или феодальныя формы общежитія, мы одинаково въ состояніи будемъ констатировать ихъ въ болѣе или меньшей степени развитія какъ у арійскихъ народовъ, такъ и у семитовъ, туранцевъ, негровъ и краснокожихъ". Намъ кажется, что разница между обоими направленіями заключается не столько въ принципѣ, сколько въ предметѣ изслѣдованія. Направленіе, противъ котораго спорить г. Ковалевскій, относитъ къ источникамъ сходства, замѣчаемаго въ исторіи различныхъ народовъ, „дѣйствіе одинаковыхъ причинъ, всегда приводящихъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ“; и наоборотъ, допуская въ полной мѣрѣ дѣйствіе этихъ причинъ, можно констатировать существованіе, на ряду съ ними, другихъ, частныхъ аналогій, коренящихся въ общемъ происхожденіи извѣстной группы народовъ. Писатель, сосредоточивающій свое вниманіе на аналогіяхъ послѣдняго рода, легко можетъ преувеличить ихъ значеніе; но трудъ его, если онъ проникнутъ научнымъ духомъ, все-таки будетъ далеко не безплоднымъ результатомъ историко-сравнительнаго метода. Наиболѣе богатой жатвы несомнѣнно, впрочемъ, слѣдуетъ ожидать отъ тѣхъ широкихъ, всеобъемлющихъ сравненій, за которыя стоитъ г. Ковалевскій. Обобщенія, захватывающія собою всѣ племена, всѣ народы, очевидно—при равной научной достовѣрности—важнѣе тѣхъ, которыя касаются только одной этнографической группы.

Задача историко-сравнительнаго метода сводится г. Ковалевскимъ къ тому, чтобы выдѣлить въ особую группу сходные у разныхъ народовъ на сходныхъ ступеняхъ развитія обычаи и учрежденія, и дать тѣмъ самымъ матеріалъ для построенія исторіи прогрессивнаго развитія формъ общежитія и ихъ внѣшняго выраженія—права. Можно идти еще дальше: можно пытаться выяснить причины постепенной замѣны однихъ формъ человѣческаго общежитія и однихъ нормъ права другими. На этомъ въ наше время и должна, по мнѣнію г. Ковалевскаго, остановиться работа историка-юриста. Въ историко-сравнительномъ методѣ заключается ключъ къ объясненію какъ сходства, такъ и различія въ общественномъ развитіи разныхъ народностей; но послѣдняя часть задачи неразрѣшима въ настоящее время и должна быть предоставлена будущимъ изслѣдователямъ. Нельзя выдѣлить черты различія, не опредѣливъ предварительно, въ чемъ состоитъ сходство; другими словами, объясненіе отклоненій въ общественномъ развитіи того или другого народа отъ общаго всѣмъ и потому нормальнаго хода немислимо до тѣхъ норъ, пока не будетъ рѣшено, каковъ этотъ общій, нормальный ходъ развитія. Съ

этимъ мнѣніемъ г. Ковалевскаго трудно согласиться. Группируя черты сходства, исследователь не можетъ не останавливаться и на различіяхъ; это двѣ стороны одной и той же работы, идущія параллельно и вовсе не требующія искусственнаго разъединенія, едва ли даже допускающія его. Откладывать одну изъ нихъ до окончанія другой представляется тѣмъ менѣе основанія, что установленіе общихъ нормъ развитія, какъ правила, изъ котораго бываютъ исключенія—задача едва ли осуществимая. Нормальное развитіе предполагаетъ нормальныя условія—а гдѣ и когда они существовали? По какому масштабу, по какимъ признакамъ можно розыскать и распознать ихъ? Условія, при которыхъ развивались народы, были сходны въ одномъ, различны въ другомъ; сообразно съ этимъ, черты сходства въ развитіи народовъ столь же естественны, какъ и черты различія—не болѣе и не менѣе. Говорить объ „отклоненіяхъ“ нельзя ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, потому что въ разнообразіи явленій нѣтъ ничего аномальнаго, исключительнаго. Народъ, живущій въ плодородной долинѣ, развивается иначе, чѣмъ народъ, живущій въ степи; въ правѣ ли мы назвать что-либо въ развитіи того или другаго отклоненіемъ отъ общаго пути отъ нормальнаго типа? Нѣтъ, потому что разница въ условіяхъ или причинахъ съ самаго начала устраняетъ возможность единообразія въ результатахъ. Можно, конечно, вообразить себѣ такую комбинацію условій, при которой развитіе совершалось бы цѣною наименьшихъ жертвъ, потерь и усилій, и затѣмъ считать отклоненіемъ отъ нормы все затрудняющее и замедляющее ходъ движенія; но это было бы построеніемъ совершенно произвольнымъ, и не то, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду г. Ковалевскій. Торжествомъ историко-сравнительнаго метода будетъ указаніе *всего* того, что *неизбѣжно* въ развитіи *каждаго* народа; все остальное будетъ представляться тогда не отклоненіемъ отъ этого, если можно такъ выразиться, общаго фонда человѣчества, а только видоизмѣненіемъ или усложненіемъ его. Отношеніе между чертами сходства и чертами различія будетъ отношеніемъ не правила къ исключенію, а—единообразной тѣмы къ бесконечно-разнообразнымъ ея варіаціямъ.

Примѣняя историко-сравнительный методъ къ исторіи права, г. Ковалевскій разбираетъ различные приемы изученія ея. Онъ указываетъ на необходимость сопоставленія фактовъ переживанія—т. е. обломковъ старины, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени—съ историческими памятниками; первые бросаютъ яркій слѣдъ на послѣдніе, но въ свою очередь должны быть повѣрены ими, для предупрежденія поспѣшныхъ догадокъ и висящихъ на воздухѣ заключеній. Другой приемъ, не менѣе важный, это—изученіе всей суммы юриди-

ческихъ отношеній народа за извѣстный періодъ его исторіи, съ тѣмъ, чтобы на основаніи ихъ составить себѣ понятіе и объ одновременномъ характерѣ неупомянутаго въ памятникахъ института. Положимъ, что въ законодательномъ памятникѣ ничего не говорится о существованіи въ данную эпоху, у даннаго народа, коллективныхъ формъ собственности; молчаніе его по этому предмету можетъ быть восполнено выводомъ изъ совокупности такихъ постановленій, какъ напр., неотчуждаемость недвижимыхъ имѣній или отчуждаемость изъ лишь подъ условіемъ согласія родственниковъ или сосѣдей, право родового и сосѣдскаго выкупа, допущеніе наслѣдства по закону въ одномъ лишь движимомъ имуществѣ, и т. п. Большія услуги можетъ оказать также приѣмъ филологическій, въ примѣненіи къ древнѣйшимъ юридическимъ терминамъ, къ наименованіямъ мѣстностей, и т. д. На ряду съ языкомъ, стоятъ міеологическія сказанія, пѣсни, былины, сказки, пословицы, поговорки. Не отрицая важности такъ-называемыхъ вещественныхъ доказательствъ, т. - е. археологическаго матеріала, г. Ковалевскій рекомендуетъ крайнюю осторожность въ выводахъ, на нихъ основанныхъ; чѣмъ шире пользуется историкъ-юристъ всѣми доступными ему приѣмами, чѣмъ тщательнѣе онъ повѣряетъ выводы, полученные съ помощью одного, выводами, полученными съ помощью другого, тѣмъ больше онъ гарантируетъ себя противъ ошибокъ. Развивая эту вполне вѣрную мысль, г. Ковалевскій отводитъ слишкомъ много мѣста полемикѣ нѣкоторыхъ имѣній, — имѣній г. Самоквасова, не имѣющихъ ничего общаго съ задачей, которую поставилъ себѣ авторъ.

Съ точки зрѣнія г. Ковалевскаго, обычный способъ толкованія законодательныхъ памятниковъ, употребляемый не только юристами-практиками, но и многими теоретиками или историками права, долженъ оказаться крайне неудовлетворительнымъ. „На взглядъ людей, незнакомыхъ съ дѣломъ“, говоритъ г. Ковалевскій, „изученіе памятниковъ древняго права кажется дѣломъ весьма простымъ; вся задача сводится, самое большее, къ толкованію статей, къ выводу изъ той или другой комбинаціи ихъ такихъ положеній, какія непосредственно не стоятъ въ самомъ текстѣ. Что десятый томъ, что „Русская Правда“ — для нихъ все-равно. Изъ одного умолчанія тѣмъ или другимъ древнимъ сводомъ объ искомомъ ими институтѣ они приходятъ къ заключенію, что и самаго этого института не существовало въ эпоху редакціи свода. Наоборотъ, всякая позднѣйшая вставка въ древній текстъ свода доказываетъ, въ ихъ глазахъ, существованіе въ нихъ съ древнѣйшихъ временъ упоминаемыхъ въ вставкѣ норъ права. О строгой, не только филологической, но и культурно-исторической критикѣ текста, сличеніи рукописей, опредѣленія, а иногда

и въ восстановленіи древнѣйшей редакціи, юристъ-практикъ обыкновенно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Не удивительно, поэтому, что каждый разъ, когда, оставляя дѣло толкованія статей дѣйствующаго права и судебныхъ рѣшеній, онъ, безъ всякой предварительной подготовки, пускается въ историческую разработку правовыхъ явленій, его историческая разработка является не болѣе, какъ той же догматической работой, только примѣненной къ статьямъ не какого-нибудь изъ новыхъ сводовъ, а древнѣйшаго подчасъ памятника юридическаго развитія народа. Примѣнять къ толкованію отрывочныхъ и не всегда правильно понимаемыхъ текстовъ ту тонкую казуистику, какую современное гражданское право заимствовало, по крайней мѣрѣ—въ существенныхъ чертахъ, у римскихъ юристовъ, прилагать къ явленіямъ слабо развитаго еще юридическаго быта термины римской юриспруденціи и орудовать затѣмъ этими терминами, какъ существующими фактами—что можетъ быть произвольнѣе, ненаучнѣе и опаснѣе! О скоромъ устраненіи указываемыхъ г. Ковалевскимъ недостатковъ, при настоящемъ распространеніи у насъ общаго и юридическаго образованія, нельзя, къ сожалѣнію, и мечтать; но напоминаніе о нихъ далеко не бесполезно, хотя бы для того, чтобы уменьшалась склонность успокаиваться на скудномъ запасѣ свѣдѣній, выносимыхъ большинствомъ нашихъ юристовъ изъ университетовъ или училища правовѣдѣній. Если бы брошюра г. Ковалевскаго была только такимъ будильникомъ, то и тогда можно было бы порадоваться ея появленію; но за ней остается, кромѣ того, заслуга яркой, рельефной постановки общаго вопроса объ историко-сравнительномъ методѣ, значеніе котораго далеко не исчерпывается одной исторіей права. По справедливому замѣчанію г. Ковалевскаго, онъ можетъ и долженъ быть примѣняемъ одновременно къ изученію самыхъ разнообразныхъ сторонъ общественной жизни, какъ средство къ построенію естественной исторіи человѣческихъ обществъ.

II.

—*Е. Уичеринъ, Наука и религія. Москва, 1879.*

„Savoir, c'est prévoir“—въ этихъ словахъ всѣ привыкли видѣть не опредѣленіе знанія, въ настоящемъ его видѣ, а только формулированіе его высшей задачи, его конечнаго результата. Правда, въ области точныхъ наукъ знаніе и теперь часто равносильно предвидѣнію; но въ области социологій—исторіи, политики и т. п.—сдѣланы лишь первые шаги къ этой цѣли. О ней можно мечтать, къ ней слѣ-

дуетъ стремиться, но считать ее достигнутою до сихъ поръ едва ли кому-нибудь приходило на мысль. Г-нъ Чичеринъ болѣе счастливъ—или болѣе смѣлъ,—чѣмъ его предшественники. Онъ сразу одолѣлъ всѣ препятствія, сразу и безповоротно разрѣшилъ всѣ вопросы, и перенесся однимъ скачкомъ—такъ по крайней мѣрѣ ему кажется—на самый конецъ пути, къ проложению котораго только-что приступили другіе. „Вмѣсто хаоса случайныхъ событій, среди котораго теряется изслѣдователь“,—говоритъ г. Чичеринъ въ заключительной главѣ своей книги,—„мы видимъ въ исторіи стройный порядокъ, управляемый общою идеею. Вооруженные выведеннымъ нами закономъ, мы можемъ точно опредѣлить, не только *идѣ* мы стоимъ, но и *куда* мы идемъ. Основываясь на чисто научныхъ данныхъ, мы можемъ съ такой же достоверностью предсказать *всѣ* будущія ступени *человѣческой* развитія, какъ астрономъ предсказываетъ солнечныя затмѣнія, ибо законъ историческаго развитія имѣетъ точно такое же значеніе для *человѣческаго* духа, какъ законъ тяготѣнія—для *матеріальнаго* міра“. Итакъ, наука о *человѣчествѣ* нашла своего Ньютона. Посмотримъ, въ чемъ заключается великое открытіе г. Чичерина.

Основаніемъ для законовъ развитія *человѣчества*, формулированныхъ г. Чичеринымъ въ тринадцати пунктахъ (стр. 514—516), служатъ метафизическія положенія, изложенныя въ первой части книги г. Чичерина ¹⁾, въ главѣ о діалектикѣ. Вооруженный ими, авторъ ищетъ подтвержденія имъ въ исторіи религіи и философіи,—и, конечно находитъ искомое, потому что нѣтъ тезиса, для котораго нельзя было бы подобрать подходящихъ фактовъ. Такой приемъ никакъ не можетъ быть названъ чисто *научнымъ* и сразу колеблетъ довѣріе къ полученнымъ, съ помощью его, результатамъ. Приступать къ изслѣдованію съ предвзятою мыслью не опасно только тогда, когда она имѣетъ характеръ гипотезы и такъ понимается самимъ изслѣдователемъ; но когда она выдается а priori за нѣчто непогрѣшимое, то фактическая ея повѣрка—только формальность, въ сущности совершенно излишняя. Общія положенія, составляющія исходную точку и краеугольный камень системы г. Чичерина, добыты имъ слѣдующимъ образомъ: онъ беретъ діалектическій законъ Гегеля, защищая его противъ критики Тренделенбурга, дополняетъ его началомъ, заимствованнымъ изъ другого отдѣла гегелевской системы, и логическое

¹⁾ Книга г. Чичерина состоитъ изъ трехъ частей: первая посвящена наукѣ, вторая—религіи, третья—исторіи *человѣчества*. Мы останавливаемся исключительно на третьей части, безъ сомнѣнія самой важной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой удобной для разбора; остальныхъ частей мы коснемся лишь настолько, насколько это необходимо для пониманія послѣдней.

движеніе полученныхъ такимъ образомъ опредѣленій представляетъ какъ основной типъ всякаго развитія. Въ силу гегелевскаго закона, каждое опредѣленіе имѣетъ три послѣдовательныя ступени: положеніе, противоположеніе и сочетаніе противоположностей (напр., бытіе, небытіе, бытіе опредѣленное—*Seyn, Nichtseyn, Daseyn*). По мнѣнію г. Чичерина, положенію, какъ чему-то отвлеченному, должно предшествовать нѣчто непосредственно единое, конкретное, изъ разложенія котораго мысль и получаютъ двѣ противоположности, впоследствии опять соединяемыя въ высшемъ единствѣ. Отсюда четыре момента, вмѣсто трехъ, принимаемыхъ Гегелемъ. „Въ приложеніи къ внѣшнему бытію, логическія опредѣленія обозначаются названіемъ началъ или причинъ, дѣйствующихъ въ мірѣ. Каждое изъ нихъ представляетъ извѣстную форму единства, къ которому разумъ сводитъ разнообразіе явленій. Такимъ образомъ, первоначальное единство становится основой всего сущаго, или *причиною производящею*. Какъ само по себѣ сущее, оно называется *бытіемъ*, какъ постоянно пребывающее въ измѣненіи своихъ признаковъ—*субстанціею*, какъ производящее начало—*силою*. Затѣмъ, выдѣляющіяся изъ первоначальнаго единства противоположности опредѣляются, какъ *матерія* и *форма*: матеріею мы называемъ начало частное, дробное, раздѣльное; формой же, напротивъ, начало отвлеченно общее, которымъ связывается частное. Наконецъ, высшее единство обоихъ представляется, какъ *причина конечнаго*, она составляетъ *цѣль* развитія, а какъ начало, согласующее противоположности, она называется *идеєю*... Каждая изъ истинно философскихъ системъ, строящихся на основаніи чисто логическихъ выводовъ, представляетъ извѣстное систематическое воззрѣніе, вытекающее изъ того или другого логическаго опредѣленія; а такъ какъ главныхъ опредѣленій четыре, то всѣ системы могутъ быть приведены къ четыремъ главнымъ типамъ. Натурализмъ беретъ за основаніе причину производящую; спиритуализмъ—причину формальную; матеріализмъ—причину матеріальную; идеализмъ—причину конечную. Пятый типъ составляетъ скептицизмъ, который является переходною формою отъ одной системы къ другой... Въ познаніи вещей разумъ можетъ избирать различныя пути: онъ можетъ идти или отъ общаго къ частному, что составляетъ сущность рационализма; или отъ частнаго къ общему, чѣмъ характеризуется реализмъ; или, наконецъ, онъ можетъ сочетать оба пути, что мы назовемъ универсализмомъ“ (стр. 74—77).

Таковъ воздушный замокъ, возведенный г. Чичеринымъ по давно извѣстной, слегка лишь подновленной модели. Доказывать шаткость этой постройки, значило бы возобновлять борьбу противъ метафизики, исчерпанную даже въ нашей литературѣ. Нѣсколько отвле-

ченныхъ разсужденій, соединенныхъ въ наружно-правильную схему, произвольное обобщеніе, возвышающее ихъ на степень непреложнаго закона, еще болѣе смѣлый скачокъ, связывающій ихъ съ вѣшнимъ міромъ, или, лучше сказать, подчиняющій имъ вѣшній міръ—вотъ характеристическіе признаки теоріи г. Чичерина, общіе ей со всѣми другими безчисленными продуктами стараго философскаго метода. Стбить только „обозначить логическое опредѣленіе названіемъ причины, дѣйствующей въ мірѣ“ — и мостъ между умозрѣніемъ и опитомъ готовъ къ услугамъ автора, для всевозможныхъ на немъ эволюцій. Само собою разумѣется, что установленію своего діалектическаго закона г. Чичеринъ предпосылаетъ полемику противъ нѣкоторыхъ представителей новой школы, противъ опытной логики и психологій; онъ подробно опровергаетъ Милля, наноситъ мимоходомъ нѣсколько ударовъ Спенсеру и Геккелю. О свойствѣ этой полемики можно судить по слѣдующему небольшому образцу. „Совокупность нашихъ понятій, — говоритъ г. Чичеринъ (стр. 59), — составляетъ лѣствицу родовъ и видовъ, которая снизу примыкаетъ къ безконечному разнообразію открываемыхъ намъ опитомъ предметовъ, а кверху завершается чисто логическими опредѣленіями или категориями. Но опредѣляющее начало въ этой лѣствицѣ идетъ сверху, а не снизу; родовое понятіе расчленяется на видовыя, а не наоборотъ. Когда мы открываемъ новый предметъ, задача наша состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы подвести его подъ извѣстное уже намъ родовое понятіе, и затѣмъ уже, опредѣленіемъ специфическихъ его признаковъ, отличить его отъ другихъ видовъ того же рода. Если же мы не въ состояніи опредѣлить ближайшее родовое понятіе, то мы прямо подводимъ предметъ подъ общую логическую категорію (напр., категорію *сущестъ* или категорію *вещей*)“. Не говоря уже о томъ, что въ *мстѣицѣ*, изображаемой г. Чичеринимъ, опять является *salto mortale*—отъ реальнаго, или опитнаго, къ чисто логическому; что понятія о существѣ и о вещи отрываются отъ почвы опита, на которой они несомнѣнно выросли,—остановимся только на явномъ смѣшеніи процесса подведенія предмета подъ существующее уже понятіе съ процессомъ образованія понятія. Изъ того, что мы теперь относимъ вновь найденный предметъ сначала къ роду, а потомъ уже къ виду, отнюдь не слѣдуетъ еще, что опредѣляющее начало всегда шло сверху, а не снизу, что родовое понятіе всегда расчленялось на видовыя, а не складывалось изъ нихъ. Неужели понятіе о металлѣ образовалось раньше понятія о желѣзѣ, понятіе объ оружіи раньше понятія о стрѣлѣ? Неужели человѣческій умъ, въ первомъ фазисѣ своей дѣятельности, шелъ отъ общаго къ частному, а не отъ частнаго къ общему? Между тѣмъ, въ теоріи

познаванія или познаванія (Erkenntnisstheorie), въ спорѣ о значеніи опыта, какъ источника познаванія, вопросъ о первоначальномъ образованіи понятій, безъ сомнѣнія, имѣетъ гораздо большую важность, чѣмъ вопросъ о послѣдующемъ ихъ расширеніи и развѣтвленіи.

Въ системѣ, висящей на воздухѣ, можетъ быть, однако, внутренняя послѣдовательность, строгая обдуманность плана, точная, опредѣленная терминологія. Система г. Чичерина не представляетъ и этихъ достоинствъ. По діалектическому закону, лежащему въ ея основаніи, движеніе идетъ отъ первоначальнаго единства, черезъ двѣ противоположности, къ единству конечному, — и этому пути нельзя отказать, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой логичности. Но какъ высоко г. Чичеринъ ни ставитъ чистую логику, — связывать себя ею онъ не любитъ. Прежде всего оказывается возможнымъ шествовать по пути, имъ начертанному, не только впередъ, но и назадъ; можно начинать съ начала, но можно начинать и съ конца. Мысль можетъ исходить изъ понятія о субстанціи или о силѣ (т.-е. о первоначальномъ единствѣ), и переходить, черезъ категоріи формы и матеріи, къ идеѣ (т.-е. къ конечному единству), но можетъ и идти обратнымъ путемъ, отъ идеи къ силѣ. Этого мало: она можетъ также начать съ середины, заглянуть на оба конца и опять возвратиться къ срединѣ. Другими словами, отправляясь отъ матеріи — или явленія — она можетъ придти, черезъ категоріи силы и идеи, къ формѣ — или закону, — и наоборотъ (стр. 301). Въ такомъ движеніи съ середины, г. Чичеринъ не только не видитъ ничего ненормальнаго, но считаетъ даже одинъ изъ его видовъ заключеніемъ всего историческаго процесса; задачей будущаго, близкаго къ намъ универсализма, г. Чичеринъ признаетъ движеніе отъ явленія къ закону. Путь отъ начала къ концу и отъ конца къ началу г. Чичеринъ называетъ субъективнымъ, путь отъ середины къ срединѣ — объективнымъ, ибо „въ первомъ выражается чистое развитіе мысли, во второмъ же, точкою отправленія служитъ отношеніе мысли къ внѣшнему бытію“. Отсюда слѣдуетъ, что натурализмъ (отправляющійся, какъ мы уже видѣли, отъ причины производящей) идетъ путемъ субъективнымъ, а спиритуализмъ (отправляющійся отъ причины формальной) — путемъ объективнымъ! Таковъ удивительный, но неизбежный выводъ изъ *метафизическихъ тонкостей* ¹⁾ г. Чичерина. Какимъ образомъ, далѣе, первая ступень развитія, соответствующая чему-либо непосредственному, конкретному, можетъ обнимать собою такіа отвлеченія, какъ бытіе, само по себѣ сущее, какъ субстанція, какъ сила? Почему матерія однозначительна съ явленіемъ, форма — съ закономъ?

¹⁾ Этихъ именъ авторъ самъ, въ предисловіи, называетъ основанія своей системы

Развѣ всякое явленіе не предполагаетъ въ такой же мѣрѣ форму, какъ и матерію? Если реализмъ идетъ отъ частнаго къ общему, то какимъ же образомъ періодъ реализма (въ новѣйшей философіи) можетъ представлять собою, съ одной стороны, движеніе отъ идеи къ субстанціи, съ другой — движеніе отъ закона къ явленію, т.-е. въ обоихъ случаяхъ, особенно въ послѣднемъ, движеніе отъ общаго къ частному? Если универсализмъ совмѣщаетъ въ себѣ оба пути — отъ общаго къ частному и отъ частнаго къ общему, если онъ составляетъ завершеніе движенія, послѣднее его слово, — то какимъ образомъ онъ можетъ господствовать въ первомъ, младенческомъ періодѣ древней философіи? Не очевидно ли, что самъ г. Чичеринъ не вполне оріентировался въ лабиринтѣ своей философіи? На читателя, во всякомъ случаѣ, всѣ эти взаимно перекрещивающіяся дороги, вся эта сѣть моментовъ и ступеней, всѣ эти отвлеченія, напоминающія двулицаго Януса или многоголовыхъ индійскихъ боговъ ¹⁾, производятъ удручающее впечатлѣніе. Искусственность, дѣланность чувствуется всюду — и въ историческомъ отдѣлѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, ничуть не меньше, чѣмъ въ догматическомъ.

Развитіе человѣчества началось, по теоріи г. Чичерина, съ перваго синтетическаго періода, или съ періода первоначальнаго единства. Господствуютъ въ этомъ періодѣ натуралистическія религіи, сначала первобытныя, потомъ философскія. Первобытныя религіи сводятся къ слѣдующимъ четыремъ моментамъ: фетишизму (поклоненію явленіямъ), натурализму (поклоненію силамъ природы), анимизму (поклоненію душамъ умершихъ) и сабензму (поклоненію небесному порядку). Въ основаніи этого построенія лежитъ, прежде всего, фактъ крайне спорный; многіе писатели не признаютъ фетишизма первоначальной формой религіознаго міросозерцанія. Каспаръ относитъ появленіе фетишизма къ тому періоду, когда уже были открыты способы добыванія огня; Тейлоръ и въ особенности Гербертъ Спенсеръ стоятъ за сравнительную древность анимизма, объясняя имъ самое происхожденіе фетишизма. Г-нъ Чичеринъ игнорируетъ ихъ доводы, хотя и возражаетъ мимоходомъ (стр. 162) противъ мнѣнія Спенсера о значеніи сновидѣній, тѣсно связаннаго съ вопросомъ объ анимизмѣ. Впрочемъ, опредѣленнаго понятія о фетишизмѣ г. Чичеринъ, повидимому, себѣ не составилъ; это можно заключить изъ того, что въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ фетишизмомъ обоготвореніе человѣкомъ самого себя ²⁾ — т.-е. нѣчто прямо противополож-

¹⁾ Припомнимъ, напримѣръ, что производящая причина является въ одно и то же время бытіемъ, субстанціей и силой.

²⁾ „Сначала, — читаемъ мы на стр. 815 про одно изъ средне-американскихъ племенъ, — были люди, которые въ своей гордынѣ сами себя считали богами. Это — ступень фетишизма“.

ное фетишизму, основанному на страхѣ, на сознаніи своей слабости и зависимости, влекущему за собою униженіе передъ тѣмъ или другимъ неодушевленнымъ предметомъ. Авторъ не объясняетъ, составляютъ ли натурализмъ и анимизмъ въ его глазахъ необходимыя ступени, черезъ которыя должна пройти и проходила всякая первобытная религія, или же одинъ изъ нихъ исключается другимъ, такъ, что народы, склоняющіеся къ натурализму, не знаютъ анимизма, и наоборотъ. Судя по мѣсту, занимаемому натурализмомъ и анимизмомъ, въ составленной г. Чичериннымъ, для наглядности, таблицѣ ¹⁾, судя также по нѣкоторымъ намекамъ въ историческомъ обзорѣ американскихъ религій (стр. 310),—болѣе вѣроятнымъ представляется послѣднее; но въ такомъ случаѣ остается непонятнымъ переходъ отъ анимизма къ сабензму, отъ поклоненія душамъ умершихъ къ поклоненію небеснымъ свѣтиламъ. Еще менѣе понятно, почему натурализмъ отдѣленъ отъ сабензма; качественного различія между ними никакого нѣтъ, и тотъ, и другой одинаково можетъ быть названъ поклоненіемъ силамъ природы. Если сабензмъ отличается отъ натурализма лучшимъ пониманіемъ гармоніи между этими силами, мірового порядка, выражающагося въ нихъ, то онъ сливается съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое отнесено г. Чичериннымъ къ философскимъ религіямъ, въ качествѣ перваго ихъ фазиса, и названо „поклоненіемъ небу, какъ верховному разуму“. Такъ какъ въ первобытныхъ религіяхъ движеніе идетъ, по словамъ г. Чичерина, отъ явленія къ закону, т.-е. отъ матеріи къ формѣ, черезъ категоріи силы и идеи, то анимизмъ, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ категоріи идеи, сабензмъ—категоріи формы. Но попробуемъ сдѣлать перестановку этихъ категорій—и мы получимъ результатъ ничуть не менѣе удовлетворительный, чѣмъ тотъ, къ которому пришелъ г. Чичеринъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, нельзя было бы приурочить анимизмъ къ категоріи формы, а натурализмъ, какъ нѣчто противоположное, къ категоріи матеріи? Почему нельзя было бы назвать сабензмъ фазисомъ идеи, фетишизмъ—фазисомъ силы, или производящей причины? Прискать разумный поводъ къ предпочтенію одного изъ этихъ наименованій передъ другими—рѣшительно невозможно. Не ясно ли, затѣмъ, что г. Чичеринъ увлекся игрой въ слова, что факты, нанизываемые имъ на заранее приготовленную нитку, ничего не говорятъ въ пользу его системы? Уже если примѣнять его діалектическій законъ къ

¹⁾ Въ этой таблицѣ (стр. 512—514) каждый отдѣльный періодъ, за нѣсколькими исключеніями, изображается крестообразно; наверху, по срединѣ, означаетъ фазисъ, служащій исходной точкой, ниже, по бокамъ—оба направленія, соотвѣтствующія фазису раздвоенія, еще ниже, опять по срединѣ—фазисъ заключительный. Натурализмъ и анимизмъ фигурируютъ въ таблицѣ по бокамъ, одинъ подлѣ другого.

первымъ проблескамъ религіознаго міросозерцанія, то гораздо проще было бы начать съ начала, т.-е. съ производящей причины, такъ какъ въ основѣ религіознаго чувства всегда лежитъ смутное сознаніе зависимости отъ чего-то внѣшняго, посторонняго, могущественнаго, распоряжающагося человѣкомъ.

Философскія религіи г. Чичеринъ рассказываетъ гораздо подробнѣе, чѣмъ первобытныя. Развитіе ихъ обнимаетъ также четыре момента: поклоненіе небу, какъ верховному разуму (религіи туранской группы), поклоненіе богу силы (религіи семитическія), поклоненіе богу-духу (религіи юго-восточныхъ аріевъ) и поклоненіе индивидуальнымъ божествамъ (религіи европейскихъ аріевъ). Все движеніе, въ періодѣ философскихъ религій, совершается отъ закона къ явленію, или, другими словами, отъ формы въ матеріи, черезъ категоріи силы и идеи. Не трудно замѣтить, прежде всего, что *движенія* въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. послѣдовательнаго перехода отъ одного фазиса къ другому, схема г. Чичерина вовсе не представляетъ; авторъ не говоритъ, чтобы европейскіе аріи, прежде чѣмъ дойти до поклоненія индивидуальнымъ божествамъ, прошли черезъ фазисъ поклоненія богу-силѣ или богу-духу, чтобы южно-арійскія религіи произошли изъ семитическихъ, или наоборотъ. Разъ, что каждый видъ философскихъ религій развивался отдѣльно, независимо отъ другихъ, разъ, что соединительною нитью между ними служило только общее основаніе, которое, какъ мы уже видѣли, съ одинаковымъ правомъ можно искать и въ послѣднемъ, по опредѣленію г. Чичерина, фазисѣ первобытныхъ религій, и въ первомъ фазисѣ религій философскихъ, — то зданіе, построенное г. Чичеринимъ, рушится само собою. Но если и допустить, что религіи европейскихъ аріевъ были заключительнымъ фазисомъ движенія, если признать, вмѣстѣ съ г. Чичеринимъ, что характеристическою ихъ чертою было поклоненіе индивидуальнымъ божествамъ, то все-таки останется непонятнымъ провозглашеніе ихъ, и только ихъ, матеріалистическою формою религіознаго сознанія. Неужели въ религіи древняго Египта, съ ея обоготвореніемъ животныхъ, въ религіяхъ Малой-Азіи, съ ихъ оргіастическимъ разгуломъ, меньше матеріалистическаго элемента, чѣмъ въ любой изъ религій европейскихъ аріевъ? Искусственность схемы г. Чичерина доказывается, наконецъ, и тѣмъ, что въ ней не нашлось мѣста для египетской религіи, которую пришлось поставить гдѣ-то по срединѣ, между натурализмомъ и идеализмомъ, между Азіей и Европой (стр. 339).

Не довольствуясь сформированіемъ четырехъ главныхъ группъ, перечисленныхъ выше, г. Чичеринъ ищетъ въ каждой изъ нихъ борьбу или параллельное развитіе тѣхъ же направленій, которыми

онъ характеризуетъ ихъ совокупность. Слѣдить за нимъ во всѣхъ этихъ поискахъ мы не будемъ; для знакомства съ его приѣмами достаточно показать примѣненіе ихъ къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ вопросамъ. Возьмемъ, для примѣра, очеркъ развитія семитическихъ религій. Древнѣйшая изъ нихъ, халдейская, имѣла три верховныхъ божества, соответственно тремъ племенамъ, входившимъ въ составъ халдейскаго царства—аккадамъ, чистымъ семитамъ и кушитамъ. У аккадовъ, носителей туранскаго міросозерцанія, заимствованъ былъ Эа, или Нуа, представитель верховнаго разума; у кушитовъ — Ану, котораго комментаторы называютъ Временемъ и Міромъ, т.-е. живущимъ въ мірѣ Духомъ, ибо вѣчно движущееся время считалось у древнихъ чистымъ отраженіемъ духа, какъ можно видѣть изъ философіи Гераклита; наконецъ, чисто семитическимъ божествомъ былъ Бель или Вааль—богъ Силы. Къ этой верховной тріадѣ присоединялось еще четвертое, женское божество. Такимъ образомъ, всѣ четыре элемента сочетались въ философско-религіозномъ міросозерцаніи халдеевъ. Ключомъ этой сложной системы былъ, очевидно, Нуа, которымъ связывались противоположности семитическаго деизма и кушитскаго пантеизма. Между тѣмъ, Нуа былъ богомъ низшаго, покореннаго племени. Вслѣдствіе этого, борьба противоположностей не замедлила обнаружиться и выразилась въ вѣковой враждѣ семитовъ съ кушитами, Ассирій съ Вавилоніею. Пока торжествуетъ Ассирія, на первомъ планѣ стоитъ Асуръ, богъ Силы; съ торжествомъ Вавилоніи мѣсто его занимаетъ Илу, Единный и Благой, духъ міра, причѣмъ вавилоняне поклонялись однако и Силѣ, и разнымъ подчиненнымъ божествамъ. Четвертымъ моментомъ въ семитической группѣ являются религіи западно-азиатскихъ семитовъ, причѣмъ этотъ главный моментъ опять распадается на четыре второстепенныхъ: у евреевъ преобладаетъ поклоненіе Силѣ, но Силѣ разумно-нравственной; у араблянъ поклоненіе Силѣ сначала не исключаетъ поклоненія мѣстнымъ божествамъ, въ томъ числѣ и женскому; въ Сиріи и Средней-Азіи вырабатывается противоположный, идеалистическій моментъ — поклоненіе Силѣ въ ея извѣстности, въ переходѣ отъ одной противоположности въ другую; у финикянъ, наконецъ, соединяются всѣ предыдущіе моменты, въ видѣ мѣстныхъ поклоненій (стр. 330—334).

Въ этомъ очеркѣ насъ поражаетъ прежде всего черта, знакомая уже намъ по отношенію г. Чичерина къ фетишизму и анимизму: смѣлость въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, въ признаніи доказаннымъ того, что еще требуетъ доказательствъ. Проникая въ тѣмъ до-историческаго времени, г. Чичеринъ твердо вѣрить, что семиты, вошедшіе въ составъ древняго халдейскаго царства, принесли съ собою преданность монотеизму, кушиты — склонность къ пантеизму. Ему из-

вѣстно происхожденіе каждаго отдѣльнаго божества, онъ посвященъ во всѣ тайны процесса, путемъ котораго сложилась халдейская религія. „Объ Элѣ (у г. Чичерина—Да или Нуа, у Ленормана—Илу),—говоритъ Дункеръ, мы знаемъ только, что онъ былъ высшимъ богомъ, царившимъ надъ всѣми другими“; а г. Чичеринъ знаетъ, откуда заимствовали его халдеи. Въ одной изъ халдейскихъ надписей мы читаемъ, что Элъ и Бель покорили халдейскому царю сумировъ и аккадовъ; не странно ли, что покоренію аккадовъ способствовалъ ихъ собственный богъ, и что усиленію кушитскаго царства помогалъ богъ семитовъ? Изъ другихъ надписей видно, что Ану часто называется царемъ, Бель—свѣтиломъ боговъ; на какомъ же основаніи г. Чичеринъ соединяетъ съ первымъ исключительно понятіе о духѣ, со вторымъ—понятіе о силѣ? Позволительно-ли толковать значеніе божества, которому поклонялись въ Месопотаміи за 2000 лѣтъ до Р. Х., съ помощью греческой философской системы, созданной спустя пятнадцать столѣтій? У Ленормана, Ану является прямою противоположностью понятію о духѣ,—первобытнымъ хаосомъ, первымъ матеріальнымъ воплощеніемъ божественнаго существа; Беля Ленорманъ называетъ организаторомъ міра, а роль духа, управляющаго вселенною, отводитъ едва упомянутому у г. Чичерина Ао или Бину. Мы вовсе не выдаемъ соображенія Ленормана за нѣчто непреложное; мы хотимъ только показать всю зыбкость почвы, на которой г. Чичеринъ съ такою самоувѣренностью строитъ свои карточные домики. Самоуѣренность эта доходитъ до крайнихъ предѣловъ, когда онъ объясняетъ борьбу Ассиріи съ Вавилоніей сочиненною имъ же враждою между Белемъ и Ану, между семитическимъ деизмомъ и кушитскимъ пантеизмомъ. И Ленорманъ, и Дункеръ не видятъ никакого существеннаго различія между религіями вавилонянъ и ассиріянъ; по-мимо нѣкоторой разницы въ наименованіи боговъ, религія вавилонянъ представляетъ только сравнительно большее преобладаніе астрологіи и чувственнаго элемента. Этотъ чувственный элементъ—преимущественно, но не исключительно пріуроченный къ женскому божеству—устраняетъ, съ одной стороны, возможность разсматривать религію вавилонянъ, въ общемъ циклѣ движенія семитическихъ религій, какъ фазисъ поклоненія Духу; съ другой стороны,—возможность считать оргіазмъ характеристическою принадлежностью малоазиатскихъ и сирійскихъ религій. Еще слабѣе та часть очерка, которая касается четвертаго момента развитія семитическихъ религій. Г-ну Чичерину хотѣлось бы и здѣсь видѣть параллелизмъ поклоненія разуму, силѣ, духу и мѣстнымъ, индивидуальнымъ божествамъ, но это ему рѣшительно не удастся. У евреевъ, у арабовъ, у малоазиатскихъ и сирійскихъ племенъ мы встрѣчаемся все съ поклоненіемъ

силѣ, измѣняющимся не по излюбленнымъ кардинальнымъ пунктамъ г. Чичерина. Религія финикійцевъ совершенно произвольно выдѣлена изъ среды другихъ религій Сиріи и Малой-Азіи, отъ которыхъ, ровно какъ и отъ религіи Ассиріи и Вавилоніи, она ничѣмъ существенно не отличается. Наконецъ, до крайности неудовлетворительна характеристика сирійскихъ и мало-азиатскихъ религій, въ которыхъ г. Чичеринъ видитъ одновременно и господство натурализма, и выработку идеалистическаго ¹⁾ момента. Идеализмъ появился здѣсь, повидимому, только потому, что нужно было какъ-нибудь связать третій фазисъ четвертаго момента, или третій моментъ четвертаго фазиса, съ соотвѣтствующею ему по схемѣ категорію идеи.

Въ обширной главѣ, посвященной философскимъ религіямъ, нѣтъ ни одного отдѣла, свободнаго отъ указанныхъ нами недостатковъ. Самые разнообразные факты, зависящіе отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, немилосердно подгоняются г. Чичеринымъ подъ его мертвенную схему. Поклоненіе Вишну и Сивѣ, такъ хорошо и просто объясняемое у Дункера, съ одной стороны, недоступностью для народа богословскихъ отвлеченій, съ другой — мѣстными условіями долины Ганга и склоновъ Гималаевъ, у г. Чичерина сводится къ категоріямъ силы и жизни, неизбѣжно слѣдующимъ за категоріей духа (т.-е. за поклоненіемъ Брамѣ). Буддизмъ выступаетъ на сцену не какъ соціально-философскій протестъ противъ браманизма, а какъ необходимое дополненіе предыдущихъ категорій личнымъ или частнымъ элементомъ. Кельты, въ религіи которыхъ, какъ европейскихъ аріевъ, долженъ преобладать именно этотъ послѣдній элементъ, являются однако представителями идеалистическаго элемента. Исторія религій вездѣ оторвана отъ своей естественной почвы, отъ всѣхъ прочихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагались и жили народы.

Предѣлы библиографической замѣтки заставляютъ насъ упомянуть лишь мимоходомъ о тѣхъ отдѣлахъ книги г. Чичерина, въ которыхъ идетъ рѣчь о древней философіи, о второмъ синтетическомъ періодѣ и о новой философіи. Развитіе древней философіи представляется г. Чичеринымъ въ слѣдующемъ видѣ: въ періодѣ универсализма, или движенія отъ закона къ явленію, четырьмя моментами развитія являются: ученіе пифагорейцевъ (законъ или число, какъ сущность вещей), іонійцевъ (стихія, какъ душа міра), элеатовъ (единство само-сущаго бытія) и атомистовъ (частныя начала). Въ періодѣ реализма — движеніе отъ явленія къ закону (материалистическій реализмъ, софи-

¹⁾ Быть можетъ, слово *идеалистическій* употреблено здѣсь г. Чичеринымъ въ смыслѣ совмѣщенія контрастовъ, такъ какъ въ идеѣ онъ видитъ начало, согласующее противоположности; но въ другихъ мѣстахъ, напр., на стр. 338 и 339, мы встрѣчаемъ то же слово въ обыкновенномъ, общепонятномъ его значеніи.

сты) идетъ параллельно съ движеніемъ отъ субстанціи къ идеѣ (спиритуалистическій реализмъ, Сократъ и его школа). Въ періодѣ раціонализма, или движенія отъ идеи къ субстанціи, опять четыре момента: идеализмъ (причина конечная—Платонъ, Аристотель и ихъ послѣдователи), материализмъ (причина матеріальная — эпикурейцы), спиритуализмъ (причина формальная—стоики) и натурализмъ (причина производящая — неоплатоники). Уже въ исходной точкѣ этой сложной системы чувствуется явная натяжка. Школы пифагорейская и іонійская, по словамъ самого г. Чичерина, возникли почти одновременно и независимо другъ отъ друга; почему же во главу угла поставлена именно первая? Почему говорится о движеніи отъ одного ученія къ другому, если въ развитіи ихъ не было внутренней преемственности? Далѣе, почему киренаики отдѣлены отъ эпикурейцевъ, киники—отъ стоиковъ, а Платонъ и Аристотель подведены подъ одну и ту же рубрику? Почему ученіе неоплатониковъ, вполне спиритуалистическое, названо натурализмомъ? Не ясно ли даже изъ этого бѣглаго обзора, что здѣсь, какъ и вездѣ у г. Чичерина, не система выведена изъ фактовъ, а факты кое-какъ пригнаны къ системѣ?

Во второмъ синтетическомъ періодѣ, т.-е. въ періодѣ, начинающемся съ торжества христіанства, г. Чичеринъ различаетъ слѣдующіе четыре момента: развитіе закона (единая вселенская соборная церковь), развитіе внутреннего единства или идеи (церковь восточная), развитіе вѣдшнаго единства или власти (церковь западная) и развитіе начала свободы (протестантизмъ). По первымъ тремъ моментамъ мы узнаемъ здѣсь то же движеніе отъ закона къ явленію, которымъ характеризуется у г. Чичерина развитіе философскихъ религій; не значитъ ли это, что свобода, по мнѣнію автора, равносильна материализму (припомнимъ, что явленіе и матерія въ глазахъ г. Чичерина—одно и то же)? Логически это такъ и должно было бы быть; но г. Чичеринъ признаетъ свободу прогрессивнымъ элементомъ человѣческой жизни (стр. 422), предоставляя читателямъ примирить, какъ они хотятъ, этотъ выводъ съ классификаціей автора. Почему развитіе внутреннего единства не можетъ быть признано характеристической чертой единой вселенской церкви въ такой же мѣрѣ, какъ и развитіе закона—это тайна г. Чичерина.

Въ первомъ періодѣ новой философіи—періодѣ раціонализма или движенія отъ субстанціи къ идеѣ—г. Чичеринъ различаетъ тѣ же четыре момента, какъ и въ послѣднемъ періодѣ древней философіи, но слѣдуютъ они одинъ за другимъ въ обратномъ порядкѣ: натурализмъ представляютъ картезианцы, спиритуализмъ — Лейбницъ и его школа, материализмъ—философы XVIII-го вѣка, идеализмъ—нѣмецкіе философы. Во второмъ періодѣ, материалистическій реализмъ опять

стоитъ на ряду съ спиритуалистическимъ, но первый идетъ не отъ явленія къ закону, какъ въ древней Греціи, а отъ закона къ явленію; второй—не отъ субстанціи къ идеѣ, а отъ идеи къ субстанціи. Третій періодъ, какъ мы уже видѣли, предстоитъ еще впереди. Искусственности и натянутости въ этой послѣдней схемѣ ничуть не меньше, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ. Къ всегдашней заботѣ автора — подвести все разнообразіе фактовъ подъ придуманныя имъ категоріи—прибавилась здѣсь еще другая: создать возможно правильную антитезу. Только этимъ можно объяснить себѣ, напримѣръ, опредѣленіе новѣйшаго матеріалистическаго реализма — въ противоположность древнему, — какъ движенія отъ закона къ явленію. Ярлычокъ натурализма такъ же мало присталъ къ картезіанцамъ, какъ и къ неоплатоникамъ; но онъ долженъ былъ во что бы ни стало подойти и къ тѣмъ, и къ другимъ, какъ къ заключительному моменту одного движенія и начальному моменту другого. *Ad maiorem gloriam*—системы, совершенно скинуть со счетовъ Беконъ, Декартъ соединить въ одну группу съ Спинозой, Лейбницъ отдѣлить отъ Декарта, Гоббесъ отъ матеріалистовъ. Новое философское движеніе въ Германіи, создающее такъ-называемую научную философію, г. Чичеринъ совершенно игнорируетъ. Утверждая (стр. 8), что нѣтъ ни одного основательнаго историка философіи, который былъ бы позитивистомъ, онъ забываетъ о Ф. А. Ланге ¹⁾, сочиненіе котораго („*Geschichte des Materialismus*“) пользуется такимъ заслуженнымъ уваженіемъ. Справедливо указывая на то, что Контъ не изслѣдовалъ познавательной способности человѣка, т.-е. не создалъ теоріи познания, г. Чичеринъ упускаетъ изъ виду все то, что сдѣлано и дѣлается съ тѣхъ поръ для пополненія этого пробѣла.

„Исторія движется идеями“, — говоритъ г. Чичеринъ (стр. 294); „идеи же всѣ черпаютъ свою силу изъ идеи абсолютнаго. Слѣдовательно, если мы откроемъ законъ, управляющій развитіемъ послѣдней, мы поймемъ и все остальное“. При такомъ основномъ положеніи, выводы г. Чичерина не могутъ не быть ошибочными или по меньшей мѣрѣ односторонними и неполными. Идеи играютъ важную роль въ развитіи человѣчества, но оно не исчерпывается ими и зависитъ отъ множества другихъ разнообразныхъ условій, изъ числа которыхъ достаточно назвать борьбу за существованіе или, обходясь безъ этого моднаго термина, инстинктъ самосохраненія.

Мы видѣли уже, къ какимъ произвольнымъ заключеніямъ приходитъ

¹⁾ Ланге не позитивистъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. не ученикъ Конта, но весьма близокъ къ позитивизму и во всякомъ случаѣ долженъ быть отнесенъ къ приверженцамъ положительной философіи и противникамъ метафизики.

г. Чичеринъ, объясняя съ помощью своихъ категорій исторію Ассиріи и Вавилоніи; примѣромъ еще болѣе крупной натяжки можетъ служить его попытка примѣнить законъ четырехъ моментовъ къ общественной жизни народовъ (стр. 382—384). Производящей причинѣ соответствуетъ здѣсь семья; въ силу діалектическаго закона, она разлагается на противоположныя формы—церкви и гражданскаго общества, которыя затѣмъ опять сводятся къ высшему единству союзомъ политическимъ, т. е. государствомъ. Но въ первоначальномъ синтезѣ противоположеніе церкви и гражданскаго общества можетъ существовать только въ зародышѣ; полное развитіе этой противоположности относится уже къ гораздо позднѣйшему времени. На первой ступени все сливается въ непосредственномъ единствѣ, и потому государство является здѣсь не какъ высшій союзъ, воздвигающійся надъ церковью и гражданскимъ обществомъ, а какъ непосредственное сліяніе обоихъ⁴.

Для того, чтобы отстоять свой діалектическій законъ, г. Чичеринъ, во-первыхъ, совершенно игнорируетъ родъ; во-вторыхъ, возводитъ на степень несомнѣннаго факта вполне искусственное различіе между гражданскимъ обществомъ и государствомъ; въ-третьихъ, безапелляціонно рѣшаетъ вопросъ объ образованіи церкви (въ смыслѣ правильно организованнаго общества вѣрующихъ) раньше государства; въ-четвертыхъ, обращаетъ только-что полученное высшее единство опять въ единство непосредственное, изъ котораго опять выдѣляются тѣ же противоположности. Онъ думаетъ, что созданіе первобытныхъ государствъ совпало съ установленіемъ философскихъ религій; но какъ же въ такомъ случаѣ объяснить существованіе государства тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ философскихъ религій, напр., между неграми центральной Африки? Затѣмъ, г. Чичеринъ переноситъ свой аппаратъ въ область гражданскаго общества и, конечно, открываетъ и тамъ четыре момента: дружину, вотчину, общину и сословія. Въ дружинѣ осуществляется начало силы или власти; въ вотчинѣ—законный порядокъ, который въ гражданской области всегда зиждется на собственности; въ общинѣ—начало свободы; наконецъ, совокупность сословій представляетъ органическое расчлененіе общества, или идеальное сочетаніе всѣхъ гражданскихъ элементовъ въ общемъ устройствѣ. Произвольность такого построенія бросается въ глаза. Не говоря уже о томъ, что между четырьмя формами союза, принимаемыми г. Чичеринымъ, нѣтъ внутренней преемственности, нѣтъ неизбежнаго движенія отъ одной къ другой,—начало силы или власти осуществляется въ вотчинѣ не меньше, чѣмъ въ дружинѣ (скорѣе даже больше); начало порядка въ дружинѣ не меньше, чѣмъ въ вотчинѣ; начало свободы имѣетъ свое мѣсто и въ дружинѣ, — и наоборотъ, въ общинѣ могутъ быть широко развиты, даже поставлены на первый

планъ начала власти и порядка. Если совокупность сословій представляется идеальнымъ сочетаніемъ всѣхъ гражданскихъ элементовъ (т.-е. дружины, вотчины и общины?), то что же сказать о безсословномъ государствѣ? Считать ли его пятымъ, высшимъ моментомъ, или, наоборотъ, возвращеніемъ на степень непосредственнаго единства?

Если вся теорія г. Чичерина построена на пескѣ, если діалектическій законъ его не выдерживаетъ даже легкаго прикосновенія, то предсказанія, заключающія его книгу, очевидно могутъ имѣть лишь одно значеніе: они показываютъ, чего желаетъ, на что надѣется авторъ. „Періодъ реализма кончился“,—говоритъ г. Чичеринъ (стр. 517):—„настаетъ вѣкъ универсализма. Мы можемъ указать и самый путь, которому долженъ слѣдовать универсализмъ въ своемъ развитіи; это путь отъ явленія къ закону, или отъ матеріи къ формѣ. Поэтому первое, что мы увидимъ въ ближайшемъ будущемъ—это новую и послѣднюю попытку матеріализма построить на основаніи своихъ началъ общую міровую систему ¹⁾. Но такъ какъ эти начала радикально неспособны къ такому построенію, то матеріализмъ окончательно рухнетъ и уступитъ мѣсто развитію другихъ, высшихъ началъ бытія. Точно также въ другой области, политической, которая слѣдуетъ тому же закону, мы можемъ предвидѣть, что въ ближайшемъ будущемъ на Западѣ восторжествуетъ демократія, не социальная, которая принадлежитъ къ области утопій, а либеральная, которая одна имѣетъ въ себѣ условія существованія... Но и либеральная демократія, вслѣдствіе внутренней своей несостоятельности, должна будетъ уступить мѣсто высшимъ политическимъ формамъ, основаннымъ на естественномъ преобладаніи классовъ, занятыхъ умственнымъ трудомъ, надъ классами, преданными матеріальной работѣ. Свобода не исчезнетъ, но она должна сочетаться съ высшими требованіями общественной жизни. Наконецъ, мы можемъ быть убѣждены, что этотъ предстоящій намъ періодъ универсализма приведетъ насъ къ новому религіозному синтезу, который, не уничтожая, а восполняя предыдущіе, полнѣе раскроетъ намъ существо духа, сводящаго противоположности къ конечному единству. Это будетъ завершеніемъ всего человѣческаго развитія“. Послѣ всего сказаннаго нами выше, разборъ подобныхъ догадокъ, выдаваемыхъ за пророчества, былъ бы совершенно излишнимъ дѣломъ.

---

¹⁾ То же самое матеріалисты дѣлали и дѣлаютъ до сихъ поръ, почему же г. Чичеринъ относитъ ихъ преемниковъ не только къ другому моменту, но даже къ другому періоду, и заставляетъ ихъ идти другимъ, противоположнымъ путемъ?

III.

— *Андрей Исаевъ. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. Москва. 1879.*

Товарищество вообще опредѣляется г. Исаевымъ какъ общеніе лицъ, связанныхъ началомъ равенства; хозяйственное товарищество — какъ единеніе лично равноправныхъ недѣлимыхъ, преслѣдующихъ свои хозяйственныя цѣли. Хозяйственныя товарищества онъ раздѣляетъ на четыре разряда: 1) *промышленныя* — цѣль которыхъ непосредственное содѣйствіе промыслу членовъ; 2) *потребительныя*, облегчающія своимъ членамъ приобрѣтеніе предметовъ потребленія; 3) *кредитныя* или *ссудныя*, облегчающія своимъ членамъ приобрѣтеніе кредита; 4) *страховыя*, дающія своимъ членамъ возможность застраховать себя отъ неблагоприятныхъ послѣдствій какого-либо будущаго событія. Изслѣдованіе г. Исаева посвящено специально товариществамъ перваго рода, въ свою очередь, обнимающимъ собою слѣдующіе четыре вида товариществъ: 1) *сырьевыя*, учреждаемыя для дешевой покупки сырья, обрабатываемаго членами; 2) *производительно-подсобныя*, имѣющія цѣлью приобрѣтеніе или устройство такихъ необходимыхъ или полезныхъ для промысла приспособленій (машинъ, зданій и т. п.), которыя не по средствамъ отдѣльнаго лица; 3) *складочныя*, владѣющія складами для сбыта надѣлій членовъ, и 4) *производительныя*, члены которыхъ производятъ сообща.

Предисловіемъ къ изслѣдованію г. Исаева служитъ бѣглый взглядъ на исторію западно-европейскихъ цеховъ, сначала близко подходившихъ къ типу промышленнаго товарищества, позже сдѣлавшихся въ рукахъ меньшинства орудіемъ для эксплуатаціи большинства. Извращенные такимъ образомъ, цехи должны были пасть — и, дѣйствительно, пали подъ напоромъ идей современнаго либерализма; но на мѣсто ихъ не было создано никакой новой точки опоры для рабочаго класса. Хозяйственная свобода, провозглашенная экономистами и въ бѣльшей или меньшей степени осуществленная законодательствами, не послужила на пользу массъ слабыхъ и бѣдныхъ, лишенныхъ капитала, а вмѣстѣ съ нимъ и возможности улучшить — собственными, единичными усиліями — свое тяжелое положеніе. Обрисовавъ это положеніе въ немногихъ, но крупныхъ и яркихъ чертахъ, упомянувъ мимоходомъ о недостаточности средствъ, предлагаемыхъ обыкновенно для его измѣненія (стачекъ рабочихъ, помощи рабочимъ со стороны предпринимателей и т. п.), г. Исаевъ переходитъ къ главному своему предмету. Онъ излагаетъ сначала ученія, содѣйствовавшія возникновенію и развитію хозяйственныхъ товариществъ, останавливаясь въ особенности на дѣятельности Бюшеза и

Л.-Блана во Франціи, Шульце-Делича и Лассала—въ Германіи; затѣмъ слѣдуетъ исторія промышленныхъ товариществъ во Франціи и Германіи, обзоръ и критика дѣйствующихъ въ этихъ странахъ законовъ о товариществахъ, очеркъ настоящаго положенія французскихъ и нѣмецкихъ товариществъ. Въ послѣдней главѣ авторъ обсуждаетъ значеніе товариществъ для общественно-хозяйственной жизни и говоритъ о вѣроятной будущности ихъ. Всѣ отдѣлы изслѣдованія г. Исаева равно интересны; вездѣ видно полное, всестороннее изученіе предмета, серьезное отношеніе къ нему, безпристрастіе, не исключающее горячаго убѣжденія; форма изложенія — болѣе чѣмъ удовлетворительна. Передать въ небольшой журнальной заміткѣ все заслуживающее вниманія въ книгѣ г. Исаева — нѣтъ никакой возможности; мы познакоимъ читателей только съ заключительными выводами автора.

Промышленные товарищества, съ тѣхъ поръ, какъ была заявлена первая мысль о нихъ — и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ были сдѣланы первыя попытки къ ихъ осуществленію — имѣли и имѣютъ восторженныхъ друзей и ожесточенныхъ противниковъ. Изложивъ мнѣнія тѣхъ и другихъ, г. Исаевъ старается освѣтить съ одинаковою ясностью, на основаніи указаній опыта, и сильныя, и слабыя стороны товариществъ. Первую слабую ихъ сторону онъ видитъ въ недостаточности капитала, съ которымъ они, въ болѣе части случаевъ, открываютъ свою дѣятельность. Рабочіе или ремесленники, составляющіе ихъ, располагаютъ лишь скудными сбереженіями, едва хватающими на самыя необходимыя затраты первоначальнаго обзаведенія. Недостаточность капитала обусловливается и недостаточность кредита; многія товарищества, имѣвшія будущность, погибли именно потому, что нигдѣ не могли получить въ займы сравнительно небольшую сумму. Вторая слабая сторона товарищества — недостатки управленія. Рабочіе, никогда не занимавшіеся ничѣмъ, кромѣ своего ремесла, лишены купеческой умѣлости и опытности; они не знакомы съ веденіемъ торговыхъ книгъ и счетовъ, легко запутываются въ тонкостяхъ бухгалтеріи, не умѣютъ контролировать счетоводства и часто становятся жертвой обмана или невѣжества лицъ, избранныхъ ими изъ своей среды для завѣдыванія этою частью. Нанимать постороннихъ специалистовъ они не могутъ за недостаткомъ средствъ. Въ опредѣленіи полномочій управляющаго товариществомъ угрожаетъ опасность двоякаго рода: предоставляя ему слишкомъ широкую, безконтрольную власть, они открываютъ для него возможность злоупотребленій, — подчиняя его слишкомъ стѣснительному надзору, они отнимаютъ у него свободу дѣйствій, необходимую для успѣха предпріятія. Третья слабая сторона товарищества — несогласіе между

членами и небрежное отношеніе ихъ къ дѣлу. Интересъ къ нему возбуждается легко, но продолжается недолго; малѣйшія неудачи часто вызываютъ уныніе, полное охлажденіе къ предпріятію, безъ того уже борющемся съ трудностями всякаго рода и нуждающемся въ энергической поддержкѣ всѣхъ своихъ членовъ. Препятствуютъ, далѣе, развитію товариществъ (складочныхъ и въ особенности производительныхъ) отсутствіе обезпеченнаго рынка сбыта и недоброжелательство предпринимателей-капиталистовъ, переходящее иногда въ открытое противодѣйствіе. Всего больше значенія г. Исаевъ придаетъ *бѣдности* товариществъ, отъ которой зависитъ не только недостатокъ капитала, но и недостатокъ знанія и умѣнья; рабочимъ, учреждающимъ товарищества, негдѣ и некогда было пріобрѣсти то и другое. Къ хорошимъ, сильнымъ сторонамъ товариществъ г. Исаевъ относитъ улучшеніе матеріальнаго положенія ихъ членовъ, достигаемое каждый разъ, когда товарищество преодолеваетъ препятствія, стоящія на его дорогѣ; возвышеніе нравственнаго и умственнаго уровня членовъ товарищества, вызываемое солидарностью ихъ между собою, усложненіемъ задачъ, въ разрѣшеніи которыхъ они участвуютъ, организаціи бібліотекъ, читаленъ, бесѣдъ и т. п.; усовершенствованіе техники, обусловливаемое тѣмъ, что рабочіе-товарищи прямо заинтересованы въ успѣхѣ предпріятія; уменьшеніе вражды между рабочими и имущими классами общества. Возможно ли сохранить всѣ эти хорошія стороны, уменьшивъ или устранивъ недостатки, отъ которыхъ страдаютъ товарищества? На этотъ вопросъ г. Исаевъ отвѣчаетъ утвердительно. Онъ полагаетъ, что нѣкоторая осторожность и обдуманность въ учрежденіи товариществъ можетъ привести къ желанной цѣли. Группа рабочихъ, задумавшихъ товарищество, не должна приступать немедленно къ его открытію; она должна сначала приготовить для него *личный составъ*—путемъ постепеннаго расширенія своихъ рамокъ, постепеннаго вербованія рабочихъ, готовыхъ и способныхъ перенести всѣ трудности предпріятія; *капиталъ*—путемъ накопленія сбереженій; *знаніе и искусство*—путемъ изученія счетоводства и вообще всего того, что необходимо для правильнаго веденія дѣлъ товарищества. Весьма полезно, съ этой точки зрѣнія, начать съ открытія сберегательной кассы, которая не только дастъ капиталъ, нужный для товарищества, но и позволитъ его будущимъ членамъ познакомиться между собою, привыкнуть къ общей, дружной дѣятельности. Въ подтвержденіе своей мысли г. Исаевъ приводитъ примѣръ парижскаго товарищества печатниковъ, члены котораго цѣлыхъ шесть лѣтъ ограничивались подготовительной работой, собирали въ это время капиталъ въ 30,000 франковъ, и за то съ-разу достигли значительнаго, прочнаго успѣха. Такіе примѣры встрѣ-

чаются и въ Германіи. Исторія товарищества машиностроителей въ Хемницѣ показываетъ, наоборотъ, что поспѣшность въ организаціи и веденіи дѣла, какъ бы много оно сначала ни обѣщало, влечетъ за собой неминуемую неудачу. Вопросъ о предѣлахъ распространенія производительныхъ товариществъ г. Исаевъ также разрѣшаетъ въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, доказывая применимость ихъ не только къ ремесламъ, но и ко всѣмъ отраслямъ фабричной промышленности, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя требуютъ слишкомъ большого капитала и исключаютъ конкуренцію (напримѣръ, постройка желѣзной дороги).

Если промышленныя товарищества могутъ отрѣшиться отъ свойственныхъ имъ теперь, въ болѣе части случаевъ, недостатковъ, если ничто не мѣшаетъ самому широкому ихъ распространенію, то можно ли ожидать, выйдя съ Дж.-Ст. Миллемъ, что они сдѣлаются со временемъ единственной формой промышленности? Такой результатъ кажется г. Исаеву желательнымъ, но мало вѣроятнымъ. *„Товарищеское движеніе“*, говоритъ онъ (курсивъ въ подлинникѣ), *„если оно будетъ продолжаться въ томъ направленіи, въ какомъ совершалось до сихъ поръ, не приведетъ къ желанному разрѣшенію вопроса: товарищества не обнимутъ всего рабочаго класса. Причиной этому служитъ то вырожденіе, зачатки котораго носитъ въ себѣ каждое производительное товарищество“*. Если товарищество и образовалось въ видахъ улучшенія положенія рабочихъ, если члены его и одушевлены сначала самыми безкорыстными наміреніями (какъ это было, напримѣръ, въ старѣйшихъ французскихъ товариществахъ, учрежденных до или около 1848 г.), то съ теченіемъ времени, особенно въ случаѣ успѣха, оно становится похожимъ на обыкновеннаго предпринимателя, перестаетъ допускать въ свою среду новыхъ членовъ или допускаетъ ихъ только подъ условіемъ значительнаго денежнаго взноса, начинаетъ нанимать рабочихъ на условіяхъ ничуть не лучшихъ сравнительно съ общепринятыми, отказываетъ имъ въ долѣ прибыли, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не отбѣчаютъ за убытки, дѣлитъ между своими членами такъ-называемый недѣлимый фондъ, предназначенный первоначально для дальнѣйшаго расширенія товарищества, и т. п.

Все это является весьма естественнымъ, неизбежнымъ послѣдствіемъ современнаго положенія вещей. Бѣдняки сочувствуютъ другъ другу, пока остаются бѣдняками. Какъ только члены товарищества возвышаются, благодаря его успѣху, надъ общимъ уровнемъ рабочаго класса, они теряютъ сознаніе солидарности съ нимъ; жалобы наемныхъ рабочихъ, доносясь до нихъ какъ-бы издалека, принимаются умомъ, но не воспринимаются чувствомъ. Вспоминая пере-

несенныя лишения, выдержанную борьбу, членъ товарищества не считаетъ себя ничѣмъ обязаннымъ передъ тѣми, которые не стояли рядомъ съ нимъ въ этой борьбѣ; пускай они сами стараются достигнуть того, чѣмъ онъ пользуется. Между тѣмъ, трудность учрежденія товариществъ скорѣе возрастаетъ, чѣмъ уменьшается. Болѣе или менѣе частое образованіе товариществъ въ будущемъ зависитъ отъ того, какой процессъ будетъ совершаться быстрѣе—развитіе ли техники, обуславливающей переходъ мелкой промышленности въ крупную, или же нравственное усовершенствованіе людей. Опытъ свидѣтельствуетъ, что техника совершенствуется быстрѣе, чѣмъ нравственная природа человѣка. Нѣтъ основанія надѣяться, что этотъ порядокъ измѣнится въ будущемъ, что нравственное перерожденіе человѣка будетъ способно опередить хозяйственные успѣхи. Отсюда слѣдуетъ, что образованіе товариществъ будетъ всегда явленіемъ исключительнымъ, дѣломъ наиболѣе разумныхъ и мужественныхъ представителей рабочаго класса. Для того, чтобы товарищества сдѣлались главнѣйшей, а тѣмъ болѣе единственной формой предпріятій, нужно, чтобы или современные товарищества приняли иное направленіе, или же чтобы было кореннымъ образомъ измѣнено основаніе товариществъ.

Въ измѣненіе направленія товариществъ—въ смыслѣ вполнѣ свободнаго доступа къ нимъ новыхъ членовъ—г. Исаевъ не вѣритъ, такъ какъ оно предполагало бы рѣдкое самоотверженіе и безкорыстіе. Остается, слѣдовательно, измѣненіе въ самомъ основаніи товарищества. По мысли г. Исаева, оно должно заключаться въ томъ, чтобы товарищества были основываемы цѣлымъ рабочимъ классомъ, или, лучше сказать, рабочими союзами (*Gewerkverein, Syndicat ouvrier, Trades-union*), каждымъ въ предѣлахъ своей отрасли промышленности. Получая денежный взносъ отъ каждого изъ своихъ членовъ, рабочій союзъ могъ бы на собираемыя такимъ образомъ суммы открывать мастерскія, сначала для небольшого числа рабочихъ; рабочая плата въ этихъ мастерскихъ была бы не выше обыкновенной, а вся или почти вся прибыль шла бы на расширеніе производства, на открытіе новыхъ мастерскихъ, въ которыхъ, наконецъ, нашлось бы мѣсто для всѣхъ членовъ союза; тогда началось бы и распредѣленіе прибыли между членами. Подобное употребленіе суммъ, получаемыхъ рабочими союзами, было бы гораздо болѣе цѣлесообразно, чѣмъ поддержаніе ими стачекъ рабочихъ! Убѣжденіе это начинаетъ распространяться въ средѣ рабочихъ союзовъ, такъ что въ учрежденіи союзныхъ мастерскихъ или товариществъ нѣтъ ничего неудобноосуществимаго. Ожидая, что оно совершится въ ближайшемъ будущемъ, конечно, нельзя; нужно болѣе широкое развитіе просвѣщенія во

всѣхъ слояхъ населенія, болѣе распространеніе здравыхъ экономическихъ воззрѣній. Когда рабочіе классы увидятъ, что въ ихъ рукахъ средства къ вѣрному, хотя и медленному измѣненію своей участи, тогда пробьетъ послѣдній часъ волненій, нарушающихъ плавное развитіе современнаго общества. Задача государства по отношенію къ товариществамъ заключается не только въ устраненіи препятствій, замедляющихъ ихъ развитіе, но и въ активной ихъ поддержкѣ, съ тѣмъ однако, чтобы она не была льготой для немногихъ лицъ, и чтобы она была оказываема лишь товариществамъ, уже доказавшимъ свою жизнеспособность. Этими условіями соотвѣтствуетъ именно поддержка товариществъ, возникающихъ при рабочихъ союзахъ. „Переходъ современнаго строя въ товарищескій“, говоритъ въ заключеніе г. Исаевъ, „совершится медленно и постепенно; но какое великое историческое событіе совершалось внезапно, безъ цѣлаго ряда предвозвѣстниковъ? Товарищескому движенію суждено еще долго проходить періодъ единичныхъ попытокъ; товарищества еще долго будутъ явленіями исключительными. Но каждое товарищество, требуя напряженія силъ человѣка, есть уже небольшой шагъ впередъ; каждое увеличиваетъ число лицъ, опытныхъ въ управленіи, способныхъ къ общественной дѣятельности; каждое служитъ новымъ примѣромъ и внушаетъ немущимъ увѣренность въ самихъ себѣ. Чѣмъ сильнѣе эта вѣра, тѣмъ ближе время устроенія товариществъ, обнимающихъ цѣлыя рабочіе союзы“.

Соглашаясь во многомъ съ выводами г. Исаева, мы должны, однако, сдѣлать къ нимъ нѣкоторые оговорки. Короткая исторія промышленныхъ товариществъ не даетъ, по нашему мнѣнію, матеріала для такихъ рѣшительныхъ заключеній, какія авторъ изъ нея извлекаетъ. Если немногія французскія товарищества, пережившія реакцію 1849—52 г., своротили съ своей первоначальной дороги, то это объясняется вполне условіями эпохи, благоприятствовавшей только духу наживы, заглушавшей всѣ идеальныя стремленія. При этой же обстановкѣ стали возникать новыя французскія товарищества — и неудивительно, что она отразилась на ихъ уставахъ и на ихъ дѣятельности. Вліяніе ея не было, однако, столь исключительнымъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Самъ г. Исаевъ, проводя параллель между движеніями сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, между восторженными увлеченіемъ перваго и практическимъ благоразуміемъ послѣдняго, признаетъ, что въ новыхъ товариществахъ встрѣчаются иногда черты, напоминающія прежній энтузіазмъ. Жаль, что онъ упоминаетъ о нихъ только мимоходомъ; у него былъ подъ рукой источникъ, изъ котораго онъ могъ бы почерпнуть весьма интересныя подробности по этому предмету. Мы разумѣемъ труды комиссіи, учреж-

денной французскимъ правительствомъ, въ 1866 г., для собранія свѣдѣній о промышленныхъ товариществахъ, въ виду предстоявшаго изданія новаго о нихъ закона (который и состоялся въ 1867 г.). Изъ этихъ трудовъ (*Enquête sur les Sociétés de coopération*) видно, что когда въ коммиссіи возникъ вопросъ о правѣ рабочихъ, нанимаемыхъ промышленнымъ товариществомъ, на участіе въ прибыляхъ, то оспаривали его экономисты въ родѣ Даримона, а отстаивали—представители рабочихъ, въ томъ числѣ извѣстный Толень ¹⁾. Товарищества, признающихъ это право на самомъ дѣлѣ, во Франціи еще немного; но какъ бы они ни были малочисленны, существованіе ихъ удостовѣряетъ возможность справедливаго отношенія товариществъ къ наемнымъ рабочимъ, и притомъ—возможность его не въ одномъ только первомъ, идеалистическомъ фазисѣ жизни товарищества. Къ числу французскихъ товариществъ, допускающихъ участіе наемныхъ рабочихъ въ прибыляхъ, принадлежатъ товарищество фортепианщиковъ ²⁾, основанное въ 1849 г., и товарищество портныхъ, основанное въ 1863 г. Что принципъ, за который ратовали представители рабочихъ въ 1866 г., не вовсе забытъ и теперь, это доказываетъ товарищество жестяниковъ-коробочниковъ, учрежденное въ 1875 г.; оно также даетъ наемнымъ рабочимъ долю участія въ прибыляхъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что многія изъ французскихъ товариществъ допускаютъ наемъ рабочихъ только въ видѣ исключенія, въ случаяхъ крайней необходимости (напр., сибирнаго большого заказа, съ которымъ никакъ не могутъ справиться сами члены товарищества), именно потому, что наемъ ихъ на общемъ основаніи противорѣчитъ смыслу и назначенію товарищества, а предоставленіе имъ равныхъ правъ съ товарищами соединено съ неудобствами другого рода. Нѣмецкія производительныя товарищества, извѣстныя автору, не даютъ наемнымъ рабочимъ участія въ прибыляхъ; но для того, чтобы судить о значеніи этого факта, необходимо было бы знать, распространенъ ли вообще въ Германіи наемъ товариществами рабочихъ. Шульце-Даличъ совѣтуетъ производительнымъ товариществамъ давать наемнымъ рабочимъ такую же долю прибыли, какую получаютъ члены за трудъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что справедливое отношеніе къ наемнымъ рабочимъ возможно даже въ товариществахъ, наименѣе задающихся идеальными цѣлями, наиболѣе близкихъ къ господствующему типу распредѣленія и производства. Производительныя товарищества въ Германіи существуютъ, притомъ,

¹⁾ См. „Ассоціаціи“, А. Михайлова, изд. 2-ое (Спб. 1873), стр. 333 и слѣд.

²⁾ Въ таблицѣ, приложенной къ книгѣ г. Исаева, товарищество фортепианщиковъ показано недопускающимъ участія наемныхъ рабочихъ въ прибыляхъ; но изъ текста книги (стр. 317) видно, что это ошибка.

такъ недавно, что прошедшее и настоящее ихъ отнюдь не предрѣшаетъ ихъ будущность ¹⁾). Въ настроеніи нѣмецкаго рабочаго класса совершается перемѣна; новыя идеи и стремленія могутъ отразиться и на товариществахъ, измѣнить направленіе ихъ дѣятельности и самыя основанія, на которыхъ они учреждаются. Мы говорили до сихъ поръ только объ отношеніи товариществъ къ наемнымъ рабочимъ; но сказанное нами примѣнимо и къ другимъ вопросамъ, намѣченнымъ въ книгѣ г. Исаева: къ допущенію въ товарищество новыхъ членовъ, къ образованію недѣлимаго фонда, къ солидарности между товариществами и т. н. Весьма знаменательно, напримѣръ, тотъ фактъ, что парижское товарищество мраморщиковъ, основанное въ 1870 г., опредѣляло откладывать пять процентовъ изъ прибыли на образованіе фонда, изъ котораго должны выдаваться вновь учреждаемымъ товариществамъ безпроцентныя ссуды.

Относясь съ преувеличеннымъ, какъ намъ кажется, скептицизмомъ къ будущности промышленныхъ товариществъ теперь существующаго типа, г. Исаевъ впадаетъ иногда въ противорѣчіе съ самимъ собою. Признавая примѣнимость товариществъ ко всѣмъ почти видамъ промышленности, онъ полагаетъ однако, что трудность учрежденія ихъ будетъ расти по мѣрѣ вытѣсненія мелкой промышленности крупною. Приводимые имъ самимъ факты скорѣе опровергаютъ, чѣмъ подтверждаютъ эту мысль; мы узнаемъ, напримѣръ, что печатная промышленность, требующая по двѣ тысячи франковъ на каждого работника, тѣмъ не менѣе процвѣтаетъ въ рукахъ товариществъ въ Парижѣ, Лейпцигѣ и Штутгартѣ. Онъ утверждаетъ, далѣе, что образованіе товариществъ всегда будетъ явленіемъ исключительнымъ, дѣломъ наиболѣе разумныхъ и мужественныхъ представителей рабочаго класса. Не говоря уже о томъ, что число промышленныхъ товариществъ въ Германіи и Франціи даже теперь не позволяетъ называть ихъ явленіемъ исключительнымъ, напомнимъ о неудачахъ, колебаніяхъ, ошибкахъ, столь обычныхъ въ ранней исторіи товариществъ; развѣ это даетъ основаніе предполагать, что товарищества всегда были основываемы наиболѣе разумными изъ среды рабочихъ? Но если бы предположеніе г. Исаева и было справедливо относительно прошедшаго, то отсюда нельзя еще было бы дѣлать никакихъ выводовъ относительно будущаго. Ошибки передовыхъ дѣятелей на каждомъ новомъ пути не проходятъ безслѣдно для массы, движущейся за ними; накопляющійся опытъ все ярче и ярче освѣщаетъ цѣли и средства

¹⁾ Изъ данныхъ, приводимыхъ г. Исаевымъ, видно, что двадцать лѣтъ тому назадъ въ Германіи было 7 производящихъ товариществъ, десять лѣтъ тому назадъ—60; въ 1877 г. число ихъ еще не достигало 200.

движенія; доступное прежде только для немногихъ становится достояніемъ большинства. Первые товарищества должны были проложить дорогу, послѣдующимъ остается только идти по ней. Препятствій и они, конечно, встрѣчаютъ и встрѣтятъ не мало, но важно то, что они болѣе приготовлены къ борьбѣ съ ними. Задержать или остановить развитіе промышленныхъ товариществъ могло бы только прямое противодѣйствіе извнѣ, возможное въ Германіи, но мало вѣроятное во Франціи.

Образованіе промышленныхъ товариществъ отдѣльными группами рабочихъ нисколько не мѣшаетъ образованію ихъ рабочими союзами, уже потому, что рабочіе союзы, какъ признаетъ и самъ г. Исаевъ, могутъ дѣйствовать на этомъ пути только съ большою медленностію. Что товарищества, основанныя рабочими союзами, могутъ имѣть передъ другими преимущества, указываемыя г. Исаевымъ, этого мы не отвергаемъ; но г. Исаевъ вовсе не коснулся затрудненій, которыя имъ придется преодолѣть, помимо препятствій, общихъ для всѣхъ товариществъ. Если рабочимъ, образующимъ небольшое товарищество, не легко организовать управленіе, выдвинуть на каждый постъ лицъ наиболѣе къ нему способныхъ, ориентироваться въ новой сферѣ дѣйствій, найти рынокъ сбыта, то еще труднѣе будетъ справиться со всѣмъ этимъ рабочему союзу, члены котораго будутъ стоять къ дѣлу не такъ близко, какъ сами участники товарищества. Если къ числу причинъ, затрудняющихъ дѣятельность товарищества, принадлежатъ несогласія между его членами, то едва ли легко будетъ предупредить такіе же или болѣе еще раздоры въ средѣ союза. Само собою разумѣется, что по мѣрѣ увеличенія числа товарищескихъ мастерскихъ будетъ возрастать и трудность управленія ими. Отсюда слѣдуетъ, что самостоятельное развитіе товариществъ, отнюдь не исключая позднѣйшаго сліянія ихъ въ одно цѣлое, скорѣе облегчаетъ, чѣмъ затрудняетъ исполненіе задачи, некаміѣрная важность которой какъ нельзя лучше оцѣнена г. Исаевымъ.

Высказываясь за учрежденіе промышленныхъ товариществъ рабочими союзами, г. Исаевъ не осуждаетъ, впрочемъ, и другихъ способовъ образованія товариществъ; мы видѣли уже, что онъ признаетъ долю пользы за каждымъ товариществомъ, въ каждомъ видитъ шагъ къ достиженію желанной цѣли. Это позволяетъ ему отнестись безпристрастно къ дѣятельности Шульце-Делича; онъ понимаетъ ея недостатки, ея слабыя стороны, но не игнорируетъ результатовъ, достигнутыхъ ею, не бросаетъ камень въ человѣка, во всякомъ случаѣ способствовавшаго улучшенію быта рабочаго класса. Въ одномъ только выводѣ г. Исаева допущена исключительность, вообще не-

свойственная ему: въ признаніи права на государственную помощь единственно за тѣми товариществами, которыя основаны рабочими союзами. Въ настоящемъ это равносильно совершенному отрицанію права товариществъ на государственную помощь, такъ какъ рабочіе союзы до сихъ поръ еще не учреждали товариществъ; въ будущемъ это создадо бы привилегію въ пользу тѣхъ товариществъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ, меньше нуждались бы въ посторонней поддержкѣ. Мы убѣждены, впрочемъ, что г. Исаевъ не распространяетъ защищаемого имъ принципа на тѣ государства, въ которыхъ вовсе нѣтъ и, вѣроятно, долго еще не будетъ рабочихъ союзовъ; иначе ему пришлось бы возстать противъ назначенія нашимъ земствами субсидій нашимъ, къ сожалѣнію, безъ того уже слишкомъ малочисленнымъ, промышленнымъ товариществамъ.

IV.

— *Lasar Hellenbach*, Die Vorurtheile der Menschheit. Erster Band. Wien, 1879.

„Все имѣющее начало заслуживаетъ конца“, говоритъ Гелленбахъ словами Гётевскаго Мефистофеля (*Alles was entsteht, ist werth, dass es zu Grunde geht*); все существующее рано или поздно отживаетъ свой вѣкъ, но, отживъ его, держится еще нѣкоторое время въ силу инерціи и рутины. Исходя изъ этого убѣжденія, Гелленбахъ поставилъ себѣ задачей указать, что именно въ міросозерцаніи современнаго общества принадлежитъ къ категоріи такихъ отжившихъ понятій. Первый томъ его изслѣдованія посвященъ предрассудкамъ въ сферахъ экономической, политической и общественной; во второмъ томѣ будетъ идти рѣчь о предрассудкахъ въ сферахъ религіозной и научной. Выборъ задачи несомнѣнно удаченъ; посмотримъ, насколько удалось автору ее исполненіе.

Что именно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдуетъ считать предрассудкомъ—на этотъ вопросъ могутъ быть даны самые различные отвѣты; но теоретическое опредѣленіе предрассудка едва ли можетъ дать поводъ къ спору. Предрассудокъ—это такое мнѣніе, которое не только не проверено критически, но и заранѣе отвергаетъ всякую проверку, которое основано не на логическихъ выводахъ изъ доказанной посылки, а на случайномъ совпаденіи или случайной послѣдовательности фактовъ, на отдаленной или кажущейся аналогіи между ними. Однажды установившись, предрассудокъ не

нуждается даже и въ этихъ шаткихъ основаніяхъ, а заимствуетъ всю свою силу изъ преданія и привычки. Отсюда слѣдуетъ, что къ числу предрасудковъ нельзя относить положеній, выработанныхъ путемъ научнымъ, какъ бы неправильны, даже негѣпы они ни казались ихъ противникамъ. Если эти положенія мотивируются данными, имѣющими право гражданства въ наукѣ, если они не провозглашаются непогрѣшимыми и не требующими доказательствъ, если они защищаются оружіемъ однороднымъ съ тѣмъ, которымъ ихъ оспариваютъ, то они могутъ быть ошибками, но не предрасудками; послѣднее имя подобаетъ имъ только тогда, когда они сходятъ съ научной арены и ищутъ точку опоры внѣ ея предѣловъ. Въ пылу борьбы приверженцы новой гипотезы часто клеймятъ старое ученіе названіемъ предрасудка; противники ихъ иногда платятъ имъ той же монетою, стараясь доказать ихъ зависимость отъ предвзвѣтой, произвольно положенной во главу угла мысли; но горькое слово, бросаемое изъ лагеря въ лагерь, одинаково непримѣнимо ни къ тому, ни къ другому, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ его составѣ. Возьмемъ, для примѣра, споръ между дарвинистами и анти-дарвинистами; о предрасудкѣ здѣсь можетъ быть рѣчь лишь настолько, насколько одна сторона опровергаетъ другую не доводами, а декламацией, не критикой, а возмущающимся или негодующимъ чувствомъ. Стоить только упустить изъ виду эту точку зрѣнія — и каждому изъ насъ придется признать предрасудкомъ все то, что не совпадаетъ съ его образомъ мыслей. Такое извращеніе понятія можетъ повлечь за собою и болѣе серьезные результаты; оно можетъ внести въ борьбу мнѣній элементъ раздражительности и презрѣнія, вовсе не составляющій неизбѣжную ея принадлежность. Первая ошибка Гелленбаха заключается именно въ томъ, что онъ не уяснилъ себѣ различія между предрасудками и научными мнѣніями, имъ не раздѣленными. Это въ особенности замѣтно въ той части книги, которая посвящена экономическимъ предрасудкамъ. Предрасудковъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, Гелленбахъ здѣсь почти вовсе не раскрываетъ; онъ просто пожевливаетъ съ своими противниками, раздвая удары то направо, то налево, сообразно съ избранной имъ центральной позиціей (нѣсколько, впрочемъ, склоняющейся влево). Это — экскурсія въ область социальнаго вопроса, иногда остроумная, рѣже оригинальная, но отнюдь не обобщенная въ предисловіи борьба противъ предрасудковъ. Чтобы способствовать искорененію предрасудка, необходимо прежде всего объяснить его происхожденіе, затѣмъ порвать всѣ нити, которыми онъ цѣпляется за что-нибудь прочное, и показать, наконецъ, послѣдствія, къ которымъ онъ приводитъ. Геллен-

бахъ далеко не всегда исполняютъ всѣ части этой задачи, даже тогда, когда онѣ имѣютъ дѣло съ дѣйствительными предрассудками. Мѣсто падающаго предрассудка должно быть замѣщено—если только оно вообще требуетъ замѣщенія ¹⁾ — строго научнымъ положеніемъ. Гелленбахъ часто предлагаетъ на смѣну того, что онъ считаетъ предрассудкомъ, догадку, не проверенную опытомъ и скудно мотивированную. Большого значенія книга Гелленбаха, поэтому, не имѣетъ, ожиданій, возбуждаемыхъ ея заглавіемъ, она не оправдываетъ; но въ литературномъ дарованіи, въ смѣлости мысли, автору отказывать нельзя. Какъ сборникъ замѣтокъ умнаго и образованнаго публициста о жгучихъ вопросахъ дня, сочиненіе Гелленбаха заслуживаетъ прочтенія. Мы укажемъ вкратцѣ на то, что въ немъ всего болѣе интересно.

Самое оригинальное изъ всѣхъ положеній Гелленбаха—это признаніе за государствомъ права пресѣкать жизнь человѣка или разрѣшать ея пресѣченіе и въ самомъ ея началѣ (по заявленію родителей), и впоследствии (по просьбѣ того, кто тяготится жизнью). Имѣть дѣтей долженъ, по мнѣнію Гелленбаха, только тотъ, который хочетъ и можетъ воспитать ихъ. Пока наука не отыскала средствъ къ предупрежденію зачатія, необходимо узаконить истребленіе зародыша, подъ условіемъ лишь согласія государственной власти. Это, по мнѣнію Гелленбаха, болѣе гуманно, чѣмъ допускать рожденіе человѣка только для медленнаго уничтоженія его горемъ и нуждою. Во имя той же гуманности, Гелленбахъ требуетъ предоставленія страждущимъ, желающимъ смерти, возможности умереть скоро и безъ мученій ²⁾. Не входя въ подробный разборъ аргументовъ, которыми Гелленбахъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе и опровергаетъ противоположныя ему *предрассудки*, мы замѣтимъ только, что предлагаемый Гелленбахомъ способъ уменьшенія народонаселенія имѣлъ бы нѣкоторый смыслъ въ теоріи мальтузіанца, признающаго человѣчeskій родъ—уже теперь размножившимся чрезвѣрно, средства пропитанія—растущими крайне медленно, государственную власть—не обязанною пещись объ участи подрастающаго поколѣнія. Но къ

¹⁾ На мѣсто такого предрассудка, какой существуетъ, напримѣръ, противъ пятницы или понедѣльника, противъ числа тринадцати, очевидно не можетъ и не должно быть поставлено ничто, такъ какъ счастливыхъ или несчастныхъ дней или чиселъ нѣтъ вовсе. Замѣщенія требуютъ только такіе предрассудки, которые замыкаются въ неправильномъ объясненіи дѣйствительно существующаго явленія.

²⁾ Само собою разумѣется, что, допуская умерщвленіе больного, Гелленбахъ оправдываетъ самоубійство; но на этой сторонѣ его теоріи мы не останавливаемся, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего новаго.

числу такихъ мальтузіанцевъ Гелленбахъ не принадлежитъ; одна изъ лучшихъ главъ его книги вызвана опроверженіемъ Мальтусова закона; вмѣшательство государства онъ допускаетъ въ размѣрахъ несравненно большихъ, чѣмъ экономисты недавно господствовавшей школы. Кромѣ того, онъ полагаетъ, что уменьшенію числа рожденій, помимо всякихъ искусственныхъ мѣръ, будетъ способствовать неизбежное, въ ближайшемъ будущемъ, укрѣпленіе женскаго организма, вмѣстѣ съ болѣе свободной организаціей брачныхъ отношеній. Въ виду всего этого, предложеніе Гелленбаха кажется намъ крайне непоследовательнымъ. Чтобы оцѣнить внутреннее достоинство его, достаточно припомнить, что приговоръ надъ судьбой зародыша ставится Гелленбахомъ въ зависимость не только отъ способности, но и отъ желанія родителей воспитать ребенка. Предоставленіе государственной власти тѣхъ правъ, которыхъ требуетъ для нея авторъ, уменьшило бы въ ея глазахъ цѣну человеческой жизни, увеличеніе которой должно быть, наоборотъ, одной изъ главныхъ задачъ общественнаго развитія. Чѣмъ шире право уничтожить жизнь, тѣмъ меньше уваженія къ ней, тѣмъ меньше попеченія о ея неприкосновенности. Напрасно было бы думать, что уваженіе къ жизни можетъ возрастать въ одномъ направленіи, ослабѣвая въ другомъ; напрасно было бы надѣяться, что право уменьшать число страдающихъ людей не повредитъ заботѣмъ объ уменьшеніи числа и интенсивности страданій. Гелленбахъ возстаетъ противъ войны, противъ дуэли, не замѣчая, что въ основаніи ихъ лежитъ именно то пренебреженіе къ человеческой жизни, которому онъ самъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги, открываетъ доступъ въ будущее общество.

Главы, посвященныя войнѣ, дуэли, любви, браку, страсти къ титуламъ и орденамъ представляютъ сравнительно мало новаго. Что касается до войны, то предразсудкомъ Гелленбахъ, собственно говоря, считаетъ не признаніе ея, въ настоящее время, необходимитъ средствомъ разрѣшенія международныхъ споровъ, а убѣжденіе въ ея неизбежности, при всякихъ возможныхъ въ будущемъ общественныхъ и государственныхъ условіяхъ. Такая постановка вопроса уменьшаетъ интересъ изслѣдованій; практическую важность имѣетъ только борьба съ предразсудкомъ, непосредственно вліяющимъ на современную жизнь. Въ положеніи европейскихъ государствъ Гелленбахъ видитъ матеріалы для новыхъ войнъ; онъ говоритъ, правда, о возможности обойтись безъ кровопролитія, но, очевидно, мало въ нее вѣритъ и почти на ней не останавливается. Въ главѣ о любви всего любопытнѣе апологія кокетства, а также одновременной любви къ нѣсколькимъ женщинамъ, лишь бы только чувства, внушаемыя каждою

изъ нихъ, были несходны между собою. „Представьте себѣ“, — восклицаетъ Гелленбахъ, „что вы любимы въ одно и то же время Маріей Стуртъ, Клеопатрой и Гётевскою Клеркенъ. Возможно ли сдѣлать выборъ между ними? Возможно ли противостоять чувству Маріи, слезамъ Клеркенъ, прелестямъ Клеопатры?“ Къ браву Гелленбахъ относится весьма недружелюбно, утверждая, что его не воспѣвалъ ни одинъ поэтъ, что имъ не вдохновлялся ни одинъ композиторъ. Выражаетъ ли собою нѣжная мелодія любовь къ женѣ или къ другой женщинѣ — это, конечно, рѣшить трудно; но въ примѣненіи къ поэзии мысль Гелленбаха опровергнуть нетрудно — стоитъ только припомнить Имогену и Порцію у Шекспира, Гертруду въ Шиллеровскомъ „Вильгельмѣ Теллѣ“.

Въ экономической области Гелленбахъ занимаетъ положеніе, близкое къ такъ-называемымъ „соціалистамъ кatheders“ (Kathedersocialisten). Подобно Дж.-Ст. Миллю и Ланге, онъ защищаетъ ограниченіе права наслѣдства въ боковыхъ линіяхъ, предлагая, чтобы послѣ бездѣтно умершаго владѣльца опредѣленная часть его имущества поступала въ распоряженіе государства, но не смѣшивалась бы съ обыкновенными его доходами, а образовала бы *коллективную* его собственность. Доходы съ этой собственности, быстрое возрастаніе которой Гелленбахъ доказываетъ статистическими данными о числѣ бездѣтно умершихъ, слѣдовало бы употреблять на разныя гуманитарныя цѣли, т.-е. на улучшеніе положенія неимущихъ классовъ общества. Въ ожиданіи этой реформы, Гелленбахъ рассчитываетъ на добровольныя пожертвованія бездѣтныхъ людей, направленные къ достиженію той же цѣли; онъ желаетъ бы, чтобы всѣ сочувствующіе ей образовали братство, отличительнымъ признакомъ котораго служилъ бы голубой крестъ, по образцу краснаго креста женевской конвенціи. Чтобы достигнуть увеличенія поземельнаго налога и болѣе равномернаго его распредѣленія, Гелленбахъ предлагаетъ предоставить всякому желающему право отбирать имѣніе у владѣльца, заплативъ ему вдвое или втрое (смотря по тому, есть ли въ имѣніи жилыя постройки) противъ объявленной имъ, при взносѣ налога, цѣнности имѣнія. Этимъ по меньшей мѣрѣ страннымъ предложеніемъ завершается небольшой циклъ мѣръ, съ помощью которыхъ авторъ надѣется основать новый, болѣе справедливый и разумный общественный порядокъ. Всего слабѣе въ сочиненіи Гелленбаха глава о парламентаризмѣ. По мнѣнію автора, вся суть политическаго устройства, при представительномъ правленіи, заключается въ хорошей избирательной системѣ; все остальное — степень власти парламента, право его отказывать въ налогахъ, отвѣтственность министровъ и т. п. — не имѣетъ, въ его глазахъ,

серьезнаго значенія. Что слѣдуетъ понимать подъ хорошей избирательной системой — это онъ объясняетъ въ немногихъ рѣшительно выраженныхъ, но почти не мотивированныхъ афоризмахъ; онъ отвергаетъ всеобщую, прямую подачу голосовъ, и стоитъ за двухстепенность выборовъ, за безвозмездность парламентской дѣятельности. Онъ приписываетъ оба наполеоновскіе coups d'état (18-ое брюмера и 2-ое декабря) вредному влиянію прямыхъ выборовъ, забывая, что конституція III-го года, дѣйствовавшая въ 1799 году и нарушенная генераломъ Бонапарте 18-го брюмера, устанавливала именно двухстепенность выборовъ, что этимъ путемъ были избраны и совѣтъ старѣйшинъ, пассивный сообщникъ Бонапарте, и совѣтъ пятисотъ, безсильный врагъ его. Искать панацею отъ политическихъ золъ исключительно въ той или другой формѣ выборовъ, не значитъ ли скорѣе поддерживать предразсудокъ, чѣмъ бороться съ нимъ?

V.

—*Berthold Auerbach, Unterwegs. Kleine Geschichten und Lustspiele. Berlin, 1879.*

Въ трехъ статьяхъ о „Современномъ романѣ“, напечатанныхъ въ нынѣшнемъ году въ „Вѣстникѣ Европѣ“, читатели могли найти обзоръ прошедшей дѣятельности трехъ главныхъ нѣмецкихъ романистовъ — Ауэрбаха, Фрейтага и Шпилъгагена. Дополненіемъ къ этой общей характеристикѣ будутъ служить небольшія замѣтки о вновь выходящихъ произведеніяхъ названныхъ нами писателей. Сборникъ мелкихъ разсказовъ и комедій Ауэрбаха, изданный мѣсяца три тому назадъ подъ заглавіемъ: „Unterwegs“, ничего не прибавитъ къ извѣстности автора. Въ предисловіи къ нему выражена надежда, что вещицы, написанныя мимоходомъ, на пути къ болѣе широкимъ цѣлямъ, оживятъ сколько-нибудь и жизненный путь читателей; но этой надежды едва ли суждено осуществиться. Разсказы и комедіи, включенныя въ сборникъ, прошли бы совершенно незамѣченными, если бы не были подписаны громкимъ именемъ Ауэрбаха. Лучше другихъ дѣлаетъ сценки изъ сельскаго быта: „Adam und Eva auf dem landwirthschaftlichen Fest“ и „Die feindlichen Schwestern“; но и онѣ не болѣе какъ бездѣлки, для которыхъ никогда не нашлось бы мѣста среди „Dorfgeschichten“. Тамъ, гдѣ въ основаніе разсказа положена тенденція, мы встрѣчаемся или съ избитой темой религіозной терпимости („Wie der Grossvater die Grossmutter nahm“), или съ моралью такого рода,

что актриса рѣдко можетъ быть хорошею женой и матерью семейства („Der Sohn des Käthchen von Heilbronn“). Въ обѣихъ комедіяхъ — или, лучше сказать, водевиляхъ — завязка крайне слаба и юморъ довольно дешеваго сорта. Герой одной изъ комедій („Das erlösende Wort“) повторяетъ почти буквально пантестическія тирады изъ „Auf der Höhe“ — о вліяніи съ цѣлымъ, о проницаніи въ безконечность. Это было бы забавно въ пародіи на Ауэрбаха, но Ауэрбахъ менѣе чѣмъ кто бы то ни было расположенъ пародировать самого себя. Если все вошедшее въ составъ „Unterwegs“ написано Ауэрбахомъ за послѣднее время, то это служитъ новымъ доказательствомъ упадка его дарованія; если онъ счелъ нужнымъ собрать и надать разную мелочь, залежавшуюся въ его портфель, то это свидѣтельствуеетъ о значительномъ самоувѣреніи, высоко цѣнящемъ даже крохи, падающія со стола художника. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что никто изъ нашихъ выдающихся беллетристовъ не рѣшился бы выступить передъ публикой съ такой легковѣсной новинкой, какъ „Unterwegs“ Ауэрбаха. — К. К.

Какимъ бы намъ ни представлялось положеніе текущей русской литературы, все же истекающій годъ не можетъ быть названъ для нея бесплоднымъ. Изъ числа русскихъ книгъ, о которыхъ намъ пришлось говорить въ литературномъ обзорѣ, сочиненія гг. Карѣва („Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка“) и Ковалевскаго („Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“) были бы замѣтнымъ явленіемъ въ любой западно-европейской литературѣ; немалую цѣну имѣютъ также книги гг. Исаева, Гольцева, Милославскаго, Веселовскаго, Соколовскаго, Алексѣенко. Большинство авторовъ, нами названныхъ — люди молодые, недавно начавшіе свою дѣятельность; ихъ отличительныя черты — серьезное отношеніе къ дѣлу, удачный выборъ темъ, чуткость къ практическимъ вопросамъ, нисколько не исключаящая вполне научныхъ пріемовъ. Новое поколѣніе ученыхъ намѣрено, повидимому, не замыкаться въ рамки академическаго преподаванія, ни довольствоваться даже разработкой отвлеченныхъ общихъ вопросовъ, а хочетъ сохранять тѣсную связь съ дѣйствительностью, служить въ одно и то же время наукѣ и жизни. Оно доказываетъ на дѣлѣ совмѣстимость этихъ задачъ, слишкомъ часто, въ силу стараго предразсудка, противопоставляемыхъ другъ другу.

Если прибавить къ писателямъ, упомянутымъ нами выше, другихъ представителей того же направленія, о которыхъ мы не имѣли слу-

чая говорить въ нынѣшнемъ году, то ожиданіе новыхъ, крупныхъ пріобрѣтеній въ области вообще историческихъ и социальныхъ наукъ едва ли покажется преувеличеннымъ: достаточно упомянуть о трудѣ г. Забѣлина (новый томъ „Исторія русской жизни“), продолжавшемся въ нынѣшнемъ году. Сравнительно съ главными западно-европейскими литературами, у насъ, конечно, все еще мало силъ, мало выдающихся дарованій; но если взять предметомъ сравненія наше собственное недавнее прошлое, то заключеніе выйдетъ болѣе утѣшительное, и отъ слишкомъ пессимистическихъ взглядовъ на будущее русской мысли—насколько оно отъ нея самой зависитъ—придется отказаться. Въ той силѣ, съ которой она пробивается сквозь внѣшнія преграды, можно видѣть залогъ широкаго развитія ея при другихъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Укажемъ, въ заключеніе, на одну черту, свойственную почти всѣмъ разобраннѣмъ нами сочиненіямъ: это сочувственное отношеніе къ трудящейся массѣ, тяготѣніе къ вопросамъ дня, всего ближе касающимся ея и всего болѣе для нея важнымъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1879.

Покушеніе на жизнь Государя Императора въ Москвѣ.—Сужденіе въ московскомъ земствѣ о земской кассѣ для содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земель.—Общій вопросъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства.—Объясненія гласныхъ изъ крестьянъ.—Положеніе сельскихъ учителей.—Новый законъ о назначеніи служащихъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и мировыхъ судей.—Возраженіе «Голосу» по поводу отвѣтственности военнослужащихъ за обиды частнымъ лицамъ.—Общій вопросъ о подсудности военно-служащихъ.—
Письмо въ редакцію изъ Нальчика.

Въ минуту самаго заключенія нашей хроники, мы прочли въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ глубоко прискорбное сообщеніе о вторичномъ въ этомъ году покушеніи на жизнь Государя Императора:

„Московский генералъ-губернаторъ сообщилъ по телеграфу, что 19-го сего ноября, въ 11 часовъ вечера, по курской желѣзной дорогѣ, при слѣдованіи въ районѣ 7-го квартала Рогожской части дополнительнаго поѣзда съ конвоемъ, прислугой и багажомъ Его Императорскаго Величества, произошелъ взрывъ, отъ котораго поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, причемъ багажный вагонъ опрокинулся, а два пассажирскихъ встали поперекъ пути. Отъ взрыва на полотнѣ дороги образовалась яма, глубиною 2 аршина, длиною 7 и шириною 8 аршинъ. Несчастія съ людьми не произошло.

„Домъ, изъ котораго ведена была мина, обнаруженъ, и къ розыску скрывшихся изъ него злоумышленниковъ немедленно приступлено“.

Вслѣдъ за этимъ телеграфъ передалъ первыя подробности и о катастрофѣ, окончившейся столь благополучно, и о радостномъ впечатлѣніи, какое произведено было счастливою вѣстью о спасеніи жизни Государя Императора:

„Москва, 20-ю ноября, вторникъ, вечеромъ. Вчера вновь совершилось чудо, вновь спасена драгоценная жизнь Его Величества Государя Императора, и Россія избавлена отъ великаго бѣдствія и горя.

Вслѣдъ за благополучнымъ прибытіемъ царскаго поѣзда въ Москву, когда Его Величество изволилъ уже находиться на пути въ Кремль и молился предъ чудотворною иконою Иверской Божіей Матери, около десяти часовъ вечера, подъ поѣздомъ дополнительнымъ къ царскому, на третьей верстѣ отъ пассажирской станціи курской желѣзной дороги, послѣдовалъ взрывъ. Багажный вагонъ отброшенъ въ сторону, и семь вагоновъ сошли съ рельсовъ, но никто не раненъ.

„20-го ноября, вторникъ, вечеромъ. Сегодня, въ 11 часовъ утра, былъ назначенъ пріѣздъ въ кремлевскій дворецъ, по случаю прибытія въ Москву Его Величества Государя Императора. Передъ самымъ выходомъ Его Величества, московскій предводитель дворянства прочелъ во всеуслышаніе только-что полученное извѣстіе о вчерашнемъ ужасномъ событіи, которое какъ громомъ поразило всѣхъ, а затѣмъ вызвало всеобщую радость, ликование и громкіе крики: ура! Понятно, съ какими чувствами восторга и благоговѣнія было встрѣчено появленіе Его Величества Государя Императора изъ Его апартаментовъ.

„Въ 12 часовъ 10 минутъ пополудни, Государь изволилъ войти въ Георгіевскую залу и, принявъ отъ городского общества хлѣбъ-соль, изволилъ обратиться къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

„Я радовался видѣть васъ, господа, вспоминая ваши вѣрноподданныхскія чувства по поводу грустнаго событія втораго апрѣля. Эти же чувства заявляемы были Мною со всѣхъ концовъ Россіи, но вы уже знаете происшествіе, вчера случившееся. Господь сохранилъ Меня и всѣхъ, которые со Мною слѣдовали въ Москву. Въ заботахъ о Россіи, Я отдалъ Себя въ руки Провидѣнія, и Господь хранитъ Меня; но крамола должна быть искоренена. Я обращаюсь къ вамъ и ко всѣмъ благочестивымъ людямъ для уничтоженія зла, пустившаго корни. Я обращаюсь къ родителямъ дѣтей: ведите ихъ по пути истины и добра, чтобъ приготовить изъ нихъ не злодѣевъ, а полезныхъ дѣятелей, истинныхъ гражданъ Россіи“.

„Слова эти были покрыты восторженными, долго не утихавшими криками: ура! Многіе плакали; вообще, зала дворца представляла такую умиленную и трогательную картину, что описать ее невозможно“.

Чей голосъ не присоединится къ такому милостивому обращенію верховной власти государства, приглашающей старшія поколѣнія вести свое потомство „по пути истины и добра“; всѣ мы должны помнить тѣ августѣйшія слова, сознавая при этомъ, что такое руководство съ нашей стороны не должно ограничиваться одними словами: мы, старшія поколѣнія, и сами также должны идти неуклонно тѣмъ же самымъ путемъ истины и добра.

Въ концѣ минувшаго октября земское собраніе московскаго уѣзда имѣло пренія по вопросу объ учрежденіи земскаго банка или земской кассы, которая производила бы крестьянамъ ссуды для пріобрѣтенія земли. Вопросъ о мелкомъ или, выражаясь точнѣе, о крестьянскомъ земельномъ кредитѣ въ послѣднее время возбужденъ также земствами ярославскимъ, новгородскимъ, харьковскимъ; отъ рѣшительно выдвигается въ первый рядъ вопросовъ, обращающихъ на себя серьезное вниманіе общества.

Вопросъ этотъ естественно возникаетъ въ умѣ каждаго мыслящаго человека изъ соображенія двухъ главныхъ фактовъ: съ одной стороны, въ первые же годы послѣ надѣла крестьянъ землею оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ количество земли, отведенное крестьянскимъ обществамъ, было недостаточно, и легко было предвидѣть, что недостатокъ земли станетъ ощутительнѣе по мѣрѣ роста населенія; затѣмъ, почти повсемѣстно, крестьяне жаловались на недостатокъ лѣсныхъ участковъ; наконецъ, въ послѣдніе годы упоминается, какъ нѣчто несомнѣнное—общій упадокъ крестьянскаго хозяйства въ Россіи, и явленіе это, имѣющее первостепенную, государственную важность, многими объясняется, главнымъ образомъ, недостаткомъ земли у крестьянъ. Съ другой стороны, земля продается въ Россіи ежегодно въ огромномъ количествѣ, а еще въ болѣемъ предлагается на продажу; прежнее, дворянское землевладѣніе рѣшительно распадается, но только весьма малая доля этой продаваемой земли переходитъ въ руки крестьянскихъ обществъ и даже вообще крестьянъ; причина этого понятна: отсутствіе у крестьянъ сбереженій, отсутствіе кредита.

Естественно, повторяемъ, что изъ сопоставленія двухъ такихъ фактовъ рождается весьма серьезный вопросъ: не можетъ-ли земство явиться органомъ для содѣйствія крестьянамъ къ пріобрѣтенію земли, и не должно-ли само государство, въ виду, какъ экономическаго положенія массы населенія, такъ и состоятельности своихъ основныхъ платежныхъ силъ, оказать земству въ этомъ случаѣ поддержку въ видѣ предоставленія государственной гарантіи тѣмъ бумагамъ, которыя земскія кассы, учрежденныя съ этой цѣлью, выпустили бы съ первоначальнымъ ручательствомъ самого земства.

При такой постановкѣ вопроса, предполагаются доказанными два положенія: во-первыхъ, что крестьянское хозяйство повсемѣстно или на болѣемъ пространствѣ Россіи послѣ земельного надѣла стало клониться къ упадку, и что упадокъ его сталъ особенно ощутителенъ въ послѣдніе годы; во-вторыхъ, что дѣйствительно главною причиною этого упадка явилась малоземельность крестьянъ.

Первое положеніе, къ сожалѣнію, приходится признать доказан-

нымъ. Большая часть устныхъ свидѣтельствъ сводится на то, что если въ бытѣ крестьянъ замѣчаются улучшенія, то улучшения эти относятся болѣе къ быту домашнему, къ одеждѣ, освѣщенію жилищъ, распространенію употребленія чаю (не у бѣднѣйшихъ крестьянъ, конечно), передѣлкѣ избу изъ курныхъ въ снабженныя трубами. Въ хозяйственномъ же быту, въ рабочемъ инвентарѣ, по общему отзыву, улучшеній замѣчается гораздо меньше, даже и тамъ, гдѣ бытъ домашній улучшился значительно; въ совокупности же оказывается скорѣе упадокъ. Статистическія цифры свидѣлствуютъ объ уменьшеніи числа лошадей и крупнаго скота; финансовыя цифры обнаруживаютъ возрастаніе недоимокъ въ податяхъ и выкупныхъ платежахъ, особенно въ нѣкоторыхъ полосахъ, причемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что полосы эти обнимаютъ весьма значительное пространство.

Устные отзывы и цифры, собранныя извѣстною комиссіею для изслѣдованія сельскаго хозяйства, впервые прямо засвидѣтельствовали объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства. Съ тѣхъ поръ, мнѣніе о томъ, каковы главныя причины вызвавшія этотъ упадокъ, высказывались различныя, и второе изъ тѣхъ двухъ положеній, о которыхъ мы упоминали выше, доселѣ не является безспорнымъ. Причинъ указывается много: высота прямыхъ налоговъ, то-есть подушной подати и государственнаго земельного сбора, выкупныхъ платежей, земскихъ денежныхъ повинностей и, наконецъ, общественныхъ сборовъ, которые одни, по показанію названной выше комиссіи, доходять будто бы, въ сложности, до громадной суммы 30 милл. рублей; наклонность народа, недавно выпешаго изъ крѣпостной зависимости, къ пьянству и праздности; крайне низкая степень народнаго образованія; общинное владѣніе и круговая порука; отмежеваніе мѣстныхъ дачъ почти повсемѣстно въ пользу помѣщиковъ; истребленіе лѣсовъ вслѣдствіе открывшагося разныиъ спекулянтамъ доступа къ землевладѣнію и вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ; какъ дальнѣйшій результатъ того же, — уменьшеніе влажности почвы въ южныхъ мѣстностяхъ; наконецъ, ошибки, допущенныя при самомъ надѣлѣ: недостаточность надѣловъ въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, дурное качество земельныхъ участковъ при обязательномъ выкупѣ, и безземелье бывшихъ дворовыхъ.

Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ, съ самаго начала, этотъ столь сложный вопросъ не былъ обсуждаемъ съ тою объективностію, которая въ вопросахъ экономическихъ столь же обязательна, какъ и въ вопросахъ научныхъ. Правда, въ первое время, было довольно естественно, что сужденія по этому предмету опредѣлялись въ виду только-что послѣдовавшей и еще совершавшейся реформы. Существо-

вали еще, хотя и неосновательно, съ одной стороны, ожиданія, съ другой—какъ-будто опасеніе, что величайшая изъ нашихъ реформъ могла еще быть перевернута. Вотъ почему одна партія (весьма, впрочемъ, малочисленная въ печати, но достаточно слышная въ обществѣ) любила ссылаться на народное пьянство и наклонность къ праздности, на общинное владѣніе, на обременительность земскихъ и общественныхъ сборовъ, а другая партія съ самаго начала указывала на недостаточность надѣловъ и несораазмѣрность выкупныхъ платежей, а впоследствии, когда быстрыхъ улучшеній въ хозяйствѣ крестьянъ не только не происходило, но, наоборотъ, мѣстами сталъ замѣчаться несомнѣнный его упадокъ, — все это относили исключительно къ дѣйствию этихъ двухъ причинъ, то-есть, къ ошибкамъ, допущеннымъ при самой организаціи земельныхъ надѣловъ.

Между тѣмъ, при обезужденіи объективномъ, вѣроятно, оказалось бы, что всѣ исчисленныя выше причины, дѣйствительно, содѣйствовали къ упадку крестьянскаго хозяйства. Въ настоящее время, ни одна изъ нихъ уже не подлежитъ спору, за исключеніемъ только—общиннаго землевладѣнія. Но и защитники его, все-таки, не могутъ не признавать условіемъ экономически-неблагопріятнымъ ту существующую сторону общины, которая наиболѣе интересна для фиска, а именно: круговую поруку въ уплатѣ казенныхъ сборовъ.

Въ настоящее время, наконецъ, какъ то можно заключить изъ одновременнаго обращенія нѣсколькихъ земствъ къ этой сторонѣ вопроса, главной причиной упадка, противъ которой требуется оказать крестьянамъ помощь кредитомъ, представляется собственно *малоземельность*. Быть можетъ, теперь мысль объ этомъ особенно выступила впередъ потому, что ослабѣла надежда на оказаніе крестьянамъ помощи отъ государства другими, болѣе прямыми путями. Говорить объ измѣненіи земельныхъ надѣловъ черезъ 18 лѣтъ послѣ освобожденія стало уже слишкомъ поздно, да и само правительство рѣшительно опровергло возможность какой-либо подобной мѣры официальнымъ заявленіемъ въ нынѣшнемъ году. Надѣяться на пересмотръ выкупныхъ платежей, съ цѣлью ихъ общаго пониженія или по крайней мѣрѣ приведенія ихъ въ болѣшую соотвѣтственность съ доходностью земли въ разныхъ мѣстахъ, повидимому, перестали, въ виду новыхъ расходовъ, наложенныхъ на государство войною, и изысканія правительствомъ новыхъ налоговъ.

Затѣмъ, для облегченія положенія крестьянъ, казалось и остается уже одно только средство: вольная покупка ими земель, при помощи земства, открывающаго имъ кредитъ. Но при этомъ не могли не имѣть въ виду, что выпущенные земскими кассами закладные листы, въ которыхъ заемщики получали бы свою ссуду, непременно ходили

бы по рукамъ по невысокой цѣнѣ, а стало быть процентъ, платимый крестьянами за такіа ссуды, по необходимости былъ бы высокъ, что угрожало бы и исправности плательщиковъ и самостоятельности самого земства къ развитію этой операціи въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Поэтому и возникла мысль объ исходатайствованіи правительственной гарантіи закладнымъ листамъ земскихъ кассъ, для поддержанія цѣнности этихъ бумагъ.

Но при сужденіи о подобныхъ проектахъ, необходимо имѣть въ виду, что осуществленіе ихъ въ концѣ-концовъ, все-таки, сводится на оказаніе крестьянамъ помощи отъ государства, съ болѣе или менѣе значительнымъ для него пожертвованіемъ. Главный расчетъ все-таки—на помощь отъ государства, и особенность этой новой формы ожидаемой отъ него помощи лишь въ томъ, что невозможно будетъ опредѣлить, въ какихъ именно размѣрахъ пожертвованіе отъ государства потребуется.

Чтобы рѣшить, съ какимъ-либо расчетомъ на достовѣрность, общій вопросъ о томъ, есть ли именно малоземельность главная причина упадка крестьянскаго хозяйства въ Россіи, надо было бы имѣть весьма разнообразный статистическій матеріалъ, какого рѣшительно не имѣется. Мы можемъ только замѣтить, что, въ среднемъ размѣрѣ, въ Россіи должно приходиться и теперь на одну душу крестьянскаго населенія гораздо больше пространства земли, чѣмъ въ остальной Европѣ. Что опять-таки—въ среднемъ размѣрѣ, наша земля худшаго качества, чѣмъ на Западѣ, это не подлежитъ сомнѣнію, а что на Западѣ сельско-хозяйственные приемы не имѣютъ ничего общаго съ хищничествомъ и могутъ быть названы вполнѣ рациональными—это совершенно достовѣрно. Но, вѣдь, при оказаніи крестьянамъ помощи извнѣ, самое качество земли могло бы быть улучшено точно также, какъ, при такой помощи, могло бы быть расширено пространство надѣловъ, которыми они пользуются. Для того, чтобы обработать болѣе количество земли, необходимо имѣть больше лошадей и скота; но, вѣдь, при увеличеніи рабочей силы вообще, можно бы и имѣющеюся нинѣ землю лучше обработать, ввести травосѣяніе, однимъ словомъ, улучшить самую систему обработки, такъ что и этой земли оказалось бы достаточно,—но здѣсь вопросъ переходить уже въ разсужденіе о преимуществахъ экстенсивнаго и интенсивнаго хозяйства.

По отношенію къ совокупности всей Россіи, нѣтъ сомнѣнія, что иностранецъ, которому мы указали бы въ видѣ главной причины неудовлетворительнаго положенія русскаго крестьянства такое обстоятельство, что у русскаго крестьянина земли слишкомъ мало,—улыбнулся бы. Онъ вѣроятно замѣтилъ бы намъ, что понятіе о малозе-

мелкости есть понятіе весьма относительное, зависящее прежде всего именно отъ средствъ и способовъ обработки. Самые многоземельныя изъ нашихъ губерній показались бы еще малоземельными, тѣсными для кочующей орды равной численности съ населеніемъ нашей губерніи. Если хозяйство состоитъ въ томъ только, чтобы пасти скотъ, то для этого требуются огромныя пространства. Если способъ обработки таковъ, что земля, бѣдная отъ природы, изъ году въ годъ истощается посѣвомъ однихъ и тѣхъ же злаковъ, и только въ третій годъ отдыхаетъ, да и то не всегда; что пахется земля поверхностно и только въ одну сторону, по слабости лошадей, немнѣнію плуга, узкости полозъ, — то такое хозяйство непременно требуетъ въ поддержку себѣ по временамъ расчистки нови, требуетъ пространства такого, какого нынѣ въ малоземельныхъ мѣстностяхъ уже и не представляется. Съ другой стороны, вѣрно и то, что огородникъ подъ Петербургомъ, имѣя на свою семью не 10—20 десятинъ земли, а всего одну десятину, и платя за нее аренду, безъ всякаго сравненія бѣдную, чѣмъ всѣ платежи общинника, живетъ почти купцомъ, а изъ этого слѣдуетъ, что и на небольшомъ клочкѣ бѣдной отъ природы почвы можно вести выгодное хозяйство. Правда, у огородника долженъ быть капиталъ, т.-е. сбереженія, достаточный рабочий инвентарь, онъ пользуется близостью столицы и существующими въ ней высокими цѣнами. Но вѣдь и крестьянинъ далекой отъ большого города мѣстности, если бы ему дать денежную помощь, или кредитъ, представляющій будущія сбереженія, если бы освободить его инвентарь отъ описи за чужія недоимки и построить ему дороги, облегчающія подвозъ къ торговымъ пунктамъ, напр., желѣзнодорожными станціямъ, получили бы возможность такъ улучшить обработку своей земли, что нынѣшній участокъ оказался бы для него вполне достаточнымъ.

Стало быть, вопросъ въ томъ, на что именно большинству русскихъ крестьянъ нужна была бы помощь земская и государственная — на улучшеніе ли хозяйства или только на расширеніе? Намъ кажется, что въ примѣненіи къ общей совокупности мѣстностей Россіи, было бы слишкомъ односторонне утверждать, что помощь требуется именно и главнымъ образомъ только на расширеніе пространства обрабатываемой земли. Къ мѣстностямъ малоземельнымъ это уже совсѣмъ непримѣнимо, а въ многоземельныхъ непримѣнимо именно къ бѣднѣйшему классу крестьянъ, именно къ тѣмъ недоимщикамъ, на положеніе которыхъ ссылаются. Такой крестьянинъ и нынѣшняго-то участка обработать не въ состояніи, и онъ, конечно, не можетъ желать расширенія земель общества съ увеличеніемъ лежащихъ на каждомъ общинникѣ платежей; если же общество, большин-

ствомъ голосовъ, рѣшить такое пріобрѣтеніе на ссуду, взятую изъ земства, то бѣднѣйшимъ крестьянамъ отъ этого будетъ не лучше, а хуже, или если имъ хуже не будетъ, то только потому, что другіе члены общины будутъ платить за нихъ и сами пользоваться ихъ участками.

Съюзимъ теперь рамки нашего обсужденія и будемъ говорить только о мѣстностяхъ дѣйствительно малоземельныхъ. Московскій уѣздъ, котораго земство нынѣ рассматривало этотъ вопросъ, принадлежитъ къ самымъ малоземельнымъ въ Россіи. Такъ какъ намъ приходится рассматривать сужденія, бывшія въ московскомъ земствѣ, то необходимы для этого цифровыя справки мы будемъ заимствовать изъ земскаго же „Сборника статистическихъ свѣдѣній по московской губерніи“.

Приведемъ прежде всего главныя основанія, на которыхъ уѣздная управа предполагала учрежденіе земской кассы, состоящей при губернской управѣ и назначенной для содѣйствія сельскому населенію губерніи въ пріобрѣтеніи земли. Предположено, что земская касса будетъ производить ссуды только „сельскимъ обществамъ въ полномъ составѣ, а также частямъ обществъ, составляющимъ цѣлыя селенія, исключительно на предметъ покупки земель“. Основной капиталъ земской кассы былъ бы составленъ изъ суммы, отпущенной губернскимъ земствомъ, а оборотный капиталъ былъ бы образованъ посредствомъ выпуска закладныхъ листовъ, гарантированныхъ земствомъ, причемъ желательна гарантія этихъ бумагъ правительствомъ, для обезпеченія ихъ курса; ссуды предполагается выдавать на сребро до 49 лѣтъ; предполагено также основаніе запаснаго капитала кассы.

Въ преніяхъ, происходившихъ по поводу доклада управы, отразились почти всѣ стороны многосложнаго общаго вопроса о причинахъ упадка крестьянскаго хозяйства. Самый же фактъ такого упадка, „въ большей части Россіи“, поставленъ былъ во главѣ доклада, и главной причиною его указана была именно недостаточность отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ, которая дѣлаетъ невозможнымъ правильное веденіе на нихъ хозяйства. Гласные изъ частныхъ землевладѣльцевъ прямо оспаривали преобладающее значеніе этой причины, хотя и признавали фактъ общаго упадка. Такъ, князь Туркестановъ сказалъ: „Этотъ упадокъ извѣстенъ всѣмъ и составляетъ общее явленіе даже для тѣхъ мѣстностей, гдѣ у крестьянъ достаточно земли“. Затѣмъ, ораторъ указалъ на другія причины упадка, имѣющія, по его мнѣнію, значеніе общее и большее, чѣмъ малоземельность: обремененіе земли налогами, малое развитіе кустарныхъ промысловъ, недостатокъ кредита, и т. п. „Одна же предлагаемая управой мѣра“—не отену

оратора—, не имѣла бы ожидаемаго вліянія на подъемъ крестьянскаго хозяйства“¹⁾.

Затѣмъ, гласный князь Туркестановъ возражалъ противъ ограниченія предположенной задачи тѣмъ условіемъ, что помощь хотѣть оказывать только при покупкѣ крестьянами земли цѣлымъ обществомъ. Онъ объяснилъ, отчасти по личному опыту сдѣланъ съ крестьянами, что покупка земли рѣдко дѣлается ими въ полномъ составѣ общества, а покупаютъ землю только болѣе состоятельные его члены и затѣмъ дѣлятъ ее на пан, такъ что каждый покупщикъ владѣетъ пространствомъ земли, соразмѣреннымъ своему взносу, затѣмъ, число владѣльцевъ приобретенной земли съ годами уменьшается, и оно, наконецъ, сосредоточивается въ немногихъ рукахъ. Приобрѣтатели этой земли владѣютъ ею не на общинномъ, а на частномъ наслѣдственномъ правѣ. Оратору случилось продать землю крестьянскому обществу, и онъ замѣтилъ, что въ частное владѣніе тѣхъ нѣсколькихъ лицъ, которые дѣйствительно внесли за нее деньги, перешла именно удобная земля, неудобная же осталась во владѣніи общества, на общинномъ правѣ, такъ какъ самимъ пайщикамъ эта земля пришлось даромъ. Ораторъ полагалъ, что земля, приобретаемая на ссуды, перейдетъ въ нѣсколькоимъ частнымъ лицамъ, и цѣль кассы не будетъ достигнута. Однако же, князь Туркестановъ не былъ безусловно противъ учрежденія кассы.

Въ томъ видѣ, какъ основныя условія были предложены къ голосованію—какъ мы уже указали выше—управа предполагаетъ выдачу ссудъ именно обществамъ въ полномъ составѣ или частямъ ихъ, составляющимъ цѣлыя селенія. Но будетъ ли требоваться единогласное постановленіе цѣлаго общества или селенія на ссуду для приобретенія земли? Сомнительно, чтобы въ цѣломъ обществѣ не нашлось бѣднаковъ, которымъ такое увеличеніе платежей на приобретеніе земли, ни въ какой, не можетъ быть желательнымъ. Итакъ, придется принимать за согласіе цѣлаго общества постановленіе большинства его, напр., $\frac{2}{3}$ его членомъ, какъ и значилось въ проектѣ управы. Но въ такомъ случаѣ, для меньшинства это было бы притѣсненіемъ, если только съ него будутъ требоваться платежи по долгу; если же нѣтъ—въ такомъ случаѣ оно и вновь приобретенными участками пользоваться не будетъ, а стало быть, земли въ дѣйствительности все-таки не были бы проданы цѣлому обществу.

Гласный Жуковъ говорилъ противъ общиннаго землевладѣнія и осуждалъ предложенія управы въ особенности потому именно, что

¹⁾ Т. I. В. II. Очеркъ статистики народонаселенія московскаго уѣзда С. А. Осипова. Формы крестьянскаго землевладѣнія въ московской губерніи, составилъ В. Орловъ.

весь ее проект направленъ къ содѣйствію только общинникамъ. Не онъ возражалъ и противъ самой мысли обремененія крестьянъ новыми платежами, когда и прежніе-то не легки для нихъ. „Сельскія общества получили земли за известную плату“, говорилъ онъ: „они еще должны за ту землю, какую владѣютъ, а управа предлагаетъ имъ приобрести новыя земли на ссуду изъ 8°; этотъ размѣръ платы едва ли будетъ менѣе, чѣмъ за пользованіе надѣльной землей. Крестьяне обременены налогами, а управа предлагаетъ имъ: задолжайте еще вдвое и будете лучше вести свое хозяйство“. Далѣе, г. Жуковъ говорилъ о необходимости распространенія образованія, объ улучшеніи дорогъ и медицинскомъ пособіи, какъ о такихъ отрасляхъ земской дѣятельности, по которымъ она вѣрнѣе можетъ приносить пользу народу: „Земство разбрасывается, расплывается въ своей дѣятельности“, заключилъ онъ, „а изъ-за этого упускается изъ виду удовлетвореніе необходимыхъ потребностей“.

Въ другихъ засѣданіяхъ тѣ же и нѣкоторые иные гласные настаивали, главнымъ образомъ, на томъ, что не недостатокъ земли представляетъ главную причину упадка крестьянскаго хозяйства. Коснулись и вреда кабаковъ, и разорительности частныхъ передѣловъ. Находили, что докладъ управы недостаточно доказателенъ, — что вопросъ не изученъ, какъ слѣдуетъ.

Во всемъ этомъ не могло не быть правды, конечно. Не замѣтательно, что противъ предложенія управы возражало именно большинство гласныхъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ; крестьяне же и съ ними меньшинство землевладѣльцевъ были за учрежденіе земской кассы для содѣйствія обществамъ къ приобретенію земель. Составившееся такимъ образомъ большинство и рѣшило ходатайствовать объ этомъ передъ губернскимъ земствомъ, на основаніяхъ, предложенныхъ управою.

Фактъ, что гласные изъ крестьянъ высказывались въ пользу предоставленія обществамъ бѣльшаго количества земли, во всякомъ случаѣ, имѣетъ значеніе. Любопытны были доводы этихъ гласныхъ и нѣкоторыя ихъ показанія, что даже при крѣпостномъ правѣ крестьяне жили лучше, потому что имѣли угодья, которыя теперь должны нанимать, иногда за высокую цѣну. Напримѣръ, гласный Васильевъ объяснялъ, что землю только тамъ приобретать не будутъ, гдѣ нѣтъ возможности ее купить. „Налоги крестьянъ не тяготятъ“, замѣтилъ онъ, „а тяготитъ только нравственность, что имъ должно работать, а работать не на чѣмъ“. Онъ сослался на примѣръ своего общества: тамъ въ владѣнной записи показано 72 души, а теперь земля передѣлена на 180 душъ, чуть не на двойное количество участковъ. „Дай Богъ землю скорѣе приобрести, да приучить отвык-

нія руки къ работѣ", заключилъ этотъ ораторъ. Тотъ же гласный утверждалъ, что платить за ссуду по 8 процентовъ для крестьянъ будетъ не трудно, такъ какъ они и теперь за нанимаемую лѣсную землю платятъ по 1½ р., а если выдѣлить изъ нея лѣсные участки, то она придется рубля по 3 за десятину.

Изъ точныхъ описаній частныхъ случаевъ покупокъ земли крестьянами въ „Земскомъ оборникѣ“ мы видимъ, что земля въ нѣкоторыхъ уѣздахъ московской губерніи приобреталась крестьянами, примѣрно, за 10 р. десятина. При такихъ цѣнахъ понятно, что уплата 8% за ссуду можетъ быть немного обременительнѣе найма. Возьмемъ одинъ примѣръ: въ 1875 г. крестьяне деревни Большого Уварова (въ коломенскомъ уѣздѣ) купили міромъ у бывшаго владѣльца г. Жеребцова 383 десятины земли, оставшейся за надѣломъ, за 2,000 руб. Допустивъ, для круглаго счета, что, взявъ эту ссуду въ закладныхъ листахъ, они должны были бы платить за нее именно 8%; это составило бы 160 р. въ годъ; между тѣмъ самая эта земля прежде арендовалась міромъ за 120 р. въ годъ. Понятно, что крестьянамъ былъ расчетъ купить землю въ этомъ случаѣ.

Считаемъ необходимымъ привести еще нѣсколько отзывовъ гласныхъ-крестьянъ: Васильева, Калининна, Гвоздева, въ доказательство того, что малоземельность—главная причина упадка, и что возможность приобретения земли—необходимѣйшее средство для поправки. „Оттого, что мало земли, семьѣ нѣчего ѣсть; своего хлѣба и на полгода не хватаетъ. У крестьянъ государственныхъ рѣзкая переимѣна къ худшему въ хозяйствѣ началась съ тѣхъ поръ, какъ ограничены были надѣлы и выданы владѣнные записи. Со времени введенія уставныхъ грамотъ хуже стало хозяйство. При крѣпостномъ правѣ крестьяне пользовались лугами по всему имѣнію и землей тоже, кромѣ той части, какую для помѣщика обрабатывали. Пастбища тоже были не запретныя. Скота у крестьянъ больше было, навозу, и землю лучше обрабатывали“. На прямой вопросъ, неужели при крѣпостномъ правѣ благосостояніе крестьянъ было выше, гласный Гвоздевъ отвѣчалъ: „да, больше земли было, больше луговъ“. Гласные отъ крестьянъ даже не отрицали факта, что праздность—такимъ оказывается; но они все-таки главную вину хозяйственнаго упадка и самой праздности относили къ недостатку земли. Такъ, послушаемъ еще гласнаго Калининна: „если земли будетъ достаточно“, говоритъ онъ, „то я, поработавъ на ней шесть мѣсяцевъ, чтобы хлѣба было для семьи, пойду на подати зарабатывать въ остальные шесть мѣсяцевъ,—и заработаю; а теперь праздность одолѣла, отъ работы отвыкли, лѣнтаевъ много стало. Если будетъ больше земли, то хо-

реши бы такую комиссію составить, чтобы она правднсть въ крестьянствѣ извѣла, лѣнтнговъ работать заставила“.

Повторяемъ, фактъ, что сами крестьяне думаютъ такъ, важень. Конечно, намъ могутъ замѣтить, что никто не откажется отъ готовой ссуды по 8% для приобрѣтенія земли, и что гласные отъ крестьянъ уже поэтому не могли говорить иначе, чѣмъ они говорили. Но дѣло въ томъ, что въ словахъ ихъ видно искреннее убѣжденіе въ необходимости приобрѣтенія земли. Аргументы ихъ сводятся на то, что у нихъ рабочей силы, т.-е. рукъ, больше, чѣмъ требуютъ нынѣшніе надѣлы, и ртовъ больше, чѣмъ эти надѣлы могутъ насытить. Они не считаютъ, что во время барщины у нихъ для своей работы было только три дня въ недѣлю, а теперь есть шесть; значитъ, они признаютъ, что пользованіе лѣсомъ и большими лугами вполнѣ вознаграждало ихъ за потерю трехъ дней работы въ недѣлю. „Что пользы“, говорятъ они, „въ нынѣшнихъ лишнихъ трехъ дняхъ, когда земли мало?—дни эти остаются какъ-будто праздными“. Значитъ, и теперь они расоложены цѣнность половины своего рабочего времени отдать за приобрѣтеніе достаточнаго количества земли.

Съ такимъ мнѣніемъ крестьянъ, во всякомъ случаѣ, должно считаться. Признаемся, намъ оно не представляется достаточно-убѣдительнымъ въ смыслѣ теоретическомъ, но въ практическомъ отношеніи оно есть—фактъ, котораго нельзя устранить теоретическими соображеніями. Мы можемъ думать, что если бы крестьянину оказана была земствомъ же, съ помощью государства, ссуда для приобрѣтенія лишней лошади и коровы, порядочныхъ орудій,—то лучшая обработка нынѣшняго участка его вѣрнѣе улучшила бы его хозяйство, чѣмъ расширеніе обработки, съ тѣмъ же недостаточнымъ инвентаремъ. Но что мы стали бы дѣлать, еслибы крестьянинъ возразилъ на это, что купленная земля не уйдетъ, а деньги, взысканія и хотя бы употребленія на покупку скота и т. п., легко могутъ уйти? Ничего мы на это отвѣтить бы не могли, такъ какъ это возраженіе совершенно выходило бы изъ области экономической теоріи, но представлялось бы сильнымъ на полѣ жизненной практики.

Мы можемъ думать, что при тѣхъ цѣнахъ заработка спеціально въ московскомъ уѣздѣ, не должно бы быть и рѣчи о той „праздности“, о которой говорили гласные отъ крестьянъ въ земскомъ собраніи. Можемъ думать также, что помощь земства и государства въ малоземельныхъ мѣстностяхъ съ болѣею пользою могла бы быть направлена къ развитію такъ вустаринныхъ промысловъ, дающихъ крестьянамъ возможность работать круглый годъ, не уходя изъ своихъ селеній,—чѣмъ для поддержки трехпольной системы хозяйства. Но на это крестьяне могутъ возразить, что иной системы они не

знаютъ и понять ея не могутъ, что если они займутся ремеслами, то совсѣмъ отстанутъ отъ земледѣлія, и что если имъ быть земледѣльцами, то надо, чтобы было достаточно земли для успѣшнаго веденія хозяйства старымъ, дѣдовскимъ способомъ. И на это мы не нашли бы что отвѣтить, какъ вообще нельзя отвѣтить на фактъ способности или неспособности, желанія или нежеланія.

Поэтому мы, именно на основаніи заявленій гласныхъ отъ крестьянъ московскаго уѣзда, не можемъ не высказаться за учрежденіе земской кассы, съ правительственной гарантіею ея вкладныхъ листовъ, для содѣйствія крестьянамъ въ приобрѣтеніи земель. Правительственная гарантія необходима для того, чтобы процентъ по дѣйствительно реализованной, при продажѣ этихъ бумагъ, ссудѣ не былъ слишкомъ высокъ. Разъ упадокъ крестьянскаго хозяйства признанъ, — а фактъ этотъ признается теперь со всѣхъ сторонъ, — неизбѣжно требовать помощи отъ государства для прекращенія столь серьезнаго явленія. Мы всегда высказывали надежду, что надѣлъ землю, въ томъ видѣ какъ онъ былъ совершенъ, не представитъ еще послѣдняго слова усилій государства для улучшенія быта крестьянъ. Весь вопросъ въ томъ: въ какой формѣ пожертвованія со стороны государства могли бы осуществиться съ наибольшей пользою. Наше мнѣніе всегда клонилось къ необходимости уменьшенія выкупныхъ платежей, если не повсемѣстно, то по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ накопленіе недоимокъ прямо указываетъ на несоразмѣрность ихъ нормъ съ доходностью земли.

Но если, въ мѣстностяхъ малоземельныхъ, сами крестьяне считаютъ лучшимъ видомъ помощи — облегченіе имъ покупки земель, то этотъ фактъ и долженъ рѣшать вопросъ въ такомъ смыслѣ. Для государства же все-равно, что уступить на душу рубль въ годъ изъ выкупныхъ платежей, что вносить за несостоятельныхъ къ уплатѣ земской ссуды крестьянъ по рублю съ души въ годъ. А что пожертвованіе со стороны государства въ этомъ смыслѣ дѣйствительно потребуется, что правительственная гарантія не будетъ только номинальнымъ средствомъ для поддержки курса земскихъ вкладныхъ листовъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ простой фактъ — громадность недоимокъ именно въ земскихъ сборахъ. Статистика показываетъ, что успѣшнѣе всѣхъ сборовъ собираются казенные, за ними — общественные, земскіе же хуже всѣхъ.

Затѣмъ, для мѣстностей многоземельныхъ, но въ которыхъ все-таки замѣчается упадокъ крестьянскаго хозяйства, оставалась бы необходимость государственной помощи въ иныхъ видахъ; въ видѣ уменьшенія выкупныхъ платежей и выдачи ссудъ изъ государственнаго банка на учрежденіе сельскихъ артелей, кустарниковъ и на

переселеніе. Немислимо же, чтобы государство предоставило свою помощь только тѣмъ нуждающимся крестьянамъ, которые пожелаютъ приобрѣтать земли.

Обращаясь вновь къ рамкѣ данного случая, то-есть къ вопросу собственно о сдѣлкахъ крестьянамъ московскаго уѣзда для покупки земель, нельзя не признать справедливость возраженій, сдѣланныхъ противъ предоставленія ссудъ исключительно цѣльнымъ обществамъ. Въ „Сборникѣ“ московскаго земства упомянуто, что изъ около 150 случаевъ приобрѣтенія купчей земли крестьянскими обществами и товариществами, на долю цѣлыхъ обществъ приходилось не болѣе 40; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ земля покупалась компаніями пайщиковъ. Если же принять въ расчетъ и случаи покупки земель отдѣльными крестьянами, то процентъ, приходящійся на покупки цѣлыми обществами, окажется, конечно, еще гораздо меньше. Цѣлыми обществами обыкновенно покупаются только такія земли, безъ которыхъ никому изъ его членовъ (кромя совсѣмъ несостоятельныхъ) обойтись нельзя и, главнымъ образомъ — выгоны. Товарищества же пайщиковъ, по болѣе части изъ односельцевъ, покупаютъ землю и раздѣляютъ ее въ наслѣдственное владѣніе въ размѣрѣ паевъ, а пай бываютъ весьма различны. Такъ, напр., въ сборникѣ указаны примѣры паюновъ, при которыхъ доли отдѣльных домохозяевъ составляли отъ 8 до 750 рублей. Этими долями приобрѣтатели владѣютъ на правахъ полной собственности, и впоследствии доли свободно переходятъ изъ рукъ въ руки.

Спрашивается, для чего же земство хочетъ ограничить свое сдѣлать такимъ условіемъ, котораго, въ огромномъ большинствѣ случаевъ покупокъ крестьянами земли, не бываетъ на лицо? Это объясняется желаніемъ земства устранить возможность, чтобы помощью его не воспользовались преимущественно такъ-называемые „кулаки“. Но намъ кажется, что этого рациональнѣе было бы достигнуть, опредѣливъ какой-нибудь максимумъ десятины земли на одного домохозяина, свыше котораго онъ уже не имѣлъ бы права приобрѣтать землю на ссуду изъ земской кассы. Конечно, противъ этого могутъ возражать, что это условіе будутъ обходить фиктивными сдѣлками. Но вѣдь и при выдачѣ ссудъ на имя цѣлыхъ обществъ невозможно устранить фиктивныхъ сдѣлокъ. Такіе знатоки дѣла, какъ кн. Васильчиковъ (въ недавнихъ статьяхъ въ „Новомъ Времени“), утверждаютъ, что предоставленіе ссуды только цѣлымъ обществамъ по приговору $\frac{2}{3}$ голосовъ не привело бы къ цѣли, что, несмотря на правило, земля въ дѣйствительности доставалась бы тѣмъ, кто можетъ за нее платить. „Проектируемое правило, — говоритъ почтенный авторъ, — осталось бы мертвою буквой, какъ и многія другія

правила и законоположенія, какъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель, который не имѣаетъ зажиточнымъ крестьянамъ смутать негласно надѣлы бѣдныхъ хозяевъ. Правильно это будутъ обходить очень простымъ способомъ, — гѣмъ, что состоятельные крестьяне будутъ уплачивать проценты за несостоятельныхъ и постепенно забирать ихъ участки". Мало того, въ самомъ правилѣ о необходимости притвора только $\frac{2}{3}$ голосовъ общества для полученія ссуды, авторъ видитъ доказательство, что, по мнѣнію самихъ составителей такихъ проектовъ, единогласнаго рѣшенія общества по такимъ дѣламъ ожидать нельзя. „Но изъ кого же будетъ состоять остальная треть?" спрашиваетъ кн. Васильчиковъ, и отвѣчаетъ, что она будетъ состоять изъ бѣдняковъ, которымъ приобрѣтеніе новой земли, съ увеличеніемъ платежей, вовсе не нужно. Въ результатѣ окажется, что кулаки при этомъ все-таки получатъ львиную часть, но еще дешевле, чѣмъ при прямой продажѣ, а кредитъ, номинально открытый всѣмъ, обратится въ пользу одной части населенія, а другую только обременитъ неоплатыми долгами. „Принципъ общиннаго владѣнія — замѣчаетъ авторъ, самъ приверженецъ общины, — будетъ, правда, поддержанъ и закрѣпленъ по буквѣ уставовъ; но на дѣлѣ будетъ введенъ новый элементъ — притѣсненія меньшинства большинствомъ". Далѣе, кн. Васильчиковъ разъясняетъ, что есть категория бѣднѣйшихъ членовъ обществъ, которыхъ нельзя поднять на ноги кредитомъ на покупку лишней для нихъ земли; что кредитовать несостоятельныхъ невозможно, и что помощь для этого класса должна являться не въ ссудахъ, которыхъ они возвратить не могутъ, не въ лишней землѣ, которой они не могутъ обрабатывать, но въ организаціи помощи *даровой*, общественнаго призрѣнія, народнаго продовольствія. Намъ кажется, что противъ этого нельзя серьезно возражать.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько статистическихъ данныхъ изъ земскаго сборника о московскомъ уѣздѣ. Здѣсь на 100 дворовъ приходится домовъ 113 $\frac{1}{2}$; на одно селеніе дворовъ 36 $\frac{1}{2}$, домовъ 41,4; на одинъ дворъ приходится жителей обоаго пола 6,2, а на одинъ домъ 5,5 чел. На 1 квадр. версту имѣется 51,6 жителей. Лошадей состояло въ московскомъ уѣздѣ на 100 жителей въ 1869 году 16,91, а въ 1876 году—16,81, рогатаго скота 13,44 и 15,36, а мелкаго скота 12,75 и 12,12. Въ сравненіи съ приводимыми въ сборникѣ г. де-Ливрона соответственными средними цифрами для всей европейской Россіи, за 1871 годъ, а именно лошадей 24,4, рогатаго скота 33,3, и мелкаго—85, — цифры, относящіяся къ московскому уѣзду, конечно, малы, что зависитъ именно отъ малоземельности. На одинъ дворъ здѣсь приходится одна лошадь и менѣе,

тѣмъ одна корова. Но замѣчательно, что по сравненію годовъ 1869 и 1876 проценты лошадей и мелкаго скота въ московскомъ уѣздѣ уменьшились только въ дробяхъ, а процентъ рогатаго скота даже увеличился на 2. Эти цифры свидѣлствуютъ, что признанный упадокъ крестьянскаго хозяйства произошелъ главнымъ образомъ до 1869 года. По даннымъ того же оборотника, и въ самомъ московскомъ уѣздѣ, одною изъ самыхъ малоземельныхъ, лошадей сравнительно вдвое болѣе, чѣмъ въ странахъ западной Европы, а рогатаго скота слишкомъ въ два раза менѣе.

Переходя отъ дѣла земскаго въ одной чертѣ, касающейся судоустройства, мы должны замѣтить, что исключительныя временныя мѣры нынѣшняго года коснулись земства гораздо болѣе существенно, чѣмъ тѣхъ представителей судебной власти, которыхъ оно же избирать. Въ силу извѣстнаго закона 19 августа 1879 года, начальникамъ губерній предоставлено извѣщать несогласіе на назначеніе и во всякое время требовать смѣны лицъ земскаго управленія, которыхъ они почему-либо признаютъ неблагонадежными. Новымъ закономъ отъ 26 сентября, который былъ опубликованъ въ концѣ октября, дѣйствіе закона 19 августа распространено, также въ видѣ временной мѣры, и на замѣщеніе всѣхъ вообще должностей по мировымъ судебнымъ установленіямъ, но за исключеніемъ именно самихъ представителей власти судебной, т.-е. мировыхъ судей.

Относительно же мировыхъ судей, новое постановленіе, хотя и обязываетъ земскія и городскія учрежденія, одновременно съ представленіемъ списковъ избранныхъ мировыхъ судей сенату, посылать такіе списки и губернатору, но, во-первыхъ, предоставляетъ рѣшеніе вопроса объ утвержденіи или неутвержденіи избранныхъ—сенату; во-вторыхъ же, не предоставляетъ начальникамъ губерній право требовать смѣны мировыхъ судей, однажды назначенныхъ. Дѣйствительно, такъ какъ мировыхъ судей утверждаетъ сенатъ, то не могло и быть иначе: каковы бы ни были аттестаціи нравственныхъ качествъ и благонадежности избранныхъ лицъ, представленныя губернаторами сенату, все-таки нельзя было не предоставить сенату принять или не принять во вниманіе такого-то отзыва губернатора о данномъ лицѣ. Что касается требованія второстепенными административными лицами смѣны судей, утверждаемыхъ сенатомъ, то это не могло быть допущено уже и по іерархическимъ отношеніямъ, независимо отъ внесеннаго въ наши судебныя уставы принципа несмѣняемости судей.

Между тѣмъ, изъ сопоставленія двухъ названныхъ законовъ выходитъ, что губернская администрація можетъ требовать смѣны лицъ, избравшихъ мирового судью, но не можетъ даже и представлять о

судьи мирового судьи, между тѣмъ какъ нѣтъ никакого основанія для увѣренности, что качества избраннаго будутъ лучше качествъ лицъ, его избравшихъ. Дѣлаемъ это замѣчаніе только съ цѣлью показать, что и самый законъ 19 августа, въ его примѣненіи къ земству, дѣйствительно, можетъ быть только временнымъ. Но во всякомъ случаѣ утѣнительно, что новый законъ создастъ для судебныхъ органовъ земства положеніе гораздо болѣе независимое, чѣмъ для остальныхъ органовъ того же земства.

По буквѣ новаго закона, „сенатъ при разсмотрѣніи представленій объ утвержденіи въ довѣренности мировыхъ судей, входитъ въ ближайшую оцѣнку и повѣрку представленныхъ ему мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ отзывовъ въ связи съ заключеніями по сему предмету министерства юстиціи“. Министерство юстиціи, вѣроятно, будетъ требовать съ этой цѣлью отзывовъ отъ своихъ мѣстныхъ чиновниковъ, то-есть, отъ прокуроровъ. Это, конечно, представляетъ все-таки справку, могущую служить для провѣрки, хотя представляется и неудобство, такъ какъ прокуроры находятся въ судебныхъ отношеніяхъ съ мировыми судьями, которые имъ не подчинены. Но и доселѣ, министерство юстиціи требовало отъ прокуроровъ свѣдѣній о личности мировыхъ судей.

Главное же и весьма существенное различіе между выборами въ мировые судьи и въ прочія земскія должности будетъ заключаться въ томъ, что самые поводы, которые могутъ быть признаны достаточными для неутвержденія избираемыхъ земствомъ кандидатовъ для остальныхъ земскихъ должностей, могутъ быть весьма эластичны, а для мировыхъ судей должны быть опредѣляемы съ точностью. Известно, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ, самыхъ большихъ городовъ, во всѣхъ мѣстностяхъ страны, отношенія между лицами, состоящими въ должностяхъ или ищущими должностей, зависятъ въ весьма сильной степени отъ разныхъ обстоятельствъ жизни семейной и общественной, переносимыхъ той наемлемой никакому ограниченію гласности, которая называется сплетней. Эти условія до такой степени опутываютъ всѣхъ безъ исключенія административныхъ лицъ въ провинціи, что ни прокуроры, ни сами начальники губерній, черезъ мѣсяцъ послѣ своего прибытія на мѣсто, не могутъ не имѣть опредѣленныхъ личныхъ отношеній ко всѣмъ членамъ губернской администраціи, а черезъ годъ—и ко всѣмъ людямъ сколько-нибудь выдающимся и въ земствѣ. И вотъ эта-то личная точка зрѣнія по необходимости имѣетъ значеніе въ ихъ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ и благонадежности такихъ-то дѣятелей или кандидатовъ на новую дѣятельность.

Мы не приписываемъ идеальнаго совершенства никакой формѣ

назначенія должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и формъ выборной. Хорошо извѣстно, что при выборахъ играетъ роль кумовство, и что наше общество недостаточно строго относится къ нѣкоторымъ нравственнымъ фахъ раз своихъ сочленовъ, что оно иногда слишкомъ склонно махнуть рукой на неприглядное прошлое кандидата, въ силу пословицы—„кто Богу не грѣшенъ“. Поэтому мы никакъ не отрицаемъ, что въ число избираемыхъ земствомъ председателей, членовъ, гласныхъ и мировыхъ судей могутъ иногда попадать люди, которыхъ появленіе въ общественныхъ должностяхъ съ нравственной точки зрѣнія нежелательно. Но вѣдь столь же мало можно поручиться и за то, что мѣстныя лица, контролирующія выборы, будутъ всегда свободны отъ вліянія личныхъ отношеній къ кандидатамъ или покровителямъ тѣхъ кандидатовъ. Вѣдь со времени разрѣшенія къ представленію на сценѣ гоголевскаго „Ревизора“, кажется, уже стало позволительно утверждать, что и на коронной административной службѣ не всѣ бываютъ безупречны, и что иногда попадаютъ даже на видныхъ мѣстахъ люди, которыхъ пребыванію въ этихъ должностяхъ можно только удивляться. Рѣшится ли кто-нибудь признать, въ видѣ общаго положенія, что въ личномъ составѣ земскихъ властей и мировыхъ судей такихъ людей больше, чѣмъ въ составѣ должностныхъ лицъ, опредѣляемыхъ по назначенію?

Едва-ли. Но въ такомъ случаѣ, и новая гарантія, стало быть, недостаточна для устраненія людей не вполне достойныхъ. Правда, могутъ сказать, что все-таки полезно имѣть о кандидатахъ еще лишній отзывъ, въ видѣ проверки, сверхъ того удостовѣренія, какое должно представлять самое избраніе обществомъ. Но такъ какъ каждое средство имѣетъ сверхъ хорошей и дурную сторону, то надо имѣть въ виду и то, что на такіе единичные отзывы, во-первыхъ, не могутъ не имѣть вліянія личные отношенія, а во-вторыхъ, что эти единичные отзывы могутъ представлять обвиненія слишкомъ неопредѣленнаго свойства, и притомъ обвиненія, которыхъ лица обвиняемыя опровергать не могутъ, какъ бы ни были ошибочны свѣдѣнія, на которыхъ отзывы основаны, не могутъ—потому, что подобные отзывы дѣлаются не гласно.

Допустимъ, въ видѣ примѣра, что, напр., хотъ прокуроръ, мѣстными обстоятельствами, не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу судебному, но всемогущими въ провинціи, лично не расположенъ къ такому-то кандидату, избранному на должность мирового судьи. Допустимъ еще, что кандидатъ этотъ ничего безчестнаго никогда не совершалъ и даже въ политическомъ отношеніи никогда занозозриваемъ не былъ. Но при неопредѣленности тѣхъ мотивовъ, которые

должны служить основами для оцѣнки нравственнаго характера и благонадежности, лицо, составляющее официальный, негласный отзывъ, можетъ найти всегда, въ примѣненіи къ каждому безъ исключенія человѣку, такіе поведенія, на которыхъ оно можетъ основать отзывъ неблагопріятный. Кандидатъ — человѣкъ способный, незапятнанный, трудолюбивый. Но онъ, быть можетъ, иногда носитъ высокіе сапоги, играетъ въ карты, женатъ на полкѣ, выискиваетъ либеральный журналъ, имѣетъ троюроднаго брата, высланнаго изъ той мѣстности, самъ когда-нибудь рѣзко отозвался объ отставномъ генералѣ, былъ случайнымъ участникомъ въ какой-нибудь уличной исторіи съ пьяными; быть можетъ, дочь его уѣхала на медицинскіе курсы или что-нибудь подобное. Все это такіа „винны“, за которыя самъ кандидатъ не можетъ подлежать ни суду, ни устраненію обществомъ отъ выборовъ. Но всякъ, знающій жизнь, какъ она есть дѣйствительно, согласится съ нами, что при личномъ нерасположеніи къ человѣку, любой изъ приведенныхъ мотивовъ можетъ послужить основаніемъ къ мнѣнію неблагопріятному о его нравственныхъ качествахъ или благонадежности. А есть ли такой человѣкъ, за которымъ не стояло бы хоть одной подобной безвинной „винны“?

И вотъ, въ этомъ-то смыслѣ и представляется особенно важнымъ разсмотрѣніе единичныхъ отзывовъ о лицахъ избранныхъ въ мировые суды — сенатомъ. Здѣсь важно не только то, что рѣшается вопросъ сенатомъ, а не губернаторомъ, но то, что такіе мотивы, которые при разсмотрѣніи однимъ лицомъ, въ кабинетѣ, могутъ показаться достаточными, при сужденіи въ присутствіи сената могутъ оказаться недостаточными вслѣдствіе своей неопредѣленности. Для того, чтобы сенатъ призналъ безнравственность или неблагонадежность кандидата, необходимы точныя свѣдѣнія о собственныхъ дѣяніяхъ кандидата, могущихъ, дѣйствительно, опорочить его или удостовѣрить его опасность въ политическомъ смыслѣ. А для того, чтобы указать на дѣянія самого человѣка, очевидно недостаточно слуховъ или провинціальныя пересудовъ. На этомъ основаніи, мы и должны признать, что сущность новаго закона вѣрно опредѣлена въ самомъ заголовкѣ его, гдѣ сказано, что имъ распространяется дѣйствіе положенія комитета министровъ, утвержденнаго 19 августа — на замѣщеніе всѣхъ вообще должностей по мировымъ судебнымъ установленіямъ, *исключая* лишь самихъ мировыхъ судей. Хотя затѣмъ во второмъ пунктѣ закона и устанавливается доставленіе губернаторами отзывовъ объ избранныхъ не только земскимъ собраніямъ, какъ было и доселѣ, но еще сенату, однако разсмотрѣніе и рѣшеніе вопроса специально о мировыхъ судьяхъ всецѣло предоставлено

сенату, что и приводитъ къ заключенію, что избраніе мировыхъ судей даже и временно подверглось ограниченію не существенному.

Эластичность и неопредѣленность условій нравственнаго надзора со стороны административныхъ лицъ вообще мы можемъ подтвердить свидѣтельствомъ изъ совершенно иной сферы дѣятельности. Въ одной газетѣ помѣщена недавно г. Колупановымъ статья, въ которой доказывается, что преувеличеніе нравственнаго надзора надъ сельскими учителями, которыхъ допущеніе къ должности и увольненіе совершенно зависятъ отъ губернскихъ директоровъ училищъ, сдѣлало почти-номинальнымъ избраніе этихъ учителей самимъ земствомъ; преувеличеніе надзора поставило самихъ учителей въ положеніе неопредѣленное, результатомъ чего должно явиться ухудшеніе личнаго состава учительскаго сословія, вмѣсто улучшенія, которое, конечно, было поставлено цѣлю надзора. „Повѣрить-ли читатель“, говоритъ г. Колупановъ, „что учитель или учительница могутъ потерять мѣсто за то, что они не постыятся въ среду и пятницу?“ „Если возможны подобныя факты“, говорится далѣе, „то что же еще можно прибавить, чтобы настоящими красками обрисовать всю безысходность современной легальной обстановки сельскаго учителя? Пока онъ принижался земствомъ и въ немъ видѣлъ себѣ кое-какую защиту, въ среднемъ уровнѣ сельскій учитель повышался, и дѣло народнаго образованія, попавши въ руки хорошо подготовленной женщины, обѣщало хорошіе плоды. Но вотъ его взяли изъ рукъ земства, окруживъ всеобщимъ надзоромъ. Близко время, когда школу, за неимѣніемъ другого контингента, заполонятъ отставные фельдфебели и недоучившіеся семинаристы“.

Должно, конечно, замѣтить, что не все увидать въ этомъ послѣднемъ явленіи нѣчто-прискорбное; напротивъ, инымъ оно можетъ казаться желательнымъ; и тѣхъ подобной перспективой не убѣдишь ни въ чемъ. Но большинство читателей едва-ли не усмотрѣло бы въ ея близости доказательства, что и въ нравственномъ надзорѣ, въ сферѣ какъ народныхъ учителей, такъ и другихъ общественныхъ дѣятелей, не слѣдуетъ доходить до преувеличенія, которое можетъ повести къ ухудшенію, а не къ улучшенію личнаго состава, а стало быть, казалось бы,—будетъ противорѣчить выраженной цѣли.

Во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ мы упомянули выше и привѣсѣхъ сужденійхъ нашихъ по поводу ихъ, мы готовы были признать впереди, что всѣ начальствующія лица, какъ-то: губернаторы, и прокуроры, и директоры училищъ — стремятся, по мѣрѣ силъ человѣче-

скихъ, въ соблюденіи справедливости въ отношеніи тѣхъ людей, которымъ они призваны нравственно оцѣнять и интересовъ той мѣстности, гдѣ происходитъ дѣятельность этихъ людей. Но вѣдь мы разсуждаемъ не въ примѣненіи къ какому-либо частному случаю, а въ виду внесенныхъ и въ русское законодательство общихъ началъ, которыя для гарантіи добраго имени и даже для обезпеченія нѣкоторыхъ мѣстныхъ интересовъ признаютъ недостаточнымъ одно стремленіе начальниковъ къ справедливости. Законодательство, конечно, не можетъ не предполагать такого свойства у начальниковъ, но тѣмъ не менѣе, устанавливаетъ для обезпеченія добраго имени отдѣльныхъ лицъ гарантію независимаго и всесторонняго разсмотрѣнія путемъ суда, а для удовлетворенія нѣкоторыхъ интересовъ—выборныя общественныя учрежденія.

Наставать на томъ, что преувеличеніе круга вѣдѣнія самаго лучшаго начальника можетъ все-таки представлять нѣкоторыя неудобства и никогда не замѣнитъ важной гарантіи правильнаго суда, рѣшающаго дѣло не доказанными фактами, а не по личному усмотрѣнію, все еще необходимо, такъ какъ различіе это, повидимому, еще не вполне бываетъ ясно даже для нѣкоторыхъ органовъ печати. Такъ, газета „Голосъ“—надо отдать ей справедливость—всегда защищала общіе принципы нашихъ судебныхъ установъ, направленные къ обезпеченію личности, независимо отъ похвальныхъ стремленій того или другого второстепеннаго администратора къ оказанію обывателямъ справедливости. И однако, та же газета „Голосъ“ въ прошломъ мѣсяцѣ (№ 804) явилась противъ насъ защитницею личнаго усмотрѣнія военныхъ начальниковъ въ рѣшеніи дѣлъ по жалобамъ частныхъ лицъ на обиды или оскорбленія со стороны военно-служащихъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ. „Голосъ“ утверждаетъ, что въ такихъ дѣлахъ „ответственность военно-служащихъ темалѣ, чѣмъ ответственность частныхъ лицъ“. Стало быть, если военный начальникъ, на основаніи предоставленной ему сводомъ военныхъ постановленій власти, за обиду частнаго лица дѣйствуетъ со стороны военно-служащаго, призналъ достаточнымъ ограничиться выговоромъ, то это послужитъ совершенно достаточнымъ вознагражденіемъ для потерпѣвшаго? Правда, газета не дѣлаетъ сама этого вывода; она ограничивается тѣмъ отзывомъ, который мы привели буквально. Но такой выводъ необходимо истекаетъ изъ ея словъ.

Возраженіе со стороны „Голоса“ начинается слѣдующими словами: „недавно въ печати было высказано мнѣніе, что принадлежность лица къ обществу офицеровъ и вообще къ военному сословію

избавляетъ его до извѣстной степени отъ законной отвѣтственности(?) за обиды и оскорбленія гражданскихъ лицъ, особенно же (?) не-служащихъ". Такъ какъ вопросъ объ отношеніяхъ военнаго судопроизводства къ гражданскому разсматривался нами во „Внутреннемъ Обзрѣніи“ за октябрь, и такъ какъ намъ не случилось встрѣчать обсужденія его гдѣ-либо въ печати съ тѣхъ поръ, то возвращеніе „Голоса“ мы должны отнести къ своимъ словамъ. Но прежде всего замѣтимъ, что у насъ вопросъ былъ поставленъ вовсе не такъ узко, какъ его ставитъ теперь названная газета. Основная мысль нашего разсужденія была та, что въ мирное время нѣтъ достаточныхъ ни теоретическихъ, ни практическихъ основаній для изъятія военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, отъ подсудности общимъ судамъ (включая и мировой судъ) за правонарушенія характера не спеціально-военнаго, а общаго, каковая подсудность существуетъ, напр., для военныхъ, состоящихъ въ запасѣ или въ отпуску. Съ этой цѣлью мы объясняли, что военно-судебные уставы оставляютъ лишь слѣлокъ съ общихъ судебныхъ уставовъ, наполнены осмыслими на эти уставы, и что тѣ отступленія отъ общаго порядка, какіе въ военно-судебныхъ уставахъ дѣйствительно имѣются, представляютъ менѣе гарантій для обвиняемыхъ въ общихъ преступленіяхъ и проступкахъ. Мы прибавляли еще, что обременительная для казны необходимость содержать нѣсколько многочисленныхъ судебныхъ персоналовъ, параллельно существующихъ, главнымъ образомъ зависитъ именно отъ присвоенія судамъ военныхъ разбора всѣхъ преступленій и проступковъ, совершаемыхъ лицами, состоящими на дѣйствительной, сухопутной или морской, военной службѣ. Этой общей стороны вопроса, разсмотрѣннаго нами, „Голосъ“ вовсе не коснулся и даже не упомянулъ о ней. Вниманіе его, да и большинства нашихъ газетъ, до такой степени поглощено дѣлами афганистанскими и боснійскими, статьями съ лордомъ Виконсфилдомъ и виллемъ Висмаркомъ, что такой суровый внутренний вопросъ отъ вниманія ихъ ускользнулъ.

Но въ частности, мы разбирали, дѣйствительно, и вопросъ о порядкѣ отвѣтственности военныхъ людей за обиды и оскорбленія, наносимыя лицамъ гражданскимъ. Только при этомъ мы не говорили, что „принадлежность лица къ обществу офицеровъ избавляетъ до извѣстной степени отъ законной отвѣтственности за обиды и оскорбленія гражданскихъ лицъ, особенно не-служащихъ". Во-первыхъ, никакой разницы между служащими и неслужащими мы не проводили. Во-вторыхъ, мы говорили не объ избавленіи отъ законной отвѣтственности, но, наоборотъ, о томъ, что сдѣланный законъ—сводъ военныхъ постановленій—предоставляя начальнику обвиняемаго рѣшеніе отно-

сительно способа разсмотрѣнія жалобы потерпѣвшаго — допускаетъ возможность, что за оскорбленіе, которое по уставу наказаній, налагаемыхъ мировыми судьями, влечетъ за собой тюремное заключеніе не выше двухъ мѣсяцевъ, военно-служащій будетъ подвергнутъ взысканію дисциплинарному. А дисциплинарное взысканіе, по опредѣленію военного закона, „есть наказаніе, налагаемое безъ суда, властью начальства“. И на основаніи дисциплинарнаго устава, говорили мы, начальникъ *можетъ* наказать виновнаго не легче, чѣмъ бы его наказать мировой судья; но отъ начальства совершенно зависитъ удовольствоваться замѣчаніемъ или словеснымъ выговоромъ, тутъ-то — „замѣтали мы — и проявляется огромная разниа между *судомъ* и дисциплинарной властью начальника“.

Все это совершенно ясно и вовсе не могло подать поводъ къ недоразумѣнію, будто мы отрицаемъ существованіе законной отвѣтственности для военно-служащихъ въ извѣстной степени. Вѣдь когда законъ указываетъ взысканіе въ дисциплинарномъ порядкѣ, предоставляя начальнику общаго выбрать любой изъ его видовъ, то это во всякомъ случаѣ есть законная отвѣтственность.

„Голосъ“ какъ будто не можетъ понять огромной разницы между судомъ и дисциплинарной властью начальника, — а именно къ ней относилась вся сущность нашего замѣчанія. Въ противномъ же случаѣ, названная газета, вполне сознательно, считаетъ личную справедливость начальниковъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда частное лицо жалуется на нихъ подчиненныхъ, совершенно равнымъ обезпеченіемъ для частныхъ лицъ, какъ и судебное разбирательство въ камерѣ мирового судьи. Авторъ статьи „Голоса“ прибавляетъ, что „отвѣтственность военно-служащихъ за обиды частнымъ лицамъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ отвѣтственность гражданскихъ лицъ въ такихъ же случаяхъ, равно какъ и въ случаѣ обиды и оскорбленія военно-служащаго“. Это послѣднее замѣчаніе авторъ специально мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что каждая „бытность подъ судомъ“ вносится въ послужной списокъ военно-служащаго, тогда какъ наказаніе по приговору мирового судьи, послѣ исполненія его, „не влечетъ за собою никакихъ неудобствъ для гражданскихъ лицъ“. Но вѣдь на сходномъ основаніи можно бы утверждать, что хотя частныя лица не могутъ преслѣдовать вообще должностныхъ лицъ за дѣйствія, совершенныя ими по службѣ, если на то нѣтъ согласія начальства тѣхъ лицъ, но тѣмъ не менѣе отвѣтственность должностныхъ лицъ вообще передъ частными серьезнѣе, чѣмъ послѣднихъ передъ первыми. Въ самомъ дѣлѣ, частное лицо, послѣ исполненія надъ нимъ приговора мирового судьи, не терпитъ дальнѣйшихъ (!) неудобствъ,

а должностное лицо, хотя и не подвергнется наказанію по суду, въ случаѣ несогласія его начальства на преслѣдованіе, но можетъ подвергнуться неудовольствію начальства, быть взято имъ на замѣчаніе и даже лишиться мѣста.

Послѣ того, что сказано „Голосомъ“ въ упомянутой статьѣ, насъ нисколько не удивило бы выраженіе въ его столбцахъ и такого мнѣнія.

Выписывая тѣ статьи свода военныхъ постановленій, которыя указаны и нами, авторъ статьи „Голоса“ напоминаетъ, что обидѣ дѣйствіемъ въ публичномъ мѣстѣ подлежитъ по мировому уставу наказанію арестомъ до трехъ мѣсяцевъ, а по таблицѣ соответствующихъ взысканій для военно-служащихъ—это наказаніе замѣняется для офицеровъ или дисциплинарнымъ наказаніемъ, или содержаніемъ на гауптвахтѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ по приговору военно-окружнаго суда. Все это было сказано и нами, но изъ этого невозможно вывести заключенія, будто отвѣтственность для военныхъ является тяжелѣе, чѣмъ для частныхъ лицъ. Весь вопросъ, о которомъ мы говорили, въ томъ именно и заключается, что ближайшій начальникъ обидчика можетъ, по своему усмотрѣнію, подвергнуть его взысканію дисциплинарному, а такое наказаніе для штабъ-офицера, по опредѣленію полкового командира, не можетъ превышать трехдневнаго ареста. Правда, начальникъ можетъ опредѣлить въ дисциплинарномъ же порядкѣ взысканіе болѣе строгое, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ представлять его на утвержденіе высшаго начальства. А такъ какъ сдѣлать то или другое, по закону, совершенно зависитъ отъ ближайшаго начальника, то онъ, понятно, въ большинствѣ случаевъ предпочтетъ ограничиться взысканіемъ собственной властью. Вотъ все, что мы говорили о болѣе тѣсномъ вопросѣ, исключительно привлечемъ вниманіе „Голоса“. Самому же ближайшему начальству предоставляется подвергнуть ли обвиняемаго слѣдствію или взыскать съ него въ дисциплинарномъ порядкѣ, или же принять жалобу оскорбленнаго вовсе неосновательною.

„Голосъ“ объясняетъ еще, что обиженный вынуждается для мирового разбирательства къ начальнику обидчика, что начальникъ во всякомъ случаѣ е послѣднемъ своимъ рѣшеніемъ обязанъ уведомить подавшаго жалобу, и что обиженному предоставляется жаловаться на это рѣшеніе высшимъ начальникамъ, въ порядкѣ ихъ взаимной подчиненности. И все-таки это не представляетъ для обиженнаго тѣхъ гарантій, какими онъ пользовался бы при разбирательствѣ дѣла у мирового судьи. Начать съ того, что мировой судья находится близко, а начальникъ обидчика можетъ находиться въ Сибирѣ или

на Кавказѣ, что въ томъ случаѣ, если обидѣ совершенна, напр., въ Новгородѣ, дѣлаетъ въ большинствѣ случаевъ невозможнымъ разборъ дѣла въ присутствіи потерпѣвшаго, а заставляетъ рѣшать дѣло на основаніи объясненій одного обидчика. Далѣе, законъ обязываетъ начальника предварительно производить „мировое“ разбирательство, но собственно только съ цѣлью склонить стороны къ примиренію. Но затѣмъ, если примиреніе не состоится и если начальникъ направитъ далѣе дѣло въ порядкѣ дисциплинарномъ, то оно окончательно рѣшится не въ гласномъ засѣданіи и не въ присутствіи потерпѣвшаго, а простымъ распоряженіемъ начальника. Спрашиваемъ автора статьи въ „Голосѣ“—представляетъ ли это равныя гарантіи и равное удовлетвореніе для обиженнаго, какъ разборъ дѣла въ камерѣ мирового судьи, съ участіемъ съ обѣихъ сторонъ свидѣтелей, и съ объявленіемъ приговора въ присутствіи какъ потерпѣвшаго, такъ и публики? Да и рѣшится ли авторъ утверждать, что ближайшій начальникъ обидчика, заинтересованный въ дѣлѣ и личнымъ знакомствомъ съ послѣднимъ, и заботой о томъ, чтобы „оградить мундиръ“, и естественнымъ желаніемъ не утруждать свое высшее начальство представленіями, невыгодно аттестующими офицеровъ той части, которою тотъ начальникъ командуетъ, представляетъ для разбора жалобъ обиженнаго гарантіи равныя, какъ мировой судья, совершенно свободный отъ всѣхъ подобныхъ соображеній? Правда, обиженный, какъ замѣчаетъ авторъ, всегда можетъ на рѣшеніе ближайшаго начальника жаловаться вышнимъ начальникамъ, въ порядкѣ ихъ взаимной подчиненности. Но въ этомъ мы никогда не сомнѣвались. Однако тутъ вопросъ уже сводится на то, можетъ ли личная склонность администраторовъ къ справедливости замѣнить тѣ гарантіи равнаго для обѣихъ сторонъ суда, какія установлены общими судебными уставами. „Голосъ“, повидимому, рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно.

Впрочемъ, мы не хотимъ безусловно приписывать такой странный взглядъ самой редакціи „Голоса“, хотя онъ и выраженъ въ передовой статьѣ газеты. Бить можетъ, въкоторыя противорѣчія, замѣчаемыя въ частностяхъ между передовыми статьями „Голоса“, могутъ быть объяснены тѣмъ, что редакція этой газеты увлекается иногда желаніемъ придать ей интересъ напечатаніемъ произведеній или сообщеній спеціалиста по какому-нибудь дѣлу, причемъ уже синхронически смотритъ на спеціальную кѣлу такого спеціалиста. По крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, мы сомнѣваемся, чтобы редакція „Голоса“ рѣшилась отъ себя прямо объявить, что подчиненіе военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, общимъ и миро-

вымъ судебнымъ установленіямъ за всѣ не-служебныя преступленія и проступки, совершенныя въ мирное время, она считаетъ безопаснымъ или вреднымъ. Если же она этого не сдѣлаетъ, то тѣмъ самымъ выразить свое согласіе съ основной мыслью и общей цѣлю той нашей статьи, противъ которой оиолчился авторъ одной изъ ея специальныхъ статей.

Между прочимъ, мы указывали и на обременительность для казеннаго содержанія нѣсколькихъ параллельныхъ судебныхъ персоналовъ, обусловленнаго излишнимъ расширеніемъ компетентности военныхъ судовъ въ примѣненіи ко всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ военными въ бытность на дѣйствительной службѣ. Въ такомъ, допущенномъ у насъ расширеніи проявляется еще остатокъ прежней наклонности разныхъ вѣдомствъ заводить въ себѣ самыя органы для самостоятельнаго удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей. Сложность и высота бюджетовъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ у насъ отчасти могутъ быть объяснены именно остаткомъ такой наклонности. Такъ, военное министерство, котораго естественный кругъ вѣдѣнія, по снабженію арміи и выработкѣ военныхъ регламентовъ, уже такъ великъ, имѣетъ еще въ своей подчиненности особыхъ гимназическихъ мѣстныхъ военачальниковъ, подобныхъ губернаторамъ (какъ министерство внутреннихъ дѣлъ); это — начальники военныхъ округовъ; своихъ особенныхъ дипломатовъ (какъ министерство иностранныхъ дѣлъ): это — военные агенты и лица, состоящіе спеціально при особахъ иностранныхъ государей; свои гимназии (какъ министерство народнаго просвѣщенія). Не говоримъ уже о военныхъ академіяхъ, существующихъ въ то время, какъ министерство просвѣщенія имѣетъ только одну, и о массѣ преподавателей въ 4-хъ изъ этихъ академій, получающихъ титулъ профессоровъ упрощеннымъ способомъ и, конечно, безъ ученой степени. Оно имѣетъ и свой полный сводъ законовъ, состоящій въ значительной степени изъ повтореній общаго законодательства, съ измѣненіемъ номенклатуры.

Такъ, и военно-судебнымъ уставамъ, и военно-судебнымъ учрежденіямъ придана сложность и всеобъемлемость, безъ которыхъ, со временемъ, вѣроятно, будетъ признано возможнымъ обойтись. Въ всѣхъ вѣдомствахъ служатъ одной и той же странѣ, и при организационныхъ ея интересахъ должны идти впередъ естественнаго стремленія отдѣльныхъ вѣдомствъ къ саморасширенію. Дружное дѣйствіе ихъ направляется къ взаимной помощи, съ наименьшимъ обремененіемъ и наибольшей для страны выгодой.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы получили письмо отъ г. В. Визера изъ г. Нальчика, на Кавказѣ; авторъ письма проситъ насъ сдѣлать поправку къ одной изъ прежде помѣщенныхъ статей въ журналѣ, а именно:

„М. Г. Въ статьѣ, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы“ за августъ мѣсяцъ этого года: „Народная литература кабардинцевъ и ея образцы“, авторъ, желая дать читателямъ нѣсколько образцовъ народной поэзіи кабардинцевъ въ переводѣ на русскій языкъ, предпосылаетъ этимъ образцамъ предисловіе туриста. Вотъ въ это-то предисловіе и вкралась ошибка, невыгодная для репутаціи педагогическаго совѣта нальчикской школы. Обвиняя его въ нежеланіи представить новыя программы и въ нежеланіи согласиться на преобразование школы въ прогимназію изъ-за личнаго расчета, изъ-за опасенія потерять „насиженные мѣстечки“, авторъ обвиняетъ совѣтъ въ желаніи, какъ-бы задержать ходъ образованія подрастающаго кабардинскаго поколѣнія.

„Ни народомъ кабардинскимъ, ни начальникомъ округа не было предлагаемо педагогическому совѣту составить какія-либо программы къ открытію прогимназіи. Было, правда, предложено составить программы о веденіи учебнаго дѣла и о распредѣленіи учебнаго матеріала отъ дирекціи терской области; и программы эти были выполнены учителями и отправлены къ назначенному сроку. Затѣмъ, пять, шесть представителей Кабарды изъявили желаніе присутствовать на педагогическомъ совѣтѣ и потолковать о преобразованіяхъ школы. На этомъ совмѣстномъ совѣтѣ пришли къ тому заключенію, что надо дать школѣ характеръ сельско-технической съ тѣмъ, чтобы спеціальныя занятія не мѣшали желающимъ поступать въ соотвѣтствующіе классы реальнаго училища, ассигновавъ на эти преобразования почти двѣ съ половиною тысячи. Когда же эти немногіе представители узнали, что на открытіе прогимназіи потребно не менѣе 14—15 тысячъ, то вопросъ объ этомъ отложили въ особый ящикъ. Составленъ былъ протоколъ о введеніи такого рода преобразованій, подъ которымъ приложили свои руки и представители и отослали его по назначенію. Теперь, т.-е. въ октябрѣ мѣсяцѣ, этотъ протоколъ полученъ обратно съ нѣкоторыми измѣненіями и входитъ уже въ силу. Всѣ почти преподаватели, засѣдавшіе въ совѣтѣ, были люди молодые, пробывшіе въ этой школѣ не болѣе одного, двухъ лѣтъ, а слѣдовательно, не успѣвшіе *насидѣть себѣ мѣстечки*, любившіе школу и школьное дѣло (о чемъ свидѣтельствуетъ авторъ), а потому не могли такъ узко отнестись къ преобразованіямъ школы. На совѣтѣ же они высказывали свои убѣжденія о приданіи школѣ характера сельско-техническаго заведенія, какъ болѣе подходящаго къ нуждамъ окружающаго населенія. Вопросъ же о представленіи какихъ-то программъ для открытія прогимназіи совершенно не относится къ мѣстному учебному персоналу: программы давно выработаны министерствомъ; ближе всего вопросъ этотъ подлежить вѣдѣнію дирекціи. Стоять только дѣйствительно прийти къ убѣжденію о необходимости прогимназіи, а не сельско-хозяйственнаго заведенія, и дѣйствительно изыскать требуемую сумму—и тогда, надо полагать, никакіе школьные

персоналы, съ своими корыстными вожделѣніями, не помѣшаютъ осуществиться задуманному и рѣшенному.

„Конечно, автору названной статьи такого рода обстоятельства могли быть и неизвѣстны, такъ какъ авторъ довѣрчиво относился къ доставляемымъ свѣдѣніямъ, не всегда имѣя возможность проверить ихъ лично: цѣнность барана, напр., авторъ опредѣляетъ въ шестьдесятъ коп., между тѣмъ какъ дѣйствительная стоимость барана здѣсь колеблется между тремя и шестью рублями. Сальныя свѣчи не такъ высоки въ цѣнѣ, какъ показано у автора, — пара сальныхъ свѣчей мѣстнаго приготовленія стоятъ три, пять копѣекъ; наконецъ, онъ не былъ лично знакомъ ни со школьными порядками, ни съ протоколами засѣданій, составлялъ же свое вступленіе со словъ, вѣроятно, какого-нибудь велерѣчиваго и падежаго на эффекты мѣстнаго мецената. Повторяю, что помннутый школьный персоналъ, въ продолженіи своего существованія (2 года), никогда не становился поперекъ дороги въ улучшеніяхъ школы“.

Помѣщая весьма охотно настоящее фактическое разъясненіе г-ни Визера, мы не можемъ не выразить ему удовольствія за нѣкоторые сообщенія имъ подробности относительно кабардинскихъ нравовъ, которымъ можно позавидовать. Оказывается, что „представители Кабарды“, мѣстные жители, изъявили желаніе присутствовать въ педагогическомъ совѣтѣ, были къ тому допущены, и приняли дѣятельное участіе въ обсужденіи вопросовъ о преобразованіи школы. Это даетъ намъ совершенно другое понятіе о кабардинцахъ — и весьма симпатичное.

ОБЪЯСНЕНИЕ РЕДАКЦИИ

по поводу „Разъясненія“, напечатаннаго въ ноябрьской книгѣ журнала, вслѣдствіе требованія министерства народнаго просвѣщенія.

14-го октября текущаго года, мы прочли въ рукописи, доставленное намъ въ тотъ день чрезъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, „Разъясненіе“ на одну изъ замѣтокъ нашего „Внутренняго Обозрѣнія“ въ сентябрьской книгѣ (стр. 885 — 398, всего 14 обыкновенныхъ страницъ); оно было доставлено намъ по требованію министерства народнаго просвѣщенія и своевременно напечатано нами въ ноябрьской книгѣ (341—354, всего 14 плотныхъ страницъ), какъ того требуетъ буква закона; но каковъ точный смыслъ закона и существующая практика? Постараемся объяснить себѣ этотъ вопросъ, на основаніи официальныхъ документовъ, а за тѣмъ обратимся и къ той сторонѣ „Разъясненія“, гдѣ авторы остаются болѣе въ области чисто-фактической, не сходя съ той высоты, которая для нихъ, въ силу той же высоты, столь же обязательна, сколь для насъ было обязательно напечатаніе доставленнаго намъ документа.

Буква закона такова: „Всякое повременное изданіе обязано помѣстить безотлагательно и безденежно, безъ всякихъ измѣненій и примѣчаній въ текстѣ и безъ всякихъ въ томъ же самомъ номерѣ возраженій, сообщенное ему отъ правительства *официальное опроверженіе* или *исправленіе* обнародованнаго тѣмъ изданіемъ извѣстія“ (Зак. о печ. 1865 г., апр. 6, отдѣл. II, статья 26).

Итакъ, для редакцій, въ силу этого закона, обязательно всякое *опроверженіе* или *исправленіе* извѣстія, и хотя въ законѣ сказано, что то и другое сообщается правительствомъ, но тѣмъ не менѣе присоединенъ эпитетъ: *официальное*. Дѣйствительно, съ этимъ послѣднимъ словомъ всѣ мы соединяемъ весьма определенное представленіе не объ одномъ источникѣ опроверженія, но и о его какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ качествахъ: оно всегда бываетъ строго-фактическое, а потому — краткое, безъ всякихъ полемическихъ приѣмовъ и выхонокъ, безъ оскорбительныхъ для чьей-нибудь чести выраженій, какія иногда, къ сожалѣнію, встрѣчаются въ объясненіяхъ частныхъ лицъ между собою; однимъ словомъ, самая *официальность* опроверженія дѣлаетъ для его составителей обязательнымъ держать его на высотѣ своего источника.

Что мы не ошибаемся въ такомъ взглядѣ на смыслъ упомянутаго закона, доказательствомъ тому служитъ циркуляръ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, 29-го февраля 1872 г., за № 868, обращенный въ начальникамъ отдѣльныхъ частей и разъясняющій имъ смыслъ той ст. 26-й, которая обязываетъ редакцію печатать правительственныя опроверженія и исправленія: „Согласно *точному* смыслу вышеуказанной 26-й ст. закона, посылаемыя въ редакцію

повременныхъ изданій опроверженія и поправки должны заключать въ себѣ *единственно фактическія содѣнія, безъ всякихъ отвлеченныхъ сужденій, и тѣмъ болѣе полемическихъ или укоризненныхъ выраженій*, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ редакціи имѣли бы поводъ уклоняться отъ напечатанія такихъ опроверженій и поправокъ.

Этотъ циркуляръ, правда, обращается только къ начальникамъ отдѣльныхъ частей, но, вѣроятно, потому, что при большомъ ихъ числѣ могутъ найтись между ними и такіе, которые, не уразумѣвъ духа закона, не ограничатся официальнымъ опроверженіемъ, и допустятъ „отвлеченныя сужденія“ о постороннихъ предметахъ, — напримѣръ, о чрезвычайной и безпримѣрной успѣшности своей собственной дѣятельности, или уронятъ официальность опроверженія „полемическими и укоризненными выраженіями“. Ничего подобнаго нельзя ожидать отъ центральныхъ вѣдомствъ, и потому тотъ циркуляръ отнесся къ однимъ начальникамъ отдѣльныхъ частей.

Дѣйствительно, существующая практика самаго компетентнаго въ дѣлахъ печати вѣдомства доказываетъ, что высшее правительство само не иначе понимаетъ 26-ю статью. Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году, мы читали нерѣдко опроверженія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, то по поводу ложнаго слуха въ газетахъ о появленіи въ какой-нибудь мѣстности заразной болѣзни, то о томъ, что выгорѣла половина города, между тѣмъ какъ на дѣлѣ тамъ не выкинуло даже и изъ трубы. Нѣсколько печатныхъ строкъ, восстанавливающихъ истину, — и это все: тамъ нельзя было встрѣтить ни разсказа какаго-нибудь анекдота, ни „отвлеченныхъ сужденій“ объ успѣхахъ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ, ни тѣни полемики съ газетой, а еще менѣе оскорбительныхъ для чьей-нибудь чести выраженій. Если министерство внутреннихъ дѣлъ желало выразить свой взглядъ на характеръ корреспондентовъ газеты или ея сотрудниковъ, — тогда оно уже не пользовалось 26-ю статьею, памятуя, конечно, что она допускаетъ одни строго-фактическія опроверженія, и печатало свои сообщенія въ собственномъ органѣ. Между тѣмъ, надобно согласиться, что, какъ бы ни былъ важенъ вопросъ о томъ или другомъ числѣ уроковъ латинскаго или греческаго языка, — вопросъ, напримѣръ, о томъ, сгорѣлъ ли такой-то городъ, или нѣтъ, свирѣпствуетъ ли гдѣ-нибудь эпидемія, или все это выдумка — не менѣе тревоженъ для общества, и однако министерство внутреннихъ дѣлъ никогда не выступало въ своихъ опроверженіяхъ за черту, предписываемую закономъ о печати, и строго держалось не только буквы, но и точнаго смысла духа закона, какъ онъ былъ разъясненъ упомянутымъ циркуляромъ Главнаго Управленія.

Полученный нами документъ, во-первыхъ, не носитъ официального заглавія и называется не „опроверженіемъ“ или „исправленіемъ“, а „разъясненіемъ“ — что собственно и справедливо по отношенію къ его содержанію. Начало его посвящено отвлеченному разсужденію вообще — о значеніи гимназическаго устава 1871 года, какъ акта, которымъ „правительство выразило твердое желаніе, чтобы Россія окончательно и навсегда осталась европейскимъ государствомъ“. Ни мы, въ статьѣ, вызвавшей „Разъясненіе“, ни кто другой, сколько намъ извѣстно, не высказывали ни малѣйшаго сомнѣнія относительно

общаго значенія устава, и потому тутъ нѣтъ никакого признака опроверженія или исправленія, тѣмъ болѣе, что авторы разъясненія, конечно, не ставятъ ниже этого устава другіе акты правительства, совершенные въ сферѣ другихъ министерствъ. На послѣдней же страницѣ „Разъясненія“ мы находимъ опять не опроверженіе или исправленіе, а анекдотъ: „Лѣтъ сто тому назадъ, въ провинціальной глуши случалось, что молодой человѣкъ, пріѣхавшій на вакаціи изъ столичнаго учебнаго заведенія, удивляетъ своихъ родственниковъ, малообразованныхъ, удивляемъ съ точностью опредѣлить, сколько разъ обернется шина колеса на пути изъ деревни въ Москву; такъ и въ настоящее время нинѣшнихъ, малосвѣдущихъ въ педагогикѣ, можетъ изумлять неожиданное зрѣлище (?) гимназиста VIII класса, читающаго Тита-Ливія à livre ouvert, или совершенное отсутствіе невыдерживающихъ экзамена въ нѣмъ учебномъ заведеніи или даже въ цѣломъ учебномъ округѣ. Лица, не получившія блестящаго образованія, конечно, могутъ завидовать современному поколѣнію, которымъ правительство даровало такіа обширныя средства для серьезнаго приготовленія себя къ высшему научному образованію“ и т. д., и т. д. Ни въ вышеприведенномъ анекдотѣ изъ русской старины, ни въ его примѣненіи къ современности опять нельзя найти признаковъ опроверженія или исправленія къ статьѣ en question нашего журнала, вызвавшей самое „Разъясненіе“. Вообще анекдотовъ очень много, и мы сами слышали, лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ анекдотъ, не менѣе замѣчательный, хотя и въ другомъ смыслѣ, но теперь было бы не кстати приводить анекдоты. Скажемъ одно, что нашъ анекдотъ пользовался большою популярностью въ семинарскихъ кружкахъ 20-хъ или 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, и могъ бы служить доказательствомъ, что иногда родители бываютъ довольно строги и не переносятъ „неожиданныхъ зрѣлищъ“, направленныхъ юношами къ ихъ „изумленію“.

Во всякомъ случаѣ, анекдоты нинюгда не могутъ быть относимы къ числу доказательствъ, опроверженій или исправленій. Между тѣмъ анекдотъ, рассказанный въ официальномъ „Разъясненіи“, послужилъ поводомъ къ выводу, и мы позволяемъ себѣ думать, что этотъ выводъ не совсѣмъ оправдывается сущностью дѣла. Кто же эти „лица, не получившія блестящаго образованія“, и которыя могутъ въ наше время „завидовать современному поколѣнію“, поставленному столь высоко авторами „Разъясненія“? Мы очень рады, при противорѣчивыхъ взглядахъ на „современное поколѣніе“ узнать отъ компетентныхъ лицъ, что оно должно составлять предметъ зависти; но вѣдь „лицамъ, получившимъ блестящее образованіе“, не можетъ быть въ настоящую минуту болѣе 20-ти лѣтъ отъ роду, если предположить, что въ 1871 году имъ было лѣтъ 10 или 11; въ такомъ случаѣ, къ числу завидующихъ выпущенному въ нынѣшнемъ году гимназисту принадлежатъ по необходимости всѣ профессора университетовъ, въ полномъ составѣ, какъ люди, вышедшіе изъ старой школы, и потому не получившіе „блестящаго“ образованія: таковы, напримѣръ, недавно скончавшійся Соловьевъ, Костомаровъ, Кавелинъ, Вуслаевъ, Чебышевъ, или наконецъ, проф. Катковъ, Любимовъ и др.; далѣе, всѣ ученые до господина Георгіевскаго вклю-

чительно, такъ какъ и они всѣ люди болѣе или менѣе зрѣлаго возраста; всѣ литераторы, какъ Тургеневъ, гр. Толстой, Гончаровъ и др.; члены самой администраціи — вотъ тѣ „лица, не получившія блестящаго образованія“, которыя, какъ сказано, „конечно, могутъ завидовать современному поколѣнію молодыхъ людей“. Намъ кажется, что такое увѣреніе, помимо нѣкотораго преувеличенія, представляетъ и опасность, внушая „современному поколѣнію молодыхъ людей“, и безъ того склонныхъ, по одной своей юности, къ высокой оцѣнкѣ своихъ достоинствъ, крайнее самоувѣреніе, — и такое самоувѣреніе на этотъ разъ будетъ имѣть себѣ основаніе въ официальном свидѣтельствѣ о преимуществахъ ихъ предъ „лицами, не получившими блестящаго образованія“, т.-е. въ настоящую минуту предъ всѣми, кто сколько-нибудь старѣе 21 года, а, слѣдовательно, не исключая и самихъ авторовъ „Разъясненія“. Да и вообще надобно думать, что главную задачу образованія составляетъ не „блескъ“, а солидность.

Итакъ, очевидно, что вступленіе и заключеніе въ данномъ намъ „Разъясненіи“ не имѣютъ характера ни опроверженія, ни исправленія, какъ того, однако, требуетъ „точный смыслъ“ закона; — но самое изложеніе его находится уже въ прямомъ противорѣчій съ духомъ закона, который, по толкованію Главнаго Управленія, не допускаетъ „полемическихъ или укоризненныхъ выраженій“. Все „Разъясненіе“, напротивъ того, исполнено болѣе чѣмъ полемическими или укоризненными выраженіями; такъ, на стр. 341 et passim, вмѣсто фактическаго опроверженія нашего мнѣнія, оно названо *инсинуаціею*; это слово хотя и латинскаго происхожденія, но написанное русскимъ алфавитомъ, оно относится къ разряду словъ весьма оскорбительныхъ: брань, клевета, инсинуація — вотъ въ какой группѣ словъ оно встрѣчается обыкновенно. Затѣмъ, повсюду разсыяны слова: „недоброжелательство“, „превратность“, „неумѣстность“, „неприличіе“, „агитація“, „неблаговидныя выходки“ — все это выраженія, никогда еще не встрѣчавшіяся въ официальныхъ опроверженіяхъ, и которыя по меньшей степени должны быть названы „укоризненными“, а, слѣдовательно, и несогласными съ „точнымъ смысломъ“ 26-й статьи, какъ ее комментируетъ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Пользуясь этимъ толкованіемъ циркуляра Главнаго Управленія, мы „имѣли бы поводъ, — какъ говорится въ циркулярѣ, — уклониться отъ напечатанія“ доставленнаго намъ „Разъясненія“; но мы предпочли неуклонительно подчиниться прежде всего буквѣ закона, не теряя, конечно, вслѣдствіе того, права въ будущемъ обращаться съ жалобою къ господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ въ случаѣ новыхъ требованій, противорѣчащихъ и духу закона, и его толкованію компетентнымъ вѣдомствомъ, и, наконецъ, практикою, установленною другими министерствами, а прежде всего самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Обратимся теперь къ сущности „Разъясненія“; но такъ какъ самый документъ, согласно своему названію, дѣйствительно представляетъ собою почти одни разъясненія, а не опроверженія, то намъ приходится сказать очень мало. По словамъ авторовъ „Разъясненія“, въ нашей статьѣ были: 1) факты, превратно понимаемые, 2) ошибки, и 3) неточности; — все это изложено въ шести пунктахъ:

Пунктъ первый.—Мы обвиняемся въ неумѣстномъ *любопытствѣ*: „какой процентъ учащихся, изъ числа поступающихъ въ первый классъ, достигаетъ до выпускныхъ экзаменовъ и ихъ выдерживаетъ удовлетворительно?“ Но такимъ любопытствомъ одержимы далеко не одни мы, въ виду всего того, что случилось въ послѣднее время, и иногда болѣе чѣмъ печальнаго. Кто не желаетъ знать, какое число „классическихъ недоучекъ“ ложится бременемъ и на общество, и на самое правительство, озабочиваетъ администрацію и усиливаетъ дѣятельность судебной власти? Въ рѣшеніи этого вопроса заключается неотразимая критика всякой учебной системы, — литературная критика оказалась бы ничтожною по сравненію съ нею. Назвавъ начало нашей статьи „страннымъ и пространнымъ (если это не описка въ рукописи, то тутъ заключается игра словъ, также рѣдко встрѣчающаяся въ официальномъ языкѣ) разсужденіемъ“, — авторы „Разъясненія“ говорятъ, по поводу нашего нескромнаго вопроса, слѣдующее: „что же касается до процентнаго отношенія числа ованчивающихъ курсъ къ числу поступающихъ въ гимназій, то этотъ вопросъ, весьма сложный, *едва ли* можетъ быть съ точностью изслѣдованъ въ настоящее время“. Мы не совершенно понимаемъ это „едва ли“ въ официальномъ документѣ: такіе компетентные авторы, какъ авторы „Разъясненія“, не должны колебаться въ подобномъ вопросѣ; притомъ, изъ нижеслѣдующихъ словъ „Разъясненія“ видно, что въ прежнее время этотъ „сложный“ вопросъ разрѣшался „отчасти“, и почему-то не можетъ быть съ точностью изслѣдованъ только „въ настоящее время“.

Пунктъ второй.—Мы обвиняемся въ неумѣстной *подозрительности*, а именно, объясняемъ возрастаніе числа выдерживающихъ испытанія зрѣлости преднамѣренною снисходительностью со стороны экзаминаторовъ. Противъ этого, авторы „Разъясненія“ говорятъ, что эта подозрительность неумѣстна уже потому, что „министерство и гимназій заботились не о пополненіи университетовъ, а, напротивъ, о *недопущеніи* въ университеты слушателей неспособныхъ и дурно приготовленныхъ“. Но въ такомъ случаѣ, почему же до самаго послѣдняго времени допускались въ университетъ воспитанники семинарій, которые, по общему признанію, въ томъ числѣ и самого министерства, не могли считаться хорошо приготовленными къ слушанію университетскихъ лекцій? Мы отнесли въ нашей статьѣ съ нѣкоторымъ пріятнымъ изумленіемъ къ тому факту, что ученики трехъ церковныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ *все безъ исключенія* выдержали экзаменъ зрѣлости. Авторы „Разъясненія“ видятъ и въ этомъ слѣды нашей подозрительности и отвѣчаютъ указаніемъ, что это не единичный фактъ; но нѣкоторые примѣры, приведенные въ „Разъясненіемъ“, могутъ произвести другого рода изумленіе въ каждомъ, кто внимаетъ въ нихъ: оказывается изъ „Разъясненія“, что чѣмъ мы болѣе удаляемся на востокъ и на западъ отъ столицы, тѣмъ успѣхи въ греческомъ языкѣ выше: всего болѣе греческій языкъ процвѣтаетъ въ сибирскихъ гимназіяхъ, гдѣ вовсе не было невыдержавшихъ экзамена; въ виленскомъ и оренбургскомъ уже невыдержали по 1-му, а въ петербургскомъ 3 ученика. Чтобы опять не быть обвиненными въ подозрительности, намъ ничего не остается, какъ предположить, что лучшіе преподаватели греческаго

языка удаляются въ сибирскія гимназiи, если только необычайная успѣшность экзаменовъ изъ греческаго языка въ Сибири не объясняется маѣ-нибудь проще.

Пунктъ третiй.—Насъ обвиняють—*horribile dictu*—въ „агитацiю“ и въ порицанiи *принциповъ*, принятыхъ въ основанiе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Какъ ни тяжело это обвиненiе, но оно основано не на фактахъ, какъ то доказывается самимъ же „Разъясненiемъ“, и въ этомъ можеть убѣдиться каждый, кто захочеть прочесть его внимательно. Поводомъ къ такому обвиненiю (стр. 350) послужило то, что мы выразили мнѣнiе о весьма частномъ вопросѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ „принципами, принятыми въ основанiе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ“, а именно: что полезнѣе, упражненiе ли въ переводахъ съ русскаго на латинскiй и греческiй, или чтенiя самихъ авторовъ?—и склонились въ пользу послѣдняго. Если бы мы выразили мнѣнiе, что то и другое одинаково бесполезно, то мы коснулись бы самаго „принципа“, но то, что мы послѣднее считаемъ полезнѣе перваго,—служить только доказательствомъ, что мы, наоборотъ, не только стоимъ за „принципъ“, но и заботимся о болѣе выгодномъ его примѣненiи къ дѣлу. Само „Разъясненiе“ говоритъ (стр. 353), что оно, „признавая громадность достигнутыхъ успѣховъ преподаванiя въ гимназiяхъ, никогда не утверждало, чтобы оно было доведено до совершенства и чтобы въ учебной сферѣ гимназiи не встрѣчалось вовсе недостатковъ“. Но въ такомъ случаѣ, къ чему же было авторамъ „Разъясненiя“, которымъ, очевидно, знакомо такое справедливое убѣжденiе министерства, такъ какъ они внесли его на страницы своего документа, заимствовать серьезныя слова изъ уголовнаго кодекса, и видѣть „агитацiю“ и порицанiе „принциповъ, принятыхъ въ основанiе въ правительственныхъ сферахъ“, тамъ, гдѣ дѣло идетъ вовсе не о принципахъ, а объ исправленiи нѣкоторыхъ „недостатковъ въ учебной сферѣ“? И могли ли авторы „Разъясненiя“, подъ условiемъ соблюденiя требованiй справедливости, обвинять вообще въ „агитацiи“ такую статью, во главѣ которой представляется положенiе: „частая ломка въ такомъ дѣлѣ, какъ учебное, хуже всего“? Могутъ ли люди, высказывающiеся столь несомнѣнно въ пользу *охраны* принциповъ, дѣйствующихъ въ школьномъ дѣлѣ, быть по совѣсти обвиняемы въ „агитацiи противъ школьнаго дѣла“? Въ частныхъ газетныхъ препирательствахъ противники дѣйствительно бывають неразборчивы въ выраженiяхъ и слова: интрига, агитаторъ, донощикъ и т. п. отпускаются другъ другу щедрою рукою въ фальсѣтонахъ, безъ того чтобы кто-нибудь принималъ серьезно всѣ подобныя комплименты; но мы еще ничего подобнаго не видали въ официальныхъ заявленiяхъ, такъ какъ авторы ихъ не могутъ говорить напрасныхъ словъ, безъ ослабленiя собственного авторитета.

Что же касается до обвиненiя насъ, по тому же третьему пункту, въ „глубокомъ молчанiи“ объ отзывахъ профессоровъ о письменныхъ работахъ абитуриентовъ, подобныхъ отзыву проф. Карастелева, „особенно картинно, по словамъ „Разъясненiя“, рисующаго современное положенiе этого дѣла“ — то мы въ свое оправданiе можеть сказать, что 1) перепечатать всѣ отзывы нѣтъ возможности въ журнальной статьѣ; и 2) при выборѣ мы всегда предпочли бы отзывы фактическiе

отзывамъ, „особенно картинно рисующимъ“. Едва ли живописная и декоративная сторона имѣетъ особенную цѣну въ серьезномъ дѣлѣ, — вотъ почему мы и могли хранить „глубокое молчаніе“ и о г. Карастелевѣ и ему подобныхъ. Въ нашихъ глазахъ имѣетъ гораздо болѣе цѣны хотя и не картинное, но весьма краснорѣчивое указаніе проф. Буслаева „на измѣнную строгость со стороны экзаaminующихъ“, что упоминается и въ „Разъясненіи“ (стр. 348); даже въ „картинномъ“ отзывѣ проф. Карастелева мы находимъ такое извѣстіе: „отмѣтки въ нѣкоторыхъ случаяхъ ниже достоинства работъ“. Все это приводится авторами „Разъясненія“, какъ доказательство того, что экзамены не отличаются снисходительностью; но на этотъ разъ они доказали болѣе, чѣмъ желали, такъ какъ „измѣнная строгость“ и оценка „ниже достоинства“, помимо того, что онѣ свидѣлствуютъ о встречающейся несправедливости, могутъ повлечь за собою, при малѣйшемъ самолюбіи юноши, весьма плачевныя послѣдствія, извѣстія о которыхъ время отъ времени и попадаютъ въ газеты, въ числѣ городскихъ происшествій.

Пунктъ четвертый.—Тутъ мы собственно ни въ чемъ прямо не обвиняемся. Мы привели очень неслѣстный отзывъ проф. Иванова объ успѣхахъ абитуриентовъ по древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ московскаго округа, а слѣдовало сказать: „въ нѣкоторыхъ только гимназіяхъ, находящихся на окраинахъ московскаго учебнаго округа“. Но мы вовсе не думали, что успѣхи гимназій, лежащихъ на „окраинахъ“ московскаго учебнаго округа, не имѣютъ такого интереса, какъ—гимназій въ центрѣ. Мы говорили вообще о гимназіяхъ, лежатъ ли они на окраинахъ, или въ центрѣ—для насъ это было все равно.

Пунктъ пятый.—Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы напрасно строги къ ошибкамъ въ письменныхъ работахъ абитуриентовъ, въ родѣ: „бондрибуція“, „описки въ сочиненіяхъ столь же неизбѣжны, —полагаетъ „Разъясненіе—какъ опечатки, которыми такъ изобилуютъ наши журналы и газеты, и вообще наша печать“. Такое приравниваніе авторовъ къ гимназистамъ, упрямляющимся съ цѣлью не дѣлать грамматическихъ ошибокъ, не вѣрно уже и потому, что опечатки никогда не дѣлаются самимъ авторомъ, а именно наборщикомъ, и потому остаются иногда незамѣченными со стороны корректора. Редакція „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ можетъ, безъ сомнѣнія, свидѣлствовать, что только по совершенной неопытности въ дѣлѣ печати можно приравнить „описки“ въ рукописяхъ гимназистовъ къ „опечаткамъ“ у авторовъ, которые, впрочемъ, и пишутъ вовсе не съ цѣлью только доказывать свою грамотность. Во всякомъ случаѣ, новая теорія „неизбѣжности описовъ“ будетъ принята съ удовольствіемъ юными абитуриентами, если она дойдетъ до нихъ свѣдѣнія: какимъ образомъ отличить описку отъ безграмотности? а описка неизбѣжна, какъ судьба,—слѣдовательно, и не можетъ быть вѣняема.

Шестой пунктъ.—Мы обвиняемся, наконецъ, въ томъ, что насъ „возмутитъ“ одинъ изъ абитуриентовъ, назвать сказки Жуковского—бреднями. Сами авторы „Разъясненія“ считаютъ однако такое выраженіе „крайне неудачнымъ и даже въ высшей степени неприличнымъ“; но тѣмъ не менѣе они лишаютъ насъ права „возмущаться“,

во-1-хъ—потому, что „профессоры университетовъ приписывали эти выходки вліянію на юношество журналовъ дурного направленія“; во-2-хъ—потому, что въ самомъ „Вѣстникѣ Европы“, на стр. 396 и 397 „Внутренняго Обзорѣнія“, употреблены относительно лучшихъ поэтовъ Греціи и Рима *выраженія, по своему смыслу, совершенно тождественныя* съ тѣмъ, которое „Вѣстникъ же Европы“ приписаетъ относительно высокоуважаемаго нашего отечественнаго поэта, въ сочиненіи абитуриента одной изъ гимназій. Спрашивается: съ какою цѣлью „Вѣстникъ Европы“ искажаетъ выписки изъ министерскаго отчета, и изъ отзывовъ профессоровъ, дозволяя себѣ превратное ихъ толкованіе и даже въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, что сказано въ отчетѣ? Но, дѣловъ томъ, что, на вышеуказанныхъ страницахъ 396 и 397, у насъ нѣтъ не только „совершенно тождественныхъ выраженій по своему смыслу, относительно лучшихъ поэтовъ Греціи и Рима“, но нѣтъ и тѣни подобнаго; читателю легко повѣрить насъ въ этомъ отношеніи, просто раскрывъ сентябрьскую книгу въ этомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, именно, на этой 396 страницѣ, высказана нами такая мысль: „Для усвоенія себѣ классическихъ литературъ (выше упоминались Гомеръ и Виргилій) и приобрѣтенія тѣхъ выгодъ, какія такое знаніе, дѣйствительно, можетъ дать уму“ и т. д. Что же тождественнаго между нашимъ утвержденіемъ, что при извѣстныхъ условіяхъ чтеніе Гомера и Виргилія можетъ дать уму большія выгоды, и между отнесеніемъ поэзии Жуковскаго къ бреднямъ? Такое отношеніе къ тексту нашей статьи, въ силу которой ей приписывается то, чего въ ней вовсе нѣтъ, мы, конечно, не можемъ назвать ни „искаженіемъ“, ни „превратнымъ толкованіемъ“; это—непонятная для насъ ошибка, которую, впрочемъ, легко исправить каждый читатель.

Что касается до мнѣнія профессоровъ о вредномъ вліяніи на юношество „журналовъ дурного направленія“, то мы можемъ сказать одно, что въ болѣе части журналовъ встрѣчаются имена лучшихъ профессоровъ, и потому, вѣроятно, это мнѣніе было высказано не ими, и, кромѣ того, надобно помнить, что журналы издаются вовсе не для юношества. Пусть профессоръ, высказавшіе то мнѣніе, подумаютъ только объ одномъ: въ западныхъ литературахъ существуютъ журналы, которые, вѣроятно, были бы ими отнесены болѣе чѣмъ къ „дурному направленію“—и тѣмъ не менѣе тамъ школа не страдаетъ отъ этого нисколько. Почему?—тамъ, вѣроятно, воспитатели юношества не имѣютъ причинъ жаловаться на слабость собственнаго вліянія; тамъ школа существуетъ для школы, а не для достиженія какихъ-нибудь постороннихъ ей цѣлей; скажемъ, наконецъ, превосходными словами самихъ авторовъ „Разъясненія“, которыми оно заключается, и съ которыми мы совершенно согласны, тѣмъ болѣе, что и нашъ журналъ многократно повторялъ эту истину, при всякомъ удобномъ случаѣ, приравнивая школу даже къ храму: „Святое дѣло воспитанія составляетъ струну, слишкомъ чувствительную въ строѣ государственной жизни, чтобы дозволить ея касаться тлетворному вліянію людей поверхностныхъ или злонамѣренныхъ“. Эти слова, мы увѣрены, никогда не утратятъ своей силы, въ какое время они ни были бы высказаны, и къ кому бы они ни были примѣнены.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 ноября, 1879.

ПРИ НОВОМЪ ПОРЯДКѢ.

Когда я, два мѣсяца тому назадъ, писалъ мое послѣднее письмо, мы находились наканунѣ важныхъ перемѣнъ. То, что готовилось уже съ давнихъ поръ, не было еще закончено, и потому мое письмо было посвящено, собственно говоря, характеристикѣ происходившаго броженія умовъ, которое должно было выясниться только при выборахъ. Тѣмъ не менѣе, однако, я могъ заключить свою корреспонденцію однимъ положительнымъ фактомъ, такъ какъ въ то самое время, какъ я писалъ свое письмо, князь Бисмаркъ сдѣлалъ визитъ въ Вѣну, а этотъ визитъ съ тѣхъ поръ приобрѣлъ важное политическое значеніе.

Но прежде всего поговоримъ о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Какъ вамъ извѣстно, выборы въ палату депутатовъ распадаются на два разряда: сначала такъ-называемые первоначальные избиратели, т.-е. всѣ, выбираютъ выборныхъ, а затѣмъ эти выборные выбираютъ уже депутатовъ. Хотя первоначальные выборы уже довольно ясно показываютъ въ главныхъ чертахъ настроеніе избирателей, однако, все же это настроеніе выражается не такъ ясно, какъ впоследствии, при выборахъ въ депутаты. Даже самый проницательный и безпристрастнѣйшій наблюдатель можетъ сильно ошибиться въ первомъ случаѣ. Выборы въ палату депутатовъ, т.-е. выборы самихъ депутатовъ, происходили 7 октября, и вскорѣ результатъ ихъ сталъ извѣстенъ всей странѣ,—результатъ, который подтвердилъ всѣ прежнія наблюденія о сильномъ переворотѣ въ настроеніи страны, и даже превзошелъ всѣ ожиданія въ этомъ отношеніи,—такъ какъ консервативная партія получила значительное большинство. Я не только въ своемъ послѣднемъ письмѣ, но уже и ранѣе указывалъ на то, какъ ошибочно рассуждаетъ либеральная партія, когда сваливаетъ свое нераженіе на правительство, тогда какъ въ сущности оно обусловливается нѣмнѣйшимися настроеніемъ страны. То, что я говорилъ объ этомъ два мѣсяца тому назадъ, я могу только подтвердить теперь, но долженъ къ этому прибавить, что истина эта признается теперь и самими либералами.

Особенно интересные моменты, выдавшіеся при этихъ выборахъ, затронуты двѣ весьма выдающіяся личности: фонъ-Беннигсена, быв-

шаго президента палаты депутатовъ, и Эдуарда Ласкера, знаменитаго оратора національ-либеральной партіи, а также и депутата Евгенія Рихтера, выдающагося члена прогрессивной партіи. Беннингсенъ вскорѣ послѣ распушенія палаты рѣшительно объявилъ, что не приметъ новаго полномочія. Этому намѣренію онъ остался вѣренъ, но избиратели тѣмъ не менѣе выбрали его, а друзья стали упрашивать не бросать парламентской дѣятельности въ такую критическую минуту. Долго не давалъ отвѣта Беннингсенъ, но, наконецъ, заключилъ согласіемъ. Всѣ сейчасъ же заговорили, что какіе-нибудь чрезвычайные мотивы заставили фонъ-Беннингсена—человѣка вообще твердаго и рѣшительнаго—перемѣнить свое первоначальное рѣшеніе, и вскорѣ затѣмъ разнесся слухъ, что князь Бисмаркъ убѣдительноѣе просилъ его принять участіе въ парламентской дѣятельности. Но прежде чѣмъ говорить о результатахъ, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ.

Депутатъ Евгеній Рихтеръ долгое время избирался выборными округа Гагенъ въ Вестфалин, но на этотъ разъ было нѣсколько сомнительно, выберутъ ли его тамъ, такъ какъ настроеніе умовъ въ Гагенѣ приняло рѣшительно протекціонистскій характеръ,—Рихтеръ же, какъ и вся прогрессивная партія, приверженецъ свободы торговли. Уже на первоначальныхъ выборахъ выяснилось, что на успѣхъ Рихтера нельзя рассчитывать, и чтобы не лишиться его на время наступающей сессіи, прогрессивная партія поспѣшила отставить двоихъ изъ своихъ кандидатовъ въ Берлинѣ, на которыхъ она могла безусловно рассчитывать, чтобы очистить мѣсто для Рихтера и для другого депутата, который тоже не былъ выбранъ въ своемъ избирательномъ округѣ.

Теперь перейдемъ къ Ласкеру. Ласкеръ избранъ былъ въ послѣдній разъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ отношенія складываются всегда нѣсколько своеобразно. Этотъ городъ все еще не забылъ о своей бывшей независимости въ качествѣ вольнаго имперскаго города, и въ самыхъ богатыхъ слояхъ его господствуетъ сильная антипатія къ Пруссіи. Такимъ образомъ, во Франкфуртѣ существуетъ газета „Frankfurter Zeitung“, издаваемая извѣстнымъ депутатомъ Зоннеманомъ, придерживающимся крайне демократическихъ и безусловно враждебныхъ Пруссіи взглядовъ. Вслѣдствіе этого, между зажиточнымъ классомъ населенія и остальными установились такія отношенія, какихъ не существуетъ въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, на югѣ населеніе нѣсколько живѣе и страстнѣе относится къ дѣлу, чѣмъ на сѣверѣ, и демократія тамъ всегда сильнѣе себя даетъ чувствовать, чѣмъ здѣсь. Поэтому тамъ существуетъ партія, которая, будучи демократической, не можетъ быть отождествлена съ здѣш-

ней прогрессивной партіей, но скорѣе служить какъ-бы переходомъ къ социаль-демократамъ. Эта партія называется народной партіей и играетъ въ самомъ Франкфуртѣ и въ тамошнемъ округѣ большую роль. Эта партія подавала, въ прежнее время, свои голоса за Ласкера, но на этотъ разъ объявила себя противъ него и вообще противъ всякихъ сдѣлокъ, и такимъ образомъ Ласкеру предстояло провалиться на выборахъ. Онъ и его друзья предвидѣли это, но, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, Ласкеръ рѣшительно отказался выступить кандидатомъ въ другомъ какомъ-нибудь избирательномъ округѣ. Чтобы повончить съ этимъ, скажемъ, что онъ былъ выставленъ кандидатомъ при вторичныхъ выборахъ въ Бреславль, но національ-либеральный комитетъ самъ устранилъ его кандидатуру и рѣшилъ замѣнить его другимъ членомъ національ-либеральной партіи, который скорѣе, чѣмъ Ласкеръ, могъ привлечь симпатіи консерваторовъ,—что и случилось, такъ какъ избранный нынѣ депутатъ прошель совмѣстными усилиями національ-либераловъ и консерваторовъ, выставившихъ его противъ депутата прогрессивной партіи. Ничто не можетъ лучше характеризовать перемѣны въ настроеніи страны, какъ избирательная неудача Ласкера. Долгіе годы онъ былъ настоящимъ титомъ господствовавшего въ то время духа въ парламентѣ. Человѣкъ съ большимъ ораторскимъ талантомъ, среднихъ познаній, всѣми признанной честности и изысканнымъ языкомъ, онъ долгое время пользовался не только любовью своей партіи, которой, правда, служила противовѣсомъ такая же ожесточенная ненависть противниковъ, но вокругъ него образовался даже нѣкоторый ореолъ, благодаря которому его считали однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ парламентскихъ дѣятелей нашего времени. Апогея своей славы онъ достигъ во время нападокъ на „аферистовъ“ такъ-называемаго „Schwindelzeit'a“, и въ особенности на желѣзнодорожныхъ предпринимателей, въ числѣ которыхъ снискалъ себѣ такую худую славу тайный содѣльникъ Вагенеръ, что вынужденъ былъ подать въ отставку.

8 февраля 1873 г., Ласкеръ произнесъ по этому поводу свою капитальную обличительную рѣчь. Стенографическій отчетъ этой рѣчи продавался въ огромномъ числѣ экземпляровъ на улицахъ Берлина; адреса и благодарственные телеграммы со всѣхъ сторонъ посыпались на Ласкера, а на биржѣ его имя служило пугаломъ аферистамъ. Впечатлѣніе было такъ сильно, что почти никто не рѣшался замѣтить, что обвиненія Ласкера, въ общемъ, все-таки зашли слишкомъ далеко и потому больше принесли вреда, нежели пользы. Коротче сказать: Ласкеръ сталъ популярнымъ человѣкомъ, но это длилось не долго. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, Ласкеръ страдаетъ однимъ великимъ недостаткомъ: отсутствіемъ всякаго политическаго

такта. Онъ съ жаромъ и остроуміемъ отстаивалъ то, что считалъ должнымъ, въ силу своихъ политическихъ теорій и программы своей партіи, но нисколько не заботился о томъ, возможно ли и удобно ли это при существующихъ обстоятельствахъ, и, такимъ образомъ, онъ пришелъ въ столкновение съ Бисмаркомъ. Первый поводъ къ тому былъ совершенно случайный. Ласкеръ сказалъ по поводу проекта закона о печати: „послѣ того, какъ рейхстагъ такъ долго занимался финансовыми дѣлами, можно, наконецъ, заняться и правами народа“. Эти слова страшно разсердили Бисмарка, и онъ возразилъ: „слова Ласкера о народныхъ правахъ не что иное, какъ отжившая фраза, такъ какъ не только всѣ господа, засѣдающіе въ рейхстагѣ, и всѣ представители народа, но также и всѣ вообще принадлежать къ народу и имѣютъ народныя права,—онъ, канцлеръ, точно такъ же, какъ и самъ императоръ,—всѣ мы народъ, а не одни только тѣ господа, которые представляютъ собой извѣстные, старинные, традиціонные взгляды, именуемые либеральными, но не всегда бывающіе либеральными по существу дѣла. Народными правами,—продолжалъ канцлеръ—являются вовсе не тѣ только, что даютъ безусловную свободу въ политическомъ и социальномъ отношеніи, но и тѣ, напр., которые заключаются въ оборонѣ нѣмецкой земли, постройкѣ и защитѣ крѣпостей отъ непріятельскаго нападенія, бюджетное право, должностное внести порядокъ въ финансовыя дѣла германской имперіи: все это, а не одни только нападки на правительство являются народными правами“.

Раздражительность, съ какою канцлеръ отнесся въ ту пору къ Ласкеру, возбудила сильное впечатлѣніе. Два раза потомъ пробовали сближаться эти два человека, но враждебное чувство никогда уже не угасало вполне въ отношеніи канцлера и находило отголосокъ въ Ласкерѣ, который тоже постепенно не влюбилъ канцлера. Тѣмъ временемъ, вліяніе Ласкера на законодательство оставалось неизмѣннымъ; все, что есть либеральнаго въ юридическихъ законахъ, составляющихъ главную часть новѣйшаго законодательства, слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, вліянію Ласкера, такъ, напримѣръ, мягкость уголовныхъ наказаній и прочность гарантій, какія выпадаютъ на долю подсудимаго. Но эта гуманность, какъ она ни прекрасна сама-по-себѣ, всего болѣе способствовала появленію сильной оппозиціи противъ Ласкера, такъ какъ, къ несчастью, нельзя сомнѣваться въ томъ, что одно смягченіе законодательства отнюдь не вызвало улучшенія въ нравахъ,—напротивъ того, число преступковъ и преступленій увеличилось, и наши тюрьмы болѣе чѣмъ когда-либо набиты народомъ.

Положеніе Ласкера колебалось еще и оттого, что въ самой

національ-либеральной партіи, какъ это неизбежно бываетъ во всякой большой партіи, выступили два направленія. Ихъ называютъ обыкновенно терминомъ, заимствованнымъ изъ тактики, а именно: правымъ и лѣвымъ крыломъ партіи. На правомъ стоялъ Беннингсенъ, старавшійся сохранить дружественныя отношенія съ правительствомъ и, кромѣ того, сохранить связь съ умѣренно-консервативными элементами; на лѣвомъ крылѣ стоялъ Ласкеръ, который пренебрегалъ связью съ консервативными элементами, стоящими внѣ національ-либеральной партіи, и выказывалъ гораздо болѣе симпатіи прогрессивной партіи. Правда, настоящаго разрыва въ партіи не происходило, но все же чувствовалось, что съ теченіемъ времени партія непременно должна распасться. На послѣднихъ выборахъ паролемъ прогрессистовъ и національ-либераловъ лѣваго крыла было объединеніе прогрессивной и національ-либеральной партій въ одну общую большую партію, но эта программа еще по сіе время не осуществилась. Такимъ образомъ, возвращаясь къ Ласкеру, скажемъ, что онъ не наметалъ болѣе въ своей партіи прежней поддержки, а число противниковъ его, постоянно выростая, сдѣлало его непопулярнымъ: неудача Ласкера на выборахъ остается главной характеристической чертой нынѣшнихъ выборовъ.

Вообще же результатъ выборовъ слѣдующій: прогрессивная партія лишилась болѣе, нежели половины своихъ членовъ, и дошла до скромной цифры 35; національ-либералы съ 160 понизились до 100; центръ не только удержалъ свои ряды, но еще усилилъ ихъ нѣсколькими новобранцами; всѣ же консервативныя партіи возросли въ числѣ. Свободные консерваторы возросли до 58; ново- и старо-консерваторы, вѣстѣ взятыя, образуютъ сильнѣйшую партію палаты, такъ какъ насчитываютъ 114 членовъ.

Всего же любопытнѣе при этомъ, что особенно усилились не умѣренные ново-консерваторы, но старо-консерваторы, приверженцы „Крестовой Газеты“. Въ рядахъ этой партіи насчитывается теперь много такъ-называемыхъ „декларантовъ“, которые въ 1875 году оказывали такое рѣшительное противодѣйствіе Висмарку и сильно боролись противъ общиннаго уложенія и церковныхъ законовъ.

Результатъ выборовъ обнаружился немедленно послѣ того, какъ собралась палата. Пробнымъ камнемъ настоящему характеру собранія является традиціонный выборъ президента. Умѣренная партія имѣла въ виду для этого Беннингсена, и всѣ думали, что этого желаетъ и самъ Висмаркъ, и что по тому самому онъ и убѣдилъ Беннингсена выступить кандидатомъ на выборахъ. Такъ, повторяю, думали всѣ — и вполне основательно, ибо такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Но за то не вполне выяснились слѣдующія два обстоятельства. За Бен-

нигсена готовы были подать свои голоса національ-либералы и свободные-консерваторы, но они не могли рассчитывать на большинство, а тѣмъ менѣе на поддержку большинства консерваторовъ. Тутъ-то и произошло нѣчто неожиданное, а именно: консерваторы заключили союзъ не съ умѣренными консерваторами и умѣренными либералами, но съ центромъ, и выбрали первымъ президентомъ одного изъ своихъ, вторымъ президентомъ—одного національ-либерала, а третьимъ—одного клерикала.

Побѣда консервативной партіи при выборѣ президента была ей очень пріятна, потому что доказала, что она, въ союзѣ съ центромъ, вполне господствуетъ надъ палатой. Конечно, въ первую минуту она не была увѣрена въ томъ, какъ отнесется Бисмаркъ къ этой сдѣлкѣ, но канцлеръ, который, вѣроятно, не принималъ на себя никакихъ положительныхъ обязательствъ передъ Беннигсеномъ, а выразилъ только косвенно ему свои желанія, преклонился передъ союзомъ и принялъ его—но крайней мѣрѣ, съ виду—очень хорошо.

Орудіемъ всей этой махинаціи былъ нѣкто фонъ-Раухгаунтъ,—человѣкъ, принадлежащій къ партіи ново-консерваторовъ и не особенно даровитый, но крайне честолюбивый. Онъ велъ переговоры между партіями относительно выбора президента и такъ ловко, что они увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Гордый этимъ успѣхомъ, онъ предпринималъ произвести сліяніе между обѣими партіями старо- и ново-консервативной — и успѣлъ также и въ этомъ. Фактически отношенія сложились такимъ образомъ для предстоящей сессіи, что правительство можетъ рассчитывать во всѣхъ важныхъ случаяхъ на голоса соединенныхъ консервативныхъ партій, свободныхъ-консерваторовъ, большинство національ-либераловъ и, по всей вѣроятности, на центръ,—и Бисмаркъ не такой человѣкъ, чтобы не оцѣнить всей выгоды такого положенія дѣлъ.

Центръ не скрываетъ удовольствія, какое внушаетъ ему удаленіе Фальба и замѣна его Путтшамеромъ. И такъ какъ я заговорилъ объ этомъ событіи, то теперь будетъ встать перейти къ тѣмъ фактамъ, которые связаны съ именемъ этого министра. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ я уже упомянулъ о кёслинской рѣчи министра, въ которой онъ высказалъ категорически, что не раздѣляетъ воззрѣній своего предшественника. Вскорѣ представился министру случай высказать, какого рода его собственные взгляды. Въ либеральномъ городѣ Эльбингѣ городскія власти много сдѣлали для школьнаго дѣла и ввели тамъ-называемую „Simultansystem“. Эта система заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что преподаваніе закона Божія въ школѣ является дополнительной статьёй и преподается дѣтямъ всѣхъ вѣроисповѣданій священниками этихъ вѣроисповѣданій, между тѣмъ какъ

преподаваніе не всѣмъ другимъ предметамъ — общер. Но эти школы стали съ нѣкоторыхъ поръ бѣлымъ на глазу какъ у ультрамонтанъ, такъ и у ортодоксовъ евангелической церкви. Итакъ, въ Эльбингѣ должна была открыться такая школа, и уже помѣщеніе для нея было готово, какъ вдругъ Путткамеръ не разрѣшилъ открытія этой школы. Это произвело громадную сенсацію не только въ Эльбингѣ, но и во всемъ государствѣ. Дѣло было тѣмъ поразительнѣе, что власти города Эльбинга уже увѣдомили о своемъ намѣреніи прежнее министерство и не встрѣтили съ его стороны никакого противодѣйствія. Они обратились-было съ жалобой къ министру, но онъ отклонилъ эту жалобу, и они внесли ее въ палату депутатовъ, гдѣ она, по всей вѣроятности, подастъ поводъ къ оживленнымъ преніямъ, объ исходѣ которыхъ нельзя предсказать ничего рѣшительнаго. Путткамеръ и въ другихъ случаяхъ высказывался въ этомъ духѣ и, очевидно, намѣренъ провести эту систему до крайнихъ предѣловъ.

Но не въ одномъ только школьномъ дѣлѣ успѣлъ заявить себя министръ Путткамеръ. Тутъ я собственно перехожу уже изъ политической сферы въ дипломатическую, — но не могу не затронуть ея. Въ то время, какъ я вамъ писалъ послѣднее письмо, Бисмаркъ находился въ Вѣнѣ. О томъ, что тамъ происходило, долгое время хранилось строгое молчаніе или же, вѣрнѣе сказать, ходило столько слуховъ, что каждый могъ выбрать то, что ему больше нравилось. Одни утверждали, что заключенъ договоръ, другіе говорили, что никакого договора нѣтъ, и до сихъ поръ ничего официального въ этомъ родѣ не обнародовано. Между тѣмъ довольно достовѣрныя газеты утверждаютъ, что договоръ подписанъ 5 или 15 октября. Въ числѣ другихъ соображеній на счетъ этого договора между Австріей и Германіей, толковалось, что онъ заключенъ противъ Россіи. Въ Россіи, толковали, панславистское движеніе стало преобладающимъ, и это направленіе угрожаетъ какъ Австріи, такъ и Германіи, поэтому-то оба эти государства соединились для оборонительныхъ цѣлей; и Россія предоставляется возможность (?) присоединиться къ этому союзу. Въ Германіи съ давнихъ уже поръ существуетъ анти-русская партія. Эта партія воспользовалась пребываніемъ имперскаго канцлера въ Вѣнѣ, чтобы заявить о своей неприязни къ Россіи и совершила это черезъ посредство „Кельнской газеты“. Вернувшись изъ Вѣны сюда, Бисмаркъ собралъ министерскій совѣтъ, и внесъ проектъ соглашенія съ римской куріей. Непосредственно послѣ этого министерскаго совѣта, вице-президентъ государственнаго министерства графъ Штольбергъ-Вернигероде отправился въ Ваденъ-Ваденъ, гдѣ находился императоръ Вильгельмъ и пробылъ тамъ нѣсколько дней; затѣмъ онъ снова вернулся въ Берлинъ. Нѣсколько дней позже, „Кельнская га-

зета" напечатала извѣстіе изъ Берлина, что дѣло идетъ вовсе не о соглашеніи съ римской куріей, а что императора убѣждаютъ дать свое согласіе на договоръ, заключенный въ Вѣнѣ, и „Кёльнская газета“ прибавила къ этому, что императору, дружба котораго къ русскому Государю и русскому царствующему дому такъ извѣстна, будетъ очень тяжело рѣшиться подписать такой договоръ, изъ онасенія, что изъ этого, рано или поздно, можетъ возникнуть столкновение съ Россіей. Это сообщеніе „Кёльнской газеты“, высказавшей его съ удивительнымъ апломбомъ, произвело сильное впечатлѣніе. Оно не было официально опровергнуто, но сдѣлано нѣсколько намековъ на то, что не слѣдуетъ особенно полагаться на это извѣстіе. Однако общее впечатлѣніе все же оставалось таково, что если оно и не вѣрно во всѣхъ своихъ подробностяхъ, то самая сущность его передана вѣрно. На этомъ остановилось дѣло, когда немного дней спустя, послѣ напечатанія этого извѣстія или чуть ли не на другой день, министръ вѣроисповѣданій, находясь въ Эссенѣ, произнесъ высокопарную рѣчь, въ которой сказалъ, что его слушатели могли прочесть въ „Кёльнской газетѣ“, какъ самъ его величество императоръ приносить въ жертву свои личныя чувства, хотя ему это и тяжело. Какъ уже выше сказано, Бисмаркъ, по возвращеніи изъ Вѣны, собралъ совѣтъ министровъ, а потому можно было думать, что Путткамеръ хорошо знаетъ то, о чемъ говорить. Но тутъ случилось нѣчто дѣйствительно удивительное. На другой день послѣ произнесенія рѣчи Путткамеромъ, двѣ газеты, стоящія въ близкихъ отношеніяхъ къ правительству и называемыя обыкновенно „официальными“, а именно: „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ и „Post“, напечатали небольшія статьи противъ Путткамера, и рѣзко опровергали его. „Post“ говорила, что господинъ министръ черпаетъ свои свѣдѣнія изъ газетъ, не имѣя понятія о дипломатическихъ дѣлахъ, лежащихъ внѣ его сферы. Такое опроверженіе было дѣломъ неслыханнымъ и надѣлало немало шума. Всѣ думали, что Путткамеръ не выдержитъ этого удара и выйдетъ въ отставку, но тутъ случилось опять нѣчто еще болѣе невѣроятное, а именно: Путткамеръ преспокойно остался на своемъ посту и даже не собирается, повидимому, оставить его. Но только съ тѣхъ поръ онъ сталъ осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ и не говоритъ больше о томъ, что его не касается прямо. Полагаютъ, что самъ Бисмаркъ уговорилъ его, Путткамера, не выходить въ отставку, считая это неудобнымъ.

Непосредственно со вступленіемъ Путткамера въ должность совпало важное событіе для евангелической церкви, а именно собраніе перваго евангелическаго генеральнаго синода старѣйшихъ провинцій прусской монархіи, въ силу церковнаго уложенія, выработаннаго въ

1876 г. чрезвычайнымъ синодомъ. Уже заранѣе было извѣстно, что въ этомъ собраніи преобладаютъ строго-церковные элементы, и либеральная печать встрѣтила его весьма несимпатично, да и вся дѣятельность его далеко не либеральна, но, собственно говоря, самыхъ реакціонныхъ мѣръ до сихъ поръ еще не было принято. Собраніе это выказало нѣкоторую враждебность даже самимъ властямъ, а именно: церковному совѣту, и въ особенности въ вопросѣ о гражданскомъ бракѣ. Извѣстно, что гражданскій бракъ составляетъ бѣдую на глазу у строго-правовѣрныхъ евангелическихъ приверженцевъ. Законъ положительно говоритъ, что государство требуетъ одного лишь гражданского брака. Духовенство же хочетъ, во что бы то ни стало, найти такую уловку, которая бы сдѣлала необходимымъ и церковный обрядъ вѣнчанія. Пока дѣло остановилось на томъ, что придумана такая формула бракосочетанія, которою эта дѣль должна достигаться. А именно: формула эта заключается въ томъ, что священникъ, по освященному выраженію, *zusammenspricht* бракосочетавшихся. Кромѣ того, реакціонныя воззрѣнія синода выразились и въ вопросѣ „Simultanschulen“, и большинство его членовъ высказалось противъ нихъ.

Перваго октября случились два важныя событія: въ этотъ день, въ Лейпцигѣ былъ открытъ имперскій судъ, а въ имперскихъ земляхъ генералъ Мантейфель вступилъ въ свою новую должность губернатора. Можетъ быть, читатели припомнятъ, какіе жаркіе споры возбуждалъ вопросъ о перенесеніи верховнаго имперскаго суда въ Лейпцигъ. Когда въ свое время вопросъ обсуждался въ рейхстагѣ, поднялась сильная разногласица; партій не образовалось, но одинъ говорилъ одно, другой другое, само правительство стояло за Лейпцигъ, впрочемъ не особенно горячо, — и партикуляризмъ, который и безъ того въ Пруссіи сильнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ государствѣ, разгорѣлся въ высшей степени по поводу того, что верховный судъ германской имперіи будетъ не въ столицѣ государства, Берлинѣ, а въ другомъ, и притомъ второстепенномъ городѣ. Напротивъ того, съ другой стороны, утверждали, что столицѣ, Берлину, и безъ того покровительствуемому, вовсе не слѣдуетъ пользоваться выгодами своего положенія до такой степени, чтобы сосредоточивать въ себѣ всѣ учрежденія имперіи и стремиться къ централизаціи, которая не требуется ни характеромъ германскаго народа, ни политическимъ положеніемъ. Лейпцигъ уже обладалъ высшимъ торговымъ судомъ, учрежденіемъ весьма важнымъ, и при новой организаціи юстиціи долженъ былъ потерять его, если бы имперскій судъ, къ обязанностямъ котораго принадлежали и обязанности бывшаго торговаго суда, былъ перенесенъ въ Берлинъ. Кромѣ того Лейпцигъ исполнѣ нѣмецкій городъ, гораздо менѣе наклонный къ партикуля-

ризму, чѣмъ близкій Дрезденъ; и по всей Германіи на отказъ Верлина отъ верховнаго имперскаго суда смотреть, какъ на честный и безкорыстный поступокъ. Разумѣется, этотъ отказъ все-таки переносить довольно тяжело; это объясняется тѣмъ, что въ Пруссіи существуетъ величайшее уваженіе къ старому, заслуженному верховному суду, къ верховному трибуналу и судебной камерѣ. Въ особенности верховный трибуналъ всегда считался краеугольнымъ камнемъ правосудія, и только одинъ, единственный разъ запятналъ онъ свое призваніе обвинительнымъ приговоромъ противъ Твестена, хотя конституція гарантировала свободу слова для депутатовъ. Помнится, что такое рѣшеніе верховнаго трибунала имѣло мѣсто потому, что министръ юстиціи ввелъ въ сенатъ нѣсколькихъ своихъ пособниковъ, и такимъ образомъ приобрѣлъ большинство голосовъ въ пользу угоднаго ему приговора. Общественное мнѣніе не простило верховному трибуналу такого поступка, и многіе думаютъ, что перенесеніе верховнаго имперскаго суда въ Лейпцигъ никогда бы не осуществилось, если бы не это рѣшеніе верховнаго трибунала. Одно несомнѣнно, что при обсужденіи судебныхъ законовъ Ласкеръ счумѣетъ добиться уничтоженія института „Hilfsrichter“, такъ какъ послѣдній несомнѣнно угрожаетъ свободѣ правосудія. Это учрежденіе можетъ существовать только тогда, когда приговоры исходятъ отъ постоянныхъ судей, которые могутъ быть отставлены отъ должности не иначе, какъ по закону, а когда рѣчь идетъ о реакціонерныхъ стремленіяхъ настоящаго времени, то не нужно забывать, что множество основныхъ законовъ свободы и правосудія стоятъ до такой степени твердо, что подразумеваются какъ само собою понятное. Таковъ именно вопросъ о независимости суда и судей. Ни одна партія, даже самыхъ крайнихъ реакціонеровъ въ Германіи, не рѣшится теперь посягнуть на эту независимость, такъ какъ политическія скватки достаточно показали, что эта независимость въ концѣ-концовъ полезна для каждаго, и что если ея наденіе принесетъ минутную выгоду лицамъ власти имѣющимъ, то такъ же скоро обратится противъ нихъ самихъ.

Само собою разумѣется, что имперскій судъ въ Лейпцигѣ состоитъ изъ знаменитѣйшихъ юристовъ. Во главѣ суда стоитъ бывший президентъ апелляціоннаго суда въ Франкфуртѣ на Одерѣ, бывший президентъ германскаго рейхстага въ 1848 г., позднѣе многолѣтній президентъ прусской палаты депутатовъ, Эдуардъ Сиксонъ, какъ первый президентъ германскаго рейхстага, человѣкъ, пережившій всю новую политическую жизнь въ качествѣ народнаго представителя, и по своимъ высокимъ политическимъ дарованіямъ, по своему блестящему краснорѣчію, по своему безупречному характеру и замѣчательнымъ юридическимъ познаніямъ и опытности, достойный занять мѣсто

среди самых уважаемых людей германской нации. Для многих из теперешних судей будетъ, разумѣется, непріятно, переселяться изъ Берлина въ маленькій Лейпцигъ, но вѣдь эта же участь постигаетъ всѣхъ служащихъ, и потому съ ней должны примириться и судьи; разумѣется только, при новой организаціи, судья не можетъ болѣе быть переведенъ противъ своей воли, что прежде служило также средствомъ наказывать или усмирять нелюбимыхъ судей. Такъ, въ управленіе министра Симонса одинъ судья, будучи либераломъ и противникомъ министерства, однимъ почеркомъ пера былъ переведенъ отъ Рейна въ русскую границу, чтобы тамъ одичать въ какомъ-нибудь маленькомъ городѣ.

Новая судебная организація, вошедшая въ силу съ 1 октября, произвела огромный переворотъ, какого можетъ быть никогда не совершалось ни въ одномъ государствѣ. Такъ какъ судебная организація съ этихъ поръ будетъ совершенно иная, чѣмъ была прежде, — то каждый изъ многихъ тысячъ судебныхъ чиновниковъ будетъ назначенъ съизнова, и множество прежнихъ должностныхъ лицъ получатъ пенсію, или будутъ переведены на новыя должности. Само собою разумѣется, что такой великій переворотъ не можетъ произойти безъ всякаго рода помѣхъ. Могутъ случиться ошибки, и только практика укажетъ, какъ имъ помочь. Однако, во всемъ этомъ можетъ утѣшить тотъ чрезвычайно важный фактъ, что для всей германской имперіи снова существуютъ одни и тѣ же судебныя правила, одинъ законъ, одно право, впервые послѣ такого долгаго промежутка времени, въ теченіи котораго она оставалась раздробленною на безконечное количество частей, благодаря ходу своей исторіи.

Другой пунктъ въ новой организаціи до сихъ поръ тоже произвелъ сильныя затрудненія, а именно учрежденіе „Schöffен“, которое, конечно, составляетъ характеристическую черту новаго судебного устава. „Schöffe“ не совсѣмъ то же что присяжные. Суды „Schöffен“ — древніе и чисто германскіе народные суды, которые однако долгое время оставались въ забвеніи, и о которыхъ въ теченіи 20 лѣтъ люди, стоящіе внѣ юридическаго міра, только то и знали, что въ Вестфалии нѣкогда существовалъ тайный „Vehmgericht“ — судъ, который былъ настоящимъ „Schöffengericht“. По теперешней организаціи, эти суды будутъ собираться каждый годъ при ремесленныхъ судахъ, и именно для преній и приговоровъ по дѣламъ о штрафахъ; итакъ, это вовсе не постоянные суды, и состоятъ они изъ земскаго судьи, какъ предсѣдателя, и двухъ „Schöffен“, какъ засѣдателей. „Schöffен“ имѣютъ во все время судопроизводства одинаковое съ предсѣдателемъ право голоса, но послѣ главныхъ преній окончательное рѣшеніе принадлежитъ предсѣдателю. Эти „Schöffен“ будутъ внесены въ списки

и каждый разъ вызываемы въ присутствіе. На весь годъ впередъ будутъ назначены дни для засѣданій, и порядокъ, въ которомъ они будутъ слѣдовать, будетъ опредѣленъ жребіемъ. Само собою разумѣется, что должность „Schöffen“—почетная, за которую не будетъ платиться никакое жалованье или вознагражденіе. При этомъ случаѣ оказалось, какъ мало пониманія въ народѣ относительно этого старомоднаго учрежденія. Многіе изъ вызванныхъ „Schöffen“ не явились совсѣмъ, или искали предлога освободиться отъ должности, казущейся имъ обременительной. Поэтому судьи должны были назначить значительные штрафы, которые вѣроятно въ короткое время побѣдятъ сопротивленіе. Я буду, вѣроятно, имѣть еще разъ случай поговорить о новой судебной организаціи, а теперь отлагаю это потому, что лучше выждать и изучить ее на практикѣ; для самихъ юристовъ чрезвычайно трудно дать вѣрное изображеніе новой организаціи, и они тщетно пытаются одолѣть эту задачу; самые испытанные практики говорятъ, что имъ должно нѣкоторое время прожить при новыхъ условіяхъ, чтобы имѣть вполне ясное представленіе объ ихъ результатахъ.

Другое событіе, о которомъ я говорилъ выше, —вступленіе генерала Мантейфеля въ должность намѣстника Эльзаса и Лотарингіи. Девять лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти двѣ страны снова присоединены къ Германіи, и, какъ я уже говорилъ выше, въ теченіи этого времени произошло повсемѣстное сближеніе съ Германіей, главнымъ образомъ благодаря такъ-называемой партіи автономистовъ, принципіи которыхъ заключается въ томъ, что земли должны управляться сами собою, почти такъ же, какъ управляется каждое отдѣльное государство германской имперіи, тогда какъ до сихъ поръ управленіе, исходившее изъ Берлина, имѣло нѣкоторымъ образомъ видъ опеки. Было бы слишкомъ долго снова перечислять всѣ отдѣльныя мѣры, принимавшіяся повсемѣстно для достиженія самостоятельности; притомъ онѣ уже перечислены по одиночѣй при разныхъ случаяхъ. Результатъ оказался тотъ, что во главѣ правленія, вмѣсто прежняго оберпрезидента, поставленъ намѣстникъ, соединяющій въ своихъ рукахъ гражданскую и военную власть, и которому содѣйствуютъ въ отправленіи его обязанностей провинціальныя представители. Сначала была рѣчь о томъ, чтобы сдѣлать намѣстникомъ какого-нибудь принца, подумывали даже соединить эти должности въ рукахъ крон-принца германской имперіи, но затѣмъ эти намѣренія измѣнились, и назначенъ Мантейфель, ставшій такимъ образомъ почти государемъ. Никто не можетъ сомнѣваться, что Мантейфель способенъ къ этой должности. Онъ уже выдержалъ строгое испытаніе въ своихъ дипломатическихъ способностяхъ, когда находился въ эльбскомъ герцогствѣ

въ 1865, 1866 гг. Его положеніе было тогда крайне тяжелое, и его рѣчи здѣсь, въ Берлинѣ, осмѣивались не безъ основанія, что, конечно, также не способствовало пріятности его положенія. Вслѣдъ затѣмъ однако оказалось, что подъ военной суровостью скрывалась огромная доза дипломатической тонкости, и что генералъ имѣетъ чрезвычайно правильную и широкую точку зрѣнія. Потомъ, во время войнъ 1866, а въ особенности 1870 — 1871 гг., Мантейфель доказалъ, что онъ обладаетъ весьма значительными военными способностями. Въ разное время ему поручались очень важныя дипломатическія миссіи, и въ своей теперешней должности онъ дѣйствовалъ чрезвычайно счастливо и успѣшно. Во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ въ новую страну онъ воспользовался случаемъ открыто объяснить свои планы, онъ объявилъ жителямъ, что вполне понимаетъ ихъ привязанность къ Франціи и на многое будетъ смотрѣть сквозь пальцы; но требуетъ повиновенія законамъ и не потерпитъ тайныхъ сношеній съ иностранцею. Онъ издалъ даже нѣсколько замѣчательныхъ постановленій; напримѣръ, снова разрѣшилъ изданіе листовъ, запрещенныхъ его предшественникомъ, и именно радикальнаго „Frankfurter Zeitung“, о которомъ я уже говорилъ, и ультрамонтанской „Germania“. Я долженъ при этомъ замѣтить, что во всѣхъ остальныхъ областяхъ Германіи запрещеніе газеты административнымъ порядкомъ не можетъ имѣть мѣста; но въ Эльзасѣ и Лотарингіи оно существовало въ теченіи всего этого промежутка времени, а именно на основаніи закона еще французской эпохи, дававшего администраціи право въ извѣстныхъ случаяхъ запрещать газету. Франкфуртская газета, вообще охотно кокетничавшая съ французами, приняла теперь въ случаяхъ, касающихся Эльзаса-Лотарингіи, сторону французской партіи, а „Германія“ пользовалась среди ультрамонтанъ рѣшительнымъ и печальнымъ вліяніемъ. Разрѣшеніе, данное фельдмаршаломъ этимъ листкамъ, безъ сомнѣнія указываетъ, что онъ не любитъ трусливыхъ и мелочныхъ мѣръ, но дѣлаетъ все, такъ сказать, en grand. Это, впрочемъ, указываетъ только на таланты генерала, какъ дипломата и администратора; но не они одни послужили причиной назначенія его намѣстникомъ Эльзаса-Лотарингіи: при этомъ принималось во вниманіе и политическое или, лучше сказать, военное положеніе дѣлъ. Такъ часто въ эти девять лѣтъ германская политика старалась удерживать Францію отъ возобновленія войны, что невозможно освободиться отъ убѣжденія, что мстительность французовъ только немного или даже совсѣмъ не охладилась, и въ одинъ прекрасный день она можетъ внезапно взять верхъ надо всѣмъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, на человѣка, командующаго въ завоеванныхъ земляхъ, легла бы большая отвѣтственность; и потребуются жалѣемая сила,

чтобы поддержать порядокъ въ этихъ земляхъ, даже въ томъ случаѣ, если война минуетъ ихъ. Безъ сомнѣнн, генералъ Мантейфель вполне пригоденъ для этого. Впрочемъ, канцлеръ послалъ съ нимъ также и своего сына Вильгельма, конечно не въ качествѣ помощника — онъ слишкомъ молодъ для этого — но, во-первыхъ, для того, чтобы поддерживать прямыя сношенія между фельдмаршаломъ и канцлеромъ, во-вторыхъ, чтобы доставить молодому человеку случай приобрести опытность.

Палата депутатовъ, по выборѣ президента, приступила къ возложеннымъ на нее занятіямъ. Особенно интересныхъ засѣданій до сихъ поръ не было, хотя нѣтъ недостатка въ очень длинныхъ рѣчахъ; и именно Рихтеръ снова сказалъ длинную рѣчь, когда началось обсужденіе бюджета; обсужденіе законопроекта о желѣзныхъ дорогахъ также вызвало весьма оживленныя пренія. Между тѣмъ результаты обонхъ тотъ, что законопроекты переданы на обсужденіе комиссій, работающихъ при закрытыхъ дверяхъ; чтобы избѣжать слишкомъ частыхъ перерывовъ въ занятіяхъ этихъ комиссій, назначенъ даже восьмидневный перерывъ общихъ засѣданій.

Что касается до бюджета, то, къ сожалѣнію, опять обнаруживается сильный дефицитъ, и теперь предстоитъ позаботиться о томъ, какъ покрыть его. До сихъ поръ надежда на лучшія времена не осуществилась; и новые налоги пока дадутъ не особенно много, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ будутъ взиматься только съ будущаго года, да и остальные не произвели особеннаго дѣйствія, такъ какъ заинтересованныя лица уже приняли свои предосторожности. Такъ, напримеръ, введено было такое огромное количество табаку, что налогъ на него принесетъ государству сколько-нибудь значительную выгоду не раньше, какъ черезъ годъ. Правительство, предвидѣвшее это, желало увеличить и добавочную подать на существующій табакъ, но рейхстагъ не согласился на это. Мѣстами замѣчено возвышеніе хозяйственнаго благосостоянія, но, съ другой стороны, нѣтъ недостатка и въ противоположныхъ указаніяхъ. Такъ, въ верхней Силезіи царствуетъ нужда, которая по всей вѣроятности потребуетъ значительной помощи отъ государства. Урожай въ этомъ году довольно плохъ, а населеніе верхнесилезской рудниковои области уже съ давнихъ поръ принадлежитъ къ самымъ недостаточнымъ и недомочнымъ во всей имперіи. Впрочемъ, если въ этомъ случаѣ палата депутатовъ можетъ только поддерживать законопроекты правительства, разъ оно нуждается въ средствахъ, — то относительно вопроса о желѣзныхъ дорогахъ дѣло стоитъ нѣсколько иначе.

Какъ извѣстно, прусское правительство заключило уже со многими большими обществами предварительныя условія, по которымъ

тѣхперешія акціи и облигаціи должны быть превращены въ опредѣленную ренту, уплачиваемую государствомъ. Само собою разумѣется, что эти условія еще требуютъ согласія со стороны представителей прусскаго народа, чтобы имѣть дѣйствительную силу. До сихъ поръ пренія, собственно говоря, выяснили мало новаго въ этомъ вопросѣ. Доводы за и противъ были исчерпаны уже раньше, такъ что ничего новаго не можетъ быть сказано. Противники такъ-называемаго огосударствленія желѣзныхъ дорогъ ссылались, какъ и прежде, на то, что для государства, какъ показалъ опытъ, дѣло обойдется гораздо дороже, чѣмъ для частнаго предпринимателя; что въ высшей степени опасно навязывать ему такую массу чиновниковъ; что прусскій государственный кредитъ чрезвычайно пострадаетъ, если къ прежнему долгу прибавится сумма, можетъ быть, въ тысячу миллионъ; проценты съ которой будутъ уплачиваться государствомъ, и что доходы съ желѣзныхъ дорогъ во всякомъ случаѣ такъ шатки, что не могутъ дать никакого прочнаго основанія для государственной экономіи, и дѣлаютъ невозможнымъ всякій контроль со стороны представителей народа. Сторонники государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, напротивъ того, доказываютъ, что и теперь уже значительная часть дорогъ частію вполнѣ принадлежитъ правительству, частію управляется имъ; что для военныхъ цѣлей особенно важно господство правительства надъ всѣми желѣзными дорогами; что управленіе было бы и гораздо проще, и дешевле, если бы всѣ дороги находились въ однихъ рукахъ, чѣмъ теперь, когда каждая желѣзная дорога имѣетъ свое, чрезвычайно дорогое стоящее, правленіе, и т. д. Пунктъ, на которомъ сосредоточивается интересъ въ настоящую минуту, — есть вопросъ, какія гарантіи должно дать правительство противъ злоупотребленія той чрезвычайной силой, которую ему доставитъ огосударствленіе желѣзныхъ дорогъ. Что эти гарантіи необходимы, въ этомъ согласны всѣ стороны палаты депутатовъ, какъ консерваторы, такъ и прогрессисты; но какого рода должны быть требуемыя отъ правительства гарантіи, этого еще совсѣмъ не рѣшили, и въ этомъ отношеніи остается съ нетерпѣніемъ ожидать заключеній комиссіи и позднѣйшаго рѣшенія собранія *in plenum*.

Третій важный предметъ есть уже вышеупомянутый вопросъ о „Simultanschulen“, и именно, о происшествіи въ Эльбингѣ. Власти этого города обратились къ ландтагу съ петиціей противъ министра народнаго просвѣщенія, и это обстоятельство во всякомъ случаѣ подастъ поводъ для продолжительныхъ преній. Съ увѣренностью можно ожидать, что д-ръ Фалькъ воспользуется случаемъ оправдать свое прежнее управленіе и подставить ножку своему преемнику! Это

весьма сенсационное дѣло сессіи, но при теперешнемъ настроеніи собранія оно не будетъ имѣть никакого успѣха.

Напротивъ того, гораздо важнѣе вопросъ, какъ воспользуется своей силой большинство. Въ теченіи десяти лѣтъ господствовали либералы, и хотя они постоянно жаловались, что не пользуются достаточнымъ вліяніемъ, однако въ дѣйствительности ихъ могущество было такъ велико, какъ только можно желать. Теперешнее консервативное большинство въ свою очередь имѣетъ полное право воспользоваться своей силой, и потому вопросъ только въ томъ, какъ оно будетъ дѣйствовать? Прежде всего, будетъ ли оно въ состояніи выставить опредѣленную программу, чтобы повсемѣстно привести ее въ дѣйствіе? Ограничится ли оно только обороной и пересмотромъ второстепенныхъ вопросовъ, или же постарается провести въ законодательство и управленіе положительныя консервативныя идеи? До сихъ поръ еще нѣтъ и намека на это. Разумѣется, громко раздаются консервативные голоса, и именно въ „Крестовой газетѣ“, объявляя, что они и ихъ партія тѣ же, что были въ 50-мъ году, что они ничему не научились и ничего не позабыли. Но эта партія, собственно говоря, очень мала, и едва ли пользуется какимъ-нибудь вліяніемъ на живыя силы страны. Основные положенія, защищаемыя „Крестовой газетой“, представляютъ собою стремленія мелкаго дворянства страны и большей части духовенства. Конечно, оба эти элемента еще имѣютъ очень большое вліяніе, и именно среди сельскаго населенія, но отнюдь не среди всего народа и меньше всего въ средѣ образованныхъ классовъ. 25-тъ лѣтъ тому назадъ можно было сказать, что идеи „Крестовой газеты“ имѣютъ сильную опору въ арміи, даже господствуютъ въ ней,—разумѣется, я говорю только объ офицерахъ. Вскорѣ послѣ 1848 г. мелкое дворянство преобладало въ арміи въ рангѣ офицеровъ. Съ 1858 г. и преимущественно послѣ послѣднихъ войнъ армія была реорганизована и такъ сильно увеличилась, что мелкаго дворянства, которое прежде, какъ сказано, почти исключительно занимало офицерскія должности, оказалось недостаточно для этого, и потому недворянскій элементъ уже давно получилъ перевѣсъ. Притомъ великія событія послѣдняго времени чрезвычайно усилили обаяніе офицерства и сильно поколебали узкій кастовый духъ прежняго времени. Нынѣ среди офицеровъ господствуютъ, конечно, не радикальныя, но по большей части очень рѣшительныя, хотя и умѣренныя, воззрѣнія на политическія и церковныя дѣла. Иное дѣло, конечно, въ гвардейскихъ и вообще привилегированныхъ полкахъ, гдѣ старая исключительность можетъ существовать еще въ высокой степени, но во всякомъ случаѣ для цѣлой арміи это ничего не значить. Прежняя партія „Крестовой газеты“,—та, которая, по выраже-

нію Герлаха и Штала, была не конституціонная, вообще не любила конституцій, или же стремилась выкраивать ихъ только сообразно своимъ выгодамъ. Какъ въ старыя времена бранденбургской исторіи, дворянство энергически возставало противъ курфюрстовъ, такъ и партія „Крестовой газеты“ каждую минуту готова была перейти въ оппозицію, еслибъ дѣла шли не по ея желанію, да и теперь еще она съ особеннымъ удовольствіемъ напираетъ на то, что, собственно говоря, не составляетъ правительственной партіи, но всегда стоитъ за свободу своихъ стремленій, согласны они съ требованіями правительства, или нѣтъ. Не слѣдуетъ, однако, заблуждаться на счетъ этой свободы. Реакціонеры постоянно идутъ рука въ руку съ правительствомъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о низверженіи или обузданіи общихъ враговъ;—и только когда это достигнуто, рѣшаются стать въ оппозицію. Но по всѣмъ вѣроятіямъ они не долго останутся въ этомъ пріятномъ для нихъ положеніи, они вынуждены будутъ ограничиться содѣйствіемъ правительству и пойдутъ не дальше того, а правительство, очевидно, и нежелаетъ заходить дальше того, какъ дѣло стоитъ теперь: приглашеніе Бенningсена княземъ Бисмаркомъ очень ясно показываетъ, что канцлеръ вовсе не намѣренъ разойтись совсѣмъ съ національ-либералами. Нѣтъ недостатка и въ другихъ признакахъ, указывающихъ, что правительство отнюдь не думаетъ покончить съ либеральнымъ характеромъ своего управленія и проникнуться дикими реакціонными стремленіями, которыя,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія—пользуются уже давно ненавистью всей Германіи, и могутъ быть чрезвычайно опасными для Пруссіи и для дѣла, до сихъ поръ столь успѣшно веденнаго княземъ Бисмаркомъ. Самъ Путткамеръ, хотя и можетъ считаться самымъ крайнимъ правымъ между всѣми министрами, отнюдь не реакціонеръ, но конституціонный министръ, который въ политикѣ стоитъ далеко отъ крайней правой. Графъ Эйленбургъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, человѣкъ необыкновенно обходительный и ловкій консерваторъ; онъ не имѣетъ ни малѣйшей злобы на либераловъ и отлично ладитъ съ ними; на него всего меньше дѣлается нападокъ. Министръ Луціусъ, близкій другъ канцлера, вѣроятно будетъ слѣдовать въ политическихъ дѣлахъ за своимъ другомъ, но, судя по его прошлому и по всему, что о немъ знаютъ его друзья, а также, по его всѣмъ извѣстнымъ, постоянно дружественнымъ сношеніямъ именно съ партіей національ-либераловъ, невозможно предположить, чтобы онъ былъ способенъ помогать и содѣйствовать чисто-реакціонерной политикѣ. Притомъ настоящая сессія можетъ быть очень коротка, такъ какъ въ январѣ снова долженъ быть созванъ рейхстагъ. Кромѣ уже поставленныхъ вопросовъ, ландтагу будетъ мало работы, и консерваторы будутъ, пожалуй,

очень рады избѣжать испытанія, на которомъ единство огромной консервативной партіи, очень можетъ быть, разлетится въ дребезги.

Можно съ большою увѣренностью ожидать, что подстрекатели, въ которыхъ уже теперь нѣтъ недостатка, постараются произвести какой-нибудь политическій кавардакъ. Въ числѣ такихъ подстрекателей одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ придворный проповѣдникъ Штёкеръ, дѣятельность котораго я уже достаточно выяснилъ въ предыдущихъ письмахъ; онъ продолжаетъ свою пропаганду, ничѣмъ не смущаясь. Это довольно безтолковая голова, въ которой, удивительнымъ образомъ, смѣшиваются социалистическія, реакціонерныя и религіозныя идеи; но онъ обладаетъ большимъ личнымъ мужествомъ и большимъ популярнымъ краснорѣчіемъ. Уже въ своихъ послѣднихъ письмахъ я упоминалъ, что на собраніяхъ, руководимыхъ Штёкеромъ, все сильнѣе и сильнѣе проповѣдуется ненависть къ евреямъ. Эта агитація до сихъ поръ еще нисколько не ослабѣла, напротивъ, она принимаетъ все большіе размѣры. Къ счастью, въ послѣднее время враги евреевъ потерпѣли сильную неудачу, попытавшись образовать общество для борьбы съ евреями, подъ именемъ „Антисемитической Лиги“, которому они предсказывали самый блистательный успѣхъ; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ въ него набралось не болѣе 30—40 членовъ, изъ которыхъ большая часть не особенно спѣшила открыто заявить о своихъ планахъ. Злая судьба выдала тайну общества и списокъ его членовъ, и, само собою разумѣется, этимъ господамъ пришлось перенести не мало насмѣшекъ.

Равнымъ образомъ потерпѣлъ пораженіе и Ласкеръ. Досугъ, который ему доставило неизбраніе его въ парламентъ, побудилъ его приняться за философскія занятія, и, подобно своему другу и единомышленнику Фоме, онъ избралъ предметомъ своихъ занятій языкъ. По этому предмету онъ напечаталъ въ очень распространенномъ ежемѣсячномъ журналѣ „Die deutsche Revue“ длинную статью, одного содержанія съ рѣчью, сказанною имъ въ собраніи ремесленниковъ. Долгое время, какъ это обыкновенно бываетъ въ Берлинѣ, никто не давалъ себѣ труда разобрать хоть въ немногихъ словахъ объ эти вещи. Критика теперь совершенно не въ модѣ,—это старый обычай, бывший въ ходу у ученыхъ прошлаго столѣтія. Теперь серьезныя образованные люди въ глубинѣ души подсмѣиваются надъ полемикой Лессинга съ Клоцемъ, которая, а именно сочиненія перваго, считается украшеніемъ нѣмецкой литературы и ревностно изучается. Итакъ, какъ сказано, долгое время никто не говорилъ ни слова объ этихъ опытахъ Ласкера, пока, наконецъ, одинъ современный ученый, имя котораго, впрочемъ, до сихъ поръ не пользовалось особенной извѣстностью, хотя онъ, какъ слышно, занимаетъ каведру въ здѣш-

немъ университетѣ, рѣшился напечатать критику, и притомъ критику убійственную, которой онъ, можно сказать, убилъ автора. А именно: этотъ критикъ, обладающій самыми всесторонними познаніями, доказалъ, что Ласкеръ, намѣреваясь обучать публику лингвистикѣ, самъ не позаботился приобрѣсти свѣдѣнія по наукѣ о языкѣ, которая послѣ Боппа стала на твердое основаніе, и, доказавъ сродство санскрита, съ такъ-называемыми индо-германскими языками, сосредоточила въ себѣ огромную массу умственныхъ силъ и достигла высокой степени развитія. Огромное количество популярныхъ сочиненій, въ особенности Мавса Мюллера въ Оксфордѣ, сдѣлали эту прекрасную науку доступной для самаго обширнаго круга читателей и, собственно говоря, всякій, имѣющій претензію на образованіе, долженъ знать ея основныя положенія. Изъ того, что говорилъ и писалъ Ласкеръ, ясно видно, что онъ и не подумалъ о всей этой литературѣ. Къ несчастію, онъ съ самаго начала обнаружилъ свою слабость, объявивъ славянскіе языки непринадлежащими къ индо-германскому семейству. Можете себѣ представить, какъ критикъ воспользовался этой громадной ошибкой, которая уже сама до себѣ достаточна, чтобы уничтожить всякое право разсуждать о научныхъ предметахъ. Затѣмъ, Ласкеръ, какъ въ рѣчи, такъ и въ статьѣ, занялся вопросомъ о происхожденіи языковъ и въ особенности отличился здѣсь мудрымъ замѣчаніемъ, что слишкомъ мало вниманія обращается на развитіе языка у дѣтей. Всякій, кто читалъ Геродота, припомнитъ, что уже въ древности какой-то царь велѣлъ удалить ребенка отъ всякаго сообщенія съ людьми, чтобы узнать, на какомъ языкѣ заговорить этотъ ребенокъ. Если я не ошибаюсь, ребенокъ произнесъ слово, которое сочли за фригійское, и мудрый царь твердо убѣдился, что фригійскій языкъ—самый древній и первобытный языкъ людей. Въ новѣйшія времена, въ особенности филологи, равно какъ и фیزیологи и воспитатели старательно занялись развитіемъ языка у ребенка, но не подвинулись еще ни на шагъ впередъ, ибо какъ у цѣлыхъ народовъ, такъ и у отдѣльныхъ индивидуумовъ образованіе языка скрыто подъ покровомъ непроницаемой тайны. Такъ что даже невозможно ясно представить себѣ, какъ образовался каждый отдѣльный языкъ, происходящій отъ древне-латинскаго, какъ, напримѣръ, современный итальянскій языкъ, французскій и проч. Находятъ, правда, нѣкоторые слѣды перехода и связи, но въ общемъ—каждый языкъ является для насъ, какъ нѣчто, сразу образовавшееся, а какъ совершался постепенный переходъ—этого мы не знаемъ.

Такъ какъ и здѣсь господствуетъ клика, то критика ученаго возбудила вниманіе только въ маленькомъ кружкѣ ученыхъ. А между тѣмъ, дѣло настолько серьезно, что можетъ вызвать на раз-

мышления. Въ Германіи охотно говорятъ объ образованіи; а между тѣмъ, по нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что образованіе въ Германіи вовсе не такъ широко распространено, какъ вообще привыкли думать. Я говорю не объ ученомъ мірѣ; ученые продолжаютъ издавать остроумнѣйшія изслѣдованія, производить величайшія работы, сочинять въ высшей степени точечныя и цѣнныя книги, и вообще, сокровищница науки, завѣщанная намъ предками, добросовѣстно и благочестиво охраняется и обогащается для передачи потомкамъ. Конечно, и кромѣ привилегированныхъ ученыхъ существуетъ широкій кругъ людей, ревностно занимающихся наукой и литературой и обладающихъ высокимъ образованіемъ; но если мы обратимъ вниманіе на массу людей, претендующихъ на образованіе, то-есть окончившихъ курсъ въ гимназій и университетѣ, или по крайней мѣрѣ въ гимназій, либо соотвѣтствующемъ ей реальномъ училищѣ, короче сказать—на всѣхъ, прошедшихъ какое-нибудь высшее училище, и не посвятившихъ себя исключительно научной дѣятельности, то увидимъ, что тутъ образованіе часто хромаетъ: вся бѣда въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ духѣ времени, любящемъ наживу, который естественно еще сильнѣе дѣйствуетъ на старыхъ, чѣмъ на молодыхъ; и во-вторыхъ, въ томъ, что многіе, опредѣливши себѣ занятія въ жизни, не имѣютъ вовсе времени продолжать свое образованіе. Въ прежнія времена, когда матеріальная жизнь не представляла еще такихъ сильныхъ требованій, какъ теперь, тогда человѣкъ имѣлъ время перечитывать старинныя и новыя литературныя произведенія, великія историческія сочиненія всѣхъ временъ, и такимъ образомъ образовывать свой умъ. Нынче это почти не встрѣчается; требованія государственной и гражданской дѣятельности истощаютъ духовныя силы человѣка и иссушаютъ его. Въ Англіи и Франціи условія гораздо благоприятнѣе, и именно потому, что въ обѣихъ странахъ богатство гораздо больше развито, чѣмъ въ Германіи, и множество людей считаютъ своею привилегією посвящать досуги изученію наукъ, и не думая извлечь изъ этого какую-нибудь практическую пользу.

Въ англійской парламентской рѣчи можно очень часто встрѣтить доказательства замѣчательныхъ познаній въ древней и новой литературѣ; въ Германіи изъ десяти рѣчей въ одной врядъ ли вы встрѣтите вѣрно процитированный общезвѣстный стихъ Шиллера, потому что каждый полагается на воспоминанія своей молодости и никто не имѣетъ времени возобновить ихъ въ своей памяти. Въ данномъ случаѣ на Ласкерѣ мы видимъ ясный примѣръ такого недостатка; однако онъ не заслужилъ бы такого безжалостнаго приговора, какой ему пришлось выслушать, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не изъяснилъ

претензіи разсуждать о предметахъ, о которыхъ не имѣютъ никакого понятія, и смѣло поставить на ряду съ трудами многихъ покойнѣй ученыхъ свое, такъ-называемое, размышленіе, т.-е. по-просту—праздную фантазію. Хотя я снискалъ выше, что критика не особенно широко распространяется, однако, во избѣжаніе недоразумѣнія, долженъ прибавить, что она во всякомъ случаѣ производитъ свое немалое дѣйствіе, обнаруживъ неопровержимый фактъ поверхностности Ласкера и замѣтно отзовется на его политической карьерѣ.

Между различными явленіями, которыя я уже перечислилъ, указывающими, что въ средѣ самого народа замѣчается реакція противъ господства либеральныхъ идей, выдающееся мѣсто занимаетъ, недавно появившаяся маленькая, весьма замѣчательная книжка. Судья, нынѣ служащій въ Гамбургѣ, д-ръ Отто Миттельштедтъ, издавъ, подъ заглавіемъ: „Gegen die Freiheitstrafen, ein Beitrag zur Kritik der heutigen Strafsystem“ ¹⁾, критику на существующую систему „Freiheitstrafen“, которую я разбилъ совершенно. Мы такъ привыкли къ этой системѣ, что почти не хотимъ вѣрить, когда авторъ говоритъ намъ, что вся современная система Freiheitstrafen, какъ основа уголовного права, представляетъ продуктъ новѣйшаго развитія права, и только въ послѣднія сто лѣтъ развилась у культурныхъ народовъ, не до того не была извѣстна ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ. Случайно, читая эту книгу, я имѣлъ подъ руками очень интересное французское сочиненіе: „Политическія рѣчи Демосеена, Рудольфа Дареста“, авторъ которой съ самаго начала даетъ прекрасное свидѣтельство того, что международная вражда, къ счастью, еще не имѣетъ вліянія на возрѣнія ученаго міра ²⁾. Онъ воспользовался многочисленными работами о Демосеенѣ нѣмецкихъ ученыхъ и, между прочимъ, изъ нихъ составилъ прекрасный обзоръ уголовного права въ Афинахъ, какъ введеніе къ своему труду. Разумѣется, во главѣ стоятъ законы Дракона, имя котораго извѣстно каждому ребенку. У народа Драконовы законы считаются даже, какъ извѣстно, „написанными кровью“; и, однако, не только Драконъ былъ великимъ законодателемъ, но въ его законодательствѣ челоуѣчество сдѣлало огромный шагъ впередъ, такъ какъ онъ первый уничтожилъ господствовавшую тогда въ народѣ, и именно въ греческомъ народѣ, кровавую месть, и замѣнилъ ее законнымъ наказаніемъ. Не знаю, многимъ ли изъ моихъ читателей знакомо прекраснѣйшее произведеніе классической литературы, панегирикъ Исократа, въ которомъ

¹⁾ Лейпцигъ, С. Гифцель, 1879.

²⁾ Les plaidoyers politiques de Demosthène, par Rodolphe Darest. Paris. Plon, 1879.

послѣдній, доказывая право афинянъ на происхожденіе отъ эллиновъ, перечисляетъ ихъ заслуги въ политической и гражданской области, и, между прочимъ, на первомъ планѣ ставитъ и ту заслугу, что афиняне первые ввели законную пеню за проступки. Что касается до драконовскаго законодательства, то, конечно, законодатель признавалъ только два рода наказанія, которые исключительно остались и въ позднѣйшемъ правѣ, а именно: смерть и изгнаніе. Разумѣется, я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бы вздумалъ въ подробностяхъ излагать эту мысль, какъ она выразилась въ сочиненіи Миттельшtedта, но я хочу только обратить на нее вниманіе. Мысль, что отнятіе у человѣка свободы само по себѣ есть уже наказаніе—эта мысль явилась только въ самое новѣйшее время. И раньше лишали свободы людей, но съ этимъ всегда соединялось суровое обращеніе, въ которомъ—а не въ простомъ лишеніи свободы—заключалось наказаніе; и въ первый разъ въ новое время, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей, отнятіе свободы стало считаться само по себѣ достаточнымъ наказаніемъ. „Конечно, — говоритъ Миттельшtedтъ, — заимствую изъ него, но крайней мѣрѣ, самое выдающееся мѣсто, — конечно, вездѣ, гдѣ были человѣческія жилища, были и темницы, башни или кѣлѣи, предназначавшіяся для тюремнаго заключенія, и во всѣ времена люди понимали, что можно лишать человѣка свободы такъ же, какъ и жизни. Прежде чѣмъ началась какая-нибудь исторія права, враги страны, народа, общаго мира, если ихъ удавалось схватить, были заключаемы въ темницы, для того ли, чтобъ потомъ подвергнуться смертной казни, рабству, изгнанію, для того ли, чтобъ навѣки засѣсть въ тюрьмѣ, или, при случаѣ, снова получить свободу за выкупъ или безвозмездно. Какъ форма и орудіе войны, — темницы, конечно, всегда были въ употребленіи и достигали своей цѣли, какъ оборонительное и наступательное оружіе, посредствомъ цѣпей и оковъ, и другихъ орудій физическаго плѣненія; но какъ объектъ наказанія, Востокъ и античный міръ, средніе вѣка и новое время до половины прошлаго столѣтія, не считали простое лишеніе свободы, а исключительно жизнь и тѣло, имущество, родину и сообщеніе съ народомъ, т.е. матеріальное существованіе человѣка съ его ослажаемыми и разрушаемыми дополненіями. Только мы, новѣе люди, стали рассматривать человѣческую свободу, эту безсодержательную абстракцію, какъ нѣчто живое, положительное, само по себѣ принадлежащее человѣку достоинствѣ“. Всякій пойметъ, какую оппозицію эти положенія должны были встрѣтить среди либеральной партіи, однако, въ одномъ пунктѣ всѣ стороны должны признать полную справедливость автора; а именно, когда онъ гово-

рять: „темницы и ихъ населеніе растутъ постоянно; съ 1870 г. въ Германіи до такой степени умножилось число преступленій и заключеній по уголовной категоріи, что самый закоренѣлый оптимистъ начинаетъ тревожиться. Вѣра въ истинность существующей системы все болѣе и болѣе угасаетъ; никто теперь не смѣетъ думать, что порядокъ, миръ, нравственное состояніе общества сколько-нибудь возвысилось, что даже его теперешнее состояніе сохраняется и укрѣпляется, благодаря существующей системѣ наказаній. Чувство утомленія, которое уже не можетъ быть сильнѣе, проникло въ самые далекіе круги народа, и энергическіе люди вызываютъ къ возвращенію назадъ, къ рѣшительнымъ орудіямъ наказанія прошлыхъ временъ, къ висѣлицѣ и топору, палкамъ и лезорному столбу. Только люди тюремной науки, теоретики и техники по ремеслу не хотятъ расстаться съ своими прекрасными научными теоремами и учрежденіями, ожидаютъ всего отъ имѣющагося въ виду общаго государственнаго уложенія о наказаніяхъ, въ которомъ должны осуществиться всѣ ихъ золотыя мечты“.

Какъ бы ни казалось все высказанное авторомъ — парадоксальнымъ и одностороннимъ, его книга однако обратила на себя всеобщее вниманіе и заслуживаетъ тщательнаго изученія, если не съ цѣлью радикальныхъ намѣненій въ существующихъ системахъ наказанія, то съ цѣлью новой ихъ провѣрки.

К.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОПРАВКА.

Въ некрологѣ С. М. Соловьева, помѣщенномъ въ ноябрьской книгѣ нашего журнала, сдѣлана подстрочная замѣтка, гдѣ, между прочимъ, сказано: „Московскія Вѣдомости“ въ теченіи трехъ дней (т. е. 5, 6 и 7 октября) послѣ смерти не сказали ни слова о покойномъ“. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (№ 312) указываютъ намъ, что именно „въ по(у)мерѣ“ „Московскихъ Вѣдомостей“, отъ 5 октября, прежде, слѣдовательно, чѣмъ въ какомъ-либо органѣ печати (что вполне естественно—замѣчаютъ „Вѣдомости“ въ снобкахъ), появилась *передовая статья*, посвященная памяти историка“. Пересмотрѣвъ вновь, по этому указанію, номеръ упомянутой газеты, мы дѣйствительно нашли газетное *entrefilet* въ нѣсколько строкъ, которое именно потому и могло быть нами легко просмотрѣно. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ долгомъ исправить и такой просмотръ, виждь съ ошибкою самихъ „Сиб. Вѣдомостей“: *передовая статья* въ этомъ номерѣ, отъ 5 октября, посвящена не памяти историка, а совершенно другому предмету, не имѣющему ничего общаго съ нею; и, конечно, передовую статью мы не могли бы не замѣтить. Намъ оставалось бы еще выразить свою признательность редакціи „Сиб. Вѣд.“ за оказанное намъ содѣйствіе къ исправленію просмотра, если бы она не присоединила къ тому весьма страннаго заключенія, обращеннаго къ намъ: „Это—тенденціозная выдумка дурного качества“; а за этимъ слѣдуетъ еще не менѣе оригинальное обвиненіе насъ въ томъ, что мы будто сдѣлали „память знаменитаго покойника орудіемъ *интрижныхъ* (!) цѣлей“. Не понимаемъ, какая можетъ быть „интрижная цѣль“ у журнала, который знаетъ, что онъ всегда и охотно сдѣлаетъ потомъ поправку на своихъ же страницахъ. Что же касается до высказаннаго нами мнѣнія въ той подстрочной замѣткѣ, то сущность его и правдивость вовсе не зависятъ отъ того, упоминалось или не упоминалось имя С. М. Соловьева въ номерѣ 5 октября. Такъ какъ нашъ фактический недосмотръ и ошибка самихъ „Сиб. Вѣдомостей“ теперь исправлены, то отъ всего этого дѣла остается на лицо одно, новое доказательство, что нѣкоторымъ редакціямъ видятся вездѣ „тенденціи дурного вкуса“ и „интрижныя цѣли“, что въ такомъ душевномъ состояніи всегда легко, исправляя ничтожную ошибку у другихъ, самому впасть въ болѣе крупную ошибку.

Пользуемся настоящимъ случаемъ также и для дополненія помянутого у насъ некролога С. М. Соловьева рескриптомъ П. В. Соловьевой, вдовы покойнаго историка, отъ Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича:

„Поликсена Владиміровна! Съ живѣйшимъ прискорбіемъ услышалъ Я, по возвращеніи Моемъ, о кончинѣ многоуважаемаго Сергѣя Михайловича. Вамъ ближе и ощутительнѣе, чѣмъ кому-либо, скорбь невозвратной потери; но эту скорбь раздѣляютъ съ вами всѣ русскіе люди, издавна привыкшіе чтить въ супругѣ вашемъ не только ученаго и талантливаго писателя, но и человѣка добра и чести, вѣрнаго сына Россіи, горячо принимавшаго къ сердцу и въ прошедшихъ, и въ настоящихъ судьбахъ ея все, что относится къ ея славію, вѣрно хранившаго въ душѣ своей святую вѣру и преданность церкви, какъ драгоцѣннѣйшій залогъ блага народнаго.

„Принявъ отъ него всегда памятные Миѣ уроки и наставленія въ исторіи нашего отечества, Я не могу быть равнодушнымъ къ вашему горю и вмѣняю Себѣ въ сердечный долгъ выразить вамъ Свое искреннее и глубокое сочувствіе. Цесаревичъ АЛЕКСАНДРЪ“.

М. СТАСЮЛЪВИЧЪ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1879 году.

Въ 1879-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

экз.	экз.	экз.
1. Херсонск. . 306	23. Владимірска. 53	45. Гродненская 32
2. Кіевская. . 218	24. Нижегород. 50	46. Витебская . 31
3. Харьковск.. 133	25. Смоленская. 50	47. Томская . . 31
4. Полтавская. 114	26. Тульская . . 49	48. Забайк. об. 30
5. Тифлисская. 114	27. Кубанск. об. 48	49. Дагест. обл. 29
6. Екатеринос. 110	28. Иркутская . 48	50. Сирь-Д. об. 29
7. Варшавск. . 108	29. Тверская . . 48	51. Бутанская. 28
8. Черниговск. 95	30. Новгородск. 47	52. Бакінская . 27
9. Таврическ.. 94	31. Пензенская. 46	53. Лифляндск. 27
10. Бессарабск. 92	32. Рязанская . 46	54. Алем. об. 25
11. Тамбовская. 88	33. Московская. 44	55. Уфимская . 25
12. Казанская . 87	34. Псковская . 41	56. Ставропол. . 24
13. Подольская. 85	35. Самарская . 41	57. Эриванская. 24
14. Пермская. . 82	36. Вятская . . 40	58. Вологодская 23
15. Саратовск. . 75	37. Виленская . 39	59. Бовенская . 23
16. Орловская . 72	38. Костромская 39	60. Люблинская. 23
17. Воронежск.. 71	39. Оренбургск. 38	61. Астраханск. 20
18. Курская . . 70	40. Ярославская 38	62. Сѣдлецкая . 20
19. Волынская . 69	41. Калужская . 36	63. Ферганская . 19
20. С.-Петербур. 69	42. Минская. . . 36	64. Эстляндская 19
21. Обл. В. Дон. 62	43. Могилевск . 35	65. Елисаветпол. 18
22. Симбирская. 59	44. Терская об. 34	66. Тобольская . 18

67. Архангельск. 16	77. Амурск. об. 11	87. Уральск. об. 7
68. Олонецкая . 15	78. Заравш. окр. 11	88. Черном. об. 6
69. Петровск. 15	79. Карская. об. 11	89. Якутск. об. 5
70. Калининская . 14	80. Примор. об. 11	90. Бульдж. р. 3
71. Курляндск. 14	81. Нюландская 10	91. Сухумскій окр. 3
72. Пюцкая . . 14	82. Семипал. об. 10	92. Закасп. в. окр. 1
73. Енисейская . 13	83. Сувальская . 9	93. Тавастгустск. 1
74. Семирѣченск. 13	84. Бѣлецкая . . 8	94. Тургайс. об. 1
75. Ломжинская . 12	85. Батумская . 7	
76. Радомская . 12	86. Выборгская. 7	
		4024

II. Въ С.-Петербургѣ. 1807

III. Въ Москвѣ 519

IV. За границей 132

Всего: экз. 5982

А. Хомитовскій

Учредитель редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1879 году.

А. Всеобщая и русская почтовая статистика за 1877 годъ (май, 420).

А. Е. Три пѣсни (дек. 725).

А. Л. Международная телеграфная конференція въ Лондонѣ (нояб., 247). Желѣзныя дороги и экономическое развитіе (дек. 798).

А — въ, Л. Соціальное движеніе въ Германіи (январь, 205). — Вольный процентъ (мартъ, 326). — Италія и Викторъ-Эммануилъ (сен., 238). — Новые писатели о Россіи: князь Любомірскій и Николай Карловичъ (окт., 754).

А. М. Новѣйшіе труды по теоріи, практикѣ и критикѣ промысловаго налога (окт., 813).

Абрамовъ, А. Образованіе и обезпеченіе быта рабочихъ въ Россіи (январь, 821).

Андреевскій, С. А. Стихотворенія: I. Силуэтъ. II. Вотъ скоро сметутся наносы, мятели. III. Въ началѣ жизненной дороги (январь, 59). — I. Эхо. Изъ Коппе. II. Невольный объѣтъ (июнь, 757). — Изъ Сюлли Прюдома: I. Разбитая ваза. II. Свѣтлыя минуты. III. Вальсъ. IV. Море. V. Крылья (июль, 180).

Арсеньевъ, К. К. Философская драма Ренана: «Калибанъ» (январь, 95).

Бертенсенъ, I. В. Гигиеническій конгрессъ въ Парижѣ (май, 397).

В — иъ, А. Знатный баринъ прошлаго вѣка (январь, 272). — Школа 20-хъ годовъ (дек. 692).

Воскодовскій, Александръ Н. Робертъ Гринъ и его изслѣдователи (авг., 552).

Вольфъ, А. Н. Петербургскіе театры и ихъ современное положеніе (мартъ, 305).

Г., А. В. Четвертое измѣреніе и спиритизмъ (январь, 253).

Гербель, Н. В. Изъ Гёте: I. Амуръ. II. Римъ (январь, 5).

Д. К. Юбилей Крашевскаго (нояб., 401).

Данилевскій, Г. Н. Мировичъ. Историческій романъ (июнь, 634; июль, 5; августъ, 437).

Зела, Эмиль. Парижскія Письма: XLIV. Современная драматическая сцена (январь, 406). — XLV. Новая драма изъ романа (фев., 869). — XLVI. Смерть Оливье Бекайя (мартъ, 897). — XLVII. Литература и политика (апр., 850). — XLVIII. Два литературныя торжества: В. Гюго и Ренанъ (май, 349). — XLIX.

Парижанка (июнь, 830).— I. Художественныя и литературныя новости (июль, 399).— II. Праздникъ въ Ковилѣ (авг., 841).— III. Экспериментальный романъ (сен., 406).— IV. Сентъ-Бевъ и его критическая школа (окт., 845).— V. За кулисами. Глава изъ новаго романа «Нана» (нояб., 371).

К., В. Новая біографія лорда Биконсфилда (сен., 269).— Россія и Англія въ Средней Азіи (окт., 732).

К.-К., В. Мой старый домъ. Изъ Владислава Сырокомли (авг., 581).

Коршъ, В. О. Дипломатія и война въ восточномъ вопросѣ (фев., 632; мартъ, 170).

Косичъ, А. М. Письмо въ редакцію (апр., 887).

Костомаровъ, Н. М. Руина. Историческая монографія изъ исторіи Малороссіи, 1663—1687 гг. (апр., 610; май, 5; июнь, 437; авг., 586; сен. 5).

Крыловъ, В. А. Горе-злосчастье. Драма въ пяти дѣйствіяхъ (январь, 126).

Л. А. Палата № Сто-третій (дек., 538).

Л. Л. Счастливый бракъ (дек., 663).

Л. Н. Полоса. Очеркъ (окт., 574).

Лукьяновъ, Л. Сумасшедшій музыкантъ. Повѣсть (июль, 218).

М. Л. Двѣ брошюры о средне-азиатской желѣзной дорогѣ (май, 377).

М. Л. Д. Звѣздный свѣтъ. Стихи. Изъ Лонгфелло (окт., 730).

М. Н. Сыроваръ (дек. 644).

Мишкѣй, Н. М. Стихотворенія: I. Критикъ и поэтъ. II. Среди полей (фев., 690).— Тучки (апр., 763).— Бѣлыя ночи (нояб., 272).

Мироновскій, Всев. Вашингтонъ. Очерки столицы и правительства Соединенныхъ-Штатовъ Америки (окт., 514; нояб., 5; дек., 489).

Назаровъ, В. Н. Современная глушь: весна и осень мировыхъ учреждений (май, 122).

Никулина, К. Специалистъ. Страница изъ женской жизни (январь, 63).

Томъ VI — Декабрь, 1879.

Объясненія редакціи по поводу «Разъясненій», напечатанныхъ въ майской и ноябрьской книгахъ, вслѣдствіе требованія министерства народнаго просвѣщенія (июнь, 803; дек., 885).

Орловъ, А. И. Сербскія мелодіи. Изъ Вука Караджича (фев., 449).

Остриковъ, П. Народная литература кабардинцевъ и ея образцы (авг., 697).

Отъ редакціи. Отвѣтъ «Старому жителю Тулы» (апр., 889).— Письмо въ редакцію «Новаго жителя Тулы», и депеша преосвящен. Анѣима А. Н. Пыпину (май, 435).

П., Л. Мое здоровье. Изъ самонаблюденій Бэрнанда (фев., 457).

Первольфъ, I. I. Австрійскіе славяне въ 1848—1849 гг. (апр., 491).

Пелонскій, Як. П. Дешевый городъ. Хроника-романъ (фев., 553; мартъ, 5; апр., 656; май, 40; июнь, 498).

Поповъ, Н. А. Сербія и Порты въ 1861—67 гг. (фев., 505; мартъ, 210).— И. А. Феслеръ (дек., 586).

Поповичъ-Липованъ, Н. Ю. Черногорскія женщины (сен., 138; окт., 636).

Потѣхинъ, А. А. Молодые побѣги. Повѣсть. Часть IV (мартъ, 103; апр. 543; май, 170).

Принтъ, Н. Г. Земельные банки и землевладѣніе (нояб., 141).

Пыпинъ, А. Н. Забѣтка по поводу рецензій на книгу: «Исторія славянскихъ литературъ» (мартъ, 440).— Литературный панславизмъ (июнь, 591; авг., 711; сен., 307).

Р—тъ, М. Отъ Москвы до Тегерана и обратно (мартъ, 278).

Разъясненіе. По требованію министерства народнаго просвѣщенія (май, 324; нояб., 341).

Ремьяръ, А. Наука и литература въ современной Англіи. Письмо девятое (январь, 287).— Письмо десятое (июль, 318).

С. М. Некрологъ: Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (январь, 436).— Сергій Михайловичъ Соловьевъ (нояб.,

437). — Поправка въ некрологу С. М. Соловьева (дек. 916).

С. С. Стихотворенія: I. Мечтательницѣ, изъ Сырокомли. II. На рубежѣ земли обитованной (мартъ, 207).

— скій. Первый сибирскій университетъ (нояб., 58).

С. Л. Я. Варенька Ульянина. Повѣсть (нояб., 165; дек. 441).

Саккетти, Л. А. Музыкальное образование въ школахъ и жизни (апр., 737).

Селовъ, С. М. Поппо ди-Борго и Франція (мартъ, 82; май, 262).

Стахъ, Д. Домашній очагъ. Повѣсть (сен. 78; окт., 449; нояб., 93; дек. 729).

Стороженко, Н. Госпожа Сталь и ея друзья (июль, 184).

Суриковъ, Н. З. Въ Украинѣ. Стихотвореніе (сен. 267).

Тальбергъ, Д. Г. Ссылка на Сахалинъ. Очеркъ (май, 218).

Тархановъ, Нв. Р. Психомоторные

центры у человека и животныхъ (январь, 7).

Успенскій, А. Н. Наше пчеловодство и земство. Сельско-хозяйственная записка (июнь, 759).

Утинъ, Евг. Н. Въ Болгаріи. Изъ замѣтокъ и воспоминаній (фев. 693).

Цертелевъ, Ки. Д. Стихотвореніе: Осенній желтый лѣсъ стоялъ угрюмо (сен., 306).

Э. А. Другъ дома. Романъ Уида (авг., 636; сен., 174).

Эшеръ, Г. М. Молоканы или христіане-спиритуалисты восточной Россіи (сен., 368).

З. З. Современный романъ въ его представителяхъ: I. Густавъ Фрейтагъ (апр., 445). — II. Фридрихъ Шпильгагенъ (июль, 121). — Бертольдъ Ауэрбахъ (окт., 672).

Хроника.

І. Внутреннее Обзорѣіе.—Февраль: О бумажно-денежномъ обращеніи.—Наши приверженцы „инфляціи“.—Государственная роспись на 1879 г.—Отчетъ контроля за 1877.—Вопросъ о возрастаніи дохода.—Чрезвычайные расходы.—Новые налоги.—Особая коммиссія для сокращеніи расходовъ (809 стр.).—Мартъ: Чума и наши нравы.—Одесскій градоначальникъ о городскомъ самоуправленіи.—Польза обнародованія административныхъ отчетовъ.—Отчетъ обер-прокурора св. синода за 1877 годъ.—Матеріальное положеніе духовенства.—Церковная статистика.—Отвѣтъ профессору Варсову.—Новая почтовая такса (373 стр.).—Апрѣль: Книга профес. Гусева и ея упреки русской журналистикѣ.—Защита имъ профессора Цитовича.—Опять вопросъ о поврежденіи нравовъ.—Наше объясненіе по поводу второй брошюры г. Цитовича.—Предположеніе о признаніи въ Россіи баптистской секты.—Тургеневскій обѣдъ (800 стр.).—Май: Второе апрѣля.—Указъ сенату о назначеніи и правахъ генералъ-губернаторовъ.—Новыя полицейскія распоряженія и постановленія петербургскаго генералъ-губернатора.—Преобразование медико-хирургической академіи.—Отмѣна приѣма семинаристовъ въ университеты.—Коммиссія для пересмотра таможеннаго тарифа (800 стр.).—Іюнь: Вопросъ о расколѣ.—Свѣтскіе законы.—Инструкція 1858 года.—Законъ 1874 г. о метрическихъ книгахъ и его пробѣлы.—Расколъ въ виду народнаго образованія.—Газета „Старообрядецъ“.—Отношеніе къ ней раскольниковъ іерарховъ.—Воззваніе о единеніи старообрядцевъ.—Московский знатокъ раскола г. Н. С.—нъ.—Полемическіе курьезы.—Вѣроятность дальнѣйшихъ видоизмѣненій раскола (782 стр.).—Іюль: Третій восточный заемъ.—Из-

ятіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія.—Коммиссія о сокращеніи расходовъ.—Коммиссія о подушной подати.—Коммиссія для пересмотра таможеннаго тарифа.—Обзоръ мѣръ относительно металлургическаго производства.—Отзывъ херсонской земской медицинской коммиссіи о планѣ врачебной организаціи.—Законъ о кассахъ ссудъ (375 стр.).—Августъ: Церковное поученіе и свѣтская гласность.—Улучшеніе вексельнаго курса.—Неразмѣнныя деньги.—Ссылки на примѣры Америки.—Успѣхи производительности въ Америкѣ.—Вопросъ о несовѣстимости частной службѣ съ государственною.—Конножельзное утредительство въ Петербургѣ.—Конѣчная прибавка (783 стр.).—Сентябрь: Свѣдѣнія объ „испытаніяхъ зрѣлости“ въ 1878 году.—Преувеличеніе задачъ школы частью печати.—Статистика успѣховъ.—Отзывы профессоровъ о письменныхъ работахъ.—Исполненіе учебной программы.—Вопросъ о водномъ пути въ Среднюю Азію.—Мысль о поворотѣ Аму-Дарыи въ прежнее русло.—Будущность среднеазиатскихъ владѣній.—Положеніе кустарной промышленности.—Правительственная инициатива (385 стр.).—Октябрь: Судебная практика и нравы.—Беззащитность ремесленныхъ учениковъ.—Безнаказанность вредной желѣзно-дорожной экономіи.—Подсудность военно-служащихъ за общія правонарушенія.—Дисциплинарный уставъ.—Особенности военно-судебныхъ уставовъ.—Новый законъ о земствѣ.—Поступленіе таможенныхъ сборовъ.—Налогъ на соль (791 стр.).—Ноябрь: Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1877 г.—Университеты и гимназіи.—Desiderata современнаго гимназическаго устройства.—Прочія училища.—Защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, и брошюра г. фонъ-деръ-Ховена.—Новый мостъ черезъ Неву.—Соби-

тіе въ ревельской думѣ (816 стр.).—Декабрь: Покушеніе на жизнь Государя Императора въ Москвѣ. — Сужденія въ московскомъ земствѣ о земской кассѣ для содѣйствія крестьянамъ въ покупки земель.—Общій вопросъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства.—Объясненіе гласныхъ изъ крестьянъ.—Положеніе сельскихъ учителей. — Новый законъ о назначеніи служащихъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и мировыхъ судей. — Возраженіе „Голосу“ по поводу отвѣтственности военно-служащихъ за обиды частнымъ лицамъ.—Общій вопросъ о подсудности военно-служащихъ. — Письмо въ редакцію изъ Нальчика (857 стр.).

II. Иностранная Политика. Январь: Январскіе выборы и рѣчь Гамбетты (440 стр.).—Мартъ: Магъ-Магонъ и г-нъ Грени (425 стр.).—Апрѣль: Вопросъ о смертной казни въ Швейцаріи (378 стр.).—Май: Пересмотръ таможеннаго тарифа въ Германіи (425 стр.).—Іюнь: Княжество Болгарія и Восточная Румелія (858 стр.).—Іюль: Французскія дѣла (427 стр.).—Августъ: Князь Висмаръ и либералы (869 стр.).—Сентябрь: Австро-венгерскія дѣла (488 стр.).—Октябрь: Чернильная война (880 стр.).—Ноябрь: Наши недоразумѣнія съ Германією и лордъ Сольсбери (428 стр.).

III. Корреспонденціи: I. Берлинъ: Новые порядки и положеніе партій (фев., 885).—Изъ общественной и парламентской жизни (апр., 829).—Куда мы идемъ? (іюнь, 808).—Въ смутное время (августъ, 821).—Наканунъ рѣшенія всѣхъ вопросовъ (окт., 828). — При новомъ порядкѣ (дек. 893). II. Лондонъ: Третья афганистанская война (фев., 853).—Африканскія колоніи и война съ зулусами (май, 832).—Новѣйшія передраги въ „Британской колоніальной имперіи“ (авг., 805).—Возстаніе въ Кабулѣ, и аграрное возмевіе въ Ирландіи (нояб., 355).

IV. Литературное Обзорѣіе: Январь: В. Пироговъ, Исследования по

римской исторіи.—Г. Буассье: Римская религія отъ Августа до Антониновъ.—Гербертъ Спенсеръ: Описательная социологія. Англія.—Th. Poesche: Die Arier.—R. Flint: La philosophie d'histoire en France et en Allemagne.—Renan: Melanges d'histoire et de voyages (379 стр.). Февраль: I. Стража. Книга за науку, книженствъ и душевнн живот. Година права. Уредникъ А. Пачу.—Громадський Друг, — Дзвін, галицко-українська збірка.—Sprawa polska, jako wewnętrznego państwa Rosyjskiego.—II. Moritz Busch. Graf Bismarck und seine Leute während des Kriegs mit Frankreich.—C. Bulle: Geschichte der Jahre 1871—1877.—III. Н. Стороженко: Робертъ Гринъ, его жизнь и произведенія.—Беккариа: О преступленіяхъ и наказаніяхъ. — Eug. Réveillaud: La question religieuse et la solution protestante (768 стр.).—Мартъ: I. F. Kanitz, Donau-Bulgarien und der Balkan.—Народи Турціи.—Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и армянъ, дочери и жены консула. Перев. съ англійскаго.—Amand Freih. v. Schweiger-Lerchfeld. Bosnien, das Land und seine Bewohner.—II. E. Haeckel: Freie Wissenschaft und freie Lehren.—O. Schmidt: Darwinismus und Socialdemocratie.—III. В. А. Зайцевъ. Руководство всемірной исторіи. Древняя исторія Востока (348 стр.).—Апрѣль: I. Черногорія и ея война съ турками въ 1877—78 годахъ. Изъ воспоминаній г-ра А. В. Щербака.—Plutarch Letters the year 1877. By Arthur J. Evans.—Л. Добровъ. Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ.—II. П. В. Анненковъ. Воспоминанія и критическіе очерки (767 стр.). Май: I. В. Гольцевъ. Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка.—Н. Каршевъ, Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка.—II. Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе.—III. Angelo de Gubernatis, Dizionario biografico degli scrittori contemporanei. Fascicolo primo

(274 стр.).—Июнь: I. Алексѣй Веселовскій, Этюды о Мольтерѣ. Тартюффъ. Исторія типа и пьесы.—II. М. Алексѣенко. Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ (768 стр.).—Июль: I. Жизнь и труды П. М. Строева.—Николая Варсукова.—II. Народные пѣсмы из старинныхъ наивнѣе приморскихъ записей, скупно и на свяжѣхъ издано В. Богиницъ (367 стр.).—Августъ: I. П. Соколовскій. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ.—II. Первый процессъ „Обзора“. Полный отчетъ засѣданій тифлискаго окружнаго суда и тифлисской судебной палаты. III.—Pi у Margall, Les Nationalités. Essai de philosophie politique.—IV. J. Michelet. Le Banquet. Papiers intimes (749 стр.).—Сентябрь: I. П. Милославскій, Типы современной философской мысли въ Германіи.—Th. Ribot. La Psychologie allemande contemporaine.—II. R. Douy. Essai sur l'Islamisme (836 стр.).—Октябрь: I. Образование втораго болгарскаго царства. Федора Успенскаго.—Изъ древней исторіи болгаръ. Сочиненіе Матѣя Соколова.—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ“. Романа Брандта.—II. Славянский Алмазахъ. Izdatelj: Radvaj Roklik.—III. К. Мартъ, Философы и поэти-моралисты во времена римской имперіи. Переводъ М. Корсака.—IV. Th. Fernell, la Réforme de l'enseignement public en France (770 стр.).—Ноябрь: I. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Ивана Забѣлина.—II. Расколъ въ уральскомъ войскѣ, и отношеніе къ нему духовной и военно-гражданской власти въ концѣ XVIII и въ XIX в. Сочиненіе В. Н. Витевскаго.—III. Общинное земледѣліе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Максима Ковалевскаго (282 стр.).—Декабрь: I. Историческая методъ въ юриспруденціи, М. Ковалевскаго.—II. Наука и религія, В. Чернина.—III. Промышлен. товарищества во Франціи и въ Германіи, А. Исаева.—IV. Die Vorurtheile d. Menschheit, v. L.

Hellenbach.—V. Unterwegs, v. B. Auerbach.—Заключеніе (821 стр.).

V. Библиографическій Листокъ. Январь: Исторія славянскихъ литературъ. Т. I. А. Пыпина и Спасовича.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I.—Русская Библиотека, т. IX: гр. Л. Н. Толстой.—Робертъ Гринъ, изслѣд. Н. Стороженко.—Историческіе этюды русской жизни, т. I. Вл. Микшевича.—Февраль: Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изданіе седьмое, п. р. П. А. Ефремова.—Русскіе бывшіе дѣятели, т. II. Изданіе А. О. Баумана.—Русскіе современные дѣятели. Т. III. Изданіе А. О. Баумана.—Гидравлическія начала устойчивости мостовыхъ опоръ. Состав. П. Янковскій.—Уставъ о наказаніяхъ. Н. С. Таганцева.—Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о казахъ. А. Столѣтова.—Физическій трудъ С. Н. Кривенко.—Собраніе сочиненій Гете, изд. подъ ред. Н. В. Гербеля, т. VII и VIII.—Мартъ: Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, въ четырехъ томахъ.—Избранныя стихотворенія Л. Кондратовича (В. Спрокомли), т. I.—Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Т. П. Пассекъ, т. I.—Жизнь Робинзона, сост. Н. Виновъ.—Очерки и рассказы. Ф. А. Нефедова.—Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ, М. М. Алексѣенко.—Апрѣль: Земля и люди. Всеобщая географія, Эл. Реклю. Т. III.—Картинки домашняго воспитанія. А.—вой.—Первоначальные уроки русской грамматики. Состав. Марія Корсака.—Родной край. О. С. Матѣева.—Сказка о чортѣ-мохнаткѣ. В. П. Авенариуса.—Май: Сборникъ императ. русскаго историческаго общества, т. XXIV.—Письма изъ Болгаріи, Евг. Утина.—Двѣ войны, 1876—1878 гг., Н. В. Максимова.—Восточная война и бруссельская конференція, Ф. Мартенса.—Вашингтонъ-Ирвингъ, перев. А. Глазуновъ.—Июнь: Фрегатъ Палада, Ивана Гончарова.—Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ, К. Кавелина.—Русская исторія, Н. Костомаровъ.

рова. Выпускъ 1-й, 2-е изд.—Сочиненія Н. И. Павлицева, 1, 2 и 3 тт.—Іюль: Сборникъ императ. русскаго историческаго общества. Т. XXV.—Хорватія, Славонія, Далмация и Военная-Граница. Л. В. Березина. Въ двухъ томахъ, съ картою.—О самовоспитаніи умственномъ, физическомъ и нравственномъ. Сочинен. Дж. Стюарта-Блекки. Перев. съ 2-го англ. изд. І. Паульсона.—Живописная Россія. Изд. М. О. Вольфа, подъ редакціей П. П. Семенова. Т. I, вып. 1 и 2.—Русская библіографія. Годъ I (1878), составили А. Г. и Н. С. Выпускъ 1-й.—Августъ: Птичьи Сказки. Д-ра А. Бальдамуса. Переводъ А. Г. Степановой, подъ редак- ц-ра О. А. Гримма. Изданіе Гримма и Степановой.—Мелочи архіерейской жизни (картинки съ натуры). Н. С. Лыкова.—Сентябрь: Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ивана Забѣлина.—Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Новое изданіе „Книги о кievскихъ богатыряхъ“, В. П. Аленаріуса.—Сборникъ законовъ и постановленій для земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. В. Вешнякова.—Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Барона Н. А. Корфа.—Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. Л. З.

Слонимскаго.—Октябрь: Въ обществѣ вѣчнаго льда. Фр. Гельвальда.—Хивинскій походъ, альбомъ.—Наши дѣтены. т. V.—Русская женщина въ войну 1871—78 гг. Сост. П. А. Илинскій.—Систематическій сборникъ рѣшеній правительств. сената, разъясняющихъ городское положеніе, сост. бар. Майдель и В. Вѣлюстн.—Ноябрь: Залиски Охотника, Ив. Тургенева. 1-е стереотипное изданіе.—Живописная Россія, т. I, вып. 3 и 4.—Родная Старина, Д. С. Сиповскаго.—Русская начальная школа, бар. Н. А. Корфа.—Руководство къ топониміи, п. р. Е. Пеликана.—Декабрь: Исторія одного города. Помпадуръ и Помпадурши. Благонамѣренный рѣчи. М. Е. Сатикова.—Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. П. Пасекъ, т. II.—Очерки Чурукъ-Су и Батума. А. Френкеля.—Соціологія, Е. Роберти.—Русскіе поэты Н. В. Гербеля.

VI. Извѣстія. Отъ комитета общества русскихъ драматическихъ писателей: посланіе на Гробоѣдовскую премію (мартъ, 444).—Отъ общества взаимнаго вспоможенія и благотворительности русскихъ художниковъ въ Парижѣ.—О преміи фрейлины М. С. Музаловой за жизнеописаніе императрицы Маріи Феодоровны (апр., 889).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

НОВАЯ — ДЕКАБРЬ, 1879.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
Вашингтонъ.—Очерки столицы и правительства Соединенныхъ-Штатовъ Америки.—Изъ наблюденій русскаго путешественника въ 1878 г.—VI-XI—ВСЕВ. МИРОПОЛЬСКАГО	5
Первый сибирскій университетъ.—Историческій очеркъ проектовъ до окончательнаго утвержденія.—СКІЙ	58
Домашній очагъ.—Повѣсть.—XIX-XXIII.—Д. И. СТАХЪВЕВА.	93
Земельные банки и землевладѣніе.—Н. Г. ПРИНТЦА.	141
Варенька Ульямина.—Повѣсть.—Прологъ и часть первая.—Д. Я. С.	165
МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ въ Лондонѣ.—Д. А.	247
Бѣлая ночь.—Стих. Н. МИНСКАГО.	272
Хроника.—Литературное Овозрѣніе.—Новыя книги русскои и иностранныхъ литературы	282
Внутреннее Овозрѣніе.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1877 г.—Университеты и гимназій.— <i>Desiderata</i> современнаго гимназическаго устройства.—Прочія училища.—Защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, в брошюра г. фонъ-деръ-Ховена.—Новый мостъ черезъ Неву.—Событіе въ ревельской думѣ	316
Разъясненіе.—По требованію министерства народнаго просвѣщенія.	341
Корреспонденція изъ Лондона.—Восстаніе въ Кабулѣ, и аграрная волненіе въ Ирландіи. В.	385
Парижскія Письма.—За кулисами.—Глава изъ новаго романа „Нана“.—ЭМ. ЗОЛА	371
Юбилей Крашевскаго.—Письмо изъ Кракова.—К. Д.	401
Иностранная Политика.—Наши недоразумѣнія съ Германіею и лордъ Сольсбери	428
Некрологъ.—Сергій Михайловичъ Соловьевъ.—С.	437
Библиографическій Листокъ.—Записки Охотника, Ив. Тургенева. 1-ое стереотипное изданіе.—Живописная Россія, т. I, вып. 3 и 4.—Родная Старина, В. Д. Сиповскаго.—Русская начальная школа, бар. Н. А. Корфа.—Руководство въ токсикологіи, п. р. Е. Пеликана.	

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

	стр.
Варенька Ульмина.—Часть вторая.—Окончаніе.—Л. Я. С	441
Вашингтонъ.—Очерки столицы и правительства Соединенныхъ-Штатовъ Америки.—XII.—XIV.—Окончаніе.—ВСЕВ. МИРОПОЛЬСКАГО.	489
Палата № сто-третій.—Изъ дневника.—I-III. А. Л.	538
Игнатій-Аврейль Фекслеръ.—1756—1839 гг.—Биографическій очеркъ.—I. Въ Австріи.—II. Въ Пруссіи.—III. Въ Россіи.—Н. А. ПОПОВА.	586
Сыроваръ.—Очеркъ изъ деревенскихъ правъ.—I-П.—Н. М.	644
Счастливый вракъ.—Очерки изъ новаго романа Троллопа: John Caldigate.—I-VI.—Л. Л.	663
Школа двадцатыхъ годовъ.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I. и II.—А. В.—НѢ.	692
Три пьесы.—Gondellied, Мендельсона.—II. Ожиданіе.—III. Зеркальнаго пруда поверхноти бѣсташей.—Е. А.	725
Домашній очагъ.—Повѣсть.—XXIV-XXXV.—Окончаніе.—Д. И. СТАХѢЕВА.	728
Хроника.—Железныя дороги и экономическое развитіе.—Л. А.	798
Литературное Овозрѣніе.—Новыя книги русской и иностранныхъ литературъ.	821
Внутреннее Овозрѣніе.—Покушеніе на жизнь Государя Императора въ Москвѣ.—Сужденіе въ московскомъ земствѣ о земской кассѣ для содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земель.—Общій вопросъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства.—Объясненія гласныхъ крестьянъ.—Положеніе сельскихъ учителей.—Новый законъ о назначеніи служащихъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и мировыхъ судей.—Возраженіе «Голосу» по поводу отвѣтственности военно-служащихъ за обиды частнымъ лицамъ.—Общій вопросъ о подсудности военно-служащихъ.—Письмо въ редакцію изъ Нальчика.	857
Объявленіе на «Разъясненіе», напечатанное въ ноябрьской книгѣ, по требованію министерства народнаго просвѣщенія	886
Корреспонденція изъ Берлина.—При новомъ порядкѣ.—К.	893
Отъ редакціи.—Поправка къ некрологу С. М. Соловьева.	916
Материалы журнальной статистики.—«Вѣстникъ Европы» въ 1879 г.	918
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникъ Европы» въ 1879 г.	920
Библиографическій Листокъ.—Исторія одного города; Помпадуръ и Помпадуринъ; Благонамѣренныя рѣчи. М. Е. Салтыкова.—Изъ дальнихъ лѣтъ, Т. П. Пассекъ, т. II.—Очерки Чурукъ-Су и Батума, А. Френкеля.—Соціологія, Е. де-Роберти.—Русскіе поэты, Н. В. Гербеля.	

Конецъ четырнадцатаго года.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1880-мъ году.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторiи, политики, литературы, въ 1880-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россiи: За границу

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Слб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечанiе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, iюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . 2 > 50 > 3 >

Подписывающiеся въ Москвѣ, въ Отдѣленiи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшiе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отъчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Въ Главной Конторѣ журнала и въ ея Московскомъ Отдѣленіи можно получать полные экземпляры «Вѣстника Европы» за 1879 годъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В., О. 2-я лин.,
д. № 7.

НОВАЯ КНИГА:
ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ОЧЕРКОВЪ И РАЗСКАЗОВЪ: 1847—1876 гг.

Ив. Тургенева.

Первое стереотипное изданіе. Спб. 1880. Стр. 385. Портретъ, факсимиле, біографическая замѣтка. — Ц. 2 руб., съ пер. 2 руб. 20 коп.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Н. Костомарова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ: Господство дома св. Владиміра — X-XVI стол. — Спб. 1880.
Стр. 759. Ц. 3 руб. 50 коп.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

ПО ИМУЩЕСТВАМЪ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ, ВЪ ПРИМѢНЕНИИ КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТ.

К. Кавелина.

Опытъ систематическаго обозрѣнія. Спб. 1879. Стр. 410. Ц. 3 рубля.

ПИСЬМА ИЗЪ БОЛГАРІИ

Евр. Утина.

Спб. 1879. Стр. 471. Ц. 2 руб. 50 коп.

Гр. ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Избранныя мѣста изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Томъ IX-ый „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“.

Спб. 1879. Стр. 384 и VII. — Цѣна 75 коп.; въ англійскомъ перекл. 1 руб.

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. Пышина и В. Д. Спасовича.

Издание второе, вновь переработанное и дополненное, въ двухъ томахъ. Томъ I-й.
Стр. 447. Спб. 1879. Ц. 8 рубл., съ пересыл.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

П. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ: собраніе критическихъ статей, очерковъ и замѣтокъ, за 20 лѣтъ—
1848—68 гг. Спб. 1879. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к. — Цѣна за оба тома — 3 р.

КАТАКОМБЫ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА.

Евгенія Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

оставленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ
Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, спеціальною Комиссіею.
Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ. — Флоберъ. — Гонкуръ. — Додъ. — А. де-Мюссе. — Тэнъ. — Ренанъ. —
Шатобрианъ. — Тьеръ. — Ж. Зандъ. — В. Гюго. — А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

ВЪЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пышина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1878. Цѣна 4 рубл., въ переплетѣ
4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Вѣлинскаго значительно дополнена новыми мате-
ріалами, явившимися въ печати въ последнее время, и новыми рядомъ писемъ Вѣлин-
скаго, доселѣ неизданныхъ.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ многорядные прилагаютъ 10% съ цѣны книги,
въ круглыхъ цифрахъ.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 54.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 54.

КНИЖНАГО СКЛАДА И МАГАЗИНА

ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Нравственная философія утилитаризма. Историко-критическое изслѣдованіе А. Мальцева. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Сиб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Отдѣлъ второй. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Оба отдѣла вмѣстѣ: ц. 3 р. съ пересылкою.

Грибъ Бисмаркъ и его люди за время войны съ Франціей, по листкамъ дневника. Сост. Д. Моридъ Бушъ. Сиб. 1879 г. 2-т. Ц. 3 р. съ пер.

Жизнь московскихъ записочковъ. Очерки и рассказы А. И. Левитова. Изд. 3-е. Испр. и дополн. М. 1875 г. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Житейское. Повѣсти и рассказы. А. Н. Плещеева. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Жизнь и труды П. М. Строева. Сочин. Николая Барсукова. Сиб. 1878 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Записки Охотинна И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ 1847—1876. Сиб. 1880 г. Первое стерео-

типное изданіе съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.; въ переп. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Исповѣдь дѣльца. Романъ Л. О. Леванди. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. І. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Сиб. 1879 г. т. I. Ц. 3 р. съ перес.

Камера № 7. Романъ Пьера Закона. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Картинки домашняго воспитанія. Педагогическіе этюды А. — вой. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Квентинъ Дорвардъ. Романъ Вальтеръ-Скотта. М. 1865 г. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи (новое изданіе „Книги о кievскихъ богатыряхъ“, дополненное быльями новгородскими, московскими, казацкими, петровскими и безымянными). Составилъ В. П. Авенариусъ. Съ портретомъ пѣвца былинъ Рабинина и рисунками. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 70 к., съ перес. 8 р., въ переплетѣ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Любовь и Корона. Историческій романъ изъ временъ императрицы Анны Ивановны и регентство принцессы Анны Леопольдовны. Соч. Евгенія Карновича. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Моды и Цинизмъ. Мысли и сошты нѣмецкаго ученаго. Соч. Фишера. Изданіе 2-е. Сиб. 1879 г. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

На портъ. Жюль Верна. Переводъ Марка Вовча, съ 45 картинками и портретомъ автора. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

*) Книжки, поступившія въ Складъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, указаны —; на книгахъ обозначаетъ годъ изданія.

Неистовый Роландъ, Мессера Лудовика Аріосто. Переводъ съ итальянскаго октавами. С. Уварова. В. I. Пѣсни 1-я до 10-й включительно. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Питиерское преступленіе. Воспоминація путешествій по Океаніи, Луи Жаколю. Спб. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. Н. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; въ веленовой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особю: 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. II. 1827—1851 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. I. 1810—1827 г. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Почему. Романъ Е. Шаветтъ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

При дворѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. Иды Ласкосъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Призракъ. Романъ. Бульверъ-Литтонъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Русская Библиотечка, т. IX. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Дѣтство.—Севастополь.—Три смерти.—Война и Миръ.—Разсказы для дѣтей.—Басни.—Анна Каренина. Портретъ. Біографія. Спб. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Сост. Н. В. Гербель. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ перепл. 3 р. 70 к., съ пер. 4 р. 20 к.

Слово о плыку Игоревѣ. Поэтический памятникъ русьской письменности XII вѣку. Текстъ съ переводомъ и съ поясненіями издае Омельян Огоновскій. У Львова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Сочиненія Н. М. Михайловскаго. Т. I. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣн. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7-мъ томовъ. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.

Степные очерки. А. И. Левитова. Изд.

2-е испр. и дополн. 2 т. М. 1875 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.; въ переплетѣ 10 р.; съ перес. 12 р.; на веленовой бумагѣ въ переплетѣ ц. 12 р., съ перес. 14 р.

Уличная птица. Романъ Поль-Соньеръ. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Изд. 2-е. Спб. 1865 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Восточная война 1853—56 гг. Сочин. ген.-лейт. М. И. Богдановича. Изд. 2-е, въ 4-хъ томахъ, съ планами и картами. Спб. 1877. Ц. 8 р., съ перес. 9 руб.

Изъ древней исторіи Болгаръ. Сочин. Матвія Соколова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., въс. 8 ф.

Исторія французской революціи 1789—1799. Людвига Гейссера. М. 1870 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главныя дѣятели. Военно-историческій очеркъ.—Составилъ Л. Л. Штурмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ, съ IX по XIV ст. Сост. В. Д. Сиповскій. Съ политипажами въ текстѣ и 2-мя рисунками. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I: Господство дома св. Владимира, X-XVI-е столѣтія. Издан. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко въ отзывѣхъ о немъ иностранной печати. Составилъ А. Т.—ий. Одесса. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Умалскія рѣзня. Записки Вероники Кребсъ. Перев. съ предис. И. М. Рѣва. К. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Очерки Чурук-суи Батума. Сочин. А. Френкеля. Т. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Очерки Средней Азии. А. Вамберг. М. 1868 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Путешествіе по Средней Азии. А. Вамберг, съ 12 карт. и картою. Изд. 2-е. М. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 2 р.

Путешествіе къ верховьямъ Нила и изслѣдованіе его источниковъ. Самуила Уайта Бекера. Съ 10-ю картин. и 9-ю рисун. Изд. 2-е, М. 1875 г. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 2 р.

Три тысячи верстъ по рѣкамъ западной Сибири. Очерки и замѣтки изъ скитаній по берегамъ Турн, Тобола, Иртыша и Оби. А. Павлова. Т. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница, съ приложеніемъ карты юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгріи. Сочин. Л. В. Верезина. 2 т. Сб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе, пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями. Проф. Янсона, съ 3-мя таблицами чертежей. Сб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Курсъ промышленной экономіи и Коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикою Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. Сочин. А. П. Субботина. Сб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Начальный учебникъ политической экономіи. Сост. проф. Э. Вреденъ. Сб. 1876. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., изс. 3 ф.

Основанія политической экономіи. Сост. Магистръ пол. эк. А. Антоновичъ, в. І. В. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. І. Территорія и населеніе. Ю. Э. Янсонъ. Сб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Теорія цѣнностей. Критико-экономическое изслѣдованіе А. Антоновича. Варшава. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Его жизнь и сочиненія, съ портретомъ. Чтеніе для юношества. Сб. 1865 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Дѣтскія пѣсни на русскіе и малороссійскіе напѣвы съ аккомпаниментомъ фортепіано. Сост. М. А. Мамонтовой, подъ ред. проф. П. И. Чайковскаго. 2-е изд. М. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Дѣтскія Лѣда. Разсказъ для дѣтей Л. Нехидовой, съ рисунками. М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Дѣтскій театръ. Оригинальныя сцены и комедіи изъ дѣтской жизни, приспособленныя къ дешевой домашней постановкѣ. Л. К. Стахѣвой. 2-е изд., дополненное семью новыми пьесами. Сб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Животныя и ихъ жизнь. Сборникъ статей по зоологіи, съ одиннадцатью картинками. Сост. А. Сопова. М. 1878 г. Ц. 2 р. 85 к., съ пер. 3 р. 20 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и новѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Сб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 80 к.

Застрѣленная Русалка. Быль изъ народной русской жизни. Сост. Г. Д., съ рисунками. Сб. 1880 г. Ц. въ цѣпѣ 75 к., съ пер. 1 р.

Значеніе естественныхъ наукъ въ образованіи и преподаваніи ихъ въ школахъ. Э. А. Россмеслера. Перев. съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ А. Пыпина. Сб. 1864 г. Ц. 65 к., съ пер. 75 к.

Избушка на курьихъ ножкахъ. Сказъ. Графа Саліаса. М. 1876 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Исторія воспитанія и обученія для учителей и воспитателей, д-ра Фр. Диттеса. Изд. 2-е. Сб. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Исторія Греціи и Рима. Я. Г. Гуревича. Изд. 2-ое, 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія Россіи. М. Острогорскаго. 5-е изданіе, вновь исправленное и дополненное, съ картинками для народныхъ училищъ. Сб. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Историческая хрестоматія по новой исторіи. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Т. І. Изд. 2-ое. Сб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи, составлен. Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Т. І. Ц. 1 р. 60 к. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 4 р.

Календарь и записная книжка для учащихся. Изд. Ж. Семья и Школа. Сб. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 80 к.

Конспектъ всеобщей и русской географіи. Сост. Н. Чмыревъ. 3-е изд. М. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Методика обученія писму въ народной

школъ. Практическое руководство. Сост. С. Миропольскій. Изд. 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Начала линейнаго черченія. Сост. Ив. Главинскій. Учебное пособие для приходскихъ и сельскихъ училищъ. 150 чертежей въ текстѣ и 140 литогр. рисунковъ въ приложеніи. Изд. 4-е. Спб. 1876 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Общедоступный огородинникъ для начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.

Охотничьи разсказы, взятые изъ сочиненій извѣстныхъ путешественниковъ, съ рисунками. М. 1877 г. Ц. 90 к., съ пер. 1 р.

Педагогическая психологія для народныхъ учителей, воспитателей и воспитательницъ. Сост. П. Кантеревъ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Первые уроки исторіи. П. Мельгунова. Древній Востокъ. М. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Первоначальныя свѣдѣнія о животныхъ. Для дѣтей младшаго и средняго возраста. Сост. М. Меліоранскій. Книжка для учащихся къ „Вопроснику по зоологіи“. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Пособіе для изученія физики въ объемѣ курса среднихъ учебн. заведеній. Систематическая программа для приготовленія уроковъ и повторенія курса. Сост. А. В. Зонинъ. В. 1. Свойства тѣлъ. Механика твердыхъ, жидкихъ и газовыхъ тѣлъ. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Пріемныя программы для поступленія во всѣ учебныя заведенія на 1879—1880 г. Сост. Н. Стельниковъ. М. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Разсказы изъ Русской исторіи. В. А. Павловичъ. Съ рисунками и политипажными въ текстѣ. Изданіе 2-е. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ картинками. М. 1870 г. Ц. 80 к., съ пер. 90 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоз. Съ 10-ю карт. и 85-ю политипажными. Изд. В. Лесевича. Ц. въ перепл. 2 руб. 50 коп.

Родной край. Книга для класнаго и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы. Сост. О. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Руководство къ черченію географическихъ свѣтъ. Сост. Е. Тихановъ, съ чертежами. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ. Сост. баронъ Н. А. Корфъ. Изд. 6-е испр. и допол., съ портретомъ и биографіей автора. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Русские писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтми и для чтенія народу. Сост. В. Острогорскій. В. II. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к. В. I и II. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Собраніе арифметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія. Сост. Ал. Вороновъ. Ч. I. Цѣлыя числа. Ц. 30 к. Ч. II. Дробныя и тройныя правила. Спб. 1877 г. Ц. 30 к., съ перес. обѣ части 75 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народной учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стр. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Соня въ царствѣ дѣвъ. Юмористическіе разсказы для дѣтей, съ рисунками. М. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Геннингъ, преподаватель 1-го Спб. реальнаго училища. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Сравнительно-конспективные таблицы по новой и новѣйшей исторіи. Спб. 1875 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 30 к.

Тарасъ Бульба. Соч. Н. В. Гоголя, съ предисловіемъ Н. И. Костомарова, съ политипажными въ текстѣ. Спб. 1874 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Тепло и холодъ. 6-ть лекцій, читанныхъ дѣтямъ Джономъ Тиндалемъ, съ политипажными въ текстѣ. Спб. 1869 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Учебникъ Химіи. Составилъ С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изд., исправленное и дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Ученые—свѣтъ. Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ, съ 83 картинками въ текстѣ. Сост. Н. Влнновъ. М. 1873 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Сочин. С. Н. Кривенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Хронологія всеобщей и русской исторіи: 1) Древняя Исторія. Ц. 25 к. 2) Средняя Исторія. Ц. 25 к. 3) Новая Исторія. Ц. 25 к. Сост. М. Острогорскій. Спб. 1879 г. Съ пересылкою 8 части 1 р.

Чтеніе и письмо по картинкамъ. Азбука для обученія и самообученія грамотъ по

наглядно-звукому способу, съ 800 рисунками въ текстѣ. 2-е изд. В. Д. Черкасова. Сиб. 1879 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к. Ключъ къ чтенію и письму по картинамъ или объясненіе какъ учить по этой азбукѣ продается отдѣльно книжкой. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка. А. Потебнн. Вор. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

О истинномъ значеніи нѣкоторыхъ образковъ и пострій. Соч. А. Потебнн. 1866 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Колосова. Варшава 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Полный англо-русский словарь, составленный А. Александровымъ. Сиб. 1879 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе 2-е исправ. и доп. Сиб. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Исторія неба. К. Фламариона, со 100 рисунками Бенетта. Изд. 2-ое. Сиб. 1879 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Колесныя машины. Подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ. Сост. инженеръ А. Вейсблатъ. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Курсъ опытной физики. Профес. А. П. Шникова. Ч. II. О свѣтѣ и теплотѣ. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ. X. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Курсъ теоретической арифметики. Жозефа Вертрана, члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начальная алгебра. Составилъ І. Сомовъ, Академикъ и профессоръ. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Сиб. 1878 г.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Сост. І. Сомовъ. 2-е изданіе. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Опытная механика. Курсъ лекцій, читанныхъ въ К. Ирланд. Кол. Наукъ Р. С. Балъ, перев. подъ редакціею Н. И. Любавина, съ 100 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1879 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Преображеніе энергіи. Очеркъ теорій современной физики. Г. Кребса. Съ 60-ю

рисунками въ текстѣ. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физическая химія. Н. Н. Любавина. Сиб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. Химія. Проф. Роско, изъ серіи первонач. учебниковъ, съ 36-ю рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. Сиб. 1879 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Анализъ мочи. Лекціи профес. Д. И. Комлакова. 4-е изданіе, съ рисунками. Сби. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Антропология. Соч. Тошнара, переводъ съ франц. изданія 1877 года, подъ редак. проф. И. И. Мечникова, съ 52 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1879 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

Диагностика и терапія болѣзней спинного мозга, съ современной точки зрѣнія. Соч. профес. д-ра Розенталя. Переводъ подъ ред. д-ра Шершевскаго. Сиб. 1879 г. Ц. 80 к., съ пер. 90 к.

Домашнее и заводское птицеводство. Д-ра Прибыля, съ предисловіемъ Д-ра Вильгельма Гамма и 14-ю политипажами. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Животныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физиологіи Клода Вернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Законы сохранения силъ. Лекціи д-ра Гельгольца. 1875 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Compendium дѣтскихъ болѣзней для студентовъ и врачей. D-г Johann Steiner. Кіевъ. 1879 г. Изданіе второе. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Картофель, его культура, сохраненіе, болѣзни и сорта, съ 25-ю рисунками. Составилъ В. А. Поггенполъ, преподава. Уманскаго Учлн. земледѣліи и садоводства. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Клиническія записки по хирургіи. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Комнатное цвѣтоводство. Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ растеній, съ политипажами въ текстѣ. Изд. 3-е. Сост. М. Ю. Петрова. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Курсъ акушерства. Сочин. Ордин. Пр. И. П. Лазаревича, съ 393 рисунками, изъ которыхъ 298 оригинальныхъ. X. 1879 г. Ц. 7 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Лекціи общей терапіи. В. Манасенна. Ч. I. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

О поглощеніи угольной кислоты соляными растворами и кровью. И. Съячнова. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Общая патология. Соч. Конгейма, переводъ подъ ред. д-ра Иванова. Предисловіе проф. В. А. Манассеина. Спб. 1879 г. Т. I. Ц. 5 р. съ пер. В. I. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к. В. II. Ц. 2 р., съ пер. 1 р. 20 к. В. III. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Общедоступный носомъ. Лекція гг. Роско, Локаера и Уильямсона, съ 50 рисунками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Объяснитъ и его послѣдствіяхъ. Сост. по новѣйшимъ источникамъ Д-ромъ Розенштейнеромъ. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Соч. Чарльза Дарвина. Спб. 1872 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Организация полевого хозяйства. I.—Системы полеводства. А. Ермолова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Основанія практической медицины. Д-ра К. Ф. Кунце. Спб. 1875 г., въ переплетѣ. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Основныя начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ю политипажами въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Основы заводскаго искусства въ приложеніи къ развитію крупнаго рогатаго скота. Соч. В. Хлюдянскаго, съ 19 политипажами. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Основы физиологій человѣка, для студентовъ и врачей. Проф. I. Штейнера. Съ 39-ю рисунками. К. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. А. Н. Бекетова. Спб. 1879. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Практическое руководство къ веденію молочнаго хозяйства. Сочиненіе К. Петерсена. Переводъ съ 2-го нѣм. изданія П. Костычева, съ 26-ю политипажами въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Промышленіе видовъ. Отдѣлъ I. Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Соч. Чарльза Дарвина. Перев. подъ ред. И. М. Съячнова и Герда. Спб. 1869 г. 2 т. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

Руководство къ токсикологій, составленное по Рабюто, "Elements de toxicologie". Подъ редакціей Е. Пелликана, съ предис-

ловіемъ, дополненіями и измѣненіями. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 80 к.

Руководство къ патолого-анатомическо-диагностикѣ и вскрытію труповъ. Д-ра I. Орта. X. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп. съ пер.

Руководство къ воздѣлыванію льна. К. Вебера. Въ 3-хъ частяхъ. Часть I. Культура льна.—Часть II. Мочка льна.—Часть III. Матъе, трепанье, ческа льна и сбереженіе волоконъ. Цѣна каждой части по 1 р., за перес. 25 к.

Руководство къ женскимъ болѣзнямъ. Сост. подъ редакціей Д-ра Т. Виллота, съ многочисленными политипажами въ текстѣ, отд. 5-нй. Спб. 1879 г. Ц. 3 руб., съ пер. 3 р. 80 к.

Руководство къ патологической анатоміи. Д-ра Вирхъ-Гиршфельда. Переводъ съ нѣмецкаго Д-ра С. В. Шаховой. Подъ редакціей В. П. Крылова X. 1879 г. 4 выпуска. Ц. 4 р. 80 к., съ пер. 5 р. 50 к.

Руководство къ частной патологій и терапіи, состав. Д-ромъ Г. Димссеномъ. Т. XII. Прибавленіе: Разстройства рѣчи. Соч. Д-ра Адольфа Буссмаула. Переводъ подъ ред. К. Т. Тритшеля. К. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Всѣ вышедшіе тома, стоить 50 р., съ перес. 55 руб.

Русскій огородъ, нитоминикъ и плодовый садъ. Соч. Р. И. Шредера, главы. Садовника и преподавателя садоводства въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Рыбы Россіи, жизнь, ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Соч. Л. П. Сабанина, съ 6 картинъ и 438 политипаж. М. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Учебникъ акушерства для врачей и учащихся д-ра Шингельберга, съ 144 политипажами и хромофотограф. рисунками, в. II. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. В. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Учебникъ физиологій. Эрнста Врюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересилкою.

Физиологій растительныхъ процессовъ. И. М. Съячнова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Химическія основы земледѣлія. А. Н. Энгельгардтъ. См. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ гражданскаго права и судопроизводства, разрѣшенныхъ гражданскимъ кас. департ. Прав. Сената. Составилъ П. П. Москальскій. Изд. 2-е, вновь дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Дѣйствующее законодательство о пра-

ныхъ налоговъ. Исследование М. М. Алексеевского. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Исследования по русскому праву общему и брачному, Н. Г. Орнанскаго. Народный судъ и народное право. — Духовный судъ и семейное право. — Реформа гражданского суда и брачного права. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Крестыианское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіею Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣхъ разстояніяхъ.

Курсъ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., въс. 2 ф.

Курсъ русскаго уголовного права. Н. С. Таганцева, Профессора С.-Петербургскаго Университета. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Выпускъ II. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Наставленіе къ судебнымъ вскрытіямъ труповъ. Для врачей-экспертовъ и судебныхъ слѣдователей. Сочиненіе Д-ра Гуго Миттенцвейга. Переводъ подъ ред. Д-ра В. Крылова Х. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. Общійе владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданского судопроизводства. К. Анненкова. Т. II. О доказательствахъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Опытъ комментарія къ уставу гражданского судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія социологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ приложеніи помѣщены замѣтки Э. В. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Нелищейское Право. Сочиненіе проф. И. Е. Андреевскаго въ 2-хъ т., изд. 2-е, исправлен. 1876 г. Ц. 5 руб., съ пересыл. 5 р. 50 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обзоранія. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пер.

Руководство къ особенной части русскаго уголовного права. Магистра правъ Н. А. Неклюдова. Т. III. Преступленія 1) противъ брака и правъ семейныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общепасныя

преступленія (поджогъ и т. п.) Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сборникъ рѣшеній Правит. сената по вопросамъ о привлеченіи къ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства за неправильныя дѣйствія по службѣ. Сост. Н. Ричковъ. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ законовъ объ охотѣ. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Составилъ В. Вениаковъ. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Сборникъ рѣшеній 4-го департамента и общихъ собраній Правит. сената по дѣламъ коммерческихъ судовъ имперіи. Сост. Дм. Носенко. Т. I. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. Т. II. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 руб. Т. III. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Сборникъ узаконеній, относящихся до земскихъ учрежденій (по своду законовъ и продолженіямъ изданія 1876 года), со включеніемъ рѣшеній Правит. сената и правительственныхъ разъясненій и съ приложеніемъ *Городового Положенія* Н. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Сборникъ государственныхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова. Т. VII. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Систематическій сборникъ рѣш. Прав. Сената, разъясняющихъ *Городовое положеніе*, съ приложеніемъ: нормальнаго положенія о город. общ. банкахъ, о трактирныхъ заведеніяхъ. Сост. Баронъ В. Майдель и В. Бѣлястинъ. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Уставъ о мѣнахъ, налагаемыхъ мировыми судьями съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовного кассационнаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Бухгалтерія или наука книговеденія по двойной системѣ въ духѣ чистахъ. Сост. Э. Г. Журовъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. Краткая бухгалтерія по двойной системѣ для начинающихъ. Составилъ Э. Г. Журовъ. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Виктора Александрова, т. IV. 1) „Чудовище“, 2) „Вокругъ огня не летай“, 3) „Поворотъ отъ воротъ“, 4) „У запертой двери“. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. 1, 2, 3 по 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. В. Але-

ксандрова, т. V: 1) Лакомный кусочек; 2) Дитя несчастія; 3) Домовой шалунъ; 4) Съ той стороны. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Остальные 4-е тома по той же цѣнѣ.

Прежде скончались, потомъ повстались. Комедія-водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Соч. Г. М. Максимова. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Малороссійскіе и русскіе узоры. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Месмеризмъ, одианизмъ, столоверженіе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точкой зрѣнія. Лекціи, читанныя, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Билльямомъ Карпентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Сиб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Ежедневная записная книжка на 1880 годъ. Съ календаремъ на каждый день, особыми листками для адресовъ, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ, многими необходимыми справочными свѣдѣніями и отрывочными листками. Ц. въ 1 стр. на каждый день 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., въ полъ-стр. 75 к., съ пер. 1 р.

Новый словотолкователь 53000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ. Сост. подъ ред. Лучинскаго. 2-е доп. изд. М. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Отрывные календари на 1880 годъ. Обыкновенный. Ц. 60 к., съ пересыл. 75 к. Календарь-термометръ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 50 коп. Тотъ же календарь безъ термометра. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Семейный Календарь. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 20 к. съ термометромъ 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Военный Календарь. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к., съ термометромъ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Плотничное и столярное ремесло. Руководство для начинающихъ, съ приложеніемъ 133 рисунковъ инструментовъ и образцовъ издѣлій. М. 1878 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полнотипажными рисунками. Составилъ А. Н.—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Практическое руководство и правила игры въ шахматы, шашки, билліардъ, кегли, лото, триктракъ, домино, ланту, крокетъ и бирюльки. Съ полнотипажными въ текстѣ. Сост. С. Галактионовъ. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Полезный и скромный „Домашній столъ“. Поваренная книга для молодыхъ хозяекъ. Въ книгѣ находится: 477 блюдъ и 366 обидовъ, каждый изъ 4-хъ блюдъ; объясненія, какъ приготовить обиды, пасхи, куличи, варенья, соленья и маринаваніе, квасъ, шпекъ и сало для жаренья, коптить и солить рыбу и мясо, а также средства предохранять провизію отъ порчи. Составили А. Толмачева и А. Салыникова. Сиб. 1880. Ц. 1 р., съ пересыл. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Ремесленники. Практическое руководство съ 276 рисунками въ текстѣ. Сост. А. П. Классенъ. Изд. 2-ое. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Русскій писмоводитель для всѣхъ. Самое полное и основанное на научныхъ правилахъ руководство всевозможной письменности. Сост. Вячеславъ Булановъ. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Сиб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Справочная книжка для вольноопредѣляющихся, поступающихъ въ сухопутныя войска. Сост. Курсаковъ. Сиб. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Таблицы для умноженія, повѣренныя на арифметической машинѣ Томаза К. Л. Петрикомъ. Безошибочное стереотипное изданіе. Вып. I—IV отъ 1 до 4000. Цѣна выпуска 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Соня въ царствѣ дива. Юмористическіе рассказы для дѣтей, съ рисунками. М. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 86 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Генингъ, преподаватель 1-го Сиб. реальнаго училища. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Тарасъ Бульба. Соч. Н. В. Гоголя, съ предисловіемъ Н. И. Костомарова, съ политическими въ текств. Сиб. 1874 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Учебникъ русскаго языка. Курсъ перваго класса. Сост. Г. Преображенскій. Курсъ перваго класса. Изд. 2-е. Одесса. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Учебникъ химіи. Составилъ С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ Сиб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изд., исправленное и дополненное. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Сочин. С. Н. Криженко. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Ученіе о гомеоморфныхъ формахъ Э. А. Виганда. Изложилъ К. Я. Вилицкій. Изд. второе. Одесса. 1875 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Хронологія всеобщая и русская исторія: 1) Древняя Исторія. Ц. 25 к. 2) Средняя Исторія. Ц. 25 к. 3) Новая Исторія. Ц. 25 к. Сост. М. Острогорскій. Сиб. 1879 г. Съ пересылкою 3 части 1 р.

Элементарная геометрія въ приложеніи къ вычерчиванію наиболѣе употребительныхъ кривыхъ и приложеніе алгебры къ геометріи съ 114 политическими въ текств. Составили по программѣ реальнаго училища И. Вучинскій и Н. Ждановскій. Одесса. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЯЗЫКОВЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

О именномъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Соч. А. Потебни. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Колосова. Варшава 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Полный англо-русскій словарь, составленный А. Александровичемъ. Сиб. 1879 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Исторія неба. К. Фламариона, со 100 рисунками Венетта. Изд. 2-ое. Сиб. 1879 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Колесныя машины. Подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ. Сост. инженеръ А. Вейсблатъ. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Изъ вопросу объ интегрированіи совокупныхъ дифференціальнахъ уравненій. А. Старкова. Одесса. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Курсъ опытной физики. Профес. А. П. Шникова. Ч. II. О свѣтѣ и теплотѣ. Съ чертежами и рисунками въ текств. Х. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Курсъ теоретической арифметики. Жозефа Вертрана, члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начальная алгебра. Составилъ І. Сомовъ, Академикъ и профессоръ. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Сиб. 1873 г.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ намѣреній. Сост. І. Сомовъ. 2-е изданіе. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Новыя изслѣдованія въ области элементарной геометріи. Н. О. Починскаго. В. I. Выпрямленіе дугъ круга. Одесса. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Объ оборѣткахъ круговъ и шаровъ перемѣнныхъ радіусовъ. Сост. А. Старковъ. Съ 2-мя листами чертежей. Одесса. 1879. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Опытная механика. Курсъ лекцій, читанныхъ въ К. Ирланд. Кол. Наукъ Р. С. Балъ, перев. подъ редакціею Н. И. Любавина, съ 100 рисунками въ текств. Сиб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Преобразенія энергіи. Очеркъ теорій современной физики. Г. Крабса. Съ 60-ю рисунками въ текств. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физическая химія. Н. Н. Любавина. Сиб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Химія. Проф. Роско, изъ серіи первонач. учебниковъ, съ 86-ю рисунками въ текств. Изд. 2-е. Сиб. 1879 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анализъ нечи. Лекція профес. Д. И. Кошлагова. 4-е изданіе, съ рисунками. Сиб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Антропологи. Соч. Тонинара, переводъ съ франц. изданія 1877 года, подъ редак. проф. И. И. Мечникова, съ 52 рисунками въ текств. Сиб. 1879 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

Глазъ. Общепонятное описаніе глаза и его дѣятельности въ здоровомъ и больномъ состояніи. Сост. Д-ръ Шиндтъ. Одесса. 1879 г. съ двумя хромофотографированными таблицами. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 2 р.

Домашнее и заводское птицеводство. Д-ра Прибыля, съ предисловіемъ Д-ра Вильгельма Гамма и 14-ю политипажами. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Минералныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физиологіи Клода Вернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Законъ сохраненія омы. Лекція д-ра Гельгольца. 1875 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Миниатюрированныя животныя. Всюобщая исторія животнаго царства А. Брэма, съ рисунками, сдѣланными съ натуры подъ руководствомъ Р. Крэтчера. 6-тъ томовъ въ переплетѣ 85 рублей, съ перес. 40 рублей.

Compendium дѣтскихъ болѣзней для студентовъ и врачей. D-г Johann Steiner. Кіевъ. 1879 г. Изданіе второе. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Кризисъ или нежизнѣность?—вопросъ, въ чемъ заключаются причины современнаго кризиса сельско-хозяйственной промышленности на югѣ Россіи и средства къ улучшенію, сост. Х. Детловъ 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Курсъ анатоміи. Сочин. Ордин. Пр. И. П. Лазаревича, съ 398 рисунками, изъ которыхъ 298 оригинальных. Х. 1879 г. Ц. 7 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Лекціи общей терапіи. В. Манасекна. Ч. I. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

О поглощеніи угольной кислоты соляными растворами и кровью. И. Сѣченова. Спб. 1879 г. Ц. 8 р., съ пер. 8 р. 30 к.

Общая патологія. Соч. Конгейма, переводъ подъ ред. д-ра Иванова. Предисловіе проф. В. А. Манасекна. Спб. 1879 г. Т. I. Ц. 5 р. съ пер. В. I. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к. В. II. Ц. 2 р., съ пер. 1 р. 20 к. В. III. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Общедоступный несносъ. Лекціи гг. Роско, Локаера и Уильямсона, съ 50 рисунками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Объ омызмѣ и его послѣдствіяхъ. Сост. по новѣйшимъ источникамъ Д-ромъ Розентейхеромъ. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

О выраженіи омызненій у человека и животныхъ. Соч. Чарльза Дарвина. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Организація пчеловаго хозяйства. П. Снегуборомъ. Сост. Е. Ермолова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Организація пчеловаго хозяйства. I.—Системы пчеловодства. А. Ермолова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Основныя начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ю политипажами въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Основы заводскаго искусства въ приложеніи къ развитію крупнаго рогатаго скота. Соч. В. Хлюдинскаго, съ 19 политипажами. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Основы физиологіи человека, для студентовъ и врачей. Проф. I. Штейнера. Съ 39-ю рисунками. К. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Итаніе человека въ его настоящемъ и будущемъ. А. Н. Бекетова. Спб. 1879. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Присхожденіе видовъ. Отдѣлъ I. Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Соч. Чарльза Дарвина. Перев. подъ ред. И. М. Сѣченова и Герда. Спб. 1869 г. 2 т. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

Руководство къ токсикологіи, составленное по Работо „Elements de toxicologie“. Подъ редакціей Е. Полигана, съ предисловіемъ, доволеніями и замѣчаніями. Спб. 1879 г. Ц. 8 р., съ перес. 8 р. 80 к.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и аскрипціи группъ. Д-ра I. Орта. Х. 1877 г. Ц. 8 р. 50 коп. съ пер.

Руководство къ воздѣлыванію льна. К. Вебера. Въ 8-хъ частяхъ. Часть I. Культура льна.—Часть II. Мочка льна.—Часть III. Мятые, трепанье, ческа льна и сбереженіе волокна. Цѣна каж. части по 1 р., за перес. 25 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, состав. Д-ромъ Г. Цимсенномъ. Т. XII. Прибавленіе: Разстройства рѣчи. Соч. Д-ра Адольфа Куссмауля. Переводъ подъ ред. К. Т. Тритшеля. К. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Всѣ вышедшіе тома, стоятъ 50 р., съ перес. 55 руб.

Русскій огородъ, питомникъ и плодосадъ. Соч. Р. И. Шредера, главн. Садовника и преподавателя садоводства въ Петровской земледѣльской и лѣсной академіи. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Рыбы Россіи, жизни, ловли нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Соч. Л. П. Сабанѣва, съ 6 картанъ. и 438 политипаж. М. 1875 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Учебник анатоміи для врачей и учащихся д-ра Шнигельберга, съ 144 политипажам и хромофотограф. рисунками, в. II. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к. В. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Учебник физиологій. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебник дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. **Вѣд.** Хозяйство въ русскихъ лѣсахъ. Популярный очеркъ лѣсоводства для русскихъ лѣсовладельцевъ, управляющихъ мѣстами и лѣсничихъ. Соч. Ѳ. К. Арнольда, Директора петровской земл. и лѣсн. академіи. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ гражданскаго права и судопроизводства, разрѣшенныхъ гражданскимъ кас. департ. Прав. Сената. Составилъ П. П. Москальскій. Изд. 2-е, вновь дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ. Исследование М. М. Алексѣенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Вѣд. Исторія модификаціи гражданскаго права. Соч. проф. С. В. Пахмана, въ 2-хъ томахъ. Спб. 1876 г. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

Крестническое дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Муръ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., въ 2 ф.

Муръ русскаго уголовного права. Н. С. Таганцева, Профессора С.-Петербургскаго Университета. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Выпускъ II. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. II. О доказательствахъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія социологій. Герб. Спенсера.

Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщенъ замѣтки Ѳ. В. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II выстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Поліцейское Право. Сочиненіе проф. И. Е. Андреевскаго въ 2-хъ т., изд. 2-е, исправлен. 1876 г. Ц. 5 руб., съ пересыл. 5 р. 50 к.

Права и обязанности по имуществу и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обзора. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пер.

Руководство къ особенной части русскаго уголовного права. Магистра правъ Н. А. Неклюдова. Т. III. Преступленія 1) противу брака и правъ семейныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общепасныя преступленія (поджогъ и т. п.) Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сборникъ замечаній а постановленій для землевладельцевъ и сельскихъ хозяевъ. Составилъ В. Вешняковъ. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Сборникъ рѣшеній 4-го департамента и общихъ собраній правит. сената по дѣламъ коммерческихъ судовъ имперіи. Сост. Дм. Носенко. Т. I. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. Т. II. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 руб. Т. III. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Вѣд. Сборникъ рѣшеній общаго собранія 1-хъ, 8-хъ д-въ и д-та герольдіи правител. сената за послѣдніе 1864—1875 гг. одиннадцатилѣтіе. 5 т. 1876 г. Ц. 5 р., съ пер. 7 р.

Систематическій сборникъ рѣш. Прав. Сената, разъясняющихъ Геродовое полемию, съ приложеніемъ: нормальнаго положенія о город. общ. банкахъ, о трактирныхъ заведеніяхъ. Сост. Варонъ В. Майдець и В. Бѣлястинъ. Спб. 1879 г. Ц. 8 р. съ пересылкою.

Вѣд. Соціологія. Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ биологією и психологією. Соч. Евгенія де-Роберти. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Вѣд. Уставъ гражданскаго судопроизводства по новому (1876 г.) изданію Св. Законовъ, со всѣми позднѣйшими узаконеніями и узаконеніями подъ статьями относящихся къ нимъ кассаций. рѣшен. 1866—1867 г. Состав. Малининъ. Одесса. 1878 г. Ц. 1 руб. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Вѣд. Указатель юридическимъ вопросамъ, разрѣшеннымъ гражданскимъ кассад. департ. прав. сената за 1875, 6, 7, 8 год. Сост.

М. Н. Режезовъ. М. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 30 к.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовного кассационнаго департамента сената. Сост. Профес. Сиб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Столярное искусство съ 151 рисункомъ. Сост. Г. Ленциногомъ. Изд. второе. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. В. Александрова, т. V: 1) Лакомый кусочекъ; 2) Дѣти несчастія; 3) Домовой малитъ; 4) Съ той стороны. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Остальные 4-е тома по той же цѣнѣ.

Премье скончались, потому повѣнчались. Комедія-водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Соч. Г. М. Максимова. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Ежедневная записная книжка на 1880 годъ. Съ календаремъ на каждый день, особыми листами для адресовъ, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ, многими необходимыми справочными свѣдѣніями и отрывочными листами. Ц. въ 1 стр. на каждый день 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., въ полъ-стр. 75 к., съ пер. 1 р.

Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1880 г. Сост. О. А. Баталинъ. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Новый библиографическій указатель, заключающій въ себѣ до 15,000 названій книгъ, вышедшихъ за послѣднія 80 лѣтъ, по всѣмъ отраслямъ знанія. Сост. А. И.—нъ. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Отрывные календари на 1880 годъ. Обыкновенный. Ц. 60 к., съ пересл. 75 к. Календарь-термометръ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 50 коп. Тотъ же календарь безъ термометра. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Семей-

ный Календарь. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 20 к. съ термометромъ 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Военный Календарь. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к., съ термометромъ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Практическое и столярное ремесло. Руководство для начинающихъ, съ приложеніемъ 138 рисунковъ инструментовъ и образцовъ надѣлій. М. 1878 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство въ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н.—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Настѣный и скверный „Домашній столъ“. Поваренная книга для молодыхъ хозяекъ. Въ книгѣ находится: 477 блюдъ и 366 обфодовъ, каждый изъ 4-хъ блюдъ; объясненія, какъ приготовить обфоды, пашты, куличи, варенья, соленья и маринаваніе, квасъ, шпекъ и сало для жаренья, контитъ и солить рыбу и мясо, а также средства предохранять провизію отъ порчи. Составили А. Толкайрова и А. Сальникова. Сиб. 1880. Ц. 1 р., съ пересл. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Ремесленникъ. Практическое руководство съ 276 рисунками въ текстѣ. Сост. А. П. Классенъ. Изд. 2-ое. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Сиб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Табель на 1880 годъ. Сост. П. С. Яковлевъ. Ц. на папкѣ 80 к., въ лист. 15 и 10 к., съ пер. 80 и 25 к.

Упрощенное счетоводство по русской системѣ И. Г. Овехлова. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 80 к.

Юридическій календарь на 1880 годъ. Сост. М. Острогорскій. Сиб. 1879. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Таблицы для умноженія, повѣренныя на арифметической машинѣ Томаза К. Л. Петрикомъ. Везомичное стереотипное изданіе. Вып. I—IV отъ 1 до 4000. Цѣна выпуску 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

КНИЖНЫЙ Складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ многорოდнымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 55. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 55. КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Нравственная философія утилитаризма. Историко-критическое изслѣдованіе А. Мальцева. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Психе-физиологическія основанія эстетики. Сущность искусства, его социальное значеніе и отношеніе къ наукѣ и нравственности. Вл. Велямовича. 2 части. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Аргусъ. Юмористическій альбомъ. Соч. Д. Д. Минаева. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Бредячая Русь. Христа-Радн. Сочин. С. Максимова. Спб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 8 р. 30 к.

Варвара Аѣлю и ее семья. Недавняя быль. Н. Каравина. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Отдѣлъ второй. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Оба отдѣла вмѣстѣ: ц. 8 р. съ пересылкою.

Въ людяхъ. Повѣсти, очерки и рассказы К. М. Станюковича (откровеннаго писателя). Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Графъ Бисмаркъ и его люди за время войны съ Франціей, по листкамъ дневника. Сост. Д. Моріцъ Бушъ. Спб. 1879 г. 2 т. Ц. 3 р. съ пер.

Житійское. Повѣсти и рассказы. А. Н. Плещеева. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Жизнь и труды П. М. Строева. Сочин. Николая Барсукова. Спб. 1878 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Записки Охотинна И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ 1847—1876. Спб. 1880 г. Первое стереотипное изданіе съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.; въ переп. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Исповѣдь дѣльды. Романъ Л. О. Леванды. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. т. I. Ц. 3 р. съ перес.

Камера № 7. Романъ Пьера Закоуэ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Картины домашняго воспитанія. Педагогическіе этюды А — вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Квентинъ Дорвардъ. Романъ Вальтеръ-Скотта. М. 1865 г. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народнои эпической поэзіи (новое изданіе „Книги о кievскихъ богатыряхъ“, дополненное былинами новгородскими, московскими, казацкими, петровскими и безымянными). Составилъ В. П. Авенариусъ. Съ портретомъ пѣвца былинъ Рабинина и рисунками. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 70 к., съ перес. 8 р., въ переплетѣ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

*) Книги, поступившія въ Складъ въ Ноябрь мѣсяцъ, указаны ; на книгахъ обозначенъ годъ изданія.

Востокъ Евронн.—Декабрь, 1879.

A

Мобзарь Тараса Шевченко въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакцией Н. В. Гербеля. Изданіе 3-е. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Любовь и Корона. Историческій романъ изъ временъ императрицы Анны Ивановны и регентство принцессы Анны Леопольдовны. Соч. Евгенія Карковича. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Петербургскія трущобы. Книга о сытыхъ и голодныхъ. Романъ Всеволода Крестовскаго 4 т. Спб. 1877 г. Ц. 5 р., съ перес. 6 р., въ переплетѣ 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Покѣты и рассказы Д. В. Григоревича. Въ семи томахъ. Спб. 1872 г. Ц. 12 руб., съ пер. 13 р.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на вѣленовой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особю: 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. II. 1827—1861 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. I. 1810—1827 г. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Призракъ. Романъ. Бульверъ-Литтонъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Русская Библиотека, т. IX. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Дѣтство.—Севастополь.—Три смерти.—Война и Миръ.—Рассказы для дѣтей.—Басни.—Анна Каренина. Портретъ. Биографія. Спб. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Сост. Н. В. Гербель. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ перепл. 3 р. 70 к., съ пер. 4 р. 20 к.

Сибирь и наторга. Соч. С. Максимова, въ 3-хъ част. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Томъ V (1877—1879 г.). Историческій романъ, въ 8-хъ частяхъ: Мировичъ. Историческія повѣсти: Потемкинъ на Дунаѣ. Послѣдніе за-

порожнѣ. Принцъ изъ „Мировичу“. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ переплету. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7-мъ томовъ. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Поэтическое изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложениями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.; въ переплетѣ 10 р.; съ перес. 12 р.; на вѣленовой бумагѣ въ переплетѣ ц. 12 р., съ перес. 14 р.

Три суда или убійство во время бала. Рассказъ судебного слѣдователя въ 2-хъ частяхъ. Соч. С. Н. Панова. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 80 к.

Тысяча душъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ А. Ф. Писемскаго. Спб. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Фаворитки короля Августа II. Романъ I. Крашевскаго. Перев. подъ ред. Н. С. Лѣскова 2 т. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Черты и анекдоты изъ жизни императора Александра Перваго, съ портретомъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Изд. 2-е. Спб. 1865 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Д. Рохау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 8 ф.

Исторія французской революціи 1789—1799. Людвигъ Гейссера. М. 1870 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ государей. Императоровъ: Павла I, Александра I и Николая I и императрицъ: Елизаветы Петровны, Екатерины II и Маріи Феодоровны. Спб. 1880 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ.—Составилъ Л. Л. Штурмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Родная старина. Отечественная исторія въ рассказахъ и картинахъ, съ IX по XIV ст. Сост. В. Д. Сиповскій. Съ полнѣйшими въ текстѣ и 2-мя рисунками. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ Ф. Ленор-

мана. Въ 6-й, послѣдній. Индикты, съ приложеніями. К. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I: Господство дома св. Владиміра, X-XVI-е столѣтія. Издан. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Уманская рѣка. Записки Вероники Кребсъ. Перев. съ предис. И. М. Рева. К. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 36 к.

Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи [1852—1877]. Сост. Ф. Врунь. Одесса. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Очерки Средней Азіи. А. Вамбери. М. 1868 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Путешествіе по Средней Азіи. А. Вамбери, съ 12 карт. и картою. Изд. 2-е. М. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 2 р.

Путешествіе въ верховьямъ Нила и изслѣдованіе его источниковъ. Самуила Уайта Бекера. Съ 10-ю картин. и 9-ю рисун. Изд. 2-е, М. 1875 г. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 2 р.

Хорватія, Славонія, Далмация и Военная Граница, съ приложеніемъ карты юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгріи. Сочин. Л. В. Верезина. 2 т. Спб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Румелляна, Эттингена и Швабе, пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями. Проф. Янсона, съ 3-мя таблицами чертежей. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Курсъ политической экономіи. Состав. Э. Вреденъ. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пересылкою.

Курсъ промышленной экономіи и Коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. Сочин. А. П. Субботина. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Начальный учебникъ политической экономіи. Сост. проф. Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Обзоръ литературы по вопросу о правомъ обложеніи и концессіяхъ. Библиографическій указатель русскихъ книгъ и статей о правомъ обложеніи въ Россіи и заграничій, съ комментаріями, въ связи съ краткими финансовыми очеркомъ. Состав.

А. П. Субботинъ. Съ предисловіемъ кн. А. И. Васильчикова. Спб. 1880 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій въ общественной философій. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., въс. 3 ф.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. I. Территорія и населеніе. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Его жизнь и сочиненія, съ портретомъ. Чтеніе для юношества. Спб. 1865 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Дѣтскія пѣсни на русскіе и малороссійскіе наизвѣстнѣе съ аккомпаниментомъ фортепіано. Сост. М. А. Мамонтовой, подъ ред. проф. П. И. Чайковского. 2-е доп. изд. М. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Дѣточка Лидя. Разсказъ для дѣтей Л. Нелидовой, съ рисунками. М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Дѣтскій театръ. Оригинальныя сценныя комедіи изъ дѣтской жизни, приспособленныя къ дешевой домашней постановкѣ. Л. К. Стахѣвой. 2-е изд., дополненное семью новыми пьесами. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Животныя и ихъ жизнь. Сборникъ статей по зоологіи, съ одиннадцатю картинками. Сост. А. Сонова. М. 1878 г. Ц. 2 р. 85 к., съ пер. 3 р. 20 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Застрѣленная Русалка. Быль изъ народной руссовъ жизни. Сост. Г. Д., съ рисунками. Спб. 1880 г. Ц. въ цѣнкѣ 75 к., съ пер. 1 р.

Значеніе естественныхъ наукъ въ образованіи и преподаваніи ихъ въ школахъ. Э. А. Россмеслера. Перев. съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ А. Пыпина. Спб. 1864 г. Ц. 65 к., съ пер. 75 к.

Игра-обученіе чтенію. Вѣсто азбуки и начальнаго чтенія. 30 картъ, 240 марокъ съ буквами и слогами. Сост. А. Страховъ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Исторія воспитанія и обученія для учителей и воспитателей, д-ра Фр. Диттеса. Изд. 2-е. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Исторія Греціи и Рима. Я. Г. Гуревича,

Изд. 2-ое, 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія Россіи. М. Острогорскаго. 5-е изданіе, вновь исправленное и дополненное, съ картинками для народных училищъ. Спб. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Историческая хрестоматія по новой исторіи. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Т. I. Изд. 2-ое. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи, составлен. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Т. I. Ц. 1 р. 60 к. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 4 р.

Конспектъ латинскаго синтаксиса въ примѣрахъ, сост. Э. А. Ронталеръ. Изд. 3-е. Одесса. 1880 г. Ц. 40 к., съ пересыл. 50 к.

Конспектъ всеобщей и русской географіи. Сост. Н. Чмыревъ. 3-е изд. М. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Краткая нѣмецкая грамматика. Состав. Эмилій Керковіусъ. Издан. 5-е. В. 1879. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Методика обученія письму въ народной школѣ. Практическое руководство. Сост. С. Миропольскій. Изд. 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Начала линейнаго черченія. Сост. Ив. Главинскій. Учебное пособие для приходскихъ и сельскихъ училищъ. 160 чертежей въ текстъ и 140 литогр. рисунковъ въ приложеніи. Изд. 4-е. Спб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Новая метода вучиться правильно читать, писать и говорить на французскомъ языкѣ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Сост. проф. Олгендорфъ. Переводъ съ послѣдн. парижскаго изданія. К. В. Назаревой. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Новыя сказки Андерсена, съ 50 рисунками и портретомъ Андерсена. Спб. 1868. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ классовъ средн. учебн. завед. Съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Сост. К. Я. Бѣлицкій. Одесса. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Педагогическая психологія для народныхъ учителей, воспитателей и воспитательницъ. Сост. П. Каптеревъ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Первоначальный курсъ географіи. Учебникъ для 1-го класса среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Сост. А. Н. Сергѣевъ. Одесса. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Первые уроки исторіи. П. Мелгунова. Дривій Востокъ. М. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Первоначальныя свѣдѣнія о животныхъ.

Для дѣтей младшаго и средняго возраста. Сост. М. Меліоранскій. Книжка для учащихся къ „Вопроснику по зоологіи“. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Пособіе къ повторенію важнѣйшихъ правилъ объ употребленіи временъ, наклоненій и конструкцій глаголовъ въ латинскомъ языкѣ. Составилъ по Зидлеру П. Семеновъ. Спб. 1879 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Пособіе для изученія физики въ объектѣ курса среднихъ учебн. заведеній. Систем. рядъ вопросовъ для приготоленія урока и повторенія курса. Сост. А. В. Зоннъ. В. I. Свойства тѣла. Механика твердыхъ, жидкихъ и газовыхъ тѣлъ. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Составилъ, примѣнительно къ новой учеб. программѣ, Эм. Керковіусъ. Изд. 2-е. В. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Пріемныя программы для поступленія во всѣ учебныя заведенія на 1879—1880 г. Сост. Н. Сидельниковъ. М. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Разсказы о старинныхъ людяхъ. I. Древніе индійцы и египтяне. Спб. 1864 г. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.

Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы. Сост. Ф. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ. Сост. баронъ Н. А. Корфъ. Изд. 6-е испр. и допол., съ портретомъ и біографіей автора. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Самоучитель французскаго языка по методу Олгендорфа. Сост. Ю. Альбертъ и Свѣтловскій. М. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Самоучитель итальянскаго языка. Сост. В. Доровичъ. Одесса. 1877 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Собраніе ариметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія. Сост. Ал. Вороновымъ. Ч. I. Цѣлыя числа. Ц. 30 к. Ч. II. Дробныя и тройныя правила. Спб. 1877 г. Ц. 30 к., съ перес. обѣ части 75 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стр. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія одного города. По подлиннымъ документамъ издавъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Изд. 2-ое. Сиб. 1879. Стр. 223. Ц. 1 р.

Помпадуты и помпадутини. Изд. М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Изд. 2-ое. Сиб. 1879. Стр. 265. Ц. 1 р. 50 к.

Загонамъ речни. Изд. М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Изд. 2-е. въ двухъ томахъ. Сиб. 1880. Стр. 234 и 296. Ц. 3 р.

Новыя изданія прежнихъ произведеній того писателя, какъ Щедринъ, имѣютъ уже не одно литературное значеніе, но и историко-утилитарное: они говорятъ не только о достоинствахъ его пера, не утрачивающихъ своей силы въ теченіи времени, но также и о томъ, что наше общество продолжаетъ упорно сохранять олдшое сродство съ тѣми влохами, которыя послужили матеріаломъ для сатиры. „Подлинность“ документовъ въ „Исторіи одного города“ должна быть подлинною; второй сборникъ предназначался въ свое время служить, какъ „guide“, для начинающихъ „молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ“, — но по практической своихъ указаній и руководительства, и одинъ болѣе новый „guide“ не могъ бы сравниться съ нимъ. Вотъ почему мы легко можемъ предсказать вполне, впрочемъ, заслуженный успѣхъ новымъ изданіямъ Щедрина, котораго даромъ любить наша публика: въ противоположность всѣмъ другимъ публикамъ, она можетъ сказать:—tempora mutantur, et nos non mutamur illis!

Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пасека. Т. II. Сиб. 1879. Стр. 495. Ц. 2 р.

Мы уже имѣли случай указывать на особое значеніе воспоминаній „Изъ дальнихъ лѣтъ“, при изложеніи перваго ихъ тома. Настоящій выскъ относится ко времени, не столь отдаленному, что, конечно, можетъ только увеличивать о интересъ, сосредоточенный по-прежнему, ли не болѣе, около лица, уже знакомаго читателямъ подъ именемъ „Саши“. Разсказъ ведется отъ 1833 года, когда онъ выдержалъ въ оскѣ кандидатскій экзаменъ, и останавливается въ Англій, на 1861 годѣ, когда онъ пропался съ авторомъ въ Торкѣ навсегда, задавая простъ: „поймешь ли, обвиняй ли глупоее колыбіе всю трагическую сторону нашего существованія?.. Пусть же они остаются съ радью и грустью предъ тѣми славными, подъ которыми мы уснемъ. Мы заслужили ихъ грусть!“ Издущій исторіи того времени и его людей — разъ справится въ воспоминаніяхъ Т. П. Пасека, а пока — эта книга будетъ служить весьма интереснымъ чтеніемъ для новыхъ поколѣній, знающихъ „дальнее время“ по однимъ ухамъ.

Черки Чурукъ-Су и Батума. А. Френкеля. Типф-льсь. 1879. Стр. 152.

Хотя отъ Поти до Батума, по выраженію тора этого весьма полезнаго труда, „чуть ли

на рукою подать, тѣмъ не менѣе батумская область почти вовсе не была изслѣдована и описана“. Настоящее изслѣдованіе знакомитъ, такимъ образомъ, впервые съ прежними политическими, общественными и экономическими бытомъ вновь завоеванной страны, приводитъ къ весьма справедливому заключенію о необходимости доказать туземцамъ выгоды новыхъ порядковъ, и предлагаетъ рядъ мѣръ, которыя могли бы приостановить эмиграцію туземцевъ массами — а для того необходима прежде всего „обширная щедрость, помощь, въ которой сальцо нуждаются разорившіеся жители этого края“, а не налоги.

Социологія. Евг. де-Роберти. Сиб. 1880. Стр. 363. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ, повидимому, ограничилъ себя преимущественно формальною задачею — сдѣлать попытку къ болѣе точному опредѣленію собственныхъ границъ социологіи, какъ естественной исторіи тевотическаго общества, — науки, народившейся почти въ наше время, ея составныхъ частей и взаимныхъ отношеній къ сопредѣльнымъ ей наукамъ, къ біологіи и психологіи. Идя по такому пути, авторъ пришелъ, между прочимъ, къ тому убѣжденію, что правильному успѣху социологіи вредитъ „извращеніе истиннаго характера социальныхъ явленій“, изображаемыхъ продуктами совокупнаго дѣйствія силъ неограниченныхъ и свойствъ организованной матеріи, что повлекло будто бы къ осмари-ванію у социологіи характера и значенія отвлеченной науки. Изъ собственного труда автора видно, что и его методъ представляетъ другую опасность, а именно — сообщитъ социологіи слишкомъ отвлеченный характеръ, при которомъ социальные явленія могутъ сдѣлаться продуктомъ голаго мышленія. Впрочемъ, мы будемъ имѣть еще случай возвратиться и къ книгѣ г. де-Роберти, и къ ея предмету, въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ обзорѣй.

Русскіе поэты въ біографіяхъ и образахъ. Состав. Н. В. Гербель. Изд. 2-ое. Сиб. 1880. Стр. 710. Ц. 3 р.

Новое изданіе русскихъ поэтовъ отличается не только исправленіемъ предидущаго, но и значительнымъ дополненіемъ, а именно, присоединено болѣе десяти біографій и отрывковъ изъ драматическихъ произведеній, написанныхъ въ прозѣ, безъ объясненія, впрочемъ, почему въ образахъ русской поэзіи можетъ быть помѣщена и проза, наприм., въ родѣ: „Лель Гурчъ Сивичкинъ“, Лессаго, или „Булочная“, П. Каратыгина; между тѣмъ, проза Пушкина не обратила на себя вниманія составителя — а на нашъ взглядъ она лучше, хотя также была бы неуистна въ числѣ образчиковъ русской поэзіи. При слѣдующихъ изданіяхъ этого, впрочемъ, весьма богатаго сборника, мы желали бы видѣть алфавитный указатель именъ авторовъ, сверхъ обычнаго оглавленія книги.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1880-й годъ:

ГОДЪ—12 книгъ:

въ Россіи: на границѣ.

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »
ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . .	5 » — »	7 »

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается:
съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . . 2 » 50 » 3 »

Подписывавшіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ такъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ впослѣдствіи за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галеріал., 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О *перемѣнѣ адреса* просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородныя доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ въ иногородныя въ иностранныя—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по госту ретран.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ, изъ которыхъ нѣтъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галеріал., 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Лиски Охотника. Ил. Тургенева. Первое стереотипное издание. Спб. 1880. Стр. 355. Ц. 2 р.

Сверхъ новаго изданія полнаго собранія всѣхъ новыхъ сочиненій, которое должно искорѣниться въ Москвѣ, Н. С. Тургеневъ выпустилъ въ свѣтъ особую „Лиски Охотника“—и это доставитъ теперь возможность, безъ большой затраты денегъ на приобритеніе полнаго собранія, имѣть часть его трудовъ, которая навсегда останется классическою, въ полномъ смыслѣ этого слова, помимо ея историческаго и общественнаго значенія. Къ изданію присоединены краткія біографическія очерки, а цѣлѣная обертка иллюстрирована портретомъ автора, фотографированнымъ у Денъера весною нынѣшняго года, факсимиле.

Синописная Россія. Изданіе М. О. Вольфа, подъ редакціей П. П. Семенова, въ четырехъ томахъ. Т. I, вып. 3-й и 4-й. Спб. 1879. Стр. 105—212. Ц. каждого т. 15 р.—вып. 3 р.

Новые выпуски начатаго въ нынѣшнемъ году изданія продолжаютъ описаніе крайняго сѣвера сѣверо-востока Европейской Россіи; морскіе романы и жизнь промышленниковъ по всему побережью Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана, аландія и полярныя страны—такое содержаніе новыхъ двухъ выпусковъ, такъ же превосходно иллюстрированное, какъ то мы замѣтили при появленіи первыхъ двухъ тетрадей. Судя о программѣ изданія, еще одинъ или два выпуска—и крайній сѣверъ уступитъ мѣсто озерной области, куда относится и петербургская губернія; затѣмъ послѣдуетъ Финляндія и Балтійскій край, которымъ и закончатся содержащее перваго тома.

Однако Старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинкахъ (съ IX по XIV ст.). Въ помощь учащимся, сост. В. Д. Синописный. 53 страницъ и 2 рис. Спб. 1879. Стр. 235. Ц. 1 р. 50 к.

Нельзя не прибавить всякую подобную попытку къ тому, чтобы какъ можно болѣе облегчить усвоеніе преподавимаго предмета и осмыслить его; но это важно особенно въ настоящемъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о преподаваніи русской отечественной исторіи, на что у насъ, въ замѣчаніи автора, „примени отводится обыкновенно немного, да притомъ половина его уходитъ на необходимое спрашиваніе уроковъ“—сдѣланіе чего „знаніе родной исторіи не приобретаетъ у нашего юношества“. При такомъ положеніи дѣла, тѣмъ болѣе надобно ожидать пользы отъ подобнаго изданія, гдѣ авторъ въ своемъ изложеніи старался держаться какъ можно ближе къ тексту и духу древнихъ историковъ, приспосабливъ къ тому изображенія предметовъ въ обстановкѣ быта нашихъ предковъ. Предъ нами теперь начало всего труда, который весь будетъ состоять изъ трехъ выпусковъ: второй выпускъ обниметъ собою нашу, такъ сказать, медвѣдькову исторію, XV, XVI и XVII сто-

лѣтія, предоставивъ послѣднему выпуску новое время—два послѣдніе вѣка.

Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ. Сост. бар. Н. А. Корфъ. Изданіе шестое, вновь исправл. и дополненное. Съ портретомъ и біографіей автора. Спб. 1879. Стр. 283. Ц. 1 р. 25 к.

Въ теченіи десяти лѣтъ, извѣстный трудъ нашего педагога, принадлежащаго предшествующей эпохѣ всеобщаго воодушевленія дѣломъ народнаго образованія и занимавшаго въ то вѣдѣніе мѣсто среди этого движенія,—выдержалъ шесть изданій, что не особенно много по масштабу распространенія подобныхъ книгъ въ западныхъ литературахъ, но у насъ нельзя не признать и этой цифры свѣдѣтельствомъ хорошихъ качествъ книги. При недостаткѣ контингента преподавателей сельскихъ школъ и при неудовлетворительности иногда ихъ педагогической подготовки, трудъ бар. Корфа всегда имѣлъ значеніе, какъ средство къ дальнѣйшему самообразованію самихъ учителей сельскихъ школъ. Настоящее изданіе, въ отличіе отъ предыдущихъ, снабжено біографическимъ очеркомъ автора изъ его литературной и педагогической дѣятельности въ александровскомъ земствѣ; въ сожалѣнію, составитель этого очерка не ограничился болѣе объективной ролью біографа, а ввелъ полемическія элементы, который можетъ только поведѣть къ обвиненію его въ наклонности къ навету, притомъ не всегда счастливому на выраженія; такъ, у него выходитъ, что и благодарственный адресъ отъ своего земства баронъ Корфъ получилъ потому, что, живя за-границею, „не могъ (!) имѣть глазъ своей энергіей и своимъ болѣе ихъ крупнымъ умственнымъ ростомъ“. Кстати, изъ этого же очерка мы узнаемъ о намѣреніи автора книги съ будущаго года возвратиться на родину, послѣ шести лѣтъ жизни за-границею.

Руководство къ Токсикологіи, составленное по Рабюто, подъ редакц. Е. Пеллеана. Спб. 1879. Стр. 471+183. Ц. 3 руб.

Ученіе о ядахъ и средствѣ ихъ распознаванія представляетъ чрезвычайную важность для практическихъ и судебныхъ врачей, а потому редакторъ настоящаго руководства предположилъ для своей цѣли трудъ французскаго ученаго Рабюто всѣмъ другимъ, такъ какъ онъ, хотя кратко, касается всѣхъ сторонъ токсикологіи, не исключая судебно-химической, судебно-медицинской и обрядной части, причемъ послѣдняя изложена въ приближеніи къ нашимъ порядкамъ и законамъ. Судебно-химическая часть наполнена заимствованіями изъ извѣстнаго труда академ. Ю. К. Травна и проф. Драгендорфа. При новостяхъ и неуставленности, особенно у насъ, вопросы токсикологіи, часто однако примѣняемой къ дѣлу судебно-медицинской экспертизѣ, настоящее руководство безъ сомнѣнія будетъ служить лучшею настольною книгою для знатоковъ, особенно заинтересованныхъ въ тезисахъ этой науки.

OCKER
NOV 20 1980

